ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIV.

Океанъ и Океанскія земли: Мадагаскаръ, Маскаренскіе острова, Инсулиндъ, Филиппинскіе острова, Меланезія, Австралазія, и Полинезія.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

1900.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XIV

Океан и океанские земли

Мадагаскар, Маскаренские острова, Инеулинд, Филиппинские острова, Меланезия, Австралазия и Полинезия

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
Дозв. Ценз. Спб. 30 января 1898 г.

Глава I. Океанское полушарие

В «совокупности» морей, Атлантический океан можно рассматривать как «средиземный». И подобно тому, как «безбрежная» водная поверхность, пускаться по которой отваживались первые греческие мореходы, в конце концов, с познанием окаймляющих её берегов Европы и Африки, превратилась в «замкнутое море», в простой внутренний залив, также точно и некогда пугавшая Атлантида, четыре века тому назад считавшаяся беспредельною, оказалась, в свою очередь, извилистою долиною между двумя половинами континентального полушария, между Светами Старым и Новым. На севере, Гренландия и Исландия отделяют эту глубокую долину от пучин полярного моря; на востоке и западе, берега Европы и Северной Америки, Африки и Южной Америки, соответствуют друг другу в своих выступах и заливах, и в самой узкой части моря, между Карабаном и мысом Св. Роха, расстояние не превышает и 2.900 километров. Но на юге, устье австральнаго Атлантического океана раскрывается широко, дли слияния со всею необъятностью того великого океана, который окружает всю нашу планету.

Не беря в рассчет ни Атлантического океана, с его побочными морями, ни вод арктического полюса, усеянных островами и льдинами и окаймленных кругом земель Азии и Америки, окажется, что Океан покрывает половину земной поверхности. По Крюммелю:

Поверхность всего Океана равняется—368.000.000 кв. километров; поверхность Великого океана, без Атлантического и арктических морей,—281.000.000 кв. километр.; поверхность выдающихся из воды земель—142.000.000 кв. километров.

К югу от трех оконечностей материков; мысов Горна, Доброй Надежды и Тасмании, пояс вод без перерыва расстилается на протяжении круга в 25.500 километров. Кроме того, океанская водная поверхность далеко вдается и к северу, по ту сторону экватора, образуя на восток от Африки—обширный бассейн Индийского моря, а на восток от Австралии, Инсулинда, Азии,—ещё больший бассейн Тихого океана. Если совокупность материковых масс может быть уподоблена полу-кратеру, выступ которого, начинаясь на мысе Доброй Надежды и обнимая горы Эфиопии, Гималаи и Анды, оканчивается на мысе Горн, то океаны Индийский и Тихий или Южное море,—уже соединенные Флерье под именем «Великого океана»,—заполняют весь громадный полукруг. Общее протяжение этого полукруга внутренних берегов превышает 40.000 километров, т.е. превышает длину окружности земли вдоль экватора. Эдуард Зюсс вполне выяснил противоположность между океанами Атлантическим и Тихим, из которых первый не имеет на своей окружности никакой высокой краевой цепи, тогда как пучины Тихого океана идут вдоль самого подножия горных закраин[1]; но не ошибается ли он, уподобляя образование Атлантического океана образованию океана Индийского, с его высокими выступами по морскому побережью Явы, Суматры, с Арраканскими горами, выдвинувшимися из-под вод цепями островов Мальдивских и Лакедивских, Гатесами, горами Персии и Мадагаскаром?

Обширный океанский бассейн не есть сплошное пространство, без рифов и островков. Подобно Атлантическому океану, и он имеет свои выдвинувшиеся из-под воды земли, и не только в соседстве с материками—это просто отрывки, отделенные от побережий Африки, Азии и обеих Америк,—но также и вдали от берегов, посреди пучин. Даже некоторые из островов, рассеянных по океанскому полушарию, оказываются таких размеров, что в них видели остатки или связующие камни между частями материка. Мадагаскар, Коморские и Сейшельские острова в глазах многих натуралистов являлись обломками погрузившагося в

1 „Das Antlitz der Erde“, II Band.

воду мира, которому дали наименование Лемурии, по имени одного из типов его фауны, ныне уже рассеявшагося и по другим странам; на востоке, в великом Тихом океане, тысячи конусовидных или кольцеобразных островов, кажется, принадлежат либо к материку, погрузившемуся в море, либо к новому, ещё только образовавшемуся миру; наконец, совокупность земель, продолжающаяся на юго-востоке Индо-Китая, от Суматры до Тасмании,—несмотря на свое раздробление на отдельные острова,—составляет земное тело, аналогичное Африке и Южной Америке. Различные части Света, как известно, расположены по двое по трем параллельным осям. Две Америки, Северная и Южная, представляют наиболее правильности в своем расположении; но группирование по-двое может быть распознано также в частях Старого Света. Так, Европа, некогда отделявшаяся от Азии Каспийским морем, Аральским и другими озерами, образует, вместе с Африкою,—группу западную. Восточная же, ещё более неправильная группа, обнимает громадную массу Азии и все юго-восточные острова, скученные в Океане, между морями Индийским и Тихим. Что такое все эти земли, если не раздробленный материк, продолжающий Индию в Южное полушарие? Поэтому, с полным правом дали наименование Инсулинда тем экваториальным землям, которые составляют продолжение Индо-Китая в средину Океана. Большой, континентальных размеров, остров Австралия и окружающие его земли также удачно были названы Австраль-азией, т.е. Южной Азией, каковое наименование констатирует группировку по-двое восточных земель Старого Света.

Вероятно, что в необъятных пространствах Южного океана существует и ещё один материк. Полярная антарктическая область, не исследованная на пространстве приблизительно 18 миллионов квадр. километров, конечно, заключает в себе обширные, выступившие из-под воды земли, и многие географы уже обозначали их образующими один сплошной массив, покрывающий округлость полюса: таким образом, «свободному морю», которое предполагают на северном полюсе, будто бы, соответствует окруженный льдами материк на полюсе южном. Как бы то ни было, отрывки ледников—которые мореплаватели, пускавшиеся в антарктические широты, видели плавающими громадными скоплениями—свидетельствуют о существовании гор в южном направлении: кроме того, при зондировании морского дна добывались недавно отторгнутые обломки гранита, сланцев, песчаников и известняков[1], а в некоторых отдельных пунктах исследователи видели действительно или полагали, что могли различить сквозь туман—также и очертание этих ледяных южных гор. Не считая антарктических земель, расположенных по ту сторону 60-го градуса широты, общая поверхность островов и полуконтинентальных массивов морей Индийского и Тихого обнимает пространство, значительно превышающее поверхность Европы. В числе сотен рассеянных земель есть необитаемые; многие другие населены лишь весьма слабо, но в целом, островитяне превосходят численностью жителей Южной Америки, и, кроме того, несмотря на обезлюдение весьма многих океанийских архипелагов, средний прирост народонаселения совершается там быстро. Вероятные поверхность и населенность земель океанского полушария в 1888 г. были следующие:

	кв. кил.	жителей
Мадагаскар	591.964	3.000.000
Другие острова Индийскаго моря	15.334	680.000
Инсулинд	1.698.757	29.000.000
Филиппинские острова	296.182	6.300.000
Микронезия	3.530	90.000
Меланезия (Новая Гвинея и т.д)	953.811	1.250.000
Австралия и Тасмания	7.695.726	2.890.000
Новая Зеландия и соседние острова	272.989	655.000
Полинезия	26.799	135.000
Всего	11.555.092	44.000.000

Все области океанского полушария, за исключением самых близких к Азии островов,

1 John Murray, „Nature“. Oct., 1885.

вплоть до настоящего столетия почти совершенно оставались вне экономического и торгового движения цивилизованного мира. Но колонизация Австралии и Новой Зеландии, завладение полинезийскими архипелагами, учреждение целой сети правильного мореходства между жизненными центрами Тихого и Индийского океанов присоединили, так сказать, эту половину планеты к другой части земного шара, средину которой занимает Западная Европа. Мир, дотоле не полный, завершился, и история, по-истине всеобщая, началась для всех рас и народов: теперь нет уже ни в чём недостатка у той великой сцены, на которой движется человечество, отныне уже объединенное, по крайней мере материальными отношениями, и достигшее самосознания. Это увеличение мира цивилизации не может не возъиметь последствий самого высокого значения. За первыми национальными культурами, развившимися по великим речным долинам[2], следовала более общая культура тех народов, которые окружают бассейн Средиземного моря; затем, после открытия Нового Света, настала эра атлантической цивилизации, превзошедшей средиземно-морскую цивилизацию «в том же отношении, как квадрат оси океанского бассейна превосходит квадрат оси бассейна морскаго»; и теперь целый мир становится театром деятельности цивилизованных народов. Земля сделалась как-бы беспредельною, ибо каждая точка на её поверхности может стать центром без всякого ограничения для своей окружности. Но в ряду известных и обитаемых областей есть такия, которые будут особенно привлекать людей красотой своих пейзажей, мягкостью климата, или какими-либо другими преимуществами. И между этими избранными местами найдутся ли такия, которые могли бы превзойти некоторые острова Тихого океана чудною гармониею очертаний, прелестью вод, здоровостью атмосферы, плодородием почвы, незаметною сменою времен года и грациозным ритмом всех явлений природы? «Я думаю, говорит натуралист Bates, что если человечество и могло достигнуть высокой степени культуры, благодаря своей борьбе с суровостью холодных стран, то лишь в экваториальных областях усовершенствованная раса будущего может вполне наслаждаться своим великолепным наследием».

Египтяне, арабы и финикияне уже веками знали Эритрейское море, т.е. Индийский океан, и корабли их отваживались ходить туда, к берегам, производящим ладон, слоновую кость и золото,—когда, в свою очередь, греки, во время экспедиции Александра Македонского, узнали дорогу к этим водам юга, Следуя в начале лишь вдодь побережья, почти постоянно в виду земли, они, однако, подвигались очень далеко; но предание относит только к первому веку христианской эры великое открытие попеременного и правильного движения пассатов и муссонов, которое освободило корабли от робкого плавания вдоль берега и позволило им пускаться в открытый океан, от берегов Африки и Аравии к берегам Индусского полуострова, плывя всё время по ветру. Едва-ли можно сомневаться, что это движение ветров попеременно в ту и другую сторону было известно уже арабским и финикийским мореходам, и что они пользовались им для своих путешествий; но заслуга открытия его приписывалась греческому кормчему, родом из Египта, *Hippalos*'у, по имени которого и были даже названы эти атмосферные течения: только после него все моряки, доверяясь правильному движению воздуха, стали отваживаться уходить из виду берегов и пускаться в море к отдаленным островам.

В римскую эпоху, азиатские острова и полуострова Индийского моря были лучше известны, чем двенадцать столетий спустя, накануне экспедиции Васко-де-Гамы. Западные торговцы знали Тапробану, или Цейлон, Золотой Херсонес, или полуостров Малакку, равно как и остров «Ячменя», т.е. Яву. Их торговля распространялась до Молукских островов, так как гвоздика появилась в столе богатых римлян. В свои досуги на берегу, моряки рассказывали друг другу о бывших с ними удивительных приключениях, при чём порывы фантазии смешивались с более или менее истинными описаниями народов, животных и растений, действительно виденных рассказчиками во время их странствий. От мореходов различных наций, которые вели меновую торговлю для римлян, эти более или менее преображенные

2 Leon Metcknikow, „Les grands fleuves historiques“,

рассказы перешли к арабским мореплавателям средних веков, и из этого первоначально правдивого источника вышли многие чудесные истории «*Тысячи одной ночи*».

Новый период исследований для океанского мира начался в то же время, как и для Америки. В 1498 году, Васко-де-Гама, обогнув африканский материк, пересек Индийское море и пристал к Калькуте. Два года спустя, *Diogo Dios*—брат другого Диаса, который первый обогнул Мыс Доброй Надежды—открыл Sao-Lourenco или Мадагаскар, а другие моряки, продвинувшись далее, познакомились также с берегами Индо-Китая. В 1509 году, Малакка стала центром португальского господства, и с тех пор каждый азиатский корабль, причаливавший к этой торговой пристани, должен был принимать на свой борт португальского капитана. Земли Инсулинда, уже посещенные ранее итальянцем Бартема, вскоре вошли в состав торговой империи Лиссабона; но, овладев этими драгоценными островами Пряностей, португальские моряки редко отваживались пускаться далее, в ещё неизвестные пространства морей. Слава довершения кругосветного плавания принадлежит другой нации, представленной, впрочем, на этот раз всё-таки португальцем Магелланом. Отправившись на запад, вокруг Южной Америки, а не на восток, вокруг Африки, как это сделал Васко-де-Гама,—Магеллан проник в 1520 году в пролив, носящий ныне его имя, и был первым европейцем, вступившим в южную часть Тихого океана, плавая с целью открытия передовых факторий португальцев. По странной случайности, его корабли миновали то множество островов, которое находится среди этих областей, и, проплывя по пустынным морским пространствам 17.000 километров, встретили только два необитаемых острова, расположенных на восток от тогда ещё неоткрытой группы «Низменных островов». Первый, примеченный ими в 1521 году, архипелаг был архипелаг Разбойничьих или Марианских островов, затем, направившись снова на запад и достигнув островов Филиппинских, Магеллан высадился на острове Мактан, на котором и был убит в сражении с туземцами; с полным, поэтому, правом, открытые им земли долгое время назывались Магелланией.

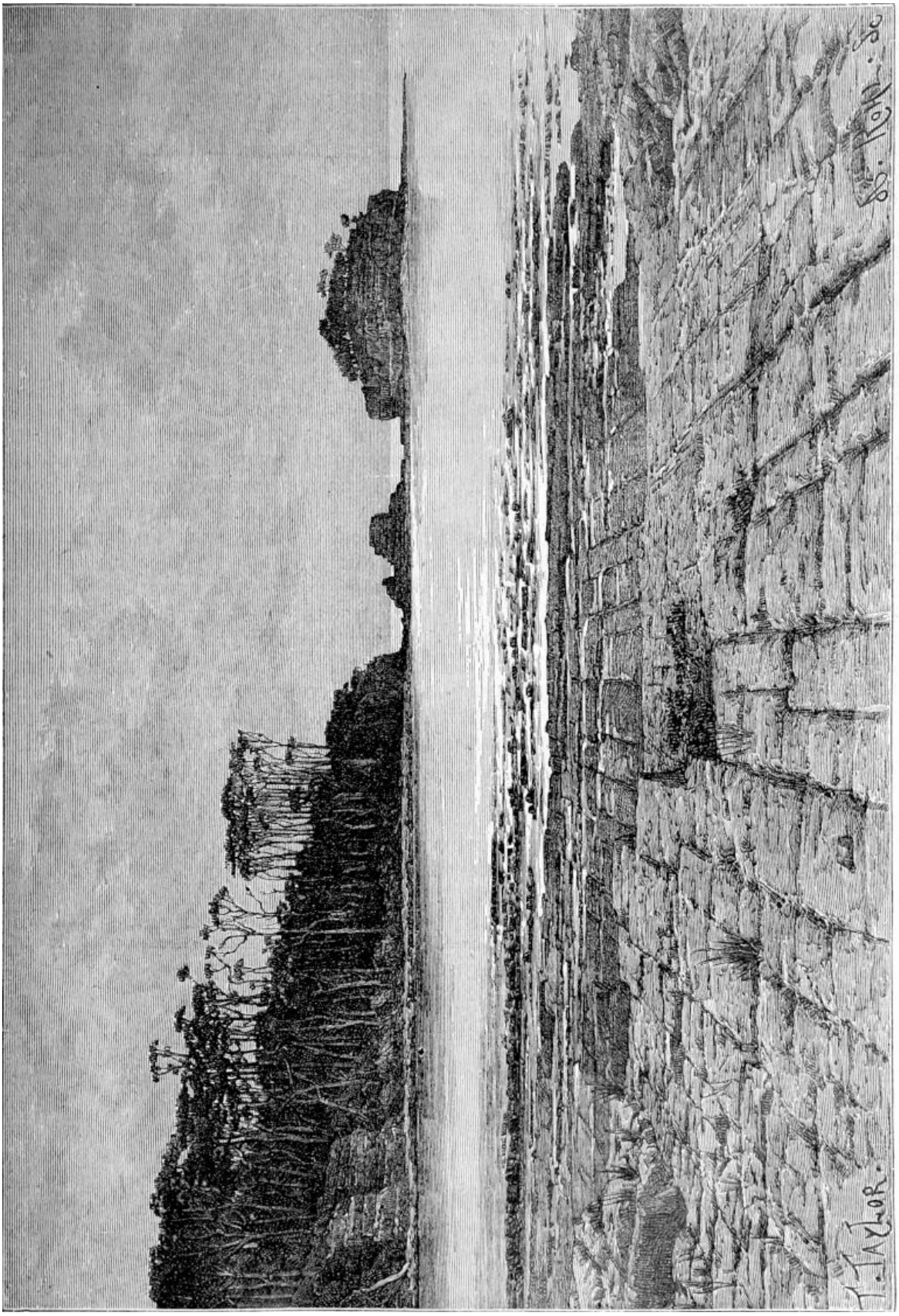
Товарищи португальского мореплавателя продолжали свой путь, прежде всего к Борнео, затем, к Молукским островам, а при обратном переходе чрез Индийский океан, баск Себастьян-эль-Кано, капитан единственного уцелевшего корабля, открыл один остров, которому он дал наименование Св. Павла и который ныне называется Амстердамом. Из 237 человек, отправившихся из Севильи, возвратилось только 18, в числе которых был и Пигафетта, историограф данного морского перехода[1]. «Я не думаю, писал он, чтобы в будущем кто-нибудь пожелал предпринять подобное путешествие». И, однако же, шесть лет спустя после экспедиции Магеллана, другая испанская эскадра, которою командовал Лойяза, также проникла в Южный океан чрез Магелланов пролив и, не встретив на своем пути никакой другой земли, кроме одного, ничтожного по размерам, острова, достигла Ларронского (Разбойничьи острова) архипелага. Один из её кораблей, загнанный бурею к Мексиканским берегам, совершил таким образом первое плавание вокруг Южной Америки.

Долгие годы прошли прежде, чем Тихий океан был пересечен в обратном направлении, и, следовательно, совершилось кругосветное путешествие с запада на восток. Тщетно исследователи пытались подняться к востоку против течения пассатов, правильно дующих в водах Тихого океана. При этих попытках были сделаны многочисленные открытия островов и архипелагов: так, Новая Гвинея, Каролинские острова, Маршальские, Пелиу или Palaos, острова Бонин прибавились к известному миру; но, поборовшись неделями и месяцами против волн и ветров, в надежде достичь восточных долгот, исследователи кончали тем, что покидали своё предприятие и, отдав себя на волю ветра, возвращались к островам Филиппинским или Молукским. Наконец, один августинский монах, Андрес де-Урданьета, отыскал, или, вернее сказать, угадал путь к востоку чрез Тихий океан[2]. Руководясь аналогией в своих рассуждениях, он полагал, что законы атмосферы должны быть одни и те же, как в Атлантическом, так и в Тихом океанах, и что юго-западным ветрам Западной Европы долж-

1 Pierre Martir d'Anghera, „De rebus oceanicies et orbe novo".

2 Oscar Peschel „Geschictte der Erdkunde".

ны соответствовать того же самого направления воздушные течения и в умеренных широтах, заключающихся между Японией и Калифорнией. И это метеорологическое предвидение оправдалось вполне. В 1565 году, около полувека спустя после путешествия Магеллана, Ур-



Видъ около полуострова Тасмана

даньета направился от островов Филиппинских и от Разбойничьего архипелага к Японскому морю, до 17° северной широты, а затем, плывя к юго-востоку, кончил тем, что достиг мексиканского порта Акапулко; путешествие его длилось 125 дней.

С этих пор установилось правильное сообщение от одного берега Тихого океана до другого, между Мексикой и Филиппинскими островами. Дорога была отмечена кормчими, и в течение двухсот лет испанские гальоны следовали ей неуклонно. Выйдя из Акапулко, моряки уже не меняли курса вплоть до Филиппинских островов; назад же они сначала плыли к 35°, вблизи Японии, и в этой широте держались, затем, до появления в виду берегов Калифорнии, после чего шли вдоль поморья до самого Акапулко. Ход гальонов был так хорошо определен обычаем, что они сделали едва лишь несколько открытий вне начертанного пути; однако, на тогдашних испанских картах находим указание на земли в морских пространствах, занимаемых Сандвичевыми островами. Может-быть, одною из причин неведения, в котором столь долго оставались относительно океанийских земель северного полушария, была тишь в тамошней атмосфере, редкость бурь. Великий океан вполне заслуживает данное ему Магелланом название «Тихаго». Что же касается названия «*Южное море*», употребляемого моряками в более общем смысле, для обозначения всех морей между Азией и Америкой, то—по контрасту с «Северным морем», откуда прибыли испанские открыватели новых земель—оно прежде прилагалось только к прибрежным водам к юго-западу от Мексики и американского перешейка[1]. С своей стороны, францисканские монахи, полагая, что необъятный океан омывает только земли, которым предназначено в свое время заселиться новообращенными, дали ему, ныне уже позабытое, наименование «Моря Лоретской Божией Матери».

Вне тех морских пространств, по которым плавали Акапулькские гальоны, почти все экваториальные архипелаги Южного моря были открыты или по крайней мере примечены испанскими мореплавателями в шестнадцатом и семнадцатом столетиях. В 1567 году, Мендана де Нейра видел группу, известную ныне под именем островов Эллис и архипелага Соломонова; в 1595 году, Гуртадо де Мендоза открыл острова Маркизские; Квейрос, в 1606 году, пересек группу островов Низменных, и плывя вдоль берегов св. Духа, в архипелаге, ныне называемом Новыми Гебридами, думал, что видит перед собой южный континент. Открытие последнего приписывалось также, но ошибочно, одними—португальскому кормчему Годиньо де-Эредиа, другими—провансальцу Гильому ле-Тестю[2]; наконец, один из мореплавателей эскадры Квейроса, Торрес, пустившись наудачу чрез лабиринт подводных рифов, отделяющих Австралию от Новой Гвинеи, успел проскользнуть благополучно среди опасностей, и после двухмесячного плавания ощупью, снова вышел в открытое море: с полным, поэтому, правом и поныне сохраняет его имя тот пролив, чрез который он проплыл. Но в то время, испанцы и португальцы уже не обладали монополией над этими океанскими землями, разделенными между ними буллою папы Александра VI. Так, спустя пятьдесят семь лет после Магеллана, по пути, начертанному этим великим мореплавателем, проследовал английский пират Дрэк; затем дорогу в Тихий океан узнали Кавендиш и голландские мореходы. Более того—с конца шестнадцатого века, нидерландские купцы стали основывать на Яве фактории, и мало-помалу их власть распространилась по соседним островам, сменив власть португальцев. Также и в деле открытий в Южном море приняли участие, в свою очередь, голландские мореплаватели, из которых в особенности Тасман увеличил сеть маршрутов географического исследования: весь западный берег Австралии был обследован до Торресова пролива; Тасмания, с её базальтовыми полуостровами, Новая Зеландия, с её вулканами, так сказать, выступили из недр моря. Но соперничество между торгующими нациями было так велико, что открытия, сделанные раньше португальскими или испанскими мореплавателями, оставались неизвестными северным морякам. Так, хотя Торрес уже на деле доказал, что узкий пролив отделяет Австралию от Новой Гвинеи, тем не менее, спустя сорок лет Тасман ещё утверждал, будто обе земли принадлежат одному в тому же материку.

Решающею эпохою для научного исследования южных морей была вторая половина восемнадцатого века. С этого времени экспедиции в видах открытий производились не к ис-

1 Pigafetta, „Premier Voyage autour du Monde“.

2 Major, „Journal of the R. Geographical Society“. 1872.—„Petermann's Mittheilungen”, I, 1873,

ключительной выгоде какой-нибудь нации или торговой компании: результаты их становились уже общим достоянием цивилизованного мира. Кроме того, наблюдения, сделанные с большею строгостью, придавали повествованиям путешественников гораздо большую достоверность. В 1766 году, Уаллис, первый из плавателей по Южному морю, определил долготы по способу лунных расстояний, и с тех пор стали невозможны чудовищные ошибки прежних мореплавателей, простиравшиеся до разницы в две и три тысячи километров; морякам уже не приходилось блуждать неделями и месяцами, отыскивая значительные архипелаги, раньше обозначенные их предшественниками. Так, до этого времени, многие исследователи должны были отказаться от попытки отыскать открытые Менданой де-Нейра Соломоновы острова; воображали даже, будто их не существует вовсе; думали, что Мендана де-Нейра принял за подводные рифы, леса и деревни лишь фантастические очертания облаков на горизонте. С другой стороны, многие из архипелагов, так сказать, двоились в глазах моряков; один и тот же остров видели в местах, которые считали различными, а потому и придавали ему разные наименования, как будто это были и в самом деле отличные друг от друга земли. Применение астрономических методов положило конец этому произвольному перемещению океанских островов.

Эпоху методического исследования южных морей, начатую Уаллисом, можно считать окончившеюся в 1827 году, когда последовало вторичное открытие, или скорее присоединение Дюмон д'Юрвиллем к уже известному миру двух больших островов Фиджи. В течение этих шестидесяти лет, прославленных путешествиями Картерета, Бугенвилля, Кука, Ванкувера и Лаперуза, завершилось в своих главных чертах географическое дело океанских исследований. Затем оставалось, и ещё остается, точно определить положение островов, вернее изобразить их очертания, обозначить все подводные рифы, опасные надводные скалы и снести с карт те из них, которые нанесены ошибочно. Между путешественниками прошлого столетия, первое место бесспорно принадлежит Куку; можно сказать, что после 1521 года, когда совершилось путешествие Магеллана, 1769-й год, когда Кук начал сеть своих маршрутов в Тихом океане, является капитальною датою в истории завладения Южными морями. Кук, высадившийся на Таити, дебютировал своими достопамятными наблюдениями над прохождением Венеры и таким образом точно определил долготу в центре Тихого океана; затем, он вполне обошел вокруг обоих ново-зеландских полуостровов, обследовал западный берег Австралии и снова открыл Торресов пролив. В свое второе путешествие, он в особенности обследовал австральные моря, по обе стороны полярного круга, но в обратном направлении сравнительно с тем путем, которому следовали предшествовавшие ему кругосветные мореплаватели. Первым между всеми мореплавателями, Кук совершил обход вокруг земли, плывя с запада на восток, в том же направлении, в котором круговращается и планета; прошло уже слишком два с половиною века с тех пор, как Магеллан выполнил свое кругосветное путешествие, плывя с востока на запад, увлекаемый правильным дуновением пассатов. В третьей своей экспедиции Кук направился в северные воды, при чём обследовал пролив, разделяющий два материка: Азию и Америку, а затем вновь открыл Сандвичевы острова, где сначала был принят за бога, но где вскоре, вследствие учиненного им насилия над одним из главарей, был убит туземцами.

Последствием исследований Кука было совершенное устранение того предразсудка теоретиков, что, будто-бы, выступающие из-под воды земли должны занимать на окружности планеты ровно столько же пространства, как и океанские впадины. Со времени Гиппарха, самые знаменитые географы учили, как о непреложной истине, о существовании совершенного равновесия между сушей и морями, и, будучи проникнут этою идеей, Птолемей начертил к югу от Индийского моря континентальной берег, связующий Африку с Индией. Все плававшие в Тихом океане мореходы полагали, что им удалось отыскать этот берег, простирающийся на юге земной поверхности: сначала Новая Гвинея, затем Новая Голландия, далее Новая Зеландия казались им этим австральным миром; напоследок они видели передовую землю розыскиваемого ими материка в каждом новом острове, находимом ими в южных широтах. Кук, который и сам твердо верил в существование этих земель на юге, отодвинул

их берега далеко за пределы тех морских пространств, которых достигали его предшественники, и ныне уже известно, что Антарктида—материк ли это, или только группа островов—несомненно имеет незначительные размеры, в сравнении с необъятным пространством морей. Констатируя отсутствие континентальных земель в пространствах, пройденных Куком, Форстер высказал гипотезу, по которой природа, будто-бы, наверстала отсутствие равновесия между двумя полушариями нашей планеты тем, что поместила на дне антарктического океана значительного веса каменные породы[1].

Хотя великий мореплаватель Кук, гордясь своими огромными трудами, и полагал границы гению человека, заявляя, что его не превзойдет ни один моряк, однако, позднейшие мореплаватели проникли далее его, и со времени его путешествия известная поверхность Океана значительно увеличилась в направлении к южному полюсу. При этом, в некоторых из морских пространств открытые земли оказались настолько приближенными друг к другу, что по отношению к ним, с большой вероятностью, можно допустить существование непрерывного берега: все вместе, они, быть-может, образуют один из самых больших островов на поверхности планеты. Самою значительною из выступивших из-под воды земель в антарктическом поясе представляется та, которая обнаружена к югу от Австралии. Уже Баллени, в 1839 году, открыл архипелаг вулканов в непосредственном соседстве с полярным кругом: один из этих островных конусов, именно Young-island, сплошь покрытый снегом, вздымается, по вычислениям Баллени и его сотоварищей, на высоту по крайней мере 3.600 метров; другой остров, гораздо ниже предыдущего, извергал две струи паров. Повсюду долины и овраги пиков наполнены льдами: голый камень виднеется только там, где прибой волн обглодал выступ мыса, образовав крутой береговой утес и обнаружив черные лавы, с нависшею над ними кровлею из белеющего снега; нет ни одной бухты, только кое-где встречаются пляжи, покрытые пеплом и шлаками[2]. Плывя на запад от этого архипелага, не уклоняясь слишком ни вправо, ни влево от 65° широты, Баллени видел, как ему казалось, в двух местах землю, и одному из примеченных им вдали высоких выступов суши он дал наименование *Sabrina-land* (Земля Сабрины).

В следующие годы, француз Дюмон д'Юрвилль и американец Уилькс, привлеченные в эти морские пространства надеждою определить там точное положение южного магнитного полюса, вновь посетили моря, обследованные Баллени, и оба, не колеблясь, утверждали, что хорошо видели твердую землю, а не простые груды пловучих льдов. Дюмон д'Юрвилль дал имя Аделии гористым берегам, высотою от 1.000 до 1.200 метров, которые он приметил на юге, и вдоль которых следовал на запад: однако, к ним он не приставал. Западнее Уилькс также видел землю в четырех местах, и на основании его свидетельства, виденные им мельком массивы—разсеянные ли это острова или же сплошная земля—в совокупности были обозначены именем *Wilkesland* (Земля Уилькса). Однако Джемс Росс—впрочем, не следовавший этим же самым путем—подверг сомнению сейчас приведенные свидетельства трех предшествовавших мореплавателей. Ни что так не обманчиво, как мглистые горизонты в этих областях крайнего юга, где лучи низкостоящего солнца отражаются ото льдов, и где нужен весьма опытный глаз, чтобы отличить истинную каменистую гору от «кристальной горы, оторванной от отдаленного ледника». Между тем, за исключением одного пункта, на котором Уилькс вблизи распознал черные камни береговой кручи, он везде держался на расстоянии по крайней мере двадцати километров от земли, повсюду опоясанной льдами, и везде виден её окутанною инистою мглою. К востоку от островов Баллени, Уилькс также указывал на существование горного массива, а между тем Джемс Росс, плававший по открытому морю как-раз в этой же местности, бросал там лот и не нашел два на глубине даже 1.800 метров[3].

Как бы там ни было: есть ли Земля Уилькса остров или сплошной материк, во всяком

1 „Observations made during a Voyage round the World".
2 „Journal of the R. Geographical Society", 1839.
3 „Voyage in the Southern and Antarctic Regions".

случае не подлежит сомнению, что на восток от архипелага Баллени море продолжается гораздо далее к югу. Джемс Росс проникал туда дважды, в 1841 и в 1842 гг., и каждый раз приближался к южному полюсу более, чем какой-либо другой мореплаватель до или после него; правда, Росс и его сотоварищи имели корабли, специально оснащенные и приспособленные для прохода чрез льды. В 1842 г. он достиг широты 78°9'30", до пункта, находящагося в 1.315 километрах от южного полюса по прямой линии. Во время своего первого путешествия, он следовал к югу восточным берегом земли, названной им Викторией и окаймленной величественными горами, каковы: Сабин—конус в 3.000 метров, сверкающий льдами, но при своем подножии представляющий несколько черных откосов, и Мельбурн—ещё более высокий, достигающий 4.000 метров. Наконец, в той местности, где эти исследователи вынуждены были остановиться, они видели высящиеся перед ними два вулкана-близнеца: Эребус (3.780 метров) и Террор (3.320 метров), при чём Эребус извергал дым, темный днем и красный ночью. Ледяная стена, высотою приблизительно в 100 метров, фронт громадной длины, имеющей по крайней мере 500 километров в ширину, воспрепятствовала этим морякам пристать к вулканам, но в двух других местах австральных земель они сходили на берег.

К востоку от Земли Виктории, путешествия Кука и Беллингсгаузена не обнаружили существования Антарктиды к югу от восточных морских пространств Тихого океана, если только тот сомнительный пункт, облако или скала, который видел Кук, не есть на самом деле земля; единственною, выступающею из-под воды горою, найденною в этих пространствах, был небольшой остров Петра, К югу же от Америки, насупротив мыса Горна и соседних с ним архипелагов, были во многих местах распознаны по соседству с полярным кругом острова, или, может-быть, берега какой-то большой антарктической земли. Беллингсгаузен открыл Землю Александра, которая, вероятно, сообщается с гористым берегом Грегама, указанным Биско, в 1832 году, и лучше обследованным Далльманом, в 1874 году; затем, на северо-восток от этого возвышенного массива, в виде параллельной цепи, тянется ряд многочисленных островов, земли Людовика-Филиппа и Жуанвилля, открытые Дюмон д'Юрвиллем, Южные Шетландские и Оркнейские острова, уже виденные английскими и американскими китоловами,—может быть, даже голландским моряком Герицем, в 1598 г.[1]: всё это —гористые массивы, окруженные глубокими водами, в которых лот уже в недалеком расстоянии от берега показывает сотни метров глубины[2]. Но, непосредственно к востоку от этих архипелагов, китолов Веддель, найдя в 1823 году проход между большими скоплениями льда, пробрался в совершенно свободное море, простирающееся за 74° широты: на юге Атлантического океана, это—самый южный пункт, до которого достигал человек. Далее, на полуокружности, простирающейся к востоку, по направлению к земле Уилькса, опознаны лишь два берега, расположенные или продолжающиеся к югу от полярного круга, именно— берега Эндерби и Кемп. Biscoe, открывший первый остров в 1831 г., годом раньше открытия земли Грегама, тщетно пытался к нему пристать: льды постоянно удерживали корабль на расстоянии более, чем 30 километров. Впоследствии, однако, одному китолову удалось там сойти на землю[3]. Самыя близкия к северу земли Антарктиды, горы земель Виктории и Людовика-Филиппа, расположены, соответственно, против Новой Зеландии и южной оконечности Америки; таким образом цепь гор высится напротив цепи гор, ряд вулканов расположен напротив ряда вулканов[4].

Со времени путешествий Росса ни одна новая научная экспедиция не проникала за полярный круга; в 1874 году, корабль «Челенджер» приближался к этому кругу, но не переходил его. Нельзя не удивляться, что в эти времена смелых предприятий, в течение стольких лет отступали перед серьезным возобновлением дела географического исследования, несмот-

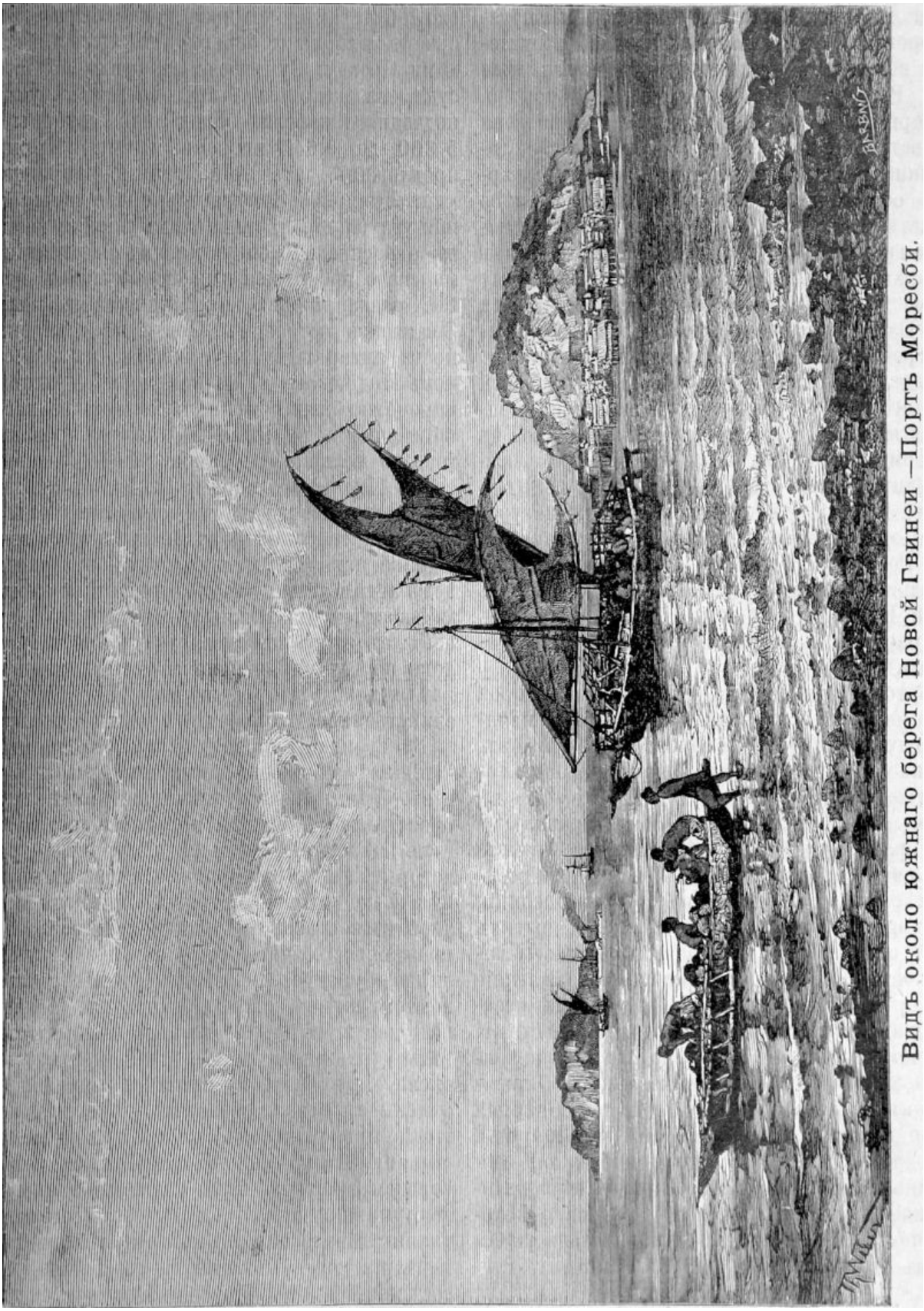
1 Dumont d'Urville, „Voyage au Pole sud et dans l'oceanie", Vol. II.—Barrow, „Journal of the R. Geographical Society", 1831.

2 „Journal of the R. Geographical Society", 1833.

3 Boas, „Science", 1887, X;—„Petermann's Mittheilungen", 1888, II.

4 Reiter, „Die Sudpolarfrage".

ря на то, что, благодаря преуспеянию морской индустрии и тысячам вспоможений со стороны новейших машин для проникновения чрез льды, выполнение такого исследования стало значительно легче. С чувством стыда географы указывают, поэтому, на огромный пробел,



Видъ около южнаго берега Новой Гвинеи—Портъ Моресби.

оставленный путями мореплавателей на антарктической округлости и вызывают охотников продолжать дело Кука, Росса и Дюмон д'Юрвилля. Вероятно, что первая разведочная экспедиция снарядится в Австралии, как такой части света, которая наиболее приближена к юж-

ным полярным островам и жители которой должны вследствие этого особенно интересоваться познанием метеорологических и ледниковых явлений в этих холодных областях. Между южною оконечностью Тасмании и берегами Wilkesland'а расстояние всего только 2.600 километров. *Только в эти последние годы вновь пробудилась охота к исследованию областей крайнего юга. Из экспедиций, предпринимавшихся в южные моря, наиболее успешной в научном отношении была экспедиция норвежского китобойного судна «Antarctic», в 1894—95 г.г., в которой принимал участие натуралист Борхгревинк. Корабль этот, следуя путями Росса, достиг 74° ю. ш. Во время этой экспедиции впервые удалось ступить на берег Земли Виктории, при чём были собраны первые растения и камни с антарктического материка.*

В той части Океана, поверхность которой уже всецело исследована, издавна было начато другое изучение, именно изучение глубин, и можно сказать, что, в общем, глубина морей уже известна. Так, Индийский океан в целом представляет довольно правильное дно, простирающееся более чем на глубине 4.000 метров от верхней поверхности вод. Промерами, сделанными во время экспедиции Challenger'а, а после неё и моряками других наций, обнаружено, что подводные откосы материков и больших островов, окружающие три берега Индийского моря, образуют стремительный уклон к океанским пропастям, при чём почти повсюду находят глубину в 2.000 метров на расстоянии даже 200 километров от побережья. Слой равномерной толщи прикрывает, около 40° юж. широты, подводный кряж, ограничивающий на юге собственно Индийский океан. Внутри этой батометрической кривой в 2.000 метров—которая почти параллельна континентальным берегам—другая линия, в 4.000 метров глубины, описывает большое число извилин, по крайней мере на западе и на севере, вокруг Мадагаскара и островов Маскаренских, Сейшельских и Лакедивских; сверх того, архипелаг Чагос возвышается посреди пропастей, покрытых слоем воды толщею от 4 до 5 тыс. метров. Средняя глубина всего Индийского океана исчислена Джоном Мурреем в 4.233 метра[1], т.е. на 900 метров более, чем полагал Отто Крюммель[2]. Самые большие из впадин, распознанные промерами в Индийском море, находятся в тех его областях, которые расположены между северо-западным берегом Австралии и островами Явою и Суматрою; в этих областях, суда, на которые была возложена укладка подводного кабеля, определили глубины от 5.300 до 5.645 метров, и Отто Крюммель предложил дать этой пучине наименование «дна Лемурии». Замечательно, что самые большие углубления в индийских морях найдены в относительно очень малом расстоянии от морского побережья и по соседству с наиболее раскаленным вулканическим очагом Зондских островов. Почти на всей окружности антарктических земель, на юге океанов Индийского и Тихого, моря—которые, впрочем, были измеряемы лотом в небольшом числе пунктов—кажется, обладают гораздо меньшею глубиною, чем большие бассейны Индийского моря и Тихого океана: можно бы предположить, что они заполнены обломками, снесенными с австральных земель. Однако, огромная пучина, будто-бы, находится под антарктическим полярным кругом, на юго-восток от Южных Оркнейских островов: в этих пространствах Росс бросал лот на глубину слишком 8.400 метров, не найдя дна. Было бы полезно проверить это единственное наблюдение новыми промерами.

В сравнении с Индийским океаном, лишенным в своей центральной части островов, Тихий океан, усеянный архипелагами, представляет весьма неровное дно; во многих местах находятся подводные кряжи, которые, в случае понижения уровня моря на несколько сотен метров, превратились бы либо в острова, либо в полуострова. Так, прежде всего, четыре главные земли Инсулнида: Суматра, Ява, Борнео и Целебес, покоются, вместе с полуостровом Малаккою, на подводном цоколе, который покрыт слоем воды толщиною менее 100 метров: две океанские пучины, восточная и западная, разделены в этих областях порогом, имеющим приблизительно 1.500 километров в ширину. Австралия и Новая Гвинея равным образом могут, быть рассматриваемы как выступившие из-под воды части того же континентального цоколя, который обнимает, затем, на юге—Тасманию, а на севере—многие соседние

1 „Scotisch Geographical Magazine". November, 1878.

2 „Versuch einer vergleichenden Morphologiie der Meerersaume",

острова Папуазии. Между двумя группами Инсулинда и Австралазии, впадина, более чем в тысячу метров глубиною, тянется вдоль восточного берега Тимора, а к югу от Церама открывается пропасть глубиной слишком в 4.000 метров. В собственно Тихом океане большая часть архипелагов и составляющих их продолжение цепей рифов также лежат на подводных пьедесталах, которые почти все орьентированы с северо-запада на юго-восток, в том же направлении, как и Центральная Америка. Кажется, что в обширном полукруге материковых земель, простирающихся от мыса Доброй Надежды до мыса Горна, архипелаги Тихого океана являются как бы зачатками круга, опирающагося на востоке на берег Америки: здесь мы видим, следовательно, то же самое, что и в тех случаях, когда внутри большого кратера с уже проломленными стенками, оказывается вписанным правильный кратер меньших размеров.

Глубокия впадины, ограниченные с той и с другой стороны погруженными в воду кряжами, получили от английских и американских исследователей названия, которые напоминают либо наименования судов, исполнявших гидрографические работы в южных морях, либо имена ученых, с наибольшею ревностью занимавшихся батометриею. Так, кругообразная впадина, в которой зонд показывает более, чем 4.000 метров и которая находится к западу от Тасмании, называется пучиной или «дном Джефриза»; здесь в одном месте лот коснулся дна на 4.758 метрах ниже уровня моря. К востоку от Тасмании, по направлению к Новой Зеландии, находится другое углубление с более значительною поверхностью, где лот определил глубины, одинаковые с тотчас приведенными: это «дно Томсона», продолжающееся к северу, по направлению к Квинсленду, под наименованием «дна Паттерсона» (4.820 метров). «Дно корабля «Gazelle»», параллельное главной оси океанских островов, т.е. расположенных в направлении с северо-запада на юго-восток, менее глубоко, так как над ним в толще воды намерили только 4.154 метра; западным своим разветвлением оно сообщается с «дном Карпентера», которое начинается от Торресова пролива и Папуазии и оканчивается между Новою Каледонией и Ново-Гебридскими островами: в самом глубоком пункте этого дна нашли глубину в 4.850 метров. «Дно Nares'a», к северу от Новой Гвинеи и Новой Британии, также прикрыто слоем воды приблизительно в пять километров. В направлении к востоку, впадины углублены ещё более: так, глубина «дна Гильдгарда» достигает 6.039, а «дна Миллера»—6.310 метр.

К северу от Каролинских островов, пространства Тихого океана гораздо более свободны от земель; поэтому, как и следовало ожидать, глубины там гораздо больше, чем в собственно Полинезийских впадинах. «Дно Челенджера»—названное так по имени судна, на котором были сделаны важные для океанской физиографии изыскания, представляет, между Каролинскими и Марианскими островами, громадную глубину в 8.372 метра; восточнее же, по направлению к Маршальским островам, в другой впадине, лотоизмерение убедило в существовании глубины в 6.271 метр. Наконец, вся область северного Тихого океана, от Японии до Калифорнии, представляет громадную эллиптическую яму, заключающую в себе менее глубокую центральную часть, ось которой образована Сандвичевыми островами и, на продолжении их, подводными рифами в направлении на западо-северо-запад. «Дно Уаймэна» (6.250 м.), на востоке от Сандвичевых островов, «дно Белькнапа» (5.627 м.) и «дно Аммена» (5.613 м.), на юге и западе того же архипелага,—принадлежат к той кольцеобразной впадине, которая далее, по направлению к Японии, принимает наименование «дна Тускарора», по имени американского судна, на борте которого было отмечено самое глубокое известное доселе падение лота: именно, приблизительно в 400 километрах к востоку от южной цепи Курильских островов, была найдена пучина в 8.513 метров, дно которой лежит почти настолько же ниже поверхности вод, насколько самая высокая гора поднимается над уровнем моря. Подобно наблюдаемому в Индийском океане, самые углубленные части в Тихом океане также находятся как раз вдоль вулканических цепей, следующих одна за другой на протяжении от Японии до полуострова Аляски. Можно сказать, что эти ряды дымящихся гор состав-

ляют истинное побережье океанского бассейна[1]: по ту сторону их, воды не глубоки, за исключением одной части Берингова моря, где находят глубины до 1.000 и 2.000 метров. Передовые земли Азии и Америки покоются на общем цоколе, весьма близком к поверхности. В собственно Беринговом проливе средняя глубина не превышает сорока метров, и никогда зонд не показывал глубины больше 58 метров. Между этими едва прикрытыми водою пространствами морского дна и великими пучинами Тихого океана, падение наблюдается внезапное: лот обнаружил там такие скаты, которые даже в горных странах материков считались бы крутыми.

Восточные пространства Тихого океана, за исключением находящихся по соседству с Калифорнией, менее тщательно обследованы в сравнении с пространствами морей австралазийских. До перехода, совершенного в 1885 году итальянским судном *Vetlor Pisani*, всё пространство—с площадью более чем в 30 миллионов квадратных километров и находящееся между архипелагами и американскими берегами, от Мексики до Чили,—оставалось даже необследованным в отношении его глубин. Но ныне уже имеется ряд промеров между берегами Гренадской Колумбии и группою Сандвичевых островов, при чём для самой впалой местности, найденной на этом пути итальянского судна, получилась глубина 5.720 метров; для всего же морского ложа в его целом, принимая в рассчет неравенство промежутков между промерами, средняя глубина в этой части океана равна 4.570 метрам[2].

До исследований, совершенных на «Vettor Pisani», для исчисления толщи воды в Тихом океане не было другого указания, кроме скорости распространения волн во время землетрясений в море. Известно, в самом деле, что волны пробегают через Океан с определенною скоростью, возростающею с глубиною воды, почему, прилагая относящуюся к этому явлению формулу Лагранжа, и пытались выводить океанскую глубину из скорости распространения волн вследствие землетрясения. Делая такого рода исчисления, Гейнитц, на основании данных, относящихся к большому сотрясению моря, в 1868 году, нашел, что средняя глубина ложа Океана между берегом Перу и островами Гаваи—или, более определенно, между Икике и Хило, должна достигать 4.259 метров. Замечательна небольшая разница, которая получилась между результатами этого исчисления и промеров, произведенных на *Vettor Pisani*; к тому же разница между точками отправления в достаточной мере объясняет найденную при лотоизмерении меньшую глубину: между Перу и Колумбией находится, вдоль американских берегов, морская пучина не менее, как в 5—6.000 метров. Подобные же исчисления были сделаны для дна других частей Тихого океана во время землетрясения 1868 года, а затем и в 1883 году, после страшного извержения Кракатау. Результаты этих выкладок, которыми мы обязаны Гейнитцу, Гохштеттеру, Неймейеру и другим, довольно хорошо совпадают с непосредственными наблюдениями: так, оказывается, что в различных областях моря, средние глубины, определяемые исчислением, колеблются между двумя и пятью тысячами метров. Но какова бы ни была добываемая таким образом степень приближения, всё-таки исчислением нельзя было бы заменить лотоизмерительные работы, так как в формулу Лагранжа не вводится трение массы жидкости о дно ложа, о подводные рифы и берега, и кроме того, не всегда вполне известно и точное время наблюдений, делаемых на различных пунктах материков и островов[3].

Отложения, добытые со дна океана при измерении его глубины, представляют замечательное однообразие. По соседству с землями, в особенности около устьев больших рек, обломки земного происхождения состоят из ила и глины, смешанных с обломками раковин и кораллов. Дальше от берегов, на глубинах от одной до трех тысяч метров, осадки на морском ложе состояли из обломков раковин и известковых оболочек мелких животных: добытый, таким образом, ил, содержал от 90 до 95% углекислой извести[4]. Но, по мере того, как глуби-

1 Ed. Suess, упом. соч.

2 „Bolletino della Societa geografica Italiana 1885“;—„Geographisches Jahrbuch“, 1887.

3 Otto Krummel, „Geographischen Jahrbuch“. Band XI, 1887.

4 John Murray, упом. соч.

на увеличивается, соотношение извести уменьшается, и в пучинах от 4.000 до 5.000 метров глубиною повсюду находят глину, образованную из фораминифер, радиолярий, диатомей и других бесконечно малых остатков, смешанных с частицами пемзы и иными разложившимися продуктами вулканических извержений. Нигде, на глубоком ложе Индийского океана, не был открыт гравий или голый камень. Бедность извлеченной с больших глубин глины углекислою известью объясняется тем, что вода содержит углекислоту. Бесчисленные известковые частицы, ниспадая в виде порошка из верхних слоев, растворяются прежде, чем достигнут дна. Но зубы акул и скелеты китообразных находятся во множестве в глине со дна: оттуда извлекают остатки доисторических и современных животных, лежащие бок-о-бок; кроме того, в глинистой массе рассеяны зернышки железа космического происхождения.

Бури—как о том свидетельствует уже самое наименование Великого океана «Тихим»—там не столь часты, как в океане Атлантическом, по крайней мере в тропических широтах, при низкой воде. Причина этому заключается в громадной однообразной поверхности, которую представляет обширное протяжение Южного моря, удаленного от соседства с берегами материков, которые вследствие значительного различия в рельефе, вызывают быстрые перемены в ходе ветров и в климате. Особенно в восточных пространствах Тихого океана—там, где корабли проплывают расстояния в несколько тысяч километров, не встречая островов,—обыкновенно воды наиболее спокойны и мореплавание наименее опасно; в морской области, которую испанские моряки некогда называли «дамским заливом», экипаж из молодых девушек мог безопасно управлять галионами, нагруженными золотом, которые выходили из Акапулко. В восточной части Тихаго океана дуют регулярно пассаты: при этом, дуновение северо-восточного пассата постоянно ощущается в тропической полосе между островами Ревиллья-Гигедо и Марианскими, на пространстве приблизительно в 12.000 километров шириною; юго же восточные пассаты проносятся по полосе менее обширной, между островами Галапагос и Маркизскими, охватывая пространство около 5.000 километров.

Но, посреди океанских островов экваториального Тихого океана, тысячи различных притягательных центров, образуемых рассеянными в море землями, то гористыми, то едва выступающими из-под воды—прерывают направление ветров и во многих случаях побуждают их к возврату назад. Нормальные течения пассатов часто бывают замещаемы попеременными бризами, вращающимися вместе с солнцем. Во время зимы в южном полушарии, юго-восточные пассаты дуют с наибольшею правильностью, но летом северные и северо-восточные ветры оспаривают их преобладание; часто также установляется затишье, и даже бриза не рябит поверхность воды; иногда же столкновения ветров обусловливает появление вихрей.

Средняя температура островов, омываемых водою, в которой смены холода и тепла ещё меньше, чем в атмосфере, чрезвычайно мягка: между самым теплым и самым холодным месяцами, по обе стороны экватора вплоть до тропиков, обычная разница, в среднем, для полосы шириною в 23-25 градусов, колеблется всего лишь между 3° и 7° Ц.; однако, крайния колебания в течение целого года составляют, смотря по островам, разницу от 16 до 20 градусов. Что касается дождей, то—смотря по положению склонов острова, обращенных либо к дождливым ветрам, либо в противоположную сторону—количество их может разниться в отношении 1 к 10. В то время, как некоторые долины, где скопляются облака, получают ежегодно громадные количества дождей, есть плоские острова, лежащие по соседству с экватором,—где дожди выпадают лишь чрез весьма долгие промежутки времени.

На западе и на юго-западе островов и островков собственно Полинезии, соседство больших островных тел, каковы: Новая Гвинея, Австралия, Целебес и Борнео, привлекает окружающий воздух более энергично в сезон жаров; оно обусловливает образование не только простых бриз, на-подобие таковых в Южной Океании, но привлекает также и правильные муссоны, более или менее продолжительные, смотря по различным условиям среды, протяжению земель, высоте гор и площади пространств, лишенных растительности. Юго-восточ-

ные ветры господствуют в этих областях в сезон зимы южного полушария; но во время лета берет верх западный или северо-западный муссон, приносящий водяные пары и дожди. Таким образом нормальный атмосферный порядок заключается во взаимной смене двух вет-

Земля Людовика-Филиппа.

ров, прямо противоположных и различных по обнаруживаемому ими влиянию: один из этих ветров является иссушающим, а другой—увлажающим. Со всем тем, в бесконечном лабиринте заливов и проливов, неправильности многочисленны, вследствие чего главные воз-

душные течения и местные бризы разнообразно перемешиваются друг с другом.

Уклонения в дуновении ветров наблюдаются уже с самой границы области муссонов. Действительно, воды Торресова пролива, между Австралией и Новой Гвинеей—будучи загромождены бесчисленными подводными камнями и не имея в среднем в своей толще более двадцати метров—нагреваются на солнце гораздо больше, чем глубокия моря на западе и на востоке: вследствие этого температура находящейся над ними атмосферы значительно повышается, и образуется притягательный фокус, привлекающий к себе всевозможные ветры. Северо-восточные пассаты уклоняются, чтобы войти прямо в пролив, где они и дуют с большою силою во время зимы; с другой стороны, летние муссоны, господствующие в особенности в декабре, январе и феврале, перестают направляться на юго-восток, к материку, а вместо того, устремляются к проливу, в направлении Порт-Моресби, вследствие чего лишают Йоркский полуостров доли дождевой воды, которая была бы для него необходима[1]. В центре лабиринта островов, между Новою Гвинеею и Борнео, правильное дуновение ветров до такой степени расстраивается, благодаря всевозможным препятствиям, что не всегда даже можно с точностью различить, который из ветров первоначальный: пассат или муссон, и неизвестно, которому из них следует приписывать главный принос дождей[2]. В среднем, дожди весьма обильны, и на некоторых из островов, как наприм.: на Суматре, они превышают четыре метра в год. Годичная температура, от 26° до 27°, также, смотря по расположению побережий, более возвышена, чем на океанских островах; равным образом, она и более постоянна, и разница между самым теплым и самым холодным месяцами составляет всего лишь один или два градуса; она меньше разницы в течение дня, между утром и после полудня. В великом саду мира Инсулинд является «теплицею».

К западу от Борнео и Филиппинских островов, порядок ветров меняется, кроме того, также вследствие различия между очертаниями островов и горными массивами. В этих морских пространствах, моряки не упоминают уже более о пассатах: им известны лишь одни муссоны. Юго-западный муссон, проходя по Зондскому проливу и над островом Суматрою, довольно правильно дует с половины апреля до половины октября в свободном пространстве вплоть до Формозы; но иногда его прерывают юго-восточные ветры, а около побережий островов и материков его встречают бризы и боковые обратные течения вод, позволяющие, таким образом, парусным судам лавировать против муссона. Этот юго-западный ветер, будучи ветром летнего времени, сменяет ветер зимний, называемый северо-восточным муссоном, и являющийся правильным воздушным течением из полярной области. Как и юго-западный муссон, он дует в течение половины года, но наибольшей своей силы достигает в декабре и в январе. Дожди выпадают в оба сезона, и в оба же сезона также бывают штормы и грозы; но, главным образом, во время юго-западного муссона, в июне или июле, или же около сентябрьского равноденствия, столкновение воздушных течений порождает то внезапное кружение их, которое в китайских морях называется тифонами, *tai foung*, т.е. «большими ветрами». Эти вихри образуются вообще на востоке, и, круговращая свои спирали, несутся на запад или на северо-запад. Их сила обыкновенно больше по соседству с землею, чем в стороне к открытому морю: быстро же теряется она вообще и по направлению к югу. Редко тифоны нисходят к экваториальным областям, в морские пространства, находящиеся к югу от Люсона, самого большого из Филиппинских островов.

Вне Зондских островов, в том свободном пространстве, которое представляет Индийский океан вплоть до Маскаренских островов и до Мадагаскара, ветры, менее отклоняясь к прибрежным землям, снова принимают более правильное направление. Сфера юго-восточных пассатных ветров, обнимающая ту часть моря, которая заключается между Австралией, Мадагаскаром и экватором, перемещается с юга на север и с севера на юг, соответственно смене времен года: когда солнце в особенности освещает северное полушарие, пассаты переходят за экватор; когда же оно возвращается в южное полушарие, сфера правильных ветров уже

1 Rattray, „Journal of the R. Geographical Society“. 1862.

2 A. B. Wallace, „Report of British Association“, 1862.

не переходит за пятый градус широты. Но вокруг этой центральной части Океана (где юго-восточный ветер дует равномерно) наблюдается обширный полукруг земель, от Южной Африки до Австралии, окаймленный полосою попеременных муссонов, которые в жаркое время года несутся по направлению к землям, а затем в более холодное время устремляются обратно в море. Ни в одной части земли направление ветров так хорошо не регулировано, как в северных морских пространствах Индийского моря, от Сомальского берега к Суматре. Юго-западный муссон, приносящий с моря бури и дожди, дует с средины апреля до средины сентября в заливах Оманском и Бенгальском, а северо-восточный муссон, который в действительности есть ветер полярный, начинает преобладать с половины октября до половины марта; эта смена одного воздушного течения другим являет полную правильность. В южном же полушарии, на берегах Австралии, Мадагаскара и африканского материка, ритм ветров не столь точен: правда, что и контраст между землею и морем там не так резко выражен. Известно, что во время перемены направления муссонов и в течение летних жаров, столкновения ветров иногда вызывают образование грозных циклонов. Опаснее всего эти ураганы по соседству с Маскаренскими островами, но взбудораживают они воду также в Аденском заливе и в Бенгальском море.

По направлению к полюсам, сфера пассатов окаймлена с той и другой стороны поясом изменчивых ветром, равнодействующая которых принимает вообще направление с запада на восток. Индийский океан, будучи замкнут со стороны севера, имеет только один из этих поясов, южный, заключающийся, в среднем, между 28° и 60° широты, тогда как Тихий океан, также как и Атлантический, имеют по две полосы изменчивых ветров, одну в северном полушарии, а другую в южном, которая—соединяясь на западе с поясом Индийского моря, а на востоке с поясом Атлантического океана—окружает, таким образом, всю землю. Открытие этих океанских пространств, где господствуют западные ветры, т.е. ветры возвратные или противопассаты, имело капитальную важность в истории исследования земного шара. Урданьетта, руководимый познанием атлантических ветров, умел направлять суда чрез Тихий океан к берегам Нового Света, а Кук, в южном полушарии, мог, следуя соответственною полосою переменных ветров, отважиться на кругосветное плавание в обратном направлении тому пути, которым следовал Магеллан.

В великом океанском бассейне движение вод соответствует движению воздушной сферы, с тем, однако, различием, что, вследствие своей меньшей подвижности, морское течение представляет более постоянства в своем ходе, чем течение воздушное: это, так сказать, маховик необъятной машины. Эти ритмические перемещения воды на пространстве Тихого океана имели ещё более важное, чем ветры, значение в история человечества, ибо если пассаты и возвратные ветры облегчили европейским мореплавателям переход чрез Океан между Старым и Новым Светом и ускоряли, таким образом, дело исследования океанских островов и австральных земель, то морские течения ещё раньше переносили те беспарусные или дурно-оснащенные челноки, на которых отваживались пускаться семейства переселенцев. Благодаря, именно, морским течениям и совершилось заселение земель: перемещаясь от острова к острову, от одной группы островов к другой и от материка к материку, человеческая раса таким образом распространилась по половине планеты. Великий поток-двигатель есть то морское течение, которое распространяется в экваториальных морях в одинаковом направлении с видимым движением солнца, т.е. от берегов Нового Света к берегам Новой Гвинеи и Филиппинских островов. Масса жидкости, направляющейся таким образом с востока на запад, в среднем, имеет в ширину не менее пяти тысяч километров, а может быть и более, так как её иногда наблюдают к югу от экватора до 26°, а к северу до 24°, при чём в средней её части имеется возвратное течение или пояс затишья. В целом экваториальные моря передвигаются, смотря по времени года и по данным морским пространствам, со скоростью 30 до 60 километров в день, при толщине слоя воды, наверно превышающей, в области нахождения оси потока, 1.500 метров. И такое движущееся море пробегает по крайней мере по половине окружности планеты! Что значат реки, изливаемые материками в море, в сравнении с этим океанским потоком, расход воды которого в секунду равняется по крайней мере двум куби-

ческим километрам, т.е. двум миллионам кубических метров!

Этот центральный поток—ствол, от которого ветвятся второстепенные течения, развивающиеся в остальной части Океана—порождает два боковых течения, занимающих: одно—северную часть Тихого океана, а другое—Южный океан. Приняв то же направление, как и Каролинские муссоны, воды экваториального потока движутся к северо-западу, в направлении к Японии; достигнув соседства с империей Восходящего Солнца, они несутся вдоль её берегов к северо-востоку и под именем Куро-Сиво, т.е. «Черного потока», распространяются в виде громадной кривой, поперек моря; хотя затем они мало-по-малу пропадают, как течение в собственном смысле, тем не менее они медленно движутся вдоль побережья Английской Америки, Соединенных Штатов и нижней Калифорнии, чтобы, наконец, снова вступить в экваториальное течение. Этому великому водовороту в северном полушарии соответствует другой водоворот—в полушарии Южном. Именно, воды, разливающиеся к югу от экваториальных морей, обойдя с востока и с запада Новую Зеландию, извиваются к югу в австральные моря, и, описав кривую, симметричную с другой Куро-Сиво, идут на соединение, на западе Чили, с береговым течением, которое направляется вдоль американского побережья, и пройдя около Галапагоских островов снова продолжает свой путь с востока на запад, в течение экваториальное. Подобный же круговорот наблюдается и в Индийском океане. Именно, и в нём воды жаркого пояса медленно текут в направлении на запад, образуя около Мадагаскара раздвоенный поток, несущийся, затем, к югу; далее, в антарктических пространствах моря, они соединяются с возвратным течением, которое, пройдя вдоль западного берега Австралии, присоединяется к экваториальным водам.

Впрочем, эти три обширных круговорота вод, сходные в своих главных чертах, представляют различия в подробностях, в зависимости от направления ветров, глубины моря и расположения соседних земель. Во многих местах, медленные воды ускоряют свое движение, и на лоне моря образуется как-бы река, воды которой отличаются от прибрежных как цветом, так и скоростью: трение такой реки об её жидкие берега рябит её короткими волнами, наподобие волн речной стремнины; встреча же вод различной температуры порождает туманы, которые и стелются далеко по морю: эти явления главным образом наблюдают в «Черном потоке» около Японии и на его продолжении чрез Северный Тихий океан. Кроме того, каждый водоворот имеет свои третьестепенные боковые течения, проникающие в заливы и проливы; наконец, каждый из них имеет свои притоки—течения холодной воды, которую ему шлют полярные моря, беспрестанный обмен образуется между теплыми водами экваториальных областей и водами низкой температуры ледовитых поясов. Общее движение несет полярные воды в направлении к экватору для уравновешения потерь, причиняемых испарением под тропическими широтами, и, сообразно с воздушными течениями, формою ложа и побережий, это совокупное перемещение жидких масс разлагается на частные потоки с более быстрым течением, из которых одни движутся рядом и в обратном направлении с течением, идущим от экватора, тогда как другие опускаются книзу, чтобы продолжать свой ход в глубинах.

С первого взгляда казалось бы, что все потоки полярных вод, имея более холодную температуру, а следовательно, обладая сравнительно и большею плотностью, должны всегда, встречаясь с теплыми водами, опускаться книзу для течения под верхними слоями воды в море; однако, такия массы холодной воды, будучи гораздо менее солеными, чем воды, обладающие более высокою температурою,—по причине ли меньшего испарения, или вследствие их смешения с талыми водами ледяных гор,—оказываются более легкими, чем окружающия их воды, и вследствие этого скользят по поверхности моря. Физики, исследующие глубины Океана, стремятся разъяснить направление наслоенных одно на другом течений и противотечений, наблюдая температуру вод на определенных расстояниях по линии лотоизмерения. Работа эта—одна из самых деликатных, а истолкование наблюденных явлений иногда очень затруднительно; однако, сопоставляя данные промеров, мало-по-малу приближаются к возможности проследить направление потоков вод в морских пучинах. Известно, какова нор-

мальная последовательность температур от поверхности моря до дна его ложа: тогда как поверхностный слой, находясь в соприкосновении с атмосферою, представляет температуру, мало отличающуюся от изотермы данного места, вода на дне едва лишь превышает точку замерзания, а промежуточное пространство обнаруживает вообще правильную постепенность охлаждения слоев жидкости. Каждая аномалия в этой постепенности, каждое резкое поднятие или опускание показателя на записывающем барометре, будет свидетельствовать, следовательно, о существовании какого-нибудь течения в глубинах. Так, в австральных морях, между 66° и 34° широты, порядок в последовательности температур, благодаря соседству льдов, претерпевает в глубине вод изменения. Между 150 и 350 метрами книзу от поверхности моря, слой более холодной воды залегает между поверхностными водами, нагреваемыми солнцем, и водами, с нормально-понижающеюся температурою, занимающими низ морской пучины. Этот слой холодной воды, едва лишь превосходящей точку замерзания (температура его колеблется между 0 и —2°), очевидно, обязан своею низкою температурою таянию громадных островов плавающего льда, почти вся масса которого омывается морскою волною.

Между особыми течениями, которые образует холодная вода, протекающая либо от полюсов, либо из глубин[1], самое замечательное, по своему влиянию на климат побережий, есть течение вдоль западного берега Южной Америки: это так называемое течение Гумбольдта или Перуанское, на 11-12° более холодное, чем вода в соседних морях. В северном полушарии, берега Северной Америки также омываются водами с низкой температурой, которые идут на смешение с волнами экваториальных морей. Небольшая часть этого холодного течения пересекает, в Беринговом проливе, ветвь того теплого течения, которое направляется к арктическим морям, но главная масса спускающейся к югу холодной воды происходит из морей около Аляски и из других заливов Тихого океана. Повсюду морские воды обладают поступательным движением, и таким-то образом южные потоки приносятся к северу, с соответственными фауною и флорою, а жаркия тропические области умеряются смежностью с холодными водами. Благодаря потокам, которые или смешиваются друг с другом или во взаимно-противоположном направлении двигаются бок-о-бок—ибо каждому перемещению воды соответствует перемещение противоположное,—из смешения климатов двух различных поясов создается климат новый. Даже великое экваториальное течение имеет свое противотечение, соответствующее воздушному поясу затишья и несущееся, в особенности в месяцы с июня по октябрь, в направлении с запада на восток, от Новой Гвинеи к Экуадору. Это движение—обратное по отношению к общему движению океанских вод—совершается, именно, по оси экваториального потока и в особенности к югу от экватора: его ширина, в среднем, начисляется в пятьсот километров, но на своем пути оно обнаруживаете большие неправильности и во многих мест выделяет из себя боковые водовороты. Равным образом и в Индийском океане наблюдается экваториальное противотечение, совершающееся вдоль северного берега того потока, который несет воды в направлении к западу. В истории переселений, этнологи придают высокое значение этим параллельным течениям и противотечениям, которые переносят народы с одного материка на другой.

На юге Океана, по окружности антарктического свода, подступы к землям защищены так называемыми ледяными полями, т.е. сплошными льдинами, которые перемещаются, изрезываются заливами, выдаются в море мысами, и там и сям образуют узкие проходы, пускаться по которым корабли могут лишь с большою осторожностью. Будучи высотою, в среднем, от 3 до 4 метров, но усеянные буграми, похожими на глыбы эрратические, ледяные поля не представляют уже непобедимого препятствия для моряков, располагающих могущественными рессурсами новейшей механики и обладающих такими судами, которые, по способу своей постройки, в состоянии противостоять ударам льдин. За этим движущимся авангардом простираются свободные пространства, по которым плавают большие ледяные горы, окруженные сопутствующими им меньшими глыбами. Приближавшиеся к Антарктиде мо-

1 Otto Krummel, „Handbung, der Okeanographie“, Band II.

реплаватели, достигавшие соседства полярного круга или даже переступавшие за 70° широты, заметили, что эти, увлекаемые течением на север, горы различаются как формою, так и происхождением, одни из них, происходя от извивающихся по горным долинам ледников с крутым уклоном, весьма различны по профилю и по внешнему виду: они представляются то в форме куполообразных вершин, то в виде островерхов или шпицев. Другие, обыкновенно громадных размеров, имеют форму прямоугольных глыб, при чём верхняя поверхность почти гладка. Эти плавающие массы оторвались от того «ледяного барьера», который в неравном расстояния простирается вдоль негористых участков берегов. Такия ледяные поля не растаивают даже и летом. В течение трех летних сезонов, в 1841, 1842 и 1843 г.г., Росс только восемнадцать раз наблюдал поднятие температуры над точкою замерзания, да и то менее чем на два градуса; некоторые из льдин, однако, были окружены бахрамой из прозрачных сталактитов, и Росс задавал себе вопрос: как эти сталактиты могли образоваться, так как он не видал, чтобы лед там таял[1].

По скольку сделанные до сих пор редкия наблюдения позволяют судить, ледяные барьеры—будучи, в среднем, высотою от 50 до 55 метров над уровнем тех волн, которые ударяются об их подножие—не что иное, как лед, медленно сталкиваемый о земли в море вследствие давления более или менее наклонно расположенных масс, покрывающих внутренния области материка. Благодаря своему удельному весу, эти ледяные барьеры выдвигаются далеко за черту берегов, иногда на 20 или 30 километр., не переставая быть приросшими к каменистому дну. Росс, бросая лот по соседству с барьером, нашел, что морское ложе находилось на глубине 475 метров, а на такой, именно, глубине, льды, выступающие на 50—60 метров над водою, и должны, так сказать, «потерять почву» и начать свободно плавать по водам. Действительно, так как вес ледяных глыб в сравнении с весом морской воды равняется приблизительно 0,9, то девять десятых их объема и будут погружены в воду; но так как основание ледяной глыбы обыкновенно шире её вершины, то глубина погружения в воду данной глыбы в семь или в восемь раз превосходит и высоту глыбы над поверхностью моря[2].

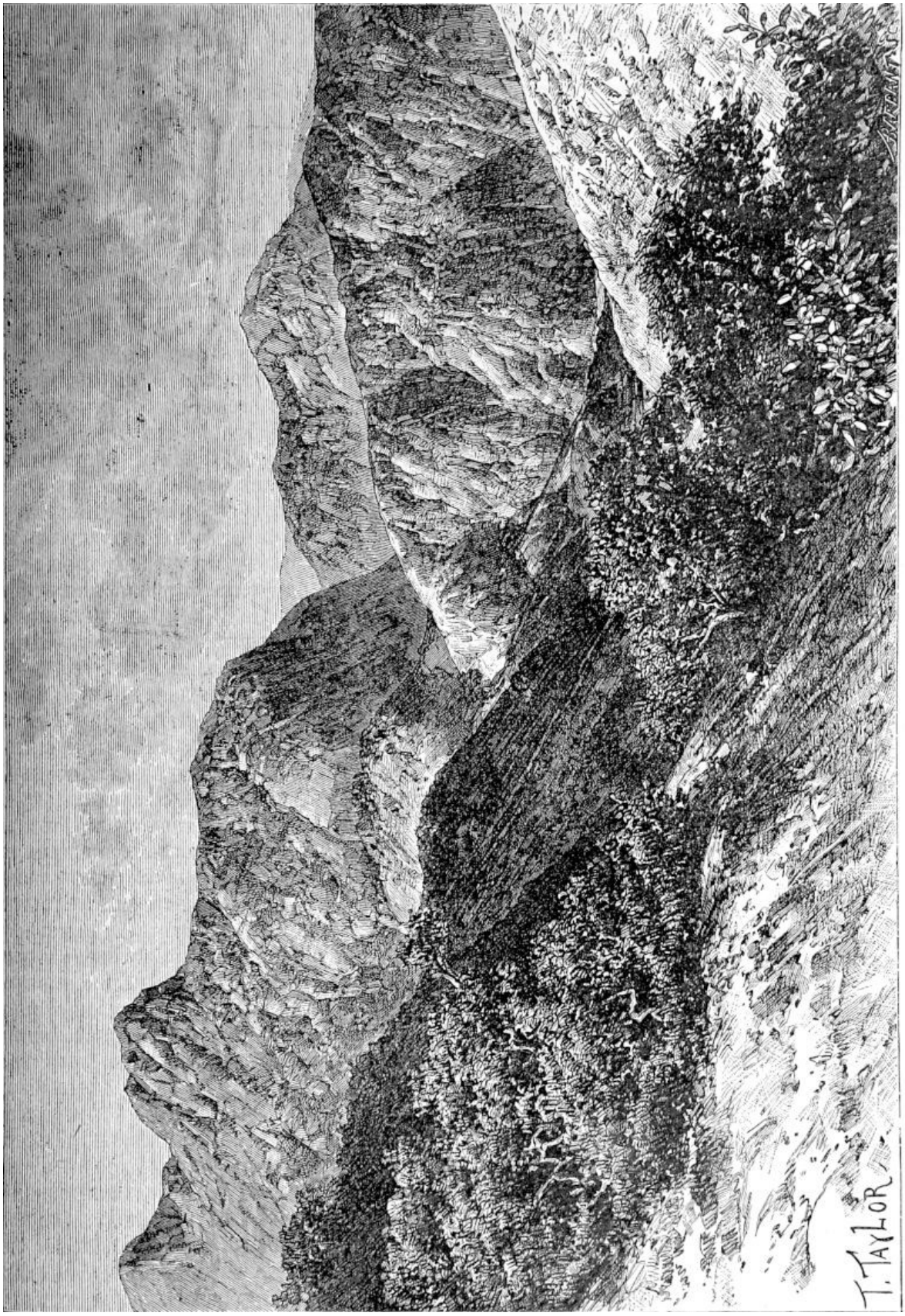
Раз отделенная от ствола континентальных льдов каким-нибудь большим прямолинейным взломом, такая колоссальная морская выкидка начинает свое странствие к экваториальным морям. Иная глыба представляет правильную стену, от 8 до 10 километров в длину и с выщербленными при подножии сводчатыми углублениями: издали кажется, что это фронт движущагося по водам города, порою блистающий на солнце, но чаще всего туманный, неявственный, как тень, вызываемая воображением. Вблизи гора имеет грозный вид; мощные бастионы возвышаются спереди; реданты, в которые вкатываются волны, вырыты между башнями, с нависших карнизов свесились драпри из снега. Ледяной утес, казавшийся издали ровною плоскостью, однообразного тусклого цвета, является взорам в бесконечном разнообразии контуров и оттенков; раздельные линии параллельных слоев снега, превратившихся от давления и времени в кристалл, следуют одна за другой по всей толще стены, всё более и более сближаясь, соответственно увеличению давления, при чём местами они искривлены или перерезаны трещинами. Выдающиеся части блестят своею белизною, затененные голубоваты, и каждый откос, каждая скважина во льду отливает красивою лазурью; ночью плавающая гора фосфоресцирует. Увлекаемая течением, она медленно движется под ударами волн, которые разбиваются об неё словно о подводную скалу; в стенах её открываются пещеры, и экипажи судов, приближавшихся к этим движущимся ледникам, слышали постоянный грохот воды, врывающейся в гроты и плещущейся об их стены. С течением времени, подпорные колонны рушатся, арки проваливаются, и качающиеся отрывки кристаллических гор теряют ту столовидную форму, которую, в сравнении со льдами северных ледовитых морей, представляет большая часть льдов Южного океана. Постепенно уменьшаясь, обломки плывут длинными вереницами, и между этими льдинами уже нельзя распознать, что было плавучим ледяным полем или льдом с земли.

---

1 Ratzel, „Verhandlungen des funften Deutchen Geographentags zu Hamburg“. 1885.

2 Murrau, „Scottich Geographical Magazine“, September, 1866.

Смотря по количеству наносов и быстроте течений, остатки ледяных полей подвигаются более или менее далеко в Океан; в среднем они не переступают за 55° широты; однако неоднократно их встречали гораздо севернее, именно на западе Новой Зеландии и в южном Ат-



Мадагаскаръ.—Путь между Андоворанто и Тананаривою.

лантическом океане; их видали даже у о. Тристан- д'Акунья и против мыса Доброй Надежды, под 34° широты; в среднем, льды антарктического полюса приплывают к экватору на 400 километров ближе, чем льды арктического полюса. Самая высокая ледяная глыба, при-

меченная с корабля «Челенджер», имела от 75 до 76 метров высоты. Кук видел глыбы, вздымавшиеся на 100 метров, а Уилкс встречал горы ещё выше этих на целую треть. В среднем, глыбы имеют от 450 до 900 метров ширины. Ни одна из тех, которые наблюдали естествоиспытатели с «Челенджера», не содержала камней, оторванных от скалистых стен гор; но Росс, Дюмон д'Юрвиль и другие исследователи видели много глыб с камнями. На одном рисунке Джона Мак-Наба, сопровождавшего Баллени в его экспедиции 1839 г., представлена одна из плавающих гор с черным камнем, ущемленным между кристаллами льда[1]. Другая мощная глыба, виденная Ведделем, была до такой степени покрыта черноватою землею, что издали её, наверно, приняли бы за скалу[2].

Таким образом, льды до известной степени участвуют в изменении форм материков, так как они отрывают земли от Антарктиды и несут их за сотни или тысячи километров к рассеянным в Океане островам, или же отлагают на морском дне, которое постепенно поднимается вследствие отложения наносов и, быть-может, современен достигнет поверхности и образует новые рифы. Но есть и другие силы, способные видоизменять очертания земель в Океане, и то увеличивать, то уменьшать их протяжение; в этом отношении исследования натуралистов показали, что в течение целого ряда веков эти силы произвели значительные перемены в географии Океана. Эти великие преобразовательные деятели главным образом суть: во-первых, очаги газов и расплавленных веществ, которые потрясают морское дно, затем пробивают его и выбрасывают наружу целые горы обломков; и во-вторых, полипы, «строители островов», усеивающие море своими чудными сооружениями.

Вулканы гораздо многочисленнее и деятельнее в бассейне Тихого океана и на внутренних берегах его материков, чем на омываемых Атлантическим океаном противулежащих побережьях Старого и Нового Света. Что такое острова Азорские, Канарские и Зеленого Мыса, вулканы Исландии и Антильских островов, в сравнении с «огненным кольцом», вписанным в тот громадный полукруг, образуемый берегами материков, от мыса Доброй Надежды до мыса Горна? Сотнями насчитываются горы с кратерами в этом вулканическом кольце, длиною около 35 тысяч километров, которое тянется от северного острова Новой Зеландии до южных вулканов Чили. В этом кольце ряд огнедышащих гор—там и сям прерываемый широкими брешами, особенно к северу от Новой Зеландии, заключает в себе: вулканы на Ново-Гебридских островах, в архипелагах Св. Креста и Соломоновом; горные цепи островов Филиппинских и Япония, где Мильн насчитывает 129 вулканов, в том числе 35 действующих: архипелаг Курильских островов, с его 16 жерлами и, наконец, 34 конуса, из которых 10 ещё дымятся, на островах Алеутских. Затем, посредством полуострова Аляски эта цепь вулканов примыкает к огнедышащим горам западного берега Нового Света. При том вулканическое кольцо не заканчивается оконечностью Америки, так как полярные земли, расположенные южнее, тоже имеют свои огнедышащие жерла, между которыми находятся: *Bridgman*, непрерывно отделяющий дым от своих красных шлаков, и западнее, в группе Новой Шотландии, иззубренный кратер острова *Deception*, с его кругообразною гаванью в 30 километров в окружности и в 177 метров глубины[3], гаванью, стены которой, состоящие из поперечных слоев пепла и льда, извергают ручейки теплой воды. Наконец, дуга, представляющая часть этого же круга и направляющаяся к австральному поясу, соединяет этот очаг с тремя высокими вулканами: *Эребусом*, *Терроpом* и *Мельбурном*, из которых первый освещает своими огнями угрюмое пространство снегов. От этих гигантов до гор Новой Зеландии, следует ряд мысов, островов, по крайней мере отчасти тоже образовавшихся из лав.

Внутри огненного кольца находятся другие слабые пункты морского дна, дающие трещины, чрез которые выступили горы шлаков и пепла, при чём большая часть этих извержений происходили по длинным линиям разлома, в большинстве параллельным друг другу и рас-

1 „Journal of the R. Geographical Society", Vol. IX. 1839.—Dumont d'Urvlle, „Voyage au Pole Sud et dans l'Oceanie".

2 Weddel, A. „Voyage towards the South Pole".

3 Kendal, „Journal of the R. Geographical Society". 1831.

положенным дугообразно. Острова Марианские, Тонга и Самоа имеют свои вулканы, а около центра той окружности, которую образуют огнедышащие горы Северного Тихого океана, вздымаются высокие вершины Гавайского архипелага, пронизанного кратерами. Вне этого круга, в направлении к Индийскому океану, мощная вулканическая цепь, начинающаяся на западе Новой Гвинеи, обнимает вереницу островов, простирающихся к северу от Тимора; к ним именно принадлежат: Флорес, Сумбава, Ломбок, Бали, а затем удлиненная земля Явы с её 45 вулканическими конусами, из которых 28 находится ещё в действии. На западной оконечности этого острова, ряд вулканов не продолжается уже более по прямой линии: другая трещина в земле круто пересекает ось трещины явайской, вследствие чего 67 вулканов Суматры, в том числе пять действующих, расположены по линии, направляющейся к северо-западу. Далее, в Индийском океане следует обширное пространство без островов вплоть до Мадагаскара, по соседству с которым возвышаются вулканы Маскаренских островов, а также и так называемый «Котел» на островах Коморских; остров Мадагаскар тоже усеян сотнями потухших вулканов. Наконец, и в тех частях австральных морей, где ещё плавают остатки антарктических льдов, рассеяны другие горы, образованные вышедшей из-под воды лавою: таковы острова Св. Павла и Амстердам.

В ряду всех этих сотрясающихся мест земной поверхности есть такия, где геологические перемены, производимые извержениями, пепельными дождями и землетрясениями, весьма значительны, по крайней мере в глазах людей, живущих в областях, подверженных земным ударам или покрывающихся вулканическими обломками. Новая Зеландия, Зондские острова, Курильский и Гавайский архипелаг принадлежат к числу этих стран, внешний вид которых изменился в окрестностях вулканов уже в исторический период, при чём, может-быть, самый деятельный вулканический очаг на поверхности планеты находится в Зондском проливе, именно в той местности, где пересекаются обе вулканические оси: Суматрская и Явская, и где приходится окраина того подводного кряжа, который отделяет Зондское плоскогорие от глубоких пучин Индийского океана. Там именно лежит прославленный остров Кракатау, который потерял две трети своего пространства во время извержения 1883 г., в то время, как новые острова поднялись с морского дна, и атмосфера наполнилась пеплом, разнесенным ветрами по всей поверхности земного шара.

Изменения, производимые кораллами, совершаются с большою медленностью, без резких сотрясений, но тем не менее они даже значительнее изменений вулканических; так, в одном только Тихом океане, Дана перечисляет 290 коралловых островов, занимающих, вместе с находящимися внутри их лагунами, пространство в 49.200 квадр. километров[1], а если, кроме того, сосчитать все пространства, на которых может поместиться деревня или кокосовая рощица, то в Индийских морях и в Тихом океане, особенно в восточной его части, оказались бы тысячи и тысячи островов или островков, возведенных полипами-строителями. Работы этих зоофитов не могут совершаться в водах, температура которых зимою ниже 20° Ц.; но пояс, где эти мелкие животные находят достаточную степень тепла, имеет, по обе стороны экватора, ширину, достигающую местами свыше шести тысяч километров. Повсюду, на этом огромном пространстве, колонии полипняков могут основываться на побережьях и отмелях, прикрытых водою метров на 40 или 45, а при некоторых условиях даже на 90 и 100[2]. Только кораллы не живут в водах, переполненных илом, и потому-то устья рек прерывают стены рифов своими наносами. Слишком крутой откос береговых круч также препятствует укоренению этих мельчайших строителей, и некоторые побережья, относительно которых полагали, будто они образованы «живым» кораллом, оказываются представляющими лишь «мертвыя» песчаные полосы земли, может-быть, вследствие того, что слишком сильные водовороты нагоняют на эти берега глубокия и холодные воды: этим, вероятно, и объясняется отсутствие кораллов на большей части бесплодного и знойного Сомальского берега.

Но, за исключением этих немногих перерывов, рифы окаймляют или окружают берега и

1 James D. Dana, „United States Exploring Expedition“. Vol. I.

2 Guppy, „Scottish Geographical Magazine“, March. 1888.

острова экваториального пояса. Многочисленны виды полипов, работающих над постройкой этих внешних берегов: сюда принадлежат мадрепоры, пориты и астреи; есть и другие отличающиеся от зоофитов роды мельчайших животных, выделяющих известь и таким образом работающих над увеличением пространства суши; наконец, есть и водоросли, нуллипоры и караллины, из которых одни облегают камни в виде твердой коры, на-подобие лишаев, а другие, склеиваясь друг с другом, образуют отложения на низменных берегах[1]. Возвышаясь мало-по-малу вследствие окаменения исчезнувших поколений, рифы разрастаются, благодаря новым нарождениям, которые сначала жизнедействуют на поверхности, а затем превращаются, в свою очередь, в каменную настилку. Прирост этих живых камней совершается, в среднем, с большою медленностью, много что на метр в течение двух или трех столетий; но так как полем их деятельности являются необъятные моря, то годичный результат выражается в сотнях миллионов кубических метров, которые зоофиты ежегодно прибавляют к твердому костяку земного шара. Даже острова, расположенные в сфере понижения и медленно опускающиеся по отношению к окружающему их морю, могут быть обахромлены поясом таких рифов, которые возрастают с большею скоростью и таким образом мало-по-малу поднимаются над поверхностью вод. Обыкновенно на наружном крае коралловых построек, в местах самого яростного прибоя волн, полипы всего лучше развиваются, и их постройки всего скорее достигают уровня приливных вод. Возвышение коралловой мели над морем и превращение её в остров или в побережье материка есть дело бурь: куски разломанного волнами кораллового пояса складываются в подводные камни; на них налагаются другие обломки, а затем волна и ветер приносят к ним семена; морские птицы свивают свои гнезда, и на новом пляже, отлагаемом волной и на котором бриза воздвигает дюны, появляются трава и кустарник.

Форма и наружный вид выдвинувшихся из-под воды кораллов разнятся, смотря по морским пространствам, на протяжении которых их возвели зоофиты. Менее замечательны прибрежные рифы, бахромою окружающие побережья материков или островов, и находящие себе точку опоры на камнях или на песчаных береговых полосах; но во многих местах рифы не прикасаются к тому берегу, около которого они выведены; они высятся в виде барьера на известном расстоянии от поморья, оставляя между своим внутренним краем и сушею либо узкий судоходный канал, либо более или менее обширное водное пространство. Между этими барьерами есть такие, которые продолжаются от берега в открытое море на сотни километров, или даже, как «большой барьер Австралии», слишком на две тысячи километров; другие же, как, наприм., кольцеобразный риф Новой Каледонии, совершенно окружают остров, служащий для них ядром; здесь стоит только совершиться небольшому поднятию, и промежуточное пространство между островом и кольцом станет сушей, и выступившая из-под воды земля возрастет таким образом вдвойне. Наконец, есть тысячи островов, у которых нет центрального ядра и которые состоят из полного или только частичного кольца, заключая среди себя внутреннюю лагуну, либо ещё соединяющуюся с морем, либо совершенно отделенную от океана и постепенно заполняемую отложением песков и останков мельчайших животных; есть даже лагуны, превратившиеся в пресноводные бассейны, благодаря постепенному обновлению их содержимого дождями. Эти кольцевидные рифы называются атоллами, по имени кольцеобразных рифов Малдивских островов, наиболее правильных и самых многочисленных образований этого рода, какие существуют в Океане. Между бахрамою из рифов около берега материка и совершеннейшим атоллом, осаждаемым по всей окружности морскими волнами, а внутри имеющим тихую лагуну, наблюдаются всевозможные переходы. Даже большая часть сорока тысяч вышедших из-под воды земель Малдивских островов[2] сгруппированы таким образом, что они образуют атолл на атолле, т.е. что каждый отрывок кольца представляет и сам кольцо

Известно, к каким смелым обобщениям о медленных колебаниях земной поверхности

1 Dana, „Corals and Coral-Islands“;—A. de Lapparent, „Traite de Geologie“.

2 Owen, „Journal of the R. Geographical Society“, 1832

привело знаменитого Дарвина изучение коралловых рифов. Констатируя тот факт, что барьеры рифов и наружные стены атоллов во многих местах высятся над весьма глубокими морями, он заключил, что эти каменистые образования были целиком возведены многими поколениями тех строителей, которые ныне усеивают верхний риф звездочками своих венчиков. Но так как виды, создающие кораллы, могут работать только в поверхностных слоях моря, там, где непрерывно движущиеся воды приносят им материалы для их построек, то громадные высоты коралловой скалы свидетельствуют, по мнению Дарвина, о постепенном понижении морского дна. Когда первые колонии полипов начали свое дело, они находились самое большое лишь метрах в сорока от поверхности моря; но, по мере того, как они возводили свои постройки, почва под этими сооружениями понижалась, и таким образом коралловая стена, всё более и более погружаясь в глубину вод и постоянно возростая на вершине, непрерывно увеличивала также и свою толщу, перейдя далеко за пределы сорока метров. Так объясняется образование рифов в виде барьера на большом расстояния от берегов: именно, некогда они окаймляли побережье, но так как постепенное понижение морского дна увлекало за собою также и побережье, то благодаря непрерывному труду мадрепор и сродных с ними других видов, одному только рифу и сохранялась возможность разростаться на поверхности; суша, некогда служившая точкою опоры, мало-по-малу погружалась в глубины, отдаляя свое побережье от внутреннего барьера возростающих рифов; кольцевидный канал постепенно расширялся и даже, в конце концов, исчезновение центрального ядра вышедших из-под воды земель превращало его в лагуну: замкнутая в атолле лужа указывает то место, где некогда возвышалась гора исчезнувшего острова. Иной архипелаг, как, напр., архипелаг Низменных островов, есть, по выражению Дана, не что иное, как «обширное кладбище, где каждый атолл обозначает местонахождение поглощенной земли». Руководясь этою теориею, легко было бы распознать на пространстве морей те колебательные движения, которым следовали острова: приподнятые над уровнем моря рифы на откосах гор указывают на эру выхождения их из-под воды; массивы кораллов в виде бахромы свидетельствуют о пребывании берега в относительном покое; наконец, «барьеры» и атоллы являются как бы поплавками над частями суши, скрывшимися под воду. Большая часть островов Тихого океана—т.е. все те, которые следуют один за другим на пространстве от острова Питкерн (в архипелаге Низменных островов) до Филиппинских и находятся к северу от островов Товарищества и Самоа—принадлежат к поясу понижения; эти разбросанные острова, быть-может, составляют остатки материка, ограничивавшего на юге весь Северный Тихий океан.

Такова теория Дарвина; но невероятно, чтобы она могла быть приложима ко всем землям Великого океана, окруженным рифами. Не подлежит, конечно, сомнению, что там, где каменистые пьедесталы, на которых полипы продолжают возводить свои сооружения, состоят из коралловой извести до значительных глубин, действительно имело место понижательное движение, увлекавшее бывшие земли в океанские пучины; но подобные проверки могли быть предприняты пока лишь для небольшого числа пунктов, и, за отсутствием непосредственных наблюдений, следует ограничиться признанием, что понижательное движение весьма вероятно там, где наружные стенки коралловых островов, погружаясь в глубину моря, представляют крутой уклон, впрочем весьма редко наблюдаемый на дне морей: так, наприм., около острова Эндербюри, в архипелаге Феникс, лот обнаруживает уже известную глубину в расстоянии от 3.640 до 4.800 метров от побережья; в 1.600 метрах от острова Опасного, неподалеку от Ваникоро, дно найдено лишь на глубине 1.801 метра, а один из внешних профилей рифов Таити оказывается имеющим уклон в $72^1/_2$ градуса[1]. С другой стороны, промеры, сделанные по соседству с некоторыми коралловыми островами, показали, что у подножия откоса в несколько десятков метров простираются обширные платформы, с которых были добыты, вместе с осыпавшимися кустами кораллов, также и обломки горнокаменных пород вулканического происхождения. В этом случае весьма вероятно, что или огнедышащие конусы, размытые волнами на небольшой глубине от уровня моря, послужили пье-

1 Dana, „American Journal of Science“, 1885;—O. Krrummel. „Geographisches Jahrbuch“, 1887.

десталом для сооружений, возводимых кораллотворными животными[1], или же, что постройки полипов покоятся на пластах, всецело образованных другими мельчайшими животными, работающими в глубине морей[2].

Терпеливые наблюдения естествоиспытателей позволят современем классифицировать коралловые острова сообразно с их происхождением и историей. Многие острова, указанные Дарвином как находящиеся в области понижения морского дна,—Низменные, Фиджи, Палаос, Соломоновы, Тонга,—оказываются, напротив, лежащими в площади его поднятия[3].

Разсматриваемое нами океаническое пространство, обнимающее более половины поверхности планеты, от Берингова пролива до Антарктиды, натурально, представляет ряд всех климатов, и вследствие того, развивающиеся на его островах и архипелагах животные и растительные формы принадлежат к самым разнообразным типам. При этом, более или менее схожими с материками по своей фауне и флоре оказываются такие острова океана, которые находятся вблизи материков; однако, Инсулинд есть единственная островная группа, которую можно рассматривать как входящую, по отношению к населяющим её организмам, в состав Старого Света: индийская флора, задерживаемая в своем распространении лишь неглубокими проливами, продолжается и на юго-восток, на Инсулиндские острова, проявляясь на них даже в таком богатстве форм, которое можно наблюдать только в немногих привилегированных округах самого соседнего материка. Она же, благодаря муссонам, теченим и противо-теченим, распространилась также на множество небольших экваториальных островов, из которых некоторые обладают эндемическими растениями лишь в небольшом числе[4]. Это поразительное сходство, обнаруживаемое флорами отдаленных островов—и не только по отношению к растениям, введенным человеком, но также и относительно растений, свойственных исключительно тому или другому острову,—представляет одно из доказательств, приводимых некоторыми естествоиспытателями в подкрепление мысли о некогда обширном сплошном протяжении океанских земель, которые в наши дни раздроблены на сотни рассеянных отрывков[5].

Если некоторые отдаленные друг от друга земли представляют большое сходство в своем убранстве растениями, то, наоборот, есть близкия одна от другой земли, являющие в этом отношении замечательную противоположность. Мадагаскар, по своей флоре—земля самостоятельная, и ни в каком случае не африканский остров, как можно было бы думать, судя по положению его на карте: более половины распознанных видов принадлежат исключительно этой мальгашской земле. Точно также вулканические Маскаренские острова, которых мысы из лав море омывало во все времена, являются землями с весьма большим числом оригинальных форм, вследствие чего их можно рассматривать как отдельные ботанические станции. В Тихом океане, Гавайский архипелаг также составляет отдельную область: из всех островных групп тропических областей, он обладает наибольшим числом эндемических растений. Наконец, на Галапагосских островах—хотя и расположенных по соседству с Америкою и находящихся непосредственно под влиянием того экваториального течения, которое направляется от берегов Экуадора—более половины растений, по происхождению, местные; даже каждый из этих шести островов составляет особый центр. Именно, чащи растений, принадлежащих к одному и тому же роду и произростающих на сходственных почвах, состоят, однако, из различных видов на разных островах.

Флора австралийского материка—одна из наилучше отграниченных на планете, хотя северные и северо-западные побережья этой земли весьма близки к островам, принадлежащим к сфере индийской растительности; между Йоркским полуостровом, в Австралии, и берега-

1 John Marray, „Proceedings of the R. Society of Edinburgh“, 1880;—A. de Lapparent, „Traite de Geologie“.
2 Buchanan, „Natural conditions of Animal Life International Scientific Series“, vol. XXXI.
3 Semper;—Guppy, „Scottish Geographical Magazine“. March. 1888.
4 Grisebach, „La Vegetation du Globe“. Trad. par P. de Tchihatcheff.
5 P. de Tchihatcheff, „Appendice“ к соч. Гризебаха.

ми Новой Гвинеи противоположность поразительна, а между тем разделяющий их пролив усеян островками, представляющими, казалось бы, столько мест для остановок переселяющихся растений. Конечно, Австралия не лишена растений индийского происхождения: в лесах северо-западных областей находят по крайней мере сотню древесных пород, прибывших с материка Азии; но типические формы одни и те же от одного конца Австралии до другого, и повсюду растительность представляет много родственных черт в своем облике. Господствующими в лесах оказываются: эвкалипты, акации, казуарины и деревья, листья которых едва развиты или, прозябая вертикально, обращены к земле: что же касается до не-лесных областей, то они повсюду покрыты перемешанными кустарниками. Эндемическая флора Австралии весьма богата: разнообразием растений она уступает разве только области мыса Доброй Надежды. Новая Каледония, хотя лежащая в 1.300 километрах от Квинслендского берега, представляет в своей растительности поразительное сходство с австралийским материком, однако, расстояние между ними слишком значительно, чтобы мог происходить значительный взаимный обмен видами. Напротив, непосредственно к востоку от Новой Каледонии, Ново-Гебридские острова по своей роскошной тропической растительности примыкают к индийской флоре.

Остров Норфольк, тоже находящийся в восточных морях Австралии, отличается своею эндемическою флорою, в состав которой входит один из самых красивых видов араукарии, одно пальмовое растение, затем древовидные папоротники и крапивные; он составляет переход между Новою Голландией и Новою Зеландиею, совершенно отличных друг от друга характером своей растительности; по Гризебаху, новозеландская флора имеет более сходства с флорой Араукании, чем с растительностью соседнего материка. Леса, вечно зеленые, суть самые богатые в свете по своим древовидным папоротникам, и, следовательно, лучше, чем другие, дают понятие о том, каковы должны были быть леса в те геологические времена, когда преобладали большие тайнобрачные растения[1]. Но, в целом, растительность сравнительно бедна, что, конечно, зависит от уединенности архипелага в необъятном Океане. По богатству древовидных папоротников, остров Жуан-Фернандес, хотя очень близко лежащий к Чили, примыкает к области Новой Зеландии.

Что касается островов Океана, лежащих к югу от 45° широты, по направлению к антарктическому поясу, то почти не стоит говорить об их флорах, очень бедных в сравнении с флорами под такими же широтами северного полушария. Даже остров Кергуелен (Kerguelen), лежащий к югу от Индийского океана, в таком же расстоянии от южного полюса, в каком Гавр и Шербург находятся от полюса северного, имеет, по Гукеру, всего только 18 явнобрачных растений, что составляет лишь пятую часть растительного богатства Шпицбергена[2]: неплодородие почвы, положение острова посреди необъятнаго пространства морей, может-быть, также отсутствие солнца на пасмурном небе и, наконец, чрезвычайное однообразие годичного климата—таковы причины этой бедности страны растительными видами. Земли, более близкия к антарктическим льдам, обладают ещё некоторыми растениями, но моряку, плывущему около их суровых утесов, они могут показаться совершенно голыми. Первые путешественники, отваживавшиеся посетить южные австральные моря, говорят с ужасом об этих островах, на которых виднеются только утесы, пески и снега, и вершины которых попеременно то скрываются, то снова становятся видимы среди облаков, гонимых и раздробляемых ветром. «Проклятые земли! Царство вечной тьмы!»—говорят они про эти острова[3].

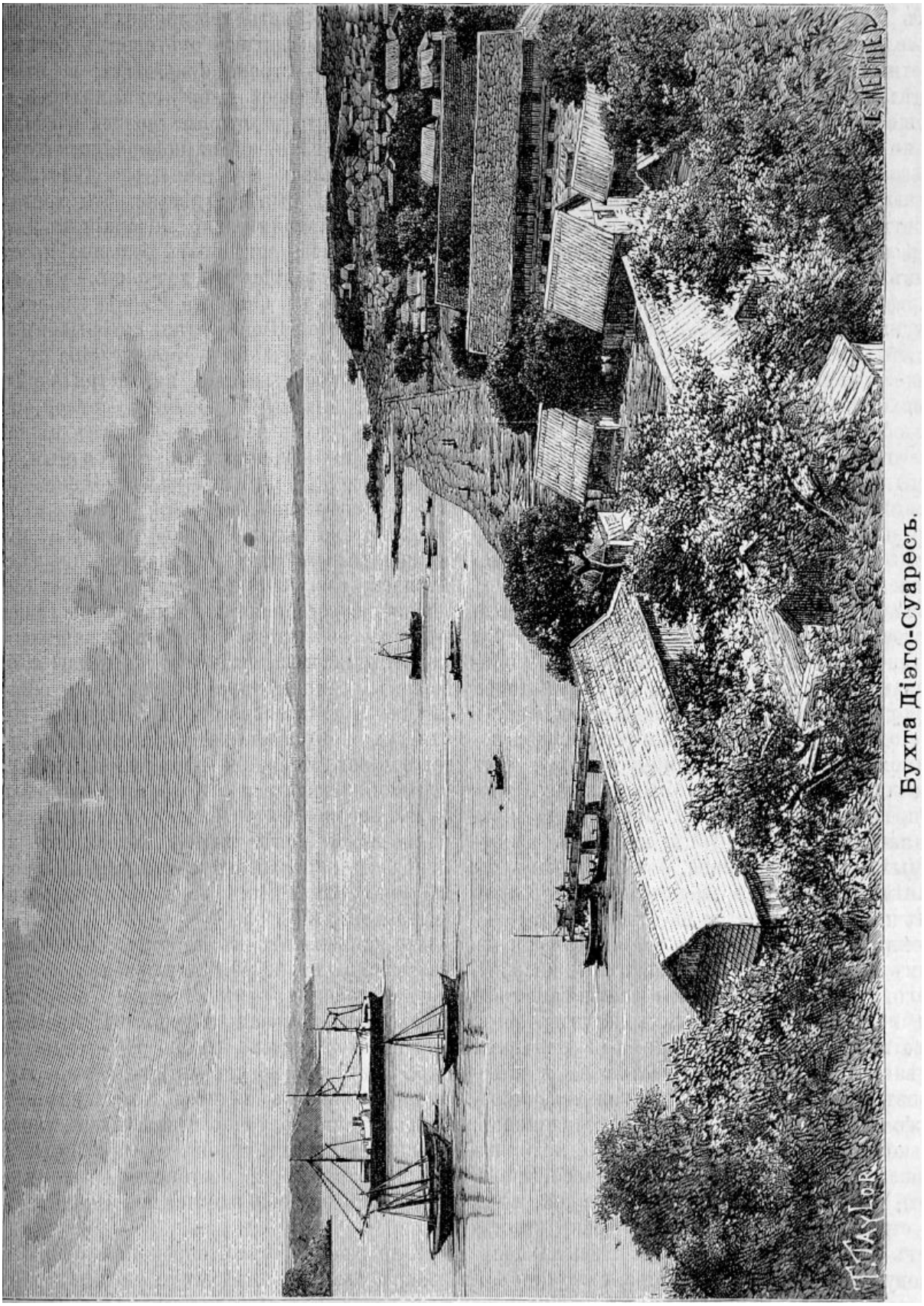
Имея специальные флоры, океанские острова обладают также и особенными фаунами; однако, способ распространения эндемических видов являет большие противоположности, находясь в зависимости от направления ветров и течений, уединенности земель и легкости доступа к ним. Морские птицы дальнего перелета, без отдыха переносящиеся за тысячи километров, имеют весьма обширную область, ограничиваемую, на юге и севере, только пре-

1 F. von Hochstetter, „Neu-Seeland“.

2 Grisebach, упом. соч.

3 G. K. Forster, „Observations made during a Voyage round the World“.

пятствиями со стороны климата; переселения для них столь же легки, как для рыб, и они могут распространяться с одного острова на другой, подобно тем растениям, семена которых месяцами противостоят действию морской воды. Но, помимо этих птиц, крылья которых де-



Бухта Діаго-Суаресъ.

лают их властелинами над пространством, остальные животные почти все являются пленниками в пределах своего острова, и если какое-нибудь сообщение одной земли с другою и случается, то оно совершается либо при посредстве человека, либо же геологические переме-

ны выдвигают наружу какой-нибудь подводный хребет, создающий возможность перехода между различными станциями. Существование тех видов, которые общи многим островам или же этим землям и соседним материкам, объяснить как-либо иначе была бы невозможно: что же касается видов, свойственных только одному острову или архипелагу, то происхождения их следует искать в месте их обитании ныне; там именно и создались эти отличные друг от друга животные формы, какой бы ни был способ их появления. Однако, между такими видами, свойственными океанским землям, высшие животные редки; зато низшие отряды представлены в значительно большей пропорции.

Мадагаскар, эта большая земля, которая по своей флоре может быть возведена почти на степень отдельного материка, не менее оригинальна и по своей фауне, формы которой являют вполне местный тип, за исключением лишь одного вида кабана (sus personatus), повидимому, общего как данному острову, так и соседнему материку[1]. Маскаренские острова представляют также отдельный мир, обнимавший недавно птиц, не вполне вооруженных для жизненной борьбы и как бы заранее обреченных на исчезновение вскоре после прибытия человека на эти острова.

Земли Инсулинда, хотя столь близкия к обоим индийским полуостровам, не должны, однако, в отношении фауны рассматриваться как простые придатки этих полуостровов; напротив, повидимому, они были центрами рассеяния для многих животных, и полуостров Малакка и Кохинхина, кажется, столько же получили от них переселенцев, сколько и уделили им: так, с материка перешли на Суматру—слоны, носороги и тигры; с Борнео же, или по крайней мере из страны, которой этот остров составляет отрывок,—распространились по полуострову Западной Индии оранг-утанг и известное число других видов, свойственных малайской фауне. Земли Инсулинда столь богаты большими млекопитающими, что их следует рассматривать как составляющие ещё часть азиатского мира, при чём линия, разграничивающая две зоологические области: малайскую и австралийскую, проходит к востоку от Целебеса, который представляет отдельную область, во многих отношениях весьма отличающуюся от своих соседей.

Австралия—страна сумчатых: и в своей фауне, и в своей флоре, она являет такую древность, что некоторые геологи считают её за одну из тех земель, поверхность которых не подвергалась изменению от действия стихий; однако, ныне известно, что третичные отложения, сравнительно недавния в истории земного шара, занимают большое пространство на австралийском материке. Сумчатые—неизвестные в Старом Свете, за исключением областей Индо-Китая, которые в этом отношении могут быть причислены к Австралазии,—представлены на австральном материке тринадцатью родами и сотней видов, тогда как там нет ни обезьян, ни толстокожих, ни жвачных, а плотоядные, грызуны и неполнозубые весьма немногочисленны. Своеобразна Австралия также и в отношении животных низшего порядка: птицы, ящерицы там резко отличаются от тех же отрядов азиатского континента. Новая Зеландия также составляет микрокозм: лишенная некогда собственно ей принадлежащих млекопитающих, за исключением крысы и, быть-может, одного вида выдры, она обладала двумя замечательными семействами птиц: apteryx и dinornis, которые, подобно дронту на острове Маврикия, погибли, не будучи в состоянии спасаться от дротика маорисов и ружья европейцев. Оба ново-зеландские острова имели не менее пятнадцати видов этих птиц из страусового семейства, почти столь же многочисленных, как страусы во всём остальном мире[2].

По направлению к востоку, на островах, рассыпанных по Тихому океану, больших млекопитающих нет вовсе; встречаются лишь летучия мыши и грызуны; пресмыкающиеся также весьма редки. Но птицы, благодаря тому, что могут летать и плавать, распространились в значительном числе по архипелагам; также точно и сами люди, уносимые крыльями своих судов за проливы и большие рукава моря, постепенно колонизовали почти все острова не-

1 Grandidier et Alph. Milne-Edwards, „Histoire naturelle des mammiferes de Madagascar“.

2 Alfred И. Wallace, „The Island Life“,—„The Geographical Distribution of Animals“.

объятной Океании.

Ещё раньше, чем европейцы открыли половину планеты, покрытую водами, островитяне этих областей познакомились друг с другом, и уже в то время совершались великия переселения, с одной стороны—к Мадагаскару, с другой—к отдаленным восточным островам, в направлении к Новому Свету. Различного происхождения населения, занимающие Малайские острова и связанные родством или торговыми сношениями с народами Юго-восточной Азии, являются посредниками в сношениях, установившихся между двумя оконечностями Океана; мадагаскарские островитяне, по крайней мере отчасти, родственны малайцам Инсулинда, и постепенно обитатели этих островов, одни светло-кожие, другие темно-кожие, распространили область своего расселения к востоку, при чём отчасти смешивались с аборигенами, отчасти же колонизовали незанятые земли. Все туземные языки, от Мадагаскара до острова Пасхи, от морей африканских до морей Америки, рассматриваются как составляющие одно лингвистическое семейство—семейство малайско-полинезийских наречий[1]. Тем не менее разница между крайними членами этой группы, т.е. между наречиями, наиболее различающимися друг от друга, весьма велика, и, вообще, мы ещё весьма далеки от познания всех переходов между этими языками.

Если общностью своего происхождения языки океанских народов свидетельствуют о переселенническом движении в различных направлениях по всему пространству Индийских морей и Тихого океана, то большие контрасты между самими этими населениями указывают на весьма значительное различие их происхождения, так что многие писатели даже помещали островитян в совершенно различные расы, смуглые (коричневые) или черные. Как бы то ни было, различия, представляемые населениями во многих океанских областях, либо от одного архипелага к другому или между двумя островами, либо между горами и равнинами, в большей своей части могут быть объяснены перекрестом двух волн этнических переселений. В то время, как одни населения распространялись между Африкою и Америкою, всё далее и далее по направлению экватора, другое движение совершалось как раз поперек первому, именно между юго-восточным углом Азии и австралийским материком. Подобно тому, как в водах перекрещиваются течения, так точно перекрещивались и переселения людей при их проникновении чрез океанские земли. Одно из этих движений распространялось чрез обширные моря по широтам и придало различным расам сходство в языках; другое же, переходившее с одного полушария на другое, через узкие рукава моря, последовательно приводило с великого континентального тела народности, различающиеся внешним видом и нравами, и, таким образом, постепенно замещало одни цивилизации другими. Так, чрез полуостров Малакку, а может-быть, также и чрез земли, ныне исчезнувшие и прикрытые неглубокими водами Явского (Зондского) моря, нашли для себя путь те различные чернокожия населения, которые ныне рассеяны по островам. Но этим же путем прибывали малайцы, а равно и другие, родственные им по происхождению, переселенцы, рассеявшие негров и оставившие им либо отдаленные острова, либо трудно-достижимые горные области. Вообще принимают, что саманги и сокайи Малайского полуострова, минкопы Андаманских островов, негритосы Филиппинского архипелага, папуасы Новой Гвинеи и австралийцы, хотя по большей части сильно разнящиеся друг от друга, по происхождению принадлежат к той же группе, как и чернокожие народны Индии, Сантала, Гонда, Коля и Мундаха; но в течение длинного ряда веков, когда переселившиеся на юг народцы жили в непривычных климатах, борясь с различного рода трудностями, вынужденные на тысячу ладов изменять свой образ жизни, вследствие своего соприкосновения с различными, то союзными, то враждебными им населениями, и разнообразно смешиваясь с этими новыми элементами, сколько перемен должно было совершиться и как сильно преобразовался первоначальный тип сообразно месту и времени!

Всего лишь две тысячи лет отделяют нас от зари исторических времен в Инсулинде, и

1 Marsden;—Crawfurd;—Van der Tuuk;—Dahle;—A. Quatrefages, „Les Polynesiens et leurs migrations“.

этого короткого промежутка достаточно для того, чтобы обнаружить перед нами важное влияние цивилизаций Азии на южные приморские населения. В начале этого периода, образование между населениями Явы, Бали и Суматры распространяли индусы; доказанное влияние их простиралось даже до Борнео, при чём памятники, названия мест, способы письма, религиозные легенды и нравы целых населений свидетельствуют о том могучем действии, которое оказывали индусы. Арабы, сменившие индусов, как посредники в меновой торговле и как цивилизаторы, тоже выполнили значительное дело в этом мире Островной Азии, так как миллионы людей исповедуют там в настоящее время их религию и даже, на пространстве от Коморских островов до Борнео, имена людей и прозвища семей—арабские. Что касается китайцев, то их влияние было менее непосредственное: они живут более особняком от туземцев, и в отличие от миссионеров Индии и Аравии не занимаются религиозною пропагандою; однако, во многих округах они составляют основу населения; посредством своих многочисленных иммигрантов, издавна поселившихся в крае, они непрестанно обновляют свою расу.

Ныне преобладает влияние западных европейцев. Все эти земли малайцев, негритосов, папуасов, канаков и маори в политическом отношении принадлежат или по крайней мере считаются входящими в сферу притяжения какой-нибудь державы в Европе или Соединенных Штатов. Океанский мир почти всецело разделен, на-подобие Африки. Европейцы—располагая тысячами дорог в море, а также и путем, проложенным ими самими между двумя материками чрез Суэзский перешеек—берут верх над всеми прежними завоевателями: индусами, арабами и китайцами, быстротою передвижений, материальною силою и превосходством цивилизации, и год от году всё сильнее и сильнее укореняются в этих областях, являющихся, однако, антиподами по отношению к их отечеству. Можно даже сказать, что с австралийскими колониями и Новой Зеландией создалась новая Европа, как бы уравновешивающая в географическом отношении ту, которая находится по другую сторону планеты, и для которой эта новая Европа является авангардом в австральных морях. Но в праве ли мы праздновать, как «победу цивилизации» и как прогресс по преимуществу, это распространение европейской расы и европейских идей, когда оно покупается насилием, порабощением и систематическим истреблением целых народов?

Главные этнические деления народов, населяющих земли Океана, в общем соответствуют географическому распределению островов. Так, Мадагаскар образует небольшой отдельный мир, в котором малайские переселенцы и туземцы, родственные африканским неграм, живут друг возле друга. Инсулинд и Филиппинские острова населены главным образом малайцами, братьями тех, которые обитают на полуострове Малакка; но между ними сохраняются, в виде изолированных групп, люди другого происхождения, чернокожие, о которых полагают, что они дравидийского корня. Архипелаги: Палаоский, Марианский, Каролинский и Маршальский, рассеянные к северу от экватора и меланезийских земель, и по справедливости носящие имя Микронезии, представляют смесь рас, составляющую переходную ступень между малайцами, папуасами и островитянами малых островов-спутников Японии. Южнее, в Папуазии и на протяжении целого ряда почти смежных, соприкасающихся друг с другом земель: Новой Британии, Новой Ирландии, Соломоновых островов, Новой Каледонии, Ново-Гебридского архипелага—островов, в их совокупности называемых Меланезией, по причине обитающих на них людей с «черною» кожею,—эта черная раса имеет перевес над всеми остальными элементами. Австралийский континент принадлежал недавно также племенам чернокожим, лишь слегка и только на некоторых берегах, представлявших незначительную смесь с малайскою кровью. Наконец, все восточные острова—с одной стороны вплоть до Гавайских островов, а с другой до Новой Зеландии—принадлежат к остаткам полинезийских наций, ещё сохраняющих замечательное сходство друг с другом в своих типах, несмотря на воды, удерживающие их в плену.

Глава II Острова Индийского океана

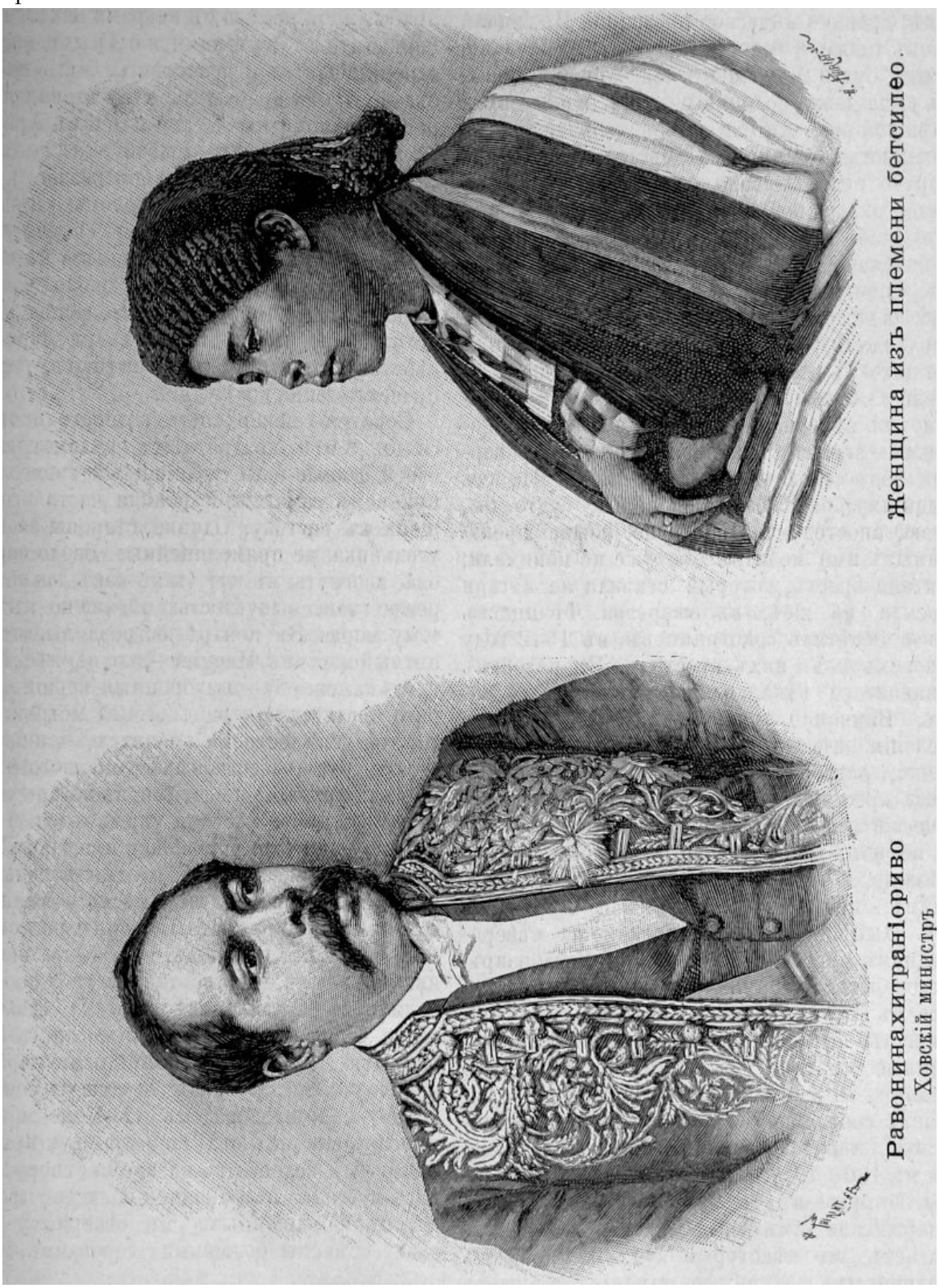
I. Сокотра

Из всех земель Индийского океана, остров Сокотру или Сокотору с наибольшим правом можно рассматривать как простое географическое дополнение африканского материка. Хотя пролив, шириною в 250 метров, и отделяет его от мыса Гвардафуй, а промежуточные морские пространства представляют пучины в 900 метров глубины, тем не менее расположение острова на одной и той же оси с крайнею оконечностью Сомальского края и целый ряд островков и рифов, тянущийся между двумя землями, показывают, что Сокотора есть отрывок отделенный от Африки. Но в политическом и торговом отношениях, она всегда принадлежала к Азии, и ныне в административном отношении зависит от города Адена, одной из азиатских крепостей Великобритании. С 1835 и по 1839 год она была занята английским гарнизоном, но затем покинута для Адена, представляющего в стратегическом отношении пост несравненно более важный. В 1645 г. Сокотра была объявлена «коронною колониею»; однако, завладение это оказывается более фиктивным, чем реальным; то же самое было прежде с сюзеренной властью, которая уже пять столетий принадлежит Кешинскому султану, пребывающему к северо-западу от острова, на ближайшем к нему побережье Аравии.

Самое имя Сокотры свидетельствует о древности связанных с ним воспоминаний и легенд: в географии Индии, Сокотра считалась одним из лепестков громадного цветка лотоса, плавающего поверх вод: это была dvipa soukhatara, Diou-Skadra или «полуостров блаженных», один из тех счастливых островов, в существование которых за облаками заходящего солнца верили во все времена народы, жаждавшие лучшей судьбы[1]. Греки сделали из этого острова «Диоскориду», землю «Диоскуров», тогда как арабы чище сохранили, в нынешней его форме, древнее индуское прозвище. Посещали остров также и греческие купцы, а предание гласит, будто Александр Македонский посылал сюда даже колонистов. В первые века нынешней эры, жителя острова обратились в христианство, приняв, следовательно, религию, которую исповедывало большинство жителей Йемена; около конца тринадцатого века, они были «все окрещены» и признали власть архиепископа[2]. В эпоху прибытия португальцев,—появившихся впервые в 1503 году, а затем и поселившихся на острове для надзора за подходами Красного моря и пленения проходящих в соседстве арабских шлюпок,—жители Сокотры ещё называли себя христианами; их вероучение походило на культ абиссинских яковитов, и, подобно им, они совершали над собою также и обрезание. По их преданиям, они были обращены, будто бы, Фомою, апостолом Индии, но языка произносимых ими молитв они уже не понимали; почитали крест, который ставили на алтари и носили на шее, в ожерельи. Франциск Ксавье посетил сокотринцев в 1542 году и многих из них крестил. В половине семнадцатого века, один кармелитский монах, Винченцо, нашел ещё у тамошнего населения некоторые следы христианства: именно, островитяне становились на колени перед крестом, носили его при совершении процессий и своим дочерям давали имя Марии; но из «таинств» они совершали только обрезание, которое к тому же не было и всеобщим; кроме того, приносили жертвы и луне. Ныне, имя одной деревни на северо-западном берегу, Колесса или Голлонзир, может-быть, напоминает о существовании здесь в старину церкви (*ecclesia*); имя это, да кресты на могилах[3], составляют единственные остатки христианства. Почти всё население, хотя различного происхождения, называет себя арабами и исповедует магометанскую веру[4], однако, без фанатизма, хотя в 1800 году островом овладели вагабиты,

1 Lassen, „Indische Altherhumer“.
2 Marco Polo, Издания Pautier и Yule.
3 F. M. Hunter, „Journal of the Anthropological Society“, 1877.
4 Henri Yule, „The Book of ser Marco Polo“;—Romanet du Caillaud, „Missions Catholiques“, 1887.

которые в течение, нескольких лет поддерживали там свой режим. Швейнфурт полагает, что некоторые кучи камней суть разрушенные алтари; но он не указывает никаких древних памятников, кроме одного камня, на котором видно несколько греческих букв, оставшихся неразобранными.



Женщина изъ племени бетеилео.

Равонинахитранiориво
Ховскій министръ

«Бедуины», обитающие внутри острова и отличающиеся высоким ростом и крепкой мускулатурой, очевидно, другой расы, чем прибрежные жители, которые либо чистые арабы, либо помесь с неграми. Их считают первобытными жителями; язык их, впрочем, стремящийся к исчезновению, был настолько отличен от арабского, что оставался совершенно непонятным для людей с Аравийского полуострова, если только они не были с ближайшего к

Сокотре побережья[1]. Неподалеку от Тамариды, столицы, некоторые из этих бедуинов, горцы сайени или кишим[2], претендуют на примесь в их жилах португальской крови; около восточной оконечности, моми—отчасти абиссинского происхождения; другие походят на евреев, и, действительно, им приписывают, еврейское происхождение,

Сокотра—поверхность которого исчисляется в 3.579 квадратных километров—по своей форме есть удлиненный треугольник, при чём самая заостренная часть его обращена к востоку. Однако, стороны этого треугольника не прямолинейны: около середины они изогнуты к югу, так как южное побережье своею выпуклостью обращено к открытому морю. В центре острова высится гранитный массив, Haggier—или вернее, Hadjar, т.е. «камень»[3]—иззубренные вершины которого достигают высоты 1.420 метров. Другие горы на острове значительно ниже и состоят из известковых напластований, с многочисленными пещерами, в которых гнездятся птицы и местами укрываются туземцы. В геологическом отношении остров, повидимому, весьма древен, и естествоиспытатели говорят о нём, как о месте убежища, где сохранились первобытные формы растений: из 828 известных видов,—в том числе 575 явнобрачных,—четвертой части уже не находят в других местах[4]. Некоторые части Сокотры, особенно на южном берегу, покрыты дюнами, расположенными параллельными рядами. Остров весьма каменист и потому мало плодороден; тем не менее, во многих местах он покрыт кустарниками, которые и зеленеют во время северо-восточного муссона: в западной области, несколько долин, обращенных к северному берегу, даже осенены большими деревьями, и Вельстед сравнивает наиболее зеленеющие пейзажи с сельскими видами Англии. Своей «пышной растительностью», говорит Швейнфурт, Сокотра составляет контраст с соседними берегами Африки и Азии.

Климат Сокотры менее жарок, чем климат соседней Аравии, благодаря муссонам и бризам, сменяющим друг друга на берегах острова. Это переменчивое дуновение муссонов не так благоприятно морским сношениям с Красным морем, как об этом недавно думали, и хотя Марко-Поло некогда рассказывал об обширной торговле этого острова, Сокотра не могла в ваши дни приобресть большого значения, как аванпост Адена по дороге к Индии. Попеременность воздушных течений устанавливается в этих пространствах моря, с одной стороны, между берегами Сомальским и Аравийским, а с другой между Аденским проливом и открытым морем. Во время первой половины года, ветер дует главным образом на юго-запад, в направлении к Африке; в течение же остальных шести месяцев, он несется к арабскому полуострову и к северо-востоку, по направлению к Оманскому заливу, Таким образом, между противоположными побережьями устанавливается правильное воздушное течение в обе стороны, и, в этом отношении, о. Сокотра, имей он достаточно защищенный порт, был бы весьма хорошо помещен между самыми приближенными друг к другу пунктами двух материков; но так как здесь оба берега, и африканский, и азиятский, почти пустынны, то и торговля ничтожна. Каждый год к Сокотре пристают два раза лишь от шести до десяти арабских барок, плавающих, при содействии муссонов, между Маскатом и Занзибаром.

Двенадцать тысяч жителей на острове[5] не спрашивают за границей ничего, кроме небольшого количества «дохна» (penicilaria typhoides), да и то лишь в тех случаях, когда урожай фиников плох, и когда коровы, овцы и верблюды не доставляют достаточно молока. Сами же сокотряне вывозят лишь немного «ghi», или топленого масла, драконовой крови (продукта одного вида растений из драцен) и одну или две тысячи килограммов алоэ (aloes spicata)[6], лучшего продукта этого рода, каким располагает фармакопея: доставляющее этот

1 Wellsted, „Journal of the R. Geographical Society“. 1835;—Schweinfurth и т. д.

2 H. M. Hunter, упом. соч.

3 P. Chaix, рукописные заметке.

4 Schweinfurth, „Ein Besuch auf Sokotra“;—Bayley Balfour, „Botany of Sokotra“;—A. de-Candole, „Societe de Geographie de Geneve“, 1888.

5 G. Schweinfurth, „Ein Besuch auf Sokotra mit Reibeckschen Expedition, Unsere Zeit“, 1882.

6 Littre, „Dictionnaire de la langue francaise“.

сок растение произрастает на высотах от 150 до 1.000 метров. Жители почти исключительно народ пастушеский, обладающий большими количествами овец, коз, быков, диких ослов и верблюдов, не боящихся пробираться по каменистым тропам. Лошади, о которых упоминают старинные авторы, не оставили потомства, и, что бы ни говорил Уэльстед, не встречают также более и казуаров. Фауна острова, весьма бедная, не имеет ни одного опасного вида четвероногих; но пресмыкающиеся и, между прочим, ядовитыя змеи, многочисленны в Сокотре. Птицы—все африканских видов, тогда как моллюски принадлежат скорее к аравийской фауне.

Тамарида, лежащая около середины северного берега, есть главная деревня; Колессеа, на северо-западной оконечности, некогда также вела некоторую торговлю, но ныне она лишь место ссылки. На южном берегу, Гунтер посетил развалины большого португальского форта. Прежде жители Сокотры проживали свободными, будучи одинаково независимы как от Кешинского султана, так и от Англии, и не имея иного закона, кроме обычая; однако, после того, как Кешинская держава недавно раздвоилась, один из двух государей-братьев царствует на аравийском берегу, а другой пребывает на Тамариде или на соседней равнине, куда и призывает туземцев к своему суду[1]. Эти последние—очень смирные люди, справедливые в отношении друг друга; кражи и насилия между ними почти не известны[2]; рабов у них весьма мало, но на берегу острова находится много негров, убежавших от своих владельцев.

Небольшие острова, лежащие к западу от Сокотры, около оконечности Африки, также принадлежат к Кешинскому султанату; но обитаемы из них только два: Бандер-Салех (Самнех) и Абд-эль-Кури, по скалам которых бродят дикия козы. Туземцы, весьма бедные, живут продуктами охоты. В нескольких же километрах к северу возвышаются в море утесистые островки, покрытые гуано, за грузами которого приходят арабские лодки.

II. Мадагаскар

Этот большой остров Индийского океана представляет одно из самых значительных островных тел планеты: пространством он уступит лишь Гренландии, Новой Гвинее, Борнео и, вероятно, также массиву Антарктиды. Расположенный сравнительно неподалеку от восточнаго берега Африки—так как разделяющий их канал в самом узком месте шириною всего в 380 километров,—остров этот имеет в длину не менее 1.625 километров по прямой линии, от его северной оконечности, или мыса Амбры, до южной оконечности, или мыса Св. Марии; среднее расстояние, от восточного побережья к западному, от Андоворанто к берегу племени ва-зимба, чрез Тананариву, равняется приблизительно пятистам километрам, а береговое развитие, не считая небольших изсечений и внутренних заливов, как, наприм., бухты Диего-Суарес, превышает 4.825 километр. Общая поверхность острова около 592.000 квадратных километров, т.е. на одну шестнадцатую больше пространства Франции. Форма Мадагаскара довольно правильна и весьма походит на форму Суматры, первого большого острова, который мореплаватель встречает на другой стороне Индийского моря. Мадагаскар представляет удлиненный овал, параллельный оси африканского поморья; но та его сторона, которая обращена к открытому морю, почти прямолинейна на протяжении половины своей длины: волны выровняли её, воздвигнув из песку и ила лжеберег впереди бухт, изрезывающих первоначальное побережье. Западный берег, обращенный к Африке, более неправилен по сравнению с восточным; он выступает в виде мысов и вдается в виде небольших заливов и портов.

Нынешнее имя Мадагаскара, кажется, было применено к нему по ошибке, так как Марко Поло сначала присвоил его Магдошу, городу на африканском берегу[3]; однако, оно до-

1 Bayley Balfour, упом. соч.

2 Wellsted, упом. соч.

3 Yule, „The Book of ser Marco Polo";—Grandidier, „Histoira de Madagascar".

вольно близко подходит к слову «Малагасы», которым именуют себя жители, и влияние иностранцев на ховасов, властелинов острова, заставило последних принять оффициально наименование «Мадагаскар». Земля эта уже не составляет для туземцев «Всё», как в те времена, когда пароходы ещё не приставали к их берегам. Не употребляют более и старинного туземного наименования «Носси-Дамба», т.е. «остров кабанов»; но жители окрестных островов всё ещё называют его «Танни-Бэ», т.е. «Большой землей»[1].

Находясь почти целиком в межтропическом поясе, так как на севере он переходит за 12°, а на юге за 25° широты, остров Мадагаскар принадлежит, однако, к умеренному поясу, благодаря высоте плоскогорий, занимающих большую его часть; он обладает плодоносными и здоровыми территориями, защищенными во многих местах от поползновений иностранцев поясом нездоровых берегов. Населенность во многих округах нагорья довольно плотная; но в среднем она сравнительно незначительна, составляя 6 человек на квадратный километр, так как число жителей определяют в три с половиной миллиона. Кроме того, это население весьма разобщено, во-первых, вследствие различия в происхождении и, во-вторых, вследствие существования наследственной ненависти; поэтому европейцам, которые хотя и появлялись всегда лишь в небольшом числе завоевателей, легко было основаться в крае, возбуждая одни народы против других; невзгоды, много раз разражавшиеся над европейскими переселенцами, причинялись часто менее враждебностью туземцев, чем болезнями, недостатком средств к существованию и в особенности вследствие раздоров между самими колонистами. Но, после длинных промежутков бездействия, европейское влияние—в лице своих представителей, миссионеров и купцов различных национальностей, а в военном отношении, в лице французов—в конце концов всё-таки воспреобладало. Кроме того, создалось, по крайней мере оффициально, и политическое единство, при чём во главе стала самая могущественная из наций острова, нация ховасов, которой трактатом подчинили и никогда не бывшие ему подвластными независимые племена[2]; в свою очередь, однако, этот господствующий народец должен был, для своих внешних сношений с иностранными державами, признать представительство Французской республики, а, следовательно, низвести свое государство к роли государства покровительствуемого. Самой же Франции принадлежат один приморский пункт и некоторые из соседних островов.

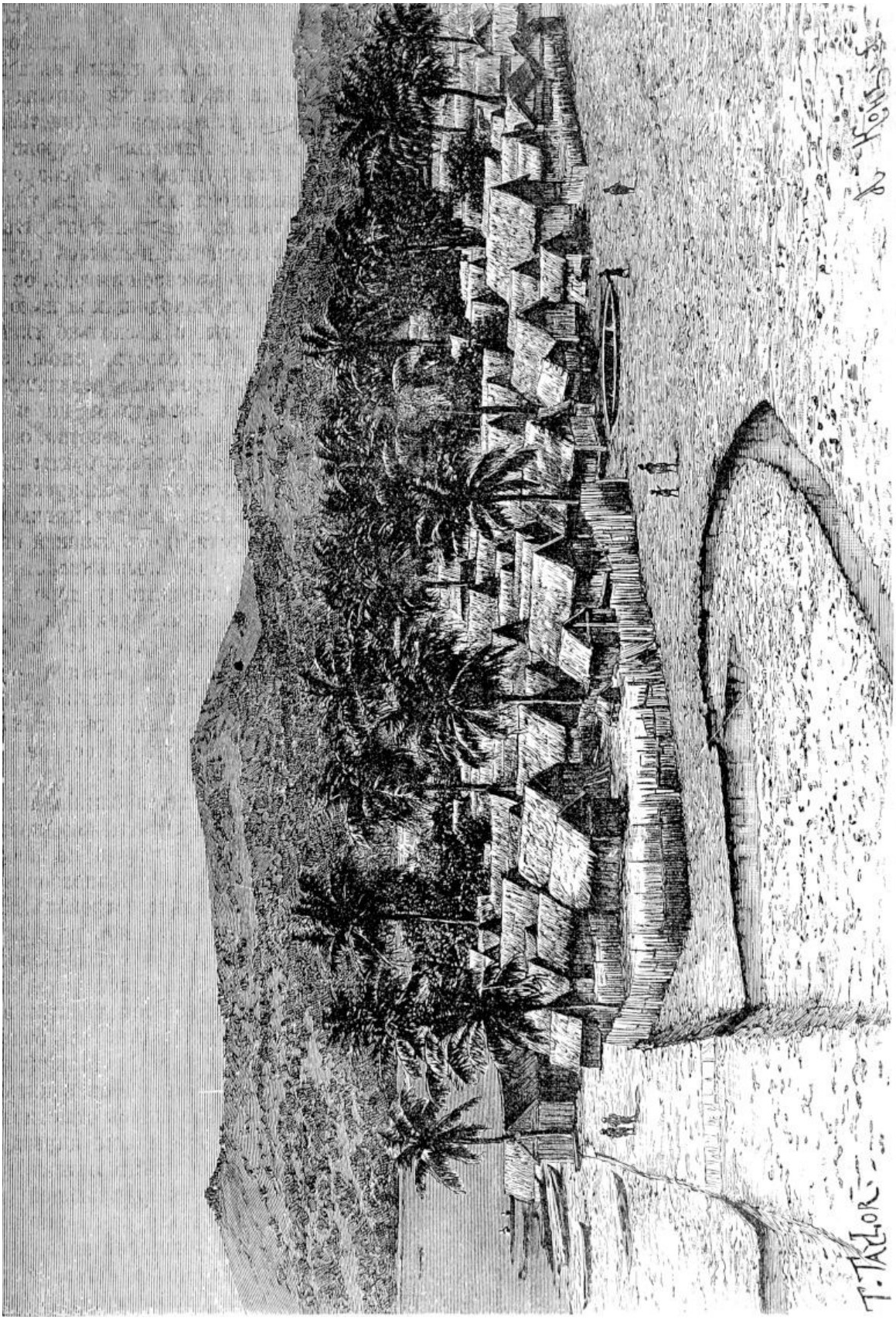
Смутные сведения, оставленные древними авторами об островах Эритрейского моря, не позволяют решить, была ли земля, ныне называемая Мадагаскаром, известна римлянам. С достоверностью она вступает в историю мореплаваний лишь в эпоху великих открытий арабов, и в своих «Золотых Полянах» Масуди упоминает о ней под именем «Джафуны»; впоследствии ей давали много и других наименований. Европейские мореплаватели познакомились с нею только пять столетий спустя, через два года после путешествия Васко-де-Гамы, который проследовал по соседству с этим большим островом. После этого первого знакомства, сделанного, в 1500 г., Диого Диазом, остров Сан-Лоренцо—таково было его португальское наименование—был посещен и многими другими лиссабонскими моряками: Фернандо Суаресом, Рюи-Перейрой и Тристан д'Акуньей, «имя которого, говорить Камоенс, будет жить вечно в той части Океана, которая омывает южные острова»; однако, все эти открыватели, не найдя на новой земле ни золота, ни серебра, вскоре покинули её, будучи привлекаемы Индией, страной жемчуга, алмазов и драгоценных тканей. Слишком малочисленные для того, чтобы овладеть полмиром, португальцы должны были побросать большую часть своих завоеваний, для того чтобы сосредоточить свои силы там, откуда они извлекали всего более богатств. Если бы их поселение на Мозамбике сделалось центром значительной колонии, то нет никакого сомнения, что и остров Сан-Лоренцо, благодаря его близости к Африке, очутился бы в поясе присоединений португальской империи. Первою, знакомящею с формой острова, карту Мадагаскара была карта Пилестрины, изданная в 1511 г.[3].

1 Deblenne, „Geographie medicale de Nossi-Be".

2 de Mahy;—Raoul Postel;—du Verge;—de Lanessan и т. д.

3 A. Grandidier, упом. соч.

После открытия прошло почти полтора столетия прежде, чем европейцы сделали серьезные попытки поселиться на острове. Флакур говорит, что голландцы провели там некоторое время, в 1635 году, на берегах бухты Антона Жиль; затем, в 1642 году, одно французское общество, называвшееся «Восточным», получило от Ришелье концессию на Мадагаскар и соседние острова, «для заведения там колоний и торговли»; действительно, в следующем году несколько рот высадились на остров, доставив, таким образом, первую санкцию тем



Мальгашская деревня на Носси-Бэ.

«историческим правам» на Мадагаскар, на которые французское правительство ссылалось в своих последующих спорах с Англией. Бухта Антона Жиль (Антонжиль), столь широко открытая на восточном берегу, была одним из первых занятых постов; до главные попытки колонизации в собственном смысле были сделаны прежде всего на южном берегу, в местности, ближайшей к Европе, путем чрез мыс Доброй Надежды, единственным известным в ту эпоху. Французы сначала избрали бухту Манафиафу, или Св. Лючии, в юго-восточном углу Мадагаскара, затем они перешли южнее, на полуостров Таоланара, где возвели форт Дофина, и самый остров стали называть островом Дофина или восточною Францией.

Благодаря подкреплениям и многочисленным экспедициям с продовольственными припасами, французы удержались на этом пункте Мадагаскара; их сил было бы, конечно, достаточно и для распространения господства Франции на протяжении всей южной части острова, если бы колонисты не злоупотребляли своим превосходством над туземцами, обращая их насильно в свою веру, затем подстрекая к войне одних против других, и даже предпринимая ловлю дикарей для продажи пленных голландским плантаторам на остров Маврикия. Кончилось тем, что соседняя с фортом Дофина территория была совершенно опустошена; деревни сотнями были преданы пламени, а избегнувшие смерти жители должны были переселиться в другие области острова: французскому гарнизону даже нечего было более грабить, и с большими издержками приходилось привозить из отдаленных краев для себя скот и рис. Пережившие эти невзгоды французы сели, наконец, в 1672 году, на проходившее мимо судно и покинули Мадагаскар: о пребывании их в форте Дофина напоминали лишь несколько метисов, оставшихся в крае[1]. Высчитывают, что вообще две трети наличного числа солдат и колонистов были унесены в могилу болезнью, голодом и войною; остальная треть послужила ядром для колонии Бурбон, которая, спустя два века, стала опорным пунктом для новых попыток завоевания Мадагаскара. Де-Флакур, автор сочинения о мальгашском острове и его племенах, которым всего чаще пользовались в XVII веке[2], был одним из первых его губернаторов.

После оставления Мадагаскара, частые указы королей напоминали о том, что «корона» поддерживает свои права на обладание островом; но в течение почти целого века не было сделано никакой попытки оправдать эти чисто формальные утверждения: единственными чужестранными посетителями острова были или пираты, или купцы с Маскаренских островов, являвшиеся для обмена тканей и других товаров на невольников. В 1750 году, Индийская компания пыталась централизовать эту торговлю к своей выгоде, овладев островом св. Марии, находящимся на юге Антон-Жильской бухты, а несколько лет спустя французское правительство вновь заняло форт Дофина, но прочного результата от этого возобновления завладения не последовало, Точно также вице-королевство, основанное, в 1774 году, на берегах бухты Антон-Жиль пышным польским и мадьярским магнатом Маврикием Беньовским, пришлось покинуть два года спустя, и от бывшей его столицы, Луисбурга, не осталось никакого следа; едва лишь можно распознать ту дорогу, которую этот искатель приключений, превратившийся в *ampakassombe*, т.е. «императора» мальгашей, провел на северо-запад от Антонжильской бухты по направлению к городу Нгусти. После трехвековых торговых сношений и частичных оккупаций острова, знали только его берега.

Соперничество Франции и Англии дало толчек к путешествиям, с целью политического и торгового исследования, на плоскогорья Мадагаскара. Во время Наполеоновских войн, англичане овладели островом Иль-де-Франс или Св. Маврикия, из которого они намеревались прежде всего сделать опорный пункт для завладения Мадагаскаром; но, вынужденные, после заключения трактатов, отказаться от попытки видеть в большом острове лишь дополнение Св. Маврикия, они предоставили французам снова занять приморские пункты и ограничились отыскиванием себе союзника между туземными царьками, в рассчете таким косвенным путем вытеснить представителей соперничающей нации. Такого союзника англичане,

1 Lacaze, „Souvenirs de Madagascar“,

2 „Histoire de la grande Isle de Madagascar“.

как они полагали, нашли в государе племени хова, который и по численности его подданных, и по нахождению его местопребывания в центре острова, казался действительно имеющим более всего надежд когда-нибудь сделаться повелителем всего острова. Радама, титулуемый англичанами «королем Мадагаскара и зависимых от него земель», вскоре, благодаря их поддержке, овладел портом Таматаве, и таким образом открывался для англичан путь внутрь страны. Воспользовавшись этим, они, с 1820 года, стали посылать в столицу купцов, миссионеров, офицеров и дипломатов селиться на постоянное пребывание в чаще всего посещаемых портах и почти на сюзеренных правах надзирать за берегами острова. Можно было подумать, что Мадагаскар, эта африканская «Великобритания»—как назвал его миссионер Эллис—стала английскою колониею, и что оплачиваемая англичанами ховская армия отныне послужит для утверждения английского владычества. Ничуть не бывало: перемена, в 1828 году, царствования повлекла за собою изгнание англичан, разрушение их факторий и преследование обращенных ими в христианство; затем, мальгаши, объединив всех *vazaha* или белых, в своем чувстве ненависти к ним, стали стремиться к закрытию для них края и к подчинению европейских купцов, в приморских портах, строгому надзору. Однако, восемь лет, в течение которых европейцы свободно посещали ховское королевство, не могли пройти бесследно для островитян, отныне отчасти уже наученных ремеслам и посвященных в идеи новейшей цивилизации.

Принятая ховами система политического изолирования с наибольшею строгостью была соблюдаема с 1845 по 1852 г. Вследствие ограбления купцов в Таматаве и неудачной попытки английских и французских моряков отомстить за это, сношения между мальгашами и европейцами всех национальностей совершенно порвались. Однако, на западном берегу острова французы поддерживали связи с независимыми племенами, сакалавами и другими, и завладели несколькими приморскими островами, или nossi: Носси-Бэ, Носси-Комба, Носси-Митсиу; они даже приобрели сюзеренные права на берегах главного острова. Когда белые были допущены снова в ховское королевство, они вскоре опять приобрели большое влияние; но между англичанами и французами опять началось соперничество, а привилегия, которой добивались чужеземцы, «иметь право селиться повсюду, где пожелают, и приобретать имения в полную собственность»—подала повод к продолжительным спорам. Споры эти, в 1883 году, приведя, наконец, и к войне, которая окончилась к выгоде Франции, без достижения, однако, права для её подданных приобретать землю: они могли лишь нанимать её на неопределенный срок, но зато отныне ими было получено право пребывать и свободно торговать на пространстве всего ховского королевства.

Соседство двух таких богатых и населенных островов, как Реюньон (Бурбон) и Св. Маврикия, не могло не вовлечь мало-по-малу мадагаскарские национальности в орбиту европейской торговли. Находясь в необходимых сношениях с Европою по торговле своими богатыми колониальными продуктами, Маскаренские острова должны обмениваться также и с мальгашским островом, откуда они достают скот и жизненные припасы, потребные для их рабочих. Большой остров и два небольших горных массива восточных морей образуют с экономической точки зрения одно целое неделимое: оттого присоединение Мадагаскара, если не в политическом, то по крайней мере в торговом отношении, стало неизбежным; эти два спутника острова-материка и совершили завоевание его при посредстве французских эскадр. Конечно, этот исторический факт совершился бы гораздо ранее, если бы острова Св. Маврикия и Реюньон не принадлежали двум соперничествующим державам, в течение восьмидесяти лет занимавшимся взаимным разрушением всего созидаемого ими в этих областях Индийского океана. Однако, хотя остров Св. Маврикия и английская колония, тем не менее, проживающие там французы содействовали, до известной степени, и даже при посредстве вооруженных волонтеров, тем экспедициям, которые обеспечили французское преобладание на Мадагаскаре. Рано или поздно, без всякого сомнения, политический центр тяжести переместится с небольших колоний Маскаренских островов на соседнюю большую землю, столь богатую сокровищами, ещё непочатыми.

С географической точки зрения Мадагаскар ещё не известен вполне. Более половины территории сакалавов—всё ещё земля неведомая; научно же не исследованы и области юга, между фортом Дофина и землей племени бара, т.е. именно те, в пределы которых французы совершили свои первые экспедиции. Лучше всего, конечно, известны те части острова, чрез которые проходят торговцы между восточным берегом и столицею, Тананаривой; около этого же города перекрещиваются и маршруты путешественников; здесь во многих местах остается нанести на карту лишь детали. Из всех путешественников Грандидье более всего сделал открытий внутри страны и первый точно начертил её рельеф;—он прошел через весь остров от одного берега до другого, исколесил тысячи километров и определил сотни астрономических пунктов, доставив, таким образом, возможность провести—с принятием во внимание также и обследованных моряками берегов—сеть основных линий для всех последующих карт. Благодаря его наблюдениям и наблюдениям Робле, Муленса и Камерона, можно было произвести точную триангуляцию центральной провинции Мадагаскара, Имерины, и составить подробные карты, каких не имеют ещё некоторые области Европы, в Испании и на Балканском полуострове. Мальгашская библиография обнимает более, чем 1.500 различных документов: книг, брошюр и карт.

По строению, остров вовсе не такой правильный, как это приписывали ему первые путешественники: воображаемая ими цепь гор, протягивающаяся, будто бы, с севера на юг, от мыса Амбры до мыса Св. Марии, на самом деле не существует. Вместо одной общей, главной цепи, остров представляет в северной и центральной частях неправильные массивы, покоющиеся на общем цоколе из высоких земель и спускающиеся к морю скатами неравного уклона. Если бы море однообразно окружило остров таким образом, что опоясало бы только его гористую область, то уменьшенная вследствие этого в пространственном отношении земля не являла бы, в такой сокращенной форме, нынешних очертаний Мадагаскара. Скат горных массивов к западу, к Мозамбикскому проливу, гораздо положе, чем к востоку, и у подножия западной покатости во многих округах простираются обширные равнины, лишь незначительно возвышающиеся над морем; равным образом понижается почва и по направлению к южной оконечности острова, при чём и горы, и холмы исчезают; вдоль морского побережья тянутся ряды дюн. К восточному же берегу поверхность острова наклонена круто, и подводные обрывы продолжаются в море до глубины более трех тысяч метров.

По Мулленсу[1], первую большую гору, встречающуюся по пути от низменных земель на юге, представляет природная крепость Ивохибэ, находящаяся в крае племени бара. За этой уединенной горой, поверхность повышается в виде плоскогорья, фланкируемого краевыми горными цепями. Самый высокий массив Мадагаскара—Анкоратра, находящийся почти в центральной области острова, хотя немного ближе к восточному побережью, чем к западному. Эта группа гор, ось которой та же, что и ось целого острова, переходит в некоторых из своих вершин за 2.500 метров высоты, а самая большая из них, Тсияфа-Жавона, т.е. «облачная гора», достигает 2.590 метров[2]. На юге другие вершины, в среднем, вдвое ниже; однако, на севере уже известны многие массивы, достигающие высоты около 1.500 метров. Амбинивини, на запад от бухты Антонжиль, из всех мадагарских гор, быть может, с виду самая громадная: высшая стена её вздымается на 600 метров над дорогою в долине[3].

Вне больших массивов, страна вообще имеет вид неровной ланды, развертывающейся длинными волнообразными повышениями и понижениями почвы из красной или сероватой глины, там и сям прерываемой выступами из гранита, гнейса, сланцев или базальтов, возвышающихся в виде стен или башен, или хаотически нагроможденных скоплений скал. Цоколь гор, высотою приблизительно в тысячу метров, ограничен с востока откосами и уступами, которые, при взгляде на них с моря, представляются похожими на горные цепи, с высту-

1 „Journal of the R. Geographical Society“, 1877.

2 По Sibree („Great African Island“), 2.728 метров.

3 Baron, „Antananarivo Annual“, 1887.

пами и поперечными клюзами. Склоны этих внешних уступов плоскогория покрыты лесом. Со стороны запада, высокие земли тоже окаймлены уступами, выступы на которых образуют горы, и которые направляются с юга на север, по главной оси Мадагаскара. Три таких параллельных стены следуют одна за другой между плоскогорьем и морем, и, в свою очередь, сливаются с второстепенными нагорьями, там, где их не разделяют речные долины, размытые равнины или постепенно засыпаемые края озер. Внешния невысокие цепи образованы не из гранита, как центральные массивы; они принадлежат к вторичным формациям: Грандидье, Ричардсон и Гильдебрандт нашли там ископаемых, относящихся к промежуточным временам между оолитом и мелом, а также и останки уже исчезнувших больших животных. Каменные глыбы, рассеяные в разных частях края у подножия гор, Сибре считает эрратическими камнями: если это предположение верно, значит, и Мадагаскар имел свой ледяной период.

Как бы то ни было, в доисторические времена, остров этот несомненно имел века вулканической деятельности. На восточной окраине его гор обнаружены сотни вулканов, из которых изливались потоки лавы. Жерла открылись сквозь центральный Анкаратрский массив, бок-о-бок с гранитами, и даже высокие пики, кульминационные пункты острова, суть—конусы извержения; некогда из них вытекали на все стороны, а в особенности на южную, лавы. Один из застывших потоков на южном склоне имеет не менее сорока километров в длину; языки же лавы вообще далеко вдаются в равнины, составляя своим темным цветом контраст с ярко-красным цветом глин. На северо-западе, на берегах озера Итасси, Мулленс насчитал сорок кратеров, больших и малых, цельных и проломленных, одиночных или сгруппированных, при чём выливавшиеся из них потоки лавы, преградив путь протечным водам страны, заставили эти воды собраться в озера; далее по направлению к югу, целая равнина, похожая на «Флегрейские поля» в Италии, усеяна горками и бугорками, трубами громадного горна, переставшими выделять дым: по смутному преданию, предки туземцев, будто-бы, присутствовали при этих пожарах земли[1]. В северной части острова вулканы многочисленны. К северо-западу от бухты Антонжиль, возвышается одна из «горевших» гор, священный пик, кратер которого заключает рыбное озеро, а внешние откосы образовались из нагромождения обломков: красных—вокруг вершины, и белых—при подошве бывшего вулкана. Северная оконечность Мадагаскара, мыс Янтарный—тоже вулкан, господствующий над волнами, разбивающимися о потоки его лав. Спутники Мадагаскара, т.е. острова Носси-Бэ, Майотта и Анжуан (остров Иоанна), тоже образованы лавами. Во многих местностях Мадагаскара бьют горячие ключи, и выходят струйки углекислоты, умерщвляющей насекомых и мелких животных. Землетрясения довольно часты.

Мадагаскар, выставленный пассатам Индийского моря, богат проточными водами, за исключением южной оконечности, иногда подвергающейся иссушающим ветрам, несущимся с африканского материка. Самое большое количество воды выпадает на восточном склоне острова, но не на этой его стороне образуются наиболее ветвистые реки; крутизна скатов и малая ширина пояса истечения не позволяют потокам развернуться излучинами и соединиться в реки перед излиянием в море: большая часть из них не более, как ручьи, имеющие не более даже сотни километров в длину. Один из самых многоводных потоков называется Тенг-Тенг или Маномпа: он зарождается в продолговатой долине, между двумя параллельными цепями, из которых одну перерезывает глубокой клюзой, чтобы найти выход к морю, куда впадает насупротив о-ва Св. Марии. Другой поток, Манингори, тоже собирает свои первые воды с высокой равнины, между горной цепью и запрудою, которую образует окраина плоскогория, подпирающего массив: задержанная, таким образом, масса жидкости разливается болотами, затем образует озерный бассейн Алаотру, который тянется километров на тридцать по продольной долине, прежде чем излишек его вод находит для себя пролом, чрез который, образовав во внешнем склоне глубокую клюзу, и изливается в море, неподалеку от города Феноариво. Некогда озеро Алаотра было внутренним морем, длиною по крайней мере

1 Mullens, „Journal of the R. Geographical Society“, 1875.

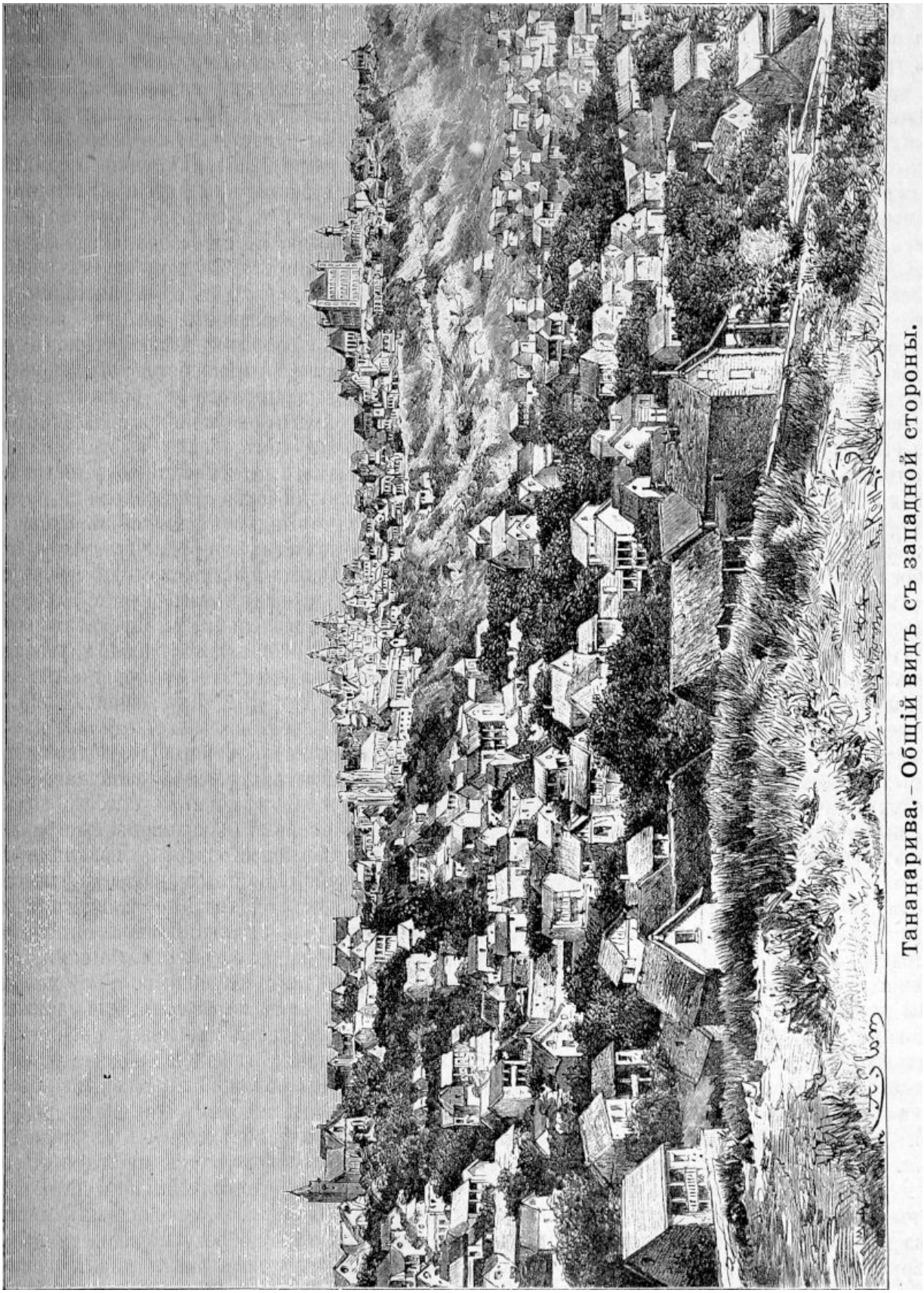
в 350 километров, и простиралось параллельно горам и океаническому побережью: расположенные ярусами старые пляжи вокруг высоких долин Сиханака и Анкаи доказывают, что прежний уровень озера был на 347 метров выше нынешнего[1]. К югу от Таматавы и Андоваранто, река Онибэ, которая также получает притоки из продольных равнин, но которую главным образом питают ручьи, сбегающие с большого центрального Анкаратрского массива,—есть самая обильная на всём восточном склоне. Священная река Матитатана[2], т.е. «мертвая рука», зарождающаяся южнее, в крае племени бэтсилео, менее значительна, но течение её гораздо неравномернее: один из её водопадов, при выходе из гор, низвергается с высоты 180 метров; около него бьет изобильный теплый источник.

Если реки Мадагаскара, спускающиеся к Индийскому океану, закрыты для судоходства кверху от устья, то их разветвляющиеся и, при посредстве боковых каналов-протоков, соединяющиеся друг с другом лиманы представляют обширную сеть внутренних судоходных путей: несколько прорезов, сделанных чрез пески и коралловые мели, позволили бы небольшим пароходам плавать вне морской зыби между Ивондру, около Таматавы, и устьев Матитатаны, т.е. на протяжении более 485 километров, если принимать в рассчет все извилины фарватера. Уже в 1864 г. капитан Рук благополучно довел до конца это плавание, местами представлявшее опасность, вследствие илистых отмелей и рядов рыбачьих свай; в общей сумме волоки (*ampanalana* по-туземному) на протяжении будущего канала, уже начатого Радомою I-м[3], имеют, во время высоких вод, около 46 километров в длину; некоторые из плантаторов недавно прокопали проходы для судов. Таким образом данное поморье представляет как бы двойное побережье[4]: внешний пляж, на который набегают морские волны, и внутренний крутой берег, омываемый спокойными водами илистых бухт, в которых переплетаются друг с другом корни корнепусков. Эти заливчики, в которые изливается около пятидесяти небольших потоков, и которые сообщаются с океаном при посредстве небольшого числа трудно доступных протоков, походят на озера и в некоторых местах разделяются на извилистые рукава, превращающие их в непроходимый лабиринт, иногда высыхающий летом и известный лишь нескольким кормчим. Вал, окаймляющий эти лагуны со стороны поморья, во многих местам образовался из стен полипников, на которые море набросало песок и раковины, превратив, таким образом, мало-по-малу скалы и пляжи в сплошную плотину, на которой укоренились лесные деревья, и теперь там следуют один за другим поселки, окруженные зеленью. Под действием морского течения, направляющагося вдоль берега, приморский вал приобрел почти совершенную правильность. От небольшой бухты форта Дофина, в юго-восточном угле Мадагаскара и вплоть до Марофототра или Фулепуанта, на протяжении 900 километр., побережье почти прямолинейно; суда, посещающие эти моря, держатся всегда в отдалении от прибрежных рифов и часто ведут свой торг, оставаясь под парусами. К северу от Фулепуанта берег не имеет уже такой правильности и глубоко врезывается внутрь суши, образуя, под защитою вулканического мыса, Антон-Жильскую бухту; но остров Св. Марии (Носси Бараха), удлинняющийся на-подобие наконечника копья, впереди бухты Тенгтенг (иначе Tintingue), повидимому, представляет остаток приморского вала, продолжавшего прямолинейную стену южных берегов и соединявшего Фулепуант с мысом Мазеала. Что же касается до разветвленной бухты Диего-Суарез, находящейся на северной оконечности Мадагаскара, то она обязана своим существованием вулканическому массиву Янтарного мыса, высящемуся на севере острова и охватывающему обширное пространство морских вод.

На западном склоне, обращенном к Мозамбикскому проливу, некоторые реки имеют значительный бассейн, начало которого находится в восточных горах, по близости Индийского моря. На юге области племени бетсилео, р. Мангока или Св. Винцента, получает воды с тер-

1 Baron, „Antananarivo Annual“, 1887.
2 W. Ellis, „History of Madagascar“.
3 Henry; W. Little, „Madagascar“.
4 Booke, „Journal of the Geographical Society“, 1864;—A. Grandidier, упом. соч.;—W. Little, „Madagascar“.

ритории, пространством по крайней мере в пятьдесят тысяч квадр. километров. Севернее, Тсижобонина питается теми ручейками, которые сбегают с вулканов Анкаратры и всей флегрейской области в окрестностях; исток из озера Итасси, огороженного потоками лавы, так-



Тананарива. – Общій видъ съ западной стороны.

же изливается в русло Тсижобонины. Более могучая, чем все другие потоки Мадагаскара, река Икопа, соединяющаяся с Бетсибокой, несет в бухту Бомбеток воды из провинции Имерина, где находится столица страны. Всё течение Икопы но менее восьмисот километров; по

Сибре, неглубоко сидящий пароход мог бы подниматься по Бетсибоке километров на 145 от поморья. На северо-западе острова, все сколько-нибудь значительные реки изливаются в излучистые и разветвленные заливы, которые представляют отдаленное сходство с фиордами Скандинавии, но которые можно точнее сравнить с выемками бретонского побережья[1]; вероятно, они обязаны своим происхождением одинаковой же и причине, т.е. постепенному распадению гранитных и иных скал, каковое выветривание совершалось по линии разлома. Многочисленные острова, обломки большой земли, рассеяны впереди заливов и составляют продолжение мысов. Один из этих островов, очевидно, в географическом отношении принадлежащий к Мадагаскару, есть Носси-Бэ, прославленный своими группами вулканов, из которых один содержит небольшие озера в своих угасших кратерах. По Грандидье, восточный берег, непрерывно размываемый морским течением, мало-по-малу отступает, за исключением тех мест, где, как в Таматаве и в Фулепуанте, отдельные рифы охраняют пляж; на западном же берегу суша стремится к увеличению, непрерывно завладевая морскими водами, благодаря труду полипов. Таким образом, многие бухты оказались, вследствие розросшагося поморья, отовсюду окруженными сушей и превратившимися в озера[2].

По географической широте, Мадагаскар—страна тропическая; по своей же высоте—это край умеренный. От берега моря к горам внутри острова наблюдается нормальное уменьшение средней температуры, а на вершинах Анкаратры и других массивов начинается уже область стужи; на поверхности луж там замерзает вода. Но благодаря окружающим остров морям и теплому в них течению, поддерживающему температуру на известной норме, Мадагаскар пользуется, в среднем, весьма ровным климатом, не представляющим резких скачков от тепла к холоду. В Тананариве, на высоких внутренних землях, зимняя температура никогда не опускается ниже 6°; в Таматаве, на берегу моря, летний зной не превышает 34°; севернее же, на острове Св. Марии, жары на 3-4° выше. По Грандидье, зимняя и летняя температура на обоих берегах и на плоскогориях таковы;

	Западный берег Толия или Tuilear (23°24' сев. шир.)	Плоскогория. Тананарива (18°55' юж. ш., высота 1.460 метр.)	Восточный берег Таматава (18°10' юж. шир.)
Наименьшая т-ра	10° (июль)	6° (июнь, август)	15° (июль)
Наибольшая т-ра	24° (январь)	28,5° (ноябрь)	34° (декабрь, январь)
Разность	14°	22,5°	19°

Мадагаскар весь находится в области юго-восточных пассатов; но вследствие нагревания земель, эти ветры обыкновенно отклоняются от своего направления и дуют прямо с востока на запад. Карты Бро, резюмирующие тысячи метеорологических наблюдений, показывают, что воздушный режим представляет наибольшую правильность в течение всего летнего сезона, с апреля по сентябрь, когда солнце прямо освещает тропический северный пояс; но когда дневное светило возвращается на юг, увлекая за собою пояс облаков и дождей, ветры часто меняют направление и скорость; они преобразуются на берегах Мадагаскара в муссоны, и главным образом в северо-западные; тогда наступает зимний сезон, который в то же время и лето, с октября по март. Это также и период бурь, хотя кривая циклонов—столь опасная в морских пространствах Маскаренских островов—редко достигает большого острова. Однако, циклоны бывают и там: так, в начале 1888 года, ураган выкинул одиннадцать судов на берег около Таматавы. В Тананариве три четверти дождей выпадает в зимнее время. Среднее годовое количество выпавшего там дождя, с 1881 по 1884 год, равнялось одному метру и пятидесяти четырем сантиметрам[3].

Влажность и жара летом делают весьма опасным для европейцев пребывание в низменных землях восточного побережья, обильнее орошаемого, благодаря ветрам Индийского океана, насыщенным парами; в особенности в январе и феврале восточные берега Мадагаскара,

1 Rutimeyer, „Die Bretagne“.
2 Blanchard. „Revue des Deux Mondes“. 15 дек. 1872
3 „Antananarivo Annual“, 1884.

окутанные серою мглою, заслуживают часто даваемое им прозвище «кладбища для европейцев». Смешение пресных и соленых вод в лиманах, куда изливаются выступающие из берегов реки, имеет следствием большую смертность организмов, принадлежащих к двум различным средам; атмосфера наполняется опасными миазмами, и, для избежания лихорадки, европейцы и прибрежные туземцы должны поспешно подниматься на высокие здоровые земли внутри острова. Многие европейские путешественники поплатились здесь жизнью за свою любовь к науке.

Подобно климату, изменяется с высотою положения и растительность, при чём виды меняются одновременно с общей физиономией флоры. Созерцая великолепие чащей из тропических растений на сырых пляжах восточного побережья, путешественники думали, что остров повсюду имеет плодоносную почву, одетую в дивный растительный наряд; но это далеко не так. Гранитные скалы внутри острова, равнины из вторичных формаций—неплодородны на большей части своего протяжения, и обширные пространства вполне лишены деревьев и даже кустарника. На Мадагаскаре есть обширные саванны, растительность которых представлена лишь грубыми, жесткими травами. Но центральные области острова обладают также красивыми и богатыми долинами, в которых растительная земля, нанесенная проточными водами, залегает толстым слоем и вдесятеро возвращает то зерно, которое посеет на ней земледелец. Геологическое строение Мадагаскара обнаруживается, так сказать, распределением лесов, которые длинным поясом расположены по окружности острова, либо в береговой области, либо в полосе предгорий. На восточном склоне, пояс лесов—двойной, разделенный промежуточной низменностью; на западном же склоке в нём есть перерыв, образуемый теми необитаемыми равнинами, которые простираются на запад от р. Икопы. Несколько, различной величины, лесов рассеяны по лесистой окраине острова[1].

Мадагаскарская флора,—лучше известная, чем флоры противолежащих африканских областей,—имеет своеобразный характер: из числа её 2.500 известных и классифицированных растений (вся флора, вероятно, заключает 4.500 видов), одни напоминают африканские растения, а другие—растения южной Америки или Австралии; но, по облику, они приближаются в особенности к растениям азиатским[2]. К тому же, на обращенном к Азии берегу, т.е. на восточном побережье, растительность имеет и больше блеска и разнообразия; южный склон и западные скаты, имея бесплодную почву, не представляет уже того же богатства флоры; там растения, подверженные более продолжительным засухам, более выставленные ветрам соседнего материка, имеют листья более жесткие, а корни более толстые; однако, колючия деревья, которые встречаются в плохо орошаемых областях Африки, отсутствуют в Мадагаскарских краях с соответствующим климатом; не видно там и акаций. Одно из наиболее замечательных деревьев островной флоры представляет баобаб, указанный впервые Грандидье: не будучи таких колоссальных размеров, как африканский баобаб, он превосходит его, однако, красой и величественностью. Тамаринд—одно из самых красивых деревьев западного берега, но его нет на восточном склоне; под его сенью начальники сакалавов выстраивают свои жилища[3]. Кокосовая пальма процветает по поморью, но её считают чужестранною по происхождению; по словам некоторых путешественников, семена её, будто-бы, были занесены на остров малайцами, подобно тому, как это случилось и с хлебным деревом. Мадагаскар обладает также туземными видами пальм, между прочим саговыми пальмами, гифеною, родственною думу при-нильских областей, и рафией, с толстым и коренастым стволом, с ваями, разрезанными на тысячу листочков, и с громадными гроздьями плодов, весом до ста и ста пятидесяти килограммов. Панданы (vakoa), с их спиралями из мечевидных листьев, произростают по берегу моря на сухих землях, а в ил вплетаются корни корнепусков. В лощинах, реже на склонах, великолепный индийский тростник, распростирая свои листья наподобие широкого опахала, господствует над травами и кустарниками: это—равенала

1 A. Grindidier, упом. соч.
2 Alfred R. Wallase, „The Island Life“.
3 Du Verge, „Madagascar et Peuplades independantes“.

(urania speciosa), которую в просторечии называют «деревом путешественников», так как дожди оставляют в раструбах её черешков капельки, достаточные для утоления жажды прохожих; но чаще всего её встречают в орошаемых областях, где вода в изобилии. Польза этой равеналы заключается в строительных материалах, которые она доставляет сельским жителям:—ствол её идет на изготовление сруба, черешки и толстые прожилки на листьях доставляют бруски, а листья употребляются на покрытие кровли.

Между растениями своей эндемической флоры, Мадагаскар может показать много других замечательных форм; таковы: увирандрона (*ouwirandra fenestralis*), водяное растение, овальные листья которого иззубрены на-подобие тюля; казуарина (*casuarina latelifolia*), с громадными корнями, скрепляющими подвижные пески прибрежья; *brehmia spinosa*, растение из семейства челибуховых, и тем не менее доставляющее съедобные плоды; большая орхидея, *angraecum sesquipedale*, окружающая своею зеленью мощный ствол старых деревьев; кротовики (непэнты), листья которых свертываются на-подобие амфор, наполняющихся водою. Древесные породы, могущие доставить либо строительные материалы, либо дерево для мебели, весьма многочисленны; таковы: тек, черное, палисандровое, розовое дерево. К сожалению, обезлесение Мадагаскара ведется неутомимо; один путешественник рассказывает, что для того, чтобы провезти надгробный камень, вырубили в одном из лесов земли Бетсилео двадцать пять тысяч деревьев[1].

Мальгашская фауна, не менее оригинальная, чем флора, вызывает удивление естествоиспытателей и увлекает их к различным предположениям о древней истории острова и его происхождении. Принадлежащие специально этой большой земле виды животных породили гипотезу, высказанную первоначально Жоффруа-Сент-Илером, затем развитую английским естествоиспытателем Склятером, по которой Мадагаскар есть остаток материка, обнимавшего, по крайней мере частью, пространство, которое в наши дни покрыта водами Индийского океана. Этот предполагаемый материк получил даже особое имя—«Лемурии», по полуобезьянам из семейства лемуров, которые на Мадагаскаре представлены большим числом видов, чем в Африке и Ост-Индии. Многие люди науки приняли эту гипотезу, более или менее видоизмененную[2], и даже Геккель задавался вопросом: не следует ли видеть в этой, уже несуществующей Лемурии, место происхождения и центр рассеяния различных человеческих рас[3]? Но Уэллес, прежде горячо поддерживавший мысль о том, будто фауна Мадагаскара свидетельствует о древнем существовании лемурийского материка, ныне уже не полагает, чтобы в равновесии планеты совершались столь значительные перемены; тем не менее, ему приходится признать, что в очертаниях земель и морей имели место весьма большие изменения. Чтобы объяснить присутствие на острове Мадагаскаре африканских видов, он принимает, что обе земли были некогда соединены, но что в ту эпоху Африка, будучи сама отделена от средиземноморских стран широким морем, не обладала теми животными видами—львами, носорогами, слонами, жирафами и газелями—которые позже прибыли в неё из стран севера. Равным образом, в существовании перешейков и раздельных морей он ищет причину появления или отсутствия на Мадагаскаре тех или иных азиатских, малайских, австралийских или американских видов[4]. Как видно, даже те из естествоиспытателей, которые всего энергичнее защищают продолжительную устойчивость материковых форм, должны, тем не менее, признать, что в течение веков эти формы сильно изменялись.

Тогда как океанские острова крайне бедны млекопитающими, Мадагаскар имеет не менее 66 видов, чем достаточно доказывается, что этот остров был некогда материком; но эти млекопитающие так сгруппированы, что составляют существенно своеобразную фауну. Половина островных видов состоит из лемуровых, которые отличаются своими беличьими нра-

1 Baron, „Antananarivo Annual“, 1887.

2 Emile Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 дек. 1872 г;—Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

3 „Histoire de la creation des etres organises“.

4 „Comparativa Antiquity of Continents“;—„Geographical Distribution of Animals“;—„The Island Life“.

вами, длинными хвостами, огромными руками, раздирающими, похожими на человеческий, криками[1] и скачками наподобие кенгуру: так, наприм., propithecus—из семейства индри, будучи преследуем охотниками, в состоянии делать прыжки в десять метров, при чём, благодаря присутствию у него перепонки (membranae brachialis), «он кажется перелетающим с дерева на дерево»[2]. Все эти виды, из которых каждый населяет точно отграниченную область, легко могут быть приручены, и один из них, бабакото (*lichanolus indris*), даже дрессируется для охоты за птицами[3]. Наиболее известный из этих лемуров, ай-ай (*cheircmys*), проводящий в спячке сухое время года, приготовляет для себя настоящие гнезда; *catta* живет среди скал. Другое семейство млекопитающих, тендреки или centetides, похожие на ежей, пребывающие летом в оцепенении, представлены многими такими видами, родственные которым встречаются только на Больших Антильских островах, Таити и Кубе. *Pintsala* иля *cryptoprocta ferox*, неизвестное в других местах животное из семейства кошачьих, и циветты суть единственные плотоядные на острове; наконец, крысы, мыши и кабан с маскою (*potamochoerus larvatus*) также принадлежит к мадагаскарской фауне. Что же касается коров и диких собак, которых встречают в лесах или в саваннах острова, то это одичавшие домашния животные. Некоторые естествоиспытатели упоминают также и об особом виде кошки. Крысы, завладевающие Европою, завоевали также и Мадагаскар.

Между птицами, половина видов только и встречается на Мадагаскаре, и по своему общему облику эти виды более походят на формы малайские, чем африканские. Недавно, т.е., быть-может, два-три столетия тому назад, на острове проживала гигантская птица из семейства страусовых, *aepyornis maximus*, которая была известна арабским купцам средних веков и которую, в своих россказнях, они описывали своим дивящимся соотечественникам: это та легендарная птица «грифф» Марко Поло, которая, будто-бы, схватывала в свои когти слонов и возносила их на вершины гор. Находили яйца эпиорниса емкостью в восемь литров, следовательно, в шесть раз больше, чем яйцо страуса. Грандидье нашел костяки этой птицы, а также скелеты громадной черепахи и одной разновидности гиппопотама. Мадагаскарский крокодил, изобилующий в реках на обоих морских берегах, повидимому, составляет особый вид; есть также и удав-гигант, который, по словам легенды, иногда нападает, будто-бы, на быков и людей; к мадагаскарской фауне принадлежат также многие другие змееобразные, но, как свидетельствует большинство естествоиспытателей, ни одно из них не вооружено ядовитыми зубами; впрочем, путешественники сомневаются в достоверности этого утверждения[4]. Двух видов пауков туземцы очень боятся; утверждают даже, что укусы их смертельны. Мир насекомых и низших животных чрезвычайно разнообразен и, подобно миру млекопитающих, представляет частию виды, связующие его с фауною всех остальных материков, от Африки до Австралии и Южной Америки. В мальгашской фауне долю открытий, принадлежащую Грандидье, составляют 16 млекопитающих, 10 птиц, 25 пресмыкающихся и 18 ящеричных, не считая низших животных.

Относительно жителей Мадагаскара прежде всего следует заметить, что так как на нём не найдены ни оружие, ни инструменты из камня[5], то это подтверждает предположение о необитаемости острова вплоть до появления уже полу-цивилизованных переселенцев. Подобно фауне острова, и человеческое население его имеет многообразное происхождение, и посредством своих различных элементов, оно находится в связи с теми землями, которые составляют громадное полуокружие Индийского моря: с Африкою, Азиею и, малайско-полинезийским архипелагом; переселенцы на остров прибывали и с запада, и с севера, и с востока. Не-

1 A. Vinson. „Voyage a Madagascar“.
2 A. Grandidier, упом. соч.
3 Hartmann, „Madagascar und die Inseln Seychellen“.
4 Houlder, „North-East Madagascar“;—Jouan, „Bulletin de la Societe de Geographie de Rochefort”, 1882-1883.
5 Sibree, „The Great African Island“.

сомненно, однако, что преобладающее влияние—или по численности переселенцев, или скорее, по их относительной цивилизации—принадлежит народам малайско-полинезийского происхождения. Доказательством этому служит язык, которым говорят племена всех рас,

Амбохиманга, священный городъ племени хова.

населяющих Мадагаскар, от одной его оконечности до другой. Все мальгаши, каково бы ни было их происхождение—негритянское, арабское, индийское или малайское,—говорят одним и тем же идиомом, гибким, поэтическим и гармоническим, который, на основании точ-

ных изысканий, должен быть признан родственным с наречиями Инсулинда и Полинезии, и самое имя народа, «малагаси», связывают с именем «Малакка» на Индо-Китайском полуострове[1]. Словари,—из которых первыми были; голландский сборник, относящийся к 1604 году, и сборник Артузиуса[2], изданный в 1613 году,—уже делали это родство более, чем вероятным; а с тех пор подробные грамматики и полные словари показали, что предположение первых научных исследователей вне всякого сомнения. На сто двадцать обычных слов мальгашского языка сто—малайских[3]; остальное заимствовано из словарей арабского, суахели и банту; всего поразительнее, будто бы, сходство между мальгашским наречием племени бетсимизарака и малайским языком Индо-Китайского полуострова[4]. Все те составные слова, которые мы находим на мадагаскарской карте и которые удивляют нас своею длиннотою, по большей части образованы весьма удачно и рисуют какую-нибудь черту из наружного вида тех мест, которые они обозначают.

Надо полагать, нашествие малайско-полинезийских переселенцев совершилось в давнее время, так как два с половиною века тому назад, во время прибытия французских колонистов, население Мадагаскара состояло из независимых племен, без связи между собою и без общности в цивилизации, за исключением языка; прежнее единство расы или нации, доставившее жителям один и тот же язык, более не существовало. Ни один из этнических элементов острова не выдавался какой-нибудь высшей культурой, за исключением арабского населения, которое принадлежит к иной, чем малайцы, расе. Однако, арабского влияния, начавшагося уже с первого века мусульманской эры, было недостаточно для семитизации туземцев, которые уже подверглись более сильному предшествовавшему влиянию: в XIII столетии, один арабский писатель упоминает об островитянах как о «братьях китайцев», и одному из городов острова придает наименование Малай; этот город Малай был известен, столетие спустя, также и Едризи[5].

Никакие исторические сведения не дают указаний относительно времени высадки самых давних переселенцев, ни относительно страны, откуда они были родом. Каким путем они следовали?—также не известно. Только было бы трудно вообразить себе другую дорогу, кроме течений в Индийском океане, гонимых пассатными ветрами в направлении с северо-востока на юго-запад. Те же самые волны, которые приносили в 1885 году куски пемзы с Кракатау на берега Мадагаскара, увлекали также и прао[6] с Зондских островов к большой южной земле Океана: недаром малайские короли принимали титул «властелинов ветров и морей на востоке и западе»[7]. Возможно, что мели Чагоса, которые, по Дарвину, погрузились в воду в недавнюю эпоху, представляли тогда удобное место для этапа между двумя вышеупомянутыми областями. Однако, пришедшим с востока переселенцам пришлось, для приспособления к новой среде, изменить и свой образ жизни: из моряков они стали земледельцами. Убегая из смертоносного пояса низменных берегов, они прошли через леса поморья и взобрались на склоны плоскогорий, на которых и держатся их потомки. «Серебряный челн», т.е. гроб, в котором погребают ховского государя, ещё напоминает о том времени, когда умершие из племени хова действительно полагались в барку, как это в обычае у приморского племени бетсимизарака и у многих малайских народцев[8]. Хова и поныне не лучше европейцев переносят климат низменных земель. Проказа и другие болезни кожи довольно распространены между ними.

В общем, Мадагаскар представляет смешение различных народностей, при чём чистые

1 A. Vinson, упом. соч.;—De Froberville, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1839.
2 Max Leclerc, „Les Peuplades de Madagascar";—Jorgensen, „Antananarivo Annual", и т.д.
3 Olivier Beauregard, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie". Заседание 15 июля 1886.
4 Mullens, упом. соч.
5 Waiu, „Anthropologie",
6 Prao—малайское судно с двуми рулями,
7 Cook, „A Voyage to the Pacific Ocean".
8 James Sibree, „Antananarivo Annual", 1887.

типы не сохранились нигде. У некоторых островитян, именно у обитающих на западном берегу, негрский элемент преобладает, и там встречают в особенности сильных индивидов, с черною или темно-коричневою кожею, плоским лицом и курчавыми волосами. В центральных провинциях, большая часть племен приближается к малайскому типу; кожа у них—медного цвета, волосы на голове гладкие, зубы удивительной белизны. На обеих противоположных оконечностях острова, на северо-западном и юго-восточном побережьях, наблюдается «белый» тип, т.е тип арабский. По Грандидье, малабарские индусы, будто-бы, оставили многочисленные следы своего пребывания на западном берегу, и семейства начальников свидетельствуют об этом индусском происхождении. У многих племен находят существование каст, при чём у составляющих их лиц физическая внешность разнится, как и социальное положение: властвующие принадлежат к иной расе, чем их подданные.

Нация хова, ставшая ныне самой могущественной, повидимому, сохранила, по крайней мере, в своих высших кастах, первоначальный малайский тип. Различные писатели причисляют ховасов к баттасам островов Суматры и Ниаса[1], к явайцам и туземцам Бали[2], к тагалам Филиппинских островов[3]; другие указывают на их сходство с сиамцами, с жителями Самоа, с туземцами островов Тонга, даже с японцами. Это различие во взглядах между наблюдателями свидетельствовало бы о многоразличном происхождении ховасов, причина которого, без сомнения, в последовательных нашествиях; но жители Зондских островов, самоанцы, японцы могут быть все—по сравнению их с африканцами—разсматриваемы как принадлежащие к одному и тому же семейству. Когда Флакур, два с половиною века тому назад, описывал остров Мадагаскар, народец хова был неизвестен, или же смешивался под иными наименованиями с соседними племенами; «овы» появляются в истории только с половины XVIII века, когда они отвоевали свою независимость от сакалавов[4] и когда их начальник, андрианампоимерина, т.е. «господин, пребывающий в сердце Имерины», основал нынешнее королевство. Туземцы на плоскогориях называют себя алебанилапитра, т.е. «живущими под небесами», или амбаниандро, т.е. «живущими при дневном свете»: приняли они эти наименования, вероятно, потому, что их отечество, Имерина, составляло для них весь мир, или же потому, что они живут на высоких горных областях, над низменными равнинами земли[5]. В действительности наименование хова прилагается только к среднему классу народа, тогда как благородные называются андриана, а рабы—майинти и андево; но ныне и побежденные народцы любят именоваться ховасами, чтобы причислить также и себя к господствующей расе; независимые же племена награждают жителей Имерины кличкою: «амбоаламбо», т.е. «собаки-свиньи»[6], которая, как говорят, некогда не была обидной[7]. Таким образом, так называемые ховасы возростают в числе одновременно и вследствие присоединения к ним различных других племен, и вследствие избытка рождений, вообще значительного, ибо в горных странах женщины весьма плодовиты[8]. Колонии ховасов селятся в различных частях острова, вдали от родимого плоскогория, и особенно, к северу от озера Алаотра.

Отзывы путешественников, по большей части англичан и французов, о характере ховасов сильно расходятся, что объясняется не только увлечениями политического соперничества, но также и встречами с различными классами населения. Поскольку знатные ховасы, живущие посреди придворных интриг и лавирующие между партиями для спасения своего влияния и жизни, превратились в тонких дипломатов, умеющих выгадать время путем рассчитанной медленности и обмануть врага посредством лести и ласк, постольку же сельские хо-

1 Marsden, „History of Sumatra“;—Van der Tuuk, „On the Madagascar Lanuage“.
2 W. von Humboldt, „Kawi-Sprache“;—Crawfurd, „Grammar and Dictionary of the Malay Language“;—A. Grandidier, различные мемуары.
3 Waitz, „Antropologie“;—Staniland Wake, „Antananarivo Annual“, 1885
4 Le Gentil. „Voyage dans les mers de l’Inde“ (1761-1769).
5 Standing, „Antananarivo Annual“. 1887
6 Jorgensen, „Deutsche Kolonia-Zeitung“, 15 мая 1887;—Sibree, „Antananarivo Annual“, 1887.
7 Laverland, „Colonisation de Madagascar“.
8 A. Grandidier, „Bulletin de la Societe de Geographie”. 1883.

васы, мирные земледельцы,—благодушны, предупредительны, гостеприимны, привычны к труду, нежны к своим женам и детям, почтительны к «земле предков». Чужеземные купцы обвиняют их в жадности к наживе; однако, это обвинение туземцы с полным правом возвращают своим обвинителям. Численность ховасов и всех тех племен внутри страны, которые тоже приняли наименование этой победоносной нации, по Грандидье, достигает миллиона душ, т.е. составляет около трети всего населения острова. Понятно, отсюда, то превосходство, которое дают им над племенами, живущими по окружности острова, как их численный перевес, так и местообитание в центре Мадагаскара. Войска—обучаемый на европейский лад искателями приключений из англичан и других иностранцев—довершают остальное. Обширная часть окружающей Имерину территории, именно со стороны запада, ещё почти не заселена. Там простираются настоящие пустыни, проезжая чрез которые, путешественник по нескольку дней не встречает ни одной деревни. Английские исследователи прозвали эту мархию: «*No man's land*», т.е. «ничьей землей»[1]. По словам Грандидье, «край этот безлюден, да и не может быть заселен».

В прошлом столетии военное преобладание принадлежало племени на западном берегу, сакалавам, т.е. «людям длинных равнин». Впрочем, такое истолкование этого наименования, даваемое Йоргенсеном и самими сакалавами, оспаривается. Возможно, что это слово—обидная кличка, и в таком случае оно означает «длинные кошки». Сакалавы, которые были разделены на два королевства и на независимые княжества[2], ныне, если не подвластны ховасам, то по крайней мере оффициально предоставлены своими прежними союзниками, французами, великодушию господствующей нации, а посты, занимаемые ховасами в стратегических пунктах территории сакалавов, делают из их порабощения только вопрос будущего. Махафали в юго-западной области, анти-мена, анти-мараха, анти-махилака, анти-бузни и другие племена (слова: анти, анта, антэ, перед названиями народов, означают: «здешние люди, жители») все принадлежат к сакалавскому семейству, обнимающему приблизительно полмиллиона душ. У этих мальгашей негрский тип, повидимому, преобладает над типом малайским. Волосы у них волнистые, но не шелковистые; нос широкий и плоский, губы толстые; сильные и проворные по большей части, они имеют хорошо развитые икры и ступню замечательно красивой формы; проказа, столь распространенная среди ховасов, у них весьма редка. Самые чистые по расе—те, которые живут внутри острова и которых называют машикорами; но во многих местах побережья они смешались с арабами, а на юго-западном берегу, в независимых ещё сакалавских королевствах Фихеченана и Китомбо, везосы, т.е. «пловцы» или «поморы», почти белы и называют себя таковыми, благодаря многочисленным скрещиваниям с индускими переселенцами, с французскими и английскими пиратами двух последних веков, а также и с жителями острова Реюньон, приезжающими на пристани побережья с торговыми целями[3]. Нет никаких признаков, которые позволяли бы установить непосредственную связь между сакалавами и какою-нибудь негрскою национальностью на противоположном материке, ни определить точно эпоху, в которую совершилось—массою ли, или, скорее, рядом последовательных экспедиций—переселение давних племен; по крайней мере до сих пор у них имеются флотилии барок, на которых рыбаки и торговцы пускаются в дальние плавания, и которыми пираты недавно пользовались для того, чтобы рыскать около Коморских островов; в 1805 году эти сакалавские корсары пленили у африканского берега Ибо даже португальский корвет. Во всяком случае, эти африканцы, ставшие мальгашами, резко отличаются от негров-рабов, ввозимых арабами в приморские порты; такие рабы по большей части принадлежат к нации ма-куа, к неграм мозамбикским, колена которых рассеяны между реками Замбези и Ро-Вума. Сами же они, по Барону, называют себя зала-манга.

Бетсилео, т.е. «непобедимые», проживающие, в числе около трехсот тысяч, в гористой

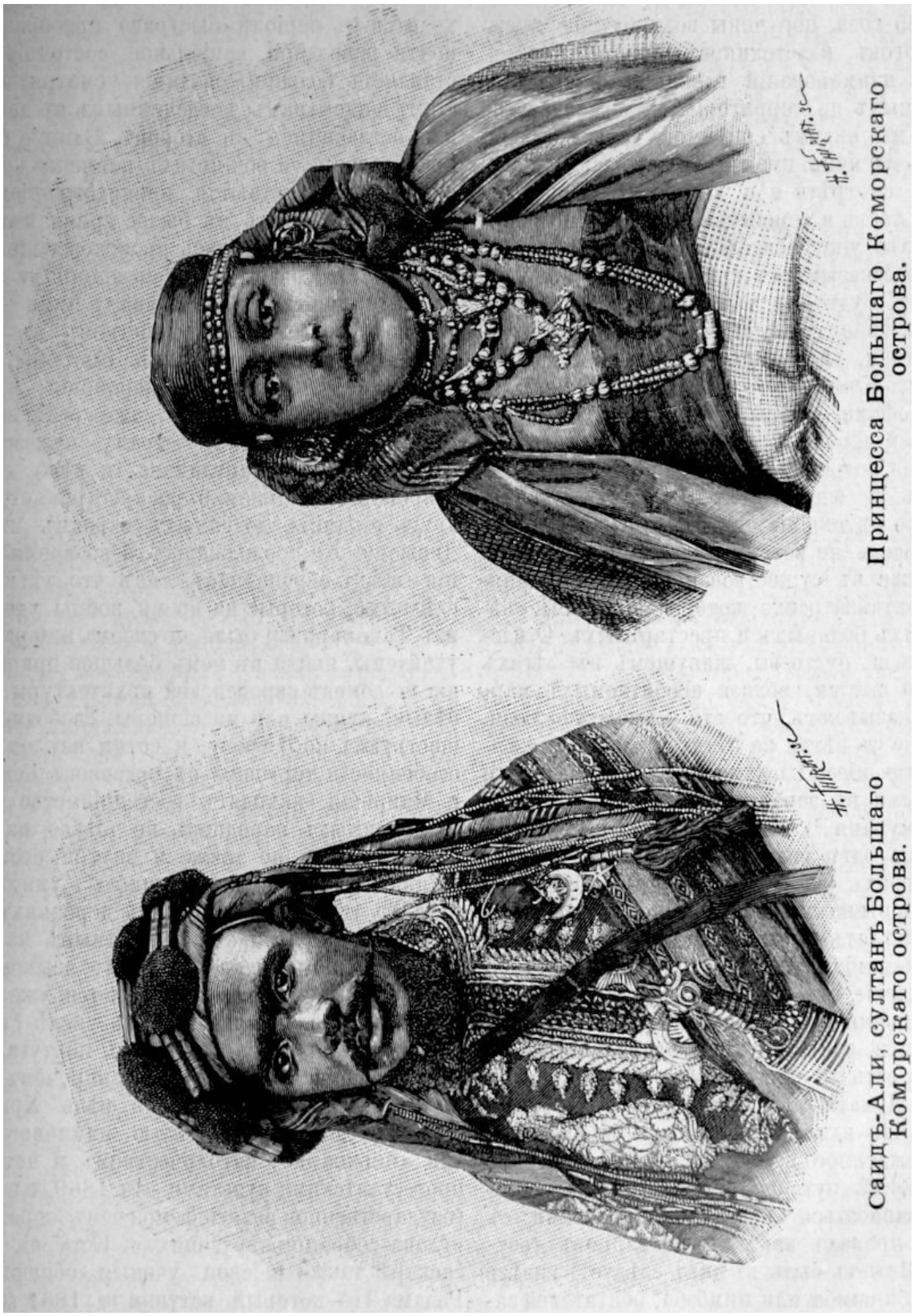
1 Mullens, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1875
2 Guillain, „Voyage a Madagascar“.
3 Sibree, „The Great African Island“.

стране, граничащей на юге с Имериною, уже не заслуживает своего наименования: большею частью это—мирные земледельцы, у которых негрский элемент, повидимому, преобладает над малайским типом[1]; они превосходят всех остальных мальгашей средней высотою роста (по Сибре, 1 метр и 83 сантиметра). Бара, т.е. «варвары»[2], населяющие плоскогория к югу от бетсилео, более походят на сакалавов, чем на своих северных соседей; они, подобно сакалавам, отчасти сохранили свою независимость; те из них, которые нашли убежище на горе Ивохибэ, на берегу замкнутого озера, могут с своей возвышенной позиции бравировать попытками осаждающих[3]. Живущие южнее ант-андрои, обладающие южною оконечностью Мадагаскара, также не покорены; подобно своим западным соседям, махафали, они старательно избегают сношений с иностранцами, которые считают их самыми дикими из мальгашей. Ант-аносси, т.е. «люди островов» или «побережий», с которыми первые французские колонисты Св. Лючии и форта Дофина пришли в соприкосновение, и которых эти колонисты столь жестоко угнетали,—ныне покорены ховами. Ант-айзака, т.е. «ловящие рыбу рукою»—обитающие на восточном берегу, к северу от ант-аносси,—очень походят на сакалавов и, вероятно, произошли от скрещивания тех же элементов. Затем следуют ант-айморо, или «мавры»—по Йоргенсону «люди берега»:—тоже побережники восточного моря, претендующие, несмотря на очевидную у них помесь пород, на происхождение от арабов из Мекки и приводящие в доказательство такого происхождения древния рукописи на арабском языке. Над ант-айморо и ант-амбабоака, в лесистых долинах горы, живут ант-анала, т.е. «жители леса», большая часть которых могли сохранить свою независимость, благодаря трудности доступа к природным крепостям, на которых они имеют свои становища. Одна из этих крепостей, Икионго или Иконго, возвышающаяся метров на пятьсот над соседними землями, ещё круче, чем гора Ивахибэ; со всех сторон она ограничивается пропастями и такими стенами, по которым—за исключением единственной тропинки, защитить которую могут даже несколько воинов—нет возможности взобраться: по окружности гребня выстроены, на известных друг от друга расстояниях, сторожевые домики, а на верхнем плато—имеющем в длину 13, а в ширину 7 километров—рассеяны пять деревень, окруженных нивами и источниками. Свободное племя ант-анала—убегающее на время войны на Иконго—вообще обозначается тем же именем, как и эта гора[4]. Во всей юго-восточной части Мадагаскара арабское влияние, повидимому, было значительно. «Белые», эти заф-раминия, о которых повествуют Флакур и другие писатели того времени, были арабы или обращенные в ислам индусы. Многие из начальников во всех племенах имеют претензию считать себя потомками арабов, и *омбиас*, или жрецы—*омасси* у сакалавов—распространяют обычаи или церемонии, очевидно, заимствованные из мусульманского культа[5].

Самую многочисленную нацию на восточном склоне составляют порабощенные бетсимизарака, т.е. «люди, живущие в союзе между собой»; туземцы эти хорошо известны путешественникам, так как для того, чтобы проникнуть из Таматавы в Тананариву, столицу Мадагаскара, необходимо пересечь их территорию. Бетсимизарака и их соседи, бетанименна, т.е. «люди красной земли», имеющие притязание на происхождение от indris babakoto—люди рослые и сильные, но нрава благодушного и безропотного, при том почти не отличающиеся от своих властелинов, ховасов; численность их равняется приблизительно тремстам тысячам. Из других народцев восточного склона, ант-анкайи, «люди распаханной земли», и безанозано, т.е. «анархические»—а по Иоргенсену, «лесной народ»—обитающие в узкой и длинной долине Анкай, между двумя, одетыми лесом, параллельными горными цепями—стали посредниками в торговле между ховасами плоскогорий и бетсимизараками поморья. Это они переносят почти все товары по трудным тропинкам гор; привычка переносить боль-

1 W. Deans Cowan, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1882.
2 Dahle Jorgensen, „Antananarivo Annual", 1885.
3 Mullens, „Journal of the R. Geographical Society", 1877.
4 Du Verge, „Madagascar et Peuplades independantes".
5 Max Leclerc, „Les Peuplades de Madagascar ";—A. Walen, „Antananarivo Annual", 1883.

шие тяжести на плечах исподволь приводит к развитию у них мясистых наростов, которые защищают ключицу от надавливания; дети родятся уже снабженными этими защитительными придатками[1]. Севернее, в низине, дно которой занимает озеро Алаотра, живут ант-сиканака, т.е. «озерные», а по Вилльяму Эллису, «независимые»; они—рыбаки, а также и пасту-



Принцесса Большаго Коморскаго острова.

Саидъ-Али, султанъ Большаго Коморскаго острова.

хи ховских стад. Почти все употребляемые ими вещи изготовлены из тростника. В сезон дождей, жители некоторых прибрежных деревень не утруждают себя бегством на земли, лежа-

1 „Memoirs of the Anthropological Society“, 1877.

щие выше уровня наводнения; они помещают свой очаг и свои циновки на толстые плоты из камыша и отдаются на волю увлекающих их волн[1]. Сиканака принадлежат к той же группе племен, как и бетсимизарака; но следующие за ними туземцы, населяющие северную оконечность Мадагаскара, ант-анкара, т.е. «жители севера» или же «люди скал»[2], отличаются ото всех других мальгашей своим кафрским обликом, курчавыми волосами и толстыми губами: они-то из мальгашей более всего подверглись влиянию ислама. Ант-анкара были союзниками французов против ховасов, и, также как сакалавы, были, трактатом 1885 года, поручены великодушию прежних врагов, властелинов Мадагаскара.

Кроме наименований главных народцев, расселенных по территории Мадагаскара, на картах мы видим ещё много других, означающих племена, имен, на которые, однако, следует смотреть или как на обозначения кланов, каст и семейств, или как на синонимы более употребительных наименований. Затем рассказывают ещё о карликах кимо, живущих, будто-бы, в южной части острова, посреди племени бара: первые французские путешественники, упоминающие о них, естествоиспытатель Коммерсон и Модав, губернатор форта Дофина, описывают этих пигмеев как людей чернокожих, с большою головою, курчавыми волосами, длинными руками, очень храбрых и очень искусных в пускании стрел; но в течение этого столетия, ни один исследователь не встречал их. Флакур верил также в существование племени каннибалов, онтайзатрсиха, которые, будто бы, съедали своих больных и престарелых. О племени бехози, будто-бы, живущем в лесах западного склона, вблизи необитаемых мархий, рассказывают, что это чернокожие люди, прыгающие с ветки на ветку, подобно обезьянам, питающиеся плодами, кореньями, а также пойманными в западни и затем откормленными лемурами[3]. Быть-может, о них осталось лишь одно воспоминание, как о древних неграх ва-зимба, которые, будто-бы, были аборигенами Мадагаскара, и которым не известно было употребление железа. Кто были эти ва-зимба, имя которых указывает на происхождение от народов банту? Одно маленькое племя в земле сакалавов, к югу от Маюнги, известно под этим же названием; но есть ли оно остаток первобытных жителей? Думать так дает повод то обстоятельство, что их считают как бы имеющими прирожденное право на почву, и что во время своих путешествий они могут бесплатно запасаться съестными припасами с нив, на правах как бы посланцов государя[4]. Может-быть, в них следует видеть братьев басимба или цимбэба, обитателей западного берега Африки. Могилы аборигенов ва-зимби, груды или круги камней, рассеяны по разным областям плоскогорий, и мальгаши приближаются к ним с трепетом; иногда они приносят там даже жертвы, для заклинания духов, которые кружатся около этих злополучных мест.

В стране, как Мадагаскар, которая находится в периоде быстрого преобразования, почти революции, социальное состояние представляет большие различия, смотря по кастам и племенам, вовлеченным в движение, или остающимся в стороне. Влияние белых преобладает, и во многих племенах начальники ныне хвастаются происхождением от европейцев, как в былое время их предшественники хвастались происхождением от арабов[5]. Ховасы, подобно японцам—и это ещё одна черта сходства между ними—бросились с своего рода бешенством в подражание европейской культуре. Костюмы, украшения, мебель, жилища, церемонии, военные парады, формулы речи, даже религии—всё взято у посещающих страну чужеземцев, французов или англичан, и дело европеизирования постепенно распространяется вокруг столицы, до самых окраин империи. Движение это продолжалось и во время изгнания всех европейцев, так что те из последних, которые на время войны удалялись из Тананаривы, были, по своем возвращении, удивлены, найдя в нём большое приращение числа домов

1 Du Verge, упом. соч.
2 „Revue de Geographie“, Mai, 1888; - Jorgensen, „Antananarivo Annual“, 1885.
3 Sibrec, „The Great African Island“;—Cousins, „Antananarivo Annual“, 1875.
4 L. Dahle, „Antananarivo Annual“. 1883.
5 Du Verge, „Madagascar et Peuplades independantes“.

европейской архитектуры. Ныне белые, купцы или миссионеры, свободно путешествуют по острову, и сотни из них, в особенности торговцы с островов Реюньона и Маврикия, находят гостеприимство у ещё независимых народцев не только на берегах острова, но также и внутри его. Под влиянием европейцев, школы умножились как в городах, так и в деревнях: ховский язык, фиксированный отныне на письме латинскими буквами, стал языком литературным, и на нём имеются уже книги и газеты, увеличивающиеся в числе с каждым годом; слова английские, португальские, и в особенности французские, впрочем, сильно измененные, наводнили речь. Христианство, представленное пятью наименованиями или «церквами»: католичеством и четырьмя протестантскими культами—с 1869 года стало государственной религией, при чём королева—«глава собрания верующих». Есть на Мадагаскаре также и свои ученые общества, и Радама II—который, вступая в 1861 году на трон, начал с заявления в большом совете, *кабари*, о том, что отныне все белые «составляют часть его семейства»—думал даже об основания академии наук.

Однако, вне Тананаривы, в отдаленных округах империи, отчасти ещё сохраняются первобытные нравы, обычаи, унаследованные от цивилизаций малайской или банту, и религии и обряды древних времен. Те из мальгашей, которые не приняли всего или отчасти европейского костюма или доставляемых миссионерами длинных одеяний из хлопчатобумажных тканей, не имеют другой одежды, кроме *ламбы*, короткой юбочки, которая у населений внутри страны состоит из простой перевязи, изготовляемой из древесной коры. Туземцы многих племен—на-подобие своих предков в Африке или в Полинезии—татуируют себе лицо или проводят на нём шрамы, а также раскрашивают волосы на голове или намазывают их глиной, как большинство племен на верхнем Конго; туземцы племени бара устраивают из своей шевелюры желтоватый шар при помощи воска и сала. Подобно индонезийцам, мальгаши приветствуют друг друга взаимным обнюхиванием. Жилища нецивилизованных туземцев—не что иное, как хижины из битой глины, тростника, или черешков и листьев равеналы; наконец, есть и такие народцы, воины которых не обладают ещё огнестрельным оружием и пользуются копьями, стрелами и даже сарбаканами (сарбакан, длинная полая трубка, сильно дуя в которую, можно выбрасывать даже пули).

Обрезание практикуется у всех народцев, ещё не принявших христианства. Дети сакалавов подвергаются этой операции в возрасте шести или семи лет, после чего на них смотрят уже как на мужчин; а чтобы дать им предвкусить жизненную борьбу, к которой они должны приготовиться, присутствующие при операции бьют и сильно треплют мальчиков. Вообще мальгашские дети пользуются большою свободою и, в большей части племен, юноши и девушки могут вступать во временные связи, не навлекая на себя нареканий; раньше чем решиться на заключение брака, они делают опыт. Если мальгаш ещё не женат, то он не может быть наследником и считается несовершеннолетним[1]. Брак совершается обыкновенно путем купли и, как во многих других странах, он сопровождается притворным похищением; иногда же покупщик увозит свою будущую жену не иначе, как после доблестной битвы из-за неё, при чём меряется силою и отвагою с соседними молодыми людьми. У сакалавов родители не могут решать вопроса о браке без согласия самих их детей, но они председательствуют на свадебном пиршестве. Супруг и супруга едят с одного блюда, а затем обмакивают палец в сосуд с кровью от зарезанного в честь их рыжего быка и помазывают этою кровью грудь у приглашенных. Брачные союзы у сакалавов вообще весьма уважаются, и расторжения браков, из вежливости называемые «отблагодарениями», редки: рассказывают, будто часто бывает, что, в случае смерти одного из супругов, другой с отчаяния сам налагает на себя руки[2]. Напротив, у махафали, жена всегда считается низшим существом; она должна исполнять все обязанности относительно своего мужа, сама же не пользуется никакими правами. Она не может даже есть вместе с ним, ни даже присутствовать при принятии им пищи; будучи больною, она должна оставаться в удалении от мужа; когда же умирает, то её труп не полагается

1 Coignet. „Bulletin de la Societe de Geographie". Octobre 1887

2 Von der Decken;—Du Verge, упом. соч.

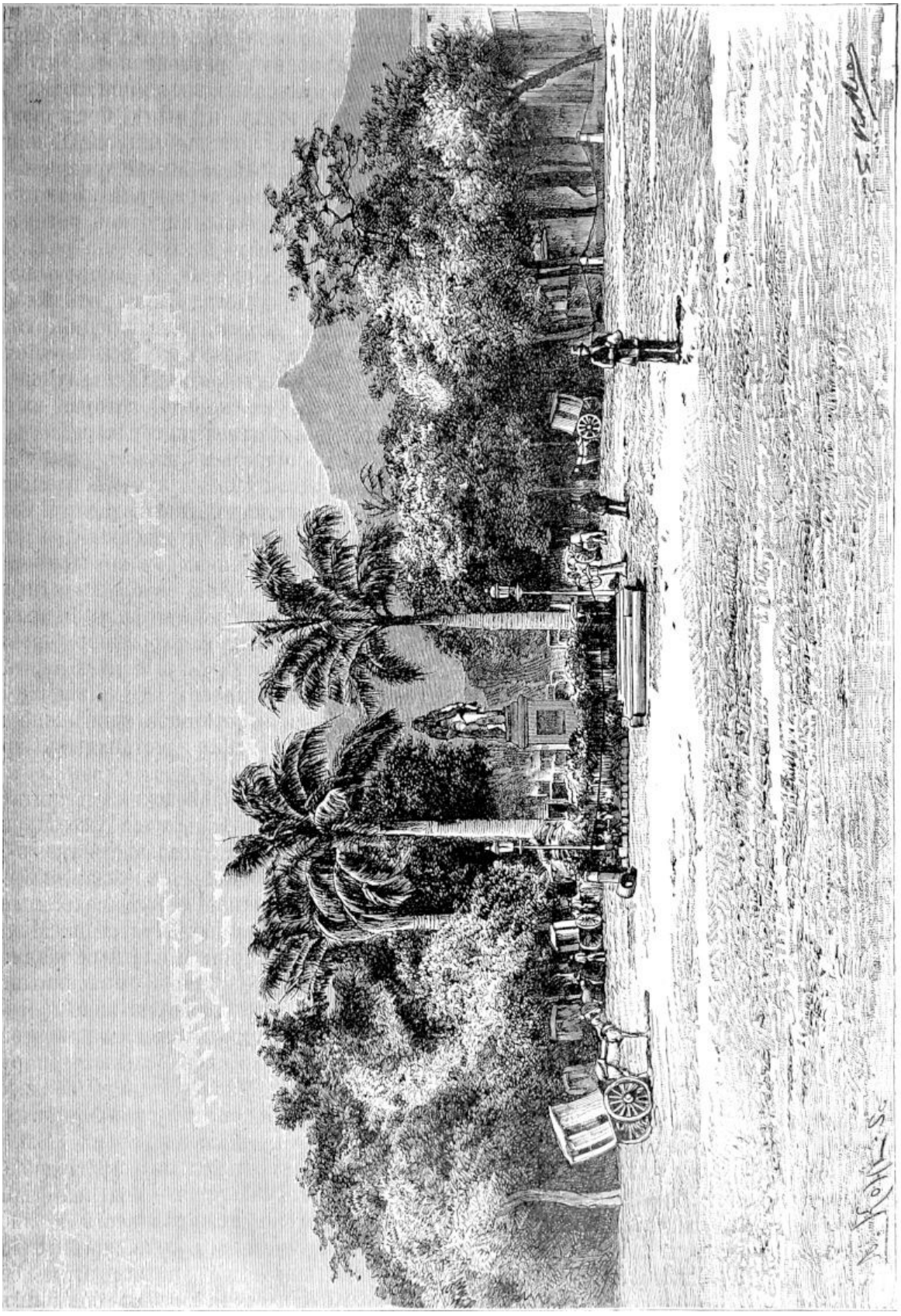
в освященное место, предназначенное для супруга. Прелюбодейная жена часто предается смерти, и даже её родными; наконец, у сиханака, вдовы должны претерпевать настоящие муки. Одетая в самую дорогую из своих ламба и украшенная самыми лучшими своими уборами, несчастная вдова ожидает в своем доме возвращения похоронного поезда. Когда же провожавшие на кладбище труп её мужа вернутся, то родители и друзья набрасываются на неё, срывают с неё драгоценности, рвут на ней платье, треплют её прическу, швыряют ей разбитый горшок, с отбитыми краями ложку, кусок грязной ткани и осыпают её проклятиями, как причину всего несчастия. Всякое возражение ей воспрещено; все могут её бить, и такой траур продолжается месяцами, а иногда даже целый год; конец ему полагается лишь расторжением брака, которое, с соблюдением всех правил, произносят родители умершего, чтобы отделить вдову от останков её бывшего супруга[1].

Братание кровью—известное у разных племен под различными названиями—весьма часто практикуется у мальгашей, и большая часть европейских путешественников этим путем имели возможность приобрести себе многих «братьев», облегчившим им исследование края. Оба дружащиеся причиняют друг другу по ране и смешивают истекающую из этих ран кровь; или же, как у ант-аносси, приготовляют напиток из крови быка, примешивая к ней священную воду, в которую бросают различные предметы, свинцовую пулю и золотое кольцо, которое носится неграми на ногах[2]. Ордалии также сохранились в непокоренных областях Мадагаскара, и до недавнего времени нигде эти суды Божии не были ужаснее, чем у ховасов: их жертвы ежегодно насчитывались тысячами. Самое обыкновенное испытание заключается в том, что обвиняемого заставляют погрузить руку в кипяток; в других случаях на язык подозреваемому кладут кусок раскаленного до-красна железа, или же заставляют выпить яда, приготовленного из плодов tanghinia venenifera: или же, наконец, ему велят вплавь переплыть реку, кишащую крокодилами. Чародей трижды ударяет по воде, а затем, обращаясь к речным чудовищам, произносит: «Вам, крокодилы, предстоит рассудить: невинен ли этот человек? или же, напротив, он виновен?

Закон, т.е. обычай, называемый у сакалавов *lilin draza*, тщательно соблюдается в провинциях, ещё не подчиненных ховскому правительству, и закон этот суров, в особенности, когда в его основе, вместо нравственности, лежит страх перед неизвестностью. Сакалавский кодекс заключает в себе столько же *фади*, т.е. запрещенных вещей, сколько *табу* существует в обычаях полинезийских. Каждому сакалаву запрещено: спать, обратив голову к югу; подметать дом, начиная с северной стороны; спать на изнанке цыновки; облупливать банан зубами; есть петуха или угря; давать в руки дитяти зеркало; плевать на огонь и делать тысячи других вещей, которые кажутся неважными тому, кто не живет в постоянном страхе перед чародеями и злыми духами. Каждое племя, каждый клан, каждое семейство имеет свои специальные фади, которые должно соблюдать под опасением несчастий. Такое-то место злополучно, и все его тщательно обегают; такой-то день сулит беду—поэтому прерывают работу и воздерживаются от всякого предприятия; никто не отважится пуститься в какое-нибудь приключение, не испытав, при посредстве чародеев, того, что выпадет ему в азартной игре, называемой *сикили*, относительно которой Грандидье полагает, что она занесена из Аравии преследуемыми там евреями. «Каков день месяца, такова и судьба», гласил мальгашская поговорка[3]. Между же этими днями есть такие ужасные, что появляющиеся на Божий свет в течение их дети, у ант-аносси и ант-анала, предаются крокодилам или зарываются живыми[4]. Беньовский, для увеличения своей колонии, упросил отдавать ему всех тех, кого предполагаемая судьба обрекала на несчастье. У сакалавов-везо, у которых, следуя обычаю, детей относят в лес, один из родителей, как только ребенка там положат, является и спасает жертву[5].

1 Sibree, „Madagascar and its people“;—Du Verge, упом. соч.
2 A. Grandidier, „Bulletin de la Societe de Geographie”. Fevrier, 1872.
3 A. Grandidier;—du Verge;—Standing и т. д.
4 Bartet, „Bulletin de Geographie do Rochefort”, 19 decembre 1886.
5 A. Walen, „Antananarivo Annual“, 1883.

Мальгаши зачастую прибегают к жертвоприношениям, для умилостивления духов. Все явления природы, гром, ветер, дождь, олицетворены в гениях, сынах высшего духа, Занахар-бэ, к которому, однако, не взывают непосредственно, вследствие чрезвычайного его величия над смертными[1]. Горы, скалы, большие деревья—тоже почитаемые существа; иной исполин, баобаб или тамаринд, обвешан лоскутьями, украшен головами животных и выма-



Портъ Луи.—Статуя де-ла Бурдоннэ.

1 F. Coignet, „Bulletin de la Societe de Geographie", Octobre, 1857.

зан цветною глиною, в знак обожания его верующими Но злые гении, ещё более многочисленные, чем духи благожелательные, кружатся в воздухе и ищут своих жертв: это они поджигают дома, уничтожают посевы, умерщвляют скот и людей. Когда глава семьи, окруженный всеми своими домочадцами, строит хижину или засевает поле, он взывает к душам своих родных, прося их удалить невидимых врагов. Против этих последних самое могущественное оружие заключается в пении. Для излечения больного, женщины и молодые девушки собираются вокруг него и, утром и вечером, поют, танцуя и хлопая в ладоши. Но если эти чары не помогут и больной скончается, то, значит, демон восторжествовал. Тогда приступают к всеобщим очищениям: обыкновенно дом, в котором приключилась смерть, покидается в пользу злых духов. Ант-аносси покидают даже и самый край; у большинства же сакалавских племен, пытаются по крайней мере сбить с толку гениев, меняя имя: надеются, таким образом, что ими будет потерян и самый след. У сиханака больных скрывают в лесах, и в тайну их убежища бывают посвящены только двое или трое: если удастся скрыть больного от демонов, то он и выздоровеет[1]. У большинства мальгашских племен, погребение, как и у индонезийцев, совершается спустя долгое время после смерти, когда труп совершенно разложится.

В крае, где почва ещё обрабатывается руками рабов, успехи не могут быть очень быстрыми. Правда, что, привлекая в ущерб производству жизненных припасов, к индустриальным культурам все имеющиеся в их распоряжении руки, крупные землевладельцы могут породить иллюзию о процветании земледелия; но тогда-то именно масса народа и бывает обездолена всего более. Все плантаторы на восточном берегу—горячие защитники сохранения рабства, защищают которое они в видах-де содействия в стране успехам земледелия. Уже первые колонисты в форте Дофина продавали мужчин, похищенных у своих собственных союзников; затем, в течение двух последних веков, Мадагаскар стал складочным местом, которое посещали негроторговцы с целью запастись там рабами для плантаций на Маскаренских островах, на берегах Африки, Аравии и Египта; с другой стороны, ма-куа или можамбика—под каковыми наименованиями подразумевались негры, привозимые из Африки—тысячами были высаживаемы на сакалавский берег: колонисты о. Маврикия называют их „marmites“, от туземного слова *maromita*, которое означает: «ходящий в брод». С 1877 года ввоз чернокожих строго воспрещен; но на самом острове рабство существует, и порабощенных людей насчитывают до двух-третей всего народонаселения; можно также сказать, что и побежденные ховами племена, в массе, считаются победителями за орды рабов и подвергаются беспрерывным принудительным работам, барщинам. Впрочем, рабство не есть ли, у каждого народца, свидетельство о прежней борьбе между враждебными классами или расами? За преступление быть бедным расплачиваются порабощением: долги влекут за собой для должника-хова-са потерю свободы в пользу заимодавца. По Mullens'у, средняя цена рабов на Мадагаскаре—около пятидесяти франков. Знатные особы имеют рабов тысячами; сановники церкви покупают их наравне с мирянами, и в своих проповедях пастыри остерегаются касаться щекотливого вопроса о правах человека на свободу[2].

Как земледельческий край, Мадагаскар представляет, однако, действительное значение в деле снабжения жизненными припасами соседних земель, островов Маскаренских. Рис—главное возделываемое туземцами растение, и хотя обрабатываемая часть почвы не составляет и сотой доли всей поверхности, тем не менее, годовой сбор риса, будучи вполне достаточным для прокормления островитян, в весьма значительной доле входит и в состав вывозной торговли. В некоторых удаленных от центра провинциях, между прочим, у племени антанала, возделываемую местность меняют ежегодно, при чём на избранном месте предварительно выжигают траву и кусты, а затем в дождливое время сеют по перекопанной почве и выжидают времени жатвы. На следующий год временное становище покидается, и кочевни-

1 Henry W. Little, „Madagascar“.

2 Mullens, „Twelve Months in Madagascar“;—Shaw, „Madagascar and France“;—Cust, „Languages of Africa“. —„Afrique exploree et civilisee“, 1883.

ки отправляются на другую вновь разделанную целину. По соседству с Тананаривою, идущие под рисовые плантации орошаемые земли приготовляются с большим тщанием и засеваются лишь после удобрения их посредством сгона на них овец и коров[1]. Кроме риса, мальгаши возделывают большую часть съедобных растений тропической и подтропической областей: маниок, пататы, иньямы, земляные фисташковые орехи, cytisus cajanus и саонио, то же растение (*arum escuentum*), которое, под именем таро, столь распространено в океанском мире. В области плоскогорий европейцы ввели хлебные растения, овощи и плодовые деревья из северного полушария; на плоскогориях Имерины выращивают чайный куст[2], а на морском берегу плантаторы занимаются уже несколько лет возделыванием на больших пространствах хлопчатника, кофейного дерева и сахарного тростника.

Центральные области Мадагаскара, лишенные лесов и покрытые травами, представляют один из наиболее благоприятных краев для разведения скота. Крупный рогатый скот здесь двух пород: южно-африканской и красивой разновидности зебу, или индийских буйволов, ввезенной с Востока в неизвестную эпоху и ныне представляемой сотнями тысяч, может-быть, миллионом голов. Бык—самый любимый товарищ сакалава: нет ни одной церемонии, в которой бы он не фигурировал, ни одной легенды, в которой ему не была бы отведена роль. Мальгашская овца—животное с длинною шерстью и толстым хвостом. Почти все животные европейских ферм тоже процветают на мадагаскарских полях, за исключением лошади, которая частенько чахнет; лучше всего выживает та её порода, которая вывезена из Бирмании. Свинья, которою некогда гнушались, как нечистым животным, мало-по-малу снова завладевает краем племени хова, но не проникает к сакалавам, которые ещё находятся под отдаленным влиянием ислама[3]. В птичниках у ховасов отныне находятся все домашния европейские птицы, а несколько нарождающихся шелковидных питомников получили шелковичного червя из Китая: кормят его, как и в Европе, листьями тутового дерева. Мальгашские виды этого червя, из которых один живет на cytisus cajanus, также доставляют крепкие шелки[4].

Под влиянием европейских воспитателей, промышленность у мальгашей уже значительно видоизменилась, доказательством чему служат новейшие дома и одежда; но всё-таки в своей первобытной форме сохранилась и большая часть туземных индустрий. Мальгашские ткачи ткут яркие и плотные ткани: шелковые, хлопчатобумажные и льняные, из которых и изготовляются ламбы; волокна пальмы рафии идут также на приготовление одеяний, шляп и корабельных парусов. Вывозимые из Мадагаскара цыновки, сплетенные из рафии, папируса или других видов тростника, славятся прочностью, нелинючестью и яркостью красок. Подобно арабам и неграм, мальгаши—опытные филигранщики и искусно режут жесть и листовое железо: благородные могут предаваться ремеслу железника, не унижая этим себя, и вещи изготовляются тем с большим вкусом, чем мастер почтеннее. Что же касается мануфактур в больших размерах, основанных было любимцем Радамы II, французом Лабордом, то эти заведения были разрушены во время междоусобных распрей, а для восстановления их средства страны недостаточны. Месторождения минералов—которые по словам туземцев везде изобильны, но которые путешественникам известны только в местах их проявления на поверхности земли—до сих пор не могли приобресть значения в хозяйстве страны, так как ховское правительство запрещало их разработку, под угрозою тяжкими карами. Исследования Гюильмена доказали, что Мадагаскар обладает каменноугольным бассейном, насупротив острова Носси-Бэ, именно около Амбодимадира, на берегах бухты Пассандавы, но пока ещё не имеется всех необходимых сведений как о границах этого бассейна, так и об его толще и доступности для разработки. Пески реки Икопы золотоносны, и несколько золотых и

1 Lacaze, „Souvenirs de Madagascar“.
2 „Journal Madagascar“, mars-avril, 1888.
3 A. Vinson, „Voyage a Madagascar“;—Keller, „Reisebilder“.
4 Cambone, „Bulletin de la Societe d'Acclimatation“, 1885.

медных рудников разрабатываются иждивением правительства[1]; занимаются также и устройством солеварен, которые позволят мальгашам избавиться от выписки соли из Марсели. Мальгашским каменщикам известно искусство получать желаемых размеров бруски базальта, поддерживая постоянный огонь на поверхности камня.

Ховское правительство надзирает за торговлею страны при посредстве таможенных постов, основанных во всех важных пунктах поморья, и даже в округах, населенных независимыми племенами. Оно взимает от 8 до 10% со всех, как с ввозимых, так и с вывозимых товаров; от пошлины избавлены, однако, книги и все письменные принадлежности, необходимые в школах. Большая часть внешней торговли, главным образом на восточном берегу, ведется с островами Реюньон и Св. Маврикия, требующими скот, рис, кукурузу и всякого рода жизненные припасы, для прокормления рабочих, занимающихся на плантациях; взамен этого, Маскаренские острова присылают предметы европейской фабрикации, в особенности ром, этот яд для туземцев, зацивилизовывающий их «на смерть». Так, в 1886 году, с Св. Маврикия было привезено на Мадагаскар 17.500 боченков, т.е. 38.500 гектолитров рома. Прямая торговля с Европою находятся в руках негоциантов, продающих туземцам ткани, мелкий железный и медный товар, мелочные товары, ружья и другое оружие, и покупающих, взамен этого, кожи, сало рогатого скота, воск, каучук и копал, доставляемые им торговцами, пребывающими как в приморских портах, так и в больших деревнях внутри страны. Соединенные Штаты принимают также значительное участие во внешней торговле Мадагаскара, обороты которой в 1890 г. выразились следующими цифрами: ввоз составлял, по ценности товаров, около 5.600.000, вывоз—около 3.741.000 франк. По Раулю Постелю, в навигацию 1886 года в Мадагаскарские порты прибыло и из них ушло, в общем, 1.200 судов, с вместимостью в 120 тысяч тонн. Во всём крае в ходу лишь французская пятифранковая монета, называемая долларом; её разрезывают также на мелкие куски, которые тщательно вывешиваются. Каждый торговец является, поэтому, с своими весами.

Трудность сообщений между высокими плоскогориями и приморскими портами задерживает развитие торговли. Спекуляторы уже предлагали построить железные дороги вдоль берега и к рынкам в центре страны, но пока существуют только плохия тропы между столицею и двумя главными портами, на западе и востоке острова: Мажангой (Маюнгой) и Таматавой. Долгое время одним из принципов ховской политики было поддерживать между столицею и заграницею непроходимый барьер из лесов и болот: это генералам Хазо и Тазо, т.е. «лесу и лихорадке», ховские государи вверяли защиту своего королевства. Давление торговли и удобства для самого правительства, без сомнения, восторжествуют над традиционною политикою; телеграф уже соединяет Тананариву с его восточным портом, и теперь занимаются расширением некоторых троп. Ныне все товары пересылаются из Тананаривы в Таматаву и в Мажангу при посредстве носильщиков из племени бетсимизарака и других народцев, при чём, в среднем, на носильщика нагружают тюк весом от 45 до 50 килограммов. Когда же переносимые предметы имеют более значительный вес, то издержки по переноске возрастают в чрезвычайном размере. В среднем «мармит» употребляет дней двенадцать на проход расстояния в 340 километров и получает за это путешествие от 15 до 25 франков. Путешественников несут в фитаконах или филанжанах, т.е. открытых носилках, вообще весьма неудобных; впрочем, они могут путешествовать и на воле или на лошади. Таматава и французские станции на окружности острова ещё не соединены с мировою телеграфною сетью; но две правильно действующие линии пароходства, поддерживающие сообщение с островами Св. Маврикия и Соединения, касаются также и главных портов Мадагаскара; со времени умиротворения, на пароходах в край прибывает много переселенцев креолов с Маскаренских островов, арабов и индусов, которые, впрочем, не могут явиться соперниками туземцев по земледельческому труду, очень плохо оплачиваемому.

Столица Ховского королевства сделалась большим городом не притягательной силой тор-

1 „Temps“, 31 mars, 1888.

говли, а главным образом вследствие централизации властей, вынужденного соединения чиновников, придворных, солдат и рабов. Тананарива, или Ант-Ананариво, т.е. «здесь тысяча деревень», в самом деле образовалась из большого числа соединившихся деревень и поселков; подобно европейским столицам, и она из десятилетия в десятилетие включает в свои разростающиеся предместья соседния местности. В 1820 году она была населена 10—12 тысячами жителей; двадцать лет спустя, население её удвоилось[1]; некоторые современные путешественники, даже резиденты, делавшие частные подсчеты населения, говорят о сотне тысяч человек, собранных ныне в этом мальгашском городе[2]. В нём более двадцати тысяч построек, при чём дома вообще очень маленькие, и каждое богатое семейство имеет их по несколько. Первоначальное ядро Тананаривы занимает, на высоте 1.400 метров, вершину холма, который тянется с севера на юг, возвышаясь на 150 метров над долиною реки Икопы; обильные источники, называемые «живыми водами», питают город. С вершины холма, в какую бы сторону ни направить взор, повсюду видишь, на необозримое пространство, сады, рисовые плантации и деревни, рассеянные по волнистым плоскогориям.

На самом гребне главного холма находится королевский дворец, а на запад выдается утес, составляющий тананаривскую «Тарпейскую скалу»: оттуда были сбрасываемы навлекшие на себя гнев государя. На западном склоне скаты слишком круты, чтобы было можно выстроить на них много домов; жилища сгруппировались преимущественно на восточных отлогостях холма, и все они построены на маленьких террасах, расположенных в форме ступенек. Дома, для постройки которых камень и кирпич почти заменяют дерево, и которые оканчиваются громоотводами, обращены фасадом на запад, или по причине холодных ветров, дующих с юго-востока, или, скорее, в силу мифических преданий; в правильные улицы дома эти, однако, не расположены[3]. Несколько аллей-улиц делят город на неравные кварталы; главная из них, вымощенная гранитными плитами, есть «священная дорога» королевского семейства. Она тянется сначала по гребню холма на север, затем расширяется, образуя площадь Андохало, на которой короли, взойдя на священный камень, принимают корону и надевают её себе на голову. Далее этот бульвар спускается в новый город, построенный к северу от старой Тананаривы, и, направляясь за город между рисовыми плантациями, продолжается километров на двадцать, до города Амбохиманга, одного из «двенадцати священных городов» и самого святого из всех их, выстроенного на уединенном гнейсовом утесе, который осеняют большие деревья, и у подошвы которого бьют часто посещаемые теплые ключи. Европейцы редко получают право проникнуть в этот город, отечество предков нынешней династии и место дачного житья государей; каждый год сюда переезжает двор на короткое время, в течение которого должны прерываться все государственные дела, так как всё время посвящается праздникам, жертвоприношениям и религиозным молениям. Кроме этого ховского Версаля, Тананарива обладает многими другими местами для прогулок, живописными деревнями, озерами и загородными домами, окруженными садами. У самых ворот города, в долине р. Икопы, воды задерживаются, образуя небольшое озеро, омывающее увеселительный островок; река окаймлена оградительными плотинами, постройку которых приписывают одному из первых королей династии. Проезжая для экипажей дорога ведет из Тананаривы в Мантассу, группу промышленных заведений, основанных Лабордом на юго-восток от столицы. Там фабриковали всё: ткани, металлические изделия, кирпичи, фарфор, сахар, мыло, оружие, пули, порох, пушки и т.д., до электрических проводов включительно. Обширный акклиматизационный сад окружал мастерские.

Другой город на мальгашских плоскогориях также носит наименование «столицы». Это Фианарантсоа, главный город племени бетсилео, расположенный километров в трехстах по прямой линии к югу от Тананаривы, на высоте 1.300 метров, на холме западного склона Мадагаскара, и в той области, где зарождаются первые притоки реки, называемой Мангока; по

1 William Ellis, „History of Madagascar“.

2 A. Grandidier, упом. соч;—Sibree, „Antananarivo Annual“. XI, 1887.

3 A. Grandidier;—W. Ellis, упомянутые сочинения

своему рангу, если не по числу жителей, это «второй город в королевстве»[1]. Английские миссионеры избрали его за центр пропаганды в южных провинциях Мадагаскара. Небольшая торговля, которую ведет этот город, целиком направляется к восточному морскому берегу острова, втрое более близкому, чем берег западный, но трудно доступному, по причине крутости гор и стремительности рек. Главная ховская станция в земле племени ант-анала называется Амбохиманга, т.е. тем же именем, как и святой город завоевателей. Окружающая страна, обетованная земля для культуры, завоевана только отчасти; король племени бара, пребывающий на горе Ивохибэ, до сих пор отказывался даже принять ховских посланцев[2].

Южные гавани на восточном берегу, обращенном к пустынным пространствам Индийского океана, посещаются мало: местных произведений для погрузки там не так много, чтобы морякам стоило рисковать, приставая к опасным рифам в этих водах. Форт Дофина, который вновь стал мальгашским местечком, под именем Фарадифай, есть не более, как стратегический пост, в юго-восточном углу острова. Поднимаясь по берегу к северу, встречаем, через большие промежутки, другие крепостцы, занятые ховасами; таковы: Амбахи или Фарафанга, в крае племени ант-эйморо; Амбохипено, на территории тех же племен, при устье реки Матитананы; Мазиндрано или Тсиатозики, на другой реке, спускающейся из земли племени бетсилео; Махоноро, город племени бетсимизарака, на мысе, господствующем над соседним лиманом устья р. Онибэ, самой значительной из рек восточного берега; Ватумандири, который во время блокады Таматавы стал выгрузным портом для товаров, предназначавшихся в Тананариву. Андоворанто, или «Торговая бухта»—древняя столица бетсимизаракского королевства, построенная на песчаной стрелке, посреди лабиринта лагун,—важнее всех остальных побережных местечек, так как на поморье это ближайший к Тананариве пункт; путешественники, отправляющиеся в столицу, следуют берегом от Таматавы до Андоворанто, и от соседнего с ним заливчика начинают взбираться на подъемы плоскогорий. Таким образом, для якорной стоянки здесь было бы удивительно подходящее место, но пляж опасен и неприступен для больших судов; со всем тем несколько торговцев из креолов поселились в Андоворанто, бравируя зараженным воздухом болот. На соседнем берегу тянется ряд плантаций сахарного тростника и шоколадного дерева; культивировать кофейное дерево перестали, так как его умерщвляет hemileia vastatrix. Подле дороги, ведущей из Андоворанто в Тананариву, бьет из земли часто посещаемый источник, к которому некогда приходили ховы для принесения кровавых жертв.

Таматава или Тоамазина—на сто километров более удаленный от столицы, чем местечко Андоворанто,—самый оживленный порт на большом мальгашском острове. До войны здесь насчитывали двадцать тысяч жителей. В этой местности берег выдвигается вперед в виде стрелки, направляющейся на восток и заканчивающейся коралловым рифом, который и разграничивает обе бухты: северную и южную. Кроме того, северная бухта защищена от прибоя с открытого моря также длинным валом из полипников, который тянется на несколько километров и доходит до лесистого островка, называемого «Островом слив». Самые большие корабли могут бросать якорь на Таматавском рейде, и гребным судам нет надобности бороться с буруном, чтобы достигнуть пристани. Небольшой город состоит из складов, домиков и хижин, обитаемых бетсимизараками, чернокожими других рас и креолами; рощицы из деревьев апельсинных, лимонных, манговых и кокосовых пальм осеняют эти жилища, а на западе ряд деревьев скрывает батарею и ховское поселение. Некогда Таматава была одним из тех многочисленных «кладбищ для европейцев», которые находятся в тропических областях, но возрастание города повело к осушению некоторых болот, ныне засаженных эвкалиптами, и местный климат стал менее нездоров. Из Таматавы по преимуществу вывозят предназначенных для Маскаренских островов быков, домашнюю птицу и рис, а кожи и каучук отправляют в Европу. В общем, в 1866 году, торговля этого порта достигала суммы 4.331.190 франков, при чём ввозимые товары были оценены в 3.143.500 франков.

1 William Deans Cowan, „Proceedings of the R. Geographical Society". September. 1882г,

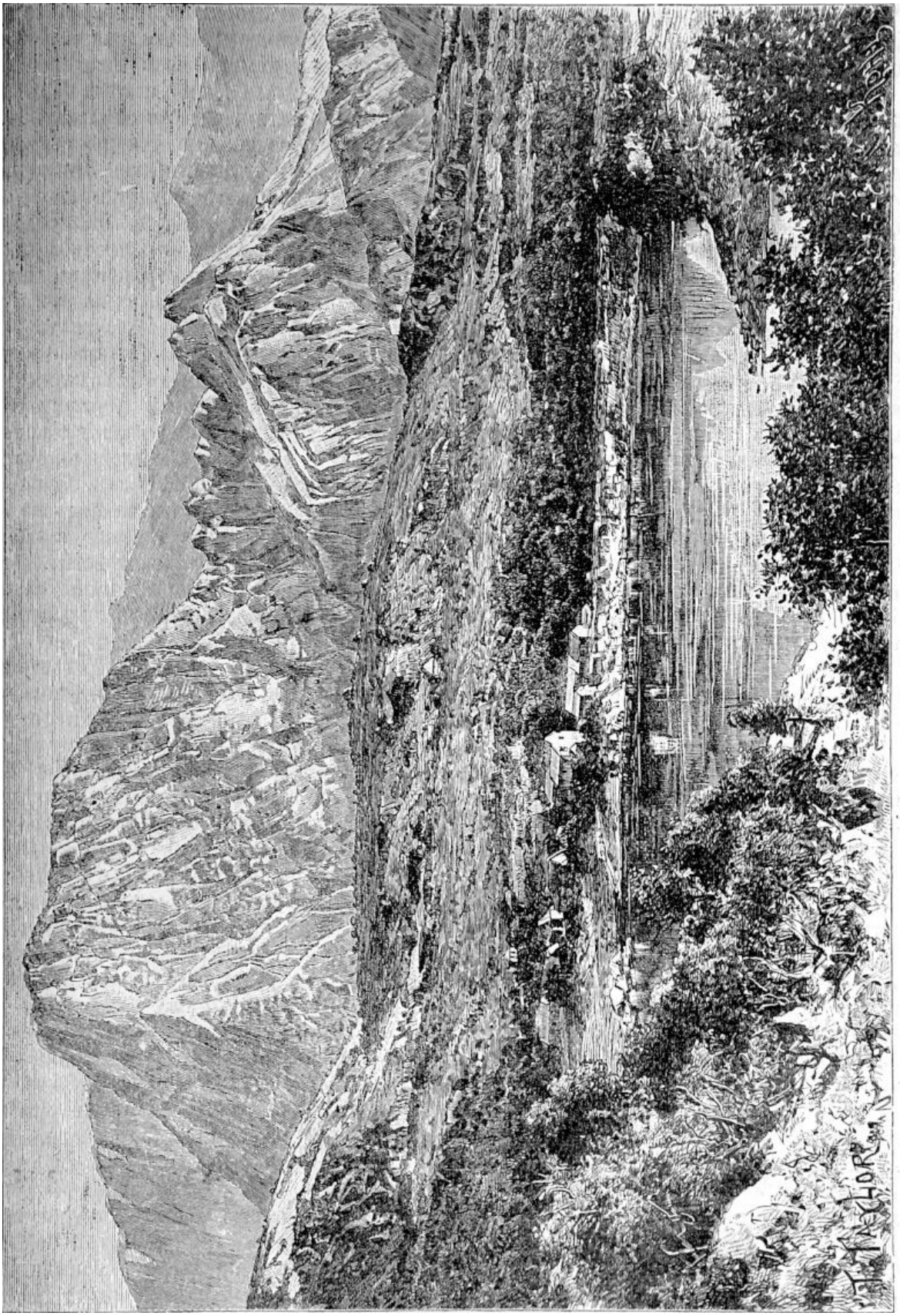
2 Mullens, „Twelve Months in Madagascar".

К северу от Таматавы, первая гавань—впрочем, весьма мало посещаемая,—Фулепуант, называемый Махавело, т.е. «много здоровья», и, действительно, местность эта весьма здоровая для бетсимизараков, но почти всегда смертоносная для европейцев. Далее следует Фенерив или Феноариво, который в особенности посещается кораблями, нагружающимися рисом: это—естественный отпускной порт для произведений богатого края племени сиханака и долины Манингори. К северо-востоку лежит длинный и узкий остров Св. Марии (Сент-Мари), Носси Бораха туземцев; в 1883 году население его состояло из 7.500 человек. Старинные французские авторы также давали ему наименование Носси-Ибрагим, т.е. «остров Авраама», при чём упоминали о существовании на этой земле также еврейской колонии; однако, гордые бетсимизараки не имеют ничего семитического, ни в походке, ни в чертах. С своим южным дополнением, островом «Циновок», остров Св. Марии—на котором французы основались уже со времен Флакура—протянулся в направлении с юго-востока на северо-запад слишком на пятьдесят километров; но средняя ширина его столь незначительна, что общая поверхность острова исчисляется лишь в 156 квадр. километров, из которых одна пятая доля может быть подвергнута обработке; главнейшие продукты этого острова—гвоздика и ваниль; более пятидесяти тысяч пальмовых деревьев окаймляют его плоские берега. Порт, хорошо защищенный и прикрываемый островом Мадам (т.е. королевы), открывается на западном берегу острова Св. Марии, напротив Мадагаскара, и служит складочным местом для небольшого торгового обмена с населениями противулежащего поморья: почти все его жители моряки. Что касается постов, которые недавно были заняты французами на этом (восточном) берегу Мадагаскара, именно: Pointe a Larree и Tintingue (или Тенг-Тенг), то они ныне покинуты. Мальгашский порт, близ Мароантсетра, на нездоровом пляже бухты Антон-Жиль, сменил основанный Беньовским французский «город» Луисбург. Здесь происходит главная торговля каучуком, который добывают из каучуколианы, *vahea*, отличающейся от такой же лианы на восточном берегу Африки. До истребления китов в этих пространствах моря, Антонжильская бухта служила сборным местом для китоловов из всех стран.

На северо-восточном берегу Мадагаскара порты многочисленны. Ангутси или Нгутси,—прозванный так по имени соседнего островка—представляет вполне безопасную гавань; с окружающих его полей получается самый лучший на всём Мадагаскаре рис. Вохемар, также защищаемый островком,—тоже превосходный порт, и прибрежная деревня его ведет довольно деятельную торговлю, в особенности по снабжению жизненными припасами Маскаренских островов: до занятия этого порта ховасами, каждый год оттуда вывозилось около десяти тысяч быков, более крупной породы, чем быки таматавские. Лежащий севернее порт Лукез или Локия, в котором после наполеоновских войн временно водворились англичане, представляет обширную якорную стоянку. Наконец, около северной оконечности Мадагаскара, открывается внутренний залив Диэго-Суарез или Антомбока, одна из тех обширных бухт, которые сравнивают с бухтами в Сан-Франциско и в Рио-де-Жанейро, «самыми красивыми во всём мире».

По трактату 1885 года, бухта Диэго-Суарез была уступлена Франции, которая и устроила там порт, служащий для её флота как убежищем, так и местом снабжения жизненными припасами. Вход в этот залив, шириною в три слишком километра, разделен на-двое островом «Луны» или Носси-Воланэ; пролив, которым проходят суда, имеет в глубину не менее 36 и даже до 50 метров, и ведет в обширный бассейн, разделяющийся на несколько ветвей, из которых юго-западная имеет в длину 25 километров. В большей части этих второстепенных бухт, воды, всегда спокойные, весьма глубоки, так что самые большие суда могут становиться на якорь в нескольких метрах от берега; французские поселения—дополняемые группами соломенных хижин, в которых проживают большею частью беглые сакалава и ант-анкара—основаны на южном берегу, в деревне Антсирана, а также и насупротив, на мысе Диэго. Антсирана, уже снабженная небольшою железною дорогою, постепенно разростается по возвышенной террасе, над складами и верфями. Это главный город французской провинции на Мадагаскаре, включающей также и два острова: Св. Марии и Носси-Бэ. Бухта Диэго-Суарез,

окруженная бесплодными горами, расположена на оконечности Мадагаскара, вдали от производительных местностей и лишенная сходящихся к ней дорог, не могла прежде иметь важного значения для торговли; но она представляет великолепную стратегическую позицию, на самой оконечности мадагаскарской земли, одновременно наблюдающую как за обоими берегами Мадагаскара, так и за Коморскими и Маскаренскими островами. Защищаемый укреплениями в проливе, флот мог бы стать на якорь в одной из внутренних бухт, не-



Вершина д'Анштейнъ.

видимой с открытого моря и находящейся вне пушечных выстрелов; кроме того, дорога, длиной в шесть километров, соединяет Диэго-Суарез с бухтою Курьера; поговаривают даже о проведения чрез перешеек железной дороги. Новая колония командует, следовательно, над обоими берегами, а двойной порт—избавляющий парусные суда от огибания Янтарного мыса и плавания по опасным течениям около него—придает Диэго-Суарезу торговое значение, которого ему не доставало. В 1887 году, обороты торговли в Диэго-Суарезе достигали 1.260.000 франков. В 1888 году, занимались основанием санатории на одной из вершин Янтарной горы на высоте 1.136 метров над уровнем моря.

На северо-западном берегу, изрезанном заливами и бухтами, наиболее посещаемый порт находится на острове, который, как и остров Св. Марии, принадлежит Франции. Это вулканическая земля, называемая Носси-Бэ, т.е. «Большой остров», занятая французским гарнизоном с 1841 года. Более обширный, чем о. Св. Марии (площадь его=29.300 гектаров), а также и более плодородный, но почти совершенно безлесный, Носси-Бэ был присоединен к французской колониальной империи по причине великолепного, превосходно защищенного рейда, который простирается на юге острова, защищенный с востока—правильным конусом острова Носси-Комба, с юго-востока—мальгашским полуостровом Анкифи, а с запада—группою рифов; сотня судов могли бы вполне свободно совершать в нём эволюции. Главный город, называемый Хелльвилль—по имени адмирала Хелля, присоединившего колонию—представляет хорошенькое местечко, к сожалению, расположенное по соседству с болотами; другой более древний городок, Антонору, лежащий восточнее, но на берегу того же рейда, населен по преимуществу ант-алотшами или ант-алаотрами, т.е. «людьми из-за моря», помесью мальгашей с коморянами и арабами. Белые по большей части—выходцы с Маскаренских островов и занимаются торговлей или надзором за плантациями. Работники, занятые на плантациях сахарного тростника, гвоздичника и ванили,—в большом числе принадлежат к так называемым «навербованным», добровольно или насильно набиравшимся на соседнем материке: общее наименование этих рабочих—ма-куа. Остальные жители—мальгаши, преимущественно сакалавы и бетсимизараки. Население Носси-Бэ и соседних островков колебалось между 6.000 и 16.000 человек, смотря по случайностям войны и революций на Мадагаскаре, а также и по состоянию местной торговли[1]; в 1883 году, число жителей, уплативших за свою голову, т.е. взнесших подушную подать, равнялась 9.300 человек, из которых 140 были белой расы. Промышленность, в собственном смысле этого слова, обнимает на Носси-Бэ только производство сахара и рома. Торговля же, свободная от таможенных сборов, сравнительно значительна для такого небольшого острова. В Хелльвале в 1883 году, торговые обороты достигали 7.800.000 франков; а движение судоходства выразилось цифрой 32.000 тонн. Носси-Бэ, завися в административном отношении от Диэго-Суареза, составляет одну общину с четырьмя островками, расположенными вокруг него: Сакатии—на западе, Носси-Комбы—на юге, Носси-Фали—на востоке и причудливого Носси-Митсиу—на севере. Санатория для выздоравливающих в колонии некогда находилась на вершине горы Носси-Комби, но губернаторы обратили её в свою дачу. К северо-западу от Хелльвиля, в древних вулканических жерлах образовались озера, населенные страшными крокодилами.

К югу от Носси-Бейского рейда, глубокая бухта Пассандава—далеко врезывается в Мадагаскарские горы: весьма деятельный рынок Амбодимадиро занимает её южную оконечность, а неподалеку от него горнопромышленники начинают разрабатывать каменноугольные залежи в Бавутабэ. Следующие, затем, к югу, другие бухты все глубоки и хорошо защищены; из них чаще всего посещается большая бухта Бамбеток (Ампомбитокана), вход в которую защищает город Можанга или Моджанга (Маюнга), находящийся на восточной стрелке. Это—Таматава западного берега, и торговля его по величине оборотов почти не уступает таматавской. Можанга также распадается на два города: торговый—дома которого, с плоскими крышами, окаймляют море, и ховский, который расположен вокруг новейших укреплений, возведенных на холме, господствующем над рейдом; в чистых и правильных улицах

1 P. Richard Doblenue, „Geographie medicale de Nossi-Be“.

Можанги сталкиваются: индуские негоцианты, ховские солдаты, сакалавские земледельцы, кафрские переселенцы, арабы и коморяне. Этот город более, чем Таматава, удален от столицы Мадагаскара, но выгода его в том, что он находится на одном и том же с Тананаривою склоне и в пределах одного и того же бассейна; затем, если пароходы и не поднимаются по реке Икопе выше её слияния с Бетсибокой, то лодки всё-таки могут проплывать вверх ещё на расстояние нескольких дней. До 1823 года, когда Можанга была ещё главным городом независимого сакалавского королевства, населенность её была гораздо значительнее. В ней скучивалось по крайней мере десять тысяч жителей, и в том числе много арабских купцов. За нынешними предместьями виднеются груды развалин, остатки прежнего города. Вверх по реке, на берегах её находится Маровоай, т.е. «город крокодилов», до которого доходят, с приливом, барки, сидящие в воде на полтора метра; это—большое местечко, которое прежде также было столицей сакалавского королевства. Деревня Маватанана, на реке Икопе, выше слияния её с Бетсибокой, обладает золотоносными россыпями.

За Можангой на побережье следует ещё несколько бухт, которые, однако, посещаются редко. Мыс Св. Андрея служит естественным разделом между обеими половинами западного берега. Кинзу от него, край Менабэ, с крутыми берегами, окаймленными рифами и бесплодными островками, известен мало; но на побережье его есть посещаемый порт, Матсерока, обещающий в будущем стать рынком большой долины реки Мангока и богатого края племени бетсилео. Другая приморская деревня, к северу от Матсерока, Морандава, где ховасы построили было крепость, разрушена волнами. К югу от Матсерока, при устье самой реки Мангока, находится Китомбо; наконец, юго-западный берег, хотя имеющий менее гаваней, чем северо-западный, однако, обладает посещаемыми пристанями. В этой, именно, области, —ещё не вполне подпавшей под власть племени хова—долгое время держались компании негроторговцев, занимавшиеся торгом рабами, или «завербованными рабочими». Часто голод побуждал махафали продавать своих детей[1], при чём торговые сделки этого рода приводили к частым столкновениям между туземцами и негроторговцами. Самым бойким торговым городом является Туллеар (Толия или Анкатсаока), расположенный в двадцати километрах к северу от устья р. Св. Августина; город этот обладает прекрасным обширным и хорошо защищенным рейдом. Окрестный край замечательно здоровый, также весьма плодороден и ведет торг воском, красильными деревьями, хлебным зерном и скотом: отсюда же идет почти весь лакмусовый ягель, употребляемый во Франции. На туллеарский рынок ежедневно сходятся бара, ант-аносси, махафали и другие племена. Местечко Носси-Вэ—на островке, находящемся на южной стороне Сант-Августинского лимана—посещается торговцами с Маскаренских островов.

Вероятная населенность главнейших городов Мадагаскара: Тананарива (Сибре, Грандидье)—100.000 жит.; Можанга (Маюнга)—14.000 жит.; Таматава—15.000 жит.; Фианарантсоа (Мюлленс)—5.500 жит.; Амбохиманга (Мюлленс)—5.000 жит.; Мороваай—5.000 жит.; Туллеар (Дю-Верж)—5.000 жителей; Антспирана (Николаи, январь 1888 г.)—4.667 жит.; Андоворанто—3.000 жит.

Форма правления в ховском королевстве—абсолютный деспотизм, умеряемый дворцовыми переворотами и маскируемый конституционными фикциями. Государь—властелин над жизнью, имуществом и собственностью своего народа. До введения христианства, короля называли «видимым богом»; ныне же власть принадлежит ему «Божиею милостью и волею народа». Как великий жрец нации, он приносил ежегодные жертвы для достижения благополучия своих подданных и получал от них, в знак почитания, первинки от плодов земли. При восшествии его на престол, придворные приносили «присягу на теленке», т.е. убив одного из этих животных и переломав ему члены, они присягали, втыкая свои мечи в тело теленка в знак того, что такая же судьба должна постигнуть и их, если они окажутся клятво-

1 „Antananarivo Annual“. 1884.

преступниками относительно своего государя[1]. Его имя, изображение, а также и предметы, к которым он прикасался,—почитались священными; как и в других малайских наречиях, к нему обращались на особом языке, полном освященных речений; он один имел право на красный зонтик. Подобно магометанину, обращающемуся в сторону каабы, войска на походе салютовали по направлению к его дворцу. Страх ему предшествовал и за ним следовал: когда он изрек свою волю, когда один из его слуг показал «серебряное копье», все безмолвно повиновались. Рассказывают, что ещё недавно обреченный на смерть человек приглашался на банкет: он ел и пил с своими собеседниками, а затем, когда ему предъявляли роковую чашу,—опоражнивал её, приветствуя государя. Осужденные из благородных получали железный стержень, с повелением сесть на кол добровольно[2]; иные должны были увязнуть в болоте, а других сжигали живыми; но, за исключением бедняков или рабов, проливать кровь остерегались: эта пощада свидетельствовала о благости короля.

Всемогущий в принципе, король (или королева), исполненный мудрости «двенадцати королей», т.е. всех своих предков, сам избирал себе и преемника; но тем не менее он не избавлен от придворных интриг, и власть ныне принадлежит первому министру—нечто в роде палатного мэра в старинной Франции,—мужу королевы. Другие министры, хотя и назначаются государем, но должны сообразоваться с его повелениями. Также точно сановники, которых государь созывает в *кабари*, или великий совет,—имеющий не прерогативы, а лишь форму парламента,—ограничиваются тем, что выслушивают тронную речь и выражают ей свое одобрение. В чрезвычайных случаях, когда, согласно с старинным феодальным правом, собираются, в предшествии своих начальников, все племена, министр обращается с речью к такой толпе и заканчивает вопросом: «достаточно ли они согласны с его доводами?»—«Да, это—именно так!» бывает всегдашним ответом. Кланы дворян, *андриана*, более приближенные к двору, а потому и легче надзираемые, в действительности свободны менее всех: без особенного разрешения им запрещено удаляться из столицы. Но старинные подразделения на благородных, горожан и рабов, исчезают перед тем социальным группированием, которое обусловливается существованием военных и гражданских «честей», напоминающих русскую чиновную иерархию. При этом «первая честь» присвоивается простому солдату или агенту, а от неё можно постепенно дойти до «шестой», самой высшей: *вохинахитра*, т.е. «цветка полей».

Согласно недавним законам, торговля ромом воспрещена в Имерине, и 1.500 «друзей городов» были назначены для наблюдения за исполнением королевских предписаний, ведения списков о рождении, браке, родстве, принадлежности к тому или другому сословию, и наблюдению за правильным переходом имуществ. Издан уголовный кодекс, гораздо менее суровый, чем было прежде, и смертная казнь ныне применяется редко. Армия, называемая «сто тысяч человек», хотя в ней не более тысяч тридцати, рекрутируется при посредстве некоторого рода конскрипции, и по миновании пяти лет службы солдаты увольняются; несколько молодых людей из племени хова учатся военным наукам во Франции. За исключением учителей, все правительственные чиновники и даже окружные судьи не получают непосредственного содержания; они должны жить либо на доходы с вотчины, пожалованной правительством, либо на подарки, преподносимые управляемыми, или судящимися; можно сказать, что в действительности приговоры всегда обусловливаются аукционом. Представляющийся государю, должен поднести *хасину*, т.е. дань вассальства, вообще состоящую из золотой или серебряной монеты. Каждый мальгаш также обязан и личным трудом в пользу государя и может быть потребован на *фаномпоана*, т.е. барщину. К этой барщине на королеву английские миссионеры недавно присоединили и «работу на Бога», заключающуюся в построении церквей. Доходы от десятины и подушной подати, также как и таможенные пошлины, принадлежат государю и поступают в его личную казну для безотчетного расходования. Ныне пошлины, в шести главных торговых портах, собираются при посредстве Фран-

1 Sibree, „The Great African Island“.

2 Lacaze, „Souvenirs de Madagascar“.

цузского Общества учетной конторы, так как и Мадагаскар уже вступил на путь займов; именно, для уплаты вознаграждения, потребованного Францией, ховское государство сделало первый, 15-миллионный, долг. Что же касается издержек по протекторату—именно содержания резидента в Тананариве и вице-президентов в Таматаве, в Можанге, Фианарантсоа и Носси-Бэ, а также контролеров в таможнях,—то они падают на французское правительство.

Оффициальная религия—христианство, без отдачи предпочтения какой-нибудь из церквей или сект; однако, больше всего приверженцев насчитывает епископальная английская церковь, называемая на Мадагаскаре *бисопи* и имеющая своих представителей в лице «лондонских миссионеров»; в 1837 г., эта бисопи имела не менее 1.200 церквей с 4.150 проповедниками, которые почти все были из племени хова, и у которых было до трехсот тысяч слушателей. Католиков приблизительно до ста тысяч. Вместе с приказанием придворным и жителям городов надеть европейский костюм, также было повелено им стать христианами, соблюдать «воскресный отдых» и присутствовать при проповедях, за неисполнение же этого угрожалось или бесчестием или наказанием, в виде «ношения камней или хождения на четвереньках»[1]. Покоренные туземцы обязаны принимать участие в молитвах за государя, иначе считаются мятежниками; но у независимых народцев случаи обращения в христианство весьма редки. Между начальниками сакалавов есть много называющих себя магометанами, но христиан нет. Что касается языческого праздника «*фандроана*» (т.е. бани), справляемого двором в святом городе Амбохиманга, то он мало-по-малу видоизменяется, и ныне—уже не более, как неделя, посвящаемая пиршествам. Подобно посещению проповеди, для родителей стало обязательно образование детей, и как только школа, католическая или протестантская —выбрана, ученики уже не имеют права её покинуть. В 1886 году на Мадагаскаре было мальгашских школ—1,167, с 150.906 учен.; школ лондонских миссионеров—818, с 105.577 учен.; школ норвежских миссионеров—117, с 27.909 учен.; школ католических—191, с 14.900 учен. (20.000 в 1887 г.).

Языки французский и английский преподаются в высших школах, а научные издания переведены на мальгашский язык. Газеты и журналы издаются в тысячах экземпляров; но правильной почты не существует, за исключением французской резидентской между городами Тананаривою и Таматавою. Повеления же государя разносятся во все части острова при посредстве специальных курьеров-скороходов.

Некоторые провинции Мадагаскара резко разграничены и разделены на округа; таковы, именно, вполне подчиненные ховам центральные провинции: Имерина, Бетсилео, Ант-Анкай и Ант-Сиханака. В провинциях же, не вполне покоренных или совершенно независимых, округа расширяются или уменьшаются, смотря по величине гарнизона в военных постах. Всех провинций двадцать две.

Ныне Мадагаскар, составляющий с 1896 г. французскую колонию, управляется генерал-губернатором, при котором состоит административный совет из высшим чиновников.

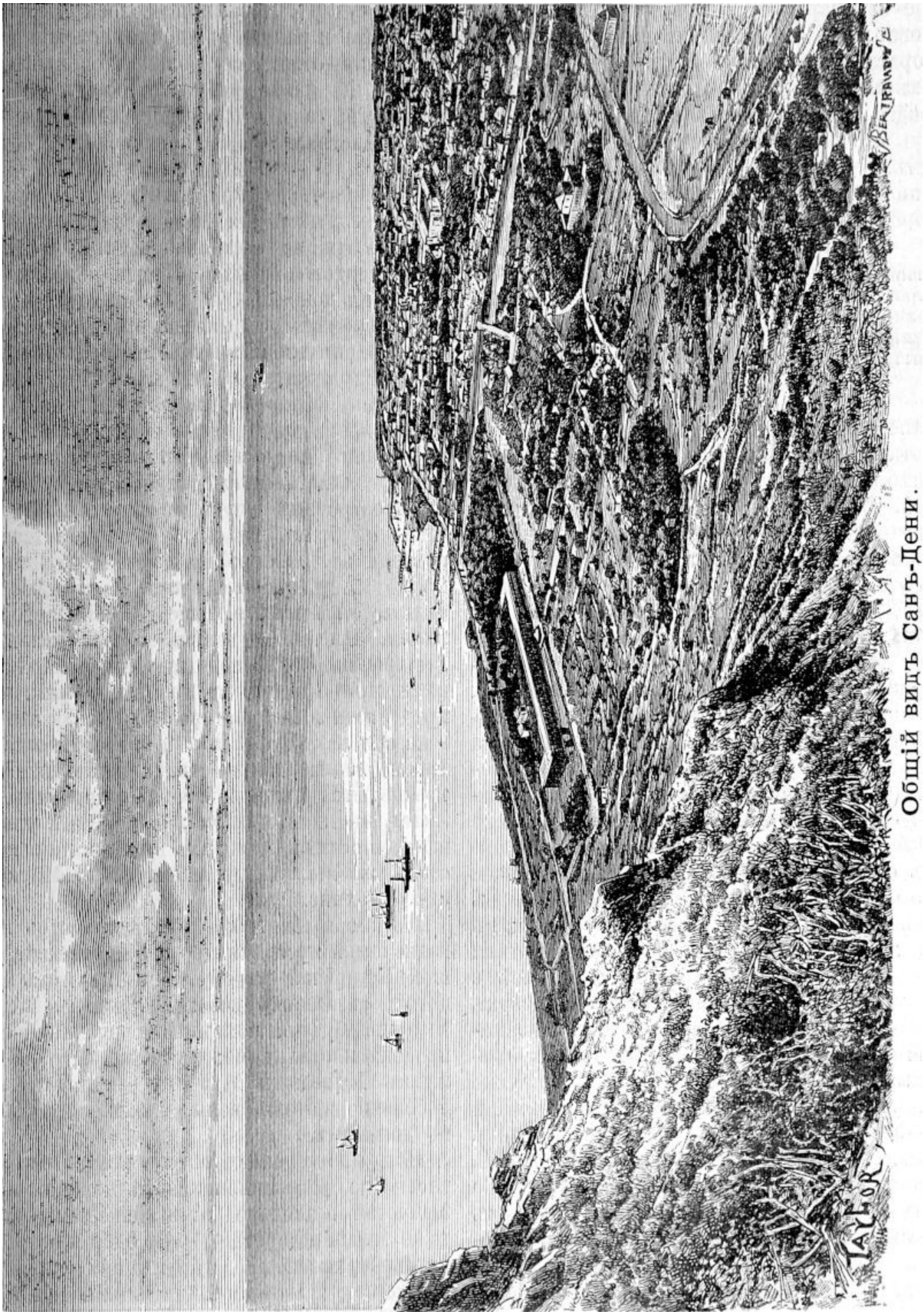
III. Коморские острова

Находясь на половине расстояния между Мадагаскаром и материком Африки, Коморский архипелаг отделен от обоих океанскими пропастями, глубиною в тысячу метров. Архипелаг этот состоит из четырех островов и нескольких островков, сгруппированных в виде спутников вокруг главных островов; с юго-востока на северо-запад, в своем целом, Коморские острова образуют цепь, в 245 километров длиною; вулканическая природа этой цепи свидетельствует о поднятии её горнокаменных пород со дна моря. Острова эти не принадлежат ни к Мадагаскару, ни к Африке, хотя, по своей природе, они ближе к Мадагаскару[2]; они

1 James Sibree, „Antananarivo Annual“, 1889;—Houlder, „North-Eastern Madagascar“.

2 Alfred R. Wallace, „The Island Life“.

составляют отдельную группу, несколько своеобразную по своей флоре и фауне. Население их тоже представляет некоторые особенные черты: именно, будучи в основе африканского или мальгашского происхождения, первобытные жители видоизменились под влиянием



Общій видъ Санъ-Дени.

переселенцев из Азии, арабов, которые дали им свою цивилизацию, свой язык и нравы. В политическом же отношении, Франция завладела в 1841 году восточным коморским островом, Майоттою, а в 1886 году и всеми остальными островами. Хотя по пространству данный

архипелаг и невелик, но в стратегическом отношении, это—весьма важная позиция, так как он находится посреди Мозамбикского канала и на западном фланге Мадагаскара. Численность жителей Коморского архипелага нельзя указать с точностью: многие из парламентских документов, опубликованных во время провозглашения протектората, допускают цифру до 80.000 человек даже для одного только главного Коморского острова, тогда как Жуан исчисляет его население всего лишь в пять тысяч. Предполагаемые или исчисленные при переписи цифры населения и поверхности Коморских островов (1887 г.):

	кв. килом.	жит.	жит. на 1 кв. к.
Большой Коморский остров	1.102	20 т.	18
Мохели	231	6 „	26
Анжуан	378	12 „	32
Майотта и островки	356	9 „	25
Всего	2.067	47 т.	22

Напор вулканических сил, приподнявший эти острова из воды, повидимому, был сильнее в северной части архипелага, чем в южной. Тогда как на о. Майотте, лежащем на юго-востоке, нет гор выше шестисот метров, вершины о. Анжуана, который, вместе с о. Мохели, занимает средину архипелага, достигают 1.200 метров, а на северо-западном острове, т.е. Большом Коморском, действующий вулкан Карталь или Карадалла, также называемый Джунгу-джа-Дсаха, т.е. «котел с клокочущим огнем»[1], высится на 2.598 метров. Эта внушительная гора, с господствующими над голубыми волнами черноватыми откосами, и с узкою гирляндою из кокосовых пальм, представляет одну из величественных картин на Индийском океане. Порою из кратера, пропасти в 150 метров глубины и окружностью в два километра, поднимается столб дыма; в 1858 году по западным склонам Карталя текли в изобилии лавы, окружив со всех сторон и превратив как бы в островок деревню, приютившуюся на старом потоке лавы. Многие другие горы, частию вполне правильные, частию неправильные конусы, также имеют весьма внушительную наружность и оканчиваются мысами из базальтовых призм. Однако, на Коморских островах есть также и не вулканические формации. Во многих местах пляжи, песок которых образовался из растрескавшихся лав,—блестящего черного цвета, и составляют яркий контраст с каралловыми рифами, блистающими своею белизною. Эти, созданные кораллами, массивы имеют около различных островков также и различную форму: так, около Большого Коморского острова, Мохели и по сторонам Анжуана, они находятся подле самого берега и не простираются вдаль, тогда как вокруг Майотты они расположены в виде овального пояса; только проломы позволяют проникать внутрь как морской зыби, так и судам. Новейшие наслоения, состоящие из песка и ракушек, вполне схожия с теми, какие отлагает волна и поныне, виднеются на известной высоте над морским уровнем; так что, следовательно, в этих пространствах моря происходило поднятие почвы[2].

Времена года правильнее на Коморских островах, чем на Мадагаскаре, так как острова эти не настолько велики, чтобы могли значительно видоизменять режим атмосферных течений. Сухое время года держится без перемены с мая по октябрь, и, благодаря сравнительно низкой температуре, колеблющейся между 20 и 29 градусами Цельзия, не очень нездорово для европейцев. Ветры в это время дуют с юго-востока: это пассаты южного полушария; но, следуя за движением солнца, они ежедневно круговращаются и к островам дуют в виде южной и юго-западной бриз. В октябре начинается зима, которая в то же время и сезон жаров, от 25 до 35 градусов Цельзия. Тогда северо-западные ветры, т.е. пассаты северного полушария, увлеченные вслед за солнцем в полушарие южное, господствуют над архипелагом, принося ему в изобилии дожди: в это время года выпадает воды до трех метров, а на склонах гор даже и более. Иногда противоположные ветры сталкиваются, и то нейтрализуются в затишье, то, напротив, кружатся в виде циклона; однако, эти ураганы на Коморских островах никогда не бывают столь ужасны, как ураганы около Маскаренского архипелага.

Несмотря на громадное количество воды, изливаемой муссонами во время зимы на боль-

1 Kersten;—von der Decken, „Reisen in Ost-Afrika“.

2 Gevrey, „Essai sur les Comores“.

шой Коморский остров, на нём нет ни одного постоянного ручья; вся дождевая вода исчезает, будучи поглощаема вулканическим пеплом и окалинами; другие же острова—Анжуан, Мохели и Майотта—имеют лишь небольшие потоки воды, вьющиеся змейками по долинам.

Почва Коморских островов, состоящая отчасти из рассыпавшихся в порошок лав, необычайно плодородна; на ней произрастают даже большие деревья. До заселения островов, их поверхность представляла громадный лес, а теперь покрыта деревьями лишь шестая доля архипелага. Некоторые из видов растений, кажется,—туземного происхождения; но большинство растений—чужеземные, либо введенные непосредственно человеком, каковы европейския овощи, либо достигшие Коморских островов при посредстве морских течений. Последним путем много растений прибыло с Мадагаскара. В период южного муссона, местное поверхностное противо-течение иногда заставляет обратно течь те воды, которые обычно несутся к югу, и таким-то образом семена, принадлежащие к мальгашской флоре, были приносимы к Коморским островам[1].

Что касается фауны данного архипелага, то общая физиономия её указывает на Мадагаскар, как на место происхождения: как на Мадагаскаре, так и на Коморских островах большая часть видов оказываются одинакими, или по крайней мере принадлежащими к одним и тем же родам. На этих островах водится только один представитель из лемуровых; кроме того, там живет один вид летучей мыши (*pteropus comorensis*), который встречается по направлению к востоку вплоть до Австралии, но которого не существует в Африке. Также находят на Коморских островах и один вид черного попугая, приближающийся к одной из малайских форм[2].

Коморы или Комры (Komr)—наименование которых, также прилагавшееся и к Мадагаскару, Staniland Wake приводит в связь с наименованием Кмер (*Khmer*) в Индо-Китае—были известны арабским мореплавателям по крайней мере с десятого столетия, а ширазские персы—торговавшие с африканским побережьем, в Магдошу и Килоа,—также высаживались на Большом Коморском острове и на соседних островах. В первые времена распространения португальского владычества, Большой Коморский остров посещали лиссабонские моряки; но собственно так называемые переселенцы, по большей части беглые, прибывали с Мадагаскара и с африканского берега, а затем даже и из Аравии, образуя таким образом на Коморском архипелаге смешанную расу, являвшую все переходы от почти чистокровного семита до мальгаша и банту; равным образом, торговля привлекла некоторое число баньян из Бомбея. Основу населения на островах составляют ант-алотши, представляющие смешение различных элементов: африканцев, арабов и мальгашей; по словам фон-дер-Декена, жители острова Майотта прибыли, будто-бы, в тринадцатом столетии из страны «Мушамбара» (несомненно: «У-Замбара»). Будучи почти все высокорослыми, они отличаются желтоватым оттенком кожи; у них толстые, но не вздутые губы; высокий, но узкий лоб; волосы были бы курчавы, если бы обыкновенно они не сбривались по-мусульмански; у женщин, вследствие употребления бетеля, зубы черные; многие татуируются и, сообразно индуской моде, носят в ноздре цветочек или металлическую пуговицу. На Майотте, где мальгашский элемент более силен, коморцы почти черны; на других же островах их тип более семитический. На Большом Коморском острове рост и мускулатура его жителей исключительны: путешественники с удивлением рассказывают о тамошних людях, которые, имея величественную и спокойную осанку, степенно шествуют по скалам, опираясь на длинные палки; животные на Большом Коморском острове также крупнее, чем на других островах[3]. Жители Большого Коморского острова, или *ва-нгазия*, редко болеют. Слоновая проказа между ними неизвестна; язвы, столь часто встречающиеся у африканцев на материке и на островах, здесь не наблюдаются. Такое мощное телосложение жителей Большого Коморского острова объясняют их превосходною гигиеною, также как здоровостью почвы, которая, хотя и орошается часто, но всегда

1 Hildebrandt, „Zeitschrift fur Erdkunde“. № 61, 1876.

2 Humblot;—Milne-Edwards, „Academie des Sciences“. Seance de juillet, 1885.

3 Gevrey, упом. соч.

остается сухою. Весьма деятельные, воздержные, крайне чистоплотные и часто развлекающиеся музыкою, они, в противоположность арабам, не бракосочетаются в ранней юности: в среднем, женихам бывает лет 27, а невестам 20[1]. Обычный костюм—мальгашский; но у некоторых семейств ещё осталась в употреблении четыреугольная маска, доходящая до уровня глаз.

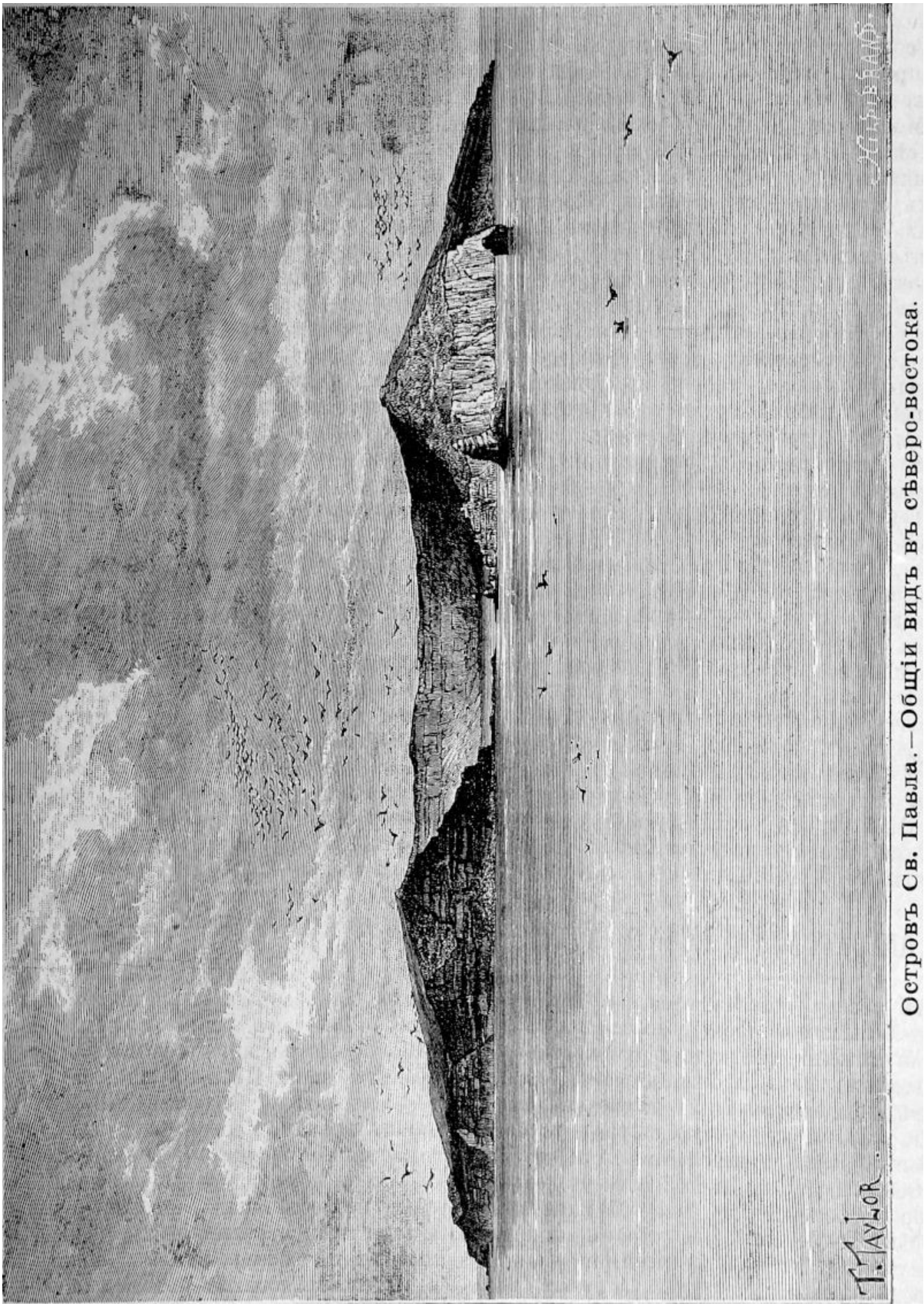
Ант-алотши и господствующий класс махорри, т.е. «мавры», принадлежащие тоже к смешанной расе,—все магометане и стараются приближаться к арабам, своим наставникам и властелинам. Арабские кади творят суд по Корану; мясо кабана считается нечистым и, за исключением Майотты, дикия свиньи, происшедшие от некогда ввезенных мореплавателями, уже истреблены. Султаны излагают свои торжественные постановления по-арабски, но обычный язык—для которого, на письме, прибегают тоже к арабским буквам—оказывается разновидностью занзибарского суахели; к этому говору примешались также и мальгашские слова, занесенные с Мадагаскара переселенцами из племен сакалава и бетсимизарака. Что же касается рабов, «кафров», принадлежащих ко всем народцам восточного берега Африки, то они должны были принять язык своих господ, не без того, однако, чтобы не прибавить к нему многих своих слов (по Казалису—около одной десятой доли словаря). Почти половина коморян—порабощенные чернокожие, хотя султаны и обязались освободить своих рабов. Недавно главным промыслом моряков архипелага был торг неграми; их ладьи ныне употребляются уже для перевозки жизненных припасов и товаров между Мадагаскаром и соседними землями. Коморцы, в особенности с острова Анжуана, выселяются в значительном числе; их можно встретить во всех пунктах африканского побережья.

Французский остров Майотта (Маутэ), хотя пространством втрое меньше Большого Коморского,—самый важный по своей торговле. Большой рейд, прикрытый с востока—островком Паманзи и цепью надводных рифов, с юга—другим островком, а с запада—самим островом Майоттою, весьма глубок и достаточно обширен для вмещения даже целых эскадр. Второй рейд находятся севернее, внутри северо-восточного рифа; кроме того, есть и другие порты. Торговля свободна на Майотте, однако, обороты её не превышают двух с половиною миллионов в год; остров не сделался складочным местом для Мадагаскара и материка, а народонаселение самих Коморских островов слишком малочисленно, чтобы питать большое торговое движение. Кокосовые деревья составляют главное богатство Майотты; там возделывают также кофейное дерево, хлопчатник и в особенности ваниль; недавно европейские плантаторы, по большей части прибывшие с островов Маврикия и Реюньон (Бурбон), занялись в особенности культурой сахарного тростника, доставлявшего в год около трех тысяч тонн сахара, а также приготовлением рома, который вывозится ими на Мадагаскар. На острове нет ни таможенного тарифа, ни судовых пошлин; местный бюджет покрывается налогом.

Главный город колонии сначала был построен не на главном острове, а на стрелке рифа, или «плато» Заудзи, примыкающем к западной оконечности Паманзи, островка, изрезанного бухтами, бывшими в прежнее время кратерами; небольшое озеро, виднеющееся на северной оконечности Паманзи, было также жерлом вулкана; ныне оно наполнено соленою водою, уровень которой, вследствие вероятного сообщения озера с морем, возвышается или понижается наравне с уровнем стояния воды в самом море. Узкий утес Заудзи, на который по два раза в день шлюпка должна доставлять воду, служит местопребыванием только для чиновников и солдат; оттого пришлось строить другую столицу на мысе Шоа или Мамутзу, на большом острове, насупротив Заудзи; нездоровость болотистых пляжей в окрестностях долго задерживала работы, и здания разрушались ранее, чем были окончены. Самое многолюдное местечко острова, М'Сапере, где происходят рынки, лежит в двух километрах к западу от мыса Мамутзу, при ручье, бегущем с горы, которая тоже называется М'Сапере (высота её около 580 метров). Народонаселение Майотты почти учетверилось со времени присоединения к Франции. В 1843 году оно равнялось 3.300 душ; затем быстро возрастало вплоть до

1 Otto Kersten, „Von der Deckens Reisen in Ost-Afrika".

1848 года, когда, вследствие отмены невольничества, уменьшилось; но культура сахарного тростника ввела тысячи «законтрактованных» на многие годы чернокожих, новых невольников, сменявших прежних работников на Коморских островах. Белых на Майотте поселилось



Островъ Св. Павла.—Общій видъ въ сѣверо-востока.

более двухсот человек.

Анжуан (Johanna, Нсуани), или «Остров руки», долгое время был этапом на пути между мысом Доброй Надежды и Индией: оттого сравнительно значительна всегда была на нём и

торговля. Английские крейсеры, имевшие задачей подавление торга невольниками, держали на Анжуане склад жизненных припасов и угля. Этот остров—самый плодородный из всего Коморского архипелага. Плантаторы завели там возделывание сахарного тростника, который превосходно удается и султану острова доставляет значительную часть его доходов. Султан этот, араб, хотя приписывающий себе персидское происхождение, пребывает на северо-западе острова, в городе средневековой наружности, с неправильными стенами, четыреугольными башнями, узкими потернами (подземными выходами из крепости), и разрушающеюся цитаделью. Город этот называют Мсамуду, а чаще по имени острова, Анжуаном или Johanna: более четырех тысяч жителей скучены в каменных домах за его оградою; со времени учреждения протектората, там основалась французская школа. Остров Анжуан сыграл печальную роль в политической истории Франции: сюда была брошены, в 1801 году, тридцать два ссыльных республиканца, за участие, яко-бы, в попытке убить первого консула. Они должны были «способствовать колонизации Сешельских островов» и в то же время «переменить принципы и отказаться от своих заблуждений»; но все они в короткое время перемерли, от нездорового климата, эпидемий, нужды, несчастных случаев или яда.

Мохели или Моали, самый малый и наименее населенный из Коморских островов, доставляет, однако же, более всего рабочих для плантаций на Майотте; да и сам он, будучи плодородным и превосходно орошенным,—хотя и водами, слишком богатыми магнезиею,—имеет пальмовые рощи и плантации кофейные, сахарного тростника, ванили и гвоздики, который зеленеющею каймою окружают город Фомбони, гораздо более чистый и лучше содержимый, чем остальные арабские города на Коморских островах. Большая часть поместий на острове принадлежат английским собственникам, и даже местопребывание султана оказывается включенным в одну из таких плантаций[1].

Нгазия, или главный Коморский остров,—хотя самый большой и многолюдный в архипелаге,—меньше всего имеет значения как по своей культуре, так и по степени участия в торговом движении; к тому же он редко посещается по отсутствию как портов, так и мест для запасания водою. Со всем тем, он посылает скот на Майотту и Мадагаскар. Хотя ручьи исчезают в пористой почве из пепла и окалин, но подземная вода поддерживает прекрасную растительность[2]. Резиденцией султана служит город Муронн, или «Сожженный», расположенный на берегу одной из бухт юго-западного берега.

Географически принадлежащими к группе Коморских островов можно было бы считать также и те рифы, которые, параллельно берегу Мадагаскара, следуют один за другим к северо-востоку от Майотты и которые оканчиваются рядом небольших необитаемых островов, называемых «Прославленными» (Glorieuses). В 200 километрах севернее находится другое гнездо островков и рифов, острова Космоледо, покоющиеся на пьедестале из подводных рифов и окруженные каралловым кольцом. Хотя присвоиваемые Великобританией, как принадлежность острова Маврикия, эти острова, однако, поселенцев не имеют: временно же проживают на них в благоприятный сезон только рыбаки. Почти под тою же широтою, как и острова Космоледо, но на сто двадцать километров западнее, лежит кольцеобразный остров Альдабра, настоящий удлиненный атолл, расчлененный на несколько кусков, островков и рифов; исполинские черепахи ползают там по песку, и мириады морских птиц кружатся над подводными камнями. Колония норвежских рыболовов, прибывших из Бергена и состоящая из дюжины семейств, поселилась на Альдабре, в 1879 году, без господ и без законов.

В общем все земли, выступившие из-под воды к востоку от Коморских островов и к северо-западу от Мадагаскара, составляют поверхность, исчисляемую в сто шестьдесят квадратных километров.

1 Vincent, „Societe de Geographie de Paris“. 15 июня 1888.

2 M. H. Jonan, „Les Satellites de Madagascar“.

IV. Амирантские и Сейшельские острова

К северу от Мадагаскара, горная ось этого большого острова продолжается в море, на протяжении более двухсот километров, подводным плато, глубиной не менее 1.800 метров, поддерживающим несколько островков, затем, по другую сторону глубокого пролива, двумя архипелагами Амирантским и Сейшельским. В общем цоколь, на котором покоятся: на юге —Мадагаскар, а на севере—Сейшельские острова, имеет в длину приблизительно 2.800 километров. Все острова, продолжающие к северу ось Мадагаскара, причисляемые к острову Маврикия, принадлежат Англии.

Самая близкая к Мадагаскару группа, называемая Фаркухар, не совсем необитаема: несколько рыбаков, по большей часта с Маскаренских островов, поселились на западном острове, называемом Joao de Nova. Севернее лежит остров Провидения, за которым следуют рифы, а затем многочисленные острова Амирантские, окруженные кольцами из полипняков. Острова эти, названные «Ilhas do Amirante» («острова адмирала»)—в честь того, кто в глазах португальцев был адмиралом по преимуществу, т.е. в честь Васко-де-Гама,—были открыты этим мореплавателем в 1502 году; но нынешние жители шести обитаемых островов, в числе приблизительно ста пятидесяти человек, прибыли с Маврикия и Сейшельских островов и говорят на испорченном креольском наречии этих островов. Кокосовые леса, составляющие главное богатство архипелага, и несколько саванн покрывают эти созданные кораллами земли, едва лишь на несколько метров поднимающиеся над волнами; зебу и овцы бродят по пастбищам островов и служат, вместе с черепахами, предметом продовольствия для проходящих мимо судов. Чахоточные с о. Маврикия отправляются искать выздоровления в чистом воздухе Амирантских островов.

Острова Сейшельские—или, лучше, Сешелские—обязанные своим общим наименованием Моро де-Сешеллю (Moreau de Sechelles), а почти всеми частными наименованиями отдельных островов—французским знаменитостям XVIII века[1]—составляют группу из двадцати девяти островов, не считая небольшие островные рифы. Главные из них расположены в форме круга, как будто-бы они покоились на погрузившемся в воду атолле, с окружностью приблизительно в сто-пятьдесят километров[2]. Выступившие из-под воды скалы Сейшельских островов состоять не единственно из масс, созданных кораллами, как скалы Фаркухарского архипелага, острова Провидения и Амирантских островов: здесь поднялись над волнами также и кристаллические горы. На о. Махэ одна вершина возвышается на 988 метров; гора на Пралене (Praslin) достигает 914 метров; на Силуэтте (Silhouette) видна вершина в 754 метра, и все высоты принадлежат к гранитной формации, безусловно схожей с формацией Мадагаскара: вокруг этих первозданных горнокаменных пород и вывели свои белые стены мадрепоры. Самый значительный остров, Махэ, представляет поверхность в 117 квадр. километров, т.е. около половины поверхности всего архипелага. Прален, второй остров, занимает пространство в 40 квадр. километров; из других же островов, имеющих весьма небольшие размеры, обитаемы только два; Любопытный (Curieuse), небольшой островок, дополняющий Прален, служат лепрозорией: прежде полагали, что проказа может быть излечена при помощи ванн из крови черепах, и нигде не нашлось бы этого лекарства лучше, чем на Сейшельских островах. К тому же, эти острова,—хотя и расположены в близком соседстве с экватором, в 400 до 600 километров к югу от него,—сравнительно здоровы, даже и для европейцев; правильность сменяющих друг друга ветров из открытого океана препятствует застою как вод, так и атмосферы, а всегда ровная температура, от 26,5 до 29 градусов, делает этот климат одним из самых приятных в мире. Хотя прежние рассказы, будто спирали циклонов не проходили никогда по Сейшельским островам, и не верны, тем не менее, действительно, бури в этих морских пространствах редки.

Пространство и народонаселение двух рассматриваемых архипелагов:

1 Elie Pajot, „Ile Bourbon“.

2 Lewis Pelly, „Journal of the R. Geographical Society“, 1865.

Амирантский—83 кв. килом., 150 жителей; Сейшельский—264 кв. килом., 17.625 жителей (94 г.).

Туземная флора Сейшельских островов, состоя приблизительно из 340 видов, содержит эндемических форм около шестидесяти, и между ними три пандана; но растение, прославившее архипелаг в глазах ботаников, есть знаменитая веерная пальма, называемая *lodoicea seychellarum*, плоды которой созревают, впрочем, только на двух островах: Пралене и Любопытном. Известно, что плод этого пальмового дерева состоит из двух, лежащих рядом, в одной оболочке, орехов, которые по целым месяцам могут оставаться в море, не портясь; муссоны пригоняют их к берегам Индии, иногда даже к берегам Явы и другим островам Инсулинда, где они собираются как сокровище, при чём верят, будто-бы эти орехи поднялись со дна океана: отсюда возникло и наименование их «морскими кокосами», под которым они известны морякам. Плод этот считался панацеею и приносителем благополучия; ценился же он столь дорого, что король, обладавший таким талисманом, отдавал его в обмен на город. Лишь в 1769 году Барра открыл веерную пальму и собрал орехи этого растения[1]. В наши дни этот морской или мальдивский кокос имеет цену только, как курьез. Молодые листья этой пальмы, не потерявшие ещё своего яркого желтоватого цвета, употребляются на приготовление шкатулок, опахал, разных безделушек, очень тонкой работы и сохраняющих свой цвет. Древесина её—чрезвычайно твердая, и вещи, сделанные из неё, так сказать, неразрушимы. Ботаники опасаются, чтобы это растение вскоре не исчезло совсем.

Сейшельские острова, фауна которых весьма бедна, не обладают ни одним видом млекопитающих, который не был бы введен человеком. Пресмыкающиеся и земноводные на этом архипелаге,—сравнительно многочисленные, и ещё недавно имевшие в числе своих представителей также и крокодила[2],—принадлежат к таким родам, которые тоже имеют своих представителей как на Мадагаскаре, так и на Маскаренских островах; что же касается туземных птиц, то из пятнадцати видов их тринадцать не встречаются вне архипелага[3]. Бедность местной фауны насекомыми поразительна; один из аборигенных видов, так называемая «мухалисток», или «летающий листок», *phyllium siccifolium*, дотого похож на зеленый лист, что естествоиспытателю нужно несколько недель для отыскания этого насекомого среди древесной зелени. Этот одушевленный листок сделался весьма редок с тех пор, как англичане в Индии стали платить дорого за помещение его в свои сады. Растения и животные чужеземного происхождения почти все ввезены с островов Маврикия и Реюньон, откуда прибывают также и переселенцы, принадлежащие либо к чистой европейской расе, либо к метисам.

Хотя Сейшельские острова принадлежат Великобритания, но языком островитян служит местное наречие креолов на острове Маврикия, с примесью к нему нескольких английских слов. Африканские чернокожие весьма многочисленны на Сейшельских островах. Английские крейсеры, на которых было возложено прекращение торга неграми, находя в этих островах превосходный пункт для запаса провизией, часто привозили сюда же и плененных ими рабов, при чём большинство этих удаленных из мест своей родины чернокожих оставались на Сейшельских островах, смешиваясь с европейскими, индускими, китайскими и малайскими элементами. Рождаемость на Сейшельских островах значительно превосходит смертность. Именно, в 1882 и 1883 годах: на 1.000 жителей родилось 31 и 32, а умерло 21,6 и 26,3.

Табак, какао, кофе, сахар, рис и другие необходимые жизненные припасы производятся в количествах, вполне удовлетворяющих потребности островитян; вывозятся же только кокосовые орехи, именно в форме так называемой копры, т.е. орехов, разбитых на куски; затем уже несколько лет как стали вывозить ваниль; доставляют Сейшельские острова также панцыри черепах и головки гвоздики. Козы разводятся с успехом, других же домашних жи-

1 Alexis Rochon, „Voyages a Madagascar, a Maroc et aux Indes Orientales“.

2 D'Unienville, „Statistique de l'ile Maurice“;—Kersten, „Von der Deckens Reise“;—Hartmann, „Madagaskar und die Inseln Seychellen“.

3 Alfred H, Wallace, „The Island Life“.

вотных почти совсем нет. Некоторые промышленники в садках распложают черепах, для продажи на проходящие суда. Торговля архипелага, достигавшая недавно миллионов двадцати, значительно упала в последние годы, вследствие болезни кокосовых дерев. Торговое движение сосредоточено в глубоком пространстве, которое, будучи окружено рифами, превратилось в порт главного острова и которое некогда называлось Махэ, как и самый остров, и по имени того губернатора Иль-де-Франса, который в 1743 году овладел Сейшельскими островами. Однако, англичане заменили это историческое наименование именем: Порт Виктория, именем, которое обязательно, как известно, носит один или несколько пунктов каждой британской колонии. Махо—пристань для тех пакетботов, которые делают рейсы между Суэзом и Маврикием, а также и место для запаса провизиею для китоловов. В 1884 г. вместимость пришедших и отошедших судов в Порте-Виктории достигала 130 тыс. тонн.

В административном и судебном отношениях Сейшельский архипелаг зависит от острова Маврикия, удаленного, однако, на 1.700 километров по направлению к югу. Если некогда существовало соединение или по крайней мере сближение земель между подводными плоскогориями, на которых покоятся Сейшельские и Маскаренские острова, то вероятно, выступившие из-под воды острова описывали большую кривую к юго-востоку от Сейшельских островов, так как в этих пространствах моря доказано существование весьма обширных высоких мелей, каковы: мель Сайя де-Мальха, мель и острова Назарет, и т.д. Около южной оконечности подводных Назаретских скал виднеется даже несколько островков, Каргадос или Гарайос, называемых также Сант-Брандан, как тот таинственный остров, существование которого средневековые мореплаватели предполагали в Атлантическом океане. Каргадосы в общем имеют поверхность в тридцать три кв. километра и покрыты кокосовыми рощами, принадлежащими жителям острова Маврикия: десяток людей собирают там орехи и занимаются приготовлением копры, а также рыбною ловлею и солением рыбы.

В обширном полукруге глубоких вод, ограниченных извне Мадагаскаром, островами Амирантскими и Сейшельскими, Назаретскою мелью и Маскаренским архипелагом, возвышаются также несколько острововидных пирамидальных вершин, подножия которых находятся на четыре тысячи метров ниже уровня моря. К югу от Сейшельских островов первая выступающая из-под воды земля, Плоский остров (ile Plate), представляет просто группу деревьев. Коэтиви (Coetivy), Галета или las Galegas,—в 700 кил. от Сейшельских островов—покрыты обширными кокосовыми лесами; это—«масляные» острова (*oil-islands*), как и Каргадосские, подобно которым, они также окружены кольцом из белых рифов и голубых волн: маленькая республика из двухсот с небольшим маврикийских креолов пользуется пальмовою рощею большого острова Галега (в 28 кв. километров) для изготовления кокосового масла. Тщетно пытались ввести там крупный и мелкий рогатый скот; трудно приживаются также лошади, затем весьма значительна смертность и между детьми[1]. Другой остров, Тромелин (Tromelin), расположенный приблизительно на половине расстояния между Сант-Мария на Мадагаскаре и Каргадосскими островами, есть не что иное, как мель из белого песка, выступающая на 4-5 метров над уровнем моря: отсюда и наименование его креолами «Песчаным» островом. В 1761 году, нагруженное неграми судно наткнулось на этот низменный островок, и потерпевшие от кораблекрушения несчастные очутились покинутыми на произвол судьбы на этой дюне, пространством в 60 гектаров, без защиты от солнца и ветра, не имея другой пищи, кроме ракушек на берегу, при чём во время бурь они были вынуждены цепляться за узкую полосу земли, которая служила им пьедесталом. И со всем тем они не все вымерли: через пятнадцать лет после этого происшествия, запоздалая спасательная экспедиция, под управлением де-Тромелина, нашла ещё семь негритянок, которые выдержали это страшное испытание[2].

1 Laplace. „Campagne de Artemise“.

2 Alexis Rochon, упом. соч.;—Grant. „History of Mauritius“.

V. Маскаренские острова

I. Общий взгляд

Хотя это название, данное в 1513 году португальцем Педро де-Маскареньяс[1], прилагалось сначала только к одному острову Реюньону или Соединения, однако впоследствии его стали употреблять для обозначения всех трех земель: Реюньона, Маврикия и Родригеса, которые, будучи различны по происхождению, представляют, тем не менее, большие сходства в способе образования, в климате, произведениях и в своей истории. Долгое время они были соединены и в политическом отношении, как французские колонии: ныне же, хотя, по своему населению, они всё ещё и сестры друг другу, но правительств у них уже два. Возвратив Франции, после завоевания, Реюньон, Великобритания удержала за собою как остров Маврикия, самый важный из всех трех островов, так и его колониальное дополнение, остров Родригес. В общем, поверхность Маскаренских островов равняется 4.004 кв. километров, а народонаселение (в 1893 году) достигало приблизительно 550 тысяч человек: при этом, хотя горные округа островов по большей части необитаемы, тем не менее километрическая плотность населения равняется приблизительно 134, а такое соотношение встречается только в наиболее плодородных и наиболее промышленных областях Европы. В частности, поверхность и населенность этих островов следующие:

Маврикий и островки (1893 г.)—1.911 кв кил., 372.000 челов., 188 чел. на 1 кв. кил.; Реюньон (1892 г.)—1.980 кв. кил., 172 000 чел., 83 чел. на 1 кв. кил.; Родригес (1892 г.)—110 кв. кил., 2.210 чел., 16 чел. на 1 кв. кил. Всего же 4.004 кв. кил., 546.210 чел., или 134 чел. на 1 кв. кил.

Два главные острова почти одинаковы по величине и по очертаниям: это два неправильных овала вулканического происхождения, вершины конусов извержения, высунувшиеся из глубин моря. Земля юго-западная, Реюньон,—обширнее, возвышеннее, и одна имеет ещё действующий кратер; в экономическом же отношении она сильно отстала от Маврикия, северо-восточного острова, так как последний обладает природным портом, в котором корабли могут находить для себя убежище во время страшных бурь, господствующих в этих морских пространствах; затем, этот же порт стал центром весьма обширной торговли, отправным пунктом для всех тех промышленных предприятий, которые замышлялись как относительно Мадагаскара, так и относительно других островов в Индийском океане. Наперекор политическому разделению, острова Маврикий и Реюньон взаимно дополняют друг друга; именно, первый с своими удобными портами и низменными земляки, а второй с ярусами своих климатов и растительности—составляют одно неделимое целое.

Схожие по происхождению, два острова-брата также схожи и по климатическим условиям: они одинаково выставлены правильному дуновению юго-восточных пассатов, одинаково обвеваются береговыми бризами, и, обильно орошаемые на наветреной стороне, лишь редко поливаются дождями на стороне под ветром. В частности по островам, средние количества выпадающих дождей следующие:

Остров Маврикия: Клюни (в центре о-ва)—3 м. 710; Порт-Луи (без ветра) 0 м. 124; Остров Реюньон: Сен-Бенуа (под ветр.) 4 м. 124; Сен-Поль (без ветра)—0 м. 700; Сен-Дени —1м. 246. Остров Родригес: Порт-Матюрен—0 м. 120.

Часто один и тот же циклон, круговращаясь от одного острова к другому, производил на них обоих одинаковое опустошение: с 1751 по 1885 год, Реюньон испытал шестьдесят две таких кружащихся бури. Ураганы, образующиеся обыкновенно по соседству с экватором, между 5 и 10 градусами южной широты, проходят чрез Индийское море косвенно в направлении к юго-западу. В Маскаренских же морских пространствах, или более к западу, в направлении к Мадагаскару, круговращающиеся метеоры отклоняются к югу, чтобы затем распространяться в юго-восточном направлении, т.е. в направлении, противоположном пас-

1 Ferdinand Denis;—Elie Pajot, „Ile Bourbon“.

сатным ветрам. На этом длинном параболическом пути, круговращение воздуха совершается вокруг сравнительно тихого, безостановочно перемещающагося центра, при чём спираль всегда вращается с запада на восток, через север, и с востока на запад, через юг: таков правильный ход ураганов, открытый Иосифом Гюбером в 1788 году, гораздо раньше, чем новейшие метеорологи Довэ, Редфильд, Паддингтон, Бридэ, изложили своя теории[1]. Циклоны бывали во все времена года; однако они весьма редки во время зимы на Маскаренских островах: нарушений равновесия в атмосфере следует опасаться более всего между месяцами декабрем и апрелем, при чём самым грозным в этом отношении оказывается месяц февраль. Сила ураганов весьма неодинакова: то это простые порывы ветра, волнующие море в течение нескольких часов; то это страшные шквалы, взбудораживающие воды в течение нескольких дней и на пространстве шириною более тысячи километров; иногда даже один большой циклон сопровождается другим, последующим, и судно, избежавшее первого урагана, захватывается вторым циклоном. Круговращение ветра влечет за собою образование, толчеи волн, и океан походит тогда на клокочущий котел с водою.

В Маскаренских водах метеорологам приходилось изучать ужаснейшие морские события. Так, во время одного только урагана 26 февраля 1860 г., три корабля исчезли, три разбились около берегов Мадагаскара, шесть, спасшихся с величайшим трудом, пришлось разобрать, а 24 оказались сильно поврежденными; товаров в волнах погибло на сумму слишком три миллиона[2]. Циклон 1868 года, может-быть, ещё более ужасный, разрушил 2.893 дома и 20.188 хижин[3]. При приближении бури, на что указывает падение барометра, корабли, не стоящие в защищенном порте, спешат найти для себя какое-нибудь закрытие или торопятся выйти в открытое море; островитяне же на Маврикии или Реюньоне приготовляются во всеоружии встретить грядущую опасность. Часто случалось, что остров Маврикия опустошался, а его собрата, острова Реюньона, циклон даже и не достигал; в другие разы местности, обращенные к ветру, подвергались всему напору урагана, между тем как противоположная сторона острова оставалась совершенно пощаженною; одна деревня разрушалась в конец, а другая, соседняя, задевалась ураганом лишь слегка. Сила циклона также различна на разной высоте: иногда атмосфера остается вполне спокойною на вершине гор Реюньона в то самое время, как на побережье шквал ломает деревья и сносит с домов крыши. Одновременно с возмущением воздуха, прибрежным жителям приходится страшиться также и гнева океана. Толчея волн всегда предшествует и сопровождает циклоны, и не только те, которые взбудораживают моря, соседния с Маскаренскими островами, но также и те, которые проявляются в отдалении; в особенности опасаются поднимающихся из глубины, со дна океана, волн, которые идут от мели около Игольного мыса: громадные коралловые глыбы, находящиеся теперь в некотором расстоянии от побережья, были оторваны от рифов и выкинуты глубокими волнами на землю: при виде этих скал, выброшенных далеко от берега, можно подумать, что они были извергнуты подводным взрывом.

Будучи, таким образом, угрожаемы возмущениями как со стороны воздуха, так и со стороны воды, оба острова в высшей степени заинтересованы во взаимном извещении обо всех переменах погоды. И хотя, вследствие нахождения друг от друга в расстоянии 245 километров, видеть один остров с другого удается лишь весьма редко, тем не менее кривизна Земли не препятствует достижению луча света с высоты какой-нибудь вершины острова Маврикия на горы острова Реюньона. Оптические сообщения и были установлены между двумя островами; ныне известно, что северо-восточный остров, т.е. остров Маврикия, будучи атакован ураганом за двенадцать часов ранее острова Реюньона, мог бы известить его сигналами об угрожающей опасности; тем не менее, этой международной системе сигналов не дали надлежащего развития.

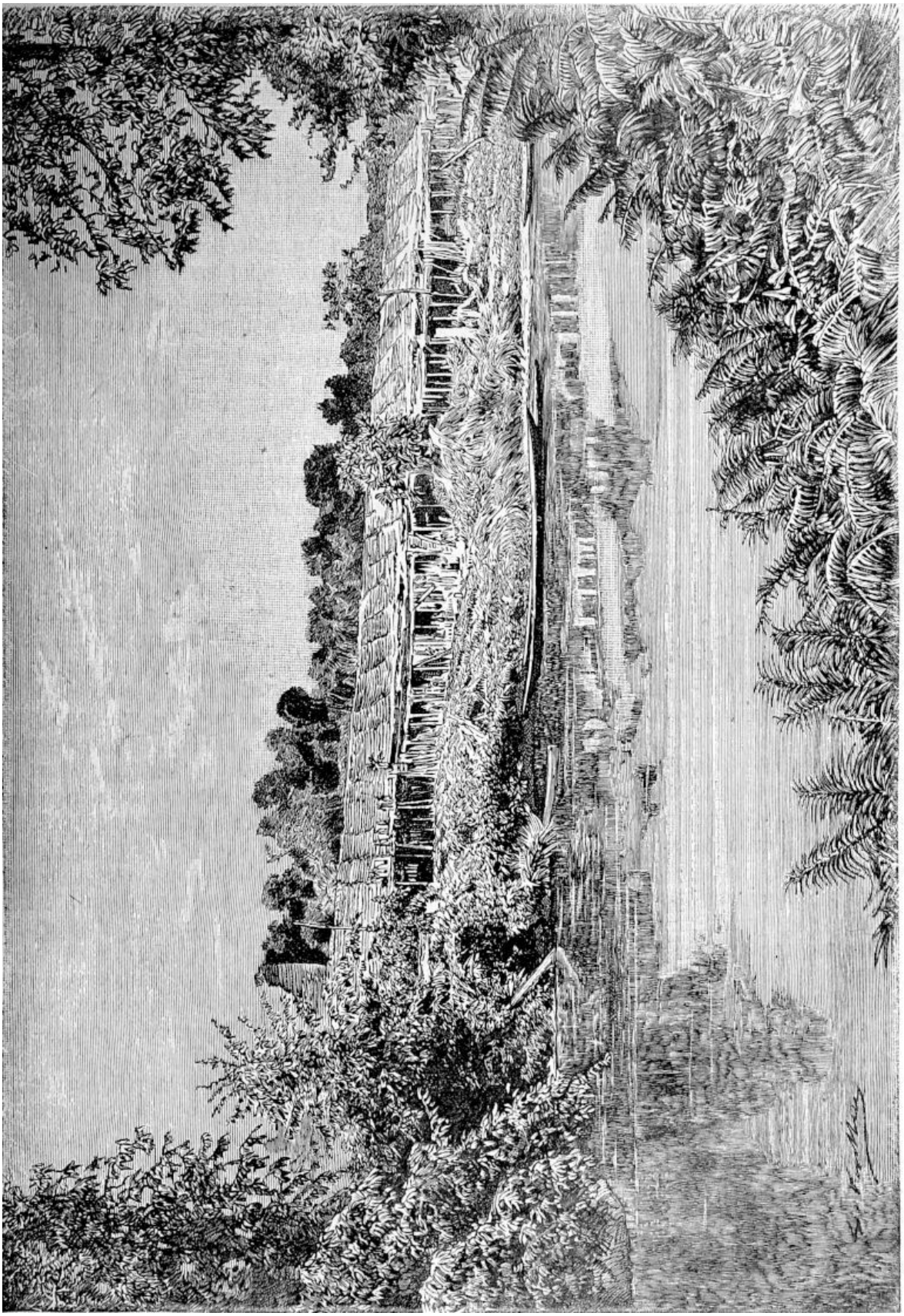
Океаническое происхождение Маскаренских островов должно было отразиться также на

1 Emile Trouette, „Papiers de Joseph Hubert“.

2 H. Briget, „Etude sur les Ouragans de l’hemis phere austral“.

3 Nicholas Pike, „Subtropical Rambles in the Land of the Aphanapterix“.

особенностях их флоры в фауны, которые и отличаются не только от флор и фаун материков Азии и Европы, но также и от растений и животных Мадагаскара и соседних островов. Какова, однако, была маскаренская флора до прибытия первых колонистов—узнать нельзя: с



Западный берегъ Борнео.—Жилище дайяковъ на берегу рѣки Режангъ.

того времени, большая часть лесов вырублена и сожжена, введены новые возделываемые растения и, кроме того, без намерения ввезено приблизительно видов триста диких растений, заместивших виды туземные; повидимому, за исключением лимонного дерева, на Рею-

ньоне не было никакого другого из приносящих плоды[1]. Со всем тем, на Сейшельских и Маскаренских островах ещё насчитывают более пятисот растений, нигде, кроме них, не встречающихся, а между формами, общими как этим островам, так и другим землям, азиатские виды, как оказывается, преобладают над растениями африканского происхождения. Из 22 панданов, этим островам свойственны около двух десятков, при чём 9 составляют особенность острова Маврикия, 4—Реюньона, 3—Сейшельских островов и 2—острова Родригеса. Значительная пропорция папоротников, а также орхидных растений, отводит Маскаренской флоре совершенно особое место между островными флорами.

Что касается фауны, то большинством естествоиспытателей признано, что все проживающие ныне на островах млекопитающие, один вид лемуров, мадагаскарский танрек, дикая кошка, заяц, крысы и мыши, ввезены переселенцами; то же самое следует сказать об ящерицах, змеях, хамелеонах и лягушках; что же касается наземной черепахи, некогда водившейся в таком множестве, что некоторые пляжи были как бы «вымощены»[2] ею, то ныне она уже истреблена охотниками[3]. Португальцам обязаны также введением оленей, которые недавно водились в лесах Реюньона и которых встречают ещё и поныне на острове Маврикия. Недавно на Маврикии пытались акклиматизировать страуса. Между пернатыми обитателями Маскаренских островов находится «шрикун» или «дрозд» китайский (*acridotheres tristis*), которого Пуавр выписал, в 1764 году, для защиты плантаций от мириад кузнечиков и других насекомых. Эта птица-благодетельница колоний долгое время находилась под охраною больших штрафов, защищавших её от охотников. Ныне ей угрожают мальгашского происхождения ужи, проникающие в её гнезда и пожирающие птенчиков[4]. По странной аномалии, Круглый остров, расположенный более чем в 25 километрах к северо-востоку от Маврикия, представляет маленький особый мирок: он обладает особым видом пальмовой капусты; затем на нём, пропорционально, больше односемянодольных растений, чем во всякой другой местности на Земле, а его фауна, столь же обособленная, как и флора, замечательна ящерицами и двумя видами змеи[5].

Если Маскаренские острова обогатились чужеземными видами, то взамен того они потеряли свою первобытную фауну. Недавно эти острова отличались от других островных массивов своими птицами, если этим именем можно назвать животных, по строению хотя и пернатых, но неспособных, однако, к летанию. Дронт, или додо, и афанаптерикс, *pezophaps solitaria*, исполинская, больше человека, водяная курица, и один вид лори жили, до прибытия европейцев, либо на всех Маскаренских островах, либо на том или другом из них; недавно Кларк открыл в одной из луж на о. Маврикия ещё непревратившиеся в ископаемое состояние останки птиц, принадлежащих ко многим другим видам, при чём эти останки были перемешаны с костяками оленей, свиней и обезьян. Ле-Гюат, проживший на острове Родригес два года, с 1691 по 1693, а затем несколько лет на острове Маврикия, прибыл туда в ту эпоху, когда дронт уже исчез, а исполинская курица ещё существовала. Прибытие белых составляло для этих животных как бы всеистребляющий потоп: достаточно было немногих десятилетий, чтобы эти птицы совершенно исчезли; судя по большому их сходству с различными видами миоценовых времен, можно полагать, что они и зародились в те отдаленные века. Объясняется это исчезновение тем, что дронты и их сородичи не обладали способностью быстрого ускользания от своих врагов. Ввезенные на острова собаки, кошки и свиньи стали вскоре их пожирать; крысы поедали их яйца, а ружье охотника приканчивало с теми, которые ещё переживали эти невзгоды. Недавно исчез на острове Маврикия также и один вид голубя (*alectoroenas nitidissinma*), от которого в музеях осталось только три экземпляра;

1 Elie Pajot, упом. соч.
2 Grant „History of Mauritius“.
3 Alfred R. Wallace, „The Island Life“.
4 Bernardin de Saint Pierre;—Bory de Saint Vincent;—Von der Decken;—Elie Pajot, и т. д.
5 Barkly;—Nicholas Pike, упом. соч.

полагают, далее, что на острове Родригес также исчез и другой вид, *alectoroenas rodericana*[1]. Нахождение этих птиц во время прибытия белых с их спутниками из домашних животных составляет один из тех фактов, которые дают повод естествоиспытателям допускать первобытную изолированность Маскаренских островов: так как невооруженная для борьбы фауна всегда была защищена от посещений животных плотоядных, то эти ученые полагают, что острова никогда не находились в связи с большими землями[2]. Населявшие берега св. Маврикия ламантины тоже исчезли.

Народонаселение как Маскаренских островов, так и соседних архипелагов вплоть до островов Сейшельских, образовалось из одних и тех же этнических элементов. Острова эти были совершенно необитаемы, когда, в 1646 году, Прони, комендант форта Дофина на Мадагаскаре, отправил в ссылку на остров Маскареньяс двенадцать бунтовщиков, которые, впрочем, оставались там только три года. В 1655 году, семь французских переселенцев, сопровождаемых шестью мальгашами, поселились на о-ве св. Павла, привезя с собою нескольких животных, которых они выпустили в горы, в надежде развести как домашний скот, так и дичь; однако, вследствие урагана, удалились, в свою очередь, с острова и эти переселенцы; наконец, лишь с 1663 года началась окончательная колонизация острова, когда туда прибыли два француза, в сопровождении нескольких слуг из негров[3]. В первое время колонисты питались рыбою, черепахами, пататами, иньямом и другими корнеплодными растениями, доставляемыми им плодородною землею; живя на вольном воздухе и не зная болезней, они оставались почти нагими[4]. Будучи свободными, не имея с кем враждовать, а также не имея и управителя, который налагал бы на них принудительные работы и предписывал бы законы, маленькая группа белых процветала; деревни основывались и окружались плантациями, начался торг с метрополиею, а затем и Компания Восточных Индий—получившая монополию на торговлю с островом Маскареньяс, уже переименованным в остров Бурбон—устроила на нём одну из самых прибыльных своих пристаней. Северный остров, или Цернэ, не колонизованный португальцами, подпал под власть голландцев, которые, в 1598 году, дали ему имя Mauritius (Маврикия), а в средине следующего столетия поместили на нём и гарнизон; но голландцам не повезло, и, как рассказывают, вследствие страшного нашествия крыс, они были вынуждены покинуть свое завоевание, которое, спустя несколько времени, и заняли (в 1715 г.) французы с острова Бурбона[5]. Оба острова-брата были окончательно колонизованы белыми французского происхождения, почти все нормандцами и бретонцами, с приместью присоединившихся к ним моряков и искателей приключений. Эти несколько сотен первых жителей и были предками большинства тех белых, которые ныне населяют как оба острова, так и соседния с ними земли. Статистические же данные, впрочем, довольно неполные, позволяют утверждать, что те приблизительно восемьдесят тысяч человек белых, которые живут ныне на Маскаренских и Сейшельских островах, обязаны своим возрастанием в числе гораздо менее переселению, чем избытку в рождаемости над смертностью. Эти острова Индийского океана представляют замечательный пример тех тропических стран, в которых белые не перестают жить и увеличиваться в числе; вот некоторые данные об увеличении числа белых на этих островах.

Реюньон. В 1715 году—900 жит., в 1763 году—4.627 жит., в 1804 году—12.106 жит., в 1825 году—17.255 жит.

Св. Маврикия. В 1721 году—50 жит., в 1765 году—3.263 жит., в 1804 году—7.108 жит., в 1830 году—8.592 жит.

При этом, однако, скрещивания рас уже давно лишают делающих перепись возможности установить истинное соотношение между белыми и туземцами. Плодовитость семейств

1 Edward Newton, „Geographisches Jahrbuch", 1830
2 Alfred R. Wallace, „The Island Life".
3 E. Tronette, рукописные заметки.
4 Dapper, „Description de l'Afrique".
5 Bernardin de Saint-Pierre, „Voyage a l'Isle de France".

французских креолов весьма велика: насчитывают, именно, около двухсот пятидесяти детей на тысячу замужних женщин, между тем как во Франции это же соотношение на одну треть меньше. По данным статистики Томаса[1], перед уничтожением рабства, в 1823 году наблюдалось у белых—694 рождения, 399 смертей, или приращение в 295; у чернок. свободных—208 рождений, 108 смертей, или приращение в 100; у рабов—217 рождений, 1.640 смертей, или уменьшение в 1.423. С 1843 по 1847 годы, рождаемость правильно превышала смертность на одну треть[2]. Известно, какое большое участие в литературном и научном движении Франции принимали уроженцы Маскаренских островов, Бертен, Парни, Жозеф Гюбор, Лиле-Жофруа, Леконт де-л'Иль и другие.

Но белые французского происхождения—к которым, после завладения островами св. Маврикия, Родригес и Сейшельскими, присоединились также и англичане—составляют лишь меньшинство между всеми остальными островитянами. Первые колонисты острова Маскереньяс привезли с собою рабов с Мадагаскара, а когда, в 1715 году, Гильом Дюфрен овладел покинутым голландцами островом Маврикием, то и с ним также прибыла туда партия чернокожих. На долю этих мальгашских негров и выпали, под надзором белых, все те тяжкие труды по разделке нови, которые преобразили оба острова; об этих первых годах расчистки почвы под культуру напоминают существующие в говоре креолов некоторые наименования растений, животных и примитивных орудий[3]. Позже, негроторговцы, образовав привилегированные компании и установив премии за ввоз рабов, отправлялись запасаться человеческим мясом на африканский материк, вследствие чего плантации населились неграми всех племен Восточной Африки, известных под общим наименованием «кафров». Участь несчастных маскаренских рабов была такая же, как и во всех остальных краях, где единственными гарантиями кроткого обращения с порабощенными являются только выгода или добрая воля их владельцев[4], несмотря даже на то, что, в силу эдикта 1723 года, все рабы были окрещены и, таким образом, стали «духовными братьями» своих властелинов[5]. Правда, что в 1685 году был обнародовав «черный кодекс», имевший целью оказать покровительство рабам; но самый этот кодекс, статьи которого не всегда и соблюдались, разрешал все наказания, не превышавшие тридцати ударов бичем. Принадлежа к различным расам, говоря на различных языках, не имея оружия и к тому же низойдя, вследствие усиленного труда, до скотоподобного состояния, маскаренские рабы никогда не восставали против своих господ, но часто они убегали сотнями, скрываясь в пещерах или в лесах и бродя по ночам вокруг плантаций, с целью накопать себе кое-каких кореньев. Охотники устраивали правильные облавы для преследования этих беглых негров, и тому, кто доставит правую руку убитого беглеца, выдавалась награда. За первый побег отрезали ухо: за второй—перерезывали поджилки позади коленного сочленения, а за третий—полагалась смерть[6].

Французская республика провозгласила уничтожение рабства, но плантаторы, в согласии с генерал-губернатором Маляртиком, воспротивились этим повелениям из метрополии: едва только коммиссары Республики ступили на берег Иль-де-Франса, как их посадили снова на корабль, а вскоре избавились и от всех сопровождавших их солдат, отослав их в Батавию, под предлогом оказания помощи голландцам, в то время бывшим союзниками французов[7]. Таким образом, освобождение негров замедлилось до половины следующего века: на Маврикии оно совершилось постепенно, между 1834 и 1838 годами; на Реюьоне же освобождение было провозглашено десятью годами позже, второю республикою, при чём на обоих островах живая собственность была выкуплена у частных владельцев, общин и приходов.

1 Themus, „Essai de Staristique l'ile de Bourbon".
2 Bordier, „La Colonisation Scientifique".
3 L. Bertholon, „Revue de Geographie", Decembre, 1880.
4 C. Baissac, „Etude sur le patois creole Maurice".
5 d'Unienville, „Statistique de l'ile Maurice".
6 Bernardin de Saint-Pierre, „Voyage a l'Isle de France";—Maillard, „Notes sur l'ile de la Reunion".
7 Grant, „The History of Mauritius or the Isle of France".

Таким порядком на острове Маврикия было выкуплено, за 52.815.800 франков,—65.320 человек, а на Реюньоне, за 41.104 005 франков—60.829 человек. Чернокожие на Маврикии ещё и теперь вспоминают *le temps margoze*, т.е. «время горечи» или рабства, прозванное так по одной очень горькой овощи; они с радостью сравнивают былое время с нынешним, когда права всех одинаковы. «*Tout marmites deboute la haut dife!*», т.е. «всем котелкам есть место у огня», говорят они[1]. Хотя маскаренские негры, мальгашского, кафрского или мозамбикского происхождения, ныне весьма многочисленны на этих островах, однако, употребляемый ими язык французских креолов служит общим средством для обмена мыслей между различными скученными на узкой территории расами: французами, англичанами, китайцами, арабами, малайцами, индусами из всех провинций Индийского полуострова.

Частые сношения Маскаренских островов с индусским полуостровом, посещение этих островов эскадрами и крейсерами, плававшими в Индийском океане, уже имели следствием появление во второй половине XVIII века, как на острове св. Маврикия, так и на острове Соединения, большого числа индусов, и это людям их расы была вверяема постройка почти всех зданий. Когда же плантаторы увидели приближение дня освобождения негров, они позаботились достать себе рабочих другого происхождения: китайцев, малайцев, северных и южных индусов, в особенности малабарцев; даже этим последним именем в обыденной речи обозначают всех прибывающих с востока «законтрактованных» индусов. При этом, благодаря исключительным облегчениям, предоставленным английским правительством Индии, остров Маврикия ввозил для обработки плантаций целые толпы рабочих. Будучи ещё в средине текущего века менее населенным, чем остров Бурбон, Маврикий имеет ныне вдвое больше жителей,—пропорция, соответствующая пропорции годных для возделывания земель на обоих островах. По уставу ввоз чужеземных рабочих должен был совершаться с самым строгим соблюдением условий добровольного найма, но прежние приемы обращения с рабами продолжали на большинстве плантаций применяться также и к наемным рабочим. Так, по свидетельству одного оффициального документа[2], обещания, сулимые переселенцам при их отплытии из Индии, не были выполняемы ни агентом-покровителем, ни администраторами, ни врачами, ни плантаторами. Зачастую старосты подгоняли их тростью, как бывало подгоняли невольников; заставляли их работать и больше и дальше, чем негров, потому что жизнь, «законтрактованнаго» не была так дорога, как жизнь кафра, купленного за чистые денежки; их скудная плата часто уходила на штрафы, а когда наконец, по миновании пяти лет, завербованные рабочие становились снова свободными, то паспорты и полицейские придирки уподобляли их преступникам, подлежащим надзору. Самый же опасный, быть-может, факт заключается в том обстоятельстве, что иммиграция этих восточных людей—превышающих численностью на Маврикии белых и чернокожих, соединенных ныне под одной рубрикой равноправных граждан—постоянно практиковалась с нарушением естественных законов нормального соотношения между полами. Так как женщин всегда ввозилось значительно меньше, чем мужчин, то семейства могли образоваться только в исключительных случаях; многомужество стало обычным явлением в индусских станах; дети—впрочем, весьма редкия—были в большом пренебрежении со стороны их случайных родителей. Народонаселение двух главных Маскаренских островах в 1887 г. по национальностям распределялось следующим образом:

	На о-ве Маврикия	На о-ве Реюньон
Местных граждан, белых, чёрных и цветных	116.424	120.532
Наемщиков мальгашей, кафров и арабов		15.260
Индусов и китайцев	251.721	25.711
Всего	368.145	161.503

На Реюньоне, в 1887 году, между 40.971 «завербованных» рабочих всякого племени, на-

1 G. Baissac, упом. соч.

2 „Report of the Commissionners appointed to enquire into the treatment of immigrants“, 1875.

считывалось: мужчин 28.858, а женщин 12.113.

Смертность, поражая бессемейных людей, ежегодно значительно превышала рождаемость: так, на Реюньоне между индусскими переселенцами, в периоде с 1848 по 1882 г. на-

Суматра.—Маякъ на Поэло Брассѣ.

считывалось: рождений 8.637, а умерших было 28.263; только непрерывный привоз новых людей с Востока замещал убыль и увеличивал челядь плантаций. Но вследствие солидарности, связывающей расы одну с другой, болезни, занесенные индусскими и китайскими пере-

селенцами, поражали также и других жителей острова: первые занесли проказу, а индусы привезли с собой на Маскаренские острова возвратный тиф, называемый бомбейским[1], от которого в большую, продолжавшуюся три года (с 1866 по 1868) эпидемию погибло семьдесят-две тысячи человек, т.е. четверть населения о. Маврикия: в главном городе его умирало до двухсот-сорока человек в один день[2]. Тогда опасались, чтобы Маскаренские острова, некогда славившиеся своим совершенно здоровым климатом, не сделались «излюбленными землями» всевозможных азиатских зараз. Впоследствии болезни поуменьшились, но пришла бедность. «*Temps francais zourmons li pli gros que temps anglais*», говорят маврикийские негры, т.е. во времена французов тыквы были гораздо больше, чем во времена англичан[3].

Ныне оба острова всё более и более в религиозной обрядности сближаются с Индиею: празднование Ямзеха соперничает роскошью и блеском с праздником Тела Христова. Существовавшее несоответствие между численностью мужчин и женщин уменьшается ежегодно: так, на о. Маврикия в 1891 г. насчитывалось: мужчин—207.000, женщин—165.000; на о. Реюньоне, в 1887 г.: мужчин—88.000, женщин—73.000.

Объясняется это уменьшение как тем, что смертность поражает в особенности мужчин, так и тем, что женщин из отбывших свои годы в качестве завербованных, возвращается в свои страны лишь очень небольшое число. В 1884 году, например, статистические данные относительно индийского населения в Маврикии были следующие:

	Прибывших	Уехавших	Родившихся	Умерших
мужчин	4.471	1.197	3.092	2.626
женщин	1.949	358	3.056	1.047

С другой стороны, населенность островов уменьшается с каждым годом, вследствие уменьшения прилива переселенцев, и, вероятно, это уменьшение будет продолжаться до тех пор, пока между полами не восстановится равновесие. Значительное число из проживающих на острове малабарцев ныне совершенно свободны от всякого «обязательства» по отношению к плантаторам и добывают себе средства для жизни либо посредством мелочной торговли, либо занимая низшие должности в администрации. Многие из них вступают в брак с цветными женщинами; благодаря своей трезвости, бережливости, а может-быть также и пронырливости, индийцы на острове Маврикия оттесняют людей другой расы и заставляют даже креолов уступить им рынок труда; некоторые из них поразделили между собою уже и земли задолженных «благородных». Иммиграции индийских земледельцев соответствует выселение горожан-креолов. Из последних, одни покидают острова для возвращения в отечество своих предков, в Европу, а другие отправляются искать счастья на Мадагаскаре и в Индии.

II. Остров св. Маврикия

Остров Маврикия—продолжающий собою, к югу от Каргадосских островов, большой полукруг выступивших из-под воды земель, рифов и песчаных мелей,—не был, однако, связан ни с каким другим островом; он высится уединенно над водами Индийского океана. Остров этот, состоящий сплошь из базальтовых скал, может-быть более древнего происхождения, чем остров Реюньон, так как берега его более изрезаны, горы более понижены процессом выветривания, а кратеры вулканов стерты, при чём некоторые из них можно распознать только в озерных бассейнах, где стояния воды заключены между стенами из лав. Горные массивы острова окружены равнинами из красноватой земли, некогда находившейся под лесами, а ныне покрытой нивами, садами и деревьями; центр же острова занят плоскогорием в четыреста или пятьсот метров высоты, на котором сохранились ещё кое-какие остатки лесов. Гора, называемая Питон-дю-Милье (Средний Пик), высотою в 593 метра, господствующая над этим плоскогорием, не самая высокая; но, вероятно, что таковою она некогда была, так

1 L. Mahe, „Geographie medicale“.

2 Nicholas Pike, упом. соч.

3 Baissac, упом. соч.

как вершина её целиком состоит из горизонтально наслоенных базальтовых призм, и масса, послужившая для образования этих призм, излилась между стенками горы, которые разрушились и ныне уже не существуют[1]. Гора Черной Реки (825 метров), превышающая Средний Пик на 200 метров, находится в юго-западной части острова. Всего живописнее и всего причудливее по форме те горы, которые принадлежат к массиву, находящемуся по соседству с столицею. Посреди гребня высится, на-подобие пальца, горделивый утес, так и называемый утесом Большого Пальца (Rocher du Pouce), а около него виднеется обелиск Питер Бот (815 метров), увенчанный огромной шаровидной глыбой, на которую редкие путешественники и взбираются при помощи веревок и лестниц. Окружность острова обахромлена рифами и островами, между которыми виднеются узкие входные каналы в порты. Каменные породы морского образования, находящиеся вне вод, свидетельствуют о том, что между уровнями суши и океана, около берегов Маврикия, совершились изменения[2]. Островки, находящиеся по соседству с большим островом, около его северной оконечности, как-то: Круглый, Плоский, Янтарный, Прицельный, покрыты обломками, свидетельствующими о существовании в былое время в этих пространствах океана вулкана, ныне исчезнувшего[3].

Остров Маврикия, более населенный, чем остров Реюньон, беднее лесом: обезлесение там почти полное. Не видно уже тех больших лесов, которые описывал Бернарден-де-Сен-Пьерр и которые были дотого опутаны сетью лиан, что дерево, будучи спилено, ещё держалось на месте и надо было ещё перерубить связывавшие его природные веревки[4]. «Прежде мой палец был в тени, а теперь его начинает припекать солнце», говорит загадка, относящаяся к горе Большого Пальца, близ города Порт-Луи. Истребление лесов имело обычные последствия: течение рек стало неправильным, они то выходят из берегов, то почти пересыхают. По поводу совершившихся таким образом перемен в гидрологии острова Маврикия, одна из приводимых Бессаком[5] местных поговорок выражается так: «Рекам Маврикия всё неудача: во времена французов у них не было мостов, а во времена англичан нет воды». Почва гор, отвердев на солнце, стала непроницаемой для дождей, которые быстро стекают со склонов, вместо того, чтобы, как прежде, оставаться между трав и мхов, проникать в корни растений или в трещины земли, а оттуда выбиваться в виде ключей; у подошвы гор образуются временные лужи, гибельные испарения которых распространяются по окрестностям на далекое пространство. Засухи стали продолжительнее, дожди внезапнее, обильнее и неправильнее; обширные пространства земли, некогда бывшие под нивами, стали неплодородными[6].

На острове всего лишь один большой город, Порт-Луи, расположенный на восточном побережье, или «под ветром», на берегу бухты, прикрытой коралловыми рифами и защищаемой батареями и фортами; суда там мало подвергаются опасности во время циклонов; однако, в прошлом столетии на рейде случалось видеть до 34 остовов затонувших кораблей, образовавших своего рода подводные камни, вдобавок к камням, сооруженных полипами[7]. Основанный в 1735 году Магэ де ла Бурдонне, Порт-Луи заменил прежнюю гавань на юго-востоке, где ранее приставали почти все суда, и с того времени монополизировал торговлю острова. С моря город, по наружности менее английский, чем Кале и Булонь[8], представляется пышным, среди садов и пальмовых рощ, при устье Большой реки, которая змеится на юго-востоке; к востоку же от него развертывается, в виде полукруга, амфитеатр гор, над которым господствует лесистый утес Большого Пальца. Неподалеку от набережной и заливчи-

1 Richard von Drasche, „Jahrbuch der Geologischen Reishsanstalt“, 1876.
2 Darvin. „Coral-Reefs“;—Ch. Velain, „La Faune des iles St. Paul et Amsterdam“.
3 Bory de Saint-Vincent;—N. Pike, упом. соч.
4 „Voyage a l'Isle de France“.
5 H. Rodgers, „The Farmer“, 1876.
6 H. Rodgers, „The Farmer“, 1876.
7 Grant, „History of Mautitius“.
8 Darwin, „A Naturalist's voyage round the World“.

ка Тру-Фанфарон, на площади стоит, под сенью пальм, статуя Магэ, основателя Порта-Луи, и несколько красивых зданий окаймляют главные улицы; но в целом город не имеет того изящного вида, который ожидаешь найти в торговом центре Индийского океана, где скучено около семидесяти тысяч жителей. Удаление знатных и богачей на ночь за-город, на дачи, и завладение предместьями, а также и частью города, индийцами и мальгашами придают многим кварталам вид бедности и запустения. Впрочем, со времени большой эпидемии населенность Порт-Луи, действительно, уменьшилась.

Порт-Луи также потерял и некоторую часть своей торговли; замена парусов паром избавила многие суда от необходимости приставать к нему для снабжения себя провизиею, а прорытие Суэзского перешейка заставило индийскую торговлю свернуть в сторону от своего прежнего этапа на пути чрез Индийский океан. Однако, торговое движение ещё значительно на острове Маврикии, и, пропорционально, превышает торговое движение большей части стран в Европе; так, в 1886 году в Порт-Луи было ввезено товаров на сумму 59.867.420 франков, а вывезено товаров на сумму 80.958.450 франков, что составило по 380 франков на каждого жителя; затем, в порте почти всегда во множестве пребывают суда; так, например, в 1886 году в него вошло и из него вышло 922 судна, вместимостью в 692.270 тонн; правильные навигационные линии соединяют его как с Европою, чрез Суэзский канал, так и с Реюньоном и Мадагаскаром; Маскаренские острова соединены телеграфным кабелем через Сейшельские острова с Занзибаром. Сахар и ром—первые предметы вывоза, так как остров Маврикия, обладая более чем 250 сахароварнями и 40 дистилляционными заводами, производит, в среднем, от 50 до 80.000 тонн сахара и до 25.000 гектолитров рома, стоимостью, в среднем, от четырех до пяти миллионов франков; однако, вследствие нападений «белой вши» и *proceras sacchariphagus*, производство сахара значительно уменьшилось; в 1863 году оно достигало 122.432 тонн. Кукурузы и вообще «жизненных припасов» собственные хозяйства острова доставляют в недостаточных количествах, и маврикиянам приходится запасаться провизиею по большей части на Мадагаскаре: суда, называемые *bullokers*—так как они большею частию служат для перевозки крупного рогатого скота—безпрерывно снуют между Портом-Луи и Таматавою или Вохэмаром. Весь рис, употребляемый маскаренскими индийцами, ввозится из Бенгалии. Ваниль, алоэ и кокосовое масло принадлежат к числу экспортных товаров, всего более доставляющих доход плантаторам.

Железные дороги—которых в 1895 году на острове Маврикия было 169 километров—пересекают остров, соединяя Порт-Луи с главными группами плантаций и дачами. При этом, северо-восточный путь проходит километрах в десяти от жилищ сахарозаводчиков в Памплемуссе; вблизи этих жилищ находится знаменитый сад, основанный в 1768 году естествоиспытателем Пуавром, устроившим в нём также и рассадник для разводки тропических растений: этот опытный сад существует ещё и теперь, и некоторые из его аллей могут считаться одними из красивейших в свете. Памплемусс—получивший это имя от лимонного дерева, *citrus decumana*—был избран Бернарден-де-Сент-Пьером местом действия для его «Paul et Virginie», и такова сила иллюзии, вызываемой этом романом, что путешественникам показывают даже могилы обоих этих любовников. Окруженный рифами, остров Алибра—о который, по рассказу названного писателя, разбился корабль *Saint-Geran*—находится на северо-востоке от острова Маврикия.

Другая железная дорога, которая, по выходе из Порт-Луи, направляется на юго-восток, чрез Вилхемские (Wilhems) равнины, проходит мимо наибольшего числа загородных дач. Деревня Кюрепнп—расположенная почти в центре острова, на высоте 555 метров, как-раз на гребне водораздела между двумя склонами острова—превратилась в главную санаторию на Маврикие, и многие креолы, убегая от зараженного воздуха морского побережья, завели там свои жилища; вблизи деревни, на юге, находится красивый, обросший лесом кратер, имеющий в глубину около ста метров и называемый «le Trou du Cerf»; на опытной кюрепинской ферме в 1886 году произрастали двенадцать тысяч чайных деревь, доставлявших хо-

роший доход[1]. На восточном склоне, главный железный путь оканчивается в Махебурге, представляющем одну из прибрежных деревень того большого порта, который был избран первыми голландскими колонистами для якорной стоянки своих судов. Вблизи Махебурга находится утес с отверстием, чрез которое волны вылетают великолепным фонтаном в 14 метров высоты.

Управление на острове Маврикия, видоизмененное в 1884 и 1885 годах, не имеет в себе ничего демократического. Губернатор назначается короною, также как и пять членов исполнительного совета. Из двадцати семи членов законодательного совета восемь заседают в нём по своей должности, девять по назначению губернатора и десять избираются между гражданами, получающими известный доход. В делах, касающихся местных или финансовых нужд, голосование оффициальных членов не принимается во внимание, если десять избранных членов вотировали единогласно. Избирательных отделов или округов девять, при чём Порт-Луи присылает двух депутатов, а Памплемусс, Ривиер-дю-Раппар (северо-восток острова), Флак и Гран-Порт (восточный берег), Саван и Ривиер-Нуар (юго-запад острова), Плэн-Вильхемс и Мока (центральная часть Маврикия)—по одному депутату.

Армия, состоявшая в 1887 году из 443 человек, на половину содержится Великобританией. Законодательство, частию французское, частию английское,—одно из самых запутанных и позволяет вести тяжбы без конца, к великой выгоде адвокатов. По религиям, жители острова Маврикия, в 1881 году, распадались: на 244 тысячи магометан, сиваитов и т.п.; 108 тысяч католиков и 8 тысяч протестантов. Государственной религии не существует, однако, государство поддерживает субсидиями католические и епископальные церкви, и последние в большей мере, относительно их численности. Оно дает также субсидии известному числу школ, которых, впрочем, далеко недостаточно для всего числа детей; едва лишь четвертая часть их получает начальное образование. Всех начальных школ (1892 г.) 168, а число учеников—около 16.500; средних учебных заведений—2, с 514 учащихся. По религиям воспитанники начальных школ в 1887 г. распределялись следующим образом: католиков—11.793, или 75%; протестантов—732, или 5%; индусов и магометан—3.147, или 20%.

На острове Маврикия существует несколько ученых и литературных обществ, и, между прочим, общество для распространения французского языка. В Порт-Луи издается большое число газет, из которых шесть ежедневных.

Бюджет этого небольшого острова весьма значителен; в 1896 г. доходы составляли около 14.875.000 франк., а государственный долг простирался до 34.125.000 фр. Большая часть бюджета идет на удовлетворение многочисленных чиновников, которые на высших должностях почти все англичане; средние должности в большинстве случаев заняты креолами, а самые низшие индусами. Оффициальная монета—индийская рупия, составляющая одну десятую часть фунта стерлингов; с 1878 года обязательна метрическая система.

В административном отношении, от острова Маврикия зависят, за исключением Сокотры, все английские острова в Индийском океане, а в числе их также архипелаг Чагос и другие острова, географически принадлежащие к Индии.

III. Остров Реюньон или Соединения

Самый большой из Маскаренских островов, оффициально называемый «Реюньоном», но также известный и под прежним наименованием «Бурбон»—не представляет, в противоположность сравнительно плоскому острову Маврикия, обитаемых земель на всём своем протяжении. По своей географической конфигурации, представляющей скопление гор и плоскогорий с крутыми склонами, окаймленное только узкою полосою равнин и отлогих покатостей, Реюньон должен был остаться почти совершенно пустынным в своей срединной части; обитаем же он лишь на протяжении узкой полосы по своей окружности, где села и города

1 „Afrique exploree et civilisee“. Avril, 1887.

следуют непрерывным рядом, точно бусинки в ожерелье; в высокой же области холодов простираются всегда обширные пустыни. Остров сохранил свой грандиозный вид и великолепие своих горизонтов, но на нём уже не осталось тех лесов, которые спускались к самому морю и которые давали повод путешественникам называть его Эдемом[1].

Тогда как о. св. Маврикия орьентирован с северо-востока на юго-запад, главная ось Реюньона направляется с северо-запада на юго-восток, и в этом же направлении следуют одна за другой вершины его гор. Узкия, покрытые намывной землей или галькой равнины показываются при выходах из ущелий, но в других местах повсюду крутые откосы начинаются от самого берега моря, и по правильным, не имеющим уступов, склонам поднимаешься до плоскогорий, занимающих внутренность острова. В центральной части Реюньона, где размывы наименее изрыли местность, высокие равнины переходят за 1.600 метров высоты; а в некоторых местах раздельный порог между обоими склонами поднимается слишком на две тысячи метров. Там над гребнями высятся круглые или остроконечные вершины. Под самым возвышенным массивом, Салазским (Salazes),—названным так вследствие отдаленного сходства с *salazes*, т.е. деревянными вертелами, которые мальгаши употребляют для жарения мяса—господствует Снежный пик (Piton des Neiges). Каждый год, за редкими исключениями, белые линии снежных хлопьев опоясывают его конечный конус, поднимающийся над оврагами, в которые обваливаются его откосы; нынешняя высота пика равняется 3.069 метрам. Одну из северных подпорок Снежного пика составляет правильная пирамида Симандеф (т.е. «остроконечный колпак»), которая кажется самым возвышенным пунктом острова (2.226 метр.), когда его огибаешь на северо-западе между Сен-Дени и Сен-Полем[2].

Около восточной оконечности острова, приподнятые лавы образуют второй массив, вершины которого переходят за 2.300 и 2.400 метров. Внезапно почва опускается, образуя край полукруглой пропасти, называемой «Большим Огороженным местом» (Grand Enclos), оба внешних вала которого продолжаются вплоть до моря, вполне охватывая своею оградою вулкан Гран-Брюлэ. Эта стена цирка, высотою, в среднем, от 250 до 300 метров, представляющая на протяжении всей своей окружности лишь несколько оврагов, по своей удивительной правильности, может быть—единственная в мире. В общем, цирк занимает площадь не менее, как в 96 квадратных километров, а протяжение стены вокруг всего этого огороженного места достигает приблизительно 47 километров. Вероятно, эта «Ограда», некогда кругообразная, заключала в себе, как Килауэа на Гавайи, озеро расплавленных и кипящих веществ: затем восточная стена этого громадного кратера была разрушена потоками, встретившими с этой стороны наименьшее сопротивление[3]. Возможно, что бывали также провалы над внутренними пустотами, оставленными извержениями: к западу от «Большой Ограды» также видны длинные валы, происшедшие, повидимому, вследствие оседания смежной с ними земли; наконец, вокруг центрального кратера, внутри описанной первой ограды, уже несколько лет, как образуется новое «огороженное место»[4].

Клокотание лав, трещины в почве и извержения часто изменяют наружный вид вулкана, и действующие кратеры, как это уже констатировали Гюбер и Бори де-Сен-Венсен, часто меняли свое место. Ныне самый высокий кратер или «пик Бори» (2.624 метра)—не тот, который остался в сообщении с очагом расплавленных веществ: это—чаша с отвердевшим дном, с ободом приблизительно в шестьсот метров. Очаг извержения, называемый «Кратером Доломье» или «пиком Фурнез», который образовался в 1791 году[5] на сотню метров ниже большого кратера; он оканчивается отверстием в четыреста или пятьсот метров в окружности; из этого отверстия постоянно подымаются пары, а если наклониться над его окраиною, то видна огромная поверхность расплавленных камней, которая, соприкасаясь с воздухом,

1 Dapper, „Description de l'Afrique";—Bory de Saint-Vincent, упом. соч.
2 Maillard, „Notes sur l'ile de la Reunion".
3 Bury de Saint Vincent, упом. соч.;—Richard von Drasche, упом. соч.
4 E. Trouette, рукописная заметка.
5 Бумаги Joseph'a Hubert'a;—E. Trouette, рукописные заметки.

покрывается бурым слоем, разломанным на многоугольные пластинки пробившеюся, красною и клокочущею лавою. Извержения часты: в конце прошлого века, они случались «по крайней мере два раза в год»[1]; с 1800 по 1860 годы, Майлар насчитывает их около двадцати, т.е. по одному в каждые три года, и некоторые из этих потоков лавы были весьма обильны: так, лава, начавшая в 1862 году изливаться на высоте двух третей кратера Гран-Брюлэ, достигала до моря, на берегу которого и образовала небольшой полуостров. Иногда излияния лавы сопровождались дождями из пепла и других различных веществ, между прочим, тех, похожих на обсидиан, нитей, которые гавайские островитяне называют «волосами богини Пеле»[2]; Бори-де-Сен-Венсен видел, как целое облако их обволакивало вершину вулкана. Во многих местах на Гран-Брюле, своды из отвердевших шлаков покрывают пустые галлереи, по которым некогда текла ещё жидкая лава; таким образом, переход через откосы вулкана не безопасен: падение какого-нибудь сломавшагося купола может увлечь и путешественника в пропасть. С моря Гран-Брюле не кажется таким угрюмым, как можно предположить на основании его наименования. Посреди шлаков рассеяны островки лесов, пощаженные каменными потоками; кустарники, папоротники, кое-где даже уединенные деревья виднеются на древних лавах; даже недавние потоки лавы одеты мхом; растительность стремится повсюду вновь завоевать пространство, из которого её удалил огонь. Следы поднятия поверхности острова, до высоты 80 метров, констатированы на юго-западных берегах Реюньона, где старые коралловые пляжи виднеются над полипняками нынешнего побережья. Рифы, совершенно окружающие остров Маврикия, довольно редки около берегов его острова-брата, что объясняется быстрым увеличением глубины окружающих его морей[3].

Уже столь замечательный своим вулканом, остров Реюньон представляет, кроме того, одну из самых интересных земель Океана по огромным циркам, вырытым там дождевыми водами. В западной части острова образовались три таких громадного размера воронок, отделенных одна от другой узкими гребнями, с которых гравий в изобилии скатывается на оба их склона. В центре расхождения этих трех пропастей, расположенных в форме трилистника, возвышается пирамидальный холм Гро-Морн, составляющий подпору Снежному Пику. На юго-востоке находится пропасть Цилаос, где соединяются бесчисленные овраги, оканчивающиеся у реки Сент-Этьень; на северо-западе к Цилаосу примыкает другой глубокий цирк, Мафат, дающий начало речке Галет; наконец, на северо-востоке находится цирк Салази, по дну которого извиваются потоки, своим слиянием образующие речку Ма. Процесс размывания, однако, не выровнял равномерно эти глубокия котловины: между различными потоками тянутся высокие хребты, а в центре изрытых равнин возвышаются даже уединенные горы, как, напр., Питон д'Аншейн, прозванный так по имени одного белого негра, проживавшего на нём четырнадцать лет; несколько небольших озер, или, вернее, луж, наполняют впадины выше этих обвалов. Кроме того, у каждого из трех цирков есть по теплому источнику, при чём в цирке Цилаос такой ключ бьет несколькими струями, которые разбегаются в разные стороны и придают ручьям температуру более высокую, чем температура окружающего воздуха. Источник цирка Салази посещается более всего; источник цирка Мафат, весьма богатый серою, целебнее остальных, хотя по трудности к нему доступа посещается реже; Цилаоский же источник—всех изобильнее: вместе со всеми своими маленькими притоками, он образует настоящий ручеек, дающий три литра в секунду, и желающему выкупаться стоит только вырыть яму в песке и подождать, пока она наполнится водою.

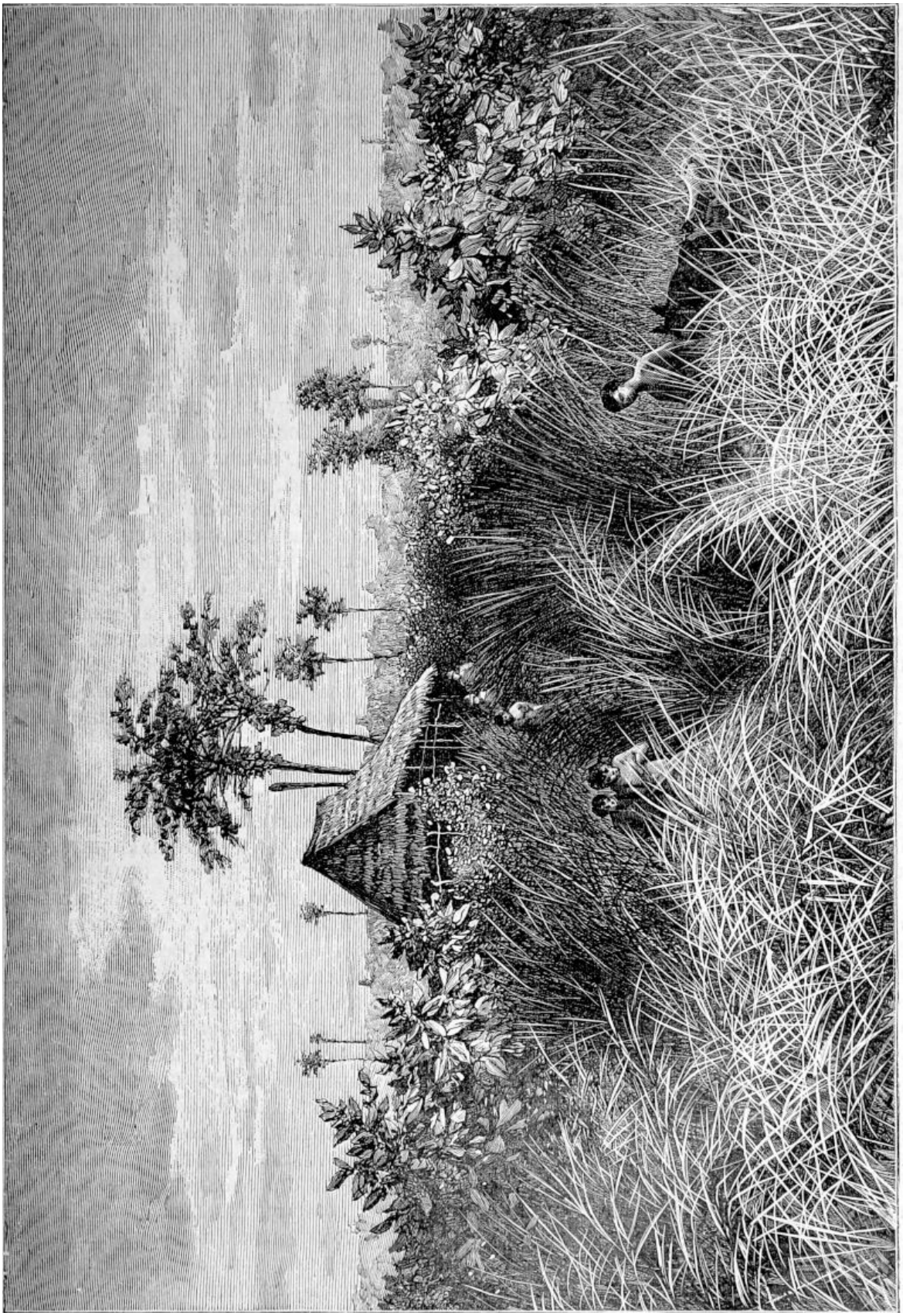
По расположению своих бассейнов, реки Реюньона, питаемые на наветренной стороне обильными ливнями, а на подветренной стороне—гораздо менее сильными дождями, могут быть рассматриваемы как представляющие тип альпийских потоков, т.е. разрушающих в своих верховьях и созидающих в низовьях. В верхней части бассейна, каждый ручеек размывает и разрывает почву; затем, по выходе из цирка, соединясь в один канал, воды прони-

1 Bory de Saint-Vincent, упом. соч.

2 Reshon, „Voyage a Madagascar“;—Bory de Saint-Vincent, упом. соч.

3 Richard von Drasche, упом. соч.

кают в узкую клюзу, а вблизи моря разливаются по широкому галечному полю, на котором и накапливаются все приносимые ими обломки с гор. О силе размыва этих потоков можно судить по обширности той выемки, которую представляет каждый цирк в толще плоского-



Суматра.—Травяныя заросли въ Дэли.

рий: цирк Салази потерял, благодаря действию вод, массу земли, равную по крайней мере восьмидесяти тысячам миллионов метров, т.е. восьмидесяти кубическим километрам. Так как эта сила размывания может только увеличиться вследствие обезлесения гор, то можно

сказать, что сам человек трудится над превращением своего столь плодородного острова в голую скалу. Растительная земля со склонов гор и возвышенных земель уносится в море, и иногда сразу обрушиваются целые стены обломков: подмытые дождями откосы из выкинутого, при прежних извержениях вулкана, пепла оседают всей массой. В 1875 г., один только поток этих вулканических выкидок, обрушившийся на деревушку Гран-Сабль, покрыл пространство в полтораста гектаров слоем от 40 до 60 метров толщины.

Невысокий бамбук (*bambusa alpina*), известный под именем «calumet»[1], образует на боку гор пояс растительности, заключенный в довольно точных пределах, от 1.400 до 1.500 метров, так что креолы и пользуются им для определения высоты местоположения. Охотник, напр., чтобы объяснить, до какой высоты он поднимался, говорит, что через столько-то часов и минут он был «над» или «под calumets». Выше же calumets, плоскогория и вершины отчасти покрыты амбавиллями (*huberlia*), большими кустарниками с узловатыми и сучковатыми стволами, которые делятся на множество гладких ветвей с щитками желтых цветов.

Также как на острове Маврикия, и на о. Соединения главными отраслями промышленности являются возделывание сахарного тростника и фабрикация сахара и рома. Хотя возможно, что сахарный тростник был растением туземным, однако, в больших количествах его стали разводить только со времени восстановления мира после войн империи; он мало-помалу заменил все остальные из возделываемых растений на морском побережье вплоть до высоты 800 до 1.000 метров[2]; впрочем, годовое производство, некогда достигавшее шестидесяти тысяч тонн, ныне колеблется всего лишь между тридцатью и сорока тысячами тонн: дороговизна рабочих рук, болезни тростника и соперничество свекловичного сахара препятствуют процветанию на Реюньоне сахароварения, и многие сахарные заводы уже взята заимодавцами. В прошлом столетии, кофе было главным товаром, вывозимым с острова Бурбона, при чём был даже найден и туземный вид кофейного дерева (coffea mauriciana); но в наши дни кофейные плантации почти совершенно покинуты и заменены плантациями сахарного тростника; исключением в этом отношении являются только высоты в Сен-Лё и Сен-Пьере, где культура кофейного дерева ещё сохранилась в значительных размерах[3]; при том и самый продукт кофейных плантаций Салазии ценится не высоко. Гвоздичник, который, как некогда полагали, должен был обогатить Бурбон, перестали возделывать после того, как прекратилось применение гвоздичного масла в красильном производстве. Но ваниль, которую одному из реюньонских негров удалось искусственно оплодотворить, стала одним из главных предметов вывоза; в 1887 году, производство её на острове Реюньоне достигало приблизительно семидесяти пяти тысяч килограммов, превосходя производство всякой другой страны и будучи достаточным для удовлетворения потребности целой Европы[4]. Хлопчатник не возделывается, а дороговизна рук препятствует разведению в Салазии и в Сен-Лё чайного куста, лист которого, будучи вначале несколько резкого вкуса, кончает тем, как говорят, что приобретает чрезвычайно тонкий аромат. Ботаники поговаривали также о введении в садах орхидеи фагам (epidendron oratum), растения, произрастающего дико в горах Реюньона и весьма пригодного для замены чайного куста. Равным образом делали попытки разводить и виноград, но без успеха. Наконец, Винсон ввел и акклиматизовал хинное дерево на острове Реюньоне, именно в цирке Салази; семена и растения, разосланные им по разным частям острова, позволили завести рассадники хинного дерева, и в 1888 году лесное управление уже насчитывало 26.700 хорошо прижившихся экземпляров; пользование хинною корою уже началось. Это драгоценное дерево ещё и тем полезно, что оно способствует восстановлению лесов и замедляет, таким образом, превращение дождями в овраги склонов гор. Равным образом, для оздоровления воздуха и предотвращения перемежающихся лихо-

1 „Calumet“—народное название в Америке многих растений, из стволов которых приготовляют чубуки курительных трубок. („Littre et Baujean“). *Перев.*

2 Maillard, упом. соч.

3 E. Trouette, рукописные заметки.

4 „Journal Madagascar“, novembre 1887.

радок, заведены также и эвкалиптовые плантации.

Как и на острове-брате, т.е, на Маврикии, обработка земли, почти исключительно под промышленные растения, повела к большому оскудению в растениях питательных, и, несмотря на плодородие почвы, уже чувствуется недостаток в зерновом хлебе, плодах и овощах. В высоких долинах внутри острова, где в особенности возделывают растения европейского происхождения, земледельческое население ещё далеко недостаточно для получения в значительном количестве необходимых питательных растений; равным образом недостаточны и пастбища на так называемой «кафрской равнине» для выращивания того количества домашних животных, которое необходимо для прокормления ста семидесяти тысяч жителей острова: поэтому, большую долю потребного числа быков, свиней и домашней птицы приходится привозить с «Большой земли», т.е. с Мадагаскара; почти весь рис привозится из Бенгалии. По данным Блонделля[1], в 1886 г., на Реюньоне было возделываемой земли: под сахарным тростником—34.500 гект.; под кофейными плантациями—4.350 гект.; под ванильными—3.300 гект.; под питательными растениями—9.400 гект.; под остальными растениями—8.450 гект.

Предположено было вырыть такой круговой канал, который огибал бы откосы гор острова на высоте приблизительно тысячи метров и который, позволяя по произволу орошать местности на нижних склонах, увеличил бы чрез это производство хлебных растений. В этом роде канал уже существует над Сен-Пьером, в южной части острова, но идущие от него оросительные канавки служат по преимуществу для питания тех промышленных растений, которые возделываются крупными собственниками. Остров Реюньон—не страна мелкой поземельной собственности, несмотря на легкость, с которой земледельцы могли бы проживать в довольстве даже и на малом клочке земли. Там создались уже обширные вотчины, в особенности после расширения культуры сахарного тростника; так, наприм., известна одна община, Сен-Филипп, где три четверти земли прибрали к своим рукам всего два человека. Число «мелких белых», устраненных от обладания земельной собственностью, весьма значительно; независимая жизнь становится дли них всё труднее и труднее, и им приходится скучиваться в городах для увеличения числа паразитов. Наконец, на пользу вотчинных концессионеров послужила и географическая конфигурация острова; именно, участки ограничивались только с трех сторон: спереди морем, а с боков двумя параллельными оврагами; сзади же, с четвертой стороны, они могли распространяться с откоса на откос вплоть до общего раздельного гребня между обоими склонами острова, на запад и на восток. При наследовании, поземельная собственность делилась вдоль, от моря к горе, и такое раздробленное имение в конце концов представляло ряд полос, имеющих метров двадцать в ширину и несколько лье в длину[2]. Для пользования же своим полем от одного конца до другого, каждому собственнику приходилось бы проводить длинную, в виде снура, дорогу, которая и заняла бы почти весь принадлежащий ему участок. Такой способ деления земли натурально должен был порождать бесконечные распри, и процессы оканчивались торжеством сильного над слабым, владение которого и исчезало; вследствие этого, поглощения крупными собственниками могла избежать только несколько, так сказать, «островочков» (*ilettes*) в верховых долинах, благодаря тому, что эти участки хорошо отграничены оврагами.

Мануфактурная промышленность почти не существует на Реюньоне, так как жителям его нет никакого рассчета платить дорого за те предметы местного изделия, которые лучше и дешевле можно купить при доставлении их из Франции; из Европы привозят даже известь и кирпичи для построек; не пользуются также и теми неистощимыми слоями титанистого железа, которое волны отлагают на пляжи Сен-Лё, хотя эти пески и содержат, в среднем, более 50 процентов чистого металла. Мастеровые занимаются обыкновенно лишь теми ремеслами, произведения которого могут найти сбыт либо для местного потребления, либо требуются при производстве сахара: так, сотнями тысяч ткут из волос pandanus vacoa мешки для пере-

1 Blondell, „Ile de la Reunion. Societe de Geographie“, 6 avril, 1888.

2 Thomas;—Maillard, упом. соч.

возки сахара. В торговых городах несколько судостроителей занимаются починкою судов и даже постройкой лодок и другого рода судов. Реюньон обладает своим небольшим торговым флотом, суда которого изготовляются на местных верфях, и экипаж которого набирается из местных моряков. Однако, почти вся внешняя торговля острова производится при посредстве французских судов, и в особенности тех пакетботов, которые совершают правильные рейсы по направлению к Мадагаскару. В 1893 году, на Реюньоне торговое движение, в общем, достигало суммы около 36 миллионов франков, из которых на долю ввоза приходилось 21 776.000, а на долю вывоза 15.719.000 франков.

Нынешняя столица Сен-Дени, не самое давнее поселение французских колонистов: прибывшие из форта Дофина пионеры произвели первые разделки нови в Сен-Поле, на запад от большой кручи, которая образует северо-западную часть острова. Сен-Дени, прорезанный правильными улицами, представляет красивый город, имеющий тысяч сорок жителей и построенный в самом северном углу острова Реюньона, между двумя речками. В качестве столицы он обладает главными зданиями колонии, каковы: дворец губернатора, ратуша, монументальные казармы, госпиталь, лицей, другие главные училища и музей. Подобно Порт-Луи, и он воздвиг статую Магэ-де-ла-Бурдоннэ; прекрасный ботанический сад занимает обширное пространство в центре города.

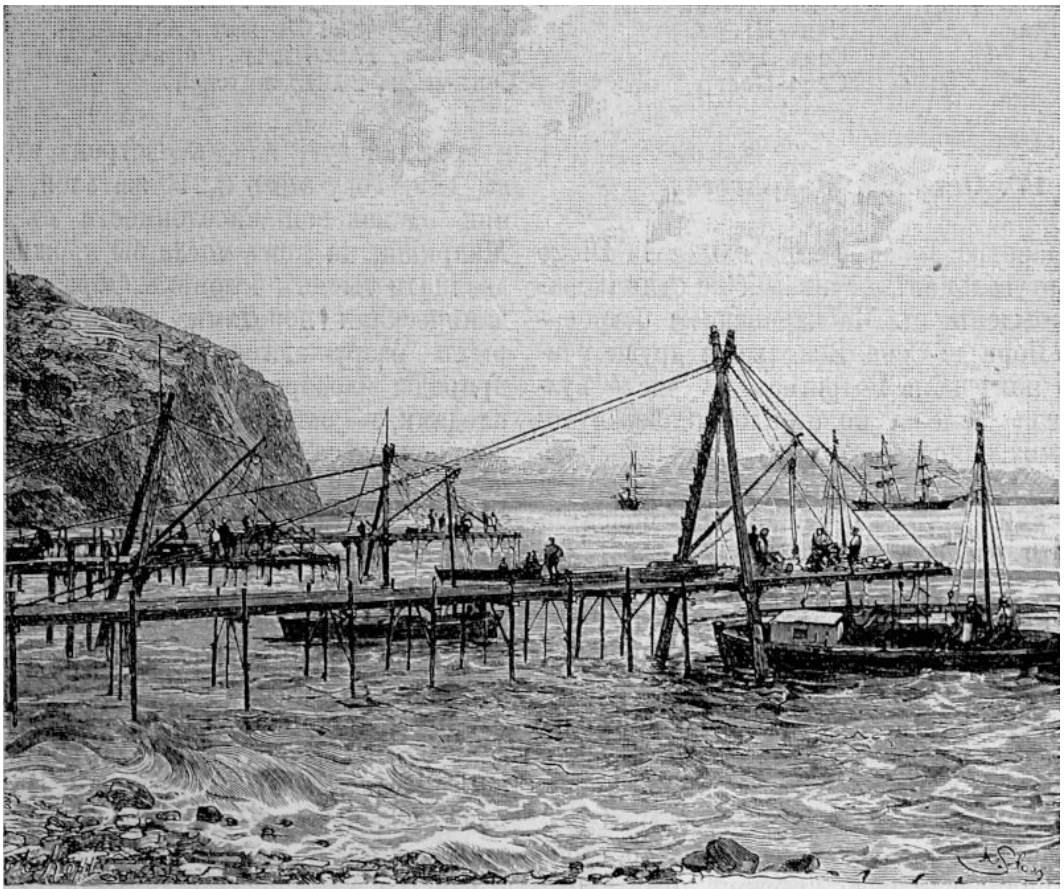
Сен-Дени, выстроенный на наветренной стороне острова, на берегу, выставленном действию атмосферных течений с востока и с юго-востока, занимает одно из таких мест на Реюньоне, которым всего более угрожают циклоны. Как только покажутся предвестники урагана, корабли должны тотчас же уходить в открытое море; часто экипаж даже не тратит времени на выбирание якоря, а просто перерубает якорную цепь; также и в случае, если капитан судна на берегу и уже не может, за предшествующей циклону толчеей высоких вод, добраться до борта своего судна, то оно уходит в море и без него. Маленький порт, так называемый barachois, устроен на северной стороне Сен-Дени и защищен прочным и красивым молом. Однако, город всё-таки ведет кое-какую торговлю; в 1886 году было в приходе восемьдесят судов, взявших груза около двадцати четырех с половиною тысяч тонн, в том числе около двадцати тысяч тонн сахара

Так как главный город для своей торговли имеет лишь опасный рейд, то острову пришлось обзаводиться хорошим портом. До недавнего времени наименее опасной пристанью было, на западном берегу, местечко Сен-Поль, расположенное в 46 километрах от Сен-Дени, «под ветром», на берегу полукруглой бухты, защищенной с севера треугольным полуостровом Пуант-де-Галет, куда гальки приносятся речкой того же имени. Но пристань Сен-Поля, лежащего к тому же на низменной земле, окаймленной с северо-востока тинистой лагуной, не представляет удобств для торговли, и очень часто воды рейда взволновываются боковой струей пассата. Вследствие круговорота, которому дали наименование «circumtraction», пассат, ударившись о восточные берега, поворачивает назад вдоль западного побережья, дуя с юга на север, затем с юго-запада: в Сен-Поле его называют «ветром из Сен-Жилля», по имени расположенной южнее деревни с морскими купальнями. К северу от Сен-Поля, под защитой мола Пуант-де-Галет, и вырыли новый порт-убежище. Бассейн, устроенный с большими издержками (около 57 миллионов франков) и при гарантии со стороны метрополии, может принимать суда с значительной осадкой; занимаемое им пространство, не принимая в рассчет элингов, равняется шестнадцати гектарам, при глубине в восемь метров. Галетский порт хорошо расположен как в отношении торговли, так и в отношении мореплавания, находясь в центре производительности острова, под ветром и в такой местности, куда циклоны достигают позже всего[1]; образовавшийся на этом участке берега мыс Пуант-де-Галет и свидетельствует, что воздушные течения уравновешиваются там всего лучше. На оконечности молов, устои, выдвинутые в море, достигают веса в сто-двадцать тонн.

По направлению к югу от Сен-Поля последовательно встречаем: незначительное местечко Сен-Лё и города Сен-Луи и Сен-Пьер. Этот последний некогда был известен под именем

1 Blondel. „Bulletin de la Societe de Geographie", 1888.

«Riviere d'Abord», по имени часто пересыхающей реки, протекающей к востоку от города. Чистый и красивый, правильно построенный, изобилующий тенью и пресной водой, Сен-Пьер съумел в течение тридцати лет труда над собой превратиться из негостеприимного берега, на который набегали буруны, в хороший порт; вход в него, защищенный волнорезами от юго-восточных ветров, имеет 15 метров глубины; пять или шесть судов среднего водоизмещения могут стать там на якорь на глубинах 7 и 8 метров, а когда работы будут окончены, то найдется место и для двадцати кораблей; в 1887 году в порт заходило более 160 судов. Обзаведясь надежным портом, столь драгоценным в этих морях, посещаемых циклонами, Сен-Пьер приобрел в хозяйстве острова существенное значение, портовые приспособления завершены устройством сухого дока[1]. В Сен-Пьере находится конечная станция береговой железной дороги, описывающей кривую линию длиною в 124 километра, которая опоясывает половину острова, соединяя Сен-Поль, порты де-Галет и Сен-Дени, и простираясь до местечка Сен-Бенуа. Этот путь чрезвычайно изобилует искусственными сооружениями: мостами,



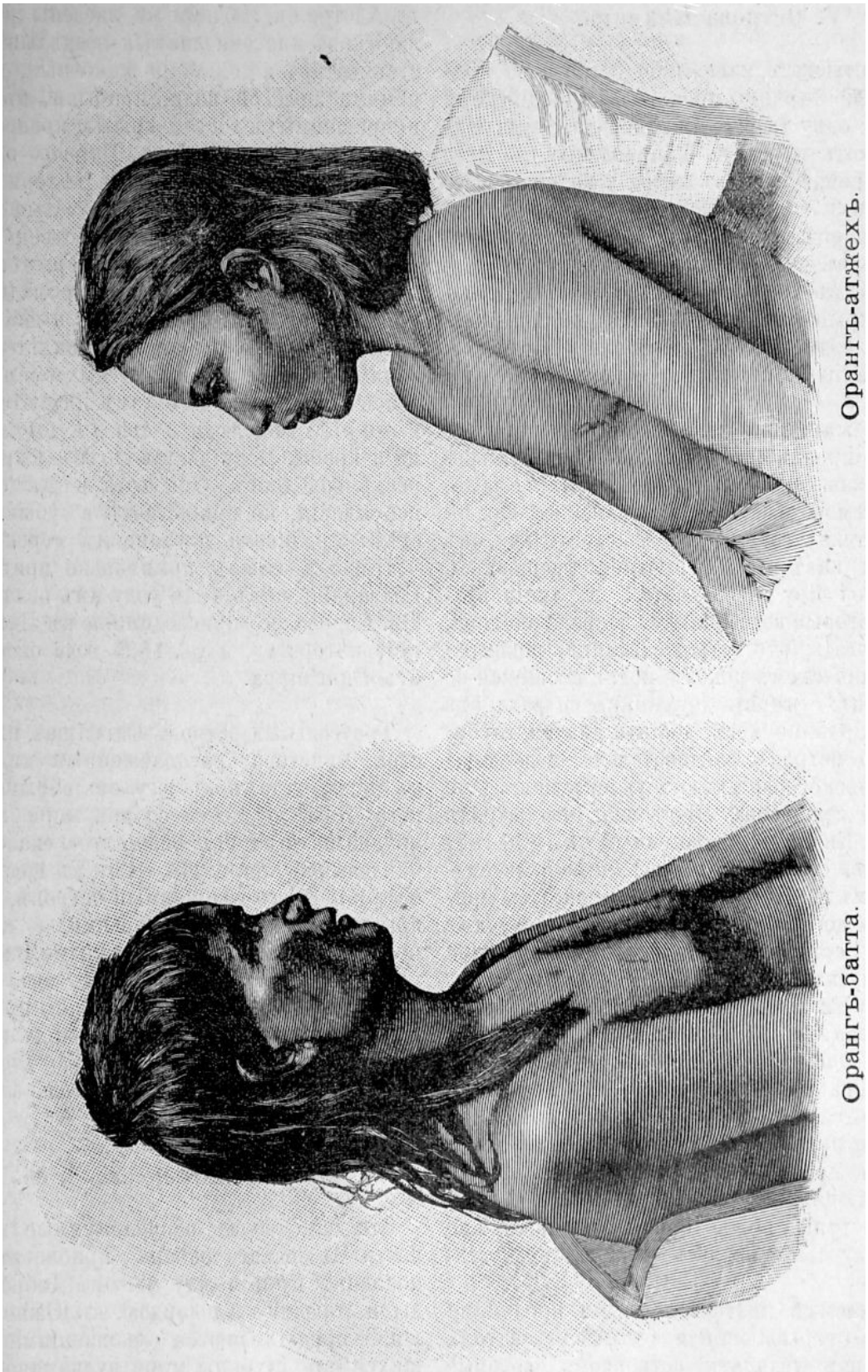
Морская пристань въ Сенъ-Дени.

насыпями и туннелями; к западу от Сен-Дени, вследствие необходимости обойти крутой утес из застывшей лавы, метров сто в высоту, потребовался целый ряд искусственных карнизов и подземных галерей.

Деревни Сен-Жозеф и Сен-Филипп, на южном берегу, не настолько значительны, чтобы стоило продолжать береговую железную дорогу также и по их территории. За ними застывшие потоки лавы, излившейся из Гран-Брюле и из вулканов, прерывают полосу жилищ и полей. Сент-Роз, чрез которую проходит большая дорога по берегу моря, обладает, подобно южным деревням, лишь небольшим населением. За нею следует Сен-Бенуа, который может претендовать на звание города, и в котором красивый мост перекинут чрез речку Дельфинов; плантации в этой части побережья служили опытным садом для остального острова. Железная дорога из Сен-Бенуа проходит чрез Бра-Панон,—одну из редких на острове деревень, которая, судя по наименованию, не состоит под покровительством какого-либо святого,

1 E. Trouette, рукописные заметки.

—затем, под длинной улицей Сент-Андрэ и, чрез общины Сент-Сюзанн и Сент-Мари, достигает Сен-Дени. Большая грунтовая дорога, опоясывающая весь остров своей извилистой лентой, имеет в длину 232 километра. Над этой «низовой» дорогой проходит, на высоте от



500 до 800 метр., другая, ещё неоконченная, обводная дорога. С берега моря к внутренним бассейнам ведет несколько дорог, подымающихся в гору, а так-называемая равнинная дорога, пересекающая «равнину» или «кафрское плоскогорие» напрямик от Сен-Пьера к Сен-Бенуа, перерезает раздельный порог между обоими склонами острова на высоте более, чем

1.600 метров. Протяжение всех общественных дорог на Реюньоне в 1884 году было 514 километров. Прирост населения, а часто также и любовь к свободе, побуждали население тянуться с морского побережья на высоты.

В узкой долине Мафат, т.е. «воды, которая убивает»—прозванной так мальгашскими неграми из-за дурного запаха от сернистого её источника—находится, на высоте 1.500 метров, как раз под мощным массивом Гро-Морн, чрезвычайно плодородное плоскогорие, на которое недавно ещё можно было всходить лишь при посредстве лестницы. Эта трудно доступная терраса, называемая «Новой», занята, с 1848 года, колонией «мелких» белых людей, бежавших с своим домашним скотом в горы, чтобы избавиться от унижения быть снабженными полицейскими книжками, и твердо решившихся до тех пор не платить налогов, «пока губернатор острова не подъедет к их домам в карете». Цирки Салази и Силаос также заселились, вначале беглыми неграми, которые потом спустились обратно, а затем и оседлыми земледельцами; теперь приезжают туда также и больные лечиться теплыми водами.

В Салази, находящийся на высоте 872 метров, ведет отличная дорога, направляющаяся от Сент-Андрэ в ущелья Мачтовой реки. Цирк этот представляет теперь главную военную и гражданскую санаторию острова Реюньона. К югу от Силаоса, раскинулась на высокой террасе, между двумя глубокими оврагами, деревня Антр-Дё.

Остров Реюньон имеет своими представителями во Франции одного сенатора и двух депутатов. Местное управление вверено губернатору, зависящему от морского министерства. При нём состоит особый совет, в котором заседают начальники административных ведомств и двое нотаблей; общий совет из 36 членов избирается кантонами. Ведение судебных дед поручено генерал-прокурору. Метрополия дает ежегодную субсидию на содержание чиновников и гарнизонных войск (обыкновенно от 300 до 400 человек), но прямые и косвенные налоги достаточны для покрытия довольно значительного местного бюджета, достигающего до 4.900.000 франков: ими оплачиваются все общественные работы, а также издержки по народному образованию, сравнительно весьма развитому между белыми и цветнокожими. В лицее Сен-Дени 400 учеников, а в семи средних и в 157 начальных училищах (из которых 110 светских, а 47 церковных) около 11.000 учащихся. Немногочисленное ополчение обучается редко; но в военное время или в минуту общественной опасности, оно собиралось всегда очень быстро. В прошлом столетии роты волонтеров с Реюньона служили в Индии, а недавно ещё несколько сот реюньонских ополченцев принимало участие в оккупации Мадагаскарских портов.

Остров делится на кантоны, подразделяющиеся, в свою очередь, на общины, населенность которых в перепись 1887 года показана не везде в отдельности. Из нижеследующей таблицы видно, что в пяти из этих общин было более десяти тысяч жителей.

	Кантоны	Общины
Часть острова надветренная	Сен-Дени	Сен-Дени, 36.000 жителей
	Сент-Сюзанн	Сент-Мари, Сент-Сюзанн
	Сент-Андрэ	Сент-Андрэ, Бра-Панон, Салази
	Сен-Бенуа	Сен-Бенуа, 11.337 жител., Сент-Роз, Плень-де-Пальмист
Часть острова подветренная	Сен-Жозеф	Сен-Жозеф, Сен-Филипп
	Сен-Пьер	Сен-Пьер, 24.678 жит., Антр-Дё
	Сен-Луи	Сен-Луи, 17.866 жит., Сен-Лё
	Сен-Поль	Сен-Поль, 26.673 жителей

IV. Остров Родригес

В недавнюю эпоху, Родригес—la Diogo Raisy португальцев—считался не одинакового происхождения с Маскаренскими островами. Хотя Бори-де-Сен-Венсан и другие ученые уже помещали Родригес в число вулканических земель, но стоило одному путешественнику описать его как массу красного и серого гранита, покрытую песчаниками и известняками[1], и

1 Higgins, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1849.

этого ошибочного описания было достаточно, чтобы усмотреть там остаток «Лемурскаго» материка. На самом деле, остров Родригес состоит не из гранитных пород. Подобно Реюньону и Маврикию, он представляет собою груду лав, изверженных из недр моря. На нём встречаются величественные базальтовые колоннады, между прочим, колоннада Мон-Тоннера, горы «Грома», которая представляет собою холм, возвышающийся на северном склоне острова над Устричною речкою: стержни гигантских колонн превышают там шестьдесят метров[1]. Вулканический остров Родригес продолжается в море пещеристыми каменистыми плато из рифов, которые более чем удвоивают его поверхность и оставляют для прохода судов лишь узкие и опасные каналы. Но в окрестных морях нечего бояться бурь: юго-восточные ветры дуют с большою правильностью, а самый остров слишком мал, чтобы его побережья могли окаймляться изменчивыми бризами.

В административном отношении Родригес зависит от острова Маврикия и управляется коммиссаром, совмещающим в себе военную и гражданскую власть. Остров этот имел в 1892 году всего 2.210 жителей, тогда как, при одинаковой населенности с островом Маврикия, на нём могли бы проживать более двадцати тысяч человек. Образованный вулканическими породами, верхние пласты которых разрушаются и выветриваются, от природы плодородный, изобилующий водою и плодами,—остров Родригес был некогда покрыт лесами, которые теперь истреблены пожарами: на месте их виднеются лишь кусты, да кое-где купы панданов «вакоа». Остров но заслуживает уже более данного ему в конце семнадцатого века Легюатом названия «земного рая»; однако, он легко мог бы прокормить несравненно более густое население. Его продукты: фасоль, кукуруза, плоды, рыба и домашний скот, в значительном количестве вывозятся на остров Маврикия из небольшой северной гавани, Порта-Матюрена; вообще с Родригеса вывозится много продовольствия для маврикийских рабочих. Черепахи, в начале восемнадцатого столетия водившиеся в изобилии на отмелях Родригеса, исчезли совершенно. Одно время на этот остров смотрели как на «неистощимую кладовую для провизии», из которой и черпали без всякой меры. Так, в 1760—61 году, четыре небольшие суда, занимавшиеся доставкой жизненных припасов, привезли в течение полутора года с Родригеса на Иль-де-Франс тридцать тысяч черепах.

Уже неоднократно посещавшийся португальцами и голландцами, Родригес получил первого оседлого поселенца в лице укрывшагося там протестанта Ле-Гюа, который с семью товарищами пробыл там более двух лет, с 1691 по 1693 год. Во время рабства, на родригесских плантациях работало много негров, но, после освобождения, большинство их покинули этот остров, отстоящий от Маврикия на 638 километров, и отправились в центр цивилизации на Индийском океане—в Порт-Луи. В 1813 г. на Родригесе было не более 250 жителей. Теперь он снова заселяется, преимущественно чернокожими, которые занимаются разделкою нови по косогорам и холмам. На острове только и есть две деревни: гавань—Порт-Матюрен и Габриель—внутри острова, близ самой возвышенной его горы, Лимон, достигающей высоты около 400 метров. На южном склоне Родригеса встречаются, на различных высотах, полосы прежнего кораллового прибрежья, изобилующие пещерами: в одном из таких гротов нашли кости *pezophaps*'а (отшельника) и других птиц, принадлежавших к исчезнувшим видам.

Во время Наполеонских войн, Родригес имел весьма важное стратегическое значение. Овладев без особого труда Родригесом и организовав экспедиции в Индию, англичане обратили этот остров в сборный пункт для подготовления нападений на остров Маврикия, а также устроили там и госпитали для раненых.

V. Острова Килинг

Чтобы отыскать какие-либо острова за Родригесом, необходимо проплыть по Индийскому океану не одну тысячу километров; суда должны держать курс по направлению к Яве, и тогда, пройдя против ветра и волнения расстояние в 3.700 километров, можно достигнуть, наконец, архипелага Килинг, названного так в честь англичанина, который открыл его, в

1 Wharton, „Hydrographic office“,1876;—Behm, „Petermann's Mittheilungen”. 1880.

1609 году. Кокосовые рощи, которые покрывают своею зеленью выступившие из-под воды пляжи, доставили ему также наименование Кокосовых островов (*Cocos Islands*).

Хотя лежащий в тысяче километров от Зондского пролива, архипелаг Килинг, вероятно, обязан происхождением тем же колебаниям земли, которые проявились в образовании азиатских островов. Действительно, он находится как-раз напротив расщелины, отделяющей Яву от Суматры, на линии вулканов, которые возвышаются посреди пролива. Надо полагать, что острова Килинг покоятся на вулканическом цоколе, поднимающемся со дна пучин; уже в двух километрах от них, Фицрой не мог достать дна на глубине 2.195 метров; следовательно, подводные откосы плоскогорья имеют уклон никак не менее 45 градусов. Известно, что атолл островов Килинг, посещенный в 1836 году Дарвином, стал в географической литературе одним из чаще всего приводимых примеров в доказательство предложенной этим великим естествоиспытателем остроумной теории опусканий и поднятий морского дна. Островки Килинг, именно, должны были бы иметь характер зубцов высокой коралловой башни, медленно воздвигаемой полипами по мере того, как подножие её всё глубже и глубже спускается под воду[1]. Однако, со времени начертания первой карты острова, наблюдались как-раз противуположные явления; пляжи местами поднялись, входные каналы закрылись, и лагуны, по которым первоначально плавали суда, сделались теперь недоступными[2].

Прерываемый многочисленными проломами и широко открывающийся с севера, атолл состоит из двадцати островков, которые имеют продолговатую форму и занимают, при высокой воде, пространство в шестнадцать квадратных километров. На них нет никакой самородной растительности, кроме кокосовых пальм и приблизительно тридцати других видов деревьев и трав, семена которых были принесены волнами, описав, вместе с течением, большой крюк, от Явы к Австралии. Людьми же ввезены в архипелаг как многочисленные возделываемые растения, так и домашния животные, при чём, помимо людской воли, прибыли, в качестве непрошенных гостей, крысы, превратившиеся там в страшный бич. Первого основавшагося на островах Килинга колониста, Гера, сопровождала сотня рабов. Ныне архипелаг—большая плантация, собственник которой, он же и губернатор, держит пятьсот малайцев для эксплоатации громадной пальмовой рощи. Красивая осанка и значительная физическая сила колонистов свидетельствуют о замечательно благоприятных санитарных условиях атолла. Все там питаются кокосовыми орехами: люди и свиньи, домашняя птица и крабы. Воду достают из вырытых в песке колодцев. Она хотя и дождевого происхождения, но прибывает и убывает вместе с приливом и отливом морских вод.

Некогда атолл номинально принадлежал Голландии; но в 1856 году им овладела Англия. Сперва его присоединили к Цейлонскому губернаторству, а с 1886 года он зависит от Сингапура.

Треугольный остров Christmas, или Рождества Христова, расположенный километрах в четырехстах к югу от обрывистого берега Явы, выдается со дна моря на-подобие архипелага Килинг; между этою скалою и Явой найдена глубина более, чем в шесть тысяч метров. Этот уединенный остров, также покрытый кокосовыми деревьями,—не атолл; но, будучи окаймлен подводными рифами почти на всей своей окружности, он целиком состоит из извести кораллового происхождения. Три линии пляжей, на уровнях в 13 метров, в 43 метра и 52 метра, повидимому, указывают на три последовательных поднятия суши[3].

VI. Острова Амстердам и св. Павла

Эти два острова, расположенные в южной части Индийского океана, приблизительно на

1 „A Naturalist's Voyage round the World".
2 Henry O. Forbes, „Proceedings of the R. Geographical Society". December, 1879.
3 Lister, „Nature", December 29, 1887.

половине пути между мысом Доброй Надежды и городом Аделаидою, в Южной Австралии,—представляются скоплениями поднявшихся из глубины моря вулканических пород, и по своему происхождению не находятся ни в какой связи с другими островами: ни растения, ни животные, ни ископаемые останки не свидетельствуют о том, чтоб эти груды лав когда-либо соединялись с Маскеренскими островами или с Мадагаскаром; менее чем в восьми километрах от острова Св. Павла, уже находит глубину в 2.430 метров,—до того подводные его откосы круты. Оба острова, хотя в возвышают свои кручи на расстояния всего лишь 79 килом. друг от друга, весьма различаются один от другого составом горных пород и, вероятно, тоже никогда не соединялись[1]. В политическом отношении их считали принадлежащими Великобритании: однако, рыбаки с Реюньона часто обращали их в французские острова[2], а в 1843 году одна торговая компания высадила даже и гарнизон, чтоб овладеть ими от имени Франции.

После смерти Магеллана, Эл-Кано прошел на обратном пути вблизи «весьма высокого острова, расположенного под 36° юж. ш., казавшагося необитаемым, совершенно лишенного деревьев и имевшего приблизительно десять лье в окружности». Такое описание подходит к острову, впоследствии названному Новым Амстердамом или просто Амстердамом. Кто именно открыл остров Св. Павла—в точности не известно, хотя одна лоция, относящаяся к шестнадцатому столетию, и упоминает о нём. В начале следующего века, голландские мореплаватели хорошо знали оба острова, а ван-Фламинг, первый пристал к ним, в 1696 году. С этого времени они посещались часто, особенно же по необходимости, потерпевшими крушение; с 1841 года рыбаки и охотники за тюленями поселились на острове Св. Павла даже и на постоянное жительство. Наконец, в 1874 году, на оба острова приезжали также научные экспедиции. Французские ученые, посетив тогда остров Св. Павла для наблюдения за прохождением Венеры, воспользовались своим пребыванием там для изучения геологического строения обеих вулканических масс, нанесения их на карту и составления профилей. Часто предполагали устроить на острове Св. Павла станцию для судов на пути в Австралию; но жизнь под этою широтою, которая, однакоже, соответствует широте Палермо и Пирея, имела бы характер ссылки. Действительно, климат там до чрезвычайности неровен. Западные ветры зачастую приносят с собою бури, а к тому же, за исключением рыбы, не имеется почти никаких жизненных припасов.

Остров Св. Павла занимает поверхность в семь квадр. километров, а остров Амстердам—в 45 квадр. километров. На большем из них, т.е. на Амстердаме, самая высокая вершина—постоянно окруженная мглою—достигает 911 метров; сам же остров имеет форму почти правильного удлиненного четвероугольника, большая ось которого направляется с юго-востока на северо-запад; на западной его окраине произошли громадные обвалы. Окутанные туманами утесы, вздымающиеся на восемьсот метров, высятся над пенистыми бурунами, чрез которые редко лишь могут проходить гребные суда; около пещер, образовавшихся в прослойках лавы, кружатся мириады птиц. Вершина острова, на которую взбирались лишь немногие путешественники, представляет болотистое плоскогорие, усеянное конусами, когда-то извергавшими лаву; густо растущий тростник местами делает переход чрез плоскогорие почти невозможным. В 1792 году, с корабля «Антрекасто», проходившего мимо Амстердама, видели остров в пламени; однако, не известно: произошел ли этот пожар—что кажется вероятным—от воспламенения зарослей тростника, или же, не находились ли ещё тогда кратеры в периоде полного извержения? Теперь остров Амстердам успокоился: не видно более отдушин, изливающих лаву, ни трещин, выделяющих дым.

Остров Св. Павла, будучи по пространству в пять или шесть раз менее острова Амстердама, представляет тип морского вулкана, с проломанною стенкою. Немногие из таких кратеров, прорванных волнами, имеют более правильную форму. Врезанная в северо-восточный берег острова, почти совершенно круглая чаша окружена кручами и откосами, которые за-

1 Velain, „Mission de l'ile Saint-Paul".

2 Ferdinand von Hochstetter, „Erdumsegelung der Fregatte „Novara".

канчиваются кверху гребнем, вышиной в 230, а местами даже в 272 метра. Заключенное в этом кратере озеро спокойной воды образует обширный порт, имеющий посредине глубину в 69 метров; однако, вход в него загражден двумя образовавшимися из осыпей полуостровами, очертания которых часто меняются от действия волн. Иногда, располагаясь в виде непрерывного мола, эти отмели совершенно непроходимы для кораблей. Наружный откос представляет на протяжении всей окружности острова, правильный уклон, только местами прерывающийся несколькими конусами из шлаков, и заканчивающийся над уровнем волн отвесными кручами. По побережью внутреннего озера бьют в изобилии теплые ключи: достаточно выкопать в песке небольшую ямку, чтобы там скопилась теплая вода, и рыбаки могут опускать рыбу прямо с удочки в котел с кипятком. Стенки, окружающие кратер, пронизаны дымовыми трещинами, и температура в них довольно высока для того, чтобы тропические виды болотных мхов и плаунов—подобных тем, которые встречаются на острове Реюньоне—могли расстилаться зеленеющими коврами, а некоторые виды из мелких животных—занесенные, вероятно, с острова Маврикия (тысяченожки и таракан)—проживать там наперекор холодам. Что же касается противоположных склонов, то на них виднеются лишь тростники и другие растения, соответствующие более холодному климату.

Сравнивая описания первых путешественников с показаниями новейших исследователей, повидимому, следует заключить, что проявления вулканической деятельности весьма ослабели: температура горячих ключей понизилась, трещины выделяют меньше дыма, а нагретые участки поверхности уменьшились в размерах. Кроме того, и поверхность самого острова уменьшилась, вследствие быстрого разрушения его берегов, повсюду обрывающихся кручами; с обеих сторон входа в порт оторвались от вулкана громадные обломки, и несколько островков, между прочим, Килль—пирамида с горизонтальными напластованиями, и Северный островок—базальтовая колоннада в форме круглого храма—высятся посреди волн, катящихся к берегу.

Местная флора состоит лишь из 35—40 видов мхов и лишаев и видов пятнадцати травянистых растений. Деревья, посаженные рыбаками и участвовавшими в различных экспедициях ботаниками, не прижились на острове. Что же касается огородных растений, каковы картофель, морковь, щавель, то они не вымерли, хотя очень захирели. Одна только капуста процветает удивительнейшим образом и стремится принять размеры древовидных растений. На острове нашли несколько бабочек и даже пчелу. Наземных раковин нет вовсе. Свиньи, выпущенные на остров, выжили там всего лишь несколько лет; но кошки, мыши и крысы акклиматизировались: «соединенные несчастием», они в добром согласии живут вместе в одних и тех же норах[1]. Остров Амстердам изучен менее обстоятельно, чем остров Св. Павла, так как менее доступен. Повидимому, он обладает более богатой флорой и фауной: там, будто-бы, водится одно или несколько маленьких млекопитающих, и между прочим,—ласочка. Французская экспедиция 1874 г. открыла на Амстердаме из числа, в общем, около пятидесяти видов растений, двадцать три самородных. *Pkylica arborea*, кустарное растение, которое до сих пор наблюдали только на вулкане Тристан-д'Акунья, в Атлантическом океане, существует также и на острове Амстердаме[2].

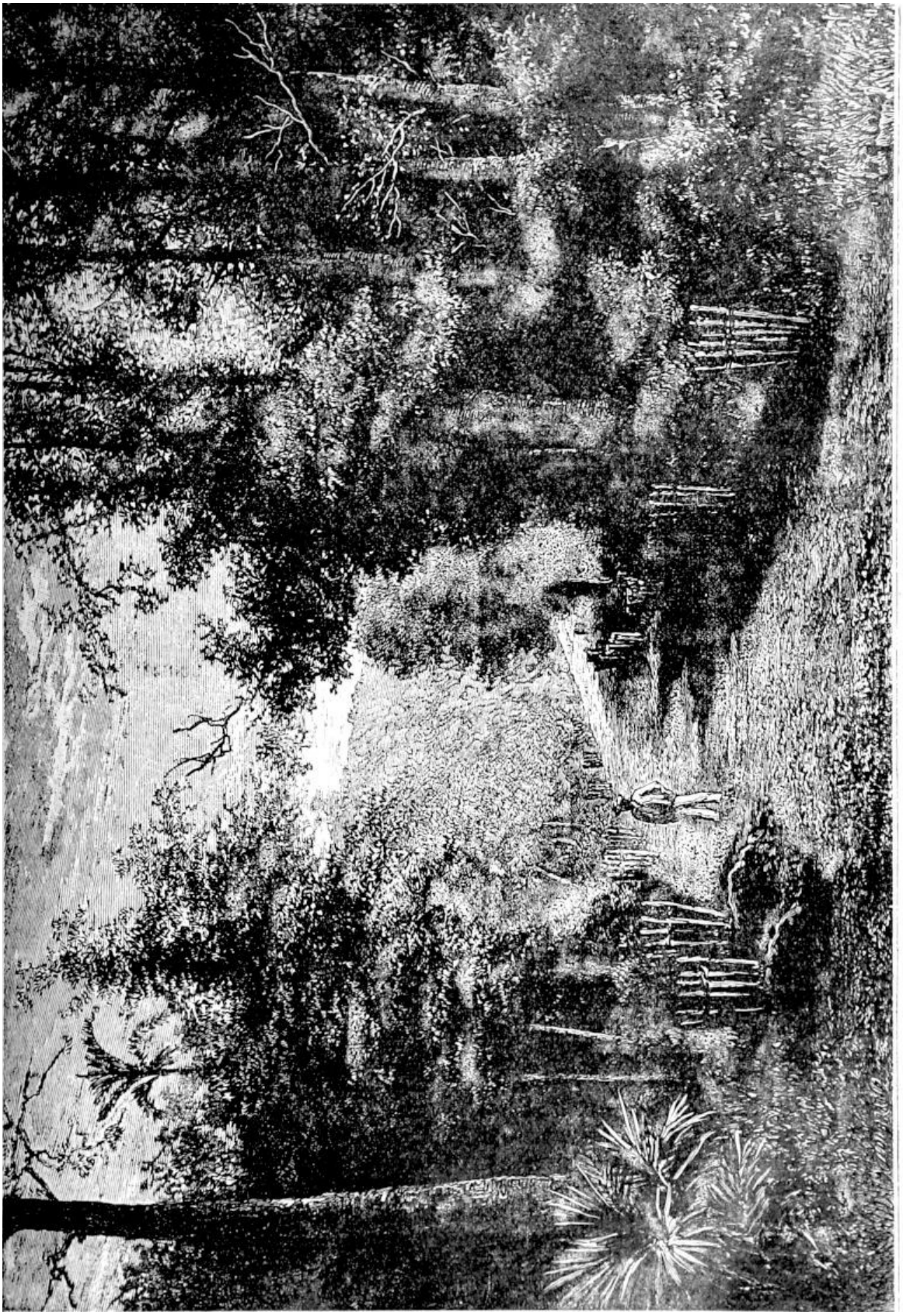
VII. Южные острова

В направлении от запада к востоку, в той полосе Индийского океана, куда течения заносят плавучие льды, встречаются многие группы островов; но эти холодные земли, окруженные бурунами и подвергающиеся напору порывистых, бурных ветров, слишком негостеприимны для того, чтобы человек мог избрать их себе отечеством. Потерпевшие крушение часто переживали там долгие периоды смертельного ожидания, нетерпеливо высматривая, не покажется ли на горизонте парус-избавитель. Также и китоловы основывали на них более или менее прочные становища по соседству с своими рыболовными тонями. Расположенные на

1 Filhol et Bescherel, „Journal officel de la Republique francaise“, 29 Octobre 1875.

2 Ch. Velain, „La Faune des iles Saint-Paul et Amsrerdam“.

морском пути из Великобритании в Южную Австралию, в поясе больших западных ветров, острова эти, к счастью, хорошо известны и даже были тщательно изучены естествоиспытателями с *Челленджера* (в 1874 г). Все эти вулканические земли выступают из глубины более,



Палембангъ—Священный лѣсъ.

чем в три тысячи метров. Пространство данных островных групп: Марион и о. Принца Эдуарда—413 кв. килом. (по Бэму и Вагнеру); Крозе—523 кв. килом. (по Бэму и Вагнеру); Кергелен (Кергуэлен) и соседние острова—4.450 кв. килом. (по Ж. Перрону); Герд и Мак-

Дональд—440 кв. килом. (по Бэму и Вагнеру).

Остров Марион, названный в честь открывшего его, в 1771 году, мореплавателя,—самый высокий в западной группе, лежащей в 1.200 километрах к юго-востоку от мыса Доброй Надежды. Этот всецело вулканический остров вздымает свой центральный купол на 1.280 метров. Даже летом, в декабре месяце, снег покрывает гору, начиная с высоты трехсот метров над морским уровнем; побочные вулканы унизывают, на-подобие бородавок, всю окружность главного конуса, откосы которого, из красного пепла, местами одетые мхом, спускаются до самых пляжей. Остров Принца Эдуарда, названный так Куком, вдвое ниже предъидущего. Группа Крозе, открытая также Марионом, образует архипелаг из нескольких островов, в котором одна из вершин, Possession-Island, имеет слишком 1.500 метров высоты. «Свиной» остров (Hog-Island), на который один английский капитан выпустил свиней, в надежде, что они пригодятся китоловам и потерпевшим крушение, уже лишился этих животных; зато кролики обитают там мириадами, вырывая себе норки в выветрившихся шлаках[1].

Кергелен, самый большой остров в этой области океана, приближается своим южным берегом к 50° широты. Открытый в 1772 году французским капитаном, Kerguelen-Tremarec, имя которого носит, и снова посещённый им в следующем году, он был на этот раз признан «несомненно островом»[2], а не полуостровом большого южного материка, розыскивавшагося тогда всеми мореплавателями в Южных морях. Одном из исследователей Кергелена был, в 1776 году, также и Кук, который хотел окрестить его иначе, назвав «Землею Запустения», Desolation Island. И действительно, Кергелен заслуживает такое наименование, как это удостоверили китоловы, затем путешественники с «Челленджера» и, наконец, члены английской, американской и немецкой экспедиций, приезжавшие туда в следующем году для наблюдения за прохождением Венеры. Окруженный тремя сотнями островов, островков и скал, Кергелен был очень трудно доступен для прежних парусных судов. Однако он представляет, особенно на восточном берегу, большое число глубоких бухт и заливчиков, где суда, пройдя чрез проливы, могут найти себе убежище. Иссечения берегов Кергелена имеют характер фиордов, какие встречаются на берегах соседних с полярным кругом земель, некогда совершенно покрытых льдами.

Горы Кергелена, целиком образованные из вулканических пород, с террасами и колоннадами, не расположены правильными рядами, хотя в общем ось их поднятия имеет направление с северо-запада на юго-восток. Китоловы утверждают, что подземный очаг Кергелена ещё не угас на юго-западе острова; одна гора выделяет, будто бы, из своих недр пары[3]. Высочайшая из до сих пор измеренных вершин, гора Росс (1.865 метров), расположена около южной оконечности острова; на восточном полуострове, гора Крозье достигает 990 метров, а гора Уевелль-Томсон, на юго-восточном полуострове, возвышается на 963 метра. Ледники спускаются с верхних цирков горы и, по крайней мере в одной местности западного берега, нисходят до самого моря. На западе, снега и ледники, покрывающие внутренность острова и —если смотреть на них с корабля—сливающиеся с белыми слоями облаков, не позволяют распознать кратеры, трещины и застывшие потоки лавы; но по соседству с берегом виднеются многочисленные вулканы, вершины которых представляют чаши, наполненные снегом, или водою. Восточный берег, обращенный к стороне ясной погоды, получает влаги менее, и линия снегов лежит там обыкновенно на высоте в триста метров над уровнем моря. В предыдущую эпоху климат острова был совершенно иной, так как глинистый шифер в долинах кое-где прикрывает ископаемые деревья в различных фазах преобразования: местами почти неизменившиеся, местами же на половину окаменелые или даже и совершенно пропитанные кремнекислотой; кроме того, в базальтовых расщелинах находят пласты угля, толщиною от метра до нескольких дециметров, покрытые потоками позднейших лав; эти залежи угля находятся в столь большом числе, что возбуждался даже вопрос: не следует ли приступить к

1 Nares, „Expedition of the Challenger“.

2 De Kerguelen, „Relation de Deux Voyages dans les mers Australes et des Indes“.

3 Studer, „„Geographische Gesellschaft in Bern“, 27 октября 1881 г.

их разработке и нельзя ли образовать на Кергелене склад угля для паровых судов на пути из Англии в Австралию?[1] В таком случае, этот остров, бесполезный теперь для французов, получил бы некоторое торговое значение. Известно также, что там можно бы было разводить рогатый скот; бараны, высаженные на берег экспедицией Росса в зимние месяцы, прижились превосходно: впрочем, ведь, Фалкландские острова, которые, при одинаковом климате с Кергеленом, имеют подобную же фауну и флору, оказываются превосходной страной для овцеводства.

Нынешний климат Кергелена—очень ровный, едва разнящийся зимой и летом, но сырой и холодный: по Штудеру, разница крайних температур равняется всего лишь десяти градусам, колеблясь между 0° зимою и 10 градусами летом; средняя же температура равняется 4 градусам. Можно сказать, что на этом острове «всегда» дует бурный ветер с севера или с запада, часто в сопровождении града, снега и дождя, но также и при ясном небе. Иногда этот ветер сменяется северо-восточными бурями, приносящими изобильные дожди, туманы и повышенную температуру; все же остальные ветры скоропреходящи, и главное воздушное течение снова принимает свое нормальное направление к юго-востоку[2]. Беспрестанным бурям на Кергелене естествоиспытатель Штудер и приписывает характеризующее тамошних насекомых (мух и бабочек) отсутствие крыльев: к чему в самом деле послужили бы крылья насекомому, если ветер подхватит его ранее, чем оно успеет их раскрыть?[3] Также известно, что альбатрос не гнездится на северо-западном берегу острова, обращенном в сторону бурь и окутанном постоянным туманом; эту птицу встречают только на берегу, обращенном к стороне ясной погоды[4].

Флора Кергелена крайне бедна и походит скорее на флору антарктической земли, чем на растительность острова, расположенного в умеренной полосе, соответствующей широте долины Соммы. Гукер, проведший зиму на острове, собрал там только 18 видов явнобрачных из общего числа 150 видов; последующие разыскания обнаружили, впрочем, существование ещё трех других цветковых растений. Около двух третей растительности составляют водоросли и мхи, а между явнобрачными численность односемянодольных достигает одной трети: отношение это не встречается ни в какой другой стране мира. Высаживаясь на берега бухточек чрез полосу больших водорослей (*macrocystis pyrifera*), стволы которых, похожие на канаты, достигают длины шестидесяти метров,—прежде всего встречаем узкую кайму газона, затем следуют растения вроде камнеломок, мхов и некоторых злаков, произрастающие в трещинах скал; азорелла (*azorella selago*) образует на склонах огромные наполненные водою подушки, в которых ноги вязнут по колено. Единственным растением, производящим в пейзаже известный эффект величиною своих размеров, является капуста, исполинский представитель сем. крестоносных (crucifereae), латинское наименование которого, pringlea antiscorbutica, свидетельствует об услугах, которые оно оказывает экипажам кораблей, как противоцынготное средство; капуста эта—специальный продукт Кергелена, так как её не находят на других островах Индийского океана. Другое явнобрачное, *lyellia*, напоминает одно из андских растений; три вида, о которых тоже полагали, что они исключительно кергеленские, дотого похожи на своих сородичей на Огненной Земле, что кажутся простыми их разновидностями; наконец, одно из растений по происхождению—австралийское. В общем, кергеленская флора находится в связи с флорою Огненной Земли, что, конечно, должно приписать направлению вод, постоянно текущих к востоку. Единственная свойственная Кергелену и архипелагам Марион и Крозе птица—*chionis minor*, величиною с голубя, походит на один вид, живущий на Фалкландских островах и на Огненной Земле. Хотя Кергелен лежит в относительном соседстве с Африкою и Австралией, но, тем не менее, в зоологическом отношении он более связан с Новым Светом, чем с Старым.

1 Von Schleinitz, „Zeitschrift der Gesellshaft fur Erdkunde“, 1876.
2 Hooker;—Nares, „Expedition du Challanger“;—„Annales Hidrographiques“, 3 Trimestre, 1874.
3 Studer, „Ausflug auf der Iusel Kerguelan“ Berner Tascenbuch.
4 „Expedition du Challanger“, 1874.

На острове нет ни сухопутных млекопитающих, ни гадов, ни лягушек; покрытый мехом тюлень и другие китообразные, бывшие ещё очень многочисленными в Кергеленских морях в начале нынешнего столетия, стали теперь редки. В 1843 году, более пятисот кораблей преследовали кита; в 1874 году число судов, предназначавшихся для этой морской охоты, сократилось до пяти или шести. Сивучам угрожает полное истребление; численность их дотого уменьшилась, что за ними правильно уже и не охотятся; однако, всё ещё преследуют морских слонов (*cystophora leonina*),—громадных тюленей, самец которых, величиной, вдвое больше самки, вооружен мощными бивнями и раздувает свой нос в виде хобота: из одного такого самца вытапливается тонна жира, т.е. столько же, сколько может доставит целая тысяча пингвинов[1]. Вынужденные выходить на сушу для кормления детенышей, эти животные попадают под выстрелы охотников, которые истребляют без разбора самок и самцов, молодых и старых. Лишь бухты западного берега представляют ещё убежище для тюленей, благодаря сильному волнению, которое препятствует приближению гребных судов. Однажды, рыбаки, накопившие громадные количества жира на юго-западной оконечности Кергелена, тщетно ожидали несколько лет, чтобы какое-нибудь судно рискнуло пройти чрез буруны и забрало бы их груз. Наскучив ожиданием, они кончили тем, что сожгли разом все свои бочки с жиром; отсюда и произошло данное этой части берега наименование *Bonfire-beach*, т.е. «берег потешного огня». Гавань, к которой моряки пристают чаще всего, называется Christmas-harbour, т.е. «порт Рождества»; она находится на северо-западной оконечности Кергелена и издалека приметна по базальтовой арке, имеющей вид величественных триумфальных ворот.

Остров Мак-Дональд, находящийся к юго-востоку от Кергелена, представляет окруженный пеною голый утес, к которому не пристает ни один рыбак; зато остров Герд посещается как китоловами, так и охотниками на тюленя. Этот остров почти весь белый, и только на мысах виднеются черные стены из лав. Два громадных фирновых поля, с ледяными языками, покрывают горы вокруг главной вершины. Биг-Бен (Big-Ben), о которой говорят, что она, по высоте, превосходит гору Росс на Кергелене. Ей приписывают высоту около 1.900 метров; однако, естествоиспытатели не могли видеть эту гору, так как выше трехсот метров всё исчезало в густом тумане. Климат Герда ещё холоднее, а ветры там яростнее, чем на Кергелене. Юго-восточные полярные ветры, не посещающие Кергелена, весьма обыкновенны в соседстве более южного острова и дуют с страшною силой.

Глава III Инсулинд

I. Общий взгляд

«Островная Индия», Инсулинд или Индонезия—как верно назвали её голландцы—составляет, независимо от всякой политической юрисдикции, вполне определенное целое. Цоколь, на котором стоят два больших острова: Суматра и Ява—круто обрывается в Индийский океан, при чём подводные кручи нисходят до самых глубоких пучин всего бассейна. На восток Ява продолжается вереницею меньших островов, которые, следуя друг за другом вплоть до острова Тимора на северо-восток, очевидно, составляют одну группу: вулканы, расположенные как-бы по линии, провешенной вдоль этой длинной цепи островов, свидетельствуют о действии там одних и тех же геологических сил. На юг от Папуазии, узкая вулканическая полоса загибается, как бы для того, чтобы отграничить область Инсулинда с вос-

1 Studer, упом. соч.

тока. Одна из вулканических расселин пересекает остров Хальмахеру[1]; другая проходит по оконечности большого острова Целебеса, замыкая его, так сказать, в полукруг вулканов. Что касается Борнео, самого значительного из Зондских островов, то эта, почти материковая масса, ещё теснее связана в одну группу с Суматрою и Явою, так как находится на одном с ними пьедестале, представляющем собою подводную плоскую возвышенность. Эти три острова отделяются друг от друга морским ложем с глубиною менее ста метров, вследствие чего на всём его протяжении суда могут всюду становиться на якорь. Понижение морского уровня на 80 метр. присоединило бы здесь к материку Азии пространство приблизительно в три с половиною миллиона квадратных километров. Во многих отношениях можно было бы рассматривать и Филиппинские острова как часть одной с Инсулиндом естественной области, так как полукруг вулканов тянется и чрез этот архипелаг, два главных острова которого. Минданао и Люсон, соединяются с Борнео рядами островов, островков и рифов. С другой стороны, однако, Филиппинские острова находятся уже в другом климате и почти по всей своей окружности омываются глубокими водами. Кроме того, в промежутке между островной группой Борнео и Филиппинским архипелагом—близ островов Сулу—встречаются уже глубины более чем в четыре с половиною тысячи метров.

Но и самый Инсулинд—как это уже давно доказано Уэллесом[2]—естественно делится на две значительно отличающиеся друг от друга группы: на Индо-Малезию, в тесном смысле этого слова, состоящую из трех больших островов: Суматры, Явы и Борнео, соединенных мелководным морем; и Австро-Малезию, где находится всего только одна земля значительных размеров, Целебес, и два острова которой выступают из глубоких пучин океана. Между этими двумя половинами Инсулинда наблюдаются различия в климате, флоре, фауне и народонаселении: но вместе с тем имеются также и общие черты, позволяющие считать их особою частью света, отличающейся от Азии, относительно которой они составляют юго-восточное продолжение на весьма большом протяжении океанической поверхности. В совокупности, поверхность всей инсулиндской суши исчисляется приблизительно в миллион семьсот тысяч квадр. километров. Таким образом она в три раза больше поверхности Франции. Пространство, на котором рассеяны отдельные участки Инсулинда, гораздо обширнее: от крайнего северного мыса Суматры до оконечности острова Тенимбера расстояние вдоль Индийского океана равняется 4.700 километрам, а между островом Ломбоком и северным мысом Борнео наибольшее протяжение в ширину достигает 1.175 километр. На этом обширном пространстве помещаются: один остров больший Франции; один—превышающий Великобританию; два—Ирландию; семь—Корсику, и многие десятки островов, превосходящих величиной Мальту. Мелких островков бесчисленное множество: всюду встречаются *тана*, т.е. возделанные земли, или *пуло* и *нуза*, т.е. острова и островки невозделанные или слабо населенные[3]. Теряющемуся в лабиринте островов путешественнику кажется, будто им и конца нет. Он может плыть по целым дням и неделям на малайском судне вдоль больших островов, среди всё новых пейзажей, встречая всё новые племена, различающиеся между собой нравами и языком, и даже незнающие друр друга по имени. Мысы, угасшие или ещё дымящиеся вулканы, каралловые мели и поросшие лесом островки, которые производят впечатление выдвинувшихся из-под воды букетов зелени,—служат как-бы этапными пунктами на беспредельной поверхности моря.

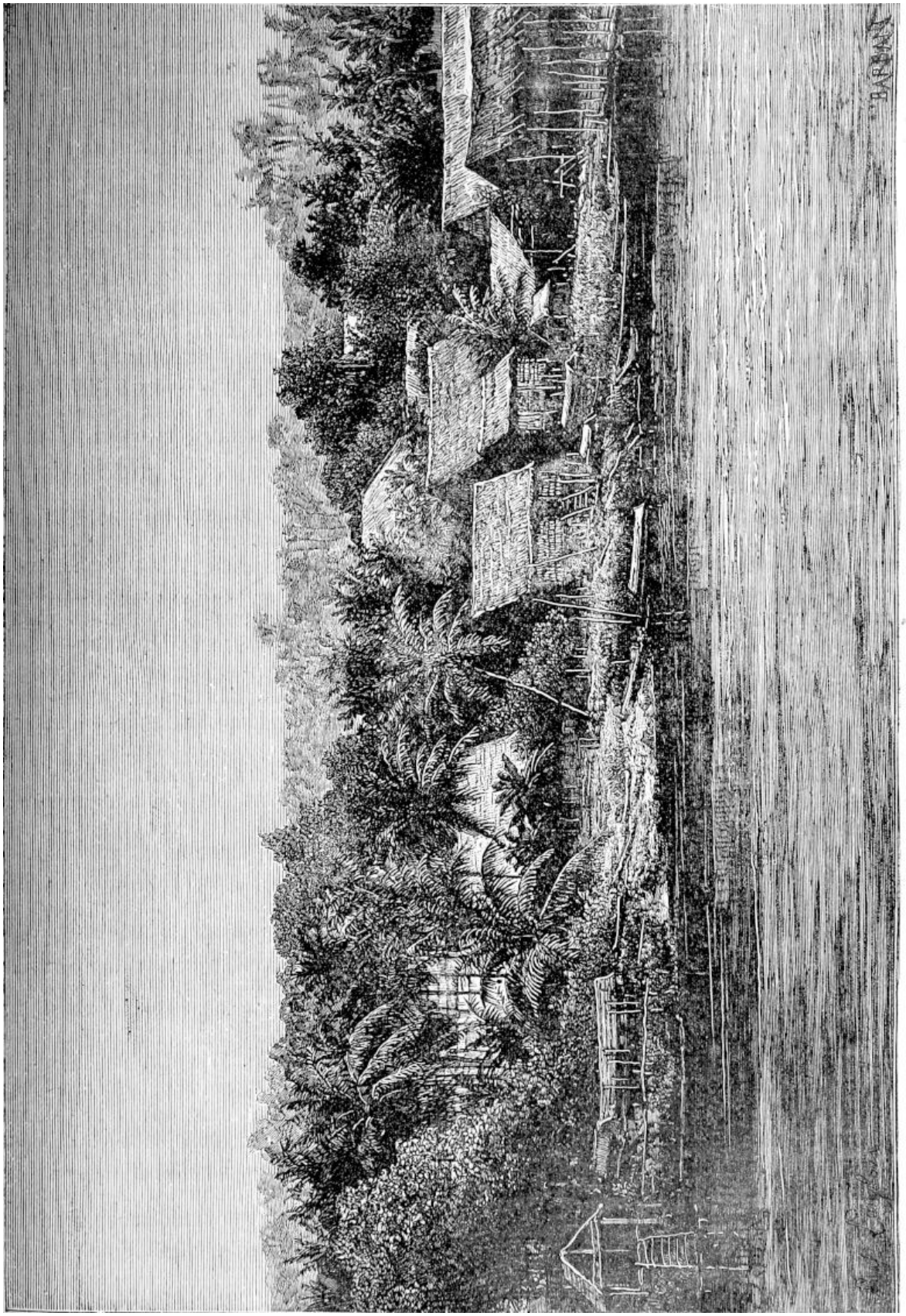
Как переходная область между двумя материками, Азиею и Австралией, Инсулинд представляет своеобразную противоположность другой переходной полосе, которую, по ту сторону Индийских морей, образуют между Африкою и Азиею, безводные пустыни Аравии и Суэзского перешейка. Изобилие островами, бесконечное разнообразие пейзажей, пышная растительность, многочисленность видов животных, разнообразие народов, а также несравнен-

1 Орфография наименований местностей нидерландской колониальной державы—голландския, заимствованныя из оффициальных документов.

2 „The Malay-Archipelago“;—„The land of the Ozang-Utan and the Bird of Paradise“.

3 Grawfurd, „History of the Indian Archipelago“.

ная щедрость, с которой природа наградила Инсулинд всевозможными естественными богатствами, обеспечивают за ним превосходство и над той частью земной поверхности, которая соответствует ему по другую сторону Земного Шара. С блестящим великолепием Зондских и



Видъ на Борнео, вблизи Саравака.

Молукских островов не могут равняться даже и дивные сами по себе страны, лежащие между двумя материками Нового Света, именно Центральная Америка и Антильские острова. Они много уступают Инсулинду как по историческому своему значению, так и по экономи-

ческой своей ценности в международных сношениях. Сравнительно небольшой, остров Ява, один, сам по себе, населеннее и богаче естественными произведениями, чем вся Центральная Америка и Антильские острова. Многочисленные инсулиндские проливы представляют для торговли большие между-океанские пути, более просторные и удобные, чем это кажется когда-либо возможным для каналов Панамского и Никарагуасского, прорытие которых сквозь болота и скалы сопряжено с такими громадными затратами.

Пересекаемый по всей длине экватором, Инсулинд может быть назван «Югом мира», не только на том же основании, как и внутренняя Африка, по причине высокой годичной своей температуры, но также и вследствие плодородия превосходно согретой и обильно орошаемой почвы, богатства растительности и драгоценности её произведений. Энергия, обнаруживаемая вулканическими силами, которые действуют под Зондскими островами и соседними с ними выступами суши, даст повод признать там один из главнейших центров подземной деятельности. Земная поверхность колеблется и разверзается там гораздо чаще, чем над очагами вулканических сил Центральной Америки и Антильских островов. Ява, самый населенный, наилучше обработанный и самый богатый в мире остров,—в то же время всего более подвержена сильным землетрясениям и содержит, сравнительно с занимаемым пространством, наибольшее число постоянно действующих огнедышащих кратеров.

Столь замечательная во всех отношениях, островная Индия не населена, однако, независимыми народами. «Непокорныя» племена укрываются ещё на плоскогорьях Суматры, в лесах Борнео и других островов, но они составляют лишь ничтожный процент инсулиндского населения. Что же касается более или менее цивилизованных малайских народностей, так сильно влиявших путем торговли на всю Океанию и раскинувших свои колонии по громадному пространству, от Мадагаскара до Полинезии,—то они никогда не объединялись в сплоченную нацию. Все завоевания их были подвигами мелких отдельных народцев. Возникали во множестве небольшие малайские государства, но не созидалось великих держав: географическое разнообразие страны, распадающейся на тысячу небольших островов, каждый из которых представляет как-бы особое целое, отразилось также и в её истории. Впрочем, не будучи в состоянии создаться самостоятельно, политическое единство образовалось при посредстве чужеземной власти. Европейцы—овладевшие всею Америкою, двумя третями Азии и половиною Африки—стали владыками Инсулинда: европейская держава—и при том одна из слабейших теперь в военном отношении—господствует там на всём громадном протяжении между Индо-Китаем и Австралией.

Руководимые арабскими кормчими, португальские мореплаватели и итальянские путешественники появлялись в Зондских морях в самом начале XVI-го столетия. С 1511 года Альбукерк, сделавшись обладателем большого города, Малакки, доставил своим соотечественникам политическое преобладание во всём малайском мире. В следующем же году корабль, впервые нагруженный мускатными орехами, отошел из Банды прямо в Лиссабон. Затем, желая поскорее исследовать в подробности новые свои владения, португальцы постановили, чтобы каждое малайское, яванское или китайское торговое судно, ведущее дела с Малаккою, состояло под командою европейского капитана. Благодаря этой мере, европейские моряки в непродолжительном времени научились опознаваться среди лабиринта морских путей по Инсулинду и обеспечили себе выгоды торговли пряностями между Молукскими островами и Лиссабоном. Правда, что после экспедиции Магеллана, испанцы, в свою очередь, стали предъявлять притязания на Молукские острова, как на законную свою собственность. На основании буллы Александра VI, разделившей все недавно открытые и не открытые ещё страны между обеими иберийскими державами—португальцы имели право на Молукские острова, оказавшиеся расположенными на крайнем востоке; но Испания, с своей стороны, требовала эти острова себе, как находящиеся на крайнем западе, по ту сторону Нового Света; поэтому, чтобы покончить споры, португальцам не оставалось ничего другого, как уплатить за них выкуп. Затем они оставались спокойными обладателями Молукских островов в течение приблизительно целого века; но с 1596 года путь на восток стал известен

также и голландским мореплавателям, которым непосредственная торговля с Лиссабоном была воспрещена Филиппом II; они появились перед Малаккою и сами стали запасаться пряностями в малайских факториях. Воодушевление, которое вызвали у голландских торговцев два брата Хутман—мстивших за тюремное заключение, которому они подверглись в Лиссабоне,—было так велико, что в течение семи лет амстердамские и антверпенские негоцианты отправили к Инсулинду пятнадцать эскадр, в общей сложности состоявших из шестидесяти-пяти судов: по истине, можно сказать, что в этом движении приняла участие вся голландская нация[1]. В 1600 году голландцы завладели участком земли на Суматре, а в 1610 году основались и на Яве, где выстроили форт, впоследствии замененный, несмотря на противодействие англичан, другим фортом, Батавией, который и стал центральным пунктом их завоеваний. В то время португальцы были в политическом отношении слишком слабы для борьбы с голландцами; поэтому, уже в 1609 году они лишились Молукских островов. Теперь из всех, некогда громадных колониальных владений в этих морях, осталась у португальцев лишь восточная половина Тимора, с маленьким соседним островком.

Став политическою и военною державою, повелевая королевствами и располагая значительными войсками, имея у себя на жалованьи адмиралов и генералов, торговая компания, получившая от голландского правительства, в 1602 году, концессию на инсулиндскую торговлю, оказалась тем не менее не в силах защищать свои громадные владения, когда преобладание на море перешло к её соперникам, английским торговцам. В конце восемнадцатого столетия, Молукские острова—эти «Острова пряностей», считавшихся самыми драгоценными из всех колониальных богатств—подпали под власть Англии. Опасаясь утратить таким же образом и остальной Инсулинд, правительство Голландии, превратившейся в Батавскую республику, выкупило в 1800 г., привилегии компании. Ява и прилегающие к ней мелкие острова всё-таки не миновали рук англичан, которые возвратили их только в 1816 году. С того времени, Голландия—столь незначительная в сравнении с инсулиндским своим царством—не только владеет всеми архипелагами, которые принадлежали ей в конце прошлого столетия, но подчинила себе и многие другие острова, на которые перед тем не предъявляла никаких притязаний. Одновременно с этим фактически упрочилось её владычество также и во внутренних областях Суматры, Целебеса и Борнео. Лишь северная окраина Борнео оставалась вне сферы голландского влияния, что и позволило британской торговой компании присвоить себе там территорию, вошедшую таким образом в состав английской колониальной державы. Эта английская территория да Сарабакское княжество, приобретенное на том же Борнео одним авантюристом, британским офицером, а также и султанство Брюней на португальской половине Тимора,—одни лишь в Инсулинде остались оффициально независимыми от небольшого голландского государства. Следует заметить, однако, что на протяжении громадного архипелага кое-где уцелели ещё непокоренные туземные племена, как, напр., атжехи, на севере Суматры. Германия, принявшая, со времени своего превращения в колониальную державу, участие в дележе отдаленных земель, отвела для себя на материке Африке территорию, которая в пространственном отношении значительно превышает Инсулинд, но не имеет ровно никакой ценности по сравнению с нидерландскими владениями. Многие политические деятели расположены считать эти владения будущим её наследием. Уж не в ожидании ли столь богатого наследства германское правительство и завладело большею частью Папуасии и соседних архипелагов? Быть-может, это сделано с целью распространить ещё более на восток и без того уже весьма обширную островную Индию, завладение которою, повидимому, сулит немцам судьба?

Историческая и географическая литература об Инсулинде громадна и ежегодно обогащается всё новыми сочинениями: исследователи, единичные и сгруппированные в ученые общества, безостановочно работают над изучением материальных и духовных сторон малайского мира. В массе материалов встречаются в высшей степени важные данные, так как Инсулинд представляет собою одну из областей, наиболее богатых неисследованными ещё

1 Roland Bonaparte, „Revue de Geographie“, 1884.

фактами, касающимися физики Земного Шара, распределения флор и фаун, переселения рас, эволюции человека, а также разнообразнейших политических и социально-экономических вопросов[1]. В этой энциклопедической работе недостает участия самих туземцев: дикие звероловы или подневольные работники, они имеют лишь очень небольшое число представителей в мире науки и искусства, да и те немногие туземцы, которые участвуют в современном научном движения, не обладают достаточной независимостью для того, чтоб высказывать свои суждения с полной откровенностью.

Благодаря легкости путешествий, теперь уже не те времена, когда торговые компании и даже правительства, опасаясь утратить монополию торговли, не дозволяли опубликовывать карты своих островов. В шестнадцатом веке, испанцы и португальцы наказывали смертью того, кто разглашал тайну маршрута их мореплавателей. В свою очередь, и голландцы, добыв за большие деньги португальские, а также составив новые собственные карты, вовсе не желали их опубликования[2]. Копии с этих карт вручались каждому капитану судна не иначе, как с повелением представить их по возвращении в адмиралтейство, под угрозой кнута, клеймения и ссылки для изменников, осмелившихся выдать их чужеземцам. Даже в опасных местах, трудности плавания в которых тщательно преувеличивались, отказывали в лоцманах бедствовавшим судам[3]. Теперь некоторые части Инсулинда известны с внешней, чисто топографической стороны, лучше, чем многие местности Восточной Европы. Однакоже много и таких островов, рельеф которых изображается на картах только на основании неполных маршрутов, или со слов туземцев. Впрочем, сеть геодезической съемки мало-помалу раскидывается от одного острова до другого через весь Инсулинд, и рано или поздно архипелаг этот будет изображен с такою же точностью и подробностью, как Ява, некоторые части Суматры и даже Целебеса, уже нанесенные на топографические и геологические карты.

Что касается населения, то неизвестна даже и приблизительная его численность. Оффициальная статистика[4] приводит цифры населения инсулиндских островов частию по данным правильной переписи, частью же по пропорциональному исчислению, или по более или менее правдоподобным предположениям; наконец, есть даже местности, относительно которых не отваживаются ни на какие догадки. Ныне пространство и население Инсулинда, без Новой Гвинеи, представляют, по приблизительному исчислению, следующие цифры:

	Пространство, кв. к.	Население, жит.	1 кил, жит.
Инсулинд голландский	1.510.350	35.000.000	23
Инсулинд английский	80.378	181.000	2
Инсулинд португальский	16.300	300.000	18
Саравак и Бруней (англ. протект.)	127.200	370.000	2,8
Всего	1.734.228	35.851.000	20,7

Зондские острова лежат, как известно, в полосе пассатных ветров и сменяющих друг друга муссонов, но чередование времен года и местные условия беспрерывно перемещают центры притяжения ветров, а следовательно, меняют их направления. В Батавии, являющейся центральным постом среди 151 метеорологической станции в Инсулинде (в 1883 году)[5], «доброкачественный муссон», т.е. юго-восточный пассат, преобладает в течение северного лета, преимущественно в месяцы: июнь, июль, август и сентябрь, при чём атмосфера вообще менее влажна, чем во время «дурного муссона», который дует в особенности с декабря по март, когда именно и выпадают наиболее обильные дожди. Однако же, эта противоположность времен года не всегда проявляется достаточно резким образом, особенно же вну-

1 См. в особенности „Bijdragen van de Taal-Land-en Volkenkunde“.

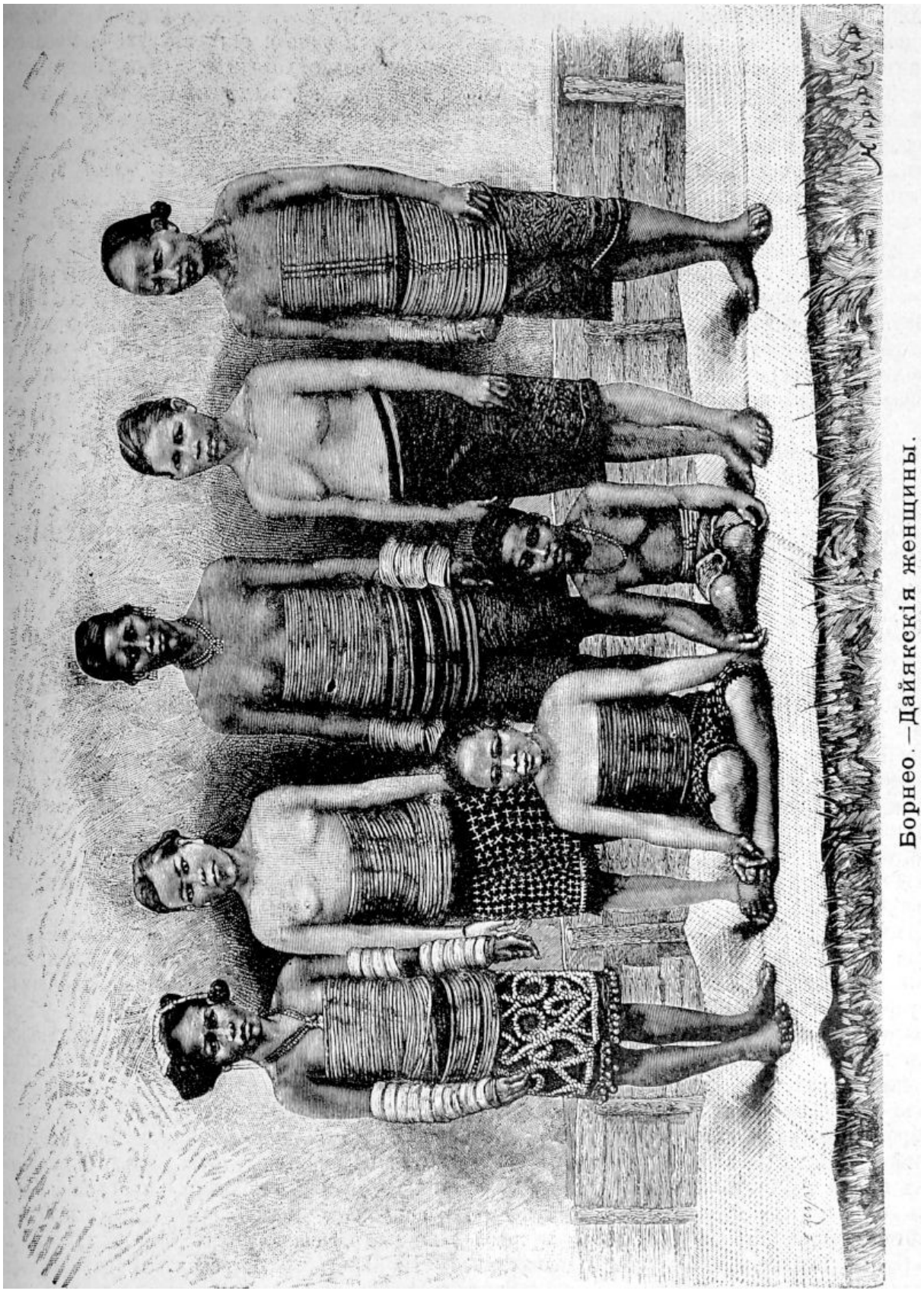
2 Roland Bonaparte, упом. соч.

3 Bernardin de Saint-Pierre, „Voyage a l'Isle de France“;—L. A. Bougainville, „Voyage de la „Boudeuse“ et de la flute l'„Etoile“.

4 „Regeeringsalmanak voor de Nederlandsch Indie“.

5 Voyeikov, «Oesterreichische Zeitchrift fur Meteorologie», 1885.

три больших островов. Нет месяца, на которой не приходилась бы известная доля дождей, и даже в так называемое «сухое» время года, атмосфера морского прибрежья содержит приблизительно восемьдесят процентов относительной влажности; во времена же дождливого



Борнео.—Дайякскія женщины.

сезона она почти насыщена. Воейков считает для всего Инсулинда высоту годичного слоя атмосферных осадков, средним числом, более чем в три метра. Во многих местностях там весьма трудно различить истинное чередование времен года и дать себе отчет в нормальном

следовании друг за другом дождливых и ясных дней. Даже к востоку от Целебеса,—дожди приносятся вообще юго-восточным пассатом, между тем, как западный муссон очищает атмосферу от облаков: в полосе неопределенных и переменчивых ветров, между Суматрою и Тимором, оба противоположных верхних ветра сопровождаются приблизительно одинаковым количеством дождей. В невообразимом хаосе островов каждый пролив и проливчик меняет направление нижних ветров, бриз и всяческих прибрежных течений.

Значительные изменения в направлении ветров наблюдается также и при переходе с низменностей к возвышенностям, т.е. от поморья к вершинам гор. Западный муссон увлекает только нижнюю массу воздуха, толща которой не достигает двух тысяч метров. Сила муссона дает себя чувствовать главным образом у подножия гор и первых их откосов, напр., в Бьюитензорге, в западной части Явы, на высоте двухсот восьмидесяти метров: в этой местности, одной из наиболее обильно орошаемых во всём Инсулинде, гром зачастую гремит каждый день в течение целых месяцев. В горах дотого привыкли слышать его раскаты, что удивляются, если вечером небо безоблачно и в атмосфере тишина. Над полосою муссона постоянное господство принадлежит юго-восточному пассату[1], который то подымается, то опускается, при чём иногда, касаясь муссона или сталкиваясь с ним, производит крайне опасные местные циклоны; в верхних же слоях воздуха всегда преобладает пассат. Дым вулканов постоянно увлекается им в направлении к западу: трудно представить себе зрелище поразительнее того, когда несущийся с запада вихрь клонит деревья, стремительно гонит тучи, а в то же самое время, сквозь просветы во мгле виднеется чистое голубое небо, по которому стелется в совершенно противоположном направлении длинная струя дыма из вулкана. В верхних слоях атмосфера помрачается гораздо реже тучами, чем в нижней полосе, и дожди там менее обильны.

Аналогичные изменения в климате наблюдаются и в направлении с запада на восток. Западная часть Явы влажнее восточной, а восточная, в свою очередь, богаче острова Тимор атмосферными осадками. В том же направлении, можно проследить всё более возрастающее различие в средних температурах времен года. На Зондских островах, разница между средними месячными температурами не составляет даже и одного градуса Цельсия: наибольшие различия температур наблюдаются днем и ночью, а не между летом и зимою; если в сухие месяцы ночи сравнительно холоднее, а дня теплее, то разница эта исчезает в дождливые месяцы, когда температура, днем и ночью, приблизительно одинакова: в Батавии, колебания термометра редко превышают десять градусов: но на Тиморе они оказываются гораздо значительнее: восточные острова Инсулинда имеют уже австралийский климат.

Из наблюдений, продолжавшихся от пяти до тридцати лет, определены для нескольких метеорологических станций в Инсулинде следующие нормальные температуры[2] и количества выпадающих дождей:

Места		Географ. положение	Высота	Годов. т-ра	Самые теплые месяцы		Самые холодные месяцы		Разница	Количество дождей
Паданг (Сум.)		0°56		26°6	27°2		26°2	ноябрь	1°	4 м. 734
Палембанг (Сум.)		2°50		27°0	27°4	май	26°6	янв	0°8	3 м.
Банжермассин		3°34		27°1	27°7		26°7	дек	1°	2 м. 350
Батавия		6°11		25°9	26°4	май, октябрь	25°3	янв. февр.	1°1	1 м. 868
Бюитензорг	Ява	6°37	280	25°0	28°5	сент.	24°5	февр.	1°	4 м. 499
Банжуванжи		8°17		26°7	27°3	апр.	26°0	июль	1°3	0
Амбон		3°41		26°3	27°2	февр.	25°2		2°	3 м. 750

Флора архипелага, содержащая более девяти тысяч явнобрачных растений, описанных Микелем[3], принадлежит к тому же поясу, как и индийская, но, постепенно видоизменяясь в направлении к востоку, всё более и более приближается к австралийскому типу, по мере

1 Fr. Iunghuhu, „Javu, zijue gedaante, zijn plantentooi en zijn inwendige bouw“.

2 Hann, „Handbuch der Klimatologie";—Voyeikov, „Regen-Verhaltnisse der Malaiischen Archipels“.

3 „Beschrijving van Sumatra's Plantenwereld“.

того, как атмосфера становится менее влажною, а температура начинает обнаруживать всё большие разницы между крайними пределами тепла и холода: на Тиморе характер растительности уже гораздо более австралийский, чем индийский. Там господствуют эвкалипты, представители казуариновых и акация, но вместо того чтоб образовать сплошные леса, они являются, как и на соседнем материке, в виде небольших рощиц, разбросанных на полянах. Зато, на западных островах Инсулинда производительная сила растительности чрезвычайно велика. Несмотря на разделку новых полей и неустанную борьбу земледельцев с сорными кустарниками и травами, некоторые леса Явы не уступают в красоте лесам Бразилии и Колумбии. Правда, на обширных пространствах, занимающих, быть-может, четверть всей поверхности острова, расстилаются саванны, поросшие только травою аланг (*imperata arundinacea*), настолько высокой, что в ней исчезает и лошадь, и всадник. Посреди этих морей бледно-зеленых злаков виднеются только отдельными группами деревья; следует, однако, заметить, что эти саванны обязаны своим происхождением деятельности человека, который уничтожил леса, разделывая нови, или желая удалит тигров и змей. С прекращением этого постороннего вмешательства большие деревья мало-по-малу снова завладевают отнятою у них областью. Есть также и леса, не дающие большой тени; таковы именно произрастающие на известковых горах леса акаций и мимоз; однако, на влажных и плодородных землях прибрежья, а также и на хорошо орошенных склонах гор не хватает места для теснящихся там растений; каждый древесный ствол покрывается ржавчинными паразитами (uredineae), ветви переплетены друг с другом лианами, а верхушки пальм, прорываясь сквозь кроны лиственных деревьев, «высятся над ними на-подобие второго леса над первыми».

На Зондских островах произрастают некоторые свойственные только этим островам пальмы, в том числе два сорта саговых пальм (*metroxylon Rumphii* или *sagus*) и корифа или пальма гебанг, встречающаяся лишь на протяжении узкой полосы, приблизительно на высоте 130 метров, тотчас над береговыми лесами. Пальмы-лианы или ротанг (камыш европейских ремесленников) цепляются за другие деревья, перекидываясь от одной вершины к другой в виде гирлянд, иногда более, чем в сто метров длиною, и сплачивая целый лес в массу, непроницаемую для человека, если только он не вооружен топором, или не пускает впереди себя огонь. Некоторые виды бамбука произрастают тоже на подобие лиан и могут достигать в длину более сорока метров, а другие снабжены шипами и образуют такия чащи, что их избегают даже дикие звери. Вследствие изобилия питательных соков, чужеядные растения на Зондских островах достигают изумительно грандиозных размеров, как это видно по цветкам произрастающего на древесных корнях и ветвях индийского плюща (дикого винограда) и одного из суматрских видов раффлезии, у которой цветок достигает двух метров и двух дециметров в окружности.

На склонах гор растения различных видов располагаются ярусами, соответственно климатам; от тропического—на берегах острова, до умеренного—на высотах. При этом, однако же, наблюдаются любопытные факты сожительства растений, по своей природе принадлежащих к различным поясам. Так, на суматрском прибрежье встречаются дубы в сообществе с камфарными деревьями (*dryobalanops*). Тут же попадаются и представители вересковых, тогда как на Яве эти растения обитают только в горах, на значительной высоте. В северных горных округам Суматры встречаются виды сосен рядом с казуариновыми растениями: здесь, именно, пролегает южная граница области хвойных, отечеством которых являются по преимуществу Гималайи: хвойные эти нигде не переходят на юг за экватор.

В громадном разнообразии эндемических растений, свойственных Инсулинду, приходится множество видов на долю каждого острова. Так, в суматрской флоре, содержащей, по Микелю, 2.642 известных явнобрачных растений, оказывается 1.049 форм, не встречающихся на острове Яве, хотя Суматра отделяется от Явы лишь узким проливом. Даже обе половины острова Явы,—западная и восточная, различаясь слегка в климате, представляют некоторые различия и в своей флоре. Не только на Молукских островах, уже издавна славившихся редкими видами растений, но также и на других островах Зондского архипелага, во множе-

стве попадаются растения, не встречающиеся нигде более, на земной поверхности: в течение трех лет ботаник Беккари открыл более двухсот совершенно новых видов в одном лишь Сараваккском округе, на северо-западе Борнео. Внутри островов, вершины гор представляют как бы особые, вторичные острова, флора которых отличается от окружающей и напоминает типы отдаленных стран с более холодной температурой. Так, на высоте 2.600 метров, на верхних склонах борнеоской горы Кина-Балу, встречаются растения, принадлежащие к видам, подобные которым можно найти не ближе, как в Новой Зеландии[1].

В направлении от запада к востоку флора изменяется постепенно, вследствие изменения в климате, но в животном царстве замечается резкий переход от одной фауны к другой: тогда как животные западных островов, вплоть до острова Бали, принадлежат к индийскому типу, фауна восточных островов, начиная с Ломбока, имеет уже австралийский характер; два мира, «столь различные, как Европа и Америка», сходятся здесь лицом к лицу, будучи отделены друг от друга всего лишь проливом, шириною менее, чем в тридцать пять километров. Правда, что острова Бали и Ломбок состоят преимущественно из вулканических пород и почти на всём протяжении оказываются, сколько можно судить, относительно недавнего происхождения. Нынешний узкий канал, вероятно, некогда был широким рукавом моря; тем не менее поразительный контраст двух фаун как раз в цепи островов, столь сходных друг с другом с точки зрения физической географии, должен быть признан очень замечательным фактом. Одну из выдающихся черт земной поверхности представляет ряд вулканических островов, родившихся, очевидно, из одной и той же трещины морского дна, которая тянется на пространстве 2.755 километров, от островка Кракатау (в Зондском проливе) до островка Нила (под 7° ю. ш. и 130° в. д. от Гринвича)—и эта цепь лав оказывается перерезанною как раз по середине резкой раздельной линией между фаунами. Из этого следует заключить, что образование Зондских вулканов—явление относительно недавнее. Сопоставление лицом к лицу двух фаун, индийской и австралийской, доказывает, что некогда в этих областях распределение воды и суши и самая планетная жизнь были иные. Между Борнео и Целебесом, которые отделены, впрочем, друг от друга проливом, значительно превосходящим Ломбокский,—контраст между видами животных не менее замечателен: с той и другой стороны пролива почти все соответствующие виды принадлежат к различным семействам. Из этого должно заключить, что и там также земли, различающиеся своими фаунами, не имели уже с давних геологических времен связующего перешейка; но Целебес, в противоположность Ломбоку, не составляет части австралийского мира: он является обособленным со всех сторон, и это уединенное его положение составляет геологический факт, восходящий к самым отдаленным векам.[2]

Что касается трех больших западных островов: Суматры, Явы и Борнео, отделяемых ныне столь неглубоким морским дном от азиатского материка, то их фауна, также как и флора, доказывает прежнюю непрерывность суши в этой части земной поверхности. Уэллэс насчитывает сорок восемь видов млекопитающих, общих материковой Малэзии и соседнему архипелагу.

Суматра, длинная горная цепь, параллельная Малаккскому полуострову,—обладает почти такой же фауной, как и материк Азии; Борнео, более удаленный от этого материка, представляет уже известную оригинальность в формах животного царства; Ява—хотя очень близкая к Суматре, с которой её ещё более сближают промежуточные островки, где могут отдыхать перелетные птицы,—представляет более обособившуюся фауну, чем остров Борнео, более уединенный, повидимому; на Яве оказывается сравнительно большее число свойственных лишь ей одной видов птиц и насекомых, чем на двух других островах, из чего заключают, что она первая отделилась от материка: Борнео был ещё соединен с Индо-Китаем, когда Яву уже со всех сторон окружало море. Изучение зоологии, следовательно, категорически опровергает предание яванцев, будто катастрофа, отделившая Суматру от Явы, про-

1 A. Griesebach, „La Vegetation du Globe“, trad. par Tchihatchef.

2 Earl, „Native races of the Indian Archipelago“;—Wallace, упом. соч.

изошла лишь недавно, а именно около тысячного года нашей эры; этим преданием, между прочим, объясняется и данное Суматре наименование «Оторванного острова»—Poelo Portjeh.

Зоологическое исследование Инсулинда ещё далеко не закончено. Лучше всего известна натуралистам западная часть Явы; весьма тщательно также изучен на Суматре округ Паданг; равным образом осмотрены во всевозможных направлениях окрестности Саравака и Банжермассина на Борнео, остров Бангка и, наконец, некоторые из целебесских полуостровов[1]. Это лишь ничтожная доля всей громадной Инсулиндской области, где будущее приберегает ещё для естествоиспытателей важные открытия. Тем не менее произведенные исследования позволяют уже судить в общих чертах о чрезвычайном богатстве Западного Инсулинда: в шесть лет изысканий Уэллэс собрал там более ста двадцати пяти тысяч зоологических образцов. Млекопитающих в Индонезии более 170 видов; из них 24 принадлежат к семейству обезьян. На Суматре и Яве находятся два вида оранг-утанга, этого «дикого человека», который по своему уму и аффективным качествам, повидимому, всего более приближается к цивилизованному человеку; сиаманг, ростом почти с оранг-утанга, живет на Суматре; за исключением восточной части архипелага, каждый остров имеет своих длинноруких гиббонов и длиннорылых лемуров. На Суматре и Борнео всё ещё водится слон, который, повидимому, не отличается от индийского, и тапир, который также встречается на материке; Суматра и Ява имеют своих носорогов, а Борнео и Ява—диких быков, схожих с сиамскими и бирманскими. На Зондских островах обитает не менее 35 видов плотоядных, в том числе королевский тигр и почти столь же страшный леопард. Что касается летучих мышей, то их насчитывают пятьдесят видов. Грызуны также весьма многочисленны; одно только семейство белок представлено 35 видами, из которых почти все отличны от материковых; кроме того, найдено с десяток видов насекомоядных «тупайя», имеющих большое сходство с белками и почти исключительно принадлежащих островной фауне.

Около 350 видов птиц—не считая недавно ввезенных человеком—живут на островах Зондского архипелага, и некоторые из них, особенно попугаи, разукрашены в самые яркие цвета. Змеи и другие пресмыкающиеся, вообще редко встречающиеся на островах, весьма многочисленны в Инсулинде: устья рек там кишат крокодилами; один вид удава его лесов достигает десяти метров в длину, а очковая змея—один из самых страшных его гостей. Сотни видов рыб населяют инсулиндские реки, а насекомые этой области уже тысячами классифицированы в музеях. Бабочки распространены в таком множестве, что, по словам Альфреда Уэллэса, «составляют одну из характерных особенностей инсулиндского пейзажа». «Птицекрылыя» бабочки (Ornithoptera amphrysus), которые, благодаря своим размерам, величавости полёта и блеску окраски, более бросаются в глаза, чем большинство птиц, встречаются стаями на опушках лесов и по рубежам возделанных земель, и нигде в мире нет таких красивых насекомых. Вообще нельзя совершить утренней прогулки в плодородных участках малайских земель без того, чтобы не встретить три или четыре, а часто даже и вдвое больше видов мотыльков: естествоиспытатели насчитывают теперь 130 видов, обитающих на Зондском архипелаге, и один только Борнео имеет их около 30,—самое большое число, какое было открыто вообще на острове. Разнообразие видов уменьшается постепенно от запада к востоку; но их представители становятся зато крупнее[2].

Обеднение фауны в направлении к востоку, т.е. к Австралии, таково, что Тимор обладает уже не более как семью видами сухопутных млекопитающих и пятнадцатью видами летучих мышей, которые, благодаря могучим крыльям, в состоянии пролетать большие пространства. При переходе с Борнео на Целебес естествоиспытатель менее поражается уменьшением числа видов, чем новыми их формами. Целебес, уединившийся ранее соседних островов, представляет более оригинальности в общем облике своей фауны. Находясь на рубеже двух поясов, Зондского и Австралийского, этот большой остров обладает несколькими видами, свой-

1 H. J, Weth, „Overzicht van de Kennis der Fauna von Nederlandsch Indie“.

2 Alfred R. Wallace, „Les Selections naturreles“, trad. par Lucien de Candolle.

ственными этим поясам, но большая часть видов принадлежит исключительно собственной его фауне; вообще Целебес—совсем особый мир. Из 350 видов зондских птиц только десять перешли на него. Зато на этом острове найдено восемьдесят таких видов, которые не встречаются более нигде. Из 21 вида млекопитающих, из которых семь летучих мышей, одиннадцать свойственны только ему. Что касается целебесских бабочек, то все они отличаются от своих сродниц в других краях очертанием крыльев.

Расположенные на восточной оконечности Инсулинда Молукские острова—подобно Тимору и Целебесу—весьма бедны млекопитающими, которых, не считая летучих мышей, найдено там всего десять видов. Есть основание полагать, что половина этих видов—а между ними и короткохвостая обезьяна, проживающая только на острове Батжан—некогда привезены человеком. Типические формы этой группы островов приближаются к австралийским: это—сумчатые, в том числе двуутробка *belideus ariel*, которая походит на летягу. С другой стороны, Молукские острова удивительно богаты птицами: они встречаются там в большем числе видов, чем во всей Европе. Исследование этих островов далеко ещё не завершено, но, тем не менее, на них найдено уже 265 видов птиц, из которых 195 сухопутных. Большая часть молукских птиц, как, напр., попугаи, голуби и зимородки,—самые красивые в тропическом поясе по изяществу формы и великолепию оперения. Многочисленные насекомые, в особенности же бабочки, приводят в удивление естествоиспытателей, как своими размерами, так и блеском окраски крыльев. Один только небольшой остров Амбоин богаче замечательными видами чешуекрылых, чем обширные материковые пространства: там, можно сказать, находится средоточие самого полного развития бабочек. Вообще фауна Молукских островов приближается, если не видами, из которых большая часть свойственна только этим островам, то по крайней мере семействами и относительной их группировкой, к фауне Новой Гвинеи. Хотя, благодаря примыкающей к нему цепи островов, материк Азии и кажется продолжающимся вплоть до Тихого океана, но Целебес и Молукские острова находятся, в зоологическом отношении, уже в другой части света.

Подобно фаунам, и человеческие расы поделили между собой Инсулинд, но пограничный рубеж там не одинаков для животных и людей. В то время, как межей для зоологических областей служат проливы Ломбокский и более широкий—Макассарский, граница между собственно малайским и папуасским Инсулиндом находится гораздо восточнее. Она пересекает сначала острова Хальмахеру и Бэрэ (Буру), а затем направляется на юго-запад, к Сембе и Тимору. При этом, жители островов, расположенных с той и другой стороны границы, отличаются друг от друга либо тем, что они представляют в разных степенях переходные черты между малайцами и переселенцами другой расы, либо оригинальностью типа, позволяющей, повидимому, признать их остатками какой-то первобытной расы; в Индийском архипелаге говорят не менее, как на пятидесяти языках; вообще каждое островное население должно изучать там отдельно, вместе с обитаемой им территорией.

Зондские острова, Целебес и часть Молукских островов населены, если не исключительно, то по крайней мере главным образом малайцами: они составляют главную массу населения, или уподобили себе, путем слияния, другие этнические элементы. Но каково бы ни было сходство малайских народностей на всём протяжении Инсулинда, они подразделяются на естественные группы, обособленные условиями географической среды, скрещивания рас, неодинаковости пищи и состояния цивилизации или варварства. Малайцы в собственном смысле этого слова—т.е. похожие на тех, которые живут на Малайском полуострове и которые дали свое имя всей расе, обитают на берегах Суматры, Борнео и на промежуточных островах. Яванцы, как указывает самое их название, населяют большую часть Явы, но также распространяются оттуда на восток по двум островам Бали и Ломбоку. Зондцы населяют западную часть Явы, по берегу пролива Зэнда, называемого европейцами «Зондским». Буги занимают юго-западный полуостров Целебеса, а также северные берега этого острова, и распространяются оттуда по всем соседним островам; наконец, каждый отдельный остров насе-

лен своими особыми народцами, более или менее чистокровными или смешанными, и известными под различными наименованиями. При этом, прозвище «альфуру», употребляемое от Целебеса до Папуасии для всех племен, которые были вынуждены бежать внутрь страны, вдаль от берегов,—вовсе не свидетельствует о расовом сходстве, а характеризует лишь социальное состояние народов, не слившихся с малайцами и сравнительно немногочисленных. Одни из этих народцев белее яванцев, другие же имеют более темный цвет кожи и облик новогвинейских папуасов.

Между инсулиндцами есть ещё дикари, как напр., батта на Суматре, дайяки на Борнео, альфуру, т.е. «свободные», на Целебесе, при чём большинство антропологов видят в них остатки примитивной расы с светлым цветом кожи, которая заселила эти острова ещё раньше малайцев[1]; их специально называют «индонезийцами», как будто это представители древних властителей инсулиндского архипелага.[2] Но на северо-восточных островах, соседних с Новой Гвинеей и Филиппинскими островами, встречаем другой этнический элемент совершенно отличный от папуасов и малайцев, состоящий из населений с черной или черноватой кожей, часто с курчавыми волосами на голове, похожих на минкопи Андаманских островов и негритосов островов Минданао и Люсона. Полагают, что эти туземцы, истинные автохтоны, были предшественниками белых индонезийцев на Суматре, Борнео и Целебесе. На западных островах «черненькие» были истреблены; на восточных же они прогнаны в горы, подобно тому, как это случилось впоследствии с белыми индонезийцами на больших Зондских островах.

Этот контраст животных видов и самих людей между соседними островами и сопредельными округами, имеющими одинаковый климат и аналогичные географические условия, представляет на первый взгляд странное явление, которое, однако, объясняется историей нашей планеты; здесь мы видим сопоставленные рядом разные эпохи. Но, в течение веков, эти отличающиеся одна от другой населения должны были долго подвергаться одним и тем же влияниям, так как все их языки, малайские, папуасские, индонезские и негритосские, составляют одно и то же семейство[3]. Ходгсон и Кальдуэль даже относят все эти языки к южноиндийскому дравидийскому корню[4].

В обыденной речи название «малаец» имеет тот же самый смысл, как и «магометанин»: инсулиндец—каков бы ни был цвет его кожи: черный, бронзовый или белый—научась писать по-арабски и подвергнувшись обрезанию, чрез это самое становится «малайцем»[5]. Тем не менее, вероятно, что огромное большинство населения принадлежит к одной и той же нации. Не предрешая вопроса о первоначальном происхождении малайской расы, господствующей в Инсулинде, можно спросить, где была её родина во времена, предшествовавшие историческому периоду. Пришли ли малайцы в Зондский архипелаг с малайского полуострова, или же они имели иной центр рассеяния, напр., срединные плоскогорья Суматры? Самое их наименование, по ван-дер Тууку, напоминает об их чужеземном происхождении, так как слово «малаец» означает «бродячий», «переселенец». Во всех занятых ими странах, берега рек называются «правыми» и «левыми» не по течению, а против течения, как если бы приходилось подниматься от устьев к верховьям, а это, повидимому, доказывает, что переселенцы прибыли с моря; также констатировано большое сходство между малайскими хижинами и судами: во многих местностях деревни имеют вид севшей на мель флотилии. Малайцы, как на островах, так и на материке, отличаются, при малом или среднем росте, крепким телосложением, цвет кожи у них искрасна-смуглый, а иногда оливковый, у женщин, редко выходящих из дому, переходящий в желтый оттенок. Волосы у них черные, грубые и жесткие на ощупь; бороды почти совсем нет; лицо несколько плоское и скорее круглое, чем

1 De-Quatrefages;—Hamy;—Vivien de Saint-Martin;—Vesteeg;—Montano.
2 Logan;—Hamy, „Bulletin de la Societe de Geographie", mai 1877.
3 Ed. Dulaurier;—Marsden;—Moeronhout;—Bushmann;—Favre;—Kern и т. д.
4 Ollivier Beauregard, „Societe d'Antropologie de Paris", seance du 2 juillet, 1885.
5 Marsden, „History of Sumatra".

овальное, с небольшим носом, но широкими ноздрями, толстыми губами, выдающимися скулами и черными глазами. Вообще, если бы малайцы не отличались своеобразным цветом кожи и костюмом, их можно было бы принять за китайцев; ещё более они схожи с кмерами

Голландское Борнео.—Видъ на р. Амандитъ въ Кенданганѣ.

или камбоджийцами, при чём сходство это распространяется и на грамматический строй языка[1]. Характерной чертой малайцев является изящная соразмерность телосложения, кра-

1 Fontaine;—Aumonnier;—A. Keane, „Auslralasia“.

сивая постановка головы и конечностей, а также замечательная миниатюрность рук и ног.

Подобно каждой другой расе, островные малайцы обнаруживают в характере различия, обусловленные неодинаковостью профессий: пират или купец—люди совсем иного пошиба, чем напр., ремесленник или земледелец. Эти последние, образующие собою главную массу населения, вообще говоря, молчаливы, однако, общительны, доброжелательны, всегда расположены помочь ближнему, чрезвычайно уважают в нём человеческое достоинство и соблюдают в сношениях друг с другом самую изысканную вежливость. Рабочий, которому надо разбудить товарища, не позволит себе дотронуться до него рукой, кредитор считает неловким напомнить про долг; редко случается, чтоб малаец по своим манерам и речи не оказался выше европейца, прибывшего в Инсулинд с претензиею его «цивилизовать»[1]. Будучи весьма культурным народом и уже в течение нескольких веков обладая письменной литературою, малайцы, повидимому, уступают в интеллектуальной энергии другим нациям, напр. папуасам, которые далеко отстали от них в цивилизации. Путешественники, близко ознакомившиеся с малайцами, утверждают, что им недостает широкого понимания вещей и смелости мысли: малаец робок, не обладает духом инициативы и без сопротивления подчиняется сторонним влияниям. Малайцы позволили горсти индусских миссионеров совратить их в буддизм и браманизм; затем, с прибытием арабских купцов почти все приняли ислам, а теперь несколько голландских чиновников, опираясь на небольшую армию наемников, держат тридцать пять миллионов малайцев в подчинения, походящем на рабство.

II. Суматра и острова западного моря

Суматра—даже и без соседних архипелагов, составляющих с ней географическое целое—один из самых больших островов нашей планеты: её в пространственном отношении превосходят только две полярные земли: Гренландия и Антарктида, три острова: Папуасия, Борнео и Мадагаскар, её поверхность, ещё не измеренная правильной триангуляцией, исчисляется более чем в четыреста сорок тысяч квадр. километров, следовательно, в тринадцать раз превосходит поверхность Нидерландов,—страны, из которой выходят повеления для управления Суматрой и окончательнаго завладения ею. Дело в том, что Суматра, хотя оффициально и присоединена целиком к колониальным голландским владениям, но горы и леса её северной части населены независимыми народами, и с 1873 года нидерландская нация могла из войны с аджехамн (adjeh)—путем беспрестанных стычек вокруг лагерей, набегов и кровопролитных схваток—узнать, во что обходится подчинение народа, решившагося защищать свою самостоятельность. Что касается населенности Суматры, то, ввиду неполного покорения острова, нельзя было произвести общей переписи его жителям; однако, на основании статистических данных в областях, уже подчиненных нидерландской власти, и приблизительно пропорционального исчисления в независимых округах, можно утверждать, что население Суматры, малочисленное в сравнении с громадною поверхностью территории, значительно увеличилось с половины нынешнего столетия. В 1869 году, Вет находил, что число жителей Суматры с западными островами не достигало даже и двух с половиною миллионов. Ныне оно несомненно превышает три с половиною миллиона и, быть-может, доходит до четырех миллионов. Если бы Суматра была так же густо населена, как её соседка Ява—превзойти которую могла бы, благодаря плодородию почвы и обилию естественных богатств—то число её жителей достигало бы семидесяти миллионов. Пространство Суматры, вместе с принадлежащими к ней западными островами, определяют в 463.146 квадр. километров, а число жителей в 4 миллиона, так что на один квадратный километр приходятся там всего лишь восемь жителей.

Острова Суматра и Мадагаскар очень похожи друг на друга. Почти равные по величине, оба они имеют форму удлиненного овала, у обоих один берег, тот, который обращен к от-

1 Alfred R. Wallace, „The Malay Archipelago“.

крытому морю,—почти прямолинейный, тогда как противоположный берег, омываемый менее глубокими водами, изрезан заливчиками и бухтами. По мнению некоторых этимологов, Суматра обязана санскритским своим наименованием «Samantara», т.е. «остров, лежащий между двумя»,—двум противоположным, окружающим её морям: с одной стороны—безбрежный океан, а с другой—залив, усеянный островами; однако, гораздо правдоподобнее допустить, что нынешнее наименование острова происходит от «Самудры», названия древнего царства на северном его берегу: по-санскритски «самудра» значит «море»[1]. Во времена преобладания здесь индусского влияния, Суматра, подобно соседнему большому острову, называлась Джава или Ява. Для отличия от другой Явы, её называли «Малою», не потому, чтобы считали её меньше «Большой Явы», а по причине меньшего её значения в торговом отношении[2]. По-туземному, Суматра называется Pertjeh или Andalas[3]. Европейцы ознакомились с этим островом только в первые годы шестнадцатого столетия. Людовик ди-Бартема посетил северные его берега в 1505 году, а четыре года спустя стоял уже там на якоре португальский флот. Голландцы же, нынешние властители Суматры, появились на этом острове лишь в конце того же века, именно в 1598 году.

Как и на Мадагаскаре, массивы высот и гор, состоящие в большой части из слоистых горных пород, покоющихся на граните, тянутся не по средине острова, но преимущественно по соседству с океанским берегом. На Суматре они расположены, впрочем, гораздо правильнее, чем на Мадагаскаре: они тянутся от одной оконечности острова до другой по прямой почти, лишь слегка изогнутой оси, представляя в некоторых местах один только главный хребет, тогда как в других идут две, или даже три параллельные цепи, которые поперечно соединяются друг с другом второстепенными небольшими цепями, ограничивающими зеленеющие плоскогорья, цирки и долины, где струятся реки, или же дремлют озера. Там, в этих горных бассейнах, на средней высоте в тысячу метров, сгруппировались самые многочисленные деревни, и плодородная почва почти нигде не лежит втуне. В этой здоровой области—климат которой, будучи гораздо свежее приморского, пригоден даже для европейцев—соединены все благоприятные условия для того, чтоб она могла сделаться густо населенной, богатой и цветущей.

Остов Суматры составляет продолжение—отличающееся даже большей правильностью—цепи Арраканских гор в Индо-Китае, которая образует, к западу от дельты Иравадди, мыс Негре, а затем описывает удлиненную дугу Андаманских и Никобарских островов[4]. Баризанские горы—как называют всю совокупность горного рельефа Суматры—начинаются ещё в открытом море, к северу от Аджеха, островом или *poelo* Брасс, вздымающимся на 700 метров над уровнем моря. На северной оконечности этого острова находится маяк, называющийся «Суматрским маяком». Восточнее высятся: островной массив *poelo* Вай (415 метров), а затем, уже на самой Суматре, всего лишь в нескольких километрах от берега, вулканическая вершина Селава Джантейн (1.726 метров); голландцы называют её также Goudberg, т.е. «золотою горою». За этим горным вулканом, стоящим почти отдельно, следуют на востоке, вдоль северного берега, другие, большею частью менее возвышенные вершины, отграничивающие окраину ещё неисследованного плоскогорья, населенного ачиноисами: горная цепь оканчивается около Алмазного мыса (Djamboe-Ajer'a) Тафельбергом, т.е. «Столовой горою», самая верхняя терраса которой лежит на высоте 1.600 метров над уровнем моря. Ещё неосмотренный путешественниками вулкан Самаланга вздымает свой конус на 1.200 метров из-за гряды приморских холмов; но главный хребет, который, начинаясь к западу от Гудберга и от Аджехской долины, тянется вдоль океанского берега, возносит свои шпицы на гораздо более значительные высоты. Горы Абонг-Абонг и Лезех, как говорят, огнедышащие, но

1 Yule, „The Book of ser Marco Polo".
2 Marsden, „History of Sumatra".
3 P. J. Veth, „Aardrijskundig en statistisch Woordenboek van Neederlandsch Indie".
4 Ed. Suss, „Antlitz der Erde";—Kan, „Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschap te Amsterdam", 1886.

которые ещё не были исследованы, достигают, будто бы: первая—3.400, а вторая—3.700 метров высоты.

К югу от этих великанов, мощные конусы которых покоятся на втрое менее возвышенном цоколе из кристаллических горных пород, средняя высота гор уменьшается, и они разделяются на параллельные цепи, охватывающие плоскогорие Тоба и того же имени «море» или *tao*, называемое также Силалаги; это—замечательно прозрачное пресноводное озеро, имеющее поверхность в 1.300 квадр. километров и окруженное сотнями деревень, населенных баттаками: вулканы, угасшие или ещё действующие, отражаются в его водах; один из них, Долок Симанабем, извергал в 1881 году густые облака паров, а на его верхних склонах, как и на склонах соседнего вулкана, виднеется широкая желто-золотистая полоса,—вероятно, из кристаллической серы. Другой вулкан, Пэзек Бекит (Пузук-Букит), на самой окраине западного берега, обладает также обширными сольфатарами, к которым батты и приходят за серою. Возвышающийся посреди озера остров был вулканом. Извергнутые из него массы пепла соединили его как с твердою землею, так и с Пэзек Бэкитом, узким перешейком. Озеро Тоба тянется в направлении с северо-запада на юго-восток, параллельно Суматрской горной оси; оно изливается на юго-восток, в Малаккский пролив.

Амфитеатр гор, посылающий свои отроги к восточному берегу, замыкается к югу от плоскогорья Тоба, и главная горная цепь, вытянувшись в один хребет, снова принимает нормальное направление, параллельное океанскому берегу Суматры. В этой части Баризана, некоторые обыкновенные и огнедышащие горы подымаются выше 1.500 метров; из одной из этих гор вырываются клубы сернистых паров; другая имеет кратер, стенки которого покрыты желтым слоем серы[1]. Величественные боковые отроги отделяются от главного хребта на запад, образуя мысы, которые, с открытого моря, кажутся выше остальных гор. Таковы Малинтанг (1.500 метров) и Пазаман, прозванный европейскими географами Офиром, не за золотые рудники, которых там нет, но в виде намека на несметные богатства Суматры. Совершенно уединенная с виду и высящаяся всего в девяти километрах от экватора, почти как-раз по середине океанского берега Суматры, гора Офир для моряков была приметнее всех остальных гор острова. Поэтому-то её до недавнего времени считали самою высокою и приписывали ей высоту гораздо большую, нежели высота в 2.929 метров, которая признана за нею новейшими исследователями. Гора Офир имеет две главные вершины в несколько кратеров, отчасти уже осыпавшихся.

Далее, горный хребет прерывается широкою долиною реки Мазанг, к югу от которой начинается поперечная цепь вулканов, идущая с запада на восток по окраине Падангского плоскогорья. Самый западный из этих вулканов утратил облик горы: остался лишь громадный кольцеобразный обвод подножия, образующий теперь поросшую лесом ограду. Вершина исчезла. Она снесена, без сомнения, каким-либо ужасным извержением, и на месте вулкана находится в настоящее время, на высоте 459 метров, овальное озеро Маниндж у (Manindjoe), называемое также Данау (Danau, т.е. море) и выполняющее половину прежнего кратера. В это, изливающееся на запад, в Индийский океан, скопление вод впадают несколько тепловатых щелочных источников, вследствие чего оно много посещается туземными больными; от времени до времени на дне озера происходят извержения газа, при чём в воздухе распространяется запах серы, и рыбы мрут тысячами. К востоку от этого озерного кратера, напоминающего итальянское озеро Больсена, возвышается ещё сохранившийся вулкан Сингаланг (выс. 2.682 метра), немногим лишь уступающий в красоте восточному своему соседу, вулкану Мерапи, самый высший пункт которого достигает 2.848 метров. Этот вулкан—самое имя которого, Моро-Апи, т.е. «огонь-истребитель», свидетельствует уже о страхе, внушаемом горою,—есть действительно самый деятельный из семи или восьми огнедышащих гор Суматры. Он чаще других разверзался, заливая лавой соседния поля. В нынешнем столетии было уже много извержений из этого вулкана, обнаженная, красная вершина которого, лишенная всякой растительности, оканчивается тремя конусами-кратерами,

1 Franz Junghuhn, „Die Battalander“.

окруженными застывшими потоками лавы. Легенда туземных малайцев упоминает о потопе, при чём роль Арарата играет Мерапи, с которой, будто-бы, после спада вод, сошли их прародители.

Вулкан Сого (высотою в 2.240 метров), вздымается на-подобие углового пограничного столба на северо-востоке Падангского плоскогорья. Эта гористая на всём своем протяжении терраса довольно хорошо ограничивается двумя продольными грядами, на западе—главным хребтом Баризана, а на востоке—цепью Нгалау-Сарибэ. Наконец, на юге, эту часть плоскогорья окаймляет другая поперечная горная цепь, которая, подобно северной цепи, имеет угловым пограничным столбом вулкан Таланг или Сэлази, в 2.543 метра высотою, господствующий непосредственно над городом Падангом: теплые источники и сернистый газ в изобилии извергаются из трещин этой горы, которая, впрочем, не имеет на своей вершине настоящего кратера[1]; её склоны покрыты серою, которую и приходят собирать туземцы. В самой низменной части четвероугольника, образуемого горными цепями вокруг «Падангского плоскогорья», простирается продолговатой формы озеро, длинная ось которого совпадает с осью самого острова и его гор, и которое столь же хорошо исследовано, как и швейцарские озера. Это—«море» Сингкарах, изобилующее рыбой, которой достаточно для пропитания значительного числа его прибрежного населения; уровень озера понизился почти на целый метр вследствие разрушения скалистого порога, стеснявшего водослив в реку Эмбилиен, один из главных притоков реки Индрагири. Три других озера, не считая луж, расположены ярусами одно над другим на юго-восточных склонах вулкана Таланга: одно из этих озер оказывается притоком Сингкарахского моря. Высота положения, поверхность и наибольшая глубина двух озер плоскогорий Паданга следующие[2]:

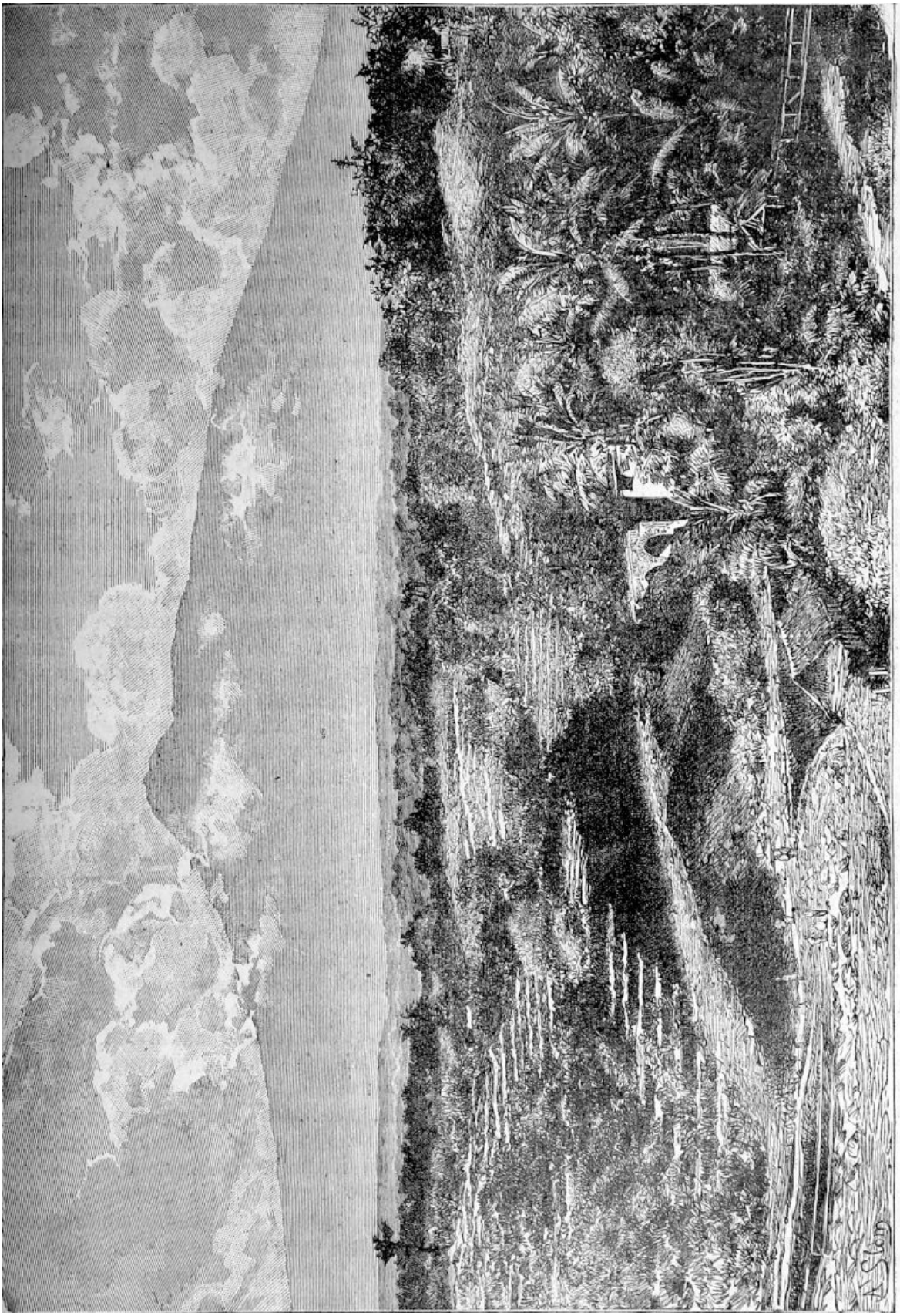
	Высота над уровнем моря	Поверхность	Наибольшая глубина
Маниндж у	159 метров	100 кв кил.	157 метров
Сингкарах	362 »	112 »	269 »

К югу от Таланга, Баризанская горная цепь вытягивается в одну гряду, идущую вдоль берега Индийского океана, на расстоянии, в среднем, 25 километров. Здесь-то и возвышается, стоящий почти уединенно, к востоку от общей линии остальной гряды, вулкан Коринтжи (Korintji, 3.690 метров), называемый также Индрапура (Indrapoera), т.е. «город Индры». Этот вулкан, оспаривающий у Лузеха первенство между великанами Суматры, подобно всем большим индийским горам, считался жилищем богов. Пары почти постоянно выделяются из его обширного кратера; Вет и ван-Хасселт, которые имели случай осмотреть жерло этого кратера, говорят, что «окружность его громадна, а глубина—несколько сотен метров». Эта величавая гора имеет, подобно горам «Высоких Земель» Паданга, свою небольшую систему озер в долинах своего основания: ручей, зарождающийся у её подошвы, затем один поток, текущий вдоль восточного склона вулканической цепи, впадает в *данау* Коринтжи, откуда выходит поток, изливающийся в реку Джамби. К югу, следуют другие вулканы, расположенные по общей оси острова. Большинство из них уже угасли; сильные извержения ещё часты только из вулканов Каба и Демпо. Каба (высотою в 3.650 метров), господствующий над горою Suikerbrood, т.е. «Голова Сахара», лежит в 50 километрах на северо-восток от города Бэнкулена (Бенкулен) и оканчивается двумя кратерами, из которых один неприступен; оба они потрескались, и из их расселин вырываются клубы пара. В 1875 году, вулкан заволновался, и последовал целый ряд извержений, длившихся три года; соседния горы и долины, более чем на 35 километров в окружности, покрылись песком, перемешанным с химическими веществами, смертельными для растений и животных; когда песчаные берега соседних ручьев обрушатся в воду,—живущая в ней рыба умирает, отравленная. Вулкан Демпо (3.170 метров), находящийся в сотне километров к юго-востоку от Бэнкулена, пребывает в состоянии постоянной деятельности. Обширный кратер, Савах (Sawah), не извергает уже более пламени; там посреди вересков и рододендронов туземцы безопасно могут приносить

1 Voth;-van Hasselt, „Bulletin de la Societe de Geographie", decembre 1878

2 „Carte geologique de Versteeg".

жертвы богу, деве, жилище которого, по их верованию, находится на возвышающемся над Савахом конусе, где открылся новый кратер и который, подобно вулкану «Высоких Земель» Паданга, тоже называют Мерапи. На дне жерла, метров на сто ниже кругообразной верхней



Жэдэ.—Видъ Буитцензорга.

закраины, виднеется маленькое, блестящее, как поверхность ртути, озеро. В средине его периодически наблюдается появление черной точки, которая сначала всё увеличивается, а затем, углубясь, превращается в воронку, мгновенно втягивающую в себя воду. Несколько ми-

нут спустя, глухой рокот начинает отдаваться в скалах; шум, постепенно приближающийся, наконец разражается на-подобие грома, и озерная вода, превращенная в пары, выбрасывается в виде мощной струи из недр горы, а затем снова ниспадает в кратер. Таким образом, каждые пятнадцать или двадцать минут озеро исчезает, затем снова появляется в виде величественного гейзера, высотою «в несколько сот футов»[1].

Южнее, в высоком цирке (518 метров), окруженном с трех сторон угасшими вулканами и бывшим, повидимому, некогда кратером, находится *ranau*, т.е. море (слова: danau, ranau и tao, употребляющиеся в разных диалектах, обозначают одно и тоже)[2]. В центре, это ranau имеет «чрезвычайную глубину»; горячие ключи, вытекающие близ южного берега из склонов вулкана Симинунга (Siminoeng), поднимают температуру этой части озера настолько, что попадающие туда рыбы умирают. На юге, горная цепь Баризана раздваивается: одна из ветвей, следующая нормальному направлению острова, по прямой линии идет на юго-восток и оканчивается на мысе Тжина низкими холмами, продолжение которых пересекло бы в открытом море небольшой остров Принцев, а также и северо-западную косу острова Явы. Другая же ветвь, собственно вулканическая гряда Суматры, тянется восточнее, указываемая издали её высокими коническими вершинами: Бэзаги, Секинджо, Тебах и Тангкамус (2.262 метра); впрочем, последняя гора более известна под именем Кейзерс-Пик, т.е. «императорский пик». Пик этот стоит вблизи южной оконечности Суматры, на берегу бухты Саманг-ка, и при посредстве подводной расселины, вероятно, находится в связи с вулканическим жерлом острова Табуан. На самой же Суматре цепь вулканических гор продолжается посредством вулкана Тангка, высотою 1.042 метра, вплоть до срединной оконечности острова. Окаймляющая бухту Лампонг холмистая окраина соединяет эту цепь с скалистым остовом третьей оконечности Суматры, которая, в предшествии целой вереницы островов и подводных рифов, выдвигается к Яве. Зондский пролив здесь имеет в ширину всего лишь двадцать шесть километров.

Угасший вулкан Раджа-Басса (1.341 метр), заканчивающий на юге ряд 66 суматрских вулканов, образует с северной стороны как бы другой устой морских ворот в Зондском проливе; так как он не находится на продолжении той оси, на протяжении которой от Абонг-Абонга до Тангки лежит цепь высочайших горных вершин, то можно предположить, что этот вулкан стоял некогда на уединенном острове, который соединился с Суматрою вследствие поднятия почвы или, быть-может, засыпки разделявшего их пролива дождем из пепла. Раджа-Басса составляет часть поперечной гряды вулканов, ось которой, направляясь с северо-востока на юго-запад, перерезывает ось суматрских вулканов; представляя с виду весьма незначительную, почти неприметную на поверхности земли, выпуклость, эта начинающаяся от Раджа-Басса цепь вулканов проходит в Зондском проливе чрез два острова: Себэзи и Кракатау, и, быть-может, продолжается в Индийском океане, так как именно на продолжении линии, идущей от Раджа-Басса к Кракатау, но на расстоянии около тысячи километров, находятся острова Килинг, поднимающиеся с глубины в 5.500 метров. Но Суматрская и Кракатауская гряды вулканов пересекаются в Зондском проливе ещё третьей цепью, именно Явскою расщелиною, на протяжении которой, от запада к востоку, расположен ряд грозных огнедышащих гор. Таким образом в этом месте пересечения вулканических гряд земная поверхность как бы дала звездообразную трещину, являющуюся местом наименьшего сопротивления, где разрушительное действие подземных сил иногда, и даже ещё недавно, проявлялось в грандиозных размерах.

Ещё недавно вулкан Кракатау (832 метра высоты), по временам выделявший лишь пары, которые расстилались по направлению муссона, радостно приветствовался плывущими по проливу моряками, благодаря тому, что суда безопасно могли под сенью этой горы бросать якорь на глубине 50 или 60 метров. Последнее извержение, упоминаемое в летописях, но давно уже позабытое туземцами, было в 1680 году. В мае 1883 года вулкан пробу-

1 Henri O. Forbes, „A Naturalist's Wanderings in the Eastern Archipelago“.

2 Fr. Junghukn, „Battalandes“.

дился; на одном из северных его отрогов образовалась расселина, из кратера стало выбиваться пламя; грохот и взрывы, сопровождавшиеся выделением дыма и пепла, чередовались друг с другом. Тем не менее это извержение не отличалось вовсе от других того же рода явлений, столь часто наблюдаемых во многих местностях Инсулинда, и не возбуждало страха в обитателях соседних островов. Поэтому жители Батавии, чтобы полюбоваться зрелищем, посещали необитаемый остров Кракатау и даже подходили к кратеру. Но после трехмесячного подземного гула и взрывов, произошло настолько сильное извержение, что впродолжении каких-нибудь трех часов география Зондских островов совершенно изменилась. В Батавии, отстоящей от места катастрофы на 150 километров, грохот был такой страшный, что опасались извержения по соседству и думали, что город будет поглощен землею; во всех морях близ Зондских островов и Южного Китая, в Бенгальском заливе и в половине Индийского океана, вплоть до острова Родригеса, слышалась как бы пушечная пальба. Многие предполагали даже, что в соседних морях происходит жестокое сражение. Сотрясения от вулканических взрывов колебали атмосферу на громадном пространстве, охватывавшем, по исчислениям, четырнадцатую часть всей земной поверхности; может-быть, даже подземный гул, который был слышен на американском острове Кайман Браке—почти антиподе Кракатау—исходил из того же вулканического центра, деятельностью которого обусловливалось это извержение[1]. Тучи пепла—выброшенные на высоту, по одному показанию, до 27, а по другому, даже до $35^1/_2$ километров—ниспадали, образуя толстые пласты вокруг взорванного на воздух острова: в 15 километрах от вулкана слой пепла достигал толщи в один метр; более чем в 150 километрах, внутри острова Суматры, в некоторых местностях пепел лежал слоями в 5 и 6 сантиметров толщины; в 1.200 километрах от Кракатау, в Индийском океане, по ту сторону островов Килинг, вода была ещё покрыта налетом пепла[2]; вообще же, всё количество горных пород, изверженных в форме пепла и пемзы, которые прибивало даже к берегам Мадагаскара, исчисляется в восемнадцать миллиардов кубических метров. Если необычайное великолепие утренних и вечерних зорь, характеризовавшее осенние месяцы 1883 года, было действительно обусловлено извержениями вулкана Кракатау[3] и огнедышащих гор Богослова и Августина на островах Алеутских и Аляске[4]—то пришлось бы заключить, что вся атмосфера нашей планеты была наполнена мелкою вулканическою пылью до верхних своих слоев. Моря всюду содрогнулись, как свидетельствуют об этом показания прибрежных мареографов. В Индийском океане, большая, вызванная землетрясением, волна распространилась от места катастрофы до мыса Доброй Надежды в течение тринадцати часов.

Бежавшие жители угрожаемых деревень, моряки с судов, находившихся вблизи места извержения, заставили думать сначала, что поле разрушения было гораздо обширнее, чем впоследствии оказалось. Тем не менее, когда пепел рассеялся, и явилась возможность снова отважиться на плавание в Зондском проливе, взорам мореплавателей представилось поразительное зрелище. Города Анджер и Тжаринги, на берегу Явы, и Бенеаванг и Телок-Бэтонг, на берегу Суматры,—исчезли; никакого следа не осталось и от деревень, которыми было перед тем усеяно побережье; леса кокосовых пальм, простиравшиеся от моря вплоть до подошвы гор, были смыты и унесены в море; волна, высотою от 30 до 36 метров, поднятая обвалом горы в пучину, хлынула с ужасающей силой на берега, разрушая мысы и вырывая новые бухты; все человеческие работы были уничтожены, и более сорока тысяч жителей, застигнутых врасплох в это ужасное утро «мрачнее ночи», утонули или в водах морского потока, или в жидкой грязи, которая, в виде дождя, ниспадала с неба. В самом Зондском проливе, невдалеке от места грозной катастрофы, остался жив и невредим только один сторож на маяке, возвышавшемся на сорок метров над маленьким скалистым островком; при наступившей темноте он не заметил даже волны, затопившей маяк вплоть до фонаря. От острова

1 F. A. Fogel, „Seance de l'Academie des Sciences“, 9 Mars 1885.
2 Vorbeck, „Krakatoa“, „Nature“, May, 1, 1884.
3 Norman Lockyer, „Times“, December, 8, 1883.
4 Emil Metzger. „Petermann's Mittheilungen“, 1886

Кракатау остался только южный вулкан; все же северные горы, т.е. две трети острова, с поверхностью приблизительно в двадцать километров, взлетели на воздух, и на их месте образовалась пучина, где лот, в триста метров длины, не достигал дна. Южный вулкан отграничивался от неё обрывом, при чём на поверхности разлома виднелись все слои лав, образовавших вулкан. С этого обрыва беспрерывно валились груды камней, падение которых вздымало к небу облака пыли[1]. Взамен исчезнувших участков суши, поднялись со дна моря другие, образовавшиеся из пепла и пемзы; поверхность острова Ферлатена более, чем удвоилась, и там, где прежде лот показывал семьдесят метров глубины, виднелись холмы. Некоторые острова, напр. Себэзи,—покрытые перед тем лесами и селениями—превратились в белевшиеся конические груды камней. Кроме новых островов, появились в проливе пловучия массы пемзы, образовавшие запруды перед входом в бухты, долго препятствовавшие проходу судов. Мало-по-малу удар волн и движение зыби и прилива очистили пролив от этих пловучих островов и размыли откосы насыпей из вулканического пепла; но разверзшийся на севере Кракатау подводный кратер сохранился. Произведенные затем на месте катастрофы геологические исследования показали, что этот кратер существовал уже и раньше, тогда как вся северная часть Кракатау была сравнительно недавнего происхождения; уцелевший теперь южный вулкан, вместе с двумя островами, Ферлатевнм и Лангом, являются тремя внешними отрывками, образующими, так сказать, треножник, на котором стояла гора, возвышавшаяся когда-то на две тысячи метров над кратером.

Реки Суматры—совершающие геологическую свою работу гораздо медленнее, чем вулканы—произвели, однако, гораздо более изменений в облике страны. Почти половину острова занимает территория, горизонтальные намывные пласты которой свидетельствуют, что она принесена в дар реками. Образуя низменное побережье, эти пласты прилегают к подножию круч кораллового известняка, в былое время служивших морским берегом на восточном склоне Баризана; более двух третей восточного берега—современной формации, и новые наносы непрерывно его увеличивают. На западном склоне гор, действие рек гораздо слабее: их бассейн не настолько велик, чтобы они могли уносить в море значительное количество ила; тем не менее, и на этом побережье аллювиальные напластования занимают обширные пространства. Огромная масса дождевой воды, выпадающей на обоих склонах Суматры, объясняет громадность результатов геологического действия рек и речек. В среднем, Паданг получает в год 4 метра и 800 миллиметров атмосферной воды; Палембанг, на другом берегу, орошается ещё обильнее, самые же сильные дожди разражаются на первых склонах гор[2].

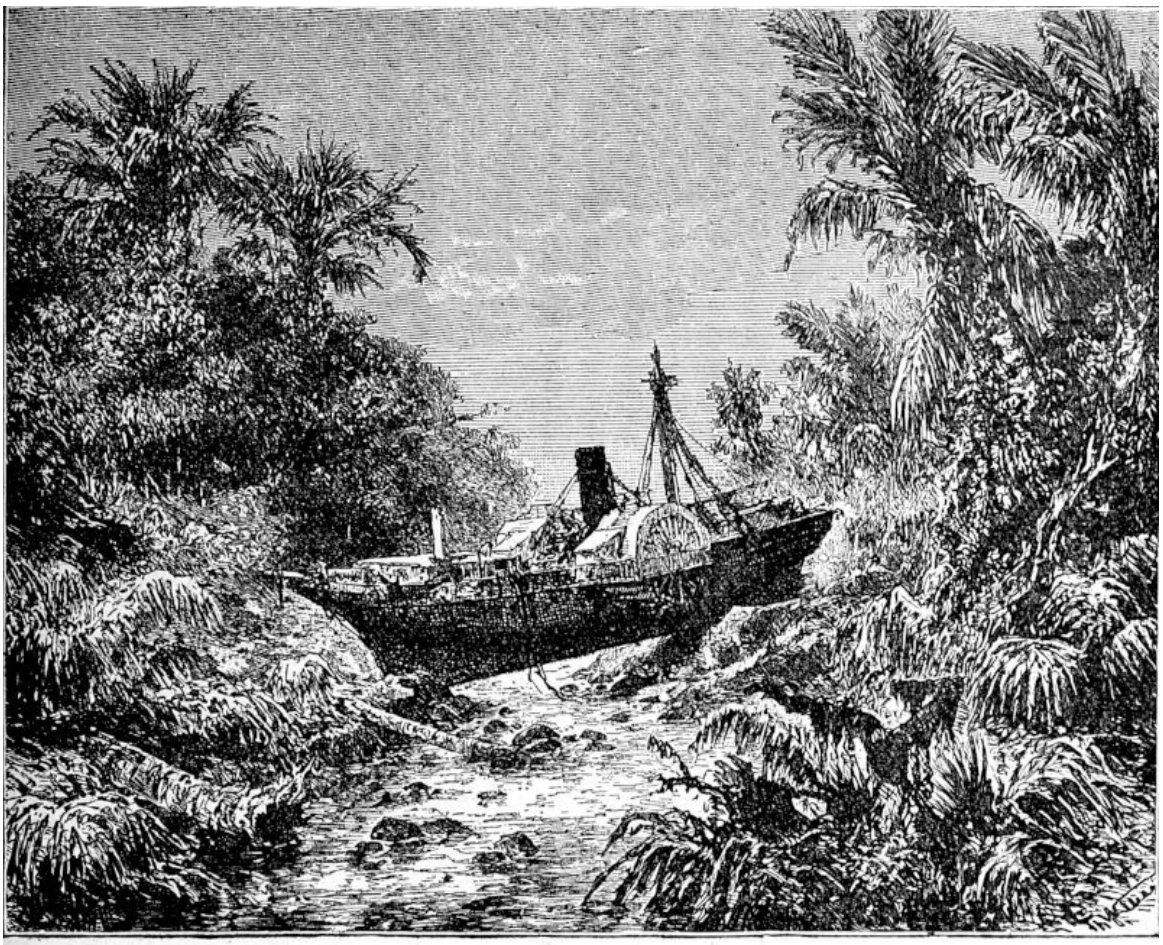
Река Азахан, принимающая избыток вод озера Тоба, течет на восточном склоне; южнее её, река Рокан, изливается в Малайский пролив двумя устьями, затянутыми илом. Вся длина этой последней реки превышает двести километров,и около половины её течения приходится на низменные земли, которые она же отложила и выровняла. Реки Сиак и Кампар изливаются в лабиринт морских проливов болотистого архипелага, лежащего к западу от Сингапура; хота обе эти реки и судоходны более, чем на сто километров от устья, тем не менее, они извиваются среди почти необитаемых равнин, смертельных для чужеземца. К югу от Кампара струится река Индрагири, истоки которой находятся тоже по соседству с западным берегом, на «Падангском плоскогорье». Пройдя сквозь пресноводное озеро или «море» Сингкарах, она течет, под именем Эмбилиена, чрез изобилующий каменным углем район древнейших третичных формаций, затем, образуя несколько порогов и водопадов, покидает область плоскогорий, и, направляясь параллельно Кампару, несет свои воды в бухту Амфитриды; около её устья, на юге, в небольшом бассейне Ретех, находятся также каменноугольные напластования. Корабли подымаются вверх по реке на большое расстояние вглубь страны, но не достигают местонахождения каменноугольных копей.

Река Джамби, верхние истоки которой вытекают на северной и на южной стороне горы Индрапуры—самого высокого пика на острове—имеет сравнительно самый обширный бас-

1 Cotteau, „En Oceanie“;—Breon et Korthals, „Mission Scientifique dans le detroit de la Sonde“.

2 Henry O. Forbes, упом. соч.

сейн и несет в море наибольшую массу воды. Перед городом Джамби, расположенным в сотне километров выше устьев, ширина реки, при низких водах, равняется более, чем четырестам метрам, а глубина превышает пять метров; в половодье масса воды в реке более чем удваивается; пароходы с осадкой в метр поднимаются по Джамби и главному её притоку, реке или *batang*'у Хари, на шестьсот километров от моря; что же касается малых лодок, то они проникают на сто семьдесят пять километров далее. Палембанг, или Моэзи (Музи), река, берущая свое начало тоже на высотах западного берега, собирает воды восточного склона на пространстве около трехсот пятидесяти километров, затем, достигнув, ниже города Палембанга, низменной равнины, делится на множество рукавов, разветвляющихся до бесконечности среди болот. Главный рукав, Сузанг,—впадающий в Бангсский пролив, у север-



Пароходъ, выкинутый на берегъ Телокъ-Бэтонга волною, шедшею отъ Кракатау.

ного входа в этот канал,—содержит ещё довольно воды, чтобы подымать большие суда в половодье и суда среднего размера в остальное время года; что же касается других протоков, то они, разветвляясь направо и налево, соединяются с различными речками, сливаются в озера, разливаются в болота, смешиваются с морскими водами под сенью лесов из корнепусков, В общем, на протяжении всей речной области, эти на-половину затопленные, необитаемые и почти непригодные для заселении земли занимают площадь приблизительно в двенадцать тысяч квадратных километров. По местным преданиям, которые, может-быть, не имеют другого основания, кроме вида быстрых захватов прибрежной полосы моря землею, вся область дельты Музи образовалась, будто бы, уже в исторический период, и город Палембанг, расположенный ныне весьма далеко от устья, был прежде построен на самом берегу, при входе в реку. Произрастающие по берегам моря и рек корнепуски способствуют этим быстрым захватам, с одной стороны, задерживая между своими стволами всевозможные наносы, а, с другой стороны, роняя свои плоды вне побережья, в воду, где они падают на дно и пускают

корни[1].

К западу от Суматры тянется ряд земель, расположенных параллельно западному её берегу. Пучина, глубиною более двух тысяч метров, отделяет эту цепь островов от Никобарского архипелага, но она, однако, соединена с Суматрой подводными склонами. Эти острова образуют, так сказать, внешнюю окраину Суматры и состоят из тех же третичных напластований, как и суматрское поморье[2]. Подымаясь с глубины приблизительно в сто метров, эти острова находятся как раз на карнизе Инсулиндского цоколя; тотчас же к западу от них, морское ложе углубляется, и уже в сотне километров от берега, лот находит пучины более чем в пять тысяч метров. Начинаясь на северо-западе островом Баби, цепь западных островов тянется параллельно Суматре на расстоянии более 1.200 километров и оканчивается на юго-востоке островом Энгано[3]. Быть-может, и уединенный утес, остров Рождества, отстоящий на 500 километров далее, тоже принадлежит к этой цепи, так как он находится на протяжении её оси; однако, дальность расстояния и большие промежуточные глубины позволяют в этом сомневаться. Что же касается всех остальных западных островов, то они несомненно—и по своему географическому положению, п по своему образованию—принадлежат к Суматре и все вместе имеют поверхность, равную 14.982 квадр. километрам, а население их в общей сложности исчисляется в триста тысяч человек.

Что касается тех островов у восточного берега, которые расположены на одном цоколе с тремя большими землями Инсулинда, то самые значительные из них отличаются, по своему происхождению, от Суматры и должны быть изучаемы отдельно. Низменные острова—образовавшиеся из наносов и отделенные неглубокими каналами от других, едва вышедших из-под воды низин, созданных и сглаженных суматрскими реками—должны быть отнесены к естественным придаткам обширного главного острова: таковы острова Репат, Бенгкалис, Паданг, Рангзанг, Рантау и другие, лежащие близ речных устьев; но те, которые лежат мористее, и на которых встречаются холмы и даже горы, оказываются уже иного происхождения; они принадлежат к той же формации, как и полуостров Малакка. Подобно ему, они имеют гранитный остов, вокруг которого простираются слои латерита; кроме того, они расположены как раз на одной и той же оси с континентальною Малезиею и составляют её продолжение, размытое морем на отдельные массивы. Но в то время, как море разрушает с одной стороны, реки созидают с другой; они приносят обломки с высоких суматрских гор и располагают их направо и налево слоями, всё более и более вдающимися в море, вследствие чего мало-по-малу остров и увеличивается в направлении к востоку. И если прибрежные морские течения не углубят проливы, то последние в конце концов будут совершенно заполнены наносами, и восточно-малайские острова, архипелаги Риув и Лингга, Бангка, с окружающими его островками, присоединятся к большой восточной земле, где и затеряются, на подобие эрратических глыб, среди песков и глин новейшего образования[4].

Известно, что Суматра, вместе со всеми Инсулидскими землями, находится в полосе переменных муссонов: юго-восточного, составляющего правильный пассатный ветер, дующий с мая по сентябрь, и северо-западного, дующего с ноября по март и приносящего самые сильные дожди; малайцы, поэтому, и обозначают запад выражением: «верх ветра», а восток называют: «низ ветра»[5]. Относительно флоры и фауны, Суматра отличается от соседних островов большим числом любопытных видов. Она обладает большою рафлезиею (*rufflesia*), исполинским ароном (*amorphophallus titanum*), который достигает более пяти метров в вышину, и своеобразными фиговыми деревьями, ветви которых углубляются в землю, а плоды

1 Lehuert, „Deutsche Rundschau fur Geographie“. November, 1882.

2 Martin, „Bijdragen tot de Taal-Land-en Volkenkunde“, 1883.

3 Telandjang малайцев, Taigoeka самих островитян. Ходячее же наименование, как кажется, по происхождению испанское;—Engano, т.е. „остров заблуждения“.

4 Alfred R. Wallase, „The Malay Archypelago“.

5 S. E. W. Roodra van Eystinga, рукописные заметки;-A. de Pina „Pays des Epices“.

выходят из неё на-подобие небольших грибов[1]. В направлении с севера на юг наблюдается постепенный переход: в то время, как сосна pinos Merkus господствует в некоторых гористых местностях Суматры к северу от экватора, хвойные растения уже не встречаются на юге. Таким образом, районы обитания многих видов сменяются или смешиваются друг с другом на протяжении всего острова, от одной его оконечности до другой; но на берегах Зондского пролива, вид растительности представляет ещё, между Суматрою и Явою, некоторый контраст, бросающийся в глаза даже не ботанику[2]. Одну из характерных особенностей флоры Суматры, в сравнении с флорой Явы, составляет большое относительное протяжение в сравнительно степных пространствах, покрытых *сланго́м* и *глаго́й*, травами в метр высоты, заглушающими произрастание древесных семян и делающими почву бесплодною, если одержат верх над остальною растительностью. На Яве эти травы не спускаются ниже девятисот метров, на Суматре же встречаются ещё вплоть до 240 метров над уровнем моря, и беспорядочные, поспешные распашки значительно увеличили в исторический период область их распространения. Из всех инсулиндских земель, Суматра—самая богатая древесными породами, выделяющими камедь и смолы, имеющие большую торговую ценность. Здесь, между прочим, произрастает величественное камфарное дерево *dryabalanops*, продукт которого китайцы некогда покупали на вес золота; отсюда Европа получила впервые гуттаперчу (*getapertja*). Доставлявшее этот драгоценный продукт большое дерево, *isanandra pertja*, исчезло под ударами дровосеков, но на острове есть ещё много других растений, тоже производящих гутаперчу, Суматра обладает десятью видами коричного лавра: нигде в других странах он не встречается в таком изобилии; поэтому, очень вероятно, что этот остров был центром, откуда коричный лавр рассеялся по другим странам[3].

Между фаунами двух островов замечается большее различие, чем между их флорами. На Суматре, кроме оранг-утанга, встречающагося в одном только округе, на северо-восточном берегу, водятся также и другие замечательные обезьяны, между прочим, galeopithecus или летающий лемур; слон—истребленный в населенных областях, где, в трясинах и в болотах, находят ещё его остовы,—зачастую попадается в лесах и тростниках северо-восточного берега; по словам туземцев, существует два различных, не скрещивающихся между собою, вида слонов. Тапир, подобно оранг-утангу и слону, не водится по ту сторону Зондского пролива, а встречающийся в лесах Суматры малорослый носорог отличается от большого, редкого уже теперь, явского носорога. Что бы ни говорил Марсден, всё-таки невероятно, чтобы гиппопотам принадлежал к суматрской фауне. По Хагену, последняя состоит, включая сюда и домашних животных, из 60 видов млекопитающих и 120 видов птиц.

Вследствие неодинаковости окружающей среды и разнообразия в смешанном составе малайского населения Суматры, замечается большое различие в нравах и цивилизации различных провинций острова. Так, жители северной области острова, атжехи или ачинцы, считают себя совершенно особым племенем. Дворянство у них ведет свой род от арабских переселенцев, и, действительно, оно, повидимому, смешанного происхождения. В течение пяти столетий, предшествовавших прибытию португальцев в Инсулинд, торговля страны находилась в руках арабов, которые и вступали в брак с туземными женщинами. С конца XII столетия жители были обращены в ислам, и позднее Атжехское королевство стало центром мусульманской пропаганды: оно имело своих богословов, которые издавали книги на арабском языке; не было недостатка и в сектантах, которые проповедывали новую пантеистическую веру, и которых, по примеру европейских государей, атжехские султаны присуждали к смерти, повелевая сжигать сочинения их на костре рукою палача[4]. Хотя арабское влияние значительно уменьшилось в позднейшие времена, тем не менее у атжехов сохранилось

1 Henry O. Forbos, упом. соч.
2 Miquel, „Beschrijving van Sumatraś Plantenwereld“.
3 Carl Schuman, „Untersuchengen uber die Zimmtlander“. Erganzungsheft, № 73.
4 Veth;—Vat der Tuuk, „Malay Manuscripts of the R. Asiatic Society“.

много обычаев, принесенных из Аравии их воспитателями, и слова их—весьма испорченного примесью чужеземных выражений—малайского языка на письме изображаются арабскими буквами; их сановники носят халаты и тюрбаны, на-подобие купцов из Джедды, но женщины не закрываются чадрою.

Про атжехов говорят, что они вероломны и жестокосерды, но в этом принято обвинять все народы, защищающие свою независимость; по крайней мере у атжехов не оспаривают ни храбрости, ни любви к труду. Будучи опытными земледельцами, они собирают со своих полей большие урожаи риса и пататов. Это именно и позволило им вести в течение пятнадцати лет войну с голландцами. Подобно индусам, бирманцам и сиамцам, атжехи, как рассказывают, умеют приручать слона и употреблять его для переноски товаров. Будучи искусными ремесленниками, они выделывают из золота и серебра разные драгоценные вещи, ткут хлопчато-бумажные и шелковые ткани, строют крепкия суда, на которых и отправляются торговать с соседними островами и материком, а порою также и поразбойничать на море. Вне Суматры главные склады их товаров находятся в Пуло Пинанге и в Сингапуре: оттуда они ввозят к себе и опий, будучи страстными потребителями этого наркотического средства.

К югу от атжехской провинции, горная страна населена ещё независимыми и лишь отчасти обращенными в ислам народцами, гайусами (gayou), которые известны только по имени и, будто-бы, обитают на берегах «пресноводного моря» Laoet Tawar[1]; затем следуют таинственные аласы (alas), и баттаки или батта, скученные в особенности вокруг озера Тоба: по показаниям миссионера Номменсена, в бассейне этого внутреннего моря население достигает по крайней мере трехсот тысяч человек, но делится на две группы, между которыми не существует почти никаких сношений: на северных батта, торгующих с атжехама, и на южных батта, ведущих торговлю с Дели и Сибогхой (Sibogha). Вне пределов озерной области, которую эти туземцы называют местом происхождения их расы, баттакские населения рассеялись на большое расстояние: племена их встречаются на юге вплоть до горы Офир: на востоке они заняли весь восточный склон, вплоть до устья р. Билы (Bila); кроме того, жители провинции Тапаноэли (Тапанули), на западном склоне гор, суть также батты, порабощенные padri, т.е. «отцами», фанатических мусульман, предоставлявших побежденным на выбор: или принятие ислама, или смерть. Многие этнологи относят к баттакам также и островитян ньясси (niassi). Но, даже принимая в рассчет только одних, как чистокровных, так и смешанных, суматрских баттаков, общую численность их надо считать не менее миллиона душ.

Благодаря своему обособлению в горах, чистокровные баттаки походят на даяков острова Борнео и на альфуру острова Целебеса. Из них хотели даже создать особую расу[2], как будто изменения среды и рода жизни не достаточны для объяснения различий в облике. Большая часть антропологов относит их к первобытным расам, родственным тем полинезийцам, которые населяли Инсулинд, где они истребили или вытеснили негритосов, но, в свою очередь, были и сами истреблены или вытеснены другими племенами. Впрочем, замечается нечувствительный переход в типе между приморскими малайцами и горными баттаками. Вообще говоря, горные баттаки, по крайней мере на плоскогории, имеют, сравнительно с малайцами, кожу несколько белее. Они больше ростом, а волосы на голове и бороде у них изобильнее. Походкою и чертами они схожи с индусами, первыми их учителями в искусствах и ремеслах. Хотя самое наименование «batta»—без сомнения, происходящее от санскритского слова «bhata», т.е. «дикий»[3]—свидетельствует об их низшем состоянии сравнительно с их цивилизаторами, тем не менее, баттаков должно причислить к цивилизованным нациям. Теперь они потеряли всякое воспоминание об индусах, под влиянием которых находились в средние века, и мало-по-малу омусульманились под влиянием малайцев, принявших ислам,

1 Brau de Saint-Paul Lias, „Bulletin de la Societe de Geographie", 4-me trimestre, 1885.

2 Junghuhn, „Die Battalander auf Sumatra".

3 Lassen;—Vivien de Saint-Martin, „Dictionnaire de Geographie universelle".

в особенности же атжехов и падри (на западном берегу). У них проповедуют также и христианские миссионеры, по большей части немцы, но проповедь эта имеет результатом лишь возбуждение сомнений, вызываемых зрелищем соперничествующих религий. До озера Тоба,

Ява.—Императоръ и императрица Суракарты.

внутрь земли баттаков европейцы в первый раз проникли лишь в 1867 году; спустя шесть лет посещение это повторилось, и у баттов поднят был вопрос о том: не следует ли карать смертью чужестранцев, которые являются осквернять их священную землю. Теперь, однако, привыкнув к европейцам, батты уже не препятствуют их путешествиям; покориться гол-

ландскому оружию должны были, в 1883 году, даже и жители южных берегов озера Тоба.

Несмотря на чужестранные влияния, индуское, магометанское и христианское, цивилизация у баттаков сохраняет замечательную своеобразную основу. Будучи, подобно своим соседям, земледельцами, они не только возделывают рис и кукурузу, но также занимаются скотоводством; у них большие табуны лошадей и стада буйволов, коз, свиней и собак, откармливаемые для общинных пиршеств: обыкновенной пищей баттака служат лишь хлебные зерна, коренья и плоды. Горные баттаки не употребляют бетеля, столь любимого остальными малайцами, но страстно предаются курению табака и жуют смесь из извести и листьев гамбира (*uncaria gambir*). Они не украшают лица и тела татуировкой и не придерживаются обрезания. Принятие юношей в полноправные члены общества празднуется подпиливанием зубов. Промышленность довольно развита в баттакских деревнях: особенно искусны там кузнецы, оружейники и ювелиры; ткацкия работы и горшечное дело предоставляются женщинам. Батты умеют строить весьма изящные жилища, из которых иные походят на швейцарские домики и состоят из двух этажей, над нижним помещением, служащим конюшнею. В некоторых округах принято всею общиной пособлять при возведении дома; также строят сообща и терема для взрослых девушек; во многих местностях, несколько семейств проживают в одном помещения, маленькой крепостце, окруженной частоколами, для защиты от нападений. В каждой деревне есть общественное здание, где хранятся цепные вещи и где чужестранцам оказывают гостеприимство. Книги и другие документы, вырезанные на дереве, древесной коре и листьях, находятся в числе сокровищ, сохраняемых особенно тщательно, так как баттаки умеют читать и писать; тогда как приморские малайцы заменили свои древние, индусские буквы арабскими, баттаки ещё пользуются старинною азбукою, заимствованною из санскритского алфавита; они пишут справа налево на пластинках из луба и снизу вверх на камышах и палочках, которые и поступают в их архивы. Их язык, содержащий много индусских слов, значительно отличается от поморского малайского говора, а словарь богаче; кроме того, у баттаков есть особенные жаргоны для женщин, воров и колдунов; молодые мужчины и девушки переписываются друг с другом при помощи древесных листьев. У баттаков имеются и почтовые сношения: дупла в деревьях на перекрестках дорог служат ящиками для писем.

Баттаская община, называемая в некоторых округах *марга* (marga), составляет автономную группу, скорее представляемую, чем управляемую раджей или *pamousonk*'ом, так как дела обсуждаются всеми сообща. Также существуют и группы деревень, образующия нечто вроде маленьких республик, находящихся в федеральной связи друг с другом; наконец, констатированы также следы существования прежде монархической власти в тех изъявлениях благоговейного почтения, которыми осыпали одного раджу, пребывающего в Барака, большой деревне, расположенной на юго-западной стороне озера Тоба и недавно завоеванной голландцами. Все члены общины почитаются связанными узами кровного родства. Тем не менее они неравноправны, и лица низшего класса, по приказу общинного совета, могут быть даже отданы в залог или проданы за долги или за проступки и преступления. Приговоры баттских судов суровы и обыкновенно санкционируются большими штрафами в пользу раджи. За тяжкия преступления—к которым не причисляется простое убийство, и к которым отнесены: прелюбодеяние с женою раджи, шпионство, измена и вооруженное восстание—судьи недавно приговаривали, а может-быть, приговаривают ещё и теперь, к отсечению головы. Вместе с тем баттские законы, единственные из всех писанных кодексов, содержали постановление, которое в виде обычая существовало также у многих первобытных, народов[1], именно—оскорбленная община должна была, в интересах правосудия, съедать виновного. В некоторых, особенно тяжких случаях, несчастливца приговаривали к съедению живьем. Близкие родственники жертвы, как солидарные с общиной, должны были принимать участие в этом пиршестве и даже доставлять необходимую к нему приправу: соль и лимонный сок. Нужно заметить, что у баттаков людоедство практиковалось исключительно только по

1 Leon-Metchnikow, „Revue internationale des Sciences Biologiques". VII, 1873.

суду, да и то лишь по отношению к мужчинам. Женщин же никогда не осуждали на съедение[1]. В наши дни батауки уверяют, что людоедство у них совершенно прекратилось, но сомневаются в их правдивости; полагают также, что они, на похоронах своих вождей, умерщвляют рабов, которых заставляют предварительно наряжаться и танцевать перед вырытою могилой. По Юнгхуну (Junghuhn) и другим писателям, людоедство у баттаков относительно недавнего происхождения, чему, впрочем, противоречат свидетельства древних авторов. Арабские предания и рассказы первых европейских мореплавателей, посетивших Суматру, описывают местных горцев, как людоедов, пожирающих немощных и престарелых своих земляков. Убедившись, что не в силах более работать, деды взлезали на дерево и, уцепившись руками за толстую ветвь, свешивались вниз. Тем временем семья и соседи плясали вокруг, припевая: «Когда плод созреет, он сам упадет». В конце концов, жертва действительно падала, и на неё бросались, чтобы разрубить на куски. Обыкновенно эти пиршества устраивались во время созревания лимонов[2].

Военно-пленные считаются виновными в «мятеже против победителя», а потому всего менее могут рассчитывать на пощаду. К тому же, большая часть войн весьма кровополитны. Так как законы баттакские не позволяют обратить общину в рабство или отнять у неё землю, то отмстить ей можно только избиением её членов, и гирлянды из отрезанных голов на домах раджей свидетельствуют об усердии, с которым их воины исполняли свой долг. Во многих округах, беспощадные войны между соседними селами замедляют прирост баттского населения, которое, с другой стороны, уменьшается также благодаря обычаю прибегать к производству выкидыша,—обычаю, как кажется, общераспространенному. Браки у баттаков —довольно поздние, по причине дороговизны невест, ибо обыкновенно муж покупает себе жену; но существует и другая форма брачного союза, матриархального происхождения,—покупка мужа женою. В качестве простой движимой собственности, купленный супруг может быть взят за долги или завещан в наследство.

У баттаков сохранились следы индусских религиозных верований. Они признают трех главных богов; Создателя, Хранителя и Разрушителя, и допускают существование божеств и духов, которым дают почти индийское наименование *diebata* (*devate*); впрочем, религии отведена в их жизни лишь ничтожная роль: правильного культа у них нет, храмов же всего один или два[3]; они ограничиваются тем, что взывают к маленьким идолам, которых всегда носят с собою в мешечке, и всего более заботятся об отстранении от себя злых духов; видели примеры, как отдельные семьи и целые общины создают себе гения покровителя, зарывая в землю живое дитя, которое, таким образом, и становится охранителем их полей. Влиятельные лица признаются способными приносить пользу и после смерти. В день их кончины засевают рисом поле, затем ожидают жатвы, на которой председательствует труп и которая оканчивается пиршеством в честь скончавшагося, зачисляемого в разряд духов-доброжелателей. После празднества труп зарывается около дома, которому с тех пор и начинает покровительствовать усопший.

К этническому семейству баттаков причисляют и два немногочисленных диких племени: оранг-улу и оранг-лубу, живущие в нагорных долинах, к северу от горы Офир и, повидимому, оставшиеся вне индусского влияния; возможно также, что, вследствие преследований и несчастных войн, эти племена снова впали в варварство. Их сравнивают с самыми дикими жителями острова Борнео: подобно этим дикарям, они едва прикрывают свою наготу, живут в хижинах из древесных ветвей или в дуплах деревьев и вооружены сарбаканом с отравленными стрелами. Они не возделывают почвы и питаются плодами, кореньями, змеями и насекомыми. Впрочем, купцы доставляют им некоторое количество риса в соли в заранее условленные места, где, в свою очередь, находят и кое-какие продукты, собранные этими «лесными» людьми. Дикари возвращаются к месту обмена только по уходе купцов: большие собаки

1 Willer, „Tijdschrift vour Nederlandsch India“, 1846.

2 Stamford Raffles, „Memoir of his life, by his widow“.

3 Brandes en „Gerth van Wijk“, „Tijdschrift van Taal-Land-en Volkenkunde“, Deel XXII.

предупреждают орангов о присутствии людей и приближении тигров.

Бывшее государство Менангкабао (Menangkabao), сменившее индусское царство Адитиаварму (Adityavarma), заключает в себе, к югу от страны баттов, самую населенную часть Суматры, в горной области «Высоких земель» Паданга и на западном склоне острова. Наименование Менангкабао (Menang-Karbaou), т.е. «победа буйвола», объясняется легендою о битве между двумя буйволами, одним—с Суматры, а другим—с Явы, при чём поединок закончился торжеством первого из бойцов. Легенда эта, вероятно, символизирует столкновения или даже долголетния войны между туземцами и чужестранными переселенцами[1]. Туземцы остались победителями, и их обычаи взяли верх над обычаями яванцев и индусов; самих же этих туземцев считают коренными малайцами, и в их наречии видят чистый малайский язык. Даже и до сих пор, несмотря на обращение малайцев в ислам и на завоевание государства Менангкабао голландцами, сохранялись старинные учреждения матриархата и удержались федерации. Народонаселение разделяется на *суку* (soukou), т.е. на кланы, из которых каждый имеет своего вождя, избираемого из привилегированного семейства, и свой совет, состоящий из всего взрослого мужеского населения суку. С своей стороны, все деревенские старшины образуют окружной совет, и кантон обыкновенно получает свое наименование по числу составляющих его деревень или *кота* (kota): «семь», «девять», «десять», «двадцать» и «пятьдесят» кота. Ни один мужчина не имеет права взять себе жену в своей коте или в своем суку; браки там—строго экзогамические. Женившийся навещает свою жену или своих жён, пособляет им вести хозяйство и возделывать поля, но дети принадлежат матери, остаются в материнской деревне и наследуют матримониальные земли. Что касается наследства после отца, то оно, по закону унданг-унданга, принадлежит детям его сестры в родной его деревне. Сохранение этих, столь противоречащих исламу, обычаев, свидетельствует о малом влиянии оффициальной религии края на туземцев; тем не менее, в начале текущего столетия, суровая секта orang poeti, т.е. «белых людей»—которой, вследствие пыла её пропаганды, дали, как и португальским миссионерам, наименование: padri—приобрела такое могущество, что стала колебать основы Мекангкабаоского царства. Около 1820 года, эти вагабиты Востока—особенно усердно проповедывавшие воздержание от табака, бетеля и спиртных напитков—довели верховного жреца и царя в Менангкабао до того, что он призвал к себе на помощь голландцев, а эти союзники вскоре не преминули обратиться во властелинов.

Малайцы, населяющие верхния долины и плоскогорья к югу от горной страны Паданга, весьма походят на баттаков, с тою разницей, что у них не заметно никакого следа людоедства. Коринтьеры, живущие в окрестностях горы Индрапуры; реджангеры, т.е. «стерегущие границу»—горную—между областями Палембангом и Бэнкуленом; пазумахи, живущие в стране, над которою господствует вулкан Демпо; наконец, живущие по направлению к южной оконечности Суматры абунгеры, т.е. «люди из возвышенного края»[2], и лампонгеры, т.е. «люди из низменного края», повидимому, некогда обладали сравнительно более высокою цивилизациею: они, как и батта, унаследовали от предков письмена, заимствованные из санскритской азбуки. Почти все туземцы умеют читать и писать[3]. Там и сям попадаются у них в лесах колоссальные статуи, которые, однако, не напоминают ни индусского, ни малайского типов. В горных странах, зоб и золотуха—принадлежат к обычным болезням. В некоторых племенах у реджангеров, матери сплющивают нос и сжимают череп своим детям[4]; обычай подпиливать зубы общераспространен. Ван-Хассельт считает лампонгеров и абунгеров выходцами из Менангкабао. У всех этих туземцев брак—экзогамический: муж покупает себе жену за сравнительно высокую цену, вследствие чего должен в течение нескольких лет отказывать себе во всех прихотях, терпеть нужду и входить в долги; но зато жена составляет

1 Dulaurier, „Chronique de Pasei";—Netcher, „Verzameling van Overleveringen van hetrijk van Menangkabau", Deel, XXII.

2 P. J. Veth, „Tijdschrift van het Aardrijkskunding Genootschapp te Amsterdam".

3 Henri O. Forbes, упом. соч.

4 William Marsden, „History of Sumatra"

полную его собственность. Она его рабыня; ему также принадлежат все драгоценности и монеты, украшавшие её в день свадьбы; что же касается до издержек на её покупку, то он стремится возместить их впоследствии путем продажи своих дочерей. Старший брат становится супругом всех вдов в семействе[1]. Что касается женщин высших сословий, то обыкновенно они выходят замуж, как и в Менангкабао, по обычаю матриархата, и остаются собственницами своих полей и своего семейства. В приморских городах, где влияние ислама преобладает над туземным язычеством, браки заключаются по арабским обычаям. Только женатые погребаются с почестями, так как заслуживают этого в качестве «родителей народа»: трупы же холостых выкидывают прямо в лес. Беременная девушка уходит рожать в кусты и может вернуться из лесу только по миновании сорока дней, но без своего ребенка; когда она вернется, то деревню должно очистить принесением в жертву буйвола, которого закалывают перед «балаи», т.е. общественным домом.

Жители восточного прибрежья, в странах: Сиаке, Джамби и Палембанге,—большею частью выходцы с соседних островов; это—потомки купцов, которые некогда основали фактории при устьях рек. В этой прибрежной полосе, при посредстве яванцев, долгое время преобладало индусское влияние, и вплоть до средины XVI века яванские колонии основывались в Палембанге. Нравы и костюмы суматрцев на этом берегу мало отличаются от нравов и костюмов яванцев, и самый язык содержит большое число слов, заимствованных с соседнего острова. Внутри Суматры живет несколько тысяч так называемых оранг-кубу, как полагают, происходящих от первонасельников острова, вытесненных вглубь пришельцами; оранг-кубу встречаются теперь лишь в лесах, где ведут кочевую жизнь. По внешности они отличаются от соседей малайского происхождения разве лишь более крепким сложением и более светлым цветом кожи; говор их приближается к языку цивилизованных, от которых они резко отличаются лишь своим прямодушием; они правдивы, честны и весьма мужественны; вооруженный простым охотничьим копьем, кубу не боится напасть на тигра. Он торгует с малайскими или китайскими купцами, но принимая те же предосторожности, как ведда цейлонские и офирские улу и лубу, т.е. избегая личных встреч с покупателем.

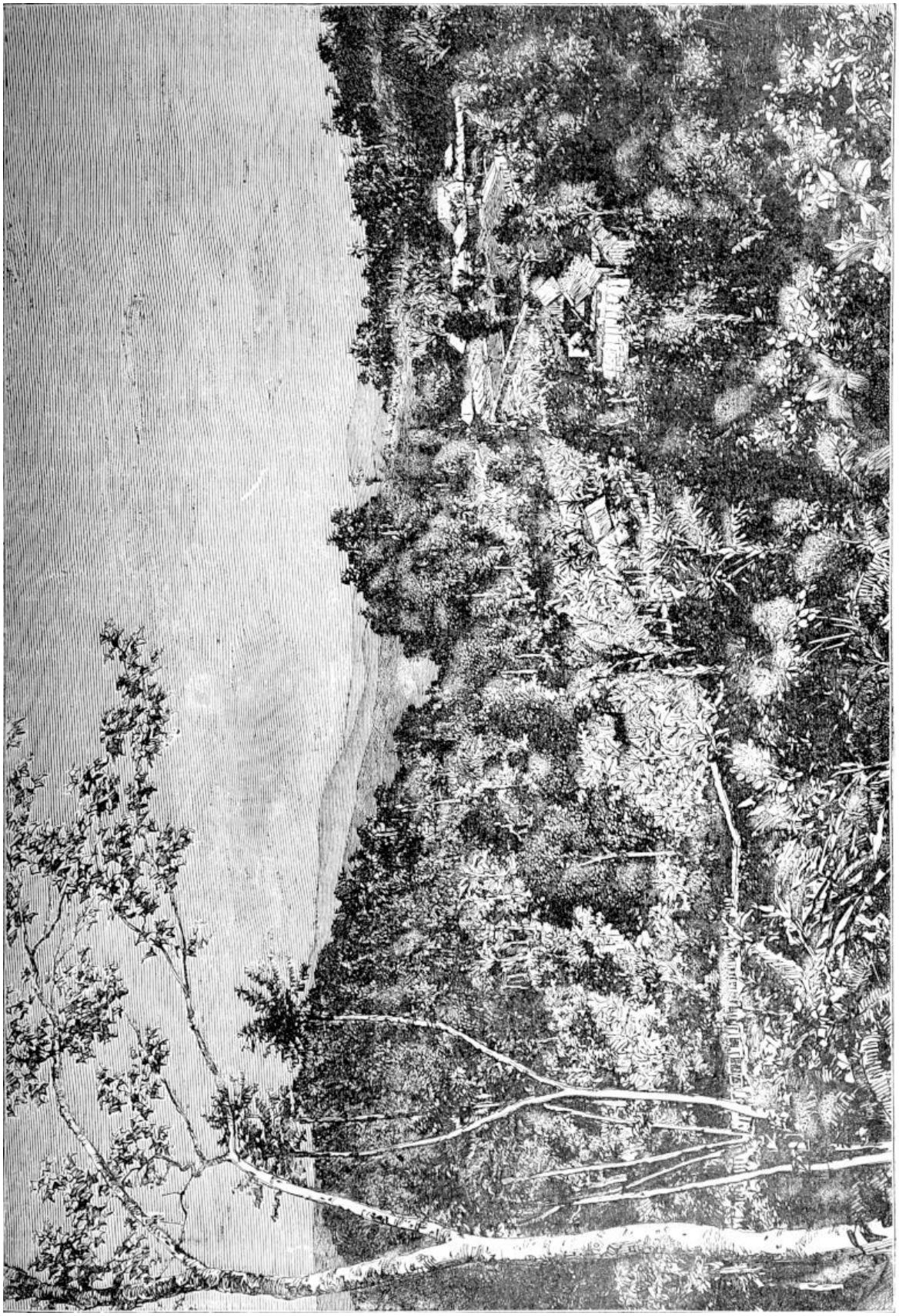
Жители цепи островов, расположенных к западу от Суматры, принадлежат к различным расам. Так, обитатели северного острова Сималу или Баби—потомки смешавшихся с атжехами переселенцев из Менангкабао. Население островов Банжак, т.е. «многочисленных», состоит из малайцев и суматрских атжехов, прибывших туда два века тому назад; однако, самый западный из островов, Бангкар, ещё необитаем: его даже избегают, страшась злых «духов», которыми, как полагают, он населен[2]. Жители острова Ниаса, оно-ниха, т.е. «дети людей»,—число которых, по показаниям фон-Розенберга, начертившего также и карту их страны, простирается до двухсот сорока тысяч,—административно не все ещё подчинены голландскому владычеству; несколько диких племен сохранили ещё независимость, но, по крайней мере, они уважают европейских путешественников, зная, что всякий дурной прием будет стоит им потери свободы. Юнгхун и, вслед за ним, большинство авторов видят в ниясцах потомков баттской колонии: действительно, физические и нравственные сходства между этими двумя этническими группами весьма многочисленны, но столько же можно найти между ними и различий; к тому же северные и южные ниясцы не признают друг друга сородичами и весьма различаются нравами. Если виясцы и батта, действительно, одного и того же происхождения, то разделение между ними должно было последовать в весьма отдаленную эпоху.

Северные и южные ниясцы вообще веселы, услужливы и вежливы. Ими легко управлять, действуя на их самолюбие. Они очень желают нравиться, но крайне трусливы, за исключением обитателей южных островов, где война не состоит, как в других местностях, из козней и нападения врасплох. Наследственная вражда поддерживается между семействами, иногда до полного искоренения одного из них: покуда остается хотя одно дитя, враг должен

1 Adolf Bastian, „Indonesien“.

2 Von Rosenberg. „Der Malayiache Archipel“.

страшиться мстителя. Деревни, в особенности на севере острова, свидетельствуют о постоянном страхе, в котором живут их обитатели. Отдельно стоящих хижин нигде не встречается. Группы домов возвышаются на естественных или искусственных холмах, окруженных рва-



Кофейная плантація въ регентствѣ Преангъ.

ми и частоколом. Самые жилища выстроены на рядах свай, образующих грубую колоннаду, в промежутках между столбами которой содержатся свиньи, питающиеся испражнениями и кухонными отбросами. Лестница и опускная дверь ведут в дом, имеющий форму большой

корзины с высокою покрышкою из тростника; свиные челюсти, свидетельствующие о богатстве хозяина, украшают углы крыш и внешние ряды свай, поддерживающих жилища; в южной части острова начальники деревень украшают свои дома также и отрубленными человеческими головами; изображения домашнего духа-покровителя предохраняют жилище от вражеских покушений и недоброжелательства воздушных демонов. Каменные седалища перед хижиною украшены грубыми скульптурными изображениями людей и животных. На одном конце деревни находится хижина кузнеца, которой тоже приписывается магическая сила, а ворота деревни охраняются высокою статуею бога племени и его супруги.

Ниясцы—искусные ремесленники. Дома и крепости строятся у них весьма хорошо, оружие же изящно сделано и хорошо отточено. Они искусно работают на меди, ткут и окрашивают ткани, плетут отличные рогожки и добывают, для вывоза, масло из кокосовых орехов. Золото кусочками, или в виде ювелирных вещей, служил единственною монетою. Ниасские вожди вкалывают себе в прическу золотое перо, а также надевают на верхнюю губу золотую полулуну, имеющую форму усов. У южных ниясцев есть несколько дорог, тщательно вымощенных плитою и искусно проведенных по вершинам холмов. В противоположность баттакам, они не научились пользоваться индусской азбукой, и это под малайским и мусульманским влияниям они мало-по-малу вступают в мир современной цивилизации, видоизменяющей их старинные нравы.

Ныне культ у ньясси сводится к весьма немногому. Жрецы или эрэ, мужчины и женщины, выбираются начальником из его же собственного семейства; главная их обязанность—взывать к бэла, *bela*, т.е. к духам-посредникам, знающимся как с добрыми, так и с злыми гениями, и которых можно превратить в своих помощников или соучастников во всех предприятиях. На жрецов также возложено благословение браков, что они и делают, притискивая друг к другу головы бракосочетающихся и принося в жертву богу-покровителю мясо животных. Браки должны заключаться между молодыми людьми различных колен и всегда путем покупки. Цепа на женщин весьма высока, и бедным, чтобы добыть себе жену, приходится входить в долги и рисковать свободой своей и своих детей, так как сумма долга удваивается с каждым годом, а когда она сравнивается с ценою раба, то заимодавец может продать своего должника с публичного торга; бывали примеры, что целые семейства шли в рабство за долг, совершенный первоначально при покупке нескольких булавок или пучка металлической проволоки. С альбиносами, рождающимися в довольно большом числе у южных ньясси, обыкновенно обращаются дурно, так как считают, что они родились от демона. Прелюбодеяние наказуется большими пенями, часто даже смертною казнью; беременную девушку удавливают и бросают в кусты.

Жрецы—прежде всего знахари, т.е. заклинатели. «Сколько болезней, столько и злых духов», которых непогрешимый жрец всегда изгоняет при помощи своих заклинаний, но которых сменяют другие духи, пожиратели, в тех слухах, когда болезнь не проходит и больной умирает[1].

Обыкновенно родные и друзья собираются вокруг одра умирающего и испускают вопли и крики до последнего вздоха страдальца. В южной части острова, не довольствуются одним оплакиванием умершего: желая ему оказать больше почести, проносят по деревне труп его и выставляют на дорогу его оружие. К одному из концов гроба прикрепляют деревянное изображение птицы, гроб вешают в шалаш из листьев, а друзья умершего размещаются по засадам вдоль тропинок для нападения на мужчин или женщин, которым они отрезывают головы во славу скончавшагося. Обычай требует, чтобы умерший важный начальник был почтен по крайней мере двадцатью черепами; для того, чтобы их добыть, ведутся войны между деревнями; иногда удовлетворяются тем, что убивают рабов, но в таком случае их умерщвляют, пытая, чрез что жертвоприношение становится любезнее для жестокосердых духов. Обыкновенно наследство переходит от отца к старшему сыну, но этот обычай не безусловен, так как тот из детей, которому, при помощи тростника, удастся уловить последний вздох

1 Elise Reclus, „Revue internationale des Sciences Biologiques“, 15 decembre 1881.

умирающего или по крайней мере уверить в этом присутствующих, становится соискателем наследства, а также семейной и даже политической власти. Часто начальники, всемогущие в принципе, обязаны разделять свою верховную власть с своими же соперниками, на практике они редко решаются на что-либо, не посоветовавшись с знатными лицами и даже со всеми домохозяевами. На совещаниях каждый говорит свободно, иногда дело доходит до драки: поэтому, здесь в обычае дела обсуждать натощак, в избежание влияния пальмового вина, которым некоторые злоупотребляют[1]. Некогда была сильно распространена продажа ньясси в рабство, и сотня прао (малайское судно с двумя рулями) забирали их по поморью; за противодействие этой торговле ост-индская компания даже сделала выговор Стамфорду и Раффльсу. Ныне большое число ньясси выселяются для службы в европейских или в малайских семьях; между ними много плотников, каменщиков и кровельщиков. Красота ньясских женщин высоко ценится, и прибрежные малайцы охотно берут их себе в жёны.

Островитяне Ментавейского архипелага тоже, «дикари», весьма отличающиеся от других туземцев прибрежных островов. По мнению фон-Розенберга (одного из первых посетивших их между 1847 и 1852 годами), по происхождению они не малайцы, а, по всей вероятности, составляют отпрыск полинезийской расы. Их язык—замечательный своею мягкостью и обилием гласных—совершенно отличается от наречий на Суматре и на соседних островах. Подобно полинезийцам, ментавейские островитяне, называющие себя «Tchagalalegat», весьма любят развевающиеся перья, листву и цветы; они украшают свою прическу яркими цветами и покрывают грудь татуировкою из таких узоров, которые походят на узоры племени тонга и других океанийцев. Некоторые кушанья строжайше запрещены (составляют табу) для женщин; также в некоторые таинственные лесные местности запрещен вход всем непосвященным. Тшагалалегаты не чернят своих зубов на-подобие большей части людей малайской расы, но стачивают в острие передние зубы за исключением волос на голове и бровей, которые, впрочем, не особенно заметны. Они тщательно вырывают волосы повсюду на теле, при чём не щадят даже и ресниц. Мальчики и девочки занимаются вместе гимнастическими упражнениями, беганьем, скаканием, лазанием по деревьям, плаванием и боем на копьях; но после замужества, женщины скромно держатся в стороне. Развод не известен у этих островитян, прелюбодеяние наказывается смертью. Тшагалагалеты и их соседи, жители острова Пажеха,—люди весьма мирные. Они никогда не воюют между собою и не имеют никаких оборонительных построек в деревнях, однако, они остерегаются жить на окраине моря и скрывают свои поселения внутри страны, на берегу какого-нибудь ущелистого ручья. Ещё недавно их оружие состояло только из лука и отравленных стрел. Они очень боятся духов, к которым, однако, иногда отправляются вглубь лесов испросить совета, и, как говорят, получают ответы, произносимые резким и дрожащим голосом. Души умерших, по их верованию, превращающиеся в демонов, вообще, возбуждают в них большой страх; они думают даже, будто один из необитаемых островов в открытом море переполнен этими выходцами с того света[2].

Даже небольшой остров Энгано, лежащий в южной оконечности внешней цепи островов, имеет свою особую расу, которую некоторые писатели причисляют к папуасам, не приводя, однако, других доказательств в оправдание своего предположения, кроме зачаточного состояния местной цивилизации. Едва лишь около половины текущего столетия энганские островитяне научились ковать железо; до этого им были известны только каменное оружие и инструменты. Они ходили нагишом, отчего малайские купцы и прозвали этот островок Пуло Теланджанг, что значит «Голый остров». Керикджэе—так зовутся энганские туземцы на самом острове—не имели также понятия о табаке и спиртных напитках, и совершали дело, позорное в глазах их соседей всякой религии, именно—приводили к проезжим матросам своих жён и дочерей. Но все единогласно восхваляли честность керикджэе, между которыми

1 Nieuwuhuisen, „Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap. van Kunsten en Wetenschappen“, 1857; —Elise Reclus, упом. соч.

2 Von Rosenberg, упом. соч.

никогда не существовало кражи. Они были очень трудолюбивыми земледельцами, и у них считалось постыдным иметь толстое пузо, тогда как в соседних краях тучность в большом почете, как доказательство праздности богача. Они завертывают трупы в рыболовную сеть, несомненно, для того, чтобы умерший мог и на том свете добывать себе пропитание, но срубали его плодовые деревья и опустошали ниву и огород, которых впредь он уже не может возделывать.

Лишенная доныне удобных путей сообщения и населенная народами и племенами, не состоящими между собою ни в какой политической связи, Суматра только на приморской окраине, и то лишь в небольшом числе, имеет значительные города, а внутри страны самые большие скопления жителей образовали пока лишь деревни. Однако, в былые времена на острове создавались большие королевства, и их столицы были центрами значительной торговли.

Бывшая империя Атжех (Атжин, Ачин),—основанная, по свидетельству летописи, в начале тринадцатого века,—в эпоху расцвета своего могущества, в первой половине семнадцатого века, обнимала приблизительно половину острова, и многие второстепенные государства находились от неё в ленной зависимости: и оказывали ей почет; от Египта до Японии все государи добивались её союза, её армия располагала сотнями боевых слонов и двумя тысячами пушек. Султан—носивший арабское имя и имевший, подобно всем повелителям суматрских государств, притязание на происхождение от Александра Македонского, Сикандера «с двумя рогами»[1]—пользовался почти неограниченной властью, по крайней мере в округах, соседних с его резиденцией. Ныне границы Атжеха—как их провели голландцы по произвольной линии, даже и чрез не принадлежащую им территорию—обнимают только северную оконечность острова, направляясь от бухты Лангсар, на восточном берегу, к бухте Силекат на западном берегу; кроме того, часть той же провинции составляют остров Баби и несколько соседних островов, населенных, по крайней мере отчасти, атжехами. Хотя вследствие войны с голландцами, население страны значительно уменьшилось, тем не менее полагают, что оно ещё превышает полмиллиона. Собственно атжехи (иначе ачинцы) делятся на три клана: на «двадцать две», «двадцать пять» и «двадцать шесть» общин, называемых *Sagi* или *moekim*: каждая община управляется двумя *panglima*, наследственными начальниками, которые контролируют распоряжения друг друга, и которые, будучи соединены в одно общее собрание с остальными панглимами, составляют высший совет нации. Наконец, каждая деревня самостоятельно управляется советом старейшин, без которого начальник не может ничего постановить. Эта независимая жизнь общины и объясняет ту удивительную энергию, с которою туземцы отстаивали свою независимость при вторжении иностранцев.

В 1509 году, атжехский султан подписал торговый договор с португальцами, и с этого времени атжехи всегда то воевали, то поддерживали мирные сношения с европейцами. В средине текущего столетия, империя пришла в упадок, и голландцы овладели многими местами на побережье. В 1872 г., им казалось, что наступил благоприятный момент, чтобы отомстить султану за морское разбойничество его вассалов, соучастником которых, быть-может, был он сам, и чтобы докончить завоевание острова. По трактату, заключенному к тому времени с Великобританией, голландцы уступили ей свои поселения на берегу Гвинеи—и купили, этой ценой, отречение Англии от всякого дальнейшего притязания на север Суматры; они надеялись, конечно, на возможность без особых затруднений покончить с атжехами; однако их первый натиск окончился неудачею. Понадобилось вновь укомплектовывать армию, вотировать новые фонды и вести правильную войну,чтобы после сорока-семидневной осады овладеть укрепленным городом, в котором заперлись атжехи; однако, взятие *кратона* (укрепленного султанского дворца) не повлекло за собою покорности туземцев, и после многолетней борьбы, стоившей Голландии полмиллиарда франков и двух армий более чем в сто тысяч человек, а туземцам—вдвое больше, внутренние округи остались независимыми: окончательное присоединение может совершиться лишь тогда, когда дороги разветвятся по

1 Dulaurier, „Journal asiatique“;—Leyden, „Malay Annals“.

всей стране.

Главный город Атжехского королевства, некогда известный под именем Кота-Раджа, т.е. «города короля», а ныне называемый Гроот-Атжех, построен в форме правильного четвероугольника, в 4.800 метрах от побережья, у входа необычайно плодородной долины, по дну которой бежит речка Атжех, осеняемая кокосовыми пальмами; к югу высятся две уединенные горы, «отец и мать реки», как их называют туземцы. Многочисленные деревни рассеяны вокруг городской ограды, и круг крепостей, снабженных железными дорогами, защищает обведенный окопами лагерь. Железная дорога, первая, которая была построена на Суматре, соединяет город с его приморским кварталом Олег-лех, построенным на узком пляже между морем и болотистым потоком, и должна продлиться на юг вплоть до Индрапуры, деревни индусского происхождения. Говорят, население Кота-Раджи достигало перед войною 35.000 человек; в 1882 году город и порт возвратили себе большую часть своего прежнего значения; в 1886 году, в нём насчитывалось 9.400 туземцев и 2.500 китайцев. Культура перечного дерева, *lada* или *piper nigrum*, ввезенного из Индии, распространена по всей стране, и годичное производство там перца поднялось, за время мира, до восемнадцати миллионов килограммов, т.е. до двух третей того количества, которое потребляется во всём мире. В годы мира продукт этот вывозится в большом количестве чрез рынки западного берега: ван-дер-Туук рассказывает, что туземцы воображают, будто европейцы, живущие в сыром и холодном климате, набивают свои тюфяки этою пряностью, с целью согреть себя во время сна. Атжехи собирают также соль по приморским болотам.

На восточном берегу Атжеха, называемом «берегом арек», так как он окаймлен этими пальмами, доставляющими орех бетель, голландские гарнизоны занимают два других приморских города: Сегли—вблизи южных склонов Гудберга, и Эди—к югу от мыса, называемого Алмазною стрелкою: здесь, в земле Пазеи, находился город Сумадра, сообщивший свое имя и самому острову. На западном берегу, известном под именем «Перечнаго», который постепенно повышается над уровнем вод[1], наиболее посещаемая пристань—Клуанг, прославившаяся своими обширными гротами, в которых ласточки-саланганы свивают себе гнезда, столь ценимые китайцами. В сотне километров к югу, лежит пристань Теном, при устье реки того же имени, приобревшая печальную известность: здесь сел на мель, в 1883 году, английский корабль *Nisero*, экипаж которого (восемьдесят человек) был обращен в рабство; за три года до этого, два французских путешественника, Валлон и Гильом, которые разъезжали по стране, розыскивая золотоносные руды,—были зарезаны на своем собственном судне, в двух днях пути по реке Теном[2]. Менее чем в пятидесяти километрах лежит, занятая голландским гарнизоном, небольшая гавань Молабу (Аналабу), к которой пристают паровые суда, совершающие рейсы вдоль этого берега. Туземцы, не желающие находиться под иностранным владычеством, большею частию удалились в местечко Вайлах, расположенное на берегу между Малабу и Теноном[3]. Золотые прииски, залежи каменного угля обещают Молабу некоторую торговую будущность[4]. Порт Томпат-Туван, находящийся южнее, ведет небольшой торг с островом Баби.

Сингель, бывшая столица королевства, а ныне главный город одного отдела провинции Тапаноэли (Тапанули), представляет зловонное местечко, окруженное болотами и расположенное на острове, на «Чумном берегу», между двумя рукавами устья многоводной речки; китайские купцы пользуются его плохим портом и ведут здесь кое-какую торговлю опием и рисом в обмен на камфору, росный ладан и голотурии. Южнее, Барос, бывший, до прибытия голландцев, тоже королевскою резиденциею, имеет рейд менее опасный, чем Синкгельский, и ведет довольно важную торговлю с Гунунг-Ситоли, главным городом острова Ниас. Затем следует гавань Сибогха, образуемая одною из выемок большой и глубокой бухты Тапаноэли:

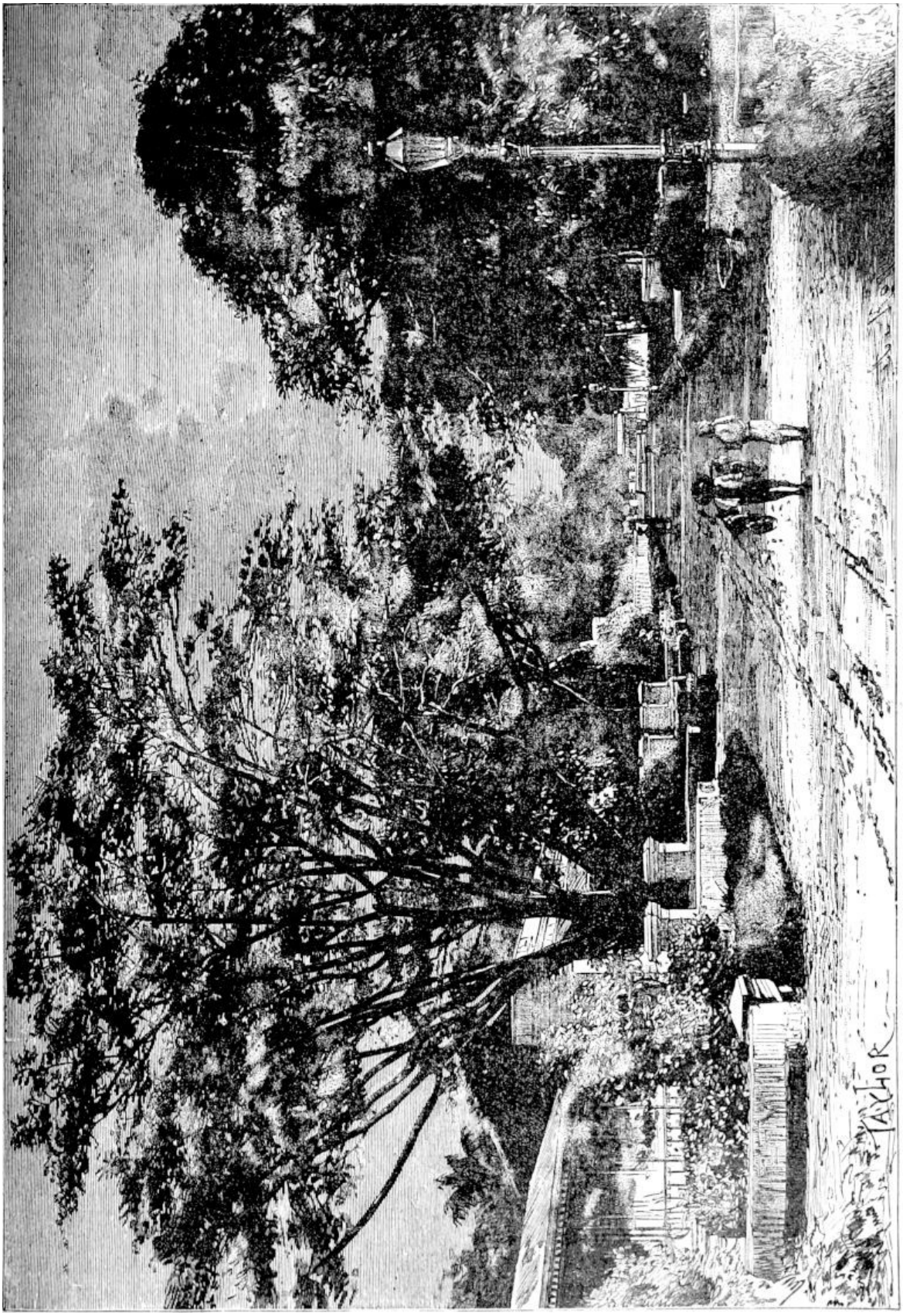
1 N. Wallon. „Annales de l'Extreme-Orient", vol. II..

2 Paul Fauque, „Archives des Mission Scientifiques", 1884.

3 Hedenstrom, „Bulletin de la Societe de Geographie", № 4, 1887-1888.

4 C. M. Kan, „Verhandlungen des zweiten deutschen Geogaphentages", zu Halle, 1882.

это один из «лучших портов в мире»; суда могут бросать там якорь в нескольких метрах от берега. Сибогха, к сожалению, лежащая в нездоровой местности, есть один из пунктов поморья, чрез который путешественники проникают в Батский край. На восток и юго-восток от



Видъ одной изъ улицъ Батавіи.

неё находятся весьма важные, по своему торговому и стратегическому положению, местечки Сипирок, Паданг, Сидемпуан, Пертиби, прославленный развалинами буддийского происхождения. Южнее, по направлению к Падангу, следуют несколько небольших гаваней, впро-

чем, мало посещаемых и опасных в то время, когда дует западный муссон: Наталь, Ажер-Бангис, Приаман.

Паданг, самый цветущий на всём западном берегу город и один из наиболее оживленных рынков Суматры, похож скорее на большой парк, чем на город. За исключением центрального квартала, в котором группируются публичные здания, различные части Паданга, населенные ньясси, малайцами, явайцами или китайцами, состоят из низких домов, осененных кокосовыми или манговыми деревьями и окруженных огородами, рисовыми плантациями и плодовыми садами, в которых произрастают все тропические растения, приносящие пользу либо корою, либо камедью, либо цветами или плодами. Дымящийся конус Таланга господствует издали над этими полями, усеянными жилищами; на юге извивается небольшая речка Паданг, а за нею возвышается «Обезьянья» гора, Апенберг, получившая это название от ручных обезьян, которые её населяют, под покровительством граждан. На вершине холма семафор указывает приближение судов, которые становятся на якорь в рейде, под ненадежною защитою коралловых островков. Вывозная торговая, достигающая в точение года приблизительно пятнадцати миллионов франков, состоит почти единственно из кофе, отправляемого в Соединенные Штаты. Производство кофе однако мало-по-малу уменьшается.

Паданг, окруженный со всех сторон богатейшими равнинами, приобрел важное значение главным образом благодаря тому, что лежит в центре, где сходятся дороги, спускающиеся с населенного и здорового плоскогория Менангкабао, куда правительство посылает, для выздоровления, своих офицеров и чиновников. Голландцы уже более полувека утвердились на этой «Падангской возвышенности», где выстроили, на высоте около тысячи метров, в крае Агам, у подножия вулкана Мерапи, форт Кок, который служит главным средоточием голландского гарнизона. В случае нападения на остров извне, форт Кок превратился бы в стратегическую и административную столицу его. Неподалеку, на глубине 150 метров в толще плоскогория, находится клюза Карбауэн-гат, т.е. «буйволова дыра», имеющая стены из туфа. Другое многолюдное местечко, где имеют пребывание голландские чиновники, Пиданг-Паданжанг, занимает окраину плоскогория у западной подошвы Мерапи; это главный город «Четырех Кота». На другом склоне виднеются остатки Прианган, который был столицею Менангкабаоской державы. Пажа-Комбо, столица «Пятидесяти Кота», расположена гораздо далее к востоку, с другой стороны вулкана Саго. «Пятьдесят Кота»—это суматрский «рай рая»; здесь рядом с растениями тропическими процветают культуры умеренного пояса. Эти же области плоскогорий доставляли некогда самородки золота, прославившие имя Суматры по всему Востоку, ныне золотые россыпи покинуты, но зато разрабатываются залежи магнитного железняка, находящиеся в окрестностях форта ван-дер-Капеллен. На восток от Сингкараха, на берегах речки Умбилиен, простираются залежи каменного угля превосходного качества, мощность которых, по исчислению инженера де-Греве, достигает трехсот семидесяти миллионов кубических метров. В виду эксплоатации этих пластов угля построена железная дорога, соединяющая при помощи горного прохода, лежащего на севере горы Таланга, «высокие земли» с Падангом. Прекрасные колесные дороги взбираются по скатам плоскогорий; одна из них, поднимающаяся к Паданг-Панджагу, проходит по дну глубокого ущелья; с неё на поворотах пути открываются чудные виды на океан. Дома в этой местности особенно замечательны изяществом и оригинальностью скульптурных изображений, украшающих карнизы.

К югу от Паданга и небольших прибрежных портов; Пайнана и Моккo-Моккo, в котором имеются, между прочим, угольные копи, лежит Бенгкулен, старинный главный город-резиденция, или, как его называют туземцы, Bangkahoulou; он настолько уже пришел в упадок, что даже сложилась поговорка «Бенгкулен—маленький городишко с большими домами, в которых проживают мелкие люди с громкими титулами». С конца XVII века вплоть до 1824 года он принадлежал ост-индской компании, которая и сделала из него главный город своих владений в Инсулинде. Теперь европейцев живет в нём немного, а торговые корабли окончательно покинули его занесенный песком порт; для нагрузки товаров они входят в бухту

Силебар, лежащую несколькими километрами южнее. Бенгкулен—город нездоровый; уже в 1714 году англичане перенесли свою резиденцию в форт Мальбрук, который лежит на несколько километров севернее; однако, по мнению врачей гигиенистов, чтобы избавиться от ветров, приносящих лихорадку, и от вредных испарений, город следовало бы перенести значительно южнее. От землетрясений потрескались многие здания, из которых не все поправлены: вообще, Бенгкулен носит на себе печать запустения; китайцы и малайцы торговых кварталов по большей части обеднели. Окрестные земли неплодородны, и возделывание кофейного дерева покинуто.

Несмотря на весьма выгодное, в торговом отношении, положение населенных пунктов Суматры, лежащих на южной оконечности острова, на берегах глубоких бухт, торговля, состоящая в особенности в вывозе перца и даммаровой смолы, незначительна в этих малайских местечках; даже до извержения вулкана Кракатау, опустошившего поморье, не существовало ни одного многолюдного города на этом изрезанном заливами берегу «лампонгов», т.е. «низменностей», окаймленном лишь не широкой полосой плодоносных равнин; почти повсюду высокие вулканы вздымаются непосредственно над морем. Самая значительная группа жилищ сосредоточена в Телок-Бетонге, где восемь деревень расположены на окраине Лампонгской бухты, по берегам небольшой реки. Многочисленные теплые источники, различной температуры, бьют из земли у подножия окрестных вулканов.

Главный торговый центр на юге острова и в то же время самый многолюдный город Суматры, Палембанг, расположен на обоих берегах Музи, так сказать, в «жизненном узле» реки, потому что как раз здесь она принимает в себя главные притока, приходящие из внутренних областей острова, непосредственно кверху от дельты, рукава которой ветвятся на большом пространстве. Палембанг занимает весьма значительную площадь: на северном берегу. 36 кампонгов, или кварталов, в совокупности называемых Илиром, занимают пространство, имеющее более восьми километров в длину; на южном же берегу расположены только 16 кампонгов, носящих общее название Улу (Oeloe)[1]. Немногочисленные европейские постройки группируются на северном берегу, вокруг кратона, крепости, которую голландцы постепенно превратили в резидентский дворец; неподалеку оттуда находится невысокий холмик, покрытый леском; в этом священном месте проживает несколько ручных белок. Уже в небольшом расстоянии от реки нет жилищ, потому что все избегают болотистых равнин, а селятся на здоровых берегах Музи, поток которой, имеющий триста метров в ширину и от 10 до 15 метров в глубину, быстро несется между возвышенными берегами. Многие горожане, также, как в китайском городе Кантоне, строят свои жилища на самой реке, на бамбуковых плотах, или ракитах, прикрепленных к берегу, или к сваям при помощи канатов из индийского тростника, ротанга. Некоторые из этих плотов довольно обширны, чтобы выдерживать тяжесть домов, предназначенных для нескольких семейств; на других же помещаются лишь хижины или навесы. Рассказывают, будто-бы первые плоты были построены в Палембанге китайскими торговцами, которым султан не позволил вступить на сушу: они так и остались посреди реки, проживая в плавучем квартале, который, при малейшей тревоге, султан мог бы предать пламени. Но теперь там живут уже не одни китайцы: арабы, индусы, малайцы и даже некоторые европейцы избрали себе жилища на реке, чтобы иметь возможность наслаждаться здоровою бризою, которая, попеременно, то восходит с низовьев, вместе с приливом, то спускается с верховьев, вместе с отливом. Почти все лавки стоят на Музи на якорях, и чтобы купить что-нибудь, берут лодку и снуют по узким канальчикам между домиками с загнутыми и окрашенными в яркие цвета крышами. Однако, жить в этом квартале города не вполне безопасно, так как часто в половодье дома уносятся течением на большие расстояния книзу от Палембанга; дети, упавшие в воду, нередко становятся добычей населяющих реку крокодилов.

Население Палембанга, происходящее, как гласит предание, от прибывшей сюда ещё в

1 Малайские термины: Ifir и Oeloe, во многих местах встречавшиеся на картах Инсулинда, означают: Ifir —„нижний“, „низовой“ или „левый“, а Oeloe—„верхний“, „верховой“ или „правый“.

четырнадцатом веке колонии явайцев, говорит и поныне на особом местном наречии, резко отличающемся от малайских говоров на Суматре и действительно схожем с наречием, господствующим в центре Явы. К тому же наибольшую часть своей торговли оно ведет с Батавией. Большие корабли, поднимающиеся по реке вплоть до Палембанга, т.е. более чем на сто километров от устья, нагружаются табаком, рисом, гуммиластиком, гуттаперчей, бензойным ладоном и другими продуктами, доставляемыми на барках, и иногда в один день отходит более сотни судов от внутренних пристаней, расположенных по большей части на слияниях речек (*moewara*), из которых наиболее замечательны: Мувара-Дуа, Мувара-Иним, Мувара-Блити и Мувара-Рюпит; Тебиинг-Тенгги—также большой рынок. Обширный бассейн р. Музи—природным складочным местом которой является Палембанг—начинается вблизи западного берега Суматры и завладевает, таким образом, той торговлей, которая, повидимому, должна была бы принадлежать Бангкулену. Золотопромывальни Палембанга, которым даже он обязан своим названием[1], не имеют большого значения: этим промыслом занимается лишь небольшое число золотопромывальщиков. Многочисленные китайские рабочие изготовляют в Палембанге лаки и мебель. Около города возвышаются могилы султанов, между которыми европеец с удивлением находит и могилу Sikandar Alam'a, т.е. Александра Великого, этого общего предка различных Суматрских государей[2].

К северу от бывшего Палембангского королевства лежит торговый город Мувара-Компех, т.е. «устье Компеха», находящийся при слиянии речки Компех с главной рекой, Джамби, и принадлежащий к покорившемуся, в 1858 году, голландцам султанату Джамби. Он расположен, на-подобие Палембанга, так сказать, на «шее» реки, т.е. ниже места слияния её притоков и выше её дельты. Но в этом речном бассейне рынок и местопребывание правительства не соединены в одном городе, как в бассейне реки Музи. Торговый склад Мувара-Компех расположен в 75 километрах книзу от Джамби, где находится дворец султана; часть населения и здесь также живет на плотах, укрепленных на якорях; кое-какие остатки индусских построек встречаются в окрестностях, также как и в Палембангской провинции. Почти вся торговля Джамби ведется с Сингапуром. Многие султанаты верхнего бассейна реки Джамби остались независимыми от голландского правительства.

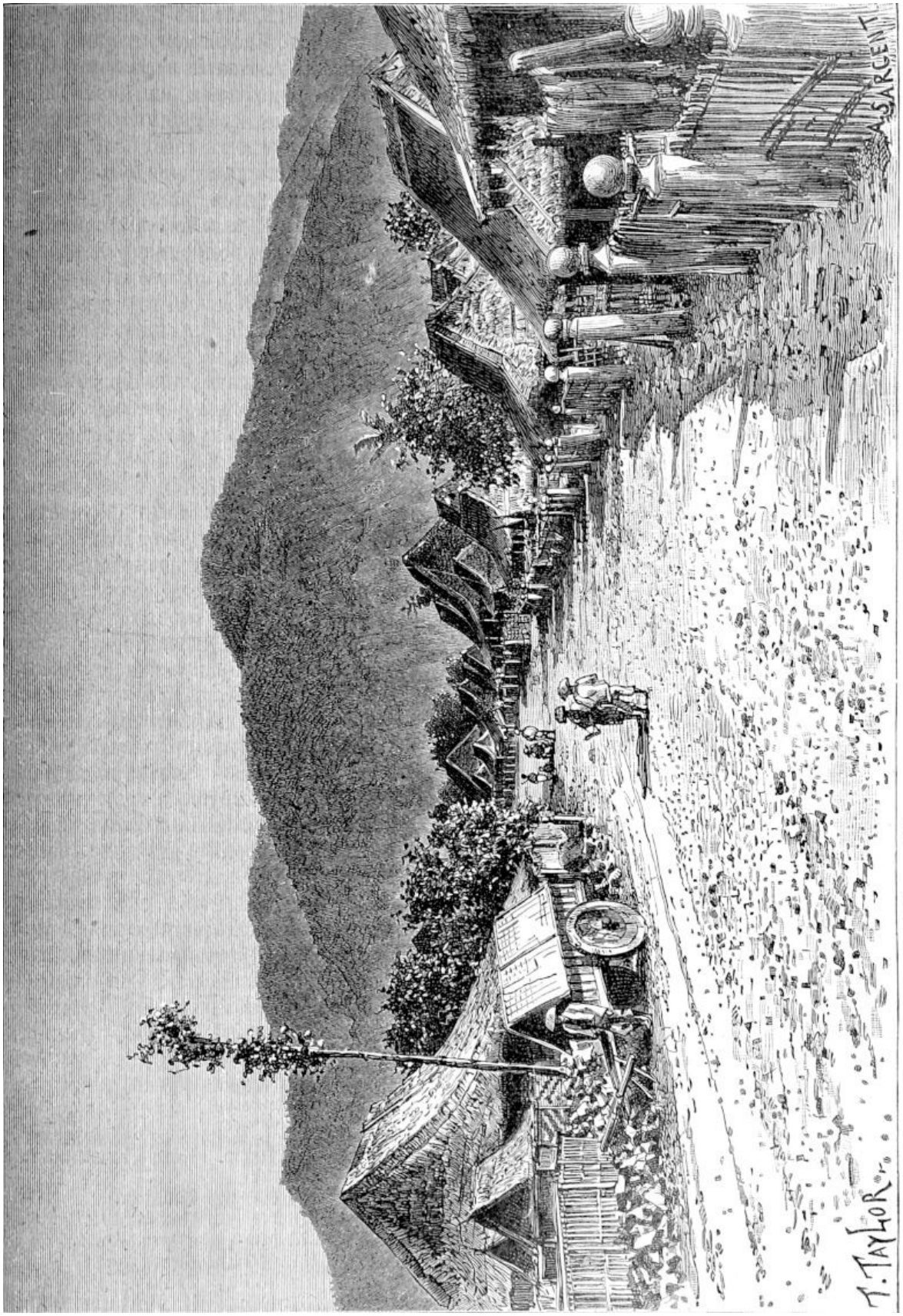
Рингат, столица бывшего королевства Индрагири, ограничивающего с севера султанат Джамби, потерял и своё богатство, и свою славу; теперь это лишь небольшая группа деревень, находящаяся на правом берегу Индрагири, даже не ведущих морской торговли: намывные земли, образовавшиеся при входе в реку из бухты Амфитриды, преградили кораблям вход в Индрагири. Пулу-Леванг или Палалаванг, занимающий на речке Кампар положение, схожее с положением Рингата, и бывший также некогда столицей королевства, ведет некоторую торговлю с Сингапуром, этим большим складочным местом в малайских водах. Наконец, Сиак, другой главный город павшей державы, ныне присоединенный к голландским владениям, имеет ещё свободное сообщение с морем, удаленным от города на сто километров, считая по излучинам его реки; но торговля, главным образом, производится в Пекан-Бару, который находится выше Сиака, там, где поднимаются первые склоны предгорий по направлению к Баризанской цепи; Пекан-Бару предполагают принять за пункт отправления проектируемой железной дороги, которая будет соединять каменноугольные копи Умбилиена с восточным склоном Суматры. Небольшие приморские порты, как, например, Букит-Бату, начинают принимать всё более и более значительное участие в местной каботажной торговле, и есть надежда, что город Бенгкалис, расположенный на острове того же имени, на берегу превосходно защищенного рейда, со временем станет часто посещаемой пристанью. Узкие проливы, до бесконечности ветвящиеся между островами в этих морских пространствах, ещё недавно служили убежищами для морских разбойников.

Самым деятельным земледельческим и торговым центром, на берегу Малаккского пролива, является группа деревень и плантаций, которой дано наименование Дэли, по имени ко-

1 De Clercq, „Tijdschrift van het Aardrijlkskundig Genootschaap te Amsterdam", 1887.

2 Henry O. Forbes, упом. соч.

ролевства, занимающего эту часть территории. В 1862 году Дэлийский султан подчинил свои владения сюзеренитету голландского правительства; вскоре после того плантаторы основались в этом округе, земли которого обладают столь исключительным плодородием, что



Село Тжиматжанъ, около Тжинджура.

покинутые в течение двух лет, огороды и сады до того заростают сорными травами и кустарником, что уже нет возможности распознать их первоначального устройства. Первые европейцы, решившиеся попытать счастья в Дэли, старались в особенности обогатиться тор-

говлей мускатным орехом, перцем и другими пряностями, но мало-по-малу они покинули всё это и занялись исключительно возделыванием табака; как быстро возрастает табачное производство на плантациях в Дэли и в соседних областях «Восточного берега», можно убедиться из нижеследующих данных о сборе табака: в 1868 г.—101.000 килограм.; в 1873 г.—646.660 килограм., стоимостью в 5.000.000 франк.; в 1880 г.—4.547.550 килограмм, стоимостью в 22.500.000 франк.; в 1882 г.—7.142.240 килограм., стоимостью в 30.000.000 франк.: в 1886 г.—9.196.500 килограм., стоимостью в 60.000.000 франк.

Этот табак отправляют в Амстердам, где он весьма ценится; вообще дэлийский табак составляет уже значительную часть общей массы табаку, потребляемого в Европе. Однако, это громадное производство—вовсе не плод свободного труда; даже большая часть плантаций скуплены могущественной компанией, которой правительство предоставило важные преимущества, и соперничество с которой невозможно; китайцам и индусам концессия земель запрещена. Первоначально плантации возделывали рабы; ныне они заменены так называемыми «завербованными», которых набирает компания, но так как местных малайцев и баттов—последние преобладают—недостаточно для работ, то ввезли в край более двадцати пяти тысяч китайцев. Также пытались, однако без большого успеха, привозить из Самаранга явайцев, чтобы, таким образом, пополнять ежегодную потерю в населении Суматры, проистекающую вследствие эмиграции суматрцев на Яву; наконец, в увеличении числа полупорабощенных возделывателей дэлийских полей принимают участие клинг или калинга, т.е. индусы из Мадраского президентства, смешанные по большей части с другими расами. В обе стороны от дэлийского округа (к северу—по направлению к Лангкату и Атжеху, к югу—по направлению к султанату Сирданг) плантации всё более и более распространяются; голландские экономисты надеются, что именно с этой области начнется для Суматры усиленная эксплоатация, которая уже сделала из Явы единственную в мире страну, как большую фабрику земледельческого производства. Маленькия дэлийские лошади, из баттской области, очень ценятся на рынках Сингапура и Пуло-Пинанга,

Вывозной рынок этого округа, Лабуан, т.е. «место якорной стоянки», находится вблизи устья реки Дэли, в болотистой местности на берегу илистой бухточки; прибывающим судам приходится бросать якорь в пяти километрах от берега. От Лабуана проведена железная дорога, поднимающаяся по долине, в направлении к югу; она идет мимо многочисленных кампонгов и плантаций упомянутой компании; ветвь этой дороги, идущая в Медан,—центральную деревню и главный административный пункт провинции, называемой «Восточным берегом» (*Oostkust*),—проникает на западе в возвышенную долиуу Лангкат.

Различные части Суматры имеют и различное административное устройство. Так, расположенные внутри страны атжехские округа и наиболее отдаленные области страны баттов пользуются ещё независимостью; некоторые другие провинции, как Паданг, Бенгкулен, Палембанг, вполне подчинены голландцам. Наконец, многие территории управляются государями, ставшими вассалами Голландии и хотя выплачивающими ей *hassil*, или часть жатвы, но всё ещё имеющими большие привилегии и взимающими в свою пользу значительную часть местных доходов; вообще, на острове наблюдаются все переходы между древним строем малайского правительства и безусловным подчинением голландским законам, издаваемым батавским генерал-губернатором. Небольшие государства, расположенные на склоне гор на восток от Падангского плоскогория, ещё придерживаются *адата* (обычного права) Менангкабаоского королевства. Почти все королевства на восточном склоне острова имеют своих, более или менее лишившихся власти, султанов и свои советы старейшин. Каждый клан или *суку* имеет начальника, который получает инвеституру от правительства и служит промежуточной инстанцией между народом и властью; несколько соединенных суку составляют маргу (*marga*), второстепенную группу, племя или княжество; марга соответствует французскому кантону и управляется окружным начальником, который, с одной стороны, передает желания народа, а с другой—распоряжения властей. Некогда у каждой марги име-

лись свои специальные законы и свои обычаи, записанные на бамбуках или на листьях borassus'a (веерной пальмы), тщательно сохраняемые и передаваемые от поколения к поколению.

Главные подразделения Суматры, с их пространством и переписанным или предполагаемым населением, перечислены в нижеследующей таблице:

Подразделения	Население в 1886 г., предполагаемое или по переписи	Главные города
Атжех, независимый или покоренный	543.000 ж.	Кота-Раджа 30 т. ж.
Край Батта независимый или покоренный	300.000 „	
Тапанули	194.000 „	Сибогха
Паданг, низменный (Beneden-landen)	316.500 „	Паданг, 25 т. ж.
Паданг, возвышенный (Boven-landen)	670.500 „	Форт Кок
Бенгкулен	152.000 „	Бенгкулен, 11 т. ж.
Лампонг	122.800 „	Телох-Бетонг
Палембанг	557.400 „	Палембанг, 60 т. ж.
Восточный берег (Oostkust)	182.000 „	Медан, 10 т. ж.

III. Зондские острова и архипелаги между Суматрою и Борнео

Архипелаги Риув, или Риау, и Лингга, составляющие продолжение южной оконечности полуострова Малакки, занимают значительное пространство (площадь их равняется 4.196 квадр. километрам, при девяносто восьми тысячах жителей, по исчислению 1888 года, так что на один квадр. километр приходится 23 человека), но далеко не могут сравняться по населенности, произведениям и торговой деятельности с маленьким островом Сингапуром, отнятым Англией у инсулиндской империи Нидерландов и превратившимся в главный торговый склад Азии в юго-восточном углу материка. Подобно Сингапуру, группы островов Риув и Лингга, кажется, не что иное, как отрывки, отделившиеся, отмытые от полуострова Малакки, но в нынешней своей формации они являются резко ограниченными островами, тогда как Сингапур, отделенный от материка простым каналом, есть, повидимому, лишь дополнение территории Джохора. Малайцы называют оба архипелага Танах-Салот, т.е. «страна проливов» по причине многочисленных узких каналов, которые их прао встречают между островами, островками и подводными рифами. Из этих морских путей чаще всего посещается Риувский пролив, простирающийся на восток по направлению к Борнео, так как он соединяет Сингапурский рейд с свободным морем.

Земли архипелагов Риув-Лингга представляют резкую противоположность аллювиальным землям Суматрского берега: они состоят, главным образом, из гранита и песчаника и походят на почву Малаккского полуострова, часть которого, в геологическом отношении, они составляют. Поверхность этих архипелагов волнообразна, лишь кое-где подымается несколько высоких седловин, называемых туземцами горами. Наиболее замечательны: одна из вершин Бинтанга (высотой в 515 метров) и пик Лингга, находящийся на соимённом с ним острове, принадлежащем к южной группе (высота его 1.131 метр). Благодаря наклону местности и свободному стоку вод, болота здесь не образуются, и климат повсюду здоровый; несмотря на это, ещё большая часть островов, покрытых сплошь дремучими лесами, необитаемы, и малайские прао избегают этих ещё хорошо неисследованных берегов.

Коренное население островов составляют малайцы. По преданию, малайская раса зародилась именно в архипелаге Лингга, где тип этот сохранился и до сих пор в замечательной чистоте. Из малайских языков самым богатым литературными произведениями (хрониками, драмами и поэмами) оказывается риувский. В северном архипелаге, вокруг Риува, к малайской основе уже присоединилось много различных иноземных элементов: так, здесь

основались потомки явайцев, владевших краем во время существования Моджо-Пахитского королевства; немало деревень населено купцами из Целебесских бугов; особенно много на этом архипелаге китайцев, которые в некоторых местностях, так же как в Сингапуре, преобладают в численном отношении над остальными народностями. В городах и селах они разделяются на два племени, кантонцев и китайцев из Амоя, из которых каждое имеет своего начальника: амойцы отличаются мирными нравами, любовью к труду и трезвостью. Причиной этого непрерывного нашествия китайцев является торговля, более оживленная в Риувском архипелаге, чем в архипелаге Лингга; впрочем, китайцы занимаются здесь не только торговлей, но и производством гамбира (*gambir*), из которого Риувские острова создали себе даже монополию. Этот продукт, также называемый японской землей и катеху (*terra japonica* и *catechu*), получается из отвара листьев *uncaria* или *nauclea gambir*. О величине производства можно судить из того, что с одного лишь острова Бинтанга ежегодно вывозится семь миллионов килограмов гамбира, преимущественно в Батавию, Макассар и Банджермассин, где он служит для приготовления бетеля, который жуют туземцы. Архипелаг этот есть также одна из важных стран Инсулинда по производству перца. Кроме того, на некоторых островах добывают оловянную руду; особенно замечательны в этом отношении два островка Каримон, находящиеся в Малаккском проливе, и большой остров Сингкеп, лежащий в южном архипелаге, южнее Лингга. Проливы доставляют рыбакам большие количества голотурий и агар-агара (*fucus saccharinus*), за которых китайские лакомки платят большие деньги.

Риув, главный город архипелагов и недавно восточная «резиденция» Суматры, лежит на небольшом острове Танджанг-Пинанг, который узким протоком отделяется от Бинтанга, самой обширной земли в этих морских пространствах: часто наименование Риува дают обоим этим друг возле друга лежащим островам. Город, построенный на восточном берегу Риувского пролива (Rhio на английских картах), состоит из нескольких отдельных кварталов, расположенных вокруг неглубокого, но за то вполне надежного рейда, который защищают от ветров островки Марс и Сенгаранг. Хотя Риув ещё в 1828 году объявлен порто-франком, однако, он не в состоянии был соперничать с своим английским соседом, Сингапуром, по отношению к которому является теперь как-бы вассалом, высылающим, при посредстве правильного пароходного сообщения, в этот громадный склад все свои продукты.

Большой остров Бангка (Банка), поверхность которого равна 12.681 квадр. километрам, один составляет целое «резидентство». С первого взгляда его можно принять за отрывок соседней, полу-материковой земли, Суматры, а между тем он совершенно отличается от этого острова своей геологической формацией и, также как архипелаги Риув и Лингга, составляет часть разорванного продолжения Малаккского полуострова. Он орьентирован в том же направлении, с северо-запада на юго-восток, параллельно оси Суматры. Оба берега извилистого и неглубокого пролива, отделяющего Бангку от аллювиальных земель Палембанга, имеют соответствующие друг другу выступы и выемки, по причина этого не в разрыве, происшедшем между скалами одной и той же формации, а в действии приливных и отливных течений, которые одинаковым образом распределяют землистые наносы палембангских рек. На острове Бангке нет ни вулканов, ни горных пород огненного происхождения. Единственным признаком действия подземных сил служит несколько теплых источников. Главные горнокаменные породы острова—граниты, кварцы, полевые шпаты. В распределении их, однако, не наблюдается правильности. Холмы не следуют друг за другом в форме цепей; они рассеяны в виде массивов, из которых ни один не достигает тысячи метров высоты. Высочайшая вершина, гора Мараз, лежит непосредственно к югу от узкой бухты Клабат (в северной части острова Бангки); она имеет всего только 841 метр высоты. Самые пология побережья находятся на востоке острова и обращены к открытому морю.

Хотя в климатическом отношении Бангка вовсе не отличается от соседних суматрских берегов, но её флора и фауна представляют значительные отклонения[1]; так, например, в лесах её не встречаются слоны, носороги, тигры и буйволы. Народонаселение острова, очень

1 Russell A Wallace, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Dec. 1879.

смешанное, как и в других прибрежных областях Инсулинда, главным образом состоит из малайцев; явайский элемент представлен здесь менее, чем в Палембангском округе, а на морском побережье местами встречаются колонии северных малайцев, обычно называемых оранг-секат или оранг-лаут, т.е. «людьми моря»: это братья целебеским баджо[1] и оранг-куатам, т.е. «людям заливов», ведущие небольшую каботажную торговлю на восточном суматрском берегу. Когда они находятся на якорной стоянке, большинство из них даже не выходят из своих прао: восемь или десять этих, покрытых рогожами, гребных судов, составляют плавучий кампонг, отдельную общину, имеющую свои обычаи и свой совет старейшин. Оранг-секаты употребляют в пищу только рыбу и «морские плоды», род водоросли, называемой агар-агар; быть-может, этому способу питания должна быть приписана специальная болезнь, гаду, (*gadous*), которой они подвержены. «Люди моря», оставшиеся ещё до сих пор язычниками, часто обвиняются своими соседями-магометанами в морских разбоях; но, на самом деле, они строго честны и живут только продуктами рыбной ловли, да торговлею. Населения внутри острова, называемые оранг-гунонгами, т.е. «людьми гор», походят своим обликом и нравами на суматрских баттаков[2].

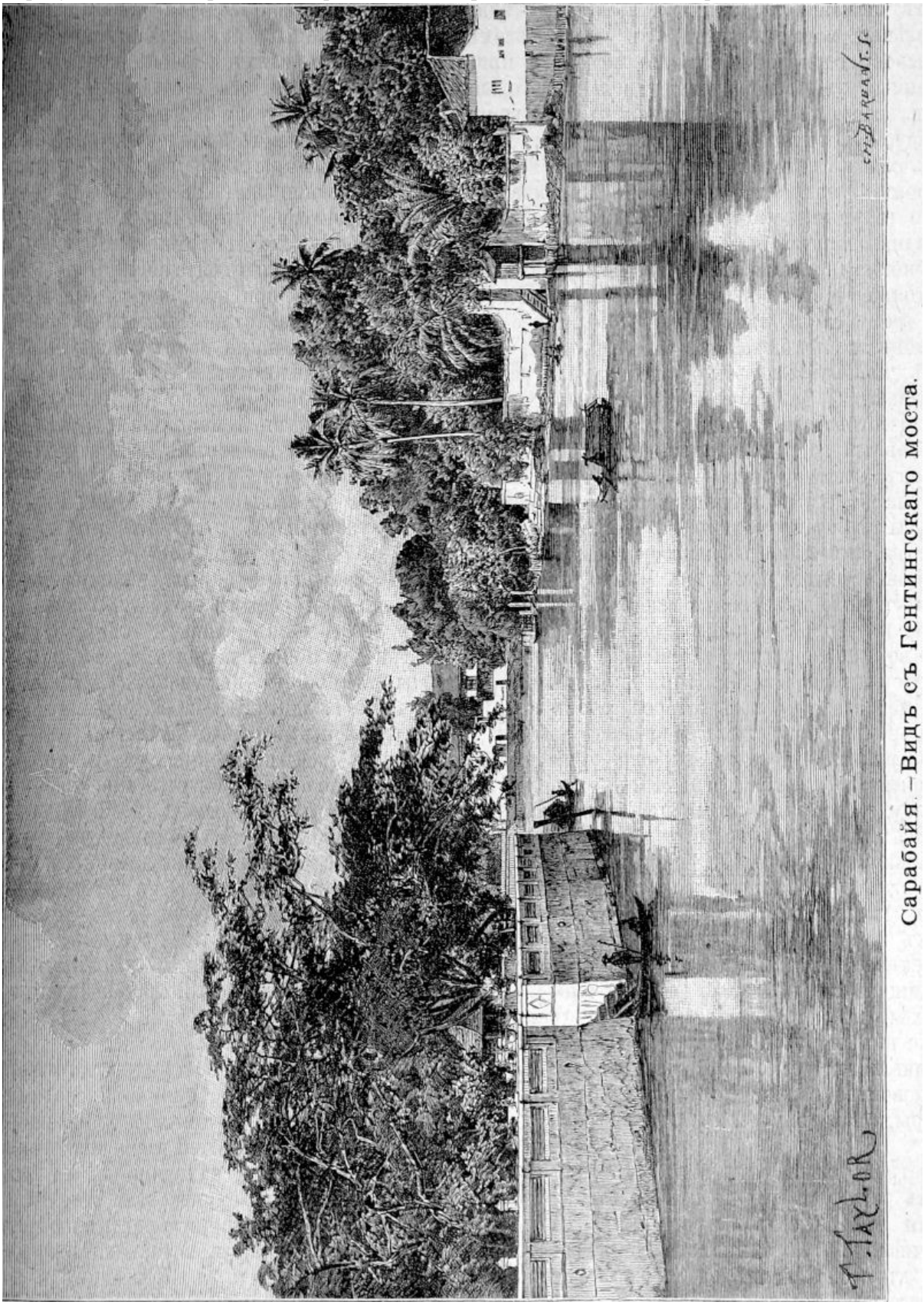
Китайцы, составляющие около трети населения острова, принадлежат большею частью к числу местных уроженцев. Китайцы, родившиеся на острове, называются пернаканами. Они составляют класс, отдельный от синки, т.е. китайцев-переселенцев, прибывших из Кантона или из Фокиена. Женатые большею частью на метисках, они говорят по-китайски и помалайски; но, несмотря на смешения, преобладающим остается первоначальный тип переселенца. Несмотря на довольно быстрый прирост, население острова, более чем удвоившееся с 1850 года, ещё крайне незначительно: на квадратный километров приходится всего шесть жителей. К 31 декабря 1886 года, при общей численности населения в 74.715 жителей, оказалось: малайцев 53.250, китайцев 21.050, европейцев 165, арабов и остальных племен 250. Земледелие здесь почти совершенно заброшено, так как главным промыслом, которому концессионерная компания приносит в жертву все другие, является разработка оловянных рудников, самых богатых в мире.

Говорят, будто-бы эти драгоценные залежи были открыты в начале восемнадцатого столетия. Право разработки их принадлежало прежде верховному обладателю острова, Палембангскому султану; в 1740 году, китайцы, почти исключительно употреблявшиеся для работ по добыванию этого металла, доставали его в количестве 1.550 тонн. Теперь же рудники, монополизированные государством, приносят в год такую прибыль, что часто она оказывается равною затраченному капиталу. Несмотря на это, китайцы, работающие в рудниках, живя на счет выдаваемых администрациею авансов, остаются в большой бедности, и это для надзора за ними, в горных округах и расставлены гарнизоны. Залежи олова, в количестве нескольких сотен, встречаются во всех частях острова Бангки; но самые богатые прииски лежат на северо-восточном берегу, в окрестностях Мереванга. Как и на полуострове Малакке, оловоносные слои на о. Банка содержатся в аллювиальных землях, которые прикрывают пластом в четыре, а иногда в десять и даже двенадцать метров толщины, темноцветные глины, простирающиеся у подножия гранитных холмов; местами, потоки, несущие вышеупомянутые намывы, встречали препятствия, при чём воды, вырывая перед этими препятствиями углубления в почве, отлагали в таких «карманах» значительные массы металла. В толще этих намывов горнорабочие часто находили принесенные сюда потоком деревья, которые были всегда расположены корнем к северо-западу, а верхушкой на юго-восток, т.е. в том самом направлении, в котором лежат остров Суматра и полуостров Малакка; в 1830 году, в одном из рудников северо-западного округа было найдено даже большое гребное судно, построенное по неизвестному в настоящее время образцу[3]. На острове Бангка, кроме олова, находят много других металлов, как-то: золото, серебро, медь, свинец, мышьяк; но эти богат-

1 Theodor Waitz, „Antropologie der Naturvolker“.
2 Lange, „Het Eiland Banka“.
3 Lange, упом. соч.

ства мало разрабатываются. Бангское железо весьма ценится для изготовления оружия.

Главный город острова, Мюнток, расположен вблизи северо-западной оконечности его, на берегу Бангского пролива и против дельты реки Палембанг. Во время своего господства,



Сарабайя. — Видъ съ Гентингскаго моста.

англичане воспользовались созвучием и Мюнток превратили в Минто, чтобы почтить одного из своих генерал-губернаторов; но теперь малайское название снова вошло во всеобщее употребление. С севера над городом господствует гора Манумбинг (в 493 метра высоты), с кото-

рой течет небольшая речка, по обоим берегам которой и расположены его дома; хорошо укрепленный европейский квартал занимает террасу на южном склоне, а китайский базар тянется вдоль северного берега, около устья реки; остальная часть города представляет собою громадный сад из кокосовых пальм и других высокоствольных деревьев, осеняющих хорошенькие домики на сваях или на каменном цоколе. Хотя Мюнтокский рейд защищен от ветра, но он не очень глубок и вход в него опасен, вследствие чего плавание по нём сопряжено с некоторыми затруднениями; несмотря на это, в нём ведется довольно важная торговля с берегом Суматры, с Риувом и с Сингапуром.

Остров Биллитон или Блитонг, поверхность которого равна приблизительно одной трети поверхности острова Бангка, недавно причислялся, в административном отношении, к этой «стране олова»; он соединяется с юго-восточным берегом Бангки сотней островков и рифов, между которыми извиваются опасные Гаспарские проливы. Он представляет ту же геологическую формацию, как и Бангка, и в его намывных напластованиях также находят оловоносные слои. Самая высокая его вершина, Таджем, разделяющаяся на два пика, достигает 950 метров высоты.

Биллитон ещё недавно оставался вне торгового движения, так как купцы, опасаясь нападения морских разбойников, редко ездили туда; почти вся его территория пустовала; в 1856 году на нём не насчитывали и двенадцати тысяч жителей, Начавшаяся разработка оловянных рудников придала этому острову важное значение и оживила его: население утроилось, порт Танджонг-Панданг, к которому сходятся главные дороги, стал работать несколько деятельнее. В 1888 году на Биллитоне, при поверхности в 4.807 кв. километров, жителей насчитывалось 38.000; таким образом, на один квадратный километр приходилось около семи человек. Китайцев, которые раньше на Биллитоне считались единицами, теперь более десяти тысяч человек. Они поддерживают меновую торговлю с Явою и Сингапуром. Добывание металла, не превышавшее в 1853 году сорока тонн, увеличилось ныне в сто крат (в 1886-87 г.г. добыто 5.485 тонн), и доставляет громадные барыши концессионерам. При средней добыче на Бангке и на Биллитоне 8.330 тонн олова и годичной выручке в три миллиона франков, с 1852 по 1887 годы, в общем, выручено 218 милл. франков. На Биллитоне, так же, как на о. Бангка, рудокопы разрабатывают металлоносную землю за свой собственный счет, но обязаны продавать олово по заранее определенной цене и запасаться провизиею в магазинах компании. Благодаря этому, большая часть их делается неоплатными должниками компании (некоторые даже умирают, не успев расплатиться). Со времени учреждения этой компании, Биллитон возведен на степень отдельной от Бангки провинции, а Танджонг-Панданг служит местопребыванием «резидента-ассистента».

Борнейское море, открытое на север к Китайскому морю, усеяно архипелагами, из которых каждый состоит из большого числа островов, по большей части необитаемых; таковы: Тамбелан, находящийся на половине расстояния между архипелагом Лингга и Борнео; Анамбас, лежащий против полуострова Малакки; Натуна, за которым открывается уже свободный путь к Кохинхине и Филиппинским островам: Серазан, находящийся к западу от княжества Саравак (на Борнео). Серазанская группа известна также под именем Архипелага Морских Разбойников (Пиратов), хотя жители единственного его обитаемого острова ныне занимаются только сбором кокосового ореха и приготовлением из него масла. Самый большой между двумя стами островов и островков этих архипелагов, Бунгурен (Boengoeren), также называемый Groot Natoena, т.е. «Большая Натуна», величиной своей значительно превосходит все другие земли Борнейского моря: из 2.318 квадр. километров, составляющим, по Бэму и Вагнеру, площадь архипелагов Тамбелана, Анамбаса, Натуна и Серазана, на долю Groot Natoena приходится 1.595 квадр. километров. Высочайшая из его гор, Ранай, достигает 1.026 метров высоты, по измерению Лапласа. Жителей на этих архипелагах в 1878 году, по исчислению Холландера, было около двенадцати тысяч; они состоят исключительно

из малайцев и ведут небольшую каботажную торговлю с рынками Сингапура и Риува, выменивая рыбу, сагу и кокосовое масло на рис, мелкие железные и медные товары и европейские ткани. Натунские моряки разъезжают по морю в своих прао, отличающихся, по выражению Лапласа, «удивительно искусной работой». Острова этого архипелага в политическом отношении зависят от Риува, и члены семейства султана, вассала голланцев, управляют ими поочередно.

IV. Борнео

Некогда могущественное королевство Бруней передало свое название, несколько измененное европейскими моряками, той земле, северо-западный берег которой она занимает. Туземцы иных округов называют свою землю Каламантин или Клематан; некоторые полагают, что название это следует применять для обозначения целого острова; но поверхность Борнео, в сравнении с окружающими его землями, столь значительна, что кажется безграничною; жители его не имели какого-либо специального слова для обозначения всего своего острова, а под частными названиями разумели только различные области его; иностранцы же обобщали эти областные наименования. За исключением материковых масс (причисляя сюда и Австралию) и земель ледовитого пояса, Гренландии и Антарктиды, Борнео по величине поверхности уступает только Новой Гвинее; но по своей массивной форме (большого, окруженного водами треугольника), он гораздо более походит на материк, чем Новая Гвинея, с её обширными бухтами и удлиненными полуостровами. Очевидно, это—центральное ядро того, что некогда составляло Австралиндию, с Явою, Суматрою и полуостровом Малаккою. Неглубокие бассейны морей, которые простираются к югу и западу, между ныне разобщенными землями, были, так сказать, едва выщерблены геологическими деятелями, и по ним ещё можно определять древнюю форму того материка, более чем треть которого составляет Борнео, представляющий самый значительный его отрывок. Борнео, с небольшими прибрежными островами, как-то Майганга и Каримата, лежащими у юго-западного, Пуло Лаут и Себоку у юго-восточного берега, занимает пространство в 740.840 квадр. километров, т.е. приблизительно в полтора раза более поверхности Франции. Окружность острова, не считая небольших иссечений побережья, в общем равняется 6.420 километрам.

Этот центральный остров Инсулинда, хотя необычайно плодородный и изобилующий всякого рода продуктами, почти пустынен сравнительно с своим протяжением. Борнео, который в семь или восемь раз больше Явы, населен в десять или в двенадцать раз менее её; по огульным исчислениям, основанным на показаниях путешественников, впрочем, довольно вероятных, оказывается, что на Борнео нет и половины жителей Суматры, которая также, несмотря на свои природные богатства, населена весьма незначительно. Редкость населения на Борнео следует приписать полосе болотистых и зловонных лесов, которые окаймляют почти всё побережье острова. В этих нездоровых областях деревни могли развиваться лишь с большим трудом; почти все скопления людей остались там в зачаточном состоянии, будучи лишены тех условий для преуспеяния, которые вытекают из факта существования взаимных сношений и обмена. В образе жизни прибрежные жители едва возвысились над первобытным состоянием: они всё ещё довольствуются сбором плодов с дикорастущих деревьев, рыбною ловлею и охотою; век земледелия в собственном смысле слова начался лишь на небольшом числе лесных прогалин. Во многих местностях дикость доходит до того, что различные человеческие группы видят друг в друге просто лесную дичь. «Рубить головы»—вот единственный промысел, который побуждает некоторые племена к розысканию своих соседей.

Такое общественное состояние населения Борнео было большим препятствием для исследования острова; ещё в начале нынешнего столетия европейцы были знакомы только с его берегами. Борнео, вероятно, открытый португальцами ещё в первые годы XVI века, стал известен в истории лишь с 1521 года, когда пережившие Магеллана его спутники явились

перед Брунейем. Вскоре затем, де-Менезес основал факторию на западном берегу Борнео. В 1598 году появились на острове голландцы, за ними последовали англичане, но все попытки эксплоатации естественнных богатств его оканчивались неудачами, или вследствие денежных убытков, или вследствие восстаний туземцев и китайских переселенцев. Только с 1812 года европейцы окончательно утвердились в некоторых пунктах на морском берегу Борнео, а именно, когда англичане, а затем спустя два года голландцы, основались в Понтианаке и в Банджермассине. Эти две фактории и другие, основанные позже на побережье, послужили исходными пунктами для экспедиций внутрь страны, совершенных военными или географами и естествоиспытателями. Никакой общей работы в видах триангуляции острова до сих пор ещё не предпринималось, но различные маршруты пересеклись друг с другом во многих пунктах и, за исключением центральных областей, почти все части территории, хотя ещё и не исследованы, тем не менее, путем визирования уже опознаны на расстоянии и даже описаны со слов туземцев.

Реки, по большей части довольно глубокия и с довольно равномерным скатом ложа, позволяют подниматься судам вверх по течению на далекое расстояние от моря, они именно и послужили исследователям первыми путями. При посредстве этих водных путей, Мартенс и многие другие проникли в сердце Борнео, кверху от Понтианака; Шванер почти вполне обследовал бассейны реки Барито и её притоков: Кахажана и Капуаса; Бок посетил, орошаемый р. Кутей, «край каннибалов» на восточном склоне. Сухопутные путешествия предпринимались в северных областях острова, где потоки вод, менее развитые, не доставляют уже стольких облегчений для достижения горных областей внутри страны. Достопамятные путешествия Уэллэса были совершены вокруг Саравака. С тех пор, как англичане основались на севере Борнео, петли маршрутной сети в пределах их территории становятся всё мельче и мельче.

Голландцы, владетели всего остального Инсулинда, за исключением половины Тимора, не имели времени для утверждения своего владычества на всём острове; начатый ими медленный труд присоединения доставил им обладание только всею частью Борнео, лежащей к югу от экватора, и половиною северных округов: но северное и северо-западное прибрежья ускользнули от них, благодаря тому, что англичане добились от тамошнего сюзерена, Брунейского султана, права на поселение в этих областях и, таким образом, стали истинными обладателями этой территории. В 1846 году, великобританское правительство, несмотря на протесты Нидерландов, заставило султана уступить ему в полную собственность остров Лабуан, лежащий при самом входе в Брунейскую бухту; затем султан уступил, взамен ежегодно уплачиваемой подати, одному частному лицу, англичанину Джемсу Бруку, княжество Саравак, занимающее южную часть его королевства; таким образом этот выслужившийся из рядовых офицер стал собственником весьма обширной территории, которая постепенно увеличивалась на счет королевской области. Северная часть острова, по другую сторону Брунейской бухты, тоже стала, вследствие уступки султана, поместьем одной большой великобританской компании, также снабженной королевскою хартиею. На часть этой страны предъявлял притязания султан островов Сулу, но, впоследствии, он, подобно Брунейскому султану, за пенсию переуступил её англичанам; вследствие этих покупок земли у мнимых владельцев, Испания, считавшаяся сюзереном Сулуского султанства, оказалась устраненной из числа держав, претендовавших на приобретение части Борнео. Даже само Брунейское султанство сохраняется только благодаря терпимости Англии, и возник уже вопрос об объединении его и двух компанейских территорий под непосредственным протекторатом Великобритании. Теперь остается ещё только уладить вопрос о границах между голландским правительством и Северо-Борнейскою компаниею, именно вопрос о пограничной реке Себюкю, на которую предъявляют притязания как Голландия, так и Северо-Борнейское общество.

Пространство и народонаселение различных частей острова Борнео:

Голландский Борнео—552.341 кв. кил. и 1.181.000 жителей; Саравак—106.200 кв. кил. и

320.000 жителей; Британский Северный Борнео—80.500 кв. кил и 250.000 жителей; Бруней —21.000 кв. кил. и 50.000 жителей.

Инсулиндские земли, за исключением двух островов, Целебеса и Хальмахеры, изрезанных заливами, имеют самую простую внешнюю форму; очертания некоторых из них напоминают даже геометрические фигуры: параллелограмы, овалы и трапеции. С первого взгляда можно поразиться противоположностью между прямолинейными очертаниями хотя бы Борнео, имеющего форму треугольника, и причудливыми очертаниями острова Целебеса, состоящего из расходящихся во все стороны полуостровов; однако, различие это только кажущееся, в чём легко убедиться, изучив расположение горных стран Борнео. Допустим, что произойдет понижение поверхности этого острова, низменности его покроются водою и в очертаниях его появятся вырезки, схожия с теми, которые наблюдаются в берегах Целебеса и Хальмахеры, так как горный костяк Борнео представляет, прежде всего, как бы туловище, направляющееся с юго-запада на северо-восток, к Филиппинским островам, от средней части которого отделяются три расходящиеся полуострова, заканчивающиеся главными мысами Борнео и разделенные аллювиальными бассейнами рек; размывы и наносы мало-по-малу изменяли первоначальный вид острова: с течением веков его звездчатая форма всё более и более теряла свою определенность[1].

Главная горная цепь Борнео начинается, в пятидесяти километрах от Филиппинскаго моря, величественною горою, самою высокою на всём острове, и, вероятно, даже во всём Инсулинде,—горою Кини-балу, т.е. «китайская вдова». Название свое она получила, благодаря связанной с нею странной легенде, рассказываемой ещё и теперь туземцами[2]. Первый поднялся на неё Лоу, в 1851 году. Бельхер тригонометрическими измерениями определил высоту этой горы слишком в 4.100 метров; однако, путешественники, всходившие на Кинабалу почти да самой вершины, думают, что истинная высота её не достигает даже и 3.400 метров; так что нельзя ещё классифицировать Инсулиндские горы по величине их поднятия над уровнем моря. Наблюдаемая с одного из заливов, которыми изрезано побережье к западу от массива, гора Кина-балу кажется вздымающейся почти вертикально над окружающими вершинами; она оканчивается коронным гребнем, увенчанным отдельными массами, похожими на башни. Некогда темные леса покрывали её склоны вплоть до высоты 3.000 метров, но горцы, разделывая землю под посевы, повырубили почти повсюду деревья; девственный кустарник сохранился только в пропастях. Исполинская масса Кина-балу состоит из гранита и других кристаллических горных пород; по словам Литтля, восходившего на неё в 1867 году, в толще горы имеется кратер громадных размеров, и по граниту рассеяны куски лавы[3]. Ещё недавно географы думали, что у восточной подошвы Кина-балу лежит большое озеро; на картах его изображали в виде бассейна «с окружностью в сто миль»[4]; однако, этого озера не существует, если не считать озером периодическую лужу, которая во время половодий образуется вследствие разлива одной реки на восточном склоне. Эта ошибка, вероятно, произошла благодаря невольному смешению слов: именно, один из округов в этом крае называется Danau, а этим малайским словом обозначают «озеро» или «море»[5].

К югу от Кина-балу, раздельный хребет между двумя склонами острова, к западу и к востоку,—быстро понижается, так что горный проход, чрез который проникнул австрийский исследователь Витти, имеет всего 670 метров высоты; южнее, на высоте 1.173 метров, лежит другой горный проход; что же касается вершин этого хребта, то некоторые из них поднимаются более, чем на две тысячи метров. К юго-западу от этого прохода, водораздельный кряж ещё не исследован на большом протяжении: известны только названия некоторых гор, кото-

1 Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.
2 Fr. Junghuhn, упоя. соч.
3 Scottish Geographical Magazine“, December, 1887‘
4 Veth, „Aardrijakskundig en Statistisch Woordenbock van Nederlandisch Indie“.
5 R. C. Mayne, „Proceedings of the R. Geographical Society“, March, 1838,

рые видны с моря. Орографическая карта начерчена с некоторою точностью только в бассейне реки Бруней, к югу и к юго-востоку от столицы, где поднимаются горы Малю и Марюд, превышающие и та, и другая 2.400 метров. Центральный массив острова, с которого сливаются к юго-западу, к югу и к востоку верхние притоки трех главных рек Борнео, до 1888 года не был посещен европейцами: его знали только по имени. По словам туземцев, главный пик этой группы гор, Бату-Тебанг, так высок; что «с его вершины легко достать небо». Издали, эта вершина действительно кажется всегда белою, потому ли, что она поднимается до пояса вечного снега, или же потому (и это правдоподобнее), что пары обволакивают её скалы[1]. Как бы то ни было, ближайшие к центральному ядру горы, исследованные до сих пор европейскими путешественниками, отличаются лишь живописностью и причудливостью своих вершин, но ни одна из них, по измерению Шванера, не превышает 1.400 метров, а отроги, расходящиеся оттуда к мысам Борнео, имеют почти на всём своем протяжении даже меньшее поднятие. Цепь, которая направляется к юго-западу и к западу, и которая известна под именем Люпар, в некоторых местностях даже теряется совершенно. Между протекающей чрез территорию Саравак рекой Люпар и озером Сриang, принадлежащим к бассейну реки Капуас, возвышения едва заметны, так что кажется даже, будто поверхность ровна, и только на северо-востоке виднеются синеватые вершины «Тысячи Ста Гор»[2]. За этим перевалом, западная горная цепь, т.е. Люпар, ещё прерывается во многих пунктах, но близ Сараваккского края она снова повышается и окружает его величественным амфитеатром, выдающимся в море остроконечной стрелкой, называемой Танджанг-Дату. Самые высокие горы этой раздельной цепи: Пенризан, достигающая 1.430 метров, и Пу, высотой в 1.830 метров. Южнее, на голландской территории, холмы Монтрадо образуют отдельный массив.

К югу от возвышающейся на 2.500 метров Бату Раджах, т.е. «Царь-горы», кряж, ограничивающий с востока бассейн р. Капуас, не имеет таких вершин, которые могли бы соперничать по высоте с горами Саравака и с центральным массивом; к югу он продолжается в виде вершин в шестьсот и в восемьсот метров высоты, затем он тянется между бассейнами рек Капуас и Барито, в виде ряда групп, отделенных одна от другой широкими и глубокими долинами, и представляющихся поэтому в виде массивов-островов. Юго-восточная цепь, служащая общей границей между системами рек Барито и Махаккам,—одна из самых значительных возвышенностей острова; Бату-Бунданг, с которого изливаются на юг—притоки Барито, а на север—притоки Махаккама, достигает, по Шванеру, 1.300 метров; однако, к югу цепь быстро понижается, и срединная часть состоит из округленных холмов, высотой не более двухсот метров. Одна из брешей цепи занята Джаллан-Бату, т.е. «Каменной дорогой», хаосом известковых глыб, всевозможных форм и размеров, покрывающим пространство в несколько сот кв. километров. Между скалами, а местами в их трещинах и на вершинах, ростут деревья. Джаллан-Бату—это обломки подымавшихся здесь некогда гор, состоявших из известковых масс, расположенных в виде параллельных напластований, которые постепенно размывались и увлекались водами[3]. Горная цепь ближе к морю и на юго-западе вокруг аллювиальных равнин Банджермассина видоизменяется; она состоит здесь почти исключительно из кристаллических горных пород; конечное её возвышение, Сатои, служит маяком для проходящих судов. Точно также горы, ограничивающие с севера бассейн реки Махаккам, оканчиваются на востоке гранитной горной цепью, «Лакуру», вдающейся далеко в море в виде остроконечного полуострова.

Кроме упомянутых горных хребтов, тянущихся в виде связанных друг с другом возвышений, Борнео усеян множеством массивов, одиноко возвышающихся среди его равнин, так что этим остров напоминает соседнее море, усеянное архипелагами. Большая часть этих островных групп незначительны, но между ними попадаются иногда высокие пики: таковы Балик Пиппан и Братюс, в бассейне Махаккама; по вычислению Бока, высота Братюса рав-

1 Schwaner, „Borneo“;—Bock, „Unter den Kannibalen auf Borneo“.

2 William Crocker, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April, 1881,

3 Carl Bock, упом. соч.

няется приблизительно 1.500 метрам. Многие высокие горы центрального Борнео состоят из гранита и других кристаллических горных пород, о чём заключают по рассеянным на полях обломкам, заносимым туда, очевидно, водой. Кроме того, на острове довольно много известковых скал, бесчисленные пещеры которых доставляют убежище ласточкам-саланганам. Различные известковые слои содержат пласты горючего материала, каменного угля или лигнита: изобилующий лесами Борнео богат также и каменным углем. Во многих областях острова протекают соляные источники. Наконец, хотя Борнео, окруженный полукругом вулканических островов, сам, повидимому, не скрывает в своих недрах никаких подземных вулканических очагов, тем не менее он также имел свои кратеры, а около Кина-балу и в массиве Монтрадо местами виднеются окалины от прежних извержений.

Берега Борнео часто меняли свои очертания, и если было время, когда этот большой остров находился в связи с Суматрою и полуостровом Малаккой, то ему также случалось быть сведенным и к своему горному костяку, без тех равнин, покрытых глиной, булыжником и аллювием, которые простираются в наши дни между вышеописанными массивами. Во время этого периода, вероятно, Борнейские вулканы пылали над приморскими берегами. Тогда же отложились горизонтальные слои, по которым рассеяны теперь оторванные от гор железистые гальки, и в которых находят драгоценные металлы: золото, платину, ртуть, а также алмазы, замечательные своей прозрачностью и блеском. Почти во всех округах Борнео находятся промывальни золота, в северных английских провинциях, в Сараваке, Монтрадо, в окрестностях Понтьянака и Банджермассина; кроме того, малайцы и дайяки знают большое число россыпей и в других местностях, но они их скрывают, желала сохранит за собой монополию, или удержать иностранцев вдали от своей территории. Алмазные залежи большей частью содержатся в глинистых землях, в некотором расстоянии от золотоносных пластов.

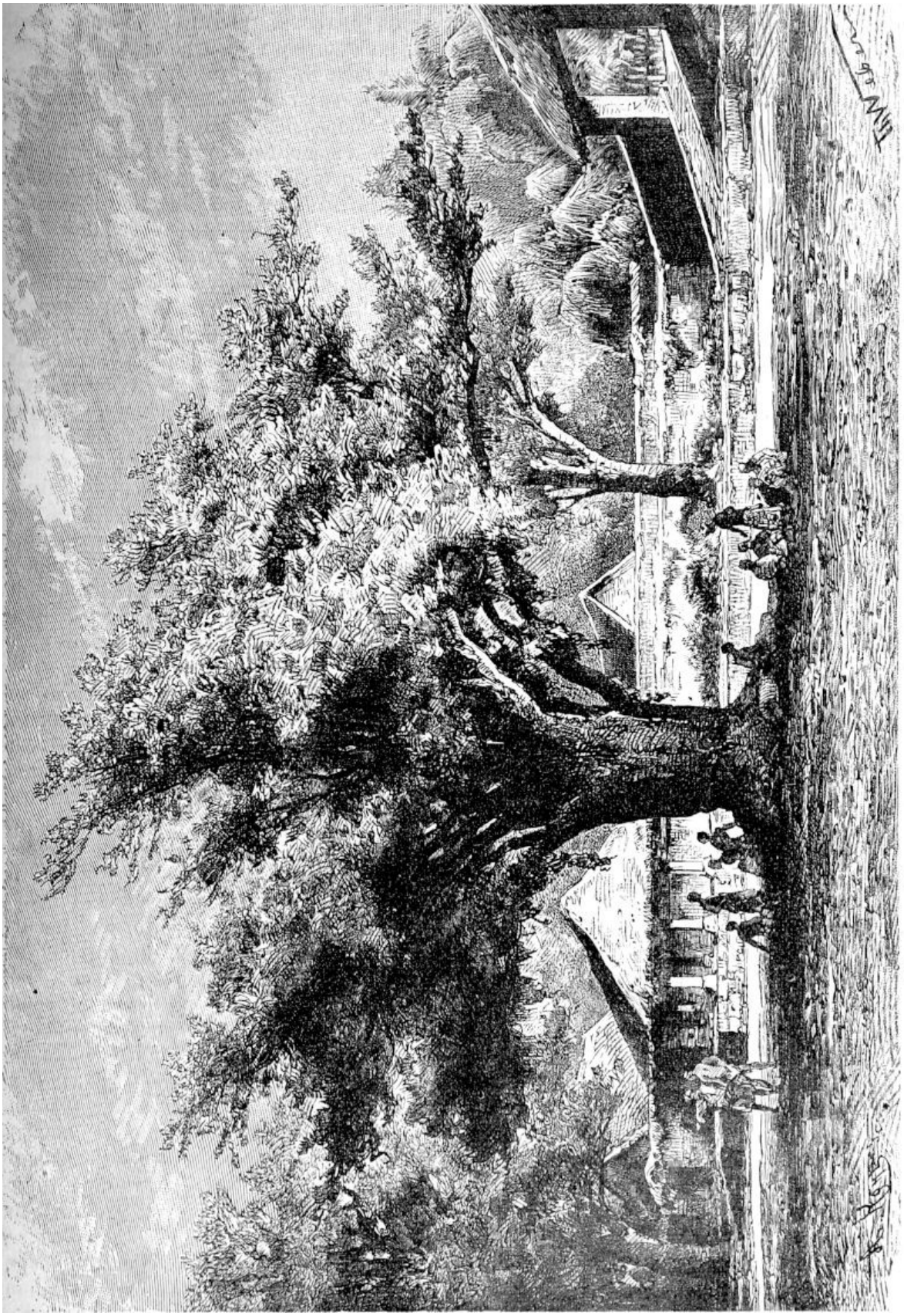
Орошаемый обильными дождями, Борнео отдает посредством широких и больших рек морю излишек своих вод. Впрочем, северо-западный склон, между главной горной ветвью и морем, недостаточно широк для того, чтобы реки могли достигнуть тут полного развития: самая многоводная из этих речек—та, которая называется по имени острова, т.е. Бруней или Борнео; на берегу бухты, в которую она впадает, находится столица острова. Режанг и Люпар—также мощные реки, по ним поднимаются даже морские суда. Река Саравак, на том же склоне, незначительна по массе своих вод, но её судоходное устье прославилось, благодаря городу, находящемуся на его берегах.

Одна из трех главных рек острова—Капуас, бассейн которой находится между двумя юго-западными горными цепями: воды её текут, сохраняя довольно правильно направление на юго-запад. В её долине некогда существовали большие озера, но наносы постепенно заполнили их, или же оставили на приречных полях только *danau*, не обширные и неглубокия; таковы озера Сриang и Люар. Капуас проходит в равнину, находящуюся в приморской полосе, как бы чрез триумфальные ворота, образуемые двумя сближенными холмами; здесь река делится на две ветви, в свою очередь, подразделяющиеся на многочисленные рукава для образовании дельты, протяжение которой по берегу моря обнимает не менее ста двадцати километров. Изрезанная каналами-протоками, наносная и намывная поверхность этой дельты выдалась за первоначальную линию поморья и, по туземным преданиям, сообщаемым Темминgом, во многих местах сделала уже в исторические времена значительные захваты в области моря. Так, остров Мажанг, лежащий против южного устья дельты, уже почти совсем соединен с Борнео речными наносами, которые теперь дальше отлагаются в море, по направлению в архипелагу Каримата. Провинция Пулу-Петак также составляла некогда остров, как указывает её наименование, свидетельствующее, что это был «Остров Земли», т.е. остров, лишенный всякой растительности[1].

Южная область Борнео, лежащая к югу от экватора, орошается всего обильнее. Реки Котаринжин, Пембуан, Сампит, Катинган, Кахажан и Барито следуют одна за другой в близ-

1 Schwarcer, „Borneo“.

ком расстояния; все они окаймлены болотами в одной части своего течения; все делают своими наносами захваты в области моря, все представляют для гребных судов путь, далеко вдающийся внутрь острова. Самая значительная из этих рек, несущих свои воды к югу,—



Бали.—Видъ предъ дворцомъ султана Булеланга.

Барито или Банжер, известная также под множеством других местных названий, в тех различных областях, чрез которые лежит её путь. Зарождаясь в центральном массиве острова, Барито течет сначала на восток в глубоких, почти неприступных ущельях, перерезанных

быстринами и каскадами, затем покидает подножия гор и направляется на юг, извиваясь по равнине. Усиленная впадением многочисленных притоков, она судоходна на протяжении всей этой части, и даже доступна для морских судов далеко вверх от порта Банджермассина, находящагося по соседству с входом в реку. Не доходя сотни километров до моря, Барито делится на два судоходных рукава. Восточный рукав пополняется водами речек Негара и Мартапура, а западный соединяется с рекой Капуас, которая была прежде вполне независима и впадала прямо в море. Постепенное отложение ила, приносимого рекой Барито, мало-помалу заполнило залив, находившийся в этой местности, и Капуас превратился в приток Барито. Со временем, вследствие увеличения наносов, то же случится и с Кахажаном (или Groole Dajak'ом), Нынешняя поверхность дельты уже исчисляется более чем в две тысячи квадратных километров, а ограничивающие её речные рукава в некоторых местностях достигают ширины более одного километра; во время половодий, реки Барито и Капуас выступают из берегов и сливаются вместе, затопляя равнину, вследствие чего водная поверхность занимает громадное пространство, исчисляемое Шванером в тридцать две тысячи квадратных километров, а деревни, построенные на возвышениях, кажутся островами, рассеянными посреди этого моря пресной воды. Подобно Миссисипи и другим рекам, изобилующим водой и извивающимся по низменным равнинам, Барито часто меняет свое ложе, в особенности вследствие прореза ножек излучин. Благодаря образованию этих перерезов или *antassan*'ов, излучины, вследствие уменьшения быстроты течения, мало-по-малу заносятся илом и превращаются в *danau* или «моря», напоминающие «ложные реки» долины Миссисипи; там и сям эти «моря», во время наводнений, соединясь на необозримое пространство с другими озерами и болотами, разливаются между лесистыми берегами.

На юго-востоке острова, несколько небольших речек вытекают из прибрежных гор; большие потоки речной воды наблюдаются только на обширной Кутейской равнине. Пересекающая её река зарождается в озерах центрального узла гор и вскоре принимает своё нормальное направление к юго-востоку; это—Махаккам, называемые также Кутей, по имени того края, который она орошает. По выходе из области гор, она несет уже большое количество воды, но, вступая в равнины, разливается в обе стороны, образуя обширные озера, где уже не видно горизонта лесов. Эти озерные водохранилища, представляющие остатки прежнего моря, постепенно уменьшаются в объеме; ил, отлагающийся между корнями приречных деревьев, год от году всё более и более повышает дно этих бассейнов, хотя центральные части их остаются всё ещё глубокими; Бок во многих местах выбрасывал там лот на глубину более двадцати пяти метров. Ниже области озер, соединяющихся при посредстве узких проливов в бесконечный лабиринт, Махаккам принимает свой главный приток, Телен, и, следуя его направлению, спускается извилистым течением на юг. Здесь обе стороны долины обставлены невысокими холмами, в толще которых глаз различает черные пласты угля; южнее резкого поворота к востоку, тянутся совершенно намывные берега, отстоящие друг от друга на один или несколько километров. Пальма *nipa*—единственное дерево, произрастающее здесь на илистой почве. В низовье, река, течение которой чередуется с приливом и отливом, катит свои воды, так сказать, вне твердой земли; подобно Миссисипи, Махаккам разделяется на многочисленные ветви, образующие «гусиную лапку» в океане; если бы прилив, в виде исключения, поднялся на один или два метра выше обыкновенного, то вся дельта новейшей формации исчезла бы под водой.

Реки, текущие севернее гор Лакуру, Келай. Кажан, Себуванг, Кина-Батанган и другие, не могут сравниться с Махаккамом и другими южными реками, ни по площади своих бассейнов, ни по длине русл; однако, они всё ещё несут такое количество воды, что все служат путями сообщения; но их устья очень опасны, вследствие многочисленных коралловых образований, на северо-восточном берегу[1]. Немногие страны могут выдержать сравнение с островом Борнео по числу сплавных и судоходных водяных путей.

1 Carl Bock, упом. соч.

Главные реки о. Борнео[2]:

	Приблизит. длина	Приблизит. площадь	Длина судоходного течения реки и её притоков
Бруней или Лимбанг	200 кил.	10.000 кв. кил.	100 кил. (Сент-Джон)
Режанг	500 »	25.000 »	320 » (Крокер)
Люпар	300 »	10.000 »	48 » »
Капуас	800 »	75.000 »	600 » »
Кахажан	550 »	21.860 »	250 » (Шванер)
Катинган	450 »	20.000 »	200 » »
Барито	920 »	100.000 »	1.000 » »
Махаккам	960 »	80.000 »	600 » (Бок)
Кина-Батанган	550 »	20.000 »	450 » (Прийер)

Неудивительно, поэтому, что сотни малайских и китайских купцов воспользовались этими реками для постройки на них пловучих жилищ, как и на восточных суматрских реках. Леса, встречающиеся во всех частях бассейна, доставляют им материал, из которого они связывают сначала плоты; затем на плоту выстраивают домик, а иногда даже и целую деревню из хижин, и, спускаясь вниз по течению реки, причаливают или же становятся на якорь повсюду, где только могут собрать немного меда, накупить смолы или кож и произвести товарообмен. По прошествии нескольких недель или даже месяцев такого путешествия, они, наконец, достигают какого-нибудь торгового местечка на низовьях, где продают собранные ими продукты и самый дом, в котором эти продукты были сложены. Если предприятие удалось, они снова на лодке поднимаются к верховьям реки, вновь выстраивают подвижное жилище и заводят на нём свою меновую торговлю[2]. Реки на Борнео, имея в своем нижнем течении только незначительный уклон, позволяют приливной волне проникать на большое расстояние вверх по течению; но в большей части устьев—особенно в устье Люпара—прилив врывается стремительно, образуя такую исполинскую волну, что, ниспадая, её пенистые валы ударяются с грохотом, напоминающим раскаты грома.

Пересекаемый равноденственной линией, Борнео имеет, однако, не такой знойный климат, как, например, Аден и берега Красного моря; также как и другие инсулиндские земли, он освежается морскими бризами, которые со всех сторон привлекаются к нагретым областям. Редко случается, чтобы на берегах Борнео, в тени, температура достигала 35°; обыкновенно она не превышает 32°: термометр с 22° утром поднимается до 31° к двум часам по полудни. Опасным для европейцев делает климат Борнео не жар, а ночная влажность. Болота, периодические наводнения, высыхающий на солнце ил и гниющие органические вещества, в свою очередь, тоже увеличивают опасность климата, в особенности во внутренних областях, находящихся вне действия морских ветров и приливных вод. Вдали от берегов, времена года разграничиваются неявственно; направление ветров неправильное; облака, дожди приносятся со всех сторон горизонта. Зато на взморье, в смене муссонов наблюдается достаточная правильность: юго-восточный муссон дует с апреля по октябрь, затем следуют, смотря по положению берегов, муссоны: северо-западный, северный, либо северо-восточный, сопровождаемые бурями и ливнями. Но дожди выпадают также и в течение хорошего времена года, иногда даже в изобилии; в Сараваке, напр., годовое количество выпадающей атмосферной воды исчисляется от четырех до пяти метров. Однако случалось, что в крае господствовали и продолжительные засухи; так, в 1877 году, большое озеро Сриang, в бассейне реки Капуас, совсем высохло[3]. Путешественнику Боку, при проезде его по Кутейской области, приходилось следовать чрез леса, вымершие от жары и совершенно лишенные зелени; там не осталось также и животных: вся природа была поражена смертию.

Но такие случаи редки; времена года вскоре потекли своим чередом, и все вымершие деревья заменились новыми. Можно даже сказать, что громадный остров Борнео есть не что

2 Joseph Lehnert, „Um die Erde“

2 Carl Bock, цитированное сочинение.

3 William Crocker, упом. соч.

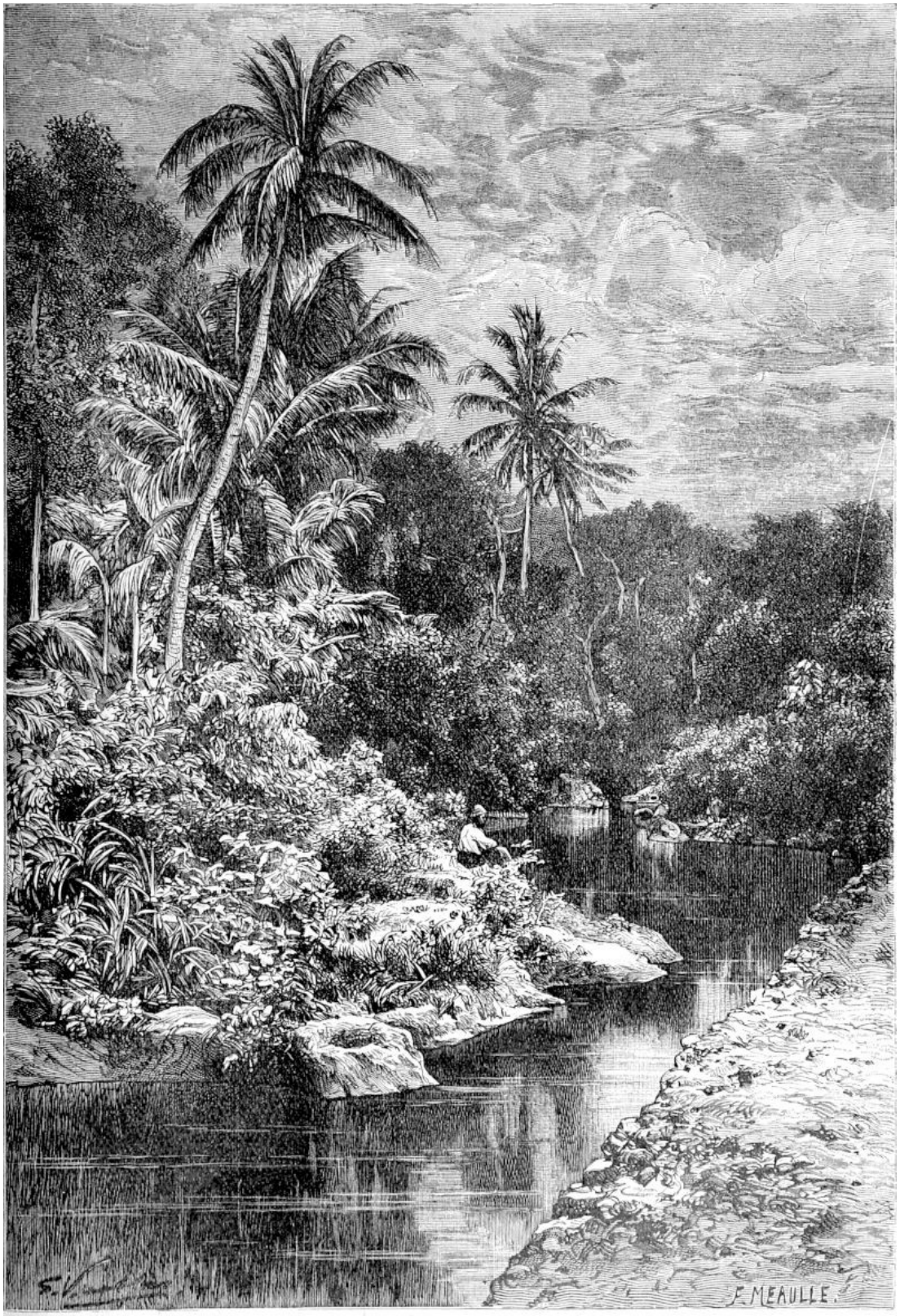
иное, как сплошной лес; обезьяны, говорит один писатель, могли бы пропутешествовать с одной оконечности острова до другой, перебегая с ветки на ветку. И только в некоторых округах лес прерывается пространствами, покрытыми травами *alang*. В общем, Борнейская флора не отличается от флоры других больших островов; тем не менее, она заключает в себе несколько специальных видов, в особенности между теми деревьями внутри острова, которые доставляют строевой лес, смолы и камеди. На склонах Кина-Балу, прославленных своими многочисленными разновидностями кротовиков (nepenthes), ботаники констатировали существование любопытного смешения индийских, малайских и австралийских растений. Саговая пальма (metroxylon sagus Rumphii) является одним из распространеннейших растений болотистой полосы поморья, и хотя в некоторых округах, между прочим, в долине Махаккама, не умеют извлекать из неё драгоценной питательной мякоти[1], но жители других областей на морском берегу добывают её в таком изобилии, что из одной только Саравакской территории вывозятся более половины всего того количества саго, которое вообще попадает на мировой рынок[2]. Саговое дерево средней высоты доставляет приблизительно тысячу плиток, в общем весящих триста килограммов. А этого вполне довольно для пропитания одного человека в течение года, и для заготовления такого обильного запаса достаточно десяти дней сравнительно легкого труда.

Фауна Борнео, подобно флоре, обладает многими только этому острову свойственными видами, что придает ей особенную физиономию. У каждого острова есть животные, не существующие на других островах; известно, что это различие между островными формами привело естествоиспытателей к попытке определения того времени, когда острова отделились друг от друга: так, Суматра и Борнео ещё составляли одну землю, когда Ява уже была отдельным островом; таким образом, узкий Зондский пролив древнее, чем широкое Борнейское море[3]. Это доказывается сходством фаун Борнео и Суматры и относительным различием между животным царством Явы и Суматры. Из животных, местопроисхождением которых, повидимому, было Борнео, наиболее замечателен mias, оранутанг, или «лесной человек» (*simia satyrus*), который встречается также и на Суматре. Оранг-утанги водятся ещё во всех частях Борнео, но приручить их до сих пор не удалось: почти все плененные животные умирают от чахотки, даже и в том случае, если их выращивают по соседству с родным лесом. Туземцы рассказывают, что миас не страшится ни носорога, ни тигра, ни кабана; он не отказывается даже от борьбы с крокодилом и питоном. К борнейской фауне принадлежат также слоны и носороги, которые ещё встречаются стадами около Сандакана, на английской территории, хотя уже совершенно исчезли в голландских провинциях[4]. Борнейский тигр составляет особый вид, *felis macroscelis*. На острове водятся две разновидности крокодила, которые не существуют в других странах.

Разсказывали о существовании особой расы, борнейцев, живущей среди борнейских лесов, и островитяне любят описывать оранг-банту, т.е. «людей с хвостами», находящихся, будто-бы, в центральных областях. Многочисленные путешественники, арабы, малайцы и туземцы, утверждают, будто бы видели их садящимися на скамейки с дыркой, в которую они и вставляли свой хвостовой придаток[5]. Ещё недавно, путешественник Бок розыскивал, но без успеха, этих хвостатых людей между жителями гор, разделяющих бассейны рек Барито и Пазир. Как бы там ни было, несомненно то, что между жителями Борнео есть люди совершенно дикие: таковы пунаны, т.е. «лесные люди», в центральных областях и ньявонги в области Кахажана, которые бродят в лесах, не устраивая себе даже крова из листьев для за-

1 Carl Bock, упом. соч.
2 William Crocker, упом. соч.
3 Alfred Ruseel Wallace, „The Island Life“.
4 Pyper, „Zoologist“, October, 1881.—F. A. J. „Tijdschrift van het Nederlandsch Aardrijlkskundig Genootschaap“, 1884, n. 9.
5 Spencer Saint-John;—Yule;—Carl Bock, и т.д.

щиты от дождя или солнца. Вся одежда их состоит из передника, оружием служит сарбакан, снабженный метательными стрелами, отравленными смесью, в которую входит никотин: недавно, однако, они научились выделывать себе мечи. Эта дикари избегают европейцев, ма-



Пейзажъ на островѣ Тиморъ.

лайцев и китайцев, и торгуют с ними не иначе, как чрез посредников. Главную их пищу составляет мясо обезьян, змей и лягушек. Цвет кожи у них менее черен, чем у других жителей острова; в особенности же у их женщин, почти всегда защищенных от солнца тенью густых лесов, кожа светлая, желто-серая. Этнологи предполагают, что между народцами внутри

острова есть такие, место которых в классификации остается неопределенным, так как неизвестно, к кому их следует отнести: к белым ли инсулиндским населениям, или к маролослым негритосам[1].

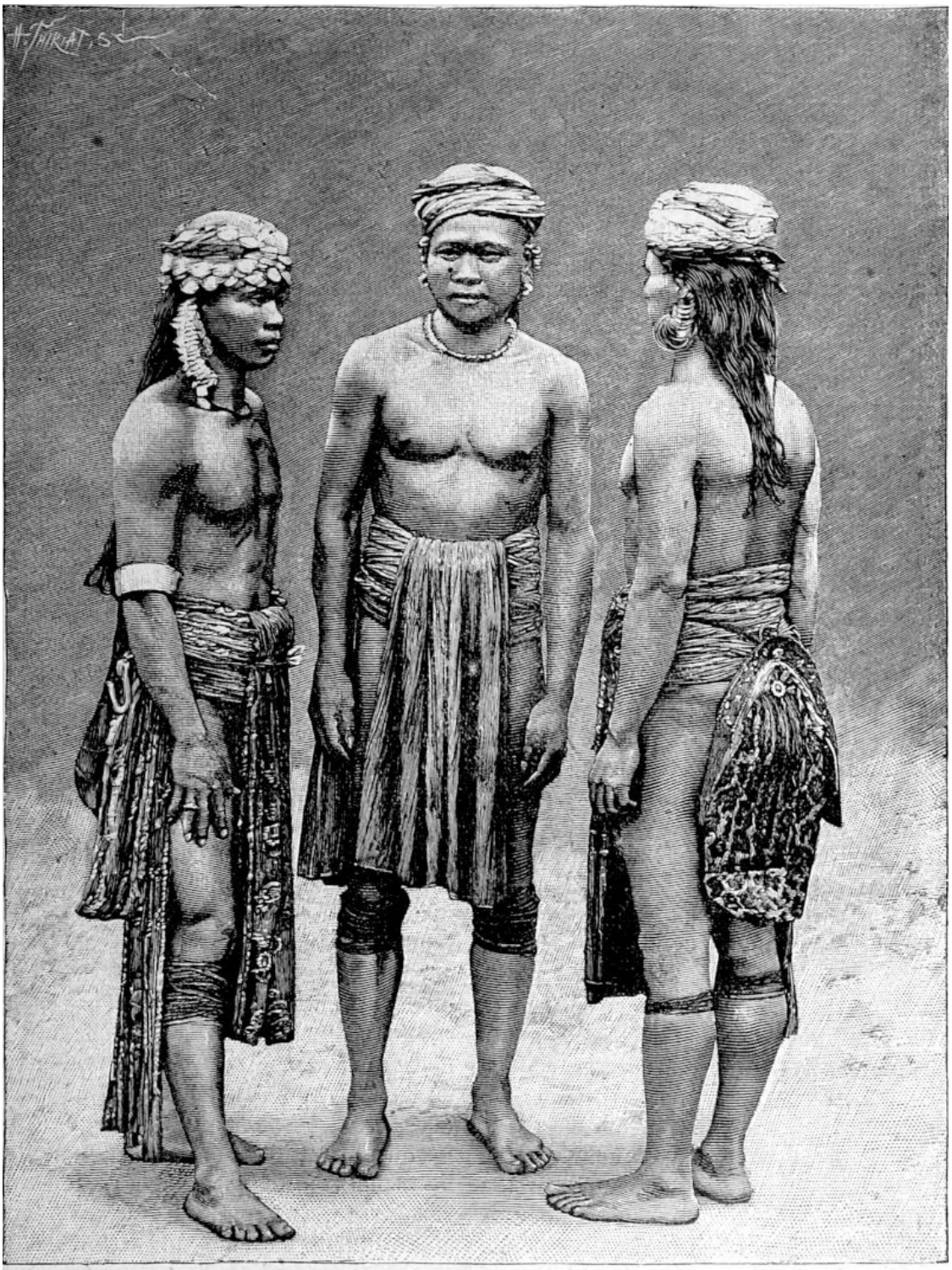
Огромное большинство жителей внутри страны состоит из дайяков; но это наименование общее, и первичное его значение повидимому—«люди»; у малайцев, однако, оно означает «дикарей» или «язычников»; его производят также от туземного слова *дадаук*, т.е. «хромоногий»; для такого наименования, однако, нет оснований[2]. Впрочем, под словом «дайяки» смешивают племена, вероятно, различные по происхождению, по наружности и образу жизни. Частные же названия их вообще заимствованы от тех местностей, в пределах которых они живут; таковы названия: оранг-капуас, оранг-барито, оранг- махаккам, оранг-букит, т.е. «горцы», от-даном, т.е. «люди высоты»; различают также «дайяков моря», поморян, и «дайяков земли», т.е. людей, живущих внутри страны. Взятые в массе, дайякские населения отличаются от цивилизованных малайцев более стройным станом, более светлым цветом кожи, более выдающимся носом и более высоким лбом. У большего числа этих народцев, мужчины тщательно выщипывают себе волосы на лице; мужчины и женщины подпиливают, окрашивают, а иногда и просверливают себе зубы для того, чтобы воткнуть в них золотые бляшки; они также прокалывают ушную мочку, в которую вдевают кусочки дерева, кольца, металлические полулунки и другие украшения такого веса, что ушная мочка оттягивается ими до самого плеча. Матери, во многих племенах, искусственно уродуют черепа своих детей при посредстве дощечек из бамбука и тесемок[3]. Дайякский костюм состоит из куска голубой с трехцветной полосою на концах, хлопчатобумажной ткани, обмотанной с известной грацией вокруг стана; причесанные черные волосы обвиваются красной тесьмой с золотыми позументами. Большая часть дайяков татуируют свои плечи и кисти рук, бёдра и ступни, иногда также грудь и виски, при чём эти рисунки, свидетельствующие, впрочем, о большом вкусе и выделяющиеся прекрасным голубым цветом на медно-красном фоне, почти всегда распределены в нечетных числах, с целью умилостивить судьбу; для отвращения же злого рока к вышеупомянутым украшениям прибавляют амулеты, камни, бусы или филиграновые изделия; у некоторых племен вокруг груди и живота навертывается латунная проволока, как у африканцев на берегах Нианцы. Болезни кожи весьма распространены у дайяков, может-быть, вследствие недостатка соли в их пище. Зоб наблюдается в крае Кутей так же часто, как и в некоторых долинах Пиренеев и Альп: из трех дайякских женщин в этих краях, по крайней мере, одна зобатая. Туземцы, ещё ранее прибытия голландцев, умели применять нечто в роде прививания против оспы, весьма опасной в этой стране.

Дайяки верят в существование Верховного существа, воля которого известна жрецам, и с которым жрецы сносятся при посредстве «небесного языка». Доверием народа в особенности облечены *bilian*, т.е. жрицы, которые умеют заклинать злых духов, отводить болезни и напускать дурной глаз, предугадывать будущее, разъяснять загадки и импровизировать песни. Их с детства воспитывают жрецы, и всегда избирают между рабынями, так как в их ремесло входит также проституция: за известную определенную цену, они принадлежат каждому из женатых мужчин своего племени. Между обычаями, относящимися к браку, есть один, по происхождению, вероятно, китайский, и равный которому по жестокости едва-ли найдется где-нибудь. Именно богатые «от-даномы» запирают своих дочерей, в возрасте от восьми до десяти лет, в узкую малоосвещенную келью, откуда они выходят не ранее, как через семь или восемь лет заключения. В течение этого времени, девушки не должны видеть ни родных, ни друзей, ни даже своей матери; занимаются они в это время только плетением рогожек; пищу приносят им рабыни. Когда девушка выйдет из своей тюрьмы, бледная, исхудалая, шатающаяся на своих бессильных маленьких ножках, она достойна самых богатых покупателей; при этом закалывают «кусок человека», т.е. раба, и кровью, которая брыз-

1 Hamy, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1876;—de Quatrefages, „Les Pygmees".
2 Kann en Potshumus, „Tijdschrift van het Nederlands Aardrijlkskundig Genootschaap", 1887.
3 William Crocker, „Nature". December 8, 1881.

жет из его жил, орошают тело девушки[1].

Ещё многие из дайякских племен занимаются доставившей им известность «охотой за головами», которая недавно угрожала исчезновением целой расы. У них этот обычай является по своей сущности религиозным: ни один важный акт жизни не кажется им санкциони-



Борнео.—Типы дайяковъ.

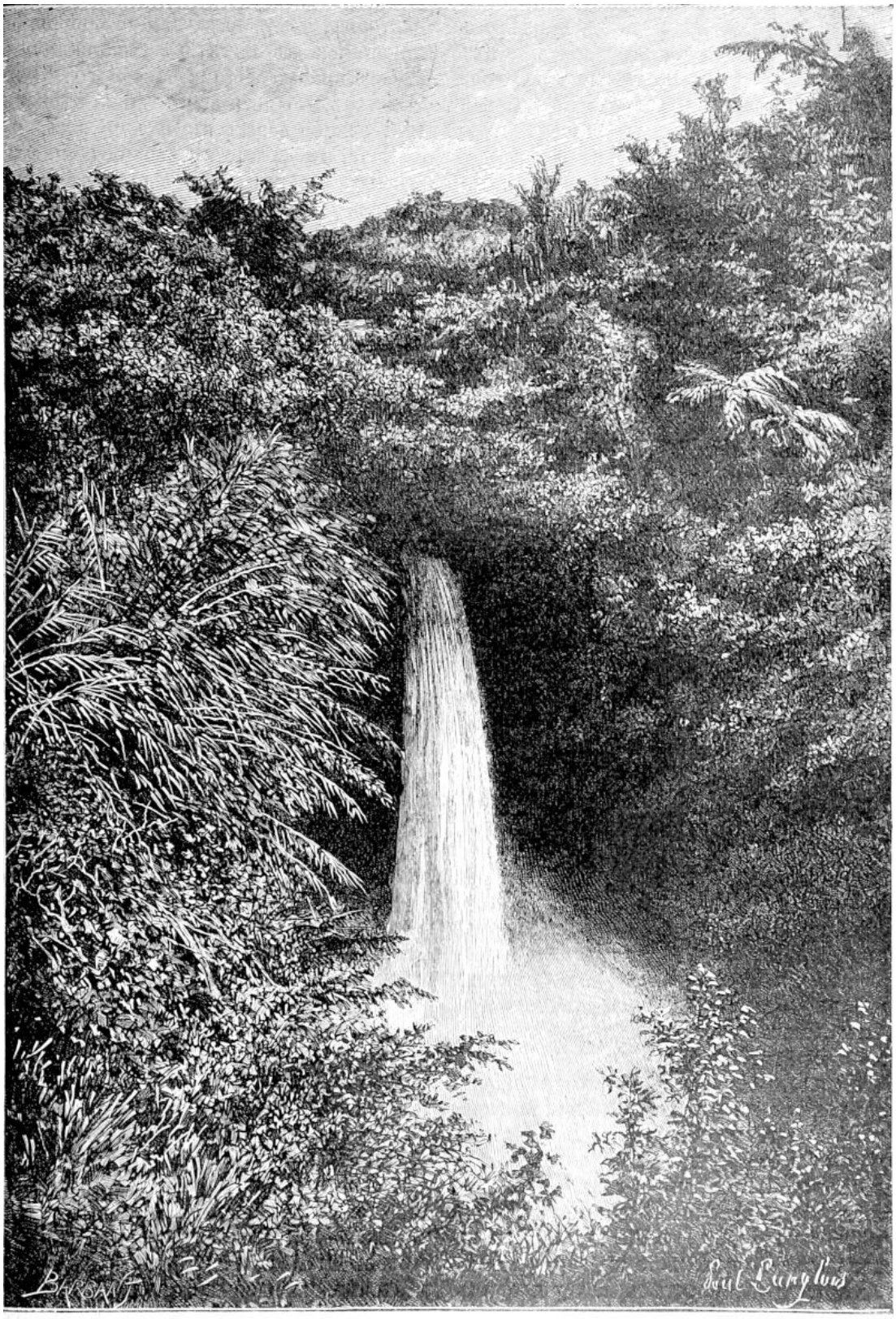
рованным, если он не сопровождается представлением одной или нескольких отрезанных голов. Дитя родится при зловещих обстоятельствах, если его отец не принесет головы своей жене во время беременности; молодой человек не может препоясать себя мечем или *mandau*, т.е. «черепо-резом», раньше чем не отсечет кому-либо голову; жених не будет принят моло-

1 Schwanner. „Borneo“.—„Tuur du Monde“, 1862, 1-et Semestre.

дою девушкою, за которою он ухаживает, пока не преподнесет ей отрубленную голову, для украшения будущей их брачной хижины; начальника не признают до тех пор, пока он не покажет своим подданным голову, отрезанную им самим; ни один умирающий не отправится с честию в замогильное царство, если у него не будет сотоварищей с отрезанными головами. При смерти каждого раджи, должна, соответственно его рангу, следовать в могилу и многочисленная свита. У некоторых племен, напр. у баху-тринг, в северной части бассейна р. Махаккам, и у от-даномов, на верховьях реки Кахажан, этот религиозный обычай требует даже большего: недостаточно убить, но должно ещё и мучить жертву, прежде чем нанести ей последний удар; затем, её кровью следует оросить поля, а мясо её есть перед жрецами и жрицами, которые при этом исполняют предписанные церемонии: отсюда понятны как ужас, который дайяки внушают своим соседям, так и предание, гласящее, будто они, т.е. дайяки, произошли от кинжала и мечей, принявших человеческую форму[1]. Экспедиция для «охоты за головами» считается настолько важным религиозным актом, что у первобытных племен ей должна предшествовать всеобщая исповедь; все согрешившие каются в своих проступках, налагают на себя, подобно полинезийцам, *pomali*, т.е. *табу*, и для возвращения себе состояния «прощеннаго», очистившагося, приносят покаяние в лесу. Смыв с себя таким образом всякую нравственную скверну, они предаются своим погребальным танцам, затем облекаются в воинский костюм, состоящий из шкур хищных животных, надевают маску, изображающую морду тигра или крокодила, и в таком виде отправляются в поход, с целью застигнуть врасплох людей какого-нибудь дальнего, вражеского или дружеского, племени, на счет которого и запасаются отрезанными головами, или жертвами для людоедства[2]. Впрочем, черепа врагов составляют обыкновенно предмет величайшего почтения: им оказывают всевозможное внимание, при каждом принятии пищи кладут в рот лучшие кусочки[3], подчуют бетелем и табаком, обращаются с ними, как с начальниками, надеясь заставить их позабыть свое прежнее племя и присоединиться к новому: «Теперь, говорят им, ваши головы у нас; пособите же убиению прежних ваших братьев!» Хотя они не упускают случая упрек в отрубании голов обратить на своих воспитателей, дайяки нидерландских и британских владений, постепенно принимающие ислам, покидают мало-по-малу свои убийственные обычаи. Впрочем, сами «головорезы» принадлежат к числу тех населений Инсулинда, которые наиболее выдаются своими нравственными качествами. Почти все они вполне безупречны и честны, никогда не позволят себе говорить о том, чего не знают, и с уважением относятся к чужому труду. В самом племени убийства неизвестны: под владычеством Брока, в Саравакском княжестве в течение двенадцати лет был всего один случай насильственной смерти, при чём виновным оказался принятый дайяками в свою среду чужестранец. Туземцы выгодно отличаются от малайских, китайских или европейских переселенцев своею трезвостью и скромностью. Хотя дайяков обманывают и грабят на все лады, они тем не менее остаются доброжелательными и веселыми, они до самозабвения забавляются всевозможными играми, в придумывании которых весьма изобретательны. Будучи прирожденными художниками, дайяки не ограничиваются тем, что строят свои дома на высоких сваях, для поднятия их над уровнем наводнений и для обезопашения от нападения ночных бродяг, но даже умеют располагать бамбук и бревна так, что они образуют приятные для глаз рисунки. Они ревностные собиратели фаянсовых и фарфоровых изделий, и считают даже некоторые особенно редкие экземпляры имеющими божественную силу[4]. Могилы начальников, а в некоторых местностях также и их собак, прочно обделываются железным деревом и украшаются скульптурными изображениями, представляющими головы птиц, пасти драконов; все эти украшения по тонкости отделки и оригинальной грациозности едва-ли уступят изделиям бирманцев и сиамцев.

1 De Backer, „Archipel Indien“.
2 Perelaer, „Ethnographische Beschrijving der Dajaks“;—Tchwaner;—Carl Book.
3 Koppel, „Expedition of the ship. „Dido“.
4 Perelaer;—Book. упом. соч.—Terurier, „Musee antropologique de Leiden“.

Центр большей части деревень занят *balai* или «главным домом», круглым и продолговатым зданием, возведенным, как и все другие дома, на сваях, но заключающим в себе обширный зал, в котором спят неженатые молодые люди и чужестранцы, и который в то же время



Минахасса. Водопадъ Тондано.

служит биржею, форумом, залом для совещаний. Некоторые из этих дайякских дворцов, иногда устроенных на-подобие крепостей, имеют до 300 метров в окружности; на берегах Люнди, Кеппель видел такой дворец, длина которого была равна 181 метру; в нём жило целое племя, состоящее из четырехсот человек. Доказательством природной способности ту-

земцев к строительству служат бамбуковые мосты, перебрасываемые ими не только через ручьи, но и чрез реки, имеющие в ширину более ста метров. Правда, европеец едва-ли рискнет воспользоваться этим качающимся сооружением, состоящим из одной лишь толстой бамбуковой настилки, идя по которой надо тщательно заботиться о сохранении равновесия, так как мост очень узок и приходится держаться рукою за такой тонкий балясник, что опереться на него было бы опасно. Но дорог дайяки не прокладывают, а лишь тропинки, и почти единственными путями сообщения им служат реки. Лучшие их дороги состоят из бревен, которые прикладываются друг к другу концами, и по которым скорее бегут, чем идут. При малейшей опасности, жители убирают бревна, ведущие в деревню, и—дорога разрушена. Дайяки Сарабакского края—хорошие земледельцы; с каждой нови они собирают последовательно: два урожая риса, затем сахарного тростника, кукурузы или овощей; после того оставляют почву под паром лет на восемь или на десять, в течение которых на бывших полях разростается кустарник и даже лес. Житницами им служат корзины, сплетенные на верхушке деревьев и соединенные с землею при помощи лестниц, или наклонных плоскостей из бамбука. Дайяки, живущие внутри острова, занимаются главным образом эксплоатацией лесных природных богатств, они нарезывают индийский тростник (rotin или rotang, ротанг) и собирают для европейцев гутта-перчу, а для китайцев гнезда ласточек и безоаровые камни. Когда туземцы отправляются на промысел в отдаленные леса, их жены зажигают маленькия лампочки, вставленные в скорлупу кокосового ореха, и спускают их на реку—как то делают в подобных же случаях прибрежныя жительницы Ганга. Эти плавучия лампочки возжигаются в честь духов, населяющих воздух и воды, пред которыми они должны ходатайствовать за отсутствующих мужей.

Кажется странным, что, при всех выгодах, соединенных в их стране,—плодородии почвы, легко-доступности, почти неизсякаемых природных богатствах, полу-цивилизованные дайяки, покинувшие уже свой религиозный обычай охоты за головами, не увеличиваются в численности. Урожаи доставляют им с избытком необходимое продовольствие и позволяют даже продавать излишек собранных плодов для вывоза заграницу. Кроме того, все дайяки женятся во цвете лет, у них нет даже примеров безбрачия, и, несмотря на это, деревни их не разростаются, а по-прежнему одинаково рассеяны на обширном пространстве, посреди моря зелени, покрывающей внутренность острова. Причина этому—эпидемии и слабая плодовитость женщин: два-четыре ребенка составляют среднюю рождаемость семей. По мнению Уэллеса, такое незначительное число детей должно быть приписываемо чрезмерному труду матерей. Действительно, хотя мужья очень уважают своих жен и не предпринимают ничего, не посоветовавшись с ними, но на женщинах лежат все тяжелые работа: они полят рис, вскапывают землю, носят тяжести, при чём им приходится то взбираться на горы, то спускаться на дно пропастей. Истощенные таким непосильным трудом, они преждевременно стареются. Благодаря этому, вся численность не смешанной дайякской расы на острове Борнео достигает всего лишь около миллиона людей.

Малайцы-магометане почти все осели вдоль поморья и по берегам рек. Они усердно распространяют ислам между своими соседями, живущими внутри страны, и убеждают туземных начальников, в доказательство своего обращения в ислам, набирать себе много жен, заставлять их носить покрывало и запирать их в гарем. По словам Котто, саравакские малайцы согласно показывают, что их предки появились в крае тридцать поколений тому назад. Привлекаемые торговлею, малайцы, переходя от одного рынка к другому, мало-по-малу подвигаются всё ближе к горным областям. Посредством браков и влияния своей, во многих отношениях высшей цивилизации, малайцы исподволь ассимилируют дайяков. Хотя численно они составляют меньшинство, но им принадлежит преобладающая роль, и влияние их усиливается с каждым днем. Магометанское население острова увеличивают иноземные выходцы—буги, баджо с Целебеса, явайцы, ильяносы с Филиппинских островов, арабы, но численностью всех их превосходят китайцы, наводняющие торговые порты; китайцы являются даже монополистами во многих отраслях промышленности и, между прочим, в деле разработки золотых рудников. Прежде, чем европейцы окончательно основали на Борнео

свои фактории, китайцы уже имели там весьма значительные колонии, и они-то и оказали самое серьезное сопротивление голландцам, когда те завладевали южными районами острова. Чистокровных китайцев около 30.000; с метисами же число их доходит до двухсот тысяч; однако, исчислить их в точности нельзя, в виду того, что большое число между ними принадлежит к семействам, тому назад много поколений поселившимся в крае и смешавшимся с малайскою кровью. Что касается голландцев и англичан, то их всего лишь несколько сотен; однако власть в их руках, и этого достаточно, чтобы тысячи их подданных учились их языку и старались во всём им подражать.

Голландский Борнео

На восточном берегу Борнео, Понтианак, город «Призрака», был первым городом, который посетили нынешние властители острова, и он остался столицей и торговым пунктом и поныне; в 1856 году местный султан уступил его голландцам, которые объявили его вольным портом (порто-франко). Город, состоя из деревянных домов, окаймляющих оба берега реки Капуас, построен в пятнадцати километрах от моря, при слиянии Капуаса с речкой Ландак; китайцы, буги и малайцы имеют в нём отдельные кварталы. Там и сям по окрестным лесам виднеются индусские развалины, храмы и статуи. Деревни, следующие одна за другой по берегам Капуаса вверх от Понтаниака, вплоть до города Синтанга, находящагося при впадении речки Мелави, также принадлежат различным национальностям, образующим, каждая, отдельную группу, с особым управлением. В небольших покоренных королевствах, расположенных к северу от Понтаниака, по направлению к Саравакской границе, преобладает элемент китайский. Будучи привлекаемы к Самбасу и Монтрадо богатыми золотыми и платиновыми рудниками, к Ландаку—алмазными копями, а ныне и к берегам Капуаса—каменноугольными залежами, китайцы исподволь оттесняли дайяков и около половины текущего столетия основали свои независимые республики, при чём в этих *kongsi* (китайских братствах) «старшие братья» помогали «младшим братьям», и пауперизм был не известен[1]. Будучи весьма солидарны между собой, эти китайские поселенцы защищались в высшей степени стойко, и, для подчинения их голландцам, понадобилась присылка многих тысяч солдат; когда же голландцы победили, то, из желания остаться свободными, тысячи этих китайцев решились даже на выселение из страны. Также как в большинстве других китайских колоний, главный предмет торговли в Самбасе и в Монтрадо составляет опиум. Сукадана, находящаяся к югу от наносных земель Капуаса и расположенная на берегу лимана, некогда была столицей одного из больших государств на Борнео; ныне же это лишь бедная деревня. Против неё находятся живописные острова, «благословенные земли» Каримата, некогда весьма населенные, а ныне пустынные. Пик главного острова имеет 1.034 метров высоты.

Между дельтами Капуаса и Барито каждое речное устье имеет свой рынок, каждое бывшее королевство—свою столицу, в которой голландский чиновник пребывает рядом с потомком прежних властителей; но по малой населенности поморья эти «главные города» представляют собой бедные деревни; однако, верхняя долина Кахажана весьма богата золотым песком, который дайяки и собирают, не пуская к себе китайцев для скупки этого песка. В этой части Борнео самый деятельный обменный торг ведут нгаджоесы, туземцы из Пулу-Пэтака. Первым большим городом в этой области является господствующий над входом в р. Барито город Банджермассин—или просто Банджер,—столица юго-западных провинций Борнео и самый населенный город на всём острове. Он лежит не при самом лимане реки Барито, но к востоку от неё, в области речных рукавов, которые, ветвясь, образуют изменчивую сеть: здесь речка Мартапура сливается с Барито при посредстве лабиринта каналов, в котором прилив два раза в день подновляет солоноватые воды—откуда и самое имя города, которое означает: «обратно текущий поток». Банджермассин, эта «Венеция острова Борнео», выстроил линии своих деревянных, с скульптурными изображениями, домов на протяжении

1 Robide van der Aa, „De Uitbreiding vom let Nederlandsch gebied“.

многих километров вдоль берегов; однако, эти сухопутные жилища почти повсюду оказываются невидимыми из-за rakit'ов, т.е. пловучих построек, укрепленных на реке на якоре; кроме того, по всем каналам снуют всяких форм гребные суда: простые лодки, гондолы, шлюпки с каютами на палубе, перевозящие купцов и покупателей. Голландцы—уже с XVII столетия—проживают на острове Татас, находящемся в центре других малайских и китайских городков; каждая национальная группа проживает в своем особом квартале; и у обезьян есть свой собственный кампонг, Цветной остров, куда туземцы приносят им лакомства. Так как на рейде могут стоять суда с осадкой от четырех до пяти метров, то Банджермассин ведет, значительную торговлю: это—один из наиболее деятельных второстепенных инсулиндских портов. Недавно в Банджермассине продавалось много алмазов, собираемых на берегах речки Мартапуры; но со времени открытия капских копей, разработка банджермассинских приисков приносит только убытки, тем более, что султан объявляет своей собственностью каждый алмаз, превышающий пять каратов. Однако, репутация банджермассинского рынка относительно алмазов так крепко установилась, что тамошние китайские торговцы ввозят капские алмазы, чтобы перепродавать их государям архипелага под именем алмазов с Мартапуры; мартопурские алмазы, действительно, считаются самыми чистыми, прозрачными и всегда сохраняющими свой блеск; в этом округе также добывают значительное количество золотого песку, а вверх по Мартапуре, в Пангароне, разрабатывают, кроме того, каменноугольные копи, доставляющие угля более десяти тысяч тонн в год. Пангарон—носящий индийское имя, означающее «город смертных»—был некогда столицей страны, и султан имеет там дворец; город этот расположен в пятидесяти километрах к востоку и вверх по реке от Банджермассина. Окрестные лесные чащи доставляют, вследствие варварского способа пользования ими, лишь низкого качества ротанг.

Наиболее населенная и самая цивилизованная область Борнео, та, где, повидимому, индусские переселенцы основались раньше всего[1], есть бассейн реки Бахан или Негра, восточного притока, впадающего в Барито в сотне километров от моря. По Шванеру, около половины текущего столетия, жителей в этом небольшом речном бассейне было не более шестидесяти тысяч, а в 1878 году, благодаря миру и успехам в земледелии и промышленности, их насчитывали уже свыше трехсот тысяч: будучи фактически независимы, эти туземцы не позволяли мартапурским султанам проникать в их территорию. Эта часть Борнео, относительно, населена так же густо, как Ява. Город Амунтай, находящийся в центре округа, на левом берегу Бахана, окружен возделанными землями, и нагруженные плодами гребные суда приходят в него в значительном числе. Города Негара и Маргасари—расположенные ниже по реке и на протяжении многих километров окаймляющие оба речные берега—занимаются промышленностью: оттуда, именно, доставляются для всей страны черепица и глиняная посуда: Негара имеет также верфи для постройки прао и симпангов; наконец, славились в Инсулинде и негарские оружейники до тех пор, пока голландцы не запретили им выделывание ружей и кортиков. На востоке, явайские переселенцы возделывают плодородные плантации, в округе Кенданган, на берегах прелестной, осеняемой кокосовыми пальмами, речки Амандит. Новый город, расположенный при слияния рек Бахана и Барито, Мувара-Бахан или Марабахан (Bekompai), есть складочное место для товаров, отправляемых из Банджермассина в Баханский бассейн; его дома на суше, а также пловучия жилые постройки окаймляют правый берег Барито на протяжении трех километров; население его быстро возрастает, благодаря приливу дайякских переселенцев, принявших ислам. Выше, долина р. Барито, усеянная озерами и лже-речками, почти безлюдна, в сравнении с долиной р. Бахана. Самая большая деревня, Лутунтур (Loetoentoer, Lokhton, Toeoor), расположенная при впадении Тевеха, находится в трехстах километрах от моря.

В юго-восточном углу Борнео, различные маленькия королевства поморья ещё полунезависимы. Столица одного из этих государств, Пазир, т.е. «Песок», названная так по причине окружающих её дюн,—один из значительных городов Борнео. Будучи расположен в

1 Schwaner, упом. соч.

месте раздвоения речной дельты, по которой поднимаются вверх небольшие гребные суда, Пазир ведет довольно значительную торговлю с противоположными берегами Целебеса, откуда к нему прибывают многочисленные переселенцы. Уже в 1772 году англичане пытались основать в Пазире склад опия.

Несколько значительных городов следуют один за другим на нижнем течении Махаккама, в королевстве Кутей, на-половину подвластном голландцам с тех пор, как в 1844 году они прогнали одного английского купца, который, по примеру раджи Брука, хотел выкроить и себе княжество на Борнео. Тангарунг, столица этого султаната, находится в сотне километров выше устья, окаймляя своими домами на сваях, а также и своими судами, правый берег реки, которая в этом месте очень широка. Морской прилив восходит вплоть до Тангарунга, нося плавающие на поверхности вод нечистоты от одного конца города до другого. Некоторое торговое движение существует и в этой столице, но почти вся торговля сосредоточивается в городе Самаринде, который выстроен на берегах реки, вблизи её бифуркации. Большие суда, принадлежащие китайским купцам, приходят в Самаринду для нагрузки местными произведениями, доставляемыми на плотах из верхних областей бассейна: ротангом, гутта-перчей, строевым лесом, медом и гнездами ласточки-саланганы; европейцы почти не принимают никакого участия в этой торговле. В Самаринде пребывает голландский поверенный в делах и имам ила первосвященник, около которого собираются ревностные ученики для ознакомления с арабским письмом и для заучивания наизусть стихов из Корана. Буги с Целебеса поселились на правом берегу, где и основали сильную республику, которая издает законы и управляется самостоятельно. Китайцы и малайцы обитают на левом берегу, либо в пловучих домах, либо в неподвижных жилищах, устроенных на сваях; нигде не видно ни улиц, ни даже тропинок: единственными путями сообщения между различными кварталами служат воды. Город в то же время представляет и большое кладбище: камни и дощечки из украшенного резьбой дерева указывают на места упокоения мертвых вокруг хижин, в которых продолжают пребывать живые. Редкия пристающие к Самаринде паровые суда находят по соседству с самим городом, именно в Палеранге, в девяти километрах ниже по реке, запасы угля, доставляемого принадлежащими султану чрезвычайно богатыми каменно-угольными залежами[1]. Санга-Санга, деревня, расположенная в голове дельты, была до Самаринды королевской резиденцией.

Небольшой порт Санколиранг, лежащий на берегу одной из бухт, к северу от дельты р. Махаккам, ныне населен только одними рыбаками. Судя по находящимся в соседстве индусским развалинам, некогда здесь был центр цивилизации на восточном берегу Борнео. Маленькия королевства, следующие одно за другим к северу от р. Кутей до английской территории «Северный Борнео» (North-Borneo), иногда называемые Берувскими государствами, по имени одной из рек (Berouw) этой покатости, именно королевства: Самбилиун, Гуноног-Тебур, Болланган-Тидунг—принадлежат к наименее известным областям Борнео. Лишь несколько голландских чиновников пребывают в двух или трех пунктах поморья, с целью своим присутствием свидетельствовать о владельческих правах их правительства, и предотвратить, таким образом, во-первых, притязания султана островов Зулу, во-вторых, требования Испанией уступки ей этих областей, и в третьих, возможности захвата их Англией. Большая часть этих опустошенных пиратами территорий почти безлюдны[2].

Нидерландская половина Борнео делится на две провинции: западную—с главным городом Понтианаком, и южную и восточную—с главным городом Банджермассином. Как и на Суматре, голландские чиновники установляют свою непосредственную власть лишь постепенно и заменяют новым строем прежний не раньше, как воспользовавшись им в качестве промежуточного образа правления. Султаны и раджи всё ещё находятся во главе различных государств, но многие из них, будучи «охраняемы» голландским гарнизоном, только называ-

1 Carl Bock, „Unter den Kannibalen auf Borneo“;—„Indische Mercur“, 7 april 1888.

2 Carl Bock, „Unter den Kannibalen auf Borneo“;—„Indische Mercur“, 7 april 1888.

ются султанами, в действительности же состоят на пенсии у голландского правительства. Другие, напротив, каковы султаны Пазира и Кутея, будучи более удалены от центра иностранного могущества, пока ещё действительные государи, но им не безъизвестно, что советы находящихся при них посланников могут превратиться в приказания, и, потому, мало-по-малу и они становятся покорными вассалами. Даже в тех городах, где голландцы уже издавна являются неоспоримыми властителями и где им вполне повинуются, они любят повелевать чрез посредство туземцев. *Kap-thai* и *kapitan* у китайцев, *panoem-bahan*, *pangeran*, *tomogong* у малайцев—ответственны за деяния своих подчиненных: голландский резидент непосредственно не вмешивается в домашния дела каждой нации, под условием сохранения ею мира и правильного внесения налогов. Что касается дайяков внутри страны, то от них требуется только уплата подушной подати; начальнику их часто удается собирать её четыре или пять раз в году. На откупу у султанов находится продажа опия и соляной налог; по Боку, самым обеспеченным доходом султанов является ростовщичество: они ссужают деньги своим подданным за большие проценты и под солидное обеспечение.

В нижеследующей таблице показаны: административное деление голландской территории на Борнео, приблизительная величина поверхности этих провинций и вероятное их народонаселение.

Западный отдел			
(Vester-Afdeeling)	Провинции или королевства	Их подразделения	Главные города
145.195 квадр. кил. 371.000 жит. Главный город: Понтианак	Самбас		Самбас, 10.000 жит.
	Понтианак	Мантрадо	Монтрадо, 1.500 жит.
		Мампава	
		Понтианак	Понтианак, 17.000 жит.
		Ландак	
		Тажан-Мелиув	
		Синтанг	
		Сукадана	

Южный и восточн. отдел		
(Suider-en-Oster Afdeeling)	**ЮГ**	
407.146 квадр. кил. 810.000 жит. Главный город: Банджермассин	Кота-Варингин или Котарингин	
	Сампит или Южный отдел	
	Большой и Малый Дайяк	
	Джун и Бекомпай	Марабахан, 10 т. (1879, Бок), Негара, 10 т.
	Амунтай	Амунтай, 8 т.
	Банджермассин	Банджермассин, 46 т.
	Мартапура	Мартапура
	ВОСТОК	
	Тананг Кусан	
	Тананг Бумбу	
	Пазир	Пазир, 20 т.
	Кутей	Самаринда, 10 т. (1878, Бок)
	Самбилиунг	Гангарунг, 5 т. (1878, Бок)
	Гунонг-Тебур	
	Буланген	
	Тидунг	

Султанат Бруней и Английский Борнео

В первой половине текущего века, почти вся северная часть Борнео была ещё подвластна Брунейскому султану, в то время самому могущественному государю острова, который носит его имя. В наши дни держава Брунейского властителя до чрезвычайности уменьшилась. Вполне сознавая, что он не может противостоять требованиям более сильных, чем он сам,

султан этот уже уступил большую часть своего государства. Он отдал английскому правительству остров, господствующий над входом в Брунейский порт, уступил южную территорию одному выслужившемуся из рядовых офицеру, а северную предоставил одному торговому товариществу. То, что ему осталось, представляет уже не более четверти его прежней державы, но даже и этот остаток находится под действительным сюзеренитетом Англии, лишь впредь до оффициального включения также и его в число британских владений.

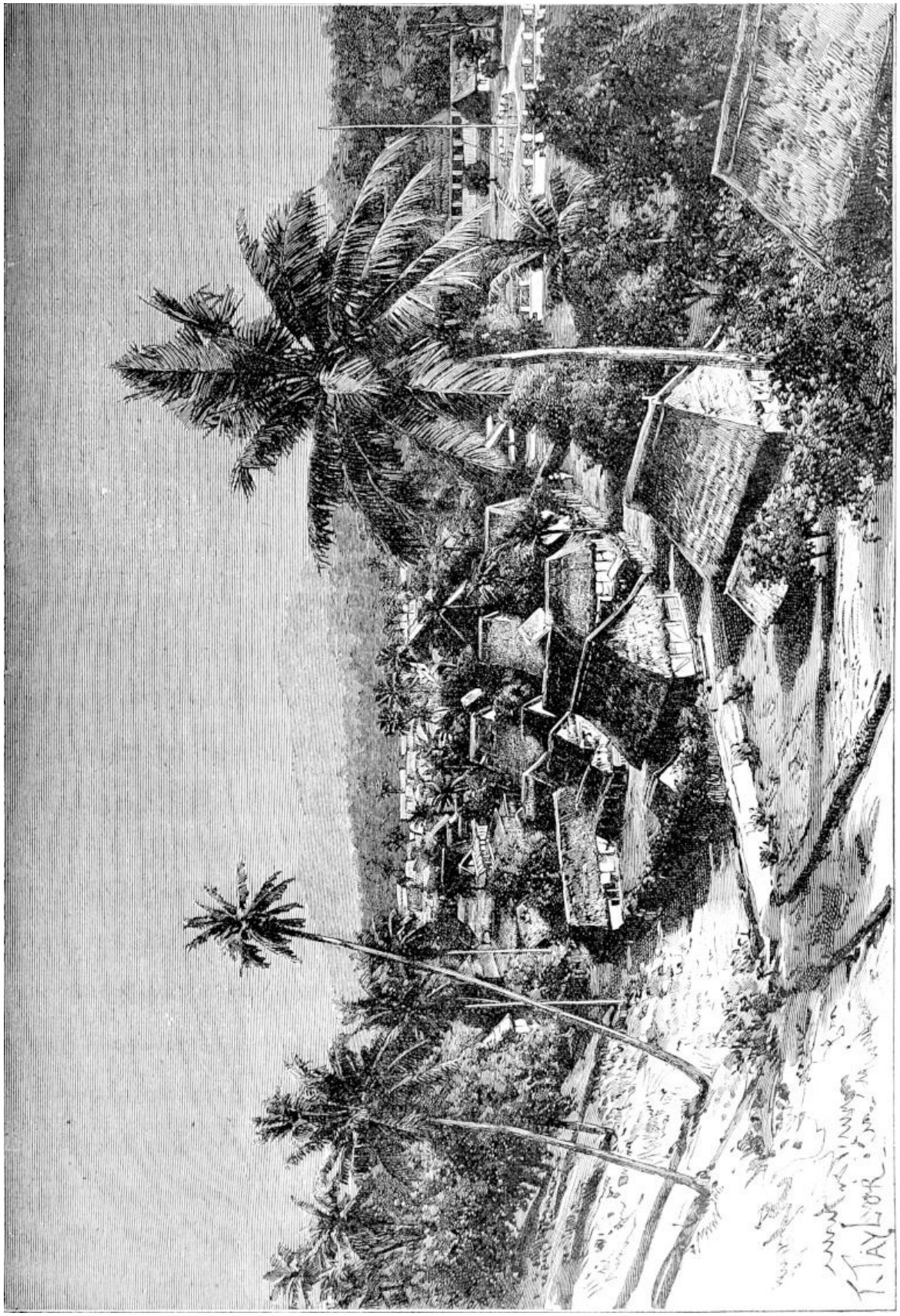
Бруней, резиденция султана, есть, как и большинство других городов поморья, город земноводный, но с ещё более странной наружностью, чем Понтианак или Банджермассин, так как в нём вульгарные, европейские дома не примешиваются к живописным постройкам малайцев. Аллеи из судов тянутся далеко по реке, имеющей в этой местности около двух километров в ширину, а на волнах бухты покачиваются суда китайцев и минданайцев. Повсюду только и видны вода и топи: жилища на твердой земле обращаются в острова при высоком приливе. После двух лет плавания по морским пустыням, сотоварищи Магеллана были ослеплены видом этого большого города, и Пигафетта говорит, что он заключал в себе «двадцать пять тысяч дымов». Оставшиеся ныне жители, в числе около десяти тысяч—люди смирные и робкие, несчастные, подавленные налогами; все они невольники султана. Главное ремесло их заключается в выделывании оружия и производстве разных изделий из меди. Соседния с городом племена, кадьян и мурут, отчасти уже обращены в ислам.

Лабуан, остров «Рейда», уступленный в 1846 году английскому правительству, несмотря на предъявление на него прав голландцами, был в то время совершенно необитаем: он представлял сплошной лес. Присоединяя его к своим колониальным владениям, англичане надеялись придать ему большое значение как дозорной станции между Сингапуром и Гонгконгом; но он находится несколько в стороне от того прямого пути, которым следуют суда, а его каменноугольные копи, деятельно разрабатывавшиеся в течение нескольких лет, не могли быть защищены от дождевых вод, столь обильных в этих областях; эти пласты угля старше формаций остальной части острова, которые относятся к юрской, или даже к позднейшим эпохам. Хотя на острове есть губернатор и законодательный совет, но, в 1893 году, на нём было всего тридцать европейцев; населен он преимущественно китайцами и малайцами. Поверхность Лабуана равна 78 квадр. километр.; население—6.000 чел.; следовательно, на один квадр. километр приходится 77 человек. Со времени перерыва работ в каменноугольных копях, торговля Лабуана значительно уменьшилась. В 1892 году, тоннаж пришедших и отшедших судов равнялся 115.455; а ценность ввезенных товаров составляла 1.370.000 франк., ценность вывезенных—2.170.000 франк.

Территория Саравак, заключающаяся между Брунейским государством и голландскими владениями, к западу от главной горной цепи, вошла в состав колониальных владений Великобритании только с 1888 года. Она принадлежит английской фамилия Бруков, которые приняли индийский титул раджей, и которые владеют страной на ленном праве; однако, будучи более могущественными вассалами, чем сам их малайский сюзерен, они последовательно, с 1841 года, всё увеличивали свои владения, и ныне Сараваквское государство обширнее, населеннее и богаче, чем государство Брунейское. Со всем тем, население его, в триста двадцать тысяч душ, далеко не соответствуют его пространству, исчисляемому в 106.200 кв. километров: на один километр приходится, следовательно, всего по три человека. Заключенный с Англией трактат обеспечивает ей управление внутренними делами Саравака.

Подобно большинству других городов на окружности Борнео, город Кучинг,—часто называемый Сараваком, по имени государства, столицей которому он служит,—расположен в некотором расстоянии от моря, на судоходной реке. Хотя и с трудом, большие корабли могут подниматься до него по двум главным рукавам дельты. Доминируемый лесистыми холмами, окруженный плодовыми и обыкновенными садами, город имеет красивый вид; однако, проживающие в нём англичане сожалеют, что эта столица не расположилась километрах в тридцати к северо-востоку, на вполне здоровом склоне того приморского утеса, который находит-

ся на краю входа в реку, называемую Морабатас. Теперь уже поздно перемещать город, у которого есть красивые здания, склады, крытые рынки, верфи, целая сеть хорошо содержимых путей и богатые плантации. Его население: даякское, малайское и китайское—быстро



Менадо.—Общій видъ.

увеличивается, вследствие избытка рождений и прилива переселенцев: будучи в 1850 году простой деревней, Кучинг в 1884 году имел уже двадцать тысяч жителей. Добываемые в верхней части бассейна сюрьма и ртуть, в прежнее время доставлявшие большой доход, зна-

чительно уменьшились, но рудокопы из китайцев всё-таки продолжают трудиться как там, так равно и над промывкой золота и алмазов, а также и в каменноугольных копях Садонга. Округи, обещающие наибольшие жатвы плантаторам, находятся в Лунду, к западу от Саравака, в плодородных долинах гор: там в особенности возделывают рис, гамбир и перец. Одна из Лундских бухт прославилась своими черепахами, которых защищает от охотников закон; сбор же черепашьих яиц отдается на откуп.

К востоку от Саравака, большая долина реки Люпар, также весьма плодородная и изобилующая залежами угля, вероятно, приобретет весьма важное значение, в будущем, благодаря удобству сообщений чрез неё, как с бассейном реки Капуас, так и с внутренними землями Борнео; её столицей является большая малайская деревня Симанганг, расположенная в ста тридцати километрах от речного устья и при начале судоходной части реки. Бассейн реки Режанг, простирающийся по северной части Саравакского государства, ведет уже довольно значительную вывозную торговлю, в особенности сагой и bilian, т.е. железным деревом, за грузами которых приходят китайские суда. Главный склад этих товаров находится в порте Режанг, расположенном на южном рукаве дельты. Сибу—другой малайский город, выстроенный на острове, в месте самой бифуркации дельты,—служит большим внутренним рынком, а правительство построило там форт для надзора за окрестными дайяками. Одно из самых многочисленных племен в Сараваке, по соседству с Брунейским султанством, называется милано; оно отчасти уже омусульманено. Миланы безобразны, имеют грубые формы и поступь, почти белы, но эта белизна «молочного цвета и нездоровая»; вследствие же постоянного занятия приготовлением из пальмовой мязги саго, стопы у них плоски и широки. Детские головы в этом племени сплющивают на-подобие того, как это делают «плоскоголовые» в Северной Америке. Когда у миланов умирает богатый человек, его саговые деревья срубают, для того, чтобы богатство его последовало за ним на тот свет[1].

Возрастающая торговля Саравака производится при посредстве сотни кораблей: европейских, китайских и малайских; правильно же ходящие пароходы поддерживают взаимные сношения между Кучингом и Сингапуром. В 1895 году торговый оборот Саравака выразился следующими цифрами: привоз—3.089.000, вывоз—3.142.000 долларов. Питаемые торговлей, доходы государства увеличиваются в соответствии с её возрастанием: так в 1854 году они равнялись 130.000, в 1883 году—1.400.000, а в 1895 году возросли до 2.270.000 франк. Часть доходов идет на общественные работы и на поддержание школ. Впрочем, раджа пользуется неограниченной властью, назначает в свой совет кого пожелает, европейца или малайца, и ответствен за свои действия только перед самим собой. Рабство, упраздняемое постепенно, должно было окончательно исчезнуть в 1888 году. В регулярную армию, состоящую приблизительно из трехсот человек, офицеры поступают из гражданской и военной школы, в которой воспитываются около 150 учеников. В княжестве основаны и другие училища.

В территориальном отношении княжество Саравак подразделяется на провинции, носящие наименования протекающих там рек; провинции эти следующие: Лунду, Саравак, Садонг, Батанг-Люпар, Сарибас, Калуках, Режанг, Муках и Бинтулу.

Английская территория «Северный Борнео», обозначаемая также наименованием Сабах, создалась путем последовательных покупок. Уже в 1865 году консул Северо-Американских Соединенных Штатов добыл от Брунейского султана концессию на часть этой северной страны острова и основал исключительно американское товарищество для пользования богатствами этого громадного имения; однако, попытки колонизации не удались, торговые предприятия в конце-концов расстроились, и одно английское общество могло без затруднения вступить в права погибшего американского товарищества. Новые концессии, данные в 1877 и 1878 годах, расширила границы округов, отделенных от Брунейского султаната и перешедших к небольшой группе английских капиталистов; кроме того, султан островов Зулу

1 William Crocker, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April, 1881.

уступил им те земли на Борнео, которыми он там владел, или же на которые только предъявлял притязания. За небольшие пенсии, эти английские капиталисты приобрели целое королевство и добились признания и обеспечения своего владения также и английским правительством. Границами нового государства постановлено считать: на западном берегу—гору Марапок, около Брунейской бухты, а на восточном берегу—Сибуко. Владеющая этим государством компания поручила многочисленным путешественникам исследовать территорию, подняться по рекам вплоть до их начал, взойдти на горы, проследовать чрез горные проходы, изучить все минеральные и земледельческие богатства, и указать те местности, которые благоприятны для основания различных плантаций.

Благодаря этим исследованиям, Северный Борнео оказывается прекраснейшей, живописнейшей и самой многообещающей областью всего острова; но в то время, когда им завладели англичане, он был одной из наименее населенных: едва сто пятьдесят тысяч жителей занимали его пляжи и берега рек. В бассейне Кита-Батангана, Прейер видел, на протяжении 480 километр., только три деревни и один уединенный дом. Прекращение междоусобных войн, обеспечение прибрежных населений, отныне находящихся вне нападений морских разбойников, введение в туземных общинах оспопрививания и, наконец, переселения китайцев—повели к быстрому увеличению числа новых английских подданных, которые, однако, в большей своей части пребывают в рабстве. В силу своей хартии, компания обязалась не дозволять ни одному иностранцу, будет ли это европеец или китаец, владеть пленными, но она вовсе не обязана уничтожить рабство у племен, проживающих на территории Северного Борнео. Новый порядок вещей должен создаться лишь мало-по-малу под влиянием «нравственного воздействия» компании и с течением времени. Как бы то ни было, социальное состояние края должно скоро измениться под влиянием китайцев, которые устремляются в недавно основанные города и заправляют всеми новыми предприятиями. Китайцам приписывается древняя борнейская цивилизация, следы которой ещё проглядывают кое-где, и на которую указывают ещё и такия наименования, как Кина-Балу и Кина-Батанган; китайцам же будет по преимуществу обязана и начинающаяся эра цивилизации. Даяки этого края вообще обозначаются наименованиями дузун и идаан. Одно из племен, именно буледупис, обитающее возле Сандаканского залива, кажется, отличается от всех остальных почти белым цветом кожи и «европейским профилем»; этих туземцев, вероятно, обреченных на исчезновение, считают почти чистыми представителями инсулиндского типа[1].

Казалось бы естественным основать столицу государства в каком-нибудь порте на западном берегу, обращенном к Малакскому полуострову и к Кохинхине, или же на северной оконечности, выдвигающейся к Филиппинским островам между двух, часто посещаемых морей; однако, в виду превосходства порта, англичане предпочли поселиться на одной из бухт северо-восточного берега. Сандакан (Элопура), город новый, расположен на северной стороне входа на превосходно защищенный от всяких ветров рейд, углубляющийся в берег, более чем на тридцать километров, и разветвляющийся между известняковыми кручами, в свою очередь, служащими подножиями лесистых холмов. Во время отлива, над поднимающимся со дна моря порогом при входе на рейд толщина слоя воды бывает не менее восьми метр., а вдоль пристани суда находят глубину в семь метров. В течение восьми лет, Сандакан стал весьма оживленным городом с пятью тысячами жителей, из которых две трети китайцы[2]. В непосредственном соседстве с ним имеются природные богатства, благодаря которым может развиться значительная торговля. Именно, в недрах крутого берега, который окаймляет рейд, находят уголь, а в окрестных лесах—железное дерево. По другую сторону порта сумматрские концессионеры развели большие табачные плантации, а также процветают там ныне и саговые пальмы, прежде неизвестные в этой части Борнео.

Чрез береговые мариго порт Сандакана сообщается непосредственно с устьем Кина-Батанганы, главной реки Северного Борнео, по которой пароходы поднимаются на большом

1 Montano, „Bulletin de la Societe de Geographie", Dec. 1881.

2 Daly, „Proceedings of the R. Geographical Society", January, 1888.

расстоянии. На этой реке портом служит деревня Малапи, где китайцы устроили склад ласточкиных гнезд, собираемых ими в пещерах горы Гомантон. Одна из тамошних пещер округляет свой свод на высоте 275 метров, и слетающимся туда по вечерам густою тучею ласточкам приходится лететь три четверти часа под громадным порталом. От продажи этих съедобных гнезд выручается китайцами-арендаторами в год 125.000 франков. Другие пещеры, населенные либо ласточками, либо летучими мышами, встречаются во всех предгориях на севере Борнео, в особенности же в ущельях рек; однако, этими пещерами большею частью неправильно пользуются; сбор гнезд производится чрез неодинаковые промежутки времени, либо слишком часто, либо, напротив, чересчур редко; затем, всё ещё не трогают тех толстых слоев гуано, которые накопились в пещерах. В долине реки Сегамы, протекающей южнее, параллельно Кине-Батангану, находятся золото-промывальни, о которых говорят, будто они изобилуют металлом, и к которым во множестве устремляются китайские рудокопы. К этим сегамским золотым приискам проводится от сандакавского рейда проезжая дорога.

Один из жизненных пунктов новой колонии находится на южной оконечности бухты Марюдю, в которую впадает река того же имени, сбегающая с массива Кина-Балу. Деревня Бонгон, в которой сосредоточивается торговое движение края и около которой простираются обширные табачные и сахарно-тростниковые плантации, является природным портом для всего севера Борнео и для островов Маллавали, Бангей, Баламбанган, продолжающих большую борнейскую землю к Филиппинским островам: в 1775 году, на Баламбангане англичане завели было свою колонию, но она существовала всего два года. На западе Марюдской бухты имеется порт Кудат, на который до 1881 года моряки не обращали внимания, но которому в свое время суждено будете стать местом сбора для инсулиндских судов. Две речки: Тампюзюк и Тараван некогда были известны, как притоны морских разбойников с о. Минданао, страшных ильяносов (illanos, lanon, lanum), против которых англичанам приходилось снаряжать много экспедиций[1]. На западном берегу, бухта Гайя, будучи гораздо обширнее Кудатской, представляете для судов одну из лучших якорных стоянок в китайских морях: там удобно мог бы разместиться весь великобританский флот; кроме того, залежи угля на самом морском берегу могли бы дать возможность кораблям запасаться топливом. И, однако же, не на берегу этой бухты основались англичане, а в Мемпаколе, напротив острова Лабуана.

Что касается торговли Норт-Борнео, то она быстро возрастает, именно: в 1881 г. ввезено на 803.290 ф., вывезено на 727.220 ф.; в 1887 г. ввезено на 5.300.000 ф., вывезено на 2.835.550 ф., в 1895 г. ввезено на 9.810.000 ф., вывезено на 6.320.000 франк.

Объясняется это возрастание в особенности развитием табаководства на восточном берегу, при чём долины рек Сагют и Лабюк доставляют эластический и тонкий лист, весьма ценимый и в особенности употребляемый для обертывания сигар[2]. В 1887 году площадь под табачными плантациями исчислялась в восемьдесят тысяч гектаров, да в течение этого года спекулаторы прикупили для расширения табаководства ещё пятьдесят две тысячи гектаров[3]. Благодаря такому увеличению возделываемых полей, значительно увеличился и доход компании (в 1881 году он равнялся 101.040 франкам, а в 1895 году достиг 1.745.000 франков). Заведующие предприятием не имеют армии в собственном смысле этого слова; содержат они лишь несколько сотен полицейских, которых набирают по преимуществу между даяками из других частей Борнео. Все начальники племен и колен присягою обязываются «повиноваться компании и выплачивать ей поголовную подать».

Государство это делится на следующие четыре провинции: Дэнт и Кеппель—на западном берегу, Алькок—на северо-восточном и Аст-Кост—на востоке и юго-востоке. В Ист-Косте

1 Keppel, „Expedition to Borneo of the ship „Dido“.

2 Daly, упом. соч.

3 Mayn, Тот же сборник, март, 1888

находится и самая столица Северо-Борнейского государства.

V. Ява и Мадура

В тропическом мире Инсулинда, Ява, по величине поверхности, есть лишь четвертый из островов; однако, на ней одной разместилось более двух третей всего инсулиндского народонаселения, а относительная ценность её произведений ещё гораздо значительнее. Уже по крайней мере двадцать столетий Ява превосходит все другие земли архипелага числом жителей, изобилием природных богатств, прогрессом цивилизации. Посещаемая и колонизуемая индусами, она сделалась центром их влияния в Инсулинде, пришедшем, таким образом, чрез культуру, в связь с гангскими полуостровами, и с той эпохи для явайцев начинается прочное первенство. Их племена, к которым миссионеры-буддисты принесли слова мира, дружбы между людьми, соединились в одну нацию, вступив таким образом в новую историческую эру, в которую за ними не могли последовать народцы соседних островов, так как они оставались варварами в некультурном крае. Под арабским режимом, затем под господством голландцев всё ещё ощущается в явайских населениях толчек, данный им пришедшими из Индии первыми просветителями и наставниками.

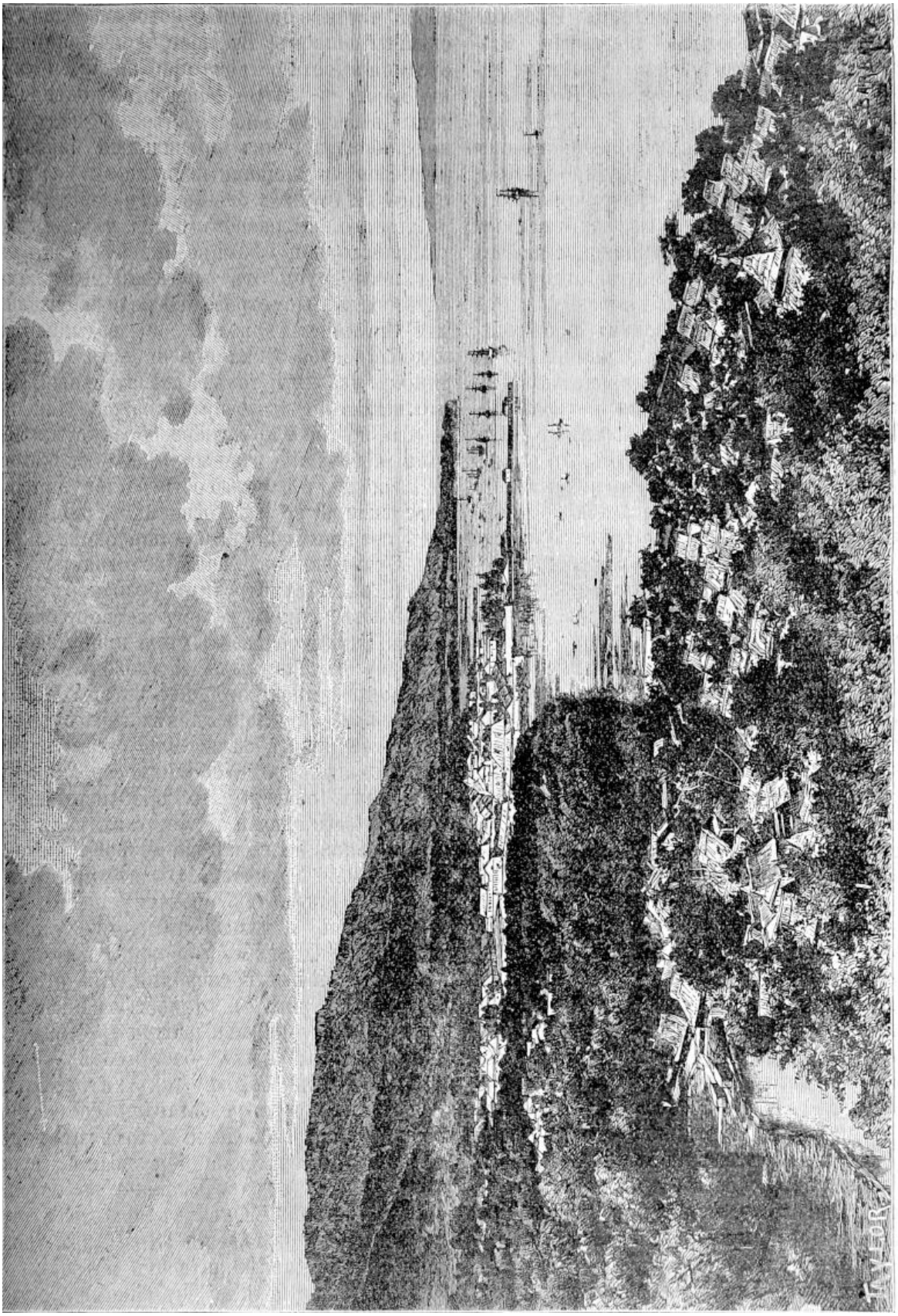
По мнению некоторых писателей, даже и то наименование, которым Ява обозначается в наши дни,—индусского происхождения. Название «Jababiou», известное Птолемею, есть не «что иное, как обыденная форма слов «Djava-djipa», т.е. «остров Ява» или «остров ячменя»; индийские переселенцы назвали, будто бы, так этот остров вследствие того, что один из его хлебных злаков показался им похожим на ячмень[3]:—вероятно, это было просо (*panicum italicum*). Однако, другие этимологи ищут объяснение имени Java (Djava или Djavi) в языках самого края. Западные жители острова, те, которые составляют под-расу «зондцев», приняли наименование: Djelma Boemi, т.е. «люди почвы», а своих соседей, в центре и на востоке острова, обозначали словом, Tyang-Djavi, т.е. «чужие люди», самый же край называли Tanah-Djavi, т.е. «страна внешняя». Предположение это правдоподобно потому, что и другие зарубежные земли, именно Суматра и Бали, также носили название Djava или Java, а в начале новой истории даже австралийский материк неопределенно назывался «Большою Явою». Но в конце XVI столетия, когда первые голландские купцы основали свои фактории на острове, отделяемом Зондским проливом от Суматры, остров этот от одной своей оконечности до другой был известен под именем Явы, которого не оспаривала у него никакая другая земля Инсулинда. Арабы называли его «Zabedj». Также многочисленны были и поэтические его наименования, из которых название; Noesa Kendang, т.е. «Остров Больших Гор», повидимому, прежде было довольно распространенным.

Этот «Остров Больших Гор» ныне почти столь же хорошо известен, как и страны Западной Европы. Сочинения об этой чудной земле находятся в библиотеках тысячами. Он был изучен со всех точек зрения, его исследовали первокласные ученые: геологи и географы, естествоиспытатели и инженеры, антропологи и историки. Триангуляция была закончена ещё в 1882 году, и топографические карты, изданные с большою тщательностью, представляют остров во всех подробностях. Сделано даже специальное описание каждого вулкана: в разрезе, горизонтально и вертикально, и столь хорошо, что все изменения формы могут быть отмечаемы с точностью и каждая гора отныне будет иметь свои летописи, на-подобие летописей Везувия и Этны.

Прежде полагали, что остров Ява был целиком образован вулканическими горно-каменными породами, вышедшими из глубин индийского моря. В действительности это не так: около трех пятых Явы состоит из осадочных земель, создавших равнины и горы, и весь остров продолжается: к северу, по направлению к Беллитону и Борнео, и к северо-западу, по направленно к Суматре, сплошной равниной, которую покрывает незначительный слой

3 Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde“—Dulaurier;—Kern;—Veth, „Java“.

морской воды, глубиною менее ста метров. Несколько низменных островов выдаются из-под воды, покрывающей эту равнину: таковы—Тысяча Островов (*Duizenb Eilanden*), которые, к северо-западу от Батавии, усеивают воды своими букетами зелени; таковы же двадцать



Амбойна.—Общій видъ рейда.

шесть островов Каримон-Явы, описывающие свой круг к северу от бухты Семаранг. Остров Бавэан, окруженный подводными камнями и возвышающий свой в шестьсот метров высоты конус, отличается от других земель этих морских пространств своим вулканическим проис-

хождением. Более к востоку, приблизительно на половине расстояния между оконечностью Явы и берегом Борнео, находятся острова Соломбо,—низменные, не представляющие, даже и на самом большом из них, ни одной такой возвышенности, которая поднималась бы на сто метров. Что касается острова Мадуры, то его можно рассматривать просто как дополнение Явы, северо-восточное продолжение которой он и составляет. Вдоль северных морей, Ява и Мадура представляют лишь низкие земли, продолжающиеся под водами в виде рифов и песчаных мелей; южный берег, наоборот, скалист и круто спускается в море: подводный берег всего Инсулинда вообще быстро погружается вплоть до пропастей Индийского океана. И в тот и в другой берег врезываются бухты, вдающиеся довольно глубоко внутрь земли; тем не менее, в своем целом, остров представляет почти геометрическую фигуру удлиненного четыреугольника, не параллельного экватору, но в восточной части слегка наклоняющего свою ось к югу. С запада на восток, от крайнего мыса, называемого Java hoofd, т.е. «голова Явы», до Java's Oosthoek, т.е. «восточная стрелка Явы», длина острова по прямой линии равняется 1.065 километрам; но расстояние между противоположными берегами острова весьма изменчиво, и именно около своей средины остров съуживается до половины своей нормальной широты. Общая длина окружности острова, не включая Мадуры, а также не считая и небольших зазубрин по морскому побережью, составляет 3.530 километров.

Западная часть Явы, в среднем, гораздо более возвышена, чем часть восточная. Цоколь, земель на котором покоются вулканические конусы, является плоскогорием лишь около западной оконечности, в «регентствах» Преанга. В этой области, которую Юнгхун сравнивает с высокими землями суматрскаго края баттов, почва приподнимается в виде пьедестала, высотою от 600 до 1.500 метров, и горы, сближенные одна с другою, соединены посредством высоких порогов, так как промежутки между конусами в большой своей части заполнены потоками лав и засыпаны пеплом. В восточном направлении средняя высота острова приближается к уровню моря, и около восточной оконечности, горы высятся непосредственно над равниною, образуя один правильный наклон от подножия до вершины. Вулканы, следующие один за другим от одного конца острова до другого, не располагаются в виде непрерывной горной цепи; во многих местах они отделены друг от друга промежутками в пятьдесят километров: посреди окружающих их низменных полей, они вздымаются наподобие островов на поверхности моря. Юнгхуном указан тот замечательный факт, что известное число вулканов, соединенных по-два, по-три и по-четыре, образуют явственные небольшие горные цепи, ось которых не совпадает с осью острова, но, напротив, пересекает её в косвенном направлении. Их среднее направление перпендикулярно к оси Суматры, тогда как, по странному контрасту, ряды суматрских вулканов ориентированы в одном и том же направлении с Явою. Таким образом, при произведении в каждом из данных островов тех трещин в земной коре, из которых изливались лавы, произошел некоторого рода обмен творящих сил. Что касается энергии действующих под обоими островами вулканических очагов, то приблизительно она должна быть одна и та же, так как Семеру на Яве лишь на несколько метров ниже Индрапуры или Коринтжи. В целом, явайские горы не уступают среднему поднятию гор суматрских; и только отсутствие внизу их террас придает им сравнительно большую высоту над их подножиями. Ява отличается также от Суматры редкостью продольных долин между параллельными гребнями и отсутствием озерных бассейнов, как ещё наполненных водою, так и высохших. Рельеф почвы, предоставляя со всех сторон водам свободный исток к морю, не создает условий для образования долин и озер. Сводя все возвышения на острове к средней высоте, Юнгхун находит, что общая высота положения Явы над уровнем моря немного менее пятисот метров.

Между явайскими вулканами есть два таких, которые, вследствие своего нахождения вблизи северного берега острова, кажутся принадлежащими к орографической системе, отличной от системы остальных огнедышащих гор: это Каранг—в северо-западном углу Явы, и Моэрио (Мурио) или Муржа—на полуострове, вдающемся в открытое море, к востоку от залива Семаранг. Эта два вулканические массива—почти островные: стоило бы морю подняться на триста метров над существующим уровнем, и вулкан Каранг оказался бы вполне изо-

лированным и отделенным от остальной Явы широким рукавом моря. Что касается группы Моэрио, то достаточно было бы смежной с ним местности понизиться на четыре или пять метров, чтобы вулкан снова принял свою островную форму, какую, по преданию, он ещё имел во времена исторические. Каранг и Моэрио окружены, и тот и другой, намывными поверхностями, которые прислоняются к северным склонам холмов, принадлежащих к третичной эпохе и направляющих свои кручи и гребни параллельно оси острова. Равным образом, большой ряд вулканов на юге острова протягивается вдоль северной окраины других, прибрежных по отношению к Индийскому океану, возвышенностей третичной формации. В действительности, по Юнгхуну, Ява состоит из двух островов, соединенных продольно, но при этом один только южный остров не подвергся размыву волнами. Остров же северный являет ныне лишь обрывки. Между провинциями Шерибон и Жапара он совсем исчез, и в морском побережье здесь широкая выемка; далее узкий пролив отделяет Мадуру от явайских равнин. Тем не менее можно распознать первоначальную форму северной земли, которая продолжается на восток рядом небольших островков, архипелагом Сапуди, затем архипелагом Канжан и целым роем лесистых островков Патерностер; на юге тянется параллельно, на-подобие волноразбивателя, цепь островов, от Бали до Нила, продолжающих главную линию явайских вулканов. По Юнгхуну, конечные краеугольные камни этого разорванного острова Северной Явы суть: на западе—вулкан Кракатау, в проливе Зондском, а на востоке гунонг Апи (goenong Api), т.е. «огненная гора», также называемая Brandend eiland, т.е. «горящий остров», возвышающая свой, окруженный узким пляжем, конус к северу от острова Веттер. Обе упомянутые вулканические массы на севере Явы, т.е. Каранг и Моэрио, ныне находятся, повидимому, в периоде покоя. Каранг и гора-близнец Пуласари выделяют лишь некоторое количество сернистых паров, между тем как на Моэрио нет более ни фумаролл, ни сольфатар. К северо-западу от Каранга, долина, загроможденная насыпью из вулканических обломков, заключала в себе «море» или *danau*, но недавно это болото опорожнилось от воды.

Самая западная оконечность Явы, так называемая Java hoofd, составляет в то же время и начало тех возвышенностей, которые продолжаются с запада на восток чрез весь остров. Эта гора-мыс, называемая обыкновенно гунонг Пажунг (goenong Pajoeng, т.е. «гора-зонтик»), по причине расходящихся в разные стороны её оврагов, представляет трахитовый конус, приблизительно в 450 метров высоты, отделенный проливом от более возвышенного питона, пулу Панах (poeloe Panah, т.е. «остров принцев»), возвышающагося при входе в Зондский пролив с юга. Сама же Java hoofd находится почти вне большой земли, т.е. Явы, с которою соединяется лишь посредством недавно образовавшагося низменного перешейка из морского песчаника; затем уже начинается водораздельная горная цепь между обоими склонами острова, и цепь эта, постепенно повышаясь, достигает в осадочном массиве, называемом «Тысяча Гор», более девятисот метров над уровнем моря. Наконец, на меридиане Батавии показывается и первая группа высоких вулканов, достигая в одном из своих конусов, Салаке, 2.215 метров. История упоминает лишь об одном извержении этого вулкана, имевшем место в 1699 году: потоки грязи и песка сбегали тогда с откосов этой горы в таких значительных количествах, что долины загромоздились совершенно, и образовавшиеся вследствие этих запруд временные озера пробились в конце-концов в нижния равнины, которые и были сплошь затоплены этими водами. Кратер, из которого исходила целая река грязи, открылся в виде громадного котла на вершине горы, но ныне там уже не видно центрального колодца: все склоны покрыты лесами, и фумароллы выделяются лишь на западной стороне Салака. Хотя один из менее возвышенных и менее деятельных вулканов Явы, Салак часто посещается, благодаря соседству города Бюитензорга. Главная железная дорога на острове проходит около восточного подножия этой горы, чрез горный проход Тжитжуруг (Tjitjoeroeg), при чём водораздельный хребет находится всего лишь на высоте 525 метров над уровнем моря.

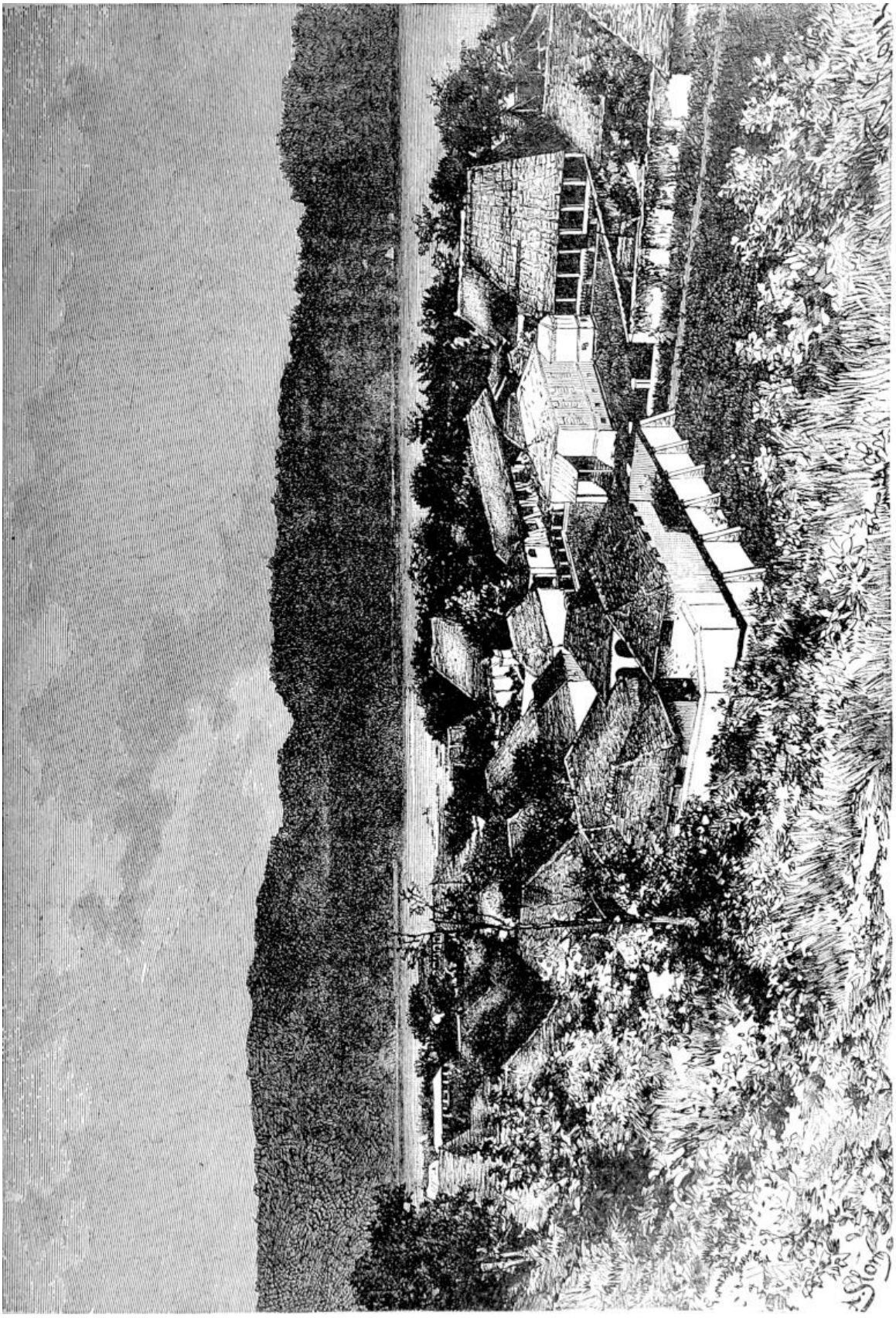
К востоку от этого горного прохода, другой вулканический массив достигает поднятия, уже значительно превосходящего высоту Салака. Жедэ (Геде), т.е. «великий»—давший на-

именование и всей этой группе—вздымается на 2.962 метров, а его сосед, Мандала-Ванжи, превышает его шестьюдесятью метрами. Собственно так называемый Жедэ часто выбрасывал пепел; из его иззубренного кратера, приблизительно в 1.200 метров в окружности, поднимаются ещё и поныне струи пара, а сера отлагается на стенках его недр; по откосам же горы текут изобильные источники теплой воды. Узкий гребень соединяет Жедэ со стенками другого кратера, гораздо более обширного, так как длина окружности его—от Сала, его южной стены, до Панжеранго (Panggerangо), стены северной—более четырех километров. Из пропасти, имеющей в среднем глубину более трехсот метров и двенадцать километров в окружности, поднимается конус извержения, который своим откосом прислоняется к восточной окраине кратера и превышает его метров на тысячу. Вплоть до вершины он покрыт деревьями и оканчивается наклонною террасою, на которую сквозь мох пробиваются многочисленные струи воды, вскоре соединяющиеся в такой широкий ручей, что недавно его посещали даже носороги. С этой террасы—самой высокой обсерватории во всей западной части Явы—одновременно видны, чрез горы и холмы на склонах острова, оба моря, а на открывающейся для взора поверхности земли развертывается низменная равнина, с её древними лесами, рисовыми плантациями и сетью дорог. Резко ограниченный на западе горным проходом, называемым Тжитжуруг, массив Жедэ продолжается к востоку при посредстве предгорий; но эти предгория вдруг останавливаются у глубокой клюзы, в которую низвергаются воды с высоких земель для того, чтобы чрез речку (*tji*) Тарум излиться в Яванское море.

К югу от Жедэ и смежных с ним гор, напластования третической формации: известняки, глины и песчаники—достигают самого большого приподнятия над уровнем моря. Будучи повсюду резко расчленены на кручи в две или три сотни метров, эти белые или желтоватые пласты достигают, в вершине Breng-breng, высоты более двух тысяч метров; однако, на востоке они исчезают под откосами из пепла и лав вулкана Патуха (имеющего 2.366 метров высоты). Громадный поток лав—ныне разложившихся и превратившихся в одну из наиболее плодородных почв, питающую пышные кофейные плантации—некогда излился на расположенные на севере равнины, но затем, никакое предание не говорит о пробуждении вулкана с тех незапамятных времен; совершенно правильный кратер, открывающийся в виде воронки на вершине горы, покрыт деревьями вплоть до самого дна, а внешний кратер, выполненный «квасцовым озером», т.е. водою, насыщенною серою и квасцами, имеет температуру не выше температуры окружающего воздуха. Однако, в нескольких километрах к северо-востоку от Патуха, при начале р. Видеи (tji Widei), открывается цирк теплой грязи, откуда чрез тысячи отверстий выделяются пары кислоты, с запахом серы, постепенно разлагающие соседния скалы. Внизу же этой громадной печи, похожей на «горнила» Азорских островов, бесчисленные струи выбивающихся вод сливают всевозможные, издаваемые ими звуки в один пронзительный шум, которому беспрерывно вторит эхо соседних лесов.

К востоку от Патуха вулканические горы разбросаны в большом, повидимому, беспорядке, при чём одни из них соединяются друг с другом возвышенными порогами, заключающими в себе верховые долины, из узких выходов которых потоки вод изливаются в реки, несущиеся по северному склону острова. Один из этих вулканов, Малабар, т.е. «гора роз» (в 2.342 метра высоты), уже лишился своей конической формы, а его обширный кратер едва можно распознать; об остатке же его деятельности, повидимому, свидетельствуют только два теплых источника. Южнее, Важанг (высотою в 2.181 метр) сохранил на своем западном склоне великолепную, окруженную изъеденными и побелевшими от кислот скалами, сольфатару: это небольшой, в три метра, гейзер, прерывающийся на две или три минуты и порождающий ручей с сернистыми и квасцовыми водами. Гораздо более деятельный Папандажан, т.е. «Кузница» (высотою в 2.634 метра), содержит в изъеденном цирке своего страшного кратера почти все снаряды вулканических лабораторий; «кипящие серные болота, грязевые конусы, которые, вздыхая и пофыркивая, выкидывают грязи и камни, со свистом бьющие горячие ключи». Все издаваемые, при этом, звуки вулкана сливаются в оглушительный, но всё-таки ритмический шум, напоминающий о громадном заводе с его грохочущими моло-

тами и со свистящими струями вырывающагося из паровых машин пара. Ручей, сбегающий в цирк «Кузницу» чистым и светлым, выходит из него кипящим и насыщенным серою[1]. В 1772 году из Папандажана последовало страшное извержение, одно из самых сильных, слу-



Банда Ивера и Локтуарь или Гроотъ-Банда.

чившихся в новейшие времена. Но тогда ни один из европейских ученых ещё не проникал в страну, а туземцы противоречат друг другу в своих рассказах.

1 Fr. Junghuhn, упом. соч.

Гунонг Гунтур (Goenong Goentoer), т.е. «гора грома» (высотою в 2.244 метра), находится к северу от Папандажана и входит в состав одной с ним группы; это боковой конус, который господствует к северо-западу от гунонг Агуага (goenong Agoeng), т.е. «великой горы». Другие горы Явы покрыты лесом или по крайней мере травой, но Гунтур совершенно гол от подножия до верхушки. Это серовато-черная масса, не представляющая на своих склонах других выпуклостей, кроме на-половину внедрившихся в слои пепла глыб лавы. Во время извержения наблюдали, что иногда весь конус освещается горящими, вылетающими из жерла кратера окалинами, а по верх образующагося вследствие этого темно-красного слоя рекою льется расплавленная до-бела масса. Вместе с Ломанганом, Гунтур оказывается самым деятельным из вулканов на Яве. Извержения его, весьма опасные для окрестных плантаций, часто засыпали эти плантации пеплом, и тысячи кофейных деревьев погибали в такие дни его ярости. Юнгхун вычислил в 1843 году, что десять миллионов тонн песка, в виде зонтика, были выкинуты на высоту трех тысяч метров, и, затемняя солнце, плавали в воздухе более полдня, прежде чем, в виде дождя, ниспали на окрестные поля. А между тем, это была только одна из небольших вспышек вулкана!

Галунгунг (Galoengoeng), т.е. «гора цимбалов» (высотою в 2.229 метров, по Юнгхуну), менее деятельна, чем Гунтур, но её пробуждения в 1822 году были одни из наиболее ужасных для Явы. Грохот слышался на протяжении всего острова, и одна разверзшаяся сторона горы свидетельствует о том напоре, который проявили порвавшие свои оковы разрушительные силы. Было два извержения, одно днем, а другое ночью, и каждый раз дожди из пепла и камней сопровождались потоками грязи. Озера, запертые внутри вулкана, излились на соседния поля, увлекая за собою землю и камни; комки грязи, вылетавшие из бреши на-подобие ракет, падали в расстоянии нескольких километров, смешанные с потоками кипящей воды. Спустя месяц после извержения, когда по отвердевшей грязи можно было приблизиться к подножиям горы, оказалось, что, за исключением нескольких пощаженных островков вблизи самого вулкана внутри от кривой, начертанной теми струями, которые исходили из кратера, вся окрестность Галунгунга: деревни, рисовые и кофейные плантации, леса—были покрыты серо-синеватым тенистым слоем, в некоторых местах достигавшим в толщину пятнадцати метров. Всякая растительность исчезла на расстоянии целых двадцати километров; сто четырнадцать деревень, в которых проживало более четырех тысяч человек, были занесены слоем грязи. На протяжении равнины образовались мириады небольших холмиков из тех каменных глыб, которые нанесли потоки с горы. Ныне великолепные леса опять завладели склонами вулкана и его окрестностей. Неподалеку от Галунгунга, с западной стороны, находится Телага-Бодас, т.е. «белое озеро»: это—топь, которой отсветы от сернистой глины действительно придают беловатый оттенок, и которая непрестанно кипит вследствие пробивающихся струй пара. Одна из близких к озеру долин прославилась под названием Паджагадана, т.е. «поля смерти», так как с поверхности этой долины поднимаются смертоносные газы. Там постоянно находят трупы животных: белок и других грызунов, диких кошек, птиц и даже змей, удушенных углекислотою; такие трупы не подвергаются разложению; в то время, когда Юнгхун исследовал край, там водились также тигры и носороги. Повидимому, однако, эти поднимающиеся из земли испарения претерпевают значительные изменения, при чём меняются, как количества газа, так и самая его природа: именно, иногда можно проходить «Смертоносное поле», не подвергаясь опасности. Другие горы края, каковы Тжикурай (в 2.817 метров) и Саваль (1.761 метр), постоянно оставались в покое в течение исторических времен, и в той небольшой цепи холмов, которая исподволь понижается к востоку вплоть до дельты р. Тандуви, (tji Tandoewi), не указывают ни на одно проявление вулканизма.

Над высокой равниной Бандонг, которая ограничивает на севере вулканические горы Преанга, и на протяжении которой соединяются воды р. Тарум (tji Taroem), господствуют с севера другие вулканы, направляющиеся, следуя оси острова, с запада на восток. Первый из этих гунонгов Бурангранг (2.058 метров) представляет трахитовую массу, извержения из которой относятся к доисторическим временам. Далее, Тангкубан Праху (Tangkoeban Prahoe),

высотой в 2.075 метров, едва выдвигает над другими горами свою удлиненную верхушку свода, благодаря которой ему и дано это наименование, означающее «опрокинутое судно»; вулкан этот находится в полном действии: один из его близнецов-кратеров, открывающийся в конечной котловине, имеющей шесть километров в окружности, выполнен большими кипящими болотами. Тампомас (в 1.683 метра), заканчивающий приморскую цепь на востоке, повидимому, угас, если не считать одной трещины между скал, из которой выделяется сернистый газ: на одной из стенок его кратера, над которым господствуют развалины конечного конуса, виднеются остатки алтаря, относящагося, вероятно, ко временам, предшествовавшим исламу; преклониться перед этими развалинами приходят богомольцы ещё и до сих пор.

Гунонг Тжеримай (goenong Tjerimai), соседний с заливом Шерибон, почти уединенно возвышается на 3.070 метров: его называют также горою Мерибон, по имени города, который выстроен у его подножия. Иногда видели, как отблеск из лав освещал небо над этою горою, а огненные потоки низбегали по её откосам. Действующий кратер, находясь на глубине около сотни метров, представляет совершенную воронку, около которой недавно проходила тропа носорогов, врывшаяся на глубину двух, метров в толщину туфа. Ласточки тысячами гнездятся в пещерах кратера и, по словам туземцев, эти птицы—салангане с съедобными гнездами, такия же, как и те, которые мириадами носятся около входов в приморские пещеры. С своего ночлега на кратере, тжеримайские ласточки каждый день улетают на равнину, где и питаются насекомыми[1].

К востоку от Тжеримая и Саваля, конечной горы южных массивов, остров Ява суживается между двумя заливами, которые некогда вдавались вглубь земель гораздо дальше, чем ныне. Главная выпуклость между двумя склонами низводится к скалистой цепи, не достигающей даже высоты и тысячи метров; но в небольшом расстоянии от неё стоит в величавом уединении, новый вулкан Сламат (3,426 метров); с севера и с юга он вздымается во всю свою высоту над низменными равнинами, слегка покатыми к морю. Его форма одна из самых правильных, а темные леса покрывают его склоны вплоть до высоты семисот пятидесяти метров от вершины, где начинаются бесплодные откосы, покрытые лавами и другими извергнутыми вулканом веществами. Из кратера, издавая шум, подобный шуму при водопаде, вырываются густые пары, столб которых в верхних слоях атмосферы и отклоняется всегда в направлении к западу; когда же порыв ветра рассеевает дым, то там виднеются стенки пропасти, блистающие на-подобие золота. Утром и вечером, слой белых облаков, походящий на ледниковое поле, покрывает равнины и низменные холмы, ряд которых тянется в направлении к востоку; но со всем тем остается свободный вид на оба моря, на север и на юг, а вдали, на-подобие островов, показываются конические вершины вулканов: Рого Джембанган, Праху, Синдоро, Сумбинг и Мерапи.

Вулкан, по отношению к которому Праху (в 2.537 метров) является лишь боковою развалиною, в доисторическую эпоху, вероятно, был самой высокой вершиной на Яве; но взрывы снесли верхний конус и по окружности остались лишь обломки: на севере—Праху, на востоке—Покуодже, а на юге—Висма: всё промежуточное пространство занято неровным плоскогорием Диэнг (Dieng), при чём это наименование часто дается также и всему массиву. Эта терраса—на которой находится, окруженная табачными плантациями, самая возвышенная на всём острове деревня—есть одна из самых замечательных на Яве по явлениям вулканизма, так как на ней можно наблюдать: извергательные жерла, потоки лав, теплые и насыщенные химическими веществами озера, сольфатары, теплые источники, ручьи кипящей воды, фумароллы и мофетты. На этом-то Диэнгском плоскогории—вырытом в водоразделе между двумя ручьями—и находится образовавшаяся вследствие провала расселина, называемая Пакараман или Гува Упас, т.е. «долина смерти», описанная некоторыми путешественниками[2], как пустынная равнина, отважиться проникнуть через которую никто не мог

1 Horsfielr;—Junghuhn.

2 Toersch, в соч. Pennant: „Outlines the Globe“;—Buddingh, „Van Rotterdam naar Java“.

бы безопасно. На этом острове Яве, столь богатом величественными явлениями природы, на Пакараман указывали, как на нечто особенно чудесное, хотя в действительности это простая трещина с дном в несколько метров шириною, и оттуда иногда выделяется немного угольной кислоты. Прославлен этот пункт Явы, без сомнения, благодаря тем религиозным преданиям, которые связаны с Диэнгским плоскогорием, некогда бывшим сборным местом для поклонников бога-разрушителя Сивы. На конечном хребте вулкана Праху, неподалеку от вершины, видны даже и покинутые храмы; такия святилища рассеяны и по другим местностям; также распознаны там здания, служившие пристанищами для богомольцев, монументальная лестница, по которой верующие достигали окраины плоскогория, наконец, и подземный канал, чрез который болотистая долина освобождалась от своих вод. В одном из гротов, Юнгхун открыл даже индийскую надпись, которая остается ещё не прочитанною. Важность этих, констатированных в ограде вулканов, архитектурных работ свидетельствует о значительном населении, которое скучивалось на этих высотах в эпоху сиваитской цивилизации. Но извержения вулкана Пакуоджо, а может быть также и нашествия мусульманских миссионеров, обратили Диэнгское плоскогорие в безмолвную пустыню; леса и болота снова вступили в свои владельческие права; но люди только с начала текущего столетия стали отваживаться гонять туда свои стада, а также принялись и за возделывание почвы[3].

За длинными гребнями, за притупленными вершинами вулканов, окружающих Диэнгское плато, следуют по направлению к югу два гордых конуса: Синдоро (3.124 метра) и Сумбинг (3.336 метров), которые известны под именем «Двух Братьев» морякам, плавающим в морских пространствах около Семаранга. Из этих вулканов-братьев, в особенности Синдоро, т.е. «Величественный», профилирует свои конптуры с совершенною правильностью; это—самый красивый из явайских вулканов: на вершине конус его срезан горизонтальной линией до того правильно, что можно подумать, будто верхушка отсечена мечем; лавы, выйдя из узкого конечного кратера, разливались широкими, мощными потоками, которые, направляясь на север, вошли в проломленный амфитеатр вулкана Телереп и наполнили его, а на юге столкнулись и скопились около более отвесных склонов Сумбинга, который обязан своим наименованием «расколотой горы», вероятно, пролому кратера и хаотическому состоянию обрушившихся его лав. Он выше Синдоро, но формы его менее правильны. На западе, юге и востоке, его окружают глубокия долины или низменные равнины; с костяком же острова он соединяется только посредством водораздельного хребта между Двумя Братьями. Между всеми вулканами Явы, Сумбинг отличается правильностью своих внешних борозд, которые лучеобразно расходятся от верхнего конуса к подножию горы, отделяясь одна от другой выпуклостями в 80 и даже в сто метров: это размывы вод, текущих между застывшими потоками лав, избороздили гору оврагами. Это образование барранок тем виднее, что Сумбинг, как и его вулкан-близнец, был совершенно обезлесен земледельцами, и теперь является во всей своей наготе. Два эти брата, повидимому, почти угасли, так как лишь кое-какие извержения паров ещё свидетельствуют об остатке деятельности подземного очага. Сумбингский конус почти точно обозначает центр Явы; туземцы указывают на лежащий в восточной равнине, у подножия вулкана, холм Тидар (504 метра), как на «гвоздь», которым остров прикреплен к диску мира.

Невысокий раздельный порог соединяет вулкан Телепер с другой горою из лав, с Унгараном, который имеет в высоту 2.048 метр., и три удлиненных крупа которого вырисовываются над горизонтом к югу от Семаранга. Этот почти угасший вулкан, имеющий лишь фумароллы и теплые источники, есть один из наименее высоких на Яве, но и один из тех, которые наиболее приметны для моряков, благодаря скученным облакам, почти постоянно покрывающим его вершины вплоть до уровня в тысячу метров над равниною. Узкая ножка из холмов соединяет его с двумя вулканами-близнецами Мербабу (3.116 метров) и Мерапи (2.866 метров), которые, с другой стороны большой долины Каду, стоят напротив описанных выше гор-близнецов, Синдоро и Сумбинга. Мербабу, самая высокая из двух гор, кажется,

3 Junghuhn, упом. соч.

давно угасла: последнее извержение, о котором упоминает местная история, было в 1560 году. Работа подземного очага локализировалась под Мерапи, «Огнем-Разрушителем»: из его конечного кратера непрерывно вылетает белый столб паров, который имеет в окружности, при своем основании, по крайней мере двести метров, и который, будучи по выходе увлекаем пассатом, описывает на голубом небе блистающую белую дугу, тотчас же изгибается к западу, и такое постоянное отклонение паров из Мерапи, отчасти сернистых, по заключению Юнгхуна, должно было с течением времени отразиться на стенах кратера; и действительно, с западной стороны, эти стенки от действия кислот и влажности скорее выветриваются, распадаются, а вместе с их разрушением перемещается тоже в направлении к западу и самый кратер. На это, совершающееся в течение веков, перемещение жерла к западу указывают, между прочим, края прежнего кратера, оставшагося на восточной стороне. Мерапи дымится постоянно, но в течение исторического периода из него не было столь страшных извержений, как из других вулканов Явы; он выбрасывал лишь пепел, иногда превращавшийся в грязь, вследствие обильных дождей, выпадавших одновременно с извержением вулкана; но длинные скаты вулкана, спускающиеся на юге до самого моря, окружая своими однообразными слоями островные холмы,—свидетельствуют, что число следовавших друг за другом извержений было очень велико. Некоторые из трахитовых стен Мерапи имеют столбообразную форму, так что они похожи на базальты Стаффы.

К востоку от Мерапи, ряд вулканов вполне прерывается тою аллювиальною долиною, по которой протекает река Соло. В этой части острова, главную его выпуклость образуют известковые утесы молочной белизны, которым дано наименование гунонг Севу (goenong Sewoe), т.е. «тысяча гор», и которые тянутся вдоль южного берега Явы. Самые возвышенные пункты этого массива достигают шестисот метров, но бугристая поверхность страны вообще гораздо ниже. Как показывает самое имя этой области, «тысячи» и «тысячи» холмиков высотой от 30 до 60 метров, усеевают плоскогорие, отделяясь друг от друга извилистыми аллеями, осеняемыми прекраснейшими деревьями; между цоколями, на которых покоятся эти горки, виднеются узкия и продолговатые долинки, почти повсюду покрытые высокими травами и без выхода с обоих концов; воды, скопляющиеся в этих долинках во время дождливого муссона, уходят в *loewang*'и, т.е. подземные воронки и каналы, сообщающиеся с морем. Пейзажи на гунонге Севу—говорит Юнгхун, без сомнения, вспоминая о холмах с отлогими склонами по лесах своего отечества, Тюрингии,—«превосходят красотою» все остальные виды на Яве: эти отлогие пригорки, тенистые аллеи, луговые долинки и редкия деревни, окруженные садами, представляют восхитительное целое, отчасти напоминающее пейзаж в умеренных странах. С высоты отвесных стен, которыми со стороны океана заканчиваются высящиеся на 60 и более метров над уровнем моря «Тысячи гор», на далекое пространство видно клокочущее море, посреди голубых волн которого, после больших дождей, желтеют струи подводных рек. Это—потоки тех вод, которые, скопляясь в лувангах гунонга Севу, сбегают затем по находящимся под известью слоям песчаника к морскому дну, где находят для себя выход, и тотчас же, вследствие своей большой легкости, в сравнении с соленою водою, устремляются кверху, расплываясь по поверхности моря.

На северо-запад от области «Тысячи Гор» и более возвышенного полукруга других осадочного происхождения холмов возвышается, в виде почти уединенного массива, гунонг Лаву (goenong Lawoe) в 3.254 метра: низменные равнины окружают его со всех сторон, а овраги, избороздившие самый конус, расходясь в разные стороны на-подобие радиусов круга, изливают воды в притоки одной и той же реки, в Соло. Три купола вулкана, некогда посещавшиеся поклонниками Сивы, не имеют кратеров, и нигде гора не вырыта на-подобие чаши; но с южной стороны разорванное и усеянное большими камнями плато испускает из своих глубоких трещин пары. Гунонг Виллис (Goenong Willis), высотой в 2,551 метр,—следующий за Лаву в ряду вулканов, хотя и в расстоянии восьмидесяти километров от него,—не имеет формы огнедышащей горы. Вероятно, взрыв, имевший место в доисторические времена, снес верхний конус, и ныне остался лишь удлиненный хребет, неровный и без кратера; однако, теплые источники и сольфатары всё ещё свидетельствуют о существовании

подземного очага. То же самое следует сказать и о небольшом вулкане, который находится к северу от Виллиса, в области равнин (900 метров высоты), и называется Панданом.

К югу от Сурабайи и его речной дельты, Ява занята на большой части её ширины поперечным массивом из других вулканических гор. Гунонг Кулет, т.е. «Метла» (1.731 метр), ближайший к Виллису, более всего внушает страх туземцам. В полости своего кратера, глубиною по крайней мере в двести метров, он заключает пресноводное озеро, содержащее в себе, по исчислению Юнгхуна в 1884 году, более шестидесяти миллионов кубических метров воды. Во время извержений, когда труба вулкана открывается под озером и начинает пропускать струи горячего пара сквозь озерные воды, эти последние также превращаются в пар и, клубясь, поднимаются в виде туч, в которых блистает молния и которые низвергаются на склоны горы в виде страшных ливней, примешивающихся к песчаным дождям, выкидываемым вулканом. Ложа из трахитового пепла, вырытые от краев кратера до подножия вулкана, напоминают о проходе этих внезапных потоков пепла, в смеси с водою, которые в виде потока низвергаются на нижния равнины, «сметая» возделанные поля, вырывая с корнем деревья и снося поселения. В 1848 году правильные взрывы газов, превращавших кратерное озеро в облака и подбрасывавших его к небесам, производили такой грохот, что он слышался на протяжении почти всего Инсулинда. На острове Целебесе, жители Макассара, в 850 километрах расстояния и на ветре от извержения, были встревожены этим шумом, как они полагали, от пушечной пальбы и, чтобы разузнать, в чём дело, даже выслали в море свои корабли. Другие вулканы этого массива угасли, или же обнаруживают лишь слабые остатки своей первоначальной деятельности. Трехглавый Кави, высшая вершина которого, Бутак, достигает 2.859 метров,—не имеет даже сольфатары, а только один лишь теплый фонтан; мощный Арджуно (Ardjoeno), в 3.333 метра, с многочисленными вершинами, на которые сиваиты некогда приходили приносить жертвы, извергает пары в одном пункте, а Пенанггунган (Penanggoengan), в 1.650 метров,—которым заканчивается цепь на юг от Сурабайи—повидимому, совершенно уснул. Однако, на самой оси этого ряда, километрах в двадцати к югу от Сурабайи, поднялись два грязевых вулкана (высотой около 10 метров), извержения из которых совершаются по преимуществу в часы приливов. Одна из этих горок выбрасывает куски кирпичей, которые не могут происходить ни откуда, кроме как от индусских зданий древнего города Моджо-Пахита, построенного некогда более к западу. Потоки вод увлекли эти кирпичи на дно залива, ныне заполненного наносами, и вот на месте этих намывов и образовались два упомянутые грязевые вулканы.

Перешеек, не имеющий в высоту даже и пятисот метров, соединяет массив Арджуно с другою вулканическою группою, именно, с группою вулканов Тенгжер (Tengger) и Семеру; из них Тенгжер, находящийся на севере, имеет самый широкий кратер на всём острове Явы, а Семеру, лежащий на юге, есть господствующий пик острова, и в 1885 году, из него излился мощный поток лавы, объем коего исчислили в триста тысяч кубических метров; в то же время этот поток лавы явился и первою, состоящею из расплавленных веществ, рекою, наблюдаемою на Яве: до тех пор, вместе с Юнгхуном, полагали, что вулканы острова выбрасывали лишь одни твердые вещества, пепел или камни. Конечный конус Семеру достигает 3.671 метра, между тем как самый высший пункт Тенгжера находится на высоте всего лишь 2.724 метров; в глазах туземцев, Тенгжер есть лишь ступень, чрез которую восходят на Семеру, т.е. на гору Меру, на «Святую гору», так как этот Явский вулкан уподобляют пику центральной области Гималайев, этому богу, которого индусы и тибетцы почитали во все времена. Тенгжер имеет весьма правильную форму, а из его вершины, чрез короткие промежутки, извергаются, черные днем, красные ночью, столбы паров и пепла, поднимающиеся на высоту нескольких сотен, быть-может, даже тысяч метров. Вероятно, что Тенгжер прежде не уступал южному вулкану ни высотою, ни величественностью своего центрального конуса. Но вся верхняя часть горы исчезла; остались лишь наружные стены, образующие громадную, приблизительно в двадцать пять километров в окружности, ограду, кое-где проломленную, а в некоторых местах возвышающуюся на пятьсот метров над внутреннею равниною, некогда бывшею кратером. Эта главная равнина—с среднею высотою более, чем в две тысячи метров,

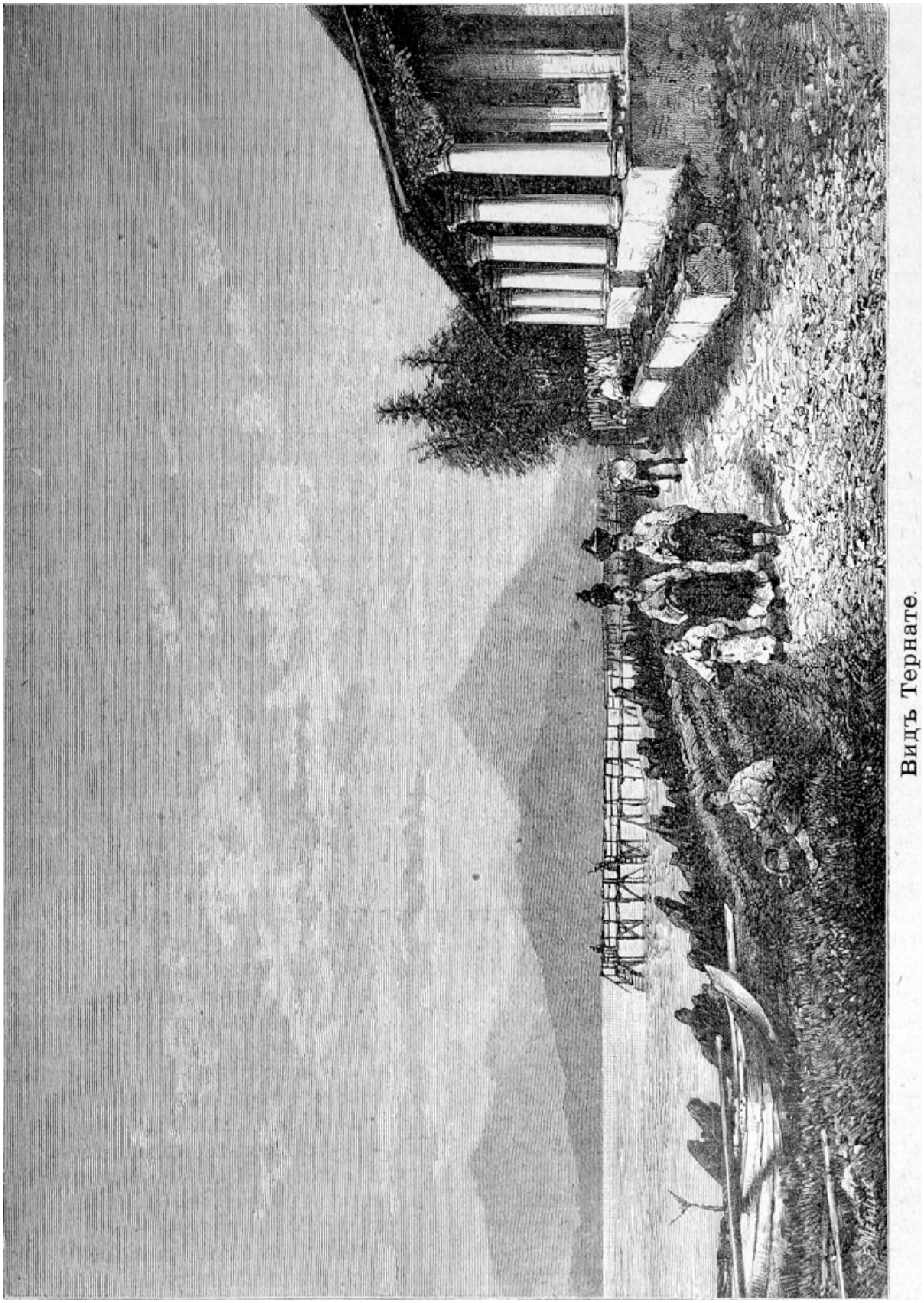
—называется Дазаром, т.е. «морем песка», и тогда как в одной части углубления, где воды задержались подольше, образовалась травянистая саванна, в другой, на большом протяжении действительно отложилась тончайшая пыль, которая от дождя отвердевает на-подобие глины, но которая при малейшей сухости снова становится подвижною. Дазар представляет как-бы небольшую Сахару: в отдаленных слоях воздуха наблюдается мираж, а малейший ветер поднимает смерчи, которые кружатся и бегут друг за другом внутри упомянутой ограды; почти весь Дазар в течение года остается угрюмою пепельно-черноватою равниною. Среди этого замкнутого пространства подымаются несколько песчаных горок, из которых одна, Бромо, постоянно дымящаяся, часто имела страшные извержения. Это—центральная труба Тенгжера, простая горка, стоящая посреди громадного кратера и заключающая в своей чаше то небольшое озеро, то очаг кипящей лавы. Наименование «Бромо» однозначуще с «Брама». Последние явайцы, исповедывавшие религию Брамы, нашли себе убежище на горе Тенгжер, и их потомки ещё и до сих пор справляют брамаические празднества, при чём верховный жрец поднимается на окраину кратера и, в виде даров, бросает рис в честь Devo-Bromo, т.е. «Бога Брамы».

Некоторые наблюдатели полагают, что им удалось подметить известную смену между извержениями Бромо и извержениями вулкана Ламонгана, достигающего высоты 1.637 метров и находящагося в другом массиве, на сорок километров более к востоку. Ламонган—самый низкий из явайских вулканов, но один из наиболее буйных в своих чрезвычайных извержениях и наиболее ритмический в своей повседневной работе, которая заключается в выбрасывании паров и пепла; излияние же лав из этой горы совершилось на-подобие излияния их на откосах Семеру. Бывший вулкан, Тароб, высотою в 1.669 метров, на-половину скрыт под увеличивающимися откосами нынешнего жерла. Вокруг горы, в пустыне больших лесов, расположены в виде ожерелья, небольшие *гапаи*, древние кратеры или образовавшиеся вследствие провала почвы бассейны, ныне наполненные водою; глубина одного из них превышает сто метров.

Перешеек из холмов—чрез который, на высоте двухсот пятидесяти метров, есть горный проход—соединяет Ламонган, с восточной стороны, с массивом других гор вулканического происхождения, известным под именем Ажанга и представляющим многочисленные питоны, как равно и широкое плоскогорие, покрытое лесами. В 1844 году, этот гористый край был совершенно неизвестен; не знали даже, есть ли в этих пустынях кратеры. Честь открытия принадлежит неутомимому исследователю Явы, Юнгхуну, который, взойдя на вершину Аргопуры (высотою в 3.090 метров), самого высокого местного пика, очутился на краю жерла, и тут же, рядом—на самой высокой выпуклости,—увидел развалины храма Сивы. Другие постройки, рассеянные около вершины, объясняют наименование вулкана «Городом на горе», а одно из святилищ, изъеденное кислотными парами, свидетельствует о том, что уснувший вулкан по крайней мере один раз пробуждался в последние пятьсот лет. Что касается гунонга Рингит (высотою в 1.250 метров), выдвинувшагося в море на северо-восточной оконечности Ажангской цепи, то ныне он отдыхает, подобно Аргопуре; но в конце шестнадцатого столетия, он разверзся и стал выбрасывать громадные количества пепла: в течение трех дней солнце было скрыто за черными тучами, а когда тьма рассеялась, то все деревни в окрестности оказались исчезнувшими, вместе с их жителями. Ныне у горы нет ни кратера, ни сольфатар, ни фумаролл, ни теплых ключей; однако, следы извержения ещё видны. Тогда как северная часть вулкана, погружающаяся своей подошвой в море, сохранила нормальную форму конуса с расходящимися корнями, южная часть совершенно разрушилась и её развалины рассеяны на-подобие развалин какого-нибудь здания; но на месте прежних деревень возникли новые, и нынешнее население даже не знает о том бедствии, которому подверглись его предки.

Над восточным берегом Явы, по краю пролива Бали, тоже, господствуют вулканы, как и над западной оконечностью острова. Громадный конечный массив выдвинул свои потоки лавы на три километра дальше передовых рифов Бали. Целая диадема из высоких пиков

окружает кругообразное плоскогорие, которое, быть-может, было большим кратером: на юго-западе возвышается Раун (3.330 метров); на северо-запад продолжается Кэнданг, затем на северо-востоке возвышается Кукузан, ила «Корзина», а на юго-востоке скучены: Мерапи,



Видъ Тернате.

Онгоп-Онгоп, Ранти, Пандил и другие вершины, часто обозначаемые общим именем *гунонг* Иджен (goenong Idgen), т.е. «уединенная гора». Воды, скопляющиеся на плоскогории, некогда озерном, изливаются к северу чрез клюзу, которая открывается между Кэндэнгом и

Кукузаном. Раун, горделивый гигант в этом сонме гор, из всех явайских вулканов всего более углубился, чтобы дать выход парам сокрытого очага. Его жерло имеет вид громадной воронки; стенки вертикальны на протяжении двух третей высоты, а поднимающийся со дна дым кажется, вследствие своей отдаленности, как-бы туманом, и не слышно даже свиста, сопровождающего их выход; на другом боку громадной пропасти, неявственно различаются на стене из пепла несколько подпорок из лав. Во время посещения вулкана Юнгхуном, окружность этого исполинского кратера имела пять тысяч метров длины, а глубина его равнялась семистам двадцати метрам; но часто объем кратера увеличивался вследствие осыпи его краев, которые отламывались массою, на-подобие песчаных берегов, подмытых у своего подножия рекой. Из всех остальных находящихся в этой ограде вулканов, только один ещё действует, именно тот, который носит имя Мерапи, как знаменитый вулкан в центре Явы и горы на Суматре. В кратере его помещается озеро пресной воды, которую, во время извержений, сернистые пары вспучивают, превращают в пар, как воды озера на Келуте, после чего тучи, содержащие песок и воду, ниспадают на соседния поля и покрывают их горячею грязью. Одно из этих извержений было в 1817 году, при чём были увлечены дома и люди, а вновь образовавшиеся пляжи уменьшили ширину пролива, который отделяет Яву от Бали. Мыс в виде булавы, служащий—в направлении оси известковых гор южного берега—юго-восточною оконечностью Явы, был некогда островом, но впоследствии пепельные дожди соединили его, посредством низменной и болотистой земли, с Явою. Что же касается северо-восточного мыса, Балурана, имеющего в высоту 1.290 метров, то это вулкан, сила которого угасла: порог в пятнадцать метров высоты едва отделяет этот островный конус от потоков лавы с Иджена.

На севере, остров Мадура, хотя довольно бугроватый, не имеет гор, а лишь известковые утесы; самый высокий его *ganong*, Тамбуку, около восточной оконечности острова, достигает лишь 470 метров над уровнем моря. Вербек констатировал, что на Мадуре, как и на Яве, совсем нет триасовых, юрских и меловых формаций.

Хотя вулканические формации на Яве значительно уступают протяжением формациям осадочным, тем не менее сорок пять вулканов острова, с их кортежем боковых пиков, застывших потоков лав и обширных, покрытых пеплом поверхностей—представляют черты, придающие Яве совершенно своеобразный характер; с приближением к её побережьям, взор всегда привлекается этими высокими, красиво очерченными горами, высящимися над лесами равнины, то одетыми под лучами солнца в пурпур, то кажущимися бледно-голубыми на более темной синеве неба, при чём порою над всем этим поднимаются столбы белых паров, изгибающиеся к западу, под давлением ветра, и по вечерам, на-подобие альпийских снегов, окрашивающиеся в розовый цвет. Через различные промежутки, но, по Вербеку, в особенности во время последней части, третичной эпохи, все эти горы принимали участие в преобразовании острова; в течение же исторического периода, более двадцати из них совершили весьма значительные перемены, изменившие профиль и очертания страны. Несомненно, что от действия вулканов география острова стала совершенно иною. Если переселение растительных и животных видов не позволяет сомневаться в существовавшем некогда соединении земель между Явою, полуостровом Малаккою и Борнео, то, с другой стороны, геологические факты показывают, что в течение веков, непосредственно предшествовавших современному периоду, Ява была разделена на много островов, имевших тот же наружный вид, как и восточная вереница островов, заключающихся между островами Бали и Нила. Именно, вулканы своими потоками лавы и в особенности своими извержениями пепла всего более и содействовали сплочению рассеянных отрывков в одну большую землю. С южной стороны, их действие было очень слабо, по причине огромной глубины океана, и они только и могли, что засыпать узкия бухты, да присоединить к главному берегу ближайшие островки; но в северных морских пространствах они значительно распространили поверхность земель, и многие острова превратились в полуострова, или же округлились новыми полями. Впрочем, кажется, Ява постепенно приподнимается над океаном; во многих местах пологие песчаные берега

и коралловые мели поднялись на 6, на 8 и даже на 15 метров[1].

По своим потокам пара, по песку, который они примешивают к своим тучам, по грязи, которою они забрасывают соседния поля, вулканы в действительности являются реками, но это собственно так называемыя реки подхватывают все выкидываемые кратерами и трещинами обломки, распределяют их в правильные пласты, претворяют в аллювиальные массы и придают им консистенцию, необходимую для сопротивления размыву морских вод. Таким образом, реки продолжают дело, начатое вулканическими очагами, при чём захваты их быстрее всего совершаются в неглубоких северных заливах. На этом, северном, берегу площади речных бассейнов всего больше, реки всего длиннее и ветвистее, и, благодаря направлению западного или северо-западного муссона, приносящего в изобилии дожди, они же, по сравнению с реками южного берега, оказываются обладающими преимуществом и в отношении пропорционального количества их дебита. *Тжи* и *кали* (tji и kali)—таковы зондские и явайские наименования рек—только и судоходны, что в северных областях.

Около северо-западного угла Явы, к западу и к востоку от Батавии, равнины орошаются многочисленными реками, слишком незначительными для того, чтобы быть судоходными, кроме как на низменных землях, где они уже канализованы. Самая значительная из них, *тжи* Тарум, которая родится на склонах южных вулканов, в провинции Прэанг и уходит с плоскогория Бандонг чрез клюзу, открывающуюся в северной горной цепи,—в общем, течет на протяжении около 240 километров, из которых нижняя треть судоходна для барок с незначительною осадкою. Дельта этой тжи Тарум, окаймленная наводняемыми землями, далеко вдается в море, к востоку от Батавского залива. Сделанные же точные измерения в этих водах удостоверяют, что в конце семнадцатого столетия, среднее отвоевание этим побережьем пространства у моря составляло немного более семи метров в год[2]. Тжи Манук, менее обильная, чем Тарум, всё-таки, подобно ей, образовала илистую стрелку, называемую индийским словом Jndramajoe. Суда поднимаются также и по нижнему каналу тжи Манука.

Самою большою рекою на северном склоне, длиною в пятьсот километров, является Соло, называемая также Бенгаваном и Самбажею. Первые воды её вытекают в одной долинке «Тысячи Гор», всего в 32 или 33 километрах от Индийского океана, а затем первоначальный ручеек вскоре увеличивается вследствие впадения в него других ручьёв, которые спускаются с вулканов Мерапи и Мербабу, ограничивающих бассейн со стороны запада. На востоке, Кукузан и Лаву изборождены оврагами, которые со всех сторон спускаются к Соло или к его притокам, при чём, на северо-восток от Лаву, слияние двух главных ветвей преобразует данный поток в настоящую реку. Затем ей остается ещё пройти скалистую клюзу, по миновании которой Соло представляет уже на протяжении всего своего течения глубину, достаточную для барок с большим водоизмещением; она была бы даже доступна и для больших морских судов, еслиб вход в неё не был загражден мелями, порог которых покрыт слоем воды всего в 2 метра. На протяжения своей судоходной части, Соло течет сначала на северо-восток, затем на восток, посреди естественного углубления, открывающагося между двумя параллельными половинами Явы, находя для себя выход чрез пролом Наув, где образовался и Мадурский пролив. Намывная дельта более, чем на половину засыпала этот пролом и уменьшила его глубину; рано или поздно, несмотря на морской пролив, мели вполне загородили бы этот проход, если бы текущие на восток воды не были отведены к северу посредством прямолинейного канала, вырытого в низменных землях. Вследствие этого, выбрасываемые по направлению к морю осадки отлагаются в небольшом боковом заливе. Такую же работу следовало бы сделать и во Франции, чтобы отвести главное русло Роны на запад и чрез это оградить Фоский залив от речных наносов.

На другой оконечности Мадурского пролива, в собственно так называемую «Воронку» «Trechter», изливается другая река, всегда мутная и замечательная большими размерами своей всё возростающей дельты. Эта *kali,* называемая Брантас, также берет своё начало весь-

1 Junghuhn;—Veth, упом. соч.;—Ed. Suese, „Das Antlitz der Erde“.

2 Tromp;—Junghuhn;—Veth, упом. соч.

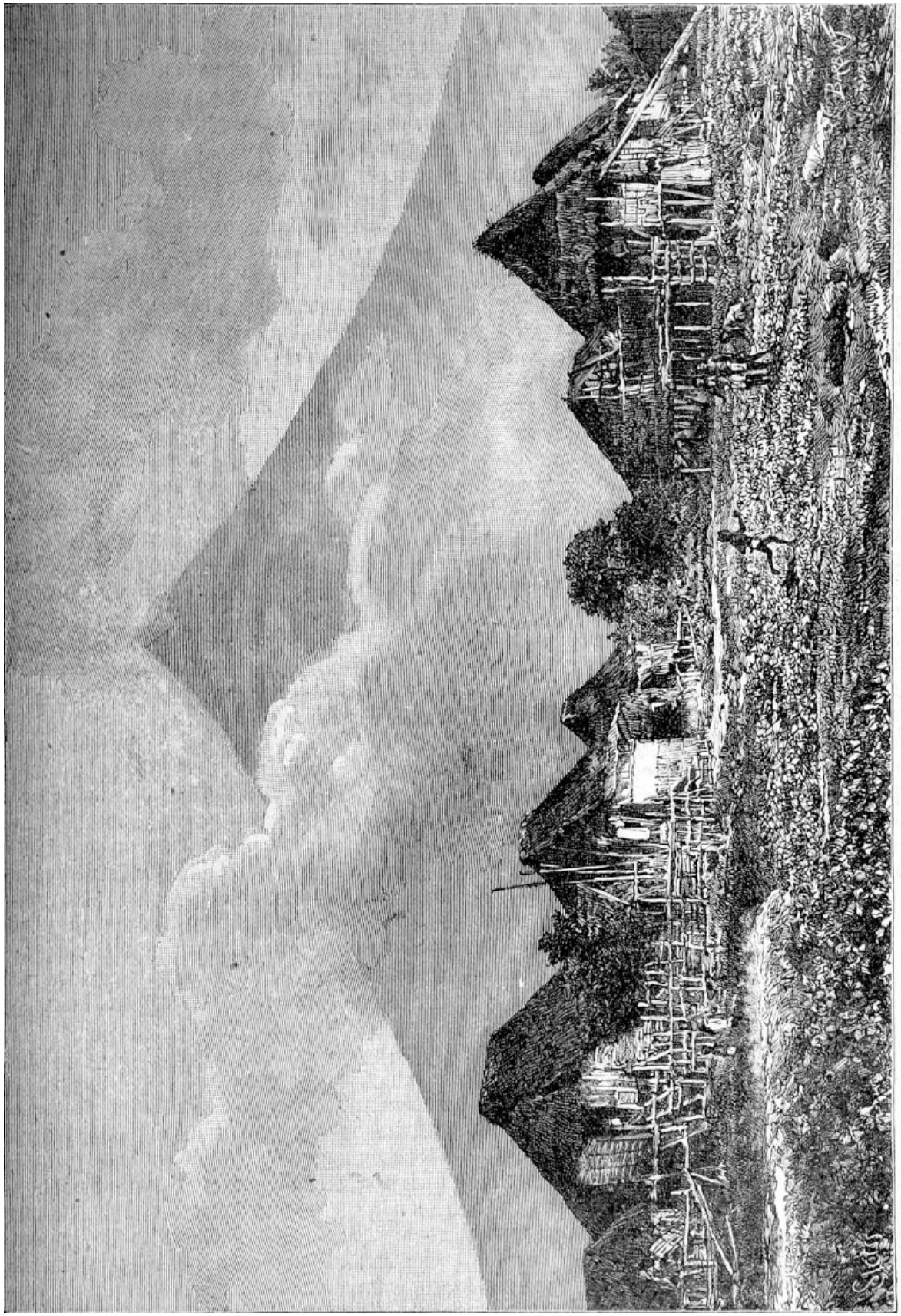
ма близко к Индийскому океану, к югу от вулкана Кави: один из притоков Брантаса начинается всего в двух километрах от южного берега. Брантас, называемый также Кедири-Ривар, обилием своих вод уступает на Яве только одной Соло; но только во время половодий суда могут подниматься по реке без риска сесть на илистую или песчаную мель. Что же касается речек южного склона, то даже между самыми большими из них мало таких, по которым отваживались бы пуститься барки. Река (кали) Прого, верховые притоки которой приходят с двух групп вулканов-близнецов, на западе—с Синдоро и Сумбинга, на востоке—с Мербабу и Мерапи, слишком быстра чтобы могла служить для перевозки товаров; пока ещё не приведен в исполнение проект инженера Стильтжеса, предлагающего отвести эту реку на север, в бассейн Соло, чем была бы дана возможность воспользоваться водами Прого, как для орошения, так и для судоходства[1]. Кали Серажу, питаемая ручьями, спускающимися с другого полукруга вулканов, от Сумбинга до Сламата, судоходна на протяжении нижнего своего течения; но, чтобы избегнуть прохода чрез опасный бар, суда должны обогнуть залив на западе, по каналу, вырытому рукою человека. Тжи Тандуви, верхния долины которой обнимают массив Саваля, принимает даже пароходы в своем лимане, расширяемом морскою волною; река, в своем нижнем течении, змеится по обширному заливу, превращенному в *rawa*, т.е. болото, теми намывами, которые ему принесли потоки: от этого залива осталась лишь неглубокая бухта, называемая Сегара-Анакан, т.е. «детское море». Длинный скалистый остров, Нуса-Кембанган, расположенный перед низменною областью залива, облегчает работу засыпания, задерживая наносы реки, которые на остальном побережье уносятся в океанские пропасти. Поэтому ныне Кембанган отделяется от Явы только илистым каналом. Можно даже сказать, что он уже часть Явы, так как, если некогда его видели на известном расстоянии в открытом море, то ныне он соединен с берегом: отсюда, без сомнения, и его наименование, которое, по мнению большей части писателей[2], означает не «остров цветов», как говорят туземцы, а «пловучий остров». Правда, что легенда объясняет этот феномен вмешательством одного святого, который водил на своре чудесный остров.

Климат Явы похож на климат других островов Западного Инсулинда; он также представляет чередование двух пассатных ветров, превращенных в муссоны, при чём оба они приносят известное количество дождя, с тем, однако, отличием, что западный муссон, в среднем, более влажен и чаще сопровождается дурною погодою. Будучи отчасти защищена от западных ветров массою Суматры, Ява не получает столь же значительной атмосферной влаги, какая выпадает на плоскогория этого её острова-брата; кроме того, расположение гор в направлении с запада на восток видоизменяет и направление атмосферических течений: пассат часто переменяет свое нормальное юго-восточное направление и начинает дуть с юга, перпендикулярно побережью; равным образом, муссон с «запада» ударяет в берег в виде северного ветра, и с той и другой стороны чрез остров распространяются атмосферные течения в широких долинах между рядами вулканов. Оба берега, северный и южный, являют таким образом большую противоположность, обусловливаемую различием в направлении ветров, а что касается обеих оконечностей, западной и восточной, то отличие их одна от другой заключается в постепенном увеличении сухости климата по мере приближения к Австралии. Наблюдаются также местные контрасты, смотря по протяжению лесных областей и расчищенных под культуру земель; но всегда западный склон гор, обращенный к «дурному» муссону, бывает более влажным и чаще подернутым густым морским туманом; выше восьмисот метров уже не наблюдают смены между бризами с земли и с моря, свыше 1.500 метров западный муссон теряет свою силу; над этим уровнем простирается нейтральная полоса, а ещё более возвышенные вершины уже купаются в правильном потоке юго-восточного пассата. Редко случается, чтобы несколько дней подряд не было дождя на вершинах Явы; почти каждый вечер бывает гроза. Можно сказать, что у каждого массива свой климат, зависящий как от географических условий, так и от воздействия людей. Средние числа, выведенные для

1 S. E. W. „Roorga von Eysinga“, рукописные заметки.

2 I. Crawford, „Indian Archipelage“;—Veth, „Iava“.

дождей, наблюдавшихся в течение восьми лет на ста метеорологических станциях Явы, установили, что количество влаги колеблется в течение года в пределах между немногим более одного метра и пятью метрами. По данным Regeerings Almanak 1888 года, в промежуток



Майонъ.—Общій видъ.

между 1879 и 1886 годами, из явских станций менее всего дождя получила Ситубондо (на западе Явы), именно 1 м., 146, а более всего Бюитензорг (на востоке Явы), именно 4 м. 744 миллим.

В целом, явайская флора, описанная Никелем, обнимает более девяти тысяч явнобрачных растений, из которых у трех тысяч есть туземные имена, что свидетельствует о замечательной наблюдательности явайцев[1]. Благодаря своим многочисленным вулканам, сменяющим друг друга наподобие островов в море, Ява являет в ярусообразном расположении растительных видов бесконечное число перекрещивающихся поясов, от постоянного лета—на нижних склонах до зимы, или по крайней мере осени—на вершинах. В среднем, тропическая полоса Явы,—т.е. та, в пределах которой произростают такие туземные или ввезенные виды, которые требуют постоянной высокой температуры—не превышает шестьсот метров; большая часть пальмовых деревьев не переходят за пределы этой высоты; однако, повсюду внутри острова, вплоть до высоты 1.400 метров, растет аренг (*borassus domutus*), zuikerboom голландцев,—чрезвычайно полезное дерево, доставляющее явайцам бродильный напиток, сахар, веревки, *atap*, т.е. листья для кровель на-подобие болотной пальмы *nipa*, кроме того тысячу предметов для повседневного обихода. Самые красивые деревья произростают в средней полосе, между шестьюстами и двумя тысячами метров, представляя, соответственно высоте местности, физиономию, которая постепенно приближается к физиономии европейских лесов; впрочем, там встречаются также виды европейских родов: дубы, клены, каштаны —рядом с лаккой (*myristica iners*) и расамалой (*liquigambar altindiana*), этим исполином западных явайских лесов. В верхних областях мощность растительности уменьшается постепенно: чащи в наибольшей своей части состоят из кустов и низких растений—мирт, акаций, малинника, бузины, жимолости, в особенности горлянки (gnaphaliuni lignosum) и одного вида вереска (adapete), Многие вершины вулканов, где, однакоже, не замечают никакого следа выделения газов, совершенно оголены. Из любви к чудесному, некоторые старинные путешественники приписывали вредные испарения некоторых вулканов присутствию известных деревьев, как, напр, анчара, будто бы распространяющего смерть кругом себя; однако, это страшное дерево (*antiaris toxicaria*) причиняет смерть только посредством вытекающего из него яда, называемого *oepas*, и встречается во всех частях острова, как равно и в других землях Инсулинда, где, подобно соку других растений, также и его сок употребляется для смазывания наконечников стрел и дротиков: убивает этот яд, парализуя деятельность сердца. После кокосовой пальмы, аренга и бамбука, одним из драгоценнейших растений эндемической явайской флоры является джати,—тек индусов (*tectonia grandis*),—которого нет на многих других островах азиатского архипелага, и область распространения которого, даже на Яве, значительно уменьшилась со времен исторических[2]. Сравнительно, оно весьма редко в западных провинциях: его истинным отечеством является область между мысом Жапара и островом Мадурою, в резидентстве Рембанг, где оно в особенности занимает осушенные части равнин и первые склоны гор до высоты 250 метров; но существуют также большие леса его во всех частях центральной и восточной области, и разведены плантации его вдоль дорог и на пустопорожних землях.

Также как Суматра и Борнео, Ява имеет своих особенных животных в общей фауне Инсулинда. Из сотни млекопитающих таких насчитывается пять или шесть; из 270 птиц сорок—исключительно явайские. Но что особенно удивительно, это—отсутствие характеристичных животных форм других больших островов Малезии: на Яве нет ни слона, ни тапира, ни оранг-утанга; зато там есть прелестный олень-карлик или «олень-мышь», совершенная миниатюра оленя европейских лесов. Между большими млекопитающими самые замечательные—носороги и дикие быки, но первые встречаются, да и то уже очень редко, только в западной части острова, где, впрочем, они вполне безразлично относятся к климату: их видели и на самых высоких верхушках вулканов, на краю кратеров, и в низменных лесах побережья. Что касается тигров, то они живут в джунглях, в различных частях острова, но областью их местообитания в особенности служат низменные земли; во многих гористых округах стада оленей безопасно пасутся по лужайкам в лесах. На другие плоскогория, правда,

1 Otto Kuntze, „Um die Erde. Reiseberichte eines Naturforschers“.

2 I. W. H. Cordes, „De Djati-Bosschen“.

тигры последовали за дичью, и замечено, что, при переселениях тигра, его всегда сопровождает павлин. Статистка показывает, что на Яве ежегодно от зубов тигра погибают сотни людей: как и в Индии, часто случается, что хищники, у которых зубы притупились, охотятся исключительно на человека; в резидентстве Бантам из-за соседства тигров целые деревни были вынуждены переселяться. Крокодилы также весьма опасны в некоторых реках, но годичное число их жертв меньше, чем число погибающих от тигров. Больших размеров ящерица, токей (*platydactylus guttatus*), получила это название за свой крик, который новоприбывшему может показаться исходящим из уст человека[1].

Принадлежащие к Яве острова частию отличаются от неё фауною; особенно Бавеан по своим животным видам составляет небольшой особый мирок; даже Нусса Кембанган, который, так сказать, есть не что иное, как явайский полуостров, обладает крыланом (*pteropus aterrimus*), которого не встречают на Яве[2].

Туземцы на Яве не все принадлежат к одной и той же национальной группе. Собственно так называемые малайцы, давшие своё наименование всей расе, имеют на острове своих представителей только в лице переселенцев и составляют большинство лишь в половине провинции Батавии, куда их привлекает торговля и политическая централизация. Остаток острова занят: сунданезами, явайцами (самый многочисленный элемент населения) и мадурцами. Между этими различными группами, различающимися в особенности языком, находятся переходные полосы, где жители говорят на переходных местных наречиях.

За исключением малайской части Батавии и северных берегов, где преобладает явайский язык, западная часть Явы населена сунданезами вплоть до поперечной линии, проведенной от Шерибона к устью реки Тандуви: даваемое этой стране название Сунда (Soenda)—весьма древнего происхождения, и моряки ошибочно говорят о «Сондских» или «Зондских» островах и проливе, как будто это наименование происходит от европейского слова «Sonde» и указывает на незначительную глубину воды в морях Явы. Жители Сунды или сунданезы, т.е. «люди почвы» или «первонасельники (аборигены)», действительно, благодаря горной природе своего края, лучше сохраняли свои первобытные нравы, чем другие островитяне, а также и менее перемешались с чуждыми элементами. Вообще они сильнее физически, рослее и здоровее; но их считают, сравнительно, варварами, и при встрече с малайцами они стыдятся своего языка, на который в городах смотрят как на некоторый род провинциального говора, как на просторечие. Будучи менее развит, чем явайский, их язык по первоначальному словарю и синтаксису мало от него отличается; но так как влияние индусов в горах было сравнительно слабее, то в сундский язык вошло гораздо менее санскритских слов. Однако, сунданезы тоже были обращены в буддизм, а впоследствии в магометанство; они также много терпели от вражеских нашествий, и говорят, будто самое слово «Preang», оставшееся в названии «Preanger Regentschappen», или «Преангские регентства», значит «земля истребления»[3].

В верхней долине реки Уджунг, доминируемой горами Кенданг, около западной оконечности острова, около тысячи сунданезов, прозываемых «badoei»—несомненно, от арабского слова *badaoui*, бедуины—ещё совершают языческие церемонии, к которым примешиваются некоторые следы культа Будды. Эти горцы отличаются от своих соседей-магометан большею честностью и более строгими нравами. Убийства, кражи и прелюбодеяния у них неизвестны; те из однодеревенцев, которые провинятся в каком-либо злом деле, изгоняются из общины; возделывание риса на сырых почвах им воспрещено преданием. Начальники кампонгов именуются «отцами»; также их зовут «источниками радости».

Собственно так-называемые явайцы, составляющие более двух третей народонаселения, занимают всю центральную часть Явы на восток от Шерибонского залива; кроме того, они

1 G. Windsot Earl, „The Eastern Seas“.

2 Temminck, „Les Possessions neerlandaises dans l'Inde“.

3 Olivier, „Reisen im Niderlandischer Indien“.

населяют северный берег между Шерибоном и Зондским проливом, а также и южное побережье в восточной области острова. К востоку от области Сунда, страна становится гораздо доступнее, благодаря широким углублениям, открывающимся между массивами вулканов. Поэтому и иностранных переселенцев—прибывавших с других островов Инсулинда, в особенности же из Тсиампы (на Индокитайском полуострове), и даже из отдаленной Индии—в этой части Явы было гораздо больше, и высшая цивилизация индусов давала им значительное превосходство над туземным населением, впрочем, уже цивилизованным:—священный язык явайцев, *kavi*, т.е. язык «культивированный», заключает в себе весьма большое количество санскритских слов. Древние документы и надписи спасли этот язык от забвения, и многочисленные следы его остались в языке явайцев, в особенности в поэзии; сказки, отрывки поэм, театральные представления и те *wajang*, или игры марионеток, которые островитяне Явы смотрят с такой страстностью, напоминает о великих сценах индусской мифологии. При том, в явайском крае, как и в сунданской области, сохранилось население (приблизительно в три тысячи) беглых сиваитов, которые сохранили свои индийские обычаи, вместе с языком, содержащим большую примесь слов священного языка. Это «*люди Пенгжера*», нашедшие себе убежище на плоскогории того же имени, с его «песчаным морем» и с его дымящимся конусом. В их длинных домах, в которых сообща проживают по нескольку семейств, горит священное пламя, не угасавшее с тех пор, как оно было привезено с берегов индусского полуострова.

Явайский язык подразделяется на много провинциальных диалектов; кроме того, каждый из этих местных говоров, как равно и сунданский, заключает в себе два языка, «высокий» и «низкий», *kromo* и *ngoko*, из которых первый употребляется при сношении с высшими, или же и с равными, если требуется обращение «церемонное»: второй же язык употребляют, когда сносятся с друзьями и с лицами, занимающими в обществе положение более низкое, чем говорящий. Благородный язык не есть, однако, как можно было бы думать, тот, на котором специально говорят при дворе и в среде знатных: напротив, бедные, будучи обязаны свидетельствовать беспрестанно о своем принижении относительно всех, говорят обыкновенно на языке «кромо» гораздо изысканнее, чем благородные, привыкшие употреблять, в сношениях с своими людьми, «низкий» язык, «говорить на ты». К тому же разница между обоими диалектами не состоит только в различии форм—она более глубокая: необходимо, именно, употреблять другие выражения, другие обороты фраз, видоизменять окончание слов, когда нельзя подыскать слов других, совершенно различных; меняются даже и названия городов, смотря по лицу, с которым говорят. Существует, говорят, ещё и третий язык, в роде промежуточного между двумя предыдущими: *madyo*, которым пользуются лица, близкия между собой[1].

Диалект острова Мадуры настолько отличен от явайского, что его можно считать особым языком, и вообще на нём говорят протяжно, что придает ему специальный характер. В то время, как явайский язык постепенно вытесняет на западе зондский, в силу высшей цивилизации тех, которые его употребляют,—в восточной части острова преобладает мадурский диалект, благодаря быстрому переселенческому движению, увлекающему предприимчивых мадурцев на соседний большой остров. В численном отношении, в двух провинциях, Безуки и Проболинго, они уже преобладают; в провинции Позуруан они сравнялись, а вокруг Сурабажа—быстро возростают. В 1888 году, двадцати-трех миллионное население Явы, по языкам, распределялось следующим образом: язык явайский—16.000.000; язык зондский—2.500.000; язык мадурский—2.600.000; язык малайский—1.000.000; другие языки—300.000 лиц.

Во всех трех языках: зондском, явайском и мадурском—буквы заимствованы из индийского деванагири.

В физическом отношении явайцы имеют грациозные формы и нежные черты. Высокорослых между ними немного; но какого бы роста они ни были, среднего или низкого, они

1 Crawfurd, „History of the Indien Archipeligo“;—Kern van der Tuuk, Veth и т. д.

почти всегда стройны и гибки. Ещё больше, чем у других малайцев, различные части скелета представляют у них прекрасную соответственность; но у женщин наблюдается чрезвычайная тонкость костей[1]. Цвет кожи являет все оттенки между соломенно-желтым и темно-оливковым, смотря по роду жизни туземцев, пище и местопребыванию; более же всего ценится, в особенности у женщин, цвет кожи с золотистым отливом. Нос выдается мало, но не приплюснут; рот велик, но губы не толсты; глаза большие, равно как велики и глазные щели; лицо круглое, представляет в общем благообразную и добродушную физиономию, часто печальную, просящую или безропотную. Знатные носят усы на индийский манер.

Явайцы—самые кроткие из людей, хотя и нет недостатка в писателях, которое отзываются о них, как о фанатических, коварных, злопамятных и мстительных; но ведь в злословие слабых увлечься легко. Живя в стране, климат которой позволяет возделывание всех питательных растений, и почва которой необычайно плодородна, яванцу не трудно было сделаться земледельцем, и, долгое время, сбора плодов было вполне достаточно для его пропитания. Как бы быстро ни совершалось возростание народонаселения, продукты были всегда более чем в излишке в этой стране, где туземец, взамен нескольких часов работы, легко мог три раза в день есть рис, с прибавкой рыбы или небольшого количества буйволины, и где нет надобности ни в доме, ни в одежде, ни в отоплении[2]. Таким образом, яванец естественно усвоил мирные нравы земледельца, и общинная связь между поселянами одного и того же округа стала весьма сильна там, где господствующей культурой является возделывание риса, требующее коллективного труда. Но если щедрая земля и условия труда приуготовляли яванцам, казалось бы, мирное и легкое существование, то грозные явления природы, с другой стороны, должны были располагать их к страху. Грозы на Яве ужасны, и статистики ежегодно свидетельствуют о сотнях пораженных молнией лиц, о сожженных деревнях и о разрушенных домах. Черный от пепла дым, поднимающийся над вершиной вулканов, устрашает более, чем блистающие молнией, отдающие медным цветом облака, и часто в течение нескольких часов исчезали целые населения, с деревнями и нивами. К этим ужасным опасностям, происходящим от гроз, наводнений и вулканических извержений, присоединяется у земледельца ещё страх быть захваченным хищными зверями, которые бродят вокруг домов и плодовых садов.

Но самая большая опасность для человека приходит от человека же. Древней истории Явы, со времен каменного периода—о котором, как и в Европе, свидетельствуют кремневые оружие и орудия—мы не знаем, и известно, что в течение последних двадцати веков жители этого острова имели всегда властелинов над собой. Сохранять некоторое время свою независимость могли лишь те племена, нападениям на которые препятствовали большие леса, крутые склоны и ограды кратеров. Земледельцы на равнинах, рассеянные по территории, не представлявшей другой защиты от природы, кроме лесов и болот, которые всегда легко обойти, были выставлены всевозможным нападениям, и повсюду иностранные властители их и порабощали. Самая форма Явы,—длинный параллелограмм, разделенный на поперечные аллеи вулканическими горными цепями,—препятствовала образованию такого народа, который явил бы известную политическую сплоченность и обнаружил бы способность к продолжительному сопротивлению. При начале инсулиндской истории, проявили свою деятельность индусские миссионеры, прибывшие, вероятно, чрез Бирманию, Сиам и Тсиампу, и обращавшие туземцев в брамаизм; так, в начале пятого путешествия буддистского пилигрима Фа-хиана, религия браминов господствовала на острове. Впоследствии она была почти повсюду заменена буддистскими обрядами; однако, сохранявшийся кое-где около вулканов культ напоминать о преданиях сиваизма. Многочисленные индусские королевства—об именах которых свидетельствует история и легенды, и от которых на поверхности острова остались развалины их столиц или храмов—образовывались друг за другом, в особенности в

1 Von Scherzer, „Novara-Expedition“.

2 Van Hoevell, „Reis over Java, Madura en Bali“;—S. E. W. Roorda van Egsinya, „Philosophie Positive“, semtembre-octobre, 1882.

центральной части острова и около восточной его оконечности.

В период индусского влияния, почти весь Инсулинд дважды—именно в тринадцатом и пятнадцатом столетиях—пребывал объединенным, находясь под властью одного и того же властелина. Но арабские мусульмане уже оспаривали у индусских династий обладание островом: в 1478 году, они разрушили столицу империи Моджо-Пахит, находившуюся неподалеку от нынешнего города Серабайя, а в течение двух или трех следующих поколений, они же последовательно уничтожили и те небольшие индусские государства, которые ещё сохранялись[1]. Однако в свою очередь, эти завоеватели были скоро замещены другими. И если португальцы, будучи весьма слабыми для того, чтобы завоевать край, только и ограничились основанием нескольких факторий на берегу, да принятием, в качестве авантюристов, участия в междоусобных войнах на Яве, то голландцы, появившиеся в 1596 году, вскоре почувствовали и себя достаточно сильными для того, чтобы утвердиться на острове, в качестве его обладателей. В 1619 году, они основали форт Батавию, центр своего господства, которое с тех пор постепенно и распространилось как на остальную часть острова, так и на Индонезский архипелаг. Хотя бывали местные восстания, хотя была даже война, ст 1825 по 1830 год, поколебавшая голландскую власть, однако, можно сказать, что, в общем, яванцы не имеют себе равных между нациями по послушанию и безропотности. В этом отношении приводят даже примеры несчастных, и которые, по приказанию своих начальников, позволяли, вместо них, осуждать себя на каторжные работы. Удивительно даже, что народ, столь покорный, столь беспрекословно поддающийся рабству, как яванцы, мог со всем тем сохранить столько добродетели, кротости, правдивости и честности. Элементов испорченности и вероломства примешалось к нему более всего на побережьях, где всего чаще он приходит в соприкосновение с чужестранцами. Говорят, что явайские женщины, не отупевшие от тяжелой принудительной работы, вообще проявляют более энергии, ума и благородства, чем мужчины.

Обыкновенно указывают на быстрое возростание явайского народонаселения, как на доказательство их материального и нравственного благосостояния. Удвоение семейств на протяжении одного поколения служит фактом, на который ссылаются в видах восхваления благодетельного влияния чужеземного господства. И, конечно, если бы численное увеличение какого-нибудь народа служило доказательством его благополучия, то явайцы оказались бы в числе самых счастливых людей, так как в течение одного века, когда население Франции увеличилось всего на одну треть, явайские туземцы, не считая эмигрантов, китайцев и белых, удесятерились в числе, единственно вследствие избытка рождаемости над смертностью. В 1780 году, вследствие «безпрерывно возобновлявшихся войн, погубивших половину населения и превративших этот столь богатый и столь прекрасный остров в театр жестокости и угнетения»[2], явайцев было немногим более двух миллионов; в 1888 году их насчитывалось по крайней мере двадцать три миллиона, а затем, каждый год от трехсот до четырехсот тысяч, а иногда даже и более полумиллиона, присоединяются к тем жителям, которые скучены в деревнях Явы (по исчислению в конце 1896 г., общее число жителей на Яве и Мадуре—26.125.000). Густота явайского населения уже значительно выше населения Голландии и даже почти сравнялась с плотностью населения в Бельгии; возможно, что она даже и превзошла последнюю, так как земледельческие общины, превосходно зная, что перепись делается в интересе взимания податей, вовсе не склонны облегчать работу переписчиков. А так как две трети явайской земли ещё не возделываются, то ничто но препятствует тому, чтобы число жителей утроилось в то время, когда почва всего острова подвергнется обработке.

Однако, в этом возростающем приливе человеческих жизней существуют также и частичные отливы. Так, в 1880 году, голод, сопровождаемый целой свитой болезней, низвел на 168.000 жителей, т.е. более, чем на одну пятую, населенность провинции Бантам, на западной оконечности Явы. В 1848 году, многие из округов провинции Семаранг также отчасти

1 Crawfurd, „History of the Indian Archipelago“;—Veth, „Java“.

2 Stavorinus, „Voyage a Batavia“.

обезлюдели, благодаря голоду: видели матерей, которые продавали своих детей за несколько флоринов, и даже просто отдавали их даром, только для того, чтобы вырвать из объятий смерти; в семи центральных провинциях, от Шерибона до Мадиуна, население уменьшилось в четыре года на 364.000 человек[1]. Однако, с минованием голодовок семейства возрастают вновь, опустошения вскоре восполняются и даже с избытком. Явайские крестьяне, в противоположность французским мелким собственникам, не боятся увеличения своих семейств; не зараженные тщеславием, они не мечтают о лучшей участи для своих детей. Заранее безропотно примирясь с ожидающей их сыновей судьбой, они собственным примером научают их довольствоваться малым и не надеяться на улучшение своей участи.

Известное число явайцев выселяются на Борнео, Суматру и другие острова архипелага, но это выселение значительно уступает переселению на Яву чужеземцев. А между этими чуждыми людьми всего многочисленнее китайцы: в 1895 г. их насчитывалось 257.500.

Правда, что большая часть из них *перканана*, т.е. китайцы, рожденные уже на Яве и имеющие матерей из туземных женщин. И хотя, в общем, китайское население возрастает более вследствие избытка рождений над смертностью, а не вследствие переселения, тем не менее смешение крови видоизменяет тип отца или деда лишь медленно, вследствие чего даже после многочисленных последовательных, из поколения в поколение, скрещиваний, потомка китайцев можно распознать в явайском саронге (*sarong*). Дети таких китайцев воспитываются учителями, либо прибывшими из Китая, либо сдавшими там свои экзамены. Родители же никогда не нанимаются в домашние слуги, различаясь этим от китайцев других колоний; очевидно, они желают избежать ассимиляции с презираемыми ими явайцами; они также избегают и евреев, своих соперников в орудовании золотом[2]. Вообще, китайцев сильно боятся другие жители Явы: будучи посредниками в торговле, предпринимателями, откупщиками монополий, растовщиками, контрабандистами и продавцами опия, «сыны Гана» пользуются лучшею долею выгод от всех торговых сделок; кредитуя и давая вперед, они прибирают к своим рукам жатвы и наследства; прибывая в край, они кажутся приниженными, а затем вскоре становятся властелинами, и о них выражаются, что «они распускаются, как лотос». В 1885 году, принадлежащая им собственность достигла ценности двухсот восьмидесяти миллионов франков[3]. Европейцы видят в них своих соперников по оптовой торговле и, однако, к ним же должны прибегать, чтобы воспользоваться их знанием людей и дел. С своей стороны, голландское правительство, хотя и относится к ним подозрительно в виду независимости их характера, склонности к национальной сплоченности и совершаемых ими тайных не разрешаемых законами собраний, не имеет, однако, к кому обратиться для замещения таких должностей, которые требуют аккуратности и кропотливости. Поэтому-то, полное воспрещение переселения китайцев, провозглашенное в 1837 году, было отменено спустя несколько лет; но вступление на остров всё-таки осталось затрудненным для «сыновей Цветущей Империи»: налог на право высаживания и пребывания на острове, подушная подать, паспорта, нахождение ответственных поручителей, специальные налоги на каждую индустрию—задерживали нашествие китайцев; ещё и теперь они обложены специальным налогом на доход. Вследствие всего этого, что бы там ни говорили, возрастание их численности всё-таки меньше, чем у туземцев. Доказательством этому могут служить и следующие цифровые данные, относящиеся к промежутку времени в тридцать лет, с 1857 по 1886 год.

Общая населенность в 1857 году 11.124.611 ж.; китайцев 138.360 чел. Общая населенность в 1886 году 21.996.269 ж.; китайцев 225.573 чел. Возростание всего населения в 30 лет 98%, возрастание китайцев 55%.

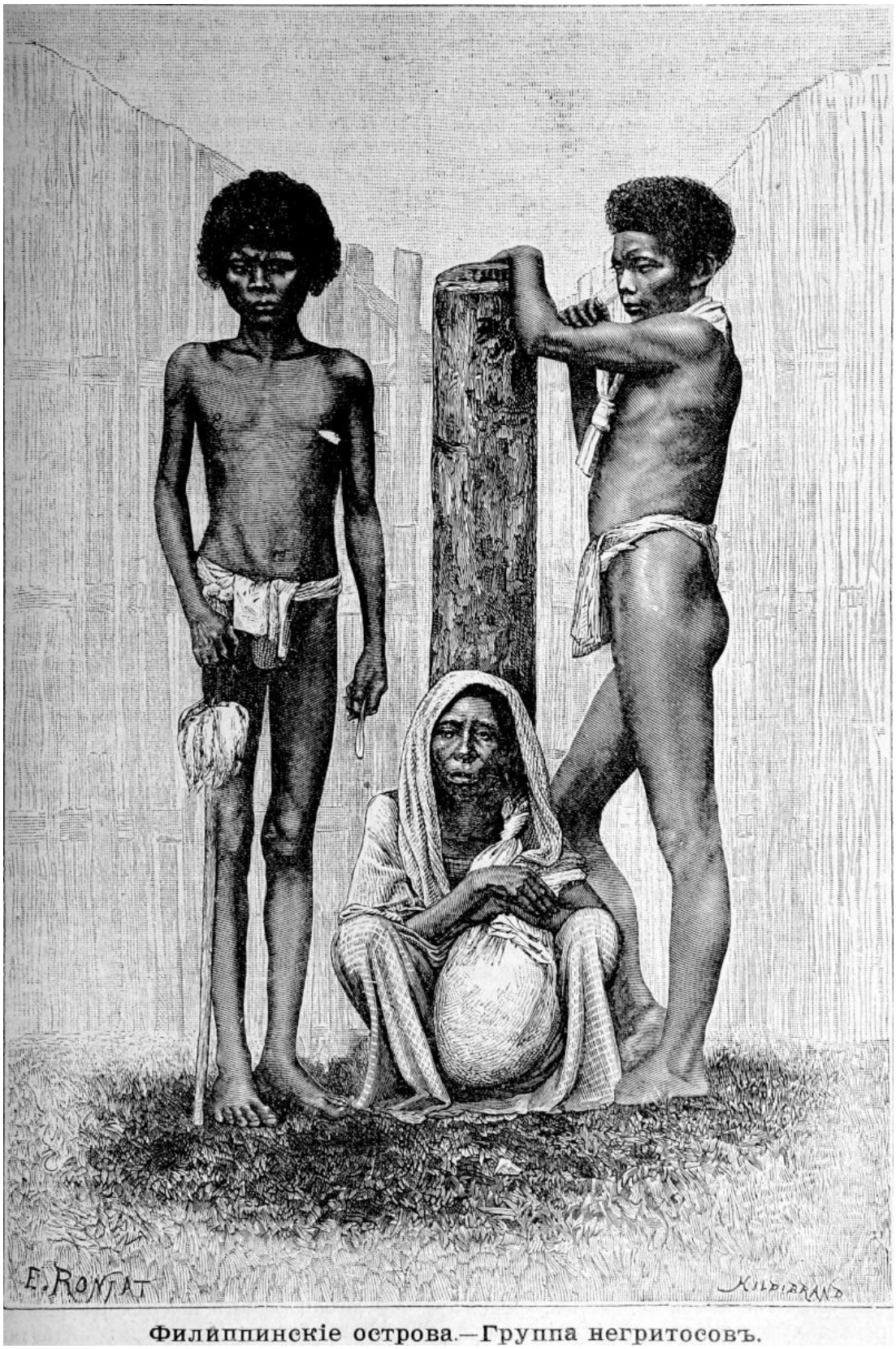
Менее многочисленны, чем китайцы, арабы, но, благодаря мусульманской религии, влияние их, сравнительно, значительнее; принадлежа к избранной расе, имея за собою воспоминания о прежнем господстве, арабы представляют в глазах явайцев нечто священное, и в

1 W. R. Hoevellin; Bosch, „De vrije Arbeid of Java“; S. E. W. Roorda van Eysinga, упом. соч.

2 O. Kunze, упом. соч.

3 „Eenige opmerkingen eu bescbouwingen over den Toestand in Nederlandsch Oost-Inde“, etc.

особенности те между ними, которые совершили путешествие в Мекку. И однако же индустриальные занятия арабов те же, что и китайцев; в качестве посредников при торговле, арабы, в свою очередь, тоже живут на счет явайских земледельцев. Некогда явайские арабы по-



Филиппинскіе острова.—Группа негритосовъ.

чти все были более или менее смешанными потомками древних властителей страны; но в текущем веке, к торговым явайским городам направились также и другие арабы: таковы переселенцы из Гадрамаута, численность которых в 1885 году достигла приблизительно одиннадцати тысяч, и число которых, благодаря легкости пароходных сообщений, всё увеличивает-

ся. Занимаясь в особенности продажею европейских товаров, явайские арабы держатся пока в стороне от других жителей, и в семействах тщательно сохраняют сокровищницу своего языка; но все мужчины, со всем тем, говорят и по-малайски. Несмотря на недостаточность училищ, все умеют читать и писать, а некоторые из них обладают даже истинною эрудициею в вопросах, касающихся мусульманского богословия, юриспруденции или грамматики. Весьма трезвые, весьма преданные своему семейству, а также и своему клану, весьма уважающие предков и завещанные ими обычаи, яванские арабы в большей своей части достигли благосостояния и снискали благорасположение голландского правительства, вполне избегнув, при этом, ненависти туземцев[1].

Что касается европейского населения, присчитывая к нему даже и тех, кто, по своему занятию или культу, «уподобился европейцами», то «европейцев» в четыре или в пять раз менее, чем китайских колонистов, и в четыреста тридцать раз менее, чем туземцев (в 1895 г. европейцев на Яве и Мадуре: 51.500). Чужеземные властители исчезают, так сказать, в том людском море, которое их окружает. А если строго придерживаться цвета, к чему расовые предубеждения побуждают ещё статистиков и в Соединенных Штатах, то число «европейцев» на Яве было бы ещё незначительнее; большое число женщин в семействах белых в действительности имеют уже смешанную кровь. Чиновники и служащие, основавшиеся в крае и поженившиеся на туземных женщинах, обязаны рачительно воспитывать своих дочерей; порою даже, когда они не исполняют отцовских обязанностей в отношении своей семьи, местное правительство берет на себя заботу о воспитании метисок, которые должны современем сделаться супругами европейцев. Со второго же поколения, эти *пашта*—как их называют на Яве—считаются принадлежащими к белой расе, хотя бы у них ещё и оставались неизменными черты расы явайской[2]. Мужчины смешанной крови—которых с некоторым оттенком презрения называют *signo* или *liplap*, но к которым, однако, не питают чувства отвращения, существующего у американцев в отношении к мулатам[3]—равным образом находятся под опекою у правительства, при чём специально назначаются на должность писцов, клерков, землемеров и низших канцелярских служителей в публичных администрациях. Говорят, что эти метисы, понятливые, но ленивые, вялые и весьма тщеславные, мало плодовиты, и что их семейства угасают чрез несколько поколений; истина же в том, что они мало-помалу смешиваются с остальными жителями. С этими метисами слились также и редкие потомки тех португальцев, которые прибыли на остров в шестнадцатом столетии.

Переселению на Яву европейцев некогда сильно противодействовали высшие должностные лица Инсулинда, которые видели в громадных нидерландских владениях лишь удел, лен, предназначенный для эксплоатации в пользу государства, а вовсе не колонию для людей с инициативой. На основании декрета 1818 года, который долгое время оставался в силе, ни один европеец, нидерландец или чужестранец, ни даже бывший чиновник или отставной офицер, не имел права пребывать в Батавии, или в каком-нибудь другом городе Явы, без личного разрешения генерал-губернатора; по получении же такого разрешения, никто не мог отлучаться от избранного им местопребывания далее семи или шестнадцати километров: однажды назначенное местопребывание нельзя было переменить без согласия губернатора, а снабженный паспортом должен был строго следовать по данному пути: уклонение на три километра в сторону подвергало его ответственности по всем строгостям закона. Отныне доступ на остров более уже не воспрещен, и чиновники, солдаты и несколько покровительствуемых негоциантов уже не единственные посетители этой чудной земли; на Яву отправляются инженеры, агрономы и даже ремесленники, но, впрочем, редко с целью основаться там на жительство. Отправляющиеся в Инсулинд европейцы почти все лелеят надежду на возможность увидеть снова свое отечество, так как Ява перестала уже оправдывать некогда данное ей наименование: «кладбище белых». Годичная смертность между белыми, может-быть,

1 Van der Berg, „Le Hadramaut et les colonies arabes dans l'archipel Indien".
2 Wernich, „Geographich-Medicinische Studien".
3 Douwes Dekker (Mutlatuli), „Max Havelaar".

уменьшилась вдесятеро против предыдущего века. Именно по ван-Ленту, из пребывающих в Батавии белых умерло: в 1730 году—1 из 2,02; в 1825—1 из 8,31, а в 1850—1 из 20. Болезни, которые некогда опустошала европейскую колонию, ныне гораздо лучше известны и гораздо энергичнее излечиваются; голландские переселенцы научились жить наподобие явских туземцев, а гигиенические правила соблюдаются с большею тщательностью; для жилищ избраны здоровые местности, а дачные и лечебные станции, расположенные на различных высотах, позволяют постепенно менять климаты, сообразуясь с потребностями хилых и выздоравливающих. В нескольких километрах от удушающего зноя равнины можно вновь обрести прохладный воздух своего отечества. Тем не менее смертность европейцев на Яве ещё весьма велика, и болезни, в особенности же, *бэрибэри*, о которой полагают, что это анемическая лихорадка, иногда ужасно свирепствуют между солдатами всех национальностей, доставляющих голландской колониальной армий новобранцев. Переселенцам надо опасаться также ослабления их моральной энергии: они утрачивают бодрость и способность к почину.

Не будучи в силах внушать повиновение себе численностью, европейцы были вынуждены, подобно своим индусским или мусульманским предшественникам, заботиться о том, чтобы держать туземцев в послушании посредством некоторого рода религиозного страха. Обязанные оказывать своим властителям такие знаки почтения, которые походят на обожание, явайцы, кончают тем, что, действительно, начинают их обожать, умолять и страшиться, как лиц, располагающих жизнью и смертью. На дорогах, при проезде экипажа белого, ещё недавно все повергались ниц, даже на расстоянии 150 метров; шедший под зонтиком торопился его закрыть, оставаясь таким образом под лучами палящего солнца, и поворачивался спиною, остерегаясь поднять свой взор до лица властителя: перед белым толпа соблюдает благоговейное безмолвие. Яваец, получив письмо в присутствии белого, всегда передавал его прежде прочесть своему соседу[1]. Для всех белых на Яве первейшим правилом является упрочение обаяния своей расы, давая чувствовать те границы, которые должны отделять туземцев от их властителей, благородных *оранг-пути* (orang-pouti). В колониях, недавно было запрещено европейцам занимать место слуги, даже быть кучерами или садовниками. Офицер или солдат из белых, присужденный к какому-нибудь позорящему наказанию, отсылается тотчас же в Голландию для понесения кары, о которой не должны знать туземцы, так как, иначе, могло бы пострадать соблюдаемое ими уважение к их властелинам. На этом же основании, до 1864 года, было запрещено явайцам изучать голландский язык и посылать своих детей в училища белых: низшему созданию не следовало настолько образовываться, чтобы понимать язык своего господина. Правда, что малайцам, которые считались менее низменною расою, дозволялось обучаться голландскому языку, так как для завоевателей было необходимо создать между своими подданными различные и враждебные категории: но чиновники не потерпели бы, чтобы слуга обращался к ним на благородном языке: дома у них говорят по-малайски, да и они сами говорят на этом языке, так как чистый нидерландский язык не должен осквернятся прикосновением к уху профанов, которые, впрочем, легко научаются понимать его. Малайский язык, обиходный во всём Инсулинде, является оффициальным языком для всех административных и судебных дел. Недавно он всегда изображался арабскими буквами, но теперь и на письме, и в печати всё более и более распространяется изображение его при посредстве латинской азбуки.

Таким образом, голландские властители, хотя и окруженные многочисленными слугами, с которыми они, впрочем, обыкновенно обращаются очень хорошо, остаются как бы в высшем мире, отделенными от толпы. Прежде они остерегались возвышать явайца путем образования, и ныне ещё они остерегаются приближать его к себе, поощряя миссионеров к проповеданию туземцам истин христианской религии. В сущности, явайцы ещё язычники, обожатели предков и сил природы, приписывающие духам всё совершающееся с ними в жизни. Их религию обозначали даже словом: «яваизм»; однако, у них сохранились много-

1 W. B. d'Almeida, „Life in Java".

численные индусские обычаи, а с тех пор, как ислам стал оффициальною религиею, они справляют мусульманские праздники с рвением, возрастающим с каждым десятилетием; среди них завелись секты особых ревнителей, какова напр. секта наксибендеев, naksxibendi, а с тех пор, как разрешено паломничество в Мекку, тысячи явайцев пользуются этим дозволением: возвращаясь домой в арабском одеянии, они называют себя уже арабами. Насколько возросло число таких странников, видно из того, что при прежнем строе управления, в 1850 году, их было 69; а с 1880 по 1886 год в Мекке перебывало: 33.970 человек, т.е. в среднем, в год по 5.661. Магометанские школы всё более и более начинают посещаться на Яве, и недавно их было уже 16.760, с 255.148 ученик. Некоторыя христианские легенды также вошли в явайскую мифологию[1]. Подобно своим братьям по расе, мадагаскарским ховасам и молукским островитянам, жители Явы стали бы христианами, если бы это было им приказано; но к совершению этого их вовсе не побуждали, и часто даже не разрешалось поселение на острове миссионеру, если он не был голландцем[2]. Исповедующих религию белых насчитывается поэтому едва лишь одиннадцать тысяч среди явайцев.

Голландские должностные лица, желая избежать всякого соприкосновения с явайским населением, дабы не быть низведенными к человеческой мерке, предпочитают не проявлять свою власть непосредственно, и их воля доходит до народа чрез посредство туземных начальников. Явайские «регенты», потомки туземных государей, с виду сохранили свое господство и, благодаря богатым окладам, а также и причитающимся им долям из налогов, могут поддерживать свой ранг и свою пышность; но, взамен этого, они должны слушаться советов приставленных к ним голландских «резидентов»; при этом, обязанные повиноваться, они, тем не менее, ответственны за свои распоряжения. Таким образом действия должностных лиц замаскированы от самого верха до низа административной лестницы, и управляемые вовсе не участвуют в выборе своих управителей. Однако, жителям предоставлено право избрания начальников деревень, на которых возлагаются: распределение земель, работ, натуральных повинностей и заработной платы; и этот «выбор» своих должностных лиц самими поселянами делает их ответственными за участь, которая выпадает на их долю. Но стоит избранному старшине оказаться не «любым» в высших сферах, как он тотчас же смещается.

Торг невольниками прекратился на голландских островах к концу семнадцатого века, и собственно рабство не существует на Яве уже с 1860 года, когда около пяти тысяч человек перестали оффициально принадлежать своим господам из голландцев, китайцев или арабов. Однако, можно ли сказать, что остальное население состоит из свободных людей, если это население обязано принудительною работою в пользу правительства? Пока власти непосредственно не вмешивались в управление работой, ограничиваясь требованием налога, установленного, во время английского господства, Стамфордом Раффльсом, смотря по достоинству земель, в половину, две пятых или треть урожая, результаты были весьма невыгодны для казны, вследствие чего недобор в поступлениях увеличивался год от году. Но в 1832 году, генерал-губернатор ван-ден-Бош получил полномочия для изменения существующего порядка, и с следующего года население уже должно было сообразоваться с новым способом культуры и уплаты налогов, прославившимся под именем «системы» и в большей части скопированным с тех порядков, которые были установлены при введении на Филиппинских островах монополии на табак; однако, так как изданные при этом постановления правительства в большей части согласовались с древними обычаями, или *адатом*, соблюдавшимся во времена господства туземных государей, то введенное преобразование не вызвало никакого кризиса.

В силу этой «системы культуры», которая должна была заменить поземельный налог, каждый земледельческий округ громадной явайской «фермы» был подчинен управлению контролера, который отделял пятую часть земли, остававшуюся за правительством или за его концессионерами, для разведения на ней индустриальных растений, по выбору правительства, наблюдал за тем, чтобы вся община работала каждый пятый,—впоследствии каж-

1 Emil Metzger, „Mittheilungen uber Glauben und Aberglauben bei Sundanasen und Iavanen“.

2 G. C. Burckhardt, „Kleine Mission-Bibliothek“.

дый седьмой,—день в пользу правительства, предписывал те или другие работы, поощрял и наказывал рабочих. В конце года правительство приказывало производителям поставлять ему различные экспортные продукты: кофе, сахар, индиго, чай, табак, корицу или перец, но по «рыночной цене», за вычетом двух пятых, в виде налога, и определенной суммы за перевозку. Однако, эта «рыночная цена», о которой гласило первое повеление и о которой продолжали упоминать также и последующие повеления, всегда устанавливалась правительством значительно ниже цены действительной, вследствие чего, по оффициальным статистическим данным, явайские земледельцы были обсчитываемы на такия суммы, которые, со времени введения «системы», достигают двух миллиардов. На одном только продукте, на кофе, этом «стержне нидерландского колониального режима», ограбление туземцев в пользу метрополии составило с 1831 по 1877 год громадный итог в 1.700 миллионов франков. Действительная рыночная ценность, после скидки налога, иногда превосходила втрое ту цену, которую правительство устанавливало для туземцев. Неудивительно, поэтому, что министр ван-де-Путте и многие другие голландские политические деятели обзывали такую эксплоатацию явайцев «системою презренною». Но, с другой стороны, так как вследствие таких правительственных мероприятий выгадывался значительный «колониальный» чистый доход, часто более пятидесяти миллионов, то, не обращая внимания на нищенство и голодание массы туземного населения[1], находились также и поклонника этой «системы», и некоторые экономисты восхваляли действия голландского правительства на Яве, как образец политической мудрости[2].

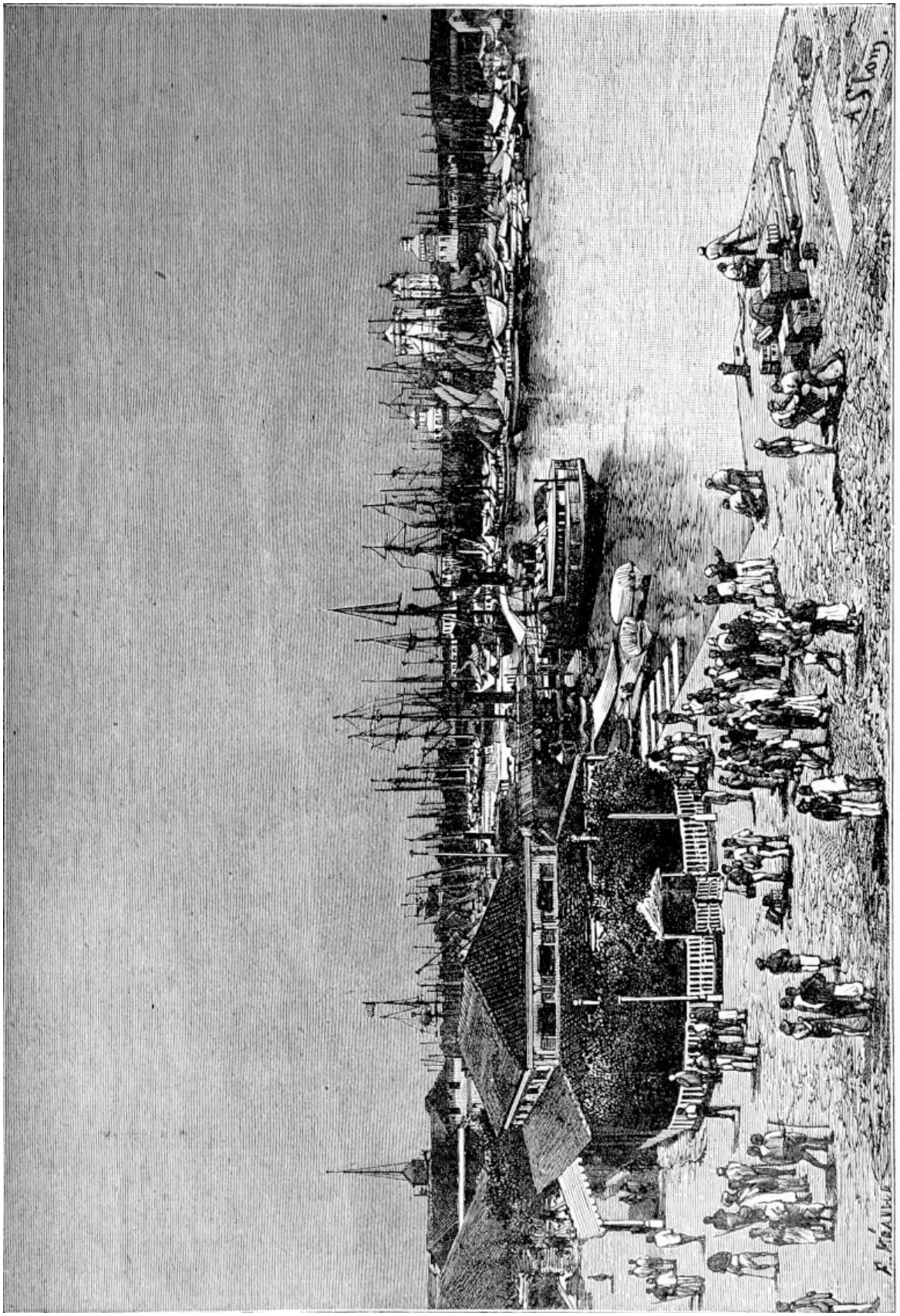
Правда, эра получения постоянных барышей, повидимому, окончательно миновала: атжехская война, затем опустошения, произведенные насекомыми в кофейных плантациях, и, наконец, увеличение бюджетных расходов—привели к дефициту, и таким образом ещё один лишний раз получилось доказательство тому, что монополия в конце концов влечет за собою разорение, и не только для обираемых, но также и для государства. В последние годы, описанная выше «система» подверглась большим изменениям. Принудительные работы отменены, по крайней мере на бумаге: остались только, так называемые, общеполезные работы: сооружения дорог, портов, каналов и административных зданий. Частные лица, которые могут арендовать у государства или у общин земли на 75 лет и более, должны сами доставать себе рабочих, без вмешательства правительства в составлении договоров о найме, а земли, которыми общины владели по праву наследования, уступлены им в полную собственность. Возделывание чая, табаку, индиго, кошенильного кактуса и корицы предоставлено личной предприимчивости; правительство оставило за собою только монополию на продажу сахара, до 1890 года; зато относительно самого прибыльного продукта, кофе, должна сохраняться прежняя система, впредь до издания новых законов.

Понятно, что система принудительного труда, т.е. замаскированное рабство, имело своим последствием умственный и моральный регресс нации. И если не существует исторических документов, которые позволили бы составить окончательное суждение о действительном состоянии явайцев в предшествовавшие эпохи, то оставшиеся от индусской эпохи, в различных частях острова, здания свидетельствуют неопровержимо, что тогдашния познания явайского народа в промышленности, в науке и искусстве значительно превосходили нынешния: «самые камни вопиют» о том, что люди с того времени принизились. Конечно, почин исходил тогда от индусов, но совершенные работы свидетельствуют о прогрессе, достигнутом их учениками. Да как было и не принизиться, не регрессировать расе, если почти в течение трех столетий туземное население постоянно держали вдали от школы, из опасения, чтобы оно не научилось мыслить и не попыталось бы, наконец, заполнить ту пропасть, которая отделяет его от господ. Даже и теперь, с 1871 года, на Яве, при её двадцати-трех миллионах жителей, имеется всего лишь несколько училищ, где дети туземцев могли бы сидеть рядом с европейцами (начальных туземных училищ на Яве открыто в 1887 году: 201, с 39.707 уче-

1 W. R. van Hoevell, упом. соч.

2 I. W. Money „How to manage a Colony“;—Alfred R. Wallace, „The Malay Archipelago“.

никами); как говорят регенты, «было бы не благоразумно оттачивать ножи простонародья против его собственной груди». Рабство может лишь принизить порабощенных; но, вместе с этим, не принижает ли оно также и господ? И разве голландская нация в наши дни может



Манилла.—Общій видъ порта.

быть приравнена к тому свободному народу, который изгнал испанцев и устоял против армий Людовика XIV?

В явайских общинах земля остается неподеленною. Государь всегда считается верховным

её собственником, но коллективное пользование полями, обработываемыми поселянами, принадлежит им: вместе с общинною землею, они образуют органическое целое, так называемую «*dessa*», и не понимают другого способа владения землею. Тщетно в различных местностях делались попытки для восторжествования порядка частной земельной собственности среди бедных возделывателей полей; конечно, существует известное число участков, которые передаются по наследству в семействах, но общинная организация сохраняется: даже в том случае, когда предприимчивый человек разделает джунгли, то, по миновании известного времени пользования такою землею, она снова возвращается к обществу. По *адату*, община есть настоящее юридическое лицо: это она солидарно обязана уплачивать налоги и исполнять натуральные повинности. Как и в славянском *мире*, член дессы всегда владеет своим домиком и огородом и вместе с своими однообщественниками пользуется лесом и пустопорожними землями; но пахатные земли делятся между семействами, либо ежегодно, либо каждые три года, смотря по округам. К несчастью, последствием огромного увеличения числа жителей в течение последнего века было низведение доли каждого земледельца к весьма незначительному размеру: в некоторых областях эта доля равняется всего лишь двадцати арам, или и того меньше, а правительство не приходит на помощь общинам дарованием им принадлежащих ему неразделанных земель. В среднем, домик явайца стоит франков двадцать, а доход с его маленького наследия может достигать, самое большее, ста двадцати франков в год. Добыть столько же работой на господских плантациях ему очень трудно; следовательно, всё население видит, что его достатки постоянно уменьшаются и что ему угрожает плачевное обеднение; со всем тем оно ухитряется существовать, несмотря на налоги и принудительные работы. Но было ли бы то же самое, если бы в сорока тысячах общин создалась частная собственность, и если бы возрастающее неравенство земельных участков вскоре низвело почти все «собственности» к таким клочкам, которыми нельзя было бы пользоваться, или же лишало всякого имущества большинство пролетариев? Не уподобилось ли бы состояние Явы—конечно, относительно—состоянию Ирландии, и не было ли бы неизбежным в таком случае её обезлюдение? В провинции Бантам помещики, во время владычества англичан, уже имели возможность образовать большие частные вотчины, и там именно земля, принадлежащая почти всегда отсутствующим владельцам, всего хуже возделана; обездоленных там больше, чем где-либо в ином месте; голод случается чаще, чем в других провинциях и, уже неоднократно, побуждал жителей к восстаниям. Прославленный роман *Max Havelaar*—столь глубоко взволновавший в Голландии умы—красноречиво описывает плачевное состояние бантамских крестьян, и это положение дел не изменилось ещё и до сих пор. Средний заработок в день, в 1882 году, на Яве составлял: в провинции: для ремесленника—от 1 до 2 фр, для чернорабочего или кули—от 25 сант, до 1 фр.; в Батавии для ремесленника от 75 сант. до 3 фр., для чернорабочего или кули—от 25 сант. до 80 сант.

Главная культура, которою живет явайский крестьянин,—рис. Во многих округах, рисовое зерно составляет исключительную пищу: поэтому-то Ява, несмотря на громадную годичную производительность риса, доставляет его для вывоза, в сравнении с Бирманией и Кохинхиною, лишь незначительное количество. Так, напр., урожай в 1885 году дал риса 4.370.000 тонн, т.е. по 190 килограммов на душу населения, а между тем вывоз, в 1887 году, составлял всего лишь 71.252 тонн. В общем, пространство под рисовыми полями превосходит 2.450.000 гектаров, при чём возделывают не только болотистые низины и долинки на склонах, превращая их в блистающие на солнце, правильно орошаемые и параллельными ступенями возвышающиеся, в виде амфитеатра, так называемые *sawah*, но, кроме того, пользуются *tegal*'ями, т.е. сухими почвами, на которых произростают самые питательные виды риса, и склонами гор и холмов, вплоть до высоты в 1.300 метров над уровнем моря; в последнем случае, над рисовыми плантациями располагаются плантации кофейные. После сбора риса, вода из всех имеющихся на плантациях водоемов спускается, а размножившаяся в них в течение года рыба вылавливается. Вокруг савахов господствуют эпидемические лихорадки; но они, однако, не производят таких опустошений, как в других краях, даже и более удаленных от экватора; сравнительно меньшая опасность явских рисовых плантаций

зависит от того, что земледельцы, не позволяя застаиваться водам, постоянно поддерживают в них течение, а также оттого, что свои селения они густо обсаживают большими деревьями. На острове Мадуре, почва которого почти повсюду слегка волниста, вместо риса преимущественно возделывают кукурузу, которая там является главным питательным растением[1].

Хотя сами явайские земледельцы никогда не пьют кофе, но каждый из них, обитая в такой области, в которой возделывание кофейного дерева предписано правительством, обязан культивировать его в количестве шестисот пней, а в случае неуспеха должен доставить черенки для новой такой же плантации. Кофейное дерево—это то растение, которое дает, или по крайней мере давало, Голландии «колониальные излишки», и которое, вследствие этого, и навлекло на туземцев жестокий режим принудительных работ. В 1886 году, принудительно возделывать кофе пришлось 475.000 семействам, принадлежащим к 6.650 деревням. Это растение,—которое должно было современем получить экономическую ценность гораздо большую, чем пряности, «самые драгоценные сокровища Индии», было введено на Яве лишь в последние годы семнадцатого столетия, а первый вывоз кофе из явских бухт последовал в 1711 году и всего лишь в количестве четырехсот килограммов[2]. Ныне, в общем итоге производства кофе во всём мире, на долю Явы выпадает от одной шестой до одной восьмой, т.е., в среднем, до шестидесяти миллионов килограммов, ценностью на пятьдесят миллионов франков. По значительности сбора кофе, Ява была превзойдена только одною Бразилиею; однако, если бы территории обеих этих стран были одинаковы, то вывоз кофе с Явы всётаки превышал бы вывоз его из Бразилии. С тех пор, как Ява, после наполеоновских войн, снова возвратилась к Нидерландам, возростание культуры кофе увеличивалось из десятилетия в десятилетие. Но ныне, хотя в этом отношении с правительством и стали соперничать многочисленные частные собственники, тем не менее производство кофе не только не увеличилось, но, повидимому, даже уменьшилось. В 1876 году, страшный грибок *hemileia vastatrix*, уже произведший разрушения на Цейлонских кофейных плантациях, показался на плантациях Суматрских, а три года спустя он проник также и на Яву; затем, кофейное дерево приходится защищать также и от других паразитов, именно от насекомого *xylotricus quadrupes*; вообще, площадь под правительственными кофейными плантациями, превосходившая 250 миллионов, уменьшилась до 136 миллионов, и для обработки их, вместо 775.000 семейств, привлекалось уже не более 475.000[3].

Ныне явские плантаторы возлагают большие надежды на кофейное дерево из Либерии, так как оно не боится ни hemileia vastatrix, ни xylotricus quadrupes; но заменить новыми двести миллионов деревьев,—это целый экономический переворот. Явайцы окружают кофейные плантации кустарником с красною листвою для отпугивания кабанов[4], и в большей части плантаций, вновь посаженные деревца защищены от солнца шпалерами из *dadap*'а или *erythrinae*. Маленький грызун, *paradoxus musanga*, питается кофейными бобами, съедая только их оболочку. Кучки такого кофе *musang*, встречаемые там и сям на плантациях, доставляют самый изысканный напиток. Вот некоторые статистические данные относительно производства кофе:

В 1816 г. на правит. плантациях собрано 3.000 тонн; в 1850 г. 60.000 тонн; в 1879 г. (самый удачный год в точение века) 79.400 тонн; в 1887 г. (самый неудачный год в течение полувека) 17.750 тонн; в 1879 г. на правит. и частн. плант. вместе получено 94.588[5] тонн.

Также как относительно кофе, остров Ява занимает в мире второе место и по производству сахара: он следует за Кубою и стоит впереди Индии, Филиппинских островов и Бразилии; добываемый на нём сахар—количество которого, впрочем, изменяется, смотря по изобилию дождей и другим явлениям климата,—в среднем, составляет одну десятую всего

1 K. W. von Gorkom, „De Oost. Indische Cultures".
2 L P. Vanden Berg, „Historical-Statistical Notes on the production and consomption of Coffee".
3 P. C. Huyser, „Indische Gids", 1888.
4 Otto Kunze, „Um die Erde".
5 „Indische Gids", 1883.

производимого на земном шаре тростникового сахара. Возделывание сахарного тростника—которого имеются многочисленные виды—один из древнейших промыслов на Яве: уже в 1650 году, в окрестностях Батавии, насчитывалось около двадцати заведений для выжимания сахарного сока; в начале же текущего века, число сахароварень перешло за сотню. В 1808 году, производство поднялось до 5.800 тонн; но в особенности быстры были успехи в данном производстве во второй половине текущего века, чем в большей части вознаграждались также и те потери, которые плантаторы несли от культуры кофейного дерева. Средний сбор сахара: с 1857 по 1862 г.—103.700 тонн; в 1875 г.—199.000 тонн; в 1887—418.000 тонн; в 1893 г.—487.000 тонн.

Участие в этом производстве правительства уменьшается ежегодно, в виду закона, обязывающего его к отмене принудительных работ и передаче своих сахарных плантаций частных предпринимателям; вскоре ему придется прекратить всякое соперничество с тем, что называется «свободным трудом», т.е. с эксплоатацией земледельцев туземными государями, банкирами и финансовыми товариществами, владеющими поместьями либо по наследству, либо вследствие аренды, либо путем покупки. Некоторые из плантаций, в особенности в «краю принцев», в Джокжокарте и Суракарте, снабжены такими снарядами для изготовления сахара, что они ни в чём не уступают самым лучшим заводам в Европе.

Возделывание чайного куста, доставленного в 1826 году из Японии, никогда не достигало на острове Яве такого значения, которое позволило бы соперничать на рынках с Китаем и Ассамом. Голландское правительство, взяв производство чая в свои руки, основало плантации во всех частях острова, но без большой пользы для себя, и с 1865 года эта промышленность вполне предоставлена частному почину. Среднее производство чая равняется приблизительно 2.400.000 килограммов; но в хорошие годы количество собранных листьев, впрочем, среднего качества, поднимается более, чем до 3 милл. килограммов (в 1891 г.—3.332.000 килог.). Другие явские растения, доставляющие либо питательные вещества, либо приправы к пище, имеют ещё меньшую ценность в мировой торговле. Деревья шоколадное, гвоздичное и коричное—сравнительно не многочисленны, и даже перечное дерево, некогда составлявшее богатство Бантамской провинции и бывшее главною причиною того, что голландская компания завладела этим краем, перестало быть таким растением, возделывание которого приносило бы выгоду. Что же касается кокосовых деревьев, то их на острове насчитывают 25 миллионов, при чём десять миллионов этих растений приносят плоды.

Табак представляет один из таких продуктов, который, несмотря на большия колебания цен, имеет самое большое значение в вывозной явайской торговле. Именно, вывоз явайского табаку, в килограммах равнялся в 1831 году, 114.680; в 1864 году, достиг 7.875.075 кил., а в 1882 году—даже 16.633.000. Кроме того, весьма значительно также потребление табака на месте. Подобно большей части других растений, культура которых достигала большего развития, перестало быть монополией правительства также и возделывание табака, перейдя в руки концессионеров. Китайские спекуляторы эксплоатируют также для местной торговли и эту промышленность; но возделывание мака для получения опиума им воспрещено: покупать опий они должны у правительства, при чём привозится он из Индии, Персии и Малой Азии. Индиго, бывшее одним из предметов, всего ревностнее охраняемых при посредстве монополии, ныне предоставлено частной культуре и не перестало быть ценным продуктом в явайском земледелии, несмотря на наплыв красящих веществ, добываемых из каменного угля. После Английской Индии, впрочем, оставаясь весьма далеко позади её, Ява доставляет наибольшее количество индиго. Так, в 1887 году, производство его достигало 817.000 килограммов. Что касается прядильных растений: хлопчатника, джута и китайской крапивы, то возделывание их не обширно; туземцы употребляют также пух, который слетает с плодов капока или ранду (*eriodendron anfractuosum*). Это же самое дерево употребляют и в качестве поделочного столярного дерева. Известно, какую важность в индустрии, при построении кораблей, зданий и мебели—приобрело драгоценное тековое дерево (bois de tek)—*djati* явайцев,—леса которого ещё занимают поверхность в шесть тысяч квадратных километров. В

самое последней время, для возобновления облесения Явы, прибегли также к не менее драгоценному дереву—хинному. Разводки были привезены с острова Реюньона в 1852 году, а в 1854 году ботаник Хасскарл, доставив более четырехсот черенков из Южной Америки, развел обширные опытные сады на склонах Жедэ и Малабара. Девять лет спустя, на плантациях острова уже насчитывалось 540.000 деревьев в лесу и 600.000 в питомнике; однако, выбранная разновидность принадлежит к тем породам хинного дерева, которые малоценны: таким образом, её должны были покинуть для других разновидностей, имеющих более богатую корку, именно для *calisaya*, которую недавно стали разводить в горных странах Английской Индии. В 1888 году, парки и питомники явского правительства содержали более 3.700.000 деревьев лучших пород, произрастающих на различных высотах, от 1.250 до 1.950 метров над уровнем моря; сбор коры в 1891 году доставил 3.134.250 килограммов. Затем соперничает с государством также и частная промышленность. При этом, вследствие хорошего выбора черенков и прививки, в конце концов удалось получить такия деревья, кора которых содержит[1] до 11% и даже до 13% хинина.

Домашних животных на Яве нет в таком количестве, которое было бы достаточно для поддержания земледельческих работ. В особенности бедна западная часть острова: в крайней западной провинции, Бантаме, на тысячу жителей приходится всего 94 животных: лошадей, буйволов и быков; в крайней же восточной провинции, Банжуванги, число таких животных достигает уже 830, и это относительное возрастание численности рабочего скота от одного берега к другому совершается довольно правильно. В 1890 г. на Яве насчитывали следующее количество скота:

Буйволов—2.634.637, крупного рогатого скота—2.353.477, лошадей—534.617 голов.

Следует присовокупить, что во второй половине текущего века во всех частях острова наблюдалось уменьшение рабочего скота, в то время, как численность народонаселения значительно увеличивалась; иногда свирепствовали эпизоотии среди рабочего скота: так в 1880 и 1881 годах, земледельцы в западных провинциях потеряли около 150.000 волов и буйволов. С тех пор, количество скота, хотя снова и возросло, но большое число общин не может обзавестись им в такой мере, которая была бы достаточна для выполнения полевых работ. Явские лошади, будучи потомками животных, вывезенных из Аравии, сильно уменьшились ростом, но сохранили бойкость и выносливость: в особенности хвалят скакунов из провинции Шерибон и рабочих лошадей из провинции Кэду: однако, эти животные не могут сравниться в ретивости и в совершенстве форм с суматрскими пони.

Большую часть домашних птиц явайцы получили из Европы; их пруды, как равно и воды их бухт, содержат многочисленные виды рыб. Не считая земледельцев, владеющих водоместилищамп, тысяч около пятидесяти людей только и занимаются тем, что ловят рыбу в море; однако, всё добываемое рыбоводством и рыболовством потребляется на месте же, и только голотурии, да плавники акул отсылаются в Китай. Известно, что гнезда саланган (*collocalia esculenta*), по качеству превосходящие гнезда с других островов, также предназначены для рынков Кантона и других китайских портов; для получения же этого драгоценного продукта, продающагося по четыреста франков за килограмм, жители около береговых круч, в особенности в «регентствах» провинции Преанга, спускаются по тростниковым лестницам ко входам в пещеры, в которые и проникают, устраивая висячия галлереи над клокочущими водами. В низменных областях побережья, прежния бухты, превращенные в солончаки, разрабатываются правительством, и добываемая соль продается его инсулиндским подданным. И хотя солеваренное производство увеличивается с каждым десятилетием, тем не менее среднее потребление соли обедневшими явайцами уменьшается. Часть добытого продукта вывозится на соседние острова. В 1885 году, на Яве и на Мадуре количество добытой соли равнялось 57.000 тонн, т.е. $2^1/_2$ килограммам на человека. Ценность же соли достигала 13.175.000 франков.

Новейшая промышленность с её мощными механизмами проникла на Яву для доставле-

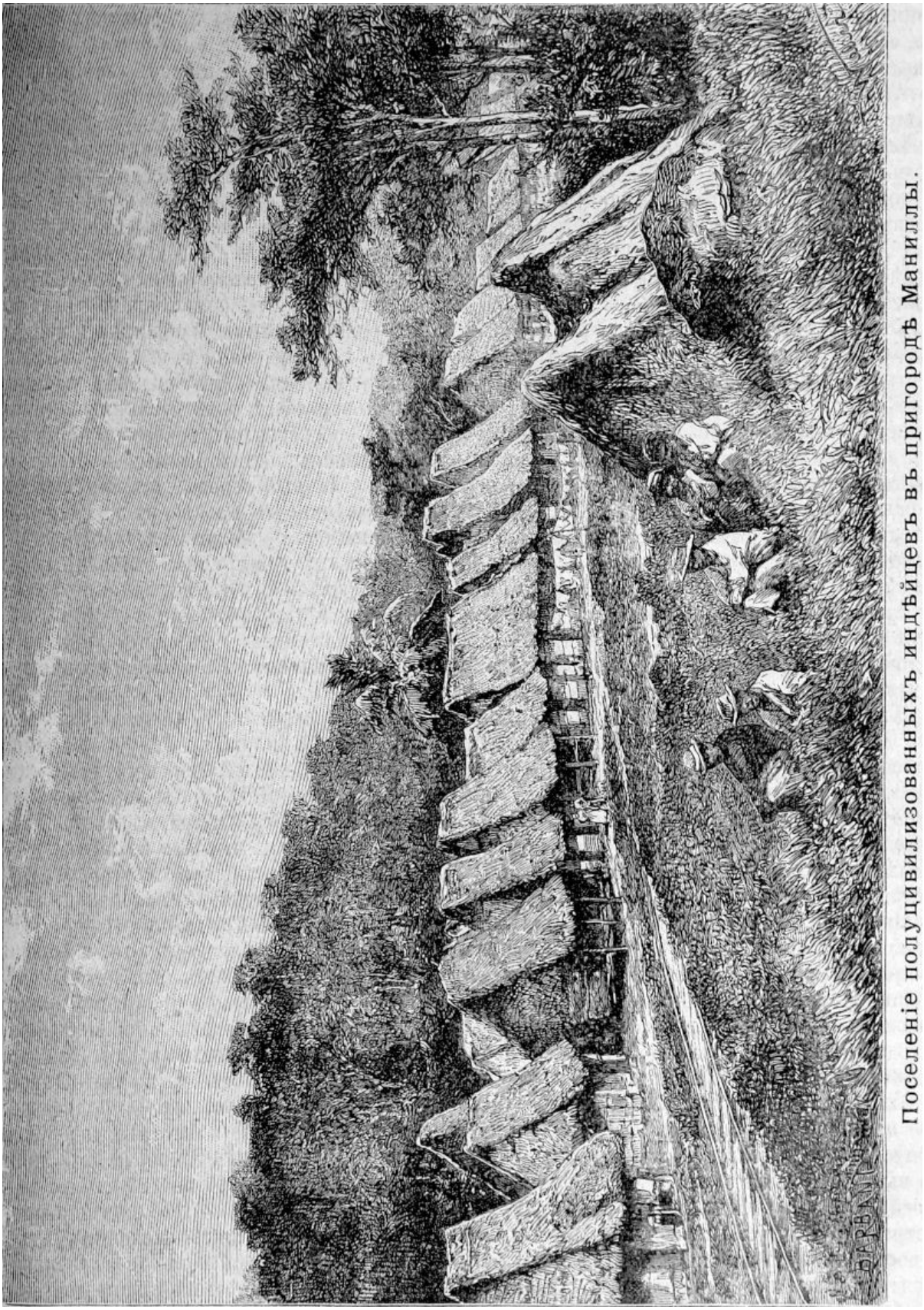
1 Henri O. Forbes, „A Naturalist's Wandering in the Eastern Archipelago".

ния своих услуг только большим сахароваренным заводам, портам и железным дорогам. Во всём остальном явайцы остались ещё при своих традиционных ремеслах, для фабрикации предметов для домашнего обихода и для местного потребления. Женщины изготовляют ткани и украшают их нелинючими цветами, опуская в красильные чаны после залепления воском тех частей, которые должны оставаться белыми; мужчины обрабатывают металлы и умеют приготовлять из них изящное оружие, в особенности *kriss*'ы, т.е. кинжалы с изогнутым клинком. В «княжеских» землях Джокжокарты сохранилось во всей целости производство гонгов и музыкальных инструментов для оркестра или *gamelang*'а: ряда колоколов, цимбал, барабанов, ручных колокольчиков, и медных или бамбуковых язычков, ударяя по которым молоточком, музыкант аккомпанирует, как при театральных представлениях, так и во время танцев рунгенг или баядерок. Самые умелые ремесленники на острове Яве—китайцы: к ним, именно, и обращаются европейцы, в особенности в тех случаях, когда для выполнения работ требуется искусство и вкус. Да искусство и не могло бы развиваться у голодающего народа, у которого всё подчинено неотложным потребностям материальной жизни, и который вынужден совершать работы громадными массами, при чём рабочим не предоставляется никакой возможности для личного почина.

Проезжия дороги, по крайней мере между главными городами, хорошо проведены и отлично содержатся, с широкими боковыми тротуарами и дополнительными алеями для тяжелых повозок. Главным путем служит большая военная дорога, длиною в 1.303 километра, построенная между Анжером и Банжуванги, по приказанию грозного Даэндельса, называемого явайцами ещё и до сих пор «великим громовержцем». Бамбуковые мосты, весьма остроумной постройки и чрезвычайной прочности, несмотря на кажущуюся непрочность, переброшены чрез потоки и даже чрез реки. Ревнуя о своей политической обособленности, голландское государство долгое время отказывалось строить железные пути для облегчения сообщений между различными частями острова и предоставления путешественникам возможности свободно проникать в мало-известные области внутри страны. Лишь в 1872 году была открыта первая железная дорога на Яве, которая соединила столицу, Батавию, с Буитензоргом, этим Версалем губернатора. С того времени железнодорожная сеть развивалась лишь медленно, и ей ещё далеко до окончания тех главных линий, на необходимость проведения которых явственно указывает самое строение острова. В эту основную сеть, очевидно, должны входить, во-первых, обе береговые линии, направляющиеся от одной оконечности Явы до другой, и, во-вторых, те поперечные линии, которые, будучи проведены по долинам между массивами вулканов, соединят, на известных расстояниях, друг с другом, западное и восточное побережья. Хотя многое ещё в сети железных дорог вполне не окончено, тем не менее, соединение трех больших портов острова: Батавии, Семаранга и Сурабайи—с богатыми и населенными округами внутри страны уже весьма сильно содействовало увеличению торговли, потребностям которой служат, кроме того, пароходы, в определенные сроки плавающие между пристанями вокруг острова, а также ходящие и по направлению к другим портам Инсулинда. Больше половины железнодорожных путей принадлежит государству. В 1897 г. общая длина открытых для движения железных дорог на Яве была 1.764 килом., а строящихся—663 килом. Государству принадлежит также и большая половина телеграфной сети на острове, которая чрез Сингапур соединяется с сетями индийскою и европейскою, а чрез Тимор с Австралией. В 1895 г. казенная телеграфная сеть в Нидерландской Индии равнялась 8.306 километрам, передано было телеграмм 614.066; а в 1.388 почтовых бюро принято и отослано писем: по внутренней корреспонденции—14.176.214, по заграничной—3.497.516. Мореходные общества, владея, все вместе, более, чем шестьюдесятью пароходами с грузоподъемностью в сто тысяч тонн, соединяют острова архипелага друг с другом и с Европою.

Главная часть торговли острова Явы ещё до сих пор совершается непосредственно с Нидерландами, хотя с 1874 года закон и уничтожил дифференциальные пошлины для заходящих на Яву судов других наций, и хотя в то же время сильно уменьшены также для большего числа товаров пошлины, как ввозные, так и вывозные. Все вывозные товары, принадле-

жащие, вследствие монополии, правительству, отсылались в Голландию при посредстве общества *Handel-Maatschappij*, основанного в 1824 году и снабженного королевскими привилегиями, частью которых оно пользуется ещё и до сих пор. Общество это в представлении



Поселеніе полуцивилизованныхъ индѣйцевъ въ пригородѣ Манилы.

жителей отожествляется с государством, и действительно эта компания—которая некогда эксплоатировала богатства Инсулинда, приобрела миллиарды, а в конце прошлого столетия обанкротилась, с долгом в 252 миллиона франков,—обладала всеми правами государей. Со

времени провозглашения в 1874 году свободы торговли, товарообмен с Великобританией достиг значительного развития. Англия покупает сахарный песок и расплачивается за него хлопчатобумажными тканями и мелким товаром. В 1886 году, ввезено из Великобритании товаров на 78.999.450 франк.; вывезено же на 31.665.875, так что торговый оборот простирался 110.636.325 франков. Китай, Соединенные Штаты и Франция также поддерживают с Явою известный товарообмен. Явайские матросы обнаруживат удивительную ловкость и отважность, «в лазании по снастям они уступят разве обезьянам»[1]. Вот некоторые статистические данные как о внешней торговле Явы и Нидерландского Инсулинда, так и о судоходстве в портах этих областей:

Внешняя торговля Явы и Мадуры в 1895 году, без непосредственны торговых операций правительства:

Ввоз—103.004.000 флоринов. Вывоз—151.733.000 флоринов.

Общий итог торговли Нидерландского Инсулинда в 1895 г., вместе с торговыми операциями правительства: по привозу—161.530.000, по вывозу—225.287.000 флорин.

Прибыло и вышло в 1895 году:

Судов по заграничной торговле 5.108, с вместимостью в 4.383.000 куб. метров.

Торговый флот голландской Индии в конце 1895 года состоял из 2.002 судов, с общею вместимостью 244.340 кубич. метр.

В начале семнадцатого столетия пристанью для заграничных торговых судов, а также и главным складочным местом был город Бантам, расположенный около северо-западной части острова, на берегу полукруглой бухты, хорошо защищенной от северных ветров цепью островов и островков, но загражденной илистыми мелями, стеснявшими судоходство и превращавшими дивный округ в нездоровую местность. В Бантаме голландцы основали свою первую факторию, в 1596 году, и старинные гравюры представляют его обширным городом, великолепными зданиями и превосходным свайным волнорезом[2], но ныне павшая столица представляет лишь бедное село, домики которого скрываются под сенью пальмовых деревьев; однако же, Бантам сохранял свою мечеть, остающуюся ещё от того времени, когда на острове не показывались европейцы; также целы и могилы его государей и имамов. Подобно всем древним городам, Бантам считается туземцами священным, и в известные праздничные дни китайцы отправляются туда продавать бумажные фонари и знамена. Наименование «Бантам» осталось за провинцией, но местопребывание администрации переместилось: резиденциею её ныне служит небольшой город Серанг, расположенный километров около двадцати южнее, на берегу ручья, выходящего из ущелий Каранга. В смысле первой пристани для моряков, приходящих из открытого моря, роль Бантама перешла к другому городу, к Анжеру, который в большей своей части был разрушен тою страшною волною, которая в 1883 году сопровождала извержение вулкана Кракатау. Наконец, как торговый центр, Бантам был заменен Жакатрою, городом, который голландцы прозвали Батавиею, и в котором они основали свои склады и форты.

Столица Явы и всей Нидерландской Индии занимает громадную площадь в сравнении с числом её жителей: от крайних её молов до кварталов, наиболее вдавшихся вглубь земель, расстояние по прямой линии превышает двадцать километров. Правда, что на этой площади, в действительности, находится несколько городов, соединенных друг с другим каналами, дорогами и аллеями. Старый город, основанный в 1619 г., был построен на краю моря, на правом берегу реки или *тжи* Ливонг, при чём цитатель с четырьмя заостренными бастионами была возведена на искусственном островке при входе в узкий канал. Мало-по-малу Батавия действительно приняла наружность «батавскаго» города, с его каналами и рвами, с кирпичными домами в несколько этажей и со щипецами. Но дождь из пепла, извергнутого Сала-ком, засыпал каналы, в которых до этого вода была проточная; в нижних кварталах образо-

1 Windsor Earl, „Eastern Seas“.

2 Valentijn, „Bescrijving van Groot-Djava“ и т. д. 1726.

вались болота, а пляжи захватили полосу у моря[1]. Уже и без того нездоровая, Батавия сделалась ещё опаснее для её жителей и, кроме того, утратила выгоду прежнего своего нахождения около рейда. Ныне она находится в двух километрах от моря, на каковое расстояние, для достижения глубокой воды, пришлось продолжить также и превращенную в канал её реку. Оставляя, поэтому, склады сторожам из малайцев, а город кишмя кишащему китайскому населению, европейские резиденты покинули старый город для основания новой столицы в нескольких километрах к югу, на более возвышенных землях, при чём весьма много потратили стараний для проведения широких аллей, сохранения в целости рощиц и разбивки садов. Центральный квартал, *Weltevreden*, т.е. квартал «удовлетворенных», заключая в себе главные публичные здания и большие гостиницы, в сущности, столько же парк, сколько и город, и гуляя под сенью его деревьев, можно созерцать большую часть тропических растений, замечательных или блеском своей листвы, красотой цветов, величественностью облика, или причудливостью своих форм, каковы равеналы и всевозможные виды пальм. Вокруг Вельтевредена, расположенного в восточных рощах долины, и обширного луга, называемого Konings plein, т.е. «королевской равниной», на западном склоне, раскинулись другие кварталы, тоже усеянные садами и рощами, по которым вечерами прогуливаются европейцы, оставаясь всегда с открытою головою. Дачный город, тянущийся вдоль канала, соединяется на севере с старой Батавией и на юг продолжается вплоть до Meester Cornelis'a, другой группы рассеянных кварталов, которая хотя в административном отношении и отделена от Батавии, но в сущности принадлежит к одному и тому же с с нею организму. *Кампонги* поселян окружают эти три города своим поясом пальмовых деревьев. В Батавии пребывают самые старые и цветущие ученые общества Инсулинда: одно из них существует уже более ста лет. В городе есть медицинская школа, библиотеки, музей; в нём издаются научные журналы высокой ценности.

Четвертый город, тоже составляющий часть Батавии, только недавно основался: это приморский квартал Танджонг-Приок. Прежде у Батавии не было вовсе порта, и большие суда должны были бросать якорь вдали от рейда, который, впрочем, прекрасно защищен целою плеядою островов; лишь небольшие пароходы, да барки могли входить в канал. Каждый год наносы из тжи Ливонг и речки Ангеэ заносили илом подходы; линия пляжей всё быстрее и быстрее отодвигалась, ежедневно удаляясь от порта, в промежуток времени с 1817 по 1874 год, в среднем, на 32 метра[2]. Необходимо было, следовательно, обзавестись заслоном от морской волны, соорудя мол на глубокой воде; но о выборе для этого места долгое время спорили. Многие из моряков предлагали основать порт на северо-западе рейда, около острова Онрюста, на котором уже существует военно-морской арсенал; но в конце концов остановились на стрелке Танджонг-Приок, которая находится лишь в десяти километрах на северо-восток от старого города. В этой местности, берег, будучи немного выше, чем на соседнем побережье, выдвигается в море в виде песчаного мола и соединяется с валом повысившихся пляжей, который продолжается по направлению к востоку. Ныне два каменных мола, один длиною в 1.765 метров, а другой в 1.963 метра, начинаясь от вышеупомянутой стрелки, выдвинуты в море таким образом, что северные их оконечности загибаются, направляясь навстречу друг к другу, и оставляют между собою расстояние, не превышающее полутораста метров: чрез этот вход суда и вступают в огражденное набережною пространство, приблизительно в двести гектаров, которое столь удобно, что может служить якорною стоянкою для самых больших судов. Бассейны для ввода судов, сухие доки и судостроительные мастерские дополняют портовые сооружения, а самый порт, при посредстве железного пути, проезжей дороги и канала, проведенных по болотистым местностям, соединяется с остальным городом. По бокам этих путей сообщения, на укрепленной земле появляются уже деревни и возделанные поля.

Два больших местечка: Танжеранг—на западе и Бекази—на востоке, могут быть рассмат-

1 M. L. van Deventer, „Geschiedenis der Nederlanders op Java".

2 „Tijdschrift van het K. Institut van Ingenieurs", janv., 1887.

риваемы, как непосредственные дополнения, пригороды Батавии; проживающие в них китайцы постепенно привлекаются рынками Батавии, а благодаря железной дороге, Бекази составляет даже часть Батавии, служа дачным местом; но во всей этой местности уже не встретишь ни одного потомка тех голландских поселян, которые прибыли в средине восемнадцатого столетия[1]. В Танжеранге и его окрестностях, от сорока до пятидесяти тысяч сельских жителей занимаются во время мертвого сезона плетением из бамбуковых волокон шляп, корзин и цыновок, которые и скупаются для парижских магазинов китайскими купцами. Один только округ Тжилонгок выслал в 1887 году около 1.200.000 шляп, стоимостью около двух миллионов[2]. Южнее выдаются отроги вулкана Жедэ, к которым и направляется большинство европейцев, чтобы подышать чистым воздухом и поразмять свои мышцы. Буитензорг, т.е «Сан-Суси», был избран в 1774 году для построения загородного замка, который, путем последовательных расширений, превратился в одну из наиболее обширных резиденций: там обыкновенно и пребывают генерал-губернаторы Нидерландских Индий. Будучи расположен на высоте 265 метров, на лесистом холме, разделяющем долины тжи Ливонг и тжи Дани, Буитензорг позволяет созерцать дивные виды, открывающиеся на лесистые равнины, мрачные ущелья и гордые склоны, которые, красиво изгибаясь, поднимаются с одной стороны к Сулаку, а с другой—к Жедэ. Нигде на Яве, самородная растительность не представляет большей красоты, ни большего разнообразия, чем в Буитензорге, как равно нигде нет ботанического сада богаче и лучше расположенного, чем тот, аллеи которого змеятся вокруг дворца резиденции; в этом саду более 9.300 видов различных растений. Буитензорг лежит не настолько возвышенно, чтоб его можно было считать санаториею. Станция Синданг-Ляжа, в которую направляются больные и выздоравливающие, находится на высоте 1.070 метров, на южных склонах Жедэ, вблизи обширного опытного сада в Тжибодасе. Эта местность, как говорят, самая здоровая во всей западной части Явы, сотни солдат из Атжеха восстановили, пребывая в нём, свое здоровье, и неоднократно уже возникал вопрос об отсылке туда больных офицеров из французских гарнизонов Кохинхины[3].

К югу от Буинтензорга, железная дорога пересекает водораздельный хребет между обоими склонами острова,—оставляя на юге те слабо-населенные области, которые спускаются к бухте Вийнкоопс и к порту Плубуан-Рату,—подходит к важным станциям: Сукомбуми и Танджур, проникая в обширный, окруженный амфитеатром из вулканов бассейн тжи Тарум. Здесь-то и находится порт Тжикао, который был крайне важен ещё раньше открытия железной дороги, так как служил пристанью, в которой побережные прао нагружались продуктами извнутри острова. Восточнее, на высоте 741 метра над уровнем моря, стоит Бандонг, красивая столица «Преангских регентств», почти совершенно спрятавшаяся в зелени больших деревьев, и с господствующею над нею на севере удлиненною вершиною Тангубан-Праху. Миновав Бандонг, а также станцию Тжижаленку, железный путь пройдет чрез порог плоскогорья, для спуска в долину тжи Манук, где он соединится с ветвью к городу Гапуту, на юго-западе; затем, взобравшись и миновав другие восточные проходы, он достигнет южного берега, которым и пойдет к порту Тжилатжапу. Эта гавань, единственная на океаническом побережье, которая соединена железною дорогою с северным склоном Явы, представляет самое лучшее и самое надежное место для якорной стоянки на опасном южном берегу, благодаря прикрытию, которое представляет остров или вернее полуостров Кембанган; даже при низкой воде корабли находят на её баре глубину не менее $5^1/_2$ метров и могут бросать якорь на глубинах в 10 или 11 метров перед городом. Так как Тжиланжап представляет самый важный стратегический пункт на поморье, то он защищен укреплениями.

К востоку от Батавии, болотистый берег, окаймленный корнепусками и илистыми мелями, не имеет портов вплоть до Шерибонского залива, а местечки внутри страны, как Пурвакарта, главный города, провинции Краванг, населены лишь незначительно. Индрамажаэ, в

1 M. L. van Deventer, -Geschiedenis der Nederlanders op Java“.
2 „Indische Mercuur“, 1888.
3 Wernich, „Geographisch-medicinische Studien".

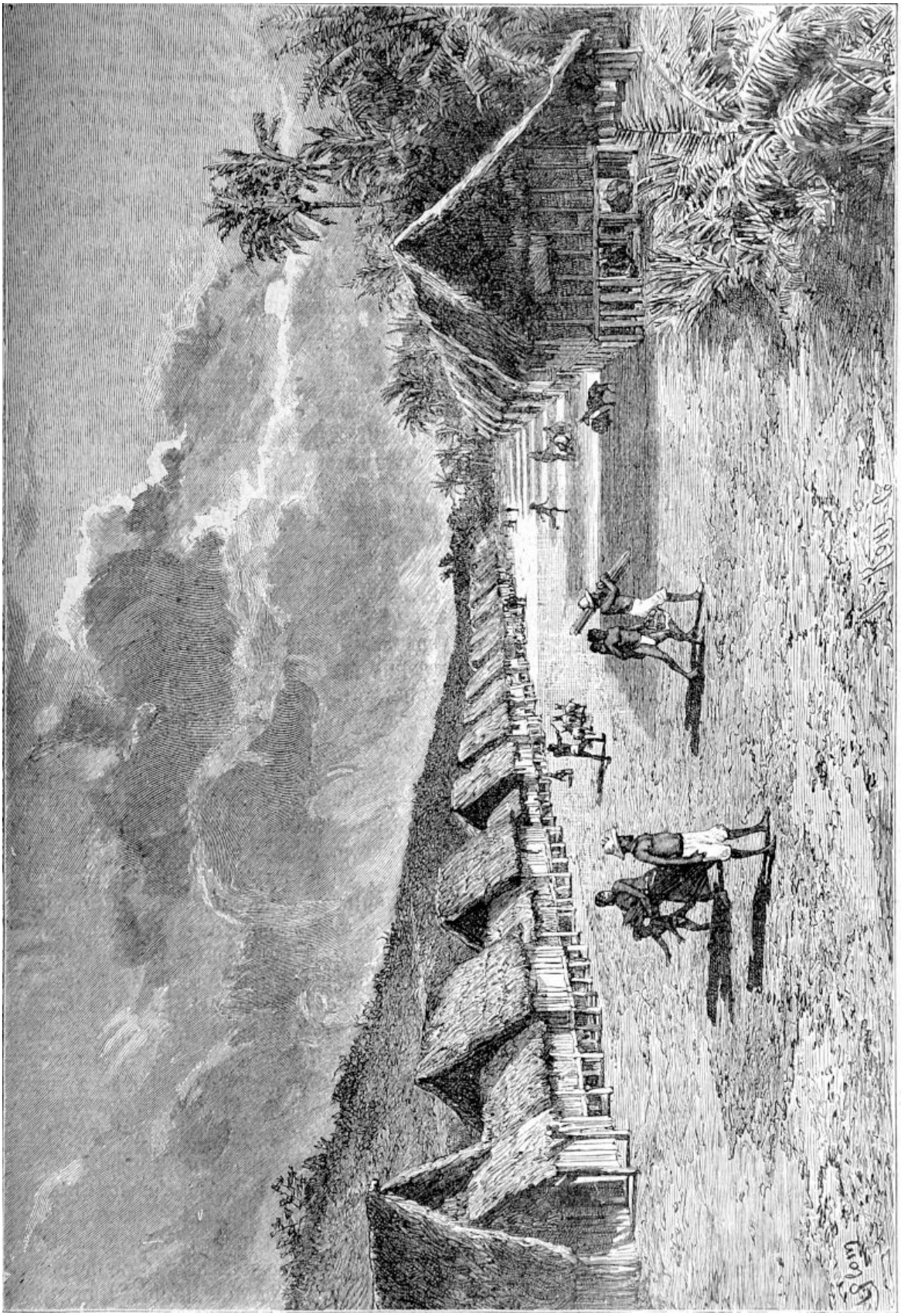
дельте *тжи* Манук, производящий на Яве самый лучший рис, представляет лишь небольшой приречный порт, доступный только судам среднего углубления. Провинция Шерибон, гораздо более населенная и более производительная, чем провинция Краванг, составляет одну из тех частей Явы, где более всего имеется малых городов и больших местечек; значительно же населенного города в ней не существует. Шерибон, столица, названная так от *тжи* Рибоны, на берегу которого город и выстроен, занимает второстепенное место между торговыми центрами на Яве; к тому же рейд, открытый северным и восточным ветрам, не представляет удобств для мореплавателей, вследствие чего большие корабли избегают заходить в него. Красивая порода шерибонских лошадей разведена в долинах вулкана Тжеримая, склоны которого сливаются с равниной неподалеку от города. Тегаль, столица провинции того же имени, подобно Шерибону, представляет лишь не защищенную от ветров якорную стоянку, и за продуктами, доставляемыми железными дорогами из Бэлапуланга и Пангки, суда заходят в неё не без опасения. Самым большим городом на северном берегу между Батавией и Семарангом оказывается Пэкалонган, расположенный на обоих берегах речки того же имени. Некогда он обладал монополией относительно продажи индиго, а женщины изготовляли там цветные материи, весьма ценимые.

Семаранг или Самаранг, расположенный около центра той вогнутой дуги, которую описывает берег, направляясь к полуострову Жапара, представляет на Яве одно из главных средоточий большой торговли; из него именно по преимуществу и вывозятся производимые «свободным трудом»: сахар, кофе, табак и индиго; благодаря этим вывозным продуктам, Семаранг соперничает с Батавией и Сурабайею; в конце же прошлого столетия он даже первенствовал между ними. И, однако, у него нет порта, вследствие чего суда с весьма большою осадкою должны бросать якорь не менее, как в расстоянии двух километров от берега; во время западного муссона море почти недоступно для судов; только барки и паровые барказы могут входит в город либо чрез посредство канала Банджира, вырытого к западу от Семаранга, либо посредством канализованной реки, на берегах которой и воздвигнуты здания. При сооружении порта, было бы необходимо избрать для него место вдали от Семаранга, вероятно, на западе, по соседству с мысом Кровелангом, так как пред городом необходимую для больших судов глубину в девять метров можно найти не иначе, как в расстоянии восьми километров от плоского берега[1]. Форт, в виде звезды, воздвигает свои, окруженные рвами, бастионы на болотистой равнине, которая отделяет друг от друга оба упомянутые её водяные пути, ведущие в город; два артезианских колодца, из которых один вырыт рядом с цитаделью, доставляют чистую воду как жителям, так и судам. Как и в Батавии, жители Семаранга группируются по своим национальностям и профессиям: китайцы основали свой кампонг вверх по течению реки от города, на левом берегу кали Нгарана или Семаранга; явайцы, будучи земледельцами, построили свои хижины вдоль дорог, под сенью кокосовых пальм; рыбаки имеют свои становья по соседству с каналами и пляжами, а европейцы, проживающие в этом торговом городе в числе нескольких тысяч, выбрали для своих отелей и вилл квартал Бонджонг, расположенный над низменными землями в направлении к горам. Дачные местности рассеяны к юго-западу, по подножию и склонам вулкана Ожгаран. Развалины индусских храмов увенчивают окраина террас на откосах горы, и пребывающие в Семаранге индийцы приходят туда для принесения жертв пред изображениями Сивы и Ганеза, которые ещё восседают на тронах в глубине обрушившихся святилищ. В Сомаранге находится и самая многочисленная община тех явайцев, которые обратились в христианство.

Будучи центром, к которому устремляется торговля наиболее населенных провинций Явы, Семаранг оказывается также и одним из тех городов острова, которые, лучше всего снабжены путями сообщения: он обладает обыкновенными проезжими дорогами, железными путями, паровыми омнибусами, каналами и каботажными пакетботами. Одна из судоходных линий соединяет Семаранг с Жапарою, древним городом, передавшим своё имя провинции, центр которой занимает гора Моэрио. Во время господства индусов, Жапара был горо-

1 Mac Leod, „Tijdschrift van het K. Institut van Ingenieurs“. 1888-89.

дом с большой торговлею, и даже в начале этого века её часто посещали суда; но её порт, постепенно завладеваемый кораллами, в конце концов закрылся совершенно; при низкой воде можно пешком дойти даже до тех островов, которые некогда защищали портовые сооруже-



Пейзажъ на Маріанскихъ островахъ. Сайпанская деревня.

ния от волны из открытого моря. Ныне, находясь в упадке, Жапара остается только административным центром: жизнь перенеслась в города, окруженные богатыми плантациями, которые следуют один за другим, вдоль торгового пути чрез низины между заливами Семаранг

и Рембанг. Одним из главных городов на протяжении этой богатой долины является Демак, прославившийся у магометан, благодаря своей мечети, которая первою была выстроена на острове Яве. Восточнее следуют два больших рынка—Кудус и Патти; затем, по соседству с восточным заливом, на берегах реки, расширяющейся при устье в лиман, куда могут входить суда средней вместимости, стоят старинный город Джаванна или Joana. К югу от него, в долине Люзи, бьют теплые ключи. Самые замечательные из них—Куву, к водам которых примешивается также и газ, выделяющийся из илистой и соленой массы, в виде объемистых пузырей, лопающихся на высоте более одного метра. В дождливое время года кипение ключей усиливается[1].

К югу от Семаранга, железная дорога, описывая большую излучину, поднимается по направлению к Амарава, обширному болоту, которое голландцы избрали как главный стратегический пост для внутренней части Явы; по Вету, в этой впадине следует видеть центр громадного кратера, подобного тому, из которого на Суматре образовалось озеро Маниндж у. Построение форта, для чего десятки тысяч соседних земледельцев привлекались к принудительным работам, вызвало долговременный голод, истребивший большое число жителей[2]. Обширный форт «Вильгельма I», расположенный около Амбаравы, на высоте 476 метров над уровнем моря, командует над многими естественными путями, пролегающими между массивами вулканов, как-то: на северо-западе—порог, отделяющий Унгаран от Сумбинга; на юго-западе—густо населенная провинция Каду, над которою с одной стороны господствует Сумбинг, а с другой Мербабу и Мерапи; на юго-востоке—равнины Суракарты и верхняя долина Соло, огибающая вулкан Лаву. Крепость эта наблюдает за находящеюся вблизи границею «Княжеских Земель», последних из вполне подчинившихся областей; Семарангский рейд, откуда эта крепость получает подкрепления и провиант, тоже находится недалеко. К юго-востоку от Амбаравы, на первых склонах Мербабу, на высоте 574 метров, находится город Салатига, т.е. «три камня»; здесь в 1811 году была подписана капитуляция, предоставлявшая Голландскую Индию Англии. Город этот—одна из главных санаторий на Яве; с высоты его местонахождения открываются на горизонте самые красивые виды на курящиеся горы и на соседния поля.

Столица провинции Каду, Мажеланг, занимает около «Гвоздя Явы» центр великолепной равнины, которую орошает р. Прого и оплодотворяют вулканические пеплы. Проточные воды, чащи деревьев с переплетающимися ветвями, величественные горы, обрисовывающие на горизонте свои голубоватые конусы, делают из Мажеланга очаровательный город. В пятнадцати километрах к югу, на небольшом, соседнем с Прого, возвышении, находится самая красивая индусская развалина на Яве: искусно сработанная пирамида Буру-Будхур; наименование это происходит, вероятно, от санскритского слова Para-Bouddha, т.е. «высший Будда»[3]. Покоясь на квадратной платформе, имеющей по 162 метра с каждой стороны, это здание возведено в семь этажей, с убывающими уступами вплоть до купола, или центральной *дагобы*, главенствующая масса которого связует в одно целое тысячи скульптурных изображений. Каждый камень обтесан и выдолблен: вдоль галлерей трахитовые барельефы изображают нападения, битвы, охоты, кораблекрушения, бытовые сцены, триумфальные процессии, в которых участвует и неведомый на Яве слон; по углам террас гримасничают уродливые идолы, а на известных расстояниях расставлены статуи восседающего Будды, угрюмого и дремлющего, изваянного соответственно традиционному типу и без той свободы резца, которая отражается на барельефах; в скульптурных изображениях культы Будды и Сивы перемешиваются. Этот величественный монумент, который путешественники, в виду громадности его частей и тонкости отделки подробностей, сравнивали с кмерским храмом в Ангкоре, уже потерял большое число драгоценных своих скульптурных украшений, похищенных окрестными государями или чиновниками для отделки своих дворцов и садов; но со

1 Veth, упом. соч.;—S. E. W. Roadra van Eysinge, рукописные заметки.

2 Van Hoevell;—Perelaer, и т. д.

3 Leon Feer, „Annales de l'Extreme Orient“, 1881-82.

всем тем ещё довольно остается для того, чтобы дать понятие о той дивной архитектурной работе, которую, руководимые индусскими зодчими, явайские ремесленники оставили в доказательство своей цивилизации своим выродившимся потомкам. Недавно открыли, что подножие храма окружено облицовкою, наложенною на скульптурные и покрытые надписями стены. Археологи, поэтому, надеются на возможность найти при раскопках драгоценные указания на историю как этого памятника, так и самой страны[4].

Лежащие на южном склоне острова главные города двух провинций Каду и Бажелен: Мажеланг и не менее красивый Пурворджо—принадлежат к той торговой полосе, которая тяготеет к порту Тжилатжапу. Железная дорога, почти параллельная побережью Индийского океана, но держащаяся в стороне от дюн, проходит по плодородным и населенным равнинам. К северу от этого железного пути, Банжумас, т.е. «Золотая вода», столица провинции того же имени, отделена от приморских полей цепью известковых холмов.

Центральную станцию сети железных дорог на Яве составляет город Соло или Суракарта, бывшая Картазура, «Создание героев»—столица одной из тех «княжеских земель», в которых ещё сохраняется призрак местного образа правления. По числу жителей Суракарта—второй город на острове; ей принадлежало бы даже и первенство, если бы Батавия и Мэстер-Корнелис рассматривались как города, действительно независимые друг от друга. Будучи разделен на многочисленные кварталы, окаймляющие берега реки Пепэ, западного притока Соло, город занимает громадную площадь. В центре, *кратон* или дворец сусухунана, со своими внутренними дворами, казармами, гаремом, киосками и садами, сам по себе образует город: в его ограде проживают десять тысяч жителей, князей, придворных, домашних слуг и солдат. Перед дворцом простирается обширная площадь, на которой во время праздников собираются толпы жителей, и над которой господствуют две густо разветвляющиеся индийские смоковницы, которые бесчисленностью своих корней символизируют вечность династии. Однако, вблизи всего этого виднеются амбразуры голландской крепости, держащей государя и его двор под жерлами своих пушек.

Джокжокарта или Джокжо, столица султанства того же имени, другого якобы независимого «княжества» меньше своей соперницы: в ряду явайских городов, она занимает лишь пятое место; в прошлом столетии этот город носил прославленное наименование «Матарам»; он сохранил свой явайский характер гораздо более, чем Суракарта или всякий другой город, находящийся под европейским или китайским влиянием. Будучи расположен на склоне к Индийскому океану, по прямой линии в двадцати пяти километрах от моря, «Надежный город»—ибо таково значение слова Джокжокарта—окружен дивными полями, которые на севере поднимаются на склоны вулкана Мерапи. Подобно Суракарте, кварталы его группируются вокруг занимающего приблизительно квадратный километр кратона, в котором проживает султан с своею челядью в несколько тысяч человек, и который окружен старинными укреплениями, ныне не представляющими никакого оплота. Несколько развалин индусских храмов рассеяны по окрестностям, а на юго-востоке, на одном холме, с которого видны разбивающиеся о сколы морские волны, находится почитаемый явайцами некрополь государей Матарама. Хотя и столь близкий от моря, город Джокжокарта вовсе не имеет порта, а проект основать порт на берегу ближайшей бухты, называемой Манджиэнган, оставлен без последствий. Наименее удаленною оказывается гавань Патжитан, образуемая вырезкой скалистого берега, на восток от «Тысячи Гор»; однако, этот порт пока ещё сообщается с внутренними городами только при посредстве неудобных тропинок, проложенных через слабо населенную территорию, весьма изобилующую, впрочем, прекрасным мрамором. Красивый сиваитский храм «Брамбанан», находящийся к северу от Джокжо, был первым, открытым голландскими инженерами: открыли его, в 1797 году, в лесной чаще.

Мадиун, т.е. «город буйвола», главный город провинции того же имени, между двумя вулканическими массивами, Лаву и Виллисом, находится, подобно Суракарте, в бассейне Соло, на берегу одноименной с ним реки, судоходного притока р. Соло. Нгави, выстроенный

4 E. Metzger, „Scottish Goographical Magazine“, 1888, № 8.

на слиянии двух рек, имеет ныне значение как рынок; некогда же это был перворазрядный стратегический пункт на границе «княжеских земель». Боджонэгоро—один из прибрежных городов реки Соло, при вступлении её в большую конечную намывную равнину,—также довольно оживленный торговый центр, и из него-то и вывозится большая часть местных продуктов дли приморского города Тубана, одной из наиболее посещаемых пристаней на поморье. Прославясь уже во времена индусского господства, Тубан, благодаря своим многочисленным могилам, превратился в одно из священных мест для магометанских поклонников, которые чествуют там достигшее колоссальных размеров «фиговое дерево». Хотя только уездный, город Тубан более населен, чем главный город провинции, Рембанг, находящийся западнее, на берегу бухты, разграничивающей два вулканические мысообразные возвышения: Моэрио и Лазем.

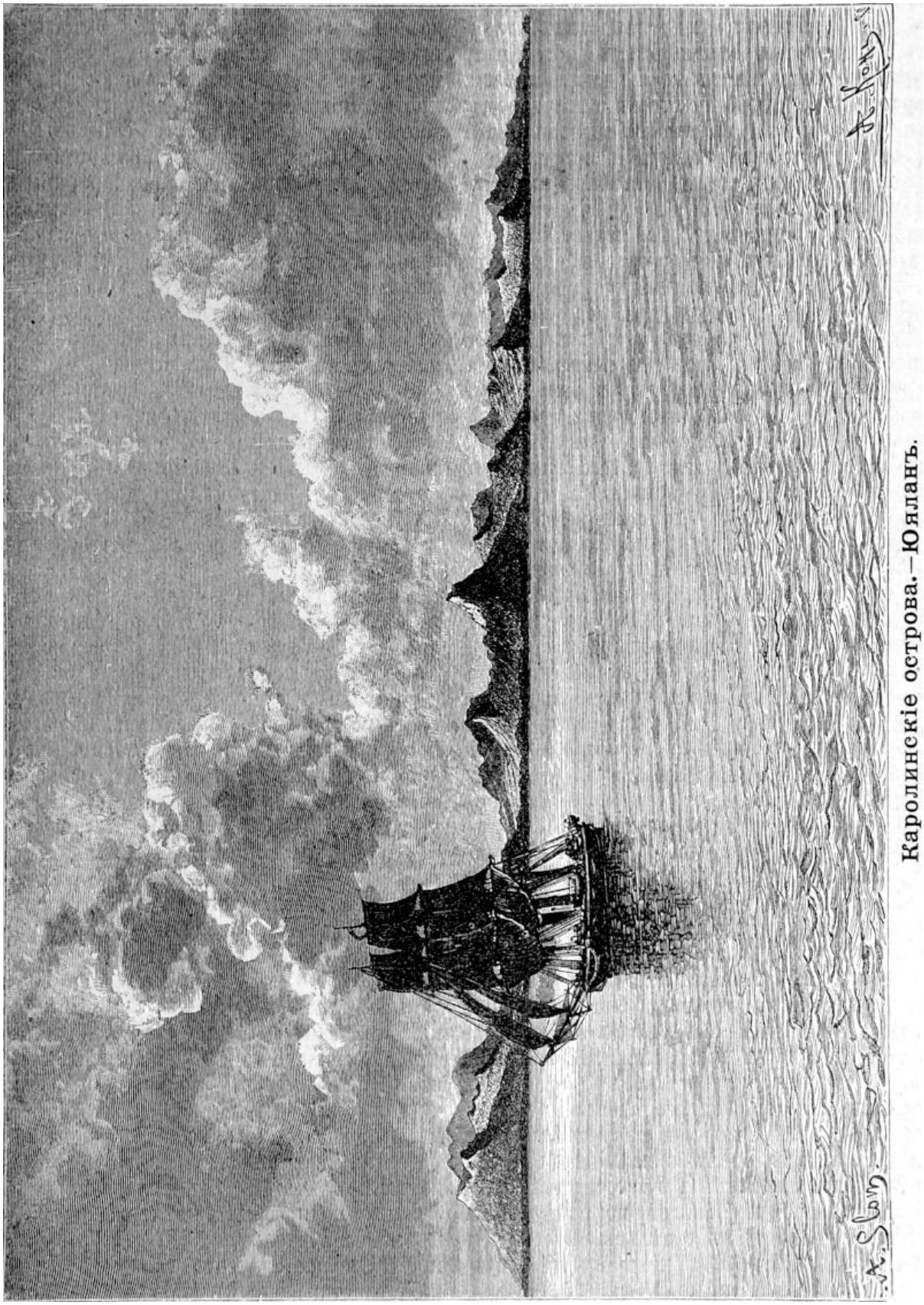
Сурабайя—метрополия на явайском востоке, а одно время бывшая столицею также и всего Инсулинда—одно из главных складочных мест и самый главный морской арсенал; в отношении оживленной торговли, она заступила место своей северной соседки, Грезика (Gresik или Grissee), старинной арабской колонии, из которой магометанство распространилось по внутренним частям острова и которая стала резиденцией одной могущественной династии государей-имамов. Собственно, так называемый, город Сурабайя выстроен на левом берегу реки Брантас; но можно сказать, что, благодаря аллювиальной равнине р. Соло, он равным образом находится также и при устье этого речного бассейна, самого значительного на Яве. Местность, занимаемая Сурабайею, произошла от постепенного отложения твердых частиц, несомых водами Брантаса, который заставил море отступить на несколько километров к северу, оставляя город среди полей, подобно тому, как это случилось и с Грезиком, где пришлось буравить почву до глубины семисот метров прежде, чем нашли водоносную поверхность под рыхлыми землями. Пролив «Trechter», т.е. «Воронка», отделяющий главный остров от острова Мадуры, сохранил как глубину, так и ширину, достаточные для судов с весьма большою осадкою; на этом защищенном от всех ветров рейде корабли находят для себя превосходную якорную стоянку, и лихтера и барки так и снуют взад и вперед между скалами на берегу и большими морскими кораблями. Некоторые кварталы Сурабайи, изрезанные во всех направлениях каналами, походят на города Голландии, но явайские кампонги окружают торговый город поясом пальмовых лесков, а европейские виллы Симпанга ютятся в чащах садов. Старинные могилы, находящиеся в одном из соседних предместий, напоминают о времени прибытия «легендарных людей», т.е. индусов. Именно они-то, по словам предания, и основали великую державу Моджо-Пахит, браманское государство, восторжествовать над которым магометанам удалось лишь во второй половине пятнадцатого столетия.

Развалины этой индусской столицы ещё виднеются на полях около Брантаса, в пятидесяти километрах на юго-запад от Сурабайи, около города Моджо-Керто,—при чём имеющиеся там остатки зданий из превосходного кирпича свидетельствуют об упадке явайской цивилизации со времени прибытия европейцев. Вверх по течению реки в средней части обширной окружности великолепной долины Брантаса, находится провинция Кедира, один из райских уголков на Яве, но в то же время и одна из тех стран, бедствующее, приниженное рабством население которой оказывается более всего подвергшимся также физическому упадку, вследствие злоупотребления опием.

Верхняя дуга долины, охватывающая массивы Кэлут и Кави, обнимает округ Маланг, в пределах которого находятся самые богатые кофейные и табачные плантации на Яве. Вблизи Маланга, в углублении между массивами вулканов Кави и Тенгжера, виднеются в Сингосари многочисленные развалины индусских построек; остатки древних храмов, ныне по большей части вошедших в состав вилл крупных собственников, рассеяны также по террасам и вершинам гор.

Деревня, находящаяся насупротив Сурабайи, по ту сторону пролива, важна только тем, что к ней пристают паровые паромы, ходящие между Явою и Мадурою; торговый же мадур-

ский город, Бенгколен, находится севернее, на берегу бухты, обращенной к открытому морю. Он гораздо богаче и гораздо населеннее, чем оффициальный главный пункт Мадуры, местечко Памеказан, расположенное на равнине, в нескольких километрах от Мадурского



Каролинскіе острова.—Юлянъ.

залива; главным побережным промыслом является добывание, за счет Инсулиндского правительства, соли. Мадурский скот весьма ценится во всём архипелаге.

К северу от Мадуры находится—зависящий в административном отношении от Сурабайи

—остров Бавеан: судя по местному говору, он населен людьми, принадлежащими к мадурской расе, и, в свою очередь, высылает на Яву тысячи переселенцев, в качестве ремесленников и земледельцев; кроме того, этот остров также ведет деятельную каботажную торговлю.

На юге этого же залива, т.е. Мадурского, находится город Пазурун, т.е. «сад бетеля», хотя ныне было бы справедливее именовать его «табачным садом»; это первый большой город на Яве, который пересекает железная дорога, пройдя перед тем чрез древний Моджо-Пахитский залив, занесенный речными наносами. Известный уже со времен индусского господства, Пазуруан, из всех явайских городов, всего более сохранил обычаи индусского происхождения; окрестные явайцы до сих пор ещё приносят родникам вод жертвы из зеленых листьев, а также почитают те остатки разбитых статуй, которые ещё можно встретить в древних храмах Сивы. Главная санатория восточной Явы, Тозари, находится на высоте 1.780 метров, на углу отрога горы Тенгжер, откуда открывается дивно красивый вид на море, поля и горы.

К востоку от Пазуруана, два других главных провинциальных города: Проболинго, или Банжер, и Безуки—находятся на берегу Мадурского залива; их рейды весьма опасны в январе и в феврале, когда дует приносящий бури южный ветер, называемый *ghen deng*. Далее, на плоском берегу одной бухточки виднеются домики местечка Панарукана, бывшего некогда большим городом и одним из наиболее деятельных рынков Инсулинда. Здесь-то португальцы, руководимые Альфонсом Альбукерком, и основали свою первую факторию на Яве. К востоку от Панарукана, на берегу моря только и есть две жалкия деревеньки, и дорога, отойдя от поморья, огибает громадную массу Рауна и затем направляется к восточному берегу острова, где на окраине пролива, отделяющего Яву от Бали, и достигает города Банжуванги, т.е. «благовонных вод». Этот город заместил, в качестве торговой пристани, порт Бламбанган, находящийся южнее, на берегу лимана, ныне занесенного илом. К Банжуванги подходит тот подводный телеграфный кабель, при посредстве которого Инсулинд соединяется с Австралией в Порте-Дарвина. Находясь почти вне круга тяготения к Батавии и Сурабайе, Банжуванги по многим из своих жителей уже принадлежит к Восточному Инсулинду. Главнейшие города Явы, с цифрой их населения в 1897 г.: Батавия—116.000 жит.; Суракарта или Соло—105.000 жит.; Сурабайя—125.000 жит.; Джокжокарта—58.000 жит.; Самаранг —72.000 жит.; Пазуруан—50.000 жит.

Как на Яве, так и на других островах, или «внешних» инсулиндских владениях, правительственная власть абсолютна. Будучи представителем голландского короля, генерал-губернатор почитается государем; его и называют «великим господином». Он командует сухопутными и морскими силами, применяет законы, установленные Нидерландским парламентом и, кроме того, имеет право самостоятельно издавать декреты и административные регламенты, сообразуя их с решениями правительства, принятыми в 1854 году. Его содержание, недавно даже уменьшенное, всё ещё превышает 330.000 франков с издержками на разъезды. Совет из пяти членов—предлагаемых им и утверждаемых королевой—помогает ему в деле законодательства, но не обладает никакою долею исполнительной власти. До сих пор требования явских и голландских публицистов о предоставлении Инсулинду пользоваться своим собственным бюджетом, а также и некоторою долею самоуправления—ни к чему не приводили. Явайцы имеют некоторые, ещё терпимые, права только в управлении дессы, т.е. общины; до сих пор ещё значительная доля резидентов набирается из manoempang'a, т.е. людей, «неимеющих ни семьи, ни отечества», которых можно было бы недавно приравнять к *Heimathlosen* (не имеющим родины) в Швейцарии.

Достойно удивления, что столько миллионов людей подчиняются распоряжениям одного властителя, располагающего незначительными материальными силами. Армия, которою командует губернатор, состоит приблизительно из сорока тысяч человек, из которых менее половины европейцев, но и они далеко на все нидерландцы: наемники или искатели приключений, немцы, бельгийцы и из других наций, они навербовываются для служения собственно в пределах нидерландской Индии, а в своем искусстве выдрессировываются в Хардер-

викском «депо», на берегах Зюйдерзее. Белые и различных рас туземцы: малайцы с Амбоина, метисы, негры, арабы и индусы служат в одних и тех же батальонах, но, смотря по цвету кожи, сгруппировываются в отдельные роты. В 1897 году в числе 40.346 человек инсулиндской армии числилось европейцев 16.066, африканцев—55 и туземцев—22.938. Кроме того, резерв—1.136 чел., и индийский корпус в 7.742 чел. (в том числе 4.263 туземца). Все эти элементы, различающиеся друг от друга и по происхождению, и по языку, и по нравам, сплачиваются вместе усилиями европейских офицеров, которые, однако, немногочисленны в сравнении с общею численностью заведуемых ими войск. Артиллеристы тоже все из европейцев, но их прислуга из туземцев. Сообразно с преданием восточных армий, солдаты могут проживать в казармах с своими, законными или незаконными, семействами, и даже иногда, при походах на недалекия расстояния, заставляют своих жён следовать за собою: банда маркитанток при этом организуется на-подобие военной иерархии своих же мужей и правильно получает рационы. Инсулиндская армия состоит исключительно из колониальных войск; даже для войны с аджехами не присылался в Индию ни один отряд из нидерландских войск, хотя наплыв волонтеров около офицеров, набиравших солдат, и значительно уменьшился. Что касается того флота, который стационирует в Индонезских портах, то лучшие суда принадлежат к национальным морским силам. В 1897 году, морские силы в Голландском Инсулинде состояли: из 16 судов, с экипажем в 1.556 чел.; кроме того, 2 стационера и 3 судна для гидрографической службы.

Европейцы на Яве и на других островах управляются непосредственно генерал-губернатором, но туземцы могут ещё тешить себя тем, будто повинуются своим старинным государям, а не иностранным завоевателям. Различные провинции разделены на регентства, почетные начальники или «регенты» которых принадлежат к семействам прежних государей: эти *toemengoeng*, или регенты второго класса, и *adhipatti*, или регенты первого класса—почти всегда *radhen*, т.е. князья; титул *pangeran* есть самый высший из тех, пожалование которыми зависит от губернатора. Хотя и назначаемые «Короною», регенты, тем не менее, ещё пользуются тем обаянием, которое им обеспечивает богатство, так как они получают, во-первых, большое жалованье—именно смотря по регентству, от двадцати до тридцати шести тысяч франков—и, во-вторых, взимают в свою пользу также известную часть продуктов с возделываемых земель. Однако, рядом с этими регентами из явайцев имеются также резиденты и ассистенты из нидерландцев—префекты и подпрефекты—которые, с виду хотя и малозначительные, но в действительности являются представителями настоящей власти; равным образом надзор над *venodo* или туземцами-сановниками вверен европейским контролерам, получающим по большей части своё воспитание в голландской академии в Дельфте и обязанным пробыть до выхода в отставку на острове в течение двадцати пяти лет; в общем, этих европейских чиновников насчитывается приблизительно около трехсот. Представитель настоящих повелителей находится всегда подле явайского правителя, и мало-по-малу подданные регентов уже перестают заблуждаться на счет доли той власти, которая оставлена этим «прирожденным государям». Постепенно устраняются или низводятся в низшие роли также и туземные чиновники: несомненно, что, рано или поздно, эти промежуточные инстанции исчезнут, а завоеватели и побежденный народ сойдутся друг с другом лицом к лицу. В двух из «княжеских земель» (*Vorstenlanden*); Суракарте и Джокжокарте, старинный образ правления ещё сохраняется в первобытных формах. Суракарта оффициально повинуется императору или soesoehoenan'у, а Джокжокарта получает приказания от султана, но и тот и другой находятся сами в полной зависимости от голландского резидента и, кроме того, приняты меры также и к тому, чтобы постоянно угрожать им соперниками из туземцев же, при чём таких кандидатов на власть Батавское правительство имеет всегда у себя под руками; император и султан, не предуведомив резидента, не могут покинуть своего кратона даже для прогулки. Монополии, которыми обладали эти превратившиеся в простых крупных помещиков государи, отчасти уже выкуплены голландским правительством.

В Батавии пребывает высший суд, общий для всех нидерландских владений. Остров же Ява делится на три судебных округа, соответствующие естественному делению территории;

затем, в качестве инстанций более низких, чем суды в Батавии, в Семаранге и в Сурабайе имеются второстепенные суды, пребывающие в провинциях, регентствах и в округах. Каждый резидент, ассистент и контролер постановляет приговоры, сообразуясь с прецедентами и после совещания, по большей части лишь для формы, с мусульманскими ассесорами, как людьми, знакомыми с местными обычаями и с предписаниями ислама. Общинные мэры обладают также дискреционною властью для обуздания проступков и наложения взысканий. Начальники китайских общин: майоры, капитаны и лейтенанты, обязанные поддерживать порядок между своими соотечественниками, также, хотя и в слабой степени, вооружены правом наказания. Смертная казнь существует в голландском кодексе для Индии, но она редко применяется. Осужденные туземцы большею частью назначаются на работы в арсеналах, на верфях, дорогах и каналах. Полиция на Яве существует только в больших городах. Общины обязаны под непосредственною ответственностью заботиться о соблюдении законов и регламентов.

«Колониальный» бюджет, более двух третей которого поглощается Явою, пополняется в известной своей части продажею того кофе, который добывают при посредстве обязательных работ туземцев. Остальные главные доходы доставляют поземельная рента и монополии на опий и на соль. Приблизительно одна треть бюджета поглощается издержками на оборону, а другая треть на администрацию в собственном смысле этого слова. Однако, следует иметь в виду, что налог значительно превышает на деле те цифры, на которые указывают оффициальные отчеты, так как следует также исчислять и ценность тех дней, которые отнимаются у явайского крестьянина, путем обязательного труда на плантациях и на дорогах. Исчисляя же эту работу по самой низкой норме, получим, что действительно уплачиваемый явайским населением налог достигает, по Броосхорфту, по крайней мере 250 миллионов франков. В частности, «в колониальном» бюджете 1897 года значилось главных доходов от: продажи кофе в Голландии и на Яве—18.169.000 флорин.; продажи олова—5 507.000 флорин.; поземельного налога или десятины—17.339.000 флорин.; аренды за опий—17.110.000 флорин.; пошлины на соль—8.558.000 флорин; таможенных пошлин—15,156.000 флорин.; железн. дорог—10.577.000 флорин.; различн, доходов—33.240.000 флорин.; всего доходов—127.774.000; расходов—142.747.000 флорин.

Нижеследующая таблица показывает разделение Явы и Мадуры на двадцать две провинции, с их подразделениями или регентствами, а также пространство и населенность по переписи 1886 года.

	Провинции	Главные города	Подразделения	Поверх. кв. килом.	Население	На одном кв. килом.
Западная Ява	Бантам	Серанг	5	8.303	545.847	66
	Батавия	Батавия	4	6.453	1.013.884	157
	Краванг	Пурвакарта	3	4.625	331.638	72
	Шерибон	Шерибон	5	6.756	1.369.163	203
	Преанг	Бандонг	9	21.243	1.654.836	78
			26	47.380	4.915.358	104
Центральная Ява	Тегаль	Тегаль	3	3.799	1.006.556	265
	Пекалонган	Пекалонган	2	1.790	538.978	301
	Семаранг	Семаранг	6	5.187	1.412.335	272
	Жапара	Патти	4	3.122	858.166	275
	Банжумас	Банжумас	5	5.561	1.112.120	200
	Бажелен	Пурвореджо	5	3.430	1.272.532	371
	Каду	Магеланг	2	2.048	740.278	361
	Суракарта	Суракарта	5	6.228	1.071.090	172
	Джокжокарта	Джокжокарта	8	3.089	642.728	208
			40	34.254	8.644.783	253
Восточная Ява	Рембанг	Рембанг	4	7.538	1.196.402	159
	Сурабайя	Сурабайя	8	6.022	1.889.366	314

	Провинции	Главные города	Подразделения	Поверх. кв. килом.	Население	На одном кв. килом.
	Мадиун	Мандиун	5	6.492	1.021.995	158
	Кедири	Кедири	5	6.400	979.301	153
	Пазурун	Пазурун	3	5.335	838.947	157
	Проболинго	Проболинго	3	3.465	506.013	146
	Безуки	Безуки	5	9.680	591.700	61
	Мадура	Памеказан	4	5.285	1.403.494	265
			37	5.218	8.427.118	168
		Итого:	103	131.852	21.997.259	167

В 1895 г.: народанаселение Явы и Мадуры—25.701.000 душ; плотность населения—195 ж. на 1 кв. килом.

VI. Бали

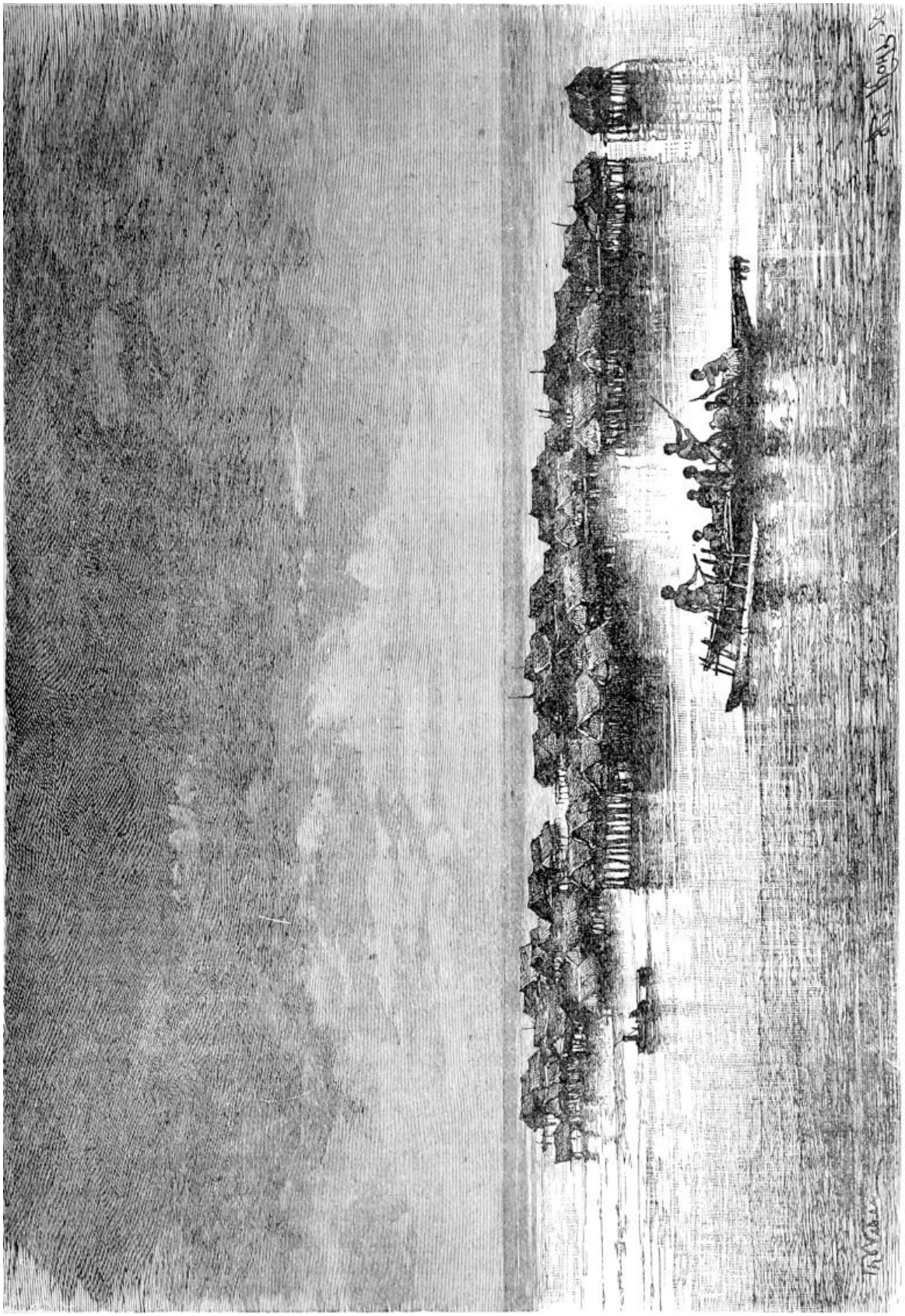
Остров Бали—«Маленькая Ява», как его часто называли—действительно, по своему строению и своим горным породам, есть отрывок большего острова, от которого его отделяет только узкий канал; между двумя противоположными берегами расстояние не достигает даже и четырех километров, а на месте самого высокого приподнятия дна, глубина равняется всего лишь шестнадцати метрам; течение же из Индийского океана бывает в проливе по временам столь сильно, что парусные суда уже не в состоянии его превозмочь. Хотя, по своему геологическому строению Бали и оказывается почти таким же, как Ява, но тем не менее он достаточно удален от центра нидерландского владычества для того, чтобы мог сохранить некоторую своеобразность. Неширокого пролива было достаточно, чтобы немного видоизменить флору и фауну; также благодаря ему же, сохранились отличия между населениями, а вместе с тем замедлилось и то движение эволюции, которое совершается в Инсулинде, распространяясь с запада на восток. С исторической точки зрения про Бали можно сказать, что это ископаемая Ява; тогда как сама Ява сделалась магометанской, Бали остался индусским по культу, нравам, учреждениям и даже, до известной степени, и по языку. Это обстоятельство было причиной того что многие ученые, историки и лингвисты, изучали этот замечательный остров. За то вещественные его богатства и производительные силы известны менее. Никакой точной переписи ещё не существует; по имеющимся же оффициальным документам, Бали, как и Яву следует считать одной из тех стран мира, в которой жители скучены в чрезвычайно большом числе. По данным Regeerings Almanak, наиболее вероятными представляются след. цифры:

	Поверхность в кв. кил.	Число жит.	На одном кв. кил.
Голландская территория Бали	2.130	102.932	48
Туземные государства на Бали и Ломбоке	8.708	1.240.000	142
	10.838	1.342.932	124

Общим очертанием Бали походит на удлиненный треугольник, заостренная вершина которого обращена к Яве, а основание к Ломбоку. В направлении с запада на восток, вулканического происхождения горы сменяют друг друга, располагаясь без кажущейся правильности, в виде цепей и массивов. Первый из этих вулканических конусов, Бакунган (высотой в 1.460 метров), поднимает свою вершину прямо насупротив явайского города Банжуванги. Гораздо более высокий, Бату Кау, или пик Табанан, занимает геометрический центр острова, при чём, окруженный небольшими озерами, главный конус массива достигает 2,925 метров. К северо-востоку от этого центрального питона и широкого хребта, постоянно действующий вулкан Батур (высотой в 1.950 метров) выбрасывает из двух ревущих кратеров столбы пара[1], между тем как у северо-восточного его подножия потоки лавы спустились вплоть до

1 Zollinger, „Petermann's Mittheilungen", 1864;—Jacobs, „Eenigen Tijd ouder de Baliers".

края красивого голубого озера, воды которого вследствие этого отчасти и испарились; значительное вспучение на оконечности потока лавы только и могло бы быть объяснено столкновением жидких лав с газообразными массами, мгновенно выделившимися при испарении



Ново-гвинейскій пейзажъ. Озерная деревня племени мэтю.

воды; по преданию на острове, вулкан служит жилищем бога, а его жена, богиня, обитает в водах озера. К юго-востоку от Батура, друг друга сменяют другие вулканы, повидимому, угасшие: гунонг Абанг (в 2.300 метров высоты) и гунонг Агунг, т.е. «Великая Гора», также

называемая пиком Бали; обнаженный желтоватый, усеянный глыбами, конус этого пика открывает свой кратер на высоте более чем 3.200 метров над уровнем моря. На восточной оконечности острова, другой вулкан, Сеража (высотой в 1.250 метров), представляет не более, как огромную развалину. Во время извержения, о котором история умалчивает, вся верхняя часть горы была снесена и рассеялась прахом по равнинам и по океану: осталось лишь обрушившееся подножие вулкана. К югу от этих вулканических массивов простираются поля, вулканический пепел которых подвергся воздействию вод, а по направлению к югу виднеются некоторые напластования третичных образований. Таков островок Бадунг, соединяющийся с Бали посредством низменного перешейка; однако, Нуза-Пенида или Пандита, т.е. «остров жрецов», хотя и той же формации, остается обособленным в восточном проливе.

Хотя дожди выпадают на Бали в изобилии, но, по отсутствию достаточно обширной площади, реки текут на незначительном протяжении и во время юго-восточного муссона по большей части даже и пересыхают: почти вся их вода тщательно распределяется туземными земледельцами по рисовым плантациям. Будучи весьма населен и покрыт полями, Бали лишен лесов, и дерево, поэтому, привозится с Явы. За исключением немногих тигров, бродящих на севере и на западе, по кустарникам гор, на острове не существует других красных зверей.

Балийцы—будучи, по расе, братьями явайцев—в среднем, немного выше ростом и сильнее; менее привыкшие к рабству и лишь изредка видя своих властелинов, голландцев, они держат себя более гордо, и их взгляд смелее. В гористых областях Бали зоб чрезвычайно распространен: в некоторых округах зобатостью поражено более половины жителей, и почти не встречается женщин, которые не были бы обезображены этими припухлостями; однако, по Якобсу, кретинизм никогда не сопровождает у балийцев их зобатость, в противоположность горным жителям Пиренеев и Альп. Говорят на острове на двух довольно различных диалектах: первоначальным языком, повидимому, был «низменный» балийский язык, значительно различающийся от явайского диалекта и схожий с говорами восточных островов; напротив, «возвышенный» балийский язык весьма приближается к возвышенному наречию на Яве и, вообще, если чем и отличается, то лишь многочисленными заимствованиями из древнего священного языка, *kavi,* на котором ещё говорят жрецы и книжники. Как и на Яве, служащие и бедные должны обращаться на возвышенном языке к стоящим выше их, а эти отвечают им уже на языке низменном.

Индусская цивилизация, повидимому, должна была более повлиять на жителей острова Бали, чем на явайцев. При этом, постоянство индусских верований на острове Бали можно объяснить себе не одним только переселением беглецов из Моджо-Пахитского королевства, потомки которых всё ещё проживают отдельно от других балийцев[1]; колонизаторы, должно быть, прибывали непосредственно с Коромандельского берега, так как на Яве вовсе не наблюдается столь стойкого учреждения каст, как в балийском обществе[2]. Наподобие Индии, всё население делится на четыре касты, именно: браманы, кшатрии, вайсии и судра; затем, эти первоначальные группы подразделяются на многочисленные подкасты, а старинное балийское дворянство, из среды которого обыкновенно избирают начальников в деревнях, составляет особую касту, помещающуюся между вайсиями и судра. Недавно государи женились на своих сестрах для сохранения чистоты королевской крови. Сохранение границ между кастами обычно соблюдалось с неумолимой жестокостью: браманская девушка, отдавшаяся мужчине из низшей касты, сжигалась, а её любовник зашивался в мешок и бросался в воду; и даже в двух непосредственно зависящих от Голландии провинциях, судьи, под давлением общественного мнения, должны приговаривать к ссылке тех молодых людей, которые нарушают закон о кастах. Часто случалось видеть, как браман своей рукой убивал собственную дочь, виновную в нарушении постановления о кастах. Со всем тем, смешения каст

1 R. van Eck, „Proceedings of the R. Geographical Society“. March, 1880

2 Temminck, „Coup d'oeil general sur les Possessions neerlandaises dans l'Inde“.

весьма многочисленны, и государи могут набирать себе жён из низших слоев, сколько пожелают, при чём своим наследникам передают и свое благородство. За исключением трех князей, принадлежащих ко второй касте, все остальные по происхождению причисляются к третьей, которая и составляет то, что можно назвать балийской «буржуазией». Судра же—пролетарии, люди, обязанные принудительными работами, почти рабы. Но, когда война разражается между членами высших каст, то члены судры не принимают в ней никакого участия; они продолжают заниматься своими обыкновенными работами, не тревожась ссорой стоящих выше их[1].

Культ балийцев заключается в веровании в индусскую троицу, и перед тысячами храмов, равно как и перед домами жрецов и начальников, розвевается трехцветное знамя: красное, белое и голубое—в котором многие из голландских путешественников узнавали цвета своего отечества, тогда как в действительности это знамя символизирует трех лиц Божества: Создателя, Сохранителя и Разрушителя. Однако, изображения Брахмы и Вишну почти повсюду заменены изображениями Дурга и Ганеза[2]; кроме того, чрез брамаизм продолжает проглядывать также и буддийское влияние, и Сива, представляемый lingam'ом[3] и наиболее чтимый, чаще всего призывается в качестве бога-доброжелателя. Впрочем, балийцы не особенные ревнители в деле веры и не обнаруживают никакой нетерпимости по отношению к людям других культов; несколько тысяч их, из принадлежащих к низшей касте, перешли даже в ислам в видах поднятия этим путём своего положения в обществе; что же касается пропаганды христианства, то, вследствие убийства в 1882 году миссионера, все попытки к ней, к тому же оказавшиеся бесплодными и раньше, ими оставлены. Очевидно, индусских храмов, рассеянных в различных частях Бали, слишком много, сравнительно с числом верующих, так как многие из них превратились в развалины, о восстановлении которых никто не помышляет, а места поклонения, к которым прежде притекали со всех частей острова, ныне уже не посещаются. Ревностнее всего соблюдаемые балийцами религиозные церемонии относятся к возделыванию почвы: будучи земледельческим народом, балийцы любят совершать процессии вокруг полей, останавливаясь перед бамбуковыми хижинами, служащими храмом богини жатвы, а также любят увенчивать себя цветами после удавшихся урожаев.

Религиозная юриспруденция весьма сурова, и наказания, налагаемые на народ в тех случаях, когда жрецы подметят какое-либо дурное предзнаменование, часты. Если женщина умрет во время родов, или же если родится дурно сложенное дитя, а ещё хуже, если женщина родит двойню: мальчика и девочку, то самые ужасные несчастия угрожают населению, и устранить их следует посредством поста и молитвы; недавно даже проливали и человеческую кровь, а иногда даже предварительно подвергали приносимых в жертву и пыткам. Рассказывают, что, помимо множества других страшных изобретений, жрецы находили и такой способ усиления мук: осужденных помещали на острия растущих бамбуковых стволов, твердые и кремнистые конусы которых проникали в живое мясо человека, и несчастные таким образом и погибали, претерпевая ужасающие мучения в течение нескольких дней[4]. Жены брахманов и князей нравственно принуждались к ввержению себя в костер, на котором сгорал умерший муж, и, таким образом, к следованию за покойником на тот свет; отка-

1 Birnie, „De invlaed van de Hindoe-Beschaving".

2 Kan et Timmerman, „Tijdschrift van het Nederlandisch Genootschap te Amsterdam".

3 Lingam, linga, т.е. знак, марка, есть фаллическая эмблема, и если предназначается в целях публичного поклонения, то имеет форму вертикального цилиндрического камня, основание которого укрепляется в почве, а верхняя закругленная оконечность проходит насквозь чрез плоский камень, лежащий уже горизонтально. Вертикальный камень, linga, символизует мужской элемент, а горизонтальный, zoni, женский. Одни из сектантов отвергают zoni, и признают только один linga и качестве символа творения, как всё производящую мать. Эти сектанты называются viracaiva, т.е. сиваисты мужские (в смысле признающих только символ мужского пола), и носят linga при себе в маленьком ящичке из меди или серебра, помещая его в тюрбан, или прикрепляя к шее или к правому плечу. (Dictionnaire des sciences anthropologiques, стр. 1005). *Перев.*

4 Jagor, „Singapore, Malacca, Java".

завшаяся же от мученичества осуждалась на бесчестие[1]. И даже двадцать лет спустя после того, как в Индустане сгорела последняя *sati*, т.е. вдова, на Бали сожигания вдов всё ещё совершались[2]. С того же времени, как голландское правительство стало защищать их, начали прибегать к предварительному умерщвлению жертв, которых затем бросали в огонь уже мертвыми. Другие церемонии, кажущиеся ужасными соседям балийцев, тоже сохранились, и посягнуть на их изменение значило бы покуситься на способ выражения сыновнего почтения. Каждое семейство должно сжигать своих мертвецов, с большими издержками на благовонные вещества, цветы и яства; ни одна церемония не обходится дороже этой, и для приготовления к этим издержкам необходимы недели и месяцы, а иногда даже годы. В течение всего этого времени труп сохраняют в хижине, вымытым и надушенным, но гниющим; для облегчения же медленной мумификации, на него накладывают камни, вследствие чего газы и жидкости скорее покидают тело. Предаются земле немедленно только тела умерших от оспы и проказы.

Балийцы почти исключительно питаются рисом, другими зерновыми хлебами и плодами. Если мясо вола и запрещено их религиею, то моча и помет от этого животного доставляют им главные лекарства. Из различных родов мяса разрешается есть только свинину; но жрецы воздерживаются также и от неё. Рощи кокосовых деревьев весьма обширны и доставляют громадное количество масла. Домашняя промышленность, равно как и земледелие, более развиты на Бали, чем на Яве; но туземцы весьма плохие моряки. Между ремесленниками имеются весьма искусные ювелиры, чеканщики и оружейники; женщины же ткут и окрашивают прекрасные хлопчатобумажные и шелковые ткани. В одном из храмов Булеленга ещё сохраняется древняя рукопись, гласящая о тех явайских обычаях, выполнение которых предписывалось в общинах при устройстве орошения.

Средний уровень образования весьма высок у балийцев. Хотя у них и нет училищ, тем не менее большая часть мужчин и женщин из высших каст умеют читать и писать по-балийски, а также и на языке кави; они обладают также тысячами «книг» или связок листьев *bontar*'а или *borassus*'а, исчерченных при посредстве шильца и стиснутых между двумя дощечками; таким образом: история, богословие, юриспруденция, этика, поэзия и театр—не отсутствуют в литературе Бали, и по ван-дер-Тууку, прожившему на этом острове долгие годы и составившему весьма богатую библиотеку—именно в балийской поэме *Tantrya* и следует искать, по крайней мере отчасти, первообраз «Тысячи одной ночи». Часто балийцы по вечерам собираются для присутствия при театральных представлениях, относящихся по большей части к мифам или к событиям в Индии, при чём актеры из касты брахманов и декламируют эти «мистерии» на священном языке, на-подобие того, как это совершалось некогда на Яве; в самих же мистериях предки балийцев являются исполинами или *rakchasa*. Между другими указаниями на древнюю, индусского происхождения, цивилизацию, ссылаются также и на то разделение времени, которое преобладает у балийцев. Их оффициальный год, не опирающийся вовсе на астрономические данные, но носящий чисто ритуальный характер, состоит из двухсот десяти дней, делящихся на шесть месяцев, из которых каждый, в свою очередь, подразделяется на семь пятидневных групп (penthemerides)[3]; на практике же время делят по муссонам; каждый из наших годов соответствует двум годам балийцев. Что же касается дня, то в нём насчитывается шестнадцать часов, из которых каждый соответствует полутора часам календарным, а самый день начинается с восхода солнца. Однако, государи, в своих сношениях, прибегают к магометанской хронологии.

Хотя цивилизация балийцев весьма замечательна, тем не менее она свидетельствует о большом упадке, который совершился в течение двух последних столетий. Так, в рассказах отдельных путешественников упоминается о значительной торговле, производившейся в портах острова, и о путях сообщения, соединявших в то время различные города; ныне то-

1 John Crawford, „History of the Indien Archipelago".

2 Jacobs, упом. соч.

3 Crawfurd, упом. соч.;—Selberg, „Reise nach Java".

варо-обмен прекратился; виднеются лишь одни тропинки, а повозки только и существуют, что в одном округе, в южной часта Бали. Потребление опия, распространенное во всех кастах, усобицы между провинциями, набеги торговцев рабами, долгое время опустошавших приморские деревни, и, наконец, принижение женщины, низведенной на степень предмета купли и продажи,—таковы были причины этого упадка балийской цивилизации; и ныне, для вступления опять на путь прогресса и почина, населению острова остается ждать прибытия из-за границы новых элементов. Китайские колонии привлекли к себе всю деятельность страны.

Две ближайшие к Яве провинции, Джембрана на южном берегу, и Булеленг, на северном,—непосредственно подчинены голландской администрации и недавно зависели от города Банжуванги, расположенного на противоположном берегу пролива. Местечко Булеленг, состоя из хижин, расположенных невдалеке от моря, служит главною резиденциею чиновников, а следовательно, по своему рангу, оно и есть главный город, но ему недостает порта: его приморская пристань, Пабеан, есть просто пляж, на который набегают волны. Почти все деревни сохранили вид укрепленных редюитов.

Семь провинций Бали предоставлены власти «покровительствуемых» государей, которые, хотя и пользуются ещё верховными правами, но военная власть которых уничтожена во время кровавых войн в 1840 и 1849 годах, и которые знают, что за ними существует близкий надзор. Если судить по церемониалам при их дворах, то можно подумать, что это великие властители: к ним приближаются не иначе, как простершись ниц; а когда они умирают, то все их подданные обязаны, в знак траура, брить себе голову. Они наследуют имущество, жен и рабов каждого туземца, у которого нет непосредственных наследников, а также наследуют они и каждому осужденному в ссылку; постановляют же приговоры они сами, и для захвата вотчины, на которую они зарятся, им стоит только воссесть на свой пышный судейский трон. Один из главных доходов их бюджета состоит в отдаче в наем тех женщин, которые поступают к ним при многочисленных упомянутых наследствах[1].

Княжество Бангли, прилегающее к Булеленгу, является для балийцев священною областью, так как вулкан Батур возвышается на его территории; однако первою по «благородству» считается другая провинция, Калунг-Кунг, расположенная на юго-восточном берегу острова: её начальник, хотя и принадлежит к наименее могущественным государям на острове Бали, всё-таки «Великий человек», и остальные государи оказывают ему знаки преданности. Край Гжанжар, находящийся на западе от Калунг-Кунга, представляет самое населенное государство на Бали и, благодаря сравнительной безопасности, которой можно наслаждаться в этой плодородной и, по сравнению с соседними землями, не столь сурово управляемой стране, к ней отовсюду стекаются переселенцы. Что касается южного княжества, Бадунга, в пределах которого некогда совершалась самая оживленная торговля, то ныне оно почти обезлюдено: торг рабами превратил его в пустыню. Две западные провинции, Табанан и Менгви, населены очень густо. Восточная провинция Каранг-Ассем, находящаяся напротив Ломбока, имеет своим государем раджу этого острова.

В нижеследующей таблице показаны провинции Бали с их приблизительною поверхностью и населением по переписи.

Провинции		Поверхность	Населенность
Голландские	Джембрана	700 кв. кил.	26.040 жит
	Булеленг	1.430	76.890
	Всего	2.130	102.930
Территории княжеские	Бангли, Табанан, Менгви, Бадунг, Гжанжар, Калунг-Кунг, Караган-Ассем	3.266	700.000
Всего		5.396	802.930

Бали и Ломбок принадлежат с 1882 года к одному и тому же административному отделу

1 Jacobs, упом. соч.

нидерландской державы.

VII. Ломбок

Остров Ломбок—называемый так европейцами по имени одной из его деревень, расположенных на северо-восточном берегу, у Аллаского пролива,—известен у туземцев под именем Селапаранга или Селапарана, а малайцы обыкновенно обозначают его под именем Танах-Сазак, т.е. «земля Сазака», а не «страна плота», как истолковывал это наименование Крауфорд.—Ломбок представляет почти такую же поверхность, как Бали и смежные острова, но он менее исследован, по причине более гористой природы его почвы и меньшей цивилизации жителей. С средины восемнадцатого столетия, Ломбок находится в зависимости от балийцев, и хотя, в сравнении с сазакскими туземцами, колония балийцев малочисленна, но, тем не менее, этот остров в политическом отношении присоединен к Бали. По данным *Regeerings-Almanak* 1888 года, поверхность острова равняется 6.435 квадр. километрам, а численность населения около 540.000 душ, что составляет по сто человек на квадратный километр.

В общей география Инсулинда этот Ломбокский пролив, не помешавший балийцам завладеть территорией на противоположном берегу, является такою чертою, которая, повидимому, не представляет сколько-нибудь важного значения; в самой узкой своей части, он имеет от берега до берега всего лишь 36 километров, но самая большая его глубина, на пороге, превосходит тысячу метров: здесь, можно сказать, оканчивается Явское море, тонкий слой воды которого, на всём своем протяжении, имеет менее двухсот метров; что же касается течения с юга на север, то здесь оно совершается с среднею скоростью семи километров в час. Известно, со времени исследований Уэллеса, что этот незначительный Ломбокский пролив, простой ров в сравнении с многими другими морскими рукавами в Инсулинде, составляет во многих отношениях, в деле распространения видов, главную границу между мирами индийским и австралийским. Пальма аренга (*arenga saccharifera*) на Ломбоке не растет. На этом острове нет также текового дерева; равным образом отсутствуют папоротники, орхидеи и мхи явайской флоры. В отношении фауны различия ещё значительнее. На острове нет ни тигров, ни других кошачьих животных; большая часть птиц, живущих в лесах Явы и Бали, неизвестны на Ломбоке, который, с другой стороны, обладает множеством австралийских видов, при чём между ними находится и прославленный *megapodius Gouldii*: странная птица из отряда куриных, зарывающая свои яйца и покрывающая их кучею из земли и ветвей, при чём образующаяся насыпь иногда достигает двух метров в высоту и двенадцати в окружности. Австралийские какаду тоже находятся в числе птиц Ломбока, но их встречают также более к западу, на небольшом острове Пандита, отделенном от Бали лишь неглубокими водами: возможно, что эти животные были привезены из-за Ломбокского пролива. Во всяком случае переход можно проследить от одного острова до другого и, по Мартину[1], истинную границу между Азией и Австралийским миром следует искать скорее к северо-западу от Тимора, в окружающем его море.

Подобно Яве и Бали, Ломбок представляет два параллельные приподнятия поверхности; одно—на юге, из осадочных пород, и другое—на севере, высоко вздымающее свои вулканические конусы. Южная цепь—в среднем, возвышающаяся незначительно, так как она не переступает за триста метров,—покоится на правильном цоколе, который и на западе, и на востоке выдается из-за линии побережий. Несколько холмов из вулканических окалин—между прочим, и те, которые господствуют на юго-западе острова над глубокой бухтой, называемой Лабуан-Тринг—пересекают пласты, возвышающиеся в виде утесов по берегу Индийского океана. Кучи туфа, образовавшиеся при прежних извержениях, соединяют на юге эту цепь с вулканами севера и образуют по средине острова водораздельный горб, Сазан,

1 „Wetanschappelijke Voordrachten te Amsterdam“. 1883.

откуда воды стекают к проливам: в одну сторону—к Ломбокскому, а в другую—к Алласкому. На севере, ряд вулканов начинается напротив Бали конусом Вангзита (высотою 1.200 метров), за которым следуют несколько других гор с угасшими кратерами; затем, около средины горной цепи в виде круга возвышаются обнаженные вершины большого вулканического массива, Ренджани, имея в центре своего конечного плоскогория дымящийся холм, Апи, т.е. «огонь», из недр которого выходят сернистые пары. Большое озеро, *danoe*, Эгара Анак, заполняет боковое углубление. Самый возвышенный островерх массива, обыкновенно называемый Ломбокским пиком, есть если не самая высокая гора Инсулинда, то по крайней мере одна из наиболее гордых вершин: по различным исчислениям высота её положения над уровнен моря колеблется между 3.542 и 4.200 метрами. Ни один европеец ещё не совершил на неё восхождения[1].

Сазаки, составляющие почти всё население Ломбока, мало отличаются по виду от балийцев. Говорят же они на языке, по происхождению, хоть и подобном балийскому, но более приближающемся к наречию на Сумбаве; азбука, однако, балийская. Будучи все магометанами, они отличаются от своих западных соседей религиозными обрядами, нравами и учреждениями. Они вовсе не признают каст, и браки у них совершаются свободно между людьми всякого происхождения. В их крае не видно мечетей, что, конечно, не свидетельствует об их ревности в деле религии; они едят говядину и гнушаются свининою, между тем, как балийцы сочли бы преступлением отведать мяса быка, их священного животного. Сазакское население, будучи порабощено балийцами, выплачивает налоги и обязано исполнять принудительные работы. Нация же завоевателей, представленная колониею приблизительно в двадцать тысяч человек—кампонги которых группируются в западной части острова—избавлена от всех налогов и повинностей.

Матарам, столица королевства, расположена на равнине, в семи километрах от восточного берега; её приморская пристань, город Ампанам, с оживленным рынком, состоит из четырех кампонгов, в каждом из которых проживают люди одной какой-нибудь национальности; малайцы, балийцы, буги с Целебеса и сазаки. Во время дуновения юго-восточного муссона, море вполне спокойно, и суда могут приставать там без опасения несчастия, но когда дуют западные ветры, то волны с яростью набегают на берег, и во время больших приливов—когда волна достигает высоты приблизительно пяти метров—всякое сообщение между побережьем и судами прекращается. Матарам, в котором одни только балийцы имеют право ездить на лошадях,—город вполне благоустроенный: улицы широки и хорошо обсажены деревьями; дороги, расходящиеся лучами в различных направлениях, имеют, в среднем, между каналами более двадцати метров ширины и пересекают ручьи и овраги посредством хорошо содержимых бамбуковых мостов. В небольшом расстоянии к югу от Матарама находится сазакская деревня, которая была столицею острова до завоевания края балийцами; она называется, на подобие восточной провинции Бали, Каранг-Ассем, и с 1849 находится в подданстве у Ломбокского раджи.

Поля, простирающиеся к востоку от Матарами, по направлению к холмам Сазака, по словам Уэллеса, быть-может, наилучшим образом возделаны во всём Инсулинде, где однако видишь так много других чудес крестьянского труда. В Европе нет и примера подобных садов: на пространстве многих сотен квадратных километров, воды речек и ручьев раздроблены и распределены с непогрешимым искусством, в виде сети оросительных каналов, ярусообразно огибающих откосы холмов и полукружия оврагов, на-подобие скамеек амфитеатра. Главные растения, возделываемые сазаками,—рис и кофе, которые и вывозятся из ампананской гавани. За границу они продают, затем, низкорослых, но очень ретивых лошадей, а также особого вида уток, которые, на-подобие пингвинов, ходят совсем прямо и которых моряки называют «балийскими солдатами». Единственной ходячей монетой в Ломбоке служит китайская лигатура.

В Ломбокском и Каранг-Ассемском княжестве законы весьма строги. Всякая кража, вся-

1 Ed. Cotteau, „En Oceanie“.

кое прелюбодеяние наказываются смертью. Азартные игры и употребление опия воспрещены под страхом наказания палками; в законе предвидятся даже и такие случаи, где смерти осужденного предшествует пытка. Наследства присвоиваются сыну лишь под тем условием, что он возьмет на себя содержание всего семейства. Армия раджи, состоящая из двадцати тысяч человек, вооружена лучшим огнестрельным оружием и обучена воинскому делу на редкость между восточными войсками. Ломбокский раджа имеет своим представителем в Каранг-Ассеме вице-короля.

VIII. Сумбава

Будучи гораздо больше соединенных вместе Ломбока и Бали, Сумбава—истинное туземное наименование которой: Самбава (Sambava)—состоит в действительности из нескольких различных земель, которые незначительная денивеляция совершенно разделила бы, тогда как небольшое изменение уровня в другую сторону соединило бы их с соседними островками, каковы на севере: Можо, на юго-востоке: Сидо и Тенгани. Около средины своей долины, Сумбава низведена к узкой перемычке всего лишь в двадцать километров ширины: широкая бухта, средиземное море в миниатюре, проникает из Зондского моря в глубь земель, разветвляясь на боковые бухточки, служащие превосходно защищенными убежищами от всех ветров. Восточнее, другие бухты изрезывают поморье в форме фиордов: таковы бухта Тжемпи—на южном берегу, и бухта Бима—на северном. Большая часть острова гориста и образована из отдельных, вулканического происхождения, массивов, которые, при посредстве обломков, выкинутых из их трещин, отвоевали для себя у моря известные пространства. Угасших или действующих кратеров на Сумбаве насчитывают до двадцати-двух. Тем не менее, на юге острова наблюдается также несколько осадочных формаций, которыми продолжаются к востоку ряды известковых гор Явы, Бали и Ломбока. Юго-западная оконечность Сумбавы, именно, и образована горою из невулканических напластований, заканчивающихся правильным плоскогорием, которое, на-подобие многих гор такой же наружности, называют Тафельбергом, т.е. «Столовою горою».

Вулкан Нгенгес (высотою в 1.363 метра)—первый из больших массивов в западной части острова; за ним следует Лантех (в 1.598 метров); но эти горделивые горы превзойдены вулканом Тимборо или Тамборо, обломанный конус которого выдается кнаружи от Сумбавского побережья, наполняя своими длинными склонами весь обширный полуостров. Самая высокая вершина Тимборо поднимается на 2.756 метров, хотя до 1815 года гора эта, как говорят, превышала четыре тысячи метров: тогда она господствовала над всеми горами в Инсулинде. Тот конус, который виден ныне, когда плывешь к северу от Сумбавы, есть не что иное, как исполинская развалина, громадный кратер которой имеет в глубину 530 метров, а в окружности 25 километров. Вечером, 6 апреля 1814 года, вершину горы взорвало, и тучи пепла, освещаемые заревом пожара, покрыли небо. Впродолжении десяти суток, Сумбава и соседния моря оставались погруженными в ночной мрак, прерываемый лишь зигзагами молний: грохот в недрах горы слышался вплоть до Целебеса, Борнео, Явы и Суматры; пепельный же дождь, разносимый во все страны пассатами и противопассатами, но, в особенности, верхними ветрами в западном направлении, ниспадал на пространстве многих миллионов квадратных километров; небо было затемнено к западу до Семаранга; на соседних с вулканом водах пловучий слой из пемзы превышал в толщину один метр, и корабли были вынуждены останавливаться в открытом море. Рассказы избежавших гибели туземцев и арабских купцов не были своевременно собраны и проверены, а вследствие этого было невозможно исчислить и количество выброшенных, при извержении, кратером Тимборо частиц; но некоторые не подлежащие сомнению данные свидетельствуют, что распределившаяся, при этом, вокруг вулкана, масса заняла сотни квадратных километров, по Юнгхуну, более трехсот, а по Цоллингеру, даже более тысячи километров. Двенадцать тысяч жителей из небольших окрестных государств оказались погребенными под пепельным дождем; но голод

и эпидемии, которые следовали за этой катастрофой на Сумбаве и на ближайших островах, по причине гибели лесов, потери скота и разрушения оросительных каналов—обусловили смерть гораздо большего числа людей, быть-может, около ста тысяч индивидов. Неурожай повел к гибели сорока тысяч сазаков на Ломбокском острове; общее население Сумбавы, достигавшее в 1815 году 170.000 человек, тридцать два года спустя, т.е. в 1847 году, состояло всего лишь из 75.500 лиц, так как остров не мог ещё снова покрыться растительностью, доставляющею пищу. Даже в наши дни, три четверти века после извержения, полуостров Тимборо остался почти совершенно пустынным. В большей части Инсулинда, «пепельная ночь» долгое время считалась капитальным событием истории и датой сравнения для всех обычных житейских фактов.

Что касается поверхности Сумбавы, то она исчисляется в 13.980 кв. километров, что, при населении в 150.000 человек, составит по 11 жителей на один квадратный километр.

В восточной части острова, изрезанной высокими кручами и часто подвергающейся сильным землетрясениям, вулканические конусы многочисленны. Динди, Соро-Манди, или «Отец Smid», Ару-Хасса, около северных берегов, достигают, соответственно, высоты 1.570, 1.388 и 1.677 метров; около же юго-восточного угла возвышаются два конуса: Самбори (в 1.256 метр.) и Ламбоу (в 1.413 метров). Наконец, вне Сумбавы, островная гора Санжеанг (Sangeang), также называемая Гунонг Апи, т.е. «гора огня», достигает 2.100 метров. Это вулкан, очаг которого, на-подобие Стромболи, находится в непрерывной деятельности: снизу можно наблюдать выбрасывание струи паров и пепла, затем туча мало-по-малу рассеевается, вулкан затихает, и вдруг, спустя несколько минут, а иногда даже и четверть часа, новый испущенный вулканом вздох помрачает лазурь неба.

Населяющие Сумбаву жители, принадлежащие, как и их соседи, к малайской расе, подверглись влиянию целебесцев, с которыми они ведут значительную торговлю и от которых сумбавский остров зависит в административном отношении: язык целебеских бугов смешивается с другими малайскими наречиями в некоторых округах северного берега, а Макассарский язык служит единственным письменным языком в крае[1]. Почти все жители Сумбавы считают себя магометанами, но некоторые группы оранг-донго, т.е. «горцев», проживающие в лесах к югу от вулкана Ару-Хасса, ещё язычники, хотя и сохраняющие некоторые церемонии, свидетельствующие о проходе индусских миссионеров также и чрез их горы. Они дают духам санскритского происхождения наименование *dewa* и приносят им в жертву плоды и цветы. Ночью они освещаются, подобно своим предкам, пламенем факелов, так как свет от лампы причинил бы им несчастие. Когда кто-либо из них умрет, то его имущество делится поровну между всеми наследниками, при чём, однако, одна из долей причитается также и самому покойнику: доставшийся ему скот приносится в жертву на его могиле, на которой также сжигают, или в которую зарывают и остальные предметы, дабы умерший, унес их с собою в другой мир. Эти горцы запрещают европейцам вступать в свои леса, и небольшой товарообмен, который они поддерживают с посторонними купцами, совершается на условленных лужайках по окраинам их территории[2].

Западное королевство Сумбавы в частности называется по имени острова; его столица, тоже называемая Сумбавою, расположена на окраине одной бухты на северном берегу, выставленном северо-западным ветрам; она разделена на несколько кампонгов, в которых проживают люди, принадлежащие к разным расам: уроженцы острова, буги, и другие переселенцы с Целебеса. Город Сумбава населен по крайней мере шестью тысячами человек; во время же извержения вулкана Тимборо избежать гибели удалось только двадцати шести лицам. Из Сумбавы, преимущественно вывозят тех резвых лошадок, которые составляют славу острова; купцы этого города отправляют за море также хлопок, сандальное дерево, и, за счет голландского правительства, драгоценное дерево сапан, в роде *caesalpinia*, т.е. «красного дерева», употребляемое в красильном искусстве, особенно в Японии. С другой стороны, вво-

1 H. Zollinger, „Bima en Soembawa“.

2 C. Reinvardt, „Reis naar den Indischen Archipel“;—H. Zollinger, „Reis over Bali en Lombock“.

зить сумбавским купцам приходится кокосовое масло, так как кокосовые деревья весьма редки на острове.

Город Бима, выстроенный на восточном берегу бухты того же имени, есть почти единственный рынок той половины острова, которая расположена к востоку от Тимборо, и в то же время столица туземного государства, в состав которого входят также, к востоку от пролива Сапи: древний иззубренный кратер Жили Банта, т.е. «заграждение дороги»; группа Комодо, т.е. «острова крыс», несколько островков, и земля Мангкарай, западная часть острова Флорес. Некогда частью этого государства был также и остров Сумба. Порт Бима—один из лучших в Инсулинде. Бухта—которая вдается, в форме клюзы между скалами, более чем на 25 километров вглубь земель, и которая окружена амфитеатром вулканов,—имеет при входе не менее 130 метров глубины, а перед Бимой, где она расширяется в озеро, суда находятся вполне вне ветров с открытого моря и становятся на якорь на глубине от 25 до 35 метров. Особый квартал, кампонг Воланда, т.е. «голландская деревня», служит резиденциею европейских купцов и чиновников, которые надзирают за султаном и взимают при торговых сделках долю, причитающуюся правительству, пребывающему в Батавии. Подобно Сумбаве, Бима также вывозит замечательно красивых лошадей, покупаемых в особенности арабскими купцами. Герб королевства—изображение лошади, и в королевских конюшнях одно из этих животных, с здоровьем которого связывают благосостояние государства, содержится с отданием ему почти божеских почестей: когда оно умирает—«таинственным образом», по словам туземцев,—то тотчас же замещается другим таким же полу-богом. Во время путешествия Цоллингера, в 1849 году, у султана Бимы было не менее десяти тысяч лошадей. Будучи окружен вулканами, Бима часто терпит также и от землетрясений: во время извержения Тимборо, чудовищная волна, приподняв суда, выкинула их в город на разрушенные дома. В соседстве с Бимою, находится несколько индийских могил, вероятно, относящихся к тому времени, когда эта область Сумбавы была данницею явайской Моджо-Пахитской державы. В крае найдены, не разобранные ещё, надписи, оставшиеся от какого-то неизвестного народа[1].

IX. Флорес, архипелаги Солор и Аллор

Эти земли, тоже причисляемые к «Малым Зондским островами», составляют часть длинной цепи, которая образовалась на восток от пролива, на трещинах вулканического очага, откуда изливались лавы, и которая, в виде слегка вогнутой кривой, продолжается до островка Нила. Флорес и его соседи на востоке—происхождения вулканического, как и западные земли; на этих узких островах, протянувшихся в форме стены между двумя морями, даже совсем нет осадочных гор, какие имеются на Яве, Бали и Ломбоке; южные мысы Флореса суть горы с кратерами, либо угасшими, либо ещё курящимися. Хотя земли эти изобилуют всякого рода произведениями, но их европейские обладатели относятся к ним недостаточно внимательно: громадная колониальная инсулиндская держава слишком обширна, чтобы её было можно методически эксплоатировать на всём её пространстве. До 1859 года, голландцы и португальцы оспаривали друг у друга восточную часть Флореса и соседние архипелаги; заключенный, затем, договор присудил Нидерландам всю спорную территорию, но и с этого времени она не была лучше исследована. Не существует даже приблизительных данных о численности островитян: лишь путем косвенных исчислений, по поступлению налогов и размерам торговли в портах, определили, что народонаселение Флореса и двух архипелагов: Солора и Аллора, достигает цифры приблизительно в четыреста тысяч человек. В частности же признают вероятными следующие цифры относительно пространства и населения этих островов: Флорес—16.377 кв. кил., 200.000 жителей; архипелаг Солор—2.053 кв. кил., 40.000 жителей; архипелаг Аллор—3.525 кв. кил.. 85.000 жителей; всего—21.955 кв. кил.,

1 H. Zollinger, „Bima en Soembawa“.

375.000 жителей.

Вулканы расположены вдоль южного берега Флореса. Вулкан Рокка, или Омбуру Соро, выдвигающий свои потоки лав в виде мысов в Индийское море, достигает 2.080 метров высоты. Восточнее, в области Эндех—каковое наименование прилагалось иногда также и к целому острову—возвышается гунонг Кео или Ромба, вершина которого, как полагают,—самая высокая из флоресских гор, так как она достигает 2.800 метров. Вулкан, называемый специально гунонг Апи, т.е. «гора огня», господствует над оконечностью одного мыса, к югу от деревня Эндех или Амбогага, а по рассказам туземцев, к северу от той же деревни находится другая вулканическая гора, гунонг Кинго, несколько раз подвергавшаяся извержению уже в исторические времена. В юго-восточном углу Флореса, вулкан Лобетоби имеет два конуса, из которых один, Лаки-Лаки, т.е. «Мужчина», высотою в 2.170 метров, всегда дымит, а другой, Перампуан, т.е. «Женщина», высотою в 2.263 метра, имеет кратер, внутренность которого покрыта инкрустациями из серы. Угасший вулкан Кабалело (2.281 метр) высится над одним из проходов пролива Ларантука, против острова Салора. Наконец, конечный полуостров, искривляющийся на северо-восточной оконечности Флореса, на-подобие удильного крючка, также имеет свой вулканический конус, Ларантука или Илимандири, высотою в 1.576 метров; он находится в состоянии покоя, но у его подножия выбиваются наружу многочисленные теплые источники, посредством которых подземный очаг и выделяет свое тепло. Возможно, что на северном берегу, около деревни Жилитинг, в том месте, где остров Флорес съуживается до образования перешейка, находится и ещё один вулкан; но также возможно, что моряки, плавая по внутреннему морю, видели столб паров, в действительности поднимающийся с южного берега, но приписали его какой-либо вершине на поморье северном[1].

К югу от Танджонг Бунга, т.е. «мыса цветов»—откуда и самое наименование острова Флоресом, данное ему португальцами,—«портал», не шире 1.400 метров в наиболее съуженной части прохода, отделяет Флорес от острова Андонарэ: парусные суда не всегда без опасения отваживаются проникать в этот пролив, так как в съуженную его теснину врываются ветры, а течения в нём, будучи весьма стремительны, иногда быстро меняют свое направление. Но в этих морских пространствах и другие пути открываются между морями Флореса и Тимора, так как Зондская вулканическая гряда делится на многочисленные отделы. Остров Солор, давший свое наименование также и наиболее приближенному к Флоресу архипелагу, есть самый меньший из своей группы; на севере, остров Андонарэ населен гораздо более, и сам гораздо обширнее; остров же Ломблем—ещё значительнее. Два острова группы Аллор: Пантар и Омбай—посещенные спутником Магеллана, Пигафеттою, и описанные им под именем Малува, суть также острова, превышающие Солор площадью; затем, по соседству со всеми этими большими землями рассеяно большое число островков и рифов. Все упомянутые здесь острова гористы, а вулканы излили на них и свои лавы. Ламахале, высотою в 1.535 метров, поднимается над островом Андонарэ, а Лобетолле, высотою в 1.490 метров, образует подъем поверхности на южном берегу Ломблема.

Народонаселение как Флореса, так и соседних островов образовалось из смешения различных элементов. Прибрежные жители, говорящие по большёй части на малайском наречии города Бимы, принадлежат к одной и той же группе с островитянами Сумбавы, за исключением основавшихся в портах бугов и других переселенцев с Целебеса; они строят свои жилища по-малайски, устанавливая их прямо на земле, а не на сваях, на-подобие папуасов. Однако, туземцы внутренней области на Флоресе и Солоре, говорят, окрашены в более темный цвет, чем прибрежные жители, а своими чертами лица, как равно и образом жизни, свидетельствуют о своем этническом родстве с папуасами Новой Гвинеи[2]. Островитяне группы Флореса—как и жители западных островов, за исключением Бали,—причисляют себя к магометанам; но португальцы, владевшие до половины текущего века частью Флореса и не-

1 P. J. Veth, „Aardrijkskundig Genootschap te Amsterdam“. 1886.

2 George-Windsor Earl, „Tht Native Races of the Indian Archipelago”.

большими соседними архипелагами, были большими, чем голландцы, ревнителями в деле обращении туземцев в христианство: оттого на этих островах встречаются малайцы, которые называют себя «португальцами» и «христианами», и в жилах которых, вероятно, и течет немного португальской крови. Священники с Тимора, вследствие этого, иногда навещают свои приходы для крещения детей, благословения браков и окропления могил.

Главным городом голландских владений в этих морских пространствах стала Ларантука, бывшая крепость португальцев, расположенная у подножия вулкана того же имени и на краю Флоресского пролива. Каждый год, вместе с северо-западным муссоном прибывает сюда с Целебеса флотилия судов, которая привозит мелочные товары, глиняную посуду и металлы, а удаляясь вместе с юго-восточным муссоном, увозит панцири черепах, голотурии, ласточкины гнезда и другие продукты страны. Некогда также вывозили с Флореса, именно из западного его округа, Манжера, рабов. До 1756 года, Флорес быль одним из тех островов, на которых Восточно-Индийская Компания воспрещала всякую торговлю под страхом самых тяжких наказаний, из опасения, чтобы суда не нагрузились дико-растущей корицей, так как она могла бы соперничать с корицею, находившеюся в монополии у Компании.

Целебесскими купцами также посещаются и следующие, уступающие в значения Ларантуке, города: Андонарэ, на острове того же имени, Ловажанг, главный город на Солоре, и Аллор-Катжил, на северо-западной оконечности Омбая. Эти города, с их архипелагами, все зависят от провинции Флорес, тогда как часть даже большого острова, именно Манжерааи, причисляется административно к Сумбаве.

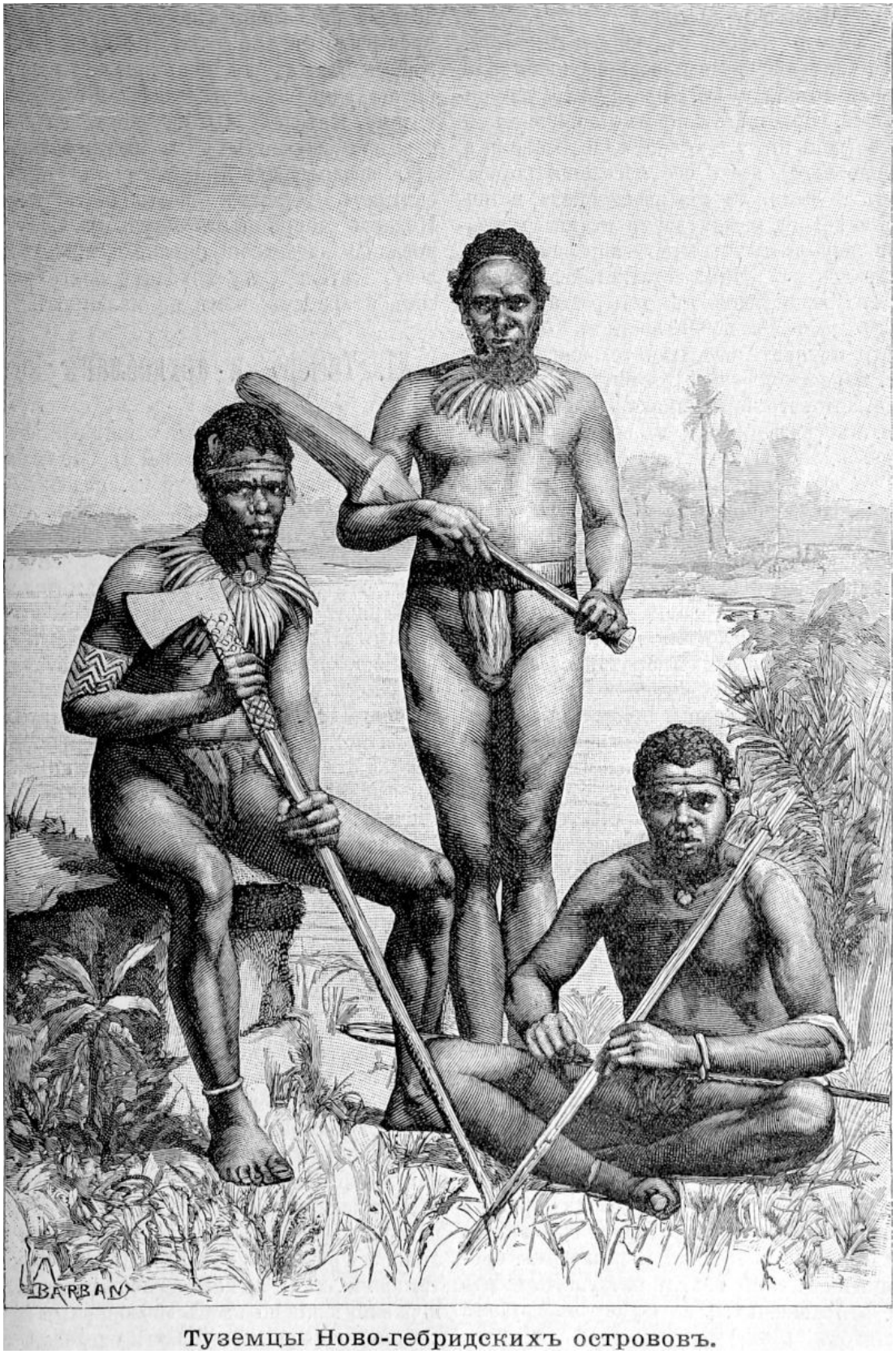
X. Сумба

Этот остров, который также причисляется к «Зондским», хотя и находится в открытом Индийском океане, вне ряда островов, составляющих продолжение Явы,—представляет небольшой отдельный мирок. Будучи отделен от Комода и Флореса морским рукавом, шириною, в среднем, около сотни километров, а глубиною более, чем в двести метров, Сумба даже и не параллельна вышеописанной правильной цепи вулканических гор: её четыреугольная масса изгибается в направлении с северо-запада на юго-восток. На острове нет уже более дымящагося кратера, а вулканического происхождения породы на нём занимают, по словам путешественников, лишь небольшое пространство. Полагают, что остров почти целиком образован осадочной формацией: на всём южном берегу, его утесы—известкового строения и оканчиваются кручами, изрытыми пещерами; ни в какой части Инсулинда, как говорят, ласточки-саланганы не летают более густыми тучами. Около центра острова, местность, довольно ровная, имеет вид плоскогорья, достигающего шестисот метров высоты, а почва образует холмы и горы только вдоль поморья. Между различными именами, которые дают острову Сумбе (Tjindana тоже), есть одно, которого он более не заслуживает, именно Sandelhouteiland, т.е. «остров сандала», так как росшие на берегу этого рода деревья почти совершенно исчезли, вследствие хищнической эксплоатации. Остались они лишь внутри острова. Из двух разновидностей сандалового дерева, красного и серого, более ценится последнее: превращенное в порошок, оно в особенности употребляется в косметике, а также и как лекарство. Сумба обладает также и золотоносными россыпями, вследствие чего она, в свою очередь, тоже была одним из легендарных эльдорадо, «островов золота». Гами полагает, что в Сумбе следует видеть тот остров, первым исследованием которого гордился *descobridor* Годиньо-де-Эредиа[1].

Хотя жители Сумбы, будучи разделены на большое число маленьких общин, никогда не оказывали голландцам, миссионерам или чиновникам, серьезного сопротивления, тем не менее остров этот всё ещё мало известен, и недавно численность его населения колебалась, в зависимости от различных источников сведений, между двумя стами тысячами и миллионом

1 „Bulletin de la Societe de Geographie", Juin, 1878.

душ; ныне,—впрочем, тоже не опираясь на точные статистические данные,—его исчисляют в четыреста тысяч человек, цифра для поверхности в 10.900 кв. километр., сравнительно, значительная. Жители Сумбы, малайской расы, говорят на особом наречии, которого не пони-



Туземцы Ново-гебридскихъ острововъ.

мают другие островитяне; в сражениях и в воинских церемониях, они ещё походят на средневековых людей, с их длинными копьями, кольчугами и щитами. Подобно своим соседям на островах Саву, расположенных восточнее, на половине пути по направлению к Тимору, они сохранили культ предков, состоящий из смешения церемоний и верований, свидетель-

ствующих об индусском влиянии: так, они говорят о Троице, состоящей из таинственных богов: Доброго, Покровителя и Злого[1]; однако, сумбские старейшины приносят жертвы не высшим духам, а волнам моря, большим деревьям, горам и могилам предков. У сумбийцев нет ни храмов, ни жрецов; обязанность жрецов исполняют главы семейств и старики; но на островах Саву наименование жреца дают палачу, который состоит при суде раджей и обезглавливает осужденных. Начальники погребаются в сидячем положении, так что подбородок упирается в колени.

Гавань Нангамесси, где один арабский купец поселился вместе с небольшою колониею своих соотечественников, служит главным рынком острова Сумбы. Из этого порта, хорошо расположенного на южном берегу, при конце красивой долины, вывозят превосходных лошадей, и не только в другие страны Индонезии, но также в Австралию и на остров Маврикия. Некогда с берегов этого отдаленного острова тайно вывозились рабы: так, ещё в 1860 году, резидент, пребывающий на Тиморе, велел разрушить десять судов, отправившихся на Сумбу за грузом невольников[2].

Посещенные Куком в прошлом столетии, острова Саву: «Большой Саву», Ранджуна и Дана—составляют одно административное целое вместе с Сумбою и зависят от резиденства на Тиморе. Население островов Саву превысили в 1869 году тридцать тысяч человек, как вдруг по архипелагу распространилась эпидемия оспы, унесшая в могилу половину жителей. Ныне, число островитян, довольно скученных на их небольшой, в 480 квадратных километров, территории, считают равным шестнадцати тысячам. Недавно женщины с островов Саву татуировались на-подобие полинезийских. По Уэллесу, жители Саву походят более на индусов и арабов, чем на малайцев.

XI. Тимор и архипелаг Ротти

Остров Тимор, самый обширный из тех, которые известны под именем «Малых Зондских островов», находится, подобно Сумбе, вне ряда вулканических островов. Расположенный в направлений с юго-запада на северо-восток, Тимор образует с сейчас названною цепью острый угол, но кажется, что, пересекая эту цепь, он изогнул её, чтобы заставить следовать в его собственном направлении, так как продолжающие явайскую линию вулканов восточные острова, направляясь к острову Нила, располагаются по оси Тимора; вероятно, что в пластике земного шара Тимор и эти острова подверглись одному и тому же сгибанию почвы. Подобно Суматре и Мадагаскару, Тимор представляет со стороны Индийского океана берег, гораздо более правильный, чем северное побережье, обращенное к заливам и неглубоким морям. Два противоположные моря туземцы различают, называя «морем мужским» южное море, устремляющее свои ужасающие волны к береговым кручам, и «морем женским»—северное море, более покойное, а, следовательно, и менее опасное для судов[3].

Несмотря на свою географическую важность, в юго-восточном угле Инсулинда и насупротив австралийского берега, Тимор оказывается одним из тех островов, которые настолько мало изучены ещё и в наши дни, что исчислить с точностью их население ещё невозможно. Нидерланды и Португалия разделили эту большую землю почти по-ровну; но тиморяне, тем не менее, распределены далеко неравномерно по этим половинам острова; так, в португальской части острова, зависящей в административном отношении от Макао и обнимающей пятьдесят-четыре «королевства», из которых иные, ещё пользующиеся совершенною независимостью, имеют более полу-миллиона жителей, по Vaqninhas'у, произведшему в 1879 году или подробные или суммарные переписи для каждого из этих государств. Что же касается голландской территории, которая тоже не вполне покорена, то в ней жителей не более 250

1 P. P Roorda von Eysinga, „Land-en Volkenkunde van Nederlandsch Indie".
2 „Aardrijlkskundig en statistisch Woordenboek van Nederlandsch Indie".
3 Vaquiuhan, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa", 1885.

тысяч. В частности, вероятны следующие данные:

	Поверхность кв. кил.	Народонаселение жит.	На 1 квадр. килом. жит.
Португальская часть Тимора и островов Камбинг	16.847	536.000	32
Голландская часть Тимора	13.448	250.000	19
	30.295	786.000	26
Остров Самау	421	3.000	7
Архипелаг Ротти	1.004	34.000	34

Наименование «Тимор», малайского происхождения, этнического значения не имеет: означает оно: «восток». Инсулиндские моряки, при своих мореходных странствиях, видели в нём самую восточную землю и обозначали как этот большой остров, так и островкн, расположенные ещё более к востоку, следующими наименованиями: Timor-besar, т.е. «большой восток» и Timor-ketjil, т.е. «малый восток». Предание гласит, будто туземцы Тимора были незнающими земледелия дикарями, живущими только тем, что давали им сбор дикорастущих плодов и рыбная ловля, когда около средины южного берега, там, где ныне находится небольшое княжество Вайвико-Вайхали, появились первые переселенцы. Эти колонисты, внесшие в страну рис и кукурузу, а также употреблявшие технические орудия и огнестрельное оружие, прибыли, как говорят, в конце четырнадцатого и в начале пятнадцатого столетий. Эти иностранные захватчики, выходцы с о. Тернате, вскоре превратились в властелинов и стали родоначальниками княжеских семейств, различные королевства которых считались зависящими от Тернатскаго султана, если не как данники и вассалы, то по крайней мере вследствие некоторой мифической связи. И даже когда Восточно-Индийская Компания стала оспаривать у португальцев обладание островом, то она ссылалась на добытое ею формальное отречение Тернатского султана от своих прав[1].

Известно, что первые белые мореплаватели, высадившиеся на Тиморе, были португальцы: именно в 1520 году и около средины северного берега, в деревне Лифо, которою они владеют и в наши дни, они прежде всего заняли тиморскую землю; спустя немного, они возвели также форт в Купанге, городе, который ныне является главным пунктом нидерландских владений. Голландцы пристали к берегам Тимора по миновании почти целого столетия, именно в 1613 году, совершая одну из военных экспедиций против своих соперников. Раз прочно утвердившись, они должны были без отдыха вести войну как против «белых португальцев», так и ещё более, против «португальцев черных», т.е. против тех туземных властителей, которые, вследствие скрещивания рас, имели в себе немного португальской крови; до половины XVIII века крепости Купанг приходилось отражать нападения, а опустошавшая край война приняла такие размеры, что Голландская Компания содержала в 1757 году армию из 13.700 человек: европейцев, тиморян, людей с острова Ротти, и как свободных, так и ещё пребывавших в рабстве. Смотря по превратностям битв, начальники крестились то по протестантскому, то по католическому обряду и принимали то голландские, то португальские имена. В текущем веке войну сменили дипломатические споры, и только в 1859 году договор окончательно выяснил вопрос о границах между двумя государствами.

Основываясь на исследованиях, касавшихся отдельных частей острова, как на его окружности, так и внутри, можно заключить, что в своей средней части Тимор представляет, от одной оконечности до другой, костяк из плоскогорий и гор, принадлежащих к древним формациям, сланцам, песчаникам и известнякам; но с той и с другой стороны острова, на обоих его склонах, отложились более новые слои, именно меловые; весьма мощны также пласты глины, вследствие чего чрезвычайно затруднительно прокладывать дороги по расплывающейся земле[2]. Произведенные кораллами скалы, опоясывавшие юго-западную часть острова, также мало-по-малу поднялись на несколько сотен метров над уровнем моря[3]. В некоторых местностях, утесы горной цепи вдруг поднимаются в виде обелисков и цитаделей: в

1 P. J. Veth, „Het Eiland Timor“.

2 H. O. Forbes, упом. соч.

3 Beete Jukes. „Voyage on the „Fly“.

таких случаях, эти каменные массы, господствующие над окружающими их округло-плоскими вершинами, называется *fatoe*, по-малайски *batoe*, т.е. скалы, тогда как горы с длинными правильными склонами именуются *netem*. Один такой фатоэ, около Купанга, на юго-западе острова, называющийся Лесу, возвышается приблизительно на 1.200 метров; далее следуют горы уже более высокие, но на голландской половине Тимора ни одна вершина не достигает 2.000 метров. В португальской части острова, вершины более высоки, а край более суров: пик Кабалаки, посещенный Форбесом, превышает три тысячи метров; гора Алас, возвышающаяся в небольшом расстоянии к востоку от границы, непосредственно к северу от берега Индийского океана, должна иметь не менее 3.738 метров: это соперница Семеру на Яве и пика на Ломбоке. Если на острове Тиморе и есть собственно вулканы, в чём ещё сомневаются, то они немногочисленны; по Рейнвардту[1], в 1856 году, одна гора в западной части острова, называемая Илун-бано, произвела извержение и причинила некоторый вред краю; а в следующем году, будто бы, Bibiluto, гора на португальской территории, выбрасывала пепел. Также и Уэллес говорит об одном, находящемся в центре Тимора, пике, который, вследствие извержения в средине XVII столетия, будто бы был в большей своей части обращен в развалины. Во многих местностях порфиры и серпентины пробились на поверхность, пройдя сквозь осадочные напластования. Около юго-западной оконечности Тимора, в одной из бухт острова Самау, возвышается песчаниковый утес, один из тех многочисленных островков, которые обозначают слоном: Kambing, синонимом итальянского наименования: *Caprera*. На вершине этого островка виднеется некоторого рода кратер, лишенный всякой растительности и вмещающий в себе рассеянные холмики, от 3 до 8 метров в высоту: это грязевые вулканы, подобные сицилийским маккалубам. Каждое извержение газа сопровождается истечением серой глины, которая спускается по склонам холма, мало-по-малу увеличивая его, до тех пор, пока напор извнутри не откроет нового выхода для извергаемых веществ. У подошвы холмов, трещины в почве наполнены солоноватою водою, которую весьма любят олени, так как для того, чтобы напиться ею, они вплавь пускаются с острова Самау; часто, при этом, охотники устраивают им в Камбинге засады[2]. Около источников растет нумук, особый вид священной смоковницы; ветви этого дерева, поддерживаемые «тремя тысячами стволов», по словам Темминка, могли бы приютить под своим шатром целую армию. Грязевые вулканы образовались также к югу от Самау, на островке Ланду.

На Тиморе—земле, наиболее близкой к Австралии—времена года гораздо резче разграничены, чем на западных островах, Яве, Суматре и Борнео. Во время юго-восточного муссона, с мая по октябрь, ветер, только что пронесшийся по австралийскому материку, не доставляет никакой влаги: растительность увядает, и горы становятся красными, желтыми и сероватыми повсюду, где их склоны покрыты лишь травами или кустарниками. Ручьи и даже реки вполне пересыхают, начиная снова течь только во время западного муссона, когда поверхность земли снова зазеленеет и зацветет. Месяца ноября, вместе с которым должен задуть, сопровождаемый благодетельными дождями, северо-западный муссон[3], ждут с нетерпением; первый выпадающий дождь встречается в каждой деревне с музыкою и танцами. Из двух склонов острова лучше орошен и более зеленеет склон северный, *banda de dentro*, как говорят португальцы, т.е. «внутренняя полоса»; там реки длиннее, леса обширнее, а население живет сравнительно многочисленными и процветающими группами. Склон к югу—*banda de fora*, «внешняя полоса»—более сух, менее покрыт зеленью и менее изобилен; однако, он далеко не бесплоден, как о нём часто говорили, наблюдая его только в сухое время года.

Контраст, который представляют две противоположные покатости в отношении изобилия вод и облика растительности, повторяется также в флоре и фауне. Берег, обращенный к Австралии, богаче австралийскими видами; обращенный же к Зондским в Молуккским остро-

1 „Reis in den Indischen Arehipel“.

2 P. J. Veth, упом. мемуар.

3 Blink, Wind-und Meeresstiomungen im Gebiet der Kleinen Sunda-Inseln“, 1887.

вам по преимуществу обладает видами, принадлежащими этим областям. Впрочем, как известно, Тимор сравнительно беден растительными и животными формами: он обнаруживает более связи с Новой Голландией, чем с Азией, и на нём мы находим эвкалипт, растение, характеристичное для Австралии. Внутри острова, многие растения напоминают об африканской флоре. На Тиморе нет других представителей из семейства кошачьих, кроме кошки с длинными ушами; самое большое его четвероногое—олень, приближающийся к подобному же виду на Яве и Молуккских островах. Из обезьян на Тиморе водится всего лишь одна, *cercopithecus cinomolgus*; две трети его млекопитающих состоят из летучих мышей. Наиболее опасными животными тиморской фауны являются: зеленый тригоноцефал и крокодил, от которого прежде и производили свой род Кукангские государи. Когда, поэтому, новый государь воцарялся, то его подданные отправлялись на берег для отдания почестей также и его родственникам из семейства ящеричных: при этом, то из этих чудовищ, которое показывалось из воды первым, признавалось за двоюродного брата короля, и ему, в качестве супруги, бросали разодетую и надушенную красивую девушку, которую оно и пожирало, при рукоплесканиях толпы.

Жителей Тимора, при классификации, не причисляют к собственно так называемым малайцам; повидимому, они приближаются к дайякам на Борнео Что бы ни говорили многие писатели, чернокожих народцев на острове Тиморе не существует[1]: у всех туземцев кожа светлая, желтоватая, как у малайцев; не отличаются ею друг от друга и самые племена, которые распознаются более по костюму и оружию, чем по облику и чертам лица. Племен же этих весьма много и, по Крауфорду, на Тиморе говорят не менее чем на сорока «языках» или скорее, диалектах. Самую значительную этническую группу составляют Эма-Велу, называемые голландцами *Belotneezen*. Они занимают всю восточную половину и большую часть центральной области, и распадаются на большое число племен: отсюда и наименование велу, т.е. «друзья» или «союзники». Эти туземцы считают себя прибывшими с Молуккских островов, что, вероятно, справедливо для семейств их начальников; подобное же происхождение они приписывают также и своим западным соседям, собственно так называемым тиморянам, хотя называют они их эма-даван, т.е. явайцами. Эти тиморяне, или тох-тимор, населяют западные области острова, за исключением крайней его оконечности, где проживает народец атули-купанг, государь которого пребывает на западе, на острове Самау[2]. Иноземные купцы, буги, китайцы и европейцы, основались в портах, и известно, что та смешанная раса, которую называют «черными португальцами», создалась в северной части острова, именно в княжествах Амбену, Окюссэ и Ноимути, образующих португальскую энклаву среди голландской территории. Государи, даже на голландской территории, получили наименование феттор (*fettor*), от португальского *feitor*; т.е. интендант, управитель.

Белонэзы и тиморяне, ещё не подчинившиеся влиянию католических или протестантских миссионеров, имеют довольно развитый анимистический культ. Они поклоняются Узи-Нено, т.е. властителю света, живущему на солнце и взявшему себе в супруги луну. В звездах они видят божества низшего рода; но, почитая этих отдаленных богов, они в особенности обращаются со своими молитвами к тем предметам природы, которые находятся около них: горам и утесам, деревьям и источникам; также они приносят жертвы душам умерших, обычным посредникам при всех сношениях людей с высшими богами. Почитаемые места становятся *помали* для них, и никто не может проникнуть в эти места без позволения жрецов: срубить ветвь в священном лесу, выкупаться в священном источнике, было бы преступлением, заслуживающим смерти. Законы табу соблюдаются на Тиморе не менее, чем на полинезийских островах и у сакалавов, а сходства культов таковы, что в этом следует видеть не столько результат естественного развития человеческого духа, столько указание на цивилизацию, бывшую некогда общей для островитян Мадагаскара, Тимора и Океании. В каждой деревне есть свой храм, скрытый в священном лесу и окруженный крепкой оградой. В каж-

1 Riedel, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1879

2 Temminck „Coup d'oeil sur les Possessions Neerlandaises dans l'Inde Archipelagique".

дом государстве есть свое особое святилище, страшное место, к которому профаны не должны более приближаться после того, как сквозь листву увидят черепа буйволов, украшающие ворота. Эти храмы—жилище *лулика*, т.е. духа-покровителя, пребывающего в центре здания на камне, сброшенном с неба богом света. Тиморяне верят также и в злых духов, которым они приносят в жертву черных животных, тогда как животные рыжей масти оставляются для жертвоприношений богам-покровителям[1].

Тиморяне татуируют различные части своего тела при помощи костей, колючек, стачивают в острие зубы и часто, «чтобы не походить на обезьяну», окрашивают их в цвет гранатовых зерен; у некоторых племен богатые туземцы украшают свои зубы пластинками из золота или из серебра. Обычаи, относящиеся к браку и к наследству, разнообразятся по племенам. Так, если в одних местностях жён постоянно берут вне своего племени, то есть другие, где брачные союзы всегда эндогамические; здесь преобладает отцовское право с наследованием от отца к сыну, а там материнское право с наследованием от дяди к сыну сестры. Есть племена, где молодой человек не иначе вступает в сонм равноправных и может жениться, как отрубив одну или несколько голов, как борнейский даяк, но только во время объявленной заранее войны, или при совершении погребальных церемоний. Вследствие этого, войны были беспрестанны между племенами, но обычай требовал, чтобы войны совершались с соблюдением известного «международного права». Глашатаи, или «собаки края», призывали к оружию всех здоровых людей, затем шайка избранных направлялась на границу для того, чтобы, в знак вызова, бросить на вражескую территорию голову черной собаки. Как только пал один из сражающихся, битва прекращается, победитель бросается к трупу, выкрикивает свое имя и спрашивает имя побежденного. После восстановления мира, он возвращает череп жертвы вместе с штрафом, уплачиваемым общиной; в противном случае ему придется «за кровь—кровью же и расплачиваться[2]. Законы у тиморян весьма суровы и к смертной казни присуждают за большое число преступлений или проступков; дозволено, однако, откупаться от присужденного наказания: таким образом, суровость закона только и обрушивается на бедных[3].

Государи, или «сыны солнца»—как и во многих других краях—считаются не умирающими. Они лишь засыпают и погребаются не иначе, как спустя весьма долгое время после начала этого продолжительного «сна». В некоторых округах их помещают в открытых гробах на вершине деревьев, в других жены держат труп у себя на коленях в течение целых месяцев, и его зарывают лишь после превращения в высохшую мумию, которую кладут лицом кверху, «для того, чтобы умерший мог видеть своего отца». Его сокровища зарываются вместе с ним, а прежде к нему присоединяли и целую свиту рабов; ещё и в наши дни ему дается в спутники собака, которая должна указывать путь в замогильный мир; каждый из его подданных должен принести ему подарок. На могилах воздвигаются холмы из камней, которые тем выше, чем могущественнее была умершая особа. Однако, из опасения, чтобы мертвые не возвратились, путь, по которому проносили труп, преграждают забором из бамбука.

Купанг, столица голландской часто Тимора и юго-западных островов, оказывается одним из наименее здоровых городов в Инсулинде. Будучи расположена на южном берегу бухты, которая глубоко врезывается в юго-западную оконечность Тимора, она занимает весьма низменную местность, и воздух там возобновляется недостаточно, вследствие чего жары—удушающие. Тем не менее, этот город, населенный приблизительно семью тысячами человек: тиморянами, малайцами, китайцами и европейцами,—стал, благодаря своему рейду и выбору его нидерландскими властями, самым важным торговым местом на Тиморе: он весьма посещается во время юго-восточного муссона, но торговые суда с Солора и Целебеса избегают его во время муссона западного. Из Купанга вывозят в особенности сандаловое дерево, ло-

1 Veth, упом. соч.;—Adold Bastian, „Jndonesien oder die Inseln des Malayischen Archipel“.

2 H. O. Forbes, упом. соч.

3 A de Castro, „Aus allen Welttheilen“, Dec, 1872.

шадей, отборные апельсины и воск дикой пчелы (*apis dorsata*), подвешивающей своё гнездо к ветвям больших деревьев; кроме того, моряки Солорского архипелага приходят в Купангские воды для ловли всякого рода рыб, преследования китов и сбора жемчужных раковин. У них, именно, китайцы покупают плавники акул, панцири черепах и голотурий. Что касается жителей Тимора и Ротти, то они редко пускаются в море, будучи почти исключительно земледельцами. Жители Ротти приготовляют в изобилии высоко ценящееся пальмовое вино и продают превосходных малорослых лошадок, «величиной с ньюфаундленскую собаку».

Местечко Атапупу, находящееся около середины северного берега Тимора, также открыто для иностранной торговли. Оно расположено неподалеку от португальской границы, в провинции Филаранг, о которой рассказывают, будто она очень богата медной рудой; однако, этот металл там серьезно ещё не разрабатывался. К востоку от Атапупу находятся округи, населенные «черными португальцами», главный пункт которых—Окюссэ, прибрежная деревня. Гористые области, расположенные южнее, принадлежат небольшому государству Сонебайту: в нём пребывает *liorai*, т.е. «император», от которого некогда зависели почти все западные государства на Тиморе. Столицей другого «императора» служит деревня Вайвико, находящаяся на берегу Индийского моря. У тиморян нет вообще деревень; их хижины, от которых со стороны видна только кровля, поставленная на землю, рассеяны небольшими группами, обитаемыми, каждая, одним семейством[1].

Город Дилли, административный центр территории, более населенной, чем нидерландская половина Тимора, и местопребывание португальского губернатора, менее важен, чем Купанг; с половины текущего столетия он даже пришел в упадок, так как в то время в нём проживало более пяти тысяч человек, а в 1879 году, его население, вместе с предместьями, не достигало даже и 3.100 жителей. Ещё более, чем Купанг, Дилли—город нездоровый, так как окружающий его воздух заражен испарениями болот; но он обладает довольно хорошим рейдом, и, при взгляде на него с открытого моря, кажется красивым. Большая часть домов на-половину разрушена: лишь церковь, монастырь и семинария, господствующие над Дилли, поддерживаются в хорошем состоянии. Самую значительную часть португальской колонии составляют несколько ссыльных. Буги, китайцы, арабы и два или три индийца, из Гоа, занимая особое предместье, являются главными посредниками в торговле, предметами вывоза которой служат в особенности кофе, воск и сандальное дерево, а предметами ввоза—рис. В 1884 году, из общей суммы в 3.544.240 франков, на долю ввоза пришлось 1.114.410, а на долю вывоза 2.439.830 франков. Тиморский кофе—лучший по качеству, вследствие этого, многочисленные кофейные плантации недавно основались в ближайших к Дилли провинциях. Плантации сахарного тростника и табака имеют гораздо меньшее значение, а хинные деревья, которые были подарены Дилли в 1874 году явайским губернатором, не возбудили никакого интереса, и теперь едва найдешь на горных плантациях три или четыре экземпляра этого дерева[2]. Пшеница, которую возделывают на плоскогориях и на склонах гор, не переходя, однако, за пределы тысячи метров над уровнем моря, по качеству весьма хороша. Одним из главных промыслов жителей португальской части Тимора является тканье мешков из волокон различных растений, при чём этому труду предаются женщины, к выгоде китайских негоциантов.

Батюгюдэ, близ голландской границы Мобара, насупротив восточной оконечности острова Омбай, Манатюто, к востоку от Дилли,—деревни на северном берегу, ведущие также некоторую торговлю. Около Мобара имеются богатые прожилки медной руды, ещё не подвергшиеся разработке. По Вакиньясу, «черные португальцы» в Лифо говорят на португальском языке, и даже некоторые из туземцев умеют на нём читать и писать. Португальское войско, так называемая «Тиморская пехота», состоит исключительно из осуждаемых на публичные работы.

К северу от Дилли, в открытом море возвышается крутая гора Камбинг, единственный

1 H. O. Forbes, упом. соч.

2 Jose dos Santos Vaquinhas, „Boletim da Sociedade de Lisboa“. 1881.

остров, вне Тимора, предоставленный трактатами португальцам; населен он двумя тысячами человек.

XII. „Юго-западные“ острова

Эти земли, будучи сгруппированы под общим наименованием «Юго-Западных»—так как они приходятся большей частью на юго-запад от Амбоина, административного и торгового центра, от которого они зависят,—чаще называются английскими моряками Серватти, при чём это слово есть испорченное голландское наименование данных Островов: «Zuid-Wester»[1].

Хотя правительство соединило их в одну морскую провинцию, тем не менее, по своей природе, они вовсе не составляют чего-либо целого, так как принадлежат к различным группам и вереницам островов. Так, южные из них, самые многочисленные, продолжают на восток большой остров Тимор, которого они, так сказать, отрывки; центральные острова, более разбросанные, но включающие и значительную землю *Wetter*,—составляют часть вулканического Ява-Балийского ряда; наконец, конус гунонга Апи, или горящей горы, и несколько островов меньших размеров рассматриваются Юнггуном как восточная оконечность другой вулканической цепи островов, отдельные звенья которой высятся над водой в некотором расстоянии друг от друга[2].

Но как ни различны эти Юго-Западные острова по своему происхождению: осадочному, коралловому или вулканическому, они сходны между собой по своей политической и торговой истории. Будучи слабо населены, они долгое время не имели никакого значения, и в 1825 и 1826 годах, когда нидерландский бриг объезжал эти острова, прошло тридцать, сорок, даже пятьдесят лет с тех пор, как туземцы видели судно той нации, к владениям которой эти острова считались принадлежащими. Они сбежались на-встречу голландцам, предшествуемые своими начальниками, разодетыми в лучшие костюмы и треуголки по моде 1780 года и размахивающими своими почетными палицами, заклейменными гербами Компании.

Наиболее примечательны по своей форме и по своему рельефу, натурально,—острова вулканические. Гора «Огня» (goenong Api), уединенная посреди моря и совершенно необитаемая, вздымает свой гордый конус, уже не испускающий паров. На большом острове Веттере или Ветте, находящемся насупротив северного берега Тимора, тянется параллельно этому острову, с виду бесплодная, цепь вулканических конусов, между которыми укрылись робкие туземцы. Киссер или Кисса, расположенный восточнее, около берега Тимора,—тоже гористая земля. Выбранный в прошлом столетии административным центром Юго-западных островов, он имеет население, достигшее относительно более высокой степени цивилизации. Однако, голод часто производит там большие опустошения: на склоны острова дожди не выпадают в количестве, достаточном для поддержания возделываемых растений, и часто туземцы бывают принуждены переселяться на соседния земли. Рома,—следующий за Веттером и Киссером по направлению к северо-востоку, и окруженный островками и рифами,—представляет, напротив, плодородный остров, часть урожаев которого вывозится. Затем следует остров Дамма, с постоянно дымящей горой, при подножии которой выбиваются теплые ключи; его леса некогда изобиловали мушкатником, который велела вырвать Индийская Компания, и который другая Компания стремится развести на острове снова. Остров Нила, над которым господствует действующий по временам вулкан, высотою в 485 метров, а затем остров Саруа, заканчивают на востоке явайскую цепь вулканов.

Южная вереница островов, составляющая как бы продолжение Тимора, начинается с Летти, самого населенного из Юго-восточных островов и одного из тех, жители которых отличаются честностью и строгостью нравов. Некогда сами родители убивали своих детей, ви-

1 D. H. Kolff, „Voyages of the Dutch brig Dourga“, Translated by George Windsor Earl.

2 Wallace, упом. соч.

новных в нарушении обычая; но Компания, стремясь к приобретению рабов для своих плантаций пряностей на островах Банда, ввела, в целях своей выгоды, замену смертной казни рабством, вследствие чего численность её рабочих из каторжных увеличилась. Остров Моа, лежащий неподалеку от Летти и доминируемый на северо-востоке «Пиком Буйвола», по форме похожим на пик Тенерифа, также весьма населенная земля, и его жители ведут довольно большую торговлю; однако, обычай воспрещает кораблям бросать якорь в водах этого острова, и туземцы не должны вывозить продуктов; купцы из Летти прибывают на небольших гребных судах для скупки и вывоза продуктов на свой остров; всякий другой способ товарообмена навлек бы несчастие на жителей Моа. О. Лакор, соседний с Моа, представляет не что иное, как коралловую мель, выдвинувшуюся приблизительно на шесть метров над уровнем моря; на ней вовсе нет родников пресной воды, и её жители должны собирать в свои водохранилища дождевую воду. Луанг также окружен рифами, между которыми ловят голотурий или морских ланей, весьма ценимых на всём архипелаге. Возвышенный остров Серматта,—длинная цепь крутых холмов, без доступных бухточек у своего подножия —посещается редко, тогда как о. Баббер или Баба, окруженный многочисленными островками, посещается каботажными судами. Небольшой остров Ветанг—великолепный сад, зависящий от Баббера.

Пространство и предполагаемая населенность Юго-западных островов:

	Поверхность кв. кил.	Население жителей	
Веттер	2.721	7.540	по Riedel’ю 1886 г.
Киссер	97	9.806	
Рома	389	1.145	
Дамма и соседние островки	320	1.697	
Нила и Саруа	132	2.590	
Летти, Моа и Лакор	720	10.897	
Луанг, Серматта и сосед. островки	200	6.881	
Баббер, Ветанг, Дааи	618	21.871	
Вместе	5.197	62.427	

В прошлом столетии, когда Компания содержала одну факторию и одну крепостцу на протяжении почти всех Юго-западных островов, туземцы, с которыми голландцы находились в частых сношениях, были обращены в христианство и, в доказательство перемены вероисповедания, приняли черное одеяние и европейские имена. В 1825 и 1826 годах, едва только сопровождавший экспедицию Кольффа капеллан выходил на берег у какой-нибудь деревушки, «христиане» окружали его, прося благословить их браки и крестить их детей. Эти христиане, из которых некоторые ещё умели читать и писать, почти повсюду считались как-бы принадлежащими к высшей расе, и во многих местностях они держали в полурабстве тех туземцев, которые оставались язычниками. Их авторитет ещё возвышается тем обстоятельством, что они чванятся титулом; «Anak Compania», т.е. «сыны компании», вследствие браков их европейских предков с туземными женщинами. Миссионер Ринной удостоверяет, что, несмотря на небольшую долю голландской крови,оставшуюся после четырех или пяти поколений у «белых» дикарей Киссера, потомков солдат различных европейских национальностей, большое число из них имеют кожу, которая значительно светлее кожи их соседей; глаза у них голубые, а волосы на голове белокурые; по словам Майера, их поля возделываются рабами, покупаемыми на португальских побережьях Тимора. В последнее время стал делать завоевания в архипелаге также и ислам. Те из дикарей на многих островах, особенно на Веттере и Киссере, которые бегут от белых, обозначаются наименованием альфуру, которое, впрочем, не имеет этнического значения. Каждая деревня управляется оранг-кайа (*orang-kaya*), который набирается из именитых жителей, а на некоторых островах главный начальник командует над начальниками всех остальных деревень; однако, звание этих на-

чальников по преимуществу почетное, и могущество обычая не позволяет разыгрываться их капризам. В некоторых местностях ещё преобладают нравы коммунистов: так, туземцы островов Лакора и Моа отправляются друг к другу, не запасаясь провизией; что им понадобится, они берут на плантациях своих соседей, а эти последние, в свою очередь, когда представится случай, поступают таким же образом; при этом, даже при существовании распри, между ними никогда не возникает вопроса о продаже или об уплате[1].

XIII. Острова „Юго-Восточные“, архипелаги Тенимбер и Кей

Определить географическое положение этих островов, казалось бы, всего естественнее, отнеся их к соседней Папуазии, от которой острова Кей отстоят всего лишь на сто двадцать километров; но голландские купцы, которые в некоторых местностях видоизменили малайскую номенклатуру Инсулинда, знали только одни свои товарные склады, и это относительно порта Амбоин, главного города Молуккских островов и их главного рынка в этих отдаленных владениях, они и определили положение архипелагов Тенимбера и Кея, назвав их: Юго-Восточными, подобно тому, как Веттер и соседние с ним острова были наименованы ими Юго-Западными. С другой стороны, макассарские моряки назвали Timor-Laoet'ом, т.е. «востоком морей», самый большой из островов Тенимбер, желая этим указать его юго-восточное положение относительно Целебеса. С точки зрения общей географии, эти, принадлежащие ещё к малайской области, острова могут быть рассматриваемы как образующие восточную границу индонезийского мира: на запад от них простирается море Банда, усеянное островами, населения которых малайского происхождения; на востоке же начинается море, называемое Арафура, побережья которого населены племенами папуазскими и австралийскими. Пространство и населенность Юго-Восточных островов определяют следующим образом:

		кв. кил.	жит. по Riedel'ю
Тенимбер	Ямдена	3.681	6.706
	Селару	969	
	Ларат	882	6.026
	Другие острова	1.000	
Кей	Большой Кей	682	5.880
	Остальные острова архипелага	529	11.700
	Вместе	7.443	30.312

Имеющие довольно значительную поверхность, но слабо населенные, острова Юго-Восточные не известны ещё хорошо морякам, и местами очертания их берегов обозначаются линиями неопределенными. Даже ещё недавно полагали, что большой остров Тенимбер, или Танах-Имбер, без перерыва продолжается до южной оконечности архипелага, и эта ошибка ещё не исправлена на большей части ходячих карт. Однако, туземцы, с которыми голландские купцы ведут торговлю в течение уже более двух столетий, превосходно знают, что их территория делится на два отдельных острова, из которых каждому они дают и различное наименование. Оуэн Стэнлей, посетивший Тенимбер в 1839 году, говорит также, что остров обнимает «много отдельных островов»[2]. Наконец, в 1878 году, один из Бандских кораблей, «*Эджернон*», перешел глубокий пролив, который находится между островами Ямдена и Селару, и боковые бухты которого оказываются превосходными убежищами для судов, представляя глубины от 15 до 80 метров. Но необходимо ещё сделать много изысканий, прежде чем гидрографическое исследование архипелага Тенимбера можно будет считать законченным. Ещё в 1888 году корабль «*Самаранг*» отыскал, на юго-западной оконечности архипелага, неизвестный остров, имеющий в длину более трех километров.

1 Kolff, упом. соч.

2 Henry O. Forbes „Journal of the R. Geographical Society“. March.

Оба острова состоят из известковых пород и на всём своем протяжении представляют лишь незначительно-развитый рельеф: самая высокая вершина архипелага, близ западного Ямдена, есть островной вулкан Лебобар,—правильный конус, возвышающийся, по Форбесу, приблизительно метров на шестьсот: камни пемзы скатываются со склонов этой горы и плавают в окрестных морских пространствах. Береговые утесы Ямдена, кораллового образования, круто обрываются на протяжении большой части окружности, и есть такия, которые достигают тридцати метров над поверхностью вод[1], что свидетельствует о значительных колебаниях в относительном уровне земель и морей. Остров Ларат—отделенный от Ямдена узким проливом Уэллеса, похожим на извилистый канал-проток, судоходный даже и для больших судов,—тоже представляет собою низменную землю, тогда когда северная оконечность группы Тенимбер, остров Вердате, имеет гористый характер. Параллельно главным островам Тенимбера, на западе тянется ряд островов и рифов, небольшая глубина вод около которых во многих местах весьма затрудняет к ним доступ, и очертания которых на морских картах всё ещё гадательны.

Известковая природа почвы, изрытой пещерами, в которых исчезает дождевая вода, лишила острова Тенимбера оплодотворяющих ручьев, и обширные пространства территории остались бесплодными и необитаемыми. Тем не менее, непроницаемые кустарники местами покрывают склоны; никакого зверя кошачьей породы не скрывается в этих чащах, но, выпущенный первыми мореплавателями, домашний скот одичал там: туземцы охотятся за этими черными быками с прямыми рогами, ловя их при посредстве западней или ротанга, или убивая стрелами. Дикия свиньи также бродят большими стадами в окрестностях деревень. Тенимбер, равно как и большая часть Молуккских островов, вовсе не имеет в своих лесах обезьян[2]. В целом, фауна, птицы и насекомые, имеет новогвинейский облик.

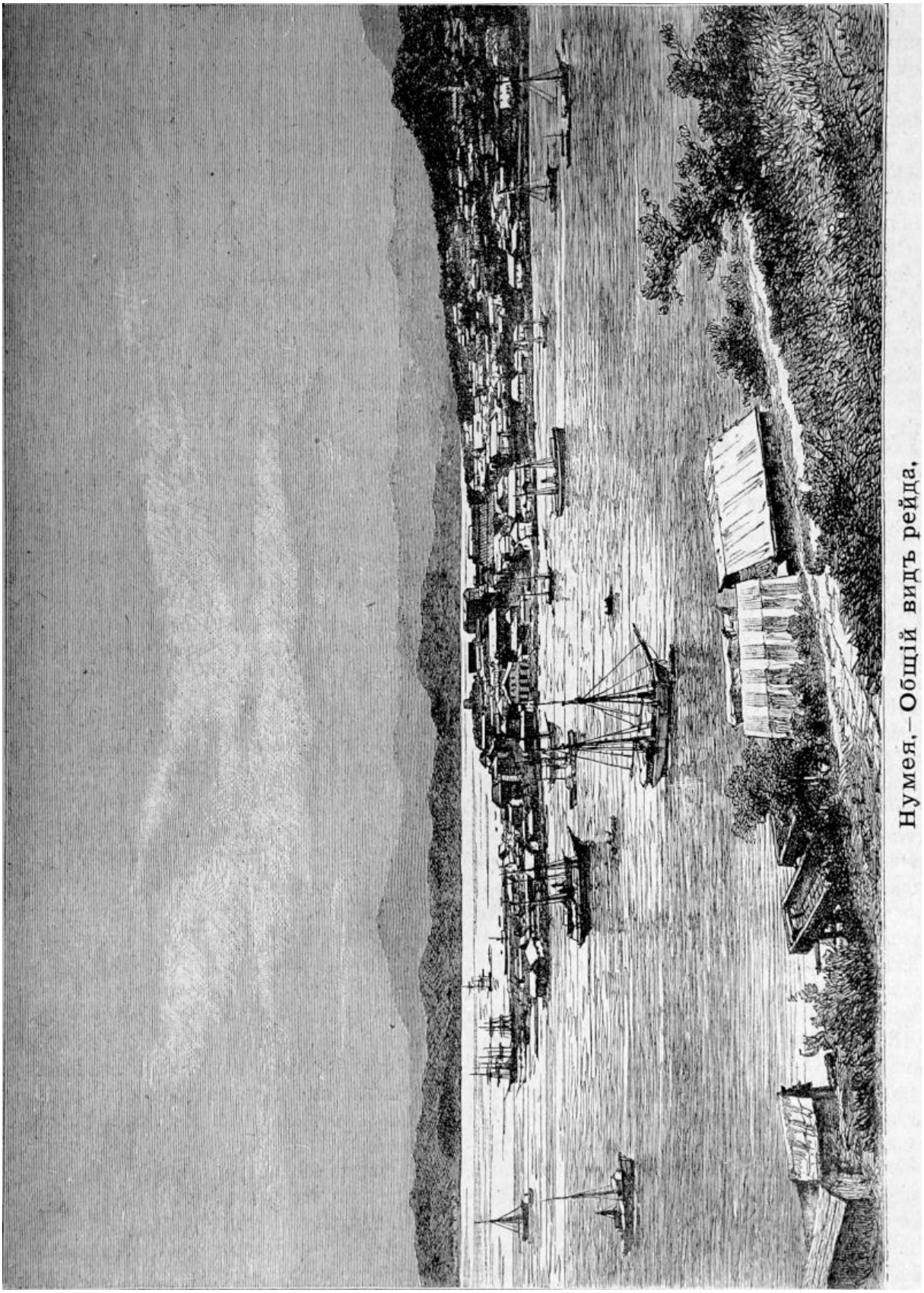
Жители Тенимбера живут без господ, хотя некоторые лица присвоивают себе пустой титул начальника. Будучи немногочисленными, так как внутренние области и северная часть Ямдена необитаемы и по ним рассеяны лишь редкия хижины,—тенимберцы гораздо более походят на малайцев, чем на папуасов, хотя их раса очевидно смешанного происхождения. Оттенок кожи темный; их волоса, пожелтевшие от мазей, слегка курчавы; но черты их лица весьма правильны, и большое число между ними отличаются от европейцев только цветом. Женщины рослее и лучше сложены, чем большая часть других островитянок из их соседей. Молодые мужчины могут считаться образцами пропорциальности тела, силы и красоты форм: нет ни одного путешественника, который не описывал бы с восхищением группы этих красивых юношей с золотистыми волосами в развевающихся красных плащах, то подающихся назад для того, чтобы натянуть свой лук, то устремляющихся вперед, чтобы бросить дротик. Жители Тенимбера, мужчины и женщины, слегка татуируют себе лоб, щеки, грудь и кисти руки. Женщины украшают себя браслетами и ожерельями из красных стеклянных бус, а в замужестве, медными наколенниками, которые позвякивают при каждом шаге. Богатые туземцы, добывающие в обмен на голотурий и панцыри черепах золотые монеты, выделывают из них тяжелые кольца и подвески к ушам. Артистический вкус отличает тенимберцев от малайцев, которые весьма уступают им в понимании красоты; так, тенимберцы украшают свои прао изваяниями голов существующих или вымышленных животных, вырезывают на сваях под своими хижинами фигуры крокодилов и рыб, которые борются, сцепляются и пожирают друг друга.

Мужчины часто поют, но женщины не имеют права вторить им голосом. Считаясь низшими существами, они весьма часто продаются своими же родителями, и пока вся сумма, состоящая из золотых вещей и зубов слона, целиком не выплачена, они, а также и их дети, остаются в залоге в родительском жилище; но так как на островах Тенимбера нет золотых россыпей, ни стад слонов, то молодому человеку часто приходится ждать целые годы получения возможности обменить свои перламутры и трепанг на драгоценное приданое, привози-

1 Anna Forbes, „Insulinde, Experience of a Naturalist's wife in the Eastern Archipelago“.

2 Kolff, упом. соч.

мое из Сингапура купцами-баджа. Похититель девушки-невесты, за которую уже выплачена причитающаяся сумма, наказывается смертью. На Тенимбере предписания условной гигиены обязывают матерей держать своих грудных младенцев в люльках над большим огнем, ко-



Нумея.—Общій видъ рейда.

торый разгоняет москитов и поддерживает высокую температуру в ящике с плоским дном, в который дитя кладется таким образом, чтобы сделать макушку плоскою; однако, при посредстве дощечек, как это делают в некоторых округах Целебеса, формы черепа уже не изменя-

ют. Тела почтенных покойников постоянно кладутся по соседству с морем, на платформе из ветвей или на каралловой глыбе; часто тенимберцы, подобно тому, как это делали и предки мальгашей, помещают труп в лодку, которую, для отогнания злых духов, украшают марионетками и вымпелами. Когда же человек был обезглавлен в сражении, то его голову заменяют кокосовым орехом, с целью обмануть дух покойника и заставить его считать такой труп целым[1].

Арабы и другие магометане стремились распространить свой культ также и на островах Тенимбера, но не успели в этом: туземцы ни за что не соглашаются отказаться от спиртных напитков и свинины. Они боготворят высшее существо, Дуадилаха, символизируемое священным столбом, вокруг которого тенимберцы исполняют пляску *тжикебэ*, и грубыми изображениями, которые они помещают в своих жилищах напротив двери: перед этими священными предметами тенимберцы преклоняются и всегда предоставляют им часть своей пищи. Даже путешествуя, они берут свое изображение покровительствующего им бога и останавливаются для взываний к нему. Они верят также в будущее существование, как их самих, так и всего живущего: рыбак никогда не преминет снова бросить в море часть своей добычи, дабы душа рыбы получила возможность поселиться в мире духов. Тенимберцы показывают в отдалении, на море, землю, на которую они отправятся после смерти, но они остерегаются посетить её при жизни; моряки избегают её с священным страхом.

Острова Кей, вероятно, получили свое название от португальцев: это *cayos*, т.е. «подводные камни», на-подобие *keys* во Флориде; местные моряки называют эти острова Эвар, т.е. «островами свиней». Будучи ближе, чем Тенимберские острова, к Банде и Амбоину, они находятся в центре притяжения ислама, и часть их населения, быть-может, четверть, состоит из магометан; между ними весьма многочисленны беглецы с других островов, а также и вольные переселенцы. Некоторые из жителей островов занимаются изготовлением глиняной посуды, которую и развозят по всем соседним архипелагам. Кейяне также весьма умелые судостроители, и моряки с Церама, Банды и Целебеса приезжают на их острова для покупки себе судов. Самый значительный остров, так называемый Большой Кей, лежащий на востоке архипелага, один служит местопребыванием двух третей населения; но Дула, наиболее посещаемая станция, находится на соседнем острове, на Малом Кее, лежащем к западу от Большого Кея: там целый круг островоподобных холмов, защищающих глубокий рейд, образует прекрасный порт, в течение веков посещающийся покупщиками голотурий и черепашьих панцырей: ни в какой части Инсулинда эти продукты не обладают лучшим качеством. Уже несколько лет, как на островах поселились также и плантаторы.

В 1853 году, после сотрясений земли и моря, по соседству с Большим Кеем, поднялись над уровнем вод два небольших острова, окруженные рифами.

XIV. Целебес и соседние острова

Целебес—третий остров в Инсулинде по величине поверхности и четвертый по населенности и торговому значению—соперничает с Явою, как по красоте своих видов, так и по разнообразию природы; по причудливости же очертаний с ним только и могут сравняться изрезанные фиордами во всевозможных направлениях архипелаги северной и южной холодных областей. Целебес состоит, так сказать, из одного скелета гор; аллювиальные равнины, которые на Борнео заполнили древние, расположенные между его горными цепями, заливы, отсутствуют у его восточного соперника, так как Целебес состоит из полуостровов, разветвляющихся вокруг центрального узла. Некогда полагали, что Целебес был архипелагом; Joao de Barros, в своих *Decades*'ах, говорит об Ilhas dos Celebes (Целебских островах) и даже об Ilhas dos Macacares, как будто Макассар находится вне Целебеса. На севере Целебес образу-

1 Anna Forbes, упом. соч.

ет двойной полуостров Горонтало и Минахасса; по средине он разделяется на две узких полосы земли, из которых одна направляется на северо-восток, в Молуккское море, а другая на юго-восток, в море Банда; наконец, к югу остров суживается и далеко вдается в Флорескоe море, образуя полуостров Макассарский. Эти члены островного тела, а также и конечные разветвления их, имеют вид щипцов, и отдельные острова, очевидно, принадлежащие к одной и той же формации с Целебесом, продолжают в море каждое из упомянутых расчленений. Но, даже оставляя в стороне целебесские острова и островки, оказывается, что один только большой остров представляет, в сравнении с поверхностью, чрезвычайное развитие берегов. Именно, поверхность Целебеса лишь немногим превышает одну треть поверхности Франции, а между тем береговое развитие его побережий, не считая второстепенных излучин, в общем, не менее 5.900 километров, или, другими словами, его береговая линия равна береговому развитию взятых вместе Франции и Иберийского полуострова. Жители Целебеса повсюду сгруппированы по побережью; самый отдаленный от моря пункт, в Латимоджонгских горах, находится всего лишь в сотне километров от океана.

Этот удивительный остров—который, благодаря своим заливам и бухтам, столь легко доступен и который обладает, кроме того, самого плодородною почвою и самыми изобильными естественными произведениями—почти пустынен по сравнению с его богатствами: населенный, как Ява, он имел бы тридцать миллионов жителей, а между тем, по приблизительным исчислениям, ко всей островной группе Целебеса не насчитывают даже и одного миллиона.

Пространство и население Целебеса и соседних островов:

	кв. кил.	жит.
Целебес и прилегающие земли: Кабена, Вовони и т.д. имеют	177.320	650.000
Салейжар и соседние островки	685	57.000
Бутон и Муна	8.035	20.000
Танах, Джамвеа и соседние островка	453	500
Пелинг и Бангаай	3.120	10.000
Архипелаг Сула	6.222	6.500
„ Тожэан	745	500
„ Санги	939	40.000
„ Талаут	907	5.000
Вместе	198.423	788.500

Столь медленное возрастание семейств за время господства или верховного владычества голландцев возбуждает удивление; но объясняется оно тем, что альфуру, из которых состоят Целебесские племена внутри острова, живут по большей части ещё в состоянии отчужденности, и что между нимя не исчезла ещё наследственная взаимная ненависть. Во многих местностях «срезыватели голов» бродят по окраинам деревень, а до недавнего времени морские разбойники, притаившись за островками и мысами, были всегда готовы к нападению, захвату и продаже пленных туземцев. За исключением некоторых округов, находящихся в благоприятных условиях, почву осмеливались обрабатывать только урывками; земледелие было покинуто для охоты и морской ловли, и необитаемые мархии отделяли друг от друга все «государства». Наконец, и самое завоевание туземных государств на Целебесе европейцами не совершилось столь мирно, как в других землях Инсулинда. Пришлось прибегать к кровопролитным битвам, которые не всегда оканчивались к выгоде белых завоевателей: территория, на которой основались голландцы, завоевывалась ими шаг за шагом, и часто, даже в текущем столетии, островитяне, т.е. буги или альфуры, производили нападения, с целью возвратить утраченные области. В начале европейцы прибыли в качестве гостей, и первые столкновения возникли из-за торговых привилегий; затем, в 1660 году, в качестве врагов португальцев, появились голландцы, которые и завладели Макассарским фортом, защищаемым португальским гарнизоном. Долгое время, затем, голландцы ограничивались только занятием этого пункта на побережье; но, впоследствии, они заключили союз и взяли под свое покровительство различные государства на юго-западном полуострове. С этого времени они уже пользовались всяким случаем для увеличения своих привилегий и для превращения их

в действительное господство; однако, в пределах большей части внутренних государств, у них нет ни чиновников, ни представителей; даже оффициальное посещение берегов делается лишь чрез большие промежутки времени.

Целебес ещё вполне не исследован, и некоторые части его рельефа известны только в общих чертах. Горы Латимоджонг—составляющие центральный узел и область, откуда вытекают самые длинные и самые обильные реки—есть одна из наименее известных областей в географических подробностях, и путешественники ещё не имели возможности вычислить высоту вершин этих гор. По Шнейдеру[1], главною цепью должно считать тот ряд гор, который, начинаясь от мыса Палоса или Донггала, находящагося на западном берегу, направляется на юго-восток, к Латимоджонгу, а затем продолжается юго-восточным полуостровом. Остов этих гор состоит из гнейса, а в некоторых местностях, гранитные массивы возвышаются в виде куполов над напластованиями из вторичных и третичных пород. Небольшая боковая гнейсовая цепь отделяется от центрального узла для образования остова полуострова Баланта. Что же касается южного полуострова, Макассарского, то и на нём равным образом господствуют кристаллические или палеозойские горы; но, вместо того, чтобы протянуться в виде срединного ряда, параллельного берегам моря, эти горы расположены в виде поперечных небольших цепей, направляющихся на юго-запад; один из этих гранитных гребней оканчивается на мысе Мандхаре. На юге полуострова, отдельный массив, принадлежащий к вторичным формациям (современным пермской и юрской эпохам), вздымает свои вершины на значительную высоту; здесь, именно, находится самая высокая из вершин Целебеса, достигающая 3.130 метров, называемая различно, между прочим, Dikbuik'ом, т.е. «большим животом», но гораздо чаще обозначаемая по имени того города, который находится у её подножия,—пиком Бонтайн; издали этот пик показался естествоиспытателю Беккари горой вулканического происхождения.

Юго-восточный угол полуострова продолжается в море несколькими островками и длинным гористым островом Салейжер, крутые вершины которого превышают тысячу метров; самая высокая из них достигает 1.780 метров. Этот остров, называемый также Лимбанганом, имеет форму и носит наименование той длинной рыбы, которая резвится в соседних водах. Пролив, отделяющий Салейжер от главного острова, весьма опасен, и туземные моряки, отваживаясь проникнуть в него, сохраняют благоговейную тишину во время перехода; если же им всё-таки придется заговорить, то они прибегают к условленному языку, с целью сбить с толку зложелательных духов, при чём само наименование острова, т.е. слово «Салейжер», никогда не произносится. Островки Тамболонганг и Пулази, находящиеся южнее, представляют почти точную миниатюру Салейжера, а всё более и более разростающиеся постройки полипов мало-по-малу соединяют оба острова в один[2]. Одно из любопытных, ещё не разъясненных, явлений представляет отблеск, который наблюдают по вечерам во время сильного ветра на обеих оконечностях Салейжера, и который, по словам туземцев, обусловливается присутствием прожилок золота в скалистых массах его возвышенностей.

Острова Руза, Танах-Джампеа, Бонерате и другие, продолжающие Салейжер на юг и юго-восток в море около Флореса, принадлежат в административном отношении к Целебесу и могут быть рассматриваемы также как географические его дополнения; с тех пор, как морские разбои прекратились в этих водах, на всех этих островах стали селиться и мирные рыболовы. Другие острова, отделенные от юго-восточного полуострова Целебеса, составляют в геологическом отношении его часть, хотя извилистые проливы и разобщают его с ними; на одном из них, острове Бутон, находится, на одном из восточных его мысов, древний вулкан.

Путешественники не указывают на присутствие вулканов в центральной части Целебеса и южных его полуостровов; но не подлежит сомнению, что в предыдущую эпоху совершались значительные извержения, так как во многих округах, особенно в «окрестностях Мароса, в Макассарской провинции, известковые отложения, какова бы ни была их толща, на

1 „Jarhbucher K. K. Geologischen Reichsanstalt“, 1876.

2 H. E. D. Engelhard, „Petermann's Mittheilungen”, 1880.

всём своем протяжении поверхностны и покоятся на базальтовых наслоениях, которые проглядывают в размытых потоками местах; кое-где эта вулканическая порода возвышается среди осадочных пород, в виде куполов[1]. Один из возвышенных мысов, выдвигающийся на север, в воды залива Горонтало, как-бы на соединение с архипелагом Тожеан, называется Апи, т.е. «огонь»; но, по сказаниям туземцев, это наименование обязано своим происхождением не вулканическим извержениям: «огонь» появляется вследствие воспламенения газа, который выделяется при разрыхлении окрестной илистой почвы[2].

Северный полуостров Целебеса—соединяющийся с остальной частью острова при посредстве узкого, едва возвышающагося над уровнем вод, перешейка—представляет в географическом отношении отдельную землю, так как, за исключением нескольких дикарей, никто не отправляется на него из других целебесских краев иначе, как морем. «Этот полуостров составляет особую область также и в геологическом отношении. К востоку от Томини—где ширина перешейка уменьшается в тридцать километров, и где над ним с северо-запада господствует одна из самых высоких целебесских гор, Донда, достигающая 2.900 метров,—цепи холмов и гор, состоящие из золотоносных кварца и гнейса, тянутся по средине перешейка на половине расстояния между обоими его берегами; затем, в той местности, где полуостров изгибается в направлении к северо-востоку, холмы и горы из лавы и пепла пробиваются наружу чрез другие горные породы. Таков Сапутан (высотою в 1.882 метра), разверзавшийся в течение нынешнего века несколько раз, и около которого, в направлении к северу, бьют из земли горячия и грязевые воды Пангу. Один из этих ключей бурлит в известковом водоеме такой правильной округлости, что можно подумать, будто-бы его выточила человеческая рука; иногда струи газа вырываются с шумом, выбрасывая воду столбами. Грязевые вулканы также весьма деятельны и беспрерывно извергают громадную массу жидкой глины, голубой, красной и серой, которая и расплывается по окрестности. Посреди группы холмов простирается небольшое, состоящее из клокочущей грязи, озеро, относительно которого полагают, будто оно продолжается под землею, под эруптивными конусами.

По направлению к северной оконечности Минахассы возвышаются другие вулканы: Клабат (высотою в 2.072 метра), с двумя вершинами, из которых одна заключает в своем кратере озеро; Дува Судара, т.е. «две сестры» (высотою в 1.385 метров), и Лакон (высотою в 1.654 метра), на котором обитает, по словам туземцев, грозный дух: на лесистых склонах этого вулкана виднеются следы извержения, которое должно было произвести громадные опустошения, так как туземцы рассказывают о нём и ныне, по прошествии пяти столетий. По словам легенды, некий исполин снес вершину Лакона одним ударом меча и насадил её на Клабат. Эти высокие вершины видны даже с Тернате. Вулканическая горная цепь продолжается и в море, направляясь прямо на север, для соединения Инсулинда с Филиппинскими островами, посредством южного мыса на Минданао. Многие острова этого соединительного архипелага имеют действующие вулканы. Островок Дуанг представляет конус в пятьсот метров, на котором было извержение в 1856 году. Сиаув, возвышающийся севернее, часто бывает окутан дымом и покрыт пеплом, вылетающим из его кратера; наконец, на окруженном пятьюдесятью островками, большом острове Санги или Санхире, вулкан Абу, т.е. «пепел», возвышает свой изломанный конус над северным мысом. Эта красивая пирамида принадлежит к одной из тех гор, извержения которых причинили самые большие опустошения. В 1711 году тысячи человек были, засыпаны пепельным дождем; в 1812 году, потоки лав, излившиеся на окрестные поля, снесли кокосовые леса, составлявшие богатство острова. В 1856 году, новое извержение погубило 2.800 человек под массою пепла, лавы и кипящей воды. Этою горою-разрушительницею, хорошо известною морякам в качестве как-бы маяка, Инсулинд собственно и заканчивается.

Форма Целебеса, с его узкими полуостровами, не позволяет ему иметь длинных рек. Едва ручьи изольются из цирков гор, как они уже достигают моря. Однако, некоторые ряды гор

1 Alfred R. Wallace, упом. соч.

2 C. van der Hart, „Reise rondem het eiland Celebes“.

расположены таким образом, что между ними залегают удлиненные равнины, реки которых соединяются с морем только после того, как их воды долго текли параллельно морским берегам. Так, на юго-восточном полуострове, река Баху Соло, выходящая из озера Тафути, извивается на протяжении приблизительно 250 километров. На Макассарском полуострове, река Саданг, текущая между двумя горными цепями, достигает длины четырехсот километров. На восточном склоне того же самого полуострова, изобильная река Тженрана, по которой суда поднимаются внутрь страны на сотню километров, имеет на севере и на юге в виде притоков другие реки, которые тоже текут параллельно морскому берегу. Озеро, расположенное посреди полуострова, питает Тженрану; называется оно Тампаранг или Темпе, и в наиболее глубокой части своего бассейна имеет не более девяти метров. Некоторые другие углубления в гористых областях равным образом наполнены неглубокими озерными водами. Одним из самых красивых является озеро Тондано, расположенное на высоте шестисот метров над уровнем моря, к востоку от вулкана Лакон, около северной оконечности Минахассы. Поток, изливающийся из Тондано, сначала вступает в извилистую клюзу, а затем, вдруг, низвергается с высоты более 150 метров в скалистый цирк, где начинается широкая долина, спускающаяся на север по направлению к Менадо; этот водопад—один из самых прославленных во всём Инсулинде.

Подобно Борнео, Целебес пересекается экватором,—при чём на северное полушарие приходится один полуостров, а на южное—три. Средняя температура, поэтому, высока, колеблясь между крайностями: 32° днем и 21° ночью; однако, обыкновенная разница гораздо меньше, так как смена бриз с суши и с моря, которые обвевают всю окружность острова, безостановочно пособляет уравнению климата. Будучи расположен около географической средины Инсулинда, Целебес представляет, так сказать, климатическую средину между Суматрою и Тимором; «дурной муссон», т.е. западный и северо-западный ветер, там менее силен и менее влажен, чем на берегах Аджеха и Баданга; юго-восточный же пассат на Целебесе менее правилен и менее сух, чем на соседних островах Австралии; часто бывает, в особенности в узком Салейжерском проливе, к югу от Макассарского полуострова, что оба противоположные ветра, с запада и с востока, взаимно уравновешиваются, взволновывая море и порождая свирепые местные бури: будучи приносимы и тем и другим муссоном, и встречая на своем пути препятствие в горах, облака низвергают изобильные дожди на обе стороны острова, преимущественно же на Макассарскую сторону, выставленную влиянию «дурного муссона». Туманы часто заволакивают высоты и, таким образом, скрывают их от взоров моряков, плывущих у подножия этих гор. От засухи страдать Целебесу приходится редко, так как толща слоя выпадающей на нём дождевой воды колеблется между 1 и 4 метрами в год: в частности дожди, выпадавшие с 1870 по 1886 год, доставили в течение года:

Макассару—слой в 3 м., 228 миллим.; Менадо—слой в 2 м., 694 миллим.; Бонтайну—слой в 1 м., 342 миллим.; Горонтало—слой в 1 м., 103 миллим.

С другой стороны, поверхность почти повсюду имеет скаты, и дождевая вода не скопляется в виде болот, подобных болотам трех остальных больших островов. Целебес оказывается, поэтому, одною из наиболее здоровых земель в Инсулинде.

Великолепием и разнообразием своей флоры Целебес почти равен западным островам; его леса кажутся даже гораздо красивее, так как более, чем на протяжении целой половины территории острова, они ещё сохранили свой первоначальный облик. Уэллес констатировал, что на чудном полуострове Минахассе, одном из райских уголков на земле, лесная растительность сохраняется во всей своей красе, от поморья до высот, находящихся над уровнем моря более, чем на тысячу метров. По его мнению, причина этому в особенности заключается в толще той растительной почвы, которая покрывает склоны и плоскогория: корни находят повсюду слои вулканического пепла или глинистого песка и могут проникать туда столь же глубоко, как и в землю равнин. Во многих местностях, лужайки живописно чередуются с лесами.

На Целебесе снова встречается большая часть тех видов растений, которые наблюдаются

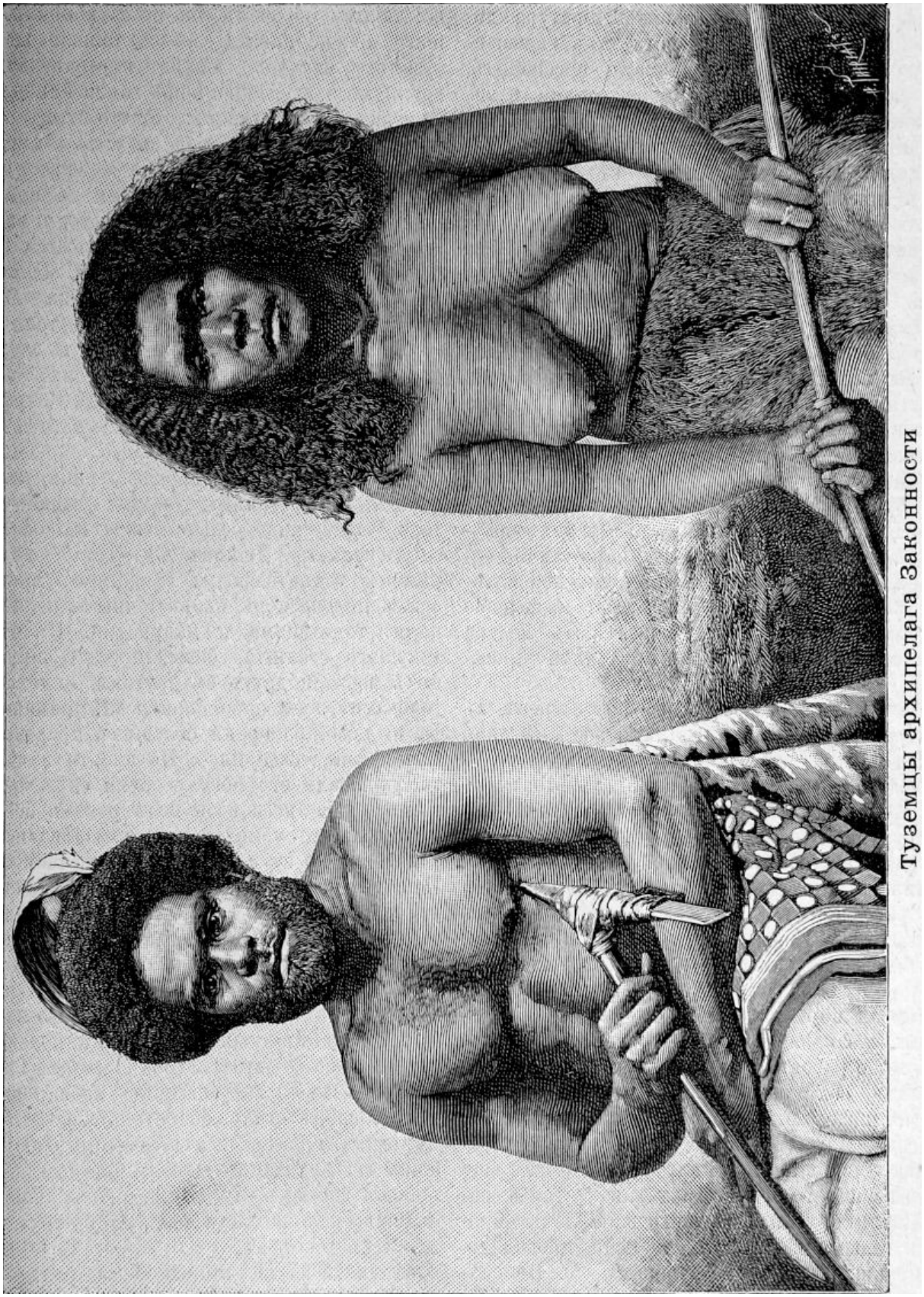
также и на островах, расположенных западнее; но относительно фауны различия гораздо значительнее. Из исследований Уэллеса и других естествоиспытателей известно, что Целебес, отделенный от соседних земель глубокими проливами, повидимому, с весьма давних времен обособился, так как его фауна представляет очень оригинальный характер. Будучи расположен на половине пути между Азией и австралийским материком, он обладаете некоторыми видами, принадлежащими этим двум зоологическим областям, но он также имеет и много вполне особенных животных форм: это—центр рассеяния, а что касается его специальных видов, то они более походят на африканские формы, чем на формы Индии и Австралии. Между собственно целебесскими животными находится один вид обезьяны, *cynopithecus nigrescens*, который распространен во всех частях острова, но которого не встречают ни в какой другой инсулиндской земле, за исключением небольшого острова Батжана, куда он, вероятно, попал случайно. *Anoa depressicornis*, которого различные естествоиспытатели помещают между быками или буйволами, хотя по его рогам в нём следовало бы видеть антилопу, имеет облик коровы и весьма похож на некоторые африканские виды. Его малайское наименование означает «лесного быка». Встречают его только в гористых областях, и никогда в тех, в которых водится олень. Целебес также обладает особым видом кабана и свиньею-оленем (cochon-cerf), этою прославленною бабируссою (sus babirussa), у самца которой четыре клыка, по два в нижней и в верхней челюстях, при чём верхние загибаются назад, проходя над черепом. На Целебесе нет животных из кошачьего семейства, но он обладает пятью белками,—представителями этого рода, наидалее подвинувшимися на восток, а также и двумя сумчатыми, западным авангардом животных этого семейства. С точки зрения фауны соседние острова, каковы Салейжер, Бутон, архипелаг Санги, зависят от Целебеса; признаны принадлежащими к этой же зоологической области и острова Сула, хотя они находятся ближе к Молуккским островам.

Обыкновенно жителей Целебеса разделяют на малайцев и альфуру, но это деление имеет в виду гораздо менее происхождение их, чем состояние цивилизации. Обладающие некоторою цивилизациею приморские населения, говорящие на малайском языке или понимающие его, а также и близкие к нему наречия считаются принадлежащими к главной Инсулиндской расе, между тем, как дикия племена внутри острова, каковы бы, впрочем, ни были их физический облик и язык, принято называть альфурами; однако, успехи культуры, мало-по-малу видоизменяя эти племена, ведут также к перемене их имени: пока племя независимо проживало в лесу, оно считалось принадлежащим к альфуру; но стоило ему начать возделывать кофейное дерево и правильно выплачивать налоги голландским контролерам, как его уже переставали причислять к альфурам. Однако, не подлежит сомнению, что целебесцы, по происхождению, различны друг от друга. Подобно тому, как на главном их острове есть соответственные представители фаун Азии, Папуазии и Австралии, так точно на нём находятся и различные этнические элементы, прибывшие с запада и с востока. Во многих местностях наблюдают людей с такими чертами лица и волосами на голове, которые делают их похожими на папуасов. Говоры, которые слышатся между целебесцами, также указывают на смесь различных влияний; наконец, на севере, именно в архипелаге Санги, обнаруживается и близость Филиппинских островов[1].

Одним из господствующих племен на Целебесе являются буги, первоначальную область обитания которых составляет королевство Бови, на юго-западном полуострове, но которые распространились оттуда по соседним провинциям и даже рассеялись по всем островам Индийского архипелага. Буги и их соседи, мангкассары и ваджо,—люди среднего роста, но коренастые, сильные и проворные, с оттенком кожи обыкновенно более светлым, чем цвет её у других малайцев. Держатся они гордо, как люди, сознающие себе цену; перед насилием не склоняются, подобно уже издавна порабощенным явайцам, но отвечают на него мщением: родовая месть у них надолго разобщает семейства. Будучи весьма храбрыми воинами, буги и

1 Alfred R. Wallace, упом. соч.

мангкассары отважно сражались с голландцами, а голландцы, в свою очередь, некогда набирали между этими туземцами большое число солдат; однако, от этого им пришлось отказаться, так как из всех инсулиндцев целебесские малайцы, в минуту гнева или припадка



Туземцы архипелага Законности

неистовства, под влиянием опьянения или игры, всего чаще впадают в состояние бешенства, которое известно под названием амока (*amok*), а когда на них «находит этот амок», то, вооруженные своим криссом (ножем) с волнистым лезвеем, они поражают всех, кто подвер-

нется под руку, мужчин, женщин и детей, и это неистовство продолжается до тех пор, пока самого исступленного не удастся убить или задушить. Для облегчения же захвата их, полицейских агентов вооружают особого рода вилами, при посредстве которых они и удерживают взбесившихся на известном расстоянии; прежде, впадавших в амок продавали казни колесованием. Испанцы Филиппинских островов, которым также часто случалось встречать предававшихся амоку между морскими разбойниками с Минданао и Жоло, дают им наименование: *juramentados*, т.е. «присягнувших», так как эти несчастные связывают себя религиозною клятвой умереть, убивая.

Во все времена буги были известны как неустрашимые моряки и исполненные почина и предприимчивости купцы. На многих островах Индонезии, буги монополизировали торговлю, и в каждом торговом городе существует кампонг, обитаемый только ими одними: здесь, самоуправляясь, они ревностно защищают унаследованные ими от предков привилегии от покушений иностранцев. Будучи весьма солидарны между собою, они пособляют друг другу повсюду, где встречаются; когда же флотилии пиратов разбойничали в инсулиндских морях, то они плавали в сообществе, а не в одиночку, и храбро гонялись за своими неприятелями; буги не покупала рабов, но, в качестве заимодавцев, низводили своих должников до состояния рабства: человек брался в залог уплаты долга, и часто такого заложенного освобождала только смерть. Ещё и в наши дни, многочисленные должники низведены, при потворстве судей, к ужасному состоянию pandelingen'ов, как их называют голландцы. Купцы видят в этом порабощении должника существенное обеспечение своей торговли. У бугов, женщины пользуются вообще известною свободою: их обучают ремеслам, именно тканью и вышиванью, а некоторые из них также учатся читать и писать, либо по-малайски, либо по-бугски; в бугском, как и в мангкассарском языке,—буквы особенные. Туземная литература довольно богата, в особенности так называемыми *latova*, т.е. сборниками поговорок, относящихся к нравам, образу жизни и политическим преданиям; сборники эти очень поучительны для истории цивилизации в Инсулинде. Буги принадлежат к одной из тех инсулиндских наций, которые позже всего приняли ислам. Около половины семнадцатого столетия, древняя анимистическая религия, перемешанная с индусскими обрядами, кончила тем, что уступила влиянию мусульманских миссионеров; однако, наблюдается ещё много религиозных обычаев, которые находятся в связи с сиваитским культом; также сохранилась и вера в переселение душ, и ею-то и объясняются знаки почитания, оказываемые угрям и крокодилам, водящимся во рвах цитаделей[1]. Городские буги перестали носить национальный костюм, но в деревнях многие из них облекаются ещё в свой соронг из отлично сотканной голубой или красной бумажной материи, а на предплечия и голени, на-подобие негров верхнего Нила, надевают кольца (браслеты) из меди или латунной проволоки.

На севере Макассарского полуострова, в центральной части острова, горское население, почти всегда остававшееся вне индусского господства и пояса притяжения торговли с арабами и китайцами, состоит из диких альфуру, разделенных на многочисленные колена: таково, населяющее долины массива Латиборджонга, племя тораджа, наименование которого иногда прилагается вообще ко всем независимым язычникам внутри страны. Есть между ними такие, у которых нет другого ремесла, кроме охоты на человека, с целью ли нарезать голов для украшения хижины своей или своей невесты, или пленить побольше рабов, Топантунуаса, т.е. «едящие собак», обитающие по соседству с озером Поссо, пожирают мозг и пьют кровь своих врагов. Даже на островах морского побережья живут народцы альфуру, имеющие ещё нравы хищного зверя. Так, альфуру на острове Пэлинг, вблизи полуострова Баланта, бродят голыми по лесам, и ночи проводят, взобравшись на сучья деревьев[2]. По словам Майера, обычай уродовать череп детей общераспространен у целебесских альфуру.

По цивилизации своих жителей различных рас, но уже давно находящихся в союзе друг с другом, область Минахасса, т.е. «страна братства», соперничает с Макассаром, занимаю-

1 S. E. W. Rowda van Eysinga, рукописныя заметки.

2 Van der Hart, „Reise rondom het Eiland Celebes".

щим другую оконечность острова; таким образом, на двух концах большего поперечника Целебеса цивилизованные туземцы скучены более многочисленными группами и извлекают из земли наибольшее количество продуктов: оттого там всего прочнее утвердили свою власть голландцы. Минахассаны и их западные соседи, смешанные с различными элементами на поморье, но сохранившиеся в чистом состоянии на плоскогориях внутри страны, отличаются почти от всех остальных жителей Инсулинда более светлым цветом кожи. Многие из них, особенно амуранги и толи-толи, столь же белы, как европейцы, и, не имей они сильно выдающихся скул, их можно было бы счесть за европейцев; де-Катрфаж, Гами и Монтано видят в них тип тех белых индонезцев, которые, по мнению этих ученых, были предшественниками малайцев в Инсулинде; туземцы племени толи-толи—самые малорослые между целебесскими островитянами. Дюмон д'Юрвилль был поражен удивительным сходством минахасских индонезцев с восточными полинезийцами, тонгайцами и маорисами. В начале текущего столетия, большая часть минахасцев воевали друг с другом, «охотясь за головами», наподобие борнейских дайяков, и часто даже, во время больших празднеств, ели человеческое мясо. По смерти начальника, украшали его могилу двумя свежесрезанными головами, и если под руками не было пленных, то убивали рабов. Одевались туземцы только в изделия из древесной коры. Ныне, за исключением лишь нескольких ещё упорствующих колен, минахасцы стали спокойными и мирными людьми, весьма работящими и искусными во всякого рода ремеслах. Их деревни, с чистыми и хорошо содержимыми улицами, состоят из деревянных домиков, выбеленных известью и покоющихся, на высоте двух метров, на сваях, выкрашенных в голубой цвет; меблировка, в голландском стиле, сработана тщательно, и цветники и изгороди из роз отделяют хижины от плантаций. Начальники носят европейский костюм, и язык школы, чисто малайский, мало-по-малу вытесняет тысячу туземных говоров.

Цивилизованию минахасцев более всего способствовало возделывание почвы. В 1882 году, кофейное дерево было привезено на полуостров, в окрестности Менадо, и первые плантации удались на-диво: собранное с них кофе оказалось во всём архипелаге лучшим по качеству. Мало-по-малу, склоны гор, на высотах между 500 и 2.300 метрами над уровнем моря, покрылись кофейными плантациями; начальники деревень, отныне известные под именем «майоров», превратились в предпринимателей по возделыванию плантаций, и правительство договаривается с ними об определенной цене для покупки получаемых продуктов, при чём одна двадцатая часть идет в пользу самих начальников, а остальное, за вычетом выданных вперед задатков, распределяется, в качестве задельной платы, между возделывателями плантаций; эти рабочие группируются в *мапалу*, т.е. в рабочия сообщества, из которых постепенно образуются большие семейства. По Уэллесу, посетившему Минахассу в 1859 году, явайская система «отеческого деспотизма» принята порабощенными населениями без ропота; но удивительным кажется то обстоятельство, что число жителей не возростает в этой стране, которая, однако, одна из самых здоровых и в избытке производит все необходимые для жизни продукты. Смертность весьма сильна в детском возрасте, так как матери, работая на «майоров» в кофейных плантациях, оставляют без присмотра детей по хижинам. Почти все минахасцы обращены в христианство, тогда как остальные цивилизованные целебесцы принадлежат к исламу.

Кофейное дерево—не единственная промышленная культура Целебеса: в Минахассе и в Макассарском крае имеются также плантации мускатного ореха, тростникового сахара, табаку и коссо (то же растение, что абака, или «манильская пенька»); но труд туземцев обращен почти целиком на производство «жизненных» припасов: сагу, риса или маиса. Экспортная торговля состоит в особенности из продуктов, собираемых в лесах или добываемых при посредстве лова из морей; таковы, гуттаперча, различные смолы и камеди, воск и мед, перламутр, голотурии, съедобные водоросли и гнезда саланганы. Для вывоза северная часть Целебеса также доставляет немного золотого песку. В силу давних договоров, небольшие государства полуострова Менадо были обязаны доставлять голландскому правительству годичную подать в виде золотого песка, количество которого исчислялось по числу жителей; но золотопромывальни сделались слишком бедны, чтобы можно было сохранить этот налог. Подобно

Сумбаве, Целебес обладает превосходной породой небольших лошадей, несколько сотен которых в течение года и вывозятся на Яву или на другие острова.

Самый прославленный на Целебесе город—Мангкассар; европейцы переделали его наименование в Макассар, а туземцы называют его Уджунг Панданг, т.е. «Пандановая коса»; голландцы называют его также Влардинген, при чём это наименование относится специально к одному из голландских фортов, расположенному в центре города. Деревья скрывают внешние кварталы, и сначала только и видна, что торговая часть города, с его набережными, молами, прикрепленными к берегу всевозможных форм судами и с постоянно спокойным портом. Это центральное ядро Макассара простирается на расстоянии приблизительно одного километра вдоль приморской низины; но, на севере, рассеянные под деревьями дома, затем верфи и склады продолжают город вплоть до оконечности приморской полосы, отделенной болотами и рисовыми плантациями от твердой земли. Европейский квартал не соприкасается с торговым городом: он начинается к югу от форта Влаардинген, или Роттердам, и продолжается более, чем на один километр посреди садов и аллей из больших деревьев, вдали от шума на улицах и набережных, где толкутся китайские купцы, арабы и буги. Вместе с Банджермассином и Сурабайею, Макассар есть один из трех главных торговых городов, занимающих самое счастливое положение в центральной области Инсулинда. Малайцы посещали его уже задолго до 1538 года, когда им овладел португалец Antonio Galvao. Голландцы окончательно основались в Макассаре с 1665 года, времени, когда, на месте малайской крепости, они построили Влаардинген; обмен товаров быстро возрос в нём с 1846 года, после объявления порта освобожденным от всяких пошлин, но затем он уменьшился. Вывозятся из Макассара, кроме товаров из окрестной страны, также и различные продукты местной промышленности, между прочим, масло лакалава (*lakalava*), добываемое из мякоти растения баду (*badoe*) и хорошо известное в Европе под именем масла макассарского. В среднем, торговый обмен в Макассарском порте достигает 25 миллионов франков; в 1886 году, вывезено было кофе 6.120.000 килограммов, а ввезено товаров на сумму 14.961.400 франков. В самом Макассаре тщетно пытались добыть пресную воду из артезианского колодца, вырытого на большой глубине. Рифы, островки и вереницы островов, называемые, в совокупности, архипелагом Спермондэ, защищают рейд ото всех ветров. На юге, остров Танакекэ, т.е. «земля чародеев», тщательно обегается суеверными моряками.

Хотя провинция Макассар и принадлежит голландцам уже слишком два столетия, но, тем не менее, число удобных путей сообщения в ней весьма незначительно. Из них самый важный тот, который тянется вдоль побережья на север и на юг от столицы, в некоторых местах проходя по самому краю воды, но почти повсюду находясь на известном расстоянии внутри земель. Город Марос, резиденция вассального короля, есть один из первых этапов на северном пути, который продолжается через несколько «королевств» вплоть до королевства Танетт; река, протекающая чрез Марос, одна из самых живописных в Целебесе, низвергается великолепными водопадами и исчезает под сводами скал. Другая дорога, направляясь на восток, проходит через горную область, на север от пика Бонтайн и оканчивается на восточном берегу, в Синджае и Баланг-Нипе. Дорога, направляющаяся на юг, подходит к Тоа или Това, где проживает захудалый наследник одного некогда могущественного государства; затем она пересекает несколько прибрежных местечек, каковы: Глизонг, Такалар и другие, в которых проживают весьма отважные моряки; из них голландское правительство и набирает себе матросов в свой инсулиндский флот. На южном берегу Макассарского полуострова, омываемого Флоресским морем, главным городом является Бантунг или Бонтайн, расположенный при выходе одной круто-спускающейся долины, которая поднимается на север к большому Целебесскому пику. Бонтайн сменил, как главный город округа, другой порт, именно Булукомба (Boeloekomba), на половину засыпанный песком и находящийся в тридцати километрах к востоку. Расположенный вокруг города округ производит самое большое количество кофе на Целебесе, от 3 до 4 миллионов килограммов в год.

Другие «королевства» занимают восточный склон Макассарского государства и двух восточных полуостровов; но их главные города суть не что иное, как жалкия деревеньки, и хотя по берегам бухт и защищенных проливов и основались многочисленные становья для рыбной ловли, но ни одно из них не достигало значения в международной торговле: приезжают туда только китайцы и малайцы для выменивания местных произведений на чужеземные товары. Баджоа, порт королевства Бони, некогда самого могущественного на Целебесе, является одною из наиболее деятельных пристаней, одною из тех, жители которых отваживаются пускаться на большие расстояния от морских берегов: благодаря им, почти все королевства юго-восточного полуострова и соседних островов стали вассалами короля Бони. Лучший порт в этих морских пространствах, на севере архипелага юго-восточных островов, но уже на твердой земле, есть бухта Кендари, сообщающаяся с морем посредством узкого канала-пролива, который расширяется вглубь, образуя обширный бассейн для якорной стоянки больших судов. Два раза голландцы здесь основывались, но вскоре же опять и покидали эту гавань. На восточном берегу Целебеса, в бесконечном ряде бухт и мысов, почти только и видны, что однообразные необитаемые леса. Рыбаки, промышляющие около этих берегов и отыскивающие трепанг и черепашьи панцыри, суть оранг-баджо, «цыганы моря»[1], братья оранг-секатам на Банке и оранг-лаутам на Борнео,—робкие люди, редко выходящие на сухую землю: их прао служат им колыбелью, и на них же они и умирают.

Берега залива Толо или Томадки, открывающагося между двумя восточными полуостровами и окаймленного королевствами Табунку и Бангаай, обладают, с географической точки зрения, всеми благоприятными условиями для основания большого торгового порта и превосходных якорных стоянок: здоровым климатом, богатством растительности, и, по отсутствию сухопутных дорог, сравнительно легкими проходами (волоками) чрез перешейки полуостровов в соседние заливы. Со всем тем на этих берегах только и существуют, что бедные деревни, да и они часто опустошаются морскими разбойниками. Весьма обширные соседние острова вполне пустынны: так, в архипелаге Сула—выдвинувшемся на восток от Целебеса к Молуккским островам—обитаемы собственно два острова: Сула Бези и Сула Талиабо; население этого архипелага, достигающее сорока тысяч, низведено морскими разбойниками к одной седьмой части первоначального числа. Архипелаг Тожеан, т.е. острова «Черепашьих панцырей (*Schilpadeitanden*)», расположенный к северу от полуострова Баланта, в заливе Томини, населен всего лишь четырьмя стами жителей разнообразного происхождения.

Местечко Парижи, при основании северо-восточного полуострова, не могло не сделаться пристанью и торговым пунктом, благодаря своему положению в самой узкой части перешейка. Переезд (волок) приблизительно в 35 километров позволяет купцам избегнуть громадного объезда в восемьсот километров, крюка, который приходилось бы совершать во время дуновения обоих следующих друг за другом муссонов. Тропа от Парижи ведет на западный берег к Палоскому заливу: в один день носильщики и верховые успевают, таким образом, совершить переход между обоими берегами. Положение городка Палоса, в плодородной и хорошо обработанной области, на глубокой бухте и защищенного от ветров, представляет исключительные торговыя выгоды; нет сомнения, что в близком будущем, когда центральные области Целебеса, а также и находящиеся насупротив его области Борнео, окажутся более населенными и обработанными, Палос и его аванпост Донгала, находящийся при входе в бухту, станут первостепенными городами в экономической географии Инсулинда. Удивительно, что голландцы до сих пор не основали на этом «жизненном» пункте Целебеса никакого своего поселения и что железная дорога не соединяет два соседние берега.

К северу от Парижийского перешейка, полуостров ещё более съуживается между противоположными бухтами Дондо и Томини, которые соединяет друг с другом горная тропа; здесь тоже чрез перешеек совершается небольшая торговля между двумя портами, но край почти лишен населения, а Томини, местечко, по имени которого порою называют также и обширный залив Горонтало, состоит всего из десятка хижин. Что касается жителей северно-

1 Van der Hart, упом. соч.

го берега, то они долгое время оставались под господством отважных морских разбойников *тонтоли* или *толи*, которые рыскали по морям Жоло: крепость этих корсаров, выстроенная к востоку от Дондо, на берегу самого залива, была в 1822 г. разрушена голландцами, и более тридцати корсарских судов были преданы пламени. Некогда золотопромышленники собирали в этой области полуострова довольно большое количество золотого песку, но ныне этот ненадежный промысел совсем покинут.

Город Горонтало или Холонтало, которому иногда неправильно присвоивали наименование Гунонг Телло, т.е. «гора» Tello, сообщил свое имя также северо-восточному полуострову Целебеса и одному из его больших заливов; он расположен на бывшей озерной равнине, при выходе узкой долины, по дну которой бежит поток, выходящий из озера Лимботто; развалины старинных фортов господствуют с возвышенностей над городом. Подобно Тонтоли, Горонтало был гнездом морских разбойников; но ныне он—мирный рынок, и тропы соединяют его с Квандангом и Сумалатою, на севере острова. По ту сторону Горонтало, по направлению к востоку, берег почти пустынен вплоть до побережий Минахасса, где находятся два порта: Беланг и Кема: порты эти хорошими, проведенными через полуостров, дорогами соединены с Менадо, главным городом провинции и соперником Макассара по политическому значению и размерам торговли.

Менадо или Манадо, Венанг туземцев, расположен на окраине широкой бухты, открытой в направлении к западу и защищенной с севера многими островами, из которых один называется Менадо Тува, т.е. «Старый Менадо»: здесь, в действительности, и находился прежний город. Жители покинули его в 1682 году по причине недостатка в воде и чрезвычайно большой легкости доступа неприятелей на их остров: они переселились на твердую землю, около местонахождения нынешнего Менадо, который мало-по-малу образовался вокруг Ново-Амстердамского форта. Этот небольшой голландский город является одним из самых красивых городов Инсулинда, обладающего и без того таким большим числом их: Менадо—не что иное, как обширный сад, по которому рассеяны сельские домики и который пересекают тенистые аллеи, при чём каждая из них оканчивается чудным видом на море, острова, на потухшие, или даже ещё курящиеся горы. В одном из кварталов Менадо обитает одно из племен альфуру, бантек, которое не поддалось христианским миссионерам и отчасти сохранило свои древние нравы; люди этого племени весьма работящи, и им поручают почти все работы в порте, торговля которого освобождена от таможенных пошлин.

Менадо окружен возделанными полями, сменившими первобытные леса, и через которые проведены прекрасные дороги, облегчающие доступ на великолепное плоскогорие Тондано, с его кофейными плантациями, лесами и красивым извилистым озером, откуда изливается чудный каскад реки Менадо. Город Тондано, т.е. «водяных жителей», ныне расположен на высоком берегу, неподалеку от истока озера; но в начале прошлого столетия здесь был озерный город, построенный на сваях и населенный гордыми людьми, которых голландцы покорили лишь с большим трудом, что и было поводом к перемещению самого города. В небольшом расстоянии к западу возвышается на террасе, находящейся приблизительно на высоте 1.000 метр. над уровнем моря, деревня Рурукан. Эта группа жилищ находится выше всех остальных жилых мест в Минахассе, а быть-может, даже и на всём Целебесе. В главных городах Целебеса население достигает следующих цифр (1895 г.):

Макассар—17.000 жит.; Тондано—3.000 жит.; Менадо—9.000 жит.; Кема—2.000 жит.; Бантунг—3.500 жит.; Палос—2.000 жит.;

На север от Целебеса, жители островов Санги и Талаута, большею частью цивилизованные альфуру, были насильственно окрещены в шестнадцатом столетии католическими миссионерами, вследствие чего в местах их проживания можно видеть развалины церквей, относящиеся к тому времени. Подобно новогвинейцам, эти поморяне обитают в домах, выстроенных на сваях, при чём обычно несколько семейств соединяются под одною и тою же кровлею.

Политические и административные подразделения Целебеса не соответствует делениям природным. Так, Субава, один из островов вулканического ряда на юге, составляет часть макассарской «губернии», тогда как на самом острове Целебесе небольшие государства на окраине залива Толо или Томаики, между двумя восточными полуостровами, принадлежат султану Тернате и, следовательно, зависят от этого отдаленного островка. Эта обширная территория—не единственная, которою, при посредстве вассала, Голландия владеет только в качестве сюзерена: большая часть Целебеса состоит из небольших туземных государств, из которых одни причисляются к посредственным или непосредственным вассальным владениям, а другие к союзным; есть и такия, которые совершенно сохранили свою независимость. Округа, подчиненные непосредственно голландской администрации, занимают сравнительно лишь небольшое протяжение, да и там даже отчасти сохранились прежния административные процедуры и властвование голландцев проявляется чрез посредство туземных регентов, за действиями которых надзирают голландские резиденты или ассистенты. Наконец, основавшиеся в приморских городах, различные торговые колонии имеют каждая свою особенную конституцию и своего ответственного начальника. В этих разделивших между собою Целебес, больших и малых, многочисленных королевствах образ правления различный; большинство из них—избирательные монархии, ограничиваемые обычаем, авторитетом знатных лиц и религиозною властью духовенства. Государство Ваджо, на восточном берегу Макассарской провинции, представляет собой республику из знатных семейств, имеющих номинальным начальником избранного государя; верховный же совет состоит из сорока уполномоченных, между которыми находится также несколько женщин, заседающих или в силу своего богатства, или в силу своих наследственных прав. Различные королевства бутов —тоже государства олигархические, и государи их лишь исполнители воли своих же вассалов.

В нижеследующей таблице показаны, по Regeeringe Almanak, политические и административные подразделения Целебеса, с исключением Сумбавы.

Провинции	Деления голландские	Королевства		
		Вассальные	Союзные	Остальные
Целебес	Макассар	Бони	Гоа, Бутон и соседние острова	Ваджо
	Округи северные: Марос и т.д.	Танетте	Мандлар	Тораджа
	южные: Бонтанн и т.д.		Кажемо (Палос и Донгала)	
	восточные: Балояр, Нина и т.д.		Лувоа (Laivoei или Kandau)	
	Салейжер и соседние острова		Тонтали или Толи-Толи	
Зависящие от Тернате	Острова Мануви и Вовони		и т.д.	
	Восточный берег Целебеса			
	Архипелаг Бангаай			
	Архипелаг Сула			
Менадо	Менадо (Минахасса)			
	Горонтало			
	Северный берег Целебеса			
	Острова Санги и Талаут			

XV. Южные Молуккские острова

Буру, Церам, Амбоин и Банда

Подводный порог, над которым толщина слоя воды меньше двухсот метров, соединяет Целебес и архипелаг Сула с Буру, самым западным островом Молуккской группы. С другой стороны, этот овальный остров составляет часть ряда земель, расположенного в виде дуги круга, в состав которой выходят Церам, Горам с другими островками, и которая к группе Кей пересекает другой ряд вышедших из-под воды земель,—острова «Юго-Восточные». Эта цепь Южных Молуккских островов, кривая которой продолжается на протяжении прибли-

зительно 750 километров, сначала с запада на восток, затем на юго-восток, параллельно берегу Новой-Гвинеи, хорошо ограничена с севера и с юга глубокими морями: так, с одной стороны, пучина, отделяющая Церам от группы северных Молуккских островов, имеет более трех тысяч метров глубины, а с другой,—море Банда углубляется более, чем на шесть тысяч метров, а в одном месте, вблизи вулкана Банда, даже на 7.815 метров от уровня своей поверхности. В самом центре этого моря высится, на-подобие холма посреди кратера, подводное плоскогорие Люципара, некоторые рифы которого виднеются и вне вод. За исключением Амбоина и Банды, группа которых расположена не на одной и той же линии с остальными южными Молуккскими островами, все эти острова находятся вне вулканического пояса Инсулинда.

Небольшой остров Амбоин и ещё меньшая плеяда Банды имели некогда торговое значение, далеко превосходившее значение больших островов в этих морских пространствах, и хотя их роль и уменьшилась, но, тем не менее, в виду их прежней славы и давнего авторитета, за ними сохранилось также и административное преобладание. Но вероятно, что центр тяжести, по крайней мере по отношению к земледельческим продуктам, современем переместится на Буру и Церам, которые уже превосходят Амбоин и Банду численностью населения, и которые также имеют и превосходные порты. В частности поверхность южных Молуккских островов, а также населенность их, по переписи, исчислению или предположению, следующие:

Буру и Амблов—8.771 кв. кил., 62.000 жит.; Церам—18.198 кв. кил., 200.000 жит.; группа Церам-Лаут—138 кв. кил., 2.000 жит.; Горам—331 кв. кил., 4.500 жит.; Амбоин—683 кв. кил., 32.000 жит.; острова Улиассер—265 кв. кил., 26.000 жит.; группа о-в Банда—44 кв. кил., 6.000 жит.; вместе—28.430 кв. кил., 330.500 жит.

Буру—один из наименее известных островов инсулиндского архипелага, хотя в то же время и один из самых плодородных и изобилующих природными богатствами,—представляет свой самый крутой фас на западном берегу: неподалеку от этого берега возвышается самая большая гора острова, Ламанданг или Томаху, высотою в 2.599 метров. С этою гордою вершиною находятся в связи другие горы, в виде горных цепей или массивов, которые, постепенно понижаясь в направлении к востоку, остаются вдоль южного побережья более высокими и более крутыми, чем на берегу противуположном. В общем, горный рельеф Буру расположен полу-кругом, выпуклость которого обращена на восток: большое озеро, Вакохоло, занимает, на высоте 580 метров над уровнем моря, углубление, в форме кратера, в центральной области острова; что касается его глубины, то, если верить старинной карте, приложенной к сочинению Валентина, наиболее углубленные части его дна отстоят от поверхности всего лишь брасов на двадцать (т.е. на сто франц. футов). Форбес нашел в Вакохоло только один вид рыбы, именно угря. В восточный берег острова врезывается великолепная бухта Кажели, которую окружает широкая равнина, с высящимся над нею амфитеатром гор. Небольшой остров Амблов, лежащий на юго-восток от Буру, может быть рассматриваем, как простое его дополнение; сам Амблов также весьма горист, а его побережья окаймлены рифами.

Небольшие острова, соединяющие Буру с Церамом, каковы: Манипа, Келанг, Боноа, с географической точки зрения, являются простыми отрывками Церама, подобными тем полуостровам, которые служат ему оконечностями. Остров Амбоин, а также три острова, продолжающие его на восток, которые соединяют под общим наименованием Улиассер, Ома или Хароку, Сапаруа и Нуса Лаут, или «морской остров»,—покоются на том же самом цоколе погруженных в воду земель, как и Церам. Амбоин дотого изрезан, что его рассматривают состоящим из двух полуостровов; Хиту, северный полуостров, более высокий, покрыт холмами, на которые трудно взбираться; с южным полуостровом, Лейтимором, он соединяется посредством песчаного перешейка, не имеющего и двух километров в ширину. На востоке, Хароку и Сапаруа имеют вершины в 400 и 300 метров высоты; Нуса Лаут—ниже: его также зовут «Золотым островом», потому-ли, что на нём добывали золото, или, быть-может, за

необычайное его плодородие. По Уэллесу, Амбоин—вулканического происхождения, и находящийся в западной части острова кратер по временам извергал пары и пепел; в 1824 году образовалось, будто-бы, даже новое извергательное жерло. Однако, европейские резиденты на Амбоине отрицают присутствие какого-либо вулкана на этом острове Молуккского архипелага.

Церам или Серанг, самый большой из островов южной группы, равным образом имеет и самые высокие горы. Западная часть, называемая Ховамуль, или «Малый Церам», покрытая сплошным лесом, менее возвышена; но в центре острова высятся горы более, чем в две тысячи метров, а по направлению к востоку, на меридиане Банда, гора Нусахели вздымает свой самый большой пик на 2.960 метров над уровнем моря: туземцы почитают эту гору и называют «пупком» острова. По показаниям некоторых авторов, господствующею горною породою на Цераме является гранит, а у подножия его откосов простираются слои красноватой глины. Рифы обахромливают побережья, а острова, продолжающие Церам по направлению к юго-востоку, в большей своей части состоят из коралловой извести. Остров Горам, один из наиболее значительных в этой группе, состоит из центрального скалистого ядра, вокруг которого полипы построили свои рифы; другие же, одинакового с ним протяжения, острова, как Манавоко и Матабелло, состоят единственно из приподнявшихся над водою кораллов. Над низменными каменными массами на окружности, едва лишь выдающимися над поверхностью моря, почва отлого подымается к подножию белых круч, местами стоящих перпендикулярно и возвышающихся на тридцать или даже и на шестьдесят метров: это—чистые массы коралловой извести, в которой исчезают дождевые воды. Трещины в скалах дают возможность туземцам взбираться на верхнее плоскогорие, на котором находятся деревни и возделанные поля[1].

Небольшая группа Банда составляет противоположность большим островам и соседним архипелагам, как по своей изолированности, так и по непрерывной деятельности своего гунонг Апи, т.е. «огненной горы». Шесть островков лежат весьма близко друг к другу, а три из них, Локтхуар, или Большая Банда, Банда-Нейра и Вулкан, расположены в кружок таким образом, что среди их образуется настоящее внутреннее озеро, в которое не видно входов; вероятно, здесь находилось громадное жерло вулкана. Два острова, окружающие этот природный водоем, Большая Банда и Банда-Нейра, зеленеют вплоть до гребней своих холмов, между тем как красивый конус дымящейся горы слегка окрашивается в зеленый цвет только на южных своих склонах, а выше являет лишь откосы из камней, совсем белые, вследствие соляных налетов на вершине; затем из открывающихся ниже этой вершины кратеров и воронок поднимаются клубами пары, которые и скучиваются в облака, развеваемые ветром.

Острова архипелага Банда подвергаются землетрясению часто, при чём образующиеся при колебаниях почвы волны на море ударяют о побережья, сносят жилища и опустошают сады. Лавы и пепел послужили бы массою для создания островов, если бы кораллы не образовались вокруг их побережий, доставляя им таким образом опояску из известковых скал, которые, вследствие колебаний почвы, оказались приподнятыми более, чем на сто метров над уровнем моря. Дождевые воды целиком исчезают в пепельных откосах островов, за исключением Большой Банды и Банда-Нейра, на которых есть несколько ключей; говорят, что домашний скот на южных Молуккских островах привык будто бы пить морскую воду[2]. В морских пространствах Банда чаще всего наблюдают, в месяцы июнь и сентябрь, любопытное явление, называемое «mer de lait»: воды кажутся в течение ночи белыми и фосфоресцирующими. При этом, однако, образуется сильная толчея волн, подвергающая опасности мелкие суда.

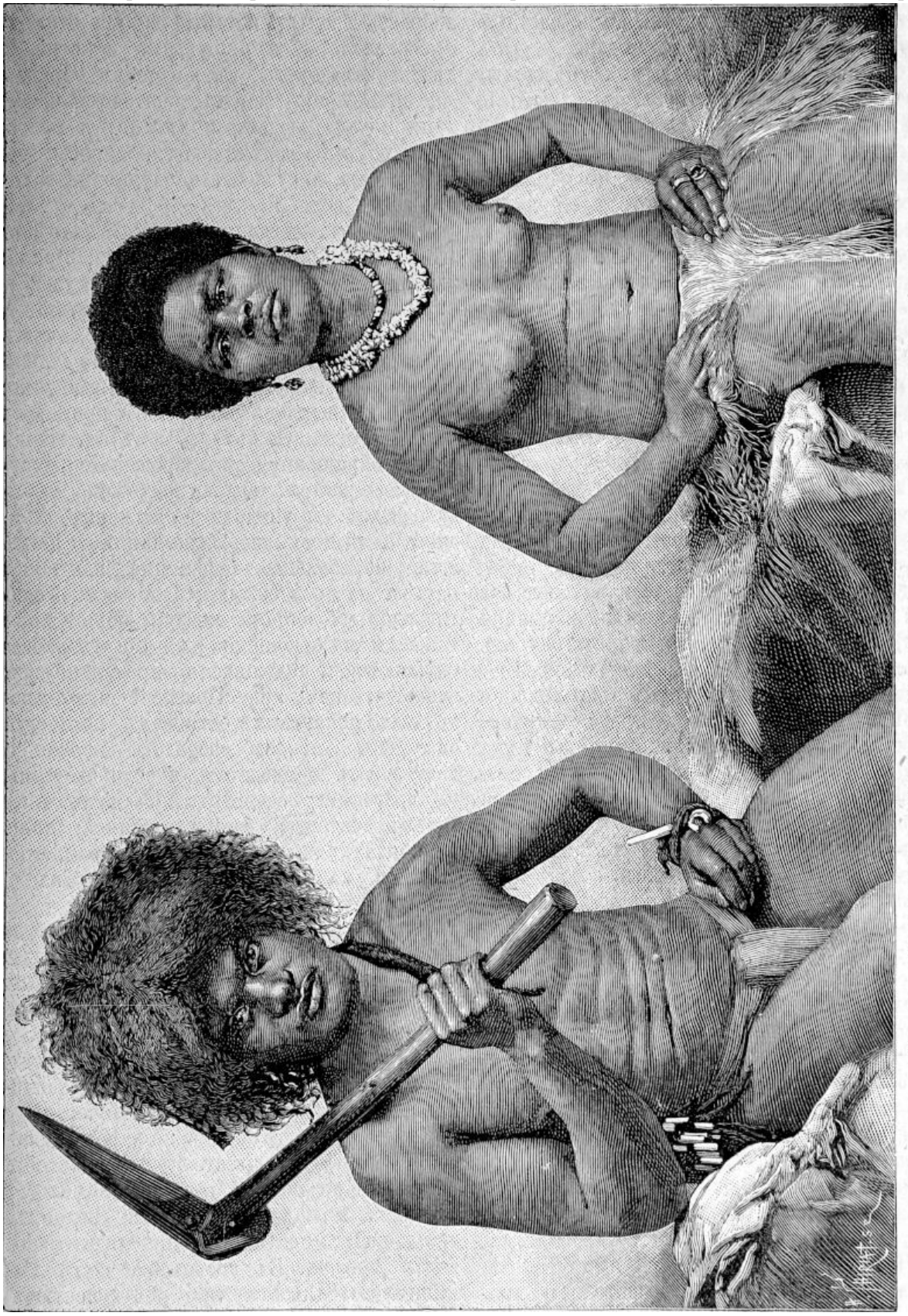
Будучи расположены между собственно Инсулиндом и Новою Гвинеею, южные Молуккские острова причастны к климату обоих этих областей. В течение ряда лет, именно восьми,

1 Alfred R. Vallace, упом. соч.

2 J. H. Bondyck-Bastiaanse, „Voyaga de l'Iris“

в среднем, на Молуккских островах выпало дождя: на Амбоине, 3 м. 762 мм., на Сапаруа, 3 м. 356 мм.; на Банда-Нейра, 2 м. 877 мм.; и на Тернате, 2 м. 192 мм.

Равным образом, о переходе между двумя мирами свидетельствуют животные и расти-



Новая Каледонія.—Канакскіе мужчина и молодая дѣвушка.

тельные виды этих островов, хотя каждый остров и обладает фауною, характеризуемой оригинальными формами, за исключением, впрочем, наземных млекопитающих, отсутствующих совершенно. Южные Молукские острова совсем не имеют обезьян; после летучих мы-

шей, лучше всего представлены сумчатые: по этим животным, именно по *cuscus*'у, который был уже замечен Бугенвилем, Молуккские острова принадлежат к области Новой Гвинеи; с другой стороны, интересная целебесская бабирусса, встречающаяся также и в Сульском архипелаге, проникла на остров Буру, который, вследствие присутствия этого кабана, составляет часть инсулиндской области; с нею же связуют Буру и громадные удавы, эти «движущиеся древесные стволы», которые нападают на человека и пожирают его. Будучи бедны млекопитающими, Молуккские острова удивительно богаты птицами, которые большею частью представляют сходство с папуасскими видами: так, на одном только острове Цераме, Уэллес открыл 55 видов нигде в других местах неводящихся птиц, между которыми есть казуар (casoar casyue), ростом более полутора метра и, вместо крыльев, имеющий по пучку черных роговых игл. Остров Буру также доставил Уэллесу семнадцать новых видов птиц. Молуккские острова в особенности богаты попугаями, голубями и зимородками, при чём все эти птицы блещут самыми яркими цветами. Равным образом, и относительно рыб, Молуккские острова, в особенности южные, являются привилегированными областями в мире. Блеекер нашел в портах и бухтах лишь одного острова Амбоина 780 видов рыб, почти столько же, сколько их водится во всех морях и реках Европы, и сотни из них, будучи испещрены или искраплены голубым, зеленым, красным или желтым цветами, являют бесконечное разнообразие во внешности: не существует, говорит Уэллес, на земле, вероятно, бухты, где бы животная жизнь представляла большее разнообразие форм, как в «морских садах» небольшого Амбоинского залива. Моллюски и бесконечно малые животные океана также представлены здесь множеством видов. Что касается насекомых, особенно бабочек, то Амбоин тоже обладает очень крупными и красивыми видами: в этом отношении, это рай для натуралистов. По странному, необъяснимому контрасту, восточная часть Церама, хотя и весьма щедро наделенная растительностью, в сравнении с западною его частью крайне бедна животными формами.

Тех жителей южных Молуккских островов, которые ещё не затронуты цивилизациею, обозначают, наподобие обитателей Целебеса и других островов Инсулинда, наименованием альфуру; но, вместо того, чтобы приближаться, подобно целебесцам, к дайякам на Борнео и к баттам на Суматре, они гораздо более похожи на папуасов Новой Гвинеи и, повидимому, одного и того же с ними происхождения; поэтому, можно задаться вопросом: почему простое совпадение географического имени полинезийских легенд с именем Буру могло привести некоторых этнологов к выводу, что этот остров есть место происхождения полинезийских рас[1]? Альфуры этого острова боятся даже видеть море; оно табу для них, и они убеждены, что им грозит беда уже в том случае, если они услышат только шум волн[2]. Роста они среднего или высокого, цвет кожи у них темно-коричневый, а у некоторых волосы на голове, курчавые или топырящиеся в стороны, занимают огромное пространство, если но собраны в шиньон или в узел на одной из височных областей черепа. Они весьма любят украшения, и те из них, у которых нет стеклянных поделок, ни кораллов, ни металлов, носят браслеты из сотканных трав, а также надевают ожерелья из нанизанных зерен плодов или ягод. Редко, однако, можно встретить этих папуасов на Буру или на Цераме в чистом состоянии, так как во внутренних областях островов находится вообще мало деревень, и почти всё население живет на морском берегу, где малайцы и другие переселенцы перемешались с первоначальною расою и различным образом видоизменили тип. На острове Мановоко, к востоку от Церама, малайский элемент, повидимому, воспреобладал, при чём метисы, происходящие из обеих рас, оказываются весьма красивыми мужчинами, с приятными чертами лица и пышными волосами на голове. Также говорят, что между жителями Амбоина индусская физиономия очень часто встречается и что масса слов и оборотов тоже свидетельствует о древнем азиатском влиянии на их язык; на большей части восточных островов Малезии, имя Моджо-

1 Hale, „Ethnography and Philology; United States Exploring Expedition".

2 H. O. Forbes, упом. соч.

Пахит, носимое каким-либо местом, напоминает о древнем индусском господстве на Яве[1].

Туземцы «альфуру» на о. Буру уже не имеют свирепых нравов жителей церамских; первые уже с незапамятного времени перестали срезать головы врагам для украшения своих жилищ, между тем как альфуру на Цераме ещё страстно преданы войне и любят те кровавые трофеи, которые война им доставляет. Но, за исключением этой существенной разницы, туземцы на обоих островах весьма схожи друг с другом верованиями, нравами и учреждениями. И те, и другие верят в высшее существо, создателя и хранителя земли, неба и моря, великого судию, который вознаградит добрых и накажет злых, как в этой жизни, так и в будущей. Однако, они не поклоняются этому великому духу, но приберегают свои обращения и мольбы для тех бесчисленных духов, добрых и злых, которые живут около них, в скалах, лесах, ручьях и ветре. Чародеи и звездочеты, к которым обращаются для принесения жертв, считаются посредниками между людьми и духами, и благодаря им, болезни излечиваются, деревья приносят плоды, а суда благополучно плавают по морю.

Женщины всегда покупаются в другом колене: все браки экзогамические; при этом женщина, введенная в племя мужа, перестает ведаться со своими: в случае вдовства, она может выйти снова замуж не иначе, как за родственника или товарища своего прежнего супруга, но приданого ей однако не выплачивают. Дети принадлежат племени отца. Со всем тем с женщиной всегда обращаются с доброжелательностью и справедливостью: обычаи требуют, чтобы тяжелые работы упадали на мужчин, а легкия занятия выполнялись женщинами; когда же женщина больна, беременна или кормит грудью, она освобождается от всякой работы. Врожденная доброта альфуру обнаруживается также и по отношению к слабым: рабством гнушаются, и должник, в противоположность существующему на Целебесе и на многих других малайских островах, не поступается никогда своею свободою. Всякая ссуда дается без процентов, и если заемщик не в состоянии возвратить позаимствованного, то он считается расплатившимся: лишь в редком случае заимодавец обращается с жалобой к начальнику деревни или племени.

Различные должности начальников, звездочетов и герольдов—наследственны; однако, может случиться, что эти лица окажутся не нравящимися своим согражданам, и тогда прибегают к новым выборам. Доля каждого из должностных лиц определена с замечательною точностью в хозяйстве племени. Причитающееся им количество саговых лепешек так хорошо заранее известно сопричастным к платежу, что никакое недоразумение не может возникнуть между подданными и начальниками: в среднем, вся сумма налога достигает приблизительно четверти урожая. В восточной части Церама пищею жителям служит почти исключительно сага, и туземцы приготовляют его в таком количестве, что его оказывается достаточно даже для вывоза на соседние острова. Саговое дерево растет во всех низменных и болотистых местностях и даже на склонах холмов, повсюду, где позади скалы или в углублении земли застаивается вода. Хорошее дерево доставляет, в среднем, около трехсот килограммов, которых и достаточно для пропитания одного человека в течение года; вся же необходимая, при этом, работа: рубка, приготовление мязги и печение лепешек исполняется в несколько дней. И, однако, такое великодушие природы вовсе не превращает альфуру в ленивца; он охотится, рыбачит, торгует и проводит свое время в украшении своей личности и своей хижины[2].

Почти не существует примера, чтобы альфуру, проживающие внутри страны, приняли ислам; но на поморье малайское влияние преобладает, и смешанные браки беспрерывно прибавляют к магометанскому исповеданию новых оранг-сламов, т.е. «людей ислама». С другой стороны, христианские воспитатели и миссионеры с Амбоина, поселяясь на Цераме и других островах, окрестили тысячи дикарей. Ни в одной части Инсулинда не существует такого большого числа христиан: во многих деревнях они составляют большинство; южный полуостров Амбоина, посещенный Франциском Ксавье, апостолом Японии, населен христи-

1 Valentjn;—Willer, „Het eiland Boeroe“;—Waitz, „ Anthropologie der Naturvolker“

2 Wallace, упом. соч.;—Willer, „Het eiland Boeroe“.

анами, между тем как северный полуостров—магометанский. На той части Церамского поморья, которое находится напротив Амбоина, все туземцы, по крайней мере номинально, оранг-сирани, т.е. назареяне: они носят календарные имена, имеют библию и псалтирь; некоторые из них умеют читать и писать. Подражая европейцам, христиане на Молуккских островах отличаются тем, что носят черные одежды; благородные и начальники придерживаются в своих костюмах голландской моды прошлого столетия.

Сравнительно большая численность христиан между жителями Молуккских островов свидетельствует о пребывании некогда в стране португальцев: это они, ревнуя о распространении христианства, и крестили, по доброй воле, или насильственно, туземцев, сгруппированных вокруг их факторий. После прибытия голландцев, обращенные должны были покинуть католический обряд и сделаться протестантами-реформатами; тем не менее, ещё много религиозных церемоний совершается с тою же самою церковною пышностью, как и во времена португальских монахов. Хотя остров Амбоин и архипелаг Банда принадлежали португальцам всего лишь в течение одного века, а господство голландцев продолжается там более двух с половиною столетий, тем не менее влияние первых завоевателей ещё чувствуется: удержались не только географические наименования, каковы Банда, Нейра, Бандейра, Пазо, но также туземные говоры переполнены португальскими словами, которые жители и употребляют, не давая себе отчета об их происхождении. Также удостоверена устойчивость лузитанского типа в народонаселении Амбоина, при чём именно у потомков португальцев кожа всего чернее[1]. Впрочем, эта раса в упадке; численность её значительно уменьшилась, и нигде недуги и болезни кожи не распространены так, как на островах этих морских областей. Появились перед Амбоином и Бандою, а затем и завоевали их голландские моряки в первые годы XVII столетия. Сделавшись же владельцами этих островов, производящих прославленные, «продававшиеся на вес золота», пряности, завоеватели пожелали обеспечить за собою монополию относительно этих продуктов, приносивших им от 200 до 300% барыша[2]; они, во-первых, распорядились уничтожить все леса мушкатника (*myristica maschata*) и гвоздики (*carjophyllus aromaticus*), которые где-либо встречались в обширной области их владений вне Банды и Амбоина; а, во-вторых, даже и на Амбоине и Банде, число этих деревьев было строго ограничено многочисленными предписаниями; делалось это на-подобие того, как в краях, где существует монополия на табак, напр. во Франции, возделывание табачного растения воспрещено повсюду, кроме известных, точно ограниченных округов. Нарушителю монополии угрожала смерть; одно только присутствие чужеземного торговца на том острове, где рос мушкатник, наказывалось обезглавлением, а иногда даже колесованием[3]. Однако, хотя Компания и содержала на каждом острове «приставов-вырывателей» (sergents-extirpateurs)[4], но ведомое жадными нидерландскими торговцами дело истребления вполне не могло осуществиться, так как земли внутри страны оставались для них недостаточно известными; но так как эти леса были, равным образом, неведомы купцам и других наций, то в течение двух с половиною столетий амстердамский рынок и оставался единственным в мире, на котором можно было покупать головки гвоздики, мускатный орех и мускатный цвет (macis). Одним из последствий Бандской и Амбоинской монополии было, с одной стороны, обезлюдение до тех пор торговых островов, а, с другой, доставление возможности морским разбойникам поселяться в тех портах, которые покинули торговцы. Более же важным последствием этой системы было уничижение туземцев, осужденных на каторжную работу на плантациях в течение половины года; им не оставалось уже времени для обработки своих садов, а между тем все другие промыслы были принесены в жертву возделыванию пряных растений. Наконец, стала обременительна и сама монополия; Маскаренские и другие не голландские острова уже оспаривали европейские рынки у молуккских

1 Valentijn;—Roorda;—Waitz, „Anthropologie der Naturvolker“.
2 Grawfurd, упом. соч.
3 Bokemeyer, „Die Molukken“.
4 Stavorinus, „Voyage a Samarang“

пряностей, хотя сами и доставляли продукты более низкого качества. Вообще, последние годы средины текущего столетия были невыгодны для правительства. Торговля пряностями не окупала даже их возделывания, а, кроме того, были значительны также и косвенные издержки на охранение монополии: в бюджете Молуккских островов ежегодно, поэтому, обнаруживался громадный недочет.

С тех же пор, как возделывание пряных деревьев стало свободным, значительно уменьшилась и самая ценность Амбоина, как места добывания гвоздичных головок. Работа на плантациях была столь нелюбима, что во многих местах её совершенно покинули, а чтобы не иметь перед глазами даже и самых деревьев, их вырубили. Однако, на группе Бандскнх островов плантаторы оказались более энергичными и более предприимчивыми, а также им более благоприятствовали условия почвы и климата; поэтому, в отношении производства мускатного ореха, они и до сих пор ещё продолжают соперничать с другими островами[1]. Вместе с жителями Киссера, только-что упомянутые собственники на острове Банде представляют, между прочим, примеры такой группы жителей голландского происхождения, которой удалось сохраниться в тропическом климате зондских морей в течение более двухсот пятидесяти лет. Вслед за избиением туземцев, произвести которое, в начале XVII столетия, было предписано страшным директором Куном, большие пространства земли были розданы голландским правительством отставным солдатам и чиновникам, которых и назвали *perkeniers*'ами, благодаря тем паркам (*perk*), которые даровала им судьба. Потомки этих перкениеров, впрочем, весьма смешавшиеся с туземными элементами, продолжают ещё жить на острове; но сами они не обрабатывают той почвы, которая им была роздана: до 1861 года, времени прекращения монополии, они возделывали её руками рабов, которых привозили с самых разнообразных островов, при чём та местность, где их налавливали, иногда подвергалась совершенному обезлюдению; таким, именно, образом, в 1616 году, массою были увезены островитяне с Сиова, которых подарками завлекли на голландские суда; других выкрадывали на берегах Кохинхины, на островах Кей, в архипелаге Ару и на Новой Гвинее; наконец, правительство присылало также осужденных из всех рас[2].

Кастовый строй преобладает на Амбоине и на островах Улиассере гораздо более как последствие голландского господства, чем в силу старинных нравов. Тотчас за немногочисленными европейскими чиновниками, люди смешанной крови составляют первую касту, весьма гордящуюся своим истинным или мнимым происхождением, ибо на тысячу метисов, которые живут в Амбоинском резидентстве, приходится сотни таких, для которых было бы весьма затруднительно представить свою родословную. За этими полукровными, из которых некоторые немного говорят на местном голландском наречии и которые взаимно титулуют себя *mijnherr* и *mevrouw*, следуют туземцы-христиане, место которым отведено между *burgers*, т.е. буржуа. Они потомки лиц, освобожденный Компаниею от труда принудительной работы и поголовной подати, при чём за этими первыми привилегиями со временем последовали и другие. Прежде один из главных элементов населения составлял класс *mardijkers*'ов, т.е. освобожденных, отпущенных на волю рабов, из которых набирали солдат, и которые сражались с удивительною неустрашимостью. Некоторые магометане, впрочем немногочисленные, и почти все принадлежащие к низшим кастам, равным образом получили титул бюргеров. Самыми же последними, со времени уничтожения работая, признаются те, которых называют *orang-masing*, т.е. «простонародье». По словам большей части путешественников и резидентов, нравственное достоинство туземцев обратно пропорционально их рангу: чем больше у них прав на праздность, тем более это, на самом деле, ленивцы, картежники и развратники. У голландцев же на Амбоине принято за правило обращаться скорее к рабочим магометанам, чем к христианам; однако, в отдаленных деревнях, на островах Буру и на Цераме, туземцы обоих вероисповеданий одинаково честны и работящи[3].

1 Hanoevell, „Ambon en de Oeliasers".
2 Bokemeyer, упом. соч.
3 Willer, упом. соч.

По Аржансолю[1], туземцы на Амбоине и Цераме прежде подразделялись на оли-сима, т.е. «девять краев», и на оли-лима, т.е. «семь краев»; эти названия, очевидно, свидетельствуют о какой-то группировке союзных племен, которую другие классификации заставили частию позабыть; однако, на Цераме эти подразделения сохранились под наименованиями пата-сима и пата-лима; из них первые в особенности проживают в западной части острова, а вторые по преимуществу в восточной. По ван Гоэвелю[2], эти подразделения остались ещё от древних времен соперничества Тернате и Тидора, некогда могущественных сюзеренов этих стран. Что касается нравов этих диких альфуру, то пата-сима внушают к себе более всего страха. Большое число между ними принадлежит к так называемому сообществу *kakian*'ов, относительно которых полагают, без достаточных, впрочем, доказательств, что преследуемая ими цель состоит в искоренении белых[3].

Амбоин, Амбоина, или лучше Амбон, по туземному наименованию, главный город резидентства или префектуры южных Молуккских островов, имеющий около тринадцати тысяч жителей, населен ныне гораздо менее, чем прежде; при всём том, он находится в числе весьма важных городов восточного Инсулинда. Расположенный на южном берегу одноименной с ним бухты, у подошвы горы Суайя, он состоит из центрального торгового квартала и предместий с широкими и длинными тенистыми улицами. Форт Виктория, названный так в воспоминание «победы» (виктории) голландцев над португальским гарнизоном в 1609 году, господствует своею внушительною массою над городом. Амбоин, вольный порт (портофранко), где самые большие корабли бросают якорь на глубине 20 и 30 метров, дополняется на востоке деревнею Пазо (т.е. проход): она расположена на оконечности восточной бухты острова, на песчаном перешейке, чрез который моряки и переволакивают свои суда из одной бухты в другую. Амбоин есть центр училищ и духовных миссий в Восточном Инсулинде и в Папуазии. В Амбоине проживал Валентин, а также умер естествоиспытатель Румфиус,—два первые научные исследователя Инсулинда.

Главный порт острова Буру представляет все материальные удобства для образования большого рынка: воды на якорном месте глубоки; выдвигающийся к востоку мыс хорошо защищает бухту от ветра и прибоя волн; тековый лес, доставляющий строительный материал, занимает часть равнины; обширные и плодородные поля простираются по направлению к горам; но на краю вод виден лишь бедный городок Кажели, население которого, мусульманское, христианское и китайское,—не превышает двух тысяч человек. С тех пор, как там основались голландцы, земля отвоевала у моря полосу почти в восемьсот метров шириною. Из Кажели в течение года вывозится около шестисот тысяч бутылок каепутового масла (*melaleuca cajeputi*), которое туземцы добывают из листьев дерева *kayou pouti* или «белой коры», растительного вида, приближающагося к гвоздике. Амбоинцы также покупают в Кажели земляные фисташковые орехи и откормленных сагом свиней, за которых они уплачивают преимущественно медными гонгами[4].

Остров Буру—один из тех, о которых говорили более всего как о пригодных для земледельческой колонизации, и даже для европейских переселенцев; однако, проекты этого рода, по счастью, не были приведены в исполнение, так как климат, без сомнения, расстроил бы все попытки. Что касается островов, лежащих между Буру и Церамом, то они были методически опустошены и обезлюдены Компаниею[5], и со времени роковой эпохи истребительной монополии они и пребывают в запустении.

Церам, как и Буру, имеет на побережьях своих бухт лишь группы хижин, населенных малайцами, несколькими чужеземными купцами и альфуру, исповедующими магометанство

1 „Conquistas de las islas Molucas".
2 „Ambon en de Oeliasers".
3 Van Rees, „De Pioniers der beschawing in Nederlandsch India".
4 H. O. Forbes. упом. соч.
5 P. Bleeker, „Reis naar en door de Minahassa".

или христианство: этим хижинам дают наименование *negerijen* или *nehorijen*, которое часто переводили по-французски ошибочно словом «negreries»; это наименование вовсе не указывает на цвет кожи жителей, а происходит от индусского слова *nagar*, т.е. «город». Таковы на юге Церама негории: Амахай, главный пункт голландской администрации, Элапути, Макарики, Хозяйя и Телути; а на северных бухтах: Савай и Вахай; эта последняя деревня укреплена и обладает обширным портом. Европейцы основали по соседству с берегом плантации кофейные, табачные и шоколадного дерева; добывают они также и каменный уголь.

На небольшом расстоянии от восточной оконечности Церама и пляжа кольцеобразного острова Гиссер, островок Кильвару, в группе Церам-Лаут, представляет самый странный вид: это маленькая «Малайская Венеция». Построенные на сваях хижины скучены так тесно, что почва не видна нигде; островок целиком исчезает под постройками, и на взгляд, деревня как-бы плавает по морю. Пресные воды, по словам Уэллеса, подземным путем притекающие с соседних островов, выходят на поверхность в виде обильных водою родников. Килькару, расположенный на окраине единственного глубокого канала, пересекающего Церам-Лаутские мели, является очень бойким рынком: здесь поселились буги и другие купцы с целью создания главного торгового склада между Амбоином и Новою Гвинеею. Некоторые островитяне из обитающих в этих морских пространствах, между прочим, жители острова Горама, весьма обогатились от торговли со всеми восточными островами. Уэллес с удивлением говорит о тех массивных золотых драгоценностях, которые носят женщины Матабелло, и о бронзовых украшениях, которые покупают сельские жители для установки при въездах в их селения. Начальники пышно одеваются в мантии из шелка и расшитого сатина.

К востоку от Амбоина, главным местечком на островах Улиассер является Сапаруа, расположенная на острове того же имени, вблизи берега хорошего порта и в месте перекрестка двух больших дорог, пересекающих остров в наименее широких его областях. Несмотря на представляемые им выгоды, Сапаруа имеет всего около двух тысяч жителей, которые почти все христиане. Окрестные плантации доставляют ещё для торговля довольно большое количество головок гвоздики, значительно превосходящее то количество, которое получается на Амбоине; к сожалению, урожаи этих ещё нераспустившихся цветочных почек весьма неодинаковы и обыкновенно удаются однажды из двух раз. Самый лучший сбор со всей амбонской группы переходит за сто пятьдесят тысяч килограммов, тогда как в неудачные годы он не достигает даже и 25.000 килограммов[1].

Укрепленный город Банда или Нейра—расположенный на острове того же имени, к северу от, повидимому, озерного бассейна, образуемого бухтою Банда—занимает одно из самых живописных местоположений на Инсулинде, на склонах горы Папенберг, посреди плантаций мускатного дерева, красивейших в мире. Насупротив, остров Лонтуар почти весь целиком покрыть мускатными деревьями и более крутыми деревьями *канари* (*canarium commune*), разводимыми для тени. Легкая вулканическая почва, тень и природная влажность воздуха оказываются удивительно пригодными для мускатного дерева, которое растет здесь почти без всякой заботы о нём, тогда как на плантациях в Сингапуре, Пуло-Пинанге и в других местностях оно требует большого ухода. Мушкатник, достигающий высоты от 6 до 10 метров, представляет хорошо сформированное дерево, с блестящими листьями и красивыми желтыми цветами: похожий на персик, золотой плод его трескается и обнаруживает внутри орех и красную мякоть, которую с жадностью поедают грациозные голуби (carpophaga concinna), неизвестные на Цераме и других Молуккских островах: прежняя Голландская Компания приказывала истреблять эту птицу, чтобы воспрепятствовать распространению семян мускатного дерева[2].

В 1878 году на острове Банде было собрано 1.238.000 килогр. ореха и 408.000 килогр. так называемого мускатного цвета. Пояс кокосовых пальм окаймляет подошву гунонг Апи, на котором проживают потомки переселенцев с Бутона. Островки Роак и Розенгайн также на-

1 Van Hoevell, упом. соч.

2 J. H. de Bondyck-Bastiane, „Voyage de l'„Iris“.

селены небольшими колониями земледельцев, по большей части потомков ссыльных.

Резидентство Амбоин разделено на семь административных округов: Амбоин, Буру, Улиассер, Банда и три округа на о. Цераме.

XVI. Северные Молуккские острова

Оби, Батжан, Тидоре, Тернате, Хальмахера и Моротаи

Та группа Молуккских островов, центр которой составляет о. Хальмахера, хорошо ограничена на всей своей окружности морскими глубинами. На западе, пропасти глубиной более 2.000 метров отделяют её от Целебеса и архипелага Санги; на севере и северо-западе, море углубляется более чем на четыре тысячи метров; на юге, пучина в три тысячи метров открывается между островами Оби и южными Молуккскими островами; наконец, на востоке, заливы глубиной в тысячу метров и порог, покрытый слоем воды в пятьсот метров—обозначают раздельный пояс между данным островным миром и теми островами, которые входят в состав Папуазии. В общем, северные Молуккские острова расположены продольно от севера на юг, между тем как южные направляются с запада на восток. Общая поверхность группы Хальмахеры превышает 16.000 квадр. километров; но острова эти, за исключением Тернате и соседних островков, Тидоре, Макжан, Мотир, Кажоа, называемых «Малыми Молуккскими островами», населены весьма слабо; есть даже и такие, на которых постоянно не проживает ни одно семейство. В частности, пространство и населенность северных Молуккских островов следующие:

Батжан и соседние острова—2.643 кв. кил., 2.000 жителей; Малые Молуккские острова—286 кв. кил., 30.000 жителей; Хальмахера и соседние острова—16.965 кв. кил., 25.000 жителей; Моратаи—2.698 кв. кил., постоянных жителей нет; Оби и соседние острова—1.900 кв. кил., постоянных жителей нет; Тафури и Мажу—160 кв. кил., постоянных жителей нет. Вместе—24.612 кв. кил., 57.000 жителей.

Два острова Тифури и Мажу, в политическом отношении зависящие от Тернате, могут также считаться принадлежащими к группе Молуккских островов, хотя и высятся над глубокими морями к востоку от Целебесского полуострова Минахасса. Португальцы называли «Molucos» только Малые Молуккские острова новейших географов, но, в конце концов, это наименование стали прилагать ко всем тем восточным островам, на которых произрастают пряности.

Вулканические силы гораздо деятельнее на северных Молуккских островах, чем на южных, и целый ряд кратеров извержения виднеется на западной окраине архипелага. Одна из половин острова Батжана, связанная с другой посредством узкого перешейка, не содержит вулканических формаций, а только лишь коралловые известняки, конгломераты из гальки, песчаники, расположенные один на другом в виде тонких слоев; только к северу от перешейка работа подземного очага прявляется истечением гейзера и нагреванием глин, которые превращаются в кашицу. Этот ключ, текущий неподалеку от лежащей на восточном берегу бухты Сажоан, бьет струею только в сезон дождей: подобно Исландским гейзерам, он много содержит кремнезема, который вода, почти кипящая, так как температура её 99°, отлагает слоями на верхней закраине его бассейна. На Кажоа, лежащем к северу от Батжана, высятся базальтовые утесы. Макжав, принадлежащий к Малым Молуккским островам, имеет только один, возвышающийся над водами моря, вулкан. В начале XVII столетия этот вулкан был гораздо выше; но в 1646 году верхняя часть конуса разлетелась в куски, а один из склонов треснул до самого низа: осталась лишь нижняя часть вулкана, с громадным кратером; в 1862 г., новое извержение покрыло пеплом весь остров: вплоть до Тернате дневной свет померк, и возделываемые растения были спалены. На севере, остров Мотир также был огнедышащею горою, извергавшею окалины в конце XVIII столетия. О. Тидоре, в своей южной ча-

сти, представляет правильный конус, покрытый возделываемыми растениями вплоть до половины его высоты: это самый высокий вулкан Молуккских островов; из его кратера (в 1.720 метров) время от времени поднимаются пары, и теплые ключи бьют у его подножия. Вулкан Тернате, описанный Камоэнсом, несколько ниже и менее красивой формы; но извержения на нём весьма часты: с тех пор как голландцы поселились на острове, т.е. с начала XVI столетия, до 1862 года, насчитывается не менее двадцати четырех извержений, сопровождавшихся истечениями лав; в верхней части горы открываются семь кратеров, потрескавшихся во всевозможных направлениях и постоянно дымящих. Землетрясения весьма часты, и город, расположенный у подошвы вулкана, не успеет ещё оправиться от разрушений, причиненных одним землетрясением, как уже разражается другое. На северо-западном берегу острова укрепленная деревня Сула-Такоми исчезла, и на её месте находится провал в форме кратера, наполненный водою, который так и называют «Затопленной Землей».

На севере, продолжение вулканической оси Малых Молуккских островов упирается в выдающийся берег Хальмахеры, где тоже возвышаются три конуса извержения, видимых с о. Тернате. Равным образом вулканическим оказывается и другой мыс Хальмахеры: в 1673 году, около Гамакора появилась гора из пепла. Севернее показывается гунонг Таракан, который за его форму прежде называли Тафельбергом, т.е. «Столовою горою»; повидимому, извержения его были многочисленны. Извержения вулкана Толо, возвышающагося насупротив острова Моротаи, были весьма сильны и изменили форму побережья, засыпав бухты и образовав озера посредством насыпей-запруд из черного пепла. Одно из этих озер, недавно образовавшееся и имеющее в глубину 50 метров, находится около деревни Галела, у подножия усеченного вулкана Керкан; по Бернштейну, в этом озере следует видеть истинный кратер вулкана[1].

Большие колебания почвы происходили над трещиною в месте нахождения Малых Молуккских островов. Уэллес констатировал на одной части побережья Кажоа, что остров приблизительно поднялся на шестьдесят метров, как об этом свидетельствуют кораллы на прежних пляжах, и что, затем, он довольно быстро опускался: деревья на берегу погибали вследствие того, что берег стала омывать соленая морская вода.

Большой остров Хальмахера, то-есть «Большая земля», названный так вследствие своего нахождения среди плеяды островков и утесов[2], представляет в своем образовании замечательное сходство с Целебесом: он также состоит из четырех гористых полуостровов, расходящихся в виде радиусов вокруг центрального массива, вследствие чего его иногда называют «Малым Целебесом». Подобно Целебесу, Хальмахера направляет свое островное тело с севера на юг, а заливы обращает к востоку. Съужение северных полуостровов при основании представляет новую аналогию между этими двумя землями; затем трахитовый остров Моротаи и соседние островки, которые, кажется, некогда были соединены с северным полуостровом, образуют двойник Минахассы на Целебесе; наконец, два полуострова, южный и юго-восточный, также продолжаются двумя островами, именно Дамаром и Жебэ. С политической точки зрения северные Молуккские острова представляют то же самое явление, что и Молукки южные. Подобно тому, как в южной группе первенство принадлежит небольшому острову Амбоину и ещё меньшим островкам из плеяды Банды, а большой остров Церам оказывается простым дополнением их, так точно и в северной группе «Большая земля» представляет область почти пустынную, разделенную между двумя государями двух островных вулканов: Тернате и Тидоре.

Северные Молуккские острова ещё более, чем южные, отличаются замечательною «локализацией» животных видов. У каждого острова есть свои собственные формы, которых не находят на соседних землях[3]. Так, на острове Моротаи находят птиц с мощным полетом, которых тщетно искали на Хальмахере, несмотря на то, что эти острова отделяются друг от

1 „Petermann's Mittheilungen", 1873.

2 Willer, „Het eiland Boeroe".

3 Raffray, „Archives des missions scientifiques et litteraires", tome IV, 1877;—Wallace „Malay Archipelago".

друга проливом, имеющим в ширину всего 40 километров и к тому же усеянным многочисленными островами. Моротаи, к северу от Хальмахеры, равно как и Дамар, к югу от этого же острова, по своей фауне походят более на крайний архипелаг Папуазии, чем на архипелаг Молуккский, отрывок которого они несомненно составляют[1]. Для натуралиста, из всех этих островов наиболее замечателен остров Батжан. В его лесах из мускатных и других видов деревьев встречают кинопитеков, обезьян, которые обитают далее всего к востоку от центра их рассеяния. Также находят там цивет, которые, по Уэллесу, могли быть ввезены случайно малайскими или китайскими переселенцами. Нередко бывает, что эти чужеземцы привозят с собой различных животных, которые, при случае, могут освободиться из своих клеток, убежать в лес и размножиться там.

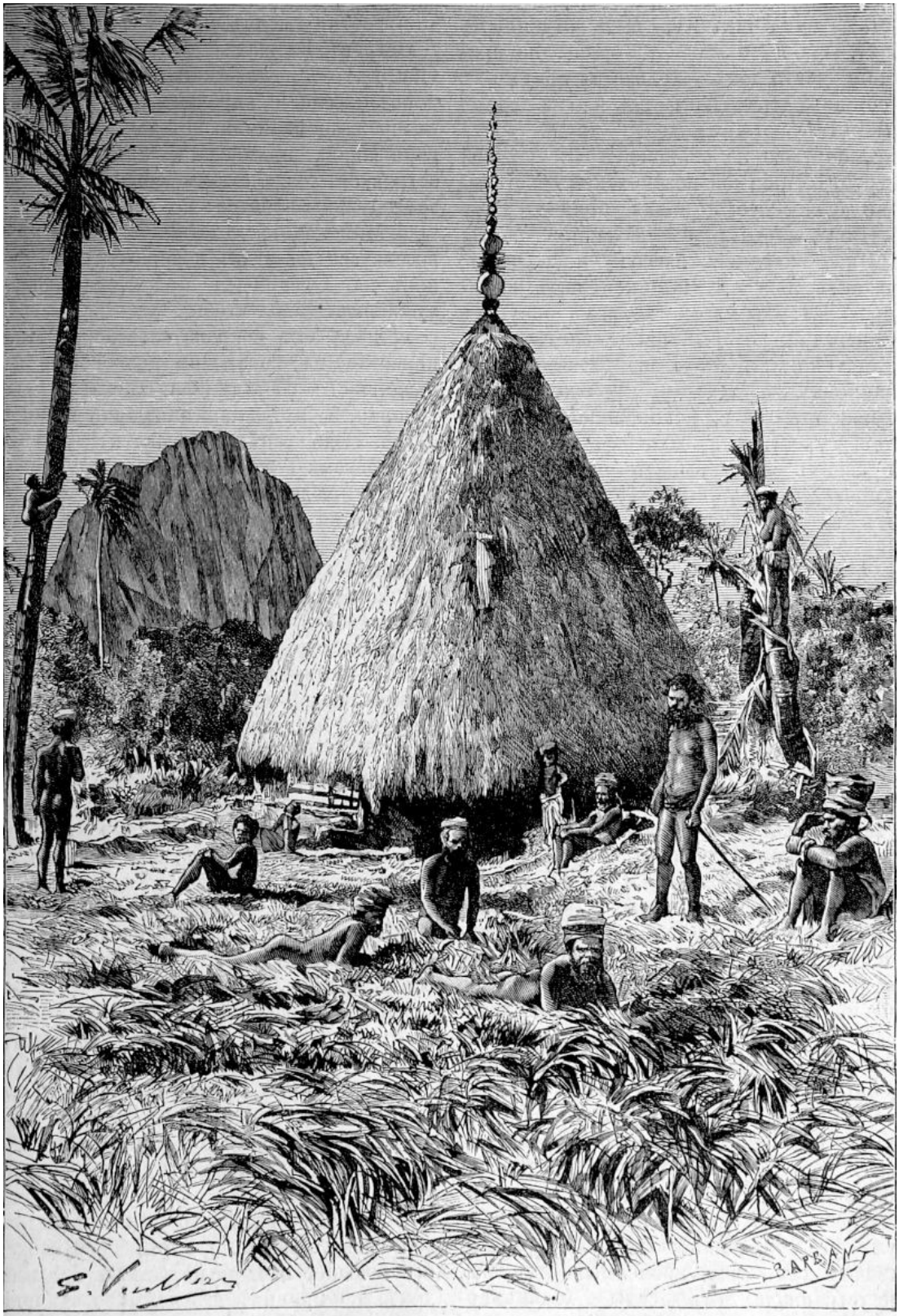
Малайские переселенцы многочисленны на малых Молуккских островах, и на некоторых из них составляют даже большинство: это они, утвердившись на Тернате и Тидоре, завоевали весь архипелаг и ассимилируют постепенно остальную часть населения. Их первоначальный тип, кажется, приближался к типу жителей Макассара; но, беря себе жен из девиц племени альфуру, они, в своем потомстве, обнаруживают большие различия как в облике, так и в характере: даже язык их—малайский лишь по строю речи, словарь же его по преимуществу заимствован из языка альфур. Жители Батжана, Кажоа и южных берегов острова Хальмахера почти все из этих смешанных малайцев, и если чем они резко отличаются от альфуру, живущих внутри страны, то это главным образом нравами и религией: они магометане, и в качестве таковых чувствуют себя солидарными с цивилизованными населениями Инсулинда. Другой этнический элемент—столь же смешанный, как и малайский, и также отличающийся от альфуру своею относительною цивилизизациею,—составляют оранг-серани или «назареяне», т.е. христиане, которые отчасти происходят от португальцев; но, в течение трех столетий, они позабыли, если не своё происхождение, то по крайней мере язык и первоначальную свою религию; они говорят на малайском языке, к которому примешано несколько лузитанских слов, и называют себя протестантами, хотя их воскресенья заканчиваются музыкою и хороводами. Вследствие браков с туземными женщинами, они стали чернее малайцев и альфуру: кожа у них так же черна, как папуасов[2]; вообще они походят на тех бразильцев смешанной расы, которые проживают на берегах Амазонской реки. Назареяне—почти единственные из инсулиндцев, едящие мясо «летающих лисиц», огромных нетопырей, сотни которых иногда случается видеть повисшими на ветвях усохших деревьев. Оставшиеся в более или менее чистом состоянии альфуру проживают главным образом в центральных областях северного полуострова Хельмахеры. Уоллес и Рафрай[3] видят в них папуасов, едва изменившихся, разве что у многих из них цвет кожи столь же светлый, как и у малайцев; но они, подобно ново-гвинейцам,—высокого роста, имеют грубые черты лица, большой, почти орлиный нос, тело волосатое, волосы на голове волнистые или кудрявые, голос звучный. Нравами и учреждениями они походят на альфуру островов Церама и Буру; так, девушка может быть куплена только мужчиною, принадлежащим к другому клану или *tofa*; однако, родство считается лишь до четырех поколений: с пятого люди уже считаются чужими друг другу. Мать и дети принадлежат к клану мужа и отца. Многоженство не дозволяется, и взаимные обязанности обоих супругов строго определены. Муж может быть осужден, как *панделинг*, на временное рабство за долги своей жены или дочерей, но последние никогда не порабощаются из-за долгов мужа и отца. Должник может стать панделингом, быть отданным в кабалу,—да и то лишь на срок, не превышающий десяти лет,—только в пределах своей общины, так как все члены одной общины отвечают за долги друг друга круговою порукою по отношению к каждой чужой группе. Частной поземельной собственности не существует: земля принадлежит клану. Нигде мертвые не уважаются более: никогда халь-

1 Wallace, упом. соч.;—Bernstein, „Zeitschrift fur allgemeine Erdkunde“, Iuli 1866;—Bleeker, „Reise naar en door de Minahassa“.

2 Wallace, упом. соч.

3 „Bulletin de la Societe de Geographie”, 1 semestre 1877.

махерский альфуру не солжет; он считает себя находящимся под надзором предков. В магометанских округах введен обычай, который напоминает испытание тангхином на Мадагаскаре: именно, те из обвиненных, которые всё ещё продолжают заявлять о своей невиновно-



Новая Каледонія.—Жилище канакскаго начальника.

сти и после осуждения их судьями, должны в подтверждение своих слов выпить «воды мечей»: над чашею с страшным напитком скрещивают два меча и бросают туда ружейную пулю. Клятвопреступник выпивает из чаши смерть[1].

1 Willer, цитированное сочинение.

Самый южный остров группы Оби, Оби-Омбирах, т.е. «Большой Оби», а также и все его островки-спутники—не обитаемы. Впрочем, он известен лишь весьма неполно, и съемки его берегов, исправленные итальянцами Черути и ди-Ленна[1], оффициально ещё не нанесены на карту голландскими гидрографами. А между тем Оби—одна из тех инсулиндских земель, которые наиболее заслуживали бы изучения и приспособления к пребыванию на них человека; полагают даже, что некогда Оби был весьма населен. Он обладает большими саговыми и мускатными лесами и ловлями жемчужных улиток и черепахи; долины его широко открываются по направлению к горам внутри страны, которые, по Гюллмару[2], достигают высоты 1.500 метров. Со всем тем, форт Бриль, возведенный голландцами вблизи западной оконечности острова, был покинут: но говорят, что плывущие мимо него островитяне приносят ещё там кое-какие жертвы, как фиктивную дань духам прежних властелинов острова. Все проживающие на острове покинули его, и лишь батжанские рыбаки устраивают там свои временные становья. Прежде устраивали там засады и хальмахерские разбойники, вследствие чего, между прочим, в 1880 году понадобилось даже отправить против них экспедицию. Спекуляторы испрашивали у голландского правительства концессию на мускатные леса; предоставив земли о. Оби переселенцам с Явы, можно было бы доставить почву для пропитания сотни тысяч человек.

Остров Батжан, более обширный, чем Оби, имеет по крайней мере хоть небольшое народонаселение, впрочем, только по морскому побережью; окаймляющий же Батжан с северо-запада архипелаг из плодородных островков необитаем совершенно: мирные земледельцы боятся морских разбойников с о. Минданао, вследствие чего и не решаются поселяться на этих побережьях, а европейцев на Северных Молуккских островах слишком мало, чтобы туземцы чувствовали себя под их покровительством. Малайские переселенцы, назареяне, целебесские альфуру входят в состав батжанского населения; недавно, во избежание нападений мощных соседей, сюда стали прибывать также беглецы с берегов Томори (на Целебесе): это малорослые—люди, в физическом отношении походящие на бугов и макассарцев, и весьма искусные в изготовлении одежды из луба. Главный город, тоже называемый Батжан, расположен на западном берегу, на краю безопасной бухты и в местности, где остров съуживается, образуя перешеек. Проезжая дорога соединяет Батжан с каменно-угольными копями, которые уже несколько раз, за счет голландского правительства, начинали было разрабатывать руками ссыльных. Туземцы же рыщут по лесам, розыскивая другое горючее вещество, даммар, смолу, истекающую из больших деревьев и образующую у подножия ствола большие массы, килограммов по десяти весом. Они толкут эту смолу и наполняют ею трубки из пальмовых листьев, длиною около метра, которые и служат им единственными светочами[3].

На небольшом острове Кажоа, составляющем продолжение вулканической цепи на север от Батжана, проживает несколько сотен человек, питающихся рисом и рыбою, и платящих султану в Тернате первинки своих жатв, и особую дань в виде ласточкиных гнезд, жемчуга и панцырей черепах.

Остров Макжан, образованный из вулканического пепла, который и обусловливает его большое плодородие, также и более населен; по причине его важного значения, он в средние века был одною из тех территорий, которые султаны Тернате и Тидоре наиболее оспаривали, путем войны, друг у друга; позже, им овладели испанцы, уступившие его, в свою очередь, голландцам. Затем, желая устранить соперников, голландцы обязали Тернатского султана вырвать с корнями все гвоздичные растения на его островах, благодаря которым, в торговле с Китаем и Индией, эти острова и имели первостепенное экономическое значение: по мнению Мушенбрука, Макжан был родиною этого драгоценного растения[4]. После истребления

1 Guido Cora „Cosmos“; vol. IV, fascicolo, 4.
2 „Cruise of the „Marchesa“ to Kamtschatka and New Guinea“,
3 Wallace, упом. соч.
4 Von Borkom, „De oost-indische cultures“.

лесов, большинство жителей переселилось или погибло; те же, которые уцелели, возделывают превосходный табак. Около Макжана находится островок Марех, также называемый островом «горшечников» (*Pottenbakkerseiland*), вследствие нахождения там превосходной горшечной глины.

Известно, что между двумя султанствами: Тидоре и Тернате—ныне в большой части слитыми в одном административном округе, называемом «резидентством Тернате»—распределяются почти все Северные Молуккские острова. И в истории Инсулинда одним из самых замечательных явлений оказывается то чрезвычайно важное значение, которое по отношению к обширным окружающим землям было приобретено этими двумя островками: в ту самую эпоху, когда республики итальянских купцов, Венеция, Пиза, Генуя, пользовались удивительным благосостоянием,—и малайские общины на Востоке, вследствие тех же причин, при аналогичных условиях, приобрели, путем мореплавания и торговли, великия колониальные владения, простиравшиеся далеко по побережьям островов и материков; колонии купцов с Тидоре и Тернате встречались на всех рынках Малезии. Имущество торговых общин возрастало всё время, пока они ограничивались товаро-обменом; но когда их дожи сделались богатыми властелинами, окруженными тысячами рабов, когда их честолюбие стало побуждать к отправке ежегодно многочисленных войск из наемников и флотов из морских разбойников для взимания тяжких даней или пленения людей, проживающих на берегах окрестных островов, начался упадок, и Молуккские государства оказались безсильными перед иностранными завоевателями. Ныне у султанов только и остается, что один титул. То, что называют «королевством Тидоре», состоит из центральной части острова Хальмахера и двух его восточных полуостровов, затем из островов ново-гвинейских, вместе с западными берегами Новой Гвинеи; в свою очередь, султан Тернате считается владельцем северного полуострова Хальмахеры и более, чем половины южных полуостровов; вне Молуккских островов, политическая область Тернате распространяется также на острова Сула и на одну треть острова Целебеса.

Туземные хроники, воспроизведенные Валентином, гласят, что в 1322 году между Молуккскими государствами был заключен мирный трактат, и что в силу этой конвенции, первый ранг между участвовавшими в договоре государствами должен был принадлежать kolano Djailollo (Жилоло), на большом острове Хальмахера; но с 1380 года Тернатский султан приобрел первенство под именем kolano Moloko, т.е. «дожа Молуккских островов», за ним следовал Джайлоллский государь, с титулом «дожа Бухты», а Тидорский государь или, иначе, «дож Гор», занимал третий ранг; Батжанский же король или, другими словами, «дож Конца» (в смысле противоположного другому концу острова) считался четвертым по порядку[1]. Со времени этой эпохи, войны между португальцами и испанцами, а затем прибытие голландцев расстроило равновесие властей: джайлолльский султан уже не что иное, как покорный вассал султанства Тернатского, а владетель этого государства должен признавать, в свою очередь, верховную власть Голландии. Но, наперекор этому наслоению друг над другом властителей, небольшие Хальмахерские государства сохранили свою олигархическую конституцию. Сан колано (kolano), правда, наследствен в королевском семействе, но самое лицо, долженствующее облечься в этот сан, избирается советом знатных, которым принадлежит как законодательная власть, так даже и право низлагать колано. В 1876 году, декретом голландского государства тернатские и тидорские рабы были объявлены свободными. Выкуплено в 1879 году на Тернате и Тидоре рабов 4.449, и обошелся этот выкуп в 421.000 франков.

Столица султанства Тидор—простая деревня, расположенная на западном берегу острова, посреди хорошо-возделанных полей, насупротив Хальмахерского берега; но Тернате—настоящий город, хотя и упавший: открытие порто-франко на Целебесе, в Макассаре, Менадо и Кеме, значительно повредило Тернате; хотя его порт, в свою очередь, тоже был объявлен свободным, тем не менее большое число купцов, бугов, китайцев и арабов, повысели-

1 Bokemeyer, „Die Molukken“.

лись. Тернате перестал быть главным рынком перьев райской птички, но из него вывозят ещё панцири черепах, голотурии и кору *massoi*, из которой приготовляют врачебные масла. Развалины зданий, ниспровергнутых при землетрясениях, рассеяны посреди новейших жилищ, а португальский и голландский форты приходилось часто перестраивать; позади каждого каменного дома находится почти повсюду другое жилище из легкого дерева, в котором устроены спальни и в которое обыкновенно стремятся укрыться в случае внезапного подземного удара[1]. Над городом склоны вулкана покрыты плодовыми садами, в которых созревают изысканные плоды: нигде нет манго и дуриана, которые превосходили бы качеством тернатские.

К востоку от Тернате открывается глубокая бухта, которая врезывается в северную часть полуострова Хальмахеры. В самой же узкой части перешейка находится крепостца Дадинга, являющаяся на острове самым важным стратегическим пунктом, и единственным, где голландцы содержать небольшой гарнизон. В этой местности, между двумя бухтами: Дадинго и Каое,—ширина острова равняется всего трем километрам, и хотя на пути и встречается несколько трудно одолимых преград, тем не менее через них можно перетащить прао и таким образом избегнуть необходимости делать крюк в четыреста километров; для того, чтобы переправить через этот волок шестидесятивесельную барку, требуется три дня. Бухта, лежащая севернее Дадингской, называется бухтою Джайлолло, по имени той древней столицы, которая привлекала флоты в XVI столетии, а ныне оказывается бедною деревнею, окруженною покинутыми возделанными землями, поросшими кустарником[2]: «дож Бухты» теперь—один из самых покорных вассалов своего прежнего вассала, султана Тернатского. Эти, столь населенные в средние века, области ныне почти безлюдны, благодаря рабству и монополии. Потеряв свое значение, Джайлолло перестало сообщать свое имя большому острову Хальмахере: наименование Жилоло, всё ещё фигурирующее на наших картах, не употребляется на Молуккских островах ни туземцами, ни европейцами.

Из остальных деревень Хальмахеры наиболее известна Галела, расположенная на берегу одной из бухт, на северо-востоке северного полуострова и насупротив острова Моротаи: альфуру окружающей страны, самые искусные и самые работящие на Хальмахере, обыкновенно обозначаются по имени этой деревни. Деревня Табелло, находящаяся южнее и защищенная многочисленными островами и рифами с опасным подступом, долго наводила страх, как гнездо морских разбойников: беглецы и ссыльные с Целебеса, Церама и других островов скрывались в этом лабиринте проливов и, пользуясь им, грабили торговые прао и опустошали деревни на отдаленных берегах; в 1837 г., голландцы перевезли четыреста человек этих морских разбойников на остров Салейжер, где и дали им земли для колонизации[3]. На берегу залива между двумя полуостровами: южным и юго-восточным, в местечке Веда производится кое-какая торговля и строются суда для товарообмена с Новою Гвинеею.

Большой остров Моротаи, заканчивающий на северо-востоке группу Молуккских островов и весь Инсулинд, обезлюден до последнего человека, благодаря набегам морских разбойников. Таким образом, Инсулинд, эта громадная, состоящая из пятисот островов колониальная нидерландская империя, слишком обширная для того, чтобы возможно было пользоваться всеми её богатствами, заканчивается в направлении к Великому Океану землями, некогда населенными, а ныне необитаемыми. По статистическим данным, Ява, Мадура, Бали и Ломбок оказываются единственными островами, на которых народонаселение группируется в значительных массах. Восточные острова явайской цепи населены гораздо менее, а остальные земле, Борнео, Целебес и Молуккские острова, в сравнении с их пространством, почти пустынны.

В нижеследующей таблице приведен перечень голландских владений, не по их природным делениям, но в административных округах:

1 A. Raffray, „Voyage en Nouvelle-Guinee". „Tour du Monde" 1-er semestre 1879.

2 Wallace, упом. соч.

3 Temminck, упом. соч.

Главные деления	Провинции	Пространство в кв. кил.	Населенность в 1895 г.	
			Общая	На 1 кв. кил.
Ява и Мадура		131.512	25.700.946	195
Внешние владения (Buitenbezitzungen)	Суматра, западный берег (Sumatra's Westkust)	83.333	1.351.715	16
	Бенкулен	24.441	158.767	6
	Лампонские округи (Lampongsche Districten)	29.365	137.501	4
	Палембанг	139.128	692.318	5
	Суматра, берег восточный (Sumatra's Oestkust)	91.895	335.486	3
	Атжех (Ачин)	53.222	449.125	8
	Риув	42.420	107.917	2
	Банка	11.629	93.600	8
	Биллитон	4.842	41.558	8
	Западный отдел Борнео (Borneo's Westerafdeeling)	145.195	370.829	2
	Восточный и Южный отдел Борнео (Borneo's Zuider en Oosterafdeeling)	407.146	810.083	2
	Целебес	128.478	1.448.722	11
	Менадо	57.436	549.138	9
	Тернате	89.189	103.076	1,2
	Тимор	46.056	760.000	16
	Амбоин	51.463	295.668	6
	Бали и Ломбок	10.523	434.719	41

По последнему исчислению (в конце 1896 г.), пространство Нидерландской Индии (Зондские и Молуккскиеострова)—1.510.350 кв. километр., народонаселение—34.968.631 чел

Глава IV. Филиппинские острова

I. Общий взгляд

Наименование Магелланией этого архипелага, данное ему в память того славного мореплавателя, которому он обязан своим открытием, не удержано географами. Названия архипелаг Св. Лазаря и Западные Острова, из которых последнее напоминает о долгом путешествии Магеллана в направлении с востока на запад, тоже вышли из употребления; удержалось до сих пор то наименование этих островов, которое дал им Лопец де-Виллалобос с целью угодить своему будущему повелителю, Филиппу II. Также обозначают, все эти острова общим наименованием «Испанская Индия»; подобно Яве, Борнео и Суматре, это, действительно, Индия по пространству, красоте, богатству и бесконечному разнообразию произведений; но индусское влияние здесь не отразилось непосредственно на местной цивилизации. Филиппинские острова, подобно голландскому Инсулинду, представляют слишком обширный мир для того, чтобы один путешественник мог объехать его вполне. Один только из островов, Люсон, имеет более 100.000 кв. кил.; другой, Минданао, пространством почти не менее его; пять других, каждый имеет поверхность не менее 10.000 кв. кил., а вокруг этих больших земель рассеяны острова и островки; во всём этом громадном лабиринте насчитывают не менее двух тысяч «Филиппин».

Люсон и соседние с ним земли не уступят Яве, Суматре, Целебесу своими чудными пейзажами; быть-может, даже они являют более разнообразия в различные времена года, так как, благодаря большему удалению от экватора, муссоны сменяются здесь с более полным ритмом. Растительность поморья, обнимающая те же самые или соответственные инсулиндские виды, так же густа, как и на Инсулинде; и тут и там берега одинаково изрезаны заливами и бухтами; озера, усеянные островами, отражают в себе леса, а горы, вулканы с плюма-

жем из облаков ограничивают горизонт. Жители Филиппинских островов, первонасельники, малайцы, китайцы, разнообразного смешения метисы,—также весьма любопытны для изучения, и в целом, повидимому, представляют более оригинальности, чем их родственники в голландском Инсулинде. Вмешательство испанских властителей, хотя, при случае, и весьма насильственное, не тяготело столь сурово, как в Инсулинде, на туземцах, и не так глубоко изменило их первобытный характер: жители остались здесь более свободными. Некоторые острова громадного архипелага и отдаленные округи больших южных земель не могли быть исследованы, так как отчасти они ещё находились вне испанского владычества; но и страны, управляемые непосредственно, также весьма мало известны. Методического и подробного изучения совокупности Филиппинских островов ещё не сделано; карты—за исключением съемки берегов, над которою трудились моряки различных наций—страдают большими недостатками. Наконец, народные переписи, производившиеся гражданскими чиновниками и настоятелями церковных приходов, были выполнены поверхностно и противоречиво; относительно же туземцев, ещё не затронутых цивилизацией, не существует даже в приблизительных исчислений. Нынешнюю численность жителей можно определить приблизительно в семь миллионов: таким образом, относительно, эти столь плодородные земли имеют лишь около трети населения Испании, которое уже и само по себе очень редко. Пространство Филиппинских островов равно 296.182 квадр. километрам, так что на один квадратный километр приходится 24 жителя. Жордана, однако, полагает, что вероятная населенность данного архипелага достигает девяти миллионов человек.

Хотя Филиппинские острова образуют группу, совершенно отличную от Инсулинда и отделенную от неё двумя океаническими пучинами, имеющими одна 5.000 метров, а другая более 5.000 метров глубины, они, однако, соединяются с южными землями тремя длинными рукавами, отчасти выступающими над поверхностью вод, отчасти скрытыми под волнами. Из этих трех перешейков, западный, составляемый более чем на половине своей длины мечевидным островом Парагуа,—самый правильный, проломы его наименее глубоки: между Миндоро и северо-западною оконечностью Борнео самые низкие места порога, ограничиваемого островами Балабак и Бангуэй (Banguey), в среднем, лежат всего только метрах в пятидесяти под поверхностью моря; мели рифов—по форме схожия с аллювиальными островами речной дельты—расположены в Балабакском проливе, между Парагуа и Борнео, под давлением морской реки, которая, во время дуновения юго-западного муссона, бурно несется в море Зулу (или Сулу, по-испански Жоло, Jolo). Второй перешеек соединяет, при посредстве архипелага Зулу (Сулу, Jolo), северо-восточную оконечность Борнео с западною оконечностью Минданао, но чрез раздельный канал-пролив, посредством которого воды глубокого моря Зулу сообщаются с ещё более глубоким бассейном Целебесскаго моря,—пробегает поток из чередующихся приливов, толщина жидкого слоя в котором превышает 500 метров. Наконец, на востоке почти кольцеобразной котловины Целебесского моря, полуостров Минахасса, архипелаг Санги и другие острова дугообразно располагаются в виде третьего перешейка, представляющего многочисленные прорезы, при чём самый широкий и самый углубленный находится к юго-востоку от крайнего полуострова Минданао. Как доказали подводные исследования «Челенджера», два морские бассейна, заключенные между Филиппинскими островами и Борнео, походят на Средиземное море своими глубокими температурами: холодные воды океанских пучин не могут проникнуть туда через подводные пороги, и самая низкая точка термометра отмечает ещё +10°.

Эти три ряда надводных и подводных гор, тянущиеся от голландского Инсулинда к Филиппинским островам, продолжают свою ось внутрь этого архипелага и составляют в большой части его рельеф. Минданао—менее известный из испанских островов, хотя и один из наиболее любопытных по проявлениям на нём вулканизма—образован, по крайней мере в центре и на западе, продолжением двух восточных гряд, обозначенных на море архипелагами Сулу и Санги. Ось островов архипелага Сулу, которая нормально направляется с юго-запада на северо-восток, вмещает в себе весь западный полуостров Минданао, между тем как ось Санги, протягиваясь с юга на север, достигает этого острова, т.е. Минданао, в его

южной оконечности, в вулкане Сарангани, а затем, продолжаясь к северу, постепенно изгибается к западу. К востоку от этой гористой выпуклости, другая параллельная выпуклость образует всю ту часть Минданао, которая прилегает к Великому океану. Изучение строения группы Филиппинских островов показывает, что от южного мыса Минданао до северной оконечности Люсона, все земли образованы выступами рельефа, лежащими на продолжении южных перешейков или по параллельным бороздам. Так, краевая горная цепь, идущая вдоль восточного берега Минданао, продолжается на северо-запад в виде красиво изгибающейся кривой, на протяжении которой расположены острова Лейте, Масбате, Тикао, Бурияс; на востоке же развивается параллельная кривая, образуемая островом Самаром, Камаринским полуостровом Люсона и островом isla del Polillo. С другой стороны, острова Бохоэ, Себу, Негрос Панай, расположены на продолжении оси островов Сулу или на параллельных ей складках поверхности Земного Шара; наконец, Миндоро и главный корпус большого острова Люсона находятся на продолжении островов Парагуа и Борнео. Во многих местах вулканические или иные массивы возвышаются в пунктах перекреста. Достойно замечания, что самый массивный из Филиппинских островов, Люсон, соединяет все кордильеры в мощном хребте Карабалло, подобно тому, как дуга свода соединяют свои стрелки в вершине купола. К северу от Филиппинских островов, ряды гор, прерываемые широкими проливами, продолжаются по направлению к Японии Формозой и островами Лиу-Киеу.

Во всех землях филиппинского архипелага почва гориста; одни горные цепи сменяются другими; единственными равнинами оказываются расположенные при устье рек аллювиальные области, да пространства, остающиеся между горами при пересечения их рядов. В наибольшей своей части Филиппинские острова, повидимому, состоят из древних каменных пород, именно из сланцев, также находят и граниты на севере Люсона. Каменноугольные формации очень мощны на средних островах архипелага, в особенности же на Себу и Негросе, где найдены все разновидности этого горючего материала. Полагают, что во многих местностях слои угля прикрыты потоками лав. В аллювиальных областях наблюдают явление противоположное: там под отлагаемыми реками песком и глиной находятся cheires'ы, застывшие потоки лавы, вылившейся из вулканов. Новейшие известняки также образуются почти по всей окружности островов работой полипов, при чём констатировано, на больших протяжениях берегов, что эти недавние слои поднялись на значительную высоту над уровнем моря: они образуют большие горизонтальные столовидные плоскости по окружности мысов, а находимые вкрапленными в них раковины и другие морские обломки принадлежат к тем видам, которые ещё проживают и ныне в окрестных морях. Около же северной излучины залива Давао, на юго-востоке Минданао, наблюдается противоположное явление: там земли опускаются, о чём свидетельствуют захватываемые морем леса, мертвые или умирающие[1].

Филиппинские острова весьма богаты металлами. Туземцы собирают золото из рудных жил кварца и в наносных землях на всех островах, именно в провинции Бенгуэ (Benguet), в центре Люсона и на Минданао, около северо-восточного мыса Суригао: речки здесь обязаны своими наименованиями блестящему песку и самородкам золота, которые катят их воды. Медь весьма обыкновенна в люсонских горах Лепанто, сопредельных с Бенгуэ, и с незапамятного времени там добывают руду, которую туземцы умеют обрабатывать и изготовлять из меди украшения и разнообразные орудия. Равным образом для изготовления оружия и инструментов ковали употребляют превосходную местную железную руду. По словам Сентено, на острове Себу находят свинцовый блеск, в руде которого около половины по весу заключается чистого металла, а сольфатары угасших вулканов содержат неистощимые запасы серы.

Угасшие или ещё действующие горы с кратерами пропорционально поверхности—почти столь же многочисленны на Филиппинах, как и в нидерландском Инсулинде, и, кажется, расположены по направлению правильных осей, сливающихся с осями самих островов. Западная цепь островов, именно цепь Парагуа, заключает в себе два действующих вулкана,

1 Montano, „Rapport sur une mission aux iles Philippines".

относительно которых известны только их имена, Аливанция и Таларакин, и которые находятся на островке Думаран, в северо-восточном углу о. Парагуа. На острове Жоло также, говорят, есть вулкан, имевший в 1641 году извержение; но с того времени он, повидимому, успокоился: ни одна из летописей о нём не упоминает. На самой южной оконечности Минданао находится, если не действующий, то по крайней мере пребывающий в покое только с XVII столетия, вулкан, Санжиль или Сарангани, называемый также и другими именами. Продолжающаяся к северу цепь, на протяжении которой встречаются конусы извержения и следы кратеров, ныне заполненных густыми лесами, возвышается постепенно, и одна из её вершин, вулкан Апо, есть самая высокая огнедышащая гора на Филиппинских островах. Его высоту считали равною только 2.686 метрам[1]; но Монтано—который, в 1880 году, вместе с несколькими товарищами, тоже испанцами, восходил на этот вулкан—констатировал, что вершина эта достигает 3.143 метров[2]. Верхний кратер, имеющий приблизительно 1.500 метров в окружности, покрыт на наружных и внутренних склонах тощею растительностью из можжевельника и других кустарников, но южный склон горы раздался на большом протяжении, образовав непереходимую трещину, из которой вырываются сернистые пары, собирающиеся в густые облака над самой вершиною Апо[3]. На той же горной цепи, продолжающейся в неисследованные ещё области севера острова, не указывают других вулканов, за исключением находящагося в открытом море островка Камигуин, из кратера которого произошло извержение, в 1871 г., засыпавшее пеплом соседнее местечко, и который постепенно вырос до высоты 420 метров.

К западу от Апо, в направлении с юга на север, следуют несколько огнедышащих гор, вероятно, угасших, как-то Сугут, или Коттавато, и Макатурин, стоящий на кордильере, примыкающей, на западном полуострове, к высоким горам, над которыми господствует Малинданг, вздымающийся на 2.647 метров. Геолог Сентано-и-Гарсиа связывает эти вулканы центра Минданао с полосой лав, которая направляется к вулкану Тааль, на острове Люсоне, западными островами группы Визайя. Так, один из островов этой оси, Сиквижор, называемый также Фуэго, т.е. «Огонь», уже одним своим наименованием свидетельствует о своей вулканической природе. За ним, далее, в северной части Негроса, ещё пламенеет вулкан Маляспина или Канлоон, возвышающийся на 2.497 метров; наконец, на той же самой линии, около города Ило-Ило, на острове Панай, бьют струи воспламеняющагося газа.

Что касается восточной краевой цепи на Минданао, то она состоит из базальтов, но вулканов там не имеется, если только находящееся около крайнего северного мыса Суригао большое озеро Маинит не бывший кратер; будучи расположено на высоте всего только сорока метров над уровнем моря, озеро это весьма глубоко, а его берега почти вертикальны; в окрестностях в изобилии бьют теплые источники[4]. На севере, эта горная цепь продолжается на острове Лейте; там около поросшего лесом кратера угасшего вулкана, один овраг выполнен разноцветной глиною, в которой около четвертой доли состоит из чистой серы и которую, для выделения этого металлоида, туземцы обработывают маслом; кроме того, теплые воды—отлагающие по краям родников кремнезем—увлекают некоторое количество серы, которую и собирают в трещинах скал[5]. Говорят, восточный берег Лейте мало-по-малу возвышается, тогда как противоположное побережье опускается или по крайней мере отступает перед морем, вследствие размывания.

Главная вулканическая деятельность Филиппин сконцентрировалась на Люсоне и его полуостровах. Уже его наиболее выдающаяся южная оконечность—соединяющаяся посредством узкого перешейка с Камаринским полуостровом—заключает в себе один вулкан, горделивый Булузан, который удивительно походит на Везувий, но у подножия которого, одна-

1 Blumentritt, „Versuch einer Ethnographie der Philippines“.
2 Montano, „Bulletin de la Societe de Geographie”, Juni 1881.
3 „Memoria geologico-minera de las Islas Filipinas“.
4 Montano.
5 Jagor, „Reisen in den Philippinen“.

ко, нет Неаполя. Над пальмовыми рощами на берегу виден возвышающийся правильный конус, полуокруженный ещё более обширным кратером, одна половина которого обрушилась. Ещё в средине текущего столетия полагали, что Булузан совершенно угас; но с того времени он пробуждался уже два раза, и жестокия землетрясения взволновывали всю окружающую страну, а неподалеку, на берегу небольшого Сорзогонского залива, земная поверхность понизилась более, чем на полтора метра. Севернее, обрисовывается другая вулканическая гора, но без конечной отдушины, Поэдаль или пик Бэкона, у подошвы которого, на берегу моря, мощный источник Манито наполняет древний кратер, откуда чрез выемку в стенке он небольшим каскадом выливается на пляж.

Господствуя над прекрасным заливом Албай, высится вулкан того же имени, но также называемый Майоном: это самая грозная из Филиппинских гор и одна из самых высоких, хотя показания о положении её над уровнем моря весьма различны (по Ягору—2.374, по Блюментритту—2.522, а по Монтано—2.734 метров), может-быть, благодаря тем испарениям, которые часто окружают её вершину и кажут её выше, чем она есть в действительности. Почти вполне правильный по форме, Майон своим кругообразным основанием покрывает пространство более, чем в двести квадратных километров; леса достигают приблизительно четверти его высоты, но над ними только и видны, что потоки пепла. Взбираться по его откосам весьма трудно; тем не менее Ягор и фон-Драше поднимались до его вершины. При этом, Драше, совершая свое восхождение в 1876 году, убедился, что у Майоня нет уже собственно кратера: он оканчивается грудою камней, из-под которых с шумом вырываются струи сернистого газа; трещина же сверху до низу горы, шириною от 40 до 45 метров, образовалась в 1872 году[1]. Довольно частые извержения Майона сопровождаются лишь небольшим истечением лав: почти всё извергаемое им состоит из пепла, который, зато, вылетает из недр горы в таких громадных количествах, что засыпает окрестные поля на большом расстоянии; в летописях вулкана в особенности отмечается случившееся в 1766 году «страшное извержение». В 1814 году, под пеплом был погребен город Дарага; тучи пепла разносились ветром до самой Маниллы, т.е. на расстояние 335 километров, и улицы этого города покрылись слоем в пол-метра толщины. Но даже и помимо извержения, вулкан Майон иногда бывает причиною больших опустошений: когда льет дождь на кучи пепла, целые лавины грязи спускаются к подошве откосов, поглощая возделанные поля и деревни; затем, над исчезнувшими лесами, на наплывных землях сами собою нарождаются леса из казуариновых растений (casuarineae).

Мазарага (в 1.354 метра высоты), следующий за Майоном в цепи вулканов, представляет долеритовый конус, без кратера: но непосредственно к северу возвышается Малинао, на южном склоне которого находится широкое жерло, из которого, повидимому, лавы не изливались уже веками. На северо-западе стоит другой вулкан, Ирига или Ирага (высотою в 1.212 метров), который в 1641 году был ещё цельным конусом, как «вдруг», по словам предания, восточная часть горы провалилась, оставив на своем месте кучи обломков и глубокую пропасть; осыпи эти запрудили ручей, текущий у подножия Ириги, и из скопившихся его вод образовалось озеро, существующее поныне под именем Бухи (Buhi). На востоке от этого озера, с другой стороны огнедышащих гор, в долине Тиби находится группа теплых, серных и кремнеземных, источников, самая любопытная из всех источников этого рода, какими обладают Филиппинские острова. Ключи эти настолько обильны, что образуют ручей теплой воды, которою и пользуются соседния хозяйки для варения своих кушаний. Воды этих источников, испаряясь на воздухе, выделяют кремнезем, покрывающий почву инкрустациями блестящей белизны и изящного рисунка. Отверстие, окруженное концентрическими кругами, с каждым годом, по мере образования новых отложений, уменьшается в диаметре и увеличивается в высоту; в конце концов, конус закупоривается, а кора из кремнезема, треснув в наиболее податливом месте, дает, таким образом, источнику возможность излиться наружу. В одном месте, кремнеземный свод рухнул, и обнаружилось маленькое подземное озеро,

1 „Richard von Drasche, „Jahrbuch der geologischen Reichsanstalt“, 1876.

голубая вода которого отличается удивительной прозрачностью и тонкостью оттенков; температура этой воды вообще равна 85° Ц.[1], а один фонтан воды и пара, гораздо более горячий, имеет не менее 108°. Один из родников смешивает свою воду с морскою, и, вместе с приливом и отливом, уровень его то поднимается, то понижается

При основании Карамуанского полуострова возвышается вулкан с весьма широким основанием, Изарог, т.е. «Уединенный», склоны которого занимают всю ширину страны, между бухтами Сан-Мигуэль и Лагоной: ему-то и обязаны восточные Камаринские острова своим соединением с Люсоном. С запада, с юга и с севера видишь перед собой длинную, постепенно поднимающуюся гору, с красивым изгибом, заканчивающуюся, на высоте 1.966 метров, правильным куполом; но со стороны востока, вследствие обвала, исчезла целая стена Изарога, и взору представляется обширный заросший лесом амфитеатр, названный «цирком Рунгуса», по имени деревни, которая расположена перед входом в него. Никакое предание не связано с обвалом горы, а в течение новейшего периода не было здесь и извержения: источник углекислой воды есть единственный остаток деятельности, который мог наблюдать Ягор в области вершин.

Над северною частью большого Камаринского полуострова господствуют два массива вулканического образования: сьерра Колази и Лабо или Тетас де-Полантуна; но эти горы находятся в покое, повидимому, с незапамятного времени, и на них не видно даже кратера; однако, Ягор говорит о существовании общераспространенного предания в крае, гласящего, будто малый Колази, т.е. тот мыс, который выдается в восточное море, не перестает увеличиваться, а подобное явление не могло бы быть объяснено ничем иным, кроме отложения на наружных откосах горы пластов нового пепла.

Вулканический очаг, подобный Альбайскому (в южном Камарине), встречаем только на острове Люсоне, к югу от Маниллы. Две из первых гор, возвышающихся около юго-восточного угла Люсона, Мажайжай (высотою в 1.980 метров) и Сан-Кристобаль (имеющий высоту в 2.333 метра) суть вулканы угасшие; последнее извержение Мажайжая было в 1780 году, и с того времени леса вновь завладели его конусом; озеро, наполнявшее глубокий кратер, опорожнилось, и на южном склоне ещё виден пролом, чрез который озерные воды вылились наружу. Затем, на западе и северо-западе, находятся другие вулканические горы: Маларайат и Макилинг (1.200 метров), великолепные обсерватории, с которых видишь у себя под ногами целый мир озер, лагун, заливов и полуостровов, придающий столь удивительное разнообразие пейзажам этой области Филиппинских островов. Кратер Макилинга громаден, но с южной стороны стенки обрушились, почти до подошвы горы. Теплые серные ключи в изобилии бьют в окрестных долинах; рассеянные по равнине небольшие кратеры наполнены дымящимися озерами, «заколдованными лагунами», а одна из впадин, называемая Тьерра Бланка или Лупанг-Пути, имеет вид обширного котла, наполненного кипящею глиною, в которой все горные породы от действия струй газа растворяются; время от времени, из этого котла взлетают на большую высоту массы горячего ила.

Вулкан Тааль, один из наименее внушительных по массе, так как он имеет всего лишь 244 метра высоты, есть, однако, один из самых замечательных между огнедышащими горами филиппинских островов. С двумя другими, ещё меньшими конусами, он занимает островок посреди озера Бомбон, отделенного от западного моря лишь узким и низким перешейком. Изрытый глубокими барранками, т.е. вырытыми дождевою водою оврагами, вулкан Тааль представляет на вершине громадный кратер, не соответствующий холму, в котором он находится: эта пропасть—которую туземцы называют «Чистилищем» и в которой многие из них видят действительно вход в место «испытания умерших»—имеет более четырех тысяч метров в окружности и вмещает в своих глубинах второстепенные кратеры, эруптивные бугры, многочисленные трещины, из которых выбиваются фумароллы, и два небольших голубых озера, в воде которых содержится серная и хлористоводородная кислота в количестве более

1 Jagor;—Richard von Drasche;—Montano, упом. мемуар.

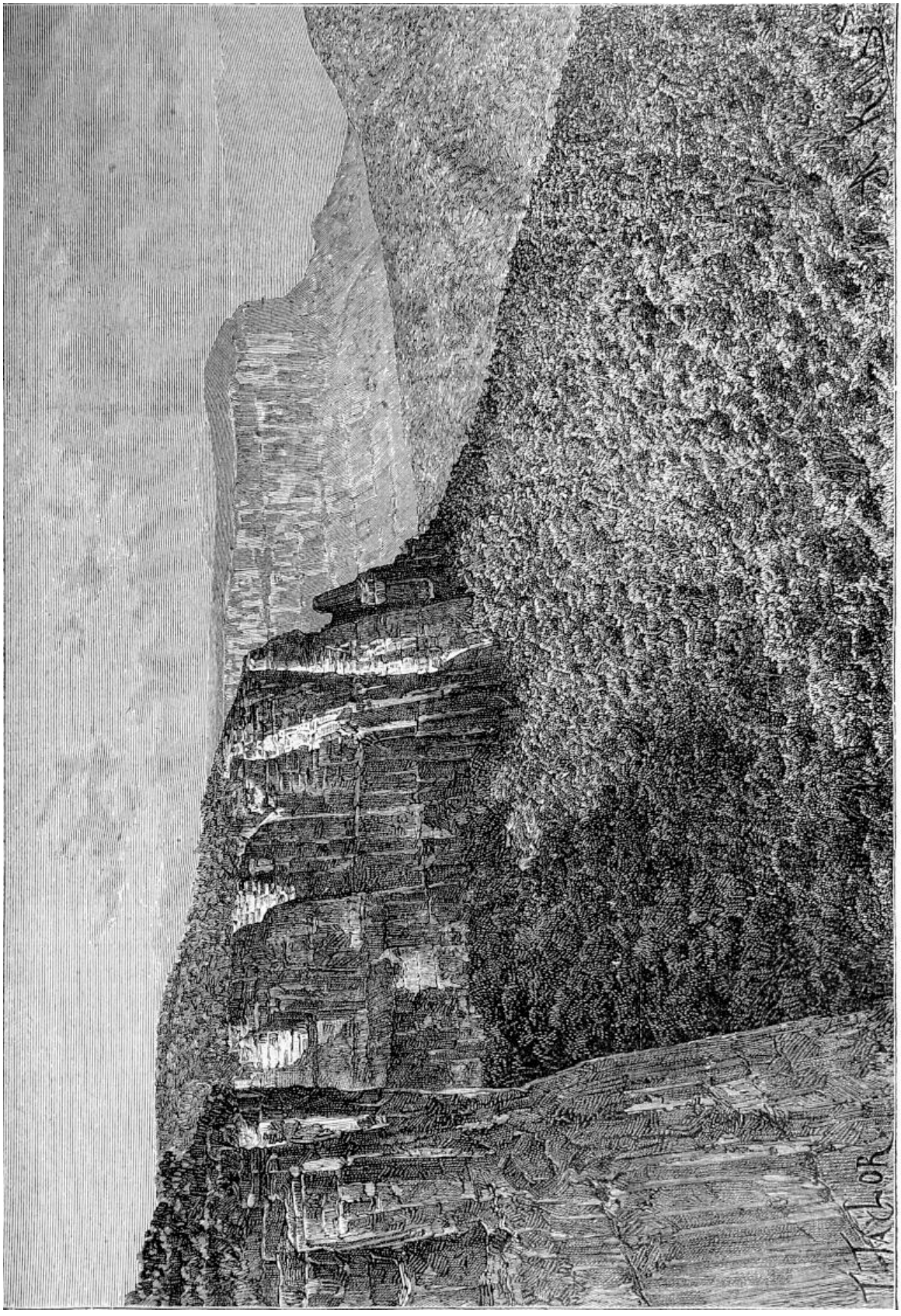
шести сотых. Повидимому, поверхность этих озер находится почти на уровне моря[1]. Центры извержения часто переменяли место. Некогда два другие вулкана острова, Большой и Малый Бинингианг, попеременно извергали пепел[2]; извержения происходили также и на дне вод; но с 1749 года очаг извержения держится под Таалем; оттуда выбрасываются массы измельченных камней; не видно и следа лав, излившихся из Тааля или из других вулканов озерной области. Последнее извержение, бывшее в 1885 г., истребило на острове всякую растительность[3].

В самом впалом месте Бомбона глубина достигает двухсот метров. Вероятно, это был большой кратер извержения, а островок Тааля и двух соседних вулканов были его центральным холмом, туфовые же стены, высотою в двести метров, окружающие остров, с севера и с востока, суть остатки первоначальной ограды. Но кратер этот, подобно кратеру на острове Св. Павла, некогда был открыт со стороны моря; низменный перешеек, отделяющий на юго-западе озеро от соседнего залива, целиком составлен из вулканического пепла. Вода в бывшей бухте, превратившейся в озеро, немного солена ещё и поныне, хотя дожди беспрестанно её обновляют и хотя вытекающая из озера речка и служит водосливом; живущие в озере морские рыбы мало-по-малу приспособились к своей новой среде. До самой Маниллы и даже севернее почва состоит из туфа, выкинутого Таалем и другими вулканами, и является вопрос, не было ли прежде заливом также и большое озеро Бай (Bay), или Лагуна, лежащее на юго-восток от Маниллы, и не отделилось ли оно от моря вследствие образования порога, на котором построена столица Филиппинских островов? По Земперу, акулы и ещё одна морская рыба населяют эту «лагуну», также как и соседние заливы[4]. Вулканические полуострова и островки возвышаются в северной части этого внутреннего моря, но их кратеры находятся в покое с незапамятного времени. Расположенный перед входом в Манильскую бухту, остров Коррехидор состоит из каменных пород огненного происхождения, но огнедышащих отдушин в собственном смысле этого слова на нём нет. Маривельская и Заибайская береговые цепи, правильные конусы которых ограничивают с запада прекрасную Манильскую бухту, не имели извержений в течение исторического периода. Посреди большой равнины, простирающейся к северу, возвышается двойная островная гора Арайят или Синокоан, имеющая в высоту 878 метров: по гармонической кривизне её склонов это одна из самых красивых филиппинских гор.

Гора Арингай или св. Фомы, высотою в 2.295 метров, господствующая с востока над бухтой Лингайен,—тоже вулкан; но противоречивые летописи, веденные испанскими монахами, оставляют под сомнением извержения, которые будто бы были на ней в течение исторического периода, в половине XVII столетия. Гора Дата, находящаяся на северо-восток от Арингая, несомненно, пребывает в состоянии покоя, но, подобно многим горам этой группы, она окружена теплыми источниками и сольфатарами. Затем опять встречаем вулканы только на северной оконечности Люсона. Кагуд, высотою в 1.195 метров, находящийся на конечном северо-восточном мысе, дымит постоянно; но Блюментритт считает вероятным, что деятельность этого вулкана проявилась недавно, так как монахи, жившие в ближайшем к нему городе, вовсе не упоминают о нём в своих хрониках. Далее, огненная линии продолжается под морем. Вулкан Камигуин, который часто смешивают с другим Камигуином, находящимся в морских пространствах около Минданао, представляет гору высотою в 736 метров; сольфатара его разрабатывается. Неподалеку от него, тоже в Бабуянской группе островов, новый вулкан народился в этом столетии. Около конца 1856 года, рыбаки заметили легкое белое облако над рифами Дедика: они полагали, что это судно, потерпевшее крушение; но облако мало-по-малу росло и стало подниматься к небу в виде столба густого дыма. В тот же вечер заметили появление, в сопровождении пепельного дождя, черного, состоящего из лав холма,

1 Centano y Garcia, упом. мем.
2 Sempar, „Die Philippinen und ihre Bewohner“.
3 Tenim Woods, „Reise auf den Philippinen“.
4 Richard von Drasche, упом. мем.;—Wood;—Meyer;—Gill, „Nature“.

возвысившагося над рифами. Четыре года спустя, этот холм достиг высоты 210 метров и не переставал увеличиваться; ныне он имеет уже 246 метров. Мало найдется на земном шаре вулканических конусов, которые возростали бы столь быстро в текущий период истории.



Австралія. – Видъ Голубыхъ горъ

Впрочем, вероятно, что рифы Дедика, послужившие основанием новому вулкану, и сами суть обломки древней огнедышащей горы[1]. Конечным маяком Филиппинских островов—за-

1 Montero, упом. соч.

вершающим, на разстоянии 17.700 километров, цепь вулканов, начинающуюся на Санжиле, —является Бабуйян-Кляро, конус которого, высотою в тысячу метров, всегда опоясанный парами, освещает по ночам своим заревом опасные морские пространства Формозского моря. На севере, Батанские острова (называемые английскими моряками Bashee) своими полосами рифов связуют Филиппинский архипелаг с островом Формозою.

Известно, что Филиппинские острова принадлежат к числу областей, наиболее часто колеблемых подземными ударами: несмотря на «предохранительные клапаны», которыми вулканы, по старым гипотезам, должны служить для подземных очагов,—эти острова находятся в состоянии почти непрерывного содрогания, о чём свидетельствуют сисмографы Манильской обсерватории, постоянно находящиеся в движении: волнообразные колебания, направляющиеся обыкновенно с запада на восток, заставляют землю дрожать, и весьма редки годы, когда эти сотрясения не разражаются каким-нибудь бедствием. Город Манилла часто подвергался разрушению вследствие землетрясений; самым страшным было землетрясение 1863 года, которое низвергло большинство публичных зданий и европейских домов, выстроенных из кирпича. Сотрясение 1880 года, не менее сильное, не причинило, однако, стольких бедствий, так как почти все постройки были возведены уже таким образом, что могли противостоять сильным толчкам. Дома имеют только один этаж, который состоит из деревянного строения и образует род большой клетки, помещенной на широкия и низкие стены подвального этажа; тяжелые кровельные черепицы постепенно были заменены листами гальванизованного толя, а столы в комнатах сделаны из самого твердого дерева, для того чтобы, укрывшись под столом, избегнуть удара от падающей штукатурки и других обломков.

Во время землетрясения 1880 года, вулканы Тааль и многие другие горы Филиппинских островов находились в состоянии полного извержения; даже один подводный вулкан, между островом Полилло и восточным берегом Люсона, выдвинул свой откос из пепла над поверхностью воды; в следующем году, волны разрушили его, и теперь уже не осталось от него и следов[1]. Медленные колебания почвы, изменяющие относительный уровень суши и моря, обнаруживаются во многих местах вдоль филиппинских берегов. Быстрые сотрясения и медленные колебания почвы беспрестанно видоизменяют сходящиеся борозды островов. Явления поднятия почвы были наблюдаемы во многих частях архипелага. Известняки и глины, покрывающие другие формации, переполнены обломками раковин тех видов, которые по большей части ещё и ныне живут в соседних морях; в равнинах и на склонах гор кое-где встречаются остатки бывших рифов, совершенно схожих с теми, которые окаймляют нынешния побережья.

Расположение филиппинских гор параллельными цепями позволило некоторым рекам на Люсоне и на Минданао достигнуть значительного развития. Самая многоводная из них называется «Большою рекою» (Rio Grande, Cagayan, Tajo); она течет между двумя кордильерами Люсона, на протяжения слишком 350 километров, и широким лиманом соединяется с морем насупротив острова Камигуина. Рио Аньо, изливающаяся в южную часть Лингайенской бухты, получает воды цирка Бенгуэ, известкового амфитеатра, который, как полагают, есть приподнятый бывший атолл; к песку своих плоских песчаных берегов она примешивает и золотой песок. Рио Пампанган, протекающая по обширной равнине того же имени и собирающая воды нескольких озер, изливается в северную часть Манильской бухты, где она образовала широкую дельту вне первоначальной линии побережья. Другая изливающаяся в Манильскую бухту река, Пазиг (Пасик), имеет в длину всего лишь двадцать километров; но, подобно Неве, выходящей из Ладожского озера и пересекающей столицу, прежде чем соединиться с Финским заливом, Пазиг вытекает из большого пресноводного озера, глубиной около 36 метров, Лагуны де-Бай, и город Манилла выстроен на его берегах: небольшие гребные суда (bancas) и плоскодонные пароходы (bateas) плавают по Пазигу между морем и озером. На юге, речка Пансипит или Тааль есть, как и Пазиг, не более как короткий исток бывшей бухты Бомбон, ныне превратившейся в озеро. На Минданао самым

1 F. Blumentritt, упом. соч.

изобильным потоком речных вод является Агузан или Бутуань, по которому гребные суда могут подниматься слишком на сотню километров. Другая река, которую иногда называют «Rio Grande de Mindanao», начинается, как говорят, в центре острова, в озере Мажинданао, и течет на юго-запад; затем, приняв истоки из других озер, она направляется на северо-восток для впадения в Илланскую бухту, составляющую северную оконечность Целебесского моря. Благодаря чередующимся муссонам, пробегающим обширные морские пространства, все острова архипелага орошены в изобилии.

Климат Филиппинских островов—существенно морской и тропический, т.е. температура, весьма высокая в среднем, колеблется там лишь в довольно тесных пределах. Месячные температуры, различаясь между собою едва лишь несколькими градусами, не могут служить для различения времен года: деление года совершается, как и в Инсулинде, сообразно с переменой муссонов и с чередованием дождя и засух. В Манилле наблюдения дали следующие результаты относительно температуры: Средняя т-ра, с 1870 по 1880 год, по Фора, 27°64. Общая разность температур, 20°9. Крайняя высшая, в сентябре, по Земперу, 36°. Крайняя низшая, в феврале, 15°1. Дождя в год: слой от 2 м. 27 с. до 2 м. 76 с., по Ягору.

В течение половины года, с октября по апрель, на Филиппинских островах дует нормальный северо-восточный ветер, т.е. полярное воздушное течение; с апреля же по октябрь, господствует юго-западный муссон. В нормальной смене воздушных течений, ветры правильно вращаются в направлениях: от северо-востока к юго-западу, переходя через восток и юг, и от юго-запада к северо-востоку, переходя через запад и север; но совершающаяся во время смены муссонов между движущимися массами воздуха борьба за равновесие ожидается всегда с безпокойством, так как можно опасаться внезапного образования *baguios* или *vaguios*, т.е. тифонов[1]. Они зарождаются в океане, к востоку от Филиппинских островов, пересекают архипелаг к северу от Минданао и проносятся чрез Китайское море, перемещая свой центр к северу и к северо-востоку, между тем как спираль ветра движется с севера на юг через запад, и с юга на север через восток, обратно направлению циклонов Индийского океана. В особенности опасны круговороты воздуха осенью, когда снова начинает первенствовать нормальный северо восточный ветер. Действия этих метеоров иногда бывают губительны: часто во время бурь суда тонули десятками; разрушенные деревни разносились по ветру; тысячи людей погибали. Тифон, пронесшийся над Маниллой в 1882 году, был самый страшный из всех тифонов, о которых сохранилось воспоминание: барометр упал тогда ниже 728 миллиметров, а скорость ветра достигла 232 километров в час[2]. Ныне, благодаря электрическому кабелю, погруженному между Маниллою и Гонгконгом, на китайском берегу заранее узнают о приближении бури, и моряки принимают предосторожности против грозящей опасности[3]. На восточных берегах архипелага часто наблюдают, в особенности при перемене муссонов, *bolos* или внезапные волнения, которые также очень опасны судам, и которые, вероятно, обязаны своим появлением действию отдаленных циклонов; они поднимаются по рекам и лиманам подобно так называемым *mascarets*, т.е тем волнениям в реках, которые происходят от столкновения случайно сильного речного течения с большим, против обыкновеннаго, приливом моря.

Так как каждое из обоих, сменяющих друг друга, течений воздуха над архипелагом приносит бури и дожди, то поочередно орошаются оба склона его островов. Когда дует северо-восточный ветер, то те части поморья и склоны гор, которые обращены в эту сторону, получают большое количество дождя, но западные берега, напр. те, где находится Манилла, защищенные от бурь внутренними горами, пользуются почти неизменно ясной погодой. После поворота муссонов, наблюдается обратное явление: западные берега ежедневно орошаются ливнем, тогда как по другую сторону гор преобладает засуха. Впрочем, чередование времен года и обилие дождей разнятся, смотря по географической широте островов, средней высоте

1 Villavicencio, „Memoria de la comision hidrografica“, 1874.

2 Frank Plant. „Journal of the Manchester Geographical Society“. 1886.

3 Montano, упом. соч.

почвы, направлению цепей гор, и тех проходов, которые для ветра проливы открывают, а мысы и полуострова закрывают. Так, количество воды, ежегодно выпадающей в долине; Агузана, на Минданао, равно приблизительно четырем метрам, почти вдвое превышает то количество, которое получают поля около Маниллы. Вулкан Мажайжай, находящийся вблизи перешейка, соединяющего Люсон с полуостровом Камаринским, и, следовательно, подверженный влиянию двух муссонов, с их чередующимися дождями, иногда получает *collas*, или ливни, в течение восьми или девяти месяцев, с редкими промежутками; оттого со всей окружности вулкана стекают значительные потоки. В тех областях, в которых можно постоянно рассчитывать на достаточное изобилие влажности, как, напр., в Агузанской долине, сеют и жнут во всякое время года; в других же местах приходится сообразоваться с периодом дождей, либо для того, чтобы растение воспользовалось им, либо, напротив, для того, чтобы оно избегло его. В этом и заключается причина того контраста культур между двумя противоположными покатостями, который так удивлял первых мореплавателей: на одной стороне островов—жатва, а на другой—посев.

Это же чередование ветров и дождей служит для рыбной ловли, мореплавания, торговли причиной контрастов, подобных наблюдаемым в земледелии. Так, во время дуновения северо-восточных ветров, гребные суда на восточных побережьях не могут уже держаться в море и должны укрываться в порте; рыбаки и моряки сходят на сушу, где превращаются в земледельцев или в собирателей, во время отлива, раковин и рыб, оставшихся в рифах. Между тем, в это именно время суда из западных портов и пускаются в открытое море. Вообще, с переменою времени года, картина меняется почти мгновенно: моря с одной стороны архипелага начинают кишеть людьми, тогда как на другой они превращаются в пустыни. Жизнь, так сказать, переносится с одного берега на другой, соответственно перемене ветров. Группы жителей, обитающих на перешейке между двумя морями, перемещаются, смотря по времени года, то в восточный, то в западный порт. Но между островами есть проходы, хорошо защищенные от обоих муссонов, плавать по которым суда могут во всякое время; таков пролив Сан-Бернардино, главный торговый путь архипелага: на северо-востоке его защищают против пассата—Люсон с своими полуостровами и Самар; с другой стороны, против западных муссонов его ограждают—Миндоро и различные острова группы Визайя. В этих защищенных проливах ветер менее опасен, чем течения и приливы. Лабиринт островов стесняет свободное развитие приливных и отливных волн, которые то правильно следуют одни за другими, то противодействуют друг другу на разные лады, совершенно или только отчасти нейтрализуются и, повидимому, не подчинены никакому закону: это *locas*, т.е. «шальные» приливы и отливы, в которых преобладает, смотря по местностям и временам года, суточный или полу-суточный тип, но ход которых может предвидеть только самый опытный кормчий. Высоты прилива вообще незначительны: они колеблются между полуметром и слишком метром; однако, как бы мало ни поднимался средний уровень воды, массы жидкости, которым предстоит излиться чрез узкие проливы, обусловливают в них столь сильные течения, что с ними только и могут бороться одни пароходы. Сан-Бернардинский канал часто бывает весьма опасен. В проливе Суригао, между Минданао и Лейте, скорость течения достигает иногда 16 километров в час[1], а это—почти скорость так называемой «raz Blanchard» во французском море около Котантена.

Будучи расположены между голландским Инсулиндом и японским островом Формозою, Филиппинские острова в своей флоре и фауне представляют естественный переход между обеими областями; тем не менее, они обладают также известным числом таких видов, которые принадлежат собственно им, и которые даже только и встречаются, что на одном каком-нибудь острове. Минданао, который, впрочем, менее всего известен из земель архипелага, кажется, богаче всего специально филиппинскими растениями; в числе тех шестидесяти пород высокоствольных деревьев, из которых состоят леса на острове и которые могут быть употребляемы при постройке судов, а также в плотничьем, мебельном и токарном произ-

1 Camilo de Arana, „Derrotero del archipelago Filipino“;—Montano, упом. соч.

водствах, находится одно миртовое растение: *mag kono* (*xanthostemun verdugonianum*)[1], почти негниющее дерево, принадлежащее ещё к австралийской среде и не переступающее севернее восточных берегов Минданао[2] *Balete*, банановое дерево индусов, весьма обыкновенно на всём протяжении Филиппинских островов и достигает громадных размеров: одно из них, в Камаринской провинций, обращено в двух-этажную крепость, в которой поставлены и пушки[3]. Виды пальмовых деревьев многочисленны. Драгоценные молуккские деревья, коричное, гвоздичное и перечное, находятся в лесах некоторых южных островов, а с другой стороны, на Люсоне найдено самое драгоценное растение китайской флоры: чайный куст, который с успехом стали разводить в ботанических садах. К концу 1882 года ботаники констатировали на Филиппинских островах 1.163 рода растений и определили 4.583 вида.

На Филиппинских островах нет хищных зверей: единственное плотоядное животное—дикая кошка; по рассказам туземцев, на Парагау—срединном острове между Инсулиндом и Люсоном—водится, будто бы, какой-то зверь вроде тигра или леопарда: дикия свиньи этого архипелага иногда опасны. Остров Балабак, лежащий вблизи Борнео, является одним из его дополнений с точки зрения фауны, так как на нём, т.е. Балабане, водится маленькая антилопа *pilandoc*, грациозное животное инсулиндской области; Миндоро также обладает одним видом антилопы: *tamarao depressicornis*; к филиппинской фауне принадлежат также многие виды оленя. Во всём архипелаге племена обезьян (*macacus cynomolgus*) бродят по лесам, в соседстве с возделанными полями. Виды птиц многочисленны на Филиппинских островах; в особенности куриные представлены там великолепными видами, каковы, напр., *labuyo* и *bulicsigay*; петухи этих диких стай превосходят красотою, гордостью, неустрашимостью и яростью в битве даже тех боевых петухов, которых с такой заботливостью воспитывают любители из филиппинцев, Окружающие архипелаг моря весьма богаты животными организмами всякаго рода, и некоторые реки кишат рыбами; из последних особенно замечательна *dalag*, т.е. «змееголовая» (*orhiocephalus*), имеющая по обеим сторонам головы мешки, наполненные водою: её жабры, будучи постоянно овлажненными, позволяют ей дышать вне реки, вследствие чего её встречают щиплящею траву на полях и даже всползающею на ствол пальмовых деревьев[4]. Разновидности змей многочисленны: все страшные виды, тригоноцефалы, гадюки (*vipera*), очковые змеи (najas), *имеют* представителей в местной фауне; что касается крокодилов, то они достигают громадных размеров: здесь видали экземпляры длиною до 10 метров[5].

В иле речных лиманов водится вид жемчужной устрицы (*placuna placenta*), которую разыскивают не ради её известковых отложений, но ради её прозрачного перламутра; этот перламутр режется на квадратики для помещения в окнах, вместо стекла; такие оконные стекла, употребляемые не только на Филиппинских островах, но также и на островах Зондских и в Китае, пропускают весьма мягкий свет, покоющий взор. В морях Сулу (иначе Jolo) обитает также настоящая жемчужная раковина (*meleagrina magraritifera*), которую водолазы отыскивают на дне, спускаясь для этого часто на глубину тридцати метров. Некоторое количество сулусских жемчужин покупаются китайскими купцами; но большая часть жемчужин, более ценимых в этих странах крайнего Востока, чем в Европе, удерживается туземными князьями, которые с гордостью показывают их в своих шкатулках на-ряду с другими «жемчужинами» такого же наружного вида, но находимыми в кокосовых орехах. Затем, главным образом на берегах Себу, визайи вылавливают те замечательные губки, называемые «palmiers a fleurs de Venus», кремнистый скелет которых, удивительно нежного строения, походит на рог изобилия из филигранового стекла: эту прелестную *euplectella* (или *alcyoncellum*), *regadera* по-испански, извлекают драгой с глубин от 20 до 180 метров.

1 Sebastian Vidal y Soler;—Montano, упом. соч.
2 Sinibaldo de Mas, „Informe sobre el estado de las islas Filipinas“.
3 D. J. Montero y Vidal, „El Archipielago Filipino“.
4 Semper, упом. соч.
5 De la Gironneire, „Aventures d‘un gentilhomme breton aux Philippines“.

Аборигены Филиппинских островов, постепенно оттесняемые малайцами, в настоящее время весьма не многочисленны: они встречаются только в виде небольших кланов, или даже семейных групп; на некоторых же островах тщетно отыскивают и самые следы их; они оказываются или искорененными или же смешавшимися с другим населением. Ныне этих негритосов, или «маленьких негров», которых также называют аэтасами, ahetas, atas, itas—наименование, повидимому, первоначально имевшее то же значение[1]—насчитывается в чистом состоянии всего только около двадцати тысяч[2]; но если бы посчитать всех туземцев смешанной расы, у которых в жилах имеется негритосская кровь, то их оказалось бы несколько миллионов. Проживающие на Филиппинских островах многочисленные, в различных степенях цивилизованные, народцы являют все переходы в наружности, культуре и нравах между негритосами и малайцами. Всего больше чернокожих на том острове, который, по справедливости, называется Негросом, но они встречаются и на всех других островах, за исключением архипелагов, расположенных на север от Люсона и, быть-может, также островов Самара, Лейте, Бохола и Жоло. На Минданао проживает несколько племен их, между прочим, племя маманyаров, обитающее около озера Маинита. Есть они также вблизи Маниллы, в сьерре Замбалес, но почти повсюду их отбросили внутрь страны; спускаться к морю они осмеливаются только в северо-восточной части Люсона, на скате кордильеры. Легко понять их дикую любовь к свободе: сколько раз простое соседство с расами победителей приносило им порабощение или даже смерть!

В чистом состоянии, негритосы вполне заслуживают свое имя: это действительно малорослые, менее полутора метра, «негры»; по Мейеру, средний рост замбальских негритосов 1 метр. 44 сант., а по Монтано—1 метр. 46 сант. Голова у них относительно велика, глаза блестящие, лоб высокий, череп возвышенный, волосы на голове густые, курчавые, иногда почти шелковистые, конечности худощавы, стопа массивна, и большой палец на ноге сильно отклонен; икр почти совсем нет[3]. Морщины на лице и выдающаяся вперед челюсть иногда придают им обезьянье выражение[4]. Аэтасы говорят на языке цивилизованных малайцев, с которыми им приходится вступать в сношения; но между собою они употребляют слова неизвестного происхождения, заимствованные, как полагают, из первобытного языка, ещё употреблявшагося в XVII столетии; однако, специальный язык, которым они говорят в некоторых округах, несомненно, принадлежит к малайско-полинезийскому корню, хотя аэтасы по своему этническому происхождению отличны от тагалов[5], из чего заключают, что подчинение их малайскому влиянию состоялось уже во времена весьма отдаленные. Большая часть племен татуируются, и обычай обрезания всеобщ; в некоторых округах, матери искусственно деформируют черепа у детей. Что касается одежды, то, за исключением приморских областей, в которых аэтасы проживают вблизи населенных деревень, она сводится к лангути у мужчин и к юбке у женщин. В некоторых округах они живут в шалашах из древесных ветвей или в хижинах, построенных, на малайский образец, на сваях; в других местах у них только и есть, что подвижная ширма из пальмовых листьев, которою они заслоняются от ветра, дождя или солнца[6]. В тех провинциях, где они мало-по-малу цивилизуются, они обрабатывают почву, возделывают пищевые растения, разводят домашнюю птицу и свиней; они отваживаются торговать с малайцами, но легко могут быть обманываемы, так как, по словам Монтано, самые умные из них не умеют считать далее 4 или 5. Впрочем, они сознают, что племя их низшей породы, и прилагают наименование *tao*, т.е. «человек», только к людям господствующей расы. Однако, добротою и мягкостью характера они вообще превосходят этих тао, и далеко не так обижены умом, как обыкновенно говорят о них их соседи тагалы

1 De Quatrefages, „Les Pygmees".

2 Ferd. Blumentritt, „Versuch einer Ethnographie der Philippinen". „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen" № 67.

3 De Quatrefages et Hamy;—Meyer;—Montano и т. д.

4 De la Gironneire;—Virchow;—Keane, „Nature". Dec. 30, 1880.

5 Schadenberg, „Zeitschrift fur Ethnologie", 1880.

6 Semper;—Blumentritt и т. д.

или визайи.

Власть не наследственна у аэтасов; по смерти начальника, главы семейств избирают ему преемника, которого они уважают, как патриарха, и которого избирают среди наиболее долголетних в племени. Супруг имеет всего одну жену и обыкновенно обращается с нею с любовию и уважением. У некоторых народцев, брачная церемония очень мила и трогательна: жених и невеста влезают на два смежные гибкия дерева, которые патриарх нагибает таким образом, чтобы ветви их взаимно перемешались, а жених и невеста прикоснулись лицами друг к другу, после чего брак считается заключенным. Разрешаться от бремени женщина должна в одиночестве, а затем должна отправиться для погружения себя вместе с ребенком в ручей; такой обычай практикуется постоянно и, по словам Монтано, он-то в значительной мере и содействует исчезновению этой расы. Новорожденный принадлежит целому племени, которое, после обсуждения в собрании, дает ему и имя. Дети, больные и старики окружены самым заботливым попечением; самопожертвование всех в пользу каждого является у аэтасов законом. Хотя они боготворят луну, звезды, гром, радугу и вообще великия явления природы, но главный их культ сосредочен на мертвых. Труп кладется в дуплистое дерево или зарывается под тою хижиною, в которой покойный проживал, а новую строят вблизи, с целью иметь возможность наблюдать за тем, чтобы на ставшее отныне священное место не ступила нога чужеземца или дикого животного. Говорят, будто некогда негритосы, в случае смерти кого-либо из своих, убивали по малайцу.

За исключением аэтасов, китайских переселенцев, метисов и европейцев, всё филиппинское население, по крайней мере к северу от Минданао, по происхождению и по языку—малайское. В неизвестную, но, конечно, весьма отдаленную эпоху, малайцы, предки филиппинцев, высадились на побережья островов и поселились там на жительство: наименование balangay, т.е. «барка», даваемое ещё в наши дни деревням, напоминает о том времени, когда экипаж судна, хотя уже и разбил свой стан на низменном песчаном берегу, но почти не изменил своего образа жизни и продолжал работать сообща, как если бы он ещё находился на скамье гребцов. Позже, когда, в свою очередь, прибыли китайские колонисты на своих «трех-палубных» сампанах, наименование этого малого гребного судна, перенесенное на песчаную приморскую низину, равным образом стало названием тех групп жилищ, которые на том пляже выстроились. Каждый балангай, как равно и каждый сампанг стали колыбелью колонии[1].

Филиппинские малайцы, взятые в целом, похожи на малайцев голландского Инсулинда, с тою разницей, что, проживая вблизи Китая, они являют, особенно на Люсоне, легкий переход к тому китайскому типу, который наблюдается в области великих рек: так, скошенные глаза, встречающиеся довольно редко у южных малайцев, составляют, напротив, отличительную черту люсонских малайцев. Каковы бы ни были их специальные черты и их наречия, они подразделяются на три главные класса, смотря по исповедуемой ими религии и образу жизни: именно, признающие власть белых и обучающиеся у католических священников называются *indios*'ами, т.е. «индейцами», и исподволь сливаются в одну нацию; южные малайцы, принявшие мусульманство, известны под общим наименованием *moros* т.е. «мавров»; наконец, племена независимые или переносящие иго нетерпеливо и ещё справляющие старинные обряды, известны под именем *infieles*, т.е. «неверных».

Тагалы или та-галы—самые цивилизованные из «индийцев»: их насчитывают до полутора миллиона, и число их беспрестанно возрастает, не столько вследствие перевеса рождений над смертностью, сколько вследствие ассимиляции ими различных других племен. Область тагалов, колыбелью которых является короткая долина Пазига[2], и которая обнимает ныне всю центральную часть Люсона, мало-по-малу раздвигается на счет других племен в остальных частях острова: на севере она завоевала территорию пампангасов и пангазинанов; к северо-востоку она увеличилась на счет аэтасов; на юго-востоке оттеснила виколов; острова

1 Olivier Beauregar, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris". Juillet 1887.

2 Paterno, „Antigua Civilizacion de Filipinas".

Минданао и Мариндуке тоже «тагализованы». На всех берегах Филиппинских островов, даже на Минданао, находишь тагалов; они-то и являются главными разносителями по архипелагу европейской цивилизации. Но рядом с ними, на том же острове Люсоне, существуют и другие расы крещеных индийцев, именно илоки или илоканосы, населяющие северную береговую полосу залива Лингайен, и ибаниги или кагайяны, проживающие на севере острова, в Кагайянской долине и в соседних архипелагах. Будучи весьма хорошими колонизаторами, эти индийцы рассеиваются по всем берегам и содействуют таким образом постепенному уподоблению себе тех языческих народонаселений, которые их окружают. Таким, именно, образом, приморские замбалы и пагазинаны, между Лингайенским заливом и Манильскою бухтою, оказались мало-по-малу поглощенными илоканосами, тогда как в других местах они становятся тагалами. Режим крупно-земельной собственности, преобладающий у

Индіецъ ифугао, на Филиппинскихъ островахъ.

илоканосов, побуждает бедных к выселению из отечества: социологическое явление, подобное тому, которое гонит из Европы в Америку ирландских, шотландских, германских, скандинавских и итальянских крестьян, побуждает также *cailianes*, или илокских пролетариев, к выселению в соседние края, для отыскания там себе работы и независимости[1].

Виколы или биколы—населяющие, к югу от тагалов, полуостров Камаринский, острова Катандуанские, Буриас, Тикао и половину Мабатэ—весьма схожи с тагалами; подобно этим последним, виколы имели уже довольно подвинувшуюся вперед цивилизацию во время прибытия испанцев, которым они первыми покорились, будучи менее воинственными, более смирными, чем тагалы; однако, большое число их бежало в горы, к вулканам, и эти *remontados*, также называемые *cimarrones*, т.е. «беглые», *montescos* и *montaraces*, говорят на самом чистом викольском языке, численность же их достигает по крайней мере 400.000 душ.

1 Blumentritt, упом. соч.

Третьей этническою группою цивилизованных филлипинов, обнимающею два с половиною миллиона человек, являются визайя (*visayas*) или бизайя (*bisayas*), по имени которых обозначают также и всю группу островов между Люсоном и Минданао; многие их колонии занимают также берега и этого большого острова; жители Каламианских островов и Парагуа равным образом принадлежат к визайям, но темный цвет их кожи и волнистость их волос на голове позволяют думать, что отчасти они потомки негритосов. Говорят, что визайянская раса в наиболее чистом виде сохранилась на о. Себу, и что там наречие визайянского языка —самое лучшее. Некогда визайя имели привычку пестрить свое тело и даже татуировать его, «расписывать посредством огня»[1], отсюда и наименование их *pintados*'ами, т.е. «разрисованными», под которым они были известны испанцам; но, превратившись в христиан, они перестали раскрашивать себе тело, а также не ищут более славы в охоте за головами, между тем некогда одно из их племен, карагазы (*caragas*) на Минданао, давало своим воинам право на ношение красного тюрбана не иначе, как после убиения кандидатом семи человек. Вступая в среду уже соприкоснувшихся с цивилизациею, визайянская группа теряет свои специальные наименования и вступает в нацию «индийцев».

Равным образом и занимающие архипелаг Жоло, а также южные берега Минданао, мавры распадаются на весьма большое число различных племен, соединенных религиею и образом жизни. Малайская основа, повидимому, связует их с визайяскою группою, но между этими маврами встречаются также типы, сходные с дайяками Борнео и с баджо Целебеса и всей Малезии. Аристократическими семействами являются арабы или уроженцы островов Борнео и Тернате; вследствие скрещиваний есть, затем, представители и китайского элемента; наконец, сделавшиеся корсарами испанские ренегаты равным образом имеют своих потомков между магометанами южных Филиппин. Похищавшиеся пиратами на всех берегах Инсулинда и северных островов женщины были причиною того, что мавританское население стало одним из самых смешанных на крайнем Востоке. Морское разбойничество было главным промыслом этих островных магометан, даже после прибытия европейских мореплавателей; говорят, в прошлом столетии насчитывалось около ста тысяч человек, предававшихся разбою в Индонезийских морях, и между этими разбойниками самыми многочисленными и самыми смелыми были пираты с островов Жоло и илляносы с Минданао. Их суда можно было видеть даже в Явских водах, но главным образом на берега Целебеса, Молуккских и Филиппинских островов, отправлялись эти пираты за добыванием рабов, частью на продажу, а частью для пополнения невольников на своих галерах. Существенно феодальный политический строй мавров основал всю социальную организацию на морском разбойничестве. Рядом с султанами были *datou*, почти столь же могущественные, как и их сюзерен, вассалы, и каждый из этих князей, сохраняя ленное отношение к своему властелину, становился собственником завоеванных краев и награбленных богатств; *tao maralay*, т.е. «хорошие люди»—а ими были свободные воины—сопровождали их в военных экспедициях, а *sacope*, т.е. толпа безземельных людей, составляли класс порабощенных. В благоприятное время года, каждый из вассалов и организовывал экспедицию в целях завоевания или грабежа: подобно нормандским рыцарям, они отправлялись в походы для борьбы с неверными во имя истинной религии и для приобретения прославленного имени путем захвата женщин, рабов и сокровищ. В начале XVI века они были на пути к завоеванию филиппинского архипелага, и если бы не вмешались испанцы, то тагалы, конечно, были бы ныне магометанами[2]. Даже ещё в прошлом столетии маврские корсары рыскала по окраинам Манильской бухты, и в союз с этими пиратами вступали иногда и голландцы при своих войнах с испанцами. Так, когда, в 1648 году, Тасман атаковал Маниллу, у него были союзники из мавров с Жоло и с Минданао[3].

Будучи весьма искусными строителями судов, «мавры» имели различных типов гребные

1 Pigafetta;—Purchas;—Morga и т. д.

2 T. Blumentritt, упом. соч.

3 Robide van der Aa, „Indische Gids“, avril, 1882.

суда всякой формы и величины; суда эти были быстроходны и могли отлично противостоять волне, хотя способы соединения судостроительного древесного материала были самые простые, и для скрепы не употреблялось железо. Обладая такими судами, пираты островов Жоло и Минданао не страшились европейских кораблей, пока испанцы и голландцы ограничивались преследованием морского разбойничества только в открытом море, даже когда начали свое крейсерство легкия быстроходные паровые суда, и тогда разбойники, завидев на горизонте дым, успевали укрываться в проливы или бухты, или же забираться в средину рифов, куда уже никто не мог за ними следовать. Морское разбойничество не было вполне уничтожено до второй половины этого века, когда последовало действительное завладение морским побережьем Минданао и занятие Жоло. Лишь в 1879 году испанцы прочно утвердились на этом последнем острове, и не последуй они в этом случае примеру голландцев и англичан на берегах Борнео, разбойничий архипелаг был бы, конечно, завоевав какою-нибудь другою европейскою державою. За исключением предписаний, касающихся «священной войны», мавры островов Жоло и Минданао не особенно соблюдают Коран: несмотря на то, что у них имеются свой первосвященник, *sarif* (шериф) и свои пандиты, они дурные магометане: как и «неверные», они едят свинину и пьют бродящие спиртные напитки.

Языческие населения, индонезийские или малайские, часто смешиваемые испанцами под общим именем игорротов, составляют ещё значительную часть жителей Люсона и Минданао: в архипелаге проживают более пятидесяти различных «наций». Собственно так называемые игорроты живут к востоку от племени илоко, в долине Бенгуэ и по окрестным гористым областям. Тингвианы (tinguanes)—отчасти крещеные, или по крайней мере носящие Распятие, которое они употребляют как талисман,—суть северные соседи игорротов, между тем как илонготы и фугао, каталанганы, ирайа (iraya) и другие живут на востоке, в верхнем бассейне р. Кагайан. Между игорротами и их соседями тингвианами наблюдается замечательная противоположность; насколько первые храбры, настолько вторые робки, игорроты—бронзового цвета, тингвианы—почти белы; большая часть путешественников видят в них метисов китайского происхождения. Игорроты, повидимому,—тагалы, сохранившие первобытную религию и нравы. Они верят в верховного бога и в других богов, которые олицетворяют явления природы, и которым они приносят жертвы: но главный их культ—это культ *antitos*, т.е. предков, души которых содрогаются вместе с листьями священного дерева, посаженного перед въездом в деревню: иногда также предки являются под видом животных, и также как на Целебесе, во многих местностях Люсона живорыбные пруды переполнены угрями, которых туземцы кормят с сыновней любовью. Старики весьма уважаются, а когда они умирают, то их поминают большим пиром; прежде труп разделялся между всеми присутствующими, и этот погребальный обычай ещё сохранялся до начала текущего столетия[1]. Ныне труп хоронят в пещере, или закапывают в землю под его хижиною. Церемонии исполняются под руководством жриц, старых женщин, на обязанности которых, равным образом, лежит умилостивлять богов и предков и заговаривать болезни. В отличие от большинства своих соседей, игорроты ревниво блюдут за добрым поведением своих сыновей и дочерей, живущих отдельно в больших домах, под надзором престарелых людей. Брачный союз, благословляемый предками, к которым взывает жрица, весьма уважается, и в прежнее время прелюбодеяние наказывалось смертью; вдова не может выйти вновь замуж иначе, как с весьма редко получаемого согласия семейства её покойного мужа, а вдовец не может жениться ранее истечения полных семи лет. Семейство строго солидарно, и за каждое оскорбление должно отомстить убийством; отсюда—наследственная вражда и «охота за головами» между племенами. Ифугао набрасывает на идущего врага петлю (лазо, аркан) и быстро притягивает его под свой нож. Между этими туземцами-язычниками ещё есть и такие, которые сохранили обычай татуировки[2]. Коровий кал у них в большом почете, что, может быть, сви-

1 Sinibaldo de Mas;—Semper;—Blumentritt.

2 Sebastian Vidal y Soler;—Montano и т.д.

детельствует о древнем влиянии браманизма; игорроты даже примешивают кал к своей пище. Наименование *divata*, прилагаемое к божествам,—также индусского происхождения.

Язычники на острове Минданао подразделяются на многочисленных народцев, часто соединяемых белыми под одним собирательным наименованием манобо; но этим названием должно обозначать только северо-восточных туземцев, живущих в бассейне Агузана и на полуострове Суригао: те из их племен, которые живут ближе к морю, были покорены и обращены в христианство испанцами. Эти последние во многих местностях собрали оружие из тесанного камня, которым упомянутые племена дают наименование «зубов молнии»[1], по такой же ассоциации идей, какая наблюдается у крестьян в Европе, видящих в этом оружии «камни грома». Между «неверными», проживающими внутри страны, находим, более или менее видоизмененный скрещиваниями, малайский тип визайев, а также и тип первонасельников негритосов; но главный корень принадлежит типу «индонезийцев», этих братьев полинезийских островитян, характеразуемому высоким ростом, от 1 м. 65 с, до 1 м., светлым, почти белым, цветом кожи и красивою соразмерностью членов тела. В большей части колен, мужчины и женщины продырявливают ушную мочку, для введения щитков из кости или других вещей; во всех семействах у юношей спиливают зубы, смотря по моде, существующей в том или другом племени, так как у различных племен эта мода различна; в разных племенах видоизменяют также и естественную форму черепа у новорожденных. Обычай татуироваться общераспространен: сами матери проделывают эту операцию на своих детях, при помощи ножа и копоти от смолы, начерчивая, таким образом, неизгладимые знаки, посредством которых бывает возможно узнать их в случае пленения, так как в этой стране войн и родовой мести свобода, равно как и жизнь каждого всегда находятся в опасности. Восточным областям о. Минданао Монтано дал наименование «страны ужаса», но и в остальной части острова мало найдется округов, которые бы не заслуживали того же самого наименования, Когда манобосы, предшествуемые своим великим жрецом, несущим «талисман бога», успеют захватить своих врагов во время сна, они зарезывают всех мужчин и щадят, для обращения в рабство, только женщин и детей; затем, после победы, великий жрец вскрывает священным мечом грудь у одного трупа, обмакивает талисман и съедает сердце или печень побежденного[2]. Мандайи убивают для славы: у них есть даже особенное слово, *bagani*, т.е. «убийца», которым они обозначают храбреца, отрубившего по крайней мере пятьдесят голов, и только тогда имеющего право на убранство своей головы ярко-красным тюрбаном[3]. Обширные территории были обращены в пустыни истреблением их жителей. Индонезийцам на Минданао угрожает опасность исчезнуть, как исчезли в Полинезии столько народцев их расы: то, чего не сделала война, довершит, конечно, постепенное поглощение туземцев более цивилизованными малайскими или смешанными населениями,

Между иностранцами, которые селятся на Филиппинских островах и изменяют туземную расу, самые многочисленные—китайцы: с незапамятных времен их колонии окаймляют приморские побережья островов, и почти во всех племенах замечаются признаки, указывающие на присутствие китайской крови; на Люсоне и на некоторых других островах, правильно или нет, указывают на целые народцы, как на потомков выходцев из «Срединного Цветка». Из летописей Небесной Империи известно, что государи архипелага посылали посольства и дани Сыну Неба, а находимые в филиппинских могилах вещи китайского производства свидетельствуют о том, что между обеими странами происходил и товаро-обмен. При испанском правлении, китайцы стали селиться в Манилле лишь около 1580 года. Через несколько лет, эти *sangleyes*, или странствующие торговцы[4], стали настолько многочисленными, что пытались было сделаться властелинами. Три раза в течение следующего столетия они возставали против испанцев, и каждый раз их избивали десятками тысяч. Исчерпав

1 „Une Mission aux iles Philippines et en Malaisie“.
2 Semper, „Die Philippines und ihre Bewohner“.
3 Montano, „Tour du Monde“, 1-er sem. 1884;—„Bulletin de la Societe de Geographie”, 3 trim., 1883.
4 Oliver Beauregard, цитир. соч.;—Jagor, цитир. соч.

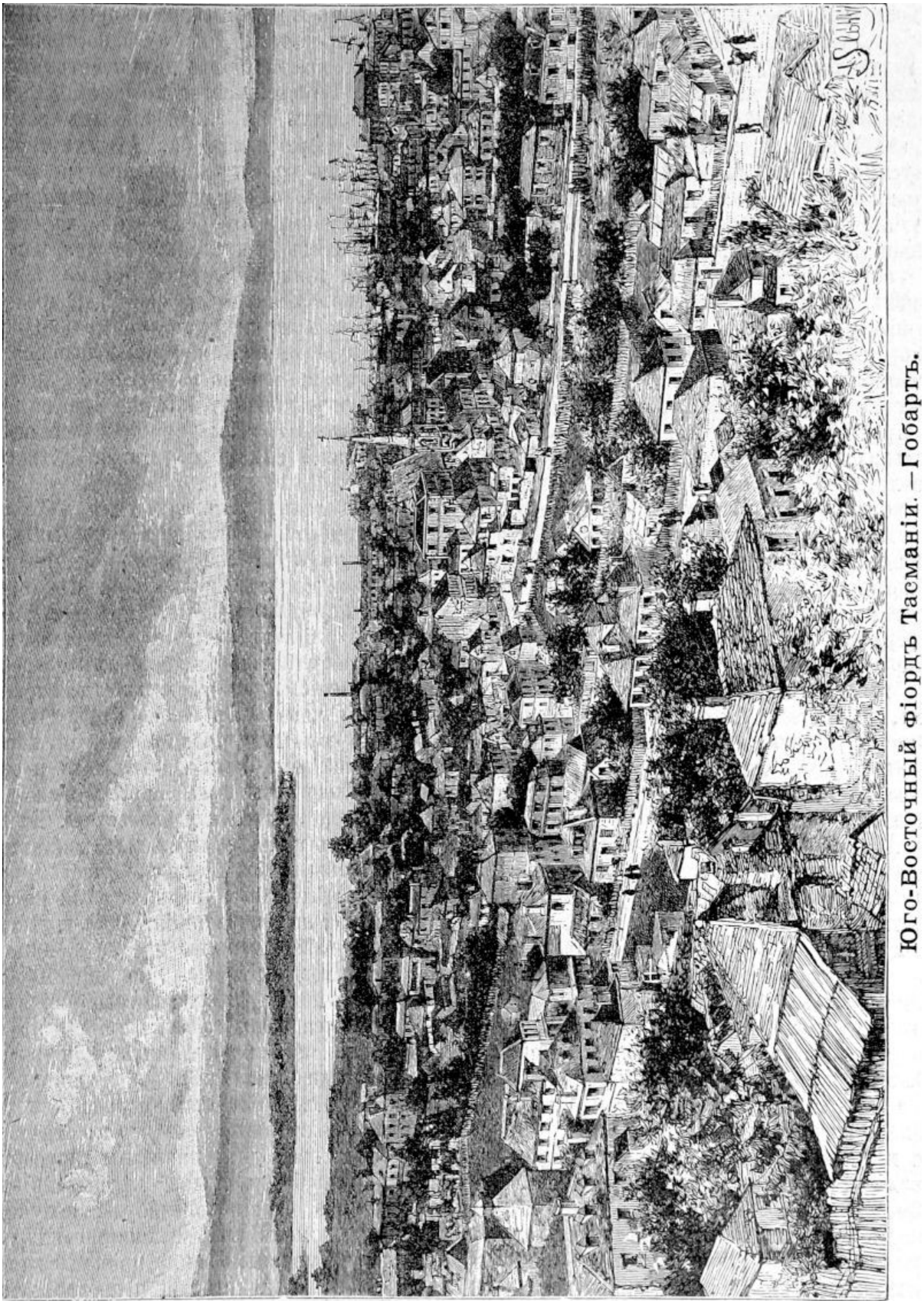
всякого рода помехи их прибытию и пребыванию в стране, прибегая для этого к налогам, полицейским мерам и постоянным притеснениям, кончили, наконец, тем, что изгнали их массою: в 1763 году, после кратковременного занятия Маниллы англичанами, все китайцы были изгнаны или перебиты, и представителями их расы оставались лишь одни метисы-христиане. Но без китайского посредника нет и мелкой торговли; поэтому едва только санглей подвергся изгнанию, как уже пришлось пригласить его возвратиться. Несмотря на презрение европейца и ненависть тагала, у китайца есть свое предместье в каждом городе, и наибольшею выгодою от торговли пользуется именно он. В ущерб туземным рабочим, пытались было употреблять китайца также на работы на плантациях, но также как в Соединенных Штатах и в Австралии, местные работника, угрожаемые потерею средств к существованию, кончили тем, что вытеснили своих соперников. В 1887 году, численность китайцев чистой расы Эскобар-и-Лозано определил в 53.000; в сравнении с числом малайцев, она ничтожна; объясняется это тем, что китайские переселенцы чрезвычайно редко привозят с собою своих женщин: по переписи 1870 года, на 120 китайцев приходилось всего по одной китаянке. Большая часть переселенцев возвращается в свое отечество, нажив состояние, не без того, однако, чтобы оставить за собою семейство из метисов. Правда, испанский закон обязывает их до женитьбы принять христианство но они охотно дают окрестить себя, а жен находят легко, выплачивая такую вдовью часть, которой было бы достаточно для предотвращения последствий от оставления жены мужем. Китайские метисы становятся родоначальниками, в свою очередь, и раса, напоминающая более о китайском типе отца, чем о тагальском, викольском или визайском типе матери, вполне процветает. Китайцы смешанной крови и составляют буржуазию на островах, между тем как белые занимают общественные должности, а метисы от них большею частью становятся мелкими собственниками.

Испанцы явились в архипелаг, спустя сорок четыре года после смерти Магеллана; Мигуэль-де-Легаспи появился сначала, как и его предшественник, перед островом Себу, затем завоевал Панай, и в 1571 году отплыл к Манилле, чтобы основать там центр кастильской державы. Благодаря дисциплине и европейскому оружию, испанцы легко восторжествовали над небольшими государствами на севере; но завоевание архипелага никогда не было полным; оно даже и поныне далеко от своего завершения. Относительно, четырнадцать тысяч испанцев немногочисленнее тех голландцев, которые насчитываются в Инсулинде. Хотя неправильно называемые «колониями», острова эти в сущности—простые владения, так как испанцы постоянно являются там в качестве чужестранных властелинов, которые, заставляя трудиться туземцев, сами не работают. Впрочем, из европейцев, испанцы, в среднем, лучше всего переносят климат Филиппинских островов, где им угрожают—хотя, благодаря лучшему питанию, и в меньшей степени, нежели туземцам,—все эндемические болезни, малярийные лихорадки и дисентерии; в особенности опасна анемия, поражающая их, и по преимуществу женщин, по миновании нескольких лет пребывания в пределах архипелага. Испанцы-креолы оказываются превосходно акклиматизированными и являются родоначальниками многочисленных семейств; но определить пропорцию подлинных белых в общем числе жителей—нельзя, так как эти креолы, хотя и заявляют о своем «полуостровном», т.е. иберийском происхождении, не поддерживают чистоты своей крови, как это делают европейцы в других краях, где туземец составляет предмет отвращения. Перувиянцы и мексиканцы, представленные на Филиппинских островах сильною колониею в то время, когда испанские галионы ежегодно совершали путешествия между Акапулько и Маниллою, также оставили в крае потомство, которое смешивается с другими креолами, и из этих разнообразных элементов образовалась новая раса, замечательная по своим физическим качествам. Метисы сильнее, здоровее и красивее чистых испанцев и индийцев; они быстро возрастают в числе, и в большей части городов путешественник бывает не мало удивлен, увидев, как посветлел цвет кожи у туземцев и как объевропеились черты их лица под влиянием этих скрещиваний[1]. Между этими метисами и чистокровными «полуостровитянами» господствует не-

1 Montano, упом. соч.

которого рода неприязнь, которая, в связи с борьбою за влияние, и была причиною многих военных возмущений, вспыхивавших в этом столетии и грозивших владычеству Испании.

Населения Филиппинских островов принадлежат к числу самых цивилизованных на



Юго-Восточный фіордъ Тасманіи. — Гобартъ.

крайнем Востоке. В большей части провинций, индийские деревни, *pueblos* и *visitas*, лучше содержатся и много превосходят те кучки избушек, которые мы находим ещё во многих странах Европы. Каждое жилище стоит особняком, окруженное цветущим и благоухающим

садом, и отделено от других дворов шпалерами пальмовых и банановых деревьев. Дома все построены на сваях, на высоте более двух метров над поверхностью земли, согласно преданиям предков, живших на аллювиальных землях, на берегу озер или моря. Воздух свободно циркулирует вокруг здания, внутрь же проникает через веранду, широкий корридор и многочисленные отверстия; со всех сторон вступает свет, смягчаемый *conchas*, или «раковинами», тонкими перламутовыми пластинками, расположенными в форме квадратов и ромбов; панели покрыты тщательно исполненной резьбою, часто изобличающею большой вкус; резная мебель и китайские красивые безделушки украшают жилища, всегда подметенные, натертые и вылощенные; вообще, чистота жилища самая заботливая и тщательная[1].

Подобно тому, как каждое индийское семейство имеет свой собственный дом, оно является также и собственником поля, за исключением области илокосов и некоторых других индийских наций. Порядок мелкой земельной собственности преобладает почти во всех округах Филиппинских островов. За исключением некоторых метисов-китайцев, ни у кого нет больших вотчин, но у каждого есть чем прокормиться в хороший и в дурной год, как самому, так и семейству, а также есть чем покрыть мелкие расходы на празднества и удовольствия. В густо населенных провинциях земли разделены и подразделены на бесчисленные участки, на которых возделывается рис, сладкий патат и другие питательные растения. Даже и те растения, продукты которых предназначены для торговли, возделываются по преимуществу свободным поселянином; повсюду виднеются небольшие усадебки, с рассеянными по ним маленькими навесами, домиками и зачаточными заводиками. Здесь не увидишь больших фабрик, обширных складов, которые встречаешь в сельских местностях тех стран, где громадные капиталы употребляются для разработки почвы к выгоде одного собственника, или какой-нибудь, получившей монополию, компании. На Филиппинских островах возделываемые земли принадлежат самому земледельцу, который и продает только излишек своего урожая, а из этих небольших долей, скупаемых по деревням посредниками из китайцев и метисов, и создается та масса продуктов, которую манилльские негоцианты отправляют за границу; но эта масса ещё очень незначительна в сравнении с тою, которая могла бы вывозиться, так как на протяжении всего архипелага насчитывают возделываемых земель пока лишь 1.800.000 гектаров, т.е. одну пятнадцатую всей Филиппинской поверхности. Скотоводство относительно не имеет большого значения; лошадей и ослов ввели в архипелаге испанцы; овцы акклиматизировались лишь с трудом.

«Система культуры», которая, повидимому, послужила образцом для системы на Яве[2], была заведена на Филиппинских островах с 1780 года. В силу этих регламентов, Мадридское правительство установило в свою пользу монополию по отношению к главным индустриальным произведениям, но, впоследствии, мало-по-малу оно объявило их свободными, упредив в этом отношении соперничающую державу. Дольше всего, именно до 1882 года, продолжалась монополия на табак, который возделывают в особенности в северных провинциях, именно в бассейне Кагайяна. Положение туземцев, обреченных на работу на табачных плантациях, отличалось от рабства только по имени. Каждая деревня в округе была обязана доставить известное количество листьев по цене, значительно меньшей в сравнении с действительной стоимостью, а тот из алькадов, который хотел быть на хорошем счету у начальства, должен был стараться об уменьшении даже и предвиденных расходов. Вследствие этого, земледельцы, будучи подавлены алчностью казны, не имели необходимого времени для возделывания своих рисовых полей, и таким образом, несмотря на обладание ими самой плодородной почвой, им, тем не менее, всегда угрожал голод. Смертность между этими несчастными была весьма велика, и большая часть детей погибала в раннем возрасте. Равным образом, следствием монополии было уменьшение ценности и самого продукта, хотя испанцы занимают и в Старом, и в Новом Свете первое место по приготовлению табачных изделий; дурно изготовленные руками рабов, манилльския сигары оказывались весьма уступающими в сво-

1 V. Gifford Palgrave, „Ulysses, or Scenes and Studies in many Lands“.

2 J. E. B. Roodra van Eysinga, рукописные заметки.

ем качестве сигарам с Кубы. Филиппинские острова занимают пятое место в мире по производству табака: именно, они следуют за Соединенными Штатами, Турцией, Бразилией и голландским Инсулиндом, но стоят впереди Кубы[3]. Табачные плантации много страдали от насекомых, пока не ввезли из Кохинхины известные виды птиц, *sturnopastor*, *acrydoteres*, которые очищают растения от поселившихся на них паразитов. В 1897 году с Филиппинских островов было вывезено 169,5 миллион. сигар и 143 милл. кило выделанного табака.

Сахар—главный продукт из добываемых для вывоза; сбор с плантаций, почти целиком закупаемый Соединенными Штатами и Великобританией, составляет в среднем две трети сбора на Яве, именно более двух миллионов метрических центнеров, стоимостью в 50 миллионов франков. В 1897 г. с Филиппинских островов вывезено сахара 206 миллионов килограмм. Кофе, который в средине этого столетия был предметом значительной торговли, но затем, после франко-германской войны, почти совершенно перестал вывозиться, в последнее время, снова получил некоторое значение в деле товаро-обмена. В 1892 году его вывезено с Филиппинских островов в количестве 1.415.000 кило. Какао и другие колониальные продукты имеют лишь второстепенное значение, но Филиппинские острова пользуются природной монополией по производству и обработке волокон прядильного банана, *musa abaca*, вообще известного под именем «Манильской конопли»: сотканные из манильской пеньки ткани превосходят ткани из русской пеньки, как по прочности, так по блеску и легкости. Но эти ткани редко продаются за границу: они остаются в крае, будучи покупаемы метисами из китайцев. Вывоз, прежде направлявшийся почти исключительно в Соединенные Штаты, состоит обыкновенно из грубых пеньковых произведений, в особенности из канатов; он имел бы ещё гораздо большее значение для оснащения кораблей если бы канаты из абака можно было просмаливать, на-подобие канатов пеньковых. Прядильный банан всего лучше культивируется и дает самые лучшие продукты на полуострове Камаринском: годовой сбор с гектара составляет приблизительно три с половиною тонны,—количество весьма значительное и вполне достаточное, чтобы вознаградить производителей, если бы большая часть из них не были закрепощены у негоциантов системою лихвенных задатков, которая не дает им возможности высвободиться из-под гнета задолженности. В 1897 г. вывоз манильской пеньки равнялся 115 миллион. килограмм. В северной части острова Люсона, где не могли акклиматизировать прядильный банан, илокосы точно таким же образом пользуются волокнами других растений, именно ананаса и хлопчатника: «илокские плащи» весьма ценятся в Манилле и в остальной части Филиппинского архипелага.

За исключением сигар и тканей из абака, вся остальная обрабатывающая промышленность этих островов имеет в виду местное потребление: вывозная торговля состоит почти единственно из сырых продуктов, как земледельческих, так и добываемых при посредстве сбора с плодовых деревьев, в обмен на предметы искусственной фабрикации, металлы, ткани, оружие, инструменты и машины, даже ступки для риса, заменившие первобытные *losong*'и, по имени которых, как говорят, и назван большой остров Люсон. Товаро-обмен значительно возрос на Филиппинских островах в последние десятилетия, благодаря уничтожению некоторых монополий, уменьшению таможенных пошлин, беспрепятственному допуску иностранных судов, открытию новых торговых портов и естественному увеличению народонаселения. В 1892 г., внешняя торговля Филиппинских островов достигала 300.000.000 фр., из которых на долю ввоза приходилось 135.000.000, на долю вывоза—167.395.000 фр. (в 1897 г. по специальн. торговле: привоз—48.500.000, вывоз—110.125 000 фр.); судов заграничного плавания прибыло и отправилось 954, вместимостью 1.062.795 тонн. Срочные рейсы пакетботов между Маниллою и двумя большими английскими рынками, Сингапуром и Гонгконгом, и пароходные линии между столицею и главными портами, на севере и юге архипелага, связуют все жизненные пункты Филиппинских островов с остальным миром. Филиппинцы—народ моряков и рыбарей: в своей повседневной пище они отчасти зависят от моря. Они научились ловко управлять своими судами во всякую по-

3 Neumann Spallart, „Uebersichten der Weltwirthschaft".

году и, несмотря на опасности от рифов и бурь, смело пускаются в плавание среди течений архипелага и ведут большую каботажную торговлю. Почти ничего не перевозится сухим путем; даже там, где надо бы было только перейти узкий перешеек, как из Маниллы на восточный берег Люсона, посылаемые вещи и товары совершают длинное окольное плавание.

Но хотя природные пути, представляемые проливами во всех направлениях, и позволяют округам сообщаться друг с другом, тем не менее недостаток дорог внутри островов лишает ещё многие местности сношений с гаванями на поморье. Даже так называемые «шоссе»—не что иное, как плохия тропы или ряды трясин. Часто администраторы в своих поездках могли быть вводимы в заблуждение, так как алькады, будучи за несколько недель предуведомлены о предстоящем приезде высшего начальства, сгоняли индийцев со всего округа, которые поспешно очищали дорогу от кустов и сорных трав, засыпали землею ямы, убирали большие камни, а в трудных местах перетаскивали экипажи, с песнями и радостными криками. Дорога, казалось, и есть, но стоило, после такого проезда важного должностного лица, пройти хорошему дождю—и её опять как не бывало[1]. Сеть железных дорог ещё в зародыше; пока построена только линия из Маниллы в Дагупан длиной в 192 километра.

Но если Филиппинские острова с точки зрения промышленности, торговли, путей сообщения и материального прогресса уступают Яве, если возростание народонаселения их,—само-по-себе значительное, так как напр., в провинциях Люсона на 100 жителей приходится 4 рождения и 2,33 смертей[2],—и меньше, чем у явайцев, то в других отношениях Филиппинские острова занимают высшее место: обитающие на них люди не находятся в положении илотов, удерживаемых их властелинами в состоянии приниженности, без надежды на возвышение. Тогда как голландцы живут как-бы в другом мире, над подданными, отличающимися от них по костюму, нравам, языку и религии, и взирающими на своих завоевателей, как на людей другой породы,—испанцы, напротив, пригласили тагалов, виколов и визайев приблизиться к ним. Благодаря смешению рас, переход от гордого «полуостровитянина» к обращенному в христианство сыну игоррота совершается нечувствительно: религия одна и та же, нравы объединяются постепенно; большая часть индийцев учатся читать и писать по-испански; тагалы и визайи перестали употреблять даже и в своем языке буквы индусского происхождения, которыми они прежде пользовались, и которые к тому же трудно читались, и уже предвидят в близком будущем тот день, когда кастильский говор воспреобладает над всеми местными наречиями. Костюм туземца, отведавшего цивилизации, уже европейский, с тем различием, что рубашка носится на-подобие блузы и шляпа обыкновенно китайской формы.

Правда, что национальность этих слишком податливых, слишком послушных населений мало-по-малу теряется, и что туземцы не проявляют ни в промышленности, ни в нравах той оригинальности, которую сохранила бы им самобытная цивилизация, но счастье уже и то, что европейская культура постепенно вовлекает жителей Филиппинских островов в свою орбиту, не низводя их, как многих других, в состояние рабства и не заставляя проходить через тяжкий этап пауперизма. Взятые в среднем, индийцы Филиппинских островов принадлежат к числу счастливейших людей на земле: им приятно живется среди благоухающих садов, в тени пальм, обремененных плодами, на берегу журчащих ручейков; во многих местностях они сеют свой рис в такт под звуки скрипки или кларнета[3]. Но они легко поддаются лени; страстно любят игру, в особенности петушиные бои, и ловят случаи досуга, доставляемые нм праздничными днями. Религия для них является лишь рядом забав.

Народонаселения Филиппинских островов—страстные католики: не то, чтобы они очень интересовались догматами, провозглашаемыми церковью, или чтобы они выделяли из себя много богословов, обсуждающих тонкости вероучения; нет, они любят пышность службы, торжественные церемонии, образы, которые им принесли священники: большая часть их

1 Moya y Jimenez.
2 F. J. de Moya y Jimenez, „Las Islas Filipinas“.
3 Montano, „Bulletin de la Societe de Geographie”.

времяпрепровождения проходит в совершении обрядов, в сущности мало отличающихся от первобытного культа. Домашний алтарь, с изображениями Пресвятой Девы и святых, этих преемников прежних *anitos*'ов, занимает почетное место в каждой хижине, и во всех актах жизни обращаются к ним, чтобы призвать их в свидетели; в центре фасада церквей всегда теплится лампада перед пестро нарисованным образом патрона. Малейшая деревушка имеет свой храмовой праздник, во время которого триумфально носят священные статуи, убранные шелком, вышивками и цветами. Церкви, выстроенные в испанском «иезуитском» стиле, с широкими и низкими стенами, фланкированными мощными контрфорсами, и с господствующею над всем этим восьмиугольною колокольною,—тщательно украшены драпировками, хоругвями, гирляндами и цветами. В каждой деревне есть свой хор музыкантов, который сопровождает религиозные процессии, играя на трубах и цимбалах; часто актеры разыгрывают мистерии и представляют комедии, в которых священное причудливо перемешивается со светским, а потешные огни заканчивают день, посвященный прославлению святых. Приходский священник, в особенности, если он родом испанец, является самою значительною местною особою, и к нему-то, именно, «капитан» и обращается во всех важных случаях. Когда он вздумает отдохнуть, то церковный звон возвещает о полуденном сне: «час—тот, какой пожелает его величество»[1]. Это приходский священник, более чем солдаты и пушки, обеспечивает Испании полное подчинение малайских туземцев. Но дороги, образование, всё более и более проникающие, несмотря на цензуру, газеты и книга, учащающиеся сношения с за-границею подготовляют новый порядок вещей, при котором индийцы, ещё более приблизясь к европейцу и разделяя его судьбу, выиграют в независимости и в нравственной свободе. Оттого священники на Филиппинских островах вообще мало благоприятствуют тем переменам, которые могли бы уменьшить их опеку над индийцами; им не нравится даже и постепенное распространение испанского языка. А между тем отныне ни один цивилизованный индиец не может исполнять публичных или оплачиваемых должностей, даже и в деревнях, не умея читать и писать по-испански.

Манилла, столица Филиппинских островов, расположена на берегу большой овальной бухты, при устье реки Пазига, вытекающей из большого озера Бай, или «Лагуны» по преимуществу. Собственно город, «Манилла, обнесенная стеною», профилирует свою усаженную бастионами ограду на левом или южном берегу Пазига, в месте, избранном Лопецом-де-Легасти, в 1571 году, для заложения центра испанского могущества. Будучи городом казарм, монастырей и административных построек, «эта» Манилла является лишь оффициально главным городом Филиппинских островов; жизнь же перенеслась в кварталы на правом берегу, соединяющиеся с Маниллою посредством двух мостов: это там, в Бинондо, Тондо, Сампалоке, производится торговля, там толпятся особенно китайцы и туземцы; кроме того, по обоим берегам Пазига простираются предместья, посреди пальмовых рощ. В целом манильская агломерация занимает пространство в 12 квадр. километров. Гигиенические условия Маниллы дурны, и надо удивляться, что годичная смертность не оказывается в ней более значительною. Река—воды которой, взятые выше города, служат для водоснабжения жителей—наполнена сором, который под влиянием прилива или отлива прогуливается между домами; длинные вереницы «quiapo» (*pistia stratiotes*) и других трав плывут по течению и смешиваются с отбросами, выкидываемыми в городе; многочисленные каналы, отведенные из Пазига и разветвляющиеся по «тагальской Венеции» канавами и канавками, в течение половины года остаются лишенными воды, и их тина распространяет зловонный запах; наконец, и укрепления Маниллы, ставшие совершенно бесполезными с точки зрения защиты города, препятствуют свободному течению очищающих воздух бриз.

Будучи часто подвержена землетрясениям, Манилла не имеет зданий грандиозного характера, но в ней есть главные учреждения, предназначенные для народного просвещения, а также обсерватория и школа живописи; небольшой музей и публичная библиотека основа-

1 Lagor, упом. соч.

ны обществом «Друзей Края», а довольно дурно содержимое гульбище носит название «ботанического сада». Важное значение Маниллы обусловливается её табачными фабриками и общею торговлею. Как торговый центр, Манилла расположена удивительно удобно: при устье судоходной реки и внутреннего моря, обеспечивающего ей продукты с целой провинции, и при обширной бухте с побережьем в двести километров, в которой нашлось бы место для соединенных флотов всего мира; канал, который легко прорыть, соединил бы Маниллу, при посредстве пароходов, с теми городами океанийского побережья, которые находятся на противоположной стороне Люсона. Вход на громадный рейд отчасти прикрыт вулканическою массою острова Коррегидор, а во время юго-западного муссона, когда волнение проникает на рейд, суда до 300 тонн могут отстаиваться на якоре в лимане Пазига, под защитою длинного мола, между тем как небольшие военные суда отправляются на стоянку 13 километрами южнее Маниллы, в Кавитскую бухточку, которую от волны защищает длинная песчаная коса, называемая *cavit*, т.е. «удильный крючек», откуда и самое наименование города Кавите[1]. Вскоре новый, опирающийся на южной мол Пазига, порт перед «застенною Маниллою» получит возможность принимать в свои бассейны и самые большие суда. С точки зрения общей торговли, Манилла также занимает весьма выгодное положение, так как она командует всеми мореходными линиями между Зондским проливом и лиманом Янтце-Кианга. С некоторым преувеличением, Лаперуз говаривал о Манилле, что она занимает самое лучшее торговое положение в целом мире. Известно, что до 1811 года она была промежуточным торговым пунктом между Испанией и её американскими колониями.

Паровые омнибусы соединяют Маниллу с местечком Малабон, расположенным, наподобие самой столицы, на побережье бухты и при устье реки; в Малабоне находится самая большая из существующих на Филиппинских островах сигарная фабрика, порою доставляющая работу десяти тысячам человек. С точки зрения промышленности Малабон представляет непосредственное дополнение Маниллы, наравне с городом Булаканом, расположенным несколько севернее, на берегу реки Пампанга, изливающейся в бухту; между Булаканом и столицей существует ежедневно пароходное сообщение. Крепость Кавите, на юге, также находится в сфере притяжения Маниллы, как аван-порт, арсенал, верфь и фабричный город: из всех филиппинских городов Кавите более всего напоминает Испанию постройкою своих зданий, а по соседству, в местечке Индан, собирается самый лучший из добываемого на Филиппинских островах кофе. Два *pueblos*, Пазиг и Патерос, расположенные на лагуне Бай, при выходе из каналов, образующих реку Пазиг, равным образом должны быть рассматриваемы, как внешние рынка Маниллы: более, чем на протяжении пяти километров по берегу реки только и видны, что садки для уток, разводимых для продовольствия горожан; кормят этих уток раковинами, которые лодочники тысячами собирают на рейде; вывод же птенцов из яиц совершается искусственно в одном из только-что упомянутых местечек, получившем столь удачное название Pateros, т.е. «утководы». Лагуне Бай дано наименование от деревни, расположенной на южном берегу этого внутреннего моря, около вулканической области, имеющей теплые источники; главный город провинции, Санта-Круц, выстроен на северо-западном берегу озера. Другой главный город провинции, Морон, одной из северных бухт, есть один из прибрежных портов «Лагуны». На южном берегу её бьют и теплые источники Баньос, посещаемые жителями Маниллы. Промышленный город Люкбан, в котором в особенности выделываются шляпы, расположен на южном склоне бассейна Лагуны, около вулкана Сан-Кристобаль. Это одно из самых живописных местоположений на Люсоне, с фонтанами, гротами и водопадами.

Мощная река Пампанга, северный приток Манильской бухты, имеет в пределах своего бассейна несколько многолюдных городов. Гапан, около которого находятся золотоносные россыпи и каменный уголь, представляет значительный город провинции Nueva-Ecija, более важный, чем её главный город, Сан-Исидро: это одна из тех филиппинских областей, которые более всего потерпели от землетрясений в 1880 году: обширные пространства на берегу

1 Martinez de Zuniga, „Philippine Islands“

реки и её речек изборождены трещинами, превратившими всю местность в правильного вида глыбы. Южнее находится другой главный город провинции, Баколор, который временно и был избран филиппинскими испанцами столицей своих владений, когда англичане овладели, в 1762 году, Маниллою. Пароходы, совершающие правильные рейсы и снующие между Маниллою и нижнею Пампангою, останавливаются у пристани Гуагуа (Guagua), ниже Баколора. Другой город, на востоке, Калумпит (Calumpit), есть центр торговли земледельческими продуктами, лежащий в самой плодоносной местности архипелага, при слиянии рек Пампанга и Квингоа.

Насупротив Маниллы, на западном берегу бухты, находится небольшой приморский город, Баланга, производящий некоторую торговлю; затем, обогнув полуостров, образующий Манилльскую бухту, встречаем небольшой, хорошо защищенный порт Маривель (Mariveles), над которым господствует вулкан того же имени. Далее следует защищенный южными выступами сьерры Замбаль порт Субиг, о котором говорят, как о самом надежном порте на Филиппинских островах, но который окружен с трех сторон трудно доступными горами. Ещё севернее, Иба, главный гоород провинции, есть просто местечко, расположенное на берегу опасной бухты. Но на другой стороне Замбальских гор, на берегах большой Лингайенской бухты, есть несколько превосходных портов; таков, между прочими, Суаль (Sual), защищенный с северо-востока скалистым мысом; недавно открытый для международной торговли, он, однако, посещается пока только каботажными судами: горы в окрестностях, а также и отсутствие дорог препятствуют торговле направляться к этой части поморья. Многолюный город Лингайен расположен между Суалем и гаванью Дагупан, на одном из рукавов дельты Аньо-Гранде (Agno-Grande), реки, бассейн которой обнимает три провинции: Бенгуэт, Тарлак и Пангазинан. В глубине этого бассейна важнейший город—Сан-Мигуэль-де-Камилинг, лежащий в месте разграничения населений, говорящих на различных языках, именно племен: пампанго, илокано и пангазинан.

На севере, значительные местечки, Санто-Томас, Арингай, Сан-Фернандо, расположены на морском берегу; затем следует город Виган, построенный, подобно Лингайену, при устье реки, в дельте Абры (Abra). Лаоаг, расположенный ещё севернее, около северо-западного угла Люсона, считается вторым городом на Филиппинских островах по численности своих жителей, хотя у него вовсе нет порта, а также и других каких-либо сокровищ, кроме земледельческих продуктов, добываемых на его равнине, населенной племенем илокано. Но далее побережье Люсона почти пустынно: скученное народонаселение и культурные центры находятся на западной стороне, обращенной к Азии. Тугуагарао является единственным большим прибрежным городом на Кагайяне, самой многоводной реке Филиппинских островов; вниз от этого города, по течению той же реки, находится город Лалло (прежде Nueva-Segovia), получивший довольно важное значение в последние десятилетия, как склад лучшего табака в архипелаге; портом этому городу служит Апарри, находящийся на восточном берегу Кагайянского лимана. Далее, надо проплыть вдоль северного и восточного поморья Люсона пространство слишком в 700 километров, прежде чем встретишь прибрежный порт, именно Бинангонан, лежащий почти на противуположном, относительно Маниллы, берегу, насупротив острова Полилло. Бабуйянские и Батанские острова, рассеянные к северу от Люсона, в направлении к Формозе, почти все необитаемы. Однако, они хорошо помещены на краю океанского прохода, посещаемого моряками, плавающими между Гонконгом и Сиднеем: этот морской путь, проходящий вне архипелагов, хотя длиннее, но надежнее, чем путь через Торресов пролив и извилистые Инсулиндские проходы.

К югу от Маниллы, местечко Маригондон, первое, мимо которого проходят суда после входа в бухту, населено тагалами и потомками переселенцев с Тернате, прибывшими в средине XVII-го века: оно окружено самыми богатыми полями, также как города Барайян и Тааль, расположенные на берегу залива, окаймленного вновь образовавшимися землями, состоящими из вулканического пепла. Бухта, которая открывается восточнее предыдущей, омывает ещё лучше обработанные берега, где посреди великолепных садов группируются

дома Батангаса, одного из самых населенных городов архипелага, который обязан, кроме того, первостепенным значением своему положению вблизи входа в Сан-Бернардинский пролив, большой торговый путь Филиппин между Люсоном, Визайским архипелагом и Минданао. Почти насупротив Батангаса, на северном берегу острова Миндоро, возвышаются амфитеатром дома Калапана, города, вокруг которого сгруппировано почти всё народонаселение этого острова.

Узкий перешеек, присоединяющий к массе Люсона группу Камаринских полуостровов, не мог не сделаться местом часто посещаемых рынков по соседству с обоими морями. На нём, на юге, находится красивый город Тайябас; на севере же, на хорошо защищенном островком Алабат рейде, расположено местечко Мобан. Другие торговые места следуют друг за другом по берегам Камаринских заливов; но народонаселение скучивается в особенности в долине реки Виколь, которая протекает по срединной области полуострова и сообщила свое наименование малайцам, обитающим на её берегах. Выше озера Бату, река, носящая имя Кинали, орошает поля больших деревень: Камалинг, Гуинобатан, Лигао, Оас, Полангуи и Либонг, из которых в каждой проживает более двенадцати тысяч жителей, и которые отстоят одна от другой на расстоянии самое большее двух или трех километров[1]. Ниже озера Бату, Виколь, становясь судоходною, омывает берега многих других деревень, проходит неподалеку от Набуа, затем—мимо Нага или Nueva-Caceres, главного города провинции Южной Камарины, и изливается в Сан-Мигуэльскую бухту, перед крепостью Кабузао, вследствие чего при своем устье Виколь иногда называется по имени этого сторожевого города. В небольшом расстоянии, около одной приморской бухты, находится Даэт (Daet), главный город провинции Северные Камарины.

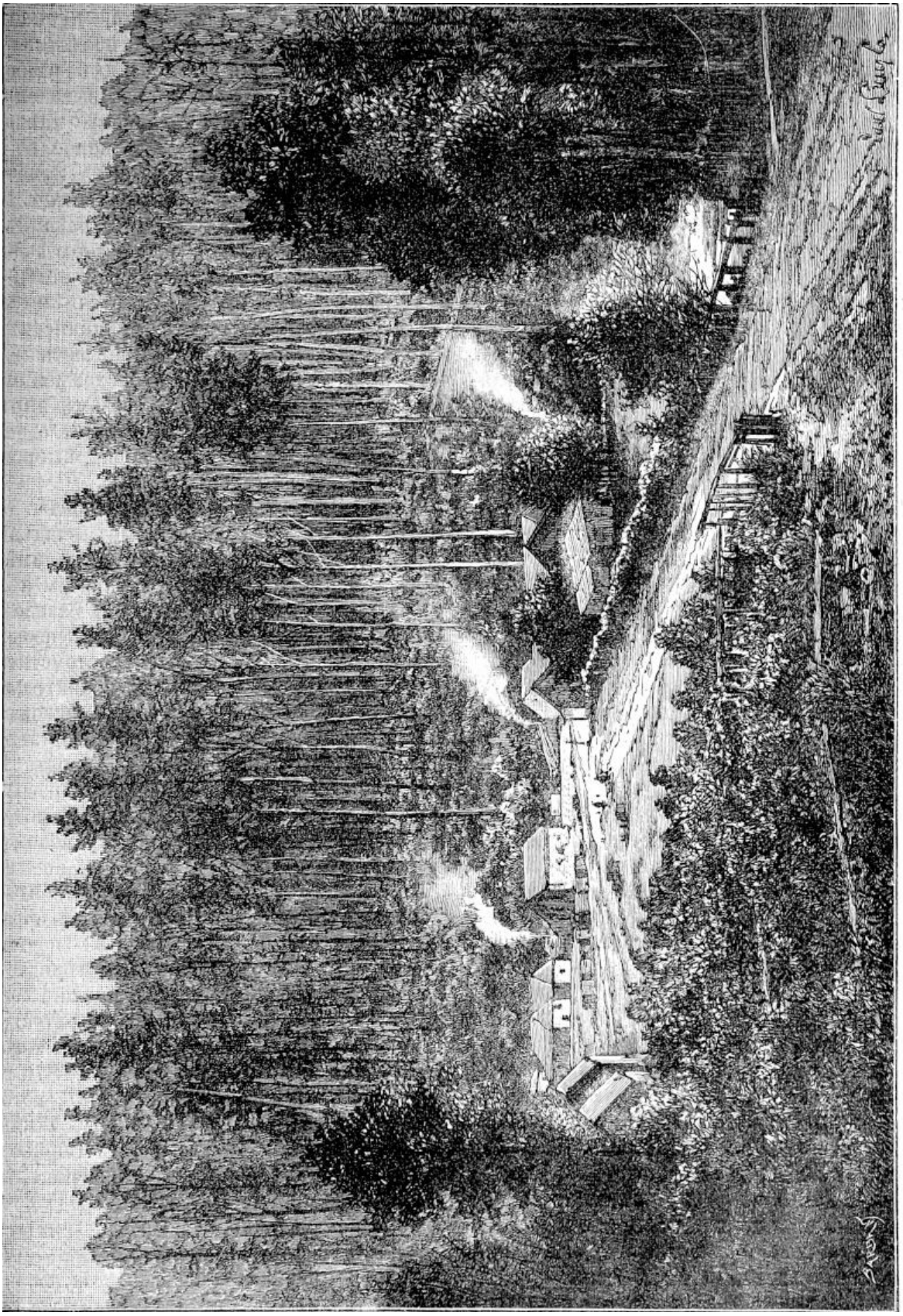
Альбай, тоже резиденция алькада-майора, занимает очаровательное местоположение у подножия величественного вулкана Майона, Подобно своей соседке, Дарага (Daraga), Альбай окружен пальмовыми рощами и плодовыми садами, которые опоясывают зеленою полосою бесплодную массу всегда дымящейся горы. Дарага, оффициально носящая наименование Cagsaua, заменила прежний город этого имени, стоявший выше, на первых склонах вулкана, и разрушенный землетрясением в 1814 году. Портом для городов Альбай и Дарага служит городок Легаспи, к сожалению, выставленный всей ярости северо-восточного муссона; зимою, из него невозможно вывозить «манилльскую пеньку», которая составляет самую важную статью его торговли, и экспорт в это время года производится через порт Сорсогон, расположенный по другую сторону перешейка, в одной из бухт западного берега: таким образом, из сезона в сезон оба эти порта дополняют друг друга. Кроме того, у провинции Альбай есть ещё несколько гаваней с меньшим торговым оборотом; таковы: Тиби и Табако, к северу от Альбая, и Булузан, к югу, дома которого виднеются из-под кокосовых деревьев у восточной подошвы его вулкана.

Остров Самар—продолжающий на юго-восток Камаринский полуостров—не имеет больших городов; наиболее значительный из них, Гуинан, около южной оконечности острова, окружен обширными кокосовыми лесами, из орехов которых добывается масло; местечко Боронган, на стороне острова, обращенной к Великому океану, обладает одно 120.000 пальмовых деревьев, находящихся в полной силе плодоносности[2]. Катбалоган, столица о. Самар, построенная на западном поморье, почти не торгует, так как кораблям не безопасно пускаться в узкие каналы рейда, среди подводных рифов и островков. Главный порт острова Лейте, и в то же время его главный город. Таклобан, имеет в этих областях моря самый большой торговый оборот: он торгует непосредственно с Маниллою. Насупротив Таклобана, другой порт, Базой, принадлежащий к острову Самар, находится на берегах живописного пролива Сан-Жуанито, неподалеку от южного входа в эту морскую реку. Извилистый водный путь, длиною в сорок километров, то суживающийся в ущелье, то расширяющийся в озеро, в некоторых местах имеет всего лишь несколько сотен метров между берегами. С той и с другой

1 Jagor, упом. соч.

2 Jagor, упом. соч.

стороны девственный лес доходит до самого берега, будучи прерываем лишь деревнями, группами кокосовых деревьев и обработанными полянами; коралловые островки, на несколько метров выдающиеся над водою, отражают свою белую массу в потоке, гонимом при-



Викторійскій пейзажъ.

ливом или отливом; там и сям виднеются живописные скалы с пещерами, в которых некогда островитяне хоронили своих покойников. Лодочники приближаются к этим скалам с трепетом и не иначе продолжают свой путь, как принеся жертвы теням усопших предков. В

окрестностях Вазейя произрастает в самом большом изобилии ядовитое растение, называемое «бобом св. Игнатия» (*strychnos ignatia amara*). Одно из деревьев рода *dicterocarpus* доставляет смолистое масло, *balao* или *malapajo*, весьма ценимое строителями, как предохраняющее железо от ржавчины.

Небольшой остров, почти островок, Ромблон, мог бы иметь притязание на роль Делоса Филиппинских Циклад, так как приблизительно он находится в географическом центре островов, в довольно обширном море, окруженном целым кругом земель. Но, по численности жителей и значительности торговли, истинною срединою Филиппинских островов является остров Панай, самый населенный в архипелаге, сравнительно с своим пространством. Города там многочисленны: Капиз (Capiz) расположен на северном берегу, у устья реки, носящей имя острова и орошающей поля древнего местечка, также называемого Панайем; на западном берегу, новая столица провинции, Сан-Хозе-де-Буенависта, и один старинный главный город, Антик, смотрятся сверху в воды бухты и служат портами городу Сибалону, виднеющемуся на первых покатостях. На северо-востоке острова, главным городом является Консепсион (Concepcion), а на юго-востоке открывается между Панайем и другим островом, Гуимарасом (Guimaras), хорошо защищенный пролив Ило-Ило, переполненный кораблями, каботажными судами и длинными лодками, при чём последния стоят на якоре вне бара. После Маниллы, Ило-Ило—наиболее посещаемый филиппинский порт: открытый для внешней торговли, он тотчас же принял значительное участие в вывозе сахара и других колониальных продуктов, тканей из абаки, плодов, овощей, и во ввозе европейских и китайских товаров. В среднем торговые обороты в Ило-Ило достигают 16 милл. франков. В 1887 году, в его порт вошло и вышло 174 судна, вместимостью в 164.445 тонн. В небольшом расстоянии к северу от Ило-Ило находится епископское местечко Жаро.

Столица острова Негроса расположена на том берегу этого острова, который более всего приближен к Ило-Ило. Хотя этот последний и является центральным рынком всего Визайского архипелага, тем не менее, вероятно, за древность основания, титул главного города дан городу острова Себу, носящему одинаковое с ним имя. Первые здания его были построены в 1571 году завоевателем Легаспи, который и окрестил их словом «Santo Nombre de Iesus». В этой части острова, уже за пятьдесят лет перед тем высадился Магеллан, и именно насупротив, на острове Мактане, он нашел смерть. Подобно Ило-Ило, Себу был открыт мировой торговле в 1863 году, когда поняли, наконец, что морские разбойники с островов Жоло и Минданао, производившие опустошения в южных приморских областях около Филиппинских островов, могли бы превратиться в мирных мореходов, если бы им облегчили добывание средств к жизни перевозкой товаров; однако, и здесь главными посредниками в торговых операциях являются китайцы. Из Себу вывозят: рис с Панайя; абаку с Лейте; воск, ротанг и перламутр с Минданао; сахар и табак, присылаемые ему Тагбилараном и Марибожоком, главным и важнейшим городом острова Бохол; в соседстве с Себу находятся залежи каменного угля, хорошего качества, который при топке обыкновенно смешивают с английским углем. В 1887 году, из Себу вышло и в него прибыло 49 судов, вместимостью в 45.915 тонн. Однако все вышеупомянутые преимущества не доставили городу Себу первого места между другими городами на острове.

Большой остров Минданао, обитаемый почти на всём своем протяжении ещё независимыми племенами, имеет испанские поселения только на некоторых пунктах своей окружности, да и то удаленные друг от друга. Мизамис (Misamis), на природном порте северного берега, над которым господствует внушительная масса вулкана Малинданга, и в соседстве с золотоносными россыпями, ещё неразрабатываемыми,—принадлежит к числу тех pueblos, которым, повидимому, предстоит хорошая будущность; Бутуан имеет то преимущество, что находится на лимане большой реки Агузан; Суригао, находящийся на крайнем северном пункте острова, командует над главным проливом, открывающимся на восток, по направлению к Великому океану; Бислиг, около средины восточного берега, обладает превосходным портом на поморье, о которое разбиваются страшные волны в течение половины года: это

единственная якорная стоянка на этом берегу к югу от Суригао. В большой, открывающейся на юго-востоке Минданао, бухте Давао или Таглок, pueblo Вергара—называемая также, по имени залива и провинции, Давао—основалась недавно, при чём первыми жителями были военные и каторжники. Более к западу, в той плодородной равнине, через которую протекает рио Гранде и на которой прежде находился Буажанг, центр могущественной державы Мажинданао, местечки Коттабато и Поллок представляют группы ranchos; неподалеку от них миссионеры основали свой центр для пропаганды в языческой области Минданао. Наконец, главный пост, Замбоанга, расположенный на самой оконечности юго-западного мыса острова,—настоящий город, к тому же и давно основанный, именно—в 1635 году; здесь-то испанцы и поместили свой пост для нападения на морских разбойников, так как Замбоанга оказывался центром морской области, наиболее наводненной ими. Будучи одним из наиболее деятельных каботажных портов, Замбоанга вывозит самый лучший в архипелаге кофе; хотя выстроенный на низменной равнине, перерезанной болотами с солоноватою водою, у подножия лесистых гор, город этот—замечательно здоровый: он даже считается самым здоровым из всех филиппинских городов[1]. Его жители, почти все метисы, гордятся своим испанским происхождением и говорят на чистом кастильском наречии. В прошлом столетии, Замбоанга однажды исчезала под дождем из пепла, выброшенного соседним кратером.

Так как «Разбойничьи острова» была присоединены к колониальным владениям Испании, то на каждом из них имеется пост, с которого солдаты и матросы и надзирают за соседними морями. На Базилане—на который французы в 1845 г. посылали военную экспедицию с целью отомстить за убийство матросов—испанское правительство, опасаясь, чтобы французский гарнизон не остался там навсегда, решило подтвердить свои права владения, основав город Изабеллу, который, благодаря своему превосходному, расположенному насупротив Замбоанга, порту, повидимому, должен со временем получить довольно важное значение; но, пока он находится в крайне неблагоприятных санитарных условиях: каторжники, сотнями посылавшиеся туда для расчистки почвы в окрестностях нарождающагося города, все умирали на урочной работе. Древний город Жоло или Сулу, выстроенный амфитеатром около западной оконечности острова того же имени, также стал испанским с 1876 года, и потомок знаменитых султанов, которые владычествовали над всем Разбойничьим архипелагом и над северным Борнео, уже не что иное, как смиренный пенсионер филиппинского правительства. В городе исчезла всякая промышленность, и прославленные Жолосскис «криссы» заменены оружием английского или немецкого производства; равным образом, погибло земледелие, и возделанные поля снова впали в состояние целины. Над западными морями надзирают два других поста, гарнизон которых состоит из дисциплинированных солдат: это—Тай-Тай, расположенный на северной оконечности о. Парагуа, или Палауана, на берегу хорошо защищенной бухты, и Пуэрто-Принсесса, на великолепной природной гавани на восточном берегу. В непосредственном соседстве с крепостью, в лесах обитают языческие племена тагбанухой (Tagbanuhoy), малайского происхождения. По горам же внутри острова бродят батаки, относительно которых полагают, что это негритосы.

Остров Балабак, находящийся насупротив борнейского архипелага Банглай, имеет столицею простую деревню, в которой недавно поселяли осужденных туземцев. Что же касается островков, которые усеивают на западе воды Китайского моря, то они необитаемы.

Главные города на Филиппинских островах, имевшие, вместе с своими пригородами, более 10.000 человек, в 1880 году:

Люсон. Манилла с предместиями—250.000 (собственно город, 1887 г.—154.000) ж., Лаоаг (Илоко Сев., в 1887 г.)—31.000 ж., Батангас (Батангас, 1887 г.)—36.000 жит., Тайабас (Тайабас)—23.000 жит., Лингайен (Пангазинан)—23.000 жит., Тугуэрао (Ка-гайян)—21.000 жит, Дарага (Альбай)—20.000 жит., Виган (Илоко Южн.)—18.000, Гапан (Nueva Ecija)—18.000 жит., Альбай (Альбай)-13.000 жит., Лукбан—13.000 жит., Калумпит (Пампанга)—12.000 жит., Баколор—12.000 жит., Булакан (Булакан, Люсон)—11.500 жит.

1 Montano, упом. соч.

О-ва Визайские. Ило-Ило (Ило-Ило, Панай)—24.000 жит., Капиз (Капиз, Панай)—23.000 жит., Сибалон (Антик, Панай)—15.000 жит., Тагбиларан (Бохол)—12.000 жит., Себу (Себу)—10.000 жит.

Филиппинские острова управляются, из Мадрида, короною и кортесами: смотря по колебаниям испанской политики, декреты и регламенты, касающиеся колониальных владений Крайнего-Востока, видоизменяют административный строй, не особенно, однако, изменяя его сущность: малочисленность испанцев, как-бы затерянных среди чуждого мира, позволяет им изменять правительственные предания не иначе, как с соблюдением больших предосторожностей.

Высший начальник колонии, имеющий титул генерал-губернатора, командует сухопутными и морскими силами и непосредственно управляет островом Люсоном; группы же островов Визайя и Минданао находятся под властью подчиненных генералов. Правительственный совет, состоящий из назначенных властью именитых лиц, заседает под председательством генерал-губернатора и помогает ему в отправлении его функций; кроме того, несколько высших сановников, секретарь правительства, начальник главного штаба, директор финансов и директор гражданского управления, составляют нечто вроде министерства, если и ответственного, то только перед короною. Генерал-губернатор считается также «вице-патроном» Церкви.

Три губернии; Люсон, Визайя и Минданао, в административном отношении, подразделяются на провинции, управляемые либо военными губернаторами, либо гражданскими алькадами, которые в то же время и судьи первой инстанции, как по гражданским, так и по уголовным делам. В большей части провинций Люсона преобладает гражданский строй; но строго военное управление существует как на острове Манданао, так и в Визайском архипелаге, где, однако, народонаселение, относительно цивилизованное, гораздо многочисленнее, чем в других провинциях, и почти столько же скученное, как и в промышленных странах западной Европы. Каждая провинция делится на *pueblos*, каковым термином обозначается в одно и то же время кантональный округ и его главный административный центр: поэтому, некоторые из этих «деревень» имеют значительное население, в 10, 15 или даже в 20 тысяч жителей: таковы пуэблосы в окрестностях Маниллы, в южной части Люсона, Паная и других Визайских островов, и каждый из этих округов управляется *gobernadorcillo*, т.е. «губернаториком», который облекает своею властью *tenientes*, т.е. «наместников», находящихся во главе каждой деревни или поселка. Тогда как высшие чиновники—исключительно испанцы, присылаемые из метрополии, административная иерархия в пуэблосах состоит из метисов или туземцев, избранных на три года своими именитыми согражданами. Губернаторики, также называемые капитанами, одновременно и мэры, и судьи, но их приговоры можно обжаловать пред алькадами и пред высшим судом *audientia* в Манилле. Отставные губернаторики, называемые также *capitanes pasados*, тоже пользуются большим влиянием. Именитые люди пуэблосов все вместе ответствуют за исправную уплату податей, которых в среднем приходится около $7^1/_2$ франков на каждого жителя в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет.

Сбор податей—такова в действительности главная задача администраторов, и главная подать ещё сохранила наименование *tributo*, как и в то время, когда туземцы Филиппинских островов ещё считались порабощенными язычниками. Эта поголовная подать—равнявшаяся некогда одному пиастру или пяти франкам в год, а ныне превышающая десять франков—обыкновенно выплачивается с семейства и доставляет данные для суммарной статистики населения; во время своего кратковременного властвования, в прошлом столетии, англичане, желая приобрести расположение туземцев, отменили эту подать. Помимо её, жители обязаны пред правительством сорока-дневным трудом для возведения общинных зданий, или для работ на путях сообщения; но эта принудительная работа, которая в стране большой деятельности была бы по истине громадна, сводится к немногому у неповоротливых филиппинов, так как каждый туземец может откупиться от этих *polos y servitios*, уплатив сумму, ко-

торая никогда не превышает пятнадцати франков. Китайцы платят наивысшую подать, именно 30 франков, уменьшаемую до половины для их метисов; но европейцы и их семейства избавлены от всякой подушной подати, этого символа порабощения. Сборы с промыслов и недвижимостей, таможенные и судовые пошлины, почта и телеграф, наконец, лотерея, аренда, спиртные напитки, клеймение домашнего скота и боевых петухов—покрывают бюджет Филиппинских островов. Бюджет 1896-97 г.: приход—43.625.000, расход—43.250.000 франков. Возделывание опия воспрещено, но ввоз отдав на откуп китайским купцам.

Государственною религиею, которую даже ещё в текущем столетии защищала суровая инквизиция,—является католичество, и публичное отправление всякого иного культа воспрещено: часть упомянутого tributo, называемая *Sanctorum*, идет на содержание духовенства; но кроме того, духовенство имеет право и на непосредственные поборы, называемые *pie de altar*, так как верующие должны уплачивать их у «подножия алтаря». Белое испанское духовенство, состоя из небольшого числа лиц, пребывает, главным образом, в Манилле, архиепископском городе, а также и в трех епископиях: Nueva-Caceres, Jaro и Cebu. Что же касается *pueblos*'ов, то в них исполняют духовные обязанности либо священники-туземцы, либо испанцы из монашеских орденов: августинского, самого богатого и могущественного из всех, доминиканского, реколектского, францисканского и иезуитского; все эти ордена основались на острове со времени его занятия; и по их уставу, эти миссионеры должны оставаться на Филиппинских островах по крайней мере десять лет, в действительности же почти все они не имеют никакой надежды на возврат в отечество. К тому же их и немного: в общем, численность духовенства Филиппинских островов не достигает даже и 1.200 человек[1]. Туземное духовенство получает образование в епархиальных семинариях.

Народное образование, обязательное в цивилизованных областях архипелага, находится под надзором священников, которые основали во всех pueblos'ах начальные школы, либо общие для обоих полов, либо отдельные для мальчиков и девочек: все дети учатся по-испански читать и писать или по крайней мере списывать. Хотя этот язык обыкновенно и забывается после выхода из школы, но, тем не менее, он мало-по-малу становятся языком цивилизованного люда, и если только не произойдут политические перемены, кончится тем, что он низведет туземные говоры на положение наречий местных. Несколько нормальных школ, в Манилле и в провинциях, приготовляю учителей из индийцев. Так называемое среднее образование доставляется двумя коллегиумами, из которых одним управляют доминиканцы, а другим—иезуиты. Что касается до Santo-Tomas'кого «папскаго» университета, основанного в 1645 году и во всё время своего существования, в течение двух с половиною столетий, находившагося в руках профессоров из духовенства, то он, по преимуществу, представляет богословский факультет; однако, в нём читаются также лекции по наукам и медицине, и он выдает дипломы на звание лекаря, фармацевта и акушерки. Цензура запрещает ввоз большей части научных и литературных изданий: ещё в 1882 году, сочинения Бернарден де-Сен-Пьерра *Paul et Virginie* и *La Chaumiere indienne*—были специально запрещены. Восемь или десять испанских газет и газета тагальская подлежат также духовной цензуре. В 1882 году, число жителей, выписывавших газеты, не превышало 3.500[2].

Филиппинская армия в 1897-98 г. состояла из 672 офицеров и 19.560 нижних чинов. Соответственно пространству и населенности, на Филиппинских островах военная сила не превышает армии Нидерландского Инсулинда, и их гарнизоны значительно слабее французских гарнизонов в Тонкине; с военной точки зрения испанский архипелаг нельзя было бы и сравнивать с Японской империей, ближайшею к нему соседнею державою на севере; вследствие этого, в случае войны, европейская держава должна была бы попасть в опасное положение. Набор в туземные войска совершается при помощи жеребьевой системы, а служба длится восемь лет; замещение дозволено, и в мирное время «цена» человека не велика, от

1 Patricio de la Escosura „Memoria sobre Filippinas y Jolo"

2 Fr. Jav. Moya y Jimenez, „Las islas Filipinas en 1882".

200 до 250 франков в самых богатых провинциях. Тысячи *cuadrilleros*'ов иногда призываются для несения местной службы.

Флот в 1897-98 г. состоял из 5 крейсеров, 2 канонерок 1 класса, 15 канонерок 2 класса, 5 шлюпок-кононерок, 3 транспортов; главное место его стоянки находится, в виду Маниллы, перед арсеналом в Кавите, где пребывают главные военные начальники и где содержится и главный гарнизон. Кроме Маниллы и Кавите, самыми важными местами для сбора судов и для занятий служат: Лингайнен, на северном берегу Люсона, Замбоанга и Поллок на Минданао, Изабелла, Жоло, Пуэрто-Принсесса, на южных островах. Для заграничной торговли открыты только семь из Филиппинских портов, именно, три на Люсоне: в Манилле, Легаспи и Сюале, и четыре на южных островах: в Таклобане, Ило-Ило, Себу и Жоло.

В нижеследующей таблице находится перечень 54 филиппинских провинций, с показанием их административного управления и вероятных величин их поверхности и общей и километрической численности населения.

Губернии	№ по пор.	Провинции	Главные города	Порядок управления	Пространство кв. кил.	Общая населенность	Кил. нас.
Люсон	1	Манилла	Манилла	Граждан.	853	334.367	138
	2	Кавите	Кавите	Военный	1.112	69.794	62
	3	Лагуна	Санта-Круц	Граждан.	2.258	141.900	63
	4	Моронг	Моронг	Военный	1.740	48.673	28
	5	Булакан	Булакан	Граждан.	2.423	264.375	109
	6	Помпанга	Баколор		2.176	207.205	95
	7	Батаан	Баланга		1.148	49.273	34
	8	Замбалес	Иба		5.055	80.230	16
	9	Тарлак	Тарлак	Военный	1.627	57.713	35
	10	Пангазинан	Лингауэн	Граждан.	4.366	252.892	58
	11	Ля-Юнион	Сан-Фернандо	Военный	1.074	115.911	108
	12	Бенгуэт	Ла-Тринидад		3.067	9.311	3
	13	Илоко-Южные	Виган		2.285	114.675	5
	14	Илоко-Север.	Лоанг	Граждан.	3.381	148.204	44
	15	Абра	Бангуэт		2.825	37.791	13
	16	Кагайян	Тугиэгарао	Военный	11.965	70.881	6
	17	Батаны (о-ва)	Сан-Доминго	Граждан.	330	500	1,5
	18	Изабелла	Туманани	Военный	11.178	39.391	3,5
	19	Бонток	Бонток		3.816	7.757	0,5
	20	Лепанто	Лепанто		1.035	18.006	4
	21	Принципе	Балер		3.243	3.268	1
	22	Нуэва-Визайя	Байомбонг		7.543	26.357	4
	23	Нуэва Эсиха	Сан-Исидро	Граждан.	7.929	92.970	12
	24	Инфанта	Бинангонан	Военный	2.175	8.483	4
	25	Батангас	Батангас	Граждан.	3.535	308.110	87
	26	Тайябас	Тайябас		5.275	103.310	20
	27	Камарины Сев.	Даэт		2.874	29.009	10
	28	Камарины Южн.	Нуэва-Кацер		5.660	88.712	16
	29	Албай	Албай		4.592	245.972	54
	30	Миндоро (о-ва)	Калапан	Военный	11.073	37.648	3
	31	Буриас (о-ва)	Сан-Пасквaль		495	44.000	8
	32	Масбат (о-ва)	Масбат		3.452		
	33	Ромблон (о-ва)	Ромблон		1.338		
Визайя	1	Себу (о-в)	Себу	Военный	4.697	518.032	110
	2	Лейте (о-в)	Таклабан		7.923	278.452	35
	3	Самар (о-в)	Катбалоган		13.385	183.000	14
	4	Ило-Ило	Ило-Ило		5.165	500.000	97
	5	Консепсион	Кансепсион		581	27.000	48
	6	Антик	Сан-Хозе		2.974	106.000	35
	7	Капиз	Капиз		3.860	197.000	51
	8	Негрос	Боколод		12.098	226.000	19
	9	Болох (о-в)	Такбиларан		4.124	277.387	67

Губернии	№ по пор.	Провинции	Главные города	Порядок управления	Пространство кв. кил.	Общая населенность	Кил. нас.
Минданао	1	Мизамис	Мизамис	Военный	30.455	650.000	6,5
	2	Суригао	Суригао		37.223		
	3	Давао	Бизлиг				
	4	Бизлиг	Вергара				
	5	Поллок	Поллок				
		Коттабато	Коттабато		23.435		
	6	Замбоанга	Замбоанга		6.855		
	7	Базилан (о-в)	Изабелла		1.283	600	0,5
	8	Жоло (о-в)	Жоло		2.456	100.000	41
Прилегающие провинции	1	Каламианы	Тай-Тай	Военный	14.481	19.500	2
	2	Пуэрто Принс	Принсесса			12.000	
	3	Балабак	Балабак			800	

Острова Марианские, Каролинские и Палаосские, будучи все «малыми островами»—откуда и общее наименование их «Микронезией»,—оффициально причисляются в административном отношении к Филиппинским островам, хотя большую часть этих островов, известных лишь морякам и торговцам, до сих пор ещё не посетила ни одна оффициальная особа.

*После испанско-американской войны 1898 г., во время которой северо-американское войско овладело Маниллой, Соединенные Штаты присвоили себе Филиппинские острова, уплатив Испании сто миллионов, но встретили энергичное сопротивление со стороны туземного населения, которое желает остаться независимым, и война всё ещё продолжается между филиппинцами и северо-американцами.

Острова Каролинские, Марианские и Палаос уступлены Испанией Германии за 17 миллионов марок*.

Глава V. Микронезия

I. Марианские острова

Будучи политически соединены с Филиппинскими островами уже более чем в течение двух столетий, Марианские острова равным образом связаны с ними и историей мореплаваний. Эти острова были первым архипелагом, встреченным в 1521 году Магелланом во время его путешествия: от них-то он и отплыл, дойдя через десять дней до Филиппинского острова Себу и островка Мактана, на котором и нашел свою смерть. Позже, когда испанцы завладели Филиппинскими островами и установили правильное плавание своих галлионов в оба конца чрез Тихий океан, остров Гуам стал, в группе Марианских островов, обязательным местом остановки для мореходов между Маниллою и Акапулько; наконец, когда первобытное население Марианских островов почти совершенно исчезло, переселенцы с островов Филиппинских и заполнили эти опустевшие местности, внеся из своих краев новые растения, нравы и языки. Что касается наименования этих островов, то, по открытии их, Магеллан назвал их «Разбойничьим» (Ladrones); однако, это название не удержалось, и подобно Филиппинским островам, они обязаны своим ныне общеупотребительным именем лести, так как Марианскими их назвали в честь испанской королевы, Марии-Анны Австрийской, супруги Филиппа IV. После имени Магеллана, Марианские острова напоминают имена также и тех мореплавателей, которые впоследствии трудились над их исследованием: Ансона, Байрона, Валлиса, де-Фрейсине.

Пространство в две тысячи километров отделяет наидалее выдвинувшуюся к востоку Филиппинскую землю от первого юго-зпадного острова Марианского архипелага, и это пространство почти на всём своем протяжении не имеет ни островков, ни подводных камней; глубины же океана превосходят в этих областях 2.500 и 3.000 метров; только на севере этого промежуточнаго моря, по близости к южным японским архипелагам, виднеются несколько островков, и между ними Parece Vela (т.е. «Похожий на парус»), да по направлению к югу другие земли указывают на близость Палаоскаго архипелага. Совершенно свободная океанская площадь, приблизительно в двести тысяч квадратных километров, ограничивает с запада цепь Марианских островов. В геологическом отношении эти острова не имеют никакой связи с Филиппинским архипелагом; они принадлежат к земному выступу совершенно иного происхождения. Расположение архипелага прежде всего обнаруживает совершенную аналогию между Марианскими островами и вулканическими цепями островов Курильских и Алеутских. В целом, они действительно описывают дугу удивительно правильного круга, как будто бы проведенного громадным циркулем из точки на северном берегу Люсона. Марианские острова также представляют ряд вулканов, из которых некоторые выступают из-под воды и вздымают свои вершины на несколько сотен метров над поверхностью моря, между тем как другие, не достигнув самостоятельно поверхности, покрылись коралловыми известняками, переступившими за уровень волн. Вся длина Марианской дуги, с севера на юг, имеет около тысячи километров, а все семнадцать островов, с их островками и подводными скалами, в общем имеют поверхность, исчисляемую Агиусом в 1.026, а Бэмом и Вагнером—в 1.140 квадратных километров. Банка Санта-Роза, продолжающая к югу самый большой остров, Гуам или Гуахан, занимающий около половины островного пространства, находится непосредственно на севере самой глубокой пучины в этих водных областях, достигающей 4.575 метров.

Разсматриваемая как цепь гор, на половину находящихся под водою, группа Марианских островов начинается несколькими базальтовыми и туфовыми вершинами, возвышающимися на 400—500 метров на острове Гуам и господствующими над травянистыми или лесистыми плоскогориями, песчаными или глинистыми равнинами, окаймленными по окружности отвесными крутизнами. На севере, горная цепь, прерываемая сначала проливом в 50 километров, снова поднимается и образует гору Темпинган и островной цоколь Рота или Сарпан, также с крутыми берега и опоясанный мадрепоровыми рифами. Затем следуют острова: Агуйжан, живописный Тиниан, с слегка волнистыми холмами, и Сайпан, на северной оконечности которого находятся два угасших вулкана. Далее идут острова меньших размеров, но вулканическая деятельность в них ещё не уснула. Из трех вершин острова Анатагана, одна ещё дымятся и теперь; Аламаган, пик которого, вероятно, самый высокий во всём архипелаге, достигает 706 метр. в наиболее возвышенном пункте ограды, которая окружает его кратер клубящимися парами; Паган, состоящий из двух гористых островов, соединенных своим основанием, обладает целыми тремя вулканами, из которых один—в покое; жерла Агригана угасли, между тем как уединенный конус Асунсиона (высотою в 639 метров), возвышая свои бесплодные откосы над глубокими водами, расщеплен несколькими ещё дымящимися расселинами. В направлении северной оконечности горной цепи, островки Уракас или Мангас, простые обломки лав, повидимому, представляют остатки такой же ограды из морских кратеров, как и островки Дедика, к северу от Люсона: наконец, последним пограничным столбом Марианских островов является Farallon dos Pajaros, или «Птичья гора», вулкан, постоянно действующий, высотою в 400 метров. В совокупности горная цепь имеет шесть пылающих очагов. Правильные конусы вулканов подали повод дать архипелагу наименование островов *Velas Latinas*, т.е. «Латинские паруса».

Будучи обвеваемы северо-восточным пассатом, продолжающимся с большою правильностью в течение так называемого сухого сезона, с октября по май, Марианские острова получают изобильные дожди в течение четырех летних месяцев, с июля по сентябрь, в то время, когда солнце, возвращаясь на север, увлекает с собою юго-западные дождевые ветры. Однако, холмы и горы Марианских островов получают в каждый сезон известную долю влаги, и

ручьи на островах несут довольно значительное количество воды, за исключением пористых, известковых, кораллами созданных местностей или вулканического пепла; истребление лесов уменьшило нормальный приход воды в небольших потоках, сделало разливы более внезапными, а засухи более продолжительными. Самородная флора, состоящая главным образом из видов, принадлежащих к азиатской области, была в большей своей части уничтожена, и большая часть деревьев, придающих пейзажам нынешнюю физиономию, ввезены человеком. Кокосовые пальмы и хлебное дерево (*rima*), окаймляющие большую часть низменных берегов тропических островов, также господствуют на берегах и Марианского архипелага. Из животных млекопитающих на нём водится один только не ввезенный мореплавателями вид—крылан кераудрен (pteropus Keraudren), летающий среди белого дня, бравируя солнечный блеск. Марианцы едят мясо этого крылана, хотя оно и издает неприятный запах[1]. Птичьи виды немногочисленны, и попугаев, имеющих столь удивительных представителей на Молуккских островах, в Марианском архипелаге совсем нет. Несколько ящериц и единственная представительница змей составляют фауну рептилий; редки даже и насекомые.

Первые мореплаватели нашли на этих островах значительное народонаселение. Чаморросы, которых Магеллан несправедливо назвал всех в массе Ladrones, «разбойниками», повидимому, были братьями тагалов, судя по сродству языков; но физический облик их редких потомков позволяет думать, что индонезийский и папуасский элементы составляли первобытную нацию. Два отличных друг от друга класса: дворянство и народ—между которыми были воспрещены браки и даже соприкосновение—вероятно, в начале образовались из переселенцев, принадлежавших к различным расам; но завоевание островов испанцами в конце концов низвело их на одинаковое для всех положение рабов. Завладение совершилось в 1668 году; но чаморросы энергично противостояли властительным и насильственным деяниям испанцев, и когда, к концу века, война окончилась, то более половины из пятидесяти или шестидесяти тысяч туземцев оказались истребленными или бежавшими на Каролинские острова: более двух третей из 180 деревень лежали в развалинах. Затем следовали эпидемические болезни. Ансон, посетивший остров Тиниан в 1642 году, нашел там повсюду следы недавнего пребывания туземцев: постройки, сады, плодовые деревья, пасущиеся по прериям стада больших белых быков; но человек уже исчез с этого очаровательного острова. Прибывшие с Гуама солдаты пленили всех тинианцев для заполнения тех опустошений, которые произвела между гуамцами эпидемия; однако, большая часть этих изгнанников истомились и погибли[2]; Тиниан, таким образом, обезлюдел, но и на Гуаме не восстановилось прежнее народонаселение. В 1760 году во всём архипелаге оставалось не более 1.654 человек; тогда пришлось прибегнуть к переселению с Филиппинских островов тагалов, которые и смешались с потомками туземцев[3]. В 1875 году из островитян, принадлежащих к более или менее чистой расе чаморросов, насчитывалось приблизительно шестьсот человек на всё население из девяти тысяч марианцев. При этом, на долю одного только острова Гуама приходится шесть седьмых всего населения, которое правильно возрастает после эпидемии кори, свирепствовавшей в 1856 году; на Роте и Сайпане находится всего лишь несколько сотен жителей; на Тиниане есть всего одна деревня, да одна лепрозория (жилище прокаженных). Кроме семейств рыбаков, на северных островах нет жителей. Общая населенность Марианских островов в 1887 году достигала 9.680 человек, пространство главных островов, по Бэму и Вагнеру, следующее (в квадр. километрах): Гуам—514; Сайпан—185; Тиниан—130; Рота—114; Паган—100; Агриган—32; Анатаган—20; Агнижан—12; Аламаган—8; Асунсион —8.

Если марианцы уменьшились в числе, то они понизились и в цивилизации: хотя крещеные и умеющие читать по-испански, они уже разучились тем промыслам, которыми занимались их предки. Ныне они едва умеют обрабатывать почву, которую некогда вспахивали при

1 Quoy et Gaimord, „Voyage author du Monde sur les corvettes l'Uranie et la Physicienne“.

2 O. von Kotzebue, „Entdeckungsreise in der Sudsee“.

3 Delisle. „Bulletin de la Societe commerciale de Paris”, 1880 1 Oct.

помощи деревянных и железных орудий, а также насаженных на рукоятку костей и раковин. Им неизвестно более горшечное искусство, а выделываемые ими ткани уже лишены прежней тонкости; они уже не строят таких совершенно симметричных домов, какие Ансон видел на острове Тиниане, и которые поддерживались колонками и капителями из сцементированных песку и камней; наконец, лодками им служат лишь грубые однодеревки, и не видно уже тех гребных судов с веслом, которые своими мореходными качествами возбуждали удивление у Ансона и других моряков. Предназначенные плавать с севера на юг и с юга на север между островами, следовательно, постоянно перерезываемые пассатным ветром поперек, эти ладьи были устраиваемы таким образом, чтобы воспринимать ветер с боку и чтобы пользоваться всей его силой: испанцы прозвали их «летучими» за их быстроту; матросы Ансона вычислили ход этих судов при свежем пассате в 20 узлов, т.е. в 37 километров. Будучи иногда угоняемы в сторону от обычного своего пути, эти суда часто приставали к островам, находящимся уже вне Марианского архипелага.

Главный город архипелага—Аганья, где проживают более половины островитян и все политические ссыльные; там пребывают также несколько каролинцев, приезжающих скупать копру и собирать блестящие камешки, служащие им монетою. Этот город, расположенный на северо-западном берегу Гуама, доступен только для малых гребных судов, а большие должны бросать якорь на рейде; число больших судов было прежде гораздо многочисленнее, когда киты и китоловы ещё посещали эти области океана. Почта между Маниллою и Марианскими островами ходит лишь один раз в год. Управление Марианскими островами—военное; гарнизон состоит из трехсот человек, набираемых путем конскрипции между туземцами. Группы Пэрра, Волкано и островков, рассеянных к северу от архипелага, по соседству с Огасавара или Бонином, принадлежащим Японии, почти все необитаемы. На многих картах они оказываются ещё обозначенными общею своею массою под именем Магелланова архипелага; к этой-то группе земель, площадью менее ста квадр. километров, и свелась та Магеллания, которая некогда обнимала открытые знаменитым португальцем острова Марианские и Филиппинские.

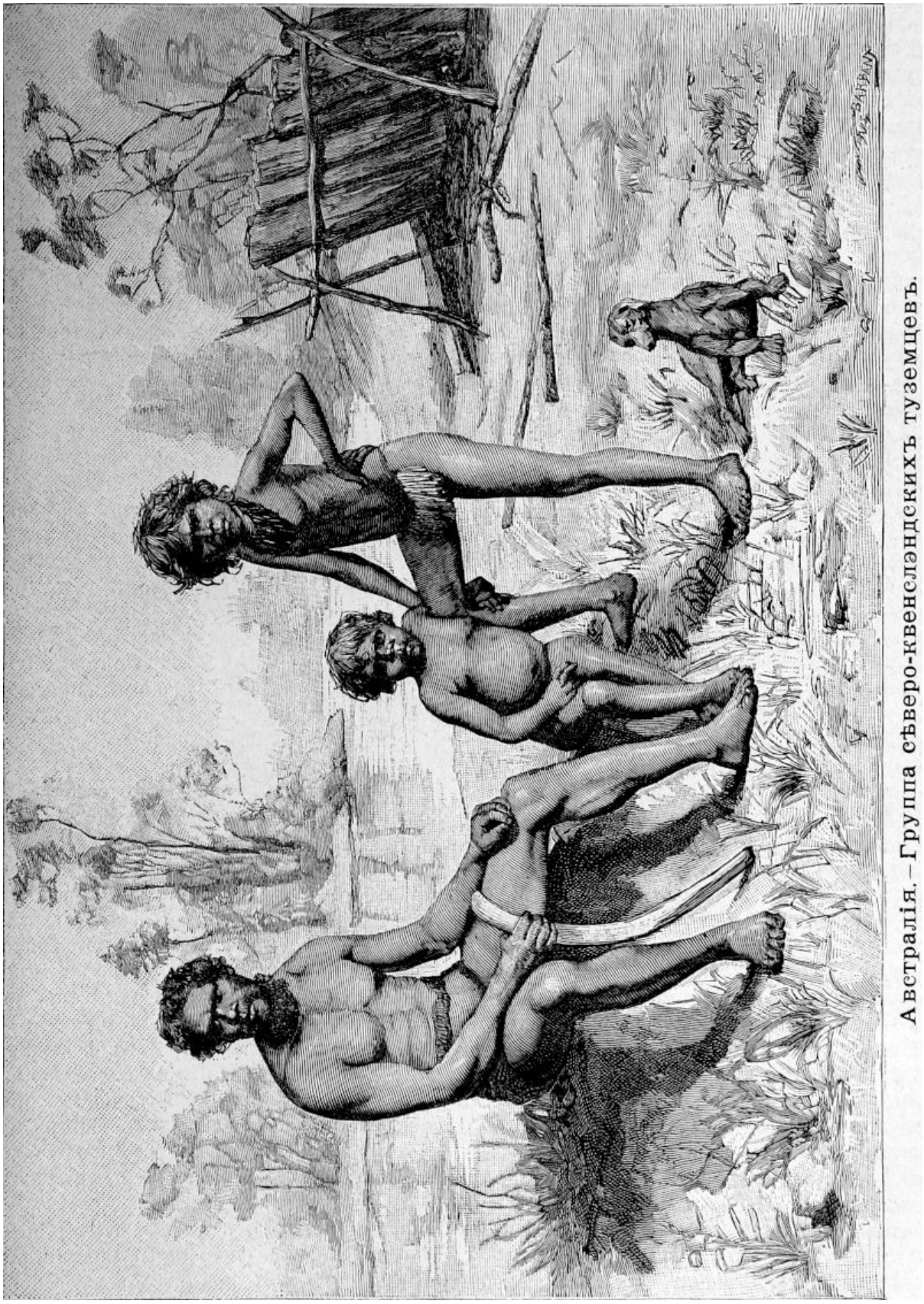
II. Острова Палаосские

Этот архипелаг часто рассматривали как принадлежащий к цепи Каролинских островов, также как Яп (Уар) и соседние острова часто обозначались как составляющие часть Палаосской группы; испанцы, политические обладатели этих морей, дают всем этим океанским землям общее наименование Каролинского архипелага. Однако, в ориентировании эти две цепи островов ясно различаются друг от друга: в то время как Каролинские острова направляются с запада на восток, чтобы изогнуться, затем, к юго-востоку, Палаосские острова вытянулись в линию с северо-востока на юго-запад, и своими крайними островами обращены в направлении к Новой Гвинее. Впрочем, их геологическое строение одинаково с Каролинскими островами; они тоже состоят из гор эруптивного происхождения, трахитов или базальтов, и из коралловых скал, являющихся или в виде низкого атолла, или в виде массивов, колебаниями почвы поднятых на большие высоты. Поверхность Палаосских островов, по Бэму и Вагнеру: северная группа или Палаосы: Баобельтаоб—300 кв. кил., Коррэр—35 кв. кил.; другие острова—60 кв. кил. Южные острова—143 кв. кил. Вместе—503 кв. кил.

Таким образом, весь архипелаг занимает пространство в 500 кв. километров, из которых более половины приходится на долю Баобельтаоба, в собственно Палаосской группе, окаймленного с востока и с запада пучинами, имеющими более двух тысяч метров глубины; с севера на юг, длина архипелага имеет приблизительно девятьсот километров, а самая большая ширина его превосходит четыреста километров; Палаосское же море, в целом, занимает пространство в сто тысяч квад. километров. Населяют большой остров и рассеянные островки смотря по различным исчислениям—от десяти до четырнадцати тысяч человек.

Группа северных островов составляет отдельный мир, совершенно отграниченный. Это та

часть архипелага, которая первая стала известна испанским мореплавателям, и которую Виллалобос обозначает под именем «Arecifes»; это также область, которую чаще всего посещали и описывали: относящаяся к этой части Палаосских островов географическая литера-



Австралія.—Группа сѣверо-квенсландскихъ туземцевъ.

тура обнимает два сочинения Вильсона и Семпера[1], равно как многочисленные мемуары,

1 Semper, упом. соч.

между прочим, мемуар Миклухи Маклая[1]. Начинают на севере эту Палаосскую группу несколько островков, стоящих на подводном рифе, затем следует большой остров Баобельтаоб, который на юго-запад продолжают изрезанные земли, острова и островки, оканчивающиеся островною горою Ниаур (Нгаур)[2], самым плодородным и самым здоровым островом архипелага. Но между обеими оконечностями этой плеяды островов, рифы террасообразно продолжаются почти на уровне воды. Пространство, занятое пьедесталом полипняков, более значительно, чем выступающая из-под воды часть островов; лишь несколько судоходных узких каналов извиваются змейкою по лабиринту рифов; но во многих местах Семпер распознал очевидные следы новейших поднятий. Самые высокие эруптивные холмы архипелага находятся на главном острове Баобельтаобе, около западного берега: один из пиков достигает 650 метров высоты. Этот остров отчасти покрыт лесами, которые и доставили ему испанское наименование «*Palos*», т.е. «лес» (в смысле строительного материала) или «мачты», а современем Palos превратилось в Palaos[3]; поэтому английская форма слова *Pelew*, ещё употребляемая во многих изданиях, ошибочна.

Очень бедный животными видами,—так как там только и есть, что серая крыса да ввезенные европейцами домашния животные,—Палаосский архипелаг обладает, однако, несколькими типами животных, которые не встречаются в других местах, как, наприм., птица *psamathia*[4]. Двое из прибрежных обитателей становятся всё реже и реже на Палаосских островах, если уже не исчезли окончательно: это—крокодил и дюгонь. Рыбаки дотого преследовали это китообразное животное, мясо которого превосходно, что его уже не встречают более в западных областях Тихого океана. Атлант, т.е. первый позвонок этого животного, считается на Палаосских островах самою драгоценною вещью, которую туземный властелин мог бы пожаловать своему подданному: это отличительный знак благородного сословия. Когда какой-нибудь счастливый смертный признан достойным получить эту честь, ему туго связывают пальцы и при посредстве бичевки насильственно протискивает его руку в узкое отверстие: часто, поэтому, вступающий в общество благородных покупает возможность чваниться своим браслетом ценою потери одного пальца.

Палаосские туземцы имеют кожу более черную, чем марианцы и каролинцы, и у большинства их волосы курчавые или вьющиеся; хотя эти туземцы несомненно—продукт смеси, малайской и полинезийской крови, тем не менее папуасский тип преобладает; южные острова, находящиеся вблизи берегов Новой-Гвинеи, этнографически принадлежат к миру Папуазии. По словам Семпера, у весьма большого числа туземцев выражение физиономии таково, что их можно принять за евреев. При небольших глазах и сильно развитых челюстях, они имеют четыреугольное лицо, нос от природы плоский. Некогда все палаосские туземцы просверливали себе перегородку носа, но этот обычай теряется у нового поколения, несмотря на связанную с ним следующую религиозную легенду: по словам стариков, все тени усопших предстают перед советом духов, который заседает вблизи острова Ниаура, пред входом в Неделок, т.е. «страну мертвых»; здесь их подвергают исследованию, и тех, у кого нос не проткнут, сбрасывают к подножию ствола дерева, ведущего в палаосские Елисейские поля, а там они тотчас же и поглощаются громадным моллюском[5]. Островитяне чернят себе зубы при посредстве особой черной земли, от которой у них вспухают десны и на несколько дней затрудняется жевание. Также они окрашивают тело в желтую блестящую краску и татуируются, но с меньшею щедростью расточают рисунки, линии, кресты, звезды, изображения рыб и птиц, чем их соседи каролинцы; некоторые же из палаосских дам налепляют себе на лицо мушки, на-подобие маркиз восемнадцатого века. Обычай татуировки уменьшается, благодаря опасности от операции: уколы в бедра и в голени часто влекли за собою смерть

1 Otto Finsch, „Journal du Museum Godeffroy“, Heft VIII.
2 Keate, „An account of the Pelew Islands“.
3 D„ie Palau-Inseln im Stillen Ocean“.
4 „Известия Русского Географического Общества“, 1877.
5 Миклухо-Маклай, упом. соч.

пациента. Религиозное значение татуировка уже утратила, и по рисункам на теле нельзя уже распознать социальное положение лица.

Вильсон, не зная языка палаосцев, вообразил себе, что у этих островитян не существует культа: правда, религиозных церемоний у них нет, но их мифология весьма сложна, а лица, которые служат посредниками между ними и сверхъестественным миром, калиты, очень могущественны, и иногда даже более, чем сами начальники. Эти чародеи, мужчины или женщины, могут вызывать души мертвых, заговаривать болезни, устранять или накликать бедствия, исходящие от богов. Их власть наследственна, и пятеро из них считаются первенствующими над всеми своими собратиями в архипелаге. Им строят дома и в изобилии наделяют всякого рода припасами. Одну рыбу также считают калитом; наконец, есть божественные камни, над которыми приносят жертвы и которых одновременно считают символами и одаренными жизнью изображениями калита *klo-klo*, т.е. высшего калита, называемого также *Lios* или *Dios*, с тех пор, как испанцы и палаосские островитяне вступили друг с другом в торговые сношения. Вера в духов и предписания калитов и начальников, желающих оставить для себя такия наслаждения, которые запрещены для простого человека, осложнили существование туземцев целою массою правил и обязательств; весьма большое число вещей и мест оказываются mongoul'ами, т.е. составляют табу. Жизнь каждого регламентирована строго соблюдаемыми обычаями.

Женщины уважаются и могут приобрести власть, в качестве или калитов, или верховных начальников, они группируются в ассоциации, привилегии которых признаются, и Миклуху-Маклая уверяли, что в случае преступления или проступка женщина судится своими равными. Следы древнего матриархата ещё сохранились: самою благородною считается не жена начальника, но его сестра, и наследование власти совершается но от отца к сыну, но от брата к брату. Место, отведенное женщинам для купания, священно: мужчина, без позволения проходящий около него, подвергает себя побоям и даже убиению женщинами[1]. Люди каждой касты, солдаты или благородные, группируются равным образом в ассоциации и имеют свои особенные «клубы», паи, в которые никто но может проникнуть без их согласия. Принадлежащие к ассоциации покупают известное число молодых девушек, которые становятся временными женами всей общины и которые составляют небольшую привилегированную когорту, сопровождающую членов клуба на все празднества и в военных экспедициях. Паи, построенные на больших камнях в форме столбов, являются сравнительно роскошными зданиями, которые украшают с большою тщательностью резными и раскрашенными фигурами. В центре фронтона помещается символическая группа; на стенах повешены ряды вырезанных из дерева изображений, выкрашенных красною, желтою и черною красками, при чём одни представляют сцены из местной жизни, являясь некоторым образом историей, а другие относятся к религиозным мифам. Это краткия национальные или общинные летописи, в некоторых частях резюмированные при посредстве сокращенных знаков, которые могут быть рассматриваемы как некоторый род письма. Палаосские туземцы также обладают графическою системою, аналогичною кипосам перуанских инков: это веревки и веревочки, которые завязывают в узелки на различные лады, для выражения тех мыслей, которыми обмениваются. И подобно тому, как в средневековой Европе, в доказательство подлинности послания, посылающий его давал свое кольцо тому, кто это послание должен был доставить, так и на Палаосских островах посылающий кипо всегда присоединяет к нему свой черепаховый ножик[2].

Мертвые весьма почитаются на Палаосском архипелаге. Тело моют, одевают и украшают всеми принадлежавшими покойнику драгоценностями, за исключением позвонка дюгони, слишком ценимого для того, чтобы наследник согласился его потерять; самое же погребение совершают часто ночью, при свете факелов и костров. Могила вырывается перед самою дверью жилища. Небольшая холмообразная терраса находится перед каждым домом: это се-

1 Semper, упом. мемуар.

2 Миклухо-Маклай, упом. соч.

мейное кладбище; некоторые из этих террас бывают осенены лимонными деревами, и небольшие хижины возвышаются над ними, в честь великого калита, неведомого Бога. При церемонии погребения, из мужчин присутствуют только самые близкие родные, женщины же приглашаются со всей деревни; кроме того, четыре профессиональных плакальщицы остаются четыре месяца в доме покойника, и в течение всего этого периода им запрещено умываться: им едва дозволяют пить, и то через очень длинные промежутки.

Государства очень многочисленны на Палаосских островах: сколько деревень, столько и начальников. Благодаря поддержке, оказанной англичанином Вильсоном—после его кораблекрушения в 1783 году—«король» острова Корэр, к югу от большого острова Баобельтаоба, приобрел нечто вроде сюзеренитета над своими соседями; но впоследствии власть его потомка уменьшилась, и большая часть других начальников видят в нём лишь равного себе. Смотря по государствам, различны и титулы: один из наиболее знаменательных есть *mad*, т.е. «мертвый», при чём это слово употребляется в том смысле, что нельзя было бы вынести взгляда начальника, не подвергнувшись смерти. Но рядом с мадом командует *krei*, начальник армии и «палатный мэр», иногда располагающий большею властью, чем сам король. Вокруг него собираются *roupak*, т.е. вассалы, при чём у каждого есть своя дружина воинов, обитающих вместе в одном и том же пае. Война составляет преимущественное занятие этого феодального общества, и ведется она с беспощадною жестокостью: не щадятся ни женщины, ни дети. Главная цель, при этом, заключается в приобретении как можно больше голов, так как «великий калит, говорят туземцы, любит есть людей», и перед чародеями, его представителями на земле, и полагаются эти отрезанные головы. Но даже и во время полного разгара войны права гостеприимства всё ещё сохраняют свои преимущества. Стоит только беглецу, мужчине или женщине, добраться до деревни своих врагов, приблизиться к дому начальника, и он уже в безопасности: его личность священна.

Свирепые войны в сильной степени содействовали нравственному и материальному упадку островитян. Это уже не те добрые и наивные люди, которых описывал Вильсон в конце прошлого столетия. Миклуха-Маклай, этот справедливый путешественник и всегда благорасположенный к людям, принадлежащим к так называемым «низшим» расам, не мог, однако, не аттествовать палаосских туземцев существами лживыми и склонными к грабежу. Прибытие европейцев, именно, и обусловило полное изменение социальных условий. Не подлежит сомнению, что туземцы внешним образом во многих отношениях стали цивилизованнее: они украшают свои жилища гравюрами, фотографиями; они обладают железными орудиями, тщательно выверенным оружием, даже книгами; многие между ними говорят немного по-испански или по-английски; их язык обогатился большим числом новых слов европейского происхождения, отвечающих новым понятиям. Каменный период уже прекратился у них, сохранясь только лишь относительно монет, которые не одинаковы: из яшмы и агата у начальников и князей, и из продыравленных посредине малоценных камней, стеклянных и эмалевых шариков,—у остальных, как у богатых, так и у бедных. Одною каменоломнею на гористом острове Малакаве, около Корэра, пользуются каролинцы с Япа, приезжающие натесать различных величин диски, из которых они и изготовляют свою монету: некоторые из этих камней или *fe* имеют более шести метров в окружности[1] и столь высоко ценятся, что во время войн одного такого камня достаточно, чтобы купить поддержку нейтрального племени[2].

Почти внезапная замена одной цивилизаций другою не составляет ли, на Палаосских островах, главной причины упадка туземцев? Когда у них не было других орудий, кроме сделанных из костей, кусков дерева, раковин и панцыря черепахи, их жизнь была существованием трудовым: построение лодок, изготовление грубых тканей и украшение хижин стоило им больших усилий; все туземцы были обязаны работать, и сам король изготовлял топо-

1 Gerland;—Миклухо-Маклай, „Известия Русск. Географ. Общества", 1878 (перевод Льва Мечникова.).
2 F. Hernsheim, „Sudsee-Erinnerungen".

ры[1]. Ныне топор, нож, скобель сделали неизбежные работы легкими; свободного времени прибавилось и, благодаря подстрекательствам европейских торговцев, оно употребляется на хищничество и военные походы; характеры принизились. В то же время убавилось и народонаселение. К концу прошлого столетия, чисто жителей превышало пятьдесят тысяч, если судить по количеству военных лодок и их экипажей, а со времени этой эпохи уменьшилось в пять раз, хотя женщины весьма плодовиты и никакая эпидемия не губила островитян[2].

III. Каролинские острова

Группа островов, которую некогда называли «Новыми Филиппинами» и которым дали специальное наименование Каролинских, в честь Карла II испанского, занимает весьма значительное морское пространство: от западного острова, Нголи, до восточного, Юалана, расстояние по прямой линии равняется 2.880 километров, а средняя ширина архипелага составляет приблизительно пять градусов. Таким образом, Каролинское море обнимает пространство приблизительно в 1.600.000 квадратных километров, на которых самая площадь сорока восьми групп, заключающих в себе пятьсот островов, исчисляется всего только в 977 километров, или, другими словами, она составляет немного более 1.700-ой доли всей данной области моря. Впрочем, море не глубоко между островами, и обширные рифы уширяют цоколь многих из них. Самую большую глубину соседние воды имеют на западной оконечности архипелага, при чём на севере находятся «пучины Челленджера», а на юге «пучины Нерса» (Nares). Под водою Каролинские острова связуются лишь с островами Палаос, которые расположены на их продолжении, хотя и с другой орьентировкой. Кривая, которую южная часть Каролинских островов начинает описывать, но не доканчивает, и есть именно та, которую южнее описывают острова Меланезии, а восточнее—архипелаги: Маршальский, Жильберта и Эллис. Несмотря на видимый беспорядок в расположении всех этих рассеянных земель, можно распознать общий закон, управлявший их распределением.

Открыли Каролинские острова португальцы. В 1527 году, Диего-да-Роша достиг западного острова, Нголи или Маталотес; затем Сааведра и Виллалобус, в 1542 г., проплыли по Каролинскому морю и также видели некоторые земли; другие были примечены Легаспи, завоевателем Филиппинских островов; но так как положение этих островов не было точно определено, то отождествление их было невозможно, и каждый мимоплывущий мореход полагал, что открывает их. Существование земель к югу от Марианских островов было хорошо известно, но, вместо того, чтобы стараться определит их истинное положение, их чаще избегали, по причине окружающих их подводных камней, и даже кончили тем, что позабыли о них совершенною Лишь с конца XVII столетия стал возстановляться в этом хаосе порядок. Первый «Каролинский» остров—по которому стали называться и остальные—был остров, открытый в 1686 году кормчим Лазеано; вероятно, это был Яп или же остров Фарроилеп, находящийся на меридиане Марианских островов, в 550 километрах к югу от Гуама. Затем каролинцы, загнанные бурею на главный остров Марианского архипелага, начертнли, или по крайней мере побудили священника Кантову начертить первую краткую карту всей области Каролин, окружающею остров Ламурек или Намурек, в центральной части архипелага; вскоре затем, этот же миссионер отправился и для посещения этих земель с целью обращения в христианство проживающих там дикарей[3]. Но научное исследование началось не ранее последних годов XVIII столетия, и такими исследователями явились Вильсон и Ибарготита. С 1817 по 1828 годы следовали одна за другою достопамятные экспедиции Коцебу, Фрейсине, Дюперрея, Дюмон д'Юрвиля и Литке, после которых оставалось лишь определение подробностей, да составление специальной географии каждого острова. Возникшее в

1 Wilson (Keate), упом. соч.

2 Semper, упом. соч.

3 Paul Clain, „Lettres curieuses etc.“, 1781;—James Burney, „Chronological History of the Voyage and Discoveries in the South Sea“.

1885 г. между Испанией и Германской империей столкновение из-за обладания Каролинами, окончившееся оффициальным признанием прав Испании, привлекло внимание к этим островам и содействовало их исследованию. *В 1899 г. Каролинские острова проданы Испанией Германии*.

Имена Каролинских островов, островков, рифов и отмелей далеко ещё не определены окончательно: между туземными наименованиями, выговариваемыми моряками различных наций на разные лады, и обозначениями английскими, французскими и русскими, пестрящими карты этих областей океана,—обычай ещё не решил в пользу того или другого названия, за исключением некоторых из самых больших островов, каковы Яп, Понапэ и Уалан.

Большая часть Каролинских островов суть земли кораллового образования, выступающие над уровнем моря всего лишь на несколько метров; известное число между ними не имеет даже и настолько растительного слоя почвы, чтобы деревья могли пустить свои корни в трещины между камнями; однако, есть и такие, которые мало-по-малу покрылись густою растительностью вплоть до берега моря и на которых деревни могли основываться под тенью кокосовых пальм, хлебных деревьев и барингтоний, изобилующих густою листвою, многочисленными плодами и отростками. Некоторые из этих низменных островов оказываются совершенно правильными атоллами, окружающими лагуну венками зелени, при чём в лагуну гребные суда только и могут проникать чрез узкие проломы между рифами. Один из кругообразных островов группы Мортлок, Сатоан, состоит из шестидесяти островов, из которых одни имеют поверхность в несколько квадратных километров, между тем как другие представляются лишь простыми зубцами, расположенными по окружности коралловой стены. Впрочем, между Каролинскими островами находятся также несколько таких, которые высоко вздымают свои остроконечные горы над почти горизонтальною поверхностью вод, мелей и уединенных скал: это более обширные земли, которые, в эпоху своего образования, поднялись над океаном в форме массивов. Эти гористые острова; Рюк, Уалан и достигающий 872 метров высоты Понапэ вплоть до самой вершины покрыты великолепными деревьями, принадлежащими, впрочем, к небольшому числу видов; есть между ними и красивые папоротники, походящие на пальмовые деревья[1]. Дожди, будучи весьма изобильными, в особенности на склонах холмов и во время юго-западного муссона, поддерживают зелень лесов. Подобно Марианским островам, чрезвычайно бедна туземная фауна и Каролинского архипелага: из мира млекопитающих там только и водятся собака, ростом с датскую, с заостренными ушами и длинным висящим хвостом, да один вид крысы, которая, прогрызая верхушку кокосового ореха для высасывания его жидкости, научила, как говорят, туземцев добывать пальмовое вино. Крылан летает в пальмовых рощах, игуана и ящерица влезают на ветви, а черепахи ползают на пляжах.

Вот перечень, в направлении от запада к востоку, островов Каролинского архипелага, имеющих поверхность более трех квадр. километров, с показанием числа жителей и тех мореплавателей, которые их открыли:

Название	Поверхность кв. кил.	Населенность		Кто открыл	
Нголи (Ngoli, Matalotes, Lamoliork)	30			da Rocha	1527
Яп (Yap, Eap, Uap, Guap)	207	6.000	(Мик. Макл.)	Lazeano	1686
О-ва Улати (Elivi, Mackenzie)	3	700	(Gulick)	Hunter	1791
Сороль (Sorol, Philipp)	3	20	„	„	„
Юлиеа (Uliea, Wolea, Oleai)	3	600	„	Lazeano	„
Фарроилеп (Farroilep, Faraulep, San-Barbare, Gardner)	3	0	„	Wilson	1797
О-ва Элато и Тоасс (Elato, To-ass, Haweis)	5	300	(Gulick)	„	„
Ламурек (Lamotreg, Namourek, Swede)	6	200	„	„	„
Сатаваль (Satawal, Satael, Tucker)	4	200	„	„	„
Сук (Suk, Pulusuk, Ibargoita)	4	100	„	„	„
Полоат (Poloat, Enderby, Kata)	3	100	„	„	1801

1 F. Litke, „Voyage author du Monde“.

Название	Поверхность кв. кил.	Населенность		Кто открыл	
Лос-Мартинес (Los-Martines)	5	200	(Gulick)	„	„
Намонуито (Namonuito, Anonyma, Lutke, Livingstone)	6	50	„	„	„
Рук (Ruk, Trak, Hogoly, Torres)	132	12.000	(Kubary)	„	„
Сатоан (Satoan, Mortlock), 60 островков (Lukunor и т.д.)	4	4.050	(Doane)	Duperrey	1824
Нукунор (Nukunor, Nukuor, Monteverde, Dunkin)	4	150	„	Monteverde	1806
Оралук (Oraluk, Saint-Augustine, Bordelaide)	4	0	„	Thomson	1773
Ант (Ant, Andemo, Сенявин)	6	0	„	Mortlock	1793
Понапэ (Ponape, Puinipet, Bernabi, Ascention)	347	3.000	(Hernsheim)	Lutke	1832
Уалан (Ualan, Kussaie, Strong)	112	400	„	Ibargoita	1799
Остальные острова	29	1.000	„	Crozer	1804
Всего	929 кв. кил.	29.070 жителей			

Число жителей в архипелаге исчисляют различно, между 20.000 и 30.000. При этом, на долю Рука, Понапэ и Япа, избранного в качестве острова-столицы западных Каролинских и Палаоских островов[1], по причине близости Филиппинского архипелага, приходится более двух третей всей численности народонаселения. Хотя принадлежащие в огромном большинстве к смешанной расе, но индонезийской в основе,—Каролинские островитяне представляют большие различия между отдельными группами. На западных островах, они походят на визайя и тагалов: цвет их кожи светлый. На центральных островах они медно-красные; точнее, в Сенявинской группе,—почти черные и походят на папуасов; на Уалане, самом восточном острове всей цепи, их кожа ещё темнее, а волосы на голове слегка волнисты. На островах Нукуноре и Сатоане, народонаселение происходит от переселенцев с Самоа, на что указывают как физический облик, так и язык и нравы. Наконец, есть острова, где европейцы, матросы или купцы, относительно настолько многочисленны, что большинство детей представляют уже тип, приближающийся к типу белых. Число каролинцев, конечно, значительно уменьшилось со времени прибытия чужестранцев из Европы, но вовсе, как часто высказывают, не вследствие какого-то рокового закона. Правда, что эпидемии, относительно мало опасные в Европе, становятся ужасающими в Океании: страх, наводимый этими болезнями, корью или гриппом, так велик, что на острове Япе и в других местах туземцы соединяются для нападения на подвергшиеся заражению деревни, для избиения больных и побуждения остальных бежать вглубь страны на несколько недель[2]. Однако, заносимые матросами болезни не объясняют исчезновения расы. Недостаточно одного появления европейца, чтобы каролинец уже преклонился и стал вымирать. Для этого, часто необходимо убить его, и к этому-то, именно, белые морские разбойники при многих обстоятельствах и не преминули прибегать. Но в особенности прибегали они в больших размерах к охоте на человека, с целью добыть рабочих для своих плантаций, как на островах Фиджи, так и на других архипелагах. Часто корабли прибывали с целью нагрузиться каролинцами, на которых и делали облавы, на-подобие облав на хищных зверей в лесах; и после этого иные путешественники-философы ещё могли говорить о роке, который якобы тяготеет над так называемыми низшими расами и который их обрекает на исчезновение перед благородным белым! Однако, есть острова, где семейства многочисленны и где, вследствие избытка рождений, народонаселение быстро возрастает. Таков, в группе Мортлок, остров Лукунор, «каролинская жемчужина», почва которого обработана до последнего клочка[3].

Взятые в массе, каролинцы кротки, гостеприимны, миролюбивы и работящи; мужья не обращаются дурно с своими жёнами, а жены, хотя до замужества, и привыкли пользоваться полною свободою, верны своим супругам; родители нежно любят своих детей, крепкая

1 Gimeno Agius, рукописные заметки.

2 Hernstein, упом. соч.

3 Doane, „Geographical Magazine", August 1, 1874.

дружба соединяет товарищей, которые, поменявшись именами, становятся даже братьями[1]. На некоторых островах, между прочим, на Уалане, у жителей не было ни оружия, ни даже палок: распри и войны им были непонятны. За исключением местностей, соседних с факториями и миссиями, где нравы изменились вследствие соприкосновения с европейцами, каролинцы живут весьма просто. Их костюм состоит из передника, гирлянды цветов, нескольких кусков луба, а у женщин—из юбки, сотканной из растительных волоков. Татуировка всеобща и выполняется при посредстве мелких уколов, а не порезов; но она сильно разнится, смотря по островам, племенам и социальному положению. У некоторых начальников грудь покрыта очень сложными и иногда очень красивыми рисунками; кроме того, они отличаются друга различными внешними знаками: так, аристократические семейства на острове Япе носят на одном из запястьев белую раковину; гребни из померанцевого или черного дерева носятся только свободными людьми. Женщины татуируют по преимуществу плечи и ручные кисти; они разрисовывают себе также и другие части тела. Матери в течение нескольких месяцев манипулируют нос у своих новорожденных, для придания ему плоской и широкой формы, считающейся красивою; кроме того, они продырявливают им также носовую перегородку[2].

Пища каролинцев состоит в особенности из плодов *rima*, т.е. хлебного дерева, *taro*, корня *arum esculentum*, сладкого батата, введенного филиппинцами, рыбы и моллюсков, которых они умеют ловить удивительно ловко. Вооружившись гвоздем, они ныряют на глубину 15—20 метров, чтобы оторвать ото дна тридакну, которую и съедают сырою[3]. Они не возделывают риса, который плантаторы, как говорят, тщетно пытались ввести на островах этого архипелага. Их жилища вообще менее просторны, менее изящны и менее удобны, нежели жилища их соседней в Меланезии и Папуазии: на многих островах это просто лишь поставленные на землю крыши из листвы, под которые и пролезают ползком чрез два отверстия, остающиеся на концах. Однако, у каждой деревни есть также здание, более значительное по размерам и более тщательной архитектуры, которое одновременно служит укрытием, гостиницею для чужеземцев, местом сбора в дождливое время и залом для игр детей. Каролинцы ещё едва выходят из времен каменного века: иностранные купцы доставляют им топоры, пилы и ножи; однако, их собственные инструменты по большей части ещё состоят из рыбьих остей, раковин и отломков костей[4]. На восточных островах, американские миссионеры, из которых первые прибыли в 1849 году, обратили в протестантство несколько тысяч туземцев; но сотни из них уже возвратились к своим старинным обрядам, и господствующий культ на западных островах всё ещё—анимизм, обожание деревьев, гор, всего, чти живет и движется, страх перед летающими в воздухе духами и суеверное благоговение к предкам. Весьма почитают мертвых и тех животных, в которых они, будто-бы, переселяются, к каковым в особенности принадлежат ящерицы и угри: сын начальника остается, не принимая пищи, по крайней мере в течение трех или четырех дней подле трупа своего отца, распростертого на рогожке, и в руку которому вкладывается меч, а на плечо помещается топор; затем, когда на вершине холма воздвигнут погребальную пирамиду, возле этой могильной насыпи он строит себе шалаш, в котором и живет сто дней. Пальмовая роща умершего начальника становится табу на несколько месяцев: никто не может собирать там плоды[5]. Полинезийские обитатели Нукунора и Сатоана—единственные каролинцы, делающие себе из дерева идолов и поклоняющиеся им. Впрочем, религиозные церемонии разнятся на различных островах; по нравам и учреждениям, каролинские племена дробятся до бесконечности; какой-нибудь небольшой остров делится на множество королевств, либо ведущих между собой непрерывную войну, либо пребывающих в состоянии «вооруженного мира». Большая часть начальников становятся

1 Lutke, „Voyage author du monde“.
2 „Известия Русск. Географ. Общества“, 1878; перев. Льва Мечникова.
3 Quoy et Gaimard, „Voyage de decouverte de „Astrolabe“,
4 Donne, упом. мемуар.
5 F. Hernsheim, „Sudsee-Erinnerungen“.

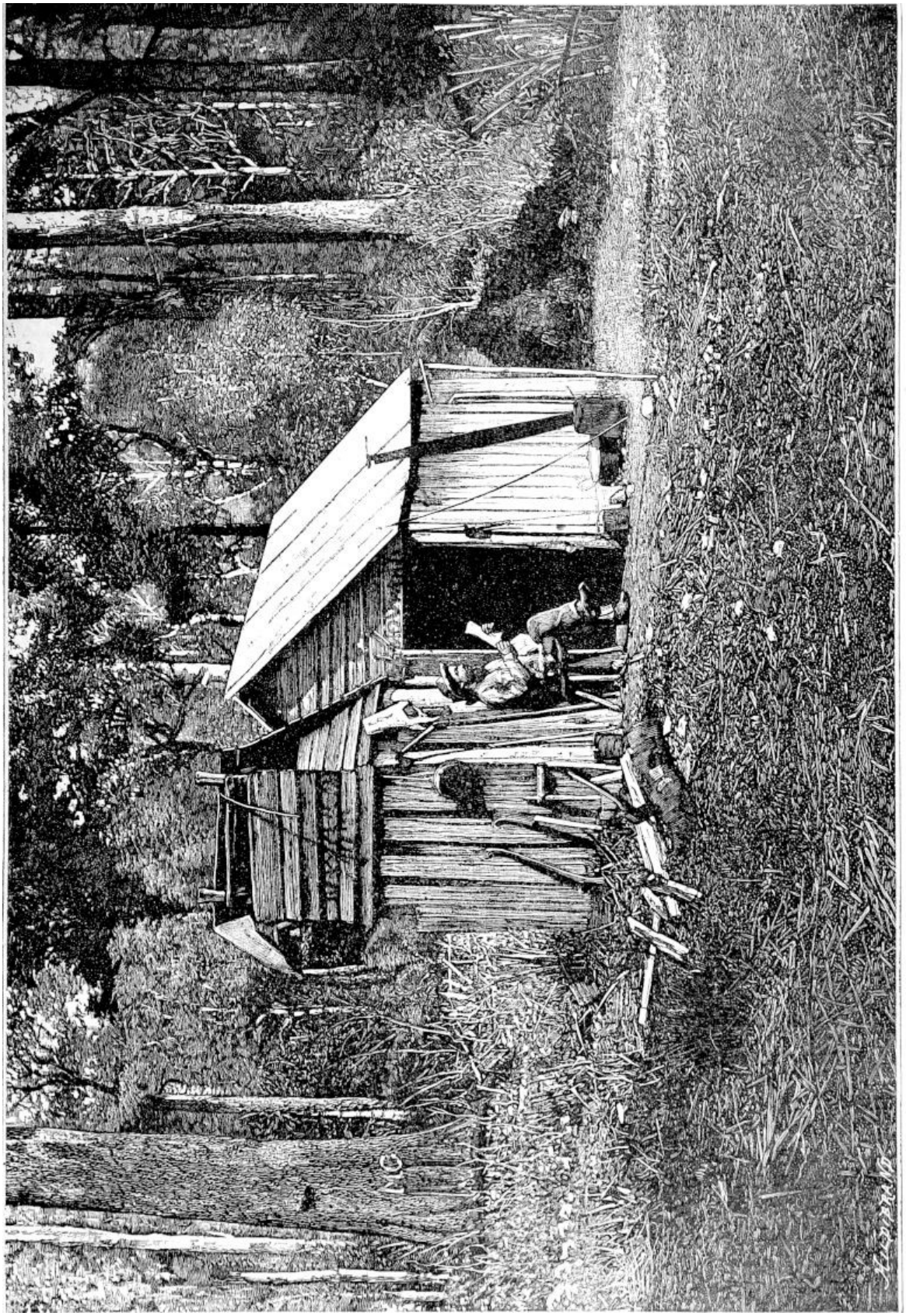
таковыми по праву наследства, некоторые выбираются их равными; обыкновенно они считаются владельцами общинной территории, и большая часть добычи принадлежит им. Подчиняясь строгому этикету, они могут вступить на соседнюю территорию только после формального приглашения.

С тех пор, как европейские мореплаватели стали посредниками в торговле между архипелагами Микронезии, каролинцы не совершают уже дальних путешествий, как прежде, и не строят судов большой вместимости; тем не менее, они остались отличными моряками. Вода не пугает их: они плавают и ныряют с удивительной ловкостью и пускаются далеко от берегов на своих челноках из цельного дерева, выкрашенных со вкусом в красный и черный цвета, и снабженных имеющим форму опахала парусом из листьев веерника (latania). Их кормчие умеют руководиться в открытом море положением звезд на небе и направлением волн. В те времена, когда отважные каролинцы не садились ещё на суда белых с целью посещения отдаленных архипелагов, в приморских деревнях имелись школы, настоящие институты мореходства и астрономии, в которых мальчики и девочки учились познанию относительного положения созвездий, часов восхода, кульминации и захода звезд, движения планет, направления ветров и течений, делений круга, местонахождения отдаленных архипелагов, от Филиппинских, на западе, и до Гавайских островов на востоке. Их обучали также постройке судов, изготовлению снастей и пользованию ими; всё это обучение было почти целиком техническое и научное, заключавшее лишь небольшую долю магии, заучивания формул заклинания облаков, туманов и смерчей. Каролинские и маршальские мореходы делили горизонт на 12, даже на 28 и 32 дуги круга; на некоторых атоллах у них были специальные наименования для 33 звезд или звездных групп, которыми они и руководились, будучи в море вдали от берегов; их гребные суда пускались на север к Гуаму и другим Марианским островам и, несмотря на напор поперечных течений, они и при отсутствии промежуточной станции умели находить эти острова за шестьсот километров от места отправления. Правда, часто бури увлекали их суда в сторону, но они умели снова выбираться на правильный путь, снова плыть к высоким островам, видимым в море с далекого расстояния. Когда 35 каролинцев были выкинуты на берега Самара (на Филиппинских островах), они нашли там переводчиков в лице других каролинцев, которые однажды уже испытали подобную случайность, и которые, после возвращения к себе на родину, уже во второй раз прибыли на эти западные острова. На своих гребных судах (барках) каролинские и маршальские кормчие имеют *medos*, род искусно составленных карт, представляющих при посредстве раковин и камешков—острова, а при посредстве палочек—экватор, меридиан, путь следования, градусы или дни плавания, а также поперечные течения. Когда мореход из каролинцев увидит компас, он сразу понимает его назначение и направляет свой курс, руководясь магнитною стрелкою[1].

Яп (Уап, Гуап), ближайший к Филиппинам большой остров,—наиболее объевропеившийся из всего архипелага. Тамиль, вблизи которого находится и главная якорная стоянка, служит резиденцией правительства западных Каролинских островов и Палаосского архипелага; в нём основали свои конторы также и иностранные купцы, в большинстве германцы, вывозящие копру и съедобных голотурий. Копры с Каролинских островов ежегодно вывозят 1.400 тонн, из которых 1.100 отсылаются германскими торговыми домами: преобладание в этих пространствах моря германских негоциантов и было причиною упомянутого выше столкновения, которое чуть было не лишило Испанию обладания—если не действительного, то по крайней мере традиционного—этими островами. Сами туземцы, некогда весьма деятельные торговцы, ныне почти совсем не занимаются товарообменом и весьма мало извлекают выгоды из торговых оборотов. Они ещё и до сих пор употребляют в виде монеты раковинки и кусочки, продырявленные и нанизанные на веревочку, на-подобие китайских лигатур; для больших же расплат у них имеются привозимые с Палаосских островов круглые

1 Hernscheim, „Beitrag zur Sprache der Marschall Inseln“;—Kubary, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg“, 1880;—A. Schuk, „Aus allen Welttheilen“. Nov. 1881.

жернова, принадлежащие обычно всей общине[2]. Все улицы Японских деревень и главные тропинки с незапамятных времен вымощены каменными плитами, и дома, особенно *bai-bai*, похожие на *pai* палаосцев, возведены на каменном цоколе.



Жилище австралійскаго скватера.

Понанэ, самый обширный и некогда самый населенный из Каролинских островов, обещает снова получить большое значение, как станция и место запасания провиантом; ино-

2 Wood, «Yachting Cruise in the South Seas".

странные купцы уже имеют на нём обширные плантации; окружающий остров круговой барьер защищает многочисленные порты, доступы к которым открыты при посредстве узких каналов, извивающихся среди рифов. По соседству с восточным берегом, на коралловых крутизнах, видны остатки доисторических построек, состоящих из толстых стен, сложенных из лежачих базальтовых колонн, имеющих до восьми и даже до одиннадцати метров в длину[2]. У туземцев не сохранилось никакого предания относительно этих развалин; многие из них отчасти опустились в воду, так как почва понизилась с того времени, когда ещё жили поколения, возведшие эти постройки[3]. Но главные возведенные древними каролинцами здания находятся на острове Уалане, и особенно на соседнем островке—Леле. Некоторые из стен, вышиною в шесть метров и шириною в четыре, сложены из громадных базальтовых глыб, доставленных из весьма отдаленных мест. Многие из этих развалин, ныне покрытых растительностью, являются над рифами на-подобие больших островов из зелени. Нигде *balate*, или съедобные голотурии, не встречаются в большем изобилии и в большем разнообразии видов, чем на подводных камнях около этих островов[4].

Уалан служит главною станциею для американских миссионеров, посты которых рассеяны по группам соседних островов. Хотя постановления о колониях не разрешают другого христианского культа, кроме католицизма, тем не менее испанское правительство должно было, вследствие восстания туземцев, признать совершившийся факт и дозволить обращенным в христианство каролинцам беспрепятственное отправление протестантских обрядов.

Восточная Микронезия

Архипелаги: Маршальский, Джильберта и Эллиса

Эти острова, цепь которых тянется на восток от Каролинских островов, поперечно к экватору, на пространстве приблизительно 4.000 километров, принадлежат к одной и той же геологической формации и расположены на одной и той же оси. С географической точки зрения, их должно изучать вместе, хотя, по населениям, которыя на них обитают, они относятся к различным областям: именно, острова Эллис и отчасти Джильбертовы—земли полинезийские, тогда как Маршальские острова, самая важная группа, составляют один из архипелагов Микронезии. Равным образом, эти острова различны и с политической точки зрения: они уже оффициально поделены между европейскими державами. Маршальский архипелаг, торговля которого находится в руках гамбургских негоциантов, составляет часть германских колониальных владений, тогда как острова Эллис и Джильберт в 1886 году объявлены находящимися в «сфере английских интересов». Однако, если бы открытие сообщило и права владения, то этим архипелагам, конечно, следовало бы быть испанскими. Быть-может, остров Св. Варфоломея, который видел Лойаса (Loyasa), в 1525 г., был один из Маршальских островов; как бы ни было, острова «Jardines» (сады),—так названные, в 1529 году, Альваро де-Сааведрой—были несомненно из этой группы, так же, как и Рыбачьи острова, «islas dos Pescadores», посещенные в этих же пространствах моря, в XVI веке, другими мореплавателями. В 1567 году, Мендана де-Нейра тоже пересек южную группу, составляющую архипелаг Эллиса; однако, точные открытия, позволившие отождествлять все эти острова, наверно, были сделаны лишь два века спустя, когда приступили к методическому исследованию океана.

В 1767 году, Виллис первый опознай два острова из группы «Рыболовов», «Pescadores»; затем, в 1788 году, два англичанина, Маршалл и Джильберт, возвращаясь из Порт-Джэксона, где они оставили свой груз, пересекли эти области Восточной Микронезии и в подробно-

2 Dana;—Maxwell;—Herendeen, и т. д.

3 Hale;—Dana, „Coral and Coral Islands“.

4 Lesson, „Voyage autour du Monde“.

сти изучили положение и форму островов, с тех пор и получивших известность под именем этих исследователей; однако, этим островам также дают и другие наименования: так Джильбертовы острова обозначались как Kingsmill-islands и Line-Islands, т.е. «островами на экваторе». За Маршаллом и Джильбертом следовали другие английские мореплаватели; затем, по окончания войн империи, Коцебу и Шамиссо на русском корабле *Рюрик*, совершили свою достопамятную экспедицию среди микронезийских атоллов. В 1823 году, Дюперрей также посетил два значительных острова Маршальского архипелага, а с того времени миссионеры и купцы, подолгу пребывавшие в различных частях архипелагов, написали о них замечательные монографии. Ныне уже возможно указать приблизительную величину поверхности архипелагов и цифру их населения.

Архипелаги		Пространство	Население	
Маршальский	о-ва Ралик	273 кв. кил.	3.143 жит.	(Витт, Кунс)
	о-ва Ратак	129 „	7.520 „	(Витт, Хернсгейм)
Джильберт или Kingemill		428 „	41.000 „	(Финш, Турнер)
Эллис		36 „	3.305 „	(Витми)
Всего		866 кв. кил.	54.968 жит.	

Почти все острова этих трех архипелагов, покоящихся на общем цоколе глубиной около 1.850 метров, удлиненны в направлении с северо-запада на юго-восток, одинаковом с направлением подводной борозды: приподнятие дна соединило бы эти острова в одну узкую и длинную землю с архипелагом Самоа. За исключением трех или четырех островов, которые, вероятно, были подняты напором вулканических сил, все острова группы Маршальской, Джильберта и Эллис—земли низменные, возведенные кораллами и вздымающиеся над уровнем моря не более как на один или полтора метра, исключая те пляжи, где ветер образовал складки из подвижных песчаных дюн. Между этими коралловыми островами ость такие, которые морскими наносами соединены в одну сплошную землю, без проломов и лагун; но большинство—атоллы, с внешнею опояскою из островков и рифов, и с лагуною в центре, служащею убежищем для кораблей, или по крайней мере для небольших гребных судов (барок): по причине такого образования островов, Эллисский архипелаг был даже назван «Островом Лагун», под каковым наименованием их обыкновенно и обозначают миссионеры. Издали, зти порожденные кораллами острова представляются обыкновенно имеющими одну и ту же наружность: внизу—белая полоса из бурунов, а выше—зеленая листва. Самая большая «гора» посреди всех этих земель, едва возвышающихся над уровнем вод, есть холм на острове Плизант, в Джильбертовом архипелаге, имеющий 70 метров высоты[1].

Большинство Маршальских и Джильбертовых островов весьма замечательны между атоллами Тихого океана причудливостью своих форм. Кольцеобразных мало, что, конечно, зависит от неправильности того вулканического цоколя, на котором эти острова построены. Треугольники и трапеции господствуют в Маршальском архипелаге; Архно (Arhno) походит на голову быка с острыми рогами: другие острова напоминают форму стремян, арф. Почти все атоллы имеют сплошные рифы только на своем восточном фасе, обращенном всегда с востока на запад: на западном же фасе атоллов только и видны одни пенистые буруны. Причину этой противоположности понять легко: со стороны запада, медленные и бессильные волны вскатываются на рифы, не разрушая их, между тем как на востоке толчея гораздо более сильных волн, несущихся из открытого моря, отрывает большие куски скал и образует из них кучи обломков, которые мало-по-малу, благодаря раковинам и песку, склеиваются друг с другом и превращаются, затем, в крепкий высокий берег; плавающие по волнам семена задерживаются на вышедшем из-под воды рифе, затем появляется кустарник, начало будущего леса. Из всех лесистых атоллов, Мараки, в Джильбертовом архипелаге,—самый красивый[2]: если смотреть на него с высоты мачты, то можно подумать, что это зеленая гирлянда, плавающая по синим водам. Почти все островки этого атолла соединены в одно кольцо.

1 Geiseler, „Annalen der Hydrographie“, 1884.

2 Dana, упом. соч.

Климат Маршальских островов—один из самых приятных в Океании; северо-восточный ветер, правильно дующий с ноября по февраль и в остальное время года иногда сменяемый восточным или юго-восточным ветром, или-же прерываемый даже затишьями, умеряет нормальные жары в этих широтах: бояться бурь следует больше всего в октябре и в ноябре. Более удаленные от материков, чем Каролинские и Марианские острова, Маршальские острова имеют и климат более океанический; также более бедны их флора и фауна, хотя для островов кораллового происхождения они ещё весьма богаты. Шамиссо нашел в архипелаге только 59 видов растений, из них семь возделываемых натуралисты, посетившие эти острова впоследствии, не прибавили новых растительных форм к его гербарию; свойственным же только одним Маршальским островам был всего один вид. Самым полезным растением оказывается *pandantis odoratissimus*, которого туземцы имеют около двадцати разновидностей и который доставляет им главную пищу: на этих островах pandanus odoratissimus достигает таких размеров, как нигде. Кокосовая пальма—представленная тоже несколькими разновидностями—менее идет в пищу с тех пор, как в крае поселились торговцы и стали собирать копру для вывоза и изготовления масла; что касается хлебного дерева, то оно больше и красивее в южной части Маршальского архипелага, чем во всякой другой области Океании. Ни млекопитающие, ни птицы какого-либо особого вида не встречаются в фауне Маршальских островов; зато козы, свиньи и кошки там весьма размножились, а домашняя курица вновь одичала[1].

Тип туземцев постепенно меняется в направлении с севера на юг. Жители Маршальских островов походят на каролинцев, и, подобно им, принадлежат к группе микронезийцев, между тем как жители Эллисского архипелага—полинезийцы, приблизительно чистой расы, как и жители восточных островов. Между этими двумя крайними типами, жители Джильбертовых островов—происхождения смешанного, но в общем их следует считать микронезийцами: между туземцами этих островов они самые красивые, и некоторые из них почти исполинского роста. У многих лица вполне европейские, а местами встречаются индивиды, которых по форме слегка горбатого носа можно принять за евреев. Старинные костюмы, запон и бахрома, мало-помалу исчезли, за исключением тех островов, на которые ещё не высадились миссионеры; украшениями же для туземцев только и служат, что цветы и листья, воткнутые в продиравленную ушную мочку, да птичьи перья или ожерелья. Татуирование почти покинуто. В начале текущего века считалось священною обязанностью разрисовывать тело фигурами символического значения. Приступавший к этой операции начальник производил её ночью и, призвав к себе, при этом, на помощь бога, должен был ожидать благоприятного голоса, отвечавшего ему издалека; а так как почти всегда до него доносился какой-нибудь звук: шум волны или ветра, пение птиц или человеческий голос, то он и мог истолковывать его в смысле божьего ответа[2]. Искусники в татуировании заставляли платить себе весьма дорого, и бедным туземцам приходилось работать целые годы для того только, чтобы расплатиться с татуировщиком[3].

В 1817 году, когда Адальберг Шамиссо исследовал Маршальские острова вместе с своим товарищем, каролинцем Каду, туземцы, ещё не попавшие в руки купцов и миссионеров, казались ему нациею, замечательною по своим высоким качествам, уму и инициативе: повсюду он видел образ мира, любовь к труду, согласие в семействах, сильно развитое чувство равенства, даже и пред начальниками. Но это население, казавшееся Шамиссо имеющим блестящую будущность, есть одно из тех, которые пришли к самому быстрому упадку: чахотка уносит в могилу молодых людей; изделия иностранной мануфактуры убивают инициативу, попугаеобразное пересказывание заимствованного у европейцев препятствует мышлению. Есть острова, на которых уже не видно ни одного орудия, сработанного туземцами, и деревни которых походят на жалкия предместья американского города. Маршальские рыбаки,

1 Carl Hager, „Die Marschall-Inseln“.

2 A. von Chamisso, „Entdekungsreise in die Sudsee und nach Bergstrasse“.

3 F. Hernsheim, „Sudsee-Erinnerungen“.

столь же, как и королинцы, замечательные своими географическими познаниями и столь же большие любители путешествовать, умеют ещё строить лодки, но эти челны, сработанные топором, не имеют уже ни изящества, ни прочности, ни быстроходности тех судов, которые их предки мастерили острым камнем; скоро совершенно забудется плотничье искусство, и оставшиеся туземцы превратятся в бедняков, служащих простыми гребцами на судах у белых. Над могилами знатных покойников помещают весло.

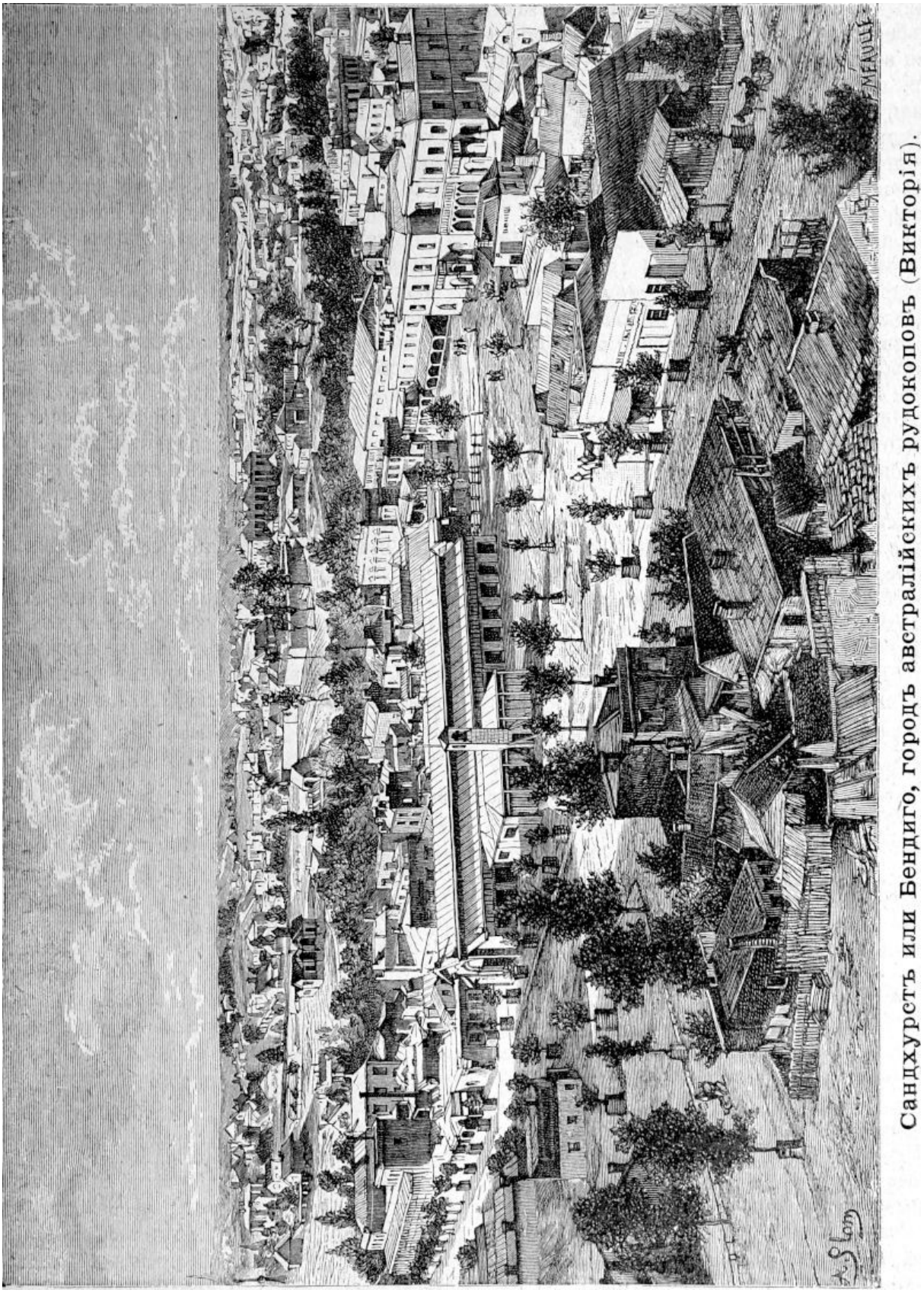
У островитян этих архипелагов сохранились предания, которые напоминают о существовании в старину людоедства, по крайней мере на некоторых островах. Воин принимал имя побежденного врага, без сомнения, потому, что прежде он съедал его мясо[1]. Господствовали и другие кровожадные обычаи: так, наприм., в группе Ратак мать могла оставлять в живых из своих детей только первых трех; если же родился четвертый, то она должна была зарыть его в землю собственными руками. Так повелевала религия; но тем не менее оказывали большую нежность к оставшимся в живых детям, и когда какая-нибудь женщина, мать, умирала, другие тотчас же являлись для усыновления оставленных ею сирот. Вообще, жена весьма уважалась своим мужем: она не знала другой работы, кроме тканья цыновок и парусов, да приготовления кушаний; все тяжелые работы исполняли мужчины. Во время сражений, оба супруга держались вместе. Муж метал свой дротик, а жена, находясь рядом с ним, либо отстраняла направленную в него стрелу, либо кидалась к победителю с мольбою о пощаде. На островах Джильберта, она не покидала мужа или сына даже и после их убиения, и оставалась около трупа до тех пор, пока мясо не начинало отваливаться; родные же приходили натереть свое тело этими человеческими останками.

Религия сводилась к культу духов, а храмы—к квадратному пространству между четырьмя камнями, или к месту под сенью скалы или большого дерева. Жрецы имели некоторое влияние, но весьма слабое в сравнении с влиянием начальников, из которых большая часть пользовалась безусловной властью; короли некоторых островов заставляли сопутствовать себе, при путешествии, всех своих подданных: в их отсутствие ни один мужчина не мог оставаться на том острове, где пребывали королевские жены. Хагер разгадывает об одном учившемся азбуке начальнике, который приказывал отрубать голову каждому, успевавшему в таком изучении более, чем он. Социальная иерархия точно установлена. Ниже *iroiu*—из которых избираются короли, в порядке потомства по материнской линии—идут князья, затем собственники, и наконец «люди ничтожества», бедные, у которых можно безвозмездно отнять обрабатываемую ими землю, и которые могут иметь только одну жену. Между ними-то недавно и набирали рабочих для плантаций на острова Самоа; но на Маршальских островах число туземцев до такой степени уменьшилось, что едва-едва достает людей для обработки пальмовых рощ своих собственных архипелагов. Бесплодные земли Джильбертовых островов—которые, относительно величины занимаемой площади, принадлежат к самым населенным океанийским группам, так как на один квадр. километр приходится более 80 жителей—прежде могли доставлять для торговцев больше работников; но теперь и там рынок людей почти истощился.

Европейские торговцы основались на Маршальском архипелаге с 1864 года. В большинстве, это представители германских домов; однако, они имеют себе соперников в лице миссионеров и купцов английских, американских, гаванских, новозеландских и даже китайских, и в видах обеспечения своего, сильно угрожаемого, торгового преобладания, они потребовали для Маршальских островов германского «протектората, который берлинское правительство и дало в 1885 году; к Маршальским островам они присоединили также два небольших архипелага, которые, по конвенции с Испанией, должны были бы скорее принадлежать к сфере Каролинских островов; это—острова Эниветок или Броуна, и рифы Провиденс. Пост Жалуит (Jaluit) стал главным административным пунктом немецких владений, как раньше он уже был центром торговли с Каролинскими, Джильбертовыми и всеми другими островами, находящимися в этих морских пространствах. В 1884 году, в Жалуит вошло и

1 Meinicke;—Waitz-Gerland, „Anthropologie der Naturvolker“.

из него вышло, в общей сложности, 69 кораблей с вместимостью в 8.432 тонны; из них германских было 40, с вместимостью в 5.351 тонну. Плантации и фактории основаны на островах Милли, Наморек, Архно, Мажуро, Ликиэб, Эбон и других. Что касается миссий, то ими



Сандхурстъ или Бендиго, городъ австралійскихъ рудокоповъ (Викторія).

главным образом заведуют гавайские миссионеры, не любимые купцами: столкновении интересов уже случались и, по приказания «протекторов», были разрешаемы в пользу жалуитских негоциантов.

К северу от Маршальского архипелага находится несколько островов, которые должно рассматривать как принадлежащие, если не к тем же группам, то по крайней мере к той же географической области. Таков Гаспар Рико или Корнваллис. Острова и рифы, следующие вереницами по направлению к Японии, отделены большими океанскими глубинами от той возвышенности, на которой покоятся Маршальские острова.

В нижеследующей таблице приведен перечень архипелагов Восточной Микронезии, с показанием числа островов, поверхности и предполагаемого народонаселения, как уединенных, так и сгруппированных островов-утесов, пространство которых равняется по крайней мере трем квадр. километрам.

Имена островов или островных групп		Число остро-вов	Поверх. в кв. кил.	Народонаселение жит.	
Маршальский архипелаг					
Ралик 273 кв. кил 3.144 жит	Эниветок (Броун)	30	6	40	(Витт)
	Бикини (Эшхольц)	14	10	30	„
	Алинжинаэ	7	6	0	„
	Ронжерик (Римский-Корсаков)	8	8	10	„
	Ронжелап (Рыбачьи)		4	18	„
	Воттхо (Кабахайя, Шанц)		10	25	„
	Ужаэ (Екатерина, Серпан)	14	3	300	„
	Лаэ (Лай, Броун)	16	3	250	„
	Меньщиков (Зваджелин)	80	50	200	„
	Наму (Намо, Росс и т.д.)	26	30	150	„
	Эльмор (Одиа, Ожа, Кромченко)	45	40	220	„
	Жалуит (Бонхам, Елизавета)	55	90	1.000	(Хернсгейм)
	Наморек (Беринг)	2	6	500	(Витт)
	Эбон (Бостон и т.д.)	12	6	300	(Кун)
	Другие острова		2	100	„
Ратак 129 кв. кил. 7.520 жит.	Бикар (Фарнам)	26	3	0	„
	Утикор и Така (Суворов)		4	40	(Витт)
	Аплюк		6	120	„
	Жемо		11	0	„
	Ликиэб (Гайден)	44	6	300	(Хагер)
	Вотже (Отдиа, Румянцев)	65	10	300	„
	Эрикуб (Чичагов)	17	5	60	„
	Малоэлаб (Кальверт, Аракчеев)	64	10	1.000	„
	Люрх (Иббетсон)	32	4	1.000	„
	Арроусмит (Мажуро, Мажурок)	33	30	1.000	(Кун)
	Архно (Даниэль, Паддер)		30	3.000	„
	Милли (Лорд Мюлгрэв)	25	10	700	(Витт)

		Поверх. в кв. кил.	Народонаселение жит.	
Джильбертовы острова (440 кв. кил.; 41.000 жит.)				
	Макин	7	500	(Финш)
	Таритари (Бутаритари)	30	2.500	„
	Мараки (Матью)	25	1.300	„
	Апайянг (Шарлотта)	40	3.600	„
	Тарава (Нокс, Кух)	40	2.000	„
	Майана (Халль, Джильберт)	30	3.000	„
	Куриа (Вудль)	13	1.000	„
	Аранука (Хендервилль)	16	1.000	„
	Апамана (Хопп, Симп)	17	4.500	„
	Нонути (Сиденгам)	30	4.500	(Турнер)
	Тапотеовеа (Друммонд)	25	7.500	(Дана)
	Онэатоа (Клерк, Элиза)	25	90	(Турнер)
	Перу (Фрэнсис, Сендай)	35	2.500	„

		Поверх. в кв. кил.	Народонаселение жит.	
	Нукунау (Байрон)	25	2.000	„
	Тамана (Чез)	10	1.700	(Турнер)
	Арорай (Гоп)	40	600	„
	Паанопа (Барнаба)	25	450	„
	Плизант	5	1.400	„
Эллис (36 кв. кил.; 3.305 жит.)				
	Наномэа (Св. Августин)	6	440	(Турнер)
	Гудзон	5	225	„
	Линкс (Шнейдер, Ниу-Тао)	4	460	„
	Нуи-Ээг (Недерланд)	5	440	(Турнер)
	Фунафути (Эллис)	6	145	„
	Нукулайлай (Митчель)	6	105	„
	Другие острова	4	400	(Турнер)

Глава VI Папуазия

Эта большая земля, всего чаще называемая Новою Гвинеею,—наименование, которое дано ей испанцем Иньиго Ортис де-Ретисом в 1545 году по причине сходства её жителей с жителями Африканской Гвинеи,-составляет, после Австралии, самую обширную континентальную землю в Тихом океане: пространством она превосходит даже Борнео. Между оконечностями Папуазии, северо-западной и юго-восточной, расстояние по прямой линии равняется 2.390 километрам, не считая групп и верениц островов и островков, которые в обе стороны продолжают главную землю; в самой широкой её части, расстояние между берегами превышает 660 километров. По Бэму и Вагнеру, вся поверхность острова равна 785.362 кв. километрам: по этим же авторам, она достигает 814.832 кв. километров, если к Новой Гвинее присчитывать и принадлежащие к ней обломки, разсеянные около развалившагося здания, архипелаг Ароэ и другие группы островов. Эта обширная страна, по пространству в полтора раза превосходящая Францию, повидимому, предназначена к достижению первостепенного значения, так как она в изобилия орошена и богата различными произведениями; тем не менее, она оставалась до наших дней почти совершенно вне области цивилизованного человечества: рифы около её берегов, болота, леса и даже самая её громадность охраняли её от белых завоевателей, а её редкое население, разделенное на множество племен, нигде не сложилось в нацию. Но хотя ещё и неисследованная, Папуазия уже разделена: Голландия, которая претендовала на этот большой остров уже более полустолетия, отныне признана собственницею области, которую на востоке ограничивает 141 градус восточной долготы от Гринвичского меридиана, а остальная часть Новой Гвинеи распределена, со времени трактата 1885 года, между Англиею и Германиею. Первой принадлежит южный склон, омываемый водами Торресова пролива, вторая же завладела берегами, обращенными к океану. Тщетно Миклуха-Маклай передавал европейским правительствам протест туземцев берега Маклая против присоединения их страны ко владениям которой-либо из вышеупомянутых держав. Приблизительно поверхность и населенность ново-гвинейских отделов следующие: Голландская территория, с Западными островами—405.065 кв. кил., и 280.000 жит.; Английская территория, с Восточными островами—229.102 кв. кил., и 350.000 жит.; Германская территория—251.005 кв. кил., и 387.000 жит.

Честь открытия не принадлежит ни одной из тех наций, которые присвоили себе Новую Гвинею. Письмо флорентинца Корсали, адресованное в 1515 году к Юлиану Медичи, упоминает о существовании весьма обширной земли, расположенной к востоку от Молуккских островов: вероятно, дело шло об острове Папуа; но большая часть историков приписывает

истинное открытие её, или по крайней мере некоторых из прилегающих островов, португальцу Jorge de Menezes'у: тот «добрый порт Версия», в котором этот путешественник перезимовал с 1526 на 1527 год, был, может быть, Варсай, около северо-западной оконечности Новой Гвинеи[1]. Как бы там ни было, не может-быть никакого сомнения относительно направления, которому следовал испанский мореплаватель Альваро де-Сааведра, плававший в этих морях после Менезеса. В 1528 году, он бросил якорь около какого-то «Золотого острова», который, вероятно, и был одним из островов, находящихся в бухте Геельвинк; затем, в следующем году, он проплыл к югу от экватора вдоль одного берега, который тянулся к югу-востоку на пространстве нескольких градусов долготы: несомненно, то был берег Новой Гвинеи. Шестнадцать лет спустя, Ретис дал ему имя, которое он носит поныне, и присоединил его к владениям Испанской короны. Однако, в то время ещё не знали: составляет ли эта большая земля остров, или не должно ли в ней видеть просто принадлежность к тому материку, который воображали существующим в южном полушарии, в качестве противовеса северным материкам. Правда, на картах шестнадцатого столетия Папуазия уже изображается в виде острова, но на других, между прочим, на карте Валентийна, изданной в XVII веке, Новая Гвинея ещё не отделена от Австралии.

С 1606 года, островообразность земли папуазцев была на деле доказана испанским кормчим Торресом, который проник чрез подводные камни опасного пролива, названного впоследствии его именем, и который в то же время опознал также и южные берега Новой Гвинеи. Но эти открытие, тщательно скрытое, как государственная тайна, и погребенное в Манилльских архивах, в конце концов было забыто самими испанцами, и более полутора века прошло прежде, чем англичане, овладев, в 1762 году, столицею Филиппинских островов, дали чрез это Дальримплю случай оповестить о капитальном географическом событии, с которым с тех пор неразрывно связалась память о Торресе. Вскоре затем, именно в 1770 году, Кук, предприняв путешествие по следам этого испанского мореплавателя, проплыл снова чрез Торресов пролив, полагая, что посещает его первым, а вместе с этим и Новая Гвинея приняла на карте форму, приближающуюся к её истинным очертаниям.

В этот промежуток времени, различные пункты берегов Папуазии были опознаны также и другими мореплавателями. Так, Willen Jansz, на корабле *Duyfken*, проник в 1606 году вплоть до архипелага Ароэ и до юго-западных берегов Новой Гвинеи; десять лет спустя, Ле-Мэр и Шутен открыли архипелаг Шутен, на севере Геельвинкской бухты; затем, в 1623 году, Карстенш продвинулся до Вальше-Капа (Valsche Kaap), мыса на острове Фридриха Генриха. Другие мореплаватели, и между ними знаменитый Тасман, также посетили оба берега, северный и южный; но в конце XVII века остров был ещё столь мало известен, что Румфиус совершенно неверно описывает его западную оконечность—единственную, о которой он слышал,—и продолжает её даже к северу от экватора. Привлекла внимание к Новой Гвинее боязнь, чтобы англичане не основали колоний на её берегах и не похитили, таким образом, у Голландской Компании монополии торговли пряностями. В самом деде, пират Дампьер (Dampier) проплыл на севере вдоль папуазского побережья и констатировал, что архипелаги Новая Ирландия и Новая Британия суть земли, отличные от собственно так называемой Папуазии. Поэтому в эти морские области был послан мореплаватель Вийланд (Wijland), который ознакомился с северным побережьем не только вплоть до его восточной оконечности, но даже и далее, так как составною частью Новой Гвинеи считался также и архипелаг Массим или Луизиада, Старинные испанские карты, изученные г. Гами и сравненные с голландскими документами, показали, что Торресом и предшествовавшими ему в XVI столетии мореплавателями в общем уже была опознана форма Папуазии в её восточной части[2].

Экспедициею Кука начинается эра новейших исследований на берегах Папуазии. До конца XVIII века, Форрест, Мак-Клюр, Антрекасто сняли на карту большие пространства по

1 Thiele, „Europees in den Maleischen Archipel";—Haga, „Nederlandsch Nieuw-Guiuea".

2 F.-T. Hamy, „Cartes ancienne de la Nouvelle Guinee". „Bulletin de la Societe de Geographie", Novembe 1877.

морскому побережью. Но войны, восстановившие народы Европы друг против друга, прервали предпринимавшиеся с целью открытий путешествия, и они возобновились только после восстановления мира. Дюперрей, Дюмон д'Юрвилль, Бельхер были в числе первых моряков, изучавших морские области около Новой Гвинеи; Кольф проплыл чрез пролив, отделяющий остров Фридриха Генриха от большой земли и принятый им за реку; затем, в 1828 году, он основывает на берегу бухты Тритон, насупротив архипелага Ароэ, первый, занятый европейцами на папуазском берегу, военный пост. Порт Бус (Bus), впоследствии покинутый по причине его нездоровых окрестностей, был началом дела присоединения, которое совершалась медленно, но непреодолимо. В том же 1828 году, голландское правительство оффициально провозгласило о завладении им ново-гвинейской территорией вплоть до 141 градуса восточной долготы от Гринвичского меридиана, и установлением своей власти заменило власть своего вассала, Тидорского султана.

Отныне исследованию подлежит внутренняя область острова, и ученые естествоиспытатели, каковы Jukes, Уэллес, Черрути, Беккари, д'Альбертис, Бернштейн, Мейер, Раффрай уже проникли далеко внутрь земель. Но как бы ни были многочисленны усилия, направленные к достижению полного исследования острова, с его народонаселением, продуктами и природными богатствами, Новая Гвинея всё ещё оказывается одною из наименее известных стран земной поверхности: гибельный климат приморских областей и, следовательно, небольшое число пунктов, где европейцы могли основаться в видах снабжения провизией путешественников, совершенное отсутствие станций на здоровых плоскогориях внутри страны, и слишком часто оправдывавшаяся враждебность туземцев, которые с полным основанием не доверяют белым, держащим в одной руке пистолет, а в другой бутылку водки,—всё это делает путешествия весьма трудными и часто невозможными. Для ненасильственного довершения дела, нужны были бы такие исследователи, как Миклуха-Маклай, который принял за правило быть всегда скромным, терпеливым, справедливым к туземцам и который сумел, среди величайших опасностей, остаться верным своим началам; но подобные герои редки. Мало таких, которые бы «на деле доказали, что на всех пунктах земли человек есть человек, т.е. доброе и общественное существо, с которым можно и должно входить в сношения путем оказания ему добра и справедливости»[1].

Новая Гвинея не такой массивной формы, как австралийский материк, который она отделяет от экваториальных морей. Её сравнивали с исполинскою птицею: северо-западный полуостров, с его широко раскрытым заливом, изображает голову животного; шеею служит перешеек, ограничивающий бухты Геельвинка и Этны; хвост продолжается на юго-восток, оканчиваясь бахрамой из небольших параллельных полуостровов, похожих на перья. Но, изучая форму Папуазии, какою она была бы, если бы окружающие воды внезапно отступили, легко убедиться, что достаточно было бы незначительного понижения уровня моря, на какую-нибудь сотню метров, чтобы Новая Гвинея соединилась с Австралией: Луизиадский архипелаг продолжал бы Новую Гвинею к юго-западу, а другие острова соединили бы её с австралийским материком, но на западе, севере и юго-востоке разверзаются пропасти, резко ограничивающие массу острова. На севере, море углублено более чем на две тысячи метров; даже между ново-гвинейским берегом и Новою Британиею лот касается земли не ранее, чем спустившись более тысячи метров. На юго-востоке, между Луизиадою и «Великим барьером» австралийских рифов глубина равняется 2.450 метрам.

На северо-западной оконечности Новой Гвинеи несколько островов довольно больших размеров: Мизооль, Сальвати, Батанта, Вайгеу и другие меньшие указывают начало рельефа, который на главном острове, т.е. на самой Новой Гвинее, вздымается уже в виде высоких вершин. Полуостров Берау (Berau), принадлежащий к собственно так называемой Папуазии, уже весьма возвышен: горы Арфак, идущие вдоль северного берега этого полуострова, оканчиваются при входе в бухту Гельвинк вершиною в 2.902 метра, представляющею, со стороны моря, весьма крутые склоны. Залив Берау, названный европейцами заливом Мак-

1 Письмо Толстого к Миклухе-Маклаю.

Клюра—в честь мореплавателя, исследовавшего его в конце прошлого столетия,—вдается на 200 километров внутрь земли и почти совершенно отделяет северный полуостров от остальной части Новой Гвинеи; тем не менее узкий перешеек соединяет обе части, а ряд холмов возвышается между двумя бухтами. Долгое время задавались вопросом: не остров ли полуостров Берау, и ещё недавно мореплаватель Страчан, проникнув до восточной оконечности Мак-Клюрского залива, утверждал, что существует сообщение между двумя морями; однако же естествоиспытатель Мейер, пройдя по суше от одной бухты до другой, уже положительным образом убедился в отсутствии всякого сообщительного канала. По словам миссионера Гейзелера, пребывавшего в 1867 г. в одной деревне на перешейке, две противоположные речки позволяют переезд через эту косу на малом гребном судне: промежуточный водораздел, образуемый скалистым холмом, имеет в ширину всего только «четверть мили» (400 или 1.850 метров, смотря по тому, какая миля)[1].

К югу от Мак-Клюрского залива, вдается узкая, длинная и глубокая бухта Аргуни, над которою господствуют высокие кручи гор. Полуостров Онин, находящийся между двумя заливами; Мак-Клюрским и Аргуни, в среднем, весьма возвышен, хотя и не достигает высоты положения гор Берау; только некоторые вершины превышают тысячу метров. Восточнее виднеются, в непосредственном соседстве с южным берегом, горделивые вершины: Женоффо, около входа в бухту Аргуни, высотою в 1.500 метр.; Ламансьери, у подножия которого находятся развалины форта Бюс, имеет всего лишь 750 метров; затем различные *delokh*, т.е. бухты, как-то: бухты Тритона, Этны и пр.—прерывают береговую горную цепь; но далее эта цепь снова появляется и образует мощный ряд гор, самый высокий, как на Новой Гвинее, так и во всём океаническом мире. Она начинается на мысе Буру, горою Лакахиа (высотою в 1.390 метров), а затем в направлении с запада на восток, всё более и более возвышающиеся вершины следуют одна за другой. Горная цепь, ещё не исследованная на всём её протяжении, переходит даже за снежную линию: одна вершина, высотой в 5.100 метров, показывается морякам с диадемой из блистающих шпицев. Этот снеговой хребет, которому европейцы, по неведению его туземного имени, дали название «гора Карла-Людовика», вероятно, продолжается на восток, чтобы образовать кряж, который Альбертис видел к северу от бассейна реки Флей, и соединяется, либо посредством плоскогорий, либо посредством других рядов гор, с краевыми цепями океанского побережья. На этом берегу гора Готье, или Таби, достигает 2.000 метров; гора Циклоп, стоящая восточнее, почти не ниже предыдущей; наконец, крайний массив, стоящий против Новой Британии, и которому французские мореплавателя дала название «горы Финистер», возвышается на 3.500 метров; крайние мысы представляют во многих местах вид правильных укреплений, состоящих из валов с уступами, бывших коралловых пляжей, постепенно приподнятых[2]. В этой части Новой Гвинеи, соседней с вулканами Меланезии, всего чаще бывают землятресения.

Орография юго-восточного полуострова изучена лучше всего, благодаря соседству Австралии, небольшой ширине территории и легкости доступа к обоим её берегам. Горы этого полуострова, присоединенного к британской державе, получили английские названия. Горы Альберта, расположенные на одном и том же меридиане с горами Финистер, начинают горный кряж на северо-западе, затем гора Юль (в 3.062 метра) продолжает его на юго-востоке; гора Оуэн Стэнли (в 4.024 метра) господствует своей двуглавой остроконечной вершиной над всем рядом гор полуострова: на эту вершину, покрытую высокими папоротниками, в 1888 году первый взошел австралиец Мартин. На востоке, цепь постепенно понижается, затем раздвояется, образуя крайнюю развилину Новой Гвинеи, и снова появляется в море в виде архипелага Моресби и островов Массим или Луизиады. Пролив, отделяющий Новую Гвинею от острова Хайтер и других восточных островов, получил от Моресби наименование China Straits (Китайский пролив), так как это прямой путь для тех кораблей, которые плывут из Австралии в Китай: берега этого пролива—одни из самых красивых в Меланезии по

1 Van der Graben;—Teisman;—Robide van der Aa, „Reizen naar Nederlandsch Nieuw-Guinea“.

2 Finsch. „Wilhelms Land und Bismark-Arhipel“;—„Samoafahrten“.

своей живописности и неожиданности открывающихся взору картин природы. Мореплаватель Оуэн-Стэнли первый констатировал, в 1848 г., вполне островной характер восточного архипелага.

К востоку от Китайского пролива, крайний полуостров Папуазии снова проявляется в море вереницею островков и рифов, заканчивающихся в пятистах километрах далее островами Массим, или Луизиады. Все эти земли ориентированы на продолжения главного островного тела Новой Гвинеи, в направлении с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Самый большой остров, названный французскими мореплавателями Юго-Восточным, окружен рифами, расположенными в том же направлении; на севере, ряд Кальвадоских утесов тянется по направлению к острову Росселю, параллельно Юго-Восточному острову; наконец, остров Сент-Эньян вздымается на северо-западе, образуя другую борозду той же ориентировки. Архипелаг Антркасто (Entrecasteaux), лежащий к северу от конечного полуострова Папуазии, имеет то же направление и служит опорной точкой полукругу рифов, опоясывающему одну из самых больших лагун тропических морей, часто обозначаемой именем «лагуна Лузенсай»; острова Тробриан, Грандьер и другие лежат на этом полукруговом рифе, охватывающем неглубокия воды[1]. Вероятно, все эти подводные земли некогда составляли часть папуазского материка. Ново-гвинейский полуостров гор Финистер продолжался прежде рифами до острова Вудларк, или Муйю.

Хотя и соседка бесплодной Австралии, Новая Гвинея—омываемая со всех сторон морем, иззубренная глубокими заливами, уставленная задерживающими дождевые тучи горами и расположенная в тропическом поясе—орошается в изобилии, и реки её имеют значительное развитие. Две из них катят весьма большую массу воды. Амберно или Мамберан, «Великая река», которой голландцы тоже дали наименование Rochussen, питается водами с снежных гор Карла-Людовика; она изливается на востоке в бухту Геельвинк, отвоевав у моря обширную дельту, с многочисленными разветвлениями, окаймленными пальмами нипа и казуариновыми растениями. Море здесь белого или зеленоватого цвета на большом расстоянии от устьев Амберно, и, из опасения мелей, корабли избегают приставать к дельте: до сих пор ещё не известно, которая главная ветвь реки. Самый обильный на южном склоне поток вод, Фляй, известен немного лучше. Открытая Блеквудом, в 1845 году, и названная по имени его корабля, эта мощная река была посещена Юксом, Мак-Фэрлэном, д'Альбертисом, который поднялся по ней на протяжении 800 километров, вплоть до появления в виду тех высоких гор, среди которых эта река берет свое начало. До сих пор ещё не были пройдены все ветви дельты, и не известно: составляют ли многочисленные речки, текущие прямо против австралийского полуострова Иорк, к югу от р. Фляй, реки независимые, или только рукава самой Фляй?

Перед устьями рек в море выдвинулись острова аллювиального образования, но во многих местах берег окаймлен коралловыми островками, по большей части покрытыми растительностию и тем более схожими с корзинами зелени, что волна подтачивает их снизу, придавая берегам острова нависший карниз. Кроме того, есть и большие острова, которые должно считать частью Новой Гвинеи. Из них самые обширные находятся в бухте Геельвинк, как-то; Корридо, Биак, Жаппен. К югу от южного берега, остров Фридриха-Генриха—отделенный извилистою полоскою воды от Klapper-kust'a или «берега Кокосовых пальм»—представляется островом, так сказать, лишь повидимому; простая песчаная мель, или затор из древесных стволов, были бы достаточны для того, чтобы остров стал полуостровом. Многие из островков, в особенности на Торресовом проливе, расположены так, что образуют природные порты, драгоценный рессурс для судов по соседству с мало-изрезанным берегом, лишенным всякой спокойной бухточки на протяжении сотен километров. По Уэллесу, архипелаг Ароэ был, подобно острову Фридриха-Генриха, землею, которая отделялась от большого острова всего лишь одним каналом-протоком. Улицы и переулки спокойных вод, разрезывающие его на бесчисленные островки, на-подобие улиц и переулков городских кварталов, по-

1 Findlay;—Finsch;—W. Powell, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1883.

видимому, указывают, что острова Ароэ некогда были болотистою равниною материка, каналы которого, имея сначала пресную воду, постепенно наполнялись водою соленою. Так называемое «млечное море» довольно часто наблюдается в морях, соседних с архипелагом Ароэ[1].

Географическое положение Новой Гвинеи, находящейся под той же средней широтой, как и Суматра, делает её одновременно страной жаркой и влажной, в температуре которой не наблюдается значительных колебаний, как, равным образом, не подвергается она ни продолжительным дождям, ни засухам. В Новой Гвинее не испытывают ни стужи, ни летнего зноя Австралии: путешественники не говорят ни о жарах, превышающих 31°, ни о температурах ниже 20°. В частности на Pointe de l'Ermitage (5°23'9" с. ш.; 145°46'1" в. д. от Гринв. мер.) наблюдения Миклухи Маклая дали следующие результаты:

Средняя температура: 26°,2; высшая: 31°,8; низшая: 21°,2; число дождливых дней: 150; количество дож. воды: 2 м. 394 мм.

Как и в Инсулинде, смена времен года регулируется пассатами, которые то правильно дуют с юго-востока и с северо-востока, то превращаются в муссоны и меняют направление, смотря по тем тепловым центрам, которые их привлекают. Высокие ряды гор, разделяющие остров на два весьма наклонных ската, обусловливают на каждом из берегов противоположности во временах года. Так, во время зимы на северном полушарии, с ноября по апрель, когда северо-восточный пассат приносит пары, которыми он насытился при прохождении через Тихий Океан, дожди в изобилии выпадают на склоны гор, обращенные к северу; другой же склон, обращенный к Австралии, находится в это время в сезоне засух или редких дождей, которые приносятся переменчивыми южными ветрами. В течение другой половины года, с мая по октябрь, юго-восточные пассаты беспрепятственно обвевают юго-восточные берега Новой Гвинеи, т.е. всю ту часть острова, которая не защищена австралийским материком, и ветры эти постоянно сопровождаются дождями. На западе Торресова пролива, громадная масса Австралии видоизменяет направление нормальных ветров, дующих с юго-запада и с запада, но приносящих также в изобилии влагу, вбираемую ими при прохождении через моря. В течение этого времени года, на противуположном берегу наблюдаются противуположные явления: высокие горы цепи Оуэн-Стэнли задерживают совершенно юго-восточный пассат, и в этих защищенных морских пространствах суда встречают лишь затишье, или же только непостоянные ветры.

Будучи на половину австралийскою землею, Новая Гвинея представляет растительность не менее богатую, чем растительность Инсулинда, но, по своим западным полуостровам, она кажется принадлежащею к тому же поясу, как Молуккские острова, и там находят те же деревья, как, наприм., мускатные. В восточных областях, акации и эвкалипты напоминают о соседстве Австралии. Можно сказать, что вообще обе флоры перекрещиваются на островном теле Новой Гвинеи; они чередуются, смотря по сухости или влажности склонов. Там, где на склонах недостаточно воды, господствует австралийская флора: редко стоящие деревья лесов суть эвкалипты и другие породы Новой Голландии; травы «кенгуру» волнуются там в виде обширных саванн, тогда как по берегам ручьев произростают деревья хлебное и манговое, драконник (calamus draco), пандануc, пальмы арека и кокосовая[2]. Но есть также большое число видов, свойственных исключительно Новой Гвинее: Беккари насчитал около пятидесяти пород пальмового дерева, которые встречаются только на этом острове. Луб одного лаврового растения, *sassafras goheianum*, доставляет драгоценное масло *massoi*, весьма ценимое на Малайском архипелаге в качестве противулихорадочного средства.

Сходство фаун между двумя соседними странами, Новой Гвинеею и Австралиею, велико, хотя эти страны очень различаются общим видом, рельефом и климатом. С одной стороны—страна высоких гор, дождливых ветров, сырых долин, больших рек и обширных, всегда зеленых лесов, а с другой—материк безграничных равнин, каменистых и безводных местно-

1 Temminck, упом. соч.

2 W. F. Lawes, „Proceedings of the R. Geographical Society", october, 1880.

стей; тем не менее, фауна млекопитающих принадлежит к той же области рассеяния, что только и может быть объяснено фактом смежности земель в древнее время: образование Торресового пролива—событие недавнее в истории нашей планеты[1]. Однако, животные должны были видоизменить свои нравы для приспособления к среде. Так, одна из ново-гвинейских кэнгуру перестала быть скачущим животным и превратилась в лазящее: её хвост покрылся шерстью и стал тоньше, лапы её снабжены когтями, и вдоль древесных ветвей она двигается небольшими скачками; вместо щипания травы, она питается богатою листвою деревьев; однако, она ещё не приобрела ловкости в лазании, и если бы в лесах Новой Гвинеи водились животные из семейства кошачьих, то они не преминули бы её истребить.

Более тридцати видов сумчатых,—из которых один величиной не больше крысы,—составляют, вместе с одним видом кабана, летучими и обыкновенными мышами и птицезверями (Monotremata) всю фауну млекопитающих животных в Папуазии. Собака динго, повсюду сопровождающая туземца, прибыла, как и он сам, из чужеземных краев в незапамятную эпоху; подобно австралийской собаке, она вовсе не лает; питается она только растениями и плодами, и её мясо очень вкусно. По видам своих птиц, большой остров не составляет уже простой австралийской провинции; он равным образом принадлежит и к Малезии. На одном только северо-западном полуострове Новой Гвинеи и соседних с ними островах, Уэллес и другие естествоиспытателя констатировали присутствие по крайней мере 250 видов наземных птиц, принадлежащих к 108 родам, из которых 64 оказываются свойственными области Новой Гвинеи, Молуккских островов и Северной Австралии. Между этими видами есть в высшей степени замечательные изяществом, оригинальностью форм и блеском цветов, таковы: *goura coronato*, самый красивый из голубей; попугаи,—большой черный какаду и *nasiterna* «гигант и карлик» племени; наконец, Новая Гвинея является также центром рассеяния для тех чудных райских птиц, которых малайцы назвали «птицами бога» и относительно которых прежде полагали, что они не могут иначе жить, как на крыльях, летая к солнцу: утверждали, что у этих птиц нет вовсе лап, так как шкурки их доставлялись не цельными с Молуккских рынков, и даже Линней дал главному виду наименование *paradisea apoda* (безногия райские птицы). Казуар—также одна из папуасских птиц. Больших хищных птиц почти совсем нет, и именно благодаря их отсутствию и могло развиться столько видов птиц с блестящим оперением[2]. Во многих племенах, туземцы разводят петухов и попугаев для получения от них перьев. Между весьма многочисленными ново-гвинейскими змеями, находится один любопытный вид, *chondropython pulcher*, составляющий переходную форму между удавами Америки и питонами Азии[3]. Исследование, весьма ещё не полное, Новой Гвинеи ознакомило с тысячами насекомых, свидетельствующих об удивительном богатстве форм и видов, столь же примечательном, как и богатство в этом отношении мира тамошних птиц.

Население Новой Гвинеи—которое исчисляют различно, от полумиллиона до двух миллионов человек[4]—состоит из весьма большого числа народцев, различающихся друг от друга ростом и цветом кожи, формою черепа и другими физическими чертами, также как способностями и нравами. Из племен многие приближаются к индонезийскому типу, такому, какой мы встречаем на Борнео и Целебесе; другие походят на малайцев и описаны путешественниками, как принадлежащие к этой расе. Уэллес, Вирхов, де-Катрефаж, Гами, д'Альбертис, Мантегацца также полагают, вопреки мнению Мейера и Миклухи-Маклая, что негритосы представлены в Новой Гвинее как отдельная раса, а не как переродившиеся папуасы; наконец, группы полинезийского происхождения многочисленны в особенности в юго-восточной части острова, а скрещивания рас происходили до бесконечности, от одной деревни до другой. Раса там не единая, как это казалось вероятным по сообщениям первых ис-

1 Alfred R. Wallace, „The Malay Archipelago“,
2 Studer, „Jahresbericht der Geographichen Gesellschaft in Bern“ 1882-1883.
3 Raffray, „Le Tour du Monde“ 1879.
4 O. C. Stone „A few Months in New-Guinea“.

следователей; по крайней мере папуасский элемент, которому большой остров обязан своим наименованием «Папуазией», преобладает над всеми остальными: на северном склоне острова он почти чистый, без примеси чуждой крови. По словам некоторых авторов, он встречается даже во всей Океании; прежде он был распространен до Сандвичевых островов и до Новой Зеландии, где его заменили полинезийцы.

Самое слово «папуа» произошло, будто-бы, от малайского выражения *роиа-роиа*, означающего, по словам Крауфорда, «черный-черный»; однако, большая часть ученых придают ему значение «курчавый», от природной прически папуасцев: это—физическая черта папуасов, всего более поражающая чужеземцев. Сами папуасы не придают себе никакого родового наименования, и специальные названия, которыми обозначают различные племена, обыкновенно сливаются с наименованиями мест. Языки, столь же многочисленные, как и народцы, настолько различаются между собою, что во многих местах туземцы одной деревни не могут понимать жителей другой; в той части южного поморья, которая тянется к востоку от Торресова пролива, на пространстве около пятисот километров[1], насчитывают не менее двадцатипяти наречий; наиболее известное—наречие нофур в Дорее и на соседних островках. Впрочем, все до сих пор изученные новогвинейские говоры принадлежат к большому малайско-полинезийскому глоссологическому семейству[2].

В среднем, папуасы ростом несколько ниже полинезийцев, и обыкновенно рост их колеблется между 1 м. 55 и 1 м. 60 сант. Они хорошо сложены, гибки, ловки, и европейцы удивляются искусству, с которым они пользуются пальцами своих ног для схватывания предметов; они удивительнейшие лазуны, и на манер обезьян ловко перебираются по ветвям деревьев. Большая часть папуасов имеет кожу очень темную, но никогда она не представляет той блестящей черноты, какая наблюдается у шиллуков или уолофов Африки. Черты приближаются к чертам европейцев; брови хорошо очерчены, глаза большие и живые, рот большой, но губы не толстые, челюсть крепкая. У папуасов северо-западного полуострова, которых Уэллес считает представителями чистого типа, нос длинный и заостренный: эту черту папуасские художники никогда не преминут воспроизвести на человеческих изображениях, которыми они украшают свои дома и суда. Другою отличительною чертою многочисленных папуасских племен является курчавая или даже пушистая шевелюра, которая украшает голову пышным руном, не менее густым, чем у бразильских кафузосов, и, быть-может, свидетельствующим, как и у этих последних, о скрещивании рас. Удлиненная форма черепа, как и густые волосы на голове, не составляет постоянной черты папуасского типа, но всётаки эта черта общая. На некоторых островах Торресова пролива, напр, на Мабиаке, матери заботятся об удинннении в остроконечие черепов своих детей. На главном острове, Миклуха-Маклай также указывает много племен, у которых молодые девушки привыкают носить тяжести, пропуская ремень вокруг своей головы, и этот обычай ведет к кругообразному сжатию черепа.

Есть папуасы, которые ещё ходят голыми, но у большей части имеется по малой мере нечто в роде запона из луба или юбки из растительных волокон, иногда просто ротанг (индийский тростник), к которому привешена раковина или лист. Татуирование не всеобще, и собственно папуасы не разрисовывают себе тело узорами и арабесками, наподобие полинезийцев; кроме того, они татуируют себя посредством выжиганий и нарезов, а не посредством уколов, как это делают смешанные народонаселения на юго-востоке острова. Из желания нравиться, папуасы обременяют себя украшениями; бамбуковые гребенки в прическе, палочки, продетые через носовую перегородку, серьги из кости, бамбука, раковин или блестящих камней, ожерелья, браслеты на руках и ногах из рыбьих позвонков и даже человеческих зубов,—возвышают их красоту. Также они разрисовывают свое тело яркими красками. В знак траура папуасы, смотря по племенам, испещряют себя то белою, то желтою, то черною краской. Для выражения печали, женщины в Катау, около устьев р. Фляй, покрывают-

1 W. G. Lames, упом. соч.

2 Kern, „Actes du sixieme congres des Orientalistes“. 1883.

ся с лица до колен сетью из бичевок[1].

Некоторые папуасские племена, среди которых проживал Миклуха-Маклай, на берегах бухты Астролябии,—ныне называемой «берегом Маклая»—принадлежат к числу наименее цивилизованных в Папуазии: металлы им были неизвестны; они ещё находились в веке камня, раковин и дерева, не умея делать орудия из других материалов. Единственные между современниками, эти папуасы ещё не знали искусства добывать огонь, когда русский путешественник построил свою хижину в соседстве с ними; когда угли угасали в одном доме, приходилось идти занимать огонь у соседа; после экспедиций, горячими углями одолжалась одна деревня у другой. Старики рассказывают, что в малоотдаленную эпоху огонь был неизвестен совершенно: мясо ели сырым, последствием чего было распространение скорбута. Быть-может, это состояние цивилизации продолжается доныне у туземцев внутри страны, остававшихся вне всяких сношений с иноземцами; но большая часть побережных жителей, посещенных как малайцами и бугами, так и европейскими и американскими моряками, издавна уже имеет гораздо более развитую культуру. Тогда как некоторые племена знают лишь охоту, рыбную ловлю и сбор дикорастущих плодов, другие умеют обрабатывать почву и расчищают обширные поляна в лесу; они садят саговые деревья на сырых почвах, окружают свои хижины банановыми деревьями, сеют маис, таро, табак, даже вывозят свои земледельческие продукты, в обмен на европейские товары, именно на оружие и инструменты из железа. Недавно они употребляли лишь стрелы и дротики с наконечниками из камня, или из отравленного дерева, ножи из бамбука, кинжалы из костей, рогатки и дубины. В 1770 году, Кук, а после него и другие мореплаватели, видали на южном берегу Папуазии, к западу от Торресова пролива, туземцев, стрелявших из трубы пулею, полет который сопровождался некоторым шумом, как-бы от взрыва; но эти путешественники не могла дать себе отчета, что это было за оружие. У папуасов есть также музыкальные инструменты в виде первобытных флейт, барабанов и трубороговв (раковин).

Хотя развитие знаний и промышленности между папуасами весьма невелико, тем не менее артистическое чутье проявляется у них весьма замечательно: как скульпторы и чеканщики, они стоят гораздо выше большей части малайских наций. Располагая для своих художественных работ лишь бамбуком, костями, листьями банановых деревьев, дубом и деревом, они только рисуют и гравируют по направлению волокна, т.е. по прямым линиям; тем не менее и с этими первобытными средствами они умеют производить украшения очень грациозные и оригинальные, высекать *telum*, т.е. колоссальные статуи, представляющие знаменитых главарей и предков[2]; благодаря своему таланту граверов и скульпторов, им даже удается представлять большие исторические сцены и таким образом рассказывать о современных событиях. У многих племен есть свои летописи, то нарисованные на листьях, то изображенные при посредстве символического письма на скалах[3]. Черепа сраженных врагов, сохраняемые тщательно для украшения домов, в некоторых местностях тоже приукрашиваются рисунками на маске из воска и смолы. На берегах р. Фляй пользуются также черепами для превращения их в музыкальные инструменты: в них просверливают одну или две дыры, в которыя со свистом и врывается воздух, когда череп вращают на-подобие пращи[4].

Все жилища папуасов, и даже те из них, которые возводятся внутри страны, построены на рядах свай, по образцу островных деревень, которые при каждом приливе окружаются водою и к которым только и можно пристать на лодке. Эти группы хижин, издали похожия на вышедший в причудливой форме из-под воды риф, представляют в совершенстве изображение свайных городов Европы, которые в ней существовали три или четыре тысячи лет тому назад. Неровные сваи, будучи глубоко вколочены в илистое ложе бухт, поддерживают

1 D'Albertis, „Revue d'Anthropologie", 1876.

2 O. Finsch, „Samoafahrten".

3 Leon, „Tijdchrift voor Indische Land-, Thaat-and Volkenkunde", том XIX;—Metzger, „Nature", April 9, 1885.

4 Mantegazza, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 19 fev. 1880.

помосты из переплетающихся лиан и бревнышек, более или менее сглаженных при посредстве каменных орудий; в центре такого убежища, на слое глины, находится очаг. Вокруг дома имеется небольшая веранда, на которой играют дети и располагаются рыболовы. Жерди, по которым безбоязненно ходят туземцы, обхватывая дерево своими голыми ногами,—соединяют дома от одной галлереи к другой. Под хижинами плавают крокодилы, питаясь кухонными отбросами, а ныне европейские барказы и даже небольшие пароходы бороздят улицы и бросают якорь перед общинным домом, который одновременно служит храмом, гостиницею, биржею и рынком. В деревнях, внутри страны, папуасы сохранили тот же самый тип постройки, как и на берегах.

Всего замечательнее проявляют свою изобретательность папуасы в постройке своих судов. При наступлении дурного времени года, они связывают друг с другом две, три и даже четыре лодки, образуя одну пловучую массу, которая, по воле волн, то опускается, то поднимается, но никогда не перевертывается. Некоторые из этих *latakoi*, т.е. торговых судов, имеют до шести прямоугольных парусов, сработанных в виде рогож из луба саговой пальмы и поддерживаемых двумя вертикальными мачтами, вколоченными в борт лодки. На иных лодках бывает по одному парусу, высотою вдвое против мачты, по форме овальному, но имеющему в верхней своей части вырезку, вследствие чего образуются как-бы два заостренных рога, которые издали делают лодку похожею на исполинское животное, на какого-то громадного рогача, шествующего по морям[1]. Туземцы умеют придавать большую устойчивость также и простым, выдолбленным при помощи железа и огня, из цельного дерева, челнокам, достигая этого тем, что помещают поперек лодки платформу, покоющуюся своими двумя оконечностями на жерди с заостренными концами, каковая жердь и служит веслом.

Хотя плававшие мимо Новой Гвинеи моряки некогда очень боялись ново-гвинейцев, но большая часть этих туземцев имеют весьма мирные нравы: женщины уважаются, а с детьми обращаются вполне добросердечно; рабов, в тех редких округах, где они есть, кормят и одевают наравне с свободными людьми[2]; мертвым воздают почести цветами, пением и церемониями. Погребальные обряды различны в разных племенах; одни хоронят своих покойников тотчас после наступления смерти; другие ожидают, пока труп высохнет, от огня или времени; наконец, у некоторых кости распределяются между друзьями, и сын украшает свое плечо челюстью отца. Одним из общераспространенных обычаев является вырезывание *karvar*'ов, т.е. фигурок, изображающих умерших или скорее ту жизнь, которая удалилась из них; когда умирает сын, то его карвар втыкают в насыпь на его могиле, рядом с его оружием: в иной мир он переселился с изображением своего отца, а теперь свое изображение оставляет детям. Хижины и суда, служащие храмами, украшены изображениями предков. Этот культ умерших, так же, как и культ духов, добрых или злых, живущих в лесах, по скалам, в ветре и в бурях,—составляет религию папуасов. Однако, магометанство делает захваты в небольших архипелагах на западном берегу и проникает даже на самый континент Новой Гвинеи. С другой стороны, стараются обратить туземцев в христианство на различных частях поморья и миссионеры.

Голландцы—наследники Тидорского султана, сохраняющего сюзеренство по имени, но которому отныне запрещено взимать дань[3],—оффициально владеют западной частью Новой Гвинеи; но на всём протяжении этой громадной территории у них нет ни одного города, из которого присоединение владений могло бы распространяться постепенно внутрь страны: имеются лишь простые пристани, перед которыми через более или менее длинные промежутки и появляются голландские военные суда для оказания нескольким европейским купцам покровительства в их небольших торговых операциях, и в особенности для показания своего флага и поддержания авторитета в глазах туземцев. На некоторых пунктах берега вы-

1 Octavius C. Stone, „A few months in New Guinea“.
2 Achille-Raffray, „Tour du Monde“, 1879.
3 „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1883.

ставлен нидерландский герб, для предуведомления плывущих мимо моряков и в качестве символа власти для туземцев. В северо-восточном углу Новой Гвинеи, повидимому, один остров удивительно хорошо помещен для образования в будущем торгового склада для островных населений в этих морских пространствах: это остров Waigeoe, или «Земля воды». Глубокие заливы, изрезывающие его на юге, могли бы приютить целые флоты, а кораллами созданный остров Gemien, лежащий впереди побережья, образует великолепный рейд. От этой пристани суда могут отходить или на восток в Тихий океан, или на юг или запад в лабиринт инсулиндских земель. К несчастью, Вайгеу, хотя плодородный и населенный, не имеет продуктов для вывоза: жители, происходя от малайцев и папуасов, нерадивы, как и все другие островитяне, которым саговая пальма в избытке доставляет пищу. Внутри острова вовсе нет независимых племен альфуру[1]. Раджа острова пребывает в Самсаме, в глубине того залива, который почти совершенно разделяет остров: перешеек Фак-Фак, соединяющий обе половины Вайгеу, не имеет и двадцати метров в высоту[2]. Наиболее посещаемый в западном архипелаге Новой Гвинеи рынок находится в местечке Самата, на острове Сальвати.

На материке, чаще всего посещаемая голландскими судами якорная стоянка—Дорея, пристань, расположенная при входе в бухту Геельвинк, у подошвы гор Арфак. Три деревни на сваях возвышаются на островках около берега, будучи защищены с севера лесистым возвышенным местом. Несколько торговцев наезжают туда для ведения обменного торга, приезжают также и миссионеры, хорошо принимаемые туземцами, но которым не удалось ещё сгруппировать вокруг себя небольшую общину верующих. Дорейские папуасы известны под именем мафур или нофур, каковое наименование, повидимому, одного и того же происхождения с наименованием альфуру; в таком случае, по-португальски оно значило бы: «люди извне» или «дикие»; однако, ван-Хасселт придает этому наименованию значение «открывателей огня»[3]; туземцы справедливо гордятся этим великим изобретением, приписываемым другими народами богам. Мало туземцев, которые были бы лучше изучены путешественниками, чем племя мафур. У них молодые люди проживают отдельно от семейств в «храме», в форме судна, с покрытыми резьбой колоннами, при чём этот храм возвышается в стороне, посреди волн: публичное право охраняет неприкосновенность этого здания; сам отец не осмелился бы переступить его порога для розысков своего сына. До брака жених не должен видеться с молодою девушкою, которая станет его женою; если он встретит её на тропинке, то должен спрятаться в кусты и отвернуться, иначе ему придется выплатить большие штрафы для искупления тех невзгод, которые его поступок навлечет на общину[4]. Беременная женщина, желающая сохранять свое дитя, красит живот в красный цвет, который есть цвет жизни; однако, редко случается, чтобы у неё было более двух или трех детей; во время четвертой беременности, она постоянно производит выкидыш. Соседями мафур являются горцы арфаки, страшные головорезы, которые, однако, хорошо принимали путешественников, отваживавшихся отправиться к ним.

На северном берегу, к западу от Дореи, находится другая пристань, Амбербакен, «Край амбры», обитаемая папуасами той же расы, как и мафуры, мирными и добродушными, подобно этим последним, а как возделыватели почвы даже и более умелыми. Их деревни состоят из хижин, весьма высоко взмощенных на перекрещивающиеся бамбуковые стволы. Западные соседи Амбербакена—кароны, один из самых редких народцев Новой Гвинеи, которого не без основания обвиняют в людоедстве: они поедают трупы своих врагов, павших в сражениях. Впрочем, кароны, вероятно, не папуасской расы. Хотя будучи среднего роста, около 1 м. 60 сан, они, кажется, принадлежат к одному корню с негритосами Филиппинских

1 Alfred R. Wallace, „Malay Archipelago“.

2 Rosenberg, упом. соч.

3 Van Hasselt, „Zeitschrift fur Ethnologie“, 1876;—Elie Reclus, „Revue internationale des Sciences“, decembre 1882.

4 Raffray, „Tour du Monde“, 1-er semestre 1879;—Van Hasselt, etc

островов[1]. По словам естествоиспытателя Раффрайя, тело у них коренастое, конечности толстые, голова большая, круглая, с весьма выдающимися дугами бровей, сильно развитыми губами, широким и плоским лицом; свои курчавые волосы они заплетают в пучки, которые располагаются по лбу и вискам; татуировка состоит из крупных шрамов. Их запон сделан из дубленого луба и привешивается к шнурку, опоясывающему туловище. По словам посещающих их малайских купцов, кароны питаются не саго, как поморяне: они едят стволы другого пальмового дерева, которое произрастает на сухой почве, а также не гнушаются употреблять в пищу все роды пресмыкающихся и насекомых. Им приписывают, хотя и не подтверждая этого непосредственным наблюдением, ужасающий обычай есть детей в тех случаях, когда под рукою нет ни рабов, ни пленных; в живых же они, будто-бы, оставляют не более двух детей на семейство[2]. Южнее, внутри полуострова, проживают другие людоеды—гебары; прибрежных жителей Мак-Клюрского залива также обвиняют в пожирании своих пленников.

К югу от Дореи, одна из значительных деревень на морском берегу-Вайрур, расположенная неподалеку от самого узкого места на перешейке, где и могла бы устроиться перевозка или переноска товаров между бухтами Геельвинк и МакКлюра: малайские торговцы являются туда для покупки дикого мускатного ореха. Другие деревни рассеяны на побережьях бухты Геельвинк; затем, за дельтою Амберно, на берегу «Нагих Папуасов», имеется несколько пристаней, к которым иногда подходят голландские суда, чтобы нагрузиться панцирями черепах и голотуриями, а также, чтобы показать флаг сюзеренной нации. Однако, народонаселение там весьма редкое, а обменный торг уменьшился с половины текущего века. Торговцы, следуя своей обычной системе давать ссуды туземцам, в видах обеспечения желательной для себя цены местных произведений, подвергаются опасности быть зарезанными своими должниками, и в некоторых местах они боятся сходить на землю: поэтому, они ждут в море, чтобы барки подходили, одна за другою, с следующими им произведениями[3]. Самая восточная бухта на голландской территории, называемая бухтою Гумбольдта, или telokh Linjoe, есть одна из тех местностей поморья, где обитают племена, наименее затронутые цивилизациею: они не умеют даже извлекать масло из орехов кокосовых пальм, которые окаймляют всю западную часть бухты. Прилежащие к большому острову острова чаще посещаются моряками, чем материк Новой Гвинеи, На каждом из островов Геельвинкской бухты есть довольно оживленные рынки: самый значительный из них, рынок Ансус, находится на южном берегу острова Жоби или Жаппен. Население в этом местечке весьма походит на мафуров в Дорее. Внутри же острова живут дикари, которых, справедливо или нет, обвиняют в антропофагии.

На том берегу голландской Новой Гвинеи, который обращен к Молуккским островам, самым посещаемым рыком является рынок Секаар, расположенный у небольшой бухты, при южном входе в залив Мак-Клюра. Торговцы с о. Церама проникают вплоть до порта Бинтуни, где они покупают саку и мускатный орех, но не отваживаются приставать к северным берегам залива, жители которых слывут морскими разбойниками и людоедами. Самым могущественным раджею в стране считается раджа селения (*negorij*) Атти-Атти, островной группы хижин, лежащей к западу от Секаара и населенной людьми всякого племени, называющими себя магометанами. Королек в Атти-Атти является представителем Тидорского султана в этих морских пространствах, и он-то именно и собирает налог с деревень, расположенных вдоль этого берега. Благодаря его посредничеству, как сюзерен этой части Новой Гвинеи, так и само голландское правительство перестали быть мифами для туземцев: в архипелаге Карас, на острове Ади, и вплоть до Наматотте и Аидума, неподалеку от бухты, где некогда возвышался форт Бус, авторитет Нидерландов признан вполне. За этими же местностями, власть «Компании» уже только номинальная. Папуасы этих областей, по словам путешественников, более всего походят на африканских негров; некогда они продавали рабов,

1 De Quatrefages, „Pygmees“.

2 Van der Crab;—Teysmann;—Robide van der Aa, „Reizen naar Nederlandsch Nieuw Guinea“.

3 Van der Crab et Teysmann, упом. соч.

а иногда, по словам путешественников, торговали даже и своими детьми[1].

Острова Ароэ (Ару), т.е. «Перламутровые», расположенные приблизительно в 150 километрах к югу от ново-гвинейского берега, имеют гораздо более важное торговое значение, чем пристани большой земли. Доббо, рынок этого архипелага, командует над хорошо защищенным узким каналом на острове Вамма, одном из коралловых холмов, расположенных на северо-западе архипелага; сюда, в начале года, с марта по май, прибывает множество кораблей с Церама и соседних островов, из архипелага Кей и даже из Макассара. По словам Уэллеса, вывоз с этого островка, состоя по преимуществу из перламутра, панцирей черепахи, голотурий, гнезд саланган и райских птиц, достигает в год ценности 450.000 франков; в рыночное время года, хижины оказываются столь тесными, что не в состоянии вместить в себе торговцев, прибывающих из всех инсулиндских земель запада; но с окончанием торговли деревня пустеет совершенно. Архипелаг Ароэ зависит от Амбоинского резидентства, и почти ежегодно из его столицы прибывает голландский коммиссар для совершения объезда в целях инспекции и отправления правосудия; однако, этот объезд мало полезен, так как в отсутствие коммиссара население весьма хорошо управляется само собою, при чём не бывает повода для наказаний за убийства или кражи[2]. По Розенбергу, несколько групп негритосов проживают в восточной части архипелага, по соседству с рыболовными тонями. Альфурусы (аливуру), населяющие эти острова, говорят, будто предком их было дерево, а, по словам Риделя, они одного корня с австралийскими населениями северного Квинсланда; однако, другие считают их прибывшими с Тимора и Тенимбера[3]. Уэллес, с своей стороны, считает их принадлежащими к чистому папуасскому типу. Они едят собачье мясо, надеясь, что эта пища сохранит их навсегда сильными и мужественными; они примешивают также к своим лепешкам из саго некоторые вырезки и останки тела своих родителей. Чужестранные религии, магометанство и христианство, не привились к этим туземцам[4]. Рождение девочки, возбуждающее у родителей надежду на продажу её в будущем мужу, всегда празднуется с большим веселием, и часто приступают к сговору немедленно же после появления дитяти на свет.

Ещё прежде, чем сделаться оффициальными владетелями Южной Папуазии, англичане распространили свою юрисдикцию на необитаемые острова в Торресовом проливе вплоть до появления в виду материка; чтобы завладеть своею новою вотчиною, австралийским колонистам стоило только переправиться через неширокие проливы. Близость Австралийского континента придает этой британской территории исключительное значение: оттого эта область есть наилучше известная или по крайней мере наименее игнорируемая часть Папуазии, та часть её, куда путешественники проникали наидалее, и где попытки колонизации испытывались в наиболее широких размерах. Австралийские спекуляторы уже хлопочут о концессии им обширных пространств, чтобы основать там плантации и постараться заставить туземцев работать в их пользу. Дай Бог, чтобы их «цивилизаторское» дело не привело на австралийском континенте к истреблению людей. Прокламации, действия которых, впрочем, ещё следует обождать, запрещают похищение туземцев и продажу папуасским племенам огнестрельного оружия, спиртных напитков и опия.

Той части английской территории, которая непосредственно граничит с голландскою Новою Гвинеею, повидимому, предстоит самая большая будущность в отношении культуры и заселения: это область аллювиальных и плодородных земель, по которой разветвляются судоходные рукава р. Фляй, и которая ближе всего к Австралии: между обеими землями ширина пролива, усеянного островами, составляет всего лишь 160 километров. Однако, постоянными жителями этой обширной равнины являются лишь дикие папуасы, а единственный пост белых, купцов и миссионеров, основался на маленьком, окруженном рифами, островке

1 Kolff, „Voyage of the Dourga“.
2 Kolff;—Alfred R. Wallace, упом. соч.
3 H. von Rosenberg, „Der Malayishe Archipel“.
4 A. Bastian, „Rechtsverhaltnisse der Volker“.

Саибай, прилегающем к берегу на восток от устья Маи-Каза.

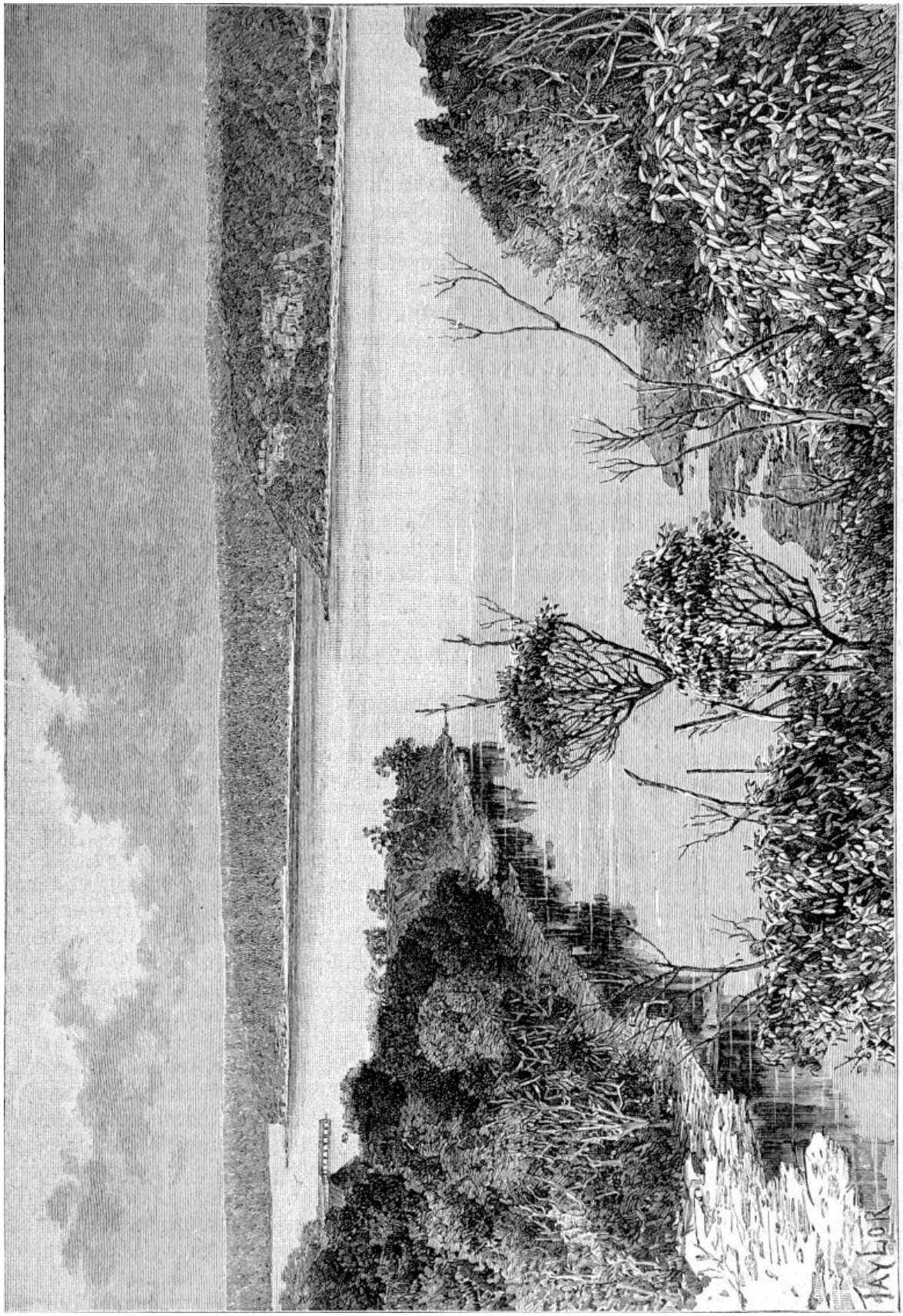
Когда синдикат австралийских колоний послал, в 1885 году, экспедицию для установления британского авторитета на оффициально присоединенной территории, главным городом был избран Порт-Моресби, бухта, открытая к юго-западу от красивого массива Оуэн Стэнли и защищенная от волнения с открытого моря цепью рифов; в этой местности, белые коралловые кручи сменяют илистые побережья, покрытые корнепусками, окаймляющими твердую землю на северо-западе; бассейн рейда, куда ведет широкий вход, имеет от 7 до 12 метров глубины почти у самого берега. Туземная деревня состоит из двух рядов хижин на суше, осеняемых кокосовыми пальмами. Это одно из самых обширных и самых здоровых поселений на поморье: ко времени открытия порта Моресби, в 1873 году, в нём было не менее 800 жителей, земледельцев, торговцев и горшечников, которые вели обширный торг выделываемой ими посудой с деревнями на северо-западном берегу, присылавшими им, в обмен, саго. С того времени туземное местечко значительно увеличилось. Что же касается европейского «города», то в 1885 году он состоял из группы домов, принадлежащих миссионерам, и из складов одного торговца; ныне он имеет «дворец» губернатора и все здания, символизующие власть—казарму, суд, тюрьму. Порт-Моресби есть единственная гавань в британской Новой Гвинее, в которой чужеземные моряки имеют право выгружать свои товары, и ни один колонист не может там поселиться без специального позволения. Подводный телеграф соединяет порт Моресби с австралийским материком.

В 1887 году насчитывали всего около двадцати белых, чиновников, миссионеров и торговцев, живущих на территории британской Новой Гвинеи; большая часть купцов не выгружают своих барказов, поджидая привоза туземцами их произведений. Форбс основал небольшую колонию в Сожере, деревне, расположенной в 80 километрах к северо-востоку от порта Моресби, и оттуда он предпринимал свои экспедиции по гористой области в окрестностях. Искатели золота, предприятия которых, впрочем, не удались, повыстроили также несколько своих становьев внутри страны. Белый путешественник может безопасно пускаться почти во все южные страны британской территории, к востоку от Фляй-ривера. Но, главным образом, европейское влияние распространяется на горные населения при посредстве обращенных в христианство наставников. Протестантская семинария в порте Моресби рассылает каждый год известное число молодых туземных миссионеров в деревни на берегу и на островах, и, благодаря им, ново-гвинейския наречия этой области уже хорошо известны. Эти наставники вполне успели в качестве садоводов и огородников, и в оградах около туземных хижин появились плодовые деревья и овощи, в прежнее время неизвестные в стране. Вне порта Моресби, европейские дома увидишь только на мысе Була в ста километрах к юго-востоку от столицы, да на некоторых, соседних с берегом, островах; кроме того, правительство приобрело South-cape (Южный мыс)и остров Стасей, на юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, в предвидении учреждения там в будущем стратегического и торгового поста. Недавно плантации были основаны на главном острове Луизиады, Юго-восточном, «Sudest-island», как его называют англичане. Остров Варэ или Тест служат пунктом остановки для каботажных судов.

Туземцы в пределах британской территории, в среднем, гораздо многочисленней, чем в голландской части острова: в некоторых округах, именно на берегу Папуасского залива, между дельтою р. Фляй и островом Юль, население очень плотное, и большие деревни следуют непрерывным рядом по берегам бухточек. На юго-запад от порта Моресби, округ Аромa тоже весьма населен; точно также острова Луизиады и группы Антрекасто окаймлены деревнями на протяжении всей своей окружности, но жителей их боятся, и часто выкинутые на берег моряки были ими съедаемы; эти туземцы слывут все чародеями, и про них рассказывают, будто-бы они умеют вырывать глаза, язык, сердце и внутренности своих врагов, незаметно для последних[1]. Некоторые из племен, папуаского происхождения, походят на племена западной Новой Гвинеи: по большей части они состоят из земледельцев; но торговцы и

1 „Annales de la propagation de la Foi“, T. XXV, 1853.

моряки, повидимому, смешанной расы, и полинезийский тип преобладает у многих из них. Мотусы, транспортирующие порт-моресбийские горшечные изделия, грузами от десяти до двадцати тысяч, и наречие которых стало «франкским языком» между торговцами на боль-



Сиднейская бухта.

шей части поморья, принадлежат к этой скрещенной расе. Окраска кожи у них сравнительно светлая, как у таитян, а по манере держаться, физиономии и нравам, они также напоминают полинезийцев. Из всех жителей Новой Гвинеи они всего более татуируются; рисунки,

покрывающие их грудь, живот и плечи, удивительным образом напоминают латинские и греческие буквы: при виде этих прекрасных торсов можно подумать, что они покрыты надписями, и невольно, говорит Турнер, возникает желание дешифрировать эти линии, в предположении, что они расскажут историю тех, которые их носят. Койяри, живущие внутри страны, на первых склонах гор, имеют около своих деревень помещенные на верхушке деревьев домики или dobo, куда они, в случае опасности, убегают, и откуда бросают камни в нападающих. Вероятно, эти добо и дали повод к легенде о существовании папуасских народов, живущих, будто-бы, на деревьях, и перескакивающих с ветки на ветку, на-подобие обезьян. Койяри и их соседи и родственники по расе, коитапу, имеют гораздо более черную кожу, чем мотусы.

Народцы, проживающие на британском поморье, не имеют определенного правительства, и все взрослые у них в действительности равны друг другу. Правда, что каждая деревня имеет своих «главарей», обязанных этим титулом либо своему возрасту, либо храбрости в битвах, либо же проницательности в качестве чародеев; но моральное превосходство не придает им власти, и, вследствие этого, вопреки своему желанию, английское правительство не может обратить их в своих чиновников. Все его усилия направлены к приданию племенам монархического устройства, выделяя какого-либо именитого туземца, который с этого времени становится оплачиваемым чиновником и в то же время является представителем своих сограждан, отвечающим за их покорность[1]. Управление Британской Новой Гвинеей было доверено английским правительством австралийской колонии Квинслэнд.

Германская территория Новой Гвинеи, оффициально называемая Землею Императора Вильгельма, не управляется, как бы следовало государственной колонии, присланными властями из Берлина: она управляется торговою компаниею, которая, под покровительством и надзором правительства, стремится обогатиться, заводя плантация, основывая рынки и вывозя местные произведения. Многочисленные экспедиции определили подробности очертаний поморья; мало-по-малу французские, английские и русские наименования, обозначившие выдающиеся пункты берега, заменились названиями германскими; на карте осталась лишь небольшая часть той номенклатуры, которую дали первые путешественники, и туземцы уже не приветствуют иностранцев словом «monsieur», как это установилось было со времени посещения Дюмон д'Юрвилля и других французских мореплавателей[2].

Главным городом германских владений в Новой Гвинее сначала был Финшгафен, названный так по имени исследователя Финша, того германца, который более всего объездил эти побережья и который лучше всего наблюдал как жителей, так и природу страны. Финшгафен расположен вблизи оконечности полуострова, выдвинувшагося на северной стороне залива Гуон. В этой местности берег глубоко изрезан извилистыми очертаниями бухты, и большие суда могут бросать там якорь на глубине от 18 до 20 метров, будучи защищены вполне от всякого ветра. Круглый остров, который соединился с твердою землею посредством плотины, покрылся первыми домиками колонии в 1885 году; колонисты пользуются дождевою водою из цистерн, так как родников нет вовсе ни в коралловых известняках острова, ни на соседних побережьях. Рощи из высоких деревьев чередуются с травянистыми пространствами на побережьях Финшгафена; страна была сравнительно довольно населена в то время, когда германцы прибыли туда для поселения, но с тех пор большая часть туземцев выселились[3], не желая работать на плантациях у белых. По соседству основалась протестантская миссия. С цивилизованным миром Финшгафен находится в сношении посредством парохода, который отходит в австралийский город Куктаун, на восточном берегу Квинслэнда.

Другой порт, лучший и наиболее надежный на берегах германской Новой Гвинеи, есть

1 G. Seymour Fort, „Report on British New Guinea", March 30, 1886.

2 Rosenberg, упом. соч.

3 „Nachrichten uber Kaiser Wilhelms Land", 1887. Heft III.

Фридрих-Вильгельмс-гафен, на северном берегу бухты Астролябии (куда с 1891 года и переведена резиденция управления этим германским владением). За этим портом следует, к северо-западу, порт Гатцфельдт, о котором говорят как о самом здоровом пункте на всём берегу.

В нижеследующей таблице помещен перечень, по Бэму и Вагнеру, островов, которые можно рассматривать как географические дополнения Новой Гвинеи. Соседние с северными берегами германские острова составляют часть меланезийских архипелагов, а архипелаг Торресов, к югу от большого острова, причисляется к Австралии.

Острова Новой Гвинеи	Пространство, кв. кил.
Острова западные или Папуасские: Батанта, Сальватия. Мизооль	7.788
Острова в бухте Геельвинк	6.927
Острова Ароэ	6.883
Острова юго-западного поморья	347
Острова западные или архипелаг Моресби	504
Острова Антрекасто	3.140
Острова Тробриand (Кирви)	440
Острова Муйю или Водларк	1.247
Острова Массим или архипелаг Луизиады	2.200
Всего	29.476

Глава VII Меланезия

I. Острова Адмиралтейства, архипелаг Бисмарка, острова Соломоновы

Все острова, лежащие к северо-востоку от Новой Гвинеи вплоть до экватора, объявлены владениями Германии, согласно разделительному трактату её с Великобританией. На западе 141° восточной долготы от Гринвичского меридиана ограничивает германские моря; но в сторону востока пространство ещё остается открытым для будущих присоединений; до 1885 года, 154° восточной долготы считался рубежем, но в следующем году он был перейден, и северо-западные Острова Соломонова архипелага, Бугенвиль, Шуазель, Изабелла и все соседния земли, к северу от 8° южн. широты, были объявлены германскими землями. В общем, пространство таким образом присоединенных к Германской империи островов исчисляется слишком в 75 тысяч квадр. километров. Народонаселение же превышает, вероятно, треть миллиона. Подобно ново-гвинейской территории Кайзер-Вильгельм-Ланд (Земля императора Вильгельма), архипелаги эти отданы на откуп торговой компании, которой в то же время присвоена и политическая власть. Южная часть Соломонова архипелага находится, по выражению трактата, «в сфере английского влияния».

Эти пространства Тихого океана принадлежат к числу тех его областей, которые дольше всего оставались в неизвестности. В 1567 году, Мендана, имея кормчим Эрнандо Гальего, пристал первым к острову Изабеллы, одной из больших земель, которой он дал коллективное наименование Соломонова архипелага, без сомнения, надеясь, или претендуя снова открыть тот богатый «край Офира», из которого царь иудейский вывозил золото для Иерусалимского храма. Мендана посвятил шесть месяцев на исследование островов, которые, наконец, он должен был покинуть, по недостатку в жизненных припасах и в воде, и поссорившись с теми туземцами, для «обращения которых в истинную веру» он и прибыл. Позже, Мендана вновь отправился для колонизации этого открытого им архипелага, но, не достигнув его, скончался: дорога к Соломоновым островам была потеряна, и прошло два века

прежде чем вновь нашли её. Положение их указывалось слишком смутно, чтобы возможно было направиться к ним наверняка, а донесение кормчего Гальего держалось в секрете, из боязни, чтобы оно не привело мореплавателей других наций к этим островам, притязания на которые предъявлялись со стороны Испании; только сравнительно недавно донесение это было отыскано, истолковано и переведено[1]. Наконец, в 1767 году, т.е. ровно два века спустя после путешествия Менданы, Картерэ, затем, в следующем году, Бугенвилль, а в 1769 году Сюрвилль—проследовали по открытым Менданою фарватерам и проливам, хотя увиденные ими земли они и не отождествляли с теми, которые были известны уже Мендане: они полагали, будто нашли острова новые, а потому дали им и наименования, отличные от названий Менданы. Возвратить испанским мореплавателям принадлежащую им славу суждено было терпеливым розысканиям Бюаша и Флерие, которые тщательно сравнивали маршруты путешественников[2].

Однако, тщетно розыскивая Соломонов архипелаг, мореплаватели посетили другие острова из находящихся в пространствах, более близких к Новой Гвинее. Так, в 1616 году, голландцы Ле-Мэр и Шутен облюбовали группу «Двадцати пяти островов», обозначенных потом Картерэ наименованием островов Адмиралтейских; они же открыли Томбару или Новую Британию, но полагали, что перед их взорами находятся северные побережья Новой Гвинеи, окаймленные целым роем прибрежных островов; Тасман, тоже видевший эти земли, в 1643 году, впал в ту же ошибку, и лишь в 1700 году морской разбойник Дампьер, спустившись к югу от этих архипелагов, проник в тот пролив, который носит его имя: этим он расчленил ново-гвинейские земли на их отдельные элементы. Но оставалось ещё проплыть вдоль очертаний этих островов, открыть на них рейды, порты и опасные места, составить полную гидрографию этих морских пространств, и этот труд, начатый в прошлом столетии Картерэ, Бугенвиллем и Д'Антрекасто, а затем продолженный в 1827 году Дюмон д'Юрвиллем, мало-помалу дополняется ещё и в наши дни. Внутренния области островов исследованы лишь весьма неполно: миссионеры, купцы, несколько ученых, как-то: Миклуха-Маклай, Финш, Гуппи, посетили различные части меланезийских архипелагов и опубликовали результаты своих изучений. Методическое исследование началось лишь в 1884 году, со времени завладения Новою Британиею германским правительством. При этом, однако, одним из первых оффициальных актов было изменение географической номенклатуры, в которой господствовали названия английского и французского происхождения. Без сомнения, было бы хорошо отменить произвольные наименования и возвратить этим островам названия, даваемые им самими туземцами; но занялись лишь видоизменением карты в смысле патриотическом, не стараясь оправдать новые названия соображениями, заимствованными из внешней формы островов, природы почвы, народонаселения, или из сравнительной географии. Главная группа островов стала архипелагом Бисмарка, группа островов Тамбара или Новая Ирландия отныне уже—Новый Мекленбург, острову Йорку дано название Нового Лауэнбурга, а Новая Британия или Бирара называется теперь Neu Pommern, т.е. Новою Помераниею. Равным образом перекрестили большую часть гор и портов.

Меланезийские земли расположены по двум поперечным кривым. Из них северная начинается островком Тигра, приблизительно в 150 километрах к северу от поморья Новой Гвинеи; затем она продолжается к востоку группами Нивиго (Шашешница), Пустынника и Адмиралтейского архипелага, далее идет остров Новый Ганновер, за которым следует удлиненная земля Томбара, ориентированная в юго-восточном направлении, также как и все острова, следующие за нею в ряду островов Соломоновых. Южная кривая вначале параллельна берегу Новой Гвинеи; менее, чем в 15 километрах от её побережья высится остров Вулкан, крайний пограничный столб этого ряда; затем остров Дампьер, или Кар-Кар, острова Длинный и Рук, находящиеся на отдаленных друг от друга пунктах, отмечают весьма удлиненную дугу кривой: перестав следовать параллельно берегу большой земли в юго-вос-

1 H. B. Guppy, „The Solomon Islands".

2 „Decouvertes des Francais en 1768 и 1796 dans le Sud-est de la Nouvelle Guinee".

точном направлении, эта кривая изгибается к востоку, чтобы образовать значительный остров Бирара (Neu Pommern), оконечность которого, продолжающая дугу круга, профилирует на северо-восток, поперечно к Томбара. Около точки сближения обе земли расположены таким образом, что их выпуклости как бы перекрещиваются.

Подобно большинству других расположенных в виде дуги круга рядов островов, две кривые меланезийских островов состоят в большей своей части из вулканических земель. Остров Волкан или Вулкан, начинающий южную кривую, представляет красивый питон, выбрасывающий из своего кратера завитки дыма: ожерелье из плантаций окаймляет его побережья, а лес покрывает его склоны, вплоть до высоты 1.000 метров; последняя же треть вулкана, до высоты 1.500 метров, не имеет другой растительности, кроме редкой травы. Рядом с этою дымящею горою лежит островок Арис с вулканом, уже потухшим; но западнее, остров Лесон ещё горит. Землетрясения часто колеблют эти моря, и когда Дампьер переплывал, первым, пролив, носящий его имя, атмосфера была наполнена парами и пеплом, небо отражало пламя, скопления пемзы далеко разносились по морю; но в наши дни многочисленные эруптивные конусы,усеивающие эту морскую область, пребывают в покое. Бирара, самый большой меланезийский остров вне Новой Гвинеи, ещё не довольно изучен в центральной его части, чтобы можно было различить природу его горных пород под однообразною пеленой зелени, покрывающей его горные массивы, но известно, что крайняя оконечность, мыс Глостер, омываемый у основания Дампьеровым течением, есть вулкан ещё действующий, и что в соседстве находятся многочисленные горы с кратерами, высотою, в среднем, около двух тысяч метров. Один едва выдающийся из-под воды риф в группе Французских островов, рассеянных к северу от Бирары,—тоже представляет вулканическую массу, выкинутую со дна моря, и один из её источников бьет в виде гейзера. Восточнее, на одном из возвышенных мысов острова стоит дымящаяся гора, высотою в 1.200 метров: это «Отец», сопровождаемый двумя «Сыновьями», хотя и меньшей высоты, но пребывающими в состоянии такого же горения, как и он сам; наконец, на северной оконечности Бирара, бухта Бланш, окруженная амфитеатром гор, кажется, и сама есть не что иное, как разрушенный кратер: посреди вод, почти озерных с виду, вздымается небольшой кругообразный холм, а на полуострове, запирающем бухту с востока, возвышаются вулканы: «Мать» (в 638 метров) и её «Дочери»; в соседних морях часто видели клокотание вод, и даже иные островки были частью срываемы и уносимы течением.

Вулканическое действие, повидимому, менее сильно в западной части северной кривой, главной цепи Меланезии. Группы Шашешницы и Отшельника суть обширные атоллы, и не известно ещё, вулканическая ли терраса образует тот цоколь, на котором они покоится? Адмиралтейские острова состоят преимущественно из созданных кораллами скал, и только в центре главного острова, Тауи, есть группа в 900 метров высоты, как говорят, огненного происхождения. Новый Ганновер, длинная земля Тамбара и островки в соседних водах имеют высокие горы, на которых не заметно вулканического жерла; но вулканы снова начинаются в цепи Соломоновых островов. Большой остров Бугенвилль, от одной до другой оконечности, представляет лишь ряд вулканов, описывающий правильную кривую линию, вогнутость которой обращена к северо-востоку: самая высокая вершина цепи, гора Бальби, возвышается на 3.100 метров, но выбрасывает пары и пепел всего лишь один из вулканов, Багана, расположенный в центральной части острова. Рассеянные по Бугенвилльскому проливу вышедшие из-под воды конусы также состоят из лав, но, повидимому, они уже давно угасли. Остров Шуазель, продолжающий Бугенвилль к юго-востоку и покоющийся на одном с ним подводном цоколе, представляет большее протяжение низменных земель, бывших площадей морского дна и кораллового ложа. Острова Изабелла и Малайта, в северной цепи Соломоновых островов, равным образом были рядами вулканов: первый вздымает один из своих пиков на 1.188 метров; а второй, более высокий, верхним своим конусом, достигает 1.303 метров; оба они состоят из весьма древних лав. До высоты 150 метров, подножья гор окружены известковыми террасами, которые постепенно были отлагаемы морскими водами.

Южная цепь Соломоновых островов, параллельная первой, начинается островом Моно (Treasury), который возвышается в сотне километров к югу от Бугенвилля; сначала это был наземный вулкан, затем его конус провалился, а впоследствии новые колебания почвы выдвинули его снова над поверхностью вод; ныне вулканическая гора облицована морскими отложениями с инкрустированными в них многодырочниками (foraminiferae)[1]. Группа островов, следующая за Моно, на юго-востоке имеет ещё невполне угасшие вулканические отверстия: на острове Вела-ля-Вельа (900 метров) есть фумароллы и сольфатара; Нарово или Эдистон-айленд тоже изрезан трещинами, из которых выделяются сернистые пары; но самый значительный остров группы, Новая Георгия, обладает только рядом успокоившихся конусов. Во время прибытия испанцев в эти морские пространства, небольшой остров Саво или Сезарга пылал на северной оконечности Гвадальканара, горделивого острова, горы которого, почти постоянно окутанные облаками, возвышаются на две слишком тысячи метров, одна даже на 2.440. Остров, составляющий южную оконечность этого архипелага, Сан-Кристобаль (1.250 метров),—также вулканического происхождения, но всякий след деятельности подземного огня на нём уже исчез, и коралловые полуострова образуют бахрому вокруг берега. Крайний островок архипелага, Санта-Анна, есть, подобно о. Моно, бывший вулкан, погружался в волны и, пробыв на глубине трех или четырех тысяч метров, снова появлялся на свет божий, вынеся на своем ядре из лавы известковый покров, образованный дождем маленьких животных, который падает на дно океана.

Атоллы и низменные острова рассеяны на некотором расстоянии от больших островов, образуя, к северу от Соломонова архипелага, неправильную цепь бурунов на обширных пространствах; атолл Онтонг-Ява или Канделярия особенно опасен для мореплавателей, так как его ограда из рифов тянется по окружности по крайней мере в двести километров длины. Острова Соломонова архипелага также окаймлены во многих местах коралловыми барьерами, висящими над глубокими водами; к востоку от Изабеллы, одна из этих сплошных стен имеет около 200 километров длины; Новая Георгия, Бугенвилль и Шуазель тоже окружены подводными рифами, которые делают их неприступными более, чем на половине протяжения их берегов. Между этими коралловыми пьедесталами проливы имеют в среднем глубину от 700 до 800 метров. Самая большая толща воды, в меланезийских морях, промерами найдена около центра полукруга, образуемого архипелагом Бисмарка, между островами Тамбара и Бибара: в этом месте лот определил 1.420 метров, что, впрочем, немного в сравнении с пучинами Северного Тихого океана.

Земли северной Меланезии целиком входят в полосу юго-восточных пассатов. В течение более, чем половины, или даже двух третей года, с мая по сентябрь, или с апреля по ноябрь или декабрь, смотря по годам, ветер постоянно дует в нормальном направлении; затем он предоставляет воздушное царство западному или северо-западному муссону, ветру неправильному и переменчивому, но влажному, как и пассат, так как и он тоже пересекает океан прежде, чем достигнуть островов: в течение года насчитывают по крайней мере один дождливый день на три, а иногда даже и на два бездождные дня. Дожди весьма обильны в архипелагах Бисмарка и Соломона: в среднем, толща дождевой влаги, ежегодно выпадающей в непосредственном соседстве с берегом моря, не ниже 3 м., 75; но на возвышенных склонах, там, где дождевые облака достигают наибольшей густоты, ливни доставляют количество воды, гораздо более значительное: на высоте двух тысяч метров, в долинах острова Гвадальканара, обращенных к юго-восточным пассатам, масса выпавшей воды, по Гуппи, составляет по меньшей мере 11 или 12 метров. В океанических землях, эти склоны гор являются наилучше орошаемой из всех известных до сих пор местностей; в целом же мире по обилию дождей их превосходят только склоны гор Кхази, в бассейне Брахмапутры. В течение одного только десятичасового ливня, Гуппи видел, в соседстве морского берега, выпадение слоя воды толщиной в 27 сантиметров. Грозовые тучи весьма часты, но они проносятся быстро и не опасны для кораблей, управляемых опытными моряками. Наименее здоровое время года

1 H. B. Guppy, „The Solomon Islands“.

то, когда дуют неправильные ветры западного муссона.

Благодаря дождям, растительность архипелагов, похожая на растительность Новой Гвинеи, очень богата и разнообразна. Даже простые коралловые мели во многих местах исчезают под покровом из больших деревьев, семена для которых заносятся ветром, течениями и птицами. На склонах гор леса простираются сплошною массою, вздымая местами свои пышные куполы более, чем на пятьдесят метров от уровня почвы. Одно из самых обыкновенных между лесными деревьями—смоковница баньян, тысячами своих висячих сетей обнимающая другие деревни и кончающая тем, что задушает их в своих объятиях: существуют легенды, рассказывающие об этой борьбе между баньяном и исполинами леса. Одним из наиболее любопытных продуктов тайнобрачной флоры на Соломоновых островах является схожая с иньямом кучка растительного вещества, находимая на земле и не имеющая ни корней, ни какой другой связи с нею. Гуппи с удивлением указывает на замечательные познания туземцев в ботанике: они прекрасно отличают друг от друга почти тождественные по наружности виды растений, и в этом отношении они гораздо лучшие естествоиспытателя, чем даже образованные не специалисты европейцы.

Меланезийская фауна весьма походит на фауну Новой Гвинеи: но на Соломоновых островах полинезийские виды перемешались с видами папуасскими: здесь мы находимся на границах двух зоологических областей. По словам туземцев, человекообразные обезьяны живут ещё на больших островах, Малайте, Гвадалканаре, Сан-Кристобале; но ни один из европейских зоологов их не видел. За исключением свиней, собак, одной двуутробки и малорослой крысы, иностранцы, посещавшие эти земли, не встречали туземных млекопитающих. Между птицами, голубь—одна из наиболее распространенных: это главный деятель по рассеянию растений. Поуэль говорит, что на вулканических островах птица megapodius часто помещает свои гнезда в трещинах фумаролл. Пресмыкающиеся, столь слабо представленные на большей части океанийских островов, весьма многочисленны на островах Соломоновых, и многие виды свойственны исключительно меланезийским архипелагам; в особенности там бросаются в глаза громадные жабы, и когда испанцы открыли остров Изабеллу, они разрушили на нём храмы, в которых туземцы поклонялись этим жабам и змеям. Крокодилы, ещё почитаемые островитянами, довольно обыкновенны на окраине островов и водятся как в пресной, так и в соленой воде: их не очень боятся, а легенда гласит, что они опасны только для неверных жен. Соломоновы острова представляют, в направлении к востоку, последнюю группу, где живет ещё эта большая ящерица.

Меленезийцы принадлежат, без сомнения, к одному корню с папуасами Новой Гвинеи, хотя между ними также находят представителей как малайского, так и полинезийского типов; существует даже среди Меланезии микронезийская анклава, именно небольшой архипелаг Шашешница, состоящий из пятидесяти островов и островков[1]. Вероятно, один из островов Соломонова архипелага, Сан-Кристобаль, и был тем островом, на который некоторые предания островитян Южного моря указывают как на родину их расы: эта земля Pouro, о которой кормчему Квейросу говорили, как о месте происхождения океанийских племен, и которую Гэль хотел отождествить с островом Буру (в Молуккском архипелаге)[2], была скорее, Баура, т.е. тот остров, наименование которого испанцы переиначили в Сан-Кристобаль[3]. Как бы там ни было, преобладающие черты у жителей побережий архипелагов: Адмиралтейства, Бисмарка и Соломонова—несомненно, черты типа меланезийского. Что касается племен, живущих внутри островов, то они мало известны, но некоторые указания позволяют думать, что негритосский элемент там представлен довольно сильно. Разнообразие наречий, происшедших, впрочем, от одного и того же корня,—весьма велико. Легенда о людях с хвостами, живущих, будто бы, внутри острова Бирара, весьма распространена.

1 Миклуха-Маклай, „Изв. Русск. Географ. Общества“, 1878 г.

2 „Ethnography and Philology of the U. S. Exploring Expedition“.

3 H. B. Guppy, «The Solomon Islands“.

Островитяне по большей части среднего роста и хорошо сложены; кожа у них темно-коричневая, а волосы на голове густые и курчавые. Самые красивые между ними—туземцы остр. Бугенвилля: они превосходят других стройностью и силою; но они также более черны, а их череп менее удлиннен: это истинные брахикефалы (короткоголовые); впрочем, та же форма головы преобладает у многих меланезийцев—факт, относительно которого Миклуха-Маклай первый уничтожил всякое сомнение, и который был неожиданностью для большей части этнологов. Большое число меланезийцев, в особенности на Адмиралтейских островах, имеют длинные зубы, выдающиеся изо-рта, что придает их физиономии нечто скотское и жестокое; но эта черта менее бросается в глаза у мужчин, жующих бетель и покрывающих таким образом свои зубы черноватым лаком, нежели у женщин и детей, зубы которых остаются белыми. Также встречают туземцев, главным образом на острове Бибаре, у которых пальцы ног соединены общей перепонкой[1]. Язвы под стопою весьма часты у меланезийцев, и в архипелаге Соломоновом по крайней мере две пятых народонаселения поражены большими язвами, причиненными присутствием паразита (*Tinea circinata tropica*); на некоторых островах почти всем жителям приходится пропитывать этих неудобных гостей. Болезни кожи не менее распространены, чем у каролинцев. Туземцы, главным образом на Адмиралтейских островах, имеют пагубную привычку есть глину. Большая част взрослых людей погибает от болезней легких; когда в какой-нибудь деревне смертность окажется весьма значительною, то жители выселяются и избирают себе для жилища другое место, признаваемое чародеями более благоприятным. Меланезийцы лучше полинезийцев противостоят болезнетворным влияниям, вносимым к ним белыми; но обычай детоубийства, весьма распространенный на некоторых островах, исподволь ведет к их обезлюдению. В Уги, близ восточного берега Сан-Кристобаля, почти все дети мальчики, и девочки, убиваются их родителями: народонаселение пополняется путем покупки рабов на соседней земле; вместо сыновей, старик имеет опорой купленных мальчиков, которые, достигнув зрелого возраста, становятся свободными.

Меланезийцы не практикуют обрезания, и в деревнях, где этот обычай преобладает, можно быть уверенным, что население полинезийского происхождения[2]. Татуировка общеупотребительна, но делается не уколами по моде островитян Южного моря, а порезами, производимыми острым камнем. На острове Санта-Анна, на южной оконечности Соломонова архипелага, парни приобретают право жениться и сопровождать рыбаков и воинов только после того, как подвергнутся операции татуирования, а в течение этого периода испытаний, они должны жить одни в хижине и питаться кровью священной рыбы. На острове Бугенвилле, напротив, татуирование запрещено молодым людям: лишь после брака мужчины и женщины производят у себя на коже возвышения в виде рядов бутонов в форме горошин, которые, по числу и расположению, указывают ранг особы. Очень кокетливые, как и все дикари, меланезийцы много занимаются своим туалетом: ежедневно по несколько часов они купаются, натирают себе тело и разрисовывают его красным цветом, если только не случится траура, во время которого им воспрещено мыться; они взбивают себе волосы, образуя громадный шар, или же возводя целую башню, при чём, для получения красной и твердой массы, употребляется охра и глина: уход за волосами вообще требует так много труда, что на острове Моно старые женщины, чтобы иметь время на необходимые работы по дому, совершенно сбривают себе волосы. Ещё дикие, туземцы не имеют одежды, но обременяют себя всякими украшениями, ожерельями, браслетами, косами из травы, помпонами; большинство прокалывают себе носовую перегородку, чтобы продеть снурок с нанизанными раковинами, или воткнуть свиные клыки; также к кольцам, продетым чрез мочки своих ушей, они подвешивают куски дерева и другие предметы. Одним из главных украшений туземцев служит отломок тридакны или панцыря черепахи; счастливые в сражениях воины носят гирлянды из человеческих зубов, позвонков, суставов пальцев, а на грудь вешают себе бедрен-

1 Romilly, „The Western Pacific and New Guinea“;—Guppy, упом. соч.

2 Codrington, „Journal of the Anthropological Institut“, Vol.VI.

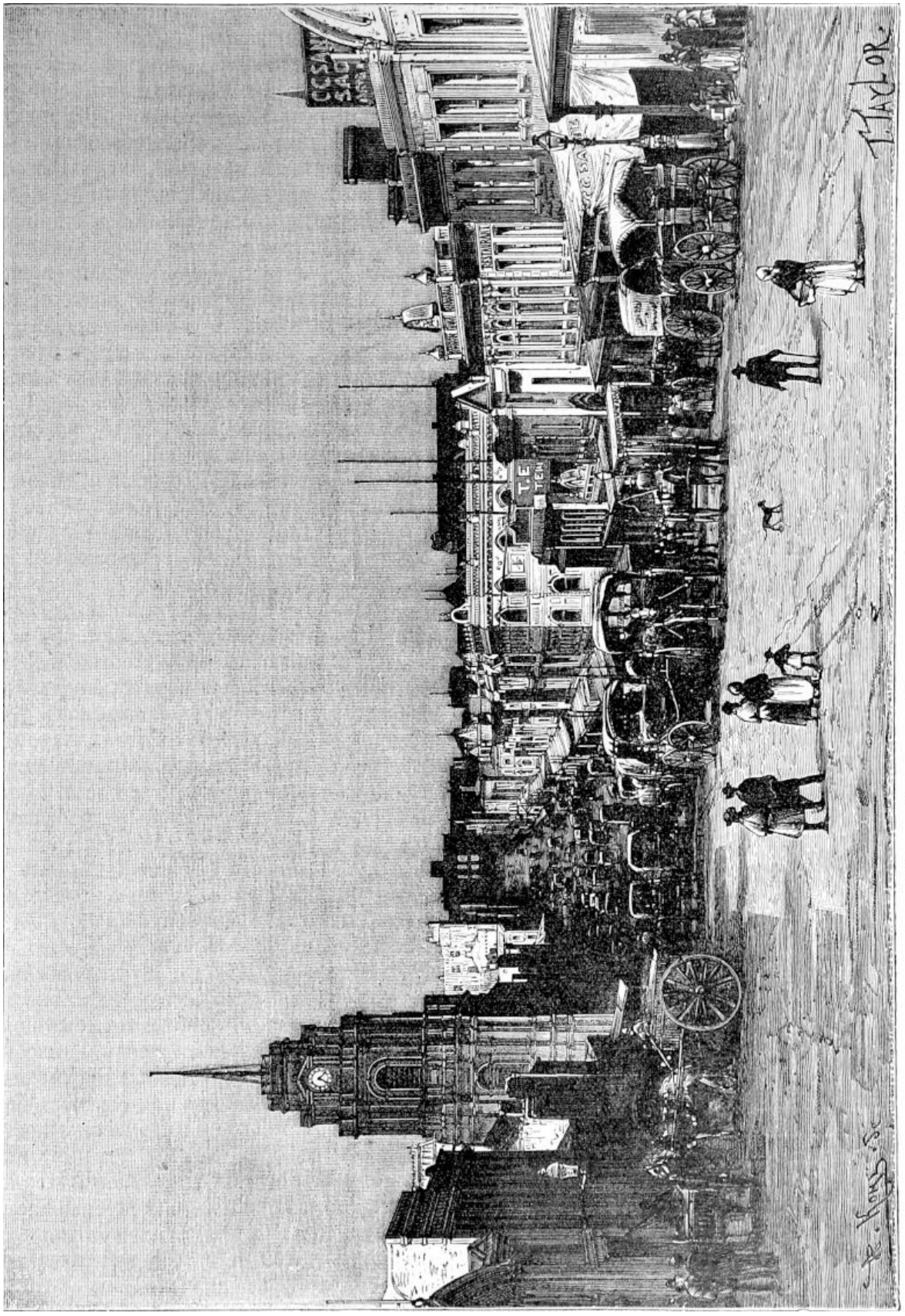
ную кость. На большом числе островов, между прочим, в Матупи, монета ещё состоит из нанизанных раковинок[1]; в других местах употребляют собачьи зубы или, в деревнях людоедов, ожерелья из человеческих зубов[2]. На Адмиралтейских островах, представителем ценности служат пустые бутылки[3].

Войны беспрерывны на некоторых островах, и не только между племенами поморья и внутренней части страны, но также и между прибрежными народами. Воюют потому, что надобно добыть голов для украшения дома начальника и военных лодок; нужны также пленные, которые будут зарезаны к какому-нибудь торжественному празднику, для того, чтобы душа их покровительствовала полям или благоприятствовала рыбной ловле. Повод к принесению жертв дают также и погребения начальников. Поместив труп на дне ямы стоймя, его обкладывают землею вплоть до шеи; после этого зажигают огонь, который истребляет мясистые части и позволяет снять череп, помещаемый, затем, в той лодке, которая служит храмом. Остается, однако, заполнить остальную часть ямы: для этого в неё бросают самую молодую жену, ребенка и наиболее драгоценные вещи начальника, вместе с приношениями от его друзей; затем всё это раздавливают и прикрывают камнями, при диких криках собрания: иногда срубают также и пальмовые рощи, для того, чтобы в общей печали приняли участие и деревья. С невольниками, которыми владеют меланезийские начальники, вообще хорошо обращаются, но они всегда имеют перед собой страшную перспективу быть убитыми ударом дубины и съеденными при праздновании победы начальника, или спуска на воду лодки. По Ромилльи, одно из наиболее ценимых кушаний ново-ирландской кухни состоит из смеси саго, кокосового ореха и человечьих мозгов. Одна из земель океана, где каннибализм делает наиболее жертв, есть Арроси или Сан-Кристобаль: иногда там в один только день зажаривается и съедается до двадцати человек: один из начальников, посещенный Броуном, владеет кокосовым деревом, на котором 76 зарубок напоминают о числе человеческих тел, изрезанных в куски и съеденных в этом месте[4]. Мало таких меланезийских островов, где бы антропофагия вполне исчезла из культа; однако, указывают на небольшой остров Санта-Анны, жители которого воздерживаются от человеческого мяса после того, как, вследствие свирепствовавшей эпидемии, начальник наложил на это мясо табу. На других островах, влияние белых побудило покинуть этот отвратительный обычай, а ещё соблюдающие его островитяне отпираются от него перед иностранцами. Ныне островитяне Соломонова архипелага заменяют в украшениях хижин и воинских лодок кости человека костями свиньи. На Адмиралтейских островах, реи судов украшаются пучками человеческих волос.

Меланезийские деревни, состоящие по большей части из двух рядов хижин, довольно прочно построенных, чтобы противостоять непогодам в течение лет пяти или шести, представляют всевозможные типы постройки: островные аггломерации, возведенные на сваях группы хижин, стоящих на земле, и даже, именно на Изабелле, укрепленные деревья, доступ к которым возможен только при помощи лестницы или бревна с зарубками. В каждой деревне, здание, возведенное с наибольшим тщанием и украшенное самой затейливой резьбой, есть тамбу, т.е. публичный дом, в котором собираются мужчины, где принимают и чествуют иностранцев и где начальники помещают свои военные лодки; на острове Тамбара, этот дом иногда бывает украшен статуями, высеченными из мелового камня, о котором рассказывают, будто-бы его выкидывают на берег волны или морские землетрясения[5]. Из всех больших меланезийских островов, Бирара, повидимому, более всего населен, преимущественно на западном берегу: плывя вдоль берегов, повсюду видишь поднимающиеся столбы дыма, и некоторые части поморья сплошь окаймлены кокосовыми пальмами, главным деревом-кормильцем. Населенность поморья может быть исчисляема по числу кокосовых дере-

1 F. Hernsheim, „Sudeee-Erinnerungen“.
2 Penny, „Ten Years in Melanesia“
3 Миклуа-Маклай, упом. соч.
4 Brown;-Macallister, „Proceedings of the R. Irish Academy“, June 22, 1888.
5 Brown, „Journal of the R. Geographical Society“, 1877.

вьев, так как каждые двадцать пальм соответствуют, в среднем, одному человеку[1]. Хижина каждого туземца считается священным местом его соседями; никто не может в неё войти иначе, как с опасностью жизни[2].



Мельбурнъ.—Видъ улицы Буркъ.

Суда, на которых большая часть меланезийцев проводит половину своего существования,

1 Brown, упом. соч.

2 Hartzer, „Annales de la propagation de la Foi“, 1885.

—настоящие шедевры труда и терпения: снаружи они украшены—с удивительным для варварского ещё народа вкусом—разными фигурами, изображающими духов-покровителей, и в то же время защищающими воинов от вражеских стрел или дротиков; внутри же они выложены перламутром и драгоценным деревом. Меланезийцы употребляют четыреугольный парус, тогда как в полинезийских морях все челноки имеют парус остроконечный, как барки на Средиземном море. Островитяне в этих морских пространствах чрезвычайно смелы и ловки: на Сан-Кристобале есть гребцы, пускающиеся в открытое море на челноках, шириною самое большое в 25 сантиметров и с поперечною дощечкою, на которой они и удерживаются в равновесии.

Будучи превосходными моряками и опытными рыболовами, островитяне Меланезии по большей части также хорошие земледельцы: на лесных полянах, вдали от деревень, встречаешь прекрасно возделываемые женщинами поля иньяма, сладких патат, таро, банановых деревьев, сахарного тростника; рощи кокосовых и саговых пальм, несколько хлебных деревьев доставляют туземцам остальную часть их пищи, которая почти исключительно растительная. Плетением рогожек из листьев пандана и приготовлением глиняной посуды занимаются женщины. Садовые орудия и оружие, дубины, дротики, луки и стрелы изготовляются мужчинами. Смотря по островам, формы этих снарядов много разнятся, или даже употребляют оружие совсем иное: так, островитяне Адмиралтейского архипелага не знают употребления лука, которым действуют почти все их братья по расе[1], но который неизвестен большинству полинезийцев; недавно у них не было других топоров, кроме острых раковин, насаженных на палку; рогатины же их оканчивалась обсидиановыми остриями, привозимыми с вулканического острова Лу[2]. Ныне почти все побережные жители меланезийских морей употребляют огнестрельное оружие; даже для рыбной ловли, жители Соломоновых островов пользуются динамитом, тогда как во внутренних областях островов туземцы ещё пребывают в каменном веке. Торговым языком служит язык английский.

У меланезийских племен женщины считаются низшими существами в сравнении с мужчиной; почти повсюду им запрещено входить в публичную хижину деревни; они не принимают никакого участия в религиозных церемониях и удаляются, когда отец или муж принимается за трапезу. Они—собственность хозяина; на острове Сан-Кристобале и на соседних землях, они даже принадлежат на некоторое время целой общине. Но они обязаны безусловною верностью такому коллективному супругу, если только они не были, что иногда случается, предметом обмена с соседнею общиною. На островах Бибаре и Тамбаре, молодых девушек, предназначенных для начальников, запирают под надзором матроны в хижину, из которой они выходят только затем, чтобы следовать за покупщиками, которые розыгрывают комедию умыкания; у некоторых же племен их запирают не в хижину, а в клетку, до того низкую, что в ней нельзя выпрямиться во весь рост. С своей стороны, сыновья подлежат в течение известного периода пребыванию в лесу для посвящения в таинства, где впродолжении нескольких месяцев, им дозволены такия кушания, которые впоследствии будут уже строго воспрещенными для них. На острове Бираре снова встречаем странный обычай зулусов, по которому зятю воспрещено не только говорить со своею тещею, но даже и видеть её; когда она проходит, он прячется в кусты[3]. На этом острове, равно как и на других землях архипелага Бисмарка, браки совершаются всегда экзогамические: общество разделено на две касты, и мужчина постоянно покупает себе в супруги женщину в чуждом ему клане. Дети принадлежат семейству матери, и, следовательно, непрерывное круговращение совершается из поколения в поколение между той и другой кастою. Как и у большой части африканских и океанийских племен, существуют тайные общества; благодаря таинственности своих церемоний, а также и своей солидарности, эти общества имеют большую силу: на островах Меланезии, эти, внушающие страх, франк-масоны обыкновенно обозначаются наименованием

1 Moseley Expedition du „Challenger“, 1875.
2 Миклухо-Маклай, упом. соч.
3 Brown, „Papuans and Polynesians“.

дук-дуков. Остров Иорк, как говорят, есть центр сообщества в группе Бисмарка[1]. Великий магистр, неизвестный простому народу, в чрезвычайных обстоятельствах одевается в листву; каждый из людей, обреченный им на смерть или присужденный к наказанию, может быть уверен, что приговор будет немедленно приведен в исполнение.

Несмотря на убийство белых и на сопровождающие пиршества, католические и протестантские миссионеры всё-таки отважились поселиться в различных пунктах архипелага. Миссию, основанную на Сан-Кристобале, пришлось, после избиения миссионеров, перевести на остров Вудларк; но священники были вынуждены бежать и из этой земли, и ныне они поселились уже на острове Роке, на западной оконечности острова Бирара, около залива Дампьера; туземцы этого острова гнушаются людоедством. В общем, влияние миссионеров, более или менее видоизменяемое влиянием торговцев и моряков, было незначительно: у меланезийцев существует только культ добрых и злых духов, а также культ великих явлений природы; они почитают тех животных, которых боятся; так, в одном месте они боготворят крокодила, в другом—акулу. Гуппи рассказывает, что на острове Улауа, к северу от Сан-Кристобаля, человека, которому удалось избежать зубов акулы, снова бросают в море, для удовлетворения священного пожирателя. Больными занимаются мало; на большей части островов, их даже покидают на произвол судьбы, когда потеряют надежду на выздоровление: больного относят в погребальную хижину и оставляют его умирать одного, положив подле его рогожи кокосовый орех; поступают так потому, что считают себя не в силах побороть того злого духа, который ожесточился против своей жертвы. Жители верят, что души умерших переселяются в светляков[2].

Политическая организация на разных островах различная: в архипелагах Бисмарка и Адмиралтейства, племена не имеют начальников или, лучше сказать, те, кто носят это наименование, обязаны им лишь иностранным торговцам; никто не позволит себе давать приказания себе подобному, все члены племени равны и, без властителя, обсуждают общественные дела. Но на большей части Соломоновых островов власть наследственных начальников установилась твердо. Обыкновенно королевства не велики: сколько деревень, столько же и государств; однако, существует несколько королевских владений, простирающихся на целую плеяду островов и даже на обширные пространства больших островов. Так, главарь острова Шортланд, в проливе Бугенвилля, командует над всеми островитянами этого пролива, а также и над ближайшими племенами на островах Бугенвилля и Шуазеля. Наиболее могущественные династии вообще удалось основать начальникам небольших островов: этим они обязаны своим морякам, более подвижным и более отважным, чем земледельцы соседних больших земель. Политика германского правительства направлена на упрочение власти главных начальников и на постепенное превращение их в германских чиновников.

В германской Меланезии ещё нет городов. «Колония» Порт Бресони, основанная в 1879 году на южном берегу острова Томбара, у подошвы изрытых оврагами гор и в самой безводной части острова, не имеет уже ни одного из тех французских переселенцев, которым сулили чудеса и которые нашли в «Новой Франции» только болезнь и голод: Порт-Бретон теперь не более, как сарай для хранения товаров. Политический и торговый главный пункт германских архипелагов, включая сюда и острова Соломоновы, занимает центральное положение между Папуазией и архипелагом Бисмарка. Первою станциею был Миоко, в тихих водах, которые простираются к югу от острова Йорка или Нового Лауэнберга; однако, соседния отмели, обнажающиеся при отливе, распространяют вредные испарения. Вследствие этого, для резиденции избрали весьма населенный остров Матупи, расположенный западнее и представляющий кратер, который выступил в бывшем кратере бухты Бланш, но образовавшаяся при извержении волна землетрясения на-половину разрушила деревню, и центр администрации был перемещен к юго-западу от Миоко, на островок Керавара, перед кото-

1 Wiltred Powell, „Wanderings in New-Britain“.

2 Guppy, упом. соч.

рым могут становиться на якорь самые большие корабли; годовой вывоз отсюда копры не превышает тысячи тонн. Что касается чиновников той торговой компании, которая представляет германскую державу в этих морских пространствах, то до сих пор вся их миссия сводилась к защите факторий, создавшихся на различных пунктах архипелага, и к надзору за эмиграцией или, скорее, за вывозом тех туземцев, которые посылаются на плантации белых. Невольничьи рынки превратились в рынки «свободных работников», но разница между операциями всех этих негроторговцев лишь номинальная, сотни и тысячи нанятых, будучи увезены далеко от отечества, оставляются там умирать в безнадежности. Германские публицисты предлагают основать в меланезийских владениях место для ссылки преступников. Финш рекомендует острова пролива Дампьера, занимающие центральное положение между берегом Новой Гвинеи и северными архипелагами—как местности, где всего удобнее было бы устроить эти пенитенциарные колонии[1].

Нижеследующая таблица дает перечень главных островов Меланезии (исключая островов, принадлежащих Новой Гвинее), с указанием их приблизительно определяемого пространства и населенность по Бэму и Вагнеру и по сведениям новейших путешественников.

Название групп и островов		Поверхность в квадр. километрах	Предполагаемая населенность
Острова Адмиралтейства		1.952	2.000
Остров Матиас		660	70.000
Другие западные острова		651	
Архипелаг Бисмарка	Новый Ганновер	1.476	
	Томбара (Новая Ирландия, Новый Мекленбург)	12.950	
	Бирара (Новая Британия, Новая Померания)	24.900	100.000
	Новый Лауэнбург, о. Йорк	58	20.000
	Другие острова	1.578	
„Французские“ острова	Вильомез	400	
	Рауль	140	
	Жикель	100	
	Другие острова	180	
Остров Рок		705	10.000
Остров Длинный		600	
Остров Даммара		320	
Соседние острова		430	
Острова Соломоновы	Бугенвилль (Бука) и соседние острова	10.210	175.000
	Шуазель (Сан-Маркос)	5.850	
	Новая Георгия и соседние острова	3.220	
	Изабелла и соседние острова	5.990	
	Гвадальканар и Саво	6.560	
	Малайта (Рамос), Мерамасики и т.д.	6.380	
	Сан-Кристобаль (Аросси, Баура)	3.113	
	Соседние острова	2.697	

II. Архипелаг Санта-Круц и Ново-Гебридские острова

Эти две вереницы меланезийских островов, очевидно, образуют часть той же самой складки земной поверхности, как и острова Соломоновы, но они не составляют явственного их продолжения и ориентированы несколько иначе: их ось направляется с северо-запада на юго-восток. Два эти архипелага обнимают с полсотни островов, не считая бесчисленных рифов; кроме того, несколько земель рассеяны на восточных морях на тех морских путях, которые ведут к островам Фиджи и Самоа. В общем, архипелаг Санта-Круц и Новые Гебридские острова и острова в восточных морских пространствах, Тукопия и Ануда, имеют поверхность, равняющуюся от тринадцати до четырнадцати тысяч квадратных километров. На-

1 Finsch, „Samoafahrten“.

селенность же, по приблизительным исчислениям, во всех этих меланезийских группах достигает семидесяти или сотни тысяч душ.

Архипелаг Санта-Круц был открыт в 1595 году Алонзо де-Мендадой, который в то время отыскивал, хотя и тщетно, Соломоновы острова, посещенные им за двадцать восемь лет до этого. Квейрос, товарищ Менданы, исследуя эти же морские пространства в 1606 году, первый видел Новые Гебридские острова и останавливался в одной из бухт острова Св. Духа (Espiritu Santo). Он полагал, что нашел южный континент, и потому дал этой *madre de tantas islas* (матери стольких островов) наименование Австралии, приложенное позже к той части света, которую Торрес, помощник Квейроса, без сомнения, должен был видеть, пересекая пролив, носящий его имя. На этом-то острове Св. Духа, или Мэрэна, Квейрос основал «Новый Иерусалим», город, из которого вера должна была распространяться по всем берегам Тихого океана. Но ему не суждено было снова увидеть открытые им земли, и более полутора века прошло прежде, чем другой исследователь, Бугенвилль, появился перед этими островами: впрочем имя, которое он им дал, «Большие Циклады», доказывает, что он методически не обследовал берегов, так как в целом эти острова расположены рядами, а не кругообразно.

В 1774 году, шесть лет спустя после исследований Бугенвилля, Кук посетил этот же архипелаг, который изучил более подробно и которому дал, в память шотландских островов, имя, сохранившееся доныне в географической номенклатуре. После Кука, осталось лишь точнее определить очертания центральных островов и открыть некоторые более уединенные земли. В 1789 году, Блайту, который, будучи высажен с своего корабля возмутившимся экипажем, принужден был перейти по ширине более, чем половину Тихого океана, посчастливилось встретить во время своего опасного плавания рой островов Банкса, находящихся к северу от Ново-Гебридских островов. В предидущем году, Лаперуз проплыл по тем же частям океана, но ему не было суждено разсказать о своем путешествии. Его судно разбилось о подводный риф около острова Ваникоро, самой южной земли архипелага Санта-Круц, и лишь спустя тридцать девять лет после кораблекрушения англичанин Дилон открыл местность, где погибли отважный исследователь и его сотоварищи: роковая скала находится на западе острова, в одном из проходов между рифами, опоясывающими остров.

Ныне, хорошо известные морякам, эксплоатируемые торговцами, являющимися сюда за так называемыми «наемниками» для плантаций других островов, а также изследуемых и миссионерами, стремящимися найти последователей своим вероучениям,—острова Санта-Круц и Ново-Гебридские не составляют колониального владения какой-либо европейской державы. Правда, северная группа находится, в силу заключенного с Германией договора, в «сфере влияния» Великобритании, но Ново-Гебридские острова, которым, повидимому, тоже предназначено было стать английским владением, оспаривались у Англии Францией, и даже небольшие французские гарнизоны временно занимали некоторые острова. Католические и протестантские миссионеры в поисках «душ, подлежащих спасению», плантаторы Новой Каледонии, а также плантаторы островов Фиджи в поисках работников для своих полей, не замедлили вмешать в свои частные интересы соответственные правительства, и в течение нескольких лет политическая судьба архипелага оставалась в неизвестности. Недавний договор продолжил это неопределенное состояние, отдав архипелаг под общий протекторат Франции и Англии; вероятно, что этот двойной надзор, рано или поздно, приведет к разделению Ново-Гебридских островов между этими двумя соперничествующими державами.

Подобно другим рядам островов в западном Тихом океане, оба рассматриваемые архипелага—происхождения вулканического: почти во всех этих меланезийских землях видны высящиеся правильной формы конусы, с откосами, покрытыми пеплом и лавами. По Дана, именно деятельности вулканических сил и должно приписать почти полное отсутствие коралловых рифов в архипелагах этих морских пространств; хотя расположенные между Новою Каледониею и островами Фиджи, столь богатыми кораллами, острова Санта-Круц и Гебридские не имеют атоллов, и единственное законченное кольцо из кораллов находится там

лишь вокруг острова Ваникоро. Один из северных островков архипелага Санта-Круц, Тинакоро, постоянно пребывает в состоянии извержения. К северу от Ново-Гебридских островов в группе, называемой архипелагом Банкса и Торреса, один вулкан острова, Урепарапара, высотою в 695 метров, открывает со стороны северо-запада свой обвалившийся кратер, и море заполнило прежнее дно этого бассейна. Неподалеку, на острове Вануа-Лава, т.е. «Большая земля», теплые источники в изобилии бьют на морском берегу. В центре архипелага, остров Амбрим (1.067 метров) и крутая гора Лопеви, самая высокая в архипелаге (1.524 метра),—также ещё действующие вулканы; наконец на юге, на острове Танна Айпери или просто Танна, т.е. «Земля»,—лесистая гора Язова находится постоянно в действии; через промежутки от шести до восьми минут, в особенности с января по март[1], видны выделяющиеся из вершины её пар, пепел и бомбы лавы; Порт Резолюсион, превосходная гавань этого острова, был засыпан в 1878 году во время землетрясения. В этих морских пространствах подводные извержения часто случались, и кораблям приходилось с трудом пролагать себе путь чрез слои пемзы. Кроме ныне ещё действующих вулканов, многие другие островные горы архипелага прежде изливали огненные реки. Во многих местностях видны следы недавних поднятий почвы: унизанные раковинами корни ризофор находятся на высоте 12 метров над уровнем моря[2].

Климат значительно разнится в различных частях архипелагов, так как они тянутся на пространстве, превышающем 12 градусов по широте: 10-й градус к югу от экватора пересекает морские области архипелага Санта-Круц, а островок Мэтью, в Ново-Гебридских островах, находится к югу от 22° южной же широты. Таким же образом, разница в средней температуре между двумя оконечностями ряда островов составляет от 2 до 3° Ц. Со всем тем, порядок дуновения ветров и выпадения дождей один и тот же во всех этих морях: пассатный юго-восточный ветер правильно дует в течение лета в северном полушарии, с мая по октябрь, между тем как во время другой половины года, с ноября по апрель, неправильные ветры чередуются с пассатом; ветер с запада часто берет верх, принося с собою дожди, бури и даже циклоны. В среднем, влажность весьма изобильна, и, следовательно, густа и растительность: горы покрыты лесами. Для европейцев климат Ново-Гебридских островов, в особенности на западной их стороне, где выпадают обильные дожди,—самый нездоровый; он стал таким же и для туземцев, которых ныне косит легочная чахотка. Флора этих архипелагов, питаемая одною из наиболее плодородных почв, заключает в себе большое число видов, не встречаемых в других местах, между прочим, одно дерево из семейства миртовых, распространяющее сильный запах и достигающее высоты слишком 12 метров; одна разновидность кедра, с листьями оливкового дерева, достигает гораздо более значительной высоты и могла бы доставлять большие мачты для судов. Почти все деревья Ново-Гебридских островов весьма смолисты, и белое прозрачное вещество, истекающее из них, высоко ценится теми редкими промышленниками, которые имели случай им пользоваться; всего более требуется для вывоза, из ново-гебридских пород—дерево сандальное. Питательные растения в этих архипелагах—по большей части западного происхождения: область индийской растительности продолжается даже до этих отдаленных островов[3]; но, по сотне видов папоротников, по *dammara* и араукарии, Новые Гебридские острова принадлежат также к новозеландской области. За исключением некоторых разновидностей, плодовые деревья те же, которыми обладают и другие океанийские острова: кокосовое, саговое, хлебное, банановое. Важнейшим растением является иньям: этот клубень составляет главную пищу жителей. Они считают и годы по времени его сборов: когда поставщики людей увозят островитян в качестве «законтрактованных» рабочих на плантации Квинсленда, островов Фиджи или Новой Каледонии, то время обязательной службы исчисляется в контраке не по годам, а по «иньямам». Что касается туземной фауны, то она весьма бедна млекопитающими: летучия мыши и кры-

1 Brenchley, „South Sea islands".

2 Ormieres, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Paris", 1878-1888, № 6.

3 Meinicke, „Zeitschrift fur Gesellschaft fur Erdkunde" №№ 52, 53, 1874.

сы—вот единственные первобытные виды. Свиньи были привезены; ещё недавно туземцы островов Танны и Малликоло с удивлением смотрели на первых собак, привезенных с островов Товарищества. На Танне находят также голубя-мускатоеда.

Архипелаги Санта-Круц и Ново-Гебридских островов занимают переходный пояс между меланезийским миром и Полинезией, и, вследствие того, их населения представляют большое разнообразие типов, смотря по смешению или соприкосновению рас. Каждый остров представляет контраст с своим соседом, даже на одной и той же земле различные народцы резко отличаются друг от друга наружностью, нравами и наречием. Как и на островах Соломоновых и в архипелаге Бисмарка, прибрежные жители и люди внутренней части страны образуют группы племен совершенно различные, вообще обозначаемые, на английском жаргоне этих морских областей, под наименованиями: *man-saltwater* и *man-bosh*, т.е. «человек соленой воды» и «человек кустов». Но, в общем, преобладает тип меланезийский, даже на южных островах Ватэ, Эрроманго и Танна[1]. Мореплаватели замечали, что туземцы на южных островах вообще сильнее, крупнее и лучше сложены, чем на островах северных. Но, взятые в массе и оцениваемые на основании наших обычных эстетических правил, они вовсе некрасивы; лоб у них низкий, подавшийся назад, лицо уширенное двумя выдающимися скулами, нос приплюснутый, губы толстые; на различных островах, у матерей есть привычка уродовать голову своих детей при помощи дощечек, которые удлинняют череп, суживают и принижают (уплощают) его[2]: вероятно, благодаря этому искусственному уродованию, туземцы Ваникоро и Малликоло и считаются, по Фловеру, самыми длинноголовыми из людей. Волосы на голове и бороде—кудрявые; кожа у ново-гебридцев почти черная и часто поврежденная различными болезнями. Они стараются украсить себя, прокалывая дыры в ушах и носовой перегородке, делая надрезы на плечах и груди, убирая голову раковинами, листьями в пучками травы, рисуя узоры на теле красной охрой и известью и различными пигментами, но татуирование, в собственном смысле этого слова, довольно редко: на южных островах оно даже совершенно неизвестно. Очень многие из островитян употребляют даже древесную золу для окраски своей гривы в золотистый цвет. На о. Танне верхом хорошего тона считается иметь такую прическу, чтобы волосы были разделены на множество маленьких косичек, соединенных растительными волокнами у корной волос; требуется, говорят, от трех до четырех лет, чтобы довершить эту часть туалета красивого воина[3]. Во время прибытия французов на острова, туземцы ходили голыми, или не имели другой одежды, кроме передников из размятого луба, из листьев или волокон кокосовой пальмы. Туземцы, описываемые Куком, походили на «крупных муравьев»,—до того они перетягивали свой стан поясом из веревок. В наши дни, большая часть ново-гебридцев употребляют европейские ткани для всего или части своего костюма. Они но строят свои жилища на сваях, как папуасы и меланезийцы на западе: почти всегда это простые крыши из пальмовых листьев, насаженные на четыре кола.

Если огромное большинство туземцев, очевидно, меланезийцы в обоих архипелагах, то прекрасная полинезийская раса представлена почти в чистом состоянии по соседству с островами Санта-Круц. Островок Ануда, или Cherry island, а также и островок Тукопия или Барвель, расположенные на восток от ряда больших островов, в восточных морях, несомненно населены полинезийцами; их сразу узнаешь по их широкоплечей и стройной фигуре, по длинным волосам на голове и улыбающемуся лицу. Жители Футуны и Анивы, «Мадеры» Ново-Гебридских островов (около южной оконечности архипелага),—тоже полинезийцы, и даже имена, данные ими своим островам, заимствованы у соседних земель архипелага Тонга[4]. Весьма вероятно, судя по описанию, данному Квейросом, жители островков Таумако или Дуф, к северо-востоку от Санта-Круца, также принадлежат к той же самой расе. Может-

1 Otto Finsch, „Anthropologische Ergabnisse einer Reise in der Sudsee“.
2 Reberjot, „Bulletin de la Societe de Geographie”, 1-er semestre, 1883.
3 Markham, „Cruise of the Rosario among the New Hebrides“.
4 Meinicke, упом. соч.

быть, островитяне Накупа, одного из островов главной группы Санта-Круца, произошли от скрещивания двух этнических элементов, ибо их наречие маорийкского происхождения,— существенно полинезийское, между тем как их нравы указывают на связь с народцами Меланезии.

Женщины, покупаемые мужьями, вообще весьма несчастны: все главные работы возложены на них, и часто к этому ещё присоединяются и побои; на некоторых островах, именно на Малликоло, им выламывают два верхних резца; на Анатоме они должны были следовать за своими супругами в могилу; в самый день брака, на шею им надевали веревку, при погребальной же церемонии её оставалось только затянуть. Будучи почти все, за исключением начальников, одноженцами, ново-гебридцы весьма ревнивы и зорко наблюдают за поведением своих жен; масса вещей, дозволенных для мужчин, воспрещена для женщины; это для неё в особенности и провозглашается начальниками и жрецами табу. Эти последние—чародеи, повелевающие ветром и дождем, вызывающие и прогоняющие болезни и духов, говорящие с предками, богами племени и передающими их волю живым. Они председательствовали на пиршествах с человеческим мясом, так как людоедство, недавно более распространенное в восточной Меланезии, чем во всех других океанических землях, имело религиозный характер: пожирали военно-пленных и трупы павших врагов, в рассчете напитать себя их силою и храбростью; но вкус к человеческому мясу увлек этих дикарей до того, что они стали есть мертвецов из своего собственного племени или же выменивать их на покойников у дружественных народов.

Эти каннибальские нравы и доставили туземцам Санта-Круца и Ново-Гебридских островов репутацию злодеев и кровожадных; однако, не подлежит сомнению, что при взаимных сношениях между меланезийцами и белыми, последние были гораздо более лживыми и жестокими. Сколько раз они нападали на деревни для того, чтобы пленить защитников, а затем продать их в качестве «нанятых» рабочих на отдаленные плантации! Сколько раз они хладнокровно избивали женщин, детей и стариков, и сжигали жатвы, чтобы уморить голодом тех, кого не могли достать пули их ружей! Порою «чернокожим» удавалось отомстить нападавшим или завладеть каким-нибудь белым, потерпевшим крушение, и что же удивительного, если в таких случаях они набрасывались на свою добычу, чтобы её сожрать! Но редко бывало, чтобы мореплаватели и миссионеры, относившиеся к туземцам справедливо и благожелательно, могли на них жаловаться. Если епископ Паттесон был убит на о. Нукапу, в 1871 году, то это убийство совершено было рукою отца, у которого он пришел отнять детей. По Маркгаму, туземцы на Эрроманто, убившие Вильямса, другого миссионера, пользуются только ружьями для белых, в которых они видят похитителей людей; в своих местных войнах, между собратьями по расе, они считали бы позором употреблять европейское оружие.

Людоедство сохранилось ещё лишь на небольшом числе островов; в южных землях, посещавшихся белыми, оно уже отошло в область преданий. В действительности, многие из Ново-Гебридских островов, хотя оффициально и не присоединены к какой-либо европейской державе, тем не менее принадлежат белым, которые управляют населением, заставляют его работать на себя, и доводят его до того, что оно всё более и более напоминает состояние пролетариата в Европе. Остров Анатома, самый близкий к Новой Каледонии, населен исключительно обращенными в христианство, которые все умеют читать и писать. На других островах, христианские общины преобладают числом над народцами, оставшимися языческими. Самая значительная из Ново-Гебридских земель, остров Св. Духа, или просто Святой, климат и богатство которого Квейрос справедливо восхваляет и который он считал будущим соперником «провинций Чили, Перу, Мексики и Филиппинских островов», есть именно один из тех островов, которые менее всего посещались европейцами, и экономическая ценность которых весьма ещё незначительна. Его обширный «порт» или, скорее, прекрасно защищенная бухта Вера-Круц, в которой «с удобством могли бы поместиться четыре тысячи кораблей», остается почти пустынной, и ни один плантатор не поселился на берегах «Иордана».

В 1828 году, открытие сандального дерева на острове Эрроманго создало тайную торговлю с Китаем, которая, с уничтожением лесов, исподволь и прекратилась. Торговцы к своему торгу сандальным деревом присоединили торговлю живым «черным деревом», по преимуществу женщинами. Торговый центр Ново-Гебридского архипелага есть остров Ватэ или Эфат, чаще обозначаемый английским наименованием острова Сандвич. Европейские колонисты поселились вблизи порта Гаванны и в других местностях этого острова, славящагося плодородием своих земель и богатством своей растительности, но и одного из самых нездоровых островов; колонисты возделывают там: кукурузу, рис, хлопчатник, табак и кофейное дерево; в 1882 году на их плантациях находилось уже около сотни тысяч кофейных дерев; удобряют же плантации астеридами, извлекаемыми из соседних морей. Плантаторы Ново-Гебридских островов вывозят хлеб, плоды, свиней и домашнюю птицу в Нумею, столицу Новой Каледонии. Значительная часть земель Ново-Гебридских островов принадлежит одной ново-каледонской компании.

Нижеследующая таблица показывает, как малочисленно население этих архипелагов в сравнении с их поверхностью:

ОСТРОВА		Поверхность в квадр. кил.	Население
Архипелаг Санта-Круц	Санта-Круц	560	5.000
	Ваникоро	164	
	Остальные о-ва архипелага	214	
	Вместе	938	
Острова Банкса и Торреса		926	85.000
Ново-Гебридские	Св. Духа	4.857	
	Малликоло	2.268	
	Амбрим	644	
	Ватэ (Сандвич)	518	
	Эрроманго	1.041	
	Танна	380	
	Анатом	160	
	Остальные о-ва	3.529	
	Вместе	13.227	
Острова вост., Тикопия, Ануда и т.д.		66	650

III. Французская Меланезия, Новая Каледония и острова Законности

Большой ново-каледонский остров, находящийся на восток от Австралии, представляет одну из самых значительных земель Тихого океана. Его поверхность равна поверхности трех французских департаментов (пространство собственно Новой Каледонии—17.080, островов Законности (Loyalty)—2.743, островов Честерфильда—0,8 и состоящих под протекторатом Франции: островов Валлиса—96 и островов Фупирса и Алофи—159 кв. километров).

Исключительным своим значением Новая Каледония обязана своему нахождению на великой навигационной линии между Сиднеем и Сан-Франциско. Но, каково бы ни было ныне и в будущем экономическое значение Новой Каледонии, её имя в истории получило известность в особенности после превращения этого острова с 1864 года в ссылочное место вообще и после событий, сопровождавших Коммуну, в частности. Быв местом ссылки для тысяч французов, увлеченных политическими и социальными бурями, этот меланезийский остров стал тюрьмою для других тысяч французов, осужденных законами и подвергнутых опыту новой системы наказаний. Ново-Каледонская земля—не столько колония, как её принято называть, сколько место для опытов, где филантропы и криминалисты испытывают свои системы, одни в целях исправления, другие в целях наказания осужденных.

Политическая судьба Новой Каледонии—одна из тех, которые являют наиболее неустойчивое равновесие. Присоединенная к французской колониальной империи в 1853 году, вследствие одного кораблекрушения, при чём потерпевшие его мореплаватели были съедены

туземцами, эта океаническая земля не имеет, так сказать, точки опоры, которая облегчала бы удержание её во владении Франции. Она находится более, чем в 7.000 километров от Кохинхины, в 4.775 километрах от Таити, главного из французских островов в Восточном Тихом океане, и со всех сторон окружена английскими колониями или землями: с северо-запада—полуостровною Новою Гвинеею, с севера—южными островами Соломонова архипелага, с востока—группою островов Фиджи, с юго-востока—Новою Зеландиею, и, наконец, с запада—австралийским материком, с его честолюбивыми населениями, экзальтированными успехом. В действительности, Новая Каледония есть географическая принадлежность Квинсленда, и огромный прогресс Австралии в политическом могуществе не позволяет сомневаться в том, что рано или поздно, в силу естественного тяготения, Новая Каледония войдет в орбиту соседнего материка. Уже и теперь большая часть промышленных и торговых предприятий французского острова ведутся английскими спекулаторами, и жаргон *bichlamar*, служащий туземцам и чужестранцам, как при обмене товаров на «biche de mer», так и при взаимных сношениях, содержит большую примесь английских выражений.

Довольно удаленная к югу от того пути, которым следовали испанские галлионы с Филиппинских островов к Мексике, Новая Каледония, несмотря на свои значительные размеры, есть одна из тех земель, которые были открыта сравнительно очень поздно. Лишь в 1774 году, Кук, во время своего второго путешествия, увидел холмы большого острова, около его северной оконечности, а затем проплыл вдоль всего восточного берега и открыл на юго-востоке остров Куниэ, которому и дал наименование Соснового острова. Шестнадцать лет спустя, д'Антрекасто последовал вдоль Новой Каледонии по западному берегу и определил очертания подводного рифа более чем на 250 километров к северу от острова. Архипелаг Законности, тянущийся параллельно массиву Новой Каледонии, ещё не был известен, и англичанин Бутлер, открывший его в 1800—или в 1803—году, лишь указал на его существование: настоящее исследование этих островов и самой Новой Каледонии совершилось лишь в 1827 году, благодаря Дюмон д'Юрвиллю; со всем тем оставалось ещё многое сделать, прежде чем явилась возможность, определить точные очертания побережий и их бордюр из рифов, ибо когда уже Новая Каледония была объявлена французскою землею, не знали ещё о существовании прекрасного Нумейского рейда, ставшего торговым центром колонии. Гавань эта была открыта лишь в 1854 г. Тарди-де-Монтравелем. Ныне остров этот—один из наилучше известных в океанийском мире.

Новая Каледония и параллельный ей ряд островов Законности, очевидно, составляют одно целое в географическом отношении, хотя их поверхностные части состоят из различных горных пород. Точно ориентированные в одном и том же направлении, с северо-запада на юго-восток, они в действительности представляют две горные цепи, из которых одна, именно западная, вполне выступила из-под воды в виде сплошной массы, тогда как другая, восточная, не могла достичь поверхности воды верхушками своих скал, и острова образовались только благодаря надстройкам над ними кораллов. Подводные рифы и мели, покоясь равным образом на цоколе из первозданных или вулканических скал, продолжают оба ряда, разделяемые глубокою морскою долиною: лот, выпущенный на глубину 720 метров, не достиг до дна. Относительно совокупности океанийских земель, орографическая система Новой Каледонии сообразуется с общим направлением вышедших из-под воды выпуклостей земной поверхности: эта складка на рельефе земли параллельна той, которая выдвинула на поверхность Соломоновы острова.

Большой остров, не включая соседних с ним рифов и островов, представляет правильно расположенный весьма удлиненный овал, имеющий 392 километра в длину и лишь 43 километра, в среднем, в ширину. Почти всё это пространство покрыто холмами и горами, весьма неодинаковой формы и высоты. Возвышенности на юго-восточной оконечности представляют массивы, разделенные отчасти болотистыми равнинами, усеянными небольшими озерами, воды которых изливаются в различные стороны. Равнины эти совершенно горизонтальны, и подошва гор там так же резко отграничена, как если бы она была погружена в

воду. Почва состоит из твердой железистой глины, усеянной комками красного и черного железа, и совершенно бесплодной на большей части своей поверхности; на остальном пространстве кое-какие травы торчат тощими пучками, да кое-где густые леса, найдя более благоприятную почву, появляются посреди голой степи, как острова зелени[1].

Горный массив Гумбольдта (1.634 метра), который долго считали самым высоким на острове, стоит севернее, близ восточного берега Новой Каледонии, который, в целом, несколько выше западного берега; тем не менее, стоящий километрах в двадцати к западу, около бухты, разветвляющейся на несколько бухточек, «Зуб св. Винцента» (1.445 метров) является почти соперником пика Гумбольдта. С моря, различные вершины, следующие одна за другой по направлению к северо-западу, кажутся составляющими одну сплошную береговую цепь: основываясь на первоначальных морских картах, воображали, что горная система Новой Каледонии состоит из двух параллельных приморских гряд, разделенных срединною впадиною. В некоторых местах, между прочим, на обеих оконечностях острова, такое расположение рельефа страны действительно констатировано; но почти во всех остальных частях островного массива горы и плоскогория возвышаются, разбросанно или в виде цепей, между двумя склонами. К северу от пиков Гумбольдта и «Зуба св. Винцента» (Dent de Saint Vincent) горы занимают всю ширину острова, постепенно, однако, понижаясь в северо-западном направлении: в этой области мало вершин, которые превосходили бы тысячу метров. Лишь по направлению к оконечности Новой Каледонии, вдоль северо-восточного берега, горы имеют вид цепи и достигают самой большой высоты. Питон Паниэ возвышается на 1.642 метра; другая вершина, более северная, сводообразно округляется на высоте 1.700 метров.

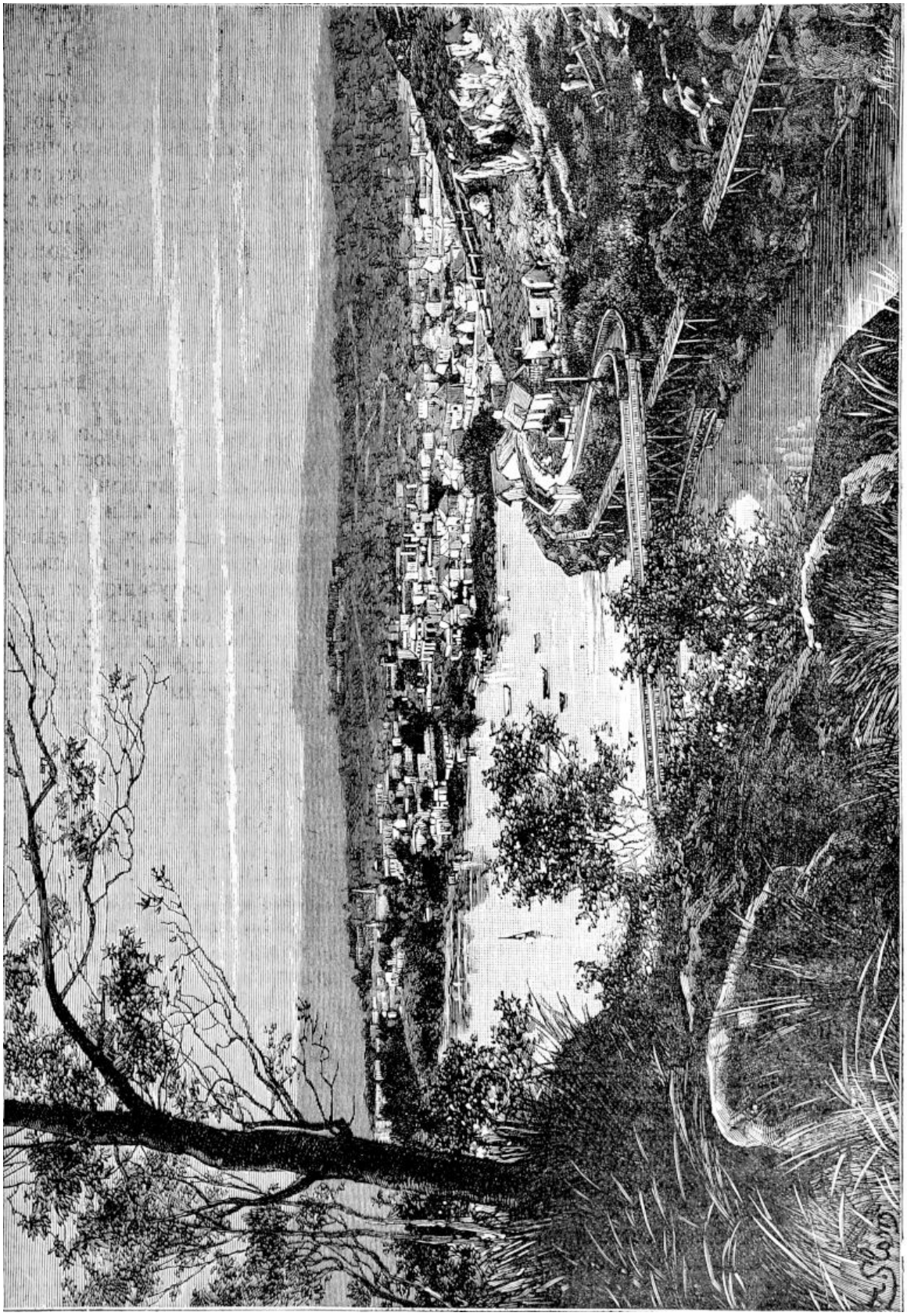
Господствующими горными породами в рельефе Новой Каледонии оказываются: сиэниты, серпентины, диориты, метаморфические сланцы и трахиты, даже куски пемзы, в виде выкинутых водами галек, свидетельствуют о существовании некогда здесь очагов извержения[2]. Большое геологическое сходство каледонских гор с цепями восточной Австралии предсказывало искателям золота быстрый успех в эксплоатации золотоносных жил на острове; однако, финансовые результаты этих горнопромышленных предприятий были мало поощрительны. К металлам, которыми Новая Каледония обладает в изобилии, и благодаря которым, быть-может, край этот приобретет важное промышленное значение, принадлежат хром, никель, кобальт и сюрьма. Равным образом разрабатывается также медь, а у подошвы серпентиновых утесов на поморье распознаны и каменноугольные залежи, впрочем, не имеющие экономического значения.

Риф, окаймляющий берега Новой Каледонии и продолжающий её с северо-запада на юго-восток, по крайней мере удвоивает её пространство. Дарвин и Дана ошибочно отрицают существование рифов «в виде бахромы» и рифов «в виде барьера» вдоль восточного берега Новой Каледонии: гидрографические изыскания Шамбейрона и других исследователей не оставляют никакого сомнения в этом отношении. Только около южной своей оконечности, кольцо из рифов углубляется под воду, сначала на несколько метров, а затем метров на 35—40, образуя к северу от нейтрального прохода, около Соснового острова, сплошную стену, несущую на себе там и сям коралловые шапка, вышедшие из-под воды или же ещё затопленные. В своей средней части и на севере, рифный барьер, названный Шамбейроном «большим рифом», повсюду выдается над уровнем поверхности вод в виде однообразной, шириною от 200 до 1.000 метров, массы, прерываемой только несколькими проходами, которые открываются—за исключением лишь одного из них—не насупротив устья рек, вследствие чего здесь—в противоположность многим другим проломам в коралловых стенах—не происходит смешения пресной и соленой воды, смешения, столь неблагоприятно отзывающагося на жизни маленьких животных-строителей. Морская площадь, находящаяся между морем большого рифа и берегом суши, представляет судам широкий и глубокий путь по спо-

1 Chambeyron, „Bulletin de la Societe de Geographie", juin 1875.

2 Harnier, „Nouvelles Annales des voyages", decembre 1886.

койным водам: от берега до берега, расстояние равняется приблизительно десяти километрам, а около средины канала, где скопляются отломки полипников, глубина достигает от 50 до 60 метров; некоторые скрытые мели, протягиваясь по окраине впадины, делают морепла-



Тасманія.—Общій видъ Лаунценстона.

вание не безопасным. С внешней стороны, о которую море разбивается огромными волнами, опрокидывающими громадные коралловые глыбы и катящими их перед собою, большой риф быстро понижает свой карниз. Нигде, как здесь, повидимому, лучше не оправдывается

гипотеза Дарвина о постоянном погружении тех земель, из которых образуются создаваемые кораллами ограды. Возрастание кораллов на ново-каледонских рифах совершается с чрезвычайною быстротою. Астреи (звездчатые кораллы) имеют иногда более 30 метров в окружности в частях барьера, постоянно ударяемых волной. На севере Новой Каледонии две ветви большого берегового рифа не соединяются: они, напротив, расходятся и продолжаются на 270 километров, чтобы сомкнуться на севере островов Гуон, Фабр, Лелейзур, Сюрприз,—совершенно правильный атолл, истинная форма которого стала известна лишь недавно[1]. Группа Белеп, заключающая в себе острова Арт и Потт, расположена посреди лагуны на оси Новой Каледонии; только немногие ловцы голотурий, отваживаются проникать в эти опасные моря, усеянные подводными камнями и пробегаемыя стремительными морскими реками, текущими на северо-запад в том же направлении, как и пассатный ветер.

Цепь островов Законности, состоящая из полипников, представляет вкратце всю историю коралловых островов. Рифы Пэтри и Астролябии, на севере, суть опасные мели, находящиеся на уровне вод и расположенные в виде атоллов. Остров Увеа, следующий за этими рифами, представляет полукруглое коралловое плоскогорие, совершенно горизонтальное, средняя высота которого колеблется между 15 и 18 метрами, и которое дополняется на западе и на севере выступавшими из воды бухтами; находящаяся же на острове лагуна имеет 18 метров глубины. Лифу, самый большой из островов Законности, названный Дюмон д'Юрвилем Шабролем,—тоже бывший атолл, но последовательными толчками приподнятый до высоты девяноста метров: явственно можно отличить три террасы, приподнятые над уровнем вод, с резко обрезанными краями. Ещё более высокий, так как он возвышается на сотню метров над уровнем вод, четвертый остров, Марэ или Ненгогонэ, состоит из пяти горизонтальных этажей, указывающих на столько же совершившихся относительных перемен уровня между землею и морем. Выступивший из-под воды гораздо раньше, чем другие острова, Марэ также плодороднее, лесистее, и, в сравнении с своим пространством, населеннее. Над правильными террасами, в центре острова возвышается горб из скал: вероятно, это было ядро из вулканических формаций, вокруг которых отложилась коралловая известь. Если судить по тем многочисленным раковинам, принадлежащим к ныне живущим видам, которых находят выше поверхности воды и которые отчасти ещё сохранили свои цвета, то последнее поднятие почвы из-под воды совершилось в недавнюю геологическую эпоху. Многочисленные трещины открываются в утесах окружности острова: на о. Лифу в эти расселины скал прежде клали трупы, постепенно обращавшиеся в мумии на морском воздухе.

Будучи в изобилии орошаема дождями, так как среднее выпадение дождевой влаги достигает приблизительно слоя в один метр, Новая Каледония имеет многочисленные речки, длиной всего лишь в несколько километров, как на западном, так и на восточном склоне. Лишь один из этих потоков настолько многоводен, что заслужил название реки, данное ему колонистами: это Диахота, берущая начало у подошвы Паниэ, в самом высоком массиве, и текущая по продольной долине, параллельной восточному берегу, чтобы излиться в бухту Гаркур, между двумя северо-западными развилинами острова. Со всеми своими излучинами, Диахота имеет более сотни километров в длину, и в её низовой части, там, где приливная волна задерживает её воды, могут плавать гребные суда с водоизмещением от двух до трех метров. Это единственный судоходный путь; другие реки замечательны только пейзажами своих берегов, водопадами и стремнинами. Одна из самых любопытных—Тутута, впадающая, к северо-западу от Нумеи, в бухту Св. Винцента. На большом протяжении она течет под землею, как и многие ручьи в этой области: слышно только их журчание, а сами они не показываются на свет божий. Тутута бьет из трещины горы Гумбольдта могучим каскадом, на высоте 1.200 метр. Ниже русло её на протяжении километра бывает сухим более половины года: воды утекают подземной галлереей, проходящей сначала слева, затем справа по-

1 Grandemann, „Petermann's Mittheilungen", 1870, Heft X;—Chambeyron, „Bulletin de la Societe de Geographie", dec. 1875.

верхностного ложа реки[1]. Некоторые ручьи на острове питаются теплыми родниками, судя по высокой температуре их вод: на северо-восточном берегу, два водопада, низвергаясь друг возле друга, катят различные воды: теплую в одном месте и холодную рядом. По словам туземцев, один источник—воды которого набираются из дождевой воды, выпадающей на остров—выбивается наружу на одном из отдельных возвышений внешнего рифа. Что касается островов Законности, неимеющих гор, которые удерживали бы дожди, то они не орошаются постоянными ручьями. Немного влаги скопляется в углублениях извести, но эта жидкость скоро переполняется нечистотами, и потому туземцы предпочитают пить сок кокосового ореха; для увеличения своего небольшого запаса дождевой воды, они прорезывают желобки вдоль ствола кокосовой пальмы, кокосовые желобки сходятся к расщелине, вырытой у подножия деревьев[2].

Пересекаемая по средине 21° градусом южной широты, Новая Каледония вся лежит в жарком поясе, и средняя температура там весьма высока: так, средняя температура Нумеи (22°16'14" ю. ш.) равна 23° Ц.; тем не менее разница между зимою и летом там весьма значительна, несмотря на умеряющее влияние океана, воды которого омывают этот большой остров; окружающий его пояс из рифов несколько уединяет его от открытого моря. Лето, соответствующее зиме северного полушария, составляет сезон дождей, переменных ветров и ураганов. В январе и феврале внезапные перемены ветра всего чаще, и бури принимают характер истинных ураганов; но редко эти метеоры дают себя чувствовать в северной части острова, так как пассаты—которые в это время года восходят к северу, со всею своею свитою правильных метеорологических феноменов—дуют ещё на ближайших к экватору берегах Новой Каледонии; в некоторые годы главные юго-восточные ветры преобладают без перерыва на северных ново-каледонских побережьях. Вследствие положения на границе между двумя метеорологическими поясами, остров не всегда имеет свою нормальную, долю дождей: в среднем, он получает в год слой дождевой воды в один метр; иногда, однако, случается, в особенности в северных округах, что вследствие продолжительных засух родники и речки пересыхают.

Один из замечательнейших фактов—это здоровый климат Новой Каледонии. Тогда как, в том же экваториальном поясе, многие другие острова имеют климат очень опасный, в особенности для европейских колонистов, в Новой Каледонии земледельцы и землекопы из белых могут работать, иногда даже в болотистых местностях, не подвергая свое здоровье опасности. Объяснять превосходство этого климата нельзя ни влиянием пассатов и морских бриз, ни пористою природою берегов кораллового происхождения, так как и другие океанические земли тропических областей имеют те же самые выгоды. Все, окружающие остров, кораллы—«живые», тогда как кораллы Новых-Гебридских островов, этих столь опасных для колонистов земель, напротив, уже «умершие»: находящиеся там останки их разлагаются, вместо непосредственного вхождения в кругообращение жизни[3]. Но, по мнению туземцев и колонистов, истинная причина превосходства ново-каледонского климата заключается в присутствии благодетельного дерева, *niaouli* или белодревник (*melaleuca leucadendron*), которое одинаково любит как безводные склоны гор, так и болотистые местности: для Новой Каледонии ниаули—то же, что эвкалипт для соседней Австралии; нездоровые Ново-Гебридские острова лишены, будто-бы, ниаули[4]. Это миртовое дерево, похожее на березу своею белою корою, хрупкими ветвями и мелкими листьями, доставляет производителям благовонных товаров летучее каепутовое масло, подобно другому виду белодревника, распространенному на Буру, одном из островов Молуккского архипелага.

Смотря по свойству формаций, ново-каледонская флора различна в разных местностях; но, по отношению к незначительному пространству острова, она чрезвычайно богата. Бро-

1 Chambeyron, тот же сборник, июль 1875.
2 Clermont, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Paris", 1 octobre 1888
3 Ch. Lamire, „Voyage a pied en Nouvelle Caledinie".
4 Balansa, „Bulletin de la Societe de Geographie", Fevrier 1873.

ньяр перечисляет в Новой Каледонии 1.300 растительных видов, из которых 1.100 двусемянодольные: уже этот факт позволяет рассматривать остров как значительный отрывок какой-то исчезнувшей большой земли. В областях, занятых вулканическими формациями, а к таким принадлежит часть южных округов, миртовые, казуариновые, хвойные представлены многими видами, свойственными исключительно Новой Каледонии; но на этих землях вовсе нет растений пастбищных: злаков, мотыльковых и сложно-цветных; поэтому скотоводство там совершенно невозможно; скот перегоняют с одной части острова на другую, делая большие обходы чрез не-вулканические формации; на этих бесплодных скалах нельзя завести даже садов. Осадочные формации, преобладающие в северных областях, имеют другую, лесную и травянистую флору, с весьма большим числом разновидностей; однако, пожары и разделки нови уже видоизменили её и отчасти заменили прежние виды растениями социальными (живущими более или менее многочисленными группами), которые сплоченными массами подвигаются на завоевание края. Между этими растениями-захватчиками находится один злак, *andropogon allionii*, зерна которого нисколько не стеснительны для крупного рогатого скота и лошадей, но гибельны для овец: они проникают в руно, раздражают кожу и производят бесконечные нарывы, изводящие животное. Пока это растение, ныне столь распространенное в крае, не будет искоренено, овцеводство, так много способствовавшее обогащению соседнего материка, нельзя испытать с надеждою на успех. Но между натурализованными растениями есть весьма полезные, и если леса исчезли, то пастбища, а также плодовые сады имеют уже для Новой Каледонии известную экономическую ценность. Главный лесной продукт, которым некогда обладал остров, именно сандаловое дерево, ныне уже почти вывелся. Из лесных деревьев самые красивые: *dammara*, или каури, араукарии и курма (diospyros), или черное дерево[1].

Как и на других океанийских островах, фауна очень бедна в Новой Каледонии. Единственные млекопитающие, живущие в свободном состоянии,—крупный вид летучей мыши и крысы. Равным образом, со времени прибытия французов, в некоторые редкия частные поземельные владения были ввезены зайцы и олени. В Новой Каледонии нет гадов, кроме болотной змеи, очень распространенной, а из мелких животных единственные вредные—один вид скорпиона, стоножка и паук. Из 107 видов птиц, найденных естествоиспытателями на острове, многие связуют его с областями Новой Зеландии, Австралии и даже с Зондскими островами; однако, некоторые из этих видов имеют оригинальную физиономию: таков кагу (rhinochetus jubatus), который напоминает некоторых цапель по своему гребню, оперению и длинноте лап и, напротив, приближается к журавлям устройством грудной кости. Недавно эта птица была весьма обыкновенна, а по утрам, когда кагу собирались большими стаями на берегу моря или вдоль рек, их крики, несколько похожие на лай, производили почти такой же шум, как стая собак; но, вследствие своего тяжелого полета, эта птица заранее обречена на исчезновение, как дронта и аптерикс (безкрыл), если только человек не возьмет её под свое покровительство и не сделает из неё свою помощницу против насекомых, так как кагу большой их истребитель. В 1879 году в Нумее был всего лишь один кагу, и его ходили смотреть из любопытства. Прежде, до привоза из Австралии и Малезии певчих птиц, леса Новой Каледонии были безжизненны. Почти все птицы летают по соседству с морским берегом, а те, которые остаются внутри страны, оказываются молчаливыми маленькими насекомоядными.

Открытие топоров из полированного нефрита в четвертичных формациях Новой Каледонии доказывает, что человек живет в этих океанийских областях уже с отдаленных времен; пытались даже определить, которые именно из различных племен острова происходят от аборигенных населений. Как бы то ни было, канаки, т.е. «люди»—туземное наименование, которое французы удержали как для ново-каледонских туземцев, так и для жителей соседних архипелагов,—в большинстве несомненно принадлежат к меланезийской расе. Оттенок

1 Emille Giffault, рукописная заметка.

кожи почти черный или по крайней мере темно-коричневый; щечные скулы сильно выдаются, а черты лица крупные; волосы на голове курчавые и их природный цвет черный; но старинная мода желтить или белить волосы при посредстве извести сохранилась ещё во многих округах. Канаки также имеют привычку просверливать себе ушную мочку и вводить туда палочку из дерева; как только дитя родится, мать сильно стягивает ему нос для придания той формы, которая ей кажется наиболее эстетической; кроме того, она видоизменяет и голову, удлинняя лицо у мальчика и округляя его у девочки[1]. Татуировка становится редкою, и к ней прибегают только женщины: при этом, они вкалывают себе в плечи и в грудь колючия травы, затем поджигают их, а распространяющийся под кожею обжог оставляет на ней небольшие синеватые пятна. Обычай мазать тело сажею, сильно разведенною в воде, был всеобщим, но он практикуется всё реже и реже, по мере того, как употребление одежды вытесняет примитивные костюмы прежнего поколения канаков.

Супруга—собственность мужа, и муж ревниво надзирает за нею. Патриархальное право преобладает в ново-каледонских племенах: всё имущество, вся власть переходит по наследству от отца к старшему сыну, родному или приемному; но, как бы ни признавалась собственность, нравы требуют, чтобы продукты братски делились между членами племени: когда у народца жизненных припасов в изобилии, все получают свою долю пищи, даже умершие, для которых сбивают у кокосовых пальм головки, а *mayore*, т.е. хлебные деревья, надрезывают, для выпуска сока. Эмигрант доставляет всё добытое им на чужбине начальнику своего племени для того, чтобы он восстановил его в правах члена общины. Между различными народцами не существует политической солидарности: сколько кланов, сколько наций, то дружественных, то враждующих, и говорящих на различных наречиях, хотя одного и того же происхождения; однако, для войны племена обыкновенно соединяются в две конфедерации: «от» и «ваван»[2], Каждая группа устраивается по образцу монархии, имея начальника, личность которого священна, и относительно которого все подданные обязаны не только почтением, но также и работами в натуре на полях и плантациях, при постройках, на рыбной ловле и при перевозке жизненных припасов. Посреди больших ульев, в которых живут туземцы, дом главаря сразу можно узнать по своим размерам и по заостренному конусу, оканчивающемуся на вершине небольшими пучками соломы и *tillit*'ами, т.е. вымпелами из луба. Хижина главного начальника ещё более разукрашена: на верхушке её виднеются: «рука», т.е. нечто в роде гребня, убранного раковинами, и «птица», которая в действительности есть кусок дерева, вырезанный в виде звезды. Начальник—«солнце» своего племени: когда он умирает, то говорят, что «небесное светило закатилось». Он обязан созывать совет из старейшин при всех важных обстоятельствах в жизни общины, для судебных следствий и осуждений, для объявления войны и заключения мира, а также и при устройстве *пилу-пилу*, т.е. национальных праздников, сопровождаемых пиршествами. Каждая канакская деревня имеет свое специальное *табу*, т.е. священное изображение, вырезанное из твердого дерева; его украшают шкурками летучих мышей и помещают на вершине длинного шеста, лицом к востоку. По словам де-Рохаса и Бургареля, начальники и благородные—по большей части полинезийского происхождения и отличаются, по типу и физиономии, от своих меланезийских подданных: кожа у них несколько светлее, лоб выше и шире, нос прямее, губы менее толстые, рост выше, осанка горделивее. Полинезийский элемент сильнее представлен в населении, конечно, на восточной стороне, обращенной к океанийским областям.

Канаки Новой Каледонии принадлежат к числу тех океанийцев, которые численно уменьшаются и вымирают. «Мы не то, что наши предки, сказал один канакский начальник Бранслею: они были многочисленны и мудры, а мы ни то, ни другое»[3]. Путешественники определяли в шестьдесят тысяч число туземцев, живших на острове около средины этого

1 Montrouzier, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1870.

2 Montrouzier, упом. соч.

3 Brenchley, „South Sea islands".

столетия; между тем в 1886 году их было уже не более двадцати трех тысяч. Правда, что частию это уменьшение должно быть отнесено на счет избиений, сопровождавшихся пиршествами с человеческим мясом: павшие в битвах враги всегда пожирались; их тело было равномерно распределяемо между воинами, а они, в свою очередь, раздавали его кусками членам своих семейств, «на-подобие того, говорит Рохас, как у нас распределяют просфору». Во время прибытия первых европейских моряков, туземцы, никогда не видавшие другого мяса, кроме мяса себе подобных, вообразили, что распределяемое между матросами бычачье мясо было мясом человека-исполина[1]. В 1878 году, восстание туземцев, стоившее жизни двумстам солдатам или колонистам, было жестоко подавлено: убили с тысячу канаков, и кроме того, 1.200 из них были свезены на Сосновый и другие острова. Во всяком случае причиненная войною потеря людей малозначительна в сравнении с теми потерями, которые должны быть отнесены к хроническим причинам, в особенности к чахотке, занесенной европейцами. Также много жертв приносится и пьянству с тех пор, как появилась продавцы «тафии»; во время прибытия европейцев, туземцы пили только воду[2]. Брачные союзы между европейцами—ссыльными, колонистами или солдатами—и канакскими женщинами, или «popinees», редки, так как каледонцы сильно презирают *tavo caradous*, т.е. «людей тюрьмы», и часто туземные женщины были убиваемы своими родными за то, что отдавались этим недостойным, по мнению туземцев, людям[3]. Нельзя, следовательно, надеяться, чтобы раса метисов исподволь, путем новых браков, поглотила всё новокаледонское население. Без сомнения, канаки исчезнут путем полного вымирания; через несколько поколений они уже не будут существовать в качестве отдельного народонаселения, и от существования их не останется других следов, кроме произведенных ими на откосах холмов прекрасных ирригационных работ. Почти все метисы в Новой Каледонии, присоединенные к католической церкви миссионерами, становятся чуждыми нравам и обычаям своих предков; но они вовсе не кажутся понизившимися в интеллектуальном отношении.

Для возделывания промышленных растений поземельные собственники пытались употреблять руки туземцев, однако, без большого успеха. Канаки, сгруппированные в племена, сами владеют неотчуждаемыми землями, коллективное пользование которыми обеспечено им государством; они предпочитают возделывать для самих себя кукурузу, маньок или таро и играть на инструменте в роде флейты,—музыка которой, по их словам, побуждает растения прозябать, а плоды созревать[4],—чем томиться на плантациях у белых, производя табак, сахарный тростник или кофейное деревцо. Отсюда обвинения туземцев в закоренелой лености и стремление заместить их «нанятыми» рабочими, привозимыми с других островов и удерживаемыми в некоторого рода рабстве посредством авансов, которые приходится отрабатывать в течение многих лет. Таким образом были ввезены в Новую Каледонию более двух тысяч иностранцев, в особенности меланезийцев с островов Законности и Ново-Гебридских; затем Новая Каледония получает также африканцев, индийских кули и даже, в небольшом числе, китайцев. Для крупных хозяйств доставляют руки, кроме того, и осужденные белые.

Политические ссыльные, привезенные в 1872 году в числе около 4.500 человек, почти все покинули край: некоторые из них, создавшие себе в Нумее прибыльные промышленные заведения, были единственными ссыльными, не воспользовавшимися, в 1880 г„ правом возвратиться во Францию.

Число сосланных за общие уголовные преступления или за рецедиву достигает приблизительно десяти тысяч человек, большинство которых употребляются на публичные работы (постройку дорог и т.п.), или работают на компанейских горных и иных промыслах, а остальные пользуются относительною свободою в земледельческих пенитенциариях, где они

1 I. Garnier, упом. соч.
2 Opigw, „Bulletin de la Societe de Geographie", 3 trimestre 1886.
3 Emile Giffault, рукописные заметки.
4 Moncelon, „Melanesie francaise".

обрабатывают отведенные им участки земли. *В 1890 году, в числе 62.752 человек населения Новой Каледонии и островов Законности насчитывалось: 9.061 свободных белых (1.714 солдат), 7.477 ссыльных (11 женщин), 2.515 отбывших срок наказания (177 женщин), 42.579 новокаледонцев, 109 китайцев, 72 индуса и пр.* Переходя из одной категории в другую, осужденные кончают тем, что вступают в ряды свободных граждан. Этот последний класс, ещё весьма малочисленный в сравнении с числом сосланных и их сторожей, тюремщиков и солдат, не преминет вскоре превзойти остальные классы, уже вследствие обратного вступления в общество граждан отбывших наказание осужденных; но большая часть семейств должны угаснуть, так как в Новую Каледонию ссылается весьма небольшое число женщин. Тем не менее семейства, хотя и в малом числе, образуются, и подобно тому, как сыновья австралийских *convicts*'ов обязали свою метрополию прекратить присылку, для заселения колонии, осужденных за преступления, так точно и дети здешних сосланных протестуют против присылки других невольных переселенцев в Новую Каледонию.

Переселение свободных людей ещё довольно незначительно: в «колонии» меньше колонистов, чем чиновников и солдат. Правда, правительство предоставляет всякому переселенцу-земледельцу даром земельный участок, в размере четырех гектаров годной для возделывания земли и двадцати гектаров под пастбища, обязуя колониста оставаться на своем участке в течение нескольких лет и привести его в хорошее состояние; однако, колонизационные попытки бывали столь неудачны, что неоднократно приходилось возвращать на родину несчастных земледельцев, привлеченных в этот отдаленный край надеждою на достижение довольства: соперничество более дешевого труда ссыльных отнимает у мелкого собственника всякий шанс на успех. Появляющиеся колонисты в большей своей части принадлежат к австралийцам: в качестве соседей, знающих климат, возделываемые растения, людей и хозяйственные условия среды, они могут предаваться труду с наибольшим шансом на верный успех; несколько сотен их поселились в тех областях острова, которые годны для возделывания, и здесь они занимаются по преимуществу скотоводством. Что касается различных ремесл, то в большей части случаев они в руках опытных мастеров из класса отбывших наказание. Создались также компании для эксплоатации минеральных богатств Новой Каледонии, главным образом для добывания никкеля, меди и кобальта; в пользу этих обществ и была предположена замена медной французской монеты—никкелевою. Годовое производство ново-каледонских никкелевых рудников достигает 12.000 тонн (в 1892 г. вывезено никкеля из этой колонии на сумму 4.493.000 франков). В Новой Каледонии существует уже и крупная земельная собственность: с 1880 года, один концессионер владел 17.000 гектаров в одной меже. Тем не менее скотоводство,—единственный промысел этих крупных арендаторов,—сравнительно маловажно. В Новой Каледонии нет даже и 100.000 голов крупного рогатого скота; затем имеется менее 20.000 овец и несколько сотен лошадей, привезенных с острова Норфолька. Площадь земли, в общем составляющая около 20.000 гектаров, отведена для земледельческих пенитенциарных станций.

Нумея, называвшаяся Порт-де-Франс'ом в первые годы колонизации, есть главный и единственный город Новой Каледонии и принадлежащих к ней островов. Она одна заключает в себе семь тысяч человек, т.е. более половины живущих на острове гражданских и военных европейцев. Основанная в 1854 году, после покорения племени того же имени, Нгуэа или «Нумеа» занимает очень хорошее торговое положение на южной оконечности острова, на берегу, обращенном к Австралии. Она расположена на гористом полуострове, изрезанном бухтами и бухточками, и окруженном островами и островками; большой пролом в наружном рифном барьере служит путем сообщения с многочисленными рейдами, из которых все прекрасно защищены; главный из них, открывающийся на северо-западе, между островом Ну и полуостровом Дюкос, мог бы вместить целый флот. Вся внешняя торговая Новой Каледонии сосредоточивается в этом порте; ценность товарообмена в 1896 году достигала 15 миллионов франков. Находясь на пути развития, Нумея представляет нечто недостаточно упорядочен-

ное, в котором деревянные домишки перемешиваются с большими гражданскими и военными зданиями. Холм, стеснявший развитие города, срыт, а питьевая вода в изобилии проведена с расстояния 13 километров; главные улицы обсажены деревьями, и красивый сад окружает правительственный дворец; тропинки для прогулок, змеясь, поднимаются по склонам соседних гор и снова спускаются к берегам бухточек на восточном пляже полуострова. Главная дорога, начинаясь у Нумеи, разветвляется, по выходе с полуострова, к различным пунктам острова.

Нумея окружена пенитенциарными заведениями. На западе, на острове Ну,—закрывающем от городских жителей вид на открытое море,—находятся главное депо осужденных и его службы, в которых заключены непокорные каторжники, ремесленники, больные и другие преступники, в числе всего около 3.000 человек. С другой стороны рейда, к северо-западу от Нумеи, тянутся зубчатые берега полуострова Дюкос, на котором отбывала свое наказание 800 коммунаров, осужденных на ссылку в укрепление; ныне этот стан занят принадлежащими к различным категориям «освобожденных от наказания». На северо-востоке этого рейда, у подошвы господствующего над ним холма, стан Монтравель, в котором пребывают в заключении осужденные из военных и в котором также производится сортировка привезенных ссыльных из Франции. Группа осужденных работает, кроме того, на всех публичных-нумейских верфях, на дорогах, плантациях, в рудниках и в лесах. Миссионеры, самые богатые собственники на острове, употребляют в большом числе ссыльных на работы в своих садах и на полях в Сан-Луи, к востоку от Нумеи: неподалеку, другие из осужденных отосланы на никкелевые и кобальтовые рудники Золотой горы; ссыльные же эксплоатируют государственные леса на берегу бухты Прони, на юго-восточной оконечности Новой Каледонии.

На северо-западе от Нумеи, несколько военных постов и центров населения следуют один за другим на западном берегу; таковы: Булупари, расположенный около бухты Св. Винцента и цепи её островов; Фоа и Теремба или Юрай—рынки для ферм на окрестной равнине, орошаемой рекою, в которую проникает прилив, и Бурайль, в котором находятся большое пенитенциарное учреждение и монастырь для осужденных женщин. Эта местность Новой Гвинеи имеет наибольшее значение в земледельческом отношении; все долины реки Неры и её притоков распределены между осужденными, которые, по большей части, поженились на отбывших наказание женщинах; хорошие дороги прорезывают плантации и сообщают нарождающийся город с портом Гуаро. За Бурайлем, поселения на поморье редки и малозначительны. В Гомене, на берегу широкой и безопасной бухты, основано *saladero* для убоя скота и изготовления мясных консервов.

Самую богатую рудами область Новой Каледонии составляет средняя долина Диахоты, направляющаяся к северо-восточной оконечности острова. Гора Балад пересечена по всем направлениям металлоносными жилами золота, меди, колчеданов, никкеля. При первых открытиях минералов, в 1872 году, в страну стали поспешно прибывать австралийцы, поселки стали возникать в пустынях, вместе с тем составлялись общества для эксплоатации богатств в недрах земли. Край принял наружность как бы Квинслэндского кантона, как вдруг банкротство финансистов расстроило все предприятия. С тех же пор, как одна горнопромышленная компания приобрела непосредственную поддержку в правительстве уступкою ей трехсот осужденных на период времени в двадцать лет, всякое соперничество стало невозможно; рудокопы покинули дело, и в Уэгоа осталась только одна группа рудников, с казармами для надзора за рабочими. Главное место нагрузки минерала на суда находится в Кайлу, приливном порте на р. Диахоте: дорога, поднимающаяся из этого порта к наиболее производительным рудникам, пересекает гору, а затем снова спускается к исторической деревне Баллад, первому селению, которое увидел Кук во время открытия, в 1774 году, острова, и тому пункту, который в 1853 году заняли французы, овладевая Новой Каледонией. Впрочем, Балад, по степени важности, превзойден другими деревнями на восточном поморье, каковы: Уагап, Хуайлу, Канала, Тио, Гиенген.

Основанная в 1879 году, Канала может быть рассматриваема как главное место восточно-

го берега. Эта деревня расположена по соседству с глубокою бухтою, превосходно защищенною гористым полуостровом. Канала есть пенитенциарный и земледельческий центр, как Фоа и Теремба, с которыми её скоро соединит проезжая для экипажей дорога; это также и горнопромышленный центр. Никкель из Хуайлу, Каналы, Тио, эксплоатируемый почти исключительно австралийскими рудокопами—обучающими своему языку туземцев—самый богатый и чистый из всех найденных до сего дня руд этого металла. Различные основанные на новокаледонском поморье поселения ещё не все соединены между собой хорошими дорогами, хотя администрация располагает армиею более чем в десять тысяч рабочих. План приведения путей сообщения в хорошее состояние—по которому предполагалось провести по одной главной дороге на каждой стороне острова, а затем соединить эти дороги поперечными путями между обоими противоположными бухтами, далек ещё от своего осуществления. Небольшие железные дороги проведены в горнопромышленных округах. Для переезда же значительных расстояний от одного пункта до другого на протяжении Новой Каледонии, чиновники и колонисты пользуются почти всегда пароходом, который обходит вокруг острова, обслуживая посты поморья.

Зависящие от главного острова, обитаемые острова Арт и Потт, в северной лагуне, и Сосновый остров, на южной оконечности рифов, не обладают ни большими деревнями, ни часто посещаемыми портами. Подобно Новой Каледонии, Сосновый остров или Куниэ также сыграл свою роль в истории ссылки. Три тысячи осужденных коммунаров, разделенных на пять административных групп, проживали там в прогалинах сосновых лесов; ныне они заменены сосланными канаками, хилыми или престарелыми каторжниками и так называемыми «relegues», рецидивистами, осужденными на вечную ссылку. Туземцы же, у которых отобрали земли для раздачи их пенитенциарным учреждениям, живут в своем прежнем родовом владении в большой бедности.

Военный пост и главный административный центр островов Законности находятся перед якорной стоянкой Шэпэнэхэ, на острове Лифу; этот рейд довольно часто посещается купцами из Сиднея.

В 500 километрах к западу от северного мыса Новой Каледонии, большой атолл—над котором, на известных расстояниях друг от друга, возвышаются несколько островков: Честерфильд, Бамптон, Авон,—занимает средину моря, которое отделяет новокаледонский риф от «Великого Барьера», на юге Кораллового моря. В 1878 году, Франция завладела этим атоллом, хотя в 1793 году он был открыт английскими мореплавателями, и хотя гидрографическое изучение его равным образом было совершено моряками той же нации. Поэтому, Великобритания и Австралия протестовали против этого политического захвата со стороны Франции. Промышленники эксплоатируют гуано на Честерфильде и соседних островках, которые некогда служили одним из главных китоловных пунктов[1].

До 1860 года Новая Каледония причислялась в административном отношении к французским поселениям Океании, центр которых находился на Таити; ныне этот меланезийский остров и принадлежащие к нему острова управляются губернатором, при котором состоит колониальный совет, где два нотабля заседают рядом с главными начальниками администрации, а к этим членам, при обсуждении вопросов о бюджете, присоединяют ещё несколько уполномоченных от муниципий. Нумея—единственная община, имеющая свой муниципальный совет; остальные колонисты на острове имеют свое представительство в избираемом колониальном совете, а во Франции представителем их является специальный делегат в совете колоний. Судебный механизм тот же, что и во Франции: в Нумее есть суд первой инстанции, высший суд (который в одно и то же время суд аппелляционный и ассизный) и суд коммерческий. Мировые судьи периодически перемещаются из одного округа в другой; что же касается туземных начальников, то они являются судьями относительно преступлений, совершенных членами их племен. Полицейскую службу в Нумее и на остальных частях острова отправляют молодые канаки.

1 Thiercelin, „Journal d'un Balenier".

Собственно Новая Каледония делится на пять округов: Нумея, Канала, Бурайль, Убаш и Север. Годовой бюджет колеблется между двумя и тремя миллионами франков. В 1887 году «метрополитальный» бюджет Новой Каледонии равнялся 7.917.260 франкам; «местный» бюджет колонии в 1890 году составлял 2.746.800 франков. Со времени завладения Новой Каледонией, «Франция бросила на неё слишком двести миллионов франков»[2].

Глава VIII. Австралия и Тасмания

Общий взгляд

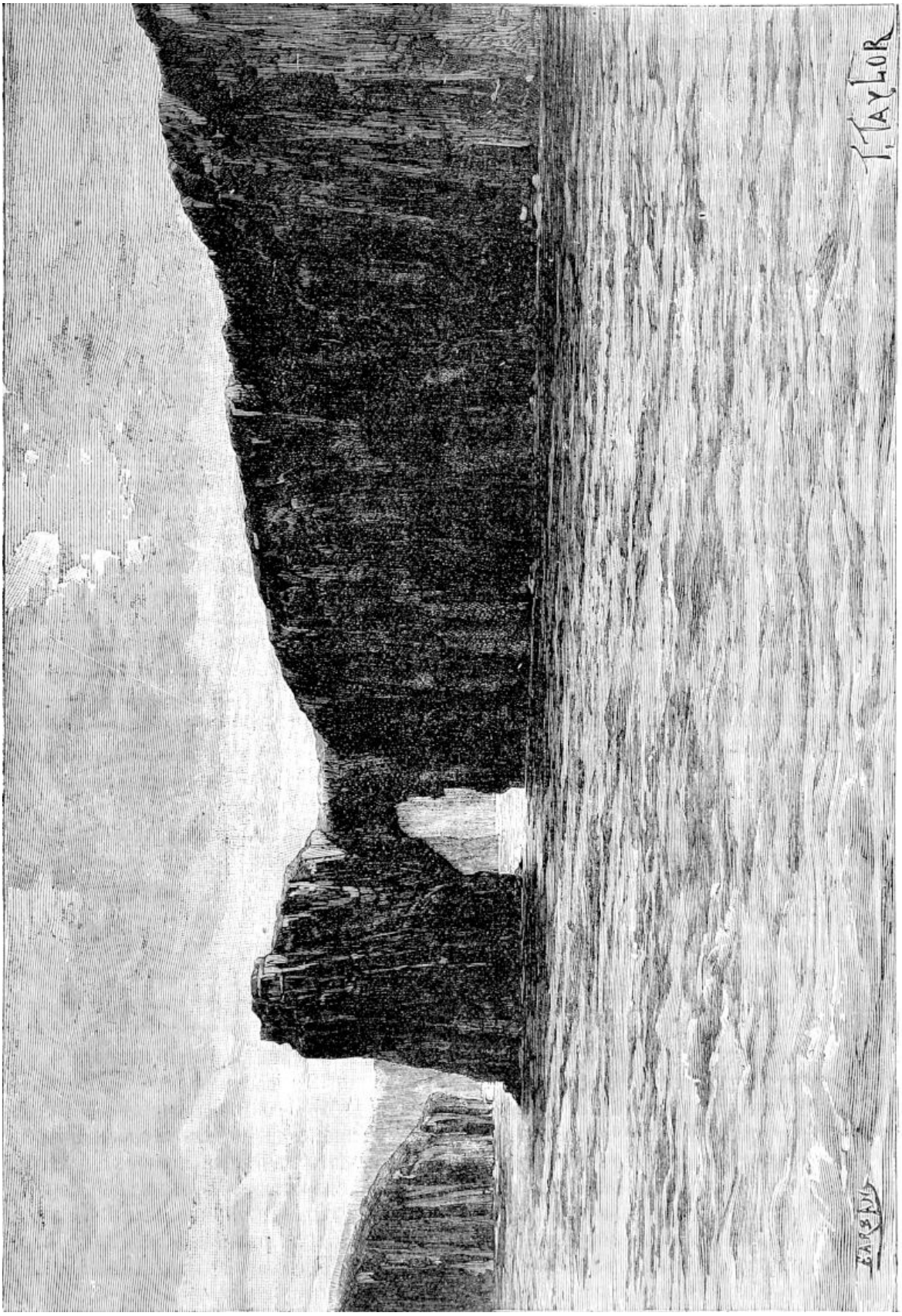
Своим именем Австралия напоминает о тех многочисленных путешествиях, которые, до решающей экспедиции Кука, предпринимались для розыскания земли, уравновешивающей обширные пространства, выступающие из-под воды в северном полушарии. Хотя, низведенный к истинным размерам, которые были определены этим великим исследователем, «австральный материк» нельзя считать противовесом северным землям, тем не менее он достаточно обширен для того, чтобы в нём можно было видеть часть Света, соответствующую Африке и Южной Америке: это один из трех южных материков, которые связываются с северными материками при посредстве либо перешейков, либо цепей островов. Земли, соединяющие Австралию с азиатскими полуостровами, принадлежат в значительной доле к австралийской сфере, как по своему климату, так и по произведениям; кроме того, подводный цоколь, окаймленный рифами, значительно увеличивает действительные размеры австрального материка. Поверхность же Австралии, без соприлегающих островов, не превышает трех четвертей поверхности материка Европы, находящагося на другой оконечности диагонали Старого Света. С землями же, соединенными с центральною массою под общим именем Австральазии, от Новой Гвинеи до Новой Зеландии, поверхность, выступающая из-под воды в этой части Тихого океана, лишь очень немногим уступает поверхности Европы.

Но в других отношениях, как различны эти два материка! Сравнительно с своим пространством, Европа составляет часть Света наиболее населенную, Австралия, напротив, наименее обитаемую: плотность населения в Европе во сто раз превышает нынешнюю плотность населения в Австралии. Правда, этот южный материк находится ещё в начале своего развития в эре цивилизации, объединяющей народы: поздно вступившие в «концерты» наций, австралийцы быстро прогрессируют как в числе, так и во влиянии; однако, населяемая ими страна далеко не обладает теми выгодами рельефа, общей конфигурации и климата, которыя делают из Европы привилегированную часть света. Австралии недостает питающих реки гор, обширных бассейнов, в которые струятся отовсюду проточные воды, плодоносных аллювиальных равнин и глубоких заливов, далеко врезывающихся в массу материка и придающих ему наружность организованного тела; в сравнении с Европою, её форма массивна и груба, без расчленения: это—форма едва отесанной каменной глыбы (Пространство Австралии и Тасмании: 7.695.726 квадр. километров; народонаселение по переписи в конце 1897 года: на материке Австралии—3.565.415, в Тасмании—171.719 душ).

Тем не менее, человек умеет путем науки и промышленности становиться всё более и более независимым от неудобств своей среды, и всё лучше и лучше научается пользоваться окружающими его рессурсами. Сокрытые воды вызваны на поверхность; возделываемые растения сменили кустарники; искусственные дороги восполняют недостаток судоходных путей; под рукой человека земля умаляется, и некогда окруженные пустынею, пригодные для заселения области становятся доступными. Таким-то образом австралийский материк

2 Edmond Turquet, „Service colonial“, rapport № 2053, seccion 1887.

получил в экономии мира важное значение, которое он никогда не мог бы приобрести до эпохи железных дорог. Во многих отношениях, Австралия оказывается первою из английских колоний, и с политической точки зрения, даже при отсутствии флотов и армий, она



Видъ передъ островами Антиподовъ.

много способствует укреплению колониальных владений Великобритании. Судоходная линия, направляющаяся от Англии чрез Средиземное море и Суэзский канал, к необъятным английским же владениям в Индии, продолжается к юго-востоку чрез океан, и на половине

расстояния встречает другую английскую землю, австралийский материк. Самый длинный опоясывающий Африку морской путь, от Лондона в Мельбурн и Сидней, имеет промежуточным этапом Капскую британскую колонию: таким образом, во время своего долгого путешествия по дороге в 26.000 километров англичанин посещает только английские земли; повсюду он видит господство своих нравов и обычаев, повсюду слышит свою родную речь; переменяя полушарие, он не переменяет отечества. Для полной оценки своего влияния, выпадающего на долю, если не Англии, то по крайней мере английского элемента в истории человечества, следует к Великобритания, с её колониями и обширными владениями, присоединить также и Соединенные Штаты. Владея столь значительною частью земной поверхности, населенною более, чем ста миллионами своих же братьев, англичанин может взирать на будущее, исполненный доверия к судьбе своей расы. Континентальному русскому миру, обнимающему половину Европы и половину Азии, противополагается океанический английский мир, простирающийся чрез всю окружность нашей планеты.

Известно, что первые совершенные в австралийских морях и сопровождавшиеся открытиями путешествия португальцев остались неизвестными, или по большей мере оставили после себя лишь смутные слухи, неоспоримый след которых и носят некоторые картографические документы. Так, остров «Великая Ява», изображенный на картах первой половины XII века[1], имеет очертания, достаточно точные для того, чтобы не сомневаться, что португальские мореходы уже переплывали тамошния морские пространства; однако, имена совершивших это мореплавателей затерялись. Позабыли даже и путешествие, совершенное Торресом в 1606 году, чрез тот усеянный подводными рифами пролив, который отделяет Папуазию от Австралии, и если бы не розыскания ученого Дальримпля, то возможно, что это путешествие так бы и оставалось в неведении доныне. Точным знакомством с побережьями австралийского материка мы обязаны голландским мореплавателям, и данное стране этими открывателями наименование Новой Голландии долго сохранялось, на что имело полное право. Когда около середины XVII века, эта географическая номенклатура воспреобладала, большая часть берегов уже была обследована. Корабль *Duyfken*, посылавшийся голландцами на поиски новых земель, вероятно, приставал к восточным берегам Карпентарского залива и проследовал вдоль побережья вплоть до мыса Keer-weer или«Возвратнаго». В 1616 г., корабль *Eendracht* проплыл на запад вдоль крайнего побережья материка, и ещё недавно имя этого корабля сохранялось на картах. Спустя три года, Эдель открыл юго-западную оконечность Австралии, а затем капитан Leeuwin'a и Peter Nuyts проплыли один за другим вдоль южных берегов, между тем как на северо-западе и на севере другие голландские мореплаватели приметили земли, которым они дали имена Арнхем и Витт. В 1644 году, Абель Тасман дополнил открытие всей западной половины материка: за два года до этого он уже обошел вокруг острова Ван-Димена, носящего ныне его имя—Тасмании; но он не мог определить: принадлежит или нет этот остров к большой соседней земле?

Пристать первому к восточному берегу Австралии выпало на долю Кука, чем и была доказана справедливость догадок, сделанных Дебросcом на карте, которую он приложил к своей *Hisioire des Navigations aux Terres australes*. В 1770 году, Кук открыл Ботани-Бей, поднялся к северу, затем, лавируя между сушею и «Великим коралловым барьером», проник в Торресов пролив, положив этим конец сомнению относительно разобщения Новой Гвинеи и Австралии. Но тогда ещё не знали, составляет ли Тасмания юго-восточный мыс материка или отдельную землю, и многочисленные мореплаватели посещали этот остров и становились на якорь в его портах прежде, чем Басс проник в пролив, носящий его имя. Произошло это в 1798 году, десять лет спустя после основания первой английской колонии на морских берегах Нового Южного Валлиса. Уже исследование внутренности материка было начато небольшими экскурсиями между поморьем и склоном Голубых Гор; но это препятствие было перейдено только в 1813 году, скотоводами, которых долговременная засуха заставила искать новых пастбищ.

1 R. H. Major, „Early Voyages to terra Australis, now called Australia".

Розыскивание травянистых местностей, а затем, после находки в 1851 году золота, внезапный поток рудокопов, устремившихся к ещё неизвестным аллювиальным раввинам и скалистым долинам, много способствовали ознакомлению с внутреннею Австралиею; но бескорыстные экспедиции путешественников, не колеблющихся рисковать своею жизнью для достижения желаемой цели, сделали ещё гораздо больше. В самом деле, исследование Австралии стоило многим жизни: погибли ботаник Куннингам, ученый Лейхард, Грей, Бурк, Вильс и многочисленные их сотоварищи, из которых одни были убиты туземцами, а другие умерли от истощения, от тягостей пути, жажды или голода. А между отважными завоевателями Земли, которым удалось благополучно довести до конца начатую экспедицию, сколькие явили себя истинными героями, выказав всю энергию, всё терпение, всю силу души, к которым способен человек! Целыми днями и неделями им приходилось изучать почву и горизонт, в поисках лужи, ручейка или даже капли воды; спутники должны были разлучаться в пустыне, чтобы порознь искать желанную воду, и назначали местом своего соединения какую-нибудь видневшуюся вдали скалу, от которой мираж или галлюцинация жажды могли легко удалять их. А переходы через дюны, по усыпанным булыжником равнинам, через соляные болота или колючие кустарники! а разброд каравана на поиски заблудившихся лошадей! и, наконец, невыносимые жары, сменяющиеся ночными холодами! История исследований Австралии есть одна из тех, которые дают самое высокое понятие о величии человека.

В ряду попыток, которые из года в год следовали одна за другой, решающим путешествием было путешествие Мак Дуаля Стюарта, совершенное в 1862 году после двух бесплодных разведок: маршруты, вправо и влево, этого путешественника напоминают движение щупалец у насекомых. Мак Дуаль Стюарту первому удалось пересечь материк Австралии в самом широком месте, именно между заливом Св. Винцента и северным берегом, насупротив острова Мельвилля. Таким образом Австралия оказалась разделенною пополам поперечным путем, на протяжения которого, через известные промежутки, учредили станции, служившие местами отправления и продовольственными пунктами для путешественников. От этих определенных пунктов, сокративших на-половину пространство, которое предстояло пройти, можно было уже отваживаться проникать в пустыни, как на востоке, так и на западе, и в 1873 году Варбуртон, наконец, достиг западного берега: с этого времени и сеть маршрутов распростерлась по всей Австралии, как с востока на запад, так и с юга на север. Можно сказать, что первоначальное исследование материка ныне закончено; внутренния области известны в их главных чертах, а петли покрывшей всю Австралию сети дорог мало-по-малу всё более и более суживаются, благодаря частным разведкам, к которым побуждают как проведение телеграфов, так и розыскивание воды и пастбищ. Однако, всё ещё остаются обширные пространства, в особенности в западной Австралии, которые ещё не попирались ногою европейца: например, та часть материка, которая остается неиспещренною на картах между маршрутами Жиля, Фореста и Варбуртона, представляет пространство, обнимающее от семисот до восьмисот тысяч квадратных километров, т.е. превосходящее поверхность Франции.

Исследования морских пучин, произведенные в последние годы на *Челенджере* и других судах, довольно точно отграничили тот цоколь, на котором покоится Австралия и который, с геологической точки зрения, можно рассматривать как единую материковую массу, лишь частию выступившую из-под воды. На севере, Папуазия и все группы и вереницы прилегающих островов, каковы острова Луизиады и Ароэ, возвышаются на общем им всем пьедестале, скорее соединяясь с Австралией, чем разобщаясь при посредстве рифов Торресова пролива. Залив Карпентария и северо-западные моря, вплоть до соседства с Тимором, принадлежат, равным образом, к австралийской площади. На юге неглубокия воды тоже окаймляют поморье на весьма большую ширину, а на юго-востоке длинный подводный полуостров, на котором возвышается Тасмания, вдается более, чем на 1.500 километров в глубокия моря. На востоке, пучины, слишком в 4.000 метров глубины, идут вдоль берегов Нового Южного Валлиса, тогда как северо-восточные берега, мористее окаймленные «Великим коралловым барьером», связуются, при посредстве подводного кряжа-порога, находящагося

на глубине менее двух тысяч метров, с островом Норфольком и с северо-западным полуостровом Новой Зеландии. Эта соединительная линия между австралийским материком и наиболее отдаленными от него его дополнениями представляет, в направлении юго-восточном, то же самое ориентирование, как и Новая Каледония, острова Законности, Ново-Гебридский архипелаг и другие земли, выступающие из-под воды в этих пространствах Тихого океана.

Следует заметить, что во всей совокупности австральазийских земель континентальная масса представляет самый слабый рельеф. Самые высокие горные цепи Австралии имеют второстепенное значение в сравнении с высокими горами Новой Гвинеи и Новой Зеландии; даже на Соломоновых островах есть горы более высокие. Этот факт свидетельствует в пользу той гипотезы, которая объединяет Австралию с северными и восточными землями в одно целое в геологическом отношении. Папуазия и Новая Зеландия, по этой гипотезе, суть не что иное, как окраины большого австрального материка, более половины которого ныне покрыто водами, и—как земной рельеф представляет тому многочисленные примеры в Южной Америке, в Африке, вообще вокруг великого бассейна Океана—именно вдоль побережья вздымаются самые высокие вершины, непосредственно над морскими пространствами, где залегают глубокия воды[1].

Подобно общему австральазийскому рельефу, и большая земля, т.е. собственно Австралия, представляет свои самые значительные возвышенности по соседству с морским берегом и на том фасе, который обращен к глубокому Тихому океану. Главные хребты этого материка расположены так, что образуют внешний полумесяц, на протяжении от полуострова Иорского до мыса Вильсона. За этою обрубкой, местность так сильно понижается, что путешественники предполагали существование своего рода «Каспийскаго» моря внутри Австралии, принимающего в себя все текучия воды. Вместо этого воображаемого центрального моря, в действительности существует лишь несколько небольших бассейнов, не имеющих истоков, и почти все значительные реки изливаются в море непосредственно; но рельеф равнин, по которым они протекают, весьма незначителен; благодаря этому понижению почвы, побережье вдалось очень далеко внутрь материка, на севере и на юге, чтобы образовать заливы Карпентарию и Св. Винцента; между этими двумя самыми большими вырезками на морском берегу, уровень равнин почти повсюду на востоке менее 150 метров. На западе этой низменности, земли начинают снова приподниматься, и около центра материка массивы скал многими из своих вершин переходят за тысячу метров высоты.

Главная горная цепь получила наименование Австралийских Альп (*Australian Alps*), в воспоминание об Альпах Европы. Господствуя над юго-восточным выступом материка, она начинается на востоке от Мельбурна, в Виктории, и тянется полукругом вдоль юго-восточного берега, затем другими горными цепями продолжается в северном направлении. Река Яс, приток Муррея, считается северною границею система Австралийских Альп, развернутая длина которых равняется приблизительно четырем-стам километрам. Горы эти заслуживают наименования «Альп» не столько за их высоту, сколько за многочисленность их массивов, контр-форсов и боковых или параллельных цепей. Впрочем, восхождение на Австралийские Альпы легко: самые крутые откосы по большей части находятся на полувысоте гор: но кверху склоны довольно пологи, и обширные травянистые или покрытые редким лесом плоскогория образуют цоколь, на котором стоят куполы и крупы, на которые можно подняться даже на лошади. Высшая вершина, Таунсгенд, в группе гор Косцюшко, достигает 2.241 метра: она вздымается в Новом Южном Валлисе, как раз на равноделящей угла, образуемого юго-восточною частью материка, на возвышенном мысе Гоу. Во многих долинах Альпов снежный покров сохраняется в течение целого года, а зимою, с мая по ноябрь, и самые плоскогория пребывают под слоем снега. Несколько альпийских фирнов образуются в верхних оврагах гор Косцюшко, а следы прежних ледников видны в различных частях горной цепи. В горах Богонг (1.904 метра), расположенных к западу от верхних истоков Мур-

1 Ed. Suess, „Das Antlitz der Erde“.

рея, фронтальная морена заграждает небольшую долину на уровне 899 метров[1].

Горные породы, из которых состоят Австралийские Альпы, весьма древни: это граниты и силурийские массы, перемешанные с порфирами, диоритами и базальтами; кое-где третичные формации выполняют долины, но всегда в виде горизонтальных слоев, между тем как окружающие их местности находятся в состояния хаоса. Геологическая природа альпийских гор Австралии снова обнаруживается, несмотря на промежуточные низменности, в западных горах Виктории и даже в горах Тасмании, которые в большей своей части принадлежат к тем же векам нашей планеты. Пиренеи, возвышающиеся параллельно морю, к северо-западу от Мельбурна, и Грампианы, неправильные массы которых вздымаются западнее,—тоже силурийские горы, впрочем, менее возвышенныя, чем Альпы, так как самая высокая вершина, гора Вильям, в Грампианах, достигает лишь 1.706 метров. Но нигде в Австралии вулканические формации не развиты более, чем здесь. Сотнями виднеются вулканические конусы в западной части Виктории, при чём одни из них—простые эруптивные холмы, а другие—настоящие горы в шестьсот метров высоты, принадлежащие ко всем последовательным периодам, от палеозойских времен до третичной эпохи. Многие из кратеров, имеющих правильную чашеобразную форму, заключают в себе весьма глубокия озера: одно из них, Blue Lake (Голубое озеро), занимающее верхнюю котловину одного из вулканов группы Гамбье, в Южной Австралии, имеет глубину не менее, как в 206 метров. Из других кратеров образовались травянистые или лесистые цирки; некогда из них изливались целые реки лавы, которые и покрыли край на весьма обширных пространствах. Только один из прежних вулканов, Towerhill, около Warrnambool, возвышается посреди открытого моря[2].

Горы Тасмании, подобно Австралийским Альпам, состоят из гранита и силурийских напластований, и во многих местах эруптивные породы образовали поперечные запруды, откуда воды долин ниспадают в виде каскадов; однако, геологи не констатировали существования в Тасмании вулканов в собственном смысле слова. Хотя почти весь остров усажен горами, самая возвышенная его часть—северо-западная, и в этом-то углу Тасмании и высится главная вершина, Cradllemountain (в 1.545 метров); многие другие вершины превышают 1.400 метров; но к юго-востоку местность понижается, и побережье изрезано глубокими фиордами. В целом Тасмания имеет форму полу-овала, выщербленного на севере, со стороны Новой Голландии, и выемка эта представляет правильно-вогнутую кривую линию. Конечно, пролив, некогда заменялся перешейком, который соединял обе земли, и от которого осталось доныне ещё несколько гранитных островков; но непосредственно к востоку пропасти океана спускаются более, чем на глубину пяти тысяч метров. С геологической точки зрения, возвышенный мыс Вильсон, самая южная оконечность австралийского материка, есть остров, как острова в Бассовом проливе. Если бы материк понизился даже менее, чем на сто метров, то обе бухты, западная и восточная, соединились бы и образовали бы второй пролив.

К северу от Австралийских Альп, гористая оторочка побережья, разделенная на несколько параллельных горных цепей, профилирует свой главный гребень на расстоянии, в среднем, 75 километров от океана. Каждая из этих цепей, как и каждый поперечный кряж, имеет свое имя; иногда всю систему в совокупности обозначают под общим наименованием Голубых гор, которое более специально принадлежит горам, расположенным к западу от Сиднея, и которые долгое время считались колонистами непреодолимым препятствием. Самые высокие пики—между прочим, Sea View, вздымающийся к западу от порта Макери, в северной части Нового Южного Валлиса—достигают 1.800 метров, но большая часть вершин не переходят за полторы тысячи; во многих местах, однако, в этих горах, вследствие размывания и выветривания, образовались грандиозного вида цирки с перпендикулярными стенками. Крутой склон гор обращен к морю; на другой стороне горный хребет представляет во многих местах вид слегка наклоненного плоскогория, и почва пологим скатом спускается в направлении к Муррею. Обширные котловины с выщербленной окраиной, через проломы

1 Von Lendenfeld, „Erganzungsheft, № 87, zu Petermann's Mittheilungen".

2 Selwyn and Ulrich, „Notes on the Physical Geography of Victoria".

которой ныне проходят ручьи, повидимому, некогда были озерами: таковы, между прочим, на западном склоне гор, «Ливерпульские равнины» (*Liverpool-plains*), усеянные базальтовыми островками. Подобно северным странам Европы, и в жизни Австралии был свой озерный период, следовавший за ледниковым периодом.

В северной части Нового Южного Валлиса, водораздельная горная цепь понижается исподволь, и севернее, в колонии Квинсленд, мало уже вершин, достигающих 600 метров; в некоторых местностях горный рельеф даже совсем прерывается: лишь едва приметные пороги служат водораздельною линиею между обоими склонами. Высокие выпуклости, превышающие тысячу метров в высоту, снова появляются к северу от тропика Козерога, образуя гранитный хребет, который тянется вдоль поморья и к северо-западу вплоть до Иорского полуострова, на котором находится небольшая горная цепь, высотою в несколько сотен метров. Между Австралийскими Альпами и гранитными горами Северного Квинсленда, господствующие породы—каменноугольные формации различных веков, палеозойских и мезозойских; там находятся также граниты, порфиры и на западном склоне несколько вулканов и полей лавы. В этом именно поясе австралийских гор, а также на северных склонах гор Виктории, и разбросаны те золотоносные россыпи, которые обогатили Австралию: все они принадлежат к различным ярусам третичных формаций и покоятся на «дне» или каменистом ложе силурийских формаций, из которых и произошли. Большая часть золотоносных залежей выполняют прежния речные русла, которым дали название «желобов»; в некоторых местностях они имеют более ста и даже до ста восьмидесяти метров мощности.

К западу от станового хребта Австралии, низменность, заключающаяся между заливом Карпентария и устьем Муррея, в большей своей части занята меловыми формациями. Эти мезозойские формации и обширные равнины третичного происхождения свидетельствуют, что Австралия, прежде считавшаяся материком «старым» по преимуществу, имела, также как и все другие части света, свои колебания уровня, посменные поднятия и понижения. Далее начинаются уже земли малоизвестные, пересекаемые маршрутами, очень отдаленными один от другого. Однако, известно, что в Южной Австралии, на обеих сторонах залива Спенсера и на берегах соляных озер внутри страны, находятся гранитные и первозданные породы; равным образом, граниты и метаморфические горные породы встречаются и на северных полуостровах, насупротив острова Мельвиля; наконец, юго-западная Австралия на значительной части своего протяжения состоит из гранитных невысоких плоскогорий, на которых местами находятся горные хребты, высотою от пяти до шести сот метров. Эти различные массивы названы по именам исследователей или людей, прославившихся в современной политике. Одна из этих групп, именно группа Мак-Дуалля, к востоку от трансконтинентального телеграфа, богата «рубинами» и другими ценными каменьями.

«Песчаниковая пустыня», обнимающая более трети Австралии, вероятно, образовалась позже всех горных массивов континента; но с точностью указать эпоху её появления нельзя, так как на большей части её протяжения не находят ископаемых: большинство геологов относят выход из-под воды плоскогорий, холмов и равнин этой австралийской пустыни к плиоценовым временам; в Северном Квинсленде она прикрывает меловые образования. Встречающиеся там углубления были произведены метеорическими деятелями, жаром и холодом, ветром и дождем; в некоторых местах уровень почвы понизился на десятки и даже сотни метров, оставив там и сям более крепкия, сопротивляющиеся разрушительному действию стихий, массы, которые свидетельствуют о первоначальном расположении исчезнувших слоев. В северо-западной части Австралии находится область, которую Грей прозвал «страной столбов», по причине песчаниковых колонн, которые мириадами высятся над почвою, неравномерно изрытой и усеянной цветками и гирляндами зелени; ручьи, частию подземные, продолжают дело разрушения. Утес, который рассматривают как «центральный межевой столб» материка и который назвали «столбом Чамберса»,—также один из этих геологических «свидетелей». На нашей планете не существует колонны, более правильной, чем этот отличный маяк, которым путешественники часто пользуются, как сборным пунктом и

местом для прятания провизии. Будучи приблизительно высотою в 45 метров, розовый на верхней оконечности, он стоит на пьедестале из белого песчаникового пригорка, метров в тридцать, окруженного рассеянными глыбами, отрывками рассыпавшейся древней горы, от которой только и остался на своем месте этот уединенный столб.

Австралийская пустыня, подобно Сахаре, имеет свою область дюн, проходящую к западу от трансконтинентального телеграфа, на северо-западном склоне. Ряды песчаных бугров здесь следуют друг за другом с полною правильностью, развертываясь наподобие морских волн, в направлении от востока к западу, на пространстве шестисот километров в длину. Сплошь состоящие из красного песка, без травинки, которая бы уменьшала резкий отблеск, эти дюны имеют «страшный» вид, и человек переходит через них не без чувства ужаса[1]. Вне этой области, несколько зеленеющих и разукрашенных цветами оазисов видны кое-где на пространстве страшной пустыни. Впрочем, вид этой пустыни меняется, смотря по сезонам, влажности или сухости, и относительно одной и той же местности показания путешественников чрезвычайно различаются друг от друга.

Наблюдения, произведенные геологами на окружности континента, придают большую вероятность гипотезе об общем поднятий австралийского побережья: берега, размытые морем, которое кончило тем, что покрыло половину древнего материка, впоследствии мало-помалу снова возвысились над поверхностью вод. Поморье окаймлено вышедшими из-под уровня воды пляжами, по которым разсеяны коралловые мели, схожия с наблюдаемыми в соседнем море; многочисленные озера, прежние заливы океана, сохранили свою пелагическую фауну, между тем как другие, опорожнившись от наполнявшей их соленой воды, заменили её пресною или же совершенно иссякли; подводные рифы, некогда сокрытые под волнами, являют ныне свои черные скалы над поверхностью моря. Наконец, инженер Бэббедж, строитель железной дороги между Аделаидою и морем в южной Австралии, констатировал, что в промежуток между двумя нивеллировками почва повысилась на несколько дециметров. Изучая всю область, простирающуюся к северу от залива Спенсера, убедились, что этот край был архипелагом, состоявшим из многочисленных островов, отделявшихся друг от друга посредством неглубоких узких каналов-проливов. Бассов пролив, ограничивающий с юга Австралию в собственном смысле этого слова, превратился бы в сушу, если бы совершилось поднятие его даже менее чем на полсотню метров. Тасмания, относительно которой издавна полагали, что она была частью соседнего материка, действительно принадлежала к нему с геологической точки зрения. Впрочем, вероятно, что присутствие ледников должно было содействовать сохранению первобытной формы тасманийского побережья: вся южная часть острова изрезана бухтами и бухточками, прежними фиордами, сохранившими свою глубину.

Пролив, отделяющий ныне австралийский материк от Новой Гвинеи, также представляет море, подобное тому, которое некогда существовало на месте южной Австралии. От Йоркского мыса до горы Корнваллис, в наименее широкой части Торресова пролива, наибольшая глубина не достигает 22 метров; в среднем, она колеблется всего лишь между 14 и 15 метрами, и уже в промежуток между 1842 и 1847 гг. подробные исследования кораблей *Fly* и *Bramble* показали, что, следуя по извилинам самого глубокого фарватера, корабль с осадкой более десяти метров мог бы пройти только по морю с совершенно ровным дном. Уединенные или расположенные группами острова, выступающие над голубыми водами пролива, однообразно состоят из порфира и сиэнита, подобно утесам конечного полуострова Квинсленда и, очевидно, являются продолжением его горной цепи. К востоку от этих вышедших из-под воды холмов, окруженных подводными рифами, оставляющими между собою вполне свободные от мелей проходы, простирается истинное «Коралловое море», на пространстве которого нет вовсе скалистых островов, и имеется только опасный лабиринт из коралловых масс; в целом это море может быть сравнено с длинным подводным пляжем, постепенно понижающимся по направлению к востоку, до средней глубины в сорок метров. Там, именно, и находится истинный берег австралийского материка, и—как это бывает на многих других вы-

1 Sturl, „Journey in the Centre of Australia“.

ступающих из-под воды или находящихся под водой берегов,—раздельную границу между континентальным плоскогорием и пучинами большого моря обозначает вулканическая цепь. Правда, эти вулканы Кораллового моря, угасшие в нынешний период, по размерам незначительны. Главным из них является остров Муррей, расположенный неподалеку от «Великого Барьера». Хотя лежащий столь близко к австралийскому материку и в геологическом отношении составляющий его часть, этот остров отличается от него своею растительностью. Побережье и даже нижние склоны холмов, возвышающихся на двести метров, одеты сплошным лесом из кокосовых пальм, деревьев, которые, по словам всех путешественников, не существовали в Австралии до прибытия туда европейских переселенцев.

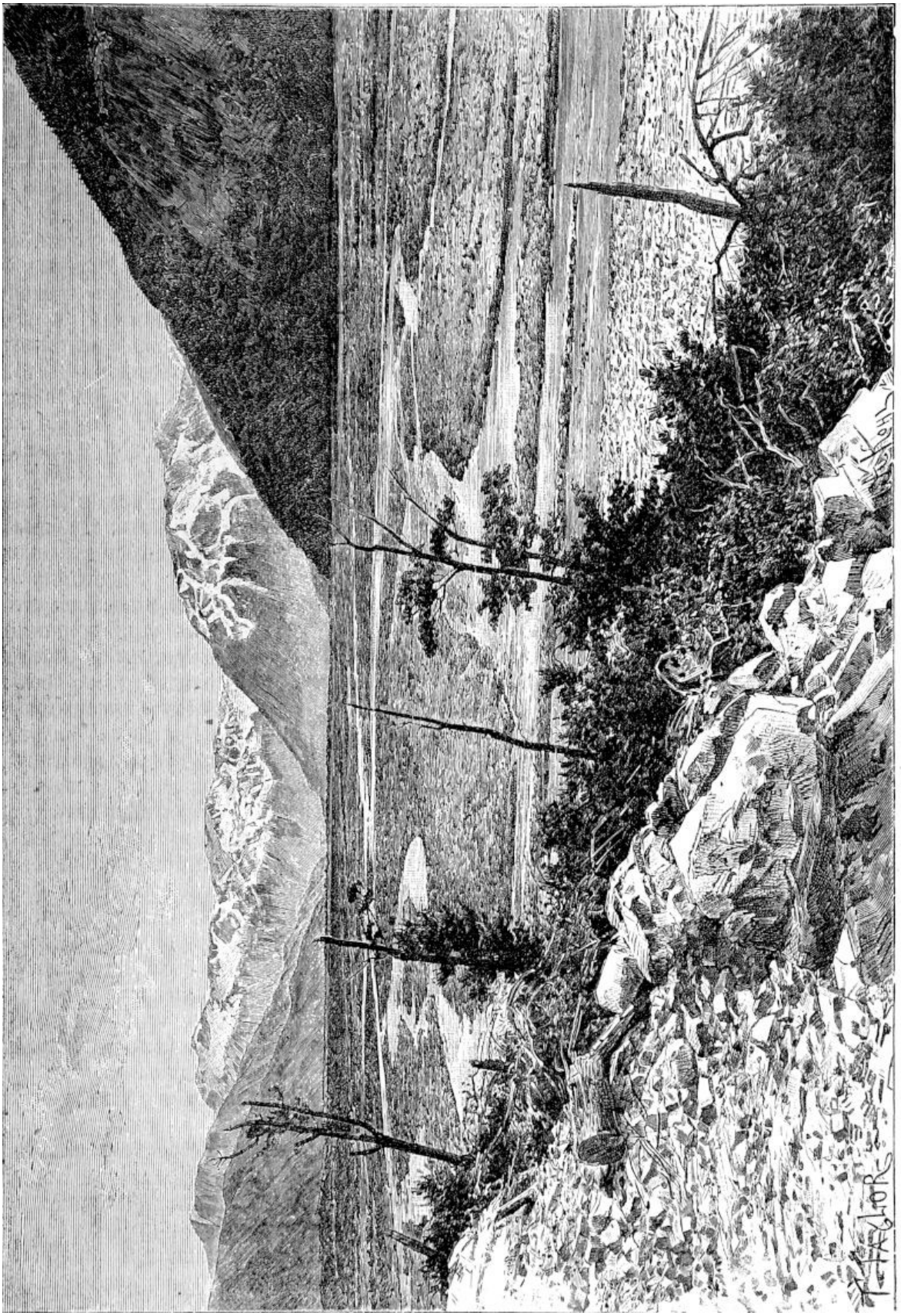
Стена из рифов, образующая внешнее побережье Квинсленда и связущая Австралию с Новой Гвинеей, продолжается на пространстве ещё более значительном, чем «большой подводный риф» Новой Каледонии; в целом, не считая небольших иззубрин, протяжение её в длину равняется приблизительно 2.500 километров. Она начинается у мыса Санди, далеко выдвинувшагося в открытые море, против выпуклости восточного берега, и в начале прерываемая широкими проливами, вскоре сближает свои островки, а затем соединяет их в сплошную стену, представляющую лишь редкие проломы, через которые могут проникать корабли. Первые исследователи с беспокойством следовали в течение дня вдоль бурунов, а к вечеру старались уйти в открытое море, подальше от их вечного рева; и однако же, кораблекрушения были весьма многочисленны. Ныне все проходы Великого Барьера известны, и суда пользуются фарватерами внутри барьера, чтобы плавать вне морской зыби. До применения к движению судов силы пара, ворота Великого Барьера и Торресова пролина служили, несмотря на опасности от подводных рифов, обязательным путем для тех судов, которые из Тихого океана отправлялись в Индийское море. Действительно, юго-восточный пассат дует там правильно в течение почти целого года, между тем как на юге Австралии ветры дуют почти постоянно с запада и с юго-запада, и часто даже приносят бури. Впрочем, толчея морских волн вовсе не опасна внутри Великого Барьера, и обыкновенные якорные стоянки, защищенные островком, составляют там настоящие порты. Чистота воздуха и чрезвычайная прозрачность воды служат охранителями для моряков в этих морях: матрос, помещающийся на мачте, различает, на расстоянии 1.800 метров, присутствие мели на глубине девяти метров от уровня поверхности моря, благодаря контрасту между зеленоватыми оттенками неглубокой воды и синевою соседних пучин.

Уступая значительно другим материкам по высоте горных массивов, Австралия уступает им также по разветвлению и изобилию речных потоков. Из всех её рек, достигающих моря, по пространству своего бассейна значительна лишь одна: это Муррей или Гульва, открытая в 1824 г. Юмом и Говелем. Грампианские горы, Пиренеи Виктории, Альпы и побережные горы Нового Южного Валлиса шлют ему все ручейки, все речки своего внутреннего склона. От самого дальнего источника этой речной системы, Кондамины в Квинсленде, до устья Муррея, в Южной Австралии, расстояние достигает по крайней мере 2.000 километров; в общем вся поверхность истечения, с которой воды находят выход чрез устье Муррея,—более миллиона квадратных километров: таким образом этот бассейн превосходит бассейн соединенных Тигра и Евфрата, обширнее бассейнов Дуная и реки Св. Лаврентия, и равен бассейну Ганга, но какая разница в жидкой массе! Годовой расход австралийской реки всего только 350 куб. метров в секунду, а это менее дебита Сены[1]. Муррей едва содержит столько воды, сколько нужно, чтобы небольшие пароходы могла подниматься по нижнему течению во время полноводия; в десять лет, с 1877 по 1886 год, Дарлинг мог служить для незначительного товарообмена лишь в течение пятидесяти-семи месяцев[2], а его притоки несудоходны, кроме как для простых барок. Наименование реки справедливо дали не самой длинной ветви речной сети, а той, которая, благодаря направлению своего потока, параллельному оси гор Виктории, получает самое большое количество воды. Муррей зарождается на границах Викто-

1 Wills, „Scottish Geographical Magazine“, April 1887.

2 Russell, „Journal of the R. Society of New South Wales“.

рии и Нового Южного Валлиса, в Австралийских Альпах, и течет на запад, соединяясь со всеми ручьями, которые к левому его берегу шлют горы Виктории: так сохраняется и мало-по-малу усиливается его поток. Северные притоки, Лахлан, соединяющийся с Морумбиджи,



Пейзажъ на Новой Зеландіи.—Источники Ваймакарори.

и в особенности Дарлинг—по длине своего течения гораздо значительнее, но они катят меньшее количество воды, а между подпритоками есть много таких, иссякнувшие воды которых теряются в лужах ранее, чем достигнут ложа главной реки. Все эти потоки разливаются по

земле, образуя временные водовместилища; они не имеют правильного русла с дном из песка или гравия; поэтому они едва заслуживают наименования рек[1].

На восточном склоне береговых гор Нового Южного Валлиса и Квинсленда, река относительно изобилуют водою, благодаря частым дождям и непроницаемости горных пород бассейна; но для развития своего разветвления, им недостает места, и их воды, едва лишь выйдя из гор, теряются в океане. На этих склонах, самыми значительными реками являются Фицрой и Бурдекин, которые чрез проломы в горах получают также часть и тех вод, которые выпадают на противоположных склонах. На западной стороне Квинсленда, залив Карпентария окаймлен речными бассейнами: там находим реки Митчелля, Джильберта, Нормана, Флиндерса, Лейхгардта, Альберта, Ропера, которые в обыкновенное время приносят лишь небольшое количество воды. На северо-западном, более бедном реками, береге нет таких потоков, которые по своему значению, могли бы быть сравниваемы с потоками восточной береговой горной цепи; одна из рек, изливающаяся в Queen's channel, получила от исследователей наименование Виктории. За нею следует Фицрой, а затем, на западном берегу, сменяют друг друга многочисленные речные бассейны, того же самого значения, как то бассейны Грея, Ашбуртона, Гаскойна, Мурчисона; но почти во все времена года ложа этих рек являются сцеплениями полувысохших луж. Что же касается плоских песчаных берегов поморья, на протяжении длиной в 2.000 километров, между юго-западным выступом Австралии и заливом Спенсера, то их не перерезывает ни одно речное устье: несколько образующихся внутри страны ручьев не достигают моря. Проливные дожди образуют временные реки в безводных областях Австралии, и понятно, насколько появление настоящего потока в обычно сухом ложе восхищает редких зрителей, оказывающихся свидетелями такого случая. За долго до появления потока слышится шум низбегающей воды, которая на своем пути ломает деревья и кусты и катит их перед собою по речному ложу; шум этот всё более и более усиливается, появляется струйка воды, змеящаяся по извилинам оврага, как бы розыскивая для себя путь, а затем вдруг с грохотом проносится громадный вал, и воды вскоре наполняют излучистую долину вплоть до её краев[2].

Между потоками, задерживающимися на пути в углублениях внутри страны, существует один, который по крайней мере по протяжению своего бассейна может быть рассматриваем как настоящая река: это Cooper's creeck (Куперов ручей), известный, впрочем, и под другими наименованиями в различных областях, которые он пересекает; один из его главных истоков носит банальное имя Виктории, которым англичане задались покрыть весь свет. На пространстве приблизительно в шестьсот километров, от юго-востока к северо-западу, простирается, чрез Квинслендские пастбища, пояс верховых источников Cooper's creek'а. Верхние притоки соединяются вместе для того, чтобы течь к юго-западу, параллельно Дарлингу, затем, после блуждания по болотам низменных земель, река пропадает в котловине озера Эйр (Eyre), в которое изливаются также и другие потоки, прибывающие из пустынь центральной Австралии: общая длина Cooper's creek'а должна быть по крайней мере в две тысячи километров; однако, течение реки не совершается непрерывно круглый год: часто на присутствие реки указывает только ряд болот и луж. Озера тоже меняют как размеры, так и форму, смотря по продолжительности и соотношению испарения и дождей. То это внутренния моря, волны которых ударяются о берег, и которые разливаются на необозримое пространство без видимых островов и мелей; то это болота, над поверхностью которых блестит мираж, или глины, белые от соляного налета. Во время засух, можно без труда переехать верхом эти воображаемые озера; обманчивый ил, в котором можно увязнуть[3], сохраняется обычно всего дольше в бухтах по окружности озера: причина этому заключается в глубоких водах, которые просачиваются извнутри земель по направлению к побочным бухточкам. Ориентирование и очертание озера Эйр и озера Торренс, которое его продолжает к югу, как бы идя на

1 W. E. Abott, тот же сборник.
2 Mitchell, „Tropical Australia".
3 Goyder, „Petermann's Mittheilungen", 1863, Heft VIII

слияние с заливом Спенсера, позволяют думать, что эти, ныне разобщенные, озера, в былое время были морскими пространствами, находившимися в свободном сообщении с океаном; конечное углубление, составляющее, без сомнения, самую вдавшуюся часть австралийского континента, всё-таки находится на высоте 21 метра над уровнем моря. Озеро Гарднер и другие, меньших размеров, усеивают пустынные области, находящиеся на западе от срединного углубления озера Торренса. В центре материка, Амедей—озеро-болото или пустынный солончак—занимает ещё одно углубление почвы; наконец, в бесплодной западной Австралии существуют многие другие котловины того же рода, обыкновенно называемые озерами.

В бассейнах, хорошо исследованных, как напр. в бассейне Дарлинга, расход воды в реках до того незначителен в сравнении с дождями, что некоторые авторы полагают возможным объяснить это существованием подземных вод, текущих под поверхностными слоями глин и уносящих к морю или к скрытому озеру большую часть вод[1]. Во всяком случае часть дождевой влаги, вместо того, чтобы уноситься реками, остается в некоторого рода водоемах, называемых на Дарлингских пастбищах *gilgies*. В этих горизонтальных равнинах, где выпадающая в виде ливней вода разливается обширными лужами, без всякого течения, без эрозивной силы, чтобы вырыть себе ручное русло, единственные углубления, где вода может скопляться, это—трещины, открывшиеся до дождей в иссохшей почве. Под действием влаги, средние стенки этих трещин оседают и нивеллируются; дно, где выравнивается мало-помалу и постепенно образуются впадины в метр или полтора метра глубиной и разных размеров, от нескольких метров до 100 метров в окружности. Есть также gilgies, увеличенные туземцами и превращенные в цистерны, с целью скопления воды в значительных количествах.

Климат Австралии написан на поверхности её почвы. При виде этих голых скал, безлесных равнин, безводных низменностей, занимающих большую часть материка, сразу угадываешь главные черты австралийской метеорологии. Хотя окруженная водою, Австралия по своей форме слишком массивна, чтобы её климат был островным, на-подобие климата Европы: вследствие сухости воздуха, обусловленной очертаниями побережий и рельефом почвы, это земля существенно континентальная. Будучи расположена одною своею половиною в тропическом поясе, а другую в южном умеренном поясе, территория Австралил представляет, от Йоркского полуострова до оконечности Тасмании, длинный ряд изотермических градусов: на северной оконечности средняя температура достигает 26° Ц., а на южном мысе, она равняется всего лишь 12 градусам; но смена этих различных температур не совершается правильно, сообразно широте места; ветры, течения и горы сильно видоизменяют нормальные средние величины, повышая их в одном пункте и понижая в другом. Так, течения возвратное, экваториальное и полярное, встречаясь около берегов Квинсленда и Нового Южного Валлиса, различно влияют на их температуру. Противоположность всегда велика между одним и другим склонами гор. Во внутренних пустынях, крайности тепла и холода представляют, как и в африканской Сахаре, огромную разницу, от минус 9 до плюс 50° Ц., и даже более, по выводам исследователя Стурта. Климат различных городов Австралии:

Города и их широты			Средняя т-ра	Наибольш.	Наименьш.	Разность	Дождь
Сомерсет	(С. В.)	10°45'Ю.	25,°55				2м.,20
Брисбэн	(В.)	27°28'Ю.	21,°02	56,°2	+3,°	53,°2	1м.,33
Сидней	(В.)	33°52'Ю.	18,°	40,°2	+2,°	38,°2	1м.,20
Мельбурн	(Ю.)	37°49'Ю.	14,°	43,°7	-2,°8	46,°5	1м.,60
Аделаида	(Ю.)	34°51'Ю.	17,°5	45,°	+1,°	43,°8	0м.,53
Перт	(Ю. З.)	31°57'Ю.	17,°7	44,°6	-0,°4	45,°	0м.,94

Нормальный ветер в Австралии—юго-восточный пассат: он дует в нижней части атмосферы, между тем как в верхней проносится противо-пассат северо-западный. Однако, большой притягательный очаг, создаваемый безводными пустынями внутри страны, изменяет правильное направление атмосферических течений: пассат, отклоняясь к морскому берегу, превращается в восточный ветер или даже в северо-восточный; со всех сторон морские бризы устремляются к землям. На северо-западе, ветры из Инсулинда, дующие зимою, суть

1 Russell;-Abbott, „Journal of the R. Society of New South Wales“, 1881.

не что иное, как северо-восточный пассат, который из северного полушария направляется в южное, и, меняя пояс, меняет и направление; между этими двумя полосами юго-восточных пассатов и северо-западных муссонов, нейтральная область, передвигающаяся, смотря по сезонам, от востока к западу и от севера к югу, в общем соответствует Йоркскому полуострову[1]. Но на юге Австралии, главные западные ветры—дующие часто с большою силою и даже в виде бури—находят свободный путь для себя из Индийского моря в Тихий океан и редко уклоняются со своего пути. На самом материке Австралии, перемены ветров, в особенности летом, вообще сопровождаются внезапными волнениями в атмосфере, обозначаемыми наименованием *bursters* или «взрывов»: барометр быстро падает, ветер поднимает облака пыли, затем скопляются грозовые тучи, гремит гром, и дождь льет, как из ведра; в Мельбурне называют эти внезапные внутренние ветры *bricklayers* или «кирпичниками», по причине песчаных вихрей, которые они поднимают. Не проходит лета, чтобы жаркие ветры, схожие по своему действию с сирокко Африки, не дали себя чувствовать по несколько раз в возделанных областях австралийского поморья. Температура быстро повышается, животные и люди чувствуют себя изнеможенными, растения клонятся к земле, и если такой ветер продолжается довольно долго, то все листья вянут и погибают как бы от мороза.

Количество дождей быстро уменьшается в направлении от поморья к внутренним областям; выпадение атмосферной влаги между одним и другим склонами приморских гор сокращается до половины; будучи более одного метра в Сиднее, оно не достигает даже и 40 сантиметр. на западных равнинах Нового Южного Валлиса, и, конечно, оно ещё значительнее понижается в центральных областях Австралии, до которой ветры доносятся уже лишенными своих паров. В центре материка, дождя, ежегодно выпадающего на станции Шарлот-Ватерс (8°29’ юж. ш.), накопляется всего 114 миллиметров, и иногда в течение целого года не случается ни одного ливня. Большая часть материка слишком безводна, чтобы европеец мог там поселиться и возделывать почву. По крайней мере, колонист имеет ту громадную выгоду, что находит здоровый климат во всех тех австралийских странах, где он выстроил свои города и развел свой скот. Эта здоровость климата и составляет, в глазах переселенцев из Европы, привилегию Австралии: несмотря на перемены, сопряженные с новою жизнью, англичане нисколько не страдают от своего переселения на другой конец света, и даже средняя продолжительность жизни, говорят, больше в их втором отечестве, чем в первом. Между австралийцами в ходу поговорка, что старики, высадясь на австралийские берега, вновь переживают весну молодости.

Австралийская флора представляет весьма оригинальный характер: нет растительных областей, лучше отграниченных, чем область Новой Голландии; она составляет удивительный контраст с областью Новой Гвинеи, от которой, однако, отделена неглубоким рукавом моря. Эта оригинальность австралийской флоры объясняется большой продолжительностью веков, протекших после отделения южного материка; но удивительно, что земля, столь мало разнообразная в сравнении с Европою, обладает большим числом растений: именно насчитывается 12.250 растительных видов на австралийском материке[2], и из этого числа 7.550 растений встречаются только в Австралии: южная оконечность Африки и Новая Каледония оказываются единственными частями Земли, имеющими, пропорционально, больше растений. В этих трех странах, такое скученное нахождение различных видов должно иметь одну и ту же причину, которая и состоит в постепенном уменьшении сферы, в былое время бывшей гораздо обширнее; по мере же уменьшения пространства возрастала километрическая плотность расселения растительных форм[3]. И замечательно, что скучение наблюдается вовсе не в тропической части, а, напротив, в умеренном поясе, при чём и тут наибольшее разнообразие растительных форм существует не в более живописной и разнообразной восточной части ма-

1 Alex. Rattray, „Journal of The R. Geographical Society“, 1868.
2 Ford, von Muller, „Petermann's Mittheilungen” 1883, Heft II.
3 Dalton Hooker, „On the Flora of Australia”.

терика, а именно в безводной и печальной западной Австралии: следовательно, с этой стороны, наиболее значительны должны были быть и потери в поверхности территории.

Если не число видов, то по крайней мере блеск и великолепие растительности зависят в особенности от обилия дождей. Так, прекрасное семейство пальм, относительно которого полагали, будто бы оно должно находиться лишь в тропической части Австралии, повидимому, почти не зависит от широты и спускается по краю моря значительно южнее линии тропика. На безводном западном берегу нет пальмовых деревьев; они растут лишь на узкой кайме вдоль побережий севера и востока, вплоть до Нового Южного Валлиса, где *livistona* в 25 метров высоты осеняет ещё склоны холмов к югу от Сиднея, под 35° широты. Своею флорою пальмовых деревьев, как равно и во многих других отношениях Австралия походит на Южную Африку[1]. Пандануса подвинулись менее пальм к югу и, вдоль берега Квинсленда, не переступают бухты Мортон. В целом, тропическая флора менее оригинальна, чем флора умеренного пояса: она обладает большим числом индийских и малайских растений, придающих ей во многих местностях индонезийский характер; но там же находятся также и несколько совершенно специальных форм, занимающих лишь весьма небольшую площадь: таковы, около бухты Ганновер, на северо-западе материка, те замечательные capparis, которые растут на значительной высоте и ветви которых, усаженные плодами величиною с кокосовый орех, красиво расположены в виде обширного зонтика; ствол постоянно круглый, в форме брюквы, что придает дереву болезненный облик: плоды этих каперсовых растений превосходны, а белая камедь, истекающая из надрезов на их коре, походит на макароны как по вкусу, так и по цвету[2]. Между австралийскими растениями, произрастающими на узком пространстве, ботаники нашли также на горах Нового Южного Валлиса формы, принадлежащие к флоре северных стран Европы. Гукер перечисляет 38 из этих видов—лютиковых, горечавок, незабудок и крестовников—оба отечества которых являются антиподами одно другому. Со времени прибытия европейцев, растительность видоизменилась замечательным образом: так, пырей заполонил Австралию и оттуда распространился на Новую Каледонию и другие острова. По Гукеру, на полях, окружающих Сидней, находят ныне более двухсот европейских растений, превосходно акклиматизировавшихся, т.е. воспроизводящихся из своих семян, без вмешательства человека.

Между 950 видами деревьев, достигающими по крайней мере девяти метров высоты, самыми обыденными в Австралии являются такия, листья у которых мелкие, выемчатые, имеющие слабое испарение и дающие мало тени. Род акации представлен 320 видами. Казуариновые, имеющие не листья, а скорее волокна, тоже весьма многочисленны, как равно и «деревья-травы» или *grass-trees* (*xanthorrhea*, желтотеки, камедистый кустарник): зонтик их действительно походит на громадный пук травы, из центра которого выдается большая трость, унизанная белыми звездами в сезон цветения; другою достопримечательностью лесов является, в Квинсленде, одно растение из сем. sterculiaceae, благодаря своей форме называемое *bottle-tree* или «деревом-бутылкою». Австралийским, по преимуществу, деревом является эвкалипт: приблизительно сто двадцать видов этого растения водятся в Австралии, при чём в числе их находится и тот прославленный *eucaliptus globulus*, которому приписывают целебные свойства и который превосходил бы все другие деревья среднею своею высотою, если бы, быть-может, соперником ему же не являлась *Wellingtonia* (в Орегоне и Калифорнии); в одном из лесов Виктории, к востоку от Мельбурна, ствол одного из таких эвкалиптов имел в высоту не менее 146 метров (около 70 сажен). Эвкалипты в 125 метров не редки в оврагах Виктории и Тасмании, но севернее встречаются вообще лишь такие, которые не превышают 60 метров: причина этой противоположности неизвестна. Эвкалипты в ущельях Тасмании растут прямо, на-подобие бамбука, и начинают пускать ветви от ствола только на высоте 15 или 20 метров; когда в ущельях дует ветер, полоски отставшей коры трутся и ударяются друг о друга с странным шумом, похожим на жалобные вопли. Большие эвкалипты

1 Oscar Drobe, „Petermann's Mittheilungen". 1878, Heft I.

2 George Grey, „Two Expeditions in North-West and Western Australia".

показываются только на склонах, и издали нельзя дать себе отчета в их исполинских размерах[1].

В Австралии нет густых лесов из сплетающихся ветвями и лианами деревьев, как в тропических областях, нет и высокоствольных лесов из деревьев, скученных наподобие северных елей и сосен. Обыкновенно деревья здесь разделены большими промежутками, на-подобие деревьев в английских парках, и под тенью их простираются луговины, по которым некогда паслись стада кенгуру, ныне замененные овцами. Эти редко растущие леса недавно покрывали большую часть западного склона гор Нового Южного Валлиса и Квинсленда; но далее к западу, около центра Австралии, они уступают место кустарнику или *Scrub*, состоящему из общежительных растений, каковы акации и малорослые эвкалипты, или spinifex (колючка, *Triodia irritans*). К северу от 29° широты, там, где этот кустарник преобладает, переплетаясь своими иглами, часто невозможно пройти ни человеку, ни животному, и многие путешественники принуждены были изменить маршрут и возвратиться назад, не будучи в состоянии пробраться сквозь чащи колючки. Заросли эвкалипта *dumosa*, называемые туземцами *mallie*, тоже представляют большое препятствие для исследований, но в них можно проникать: они имеют вид тростника, выростающего до 3 или 4 метр. в высоту, прежде чем от ствола начнут отделяться ветви; нигде нельзя различить почвы под однообразною листвою моря зелени, в которой исчезает путешественник, стремящийся проложить себе проход. Когда чрез чащи mallie прорубают дорогу, то образующаяся траншея столь же чиста, как дорога, обведенная стенами[2]. Всего легче проходимый кустарник состоит из *melaleyca*, деревца, похожого на мирт и оставляющего свободные пространства между своими группами. Туземцы пустынных областей знают одно растение, pitchouri (*duboisia hopwoodii*), листья которого, размельченные в порошок, подкрепляют их во время длинных походов, а также заглушают и голод; во время сражений они постоянно жуют это пичури, и их воинственный пыл доходит до ярости.

Обезлесение Австралии началось уже давно. Около 1860 года, некоторые скотоводы возымели мысль расширить местности под пастбища, истребляя редко рассаженные деревья лесов, которые покрывали склоны гор. Вырубка эвкалиптов и других больших деревьев обошлась бы весьма дорого и отняла бы много времени, а потому они удовольствовались «опояскою», отрывая полосу коры вокруг ствола. Такой прием скоро распространился по стране, и к 1880 году по крайней мере три четверти лесов, находившихся в бассейне р. Гунтер, были уничтожены[3]: скоро не останется ни одного дерева на обширных пастбищах внутри страны. Исчезновение лесов превратило очаровательный край в однообразное и печальное пространство; но—явление в высшей степени замечательное—количество дождей не уменьшилось вследствие обезлесения. Изобилие в травах столь возросло, что во многих местностях оказалось возможным пасти тысячи овец там, где скотоводы не могли прежде развести и сотни. Ранее эвкалипты и другие деревья, корни которых разветвлялись далеко в поисках за необходимою для них влагою,—не оставляли ничего травам, которые нарождались во время выпадения дождей и погибали при первой же засухе; ныне же вся влага, просачивающаяся в подпочве, сохраняется для трав, и когда идут сильные проливные дожди, то тысячи стебельков растений задерживают воду и питаются ею[4].

Подобно флоре, и австралийская фауна также имеет характеристичную физиономию, свидетельствующую о большой продолжительности веков, в течение которых этот южный материк оставался отделенным от Азии. Между 160 видами млекопитающих, живущих в Австралии, таких форм, которые напоминали бы о формах северного полушария, весьма немного: крысы, мыши и одна полудикая собака, динго, которая, вероятно, была сотоварищем первых переселенцев из людей на материк, и останки которой находят в пещерах, со-

1 „Journal of the R. Society of New South Wales“.
2 Wallace, „Australasia”.
3 W. E. Abbott, „Journal of the R. Society of New South Wales”, 1880 vol. XIV.
4 Von Leudenfeld, „Petermann's Mittheilungen”, 1888, n. II.

держащих кости,—таковы виды, связующие местных животных с азиатскими и европейскими. Но в Австралии не находят ни слонов, ни носорогов, ни обезьян, ни какого-либо вида из семейства кошачьих. Виды, имеющие представителей в этой части света, главным образом принадлежат к сумчатым, которых нет нигде, кроме Америки, где водятся различные виды двуутробок. Ископаемые останки в слоях четвертичной эпохи в Австралии показывают, что континентальная фауна уже издавна походила на фауну наших дней, но лишь размеры животных были гораздо больше. *Diprotodon*, вид, родственный кэнгуру, уступал лишь немного слону; другие были величиной с носорога; один плотоядный фалангер был столь же силен, как лев, а птицы из семейства эму превосходили страусов.

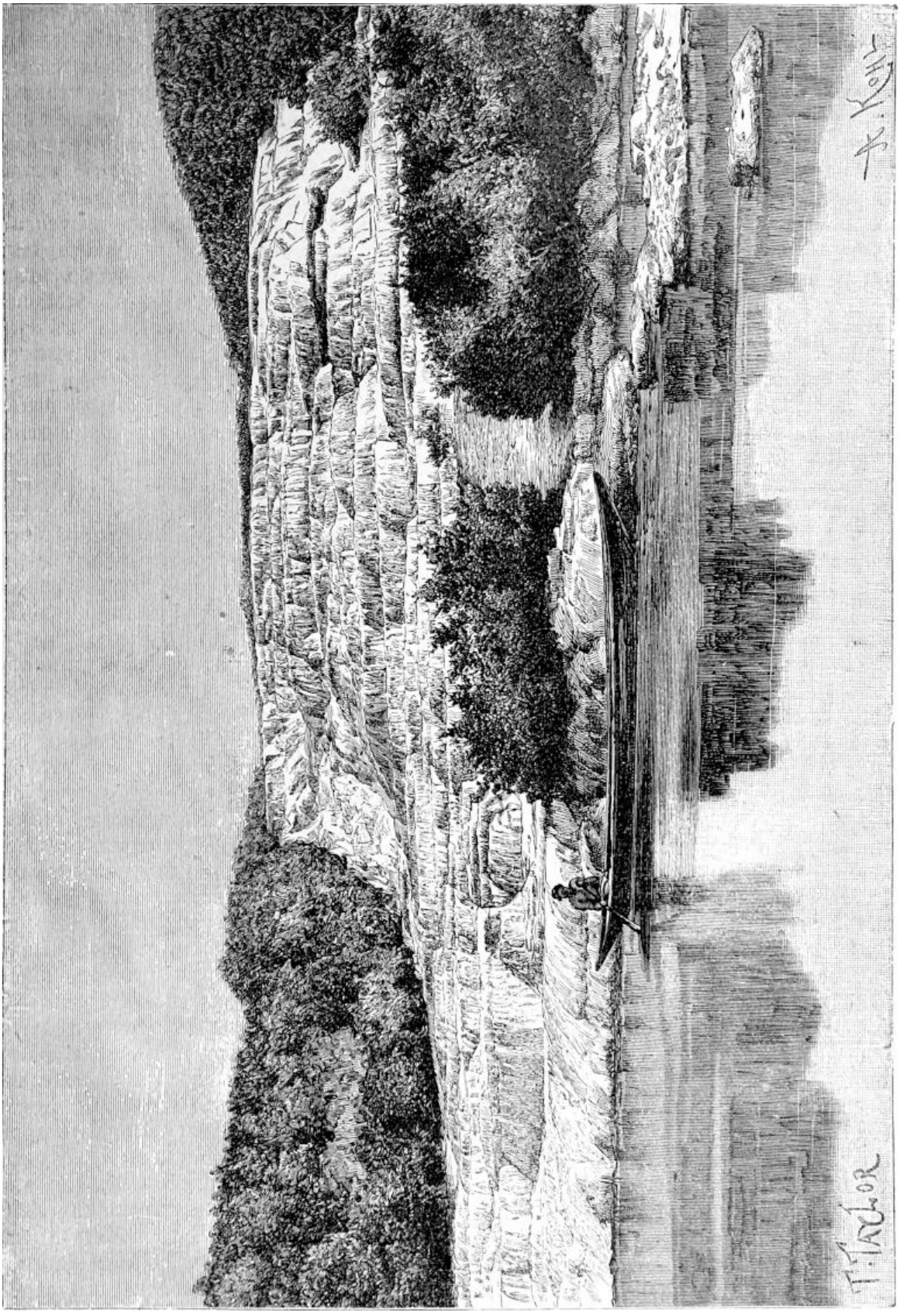
Из всех австралийских млекопитающих кэнгуру и животные близких к ним семейств—самые многочисленные. Насчитывают около полусотни различных видов этих сумчатых, из которых один, большой красный кэнгуру, имеет более полутора метра в вышину и весит до ста килограммов, между тем как остальные—величиной с зайца или даже с крысу. Язвицы или «крысы-кролики», у которых имеется, как и у кэнгуру, сумка, но которые бегают наподобие остальных млекопитающих, вместо того, чтобы скакать на задних ногах; фалангеры, живущие на деревьях и питающиеся листьями; вомбаты, зарывающиеся в землю и питающиеся кореньями; плотоядные космохвостки, нападающие на мышей, птиц и даже на мелкий скот; наконец, утконосы, которых прежде помещали между птицами, тогда как это млекопитающие яйцеродящие или птицезвери, родственные с сумчатыми,—таковы остальные характеристичные животные австралийской фауны. Что касается птиц, весьма многочисленных, так как они представлены 630 видами—на 130 более, чем орнитологическая фауна Европы—то в целом они не представляют столь резких особенностей, как млекопитающие. Правда, Австралия имеет своих эму, казуаров, различные виды *megalopodius*'а, которые не высиживают своих яиц, а довольствуются прикрытием их хворостом; но большая часть птиц, живущих здесь, принадлежат также к инсулиндской и азиатской областям, благодаря своим крыльям, переносящим их через моря. Виды, имеющие изящную форму, богато раскрашенное оперение, едва-ли менее многочисленны в Австралии, чем в Новой Гвинее и на Молуккских островах; те, которые питаются нектаром и медом цветов, относительно лучше представлены, чем остальные, так как Австралия весьма богата деревьями и низкими растениями, покрывающимися цветами[1]. Однако, другие семейства птиц, водящиеся повсюду, каковы коршуны, фазаны, сороки,—в Австралии отсутствуют. Крокодил водится только на тех берегах материка, которые обращены к малайскому архипелагу.

Между змеями ядовитые виды весьма обыкновенны. Другие зоологические группы, рыбы, насекомые и моллюски, также представляют специальные фауны с большим богатством форм, но их распределение уже значительно видоизменилось со времени прибытия европейских видов; даже прежде почти безмолвные леса и кустарники огласились пением новоприбывших птиц. Туземные растения и животные отброшены внутрь колонизующимися видами, подобно самому австралийцу, отступившему перед чужеземцем белой расы. Англичане не только ввезли на австральный материк всех европейских домашних животных, но с 1846 года они привезли также и азиатских верблюдов, с их вожаками из афганцев и балучей, и, благодаря этим переселенцам, привыкшим пересекать пустыню, людям и животным стало возможно предпринимать в Австралии такие путешествия, которые были бы иначе немыслимы.

Число туземцев, обитавших в Австралии до основания европейскими колонистами своих первых поселений, гадательно определяют в 150 или 200 тысяч человек. Но хотя бы даже население было вдвое или втрое многочисленнее, тем не менее всё-таки справедливо, что, в сравнении с своим пространством, Австралия была тогда почти безлюдною. Но племена, редко рассеянные на огромном её пространстве, обнаруживали большие сходства в типе и в языке, и большая часть антропологов видят в австралийцах людей одной и той же расы, составляющее совершенно особую группу в совокупности человеческого рода. Вероятно, одна-

1 Alfred Wallace, „Australasia".

ко, ещё до прибытия европейцев различного происхождения люди, выброшенные на берег бурею, или следовавшие каким-либо издавна известным морским путем, проникали в Австралию и смешивались с тамошним первобытным населением. Георг Грей, во время своего



„Розовая терраса“ у Рото-Маханы.

путешествия чрез северо-западные области материка, замечал в каждом племени присутствие людей с сравнительно более светлою окраскою кожи, при чём эти люди, повидимому, располагали известным авторитетом среди своих сотоварищей: по его словам, эти воины

представляли между первонасельниками Австралии элемент инсулиндского происхождения, и их собаки, будучи совершенно отличны от австралийского динго, походили на малайских собак Тимора[1]. С другой стороны на островах Торресова пролива существуют люди с густыми и кудрявыми волосами на голове, вероятно, одного и того же происхождения с папуасами[2]. Остров Maer или Murray-island населен чернокожими, не отличающимся от ново-каледонцев.

Каково бы ни было происхождение этих противоположностей между туземцами: различие ли расы, или разнообразие среды и рода жизни,—обычный тип австралийцев, ещё не приниженных нищенским и позорным существованием у колонистов, есть тип людей рослых и сильных, с низким, но большим лбом, приплюснутым носом, широким ртом, крепкою челюстью, коричневыми, живыми глазами, окаймленными весьма выдающимися дугами бровей; у западных австралийцев епископ Рудесиндо Сальвадо видел четырех слепых, но ни одного глухого, немого или идиота. Австралийцы черны, как африканцы в Нигриции, но волосы на голове у них не курчавы; их борода гораздо гуще, чем у негров, а губы не толстые. Икры мало развиты, бедра тонки, ступня маленькая и плоская; в среднем, они, вероятно, уступают европейцам в физической силе, и если верить путешественникам, которые их видели только в жалких логовищах по окраинам больших городов, или охотникам, преследовавшим их, как дичь, эти туземцы—существа смешной и отталкивающей наружности; и так как легко увлечься злословием относительно тех, с которыми обращаются несправедливо, то их охотно описывают как бы животных, занимающих средину между человеком и обезьяною, и более приближающихся к этой последней. С другой стороны, эти обесславленные туземцы имеют также и восторженных защитников. Митчель, взявший себе проводником по тропической Австралии чернокожего Юранига, которого он называет «своим сотоварищем, советником и другом», объявляет, что австралийцы «превосходили проницательностью и рассудительностью» его белых помощников, на которых, однако, он не имел повода жаловаться. С физической точки зрения, превосходство Юранига ему казалось очевидным: «В качестве простого естественно-исторического образчика,—выражается он,—какое цивилизованное животное могло бы сравниться с этим туземцем по красоте зубов, силе пищеварения, совершенству органов зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания, энергии при походке, беге, влезании на деревья, неуязвимому и крепкому здоровью, и вообще интенсивности существования[3]?» В среднем, высшие племена имеют цвет кожи скорее медно-красный, чем черный. Австралийские черепа почти все долихокефалические (длинноголовые). Часть Австралии, где туземцы, повидимому, стоят физически всего ниже, есть безводная центральная область, в которой человек, исхудалый и захиревший от голода и жажды, влачит жалкое существование, роясь в земле для отыскания кореньев и какой-нибудь струйки воды. Существуют, будто бы, даже такия племена, которые привыкли, как и их собаки, лакать морскую воду[4]. Самыми красивыми были австралийцы на восточном берегу, где щедрая природа доставляла им в изобилии необходимую воду и пищу, включая, между прочим, в последнюю и те блюда, которые удивляют европейца: так, напр., гора Богонг получила своё имя от гусениц, которых миллиардами собирали там туземцы для своих трапез[5].

Сотнями исчисляют племена этой австралийской расы, хотя и вся-то она, в совокупности, состоит из нескольких тысяч человек. В некоторых округах насчитывают столько же языков, сколько находится народцев или групп из разбросанных семейств. Напротив, в других областях, наречия туземцев схожи между собою на довольно большом пространстве. От берегов р. Гауксбюри до берегов бухты Мортон, на пространстве приблизительно шестисот

1 „Journal of two Expeditions of discovery in North Western and Western Australia“.

2 John Jardin, „Journal of the R. Geographical Sociely of London“, 1866;—Mac. Gillivray, „Voyage of the Rattlesnake“;—Topinard „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 1872.

3 „Tropical Australia“.

4 De Freycinet;—Stokes;—Topinard, „Races indigenes de l'Australie“.

5 Voo Lendenfeld, „Deutsche Rundschau fur Geographia“. Nov. 1888.

километров с юга на север, австралийцы понимают друг друга без больших затруднений[6]. Равным образом, не существует значительных различий в наречиях жителей на юго-западном берегу, между бухтою Гамелин и Кинг-Джордж-Зундом[7]. Указывают также как на единую глоссологическую область на всю страну, заключающуюся между Cooper's-creek'ом и средним течением Дарлинга, на пространстве более чем сто тысяч квадратных километров, при чём удивительное сходство говоров приписывают тому факту, что крайняя засуха в стране заставляет туземцев группироваться вокруг водохранилищ, прекращать всякую вражду и временно образовывать как бы одну нацию. С другой стороны, племена на нижнем течении Дарлинга, населяя край, в котором никогда не бывает недостатка в воде и растительности, могли издавна держаться вдали друг от друга, и потому их языки весьма различаются между собой. Об этом можно судить по наименованиям народцев этой области, которые в сущности означают одно и то же. Таковы: Бура-Бура, Бараба-Бараба.Уати-Уати, Уайки-Уайкп, Литши-Литши, Дарти-Дарти, Яри-Яри, при чём все эти этнические слова означают «нет-нет»[8]: по аналогичному с этим способу мышления, и Франция некогда разделялась на Langue d'Oui и Langue d'Oc. Много способствует быстрому дифференцированию наречий то обстоятельство, что почитание мертвых обязывает оставшихся в живых налагать табу, на известное ли время или же навсегда, на большое число слов, которые относились к покойнику, или которые, вследствие какого-либо ассонанса (неполного созвучия), могли бы только показаться относящимися к нему[9].

Каковы бы ни были различия между австралийскими говорами, они все схожи друг с другом во многих отношениях. Все они—полисиллабические и агглютинирующие при помощи суффиксов, весьма богатых гласными и гармонических. Придыхания мало заметны, а шипящих букв совсем нет; ударение обыкновенно падает на предпоследний слог. Ономатопеи очень обыкновенны, и все предметы, воспринимаемые чувствами, обозначаются большим числом синонимических выражений, или по крайней мере уходящих за таковые у тех иностранцев, которые обращаются с вопросами к туземцам. Но если язык этот изобилует описательными словами, то он чрезвычайно беден отвлеченными выражениями, а наименования чисел даже отсутствуют: говорят, будто некоторые австралийские племена считали только до трех, и самое большее до пяти. При отсутствии точного знакомства с австралийскими языками, их пытались классифицировать на основании некоторых признаков или мелочных данных; но результаты таких попыток весьма различаются друг от друга. Во всяком случае, тасманийские идиомы, относительно которых имеется словарь, рассматривались как составляющие особую группу. С точки зрения черт лица и походки, тасманийцы, повидимому, более приближались к меланезийцам, чем племена на континенте.

Большим физическим различиям австралийских туземцев соответствуют не меньшие различия и моральные; по этому-то путешественники и могли, смотря по тем или другим посещенным ими населениям, начертать образы, совершенно различающиеся один от другого, но которые было бы ошибочно считать типическими для всей расы. Одни превозносят их врожденное благородство, храбрость, уважение к данному слову; другие отзываются о них как о трусах, лжецах и предателях. Одно из обвинений, чаще всего высказываемых против австралийцев, заключается в том, что они дурно обращаются с своими женщинами и обременяют их работою,—и относительно большей части семейств такое обвинение вполне основательно. Правда, нет недостатка в примерах также и тому, что женщины приобретали известное моральное превосходство в своих племенах, но обыкновенно с ними обращаются как с рабынями; не только они не могут есть пред мужчинами, и не только многое из пищи им воспрещено, но они обязаны в своей речи и в обращении с мужчинами обнаруживать известного рода обожание, и малейшая небрежность в этом отношении жестоко наказывается;

6 Dawson, „The Present state of Australia", 1830'

7 Georgo Gray, „Journal of two Expeditions".

8 Pater Bekeridge, „Journal of the R. Society of New South Wales", 1883.

9 A. Bastian, „Besuch in San Salvador";—Лев Мечников, рукописные заметки.

муж может убить, даже сжечь свою жену, при чём ни родные, ни друзья не имеют права вмешательства; он может выкинуть её труп своим собакам, так как супруга—его вещь, собственность, которою он может пользоваться и распоряжаться по своему произволу. И со всем тем в Австралии можно доказать присутствие следов матриархата; именно, всего чаще через мать передаются имя, родство, достоинство и богатство.

Полигамия—общераспространенная форма брака у австралийских народцев, и в северо-западной части континента встречали богачей, имевших до десяти жен. У некоторых племен экзогамия обязательна, и каждый брак, заключенный с женщиною того же клана, считался кровосмешением; у других, напротив, брачный союз между близкими родственниками в почете[1]. В одном месте браки совершаются посредством действительного или притворного похищения; в другом же вся формальность состоит лишь в уплате калыма. Целомудрие—не австралийская добродетель. За девушками вовсе не надзирают, а мужья часто предоставляют своих жен друзьям или путешественникам; если прелюбодеяние наказывают побоями или смертью, то лишь как посягательство на право их собственности; соучастник жены считается просто вором, и, как таковой, должен, защищаясь щитом, держаться на известном расстоянии от мужа, служа в течение нескольких минут мишенью для его стрел; обыкновенно он подвергается этому испытанию, не платясь ранами. Покупка жен богатыми ведет к лишению бедных и молодых людей возможности женитьбы: почти все женщины племени принадлежат старикам и людям зрелого возраста; остальные же должны оставаться холостяками или довольствоваться состаревшимися разведенными женами. Недостаток в невестах тем значительнее, что у большой части австралийских народцев число женщин гораздо меньше числа мужчин, не вследствие того, как говорили, будто женщин и родится меньше, а потому, что женщинам, в течение их кратковременного существования, приходится испытывать гораздо больше опасностей: преждевременные роды, изнурительные работы, дурное обращение, ночные нападения, страшные в особенности для слабосильных и безоружных. У многочисленных племен детоубийство обыденно, при чём обыкновенно убивают именно девочек, зарывая их в землю живыми тотчас после рождения[2].

Выживающие дети пользуются весьма хорошим обращением: их никогда не бьют; выростают же они на свободе, следуя за своими, предающимся охоте и войне, старшими. Однако, до принятия в число равноправных, их подвергают испытаниям или *bora*. У большего числа племен им вырывают или выламывают по два резца в верхней челюсти; большая часть молодых людей подвергается обрезанию или даже различного рода весьма болезненным изувечениям; наконец, их заставляют загнать бегущую кэнгуру, оставаться одним и без пищи в лесу в течение нескольких дней, рискуя жизнью, и позволить себя пытать, не испуская криков; у курнайев Южной Австралии испытания оканчиваются магнетическим сном, после которого молодые люди просыпаются уже «мужами»; только после этого им надевают пояс, браслеты, повязку на лоб и другие украшения, свидетельствующие об их возмужалости[3]. Обыкновенно церемонии посвящения в таинства предшествуют *corrobori*, собраниям в дни полнолуний, одновременно являющимся судебными заседаниями, парламентами, церемониями союзов между племенами, и заканчивающимся театральными представлениями, праздниками и оргиями. Будучи посвящен, молодой человек может принимать участие в пениях, ораторских состязаниях, в плясках; как члену клана, ему делают на груди или на бедре порезы, *kobong*, т.е. отпечатывают национальную эмблему, растение или животное, подобную тотему у краснокожих в Америке; однако, кобонгский герб иногда весьма скромен: это—насекомое, простой муравей или паук. С этого момента посвященный должен почитать талисман, символизирующий союз данных семейств, и быть солидарным со всеми теми, которые, подобно ему, носят этот символ, со всеми предметами в природе, ассоциированными с его кобонгом; так, во время похорон, следует наблюсти, чтобы труп был положен под дерево, считающееся при-

1 Lorimer Fison and A. W. Howitt, „Kamilaroi and Kurnai, Group Mariage“. и т. д.

2 Oerland (Waitz), „Anthropologie der Naturvolker“.

3 W. Howitt, „Journal of the Anthropogical Institute“. 1884

надлежащим к тому же самому клану[1]. Часто вся татуировка туземцев ограничивается кобонгом; но есть также племена, которые, при помощи острых раковин, покрывают себе тело симметрическими рубцами грубого рисунка. На морских северо-восточных берегах, туземцы часто следуют также папуасской моде, прободая носовую перегородку и вводя в сделанное таким образом отверстие кусок дерева или же кость кэнгуру, при чём эти вставки затрудняют дыхание через нос и заставляют держать рот открытым. Смотря по различным обстоятельствам, войнам, празднествам или траурам, тело и лицо раскрашиваются, при чём наводится толстый слой краски: красной, желтой, белой или черной; красный цвет считается священным и указывает на важные обстоятельства жизни.

До прибытия европейцев, австралийские туземцы ходили голыми или же носили только кое-какие лоскуты или пояса из волокон, по крайней мере в тропической области; в более холодных южных странах, женщины одевались в тунику из кожи кэнгуру. В северной Австралии, туземцы окрашивают лицо и тело в различные цвета; у туземцев, живущих близ порта Дарвина, белая раскраска по черному фону придает лицу вид мертвой головы. Одежда и туалет разнообразны до бесконечности, также как и жилища: здесь пещеры или лишь прикрывающие убежище камни, там шалаши, плетни, хижины или даже каменные постройки. Что касается оружия, то оно тоже весьма разнообразно; но лук и стрелы были известны только на небольшом протяжении восточного поморья. Копья, дубины и дротики являются обыденными орудиями, а для придания легким метательным снарядам,—заостренному кремню или рыбной кости,—большей силы полета и верности, туземцы увеличивают их вес при помощи палки, прикрепленной к швыряемому предмету; в некоторых местностях туземцы ещё пользуются нешлифованными каменными топорами. Особенно любопытное оружие, которым лишь немногие из европейцев научаются действовать, представляет *boumerang*, кривая лопаточка, которая летит, кружась спиралеобразно, к намеченной цели, затем, после нанесения удара, возвращается к тому, кто её кинул. Изобретательный гений, позволивший австралийцу найти это удивительное оружие, привел к отысканию также весьма остроумных способов охоты, рыбной ловли и судоходства; однако тасманийцы не знали ни швырковой палки, ни бумеранга, ни даже гребных судов, хотя и жили на острове, окруженном островками. Жители на берегах Торресова пролива и моря Арафура, между которыми, повидимому, папуасский элемент в некоторых местностях имеет преобладание, не знают бумеранга. Форма этого курьезного оружия различна у разных племен.

Земельная собственность кланов точно отграничена, и часто каждое отдельное лицо владеет в этом коллективном имении пространством, которое никто у него не оспаривает. Проникнуть к нему можно не иначе, как с его разрешения, для получения которого нужно представиться ему в качестве просителя, без оружия, и с зелеными ветками в руке. Впрочем, австралиец, будучи последним в ряду земледельческих народов, только и умеет, что пользоваться своим полем для возделывания иньяма, как равно и из животных приспособил к своей жизни лишь одного—собаку, динго. Промышленность довольно развита у некоторых племен, чтобы они могли ощущать потребность в обмене своих продуктов, одеяний из кожи, нитей из растительных волокон, наконечников метательных дротиков и пигментов различных цветов. Посредниками в этой торговле являются избранные торжественно глашатаи (*ngallo ouator*), которые и служат представителями своих соотечественников у соседних племен, на наречиях которых они говорят; благодаря паролям, знакам пропуска, «исписанным палкам»[2], они доверчиво могут являться повсюду; даже во время войны их личность священна[3].

Замечательное развитие некоторых австралийских племен обнаруживается в особенности в познании ими звездного неба. Они дают различным созвездиям имена легендарных героев и точно умеют описать их положение относительно восьми точек разделения небесной сферы; движение луны и звезд позволяет им с большою точностью узнавать часы: таким об-

1 Howitt;—Brough Smyth;—Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie". 15 juin 1887 г

2 Brough Smyth, упом. соч.

3 Peter Beveridge, упом. мемуар.

разом, бедность их языка по части имен числительных вовсе не мешает им иметь точное чувство меры и комбинировать свои первоначальные понятия с таким умением, которого достаточно для того, чтобы дойти до начатков геометрии. Они научаются языкам чрезвычайно легко, и на школьных скамьях, где их сыновья сидят рядом с белыми, эти последние не всегда оказываются первыми. Лингвистическая способность зависит, вероятно, от чрезвычайной тонкости их слуха. У них нет музыкальных инструментов, кроме грубых барабанов, с натянутою кожею кэнгуру, а затем у некоторых южных племен имеется некоторого рода флейта, на которой они играют носом[1]; однако поют они часто, в состоянии радости и печали, при воинственном настроении или для заглушения голода; также они поют для запоминания интересующих их событий. Подобно бушменам Южной Африки, с которыми их часто сравнивали, они любят изображать человеческие фигуры и формы животных на одеяниях из кожи, на коре деревьев и на стенах скал. Рисунки, виденные Греем на северо-западе Австралии, на берегах Гленельга,—многоцветные: черные, красные, желтые, белые, голубые, и покрыты камедью, сохраняющею краски и в то же время предохраняющею их от непогод. В центральной части материка в особенности замечательны изображения, сделанные углем или охрою. Фигура, воспроизведенная Греем, напоминает лики византийских апостолов, окруженных светозарным венчиком. Этот путешественник также видел и рельефную голову, высеченную на песчаниковой скале. Наконец, несколько знаков, начертанных над какою-то личностью, одетою в красное платье, до того походили на буквы письма, что их можно было принять за надпись. Казалось бы, всего естественнее приписать эти рисунки посетителям с соседнего Инсулинда, но дело в том, что именно грубо исполненные произведения были открыты вдали от морского берега[2]. Впрочем, находили фигуры, вырезанные на скалах восточных гор, в Квинсленде и в Новом Южном Валлисе.

Похороны очень разнятся у различных племен. В одном месте покойников сжигают, в другом погребают или же кладут на камни или на ветви деревьев. В южной Австралии, их хоронят, обращая голову к восходящему солнцу, а около могилы зажигают костер, чтобы отгонять злых духов; на Карпентарском полуострове их помещают на возвышенные мысы. На самой оконечности мыса Иорк, на скалистом островке, высотой около сотни метров, стоящем словно часовой морей, находится на одной из террас, окруженной пропастями, громадная груда черепов, удерживаемая на окружности ободком из камней и прикрытая бамбуковым шестом: невозможно было бы выбрать более торжественного и свидетельствующего о большем поэтическом чувстве местоположения для обширного костехранилища[3]. У многих народцев именно на севере материка, мать обрезает себе палец после смерти каждого её ребенка. У некоторых племен погребения сопровождались людоедством. Когда человек погибал в молодости или в полном расцвете сил, его ближайшие родственники и друзья считали себя обязанными съесть его, для засвидетельствования своей к нему привязанности. В южной Австралии, дитя, умершее от болезни, съедалось: мать насыщалась головою, в надежде, что она таким образом возродит того, кого потеряла; каждый из детей данного семейства тоже участвовал в этом погребальном пиршестве[4]; в других племенах мать должна была хранить труп ребенка в течение целых месяцев[5]. Общераспространен также обычай поедать трупы убитых врагов, для того, чтобы усвоить себе их силу и доблесть, а также и для того, чтобы сделать отмщение невозможным для их теней. Но, для достижения этой цели, в некоторых округах считается достаточным съесть околопочечный жир, который считается местопребыванием души[6]. В других местностях довольствуются глазами, в которых блистала-де ярость в сражении[7].

1 J. L. Stokes, „Discoveries in Australia“.
2 George Grey, упом. соч.
3 Beete Jukes, упом. соч.
4 „Philosophical Society of Adelaide, South Australia“, 1878, 1879.
5 E. Curr, упом. соч.
6 Gerland, упом. соч.
7 Mac Gellivray, „Voyage of the Rattlesnake“.

Австралийцы верят в дурной глаз, в колдовство, в чудеса. Нет болезни, которая не была бы напущена чародеем-врагом, и нет выздоровления, которое не было бы доставлено чародеем-благодетелем. Мир переполнен привидениями и духами, из которых одни мятутся, отыскивая тело, в которое могли бы сами войти, а другие одухотворяют деревья или скалы, самое небо, бури, облака и звезды[1]. Не видно, чтобы австралийцы имели идолов в собственном смысле этого слова, но всё для них идол; в каждом предмете они видят существо, либо устрашающее, либо пособляющее, при чём к первому следует взывать для отвращения его гнева, а ко второму—для получения его помощи. Бог Луна, кажется,—самое могущественное божество; более могущественный, чем «богиня» Солнце, он возрождается каждый месяц, чтобы народить звезды, деревья, животных и людей. Вследствие воздействия миссионеров, различные мифы в конце концов приняли некоторую библейскую оболочку, и некоторые авторы умудрялись находить в них отдаленное сходство с рассказами Книги Бытия.

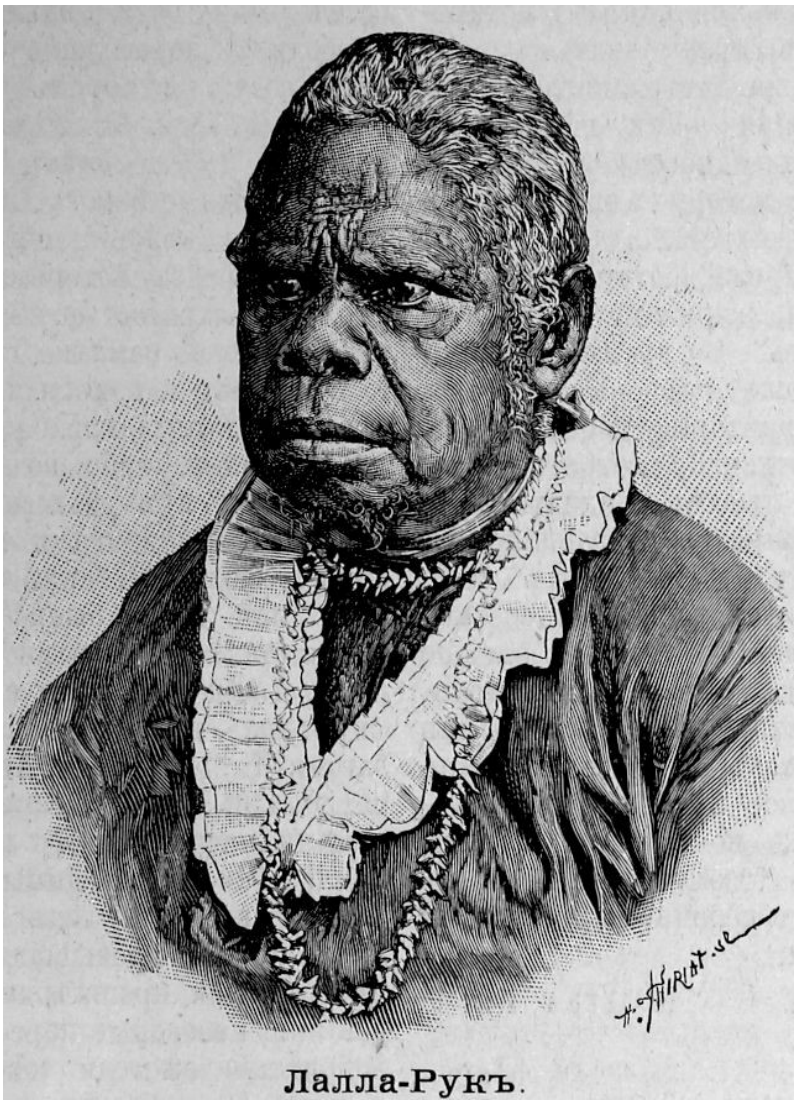
Немногие из австралийских племен представляют в своей организации зачаток государства. Указывают, между прочим, племя нарриньери на Муррее, у которых есть избираемые короли, с советами старейшин при них[2]; но подобные конституции редки: каждый глава семейства—почти неограниченный властелин над своими присными[3]. Правда, *balya*, т.е. колдуны, пользуются большим влиянием, и это влияние, присоединяемое к преимуществу возраста, порою обеспечивает им действительную политическую власть; но это—исключения. Переход главенства по наследству от отца к сыну или племяннику—явление, ещё более исключительное, и путешественники приводят лишь редкие этому примеры. Правилом является равенство прав для каждого семейства, каждого племени. Во время мира все считались имеющими равное достоинство; но мало-по-малу, путем некоторого уравновешения, каждая группа усвоила какую-либо специальность труда, которая делала её необходимою для других. Так, один народец находил на своей территории превосходный камень, из которого он умел выделывать самые лучшие топоры; другой поставлял лучшие бумеранга или наилучше выделанную кожу кэнгуру.

Но почти во всём австралийском мире история первонасельников есть уже дело прошлого. Раса постоянно уменьшается, угасает и вымирает: то немногое, что ещё осталось от неё, быстро видоизменяется вследствие скрещивания с другими расами и вследствие нахождения в рабском состояния. Известно, что внесенные европейцами болезни, и в особенности оспа, появление которой совпадает с высадкою в Ботани-бее ссыльных, и которая господствовала до 1840 года, истребили во многих округах более половины жителей. Есть также и другие причины этого исчезновения австралийского народа, и в числе их и такия, которые нужно искать в недрах самих племен. Так, захват женщин стариками и богатыми, детоубийство и выкидыши способствуют уменьшению в некоторых странах численности их первобытных жителей; но главная причина заключается в постепенном оттеснении поселения колонистами из чужеземцев, этими «белыми людьми», которых австралийцы в начале принимали за своих братьев, возвратившихся из мира духов[4]. Оттесненные к пустыне, туземцы—которым их прежния местообитания доставляли возможность как охотиться, так и собирать дикорастущие плоды, а следовательно иметь в изобилии пищу—не находят уже ныне средств для жизни, и многие из них, зная ожидающую их судьбу, преждевременно отдают себя в жертву смерти или, по крайней мере, отказываются увековечивать свою расу. Да и могло ли быть иначе, когда колониальные судьи «объявляют мародерами, браконьерами и заслуживающими быть третируемыми как таковые» всех сынов родной почвы, упорствующих в непокидании вотчины своих предков?[5] Появление европейского домашнего скота—уже смертный приговор для туземцев, так как кэнгуру тотчас же истребляются белыми или убегают со

1 Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie“,1886 и 1887.
2 Toplin, „Folklore, Manners, Costums and Languages of the Australian Aborigines“.
3 Brough Smyth, „The Aborigines of Victoria“.
4 Edward M. Curr, „The Australian Race“.
5 J. D. Woods, „Philosophical Society of Adelaide, South Australia“, 1878-1879.

своих пастбищ, а чернокожие звероловы, не находя более дичи, вынуждены бежать вслед за кэнгуру, или умирать с голоду; в течение шестнадцати месяцев 220.000 кэнгуру были убиты в одном только округе Квинслэнда, в Варвике. Но не только уничтожали дичь австралийца, —охотились также и за ним самим. Вокруг многих поместий, особенно в той области Квинслэнда, которая простирается вдоль окраин пустыни, стада овец охраняются конными полицейскими из австралийцев, меланезийцев или кафров, обязанных стрелять по ещё свободным чернокожим и освобождать мирных колонистов от этих неприятных бродяг[1].

Остров Тасмания, первый между австральазийскими колониями, был вполне «очищен»—таково английское выражение—посредством систематического уничтожения его коренного населения, которое ко времени прибытия белых исчисляли приблизительно в семь тысяч душ, и которое, как говорят, было одно из наиболее замечательных по своей кротости и до-



Лалла-Рукъ.

броте[2]. 28 декабря 1834 года, последние туземцы, преследуемые как дикие звери, были захвачены на оконечности одного возвышенного мыса, и это событие праздновалось с триумфом. Счастливый охотник, Робинсон, получил в награду от правительства имение в четыреста гектаров и значительную сумму денег: кроме того, публичная подписка доставила ему около двухсот тысяч франков[3]. Пленных сначала переводили с островка на островок, а затем заключили всех тасманийцев, в числе двух сотен, в одну болотистую долинку острова Фляйндерса, окруженного часто бушующими водами Басского пролива. Им давали съестные припасы и уроки из катехизиса; их община даже приводилась как пример преуспеяния христи-

1 Rudesindo Salvado, „Memoires historiques sur l'Australie".—E. Curr, упом. соч.

2 D'Entrecasteaux, „Voyage autour du Monde".

3 James Bonwick, „The last of the Tasmanians".

анской цивилизации; но в течение десяти-летнего пребывания в месте ссылки, более трех четвертей ссыльных перемерли. Тогда над остальными сжалились. Двенадцать мужчин, двадцать две женщины и десятеро детей—почти все метисы—были переведены по соседству с Гобартом, но опять-таки на узкий полуостров, Oyster-cove и оставлены там под надзором нескольких сторожей, которые обогащались на их счет. В 1860 году оставалось только шестнадцать тасманийцев; в 1869 году угас последний мужчина из этой нации, а в 1876 году последняя женщина, «королева» Труганина—прозванная англичанами Лалла Рук—последовала в могилу за своим народом. Однако, существовало ещё несколько метисов: одна «тасманийка» получила в 1884 году «концессию» (земельной надел), вотированную ей Гобартским парламентом.

Равным образом, на австралийском материке исчезла большая часть поморских племен: нет более ни одного человека из народцев Ботани-бея, которых в 1788 году насчитывалось 1.500 человек. В английских округах, где проживают ещё некоторые из оставшихся, всякое группирование по кланам изгладилось. Во время переписи 1881 года, общее число первонасельников на колонизованной территории достигало, по переписи или по исчислению, смотря по штатам, приблизительно тысяч тридцать человек; кажущийся же прирост, оказавшийся в некоторых колониях, зависит от того, что территория их увеличилась, и в состав её населения вошли племена, бывшие раньше независимыми; со всем тем недавния статистики позволяют думать, что в чистом или смешанном первоначальном населении есть кое-какое действительное приращение в некоторых оставленных во владении племен территориях, где с туземцами обращались кротко. Аборигенов в колонизованной части Австралии насчитывали:

В эпоху колонизации	В 1871 г.	1881 г.
Новый Южный Валлис		1.643
Виктория - 5.000 в 1824 г.	859	768
Квинсленд		20.585
Южная Австралия - 12000 в 1830 г.	3.369	6.346
Западная Австралия		2.436
Всего		31.688
В Н. Ю. Валлисе в 1887 г. (с метисами):		5.402

Вне стран, населенных белыми, в бесплодных внутренних областях, аборигенное народонаселение, вероятно, ещё менее значительно, чем по соседству с морскими берегами. Смешение белых с австралийскими туземцами производит промежуточную расу, отличающуюся стройностью и приятными чертами лица[1]. Ныне колонисты европейского происхождения, сделавшиеся хозяевами материка, по крайней мере в пятьдесят раз многочисленнее австралийцев чистой расы. Но начала этой колонизации были очень скромные, и между тем, как в других краях жители любят прославлять своих предков и предшественников, как исключительных людей, почти как героев, нынешние граждане австралийских государств не кичатся происхождением от первых колонистов: почти все стремятся производить свою генеалогию от переселенцев, прибывших впоследствии. Как известно, основателями австралийских общин были осужденные и их тюремщики. Свободное переселение началось лишь в 1820 году; уже сорок два года до этого, в январе 1778 г., была привезена партия ссыльных в 787 человек в Ботани-бей, а оттуда на южные берега Порт-Джаксона. Пенитенциарная колония, однако, не процветала; осужденные, с которыми обращались с неумолимою строгостью, в особенности во время проклинаемой памяти губернаторства Блайга[2], только и помышляли, что о бегстве, и тысячи из них погибли либо при попытках к восстанию, либо во время побега. Большому числу их удалось бежать в области, населенные туземцами внутри материка, или достичь Полинезийских островов: тогда как одни из них были съедены туземцами, другие стали именитыми людьми или начальниками, и некоторые из них играли историческую роль, в качестве завоевателей архипелагов. До 1820 года, Австралия получила из метропо-

1 „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", avril 1875

2 Rudesindo Salvado, упом. соч.

лии 25.878 осужденных, между которыми насчитывалось всего 3.661 женщина (общее число сосланных в Австралию с 1788 г. по 1872 год, равнялось 133.500); рождения не превышали 1.500, и, не будучи в состоянии пропитываться своими произведениями, невольные переселенцы стоили Великобритании ежегодно около пятнадцати миллионов. Но как только свободные переселенцы основались в Австралии, они энергично запротестовали против продолжения система ссылки, и в 1840 году, наконец, добились успеха, по крайней мере на восточном берегу Австралии, так как в 1853 году Тасмания, а в 1868 году и Западная Австралия всё ещё получали английских преступников. Ныне первоначальный элемент ссыльных совершенно слился с остальным народонаселением.

Лишь после того, как открыли золото, число жителей, возраставшее в умеренной пропорции, вдруг повысилось с удивительною быстротою. С половины этого столетия, австралийское народонаселение удесятерилось: с трехсот тысяч оно увеличилось до трех слишком миллионов душ. В иммиграции рудокопов участвовали, конечно, лишь зрелых лет мужчины, а также по большей части без семейств прибывали и все другие искатели обогащения, земледельцы, промышленники или торговцы. Разница в численности между полами тем значительнее, чем сильнее само переселенческое движение: так, в Квинсленде, колония, получая более всего иностранцев, заключает в себе и менее всего женщин, тогда как в Южной Австралии, куда переселенцы уже более не направляются, равновесие между полами почти восстановилось. В 1891 году, на 100 мужчин приходилось женщин в Южной Австралии—32,3; в Западной Австралии—67,01. Из года в год разница эта уменьшается, так как избыток рождаемости над смертностью—весьма высокий в сравнении с тем, что наблюдается в большей части других цивилизованных стран (в 1896 году в австралийских колониях на 1.000 жителей приходилось 27,5 рождений и 11,5 смертных случаев)—увеличился вследствие прироста жителей: ныне он превышает число новых переселенцев (так в 1895 г. прирост австралийского населения выразился: вследствие избытка родившихся над умершими—цифрой 73.674, а вследствие избытка иммиграции над эмиграцией—цифрою 24.864 лиц); таким образом, мало-по-малу восстановляются нормальные условия. Замечательно, что смерть гораздо более щадит женщин, чем мужчин, вследствие чего, быть-может, уже в конце этого века народонаселение Австралии будет представлять, как в Европе и Америке, небольшое преобладание женщин.

Доля англичан, шотландцев и ирландцев в переселении в Австралию до того преобладает, что все остальные этнические элементы там теряются; язык, учреждения, нравы—всё английское, и в некоторых отношениях даже более английское, чем в самой Англии[1]. Многие австралийцы несколько тщеславятся тем, что не позволяют себя увлечь в движение новых идей, овладевающих метрополией, хотя новая среда, в которой они находятся, и побуждает их следовать иным путем, и хотя они постепенно удаляются от своих сограждан старой Европы, чтобы несколько приблизиться к северо-американцам, на которых они походят ростом, осанкою и даже чертами лица. Германские колонисты, довольно многочисленные в Австралии, нигде не сплочены настолько, чтобы могли жить особняком от англичан; они быстро превращаются в австралийцев. Что касается китайцев, которых некогда крупные собственники ввозили толпами для эксплоатации своих земель и рудников, то они в конце концов образовали могущественный класс, который угрожал белым рабочим лишением их заработка: «желтая пагуба»—так прозвали это постепенное нашествие китайцев в Австралию. Расовая ненависть, возбуждаемая этой противоположностью интересов, привела к тому, что пребывание в Квинсленде и в других австралийских колониях стало почти невозможным для китайцев: тысячи их должны были покинуть страну, а законы, недавно вотированные вопреки трактатам, заключенным с Китаем, дозволяют «небесным» людям высаживаться на берег Австралии не иначе, как при условии уплаты весьма высокой вступной пошлины, и подчиняют их всякого рода легальным прижимкам. Таким образом, ныне «Китайскую стену» воздвигают вокруг себя уже не желтые, а белые. В 1891 г. во всех австралийских коло-

1 Froude, „Oceana“;—Anthony Trollope, „Australia and New Sealand“.

ниях насчитывали 41.000 китайцев.

Как и во всех новейших, колониях промышленного типа, иммиграционное народонаселение в большой части сосредоточилось в городах, так что в одних только Сиднее и Мельбурне живет около одной трети всего австралийского населения. И, однако, земледелие или вернее эксплоатация почвы доставляет главные богатства колонистам этого нового мира. Весьма подробная статистика позволяет сравнивать в этом отношении различные австралийские страны и показывает, как уже велико их экономическое значение в ряду стран цивилизованного мира. Правда, принадлежащая «Короне» громадная область способна к утилизации только на сравнительно небольшом пространстве: со всем тем поверхностью более, чем в 45 миллионов гектаров—проданной частным лицам к концу 1886 года—пользуются или непосредственно для возделывания растений, или же для разведения скота, и преимущественно овец; артезианские колодцы, вырытые во многих внутренних областях, вывели наружу сокрытые воды и превратили бесплодные пространства в пастбищные местности; также заботятся о задержании вод и при посредстве плотин. Австралия—первая страна в мире по производству шерсти: она стоить впереди Соединенных Штатов, Аргентины и России; так, по Нейманн-Спалларту, из 889.660 тонн всей шерсти, добытой во всём мире в 1885 году, на долю Австралии приходилось 157.000 тонн, т.е. одна шестая всего производства; в 1887 году, эта доля повысилась до 247.000 тонн, т.е. более четвертой части всего количества; шерсть её сотни миллионов овец, считающаяся на всех рынках первою по качеству, представляет годовую ценность свыше полу-миллиарда франков (в 1895 г. один только вывоз шерсти, не считая внутреннего потребления, простирался до 24.047.000 фунт. стерл.). Фермеры обладают также большими стадами крупного рогатого скота, превосходными лошадьми и свиньями, вследствие чего австралийская торговля выводит большое количество кож, жира, сала рогатого скота и консервированного мяса, а с 1882 года также и замороженных животных (в 1891 г. было вывезено в Англию из Австралии 335.000, из Новой Зеландии 1.897.000 замороженных баранов). В 1893 г. в Австралии насчитывалось: 1.607.370 лошадей, 11.308.765 голов крупного рогатого скота, 103.214.600 овец, 716.000 свиней.

Овцеводы очень боятся собак динго, которые не только пожирают овец, но ещё умерщвляют и тех, которых не могут утащить: целые стада бывали уничтожаемы этою собакою, которая, впрочем, вскоре исчезнет, вместе с своими хозяевами. Опасна стала также и лисица; но главным бичем скотоводства в Австралии является кролик, тоже привезенный из Европы: нет страны, более подходящей для этого грызуна, чем волнистые и цветущие равнины, на которых некогда паслись кэнгуру. Он размножается удивительнейшим образом, и хотя пастухи и их собаки истребляют его ежегодно в количестве по крайней мере пятидесяти миллионов, он всё более и более завладевает территориею, травы которой и выщипывает в ущерб овцам. В видах его уничтожения прибегают в особенности к огораживанию пастбищ, чтобы достигнуть последовательного истребления кроличьей породы: на острове Родд, близ Сиднея, производили также опыты с «куриною холерою» и с другою моровою относительно животных болезнью, так называемою «болезнью Тинтиналлоги». Надеются, что кролики сами будут разносить заразу, которая уничтожит их род; но опасаются, чтобы зараза не перешла и на домашних животных.

Что касается пахатных земель, то в общем площадь их в 1891 году равнялась 3.548.515 гектарам; из этого числа около полутора миллиона гектаров было засеяно пшеницей, сбор которой, при посредственном урожае, простирался до 13 миллионов гектолитр.

Земледельческие продукты, в количественном отношении весьма значительные в сравнении с обрабатываемою поверхностью, большей частию потребляется в самих колониях. Но Австралия начинает занимать также известное место между странами, вывозящими вино, сахар, табак. Одни из её вин, в Виктории и в Новом Южном Валлисе, приобрели уже некоторую известность; бургонское, бордо, шампанское, мозель, портвейн,—всякие сорта вина имеются у австралийских производителей, по словам их иностранных гостей; но филлоксера уже опустошает австралийские виноградники. Возделывание хлебных растений и других,

идущих в пищу, ведется в особенности в относительно небольших имениях, составляющих среднее землевладение; поля же под сахарным тростником в Квинсленде, а также огороженные пространства под пастбищами Дарлинга, как равно и другие земли по ту сторону береговых цепей на востоке,—принадлежат по большей части крупным собственникам. Несмотря на законы, ограничивающие площадь земельного участка, который может быть одним лицом куплен, или арендован на 7, 14 или 21 год, Австралия стремится к установлению и у себя того же порядка землевладения, который создался в её метрополии, именно к разделению земли на обширные владения: самый меньший участок, который можно купить в деревне, равняется 16 гектарам (в Новом Южном Валлисе); но в некоторых колониях можно приобресть в одной меже 1.025 гектаров; кроме того, основываются синдикаты для покупки или найма и гораздо больших пространств. Иное владение, называемое *Sheeprun* или *Scheepwalk*, имеет в своей центральной части парк, сады, барский дом, с башенками, галлереями и оранжереями, и скваттер (*Squatter*), «сидящий на корточках» пастух, теперь—австралийский аристократ, богач, владеющий сотнями тысяч овец, ведущий хозяйство на своих землях при посредстве управляющих и пребывающий в каком-либо из приморских городов, или же в Лондоне или Париже. Из ста австралийцев только шесть находятся в числе земельных собственников.

Золотые прииски, которые больше, чем всякий другой промысел, способствовали заселению Австралии, доставляют ещё значительную часть доходов страны. В особенности Виктория, колония, обязанная своим приискам временным превосходством над Новым Южным Валлисом, как в отношении населенности, так и в отношений индустрии, обладает весьма богатыми месторождениями золота; но по мере того, как относительная ценность драгоценных металлов падала, уменьшалась и прибыль от затрата на добывание их. С 1851 года, эпохи открытия «золотых полей», до 1887 года, общее количество «объявленнаго» рудокопами золота достигало громадной суммы в восемь миллиардов франков, т.е. приблизительно по двести миллионов в год. Оловянные рудники, эксплоатируемые главным образом в Квинсленде, а также и медные рудники, весьма производительные в южной Австралии, также достаточно значительны, чтобы питать австралийскую торговлю; наконец, каменноугольные копи Нового Южного Валлиса не уступают ныне копям в Западной Европе, Соединенных Штатах и в России; прибыльность от их разработки возростает по мере упадка доходности от добывания золота; они, вместе с стадами овец, возвратили Новому Южному Валлису его первое место между австралийскими колониями. Значение серебряных рудников в экономическом отношении незначительно. В 1892 г., не считая железа, сюрьмы и т.п. минералов, в Австралии, вместе с Тасманией, было добыто:

Золота—47.500 кило; меди (1891 г.)—34.240 тонн; серебра—418.687 кило; каменного угля—4.082.000 тонн.

Что касается соляных озер Австралии, то они почти не разрабатываются и дают нечистые продукты.

Мануфактурная промышленность Австралии не отличается от промышленности Великобритании ни по природе обрабатываемых веществ, ни по способам обработки, но она не настолько ещё разрослась, чтобы создать значительный вывоз на острова окружающих Австралию морей. Торговля вывозная сосредоточена на земледельческих и горнозаводских продуктах, обмениваемых на индустриальные произведения, ввозимые почти исключительно из Англии, а также на чай, доставляемый из Китая. В сравнении с относительно незначительною населенностью материка, товарообменное движение громадно. По приходящейся на долю каждого жителя Австралии ценности её покупок и продаж, страна эта занимает первое место. Правда, что товарообмен между колониями считается внешнею торговлею; таможенные пошлины различны в различных штатах, и даже устанавливаются с такою целью, чтобы защитить специальные производства от соперничества соседей. В 1897 г. общая ценность оборота внешней (специальной) торговли Австралии, с Тасманией и Новой Зеландией, представляла следующие цифры: по привозу—1.397.000.000, по вывозу—1.809.600.000

франк. Для обслуживания этой торговли, тысячи судов беспрерывно снуют взад и вперед вдоль морских берегов Австралии и по морским путям, расходящимся в разные стороны вокруг материка. Три навигационные паровые линии, субсидируемые британским правительством, обслуживают порты, ведущие крупную торговлю между Великобританией и Австралией; кроме того, чужестранные пароходы, Messageries Maritimes и Deutsche Compagnie, заходят в главные австралийские порты. В 1895 году, навигационное движение в портах Австралии, Тасмании и Новой Зеландии выразилось следующими цифрами: тоннаж пришедших судов—17.202.000; тоннаж отшедших судов—18.169.000.

Благодаря комбинированной службе пароходов и железных путей, письма из Лондона в Аделаиду доходили в двадцать семь дней. Судами, приписанными к её портам, Австралия в известной степени содействует мировой торговле, так как её уже значительный торговый флот почти равен флоту некоторых европейских стран, как, например, Австро-Венгрии и Греции. Именно, в 1897 году число морских судов было: в собственно Австралии—1.987, с общей вместимостью 300.604 тонны (в том числе 852 парохода в 168.064 тонны); в Тасмании—304 (45 паровых), в 16.563 тонны, в Новой Зеландии—511 (191 паровых) в 87.837 тонны.

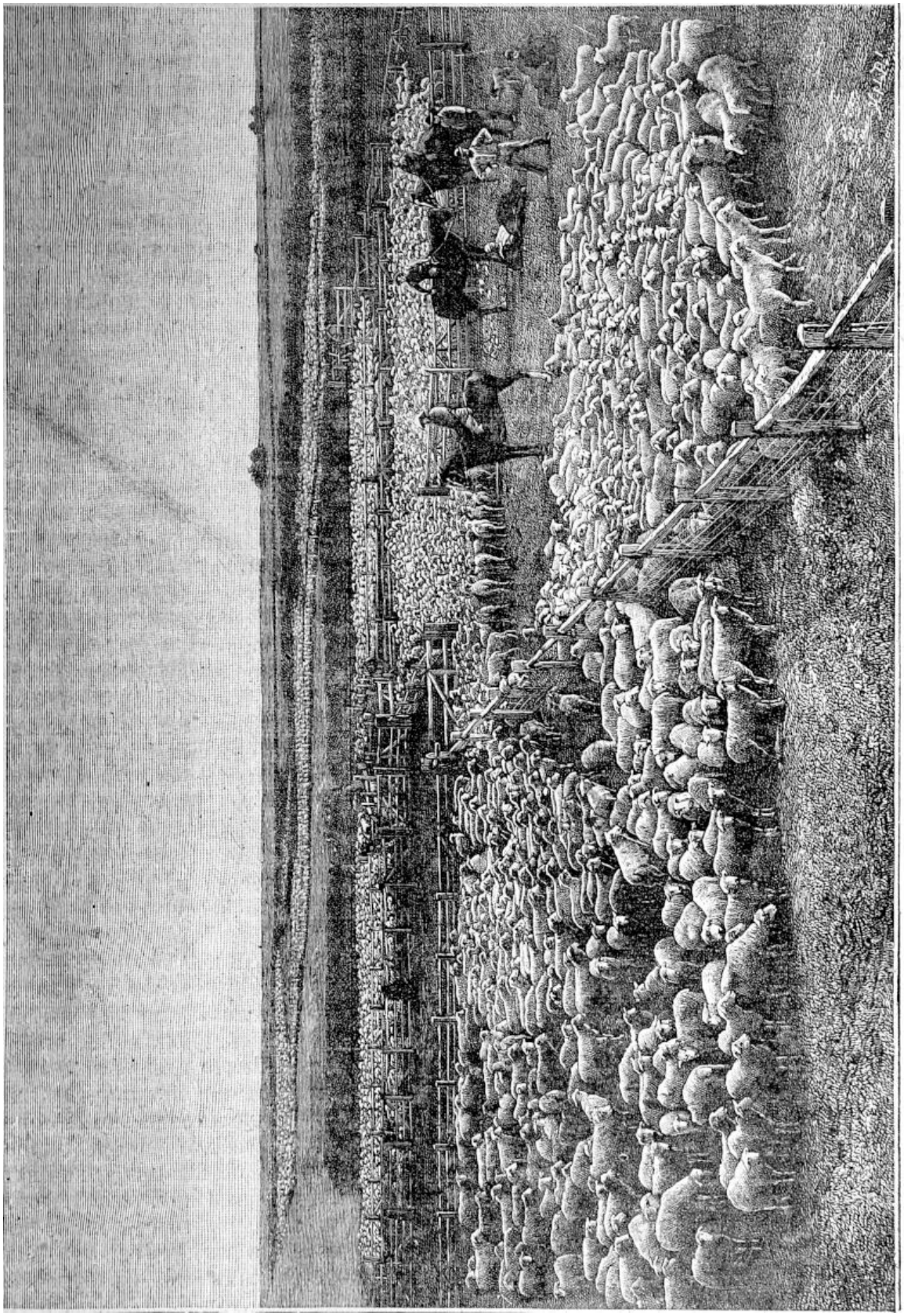
Внутри материка сообщение по железным дорогам установлено между всеми большими городами Австралии; железная дорога между Аделаидою и Брисбаном имеет длину 2.907 километров, т.е. равную протяжению пути между Парижем и Москвою. Западная Австралия, в юго-западном угле материка, также обладает несколькими небольшими железными дорогами и приступила к осуществлению громадного предприятия, в виде постройки, вдоль поморья, пути, долженствующего соединить Альбани с сетью Южной Австралии; с своей стороны, правительство этой последней колонии продолжает постройку той трансконтинентальной железной дороги, которая соединит города: Аделаиду и Пальмерстон. Наконец, Тасмания присоединяет несколько разветвлений к своей главной линии между Лаунсестоном и Гобартом. В 1897—98 г. общая длина железных дорог в Австралии, Тасмании и Новой Зеландии равнялась 23.287 километрам. За исключением промышленных путей, все железные дороги Австралии принадлежат тем штатам, по территории которых они проходят. Что касается телеграфов, тоже содержимых на счет национального бюджета, то они соединяют все колонии друг с другом, а также Австралию с Новой Зеландией и Явою. В будущем проложатся два кабеля: от Цейлона к Западной Австралии, и от острова Ванкувера, в Британской Америке, в Сидней. Так будет довершено электрическое сообщение английских колоний вокруг земного шара. В конце 1897 года длина телеграфной сети Австралии (с Н. Зеландией) равнялась 80.476 километрам; телефонных линий было 11.716 километр. Число телеграфических депеш в 1897 году составляло около 13 миллионов; число почтовых отправлений простиралось до 413.600.000.

Так как обучение обязательно и бесплатно, по крайней мере в государственных школах, то все дети по нескольку лет проводят в учебных заведениях ведомства народного просвещения: средний уровень образования в Австралия выше, чем в Англии; относительно, девочки дольше учатся, чем мальчики, и учительниц больше, чем учителей. Бюджет ведомства народного просвещения весьма значителен: в 1885 году на каждого школьника приходилось 124 франка. Начальных школ в Австралии и Тасмании в 1892 году было 7.486, с 657.600 учащихся, в Новой Зеландии—1.641, с 114.910 учащихся.

В австралийской прессе насчитывается около восьми сот газет и других периодических изданий.

Ныне австралийские колонисты организовались в пять государств, или штатов, а с Тасманией в шесть. Смотря по времени их основания, их экономическим интересам и влиянию управлявших ими политических деятелей, штаты эти дали себе различные конституции, но все они должны представлять свои решения на утверждение британского правительства, от которого они и получают губернаторов или вице-королей, как непосредственных

представителей королевы; однако, недавнее столкновение между Квинслендом и метрополией, относительно назначения губернатора, окончилось в пользу колонии. В двух государствах, Виктории и Тасмании, учреждения—демократические, и всеобщее голосование—при-



Новая Зеландія.—Стада въ загонахъ.

меняемое таким образом, чтобы пропорциональное представительство возможно было и для находящихся в меньшинстве,—избирает депутатов в две палаты; в Новом Южном Валлисе и в других штатах назначение членов верхней палаты, всех или части, зависит от «короны».

Разростаясь и сближая свои рои, австралийские колонии почувствовали необходимость соединиться более тесно. Создается федерация, разрешаемая заранее британским парламентом, чтобы скрепить узы дружбы под сюзеренитетом Англии и чтобы блюсти общие интересы на материке и на островах Тихого океана; но некоторые вопросы, порожденные соперничеством и стремлением к первенству, до сих пор мешали окончательному образованию этого будущего федерального государства Австральазии, столица которого уже намечена, именно город Альбюри, на р. Муррей, приблизительно на половине пути от Сиднея в Мельбурн, на общей границе двух штатов, Южного Валлиса и Виктории: в предвидении его будущего значения, ему дают уже и наименование «федерального города»; однако, весьма возможно, что такая почесть выпадет и на долю какого-нибудь другого города. Во время первого совещания, бывшего в Гобарте, в 1886 году, Новой Южный Валлис, Южная Австралия и Новая Зеландия не прислали своих уполномоченных; острова Фиджи имели там своих представителей. В 1888 году, на новой конференции, в которой принимали участие представители всех государств Австральазии, обсуждалось учреждение высших судов для всех колоний; наконец и Южная Австралия, остававшаяся враждебною проекту федерация, недавно тоже его приняла. Честолюбие австралийцев стремится к тому, чтобы побудить к вступлению в их федерацию, как Британскую Новую Гвинею, так и все острова Океании, приобретенные Великобританией, и получить возможность пользоваться в южном полушарии неоспоримой гегемонией. Уже во многих случаях, например, при столкновениях с Францией по поводу Ново-Гебридских островов и перевозки рецидивистов в Новую Каледонию, можно было удостовериться, что австралийцы надеются вскоре быть в силах объявить себя хозяевами в южном полушарии и провозгласить, подобно американцам, свою «доктрину Монро»: Океанический мир принадлежит океанийцам.

Как военная держава, Австральазия уже настолько сильна, что на неё очень трудно было бы сделать нападение, так как её способное носить оружие население, в возрасте от 20 до 40 лет, превышает полмиллиона людей и организовано в корпуса волонтеров, которые по береговым железным дорогам могут быть перевезены ко всем угрожаемым пунктам; кроме того, сильно укреплены три стратегических позиции: Кинг-Джордж-Зунд, в юго-западном углу материка, некоторые из островов Торресова пролива и вход в Порт-Джаксон, перед Сиднеем. Флотилия из канонерок, миноносок и быстроходных крейсеров защищает подступы к портам; кроме того, по силе недавних конвенций с Англией, число военных судов может быть быстро увеличено. В 1888 году было отпущено слишком двадцать миллионов франков для вооружения берегов и постройки фортов.

В финансовом отношении, Австралия весьма обременена долгами. Обладание золотоносными россыпями сделало австралийцев расточительными, и их нынешние долги, сравнительно с числом жителей, превышают даже долги Франции.

Бюджет собственно Австралии в 1896—97 финансовом году; доходы—640.000.000, расходы—650.000.000, долг—4.135.000.000 франков. Бюджет Тасмании в 1897 году: доходы—21.620.000, расходы—20.000.000, долг—198.750.000 франков.

Но Австралии это бремя долгов сравнительно легче нести, благодаря быстрому возрастанию её народонаселения и производительности. Годичное увеличение численности жителей превышает там одну тридцатую, народное же богатство возрастает ещё быстрее; однако Австралия имеет уже свой пауперизм.

Нижеследующая таблица дает перечень австралийских штатов, с их пространством и народонаселением. Административные подразделения разнятся в различных колониях и даже в каждом штате, смотря по плотности народонаселения и экономическим и политическим интересам. Оффициальные наименования этих подразделений: графства, boards, shires, муниципии, местечки, округи избирательные и церковно-приходские.

Штаты	Год основания	Пространство в квадр. кил.	Население 1895—96 г.	Километрическое насел.	Главные города
Новый Южный Валлис	1788	799.139	1.277.870	1,6	Сидней

Штаты		Год основания	Пространство в квадр. кил.	Население 1895—96 г.	Километрическое насел.	Главные города
Виктория		1851	229.078	1.181.769	5	Мельбурн
Квинсленд		1859	1.730.721	460.550	0,2	Брисбан
Южная	Южная Австралия	1836	985.720	352.653	0,3	Аделаида
Австралия	Северная Территория	1863	1.355.891	4.752		Пальмерстон
Западная Австралия		1829	2.527.583	101.235	0,04	
Тасмания		1854	67.894	160.834	2,4	Гобарт

* По переписи, произведенной в конце 1897 г., народонаселение собственно Австралии: 3.565.415 душ (в том числе около 55.000 аборигенов), Тасмания—171.791 душ*.

II Западная Австралия (West-Australia)

Эта колония—первая австралийская земля, берега которой примечают приходящие из Европы корабли—есть наименее населенная, наименее важная из всех австралийских государств или штатов, хотя её территория обнимает около одной трети континентальной поверхности. Она была основана в 1829 году, и однако численность её жителей европейского происхождения ещё относительно незначительна, и быть-может даже, что туземцы, племена которых преобладают в северо-западной части Австралии, ещё не перестали составлять численное большинство в этом крае. В 1850 году, когда в колонии было не более пяти тысяч жителей, правительство превратило её в место ссылки преступников, вследствие чего, до 1868 года, было перевезено в Западную Австралию около десяти тысяч осужденных; однако, наперекор этим постоянным привозам невольных переселенцев, народонаселение возрастало лишь медленно. Заметное увеличение его началось только с того времени, когда между реками Ирвингом и Мурчисоном были открыты золотые россыпи. То обстоятельство, что Западная Австралия мало привлекает колонистов, объясняется сухостью её климата, бесплодием почвы, соленостью вод, бедностью пастбищ, усеянных в различных местностях ядовитыми растениями. Даже наибольшая часть территории штата, ограничиваемой на востоке, от северного до южного берега, 129° восточной долготы (от Гринвичского меридиана)—ещё неизвестна; колонизационная область занимает только полуостровной выступ, находящийся на юго-западном углу, и нижния долины рек, следующие одна за другой по побережью, к северу от Перта. Западная Австралия представляет мир, уединенный от других австральазийских колоний; она сообщается с ними только при посредстве моря: отважиться на путешествие через пустыни—всё ещё один из таких редких подвигов, которые заносятся в географические летописи.

Центром колонии является город Перт, построенный в 19 километрах от моря, на берегах «Лебяжьей реки» (Swan-River), которая в этой местности расширяется, принимая форму озера. Дорога, а также и железный путь соединяют эту убогую столицу с её приморскою гаванью, городом Фримантлем, расположенным при устье реки, на её южном берегу, и имеющим один только мало надежный рейд, выставленный действию ветров с севера и с северо-запада,—и иногда судам приходится удаляться к югу, под защиту длинного низменного острова Гардек. Тем не менее, Фримантль—самое деятельное экспортное место колонии, и из него-то, в особенности, и вывозят шерсть, главное богатство Западной Австралии. Остров Ротнест, прикрывающий Фримантльский рейд со стороны запада, окаймлен солончаками, разрабатываемыми руками ссыльных и туземцев за счет правительства. Три порта Рокингем, Бэнбюри и Бусельтон, находящиеся севернее Фримантля,—важнейшие пункты по вывозу дерева jarra (eucaliptus marginata), весьма ценимого строителями и моряками за его прочность и сопротивляемость работе термитов и шашеней (моллюсков из рода teredo).

К северо-востоку, железная дорога из Перта продолжается по долине Лебяжьей реки к Гильдфорду и к Иорку и Беверлею, деятельным земледельческим рынкам, окруженным пастбищами и кустарниками, некогда изобиловавшими сандальным деревом. Проезжая для

повозок дорога, длиною в 420 километров, направляющаяся на юго-восток чрез пустынные по большей части пространства, соединяет город Перт с морским портом на южном берегу—Альбани. Недостаток годных к обработке земель в окрестностях этого небольшого города препятствует ему достигнуть быстрого развития, которое, повидимому, должны были бы ему обеспечить его превосходный порт, Кинг-Джордж-зунд, и положение в юго-западном углу материка. Альбани—пристань для пакетботов между Англией и Мельбурном и пункт Западной Австралии, соединяющий с остальным миром местную сеть телеграфических линий. Английское правительство и австралийские колонии построили на общий счет укрепления вокруг этого стратегического пункта на поморье. В 1826 году, губернатор Нового Южного Валлиса занял его небольшим гарнизоном, в видах воспрепятствования французам утвердиться там, что могло превзойти вследствие методического исследования поморья, совершенного Боденом и Фрейсине: в этой именно части австралийского поморья встречается всего больше французских наименований. Далее к западу, существует только одна пристань, называемая портом, хотя она почти необитаема: это Экла (Иркла или Ергалла), т.е. «Утренняя Звезда» на туземном языке, находящаяся на границе двух колоний—Восточной и Западной Австралии.

К северу от Фримантля, морской берег почти пустынен на пространстве около 300 километров: в этом направлении, в одном пункте побережья, находится миссия Новая Нурси, прославившаяся этнографическими изысканиями Рудесиндо Сальвадо. Дело колонизации получило некоторое значение только в округе Виктории, орошаемом рекою Гринуг, которая окаймлена полями хлебных растений. Железные дороги, пересекающие этот округ, доставляют продукты страны в порт Геральдтон, расположенный на берегу бухты Чампион; островки и рифы Гутманс-Аброльос ограничивают на западе прибрежный узкий канал-пролив. Округ Виктория составляет горнозаводскую область Западной Австралии: здесь находят в особенности свинец, медь и золото. Далее озеро Акуловой бухты (Shark's Bay) и северо-западный берег ежегодно посещаются сотнею рыболовных судов, собирающих жемчуг и перламутр: главным складочным местом служит деревня Ребурн, расположенная при устье речки Шерлок. Это одна из тех областей Австралии, где туземцы, в силу «ассигнационного» акта приравненные к рабам, более всего страдали от жестокой жадности белых. Годовая добыча лова превышает по ценности пятьсот тысяч франков.

Вся часть австралийского поморья, простирающаяся далее к северо-востоку, оставалась ещё необитаемою белыми, когда, в 1869 году, искатели золота открыли этот драгоценный металл в гористой местности, ограничивающей с юга течение Фицроя. Толпа рудокопов устремилась к этим странам: основались деревни и порты на реках и по берегам заливов на поморье. В 1886 году, когда рудники были поставлены под надзор администрации, многие тысячи людей уже занимали этот округ, называемый Кимберлеем; его столица, Дэрби, стоит на восточном берегу лимана, в который впадает река Фицрой. Заселение этой части Австралии—в которой уже Георг Грей, более полстолетия тому назад, видел одну из самых многообещающих областей,—есть капитальный факт в истории колонизации, так как область эта—одна из наименее неплодородных и наименее скудно орошаемых, но английские колонисты не отваживались селиться там, по причине жаркого климата. Этот округ, лежащий целиком в тропическом поясе, напротив нидерландских островов, от которых его отделяет только узкое море Арафура—хорошо помещен для того, чтобы сделаться местом торгового обмена и взаимных сношений между населениями Инсулинда и Австралии, ныне почти чуждыми друг другу. В некоторых лиманах этого берега морской прилив достигает высоты от 11 до 12 метров[1].

Западная Австралия—единственная на материке колония, ещё находящаяся в непосредственной административной связи с Великобританией. Губернатор и исполнительный совет назначаются «Короною», даже законодательный совет отчасти назначается правительством; однако, большинство членов этого собрания избираются гражданами из именитых людей,

1 G. Grey, упом. соч.

имеющих собственность, оценяемую по крайней мере в двадцать пять тысяч франков; сами же избиратели должны владеть землею, оцененною в 2.500 франков, или уплачивать в год 250 франков аренды. Край этот разделен на четырнадцать избирательных округов. *С 1890 г. Западная Австралия перестала быть коронной колонией и получила представительное государственное устройство, с губернатором, назначаемым королевой, с верхней и нижней палатами (в каждой по 15 членов). Войско её состоит из 665 волонтеров. Бюджет Западной Австралии в 1895—96 году: доходы—1.438.717, расходы—1.212.314, государственный долг—4.736.572 фунт, стерл.*

III. Южная Австралия (South Australia)

Название этого штата не оправдывается, так как территория колонии не занимает всей самой южной части материка, а продолжается на север вплоть до Папуасского моря. Пространство, относимое к Южной Австралии, обнимает всю срединную полосу Новой Голландии, со стороны запада до 129° восточной долготы (от Гринвичского меридиана), а со стороны востока до других градусов той же долготы, именно до 138° на покатости залива Карпентария и до 141° на покатости Южного океана. Более четверти континентальной территории принадлежит к Южной Австралии: на северном поморье, в состав её входит полуостров, расположенный к западу от залива Карпентария; на южных же морских берегах главными вырезками в них являются заливы Спенсера и св. Винцента.

Колонизация Южной Австралии началась на берегах этих бухт в 1834 году, и в конце 1836 года состоялось оффициальное провозглашение нового штата, вблизи порта Гленельг, под большим эвкалиптом, на стволе которого, ныне безжизненном, имеется соответственная надпись в воспоминание этого события: в дни годовщины основания, жители сходятся туда толпами для чествования национального праздника. В основании южно-австралийской общины участвовали только свободные колонисты, так как на этот берег не был высажен ни один ссыльный; тем не менее, заселение колонии совершалось весьма медленно до 1846 года, времени открытия богатых медных руд, которые тотчас же и привлекли множество спекуляторов и промышленников. Южная Австралия осталась значительно уступающею в населенности, богатстве, торговле трем восточным колониям: Виктории, Новому Южному Валлису и Квинсленду; и даже в 1885 и 1886 годах она представляла единственный в Австралии феномен,—временный упадок численности её жителей: эмиграция к рудникам Западной Австралии и в другие области превзошла как иммиграцию, так и естественный избыток рождаемости над смертностью (в 1894 году эмиграция превзошла иммиграцию на 2.300 лиц). Хотя климат Южной Австралии один из самых здоровых для белых, тем не менее его опасаются по причине жаров и отсутствия морских бриз: вогнутость морского берега её обращена к пустыням, вследствие чего является преобладание иссушающих ветров извнутри материка. Смертность детей весьма велика, и акклиматизация расы не столь легка, как на всём остальном материке: легочная чахотка—австралийская болезнь по преимуществу—там более распространена, чем в других штатах. Вследствие колебания в климатах, колония иногда подвергается периодически засухе. Большая часть почвы бесплодна, негодна для возделывания, и даже, на обширных пространствах, солонцевата и лишена травы. Что касается северной территории колонии, то знойный климат затрудняет там акклиматизацию европейских земледельцев, и сюзеренное правительство должно было терпеть там иммиграцию малайцев и китайцев. Почти всё южно-австралийское народонаселение оказывается сгруппированным в южной области, между нижним течением Муррея и восточным берегом Залива Спенсера. Оттуда даже идут все те произведения, которые дают некоторую важность Южной Австралии в колониальном мире Англии: медь, шерсть и пшеница; по производству этого хлеба Южная Австралия превосходит все остальные австралийские колонии. Вообще под зерновыми хлебами в 1886 г. в Южной Австралии было занято полей 815.820 гектаров, а производительность их достигала 5.315.055 гектолитров. Некоторые из южно-австралийских скотово-

дов разводят страусов. Возделывание винограда значительно возросло в последние годы, при чём добываемое вино, смотря по почве виноградников, приравнивается австралийцами к портвейну, хересу и рейнским винам. Из колонии вывозятся также плоды и консервы.

Столица Южной Австралии, Аделаида, «Город Образцовый», по своей населенности—третий город в Австралии; в её центральном квартале и в предместьях скучено около 145.000 жителей. Она расположена на соседней с морем равнине, около первых склонов цепи гор Лофти, возвышающихся на востоке, а также и по берегам часто пересыхающей реки Торренс; её широкия улицы, орьентированные по четырем странам света, разрезывают город на правильные квадраты. Так как Аделаиде угрожает недостаток в воде, то она издержала миллионы для вырытая в соседних горах обширных водовместилищ; в ней есть также многочисленные места для прогулок, обширные парки и отлично содержимый ботанический сад. Южно-Австралийский университет, институт и другие учебные общества пребывают в этой столице колонии: здесь сосредоточиваются все научные и литературные стремления жителей. Вне Аделаиды—в которой одной, вместе с её предместиями, находятся более одной трети колониального населения—есть только местечки и деревни, исключительно земледельческие, торговые или торгово-промышленные.

У Аделаиды имеется несколько портов. Главный, получивший наименование самой столицы, Порт-Аделаида, находится километрах в двенадцати к северо-западу, вблизи бухточки, искусственно углубленной; Гленельг, находящийся к западу от Аделаиды и почти соединяющийся с нею предместиями и дачными местами,—тоже порт, и пакетботы заходят туда для сдачи и приема депеш; Виктор-Харбур—расположенный на юго-востоке, на берегу Южного океана, и соединенный с столицею железною дорогою—равным образом составляет один из аванпортов Аделаиды; наконец, железный путь, направляющийся на северо-восток и доходящий до реки Муррей у Моргана, в месте главного поворота реки на её нижнем течении, ставит Аделаиду в сообщение с единственною внутреннею судоходною линиею, которою обладает австралийский материк: десятка четыре пароходов приходят и отходят кверху от излучины, у которой оканчивается железнодорожная линия. Небольшой речной порт Гульва, расположенный в 12 километрах вверх по реке от устья Муррея, на конечном озере Александрина, производит некоторый торг шерстью. За рекою, около границы с Викторией, город Маунт-Гэмбир или Гэмбиртон, расположенный у южного подножия вулкана того же имени и питаемый водою из озера в кратере, есть самый деятельный торговый центр южных округов; железная дорога соединяет его со столицею.

Другие железные пути направляются от Аделаиды к горнопромышленным округам на севере. Местечки Гавлор, Капунда и Куринга важны по разрабатываемым в их окрестностях медным рудникам; именно залежами этой руды, находящимся в Бурра-Бурра, близ Куринга, и обязана своим процветанием Южная Австралийская колония: с 1846 по 1877 годы добыто руды в Бурра-Бурра по ценности более, чем на сто миллионов франков. На северо-востоке, около границ Виктории, город Титульпа богатеет, благодаря своим приискам золота. Не менее Бурра-Бурры изобилуют рудами города Валлару, Мунта и Кадина, около основания Иоркского полуострова, на восточном берегу залива Спенсера. Но севернее, железная дорога, продолжающаяся через пастбища, пустыни и солончаки, скоро минует промышленные области и служит уже только для перевозки шерсти и кое-каких земледельческих произведений. Со временем эта линия, сделавшись трансконтинентальною, превратится в путь, который будет избирать большинство путешественников, прибывающих на пакетботах из Великобритании в населенные области восточной и юго-восточной Австралии. Два подводные кабеля соединяют эту железную дорогу с Банжуванги, на острове Яве: в 1888 году, вследствие вулканического извержения, они оказались разорванными на глубокой воде.

Город Пальмерстон, лежащий на северной оконечности этой ещё незаконченной линии, приготовляется к предстоящей ему будущности уже значительною и теперь торговлею. С 1875 года, порт Дарвин, на восточном берегу которого расположены постройки этого города, открыт для торговли всем нациям: это один из самых обширных, наиболее удобных и наи-

лучше защищенных портов, посещаемых мореплавателями в восточных морях. В 1886 году в Пальмерстоне, торговое движение, достигшее, в общем итоге, 9.732.025 франков, равнялось, относительно привоза—ценности в 7.346.350 франков, а относительно вывоза—2.385.675 франков. Вместимость всех прибывших и отшедших судов достигала 207.853 тонн, из которых 203.924 приходились на долю английского флага. Во время переписи 1881 года, жителей в этой «северной территории», *Northern Territory* было всего 4,550 человек, и с тех пор население её мало возрасло (в 1895 г. 4.752 жит.). Более четырех пятых общего числа обитателей состоит из китайцев, которые разгружают корабли, поднимают новь под плантации, настилают щебнем дороги, и частию направляются на юг для разработки золотых рудников в Бурунди и в других местностях. Негоцианты в этом округе энергически сопротивляются законам, ограничивающим иммиграцию китайцев: не будучи в состояния располагать рабочими из белых, они стараются набирать их между жителями Востока.

Небольшое товарообменное движение установилось между Пальмерстоном и явайским городом Сурабайя, на будущем торговом пути между материками Австралии и Европы. Попытка колонизации, сделанная в 1824 году на берегах пролива Апслей, между островами Мельвиллем и Батурстом, а затем и другие, в этом же роде, опыты, предпринимавшиеся восточнее, на полуострове Кобургском, не удались, по причине уединенности английских колонистов, слишком знойного для них климата и очень неплодородной почвы, покрытой почти железистым латеритом. Поселок Виктория, на берегу, прекраснаго порта Эссингтон, никогда не мог возвыситься до степени города. Из городов Южной Австралии имели в 1881 году жителей более 2.000 человек следующие: Аделаида (1896 г.)—145.000 жит. (вместе с предместьями); Титульпа (1887 г.)—5.500 жит.; Порт-Аделаида—5.280 жит.; Мунта—5.000 жит.; Гавлер-жит.; Гленэльг—3.000 жит.; Капунда—2.290 жит.; Куринга (Бурра-Бурра)—2.760 жит.; Маунт-Гэмбир—2.400 жит.

Южно-австралийская колония пользуется автономией. При губернаторе, назначаемом королевою, состоят семь ответственных министров, избираемых парламентом, который составляется из избранных гражданами членов. Законодательный совет, или «верхняя палата», состоит из 24 членов, избираемых на 12 лет, а «нижняя палата», *house of assembly*,—из 52 депутатов, избираемых на три года. Численность избирателей в законодательный совет—долженствующих удовлетворять известным условиям ценза, в качестве собственников или фермеров,—не составляет даже и двух пятых мужского населения, между тем как относительно избрания нижней палаты, Собрания, пользуются правом голоса все граждане, пробывшие в крае шесть месяцев. Около тридцати муниципалитетов пользуются привилегиями общинной автономии. Войско состоит (1895—96 г.) из 2.033 человек милиции и волонтеров, а также экипажа маленького военного флота (в 1896 г.; 1 канонерка, 1 крейсер и 10 миноносок Уайтхеда).

Бюджета Южной Австралии в 1895—96 г.: доходов—2.585.230; расходов—2.640.688; государственного долга—24.216.425 фунт. стерл.

IV. Квинсленд (Queensland)

Это наименование уже само указывает на недавнее происхождение этой колонии. «Земля Королевы» составляла раньше часть Нового Южного Валлиса, и только в 1859 году она обособилась в политическом отношении; но, хотя и более поздняя по времени основания, сравнительно с западным и восточным австралийскими штатами, эта колония превосходит их, как по населенности, так и в торговом отношении; правда, что уже с 1824 года преступники ссылались на берега бухты Мортон, и что территория была открыта для свободной колонизации в 1842 году. Жители северной части Квинсленда, экономические интересы которых не всегда согласуются с интересами колонистов южной области, требуют основания нового государства, которое обнимало бы берега Карпентарскаго залива, полуостров Йоркский, острова пролива Торресова и Британскую Новую Гвинею; в административном отношении, край

разделен на три «отдела»: северный, средний и южный, которые и считаются долженствующими образовать в будущем три отдельные политические государства.

Более трети населения ещё скучивается в юго-восточном углу Квинсленда, в старинном округе Мортон-бай; однако, благодаря различию возделываемых растений и промышленности, также весьма многочисленны центры населения уже и вне этой области. Квинсленд, подобно Новому Валлису, обладает обширными пастбищными местностями, по преимуществу на западном склоне гор; равным образом он весьма изобилует месторождениями золота, которые рассеяны по всей стране, от границ Нового Южного Валлиса до Йоркского полуострова и до долин, спускающихся к Карпентарскому заливу. Его месторождения меди, олова и каменного угля также привлекли колонии спекуляторов и работников к различным пунктам территории; наконец, культура питательных растений, обыкновенно неудающихся в одном и том же климате, именно: пшеницы, кукурузы, сахарного тростника, чайного дерева и ананаса—тоже привела к возникновению многочисленных отдельных колонизационных центров. Известно, что для тропических культур плантаторы прибегали к услугам полинезийских «завербованных», известных под родовым наименованием «карнаков» (канаков), и что этот «ввоз» чужеземцев, доставляемых на *labour-vessels* и временно порабощаемых, часто сопровождался преступлениями против свободы и достоинства человека. Присутствие китайцев также подавало повод, в этой колонии, к самым жестоким несправедливостям со стороны «представителей высшей цивилизации». Экспедиции похитителей людей часто организовывались в Квинсленде для опустошения островов Меланезии и Полинезии.

Брисбэн, столица и самый старинный город в Квинсленде, расположен на реке того же имени, в сорока километрах ниже той местности, где эта река впадает в лиман, соединяющийся с бухтою Мортон: суда с среднею осадкою поднимаются вплоть до города, проходя под перекинутым через реку мостом длиной в 350 метров. Порт этого города—самый оживленный из всех квинслендских портов, в которых в 1895 году общая вместимость пришедших судов составляла 1.218.000, а отшедших судов—972.000 тонн. Брисбэнскому порту предшествует великолепный рейд Мортон-бай, защищенный длинною вереницею низменных островов; две железные дороги соединяют Брисбэн с берегами этого рейда, при чём одна направляется на северо-восток, к дачной местности Сандгэт, а другая, идя к юго-востоку, соединяет город с южным входом в бухту, единственно доступным для судов. Брисбэн в изобилии снабжён водою и, подобно другим большим австралийским городам, обладает прекрасным ботаническим парком.

Ипсвич, построенный в шестидесяти километрах выше по течению от Брисбэна, на южном притоке реки, находится при начале судоходства по ней; суда непосредственно доставляют в его склады товары, которые затем уже из Ипсвича рассылаются по различным внутренним станциям. Ипсвич служит распределительным центром для Южного Квинсленда. От него железная дорога начинает подниматься на водораздельную горную цепь, с тем, чтобы снова спуститься у Варвика, в верховую долину Кондамины, главной ветви Дарлинга. Между тем, как главный путь продолжает направляться на запад чрез города Тувумба, Дальби, Рома, одна из его ветвей идет на соединение с южными линиями из Сиднея и Мельбурна, а другая, современем, достигнет берегов Карпентарского залива в Пойнт-Паркере.

Город Мериборо занимает, в 272 километрах к северу, положение, сходное с положением Брисбэна. Он также находится на берегу судоходной реки, Мери, устье которой расширяется в залив и впадает в рукав моря, защищенный с востока продолговатым островом, называемым Грет-Санди-Айланд. Мост, длиной приблизительно в 500 метров, пересекает реку в Мериборо.

Главным занятием окрестных плантаторов является возделывание сахарного тростника, и этот округ обладает многочисленными сахарными заводами. Южнее, в долине одного из притоков, находится состоящий из рассеянных домов город Гимпи, прославленный своими золотыми россыпями, открытыми в 1867 году: уже в 1880 году ценность добытого из них металла достигала 50 миллионов франков. Севернее, в Буррume, найдены мощные пласты пре-

восходного угля, а на северо-западе, разрабатываются медные рудники в округе Маунт-Пэрри, соединенном железным путем с портом Бундаберг при устье реки Бурнет. Другой речной порт, Рокгэмптон, есть самый значительный из квинслендских городов, после Брисбэна. Он занимает прекрасное местоположение, среди богатой равнины, в виду лесистых холмов на берегу широкой реки, Фитцроя, по которой поднимаются большие корабли, и вблизи продуктивных рудников золота, серебра и меди. Подобно Брисбэну, Рокгэмптон построен в начальном пункте линии железной дороги, которая проникает далеко внутрь по направлению к центральным равнинам и которая разветвляется вправо и влево к горнопромышленным округам. Далее, на протяжении глубоко изрезанного побережья следуют: порт Маккей, откуда вывозят табак, сахар, кофе и другие тропические питательные продукты, Бовен или Порт-Денисон, доступ к которому менее опасен, чем к другим гаваням, защищаемым «Великим Баррьером», и Тоунсвилль, обязанный своим важным значением золотым рудникам в долине реки Бурдекин и её притоков. Равенсвуд и Чартерс-Тоуэр суть главные горнозаводские местечки: ценность ежегодно вывозимого из Чартерса металла достигает приблизительно шести миллионов франков.

На побережье Тихого океана последним портом, посещаемым большим числом кораблей, является порт Куктауна, города, основанного в 1873 году и быстро ставшего весьма деятельным; благодаря соседству золотых приисков на реке Пальмер, Куктаун—рынок и место снабжения съестными припасами английских и германских поселений Новой Гвинеи и меланезийских островов. Колония Сомерсет—которую основали на самой оконечности Йоркского полуострова, в надежде сделать из неё второй Сингапур[1]—не более, как бедная деревня, лежащая в нездоровой местности; но соседний остров Турдсдэ—постоянно посещаемая пристань, благодаря своему положению на пути судов, пересекающих пролив; кроме того, с 1877 года он сделался центром жемчужного промысла в Торресовых морях: более двухсот кораблей, с экипажем в 1.500 человек, употребляются для ловли в окрестных морских пространствах жемчуга, перламутра, голотурий и черепах. В 1884 году, таких судов в Турсдэ было 212, а улов дал 702 тонны перламутра, ценностью около 2.305.000 франков. На другом острове, расположенном в восточной части пролива, Эруб или Дарнлей-Айленд, находится центральная семинария протестантских миссионеров Лондонского общества.

На покатости залива Карпентария два поселения: Нормантаун и Бурктаун недавно были лишь небольшими торжками, на которые сходились из окрестностей пастухи; Бурктаун даже был почти совершенно покинут, по причине нездоровых болот в окрестностях. Открытие золотых россыпей в Кройдоне, на том же самом склоне, совершившееся в 1885 году, тотчас же привлекло в край тысячи спекуляторов и колонистов. Избранным для этого края портом является Пойнт-Паркер, защищенный со стороны открытого моря островами Бэнтинк и Морнингтон, Ценность золота из Кройдонских рудников достигала, в 1887 году, 3.108.000 франков. *Добыча золота на всех приисках Квинсленда со времени открытия золотых полей по 1893 год составляла 32.366.000 фунт, стерл. Обороты внешней торговли Квинсленда в 1895 г.: привоз—5.349.000, вывоз—8.983.000 фунт. стерлинг.*

Из Квинслендских городов более пяти тысяч жителей в 1886 году имели следующие: Брисбэн, с Южным Брисбэном (1896 г.)-101.000 ж.; Рокгэмптон (1891 г.)—12.000 ж.; Мериборо—9.291 ж.; Гимпи, с предместьем—11.867 ж.; Ипсвич, с предместьем—9.562 ж.; Таунсвилль (1891 г.)—7.860 ж.; Тувумба—6.270 ж.; Кройдон (1887 г)—5.000 ж.

Квинсленд не порвал ещё административных связей, соединяющих его с британским правительством. Губернатор (при котором состоит 7 министров) и законодательный совет, верхняя палата парламента,—назначаются королевой. Члены этого совета, в числе 38, назначаются пожизненно. Что касается законодательного собрания (72 члена), то оно выбирается всеобщим голосованием, и срок его полномочий—пятилетний; депутаты не получают никакого содержания. В финансовом 1895—96 году в бюджете Квинсленда значилось доходов—3.641.583, расходов—3.567.947, государственного долга—32.444.934 фунт. стерл. Воен-

1 Alex. Raffrav, „Journal of the R. Geographical Society“, 1868

ная сила в 1895—96 г. состояла из 111 челов. регулярного войска, 2.058 человек милиции, около,600 волонтеров. Двум канонеркам, 2 миноносцам и 3 пароходам (1896 г.) приходится защищать берега моря на протяжении 5.000 километров.

V. Новый Южный Валлис или Уэльс (New South Wales)

Эта колония, первая по времени на материке, так как она существует уже целое столетие, —носит имя, которое напоминает об её зависимости от Англии, и которому, кроме того, совершенно недостает благозвучия. Поэтому часто возникал вопрос о перемене оффициального наименования страны, при чём предлагали его заменить просто словом «Австралия», подобно тому, как Соединенные Штаты присвоивают себе одним название: «Америка». Однако, другие австралийские государства протестуют против этого притязания Нового Южного Валлиса о принятии им одним наименования всех, и прежнее название сохранилось. Было время, когда Новый Южный Валлис, действительно, был совокупностью европейских колоний в Австралии; но когда создалась Западная Австралия, а затем Виктория и Квинсленд приобрели независимое существование, отделив на юге и на севере обширные территории от колонии-матери, то, в отношении пространства, Новый Южный Валлис представлял уже только немного более десятой части материка,—пространство всё ещё громадное, в сравнении с его незначительной населенностью, так как оно в полтора раза более поверхности Франции: на юге, со стороны Виктории, граница, на тихо-океанской покатости, представляет прямую линию, проведенную через горы и долины, между юго-восточным мысом, называемым мысом Гоу и горою Пилот, находящеюся на главной горной цепи; но далее за общую границу взяли, во-первых, один верхний приток Муррея, а затем и самую эту реку, до 141° восточной долготы (от Гринвича). Восточную часть границы со стороны Квинсленда составляют: небольшая цепь гор, начинающаяся на мысе Данжер, а затем, на покатости Дарлинга, течения различных речек. Наконец, 29° южн. широты составляет фиктивную границу, проведенную по необъятной равнине.

Хотя, вследствие золотой горячки, двинувшей жадную толпу к колонии Виктории, она временно и стала значительнее, как в отношении населенности, так и по величине торговых оборотов, однако, потом первое место снова вернулось к Новому Южному Валлису. Правда, он менее богат золотом, но относительная ценность добычи этого металла теряется в общем хозяйстве страны, а именно Новый Валлис и доставляет в самом большом изобилии шерсть, продукт, который более всех остальных произведений содействовал обогащению Австралии. Эта же колония наиболее обнаруживает деятельности и в деле разработки каменноугольных копей, а равным образом и по другим менее важным отраслям промышленности. Кроме того, самое старшинство Нового Южного Валлиса, как британской колонии, помогает ему в приобретении главенства между австральазийскими государствами: ведь, это он, выделяя из себя новые рои колонистов, основал, в большей их части: Викторию, Квинсленд, Тасманию и Новую Зеландию. Таким образом именно в месте, указанном Куком на окружности континента, и находится истинный центр колониального мира Австральазии.

Место, выбранное в 1788 году для принятия первой пенитенциарной колонии на антиподах Великобритании, до сих пор ещё не имеет города Ботани-бэй, наименование которого долгое время прилагалось также и ко всем английским владениям в Австралии, имеет на своих берегах лишь купальные деревни, да рассеянные виллы, отныне принадлежащие к городскому округу Сиднея. Вход в порт обозначен: на юге—памятником Куку, открывшему эту бухту, в 1770 году; а на севере—памятником Лаперузу, который в 1788 году отправился из этого места роздыха в плавание, из которого ему уже не суждено было вернуться; имена Банкса и Соландера, оставленные двум, лежащим друг против друга, мысам, по обе стороны входного капала, тоже напоминают об ученых, содействовавших делу открытии Австралии. Если бухта, прославленная этими первыми исследователями, и покинута торговцами, то не вследствие того, чтобы она не доставляла судам глубоких вод и удовлетворительной защиты,

а вследствие нахождения непосредственно по соседству, на севере, целого сонма портов, называемых Порт-Джакссоном, не имеющего себе подобного в свете ни по пространству, ни по надежности и выгодам для судоходства; недостаточно глубок только входной узкий канал, находящийся между мысами или *heads*'ами. Поверхность якорной стоянки в порте составляет 23 квадр. километра, а окружность внутреннего побережья, с его бухтами и второстепенными бухточками, равняется 87 километрам.

Сидней, построенный на южных берегах этого великолепного порта,—самый древний город Австралии, так как столетие—это уже длинный период времени в истории европейцев в южном полушарии. Вначале простой пенитенциарий, затем главная из тюрем, разсеянных на соседней территории, Сидней в первые десятилетия был лишь убогой деревней, построенной в лесной прогалине, на оконечности мыса; ныне это большая столица, оспаривающая у Мельбурна первое место в океаническом мире. Его жители называют его Queen of the South, «Королевою Юга». Благодаря многочисленным извилинам в побережье и неровному рельефу окрестных местностей, у Сиднея нет того обычного однообразия, которое замечается у большинства австралийских и американских городов: это уже не шахматная доска, все квадраты которой имеют одни и те же размеры; у него есть улицы, которые змеятся по долинкам и по всходам на холмы; а маленькие бухты, рукава моря и скалы и утесы прерывают этот неправильный план и делят город на особые, непохожие друг на друга городки. В центре находится старый квартал, протягивающий, в форме растопыренной руки, свои возвышенные мысы на рейд; на юге перекрещиваются красивые аллеи Вуломолу; на севере же паровые паромы беспрерывно снуют между старинными кварталами, новым городом Норт Шор и купальнями в Манли, лежащим на двойном пляже, из которых один—на внутреннем море, а другой—на океане. Каждая улица представляет различные перспективы на холмы, рейд и его бухты, сады и леса. И немногие столицы так богаты, как Сидней, парками и лужайками; одно из пространств, оставленных под гульбище, Мур-парк, расположенное на юго-востоке города, имеет не менее 240 гектаров; другое, в центре самого города, господствует над величественною картиною, представляемою портами и проливами. Воду в Сидней проводят из озера Георга, находящагося на юго-западе, в Австралийских Альпах; однако, в годы засухи, случается, что этот озерной водоем оказывается совершенно лишенным воды.

Как торговый город, Сидней служит центром пароходных навигационных линий в Тихом океане и каботажного движения около берегов Австралии. В 1895 году в портах Нового Южного Валлиса движение судоходства выразилось следующими цифрами: общая вместимость пришедших судов—6.211.000; отшедших—5.860.000 тонн. Оборота внешней торговли Н. Ю. Валлиса в 1895 г.: привоз—15.992.000, вывоз—21.935.000 фунт. стерл.

Кроме того, порт Сиднея сам по себе столь обширен, что между многочисленными пристанями на его берегах развилось большое внутреннее движение, как по перевозке путешественников, так и по развозке съестных припасов и товаров; форты, возведенные на возвышенных мысах у входа, защищают рейд, которому, впрочем, никогда не угрожал никакой неприятель. Из двух городов, Мельбурна и Сиднея, оспаривающих друг у друга первое место на австралийском материке, Сидней, с своим удивительным портом, имеет ту выгоду, что занимает более центральное положение относительно всех австральазийских государств и находится ближе к землям, как Океании, так и Америки; он обращен к населенному миру, а не так, как Мельбурн, к покрытым льдами землям Антарктиды. Сиднею выпала почетная доля быть также городом науки и искусства; у него есть музеи, богатый Ново-южно-валлийский университет, ученые общества и обширный ботанический сад, содержимый с большою тщательностью. Зоологическая станция основана на соседней с городом бухте Миклуха-Маклаем.

Сидней соединен при посредстве железных дорог со всеми городами и значительными местечками, как колонии, так и соседних штатов, Квинсленда и Виктории. Параматта, самый близкий город, может считаться пригородом Сиднея, так как он расположен на западной оконечности той же самой бухты, в месте впадения соименной городу реки: окружаю-

щая Параматту сельская местность славится как плодовый сад Сиднея и обладает лучшими на всём континенте оранжереями.

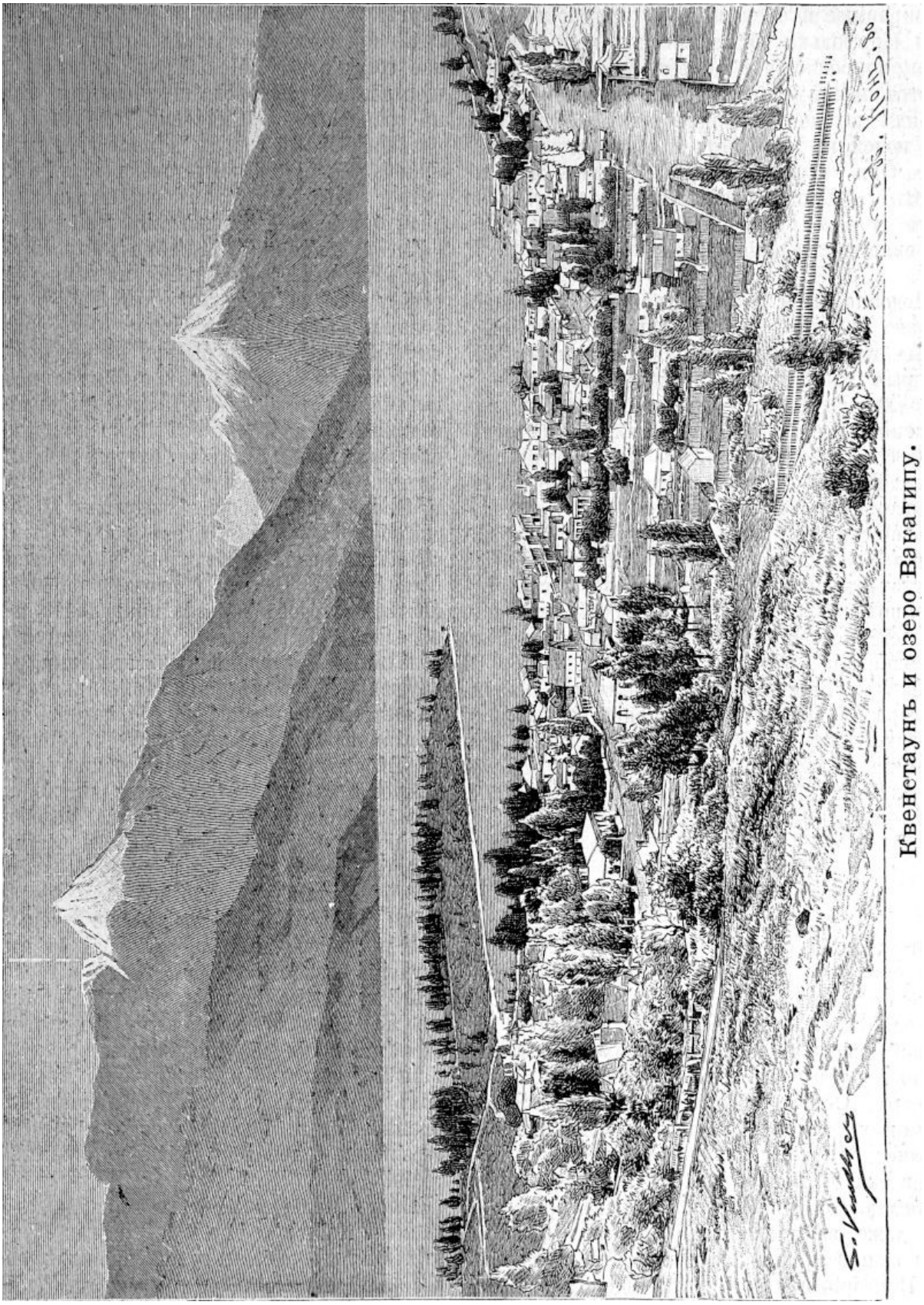
К северу от Порт-Джаксона, бассейн реки Гоксбюри не имеет городов в собственном смысле этого слова; но далее, река Гунтер протекает по такой области Нового Южного Валлиса, которая после земель, смежных с Сиднеем, населена всего более. Город Ньюкэстль, охраняющий вход в реку и расположенный на треугольной стрелке вдоль входного канала, —представляет второй город в этом штате; километрах в тридцати от него к северо-западу находится ещё один оживленный город, Майтленд, (Maitland), состоящий из двух рядом лежащих общин на берегах Гунтера, судоходного вплоть до этого места. Ньюкэстль, как равно и соседнее местечко, Вэлльсенд, обязан своим наименованием богатству разрабатываемых на берегах Гунтера каменноугольных копей, напоминающих мощностью своих слоев, а также и качеством горючего материала, каменноугольные залежи в Англии. Вывоз каменного угля, составляющий около двух третей всей производительности Австральазии в отношении горючего минерального вещества, ежегодно привлекает в Ньюкэстль более тысячи грузовых судов; так, в 1886 году из него было вывезено каменного угля 2.178.116 тонн, ценностью в 37.500.000 франков: при этом судов вошло и вышло из порта 2.688, с вместимостью в 2.194.645 тонн. По значительности своего товарообмена Ньюкэстль, этот создавшийся лишь вчера город, превзошел такие европейские города, как Нант и Кадикс. Рядом с горнопромышленными копями основались и разные мануфактуры.

Другие порты, следующие один за другим в направлении к северу, к Квинсленду, Порт-Стефенс, Порть Маккери, устье реки Кларанс—посещаются редко. В поясе береговой покатости, Графтон является единственным несколько значительным городом, благодаря окрестным возделываемым полям и рудникам золота, меди, сурьмы и в особенности олова. На противоположном склоне водораздельной горной цепи, в пастушеской области, называемой New England, т.е. Новою Англией, имеется несколько маленьких городков. Тамворт—главная промежуточная станция на железной дороге, соединяющей Сидней с Брисбэном. Батурст, на другом железном пути, направляющемся на северо-запад, от Сиднея к реке Дарлинг,—ещё более деятельный торговый центр. Будучи расположен на высоте 700 метров, в верхней долине Голубых гор, которая спускается на запад, к Дарлингу, чрез бассейн реки Маккери, Батурст имеет вид английского земледельческого города, окруженного полями, пастбищами и рощами. Далее, главный путь продолжается по пастбищам и хлебным полям через Оранж, Веллингтон, Дуббо, и заканчивается в городе Бурк, построенном на Дарлинге, в той местности, где начинается судоходство в период полноводия: эта река известна под именем Риверины или «Австралийской Месопотамии». Другие железные дороги, отделяющиеся от главного ствола между Сиднеем и Голубыми горами, пересекают притоки Муррея и самый Муррей, в городах, наилучше расположенных как центры культур, рудников, или же как судоходные пристани. Форбс на Лахлане, Гундагэй и Вага-Вага на Морумбиджи, Альбюри на Муррее—самые важные из этих новооснованных городов. Альбюри в особенности быстро развивается, как станция на половине пути между Сиднеем и Мельбурном: он окружен табачными плантациями и виноградниками, производящими славящееся вино. Мост пересекает Муррей перед Альбюри. На востоке, по ту сторону реки Дарлинг, находятся серебряные и свинцовые рудники в Сильвертоне, часто обозначаемые наименованием Вилькания, по имени города, расположенного на берегу реки.

К югу от Сиднея, порты Воллонгонг, Киама, Ноура или Шольгэвен ведут некоторую торговлю земледельческими произведениями и каменным углем; но промышленный и торговый центр этой части Нового Южного Валлиса находится внутри, в одной из долин гор: это Гульбурн, расположенный на высоте 649 метров, на верховом притоке р. Гоксбюри; его округ, вместе с некоторыми областями Новой Англии, наилучше обработан и самый производительный в Новом Южном Валлисе. Часть побережья между Сиднеем и Воллонгонгом, была в 1880 году отмежевана как долженствующая принадлежать коллективно гражданам Австралии. Это Порт-Хэкингский «национальный парк», площадью в 14.800 гектаров, с холма-

ми, лесами, судоходными реками и изобилующими рыбою бухтами.

Нижеследующие города Нового Южного Валлиса имеют более 5.000 жителей:



Квенстаунъ и озеро Вакатипу.

Сидней (1896 г.)—410.000 ж.; Брокен-Гилль (1896 г.)—19.000 ж.; Ньюкэстль (1896 г.)—15.000 ж.; Параматта (1887 г.)—12.000 ж.; Гульбурн (1881 г.)—8.000 ж.; Воллонгонг—8.000 ж.; Майтленд—7.300 ж.; Батурст (1896 г.)—9.000 ж.

Острова Лорда Гоу и Норфольк, с принадлежащими к ним островками, в административном отношении соединены с Новым Южным Валлисом, хотя по форме подводного рельефа их, в географическом отношении, следует отнести к Новой Зеландии, а хотя флора и фауна их составляют независимые мирки. На главном острове, высотой в 863 метра, поселилось, в 1840 году, несколько семейств, которые поддерживают своё существование, доставляя съестные припасы проходящим судам; однако, положение этих колонистов вовсе не цветущее, если судить по тому выселению, которое наблюдается в их среде и вследствие которого численность жителей с трехсот снизошла до сорока. Остров Норфольк, будучи в пять раз больше, относительно и более населен. Когда, в 1774 г., его открыл Кук, он был пустынен; английское правительство основало там пенитенциарную колонию для наиболее опасных преступников, с которыми в первые годы обращались с ужасающею суровостью: несчастных расстреливали даже в церкви[1]. Позже, на Норфольке производили многочисленные, более или менее удачные опыты «исправления преступников»; но в 1842 году пенитенциарное заведение было покинуто, а остров снова оставался без жителей до 1856 года, когда островитяне с Питкэрна—потомки возмутившихся английских матросов, переженившихся впоследствии на полинезийских женщинах,—испытывая тесноту на своей родине, обратились к правительству с просьбою о дозволении переселиться на Норфольк, которое и было им дано. В числе нескольких сотен (738, по переписи 1891 г.), эти туземцы управляются сами собою, под председательством избираемого судьи, но в действительности находясь под руководством английских миссионеров, основавших школу приблизительно для двухсот молодых людей, привезенных из Меланезии. Изолированные, надзираемые и опекаемые до крайности, жители Норфолька обнаруживают мало инициативы; попрошайки и лицемеры, они не занимаются никаким промыслом, да и земледелие у них далеко не процветает; вся площадь их полей не достигает и пятидесяти гектаров. Они скучают, забывают даже жениться. В 1884 году, число супругов составляло всего только одну пятую долю взрослых островного населения[2].

Подобно своей дочери, Квинсленду, колония Нового Южного Валлиса зависит от «Короны» в отношении назначения губернатора, который назначается королевой на 5 лет, и при котором состоит министерство из 9 членов. Верхняя палата, или законодательный совет, состоит из неограниченного числа членов, назначаемых пожизненно губернатором; нижняя палата, или законодательное собрание, избирается путем всеобщего голосования, на три года, при чём число депутатов (ныне 125) увеличивается соответственно возростанию, при каждой переписи, населения. Военные силы, регулярное войско и волонтеры, состояли в 1896 г. из 6.819 человек. Бюджет Нового Южного Валлиса гораздо выше, по отношению к каждому жителю, чем бюджет Великобритании или Франции. Так, в 1895—96 году доходы составляли 9.251.845, расходы—9.886.277, долг—62.263.473 фунт. стерл.

VI. Виктория

Эта колония, самая малая на австралийском материке, есть самая населенная, относительно величины пространству, что, впрочем, не позволяет ей сравниваться с странами Западной Европы, так как число её жителей составляет всего только 5 на квадратный километр. Общею же численностью своего населении она уступает только Новому Южному Валлису, от которого в политическом отношения она отделилась в 1851 году; в период наибольшего процветания золотых приисков она даже занимала первое место. К этой специальной причине приманки, золоту, колония Виктория присоединяет ещё одну первостепенную выгоду для английских иммигрантов: климат менее жаркий, чем климаты других австралий-

1 Walter Coote, „Ocean Pacifique occidental“.

2 De Hubner, „A travers l’Empire britannique“;—Wilkinson, „Papers relating to H. M’s Possesionos“, 1883, 1881, 1885.

ских штатов и по своим колебаниям, более схожий с климатом Великобритании. Вот почему эту область и называли Australia Felix, пока австралийские рудокопы, желая польстить своей королеве, не написали ещё раз имя Виктории на мировой карте.

Ко времени обособления колонии в отдельное государство, Мельбурн, её столица, существовал уже около шестнадцати лет; но в сравнении с Сиднеем, это был лишь незначительный город, и переселенцы устремились толпою к нему только после открытия золота. Ныне это один из больших городов британской колониальной империи, *Magnificent Melbourne*. Подобно Риму, про него говорят, что он выстроен на семи холмах; есть у него также и скромный Тибр с желтоватыми водами, Ярра-Ярра; хотя основанный внутри земель, он быстро разросся до того, что достиг моря, и ныне окаймляет берег своими набережными и монументальными фасадами. Его многочисленные предместья—из которых каждое имеет ратушу и муниципалитет,—простираются далеко по всем направлениям. В общем, кварталы Мельбурна заключают в себе около 450.000 жителей, составляющих почти треть народонаселения всего штата. Будучи, благодаря ровной местности, построен гораздо правильнее и однообразнее, чем Сидней, он гордится также обладанием великолепными зданиями, для сооружения которых не жалеет никаких расходов, таковы: дворец губернатора, дворец парламента, университет, музеи, церкви, банки. Библиотеки его уже соперничают по своей важности с второстепенными книгохранилищами Европы, а обсерватория, возведенная к востоку от города, посреди обширных садов, снабжена самыми дорогостоющими инструментами, приготовленными первоклассными мастерами. Мельбурнские ученые уже внесли добрую долю своих трудов в дело изучения южного неба, а также и геологического исследования своей страны. В Мельбурне же была проектирована и приготовлена экспедиция для обследования антарктических морей, привести в исполнение которую до сих пор мешали колебания центрального правительства. Географическое общество Австральазии основалось также в столице Виктории.

Порт Мельбурна—более специально называемый Hobson's Bay и открытый Мурреем в 1802 году—полон судов на якоре, посреди которых пароходы сотнями снуют от одного берега рейда к другому. Большие пакетботы останавливаются в 12-ти километрах от собственно города, около набережной Сендридж или Порт-Мельбурн и в доках Виллиамстауна, расположенных на оконечности длинной косы, которая тянется впереди бухты. В 1895 г. в Мельбурне и в других портах Виктории общая вместимость пришедших судов равнялась 3.837.000, отшедших судов—4.349.000 тонн; внешняя торговля Виктории, морская и сухопутная, в 1895 г., по ценности товаров: привоз—12.472.000, вывоз 14.548.000 фунт. стерл. К торговому организму столицы можно бы причислять также и города, лежащие на берегах того обширного, треугольного по форме, залива, Порт-Филиппа, в вершине которого и находится порт Мельбурн. Город Гелонг, расположенные в юго-западном углу этого внутреннего моря, есть один из этих спутников столицы, в особенности как город складов и заводов, кожевень, прядилень и фабрик консервов; его основатели надеялись, что, находясь ближе к морю, он скоро опередит в торговом отношении и Мельбурн. Квинсклиф на западном, крутом, берегу, господствующем над проливом Рип, при бурливом входе в Порт-Филлип, также составляет дополнение Мельбурна, его сторожевой пост и главную крепость в виду открытого моря; к востоку, от узкого канала, соединяющего гавань с морем, на стрелке Непэн находятся карантинные здания. Маленькие купальные городки, выстроенные на пляжах залива и поморья, тоже обязаны своим процветанием посетителям из соседнего города. Наконец, двенадцать железных дорог, расходящихся в виде лучей от Мельбурна, соединяют этот город с бесчисленными виллами и дачными поселениями. В тридцати одном километре к востоку находится искусственное озеро Ян-Еян, имеющее приблизительно гектаров 560 и образуемое речкою Пленти, притоком Ярра-Ярра: для водоснабжения города, оно вмещает 288 миллионов гектолитров воды, т.е. такое количество, которое достаточно для целого года, считая по 200 литров в день на жителя.

К востоку от Мельбурна, в гористой части территории, народонаселение незначительно и

поселения редки: самые важные местечки—Саль, в приморской земледельческой области, называемой Gippsland, и Бечворт, находящийся в центре весьма продуктивного золотоносного округа, в соседстве истоков Муррея. Вне Мельбурна, наиболее населенною частью страны является та область, которая занимает оба склона водораздельной горной цепи на пространстве от 100 до 150 километров к северо-западу от столицы: там-то и были открыты золотые россыпи в 1851 году. Там же находится и Балларат, второй город в Виктории, построенный на почве, «каждая крошка которой прошла сквозь решето рудокопа», и сумевший с тех пор, подобно Мельбурну, окружить себя виллами, рощами, садами, возделанными полями, и по соседству создать искусственное озеро. Кроме того, по стране рассеяны и другие цветущие города: Смитстдаль, Кресвик, Клюнес, Дайлесфорд, Кайнтон, Кэстльмен, затем, богатый Сандгурст, или Бендиго, соперник Балларата, и гордый Игльгаук, показываются на северной оконечности небольшой цепи гор, при входе на равнины, по которым протекают Бендиго и Кампасп, притоки Муррея. Три железные дороги разветвляются в Сандгурсте. Одна из них пересекает Муррей по мосту в 580 метров, проходящему перед Эчукой, главным навигационным постом на реке, расположенным на полуострове при впадении в неё Кампаспа. Путь этот продолжается на север, в Новый Южный Валлис, до быстро растущего города Дениликина.

Западная часть Виктории, не будучи столь же слабо населенной, как Gippsland, имеет, однако, только редко разбросанные местечки. Варнамбуль, Бельфаст, Портленд—небольшие приморские порты; но, вероятно, последний приобретет довольно важное торговое значение, когда будет окончен волноразбиватель, долженствующий защищать рейд от зыби и юго-восточных ветров. Внутри страны, самые населенные местечки—Арарат и Стауэлль; и то, и другое основаны рудокопами. В Стауэлле и в Сандгурсте разрабатываются самые глубокие золотые рудники в Виктории: один из них, в Сандгурсте, имел, в 1888 году, 730 метров глубины.

Главные города Виктории: Мельбурн (1896 г.)—451.000 жит., Балларат (1896 г.)—46.000 жит.; Сандгурст (Бендиго) (1896 г.)—42.000 жит.; Гелонг (1896 г.)—24.000 жит.; Игльгаук—8.000 жит.; Кэстльмен—6.000 жит.; Варнамбуль—5.500 жит.; Стауэлль—5.000 жит.; Эчука—4.500 жит.; Клюнес—4.200 жит.

Из австралийских колоний Виктория менее всего зависит от центрального правительства, которое только и имеет своего представителя, что в лице губернатора, назначаемого королевой на 7 лет. Законодательный совет, или «верхняя палата», избирается тайною баллотировкою, в которой участвуют избиратели, обладающие известным цензом; при этом каждая из четырнадцати провинций выбирает троих из таких уполномоченных на шесть лет, с обновлением через два года. «Нижнюю палату», или законодательное собрание, избирают всеобщею подачею голосов, состоит же она из 95 членов, получающих в год по 7.500 франков содержания; что касается членов совета, то, будучи избираемы из собственников, они не получают никакого вознаграждения. Бюджет Виктории в финансовом 1895—96 году был следующий: доходов—6.461.142, расходов—6.823.647, государственного долга—47.636.211 фунт. стерл.

Сухопутное войско состояло в 1895—96 г. из 4.900 человек; флот: 1 броненосец, 2 канонерки, 2 канонерки-шлюпки, 7 миноносок и 1 фрегат, с 83 орудиями и 5.388 чел. экипажа.

VII Тасмания

Будучи самой малой из австральазийских колоний по пространству своей территории, остров Тасмания, прежде называвшийся Ван-Дименовой Землей, однако, более населен, чем Западная Австралия, с её громадною и отчасти неисследованною поверхностью; относительно занимаемой площади, он даже более населен, чем все остальные австралийские колонии, за исключением Виктории. С 1804 года он получал колонистов невольных, так как это были

ссыльные из английских тюрьм, и вплоть до 1853 года, предшествовавшего вступлению Тасмании в концерт австральазийских наций, центральное правительство ссылало туда преступников. Отделенная от политической территории Нового Южного Валлиса, Тасмания получила большую часть своих свободных переселенцев из этой колонии. Когда были открыты месторождения золота, тасманийцы также ринулись к Эльдорадо, и процветание острова уменьшилось в пользу соседнего материка. Впоследствии оно стало снова подниматься, и народонаселение теперь правильно возростает. Тасмания представляет англичанам климат австрального полушария, наиболее походящий на климат их отечества, и в знойное австралийское лето, многочисленные временные посетители из Виктории и Нового Южного Валлиса наслаждаются на берегах Тасмании освежающими морскими бризами. Подобно всем австральазийским колониям, Тасмания вывозит в особенности шерсть; она обладает также месторождениями минералов: олова, серебра и золота; одно из её богатств состоит из превосходных плодов, при чём плодовые сады производят их в таком преизбытке, что наибольшая часть их сгнивает, свалившись на землю. «Тасмании, говорит Троллоп, следовало бы заготовлять консервы из плодов на весь остальной мир»

На острове только и есть, что два города, выстроенные на двух оконечностях низменности, соединяющей два самые длинные и самые извилистые фиорда, на севере и на юге. Великолепная шоссейная дорога, проложенная ссыльными, а также и железная дорога соединяют эти два города. Из них северный, Лаунсестаун (17.000 ж. в 1891 г.), более значительный, чем тот город английского Корнвалиса, от которого он заимствовал имя,—является главным торговым пунктом; с своим передовым портом, Джорджтауном, расположенным при входе в фиорд, он ведет почти всю торговлю между Тасманией и Мельбурном, от которого он отделен только расстоянием в один день пути на пароходе. Южный город, Гобарт-таун (38.000 жителей в 1891 г.), обыкновенно называемый в сокращенной форме Гобартом, имеет, подобно Лаунсестауну, порт, доступный для судов средней вместимости, а также обладает и аван-портом, в котором становятся на якорь самые большие суда. Будучи столицею острова, он обладает самыми красивыми зданиями, и в нём же находятся и главные учреждения Тасмании; его великолепный парк занимает площадь в 400 гектаров, и с его высот открывается вид на почти единственную в Австралии картину, какую представляет на западе гора Веллингтон, часто покрытая снегом, другие горы и лесистые холмы, мысы с их полукружием из бурунов, змеящиеся проливы и залив «Бурь» или Storm Bay, сливающийся вдали с австральным морем. На восточной стороне залива, полуостров, называемый Tasman-peninsula, соединяется с твердою землею только посредством узкой скалистой ножки, и выделяет из себя несколько меньших полуостровов. Одна из этих природных крепостей, Порт-Артур, была избрана для сооружения тюрьмы для самых опасных ссыльных: пятнадцать цепных собак на скалистом перешейке пособляли часовым стеречь заключенных. На южной оконечности полуострова, которую должны огибать все суда для входа в Бурную бухту и в Гобартовский лиман, возвышаются базальтовые скалы мыса Рауля, представляя из себя разной величины черные призмы, окруженные пеною волн. Маленький бухта, называемая Oyster cove, около которое перемерли последние тасманийские туземцы, недавно приспособлена для разведения устриц, по французской системе.

Западные области Тасмании, занятые суровыми горами, почти необитаемы и даже непригодны для заселения на наибольшей части их поверхности. На скалах, голых или покрытых низким кустарником, ветви которого до такой степени переплетаются, что проложить себе путь можно только топором, нет травы для скота, а высоты в течение восьми месяцев в году покрыты снегом; человек мог бы поселиться только при устьях некоторых долин, в местностях, где дует почти постоянно бурный и влажный ветер. В этой негостеприимной области и находятся разрабатываемые месторождения золота, олова, висмута и сурьмы. В 1885 году в Тасмании было добыто олова на 8.939.675 франк., а золота на 37.500.000 франк.; добыча золота в 1895 г.: 54.964 унции.

По политическому устройству Тасмания отличается от Виктории только иною численно-

стью членов в обоих законодательных собраниях.

В 1897 г. в бюджете Тасмании значилось доходов—21.625.000, расходов—20.000.000, а государственного долга—198.750.000 франк.

Глава IX Новая Зеландия и соседние архипелаги

Маорийский архипелаг, выдвинувшийся к югу, к антарктическим морям, сохранил наименование, данное ему открывшим его голландцем: хотя наиболее английская из всех английских колоний и часто называемая «Великобританией антиподов», земля эта всё ещё напоминает своим названием о великом мореплавателе Абеле Тасмане, который первый увидел её берега (западные), в 1642 году. Вначале Тасман назвал её «Землею Штатов» (Staatenland), предполагая, что, быть-может, она соединяется с другой землей Штатов, лежащей на юге Америки. После кровопролитной стычки с туземцами в бухте «Избиения», лежащей на северо-западной стороне южного острова, Тасман продолжал своё плавание по направлению к северу вплоть до крайнего мыса Новой Зеландии, но не мог, однако, констатировать островной характер открытых им земель. Прошло сто двадцать семь лет, прежде, чем другой мореплаватель, Джемс Кук, увидел Ново-Зеландские побережья. Он пристал, на восточном берегу северного острова в небольшой бухте, которую назвал Poverty-bay (бухта Бедности),—наименование, ныне опровергаемое превосходными стадами, пасущимися по окрестным лугам; затем Кук проплыл вдоль поморья по направлению к югу и, совершив плавание вокруг всего архипелага, доказал этим самым непринадлежность этих земель к австральному материку, берега которого он надеялся встретить. В два другие свои разведывательные путешествия, Кук опять посетил Новую Зеландию: в общем он посвятил не менее 327 дней для изучения этого архипелага, и составленная им карта, даже в подробностях, поражает своею удивительною точностью. После его разведок, оставалось лишь точнее определить побережье, да проникнуть внутрь островов. В тот же самый год, как эти острова были вновь открыты Куком, французский исследователь Сюрвилль пристал к северному острову, а три года спустя, Марион и Крозэ обследовали также и берега его, при чём один из этих путешественников, Марион, нашел там смерть, будучи, вместе с четырнадцатью своими сотоварищами, изрублен туземцами. С того же времени стали посещать Ново-зеландские морские пространства также и китоловы, хотя постоянных поселений на берегу они не заводили.

Первая попытка колонизации ново-зеландского архипелага совершилась чрез посредство переселенцев из Австралии: станция миссионеров сгруппировала свои хижины в Пахии, на берегах бухты Островов (*bay of Islands*), около северной оконечности большого северного острова; вскоре другая деревня, из рыбаков и торговцев, основалась против станции, в Кororарике, и населилась белыми и метисами. Для надзора за европейцами, английское правительство назначило там постоянно пребывающее должностное лицо, власть которого, однако, не распространялась на туземцев, не считавшихся главенствующею нациею. Колонизация в собственном смысле этого слова, сопровождавшаяся оффициальным завладением почвою, началась лишь с 1840 года, основанием Ново-зеландской компании, которая скупила у туземцев земли и выбрала в бухточке на южном берегу северного острова место для порта Никольсона, долженствовавшего служить главным пунктом, как для владений этой компании, так и для начала заселения архипелага. В том же году, французский корабль, принадлежащий нанто-бордоской компании, пристал к берегу бухты Акароа, на оконечности гористого полуострова Банкса, находящагося на южном острове. Но как только французы отплыли, английские чиновники появились в посещенной французскими моряками местности и скупили соседния с нею земли. Вследствие этого, французские колонисты были вынуждены поселиться в своем имении в двенадцать тысяч гектаров уже в качестве подданных Великобритании. Постепенно эта маленькая французская колония растворилась в окружающем её ан-

глийском мире.

Эта попытка совершенного от имени Франции колониального присоединения ускорила действия как английского правительства, так и поземельных товариществ, которые, даже не выжидая оффициального подтверждения, бросились основывать деревни на многочисленных пунктах поморья и высаживать там сотнями семейства переселенцев. В 1841 году, Новая Зеландия, перестав считаться политическим дополнением Нового Южного Валлиса, стала именоваться отдельною колониею, а двенадцать лет спустя, когда население дошло тысяч до тридцати, она заняла место в ряду конституционных государств английской колониальной империи. Вскоре после того было найдено золото, и разработка рудников этого металла обогатила Новую Зеландию: золотоискатели устремились туда толпами, вследствие чего край быстро населился. Пространство Новой Зеландии, с принадлежащими к ней островами, 270.935 квадр. километров, а население, по переписи в конце 1897 г., вместе с маорисами (39.854), составляло 777.310 человек. Таким образом, этот архипелаг австрального Тихого океана составляет ныне одну из главных австральазийских колоний, одну из наиболее населенных сравнительно с своею поверхностью.

Понятно, что оба большие острова архипелага обыкновенно обозначаются коллективным именем «Новая Зеландия», так как обе эти земли, хотя и разделены проливом Кука, тем не менее, в действительности, образуют единую землю, как по ориентированию и общему облику, так и по тому цоколю, на котором они возвышаются. Северный остров, «Австральная Франция» Мариона, менее обширен; иногда его обозначают маорийским наименованием Ика-на-Мауи, «Рыба Мауи», в воспоминание одной героической легенды; также этот остров называют и Aotea-roa, т.е. «Великое пространство»,—«Блистающее Солнце», по Кери Никольсу.—Южный остров, более значительный, носит туземное наименование Тевахи-Панаму, которое, вероятно, значит «Страна нефрита»[1]. Пролив Фово отделяет от этого острова землю меньших размеров, но крутую и поднимающуюся на высоту девятисот метров, Стьюарт-айленд, которая некогда называлась также «Южным островом»[2]. На языке маорисов это Raki-rua, или «Безплодная земля». Наконец, на юге архипелаг оканчивается уединенным пиком Снарес, который окружен несколькими скалистыми островками, указанными впервые, в 1791 году, Ванкувером. Ветстейн и другие географы констатировали, что в целом Новая Зеландия очень походит по своему внешнему очертанию на итальянский полуостров, но только в обратном виде: его северо-западная оконечность соответствует Калабрийскому полуострову, а оконечность северо-восточная напоминает Отрантский «каблук». Однако, в рельефе этих двух антиподных земель аналогии не замечается.

Корпус Новой Зеландии ориентирован в направлении с юго-запада на северо-восток, и подводное исследование Тихого океана показало, что в этой части моря другие земли расположены соответственно той же ориентировочной оси. На юге, различные, открытые в начале текущего столетия, острова, небольшой Ауклендский архипелаг, вулканические острова Кемпбэль и Маккари, Эмеральд и окружающие их островки—равным образом протягивают свои цоколи и свои возвышенности в направлении с юго-запада на северо-восток. К северу от Новой Зеландии, цепь выступающих из-под воды земель продолжается, слегка изгибаясь, островами Кермадек и архипелагом Тонга; наконец, на востоке, острова Чатам, группа из четырнадцати островов Боунти и группа так называемых островков Антиподов имеют расположение, параллельное оси Новой Зеландии. Эти островки Антиподы, вернее названные открывшим их, в 1800 году, Ватерхузом Пенантиподами, ныне не вполне уже заслуживают свое наименование; также как и австральный материк, некогда называвшийся Anti-Chtonie, или «Противо-Землею», они не приходятся на окружности планеты как-раз против Гринвичской обсерватории, которой, именно, английский исследователь и противополагал их. Положение их (49°42’ юж. ш. и 178°43’ вост. д. от Гринвича) как-раз соответствует положению мыса Барфлера на противоположной стороне земного шара, в 200 километрах к юго-

1 A. P. Lesson, „Les Polynesiens, leur origine, leurs migrations et leur langage“.

2 A. S. Thomson, „New-Zealand“.

западу от астрономического центра английских мореходов. Острова Антиподов представляют собою неприступные гранитные скалы, изрытые пещерами и аркадами, в которые волны и проникают с шумом и ревом. Самый высокий пик большого острова, гора Гальвай, возвышается на 400 метров[1].

На западе, земли Новой Зеландии продолжаются под водой возвышенными порогами, направляющимися на северо-запад: один из них, оканчивающийся пирамидальными островами Гоу, останавливается мористее австралийского залива Мортов-Бай; другой, составляющий продолжение северо-западного полуострова Новой Зеландии, приподнимается, чтобы образовать остров Норфольк, затем примыкает к рифам Честерфильд, на западе Новой Каледонии, далее соединяется с тем пьедесталом, на котором покоится «Великий Барьер». Эти сравнительно неособенно глубокие части океана, на протяжении которых лот касается морского дна менее, чем в 1.800 метрах от поверхности, указывают, по мнению некоторых геологов, на местонахождения тех древних земель, которые соединяли Новую Зеландию с Австралией, образуя большой материк, уравновешивавший материки Африки и Южной Америки. Высокие ново-зеландские горы были, по этой гипотезе, восточной краевой цепью этого континентального массива[2]; однако, они не возвышаются, на-подобие большей части других береговых хребтов, над самыми глубокими океаническими пропастями: море гораздо глубже на восток от австралийских Альп, чем у подножия Альп ново-зеландских.

Альпийская цепь, которая делает южный остров Новой Зеландии схожим с гористыми областями Скандинавии, начинается в море вулканическою группою Снарес, вокруг которой кружатся птицы, и Стьюарт-Айлендом, отрывком гористого плоскогория, аналогичного с другими массивами большой земли, гранитами и осадочными породами древней формации. В целом становой хребет Южного острова следует по западному берегу; западный склон весьма крут, и во многих местах спускается, со стороны моря, почти отвесными стенами. Восточный склон, напротив, сравнительно мало наклонен, но его скат прерывается небольшими цепями, параллельными главному хребту и по преимуществу состоящими из тех обломков, которые давними моренами выдвинуты вперед долин. В южной части, остов острова не имеет вида горной цепи: это скорее плоскогорие, возвышающееся на 1.000—1.200 метров и усеянное пирамидальными горами в несколько сот метров высоты. Но плоскогорие это мало-по-малу съуживается и, около Мильфорд-зунда, сводится к кряжу, над которым господствует гора, имеющая форму башни и называющаяся Castlemountain, т.е. Замковою горою» (2.146 метров). Далее, горная цепь вздымается ещё выше, и снежные пики следуют один за другим вплоть до гор Эрнслау (в 2.793 метра) и Аспиринг (3.023 метра), на которые можно смотреть, как на южные пограничные столбы собственно так называемых новозеландских Альп. Однако, эта цепь вдруг прерывается клюзой, подобных которой не встречается в других больших горных системах; поднимаясь по ущелью, на дне которого бежит быстрый ручей, достигаешь порога, состоящего из обломков, высотой около 5 метров; перейдя эту запруду, очутишься в узкой равнине, откуда можно спуститься на западный склон, в бассейн реки Гаст. Этот проход, лежащий на высоте всего только 491 метра, назван по имени геолога Гаста, лучше всех изучившего ново-зеландские горы.

К северу от этой поперечной расселины, горы поднимаются ещё выше, и именно в этой части острова, приблизительно около средины раздельного хребта, стоит исполин Новой Зеландии, гора Кук, на языке маорисов называемая Аравайжи, т.е. «Прободающая Небо»; она достигает 3.768 метров в высоту, и белый обелиск её гребня превышает все остальные вершины, обозначаемые по большей части по имени прославленных ученых: Гохштеттера, Ляйэля, Дарвина, Эли-де-Бомона, Мальт-Брэна. Далее, Альпы держатся на высоте более 2.500 метров и тянутся, без глубоких выемок, на пространстве около двухсот километров, вплоть до прохода Гарпер, находящагося между обоими склонами на высоте 1.007 метров: здесь и оканчивается собственно альпийская цепь; но несколько больших массивов ещё расположе-

1 „Report of the Marine Departement, New-Zealand“, 1386.

2 Ed. Suess, „Das Antlitz der Erde“.

ны на оси горной цепи, между прочим, гора Франклин, имеющая приблизительно три тысячи метров; далее, отроги разветвляются во всех направлениях, а самая высокая ветвь продолжает тянуться вдоль западного берега. На этой оконечности гористой выпуклости последним большим пиком является гора Артур, достигающая высоты в 1.768 метров. Одна из её отраслей изгибается около бухты Избиения в виде амфитеатра, продолжаясь вплоть до мыса Фаруэль, т.е. «Прощай», составляющего северо-западную оконечность острова. В горах южного полуострова маорисы находили нефрит, служивший им материалом для выделки украшений и для изготовления оружия, столь высоко ценимого начальниками.

Альпы Новой Зеландии значительно превышают нижнюю границу постоянных снегов, колеблющуюся, в среднем, между 2.400 и 2.450 метрами. Фирны простираются на тысячи квадратных километров вокруг горы Кук, и с этих-то белых обширных поверхностей, над которыми господствуют блистающие пирамиды, и сползают по обоим склонам гор ледники. На восточной стороне спускаются великолепные ледяные реки, между прочим, Тасман, над которым с востока господствует уединенная пирамида Мальт-Брэн, своею формою несколько напоминающая европейскую гору Мон-Сервен[1]. По своим размерам Тасман может быть сравнен с самыми обширными ледниками Альп: он имеет 19 километров в длину и приблизительно 3 километра в ширину около своей нижней оконечности, находящейся на высоте 765 метров над уровнем моря, но большая часть этого ледяного потока скрыта под грудами мелких каменьев и грязи. На западном склоне, ледники, питаемые более изобильным снегом, который приносят влажные западные ветры, спускаются ниже: так, ледник горы Кук останавливается лишь на высоте 240 метров[2]; но долины там слишком коротки, чтобы ледяные реки могли достигнуть того же развития, как и на противоположном склоне. Впрочем, на востоке, как и на западе, ледники прежде были гораздо обширнее; морены и озера свидетельствуют об их прежнем распространении. По мнению Грина, ледники Новой Зеландии находятся ещё и поныне в периоде возростания.

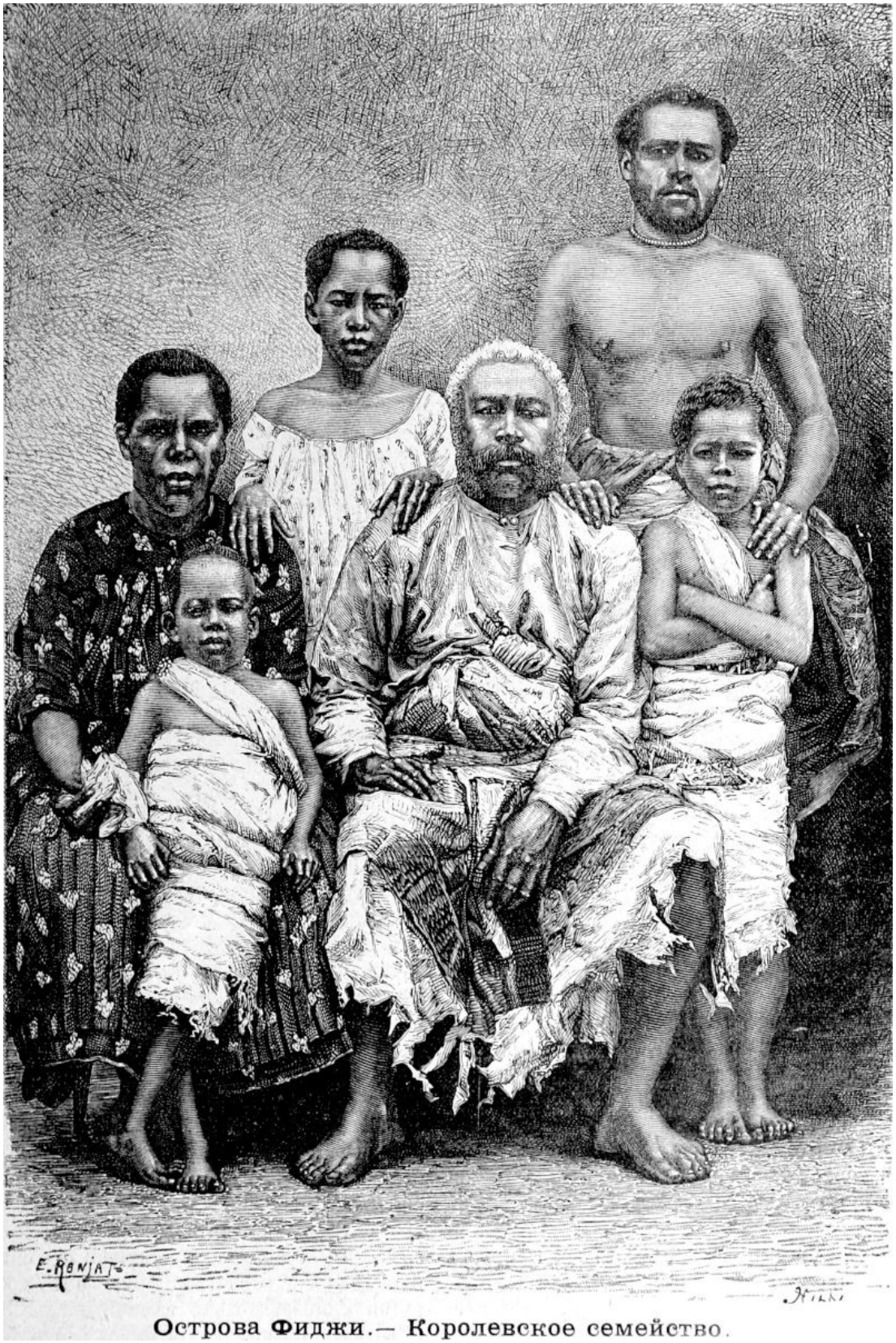
Пребывая своими горами ещё в ледяной эпохе, Новая Зеландия, и в особенности Южный остров, принадлежит уже к озерному периоду своими равнинами. Ложа исчезнувших ледяных рек отчасти заполнены озерами, которые снизу подпираются бывшими фронтальными моренами, и которые сверху мало-по-малу заполняются осадками, приносимыми горными ручьями. Не считая многочисленных прудов площадью менее двух квадратных километров, южный остров, или Тевахи-Пунаму, имеет не менее шестидесяти озер, многие из которых расстилаются на пространстве более ста квадратн. километров и выполняют водоемы более чем в сто метров глубины. Почти все эти большие резервуары находятся в южной части острова и на восточном склоне гор. Со стороны западного берега Ново-Зеландские Альпы имеют слишком крутой скат, чтобы воды могли скопляться там в значительные бассейны. Но обращенный к востоку склон, а также исполосованные моренами равнины, прерывающие его до самого моря, представляют многочисленные неровности, в которых озерные воды и могли заменить скопление льда: большая часть этих озерных резервуаров образовалась в срединной области, между горою и равниною; прямая линия, проведенная чрез главные озера, с северо-востока на юго-запад, на протяжении 350 километров, оказалась бы параллельною горной цепи Ново-зеландских Альп и слилась бы с самой осью Южного острова.

Озера, составляющие северную группу, на востоке самого высокого массива Альп, повидимому, суть не что иное, как остаток лабиринта внутренних вод, занимавшего обширные равнины Макензи, разрезанные на бесчисленные второстепенные водоемы моренами, грудами эрратических глыб, запрудами и слоями отложившихся осадков. Эти озера, Те-Капо, Пукаки, Огау, бывшие прежде гораздо более глубокими, быстро заносятся, как уже занесены озера, чрез которые, несколько севернее, протекала река Ваймакарири, и предвидят день, когда река Вайтаки—ныне выходящая в виде кристально прозрачной из бассейнов, где очи-

1 Green. „The high Alps of New-Sealand“.

2 Cox, „Report on the Western district“.

щается глетчерная вода—будет получать лишь мутную волну. Хотя всё её течение не превышает и двухсот километров, тем не менее это всё-таки большая река, а один автор выражается о ней, как «о реке, в пять раз более изобильной водою, чем Темза»[1], хотя и не приводит



Острова Фиджи.— Королевское семейство.

цифр в подтверждение своего мнения. Южнее, Клюта, получающая излишек воды из центральной группы озер, гораздо значительнее, и тот же автор сравнивает её с Нилом: по длине течения, как и по объему своей жидкой массы, это первая из новозеландских рек. Также

1 W. N. Blair, „Scottish Geographical Magazine“, Now. 1887.

и её бассейн—поверхность которого, по Блеру, равняется 21.365 квадр. километрам—лучше известен, благодаря золотоносным рудам, которые с 1862 года привлекли в область источников этой реки тысячи золотоискателей. Одно из озер этого склона, Вакатипу, имеет в длину не менее 80 километров, хотя его ширина колеблется лишь между 2 и 5 километрами; по виду это излучистая река, без заметного, однако, для глаза течения, и её глубина, беспримерная для текучих вод, превышает в самом глубоком месте 425 метров: в среднем же, толща воды равняется 365 метрам; с обеих сторон, склоны прибрежных гор погружаются в озеро крутыми обрывами.

Самое обширное из всех новозеландских озер, Те-Анау находится вне бассейна Клюты, при начале одной реки, изливающейся на южный берег: оно выполняет длинную долину, и все её приточные долинки на пространстве 340 кв. километров; в самом глубоком месте лот намерял 286 метров. Перешеек, длиной в несколько километров, отделяет Те-Анау от другого большого озера, Манапури, относительно которого полагают, что оно тоже весьма глубоко, и которое разветвляется на многочисленные бухточки, омывающие острова и отвесные мысы. Маорисы, бродившие в этих, ещё и ныне почти пустынных странах, лишь со страхом отваживались подходить к этому озеру с темными водами, отражающими мрачные лесистые горы. Наименование Манапури, т.е. «Опечаленного сердца», быть-может, свидетельствует о том чувстве, которое внушал им бог, сокрытый в этом безмолвном озере.

Если на восточном склоне южного нагорья Ново-зеландских Альп имеются озера, то на западном его склоне существуют фиорды. С обеих сторон формация сходна: долины на обоих боках соответствуют горам; только восточные из них выполнены пресною водою, а западные представляют бассейны воды соленой. Противоположность между разветвлениями противолежащих долин та же в этой части Новой Зеландии, что и на Скандинавском полуострове: озерной Швеции соответствует Норвегия, изрезанные морскими рвами. Как и в северных странах, ново-зеландские фиорды существуют лишь в местах выхода и в пунктах схождения (встречи), где ледника выполнили первоначальные долины, защищая их от скоплений обломков, образовавшихся в окрестностях повсюду, где слои льда не прикрывали почвы; ни морены, ни наносы не трудились над заполнением этих глубоких впадин, первоначальную форму которых сохранила превратившаяся в лед река. Но, с того времени, как ледники отступили от моря, и нижняя их часть постепенно растаяла, началось и дело заполнения: осыпи, лавины, ручьи, морские волны трудились совместно над занесением водоемов, превращенных сначала в цепь озер, а затем в болотистые равнины и в плодоносные поля. Уже все фиорды, находящиеся к северу от 44°, заполнены: остались они лишь в юго-западном углу Южного острова, на протяжении приблизительно 125 километров. Самые главные из них находятся именно на южной оконечности берега; таковы: Презервашен, бухта Дарк-Клауд, или «Темное облако», и Дэски-Зунд, или «Дымящаяся бухта»; поверхность этой последней не менее 207 квадратных километров. Самый северный фиорд Новой Зеландии и всех земель австрального полушария—Мильфорд-зунд, великолепная водная площадь, в которой отражаются снежные горы, блистающие льдом цирки и зеленеющие мысы; крутые стены в несколько сотен или даже в тысячу метров вздымаются над водою, а из трещин этих стен низвергаются водопады[1].

Все ново-зеландские фиорды походят друг на друга своею длиною, узкостью и большою глубиною своей слабо разветвляющейся впадины; однако, между ними есть много и таких, которые соединяются друг с другом посредством боковых рукавов и разрезывают побережье на острова правильной формы. Углубленность фиордов, в средней части, превышает 220 метров; ложе Мильфорд-зунда, самого глубокого из всех их, прикрыто толщею воды в 360 метров. Без исключения, перед входами в фиорды имеется порог, «мост» из обломков, как и у норвежских фиордов, а окаймляющие берег морские пространства прикрыты довольно тонким слоем жидкости. Поэтому, для того, чтобы отыскать в море ту же глубину воды, как и в фиордах, необходимо отплыть мористее, на расстояние по крайней мере в сто километ-

1 Von Lendenfeld, „Deutsche Rundschau fur Geographie und Statistik“. April 1888.

ров. Эта малая глубина новозеландских вод не произведена ли громадными количествами обломков, некогда принесенных ледниками изнутри страны? Эти высокие мели—не горы ли, сначала разрушившиеся, а затем сложившиеся вновь правильными напластованиями? Или же не следует ли в этом феномене видеть работу более могущественных, чем ледники, геологических деятелей? Общая форма берега, правильно изрезанного по выпуклой кривой между узкими воротами фиордов, повидимому, свидетельствует о действии сильного течения, которое изгрызло его, чтобы разложить вдали его обломки. Напротив, с восточной стороны, побережье отвоевало у моря пространства, на который реки и образовали обширные аллювиальный равнины, в двух местах защищенные от размывания вулканическими выступами. Один из этих возвышенных выступов—мыс Саундерс, под защитою которого находится порт Отаго, а другой—полуостров Банкс, горделивая, вполне уединенная масса которого изрезана бухтами и бухточками, в которых становятся на якорь суда; таковы Порт-Акароа, Пижон-Бай, Порт-Леви, Порт-Купер. Вал из морского песку соединяет восточный берег этого полуострова из лав с твердою землею, размыкая илистый канал-проток. Полуостров Банкс удивительно похож на monte Argentaro итальянского берега. Не считая всех иссечений и извилин поморья, береговое развитие островов исчислено Томсоном в пять слишком тысяч километров.

Несмотря на глубокую вырезку, образуемую проливом Кука, восточные небольшие горные цепи Южного острова продолжаются и по ту сторону пролива, на Северном острове. Параллельные кряжи, меньшего, однако, поднятия, тянутся в том же направлении, как и горы другого острова, т.е. в направлении с юго-запада на северо-восток; но тогда как на Южном острове Ново-Зеландские Альпы окаймляют западное побережье, здесь эти ряды гор развертываются вдоль восточного берега, или по крайней мере на расстояний не более восьмидесяти метров от него. Цоколь, на котором они покоются, составляет почти отдельную землю, длинный четвероугольник, оканчивающийся на юго-западе и на северо-востоке массивными полуостровами и связующийся с остальным островом обширными равнинами и гористыми порогами, достигающими приблизительно тысячи метров к югу от озера Таупо. Самая высока гора этой восточной области, Гикуранг (в 1.688 метров), стоит неподалеку от East-саре'а или Восточного мыса. Около центра острова, небольшая горная цепь Каймавана, возвышающая над равнинами свои лесистые откосы и часто покрывающиеся снегом вершины, принадлежит к той же орографической системе, как по своему направлению, так и по природе своих древних горных пород, аспидных, песчаниковых и кварцевых, пронизываемых диоритовыми жилами; вершины Каймаваны достигают 1.800 метров.

К западу от этих гор, остальная часть острова занята вулканическими массивами, расположенными большею часть без видимого порядка и отделенными друг от друга озерами и глубокими долинами. Гора Руапеху, самая высокая на северном острове, сама по себе образует целую группу конусов, общее подножие которых, покоясь на плоскогории в тысячу метров высоты, имеет в окружности не менее ста километров; две снежные вершины самой высшей пирамиды, достигающей 2.760 метров, командуют на обширном пространстве над горизонтом почти целого острова вплоть до возвышенных мысов на востоке; прекрасные леса покрывают западные склоны древнего вулкана, тогда как на другой стороне простирается необитаемая равнина, пустыня Онетапу или «Священного песка», действительно образовавшаяся из масс пепла и шлаков, которые в неизвестную эпоху были выкинуты кратерами Руапеху. Но и там также почва была покрыта лесами, так как под обломками открывают обугленные стволы высоких деревьев[1].

Ровное пространство, приблизительно в восемь километров, отделяет подножие Руапеху от подножия ещё действующего вулкана, Тонгариро, возвышающагося севернее. Цоколь, на котором он покоится, поднимается на высоту приблизительно девятисот метров, но вокруг горы вырыт как-бы бассейн, вследствие чего и возникает вопрос: не существовал ли в этой местности другой кратер, из которого мало-по-малу и поднялся конус Тонгариро. Эта пра-

1 J. H. Kerry-Nicholls. „The King Country".

вильной формы гора из пепла и шлаков, с конечным кратером, ныне, по Никольсу, лежит на высоте 2.248 метров. Вулкан, почти всегда находящийся в состоянии извержения, был ещё недавно у туземцев под строгим запретом (табу); однако, восхождение на него уже совершено, и восходившие могли созерцать чудное зрелище большого кратера и малых боковых жерл, из которых, клубясь, вылетают сернистые пары; чрез колеблемое ветром облако виднеются лужи голубой воды, наполняющие конечные впадины вулканов-паразитов; ещё далее к северу, гора Кетотахи также в изобилии извергает дым, тогда как правильный конус Пиханга, господствующий над южною частью большого озера Таупо, с давних времен уже угас. Маорисы дают ему наименование: «жены Тонгариро»; что касается слова «Тонгариро», то оно просто указывает на положение горы к югу от Пиханги. Один из начальников маорисов завещал, умирая, вулканические массивы Руапеху и Тонгариро новозеландской нации, для создания из них «национального парка», защищенного от захватов и искажений, совершаемых частной собственностью.

Озеро Таупо, занимающее приблизительно географическую средину Северного острова, также принадлежит к вулканической системе Новой Зеландии: высказывали даже предположение, будто оно было кратером громадных размеров. Неправильная форма бассейна не оправдывает этого предположения, но он окружен вулканами, из которых истекали лавы и которые в огромных количествах извергали пемзу и пепел. Вероятно, что в этой стране первые извержения совершались в глубине моря, и что груды выкинутых обломков кончили тем, что выделили из океана залив, мало-по-малу превратившийся, вследствие новых наносов, в озеро, вода в котором от дождей, снегов и выходного течения опреснела: в этом отношения замечательно, что наименование Таупо имеет смысл «утеса, бывшего некогда под водою», как будто бы у маорисов сохранилось предание, повествующее о постепенном выхождении из-под воды этой области[1]. Вся срединная часть острова, к западу от древних горных пород первоначального остова, состоит из слоев пемзы, толщиной в несколько сотен метров и покрытых черноземом (гумусом), отчасти образовавшимся из разложившагося трахита. Горы на востоке, вулканы на западе, и в срединном пространстве пепел и окалины (шлаки) ограничили центральный резервуар и таким образом приподняли уровень вплоть до выпуклости того плоскогория в форме щита, которое занимает срединную часть острова. Прежде, озеро Таупо было даже более возвышено, как об этом свидетельствуют бывшие пляжи, приметные на склонах соседних гор; но изливающаяся из него река отчасти опорожнила его, размыв груды пемзы, ограничивающие на севере озерный бассейн. Ныне уровень озера находится на высоте 358 метров, а его поверхность превышает 775 квадр. километров; в некоторых местах оно довольно мелко, но центральная его часть весьма глубока, «в несколько сотен метров», как неопределённо говорят английские геологи. Семнадцать рек впадают в Таупо; самая значительная из них—Вайкото, протекающая у подошвы Пиханги и мало-помалу своими наносами отвоевывающая южную часть озера. Эта река, наименование которой просто означает «Текучую воду», начинается в высоких снегах горы Раупеху, рядом с другою рекою, которая бежит по направлению к заливу Кук; эти две долины с противоположным наклоном разрезывают остров на две половины. Река, выходящая из озера Таупо и называемая тоже Вайкото, как и верхняя река, имеет свою легенду и, также как Рона, считается проходящей через озеро, без смешения, при этом, своих вод с озерными. Подобно Роне, она врезывается также в глубокия ущелья, не между скалистыми стенками, но между пластами пемзы, лежащими друг на друге в виде совершенно правильных террас. Во многих местах, подножие этих обрушивающихся скал окаймлено фумароллами, которые издали походят на огни рыбаков. Вода в Вайкото—великолепного опалового цвета, обусловливаемого, как говорят, содержанием в изобилии кремнезема. Километрах в десяти книзу от выхода из озера, река, встречая преграду в поперечной трахитовой скале, низвергается со дна узкого ущелья, с высоты 15 метров, и падает в широкий бассейн, в котором круговрашаются её воды; затем с западного своего склона она получает широкий горячий ручей, сбегающий из

1 Raoul, рукописные заметки.

цирка Вайракей, где со всех сторон гейзеры—окруженные кремнеземными верхними закраинами—бьют посреди леса; местами упавшие деревья ещё приметны под постепенно покрывающею их кристаллическою инкрустациею. У подножия холма, струя горячих паров, температуры 122 градуса по Цельсию, вырывается наружу, с постоянным свистом. Порою этот свист слышится окрест на 80 километров[1]. Книзу от своего слияния с горячим ключом, Вайкото описывает большую дугу по направлению к востоку между плоскогориями из пемзы, затем она изгибается к северо-западу и смешивается с морскими водами посредством широкого лимана, открывающагося на юге Ауклендского полуострова.

Между долиною Вайкото и заливом, называемым bay of Plenty, ограничивающим на северо-востоке большое островное тело, плоскогорие из пемзы занято другою группою вулканов и озер, старинных кратеров или резервуаров, образованных барьерами из отломков. Самая обширная водная поверхность в этой области, Рото-руа или «Второе озеро», расположена к западу от других бассейнов, у южного подножия горы Нгонготаха (в 778 метров). Озеро это, площадью приблизительно в 80 квадратных километров, необыкновенно живописно, с его небольшим островом, холмами и возвышенными мысами его берегов, прибрежными рощами и лесами; но что делает из этой области место чудес, так это ключи, бесконечно разнообразные формою, периодичностью, химическим составом, которые бьют из земли на юго-западной стороне озера. Непрестанно вибрирующее пространство занимает полосу от 5 до 6 километров по берегу и метров на 1.600 вглубь страны. Перемежающиеся источники, бродячие фонтаны, взлетающие в одном пункте, затем исчезающие, чтобы появиться в другом, тихие водоемы, где чистая вода едва мутится пузырями, ключи холодные, теплые, горячие или кипящие, сернистые, соленые или щелочные, сольфатары, фумароллы, гейзеры—все эти явления показывает одновременно долина Рота-руа. Один из гейзеров бьет на высоту 20 метров с вершины кремнекислого холма в 15 метров: пар вырывается со свистом, а рокот поднимаемой им воды походит на гром. Теплые и минеральные воды издавна привлекали больных маорисов со всех сторон; ныне же, в свою очередь, туда приезжают новозеландские белые и даже европейцы; на берегах озера выстроена санатория.

К востоку от Рота-руа следует ряд других озорных бассейнов, как Рото-ити, или «Малое озеро», Рото-эху, или «Илистое озеро», Рото-ма, или «Белое озеро», которых короткие истоки бегут на север к бухте Изобилия. Южнее, на средней высоте в 300 метров, группируются другие озера, из которых самое большое—Таравера, доминируемое на востоке горой того же имени, или «Спаленным утесом», усеченным конусом, красные и черные откосы которого вздымаются на 300 метров над озером. Вулкан этот считали угасшим, но он только затихал, и в 1886 году, в одну зимнюю ночь, он вдруг пробудился. Землетрясение всколебало всю страну, земля потрескалась, покрытая пеплом вершина горы взлетела на воздух, и столб паров и горящих окалин, видимые более, чем за 250 километров, поднялся к небу на высоту 6.000 метров, а затем ниспал на окрестности, в виде дождя; деревни исчезли под пеплом сухим, или превращенным в грязь грозой с ливнем, которая разразились вокруг огнедышащей горы. Когда явилась возможность снова приблизиться к Таравере, увидели, что вид окружающей местности совершенно изменился: любопытные местоположения исчезли под однообразным слоем пыля, и не осталось и следа от «чуда из чудес», прославленного инкрустирующего ключа Те-Тарата, равного которому не было на земле: на его месте появился грязевой кратер, на 150 метров ниже уровня прежнего озера. До извержения воды, изливавшиеся в Рото-Махано или «Теплое озеро», с перемежками били, на высоте 25 метров над озером, в бассейне около 200 метров в окружности; наполнив этот кратер до бортов из просвечивающаго, похожего на алебастр, кремнезема, они тонкими лазурными струями ниспадали из одного бассейна в другой, повсюду образуя белые закраини в виде полукругов, благодаря правильному распространению волны, которая образовывалась на водной поверхности около каскадика; с уменьшением температуры, вода, насыщенная кремнеземом и сернистыми веществами, мало по-малу меняла также и свой цвет: из сапфирового цвета в том бассейне, где

1 Kerry-Nicholls, упом. соч.

она била из земли, она ниже становилась бирюзовою, а при вступлении в озеро уже только лишь слегка отливала лазурью. Насыпь из пепла покрывает ныне эти «белые террасы», а неподалеку также и «розовые террасы»; но сокрытая в недрах земли сила пробивается наружу в других пунктах, и если гнусным спекуляторам не удастся дисциплинировать родники для превращения их в предметы выставки, окружив, при этом, их барьерами и защитив тарифами, то проявления действующей природы в этой вулканической области навсегда пребудут в числе самых любопытных.

Исток из озер, называемый «Рекою Богов» (Awa o te Atua), направляется на северо-восток, затем, обогнув угасший вулкан Путауаки, соединяется с Рангитаики, главным потоком вод на этом склоне, и течет в бухту Изобилия (bay of Plenty). Но и посреди самых вод находится вулканическая область. Именно, посреди залива высится конус Белого острова или Whakari, достигающий всего 260 метров над уровнем моря, но по временам извергающий сернистые пары на громадном пространство. Кратер, наклонный с одной стороны горы, имеет в окружности $2^1/_2$ километра, а внутренность этой обширной ограды наполнена фумароллами, сольфатарами, струями пара, свистящими фонтанами. Вхакари можно рассматривать как северную оконечность вулканической оси, другою оконечностью которой, на юго-западе, оказывается горделивый массив Руапеху. По словам маорийской легенды, подземная галлерея соединяла, будто-бы, кратер Вхакари с Тонгариро: этим-то проходом посланники богов и пронесли-де священный огонь в центральный вулкан острова.

На Новой Зеландии нет других действующих ещё огнедышащих гор, но в числе прежних вулканов есть много величественных. Таранаки, называемая горою Эгмонт англичанами, одна образует целый полуостров в юго-западном угле Северного острова: некогда это был остров, основание которого, повышенное отложениями пепла, соединилось с материковою землею; наивысшая его пирамида, в 2.521 метр, уступает разве лишь Руапеху в ряду остальных гор на острове. Другие вулканы, из которых некоторые превышают тысячу метров, тянутся в виде небольших цепей на северо-западе озера Таупо, а неподалеку от моря, на юг от устья Вайкото, Перонгия (в 959 метров) излил по направлению к северу громадные потоки лавы, вдавшиеся в воды в виде удлиненных мысов, ограждающих глубокие заливы. Наконец, на Ауклендском полуострове, выдающемся к северо-западу, в форме меча нарвала, вулканы более низки, но зато более многочисленны; они десятками рассеяны в более узкой части полуострова; одни из них высотою в сотню метров, другие лежат вровень с поверхностью воды. Лежащая против Аукленда, в восточном море, овальная масса вулкана Ранчитото, или «Кровавое небо», как бы замыкает вход в порт. Севернее, длинный полуостровной рог острова изрезан многочисленными неглубокими бухтами, повидимому, остатками наполовину занесенных фиордов. Одна из них на восточном берегу, называемая бухтой островов (bay of Islands), действительно усеяна пирамидальными островами и островками, из которых один за его форму назван «Старой Шляпой» (*Old Hat*)[1]. На берегах бухты Островов есть несколько серных и горячих источников.

Землетрясения весьма часты во всей Новой Зеландии, и во многих местах наблюдали изменения в очертании побережий. Некоторые геологи высказали даже гипотезу, будто, в своем целом, архипелаг испытывает качательное движение, сходное с движением Скандинавского полуострова. Именно, между тем, как северная часть Северного острова медленно опускается, остальная часть страны, будто бы, поднялась заметно, даже за время короткого периода британской колонизации. Быстрые поднятия, производимые вулканической деятельностью почвы, объясняют отступы моря в некоторых местах, например, в порте Веллингтона, на берегу пролива Кука; но в других местах движение совершалось медленно, без заметных толчков; слои пемзы, отложенные на различных уровнях по берегам, свидетельствуют об этом поднятии почвы или отступлении моря. В 1847 году, на Южном острове открыли, метрах в 200 от моря и значительно выше уровня высоких приливов, остов корабля, в котором призвали остатки *Active*'а, потерпевшего крушение за тридцать-три года до

1 Dana, „United States Exploring Expedition".

того, именно в 1814 году; чрез отверстия в подводное части этого судна даже проросло дерево[1].

Климат Новой Зеландии уподобляется климату Англии, хотя средняя температура новозеландских стран, занятых английскими иммигрантами, значительно выше температуры их метрополии. Впрочем, климатические противоположности очень велики между крайними частями архипелага, расположенными на земной окружности на расстоянии 14 градусов или 1.550 километров друг от друга; в то время, как Северный полуостров имеет климат итальянский, южные области напоминают Шотландию, а остров Стьюарт—Оркадские острова.

В главных городах Новой Зеландии климат следующий:

Города	Широта	Средняя температура	Maxima	Minima	Разница	Дождь
Аукланд	36°50’	4,°3	29°	2,°2	26°	0 м.83
Веллингтон	41°16’	12,°4	28°	3°	25°	1 м.38
Кристчерч	43°32’	11,°5	35°	6°	41°	0 м.65
Дунедин	45°52’	10,°7	29°	1°	30°	0 м.83

Однако, повсюду перемены быстры; переходы ветра стремительны в этих океанийских землях, а вследствие этого быстры и смены холода—жаром, сухости—влажностью. В среднем, температура более ровная на западных берегах, обращенных к дующим более часто морским ветрам; напротив, разницы весьма велики в некоторых частях восточного берега, именно в соседних равнинах полуострова Банкса: однако, защищенный горами склон, на котором годовая разница между холодом и теплом гораздо больше, представляет климат более приятный, чем на ветреном береге западном, где в течение года не бывает и одного тихого дня. Преобладанию западных ветров обязаны обращенные на запад берега большею своею влажностью, дождем на равнинах и на нижних склонах гор, а также и снегом на вершинах. Из числа этих западных ветров, ветер, дующий с северо-запада и проходящий над горами, чтобы спуститься на восточный склон, походит на сирокко по сопровождающим его явлениям. На склон Ново-зеландских Альп, который он ударяет непосредственно, приходя из открытого моря, он приносит в изобилии дожди, тогда как на восточный скат ветер является уже сухим; когда он дует, небо, прикрывающее эти округи Новой Зеландии, становится темно-голубого цвета, висящие над горизонтом кучи облаков исчезают, как-бы по волшебству, и истоки, питающиеся таянием ледниковых снега и льда, вспучиваются мгновенно[2].

«Тихо-Океанская» Новая-Англия обладает тем преимуществом, что не походит туманами на Англию Атлантического океана: она наслаждается чистым небом, на котором лазурь и дождевые облака чередуются друг с другом без длинных промежуточных состояний неопределенной погоды, порою делающих пребывание в Великобритании стол тягостным. Преимущественно этому отсутствию туманов врачи и приписывают здоровость ново-зеландского климата, здоровость, которая, вместе с красотою местоположения и изобилием всякого рода минеральных вод, сулит стране возможность превращения в обширную санаторию. Но чистота неба покупается частыми и сильными ветрами. На берегах обоих проливов, разделяющих архипелаг, Кукова и де-Фово, воздух проносится с быстротою бури в течение большей части года. В 1886 году бурная погода наблюдалась пятьдесят семь раз около порта Веллингтон.

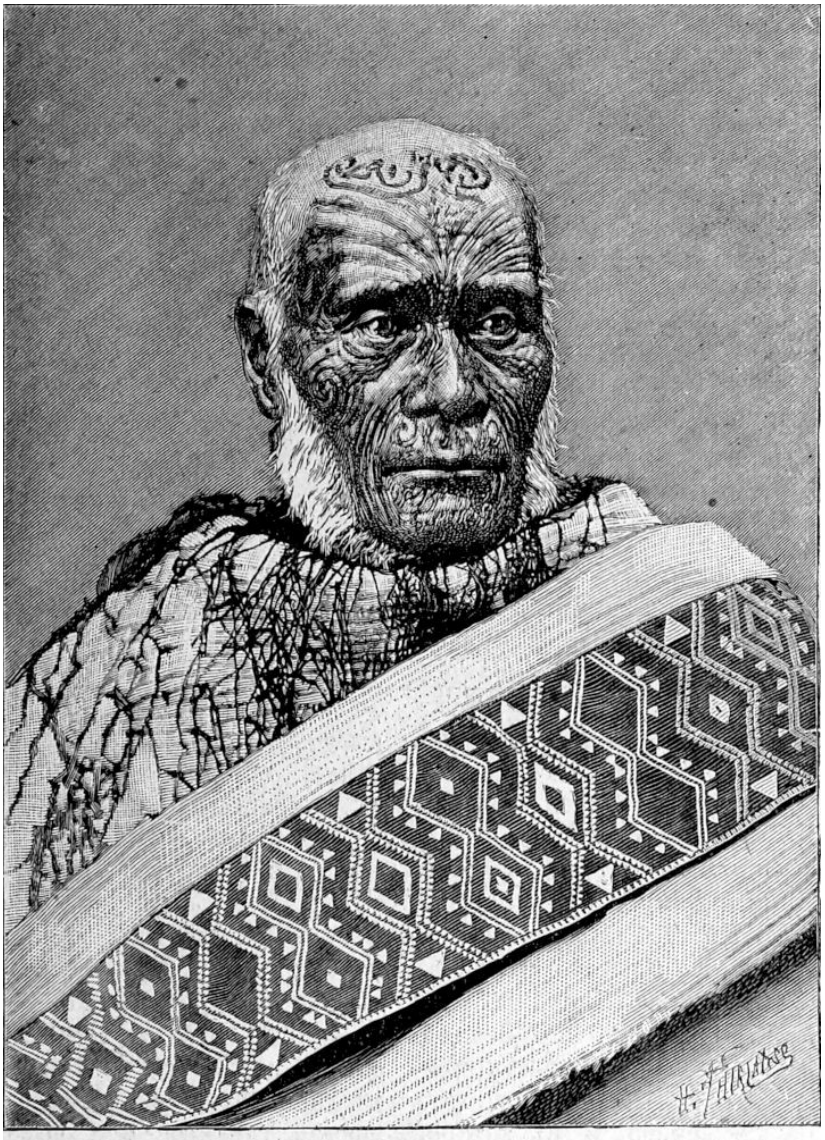
Ново-зеландская флора разнообразится, соответственно климату, при переходе от умеренного северного пояса к холодной области на юге; но в общем она обнаруживает один и тот же характер, от одной оконечности до другой. Будучи уединена в океане, находясь в сотнях километров от всякой другой большой земли, Новая Зеландия обладает флорою, весьма отличною от флоры других стран южного полушария; две трети её растений не встречаются в других местах, а около тридцати родов не имеют представителей нигде. Ново-Зеландская флора имеет свои самые близкия аналогии с флорою материков, наиболее приближенных с

1 Richard Tayllor „Te Jke a Maui“;—Howorth, „Journal of the R. Geographical Society“, 1874;—Thomson, „New Zealand“.

2 Julius Hasst, „Journal of the R. Geographical Society“, 1870

запада и востока, с Австралией и Южной Америкой, и—замечательное явление—кажется, всего более с Южной Америкой, сравнительно более удаленной континентальной массой. Характеристические деревья Австралии, эвкалипт и акация, отсутствуют в Новой Зеландии, и этот существенный факт уже не позволяет допускать, вместе со многими геологами, будто в недавние века, выступавшие из-под воды пороги соединяли австралийский материк с восточным архипелагом[1]. Новая Зеландия, повидимому, была отдельным центром как область растительности: из этой среды виды растений распространились и на соседние острова.

Уединенность архипелага должна была иметь своим последствием сравнительную бед-



Татуированный начальникъ маорисовъ.

ность флоры, состоящей из 960 туземных видов[2]. Леса состоят лишь из небольшого числа видов, и таких именно, у которых большая часть цветов тусклы. Вид лесных чащей печален и однообразен, в сравнении с красивыми лесами Тасмании и Капа; они угрюмы в особенности вследствие отсутствия животной жизни; не слышится в них и пения птиц. Когда, пройдя под их густою листвою, путешественник достигает открытых и освещенных пространств, он чувствует себя как бы избавившимся от угнетавшего страха[3]. Характеристическими растениями являются 130 видов древовидных папоротников и других растений, которые, во многих местностях, одни занимают целые обширные пространства. Новая Зеландия обладает также

1 Alfred R. Wallace, „The Island Life“.
2 Ferd. von Muller, „Die Flora von Austrulien“.
3 Ferdinand von Hochstetter, „Neu-Seeland“.

своими специальными видами сосен, между прочим, сосной каури (*dammara australis*), которая в наши дни уже нигде не растет, кроме Северного острова; её великолепный ствол достигает 60 метров в высоту, а её смола в большом спросе для производства лака. Но эту сосну немилосердно вырубают, в особенности из-за её превосходного строительного дерева; для постройки городов истребили целые леса и, до того времени, как подумали о насаждении их вновь, можно было опасаться, что это растение подвергнется уже скорому истреблению. По-видимому, уменьшению полосы произрастания каури содействовал также и климат. На берегах реки Молинэ, на юге Южного острова, в почве содержатся многочисленные глыбы кауриной смолы, хотя в наши дни это дерево встречается лишь на 10° севернее. Ископаемое смолистое вещество, собираемое в южных областях Новой Зеландии, на вид столь же свежо, как и смола, выступившая недавно, и тем не менее, с того времени, как она излилась, протекло уже столько веков, что местопроизрастание растения отодвинулось на север почти на тысячу километров[1]. Старинная смола, будучи более плотною, гораздо выше ценится, чем смола деревьев, находящихся ещё на корню[2], вследствие чего составились торговые товарищества для эксплоатации вышеупомянутой драгоценной смолы, места отложения которой известны опытным её разыскивателям. В 1887 году вывоз ново-зеландской смолы достиг 6.791 тонны, ценностью в 9.061.225 франков.

Ново-зеландская фауна, весьма оригинальная, как и флора, заключала, как полагают, зоологи, всего одно четвероногое животное, особый вид выдры, следы которой видел исследователь Гаст и которую другие путешественники безуспешно отыскивали. Что касается маорийской крысы, искорененной крысою, прибывшею из Европы, то туземцы говорят, что они унесли её с собой на свои лодки; то же было и с собакою, которая, впрочем, никогда не покидала человека, чтобы жить в лесах в одичалом состоянии. На архипелаге нет ни змей, ни черепах, и семейство лягушечьих представлено всего лишь одним видом, обитающим в одной только местности поморья, на Северном острове; но ящерицы многочисленны. Насчитывают около дюжины видов, вовсе не встречающихся в других краях; одна из них, *hatteria punctata*, ныне пребывающая на одном островке бухты Изобилия, оказывается промежуточною формою между обыкновенными ящерицами и крокодилами; она внушала суеверный страх маорисам, хотя сама по себе и безвредна. Недавно, до введения европейских видов, ново-зеландские реки были почти лишены рыб; однако, там наблюдаются виды, любопытные вследствие обширного распространения их области обитания, между прочим, угорь, живущий также в Китае, в Европе, в Вест-Индии, и форель, встречаемая также в ручьях Тасмании и Южной Америки. Одну из любопытных особенностей ново-зеландских флоры и фауны составляет вид гусеницы (*sphaeria Rohertsi*), которая вырывает себе ямку у подножия дерева, и в которой зарождается длинный гриб, развивающийся на вольном воздухе.

Самым замечательным классом Ново-зеландской фауны оказывается класс птиц, Он весьма многочислен, состоя приблизительно из 150 видов, из которых более трети принадлежат собственно архипелагу и составляют 17 или 18 совершенно отличных друг от друга родов. Между этими птицами есть весьма любопытные: таков *huia*, вид скворца, самец и самка которого совершенно различаются друг от друга формою клюва; но характерною птицею по преимуществу является киви, этот прославленный *apteryx* или «безкрыл», котораго ещё существует три или четыре туземных вида: действительно, будучи лишен крыльев и хвоста, покрытый пухом, вместо перьев, и будучи ростом с обыкновенную курицу, киви беззащитен пред собакою, и если он ещё сохранился в отдаленных округах, то это благодаря только своей жизни по ночам. Но он вскоре исчезнет, подобно тому, как исчезли схожие виды на Маскаренских островах, и как в самой Новой Зеландии исчезли пятнадцать видов *moa* или *dinornis*[3], птицы из семейства страусов, достигавшие различных размеров: один из них был более трех метров высотою. Ископаемые остатки моа были открыты в торфяниках, под на-

1 Richard Taylor „Ta Jka Maui";—Howorth, „Journal of the R. Geographical Society", 1874

2 Raoul, рукописные заметки.

3 Richard Owen, „Memoir on the Extinct Wingless Birds of New Zealand".

плывными слоями, и в пещерах, инкрустированных сталактитами; но нашли также их скелеты, громадное яйцо, длиною в 25 сантиметров, и даже остатки кожи и перьев, в могилах маорисов и между кухонными отбросами; очевидно, следовательно, что туземцы охотились за этими птицами, обреченными на быстрое истребление отсутствием у них крыльев; по преданию маорисов, моа были покрыты блестящим оперением[4]. Между типами, находящимися на пути исчезновении, или даже уже исчезнувшими, насчитывают: *notornis* или moho; *coturnix*, род перепела, бывшего в архипелаге единственным первобытным представителем порядка птиц куриных; *anarhynchus*, небольшой голенастой птицы, обращающей на себя внимание боковым искривлением своего клюва, и *thinornis*, другой птицы из той же группы. *Nestor* или *kea*, вид попугая-совы, ещё весьма обыкновенен в долинах предгорий; его очень боятся пастухи с тех пор, как у него появилась привычка жестоко, в кровь, исклевывать овец и ягнят.

Правда, что со времени прибытия английских колонистов пробелы, сделанные в местной фауне, постепенно заполнены новыми видами, дикими или домашними. Охотники ввезли в архипелаг оленя, косулю, зайца и кролика, гибельные—в особенности последний—подарки для сельского хозяйства. В некоторых округах свиньи одичали, и их тысячами ныне ежегодно убивают в чащах. Воды тоже населились, в особенности лососями, форелями и другими видами из метрополии. Что касается пернатого царства, то оно разрослось вследствие размножения некоторых местных видов, между прочим, одного вида зимородков (*alcyon vagans*); но преемники исчезнувших видов в огромном большинстве прибывают из соседней Австралии, из Европы и с двух американских материков. Так, туземные перепелы заменились сильно размножившимся калифорнийским перепелом, а также и другими представителями куриных: серою куропаткою и китайским фазаном; обыкновенный фазан также превосходни привился в Новой Зеландии, но разводчики этой птицы слишком поспешили выпустить её на свободу, так как, размножившись в лесах, она вскоре же и была истреблена охотниками. Скворцы, воробьи, малиновки, черные дрозды, певчие дрозды, вороны, жаворонки и зяблики, будучи с большими издержками привезены из Англии, акклиматизировались и могут заставить переселенца думать, что он вовсе не переменял своего отечества. Он опять видит поля, леса и здания, похожия на те, которые им оставлены на другой стороне мира; он встречает тех же домашних и диких зверей, и слышит щебетанье тех же самых птиц. Не довольствуясь естественным исчезновением всего того, что придавало Новой Зеландии её специальную физиономию, английский охотник ускоряет истребление, и в этом деле ему помогает также домашняя кошка; снова одичавшая в лесах. Вскоре, поэтому дело искоренения будет настолько полно осуществлено, как это только возможно для человека.

Островитяне, найденные европейцами в архипелаге, сравнивают свою судьбу с судьбою туземных животных и растений и считают себя обреченными на гибель, подобно им: «Наша крыса, говорят они, съедена крысою из Европы, наша муха улетает от вашей, и сами мы будем заменены вами». И однако, эти маорисы, предвидящие свой конец, были между полинезийскими нациями одною из самых интеллигентных, самых благородных и самых цивилизованных. Если их исчезновение должно свершиться, то это было бы одним из несчастий для нашего человеческого рода.

Маорисы, т.е. «Племя, Потомство», в смысле «Туземцев», суть, без сомнения, братья по расе островитянам Восточной Полинезии. Их легенды, весьма определенные и весьма подробные, согласно повествуют об их переселении на архипелаг, и даже позволяют приблизительно исчислить эпоху этого события. Воспитатели детей должны были знакомить их со всеми устными преданиями расы, учить их истории и генеалогии героев, отмечая, при посредстве нарезок на пластинках, преемственность событий и времен. Из этих преподаваний, собранных Grey'ем и другими учеными, мы узнаем, что четыре или пять столетий тому назад, маорис Те Купе пристал первым к Аотеа-роа, северному острову Новой Зеландии, и,

4 A. S. Thomson, упом. соч.

восхищенный своим открытием, вернулся в свою родную землю Хавайки, для оповещения об этом своим соотечественникам. Действительно, он снова возвратился с флотилией из семи военных лодок, из которых в каждой было по сотне воинов; с ними, кроме того, были также жрецы, каменные идолы и священное оружие, а равным образом растения и животные из края прибывших. К этому преданию о переселении маорисов, их потомки прибавляют легенды о чудесных событиях, о разделении Аотеа-роа на два острова, о появлении островков и утесов, извержении ключей и пламени. Черепа ново-зеландцев, представляющие все отличительные признаки черепов папуасских, указывают, по Гекели и Катрфажу, на предыдущее существование туземной расы, истребленной маорисами.

Неизвестно, что это за остров Хавайки, откуда прибыли Те Купе и его товарищи. Сходство наименований заставляет подумать об острове Савайи, в архипелаге Самоа или Мореплавателей, и с этого же самого острова Савайи, другие братья маорисов колонизовали Гавайи, в Сандвичевом архипелаге. Сходство между новозеландскими и полинезийскими населениями, языками, нравами и преданиями не оставляет никакого сомнения в том, что происходили переселения из какой-то части Экваториальной Полинезии к рассеянным группам земель; однако, ничто, за исключением смутного сходства наименований, не позволяет отождествлять острова Самоа с легендарною колыбелью расы маорисов. Повидимому, более вероятно, что отечество переселенцев в Аотеа-роа находилось в архипелаге Тонга, т.е. в группе островов, наиболее близкой к Новой Зеландии: расстояние между обеими землями не превышает двух тысяч километров, и в направлении к Новой Зеландии, именно, и несется морское течение. Сходство тонгского и маорийского наречий столь велико, что жители обеих стран научаются понимать друг друга в очень короткое время. Слово *tonga* встречается часто в языке маорисов и в географической номенклатуре Новой Зеландии[1].

Мори-ори островов Чатам, низведенные к небольшому числу семейств и смешавшиеся с маорисами, несомненно,—полинезийцы того же происхождения, прибывшие, по их преданиям, с севера, приблизительно около пятнадцатого века. В сравнении с маорисами, это люди менее высокие, но более коренастые и более сильные, с выразительными чертами и орлиным носом еврея. Будучи небольшим народом, состоящим из певцов и рассказчиков, они счастливо проживали на своем острове Варекаури, когда, в 1832 или 1835 году, новозеландский матрос Таранаки, служивший на английском корабле, имел случай посетить одну из их деревень. Возвратясь в свое отечество, он рассказал своим друзьям об этих «мирных и годных для съедения» островитянах, и вскоре военная экспедиция высадилась на остров Мори-ори. Несчастные, атакованные врасплох, были захвачены в плен, и победители произвели тотчас же выбор, кого из них съесть: жертвы должны были сами принести дров и приготовить костры, на которых их зажарили[2]. Население мори-ори достигало в эпоху завоевания приблизительно 1.500 душ; в 1886 году, из этого числа оставалось всего тридцать шесть человек, на деле рабов, хотя по декретам и освобожденных: оставленные им в пользование земли занимали пространство всего лишь в 242 гектара.

Маорисы принадлежат к числу самых красивых островитян Океании. Некоторые из них великаны, большинство—высокого роста, сильно и красиво сложенные, с весьма широкою грудью, но, по сравнению с европейцем, бюст у них длиннее, а нижния конечности короче. Черты лица в общем довольно правильны, скулы слегка выдаются, лоб высок, взгляд проницательный и гордый. В былое время мужчины тщательно выщипывали себе волоса на теле, для увеличения поверхности под татуировочные украшения; молодые девушки татуировали себе губы; отсюда и данное им англичанами прозвище *Blue-lips*, «Синегубыя». Ни одна полинезийская нация не могла сравняться с маорисами в этом искусстве украшения человеческой формы гармоническими чертами, согласованными с контурами тела. Маорийский артист умел видоизменять до бесконечности кривые линии гравюры; всё было рассчитано для получения выгодного сочетания их; природные морщины, движения лица, игра мышц,

1 Kerry Nicholls, упом. соч.

2 H. Hammersley Trawers, „Petermann's Mittheilungen". 1886, Heft II.

должны были содействовать прелести рисунка, и конечно, красивое зрелище представлял здоровый молодой человек в своей гордой наготе, не имеющий другого одеяния, кроме этой мелкой сети голубых линий по красно-коричневой коже. Тот, кто, во время главных событий своей жизни, не подвергал себя продолжительным пыткам татуировки[1], считался человеком, заранее согласным стать рабом. Татуированный же человек никогда не мог превратиться в раба. «Свобода или смерть!» было его девизом.

Весьма гордые, но также и весьма осторожные в слове, маорисы всегда умели заставить англичан обращаться с собою, как с равными, и в политических совещаниях они часто оказывались и логичнее, и красноречивее, как равно и в играх, напр, в крикете, они превосходят завоевателей, как силою, так и ловкостью; в училищах, они, по крайней мере, равны им. А когда им пришлось вступить в бой, чтобы защищать свою землю и не дать отбросить себя в снежные долины гор, они показали, что не уступят в отваге *pekeha*'м, т.е. чужестранным переселенцам. Между городом Тауранга и «страною чудес», одна ферма и возделанные поля расположены в пределах большого *pa*, или земляной крепости с палисадами, которую генерал Камерон, во главе четырех тысяч англичан, тщетно пытался принудить к сдаче, и которая видела поражение и избиение осаждавших. Впрочем, эта воинская доблесть сопровождалась, по обычаю, жестокостями, между прочим, и людоедством. Маорисы съедали сердце и глаза своих, павших в битве, врагов, в видах приобретения их прозорливости и храбрости. В древних кухонных отбросах находят, рядом с костяками собак и птиц, также и костяки людей, изрубленные топором и очищенные скребком. Предания повествуют о тысяче воинов, съеденных, будто бы, после одного победоносного сражения.

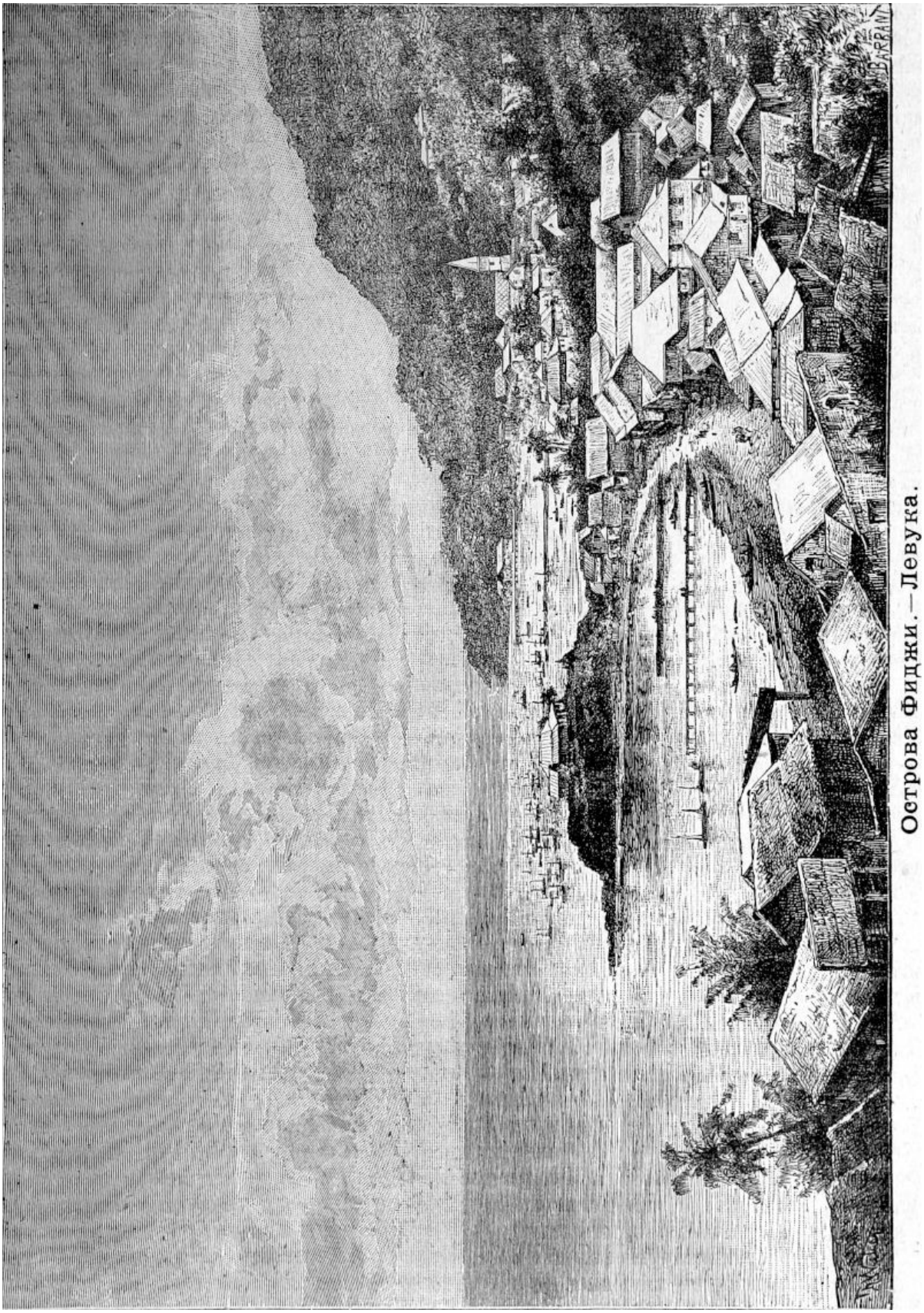
Промышленность ново-зеландцев ограничивалась небольшим числом работ, но в каждом из этих ремесл они достигли замечательной умелости. Проживание на земле менее щедрой, чем их родные острова, в климате более суровом, редкость съедобных плодов и растений, побуждали маорисов изыскивать себе способы пропитания: они превратились в земледельцев, и их сады содержались с большим тщанием. Как скульпторы и декораторы, они не имели соперников между островитянами океанийского мира, и живопись по скалам, иссеченные для украшения их жилищ фигуры, их суда, священные колы, помещавшиеся при входе в их деревни и крепости—тщательно сохраняемые в ново-зеландских музеях или в местностях, относительно которых ещё сохранилось табу маорийцев—замечательны оригинальностью рисунка и совершенством работы. Хотя будучи ныне в упадке, современные маорисы всётаки весьма искусны в обработке волокон растения *phormium tenax*, плетении из них рогож, которые затем ими же окрашиваются в яркие и прочные цвета; они умеют также дубить собачьи кожи и делать красивые плащи из волоса киви и перьев других птиц; наконец, ныне они успешно занимаются различными ремеслами белых людей.

Их религия, подобно религии других полинезийцев, была верованием в силы природы, всегда связываемые в их уме с душами предков. Память предков столь сильно примешивалась к их жизни, что друзья, встречаясь, приветствовали друг друга не знаками нежности или радостными восклицаниями, но начинали стенать и плакать в воспоминание о тех, которых уже не было здесь, чтобы пользоваться дружбою. Сделавшись все христианами, по крайней мере по имени, маорисы не имеют уже более идолов из камня, которых они привезли с собою во время своего исхода из Хавайки. Одно из этих изваяний отдано самими туземцами губернатору Грею; другое, которое было зарыто, на острове Мокой, посреди священного озера Рото-руа, стало, в 1884 году, предметом процесса между двумя племенами[2]. Однако, проповеданное миссионерами учение маорисы приняли не без борьбы, и во время возгоревшейся в 1864 году войны за независимость, туземцы, не желая ничего более иметь общего с англичанами, отступились от христианства и основали новую религию, в которой христианская мифология и культ предков странным образом перемешивались друг с другом; этот

1 A. Bastian, „Besuch in San-Salvador".

2 Kerry Nicholls, упом. соч.

культ, называвшийся Hau-hau, от криков «печали, нежности или экстаза»[3], которые испускали верующие во время своих публичных молений, не совсем ещё вышел из употребления. Известное число придерживающихся культа hau-hau, враги англичан, группами проживают



Острова Фиджи.—Левука.

в «Королевской земле».

3 Servant, „Annales de la propagation de la Foi“.

Эта Королевская земля (*King's country*), площадью приблизительно в 25.000 квадр. километров, обнимает значительную часть Северного острова, к западу от озера Таупо. Две высокие горы, Руапеху и Тонгариро, недавно входили в состав этой области, также как и всё поморье, простирающееся между бухтою Аотеа и северным подножием горы Таранаки. Устрашенные непрерывными захватами земли белым земледельцем, маорисы собрались на совещание и постановили, что отныне они не продадут своей земли ни за какую цену и даже не позволять белым проникнуть к ним; при этим, из рук в руки передавался, по племенам, топор, в качестве символа смерти для того, кто бы изменил своему слову. Произошло это в 1854 году. С того времени было уже несколько столкновений; в 1863 и 1864 годах английские войска нахлынули в королевство, и клочки территории были отняты; со всем тем край, сохраненный для себя маорисами, составляет ещё хорошо ограниченное пространство, и недавно путешественники вступали в него не иначе, как совершая быстрые переходы чрез необитаемые округа или же будучи охраняемы пропускными граматами, добываемыми дипломатическим путем. Племена, остававшиеся в былое время без связи друг с другом, сгруппировались в политическую общину и выбрали себе короля, откуда и данное этой территории наименование *King's country*. Тщетно колониальное правительство пыталось превратить этого короля в чиновника, ежегодно выплачивая ему значительную сумму денег и присвоивая ему от имени королевы большую административную власть. Будучи ответственным перед гордым и патриотическим народом, он вовсе не согласен на промен своей независимости на позолоченное рабство и держится договора, подписанного в бухте Островов, в Вайтанги—«Вода слез»,—договора, по которому англичане обязались, в 1840 году, уважать независимость и собственность туземцев. При всём том, дни народи маорисов сочтены. Каждый год прилив белых увеличивается по крайней мере на тысячу душ, и соответственно же этому возрастает и их влияние над тою частью острова, которая ещё им не принадлежит. С другой стороны, маорисы ослабевают в числе, физической силе и в нравственной энергии.

Составить статистику маорийского населения невозможно, так как «племена короля» не позволяют себя оффициально переписывать; однако, общее мнение таково, что приблизительные исчисления, деланные в различные эпохи, достаточны для того, чтобы оставить вне всякого сомнения постоянное угасание расы. Во время прибытия белых в край, маорисы были по крайней мере в числе сотни тысяч; в средине текущего столетия они уже уменьшились на одну треть: в 1874 году, их насчитывали 45.740, а по переписи 1886 года они ещё потеряли три тысячи из своих сочленов; по последней переписи, в конце 1897 г., их оказалось около 40,000 челов. Самым опасным является тот факт, хорошо доказанный в округах, где туземцы живут рядом с белыми, что именно женщины, при посредстве которых раса могла бы восстановиться и вновь возрасти, более всего и поражаются смертью. Молодые маорисы уже не обладают крепостью своих предков, и чахотка похищает половину их; однако, вымирание этого народа, повидимому, замедляется, так как в некоторых округах, наприм. в Кайпара, на севере Аукленда, наблюдался, благодаря метисам, некоторый избыток рождаемости над смертностью. В 1891 году в Новой Зеландии насчитывали 41.993 мориса (22.861 мужск и 19.132 женск. пола), в том числе 4,865 метисов. Из этого числа жили: на Северном острове—39.535, на Южном острове—1.883, на Острове Стьюарт—136.

Что касается белого населения, то известно, с какою быстротою оно возростает, не только при посредстве переселения, но в особенности и вследствие избытка рождаемости над смертностью. В этом отношении наблюдается такое годичное увеличение, которое почти беспримерно для других стран: в Новой Зеландии родится, именно, почти втрое более детей, чем случается смертей. Так, в 1886 году, в Новой Зеландии: родилось—9.872 мальч., 9.427 девоч., вместе 19.299. Умерло—3.516 муж; 2.610 жен., вместе 9.126. Излишек—6.356 муж; 6.817 жен, вместе 13.173.

В 1892 г. процент рождаемости 27,8; процент смертности: 10,06 на 1000 чел.

Кроме того, прибыль и убыль уравновешиваются всегда таким образом, что увеличивается пропорциональное число женщин, чем и заполняется разница, проистекающая от более

значительного переселения мужчин. К 31 декабря 1894 года колонистов в Новой Зеландии, вместе с китайцами, насчитывалось 686.128 человек обоего пола. Уже более половины жителей Новой Зеландии родились в ней; почти все колонисты прибыли с Британских островов, а между ними колонисты из англичан и шотландцев значительно преобладают над колонистами из ирландцев. Немцев приблизительно около пяти тысяч, а поселения скандинавов, норвежцев и датчан основались на Северном острове. Промышленники также ввезли несколько тысяч китайцев; но, следуя варварскому обычаю, практикуемому при ввозе этих работников, с ними не привозят женщин; 31 декабря 1894 г. в Новой Зеландии насчитывалось всего 17 китаянок. Конкуренция белых работников заставила парламент принять запретительные меры против китайской иммиграции, аналогичные с теми, которые вотированы австралийскими палатами. В 1895 году основавшихся в Новой Зеландии китацев было 4.044.

В первые годы колонизации концессионеры не хотели ничего предоставлять случаю и методически действовали для создания нового общества, в виде возможно точной копии с британского общества, считавшагося ими за идеал. Им предстояло воспроизвести на землях антиподов образ метрополии, с её могущественным духовенством, её земельною аристократиею, её торгующею буржуазиею и её покорным и религиозным народом. Соответственно этой программе, капиталисты, которые, под покровительством и верховенством Великобритании, на Северном острове побудили маорисов предоставить им землю, не пускали её в продажу иначе, как по ценам, недоступным для небольших земледельцев, а вырученные таким образом суммы употреблялись для введения в своих вотчинах ремесл и образования класса рабочих. Однако финансовые затруднения и столкновения с правительством воспрепятствали полной реализации этого социального плана. Проекты других компаний, добывших концессию на обширные территории на Южном острове, имели лучший успех. Провинция Кэнтербери, так названная ревностными англиканами в честь своего примасского города, устроилась непосредственно под ведением духовным—а также отчасти и светским—англиканских епископов и священников, при чём область эта была разделена на приходы и на «паствы». С другой стороны, принадлежащие к свободной церкви шотландские переселенцы, основавшиеся в южной части острова и давшие своей столице кельтское наименование Dunedin, синоним Эдинбурга, тоже имели религиозное устройство, имевшее целью удержание их в обособленной общине[1]. Но открытие золота, вызвавшее внезапный прилив тысяч золотоискателей в места обитания пресвитерианских ригористов, вскоре порвало тесную организацию этой колониальной церкви, и Новая Зеландия не отличается ныне уже более от других английских колоний ни в социальном, ни в религиозном отношениях. Секты всех наименований там весьма многочисленны, но всё-таки большинство верующих ещё принадлежит к англиканской церкви. В 1891 году в Новой Зеландии, по вероисповеданиям, из 626.658 жителей было 87.272 католика, 1.463 еврея, 3.928 буддистов, остальные—англичане, пресвитериане и другие протестанты.

Как и в первые годы колонизации, до открытия золотых руд, главным промыслом в Новой-Зеландии служит земледелие. С начала земельных продаж до конца марта 1888 года, возделыватели почвы приобрели в совокупности пространство в 7.640.000 гектаров, на общую сумму в 320 миллионов франков, и земля эта захвачена в наибольшей части отдельными лицами: семь собственников владеют каждый более чем 40.000 гектаров; у 259 же лиц вотчины превышают каждая 4.000 гектаров[2]. Области архипелага, ещё пригодные для разработки, занимают по крайней мере такое же пространство, но в горных округах, в особенности на Южном острове, только и могут быть эксплоатированы леса и пастбища. Северный остров, благодаря своей почве из разложившихся вулканических туфов, более плодороден, и его климат мягче; поэтому маорийское население скучивалось на этом острове, который, впрочем, меньше пространством и на котором в распоряжении у белых площадь земель зна-

1 Julius Vogel, „Official Handbook of New-Zealand“.

2 „Canterbury Press“, April 7, 1883.

чительно меньше, чем на южном острове. На 33.400 фермах, которые существовали в апреле 1887 года на всём протяжении Новой Зеландии, возделывались те же самые растения, как и в Великобритании; между северной метрополией и её южными колониями не видно другой разницы, кроме нескольких пород фруктовых деревьев в садах Южного острова: там рядом с плодами Италии зреют и плоды Англии. В 1894 г. под культурой было 4.025.220 гектаров, с которых собрано 4.891.695 бушелей пшеницы, 12.153.068 буш. овса, 754.653 буш. ячменя, 86.198 тонн сена, 126.540 тонн картофеля, и проч. Новая Зеландия не представляет тех же выгод, как Австралия, в деле разведения скота; тем не менее, овцеводство весьма значительно, и ценность ежегодно вывозимой шерсти достигает более 80 миллионов франков. В 1894 г. арендованных у казны земель для целей пастьбы было 49.879.960 гектаров. Скота в 1891 г. насчитывалось: лошадей—211.040; крупного рогатого скота—831.831; овец—18,227.186; свиней—308.812. Консервирование мяса составляет одну из процветающих отраслей промышленности в Новой Зеландии; так, в 1893 году было вывезено, в замороженном состоянии, 1.839.604 бараньих туш; ныне занимаются приготовлением для великобританского рынка также и масла.

Острова богаты минеральными месторождениями; но деятельно разрабатываются только золотые прииски: в 1887 году, около 12 тысяч человек (в том числе 3 т. китайцев) трудились над промыванием золотоносного песка или над разламыванием скал из кварцевой породы для извлечения металла. С 1853 по 1893 год было добыто: золота на 49.300.000, каменного угля на 8.497.000, смолы каури на 6.860.000; кроме того, серебра, меди, хрома, сюрьмы, марганца, железа, всего вместе, на 65.067.900 ф. ст. В 1893 г. добыча: золота на 913.000; угля на 384.000; смолы каури на 511.000 ф. стерл. Вероятно, что упадку в вывозе золота будет соответствовать увеличение работ в каменноугольных копях; более тысячи работников эксплоатируют угольные копи, и итог годового производства превышает уже полмиллиона тонн; так, в 1891 году добыча новозеландских копей достигала 669.000 тонн. В Новой Зеландии имеются уже большие мануфактуры, наподобие Англии, и она строит свои собственные суда, локомотивы и вагоны.

Архипелаг обладает уже сетью шоссейных и железных дорог, и в будущем по железной дороге будет возможно проехать от одной оконечности до другой на обоих островах. Большая часть колониальных линий, за исключением провинциальных ветвей, построена правительством и принадлежит ему. В 1895—96 г.г. общая длина открытых для движения ново-зеландских железных дорог составляла 3.510 километров; в 1893 г. число перевезенных пассажиров было 3.759.000, а количество перевезенных товаров 2.258.000 тонн. Пароходы плавают от порта к порту между островами и соединяют их также с Америкою и с Европою. Торговый флот Новой Зеландии к 1898 году состоял из 702 судов, с общей вместимостью 135.854 тонны. Внешняя торговля сравнительно значительнее торговли европейских наций, так как она превышает 550 франков на жителя, белого и мориса. В 1897 году в Новую Зеландию, по специальной торговле, ввезено на 205.075.000, вывезено на 255.875.000 франков. Движение в портах Новой Зеландии в 1895 г.: общая вместимость пришедших судов—1.208.000, отшедшпх судов—1.322.000 тонн. Также ново-зеландец и пишет более, чем француз. Двести газет, из которых одна на маорийском языке, печатались на обоих островах. Почтовое и телеграфное движение в 1895 году выразилось следующими цифрами: получено и отправлено 30.788.600 писем, 12.676.000 газет, 2.124.211 телеграмм.

Окленд—один из старинных городов Новой Зеландии, так как он основан в 1840 году, несколько лет спустя после основания станции Кава-Кава или Руссель, в островной бухте. Он был избран столицею всего архипелага, и хотя этот ранг впоследствии был у него отнят, тем не менее он остался наиболее населенным городом, ибо, вместе с предместьями, у него не менее 60.000 жителей; в нём же находится и главное университетское училище Новой Зеландии. Своим значением он обязан счастливому положению на южном берегу превосходного порта, совершенно защищенного, Вайтемата, в самом узком месте перешейка, соединяю-

щего островное тело с северным полуостровом. В 12 километрах к югу, одно из его предместий, Онехунга, расположено на берегу залива Ману-кау, представляющего совокупность нескольких портов, равным образом открыт для навигации. Благодаря своим мореходным выгодам, плотности населения в окрестностях и богатству деревень, Аукленд превосходит другие Ново-зеландские города оживленностью торговли: из него исключительно вывозят как самое дерево каури, так и драгоценную смолу этого дерева. В 1890 г, в Аукленде было в приходе 252 судна, общей вместимостью 170.214 тонн; ценность товаров в 1886 г. достигала в общем 68.947.700, при чём на долю ввоза приходилось 43.922.475, а на долю вывоза 25.025326 франков. Окруженный небольшими угасшими вулканами, Аукленд находится в центре одной из наиболее любопытных земель для изучения физических явлений: в его окрестностях возвышаются конусы—превосходные образцы правильного образования шестидесяти некогда огнедышащих гор.

К северу от Аукленда, единственными торговыми пунктами являются местечки, лежащие при бухте Островов, и деревни по берегам бухты Кайпара, далеко простирающей свои медузовидные рукава в глубь лесов и недавно разведенных плантаций: Кайпара—это «Эдем Новой Зеландии». Из второстепенных городов провинции замечательны два города-близнеца: Греэмстаун и Шортленд, соединенные ныне под наименованием Тэмс и расположенные к юго-востоку от Аукленда, на восточном берегу залива, неточно названного Firth of the Thames. Южнее, Тауранга имеет некоторое значение как гавань, в которой высаживаются путешественники, отправляющиеся к озеру Таравера и в «Страну Чудес». На восточном берегу, некоторое оживление наблюдается в Гисборне, гавани бухты «Бедности» (Poverty-bay); ещё южнее лежит Непир, главный город провинции Hawke's-bay. Он весьма хорошо расположен на полуострове, между извилистым лиманом и полукруглою бухтою, которую, как и многие другие, сравнивали с Неаполитанским заливом; однако, порт Непир, настоящее наименование которого Ахурири, вследствие неудобств своего входа, трудно доступен для больших судов. При всём том вывоз шерсти, мяса и живого скота превышает каждый год двадцать миллионов франковю

Столица Новой Зеландии, Веллингтон, основана тоже в 1840 году, но раньше Аукленда. Она занимает центральное положение на берегу пролива Кука, и между её пристанями, в порте Никольсон, и пристанями Блэнхэйта, на противоположном берегу, сообщения часты. Довольно оживленную торговлю ведет другой город той же провинции, Вангауи, расположенный при устье судоходной реки того же имени, к югу от «Королевской земли», ещё предоставленной маорисам. К северо-западу от Вангануи, приморская железная дорога проникает внутрь страны, чтобы обойти полуостровной конус Эгмонт или Таранаки, и достигает местечка Новый Плимут, которое, вероятно, сделается многолюдным городом, когда в соседстве будет отстроен волнорез в Мотуроа и суда получат возможность нагружаться продуктами из сада «Новой Зеландии».

На Южном острове, город Блэнгейн, насупротив Веллингтона, ещё незначителен, хотя считается главным и хотя в нём соединяются две железные дороги. Более торговый город, выстроенный на южном берегу Кукова пролива, Нельсон, составляет другую столицу провинции и расположен на берегу бухты, которая окружена амфитеатром из высоких холмов. Далее, на северном берегу есть только деревни и деревушки; но, благодаря золотым рудникам и каменноугольным копям, на западном поморье народились маленькие городки. Процветающий Вестпорт, защищенный мысом Foul Wind, т.е. «Дурной Ветер», обладает спокойною и глубокою гаванью. Южнее, города Греймут и Хокитика, столица провинции Вестлэнд, были, напротив того, трудно доступны до сооружения защитительных молов и вырытая каналов и бассейнов. Греймут, некогда сборное место искателей золота, ныне является «Ново-зеландским Ньюкэстлем»: в 1886 году из него вывезли 120.000 тонн угля. Хокитика сохранила некоторое значение, как золотоприисковый центр; в 1866 году, следующем за открытием золота, добыча этого металла превзошла 33 миллиона франков. Хокитика—ближайший город к области ледников и фирнов.

На восточном, более пологом склоне Южного острова сравнительно с западной покатостью, годных для возделывания и плодородных земель больше; народонаселение менее редкое, и побережная полоса более торговая; здесь, именно, находятся два главных города этого острова; Кристчерч или Крайстчерч, и Дунедин. Кристчерч, главный город провинции Кэнтербюри, расположен не на берегу моря, но на обширной равнине, по которой протекает река Авон, и в 13 километрах от своего порта, Литтльтона, прежнего Порт-Купера. По своей наружности Кристчерч наиболее английский между городами Новой Зеландии и, как резиденция епископа-примаса, обладает самыми богатыми религиозными зданиями. Его музей содержит замечательную коллекцию скелетов исчезнувших птиц. С окружающими предместьями, Кристчерч,—второй город Новой Зеландии, и порт его обладает наиболее многочисленным торговым флотом, общая вместимость которого в 1887 году достигала 31.478 тонн; однако, судоходное движение в нём не может ещё сравняться с оживленностью в этом отношении портов Аукленда (в 1886 г. в порте Литтльтон перебывало 1.533 судна, вместимостью в 500.647 тонн; ценность товарообмена достигала 74.302.825 франков). Гора Bankspeninsula и бухта Акароа, где ещё можно видеть потомков французских колонистов, прибывших в 1842 г., служат дачными местностями для жителей Кристчерча. Железная дорога, соединяющая город с его портом, проходит по длинному туннелю, проложенному в застывшем потоке лавы: туннель этот замечательнейшее искусственное сооружение в Новой Зеландии.

К югу от Кристчерча, на том же восточном берегу, следуют торговые города: Тимару и Оамару, затем богатый Дунедин, метрополия юга, расположенная на западном берегу лимана Отаго, прикрытого с востока вулканическим полуостровом. Суда среднего тоннажа могут подниматься вплоть до города с тех пор, как дноочистительные работы углубили узкий канал-вход; суда же с большей осадкой останавливаются при входе в лиман, в порте Чальмерс, в 14 километрах к северо-востоку от города. Торговый флот Дунедина в 1892 году состоял из 100 судов в 32.680 тонн. Во время наибольшего процветания золотых рудников в округе Отаго, Дунедин—который из небольшой деревни вдруг превратился в многолюдный город—был самым деятельным торговым центром Новой Зеландии; ныне он занимает уже второе место. В 1892 году в порте его было в приходе 499 судов, с общей вместимостью в 269.769 тонн. Из Дунедина обыкновенно и отправляются путешественники для посещения озерной области в Ново-зеландских Альпах.

На южном берегу острова, омываемом Антарктическим морем, есть цветущий город, к которому направляются шоссейные и железные дороги изнутри острова; это—юный Инверкаргилль, расположенный на неглубоком лимане, но снабженный, как Дунедин и Кристчерч, аван-портом, Кэмпбельтаун, при входе в залив, где и останавливаются пакетботы. От Инверкаргилля идет железная дорога в Кингстаун, красивый город на южной оконечности озера Вакатипу. Квинстаун, на восточном берегу того же озера, у подножии Бэн-Ломонда,—ещё более красивый город, основанный рудокопами и ставший для ново-зеландцев часто посещаемою дачною местностью. Инверкаргилль есть место посадки тех редких путешественников, которые отправляются на почти необитаемый остров Стьюарт.

Значительнейшие города Новой Зеландии:

Аукленд (1896 г.)—31.424 жит.; Веллингтон (1896 г.)—37.441 жит.; Дунедин (1896 г.)—22.815 жит.; Кристчерч—17.000 жит.; Тэмс (Грэмстаун и Шортленд)—8.000 жит.; Нэпир—8.000 жит.; Нельсон—7.000 жит.; Оамару—5.000 жит.; Инверкаргилль—5.000 жит.; Вингануи—5.000 жит.; Литтльтон—4.000 жит.

Небольшие острова у берегов Новой Зеландии, не находящиеся в административной области графств, имеют коллективную поверхность в 2.936 квадр. километров, а население их приблизительно равно шестистам человек. Главным городом архипелага Чатам или Варакаури (самого обширного из дополнений Новой Зеландии) служит деревня Вайтанги, рас-

положенная на берегу бухты Пэтр, образующей вырезку на юго-западном берегу: там, именно, и поселялись маорисы, завоеватели островов. Леса Варекаури отчасти истреблены, и на главном острове уже не видно высоких деревьев, подобных тем, остатки которых находят в торфяных скоплениях обугленной растительности, горящих во многих местностях, даже на глубине десяти метров[1]. Остров Питта, или Бутаритари, к югу от большого острова, представляет базальтовый стол в 180 метров высоты; на побережье его ещё есть одного вида пальмовые деревья, но в остальной своей части остров почти сплошь покрыт низким кустарником и едва обитаем. Что касается островов Боунти, Антиподов, Аукленда, Кэмпбелля и Маккари, то единственными их обитателями были временные посетители, потерпевшие крушение или китоловы; ныне же последние уже не многочисленны. В 1874 году, остров Кэмпбелль был станциею, избранною французскими астрономами для наблюдения над прохождением Венеры по диску солнца. Германская экспедиция устроилась на Ауклендах, всё постоянное население которых состояло из одного пастушеского семейства.

Острова Кермадек—группирующиеся в тысяче километрах к северо-востоку от Новой Зеландии, на подводном пороге, который соединяет этот большой архипелаг с архипелагом островов Тонга—формально присоединены в 1887 году к Австралии и к колониальной британской империи. Открытые уже в прошлом столетии Уатсом и Антрекасто, они были необитаемы в то время, и оставались необитаемы почти постоянно и впоследствии. Ныне на главном острове, Рауль или Sunday-Island, у подошвы вулканического конуса, лежит небольшая деревня, в которой английское правительство основало склад жизненных припасов для потерпевших кораблекрушение. Два другие меньшие острова также по происхождению вулканические. Вместе они представляют поверхность приблизительно в 52 километра. Вероятно, острова Кермадек были некогда местом остановки для полинезийских переселенцев, как равно и ныне они служат ещё промежуточною станциею между британскими колониями Новой Зеландии и островами Фиджи. По своей же флоре они ещё принадлежат к новозеландской области.

С 1853 года, Новая Зеландия перестала быть колонию «Короны» и сама управляется парламентом, состоящим из двух палат, и министерством, в котором председательствует губернатор, представитель государя. Законодательный совет, составляющий верхнюю палату, состоит из 46 членов, назначаемых, как и губернатор, королевою; в числе этих избираемых законодателей находятся также два маориса. Палата представителей состоит из 74 выборных членов, в числе которых четыре маориса; все постоянные жители, имеющие 21 и более лет, могут быть избирателями, как равно и избираемыми. Члены парламента получают содержание в размере 5.000 франков, в виде возмещения издержек на путешествие. Выборные кантональные советы, аттрибуции которых подверглись ограничению, обсуждают дела, касающиеся данной провинции.

Департамент народного просвещения—один из наиболее богато дотированных. По закону 1877 года, начальное обучение—обязательное, бесплатное и светское—обнимает начатки наук и кроме того рисование, пение, домашнее хозяйство и воинские упражнения. Состояние народного образования в 1893 г. было: 1.302 публичных школ, с 122.000 учащихся, 24 средних учебных заведений, 274 частных школы, 10 ремесленных, училище глухонемых; три колледжа с университетским курсом: в Аукленде, Кентербери и Отаго. Сотни тысяч гектаров составляют дотации этих высших училищ. Коллегия экзаменаторов, называющаяся ново-зеландским «Университетом», присуждает те же самые степени, как Кэмбридж и Оксфорд. Несмотря, однако, на значительные суммы, отпускаемые на народное образование, число ново-зеландцев, неумеющих ни читать, ни писать, составляет ещё почти одну пятую населения.

Сухопутная армия состоит (1895—96 г.) из 192 человек регулярного войска, 4.052 волонтеров и 41 человек резерва; кроме того, в кадетском корпусе числится около 1.700 чело-

1 H. Hammersley Travers. „Petermann's Mittheilungen", 1886, Heft II.

век. Отряд австралийского флота, в числе двух судов и нескольких миноносок, охраняет берега, а подступы к четырем городам: Аукленду, Веллингтону, Кристчерчу и Дунедину—защищены укреплениями.

Бюджет Новой Зеландии громаден в сравнении с числом жителей, и государственный долг превышает долг всякой другой страны в мире, включая сюда и Францию. В финансовом 1897—98 году доходы составляли—148.125.000 франков; расходы—117.500.000 фр.; государственный долг—1.148.125.000 фр.; т.е. около 1.475 франков на одного жителя, включая и маорисов.

В нижеследующей таблице перечислены бывшие провинции, прежде небольшие самостоятельные и союзные государства, а ныне простые избирательные и административные округи:

Название		Поверхность в кв. килом.	Население к 10 дек. 1886 г.		Километрическое население	Главные города	Графства
Северный остров	Аукленд	118.310	132.709 ж.	253.814	2,1 жит	Аукленд	21
	Гаукс-бай		25.127 „			Непир	3
	Веллингтон		77.536 „			Новый Плимут	2
	Таранаки		18.442 „			Веллингтон	6
Южный остров	Нельсон	150.888	30.213 „	327.998	2,2 жит	Нельсон	7
	Мальбург		11.113 „			Бленгейм	3
	Кэнтербюри		121.400 „			Кристчерч	6
	Вестлэнд		16.128 „			Хокитика	1
	Отаго		149.154 „			Дунедин	13
Другие острова		6.340	600 „		0,08 „		
Всего		275.530		582.412	2,1 жит.		62

По новейшим данным, пространство Новой Зеландии, с причисляемыми к ней островами: Чатам, Антиподов и др.,—270.935 кв. километр., а народонаселение около—777.000 человек.

Глава X Острова Фиджи

Этот большой архипелаг южного экваториального пояса оффициально даже не был назван тем именем, которое ему присвоивают его собственные жители: названные «Фиджи» мореплавателями с Тонга—неправильно воспроизведшими произношение туземцев,—острова Вити утратили самостоятельность вплоть до потери своего языка и до права самонаименования, хотя, в силу конституциональной фикции, они и числятся в ряду независимых австральазийских государств. В действительности, эта островная группа составляет простое политическое владение Австральазии, принадлежащее небольшому числу плантаторов, которые обрабатывают свои земли при посредстве рабочих, ввезенных с соседних островов и даже с Индусского полуострова, тогда как туземцы гибнут в деревнях, расположенных внутри страны. Между тем, Фиджийский архипелаг занимает значительную поверхность, и плодородным его землям климат благоприятствует в достаточной мере для того, чтобы два миллиона людей легки могли бы найти там себе пропитание.

Тасман был первым, открывшим восточную часть архипелага Фиджи, и дал этой части общее наименование «островов принца Вильгельма». Кук, в 1774 году, видел только островок Ватоа, или Черепаший, который расположен на юго-восток от собственно так называемой группы; затем в 1789 году Блайг пересек водные пространства Фиджи, после того как его покинула большая часть его экипажа, и он, почти умирая от голода и жажды, бежал по направлению к Инсулинду. После него и Вильсона, посетившего архипелаг в 1797 году,

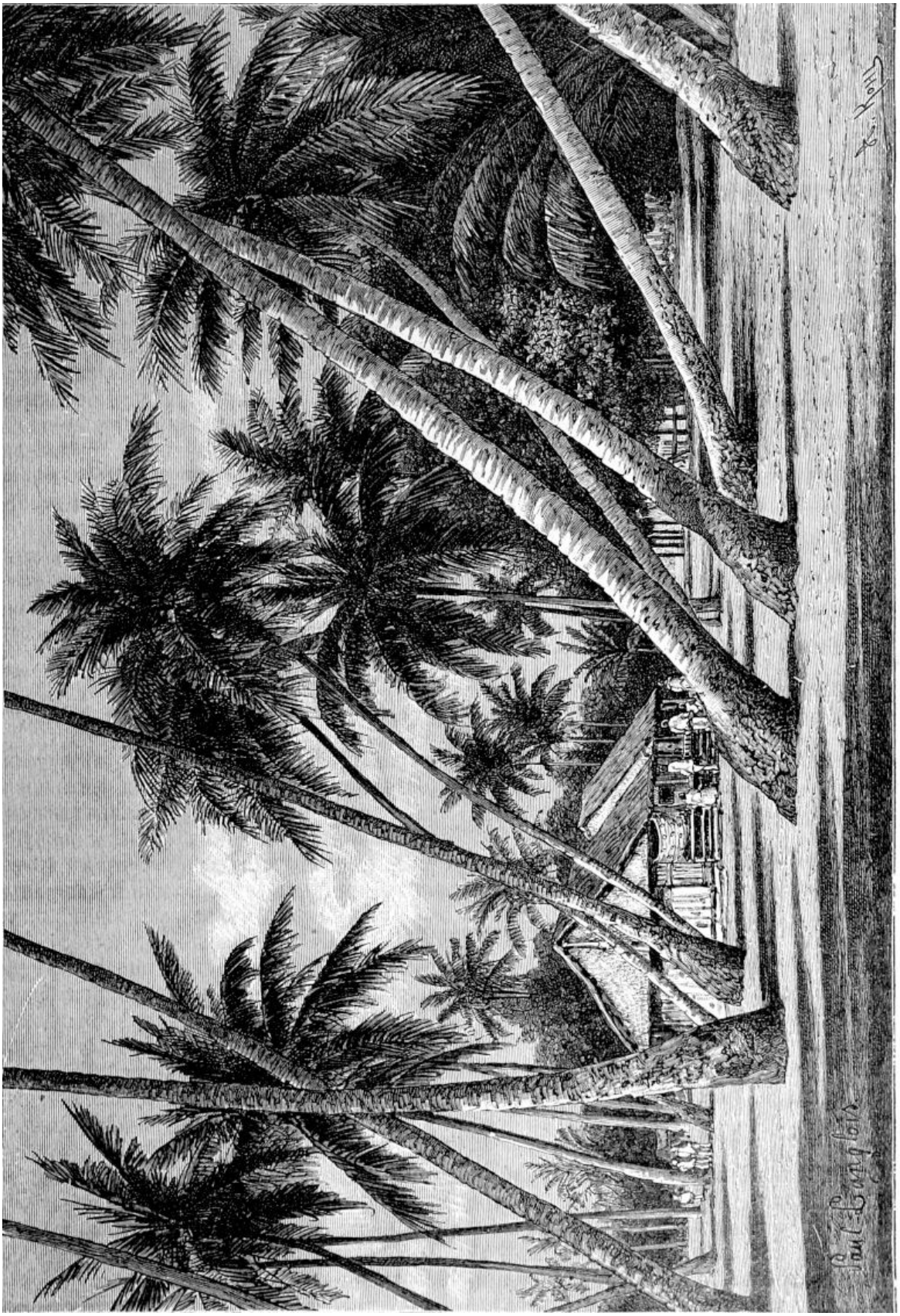
многочисленные суда приходили для товарообмена с фиджийскими островитянами и для покупки у них трепанга и сандалового дерева; но научное исследование началось только с 1827 года, со времени первой экспедиции Дюмон д'Юрвилля; в 1838 году, этот же ученый снова продолжал изучение Фиджийского архипелага, а затем, в 1840 году, проплыл через эту область Тихого океана американец Вилькс, в сопровождении Дана и других ученых. Вслед затем стали прибывать миссионеры и отдельные путешественники. Острова Фиджи были уже в числе наилучше известных между островами Океании, когда, в 1874 году, Великобритания присоединила этот архипелаг к своей колониальной империи. Гидрографическая съемка берегов, начатая Дюмон д'Юрвилем и Вильксом, продолжаемая Денгамом и Госкером, во всех подробностях была дополнена Муром, который, во время своей трехгодичной миссии, проплыл вдоль всей окружности островов. Кадастр годных к культуре земель, предпринятый с первых лет английской оккупации, продолжается лишь медленно, благодаря недостаточности годичного отпуска денег на это дело и трудности выполнения его в горном крае, покрытом на всём своем пространстве лесами и кустарниками.

Главный остров, Вити-Леву или «Большой Вити», имеет овальную форму, при чём продольная ось его направляется с запада на восток. Это одна из самых обширных земель экваториальной Полинезии: его пространство превышает треть пространства Корсики. Он целиком горный, и его угасшие вулканы, ныне покрытые растительностью вплоть до верхушки, имеют в высоту более 1.200 метров: некоторые вершины достигают даже 1.500 метров; почва, глинистая, желтая или темно-красная, состоит из разложившагося пепла, который становится весьма производительным повсюду, где его орошают в изобилии дожди. Впрочем, поля и от природы орошаются сотнями ручьев и речек, из которых некоторые катят достаточно большое количество воды для того, чтобы пароходы могли проникать на известное расстояние внутрь страны. Одна из этих рек, Вай-Леву или «Большая вода», обычно называемая Рева-Рева, простирает свой бассейн более, чем на треть острова; она изливается в море на юго-восточной оконечности острова, и окраинные земли, постепенно отвоевывающие место у волн, именно и состоят из наносов её дельты; прилив поднимается там на 43 километра от устья, а барки плавают километров на 80 выше вверх по реке.

Второй по пространству остров, Вануа-Леву, или «Большой остров», простирается на северо-восток от Вити-Леву, заключая среди двух своих восточных полуостровов обширную бухту Натева, называемую также туземцами «Мертвым морем», в виду спокойствия его вод. Этот остров тоже вулканический, и из его горной цепи,—более пологий склон которой обращен на северо-запад, а крутой откос спускается к южными, бухточкам,—вытекают многочисленные теплые ключи. Вануа-Леву и Вити-Леву соединены друг с другом рядами рифов, которые, быть-может, указывают древнее побережье, и на протяжении которых лежит несколько островов. Большой внешний риф, длинная выпуклая кривая которого пробита широкой брешью на северо-западе, служит подножием незначительных архипелагов Ясава и Маманута; на протяжении же внутреннего рифа, соединяющего восточной берег Вити с южными оконечностями Ватуа, находится островок Мбау и несколько больший остров Оваляу, прославленные в истории островов Фиджи тем, что в различные эпохи служили политическими центрами архипелага.

Кроме двух больших островов, в группе находятся ещё два других, средней величины; на юго-западе, Кандаву, весьма важный, как ближайший к Новой Зеландии и к Австралии, и продолжающийся на север длинною круговою грядою рифов; на северо-востоке,—остров Тавиюни, почти столь же возвышенный и имеющий в центре вулкан (в 760 метров), кратер которого наполнен водой. Узкий и живописный пролив Сомо-Сомо отделяет квадратную массу Тавиюни от иззубренных полуостровов Вануа-Леву. Между остальными островами архипелага нет ни одного, поверхность которого достигала бы 150 квадр. километров: большинство из них не более, как отрывки атолла или горки, окаймленные коралловою бахромою. Главная цепь островов извивается к востоку от архипелага, в направлении с севера на юг. Эта вереница островов, обозначаемая общим именем Ляу, довершает обширный полу-

круг земель, который можно было бы сравнить с вулканическою чашею, открывающеюся в море со стороны своего южного края. Несколько островов, имеющие все по опояске из подводных рифов, рассеяны внутри этого громадного кратера. В общем, число высящихся над



Пейзажъ на островахъ Туамоту.

водою островов архипелага Фиджи достигает 255, из которых около сотни обитаемы. Приблизительная поверхность Фиджийских островов, по исчислению английской коммиссии, равняется 20.808 кв. килом., а именно:

Вити-Леву—10.645 кв. кил.; Вануа-Леву—6.475 кв. кил.; Тавиюни—553 кв. кил.; Кандаву—535 кв. кил.; Нгау—149 кв. кил.; Оваляу—124 кв. кил.; остальные о-ва—2.200 кв. кил.

Две стороны каждого острова, наветренная и подветренная, резко различаются видом. Дующие почти постоянно юго-восточные пассаты приносят необходимую влагу, и вследствие благодетельного дождя, восточный и южный склоны покрываются сплошным лесом, тогда как, под ветром, менее хорошо орошаемые склоны представляют не что иное, как саванны, по которым местами произрастает по несколько душистых панданусов: в этих-то, именно, участках колонисты и находят наиболее подходящие для себя земли, уже готовые для пашни и для пастбища. Но там, где леса более густы, они, по происхождению, недавни, ибо нет ни одного уголка земли, который не бывал бы разделан, а затем, по миновании нескольких лет употребления, и покинут: варварская система перелогов прилагалась ко всему краю, при чём истощенные поля тотчас же заменялись почвою, плодородие которой успевало восстановиться в течение векового отдыха[1].

Средняя температура островов Фиджи немного ниже, чем на материковых землях, лежащих под тою же широтою; крайности тепла умеряются морскими бризами; однако, европейцы жалуются на солнечный зной на тех плантациях, которые удалены от поморья. Год естественным образом делится на два сезона: сравнительно прохладный, с мая по октябрь, во время зимы, в южном полушарии, и на сезон жаркий, с октября по май, т.е. когда солнце возвращается к южному тропику, в сопровождении облаков. Оттого этот сезон называют «дождливым», хотя в каждом месяце приблизительно бывает одинаковое число дождливых дней; впрочем, ливней действительно случается более в жаркий сезон; в особенности в марте, когда солнце находится в зените Фиджийских островов, дожди грозят бедами и иногда сопровождаются настоящими ураганами. На острове Оваляу, последствием обезлесения было не только увеличение дождей, но и иное их распределение, при чём число дождливых дней уменьшилось, а сила ливней возросла. В 1871 году, на Мбуа в один день выпал громадный слой воды в 38 сантиметров, более чем в целый год в Южной Австралии. По Вогану и Гольму климат Фиджийских островов следующий:

	Температура			Дождл. дней	Количество дождя
	Средняя	Наивысшая	Наименьшая		
Сува (Вити-леву) в 1886 г.	25°,7	34°,44 (25 ф. 82 г.)	15°,55 (7 авг. 84 г.)	142	2 м., 13
Деланасау (Вануа-Леву)	26°,2			155	2 м., 72

Общая физиономия фиджийских растений—тропическая. Над поясом кокосовых пальм—окаймляющим поморье и кое-где прерываемым, в редких болотистых местах, чащами корнепусков—виднеются древовидные папоротники, различного рода пальмовые деревья, банановые и другие растения экваториального пояса, покрытые отчасти паразитными орхидеями. Однако, в некоторых округах характер растительности существенно австралийский: казуариновые, акации и различные виды деревьев с скудною листвою напоминают растительность на берегах Карпентарского залива. На высоте приблизительно 600 метров, поморские растительные формы сменяются другими видами, но ни на одной из вершин не найдена альпийская флора. Ботаник Горн, открывший более 300 новых видов, исчисляет в общем фиджийскую флору в 1.086 явнобрачных и в 245 папоротников и близких к ним растений.

Подобно всем островам Тихого океана, фиджийские земли чрезвычайно бедны видами высшей фауны: крыса, летучия мыши и китообразные в соседних морях—таковы единственные млекопитающие в архипелаге; но все европейские домашния животные были ввезены в архипелаг, и большая часть из них акклиматизировались: дикия свиньи рыскают в лесах; кошки тысячами бродят вокруг жилищ. Бертольд Земан насчитал 46 видов птиц; пресмыкающиеся, змеи и ящерицы ещё многочисленнее; некоторые виды лягушек являются, по направлению к востоку, последними представителями лягушечьего рода в океанийском мире. Соседния моря населены 120 или 125 видами рыб, из которых многие ядовиты, или мясо которых ядовито. Акулы населяют фиджийские воды, и между этими страшными жи-

1 Berthold Seeman, „A Mission to Viti“.

вотными есть такие, которые исключительно живут в реках.

Фиджияне походят одновременно на западных меланезийцев и на восточных полинезийцев: очевидно, чрез скрещивания они происходят от двух этих рас; однако, большинство между ними гораздо более приближается к западному типу, чем к восточному. Они высоки и сильны, весьма смуглы или медного цвета, даже почти чернокожи; на голове у них изобильное руно, занимающее средину между волосом и шерстью[1]; метисы многочисленны, и, по правильности черт лица, многие из них почти не отличаются от европейца. Ещё недавно фиджийцы ходили почти голыми: одежда вся их состояла из запона или юпочки из растительных волокон; они смазывали кожу маслом и красили волосы известью; женщины протыкали ушную мочку для введения в неё деревянного или лубяного кружечка. Ныне туземцы одеты в рубашки, юбки или блузы и задрапированы одеялами: всё более и более они начинают походить на европейских пролетариев, одетых в господские обноски. От природы они обладают очень живым умом: по Вильямсу, фиджийцы замечательны логичностью своего мышления; несмотря на всю их на дикость, с ними можно поддерживать разумный разговор. Они весьма великодушны, как об этом свидетельствует и их язык, весьма богатый словами, означающими «давать», но не имеющий слова для обозначения ссуды или займа. В сравнении с их соседями по Полинезии, они также отличаются большою сдержанностью; их весьма скромные и всегда грациозные танцы, или *meke*, изображают маленькия сельские или морские драмы, посевы, жатву, рыбную ловлю, и тому подобное вплоть до борьбы между прибывающим приливом и скалами[2].

Номинально, все жители архипелага христиане; в 1835 году, первые миссионеры основались на восточной группе островов, в Лекомбе; затем, по мере увеличения их влияния, они учреждали новые станции и мало-по-малу стали разделять власть с начальниками; вообще, история Фиджийских островов за последние пятьдесят лет есть история соперничеств и союзов между миссионерами и плантаторами, отныне взаимно соединенных под покровительством английского правительства. Господствующая религия—обнимающая более ста тысяч верующих—веслеянская; несколько тысяч фиджийцев стали католиками, а английская епископальная церковь, располагающая значительным бюджетом, каждогодно увеличивает число своих прихожан. Со времени возникновения религиозной пропаганды одним из наибольших препятствий в успехе миссионеров оказалось то обстоятельство, что, вследствие незнания языка, они стали обозначать Бога не именем «Ngelei»—Таинственного существа, которое под видом большой змеи, сокрытой в глубоких пещерах, создало и сохраняет мир,—но применили наименование *kalou*, которое фиджийцы прилагают лишь к второстепенным богам, покровителям классов, семейств и ремесл.

Предки возводились на степень божества, и некоторые из них, прославившиеся при жизни, стали могущественными богами, к которым взывает целый народ. Как и на большинстве полинезийских островов, на островах Фиджи также указывали определенное место, с которого умершие предпринимали свое большое путешествие в неизвестный мир вечности, находящийся далеко, в тех областях, где заходит солнце; этот отправный пункт, «конец земли» Вануа-Леву, был на крайнем западном мысе, Найкобокобо: часто туземцы отправлялись туда на богомолье. У туземцев были грозные жрецы, которые обладали уменьем сообщаться с душами мертвых, также как и с богами, и которые заставляли говорить богов перед собравшеюся толпою; жрецы вопрошали не только всё живущее, но и неодушевленные предметы, ибо у фиджийцев всё обладает душою, не только люди, животные и растения, но также дома, лодки, оружие и рабочия орудия. Храмы большею частью возводились на естественных или искусственных террасах и вообще состояли из обыкновенной хижины, помещенной на квадратном цоколе или на пирамиде из камней. Магическая палка—быть-может, предназначенная для отвращения дурных влияний,—помещалась горизонтально над крышею из

1 „Journal des Museum Godeffroy“.

2 Miss Gordon Cumming, „At Home in Fiji”.

листвы.

Известно, что людоедство составляло часть религии фиджийцев. Наименования некоторых их богов, как «бог избиения» и «бог-пожиратель человеческих мозгов», достаточно свидетельствуют об ужасающих церемониях, совершавшихся в честь их. Религия поучала, что всякая естественная благожелательность была бы нечестием, что боги любят кровь, и что было бы виною, преступлением не проливать её перед ними: после своей смерти, невинные, никогда не убивавшие люди, бросались на съедение акулам. Дети, приносимые в жертву во время пиршеств, предавались другим детям—сверстникам, которые таким образом выучивались палачеству и поварскому искусству. Жёны начальника должны были следовать за ним в могилу, и, в известных обстоятельствах, сыновья позволяли себя зарывать живыми в могилу их отца, делаясь, таким образом, «весьма счастливыми и приятными для богов жертвами»: всякое сопротивление казалось оскорбительным; рассказывают, что одна женщина, будучи спасена миссионерами, бежала ночью и отдалась своим палачам[1]. Часто старики и больные требовали, чтобы их прикончили и позволяли себя полузарывать, а затем и удавливать[2]. Трапезы из мяса человека или «большой свиньи» были священною церемониею, в которой женщины и дети не могли принимать участья, и тогда как при всякой другой пище мужчины довольствовались пальцами, они не иначе имели право прикасаться к священному мясу, как при помощи вилок из твердого дерева, сохраняемых с религиозным уважением: равным образом и печи, в которых жарились трупы, никогда не должны были служить для другого употребления. Фиджийские матери натирали мясом убитого врага губы своим детям. К тому же съесть врага значило оказать ему уважение: презираемого противника жарили, но не ели.

Хотя человеческое мясо предоставлялось съедать начальникам и даже, в некоторых округах, оно составляло табу для других, тем не менее жертвы были многочисленны, и в различных местностях указывали сотни камней, слагавшихся по числу жертвоприношений. Внутри острота Вити-Леву, около Намози, находилась вотчина одного племени, прозывавшагося Налока, которое, прогневав *туи*, т.е. королька, смежного с этим племенем, было осуждено на методическое истребление. Каждый год, жителей одного дома—и только одного—должно было предать смерти, при чём их мясо служило для стола властелина. После пиршества, хижину их сжигали, а на её месте садили деревья таро и черенки *solanum anthropofagum*, предназначенные для будущей приправы к мясу от другой семьи. Бегство наказывалось тотчас же смертью, и несчастным приходилось оставаться около рокового поля, на котором они с ужасом наблюдали зеленение, цветение и созревание растений. В день жатвы, слути являлись для приготовления стола для пиршества, срезали таро, нагревали большой котел, а затем, схватив свои жертвы за руки и за ноги, пускались бежать и разбивали их черепа о священный камень. Вечером сжигалась другая хижина, насаживалось другое поле таро, и таким образом из года в год деревня уменьшалась на одну хижину и на одну семью. Однако, король соблаговолил простить последних из остававшихся в живых, и единственное существо, уцелевшее от всего племени, престарелая женщина, умерла естественною смертью в 1860 году.

Будучи прежде чисто религиозною церемониею, людоедство привело к ожесточению нравов, и гнев, или простой каприз, а то даже и аппетит короля были достаточны для осуждения его подданных или пленников на гибель в печи или в котле. Король Тхакумбау, которому впоследствии суждено было «обратиться», стать «ревностным христианином» и сделаться в глазах англичан законным королем всего архипелага, обыкновенно указывал своей палицею на того, кого ему хотелось съесть за ужином; если несчастный начинал вымаливать себе пощаду, то король приказывал вырвать ему язык и съедал его свежим, ещё истекающим кровью: этот король находил удовольствие иметь в своем раю «древо запретного вида», на котором развешивались человеческие члены, все отборные куски, оставлявшиеся для коро-

1 Erskine, „Western Pacific“.

2 Dumont d'Urville, „Voyage au Pole Sud et dans l'Oceanie“.

левского стола[3]. Несмотря на всё это, когда миссионеры и английские резиденты настаивали перед начальниками на прекращении людоедства, поборники старинных обычаев энергически защищали свои древние «учреждения», утверждая, что долг в отношении общества требует поддерживать страх в низших классах. Эти крайние консерваторы кончили, однако, тем, что уступили, а с того времени, как архипелаг вошел в состав английской колониальной державы, человеческие жертвы совершенно прекратились, как равно и ужасный обычай спуска военных судов по телам пленников.

Одною из причин, наиболее содействовавшею признанию фиджийскими начальниками верховной власти англичан, был страх, который им внушали переселенцы с Тонги; фиджийцы опасались, чтобы их архипелаг не был завоеван тонгцами, на-подобие того, как предки тонгцев, переселенцы с Самоа, некогда присвоили себе и самые острова Тонга[2]. В былое время островитяне с Тонга не осмеливались приставать к берегам больших фиджийских островов без особенного разрешения: даже когда буря выкидывала их на берег и они являлись просителями, их хватали и съедали. Но нужды торговли покровительствовали им на различных островах архипелага, в особенности на образованных кораллами землях на востоке, ближайших к Тонге: они привозили цыновки, раскрашенные ткани, и просили в обмен на них дерева для построения своих флотилий. Там они даже селились колониями для оснащения своих судов на месте, и вскоре на некоторых из юго-восточных островов архипелага, особенно на Лакембе, главном острове, они стали достаточно многочисленны для того, чтобы жить там независимыми общинами. Отважные и храбрые, сознающие свое военное преимущество над туземцами, они вскоре перешли в наступление, и один из наиболее могущественных начальников островов Тонга, прибыв с многочисленными наемниками, поспешил воспользоваться обстоятельствами, чтобы поселиться на восточном архипелаге, в качестве посредника между фиджийскими начальниками, а также и «охранителя угнетенных». В следствие каждого нового приговора, всегда опиравшагося на оружие, его королевство возростало на счет завоеванных территорий, а несколько тысяч верующих присоединялись к веслеянской церкви, священнослужителям которых уплачивалось кокосовым маслом. Обращая в христианство вооруженною рукою, тонгцы взяли себе в союзники для своих завоевательных войн миссионеров, и в каждом мирном, диктуемом им договоре, первая статья гласила, что побежденные сожгут свои храмы и присоединятся к христианству. В 1859 году, победоносный начальник, являвшийся в качестве простого наместника короля Тонгского архипелага, командовал регулярною армиею в три тысячи человек, привыкших к победе: все племена восточных островов и Вануа-Леву были ему подвластны, и он уже приготовлялся к завоеванию Вити-лева, когда, в свою очередь, от имени Великобритании вмешался консул Причард и принудил тонгцев отказаться от всякого дальнейшего вооруженного или политического вмешательства в дела архипелага.

После опасности нашествия тонгцев, для островитян Фиджи наступила новая невзгода, именно истребление их белыми, американцами или австралийцами. Несколько мореходов из Соединенных Штатов, тягавшихся с «королем» Тхакумбау, потребовали от него уплаты громадной суммы в виде проторей и убытков, которую он не был бы в состоянии выплатить, если бы одно товарищество австралийских предпринимателей не ссудило его деньгами в обмен за годную к обработке землю в 80 тысяч гектаров, отмежевав себе эту землю среди самых плодородных областей архипелага. Отныне белые плантаторы становились уже владыками, и тем из туземцев, которые не соглашались работать на полях чужеземца рядом с кули, привезенными с Ново-Гебридских островов, с Самоа и из Индии, ничего более не оставалось, как удалиться в глухия долины внутри острова. Впрочем, дебюты управления белых были очень несчастны. Депутация знатных туземцев, возвратясь из поездки в 1875 году в Австралию, занесла в свой край эпидемию кори, и этот бич, смертельный для большинства пораженных им островитян, страшным образом распространился по всему архипе-

3 Julius Brenchley, „Jottings during the cruise of the Curacoa among the South Sea Islands“.

2 Berthold Seemann, упом. соч.

лагу и в особенности по Вити-леву: в несколько недель погибло более тридцати тысяч фиджиян, а общее мнение оставшихся гласило, что плантаторы умышленно дали болезни возможность распространиться, в видах освобождения себя от собственников и удобства захвата покинутых земель; даже некоторые белые полагали, что это ужасное подозрение имело основание.

Обезлюдение продолжается и ныне. Правда, нам неизвестно точное число островитян до прибытия белых в край, но об уменьшении жителей свидетельствуют разрушенные деревни, опустелые острова, и с того времени, как стали производить более или менее правильные переписи, исчезновение расы уже вне всякого сомнения. В последние годы, сами белые стали малочисленнее, вследствие колебаний в торговле. Одним из признаков печальных социальных условий, господствующих на Фиджийских островах, служит меньшая численность женщин, как между туземным населением, так и между теми иноземцами, которые по своей ли воле, или же в качестве рабочих прибыли в страну. К 31 декабря 1884 года, в населении островов Фиджи, без Ротумы, насчитывалось:

	Мужчин	Женщин	Всего
Белых	2.586	927	3.513
Людей смешанной крови	399	392	791
Азиатских и океанийских переселенцев	6.933	1.632	8.516
Фиджиян	60.802	54.089	114.891
Всего	70.720	57.040	127.760

Численность населения в 1891 г.—123.765 (67.364 мужск. и 56.401 женск. пола), в том числе 2.036 белых. В конце 1897 г. общее число жителей архипелага Фиджи исчислялось в 126.798 душ.

Каждый год число смертей превышает число рождений. Так, в 1884 году на о-вах Фиджи заключено браков 978; совершилось рождений 4.840, а случаев смерти было 8.592.

Культуры весьма разнообразны в архипелаге. Один из видов иньяма доставляет туземцам главную пищу; возделывают также таро или дато (колоказия), клещевидное растение, столь важное в деле питания людей на протяжении большей части экваториального мира, от гор Камеруна до Маркизских островов. Однако, у фиджиян мало продуктов, которые они могли бы продавать иностранцам в обмен на европейские товары: сандаловое дерево, за которым торговцы приезжали в начале века, почти иссякло; оно встречается ещё лишь в садах. Равным образом, весьма редкой стала и *дакла*, т.е. фиджийская сосна (*dammara vitiensis*), вид весьма близкий к каури, т.е. к даммаре Новой Зеландии и Новой Каледонии; вследствие этого, теперь уже вывозят лишь небольшое количество смолы. Кокосовые деревья окаймляют сотнями тысяч морские пляжи, но они не принадлежат туземцам, и теперь масло и копру отправляют в Европу или в Австралию уже плантаторы. Что касается продуктов местной промышленности, то они служат только для туземцев. Одно из наиболее утилизируемых ими деревьев—*мало* (*broussonetia papyrifera*), луб которого, будучи намолочен женщинами, превращается в прочную и гибкую ткань: её употребляют либо в виде передника, либо в виде тоги, а прежде начальники носили из этой материи длинную мантию, которая далеко волочилась позади их; делают из неё также отборную писчую бумагу. Ткань эта чистого белого цвета, но её умеют раскрашивать различными рисунками, пользуясь способом, похожим на печатание, именно употребляя небольшие бамбуковые кусочки, тщательно вырезанные и окрашенные в различные цвета.

Природная или акклиматизованная флора Фиджийских островов столь богата растениями, драгоценными по своим плодам или съедобным корням, лекарственным и пряным веществам, волокнам, краскам, смолам, или маслам, что плантаторы затрудняются в выборе своих культур, и если их предприятия до сих пор мало удавались, то причина тому не столько ураганы, которые иногда опустошали плантации, сколько плачевные условия труда, выполняемого руками рабов. В первые годы колонизации, североамериканская междоусобная война, давшая столь важное значение возделыванию хлопчатника во всех хлопко-производящих краях, быстро обогатила фиджийских плантаторов; но со времени той эпохи, ручной

труд стал слишком дорог, чтобы эта отрасль земледельческой промышленности могла удержаться, и теперь Фиджийские острова вывозят хлопка едва лишь несколько кип. Равным образом было введено там возделывание чайного дерева, но без большого успеха, и опять-таки по причине дороговизны труда; благодаря Земану, фиджийцы научились извлекать питательную сердцевину из своих саговых деревьев. Табак возделывается, но почти исключительно туземцами, которые продают листья для уплаты своих податей. Ныне главную промышленную культуру,—после культуры кокосовой пальмы, доставляющей копру,—составляет тростниковый сахар. Вывезено в 1892 г.: копры 5.990 тонн на 1.322.000 франк., сахара —18.883 тонн на 7.550.000 франк. Площадь культивируемых европейцами земель в 1891 г.: под кокосовой пальмой—8.370, под сахарным тростником—5.195, под бананами—1.097, под чайным деревом—100 гектаров. В наиболее удачный в торговом отношении 1883 год товарообмен Фиджийского архипелага достиг 31.329.685 франков, из которых на долю ввоза приходилось 20.064.820, а на долю вывоза 11.264.865. Но затем, соответственно выселению белых, он правильно уменьшался. В 1897 г. ценность привоза: 6.375.000, вывоза: 11.000.000 франк. Наибольшая доля товарообмена находится в руках англичан и англо-австралийцев, но между фиджийскими купцами есть также и гамбургские негоцианты, завладевшие многими отраслями вывоза.

В международной торговле принимают участие лишь некоторые из фиджийских портов, в которых, в 1895 году, движение выразилось цифрой тоннажа в 235.000. Прежняя столица, Левука, расположена на берегу восточной бухты острова Оваляу; но по причине неудобного местоположения этого города, представляющего ряд домиков вдоль пляжа, у подножия трудно доступных крутых утесов, пришлось переместить политический и административный центр архипелага. Сува, новый главный город,—недавно построенный на большом острове Вити-Леву, около его юго-восточной оконечности,—лучше помещен, чем Левука, находясь в местности, слегка наклоненной к морю, между дельтами двух наиболее обильных рек Вити-Леву, и по соседству с самой многолюдной внутренней деревней, Ревой, называемой англичанами «Фиджийскою Венециею»: вокруг её хижин, река Рева-Рева ветвится многочисленными каналами. Однако, место стоянки больших судов находится в бухте Нгалао, на юге острова Кандава: в этих морских пространствах глубина воды значительнее, и по ним менее рассеяно подводных рифов.

На юге Вануа-Лева, бухта Саву-Саву посещается каботажными судами; вблизи порта, на берегу бьют обильные теплые источники. Фиджийские деревни представляют некоторое сходство с деревнями внутри Суматры: хижины оканчиваются на двух концах рогообразными пиньонами, выступающими над кровлей по крайней мере на один метр и покрытыми раковинами.

Как народ, фиджийцы не имеют ни малейшей доли участия в управления архипелагом; белые не оставили нм ничего. Колония—принадлежность «Короны»; губернатор и исполнительный совет назначаются королевой Великобритании, а законы вырабатывании законодательным советом из тринадцати членов: из них семь участвуют в совете в силу своих должностей, а шесть избираются губернатором. Архипелаг разделен на двенадцать округов, под управлением начальников, состоящих на жалованьи; эти начальники суть потомки прежних царьков (*tui*) и должны применять как законы Англии, так те из обычаев (*Lala*), которые одобрены английским правительством; самый драгоценный из этих обычаев для них тот, который обеспечивает земельным собственникам труд бедняков, уподобленных крепостным. Прежде семейства или *gali* сгруппировывались в общины, аналогичные сербской *задруге*; они владели земельной собственностью сообща; но жадность главарей, поощряемая британским законодательством, мало-по-малу превратила главаря в абсолютного обладателя землею: явление, аналогичное присвоению графств шотландскими *lairds*'ами[1].

Годовой бюджет уменьшался одновременно с уменьшением белого населения, а долги

1 Fison;—De Hubner, „Revue des Deux Mondes“, 15 dec, 1885.

возрастали из года в год. В бюджете островов Фиджи 1897 года доходы и расходы балансировались в сумме 1.875.000 фр., а государственный долг простирался до 5.500.000 франк. Благосостояние Фиджийских островов далеко не отвечает надеждам их первых колонизаторов из белых людей, и маленькое островное государство не достойно фигурировать рядом с своими союзниками в Австральазии, поэтому фиджийские негоцианты много раз просили парламент Виктории взять в свои руки управление их территориею, слишком дорого стоющее для них одних.

В 1881 году, остров Вотума, вулканическая земля, расположенная в 500 километрах к северу от северо-западного угла островов Фиджи, был формально присоединена Англиею к её фиджийской колонии. Он занимает пространство, исчисляемое всего только в 36 квадр. километров, и вся внутренность острова, вершины которого достигают 200—250 метров, необитаема. Остров этот превращен в громадный загон для диких свиней, составляющих главное его богатство. Пояс окружности, где рассеяны селения и по которому проведена круговая дорога, возделан весьма хорошо: это пальмовый лес, тянущийся на 50 километров и прерываемый там и сям полянами.

Ротумцы, весьма смелые мореходы и весьма ценимые, поэтому, как матросы, подпали, подобно фиджийцам, под влияние тонгцев, которые, ещё до прибытия английских миссионеров, и обратили большую часть островитян в веслеянский протестантизм. С своей стороны основали в Ротуме миссию и католики, и таким образом на этом острове, как равно почти и на всех других океанийских островах, обе религии живут рядом. Также как их соседи, ротумцы находятся на пути к вымиранию. В 1871 году, на острове рождений было 67, а смертных случаев 107, число жителей в 1883 году 2.450 (1.136 мужчин и 1.314 женщин), в 1892 г. 2.207.

Сто-восьмидесятый градус долготы к востоку или к западу от Гринвича проходит чрез восточные острова Фиджийского архипелага: это условная линия, делящая Тихий океан на две половины и вследствие этого принимаемая мореплавателями за границу в отношении к исчислению дней. К западу от этой линии часы считаются вперед против часов в Западной Европе; к востоку же они исчисляются назад: на этом меридиане океана, полночь одновременно соответствуете лондонскому полудню—для следующего дня, в направлении от востока к западу, и для дня предыдущего, в направлении от запада к востоку. С каждой стороны этой раздельной линии один и тот же день называется различными именами: моряки, плывущие с востока, пропускают один день недели, пересекая эту линию; напротив, плывя с противоположной стороны, они удвоивают его. Смотря по политическим переменам, эта раздельная для календаря линия отодвигалась то вперед, то назад. Манилла, сообщение которой с европейским миром галионы поддерживали путем чрез мексиканский порт Акапулько, считалась лежащею к западу от Кадикса, хотя по этому пути она находится на двух третях земной окружности, тогда как Макассар, лежащий на том же меридиане, как и Манилла, но поддерживавший сношения с Европою путем около Мыса Доброй Надежды, считал свои часы как находящийся к востоку от Европы. С другой стороны, полуостров Аляска руководствовался календарем петербургским. Ныне это уже изменилось. На Филиппинских и Каролинских островах счисление дней теперь то же самое, как в Австралии и Новой Зеландии; с другой стороны, Аляска следует уже счислению дней, принятому на всём остальном американском материке. Однако, можно задать себе вопрос: не следуете ли, в видах лучшего разделения обоих миров друг от друга, раздельный меридиан немного переместить, приблизительно градусов на десять к востоку? Очевидно, наиболее удобною разграничивающею меридиональною линиею была бы та, которая проходит через Берингов пролив, отделяя Азию от Америки, а австральаазийские морские пространства от сравнительно пустынных вод восточного Тихого океана[1].

1 B. de Beaumont, различ. статьи;—„Bolletino della Societa geografica Italiana". Maggio 1888.

Глава XI Экваториальная Полинезия

Наименование «Полинезия» (Многоостровье) есть один из тех, неопределенного смысла, терминов, которые, смотря по географам, прилагаются к более или менее обширное совокупности океанийских островов. С чисто географической точки зрения, эти «многочисленные острова» суть небольших размеров земли, усеевающие моря к востоку от больших островных или материковых масс Филиппинского архипелага, Новой Гвинеи и Австралии. С этнографической точки зрения, Полинезия состоит из восточных архипелагов Океании, которые населяет раса с светлым оттенком кожи, родственная малайцам по языку, но весьма различающаяся от этих последних преданиями и нравами. Следовательно, по своим жителям, Новозеландские острова, в антарктическом полушарии, и, с другой стороны, архипелаг Сандвичевый, в северном полушарии, принадлежат к Полинезии[1]; однако, эти удаленные от экватора земли отличаются столь резко от других полинезийских островов климатом и геологическою природою почвы, что должны быть изучаемы отдельно. Архипелаг Эллис, население которого равным образом полинезийское, принадлежит к тому же ряду островов, как и архипелаги Маршальский и Джильбертов. В этих суженных границах, собственно так называемая Полинезия, заключающаяся почти вся между экватором и южным тропиком, представляет пространство всё-таки ещё весьма значительное. На пространстве океана приблизительно в три миллиона квадратных километров, рассеяны—в виде одиннадцати главных групп, а местами по три, по два и даже по одному—острова всевозможной формы, имеющие в совокупности площадь около 10.000 кв. километров. Каково же число этих островов? Достигающих по крайней мере одного километра поверхности—насчитывают 220; но совершенно невозможно перечислить тысячи островков и отдельных рифов, которые соединяются друг с другом для образования колец атолла и которые то показываются, то исчезают, обнажаясь при отливе и скрываясь под водой при приливе.

Острова восточной Полинезии, как и большая часть других океанских земель, расположены в виде правильных рядов. За исключением островов Тонга, принадлежащих к цепи Новой Зеландии и связанных с этим архипелагом при посредстве группы Кермадек, другие полинезийские острова ориентированы в направлении с северо-запада на юго-восток и расположены в виде параллельных небольших цепей, истинная форма которых обнаруживается очертаниями сокрытых пьедесталов, которые определяются при промерах морского дна. Шесть главных кряжей, не считая выпуклостей меньших размеров, следуют эшелонами от группы Ниуэ или Инуи вплоть до Маркизских островов, будучи вполне отделены друг от друга глубокими впадинами, жидкая масса которых имеет глубину по крайней мере в 4.000 метров. Первая из этих гряд, выраженная слабее всего, примыкает к северо-восточному углу Тонгского архипелага, непосредственно к востоку от самой глубокой пропасти южного полушария, вдавшейся в морское дно на 8.001 метр (промеры, произведенные с корабля «Эгерия» в 1888 году: 24°37’ юж. ш.; 175°8’ зап. д. от Гринвича). Остров Ниу есть единственная из годных для обитания земель, находящихся на протяжении приблизительно трех тысяч километров; другие выступы суть не что иное, как утесы, подводные рифы или песчаные мели; риф Марии-Терезии, который со всех сторон окружают глубокия воды, заканчивает подводную цепь со стороны антарктических морей. Второй ряд полинезийских земель, напротив, отмечен большим числом выступающих из-под воды массивов: он начинается на северо-западе островами Самоа, из которых один есть самый большой остров во всей Полинезии; за ними следуют, к юго-востоку, небольшая группа Пальмерстон, затем остров Кука, далее островки архипелага Тубуаи. Менее правильный в своем ориентировании, но ещё вполне различимый, благодаря подводным изысканиям, третий ряд начинается с островов Токеляу, затем продолжается островками Пукапука, Суворова и островами Товарищества; далее, несколько островков, обыкновенно причисляемых к Туамоту, могут считаться принадлежащими также и к островам Таити. На другой оконечности ряда, по соседству с эква-

1 J. A. Moerenhaut, „Voyage au iles du Grand Ocean“.

тором, острова Феникс, хотя хорошо изолированные океанийскими пучинами, дном Хильгарда на западе, дном Миллера на востоке, ориентированы в том же направлении, как и острова Товарищества; то же самое следует заметить и о других группах, расположенных к югу от пучин Миллера; наконец, острова Пинрин или Манахики образует северо-западную оконечность четвертого ряда полинезийских островов, который продолжается к юго-востоку главной вереницей Туамоту, затем слегка изгибается, открывая свою вогнутость к экватору, и через известные промежутки высовывает из воды свои вершины. Остров Питкерн и остров Пасхи, наконец Сала-и-Гомез составляют часть этой цепи островов, которая растянулась в длину на 6.300 километров. Остров Сала-и-Гомез в восточном направлении,—последний остров Полинезии, пограничный столб этого океанийского мира, связанного с Азиею непрерывным рядом земель. На восток, к Америке, море лишено островов на пространстве приблизительно 2.700 километров; правда, острова Жуан-Фернандез, Мас-а-Фуэра и Мас-а-Дентро находятся на той же самой линии, как и острова Туамоту и остров Пасхи; но относительная близость берегов Чили позволяет рассматривать эти земли как географическую принадлежность южно-американского материка.

К северу от средней оси полинезийских островов следуют два другие ряда: один, малозначительный, обнимает остров Мальден и Каролину и северную вереницу Низменных островов: другой, более богатый выступающими из-под воды вершинами, начинается к северу от экватора островами Самаранг, Нью-Йорк, Кристмас (Рождества), Фаннинг, часто группируемыми под названием America-islands, затем образует, к северу от Туамоту, уединенный рой Маркизских островов. От этого крайнего архипелага Экваториальной Полинезии до самой близкой материковой земли, т.е. до мыса Св. Луки, на оконечности Калифорнийского полуострова, разстояние, которое приходится проплыть по громадной жидкой пустыне, равняется 4.900 километров. От Маркизских же островов до Гавайского архипелага промежуток меньше, именно в 3.300 километров.

Также как другие океанийские населения, жители Экваториальной Полинезии не избегли господства миссионеров и европейских купцов, а столкновение интересов и страстей между самими белыми и их различными культами привело к вмешательству держав и к провозглашению оффициального присоединения большей части архипелагов, находящихся в этих морских пространствах. Однако раздел Океании между различными колониальными державами ещё не завершился, и не по причине противодействия островитян, слишком малочисленных и слишком разбросанных, чтобы быть опасными, но по причине соперничества притязаний между европейскими державами, которые не могли ещё согласиться относительно окончательного распределения островов. Британское влияние преобладает в западной части Полинезии: острова Тонга и Токелау находятся в сфере политического притяжения к австралийской конфедерации; но группа Самоа, столь важная, как центр мореплавания в Тихом океане, слишком драгоценная ставка в игре, чтобы её не оспаривали у Англии: в числе соперников явилась даже республика Соединенных Штатов, и уже имелся проект превращения архипелага Самоа в политическую «территории» Соединенных Штатов и представления её в конгрессе особым делегатом. Ныне влияния Англии и северо-американской республики уравновешиваются в Самоа влиянием Германской империи, и междоусобные войны между царьками архипелага в действительности возбуждаются вследствие дипломатических столкновений между тремя соперничествующими державами. Севернее, небольшие, соседние с экватором архипелаги островов Феникс, Фаннинг, Эндербюри, Мальдекс и другие богатые гуано земли не представляют того стратегического и торгового значения, как архипелаг Самоа; поэтому-то о них и не спорят державы, а Соединенные Штаты, к которым они часто причислялись, не ищут действительного завладения ими. Что касается восточных групп Полинезии, островов Товарищества, Низменных и Маркизских, то отныне они признаются принадлежащими Франции, хотя протекторат Таити подал полвека тому назад повод к большим затруднениям между правительствами Франции и Великобритании. *С 1889 года архипелаг Самоа, или Мореплавателей, состоял под общим протекторатом Великобритании, Германии и Соединенных Штатов; затем в 1899 г., после нового междоусобия, сопровождав-

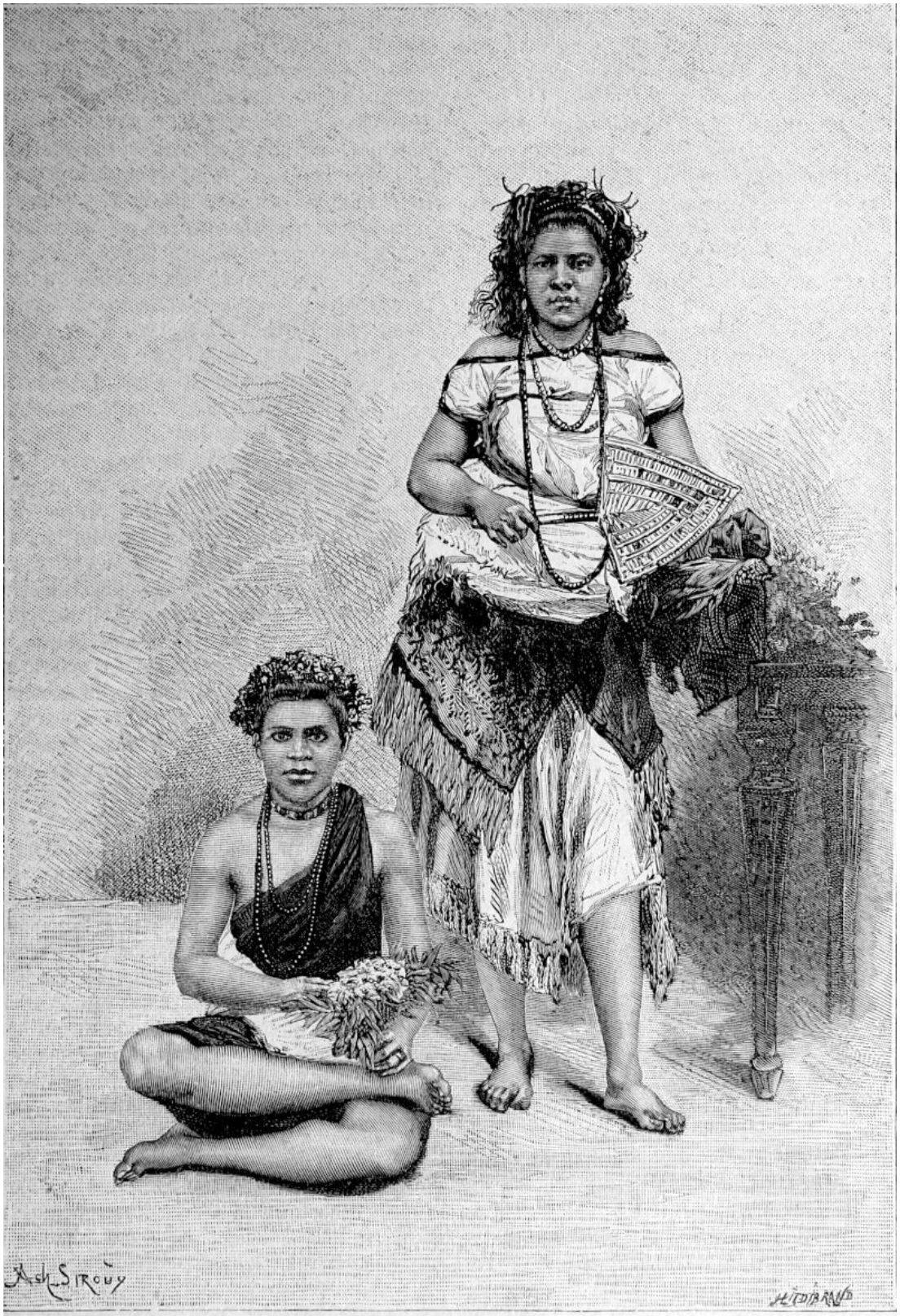
шагося вмешательством консулов держав-покровительниц, состоялся раздел архипелага между этими державами. По конвенции 14 ноября 1899 г., Германия получила острова Уполу и Саваи, северо-американская республика—остров Тутуилу, с прилегающими островками, Великобритания—острова Тонга, с включением островов Вавао и Дикого (Savage-Island); вся группа островов Гоу (Howe), составляющая часть архипелага Самоа, отошла к Великобритании; кроме того, Германия передала Великобритании Соломоновы острова (кроме острова Бугенвиль, оставшагося в немецком владении).*

По своим геологическим формациям, собственно так называемые полинезийские области не отличаются от Микронезии. И у этих островов есть свои вулканы, но действующие очаги находятся только в западных архипелагах, в Тонга и Самоа; на всех же восточных островах огнедышащие горы уже угасли. Острова Тонга, продолжающие на север вулканическую ось Новой Зеландии, состоят в действительности из двух цепей, из которых восточная—самая важная по пространству земель и числу жителей; другая, цепь западная, представляет лишь небольшое число островов, горделиво возвышающихся над морем: это верхушки вулканов, постепенно выдвинувшиеся из недр моря и образовавшие, на западе архипелага, гребень с редко рассаженными пиками. Один из этих пиков, Тофуа, на котором было извержение в 1885 году, и кратер которого постоянно дымится, возвышается на 854 метра; севернее, Као, самая высокая гора в архипелаге, достигает 1.524 метров; в течение исторического периода извержения из неё совершались часто. Вулкан Латэ, менее высокий и лежащий на западе группы Вавао, горел в 1854 году, а его северный сосед, Фонуалай, часто называемый испанским именем Амаргура, уже с 1846 года представляет лишь одни развалины. Сильные землетрясения предупредили жителей, и последние бежали на соседние острова. Но и на других островах посевы и плантации пострадали от выпавшего пепла. Взрыв был слышен на расстоянии, слишком 200 кил., а плавучие шлаки покрывали море на 100 кил. кругом; по возвращении на остров жители нашли лишь овражистые стены из лавы да груды красного или черного песка. Другой уединенный остров, лежащий на продолжении вулканической цепи, кажется короной, положенной на поверхности моря: это Ниуа-фу, овальный остров, замечательно правильный и в амфитеатре своего обширного кратера заключающий такой же формы озеро. Восточная вереница Тонгских островов своими низменными землями составляет контраст с уединенными вулканами западной цепи; даже самый большой остров, Тонга-Табу, есть не что иное как гладкая равнина из кораллового песка, на поверхности которой лежит слой чрезвычайно плодородного перегноя: весь остров представляет сад, в котором хижины скрываются в тени хлебных деревьев, пальмовых рощ или бананов. Однако, некоторые острова, состоящие также из коралловых скал, были приподняты на известную высоту над уровнем моря: таков, к северу от островов Тонга, небольшой архипелаг Вавао, с его обрывистыми берегами, изрытыми пещерами, с его живописными пригорками и тенистыми долинками. Поверхность всех островов более, чем удваивается окружающими их рифами, которые, при посредстве общего цоколя, местами соединяют острова друг с другом, хотя и не образуют, при этом, правильного атолла. К востоку от архипелага Вавао, остров Ниуэ или Инуи, также представляет собою вышедшую из воды коралловую мель.

Острова Самоа, правильно расположенные в длинный ряд,—происхождения вулканического; на них не видно других пород, кроме базальта, являющагося либо в виде сплошных масс, либо в виде туфа или пепла. Однако друг от друга они различаются возрастами и, между тем, как некоторые из пород, уже совершенно выветрившиеся на поверхности, одному только геологу открывают свое вулканическое происхождение, другие являются всё ещё такими, как были в тот день, когда потоки лав изливались из горна. По Дана[1], вулканический очаг, расположенный под трещиною Самоа, угасал постепенно, в направлении с юго-востока на северо-запад. Остров Тутуила, крайний восточный из трех больших земель, не имеет центральной вершины, которая бы сохранила его извергательное жерло: конусы рассыпались, разрушенные атмосферными деятелями, и глубокия долины образовались в горах, первич-

1 „United States Exploring Expedition“.

ная форма которых уже более нераспознаваема. О. Уполу, лежащий западнее, представляет отчасти тот же вид, как и Тутуила; но, в некоторых округах, вулканы сохранили свои правильные склоны, и свои застывшие потоки шлаковых лав: один из многочисленных крате-



Женщины съ острововъ Самоа.

ров имеет вид круглой чаши, заключающей в себе озеро. Наконец, западный остров, большой Савайи, есть не что иное, как одна вулканическая гора, Этна, с центральным кратером, с отлогими склонами, с многочисленными паразитными конусами, усеивающими, наподобие пузырей, тело исполина; сплошной лес покрывает центральную вершину и пояс

второстепенных вершин; нет ни одного кратера, который бы не был наполнен зеленью. Вулкан Савайи находится в покое; однако, у туземцев существует предание о выбивавшемся в былое время пламени из этой горы, и они указывают на один, вполне явственный, застывший поток лавы, истечение которого, будто бы, совершалось на глазах их предков. Савайи, из всех островов Самоа, окружен наиболее узким коралловым карнизом, и, по Дана, это обстоятельство должно быть объясняемо сравнительно незначительною продолжительностью того времени, в течение которого имели возможность работать зоофиты, после взбудоражения моря вулканическими извержениями. Уполу, угасший раньше, имеет на своей окружности более широкую кайму коралловых образований. Восточные острова представляют мели того же происхождения, ещё более обширные в сравнении с землею, уже поднявшеюся над водою; наконец, последний островок этой цепи, «Розовый», есть лишь атолл, вероятно, возведенный животными-строителями на вершине вулканического конуса; но на рифах кое-где виднеются обломки базальта, относительно которых Дана полагает, что они были оставлены в этом месте стволами пловучих деревьев, или же были выброшены каким-нибудь судном, как ненужный балласт. Подводные извержения бывали и в этих морских пространствах, так как порою наблюдали поднимающиеся из воды столбы пара[1].

Различные архипелаги, продолжающие цепь Самоа на юго-восток, в направлении к антарктическим морям, тоже образовавались из вулканов или коралловых утесов, возвысившихся над морем: атоллы там редки. Архипелаг Кука имеет несколько вулканических вершин, поднимающихся над уровнем моря на сотню метров, но только один вулкан внушительного вида—Раратонга, высотою в 1.500 метров; подступ к нему весьма труден, так как с того времени, как вулкан перестал извергать лаву и пепел, вокруг него образовался пояс подводных рифов. Острова Австральные или Тубуай, находящиеся на продолжении этого ряда,—тоже вершины вулканов, окруженные полипниками.

Самые высокие вулканические горы в экваториальной Полинезии находятся на островах Товарищества. Первый вулкан, Мопити, возвышается на сотню метров посреди атолла; затем следует высокая гора Бора-бора, вздымающая более чем на 700 метров свою двуглавую базальтовую вершину и опоясанная при основании кругообразным портом, защищенным от волнения в море коралловым барьером. Два острова-близнеца, Тагаа и Райата (100 метров), и остров Гуагин (360 метров), продолжают вулканический архипелаг в направлении к югу и к юго-востоку, затем небольшой вулканический холм Тапаманоа сменяет их среди волн, прежде чем мореплаватель увидит постепенно выдвигающиеся вдали величественные горы группы Таити. Над островом Моорея или Эймео, который показывается первым, господствует гордая Тохивея (в 1.218 метров); но сколько совершилось перемен с того времени, как из кратеров излились потоки лав! Остров треснул во всех направлениях, рассекся на отдельностоящие горы, а в его окружность врезались глубокие заливы; его разложившиеся лавы стали растительной землей, и откосы скал виднеются уже чрез густую листву деревьев. Даже рядом с чудным Таити, Моорея кажется дивной землей, благодаря грандиозности и прелести её видов.

Таити лучше, чем его соседка Моорея, сохранил правильную форму вулканического массива. Главный острив, Таити Нуи, или «Большой Таити»,—почти круглый, и его господствующий пик занимает приблизительно средину обширной окружности побережья; однако, около юго-восточной части окружности, узкая, вероятно, образовавшаяся во время какого-нибудь извержения, полоса низменных земель соединяет с большим островом другой, овальный, меньших размеров, остров, Таити-Ити, т.е. «Малый Таити». Оба острова-близнеца гористы и местами выдвигают свои возвышенные мысы за правильную линию побережья; но высота выступов рельефа соответствует размерам их пьедестала. Самая высокая вершина Малого Таити, Комо, достигает 1.130 метров, между тем как гора Орохена, т.е. «Земля Богов», возвышающаяся в центре Большого Таити, имеет 2.237 метров: на неё ещё не подни-

1 Stonehewer Cooper, „Coral Lands“.

мались, так как вершина её оканчивается вертикальным пучком базальтовых столбов[1]; но неподалеку от него, на Аорай, почти столь же высокую гору, восхождение было совершено в первый раз в 1882 году. Многие другие вершины, находящиеся, так сказать, в свите этих двух гор, имеют в высоту 1.500 метров: с побережья, над которым горы господствуют в среднем расстоянии около десяти километров, они кажутся очень крутыми, и во многих местах они возвышаются в виде вертикальных стен; стены из лавы, которые устояли против непогод, в то время, как окружающие породы обломались и разрушились, походят на гигантские здания. Один гребень, разрезанный на игловидные вершины, получил наименование «Диадемы» за грандиозный вид его скал, расположенных на челе гор и ярко блистающих на солнце. Каскады ста пятидесяти ручейков или речек падают с высоты базальтовых ступней и несут к морским берегам превращенные в гальку и песок обломки вулканов. Так образовался пояс узких равнин, от 1 до 3 километров шириною, окружающий остров гирляндою зелени; однако наносные земли далеко простирались бы по водам, если бы у Таити не было своего внешнего барьера из рифов. Все размельченные отрывки скалы задерживаются в таких водах кругового канала и уже наполовину заполнили его[2]. Лишь небольшая часть наносов увлекается в море чрез проломы, открывающиеся в рифе перед наиболее обильными реками: загрязнение данных вод препятствует образованию полипняков.

Острова Манахики, рассеянные к северо-западу от Таити, суть острова «низменные», как и острова большого архипелага, специально называемого этим именем. Эти последние, прежде называвшиеся Помоту, т.е. «островами Ночи», «Таинственными» землями[3], а ныне обозначаемые менее поэтическим термином Туамоту, т.е. «Отдаленные», заслуживают также наименования, которое им дал Бугенвилль, именно «Опасный архипелаг». Почти все выступающие из воды земли суть атоллы или просто верхушки рифов, посреди которых необходимо лавировать с осторожностью, так как они не всегда указываются кругом бурунов; с короткого расстояния в открытом море лесистые и населенные острова видимы только по поясу деревьев, показывающемуся над белеющеюся каймой волн. Прежде, до введения кокосовой пальмы, на тонком слое земли, образовавшемся на атолле, не было другой древесной растительности, кроме пандана и одного вида самшита (букса), называемого *микимики*. Из 78 островов, составляющих собственно архипелаг, 74, по Дана, в среднем, имеют менее четырех метров возвышения над уровнем моря; из них, достигающие метров сорока высоты похожи на настоящие горы; корабли избегают их, так как они не имеют лагун, в тихих водах которых можно было бы бросить якорь. Правильные атоллы—которые составляют большинство между островами этой группы,—имеют форму овала, ориентированного в том же направлении, как и архипелаг, т.е. в направлении с северо-запада на юго-восток; у больших атоллов Низменных островов, внутреннее, замкнутое в поясе рифов, море имеет от ста до ста пятидесяти километров в окружности.

К юго-востоку от архипелага, большой остров Мангарева образует, вместе с несколькими возвышенными островками, особую группу, вулканического происхождения,—архипелаг Гамбье, который, благодаря наблюдениям Дарвина, представляет одну из наиболее известных островных групп в истории географии: там именно, как он полагал, ему довелось открыть тайну колебаний уровня земной коры. Весь архипелаг окружен коралловым рифом, который, повидимому, указывает на древнюю окружность опустившихся под воду массивов. По мнению знаменитого исследователя, эти острова находятся ныне в области оседания: некогда большой остров занимал, будто бы, всё пространство, ныне ограничиваемое внешним рифом; постепенно, однако, эта земля опускалась, при чём в то же время, благодаря труду маленьких животных-строителей, полипняки на её окружности поднимались: постепенное поднятие внешней коралловой стены могло бы быть измерено глубиною тех пучин, которые

1 Raoul, рукописные заметки.

2 Dana, упом. соч.

3 Moerenhout, „Voyage aux iles du Grand Ocean“.—«Помоту» также переводится как «Покоренные острова»

окружают подводные откосы рифа. Как-бы там ни было, несомненно, что скелет Гамбье состоит из вулканического ядра, вокруг которого мадрепоры возвели свои постройки. Центральная гора, Дуфф (в 380 метров)—угасший вулкан, как равно и другие горы, рассеянные внутри коралловой ограды.

На северо-востоке, последний ряд островов Экваториальной Полинезии составляет своими горами контраст с низменными землями Туамоту. За исключением нескольких атоллов и коралловых мелей, Маркизские острова гористы: это бывшие вулканы или группы вулканов, находящихся в покое, вероятно, уже с весьма отдаленных времен, так как на них нигде не видно правильной формы конусов, с конечными кратерами и с покровом из лав. Нукагива, самый главный из островов, представляет на западе лишь отвесные утесы и каменистые плоскогория, лишенные растительности; но центральная часть, откуда вытекает главная река, окружена кольцом гор, из которых одна, господствующий пик, имеет в высоту 1.178 метров; выемка в окружности, на юго-востоке цирка и самого острова, образует одну из многочисленных бухт побережья. Остров Хива-оа, которому Мендана дал имя «Доменика», сохранил свою первоначальную архитектуру лучше, чем его соперник Нука-гива. Амфитеатр вулканических гор, из которых одна, в 1.250 метров, выше всех остальных гор на Маркизских островах, профилирует там в форме полукратера, а два небольших острова, расположенных на юге, Тауата и Мотане, повидимому, составляют, вместе с главным островом, обломки вулкана, имевшего громадные размеры. Наконец, на восточной оконечности Полинезии, уединенный остров Пасхи представляет глыбу лавы, треугольная масса которой выщербилась таким образом, что образовались три вершины. Самая высокая из них, отвесно вздымающая свой конус над водами метров на пятьсот, находится в северо-западном углу острова; с её склонов лишь кое-где виднеются пятна зелени, являющей резкий контраст с бесплодными шлаками, покрывающими неровную поверхность земель.

Известно, что острова Экваториальной Полинезии почти все находится в полосе юго-восточных пассатов, но что северо-восточные ветры преобладают в тех группах, которые лежат к северу от экватора: в течение южного лета эти пассаты северного полушария изгибаются к югу от экваториальной линии, образуя северо-западные и неправильные ветры. Гористые острова также нарушают нормальное движение атмосферных течений, окружаясь бахромой попеременных бриз. Балансирование с севера на юг происходит как для с атмосферных, так и для океанических течений. В этих морских пространствах ураганы редки; но иногда они дуют с чрезвычайною силой и особенно опасны на низменных островах, где случалось, что волны перекатывались от берега океана до внутренней лагуны, снося деревья и хижины, не оставляя никакого следа пребывания человека. Так, в 1878 году циклон пронесся над островами Туамоту[1]: главный город архипелага, Анаа, был вполне разрушен, а на острове Каукура более сотни лиц утонули, пытаясь спастись на своих лодках[2].

Средний пояс штилей, бриз и круговращающихся ветров, находящийся между двумя полосами пассатов, соответствует лежащему под ним поясу вод, которые, вместо того, чтобы постоянно направляться с востока на запад, вместе с великим экваториальным течением, остаются сравнительно неподвижными, или же на протяжении их пробегают поперечные или даже противоположного направления шквалы; иногда эти воды массою текут в направлении к востоку, противоположно нормальному направлению течения, при чём наибольшею силою это противотечение обладает в месяцы с июня по октябрь, когда солнце спускается по эклиптике к южному тропику. Вследствие этих великих морских движений, различным образом уравновешивающихся, приливы и отливы не обнаруживают в этих морских пространствах того же ритма, который наблюдается на большей части материковых побережий. Так, на Таити четыре приливных волны, из которых каждая обладает различною скоростью и достигает своей наибольшей высоты в разные часы, сходятся из разных точек пространства: в

1 „Exploration“, juillet 1879.

2 Dana, „Manuel of Geology“;—Cherny, Die Wirkungen der Winde auf die Gestaltung der Erde“, Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen.

результате, прилив почти вполне нейтрализуется; его средняя высота обыкновенно не превышает одной трети метра и наблюдается лишь однажды в день. Соответственно годовым колебаниям, производимым течениями, низменные острова, окаймленные песчаными мелями, меняют свои очертания из сезона в сезон. Примером таких видоизменений может служить островок Бакер, находящийся под экватором, к северу от архипелага Феникс. Летом, когда дует юго-восточный ветер, приморская мель простирается прямо на запад: зимою же, когда господствующим ветром является северо-восточный, мель образуется по направлению к югу: расстояние между двумя крайними положениями песчаной стрелки не менее 200 метров, между тем и другим пассатом.

Дожди весьма обильны на гористых островах, расположенных на пути пассатных ветров: Нука-гива, Таити, Раратонга, Уполу, Савайи получают большое количество дождевой воды, по крайней мере на тех из своих склонов, которые обращены к ветру; но Низменные острова, вовсе не задерживающие атмосферических течений, орошаются незначительными дождями, и иногда там по нескольку лет не бывает, ни одного дождя. По замечательному контрасту, именно по соседству с экватором, в том поясе затишья, где столкновение ветров приносит, в других морских пространствах, столь обильные дожди, здесь облака редко изливают свою влагу; даже случается, что над некоторыми коралловыми островами пары рассеиваются в небесном пространстве. Причина тому—высокая температура этих коралловых или песчаных мелей, почти лишенных растительности; проходя в горячем воздухе, поднимающемся с этих островов, облака исчезают и позволяют видеть синеву неба, но далее они сформировываются снова, и очертания острова вырисовываются в воздушном пространстве в виде лазурного острова. Эти бездождные земли были ещё недавно покрыта толстыми слоями гуано, да и теперь ещё, несмотря на весьма деятельную разработку, начатую с средины текущего века американскими промышленниками, рабочие трудятся там с пользою. Острова: Бакер, соседний с ним Гоуланд, и, восточнее, Ярвис и Мальден принадлежат к числу этих складов гуано. Птицы миллионами ютятся на этих вышедших из-под воды рифах; они до такой степени скучиваются, что во многих местах на протяжении многих гектаров поверхность острова принимает однообразную наружность, соответствующую тому или другому оперению птицы. На Гоуланде, где произрастают кое-какие деревца, всегда нагруженные пернатыми, эти белеющие насести кажутся почти умершими, и однако же жизнь поддерживается у них в соседних с корнями частях. Единственное благоденствующее растение—портулак, прозябающий и цветущий на самом гуано.

С точки зрения её флоры и фауны, Экваториальная Полинезия составляет лишь продолжение меланезийских земель, и самый факт отсутствия организмов, принадлежащих собственно островам Океании, уже достаточно доказывает, что эти архипелаги вовсе не остатки материка, скрывшагося под воду. Почти все свои растения и всех животных архипелаги получило с запада, хотя на них есть также представители и американских форм. Прекрасная тропическая растительность, покрывающая некоторые атоллы, позволяла с первого взгляда предположить значительное разнообразие в туземных растениях; между тем, ботаник Грэй на всём архипелаге Низменных островов насчитал только от 28 до 30 растительных видов, за исключением ввезенных человеком, при чём между последними находится также и кокосовая пальма. Даже на острове Рапа, лежащем южнее 27°, под той же широтой, как и Брисбан, есть пальмовые рощи; но потрясаемые суровыми западными и юго-западными ветрами, почти постоянно борющимися в этих морских пространствах, кокосовые деревья уже не приносят плодов[1]. Первое растение, завладевающее рифами,—портулак, затем следуют: ползучее травянистое растение с желтым цветком, *triumphetta procumbens*, род мохнатого баранчика, и одно сочно-мясистое растение, которое любит берег, омываемый соленою водою. Но, как ни бедна растительность числом видов, тем не менее чащи пандануса и прионии, завладевших почвою, выступившею из-под воды, придают некоторым островам пышный вид. Остров Гуенаке или Хонден, один из островов архипелага Туамоту, представляет собою

1 Raoul, рукописные заметки.

роскошный лес. При посещении этого острова Дана, на нём обитали только птицы; вид человека ещё не пугал их, и «они позволяли снимать себя с ветвей, словно бы это были цветки»; им даже вырывали перья из хвоста, а они всё-таки не пытались улетать. Собака на некоторых островах оказалась туземною[1]; до прибытия европейцев в сопровождении домашних животных, единственным млекопитающим, общим для всех полинезийских земель, была крыса, которая ныне исчезла из некоторых местностей, именно с Таити. По Дюмон-д'Юрвиллю[2], крыса была полуодомашнена в группе островов Мангарева; туземцы любили её прикармливать. Единственное ядовитое животное в восточной Полинезии—стоножка, имеющая 15 сантиметров в длину.

По своему человеческому населению Полинезия составляет особую область в мире Океании; однако, нельзя сказать, чтобы населяющая её раса была совершенно без примеси чуждых элементов. Сохранившиеся следы цивилизаций, отличных от цивилизации нынешних полинезийцев, доказывают, что в этих архипелагах совершались перевороты, и что последствия их были настолько значительны, что происходила смена одной расы другою. Любопытные памятники на острове Пасхи, которые, впрочем, несравненно ниже, в артистическом отношении, скульптурных украшений на судах Бирары или на хижинах Новой Зеландии, представляют, быть-может, остатки древней культуры. Всякое воспоминание, всякая легенда, относящаяся к временам, когда были высечены эти памятники, совершенно исчезли у современных туземцев; можно, вместе с Гами, задать себе вопрос, не следует ли приписать их туземцам папуасской расы, ибо черепа, находимые в могилах острова Пасхи, ничем не отличаются в своих существенных чертах от черепов жителей Новой Гвинеи. «Статуи», о которых идет речь,—это фигуры из базальта, громадных размеров—одна, напр., не менее семи метров—и представляют тело и бюст каких-то личностей, имевших низкий лоб, выдающиеся бровные дуги, длинный, с крупными ноздрями, нос, большой рот, с тонкими губами, и суровую физиономию: по Клеменцу Маркхэму, эти фигуры более приближаются к аймарскому типу, чем к полинезийскому; у всех темя и затылок плоские; с каждой стороны головы камень иссечен таким образом, что симулирует длинные серьги, сливающиеся с ухом. Большая часть этих бюстов, идолов или надгробных статуй, воздвигнуты на базальтовых карнизах внутри кратера; есть даже один, которого каменщики вполне ещё не отделили от первоначальной горной породы; обсидиановые инструменты, скребки и ножи, валяются по соседству на земле: вероятно, это орудия, которыми пользовались ваятели угасшей расы. На острове Пасхи видны также правильные аллеи, вымощенные плитами, и стены, украшенные небольшими обелисками; наконец, на этом же острове сделана и единственная в своем роде находка «говорящих табличек», дощечек из дерева *toromiro* (акации с крепкими волокнами), на которых с большою тщательностью и правильными линиями изображены различного рода предметы: рыбы, черепахи, змеи, растения, раковины, а также люди и их оружие: эти изображения—настоящие гиероглифы[3]. Ещё не доказано, чтобы эти «говорящие дощечки»,—по большей части хранящиеся в чилийском музее Сантиаго—были дешифрированы, как это утверждали; по словам Лапелина, один главарь, умерший около средины текущего века, умел читать и писать при посредстве этих знаков[4]. Остатки древней цивилизации, найденные на западе острова Пасхи и на других полинезийских землях, именно на острове Мальден, одном из «спорадов» архипелага Фаннинг, и на Рапе, одном из островов группы Тубуай, состоят лишь из мощеных дорог да из так называемых циклопических построек. На острове Тонга-Табу сохранилось нечто вроде триумфальных ворот.

Собственно так называемые полинезийцы—которых также называют маорисами, именем, обыкновенно прилагаемым только к дикарям Новой Зеландии, и которые называют

1 A. R. Wallace, „The Island Life“;—Jouan, „Distribution geographique des oiseaux en Oceanie“.
2 „Voyage au Pole sud dans l'Oceanie“.
3 Alphonse Pinart, „Tour du Monde“, 3 semestre 1878;—Raoul, рукоп. заметки.
4 „Revue Maritime et Coloniale“, 1872.

себя канаками, т.е. «Людьми»,—имеют смуглую, медного цвета кожу, и ростом, в среднем, равняются или даже превосходят северных европейцев. Первые путешественники и многие из новейших исследователей, имевших перед собою, однако, уже выродившихся представителей древней полинезийской расы, не колеблясь, признают физическое превосходство островитян Полинезии над их посетителями, матросами с европейских кораблей[1]. На островах Тонга и Самоа почти все мужчины—высокорослые атлеты, с представительной осанкою: взгляд у них гордый, голова высокая и широкая, волоса черные, слегка волнистые, часто увенчанные цветами. Тучность довольно обыкновенна, в особенности у начальников. Оттенок кожи не находится в соотношении с географическою широтою островов: полинезийцы, живущие по соседству с экватором, тонгцы, самоанцы, жители островов Эллис, имеют более светлую кожу, тогда как маорисы Новой Зеландии и гавайские канаки отличаются более темной окраской[2]. Полинезийцы охотно смеются, любят музыку и танцы, пение и рассказы: насчитывают сотни описаний путешествий, в которых полинезийцы изображаются как раса, по преимуществу, веселая и поэтическая, и когда читаешь эти описания, склонен думать, что ещё недавно полинезийцы жили в золотом веке: по крайней мере можно сказать, что из всех народов островитяне некоторых полинезийских земель, не испытавших войн, были самые счастливые. Когда Дюмон-д'Юрвилль спрашивал у жителей Тукопии, верят ли они в будущую жизнь, с воздаянием за добрые дела и с наказанием за злые, то они отвечали, что «между ними нет злых».

Различные языки восточной Океании, происходящие от одного и того же первоначального корня, ещё весьма близки друг к другу, как строением речи, так и словарем. Отдаленно связанные с малайскими языками, они представляют более древний период развития и у говорящих на них, повидимому, указывают большую чистоту расы. Полинезийские диалекты —довольно бедные звуками, так как их азбука состоит всего только, смотря по народам, из тринадцати до семнадцати букв,—отличаются мягкостью и гармониею; ни один слог не оканчивается согласною и во всех словах преобладают гласные. Недавно эти, на всём протяжении от Новой Зеландии до Сандвичевых островов, весьма близкие друг к другу языки почти не представляли флексий в образовании своих слов; корни оставались неизменяемыми, и все изменения, для выражения времени, числа и падежа, обозначались при помощи отделяемых частиц. Главнейшею причиною видоизменений в языке недавно служило исключение или временное неупотребление слов, подвергшихся табу, которые надлежало заменять другими. Ныне различные диалекты, переделываемые миссионерами, которые, по большей части, не знакомы с духом обработываемых ими языков,—весьма быстро видоизменяются и обогащаются английскими выражениями и оборотами.

Известно, что одним из общераспространенных между полинезийскими нациями обычаев было татуирование. Рисунки, покрывавшие тело островитян, составляли их одеяние[3]; но костюм этот исчезает, в свою очередь, заменяемый бумажными материями, которые привезли миссионеры. Между женщинами, этим, по преимуществу, консервативным элементом, операция татуирования, бывшая прежде религиозным актом, «требуемым богами»[4], сохраняется дольше, чем между мужчинами; во многих архипелагах мужчины татуировались только для украшения, между тем как женщины должны были строго соображаться с преданием, под страхом не найти себе мужа; на Маркизских островах, всякое кушанье, приготовленное не татуированными руками, считалось нечистым. Напротив, в других архипелагах, один только мужчина имел право носить на коже все эти узоры, благодаря которым ему отводилось место между благородными, и его голос выслушивался в собраниях[5]; женщина же считалась недостойною этого герба. На некоторых островах, полное татуирование составляло

1 G. de Laperouse, „Voyage autour du Monde“, vol. IV, p. 189;—George Campbel, „Log-Letters of the Challenger“;—Pembroke and Kingsley, „South-Sea, Bubbles by the Earl and the Doctor“.

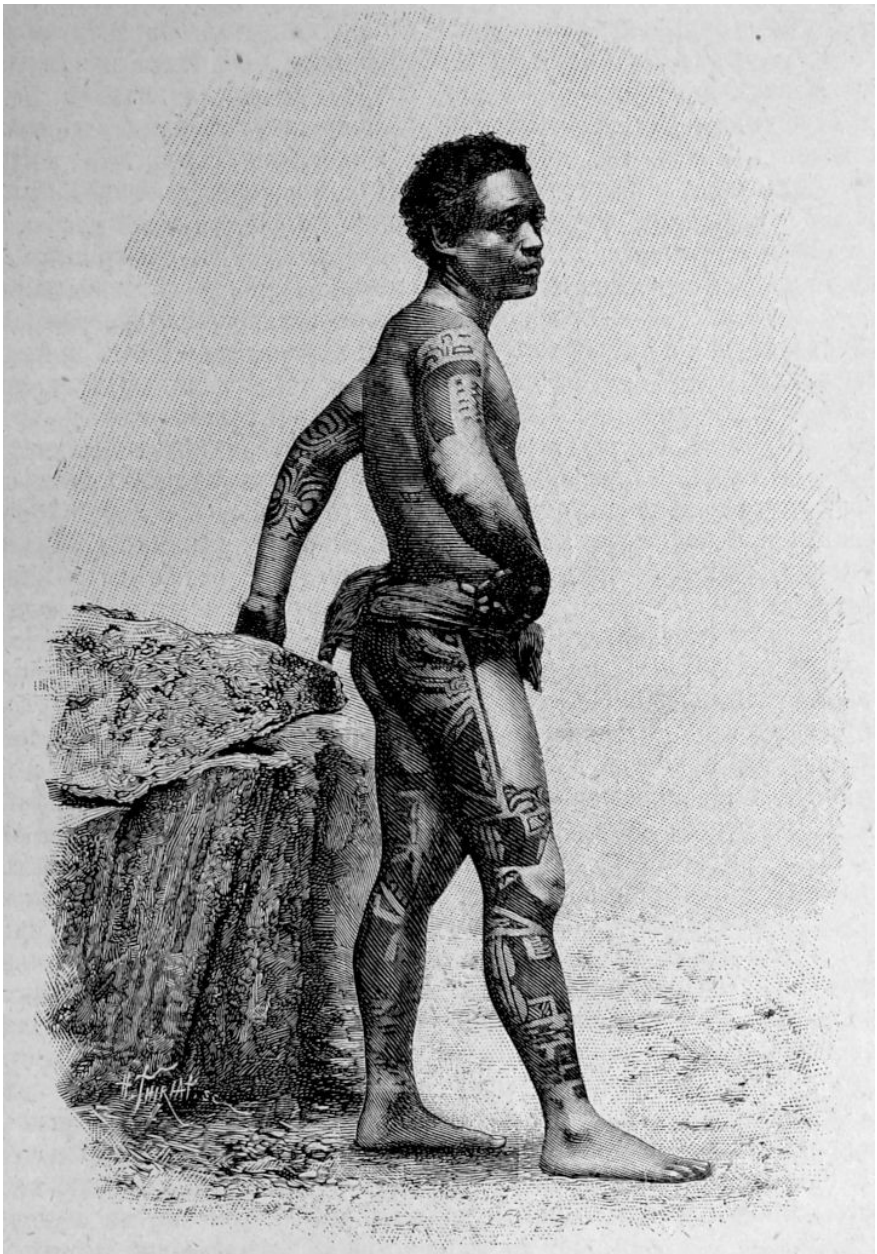
2 Hale, U. S. „Exploring Expedition“;—Лев Мечников, рукописные заметки.

3 Gerland (Waitz), „Anthropologie der Naturvolker“.

4 G. de Laperouse, упом. соч.

5 Schmeltz, „Kleidung und Schmuck der Eingeborenen des Stillens Oceans“.

столь продолжительную операцию, что начинать его приходилось у детей с четвертого или пятого года, тогда как на других островах ограничивалось испещрением тела более светлыми пятнами, производя там волдыри[1]. Весьма большая доля почина предоставлялась изобретательности татуировщиков, мужчин или женщин; но традиционные мотивы повторялись в украшениях каждого племени, и обыкновенно легко было по начертанию кривых, параллельных и ломаных линий узнать отечество встреченных островитян; художники-татуировщики группируются в школы, подобно европейским живописцам. Операция полинезийской



Татуированный туземецъ Маркизскихъ острововъ

татуировки выполнялась не при помощи надрезов, как на большей части Меланезийских островов, но посредством уколов, производимых помощью небольшого, в форме гребня, инструмента, по которому слегка ударяли молотком: операция эта весьма болезненна, в особенности, когда она выполняется на губах, хотя на этой деликатной части лица черт полагалось немного. Припухшие места сильно вздуваются, весьма часто у татуированного появлялись мозговые припадки. Параллельные черты, описываемые около угла нижней челюсти, и черты, производимые на боковых поверхностях пальцев, тоже иногда подвергают опасности татуируемых[2]. Красящим веществом при этой операции обыкновенно был весьма тонкий

1 Williams, „Narrations of Missionary Enterprize“.

2 Berchon, „Tatouages aux iles Marquies“, „Revue d’Anthropologie“, 1861.

уголь, даваемый орехом одного маслянистого растения (*aleurites triloba*), которым пользуются во всей восточной Полинезии также и для освещения. Более всего сходства в рисунках, как равно и в общем складе тела, наблюдается между маорисами Новой Зеландии и жителями Маркизских островов: эти две этнические группы вообще[1] весьма близки друг к другу.

В общем, островитяне тем более одеты, чем их кожа менее темна: щегольство одеждою развивается у людей соответственно их белизне. Большинство полинезийцев носили запон и юбку из растительных волокон или из луба, и, кроме того, драпировались в легкия ткани, наброшенные на плечи[2]. Начальники в особенности считали за честь облекаться в тоги и плащи. Таитяне, из всех жителей Полинезии, наиболее заботящиеся о своем костюме, обматывали вокруг тела широкий пояс *маро* или *тихаре*, а на плечи надевали яркоцветное *парео*, спускающееся до пят; в часы отдыха они опоясывали грудь развевающимся шарфом (*ahu hui*) или же надевали *tiputa*, плащ в форме мексиканского пончо, с отверстием для просовывания головы. На островах Тонга, Валлис и в большей части соседних архипелагов, женщины приготовляют также чрезвычайно тонкия *тапы*, красотою не уступающие тканям меланезиек. Постепенные переходы от одного архипелага к другому наблюдаются и в одеяниях, и в татуировании, и даже в оружии. Правда, говорили, будто полинезийцы не знали ни лука, ни стрел; но это ошибка; они пользовались ими в битвах на островах Тонга и Самоа, а на восточных архипелагах они всё ещё употребляют это оружие во время гражданских или религиозных празднеств, на подобие наших ярмарочных стрелков[3].

За исключением тех островов, где в религиозные церемонии входит также и людоедство, животная пища полинезийцев состоит только из рыб, моллюсков и свиного мяса: женщинам же вообще, и иногда даже под страхом смертной казни, запрещались даже и эти кушанья. В большей части архипелагов, плоды, зерна, питательные корни и листья, часто в смеси и подвергаемые брожению, вполне удовлетворяли потребности в пище туземцев, и им вовсе не было надобности насиловать производительность земли тяжким трудом. На некоторых особенно благодатных островах, весь труд туземцев сводился к собиранию плодов, упавших с деревьев-кормилиц: кокосовой пальмы и хлебного дерева; голодовки могли происходить только от непредусмотрительности; муку, воду, молоко, бродильные и опьяняющие напитки —всё это давало им растение, в котором, кроме того, они находили луб для приготовления из него материи посредством разбивания молотком, волокно для тканья, кудель для производства рогож, веревок, парусов и, наконец, дерево для построения хижин и судов. Различные виды иньяма, пататов, таро присоединялись к плодам в видах разнообразия пищи, и никогда не отсутствовал любимый напиток, *кава*, приготавливаемый из корней, и слегка приперченный при посредстве *piper methysticum*, возделываемого в садах. Молодые девушки жуют волокна растения и выплевывают их в сосуд, смешанные с слюною; после брожения, жидкость делается прозрачной, приятной на вкус и весьма прохладительною; опьяняет она немного, но говорят, будто, выпиваемая в большом количестве, она в конце концов приводит к общему расслаблении и к болезням кожи. Будучи запрещена миссионерами, она почти повсюду сменилась ещё более опасным напитком; водкою, приготовляемою из померанцевого сока[4].

Самоанские островитяне, которые, впрочем, не чистокровные полинезийцы, почитали женщин, и даже каждая деревня избирала себе покровительницу, обыкновенно дочь начальника, которая должна была быть представительницею общины на гражданских и религиозных празднествах, принимать иностранцев и представлять их племени, привлекать счастье на всех своей добротой и красотой. Но на большей части других полинезийских островов, женщины, хотя обыкновенно с ними обращались весьма хорошо, считались существами низшими, по сравнению с мужчинами. В религиозных церемониях одни только мужчины

1 Dumont-d'Urville, упом. соч.;—Raoul, рукописные заметки.
2 Oscar Peschel, „Volkerkunde".—Schmeltz, упом. соч.
3 Ellis, „Polynesian Researches".
4 Pembroke and Kingsley, упом. соч.

существовали пред лицом божества и отличались эпитетом *га*, т.е. «священные», тогда как женщины обозначались презрительно словом *поа*, т.е. «профаны». Запреты табу издавались по преимуществу против женщин: ни до чего, преподносимого богам, «профаны» не смели прикасаться, под страхом смерти. Женщина никогда не принимали участия в трапезе отца, мужа или сына, никогда не ели на том же месте, где принимали пищу мужчины, и даже не готовили свои кушанья на одном и том же очаге. В домах начальников, женщина безусловно принадлежала своей семье: её заранее выдавали замуж, с самых юных лет, а иногда сговаривали даже и до рождения. На некоторых островах, она становилась пленницею после заключения родителями условий об её замужестве: в отцовской хижине ей устроивали на верху светлицу, из которой, без помощи других, она не могла сойти, а в тех важных случаях, когда выход ей дозволялся, её всегда сопровождали, дабы не случилось чего-нибудь с будущею собственностью мужа. Смотря по островам, брачные церемонии своеобразно видоизменялись; но если дело шло о браке начальника, то он всегда освящался торжественными празднествами. Сидя посреди святилища на свадебной белой материи, жених и невеста держали в руках черепа своих предков, а обе матери—будущих мужа и жены—расцарапывали себе лицо для того, чтобы, смешав вместе свою кровь, окропить ею будущих супругов и таким образом засвидетельствовать, что отныне две семьи составляют одну. Однако, несмотря на внушительную церемонию этих браков, они редко бывали продолжительны. Многоженство было правилом в королевских домах; даже, не разводясь с своею супругою и не лишая её сана, начальник охотно предоставлял ей свободу. В этом отношении, нравы были весьма снисходительны.

При первом появлении европейцев на полинезийских островах, ужасный обычай детоубийства господствовал в некоторых архипелагах, как наприм. в архипелаге Товарищества. По словам миссионеров Эллиса и Вильямса, две-трети новорожденных уничтожались, и часто даже раньше, чем они испустят свой первый крик. Как только отец успевал схватить ребенка, он его удушал и, вырыв яму в хижине или в саду, закапывал туда маленький труп, покрывая его небольшим слоем земли или листьев. Но если отец промедлил, хотя мгновение, в своем деле убийства, то дитя получало право на жизнь, за ним всегда с любовью ухаживали, и материнские ласки ничем не отличались от ласк, обычно расточаемых матерями своим грудным младенцам. Первичную причину этих ужасных обычаев не должно искать в боязни нищеты, так как на этих счастливых островах природа вполне доставляет всё необходимое для жизни, и туземцам стоило бы прибавить лишь несколько часов к своему повседневному труду, чтобы в избытке увеличить свои средства. Тщеславие, гордость породою, как говорят, побуждала прежде начальников, т.е. именно наиболее богатых, освобождаться от своих детей. Когда они женились на женщине из простонародья, то такая жена жертвой должна была купить себе благородство. Каждое убийство ребенка повышало её на ступенях общественной иерархии, и лишь после трех или четырех детоубийств, она могла считаться имеющею королевскую кровь, а её потомство не безчестило породы[1]. По словам Герланда, детей убивали также для создания ангелов-хранителей семьи при небесных духах: чтобы угодить жестокосердым богам, следовало быть жестоким самому, придать себе «благоутробие богов»[2]. У кого не было для жертвоприношения детей, тот должен был жертвовать по крайней мере свою кровь, расцарапать себе лицо, отрезать один или два сустава на пальце. К первоначальным причинам детоубийства, религиозного или кастового происхождения, привычка проливать кровь в конце концов присоединила и другие; от детей отделывались единственно с целью избавиться от труда воспитывать их; при этом, смерть при рождении в особенности угрожала опасностью девочкам, так как мальчиков умерщвляли менее часто, видя в них будущих защитников племени в случае войны. На некоторых островах, говорят первые миссионеры, численность мужчин вчетверо и впятеро превышала численность женщин.

1 W. Ellis, упом. соч.

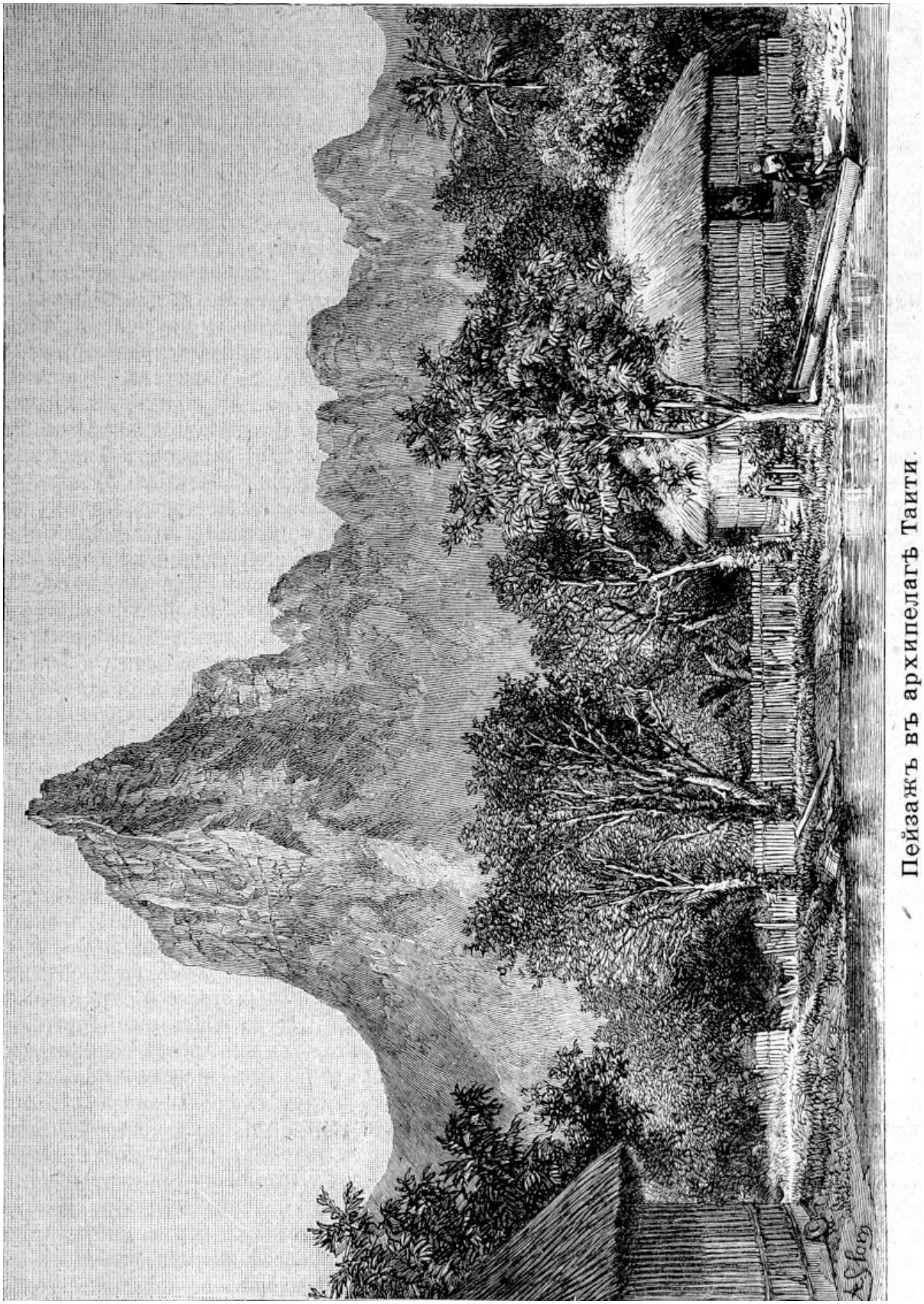
2 „Anthropologie der Naturvolker“.

На Таити и в других архипелагах существовала даже особенная каста, у которой детоубийство было возведено в обязанность. Это сообщество, известное на Таити и на соседних островах под именем Ариои и мало чем отличающееся от класса Ириои на Маршальских островах, вербовало своих членов на-подобие франк-масонских обществ; у него были свои испытания при посвящении, свои пропускные слова, свои тайны и своя иерархия, обнимавшая семь ступеней. Ариои первого класса,«зрячие ночью», должны были иметь важную осанку, быть строгого поведения, как и подобает пророкам; другие были одновременно жрецами, актерами, мирскими людьми. Они давали театральные представления, предавались танцам и играм, увещевали народ и молили богов при публичных церемониях. Будучи уважаемы всеми за свое действительное или воображаемое знание, они имели право жить трудом других; повсюду, где они появлялись, их принимали как господ. Вероятно, первые статуты ордена повелевали им считать себя составляющими как бы одну семью и воспрещали заводить новую, посредством брака; однако, эти непогрешимые люди, перед которыми преклонялись все, должно быть, в конце концов, сочинили для себя особую нравственность, отличную от нравственности простого народа; женщины, принадлежащие к ордену, стали общими для ариоиев, но всякое дитя, рожденное от этого «смешения», обрекалось на смерть. Мать, не бывшая в силах погубить своего ребенка, изгонялась из общества, и её презрительно называли: «спасающею свое дитя».

Вероятно, обычай детоубийства и породил, в восточной Полинезии, по реакции, почти всеобщую привычку усыновлять чужих детей. На Таити и на других островах большая часть родителей уступают своих сыновей или дочерей друзьям. После пяти или шести месяцев кормления грудью, младенец, в обмен на кое-какие подарки, передается другой семье. Редко случается, чтобы дети возвращались к своим природным родителям; при опросе, они всегда называют своею семьею ту, в которой они проживали. Отсюда и те крайния затруднения, которые встретились на Таити и на других островах европейским чиновникам, при установлении действительной принадлежности данного лица к тому или другому семейству; отсюда же и всевозможные осложнения при наследовании и при определении чьей-либо «собственности», ибо руководимые административною рутиною, приобретенною в Европе, французские чиновники стараются упростить свое дело, распределяя землю частными вотчинами, сообразно с римским правом. Прежде участки почвы никогда не предоставлялись в окончательное владение; каждый земледелец оставался владельцем своего поля до тех пор, пока обработывал его своими руками; затем, как только он его покидал, земля переходила к другому, смотря по той или другой общественной организации островитян, или по определению начальника племени, или по постановлению именитых людей, заседавших в публичной хижине. В этих, столь малочисленных, обществах, некогда воплощавших в самих себе всё человечество, понимали войну, насилия, убийства, но страсть к частной выгоде не доходила до того, чтобы лишать слабых средства к существованию.

На Полинезийских островах правительство почти повсюду было в руках могущественных главарей, приказания которых должны были исполняться без рассуждений. Строгая иерархия отделяла одни классы от других и подчиняла простых собственников начальникам, бедных богатым, женщин мужчинам; но над всеми господствовал обычай. Хотя развившийся постепенно таким образом, чтобы благоприятствовать выгодам и страстям знатных, обычай становится, однако, тираническим и для них: этот закон табу, управлявший всеми движениями, всеми актами жизни, часто был стеснителен и для тех, которые его провозглашали. Страшные наказания, к которым приговаривались нарушители, породили жестокосердие в населении, и у океанийцев не было другой казни, кроме смертной. Великая религиозная церемония состояла в принесении людей в жертву богам; на некоторых же островах шли далее: тела жертв жарились на алтаре, и мясо, обернутое в листья таро, распределялось между воинами. На островах Самоа, побежденный должен был склониться перед победителем, имея на голове кусок дерева и сухие листья, как бы говоря: «Зажги огонь, если это тебе хочется, убей и сжарь меня так же, как ты жаришь, для своего пропитания, мясо свиньи».

Хотя, повидимому, человеческая жизнь имела и небольшую цену в глазах народов, прибегавших к детоубийству, человеческим жертвоприношениям, и даже, на некоторых полинезийских землях, к людоедству,—тем не менее смерть взрослых людей и родных давала повод



Пейзажъ въ архипелагѣ Таити.

к большим стенаниям, воплям и сценам кажущагося отчаяния. Нигде ухаживание за мертвыми не заходило так далеко; почти что боготворили даже тех, кого презирали или ненавидели при жизни; выходя замуж, женщина уже надевала ожерелье из когтей, которое должно

было служить ей для разодрания кожи в день траура. На некоторых островах Полинезии, также как у папуасских, меланезийских и индонезийских племен, женщины должны была целые недели и месяцы оставаться в той же хижине, где находился труп мужа, смазывать этот труп кокосовым маслом, тщательно собирать истекающую из разлагающагося трупа вонючую жидкость, исподволь превращать гниющую массу в сухую и хорошо пахнущую мумию и в течение всего времени «*haapahaa*» воздерживаться от омовения самих себя, пропитываясь, так сказать, веществом мертвеца. Такому приготовлению трупов даже приписывали отчасти обезлюдение Маркизских островов[1], хотя этот обычай также существует и на тех островах, где народонаселение возрастает, и хотя оставление *xakapaxaa*, со времени принятия католицизма туземцами Нука-Гивы, вовсе не уменьшало смертности. Почитание, оказываемое мертвецам, не было простою церемониею, так как предки возводились в сан богов: им отводилось место рядом с теми, которые метали гром и вздымали волны, и часто их в конце концов начинали даже и смешивать с богами. Иной могущественный король, выигрывавший сражения, становился после своей смерти богом войны и, путем взываний к нему, пытались уже привлекать его на свою сторону. Что касается бедняков, пленных и простолюдинов, то они не имели «души», несмотря на то, что почти все предметы в природе считались одушевленными.

Боготворение начальников привело в конце концов к тому, что кладбища превратились в священные места. Такие *marae* редко строились на-подобие хижин, с деревянными колоннадами и крышами из пальмовых листьев: скорее это были алтари, сложенные из коралловых или лавовых глыб и помещавшиеся на других четыреугольных камнях, образовывавших с четырех сторон монументальную лестницу. Некоторые из этих мараэ, воздвигнутые на вершине природных или искусственных холмов, имели вид пирамиды, возвышавшейся над поясом кокосовых пальм; размеры их плит были таковы, что невольно являлся вопрос, как могли туземцы отделить их от рифа или скалы и переместить так далеко? На некоторых островах видны ещё остатки этих храмов, хотя и заросших кустарником, но всё ещё почитаемые дикарями, хотя они уже не приходят туда для жертвоприношений или молений. Витми рассказывает, что при появлении какого-нибудь корабля вблизи берегов, островитяне Эллиса всегда бросались к своим мараэ. «Одолеете ли вы, вопрошали они своих богов,—или предадите нас чужим богам?»

Уже более полвека, как вопрос этот решен. Хотя болезни, занесенные европейцами и совпадающие с введением христианства, и приписывались злобе новых богов, тем не менее религия белых восторжествовала; различные протестантские секты и католическая церковь разделили между собою слабые остатки полинезийского народонаселения. Между тем, как в Меланезии некоторые населения ещё хранят своих богов, островитяне Восточной Океании, слишком разбросанные, чтобы противостоять иноземному влиянию, все приняли религию своих победителей. С 1797 года, протестантские миссионеры появились на островах Таити и мало-по-малу распространили свою веру по всем полинезийским архипелагам. В свою очередь, прибыли и католические патеры, и хотя менее многочисленные и располагавшие меньшим бюджетом, они, однако, навербовали прозелитов на всех островах; на некоторых же архипелагах, в особенности во владениях французских, они кончили тем, что получили перевес, так как там их поддерживала также и гражданская власть; к тому же пышность католического богослужения, исповедь и учение об отпущении грехов дают им возможность успешнее действовать на туземцев, в сравнении с английскими протестантами, с их суровыми обрядами[2]. Несколько сотен последователей есть и у мормонизма. Из-за соперничествующих религий часто возникали на полинезийских архипелагах междоусобные войны; на тех же островах, где власть священников могла утвердиться, не встречая сопротивления, создавались и теократические государства. Так, в архипелаге Гамбье один католический миссионер пытался преобразовать Мангареву в обширный монастырь; равным образом, на островах

1 Jouan, „Revue Coloniale", Avril 1888.—Bechron, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie".

2 J. Brenchley, упом. соч.

Кука, и даже в течение некоторого времени на Таити, английские миссионеры лишали неприсоединившихся к ним всех гражданских и политических прав, предписывали, как одеваться, держать себя, приветствовать друг друга и вообще устанавливали известные рамки для жизни. Ныне, будучи более свободными, туземцы обнаруживают вообще большой религиозный индифферентизм.

Не подлежит сомнению, что многими чертами своего образа жизни, также как своими учреждениями, мифами и религиозными обрядами, полинезийцы походят на своих западных соседей всех рас: на папуасов, индонезийцев, малайцев и даже японцев; они представляют также многочисленные аналогии с дикарями Америки, Южной и Северной, так что, не принимая во внимание контрасты и различия, полинезийцев и араукан помещали рядом, как братьев по расе. К тому же, островитяне Восточной Океании не составляют этнической группы, чуждой примеси других элементов; в ряду смешений, совершившихся на островах Экваториальной Океании, возможно, что участвовали также и американцы, и это тем более вероятно, что ветры и правильные течения направляются с востока на запад. Недавние исторические факты свидетельствуют, что переселения с материков на острова и с архипелага на архипелаг часто могут совершаться при стечении различных обстоятельств. Так, в 1832 году японская джонка с девятью рыбаками была захвачена тифоном около южных берегов архипелага, затем, увлеченная течением Куро-Сиво, носилась по неизвестным морям более десяти месяцев и в конце концов пристала к берегу Оаху, на Сандвичевых островах: благодаря находившемуся на джонке грузу рыбы и воде из собранной росы, четверо из моряков остались в живых. Около того же времени другое японское судно потерпело крушение у американского берега; с другой стороны, стволы хвойных деревьев с берегов Орегона и острова Ванкувера многократно были находили на пляжах Гавайского архипелага[1]. Равным образом, в западном Тихом океане часто наблюдали невольные путешествия вокруг Каролинских островов, между архипелагами Филиппинским и Маршальским, совершаемые в направлении, противоположном желаниям гребцов. Островитяне с Таити и мореплаватели, посещавшие Низменные острова, рассказывают также о многочисленных примерах переселений, совершившихся в направлении, противном нормальному ветру. Таким образом, смешения рас могли неоднократно происходить на протяжении громадного океанического водоема и видоизменять островные народонаселения или последовательно друг возле друга, или же на больших расстояниях. К тому же, многие предания гласят, что переселения совершались в иных случаях не только вследствие бурь или перемен ветров, но и произвольно, либо по страсти к завоеваниям, или к исканию приключений, либо по необходимости, когда побежденные племена осуждались на изгнание, или когда обитаемый остров становился уже мал для своего населения и приходилось отправляться искать новых земель. В таких случаях совещались с колдунами, бросали жеребий и, как только казалось, что выпадал случай для попутных ветров и течений, то поднимали паруса и плыли по направлению к неведомому миру. Иногда бога благоприятствовали: переселенцы открывали острова, лежавшие за горизонтом, и некоторые из отплывших возвращались рассказать о своих открытиях. Все туземцы полинезийских архипелагов, по преданию ли, или вследствие непосредственных сношений, знают о других, кроме своих, островах, как о лежащих под ветром, так и за ветром. И даже до прибытия европейцев, известный или угадываемый мир каролинцев, тонгцев и островитян Таити простирался на тысячи километров вокруг их небольшого отечества.

Однако, хотя в исключительных случаях скачка или неправильности ветров переселения могли происходить во всех направлениях, но совокупность фактов, языков, этнических сходств, нравов и преданий указывает на западные, соседняя с Азией, страны, как на главное место происхождения полинезийских народов: движение национальностей совершалось, таким образом, в направлении, противоположном главному движению вод и воздушных масс. Отлив, совершающийся в экваториальном течении и производящий обычно движение вод в направлении к востоку, вероятно, имел первостепенное значение в создании естествен-

1 De Quatrefages, „Les Polynesiens et leurs migrations“.

ного пути передвижения переселенцев; однако, это противотечение почти исключительно направляется к северу от экватора, в те океанические пространства, где земли редки; оно проходит между Новою Гвинеею и Каролинскими островами, захватывает широкий пролив, открывающийся между Маршальским и Джильбертовым архипелагами, и не встречает на своем пути других, принадлежащих к собственно так называемой Полинезии, островов, кроме находящихся в архипелаге Фаннинг. Для достижения большей части тех полинезийских островов, которые рассеяны к югу от экватора, суда вольных или невольных переселенцев должны были делать большие крюки для вступления, при посредстве побочных течений, в полосу нормального потока и пассатных ветров. Если бы была возможность совершения морского пути по прямой линии, то мореплавателям никогда не пришлось бы проплывать более; однако, из достоверных рассказов известно, что во время невольных путешествий, совершенных в течение последних трех столетий, часто доводилось проплывать вдвое и втрое большие пространства. Сколько из этих, полных приключений, путешествий должны были окончиться гибелью! Сколько несчастных перемерло от голода, жажды и истощения, прежде чем им удалось достигнуть желанной земли! Судьба бросает людей на поверхность земли наподобие носимых ветром растительных семян, и тысячи зерен погибают раньше, чем какое-нибудь одно из них проростет в благоприятной почве.

Ученые не ограничились восхождением вглубь веков, чтобы проследить до их древнего инсулиндского отечества предков нынешних полинезийцев; они, кроме того, установили тот факт, что переселения совершались уже в весьма отдаленную эпоху, когда туземцы в соседних с Азиею землях ещё не подверглись индусскому влиянию и когда ещё не возникала малайская цивилизация, отбросившая первобытных жителей внутрь островов. В полинезийских языках не существует никакого следа языка санскритского[1], следовательно, островитяне Восточной Океании происходят от таких предков, которые не знали индусских религий; по Гами, самых близких к ним родственников следует искать среди тех высокорослых индонезцев, которых встречают на различных островах Инсулинда, и которые, будучи отброшены внутрь малайскими эмигрантами, смешиваются, под общим именем «Альфуру», с людьми папуасского или негритосского происхождения. Вероятно, великий исход полинезийцев по направлению к востоку совершился в ту эпоху, когда остатки индонезийских племен должны были покинуть побережье островов и бежать в горы. Эти времена весьма отдалены от нас: они должны даже предшествовать изобретению горшечного искусства на Малайских островах, так как, до нашествия европейцев, полинезийцы употребляли для варения пищи лишь раскаленные камни[2].

Место происхождения островитян Океании пытались определить и ещё точнее. Так, одно из преданий самоанцев повествует о расположенном на западе острове Пюлотю (Бюротю, Буроту), как об отечестве их предков. По одному предположению, это наименование, в состав которого входит малайское слово *poulo*, имеет одно только значение, именно «священный остров»[3]. Но воображали также, что искомый остров есть земля Буру, находящаяся между Целебесом и Церамом[4]; однако, этот остров, весьма мало продуктивный и густо населенный сравнительно с своим пространством, не имеет ничего такого, что бы позволяло считать его центром заселения, и именно альфуру этого острова, неимеющие склонности к мореплаванию, избегают соседства с побережьем, из опасения, чтобы ветер не приносил им печального шума прибоя. Гуппи предлагает иное решение вопроса: по его мнению, местом происхождения полинезийцев была «Baura» в Соломоновом архипелаге, т.е. остров, называемый испанцами Сан-Кристобаль. В самом деле, вероятно, что при своем переселении с запада на восток предки океанийцев проследовали через этот этап, который, впрочем, кроме своего имени, не имеет ничего, что бы, повидимому, связывало его с полинезийскими преда-

1 Dumont-d'Urville, упом. соч.;—Kern;—Whitmee;—Hamy, etc.
2 Oscar Peschel, „Volkerkunde".
3 H. A. Keane, упом. соч.
4 Hale, „Ethnography and Philology of the U. S. Exploring Expedition"

ниями.

Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать—да и то вообще—только об инсулнидском происхождении восточных океанийцев; но местонахождение их исходных пунктов, при вступлении в полинезийский мир, ещё составляет предмет спора. Предания маорисов Новой Зеландии, как равно предания гавайских островитян, жителей Гаратонги, Таити, Маркизских островов, Туамоту, согласно указывают на остров Саваики, Гавайи, Авайки, Гавай, Гавайки, как на землю предков,—откуда и предложенное для полинезийцев наименование «Савайори»[1];—и собраны предания, говорящие о путешествии с этого острова с целию заселения других океанических групп. Савайи, самый большой остров архипелага Самоа, рассматривается большинством этнологов как «Савайки» полинезийских эпопей, и сходство наименований придает известную цену этому предположению; однако, географические наименования часто перемещались, и между островами этих морских пространств существует по крайней мере два, Уполу, соседний с Савайи, и Тонга-табу, превосходящие, как центры культуры и населенности, сравнительно бесплодный большой остров Савайи; наконец, в самом архипелаге, Савайи слывет колонизованным переселенцами с восточных островов[2]. Впрочем, полинезийские предания, вероятно, прилагаются скорее ко всем, включаемым в одну и ту же сферу навигации, островам в этих морских пространствах, чем к какой-нибудь обособленной земле, сохранившей собственно то наименование, которое принадлежало всему архипелагу. По некоторым авторам, слово «Гавайки» означает лишь «Огонь»: переселенцы, следовательно, были просто колонистами, прибывшими с Горящей земли[3]. Другие предположения относятся уже к области мифа: так, по миссионеру Майт-Гиллю, слово «Гавайики» у островитян Гервея служит наименованием «ада». По толкованию же Лестона, слово это значит: «земля-кормилица».

К востоку от таинственного острова, полинезийцы распространялись, от одной пристани к другой, задерживаясь более или менее долго во второстепенных центрах расселения, каковы, напр., Раратонга и Таити. Со времен Тупайи, островитянина с Таити, которому Банкс и Кук поручили составить карту островов Товарищества и соседних с ними земель, неоднократно пытались определить и начертать различные пути переселений через Океанию; но предания слишком смутны и представляют слишком много пробелов, чтобы можно было начертать точные маршруты, и теперь очень поздно предпринимать подобное дело; уже и карта Тупайи, весьма точная относительно Таити и соседних островов, путешествия между которыми совершались часто, имеет, вероятно, для всей западной части лишь мифическую ценность, действительный смысл которой потерян: большой остров на западе—«этот отец других островов», по Тупайе—указывает, несомненно, лишь на предполагаемое место происхождения расы; таким же образом на средневековых картах изображались «Блаженные острова», «Елисейские поля», «рай»—в которые люди отправляются после смерти. Ныне туземцы, смешавшись сами с белыми, поперемешали также свои легенды с христианскими, и оригинальную основу их рассказов становится распознать всё труднее и труднее. Белые следовала за туземцами во все архипелаги, на все острова, где только имелась возможность к какому-нибудь торгу. Ныне они уже—властители; но они также и истребители, и океанийские предания вымирают вместе с расою.

Примеры этого вымирания туземцев, этой коллективной смертности островитян, хорошо известны[4]. Не говоря о суммарных исчислениях, сделанных первыми мореплавателями и по которым народонаселение той или другой группы превосходило нынешнее население всей Полинезии, точные переписи, совершенные в различные эпохи в течение этого столетия, не позволяют сомневаться в существовании общего обезлюдения океанийских земель. В 1774 г., во время прибытия Кука на Таити, знаменитый путешественник, основываясь на

1 Keane-Wlithmee.

2 Turner, „Samoa“;—Pritchard, „Memoir of the Anthropological London Society“, T. 1.

3 Brulfet, „Origine et disparition de la race polynesienne“.

4 Meinicke, „Inseln des Stillen Oceans“;—Gerland (Waitz), „Antropologie der Naturvolker“.

числе экипажа на пирогах, сновавших вокруг его судов, предположил численность жителей острова в 240.000; Ферстер остановился на итоге в 150.000 человек, а для всей Полинезии населенность он исчислял в 650.000[5], т.е. шесть раз больше нынешнего. Нельзя, конечно, на основании этих первоначальных исчислений, пытаться измерить вековой процент вымирания; можно лишь констатировать вообще быстрое уменьшение океанийских островитян. Однако, антропологи констатируют тот замечательный факт, что, несмотря на гибельное действие ужасных болезней и уменьшение численности, туземцы всё-таки остаются по величавости осанки и высокорослости, «самыми красивыми людьми на земле[6]».

Причины обезлюдения островов многоразличны, не считая самую зверскую из них—истребление огнестрельным оружием, чему история Полинезии часто также представляет многочисленные примеры. Набор рабочих на плантации производился посредством похищения всех мужчин с какого-нибудь острова: таким именно образом обезлюднивались целые архипелаги перувианскими торговцами, которые, под предлогом законной торговли кокосовым орехом или панцырями черепахи, являлись для пленения работников на свои сахарные плантации на американских берегах Тихого океана. С соблюдением более законных форм и наружного признания человечности, купцы, нанимающие рабочих на архипелагах Ново-Гебридском, Соломоновом, Маршальском и других островах, для возделывания промышленных растений в Квинсленде, в Новой Каледонии или на о-вах Самоа, также препятствуют увеличению населения, так как они разделяют полы, увозя вместе с большим числом «нанятых» рабочих мужчин во цвете лет, сравнительно лишь немного женщин. Людям, виновным в такого рода деяниях, не подобает—как это они делают—говорить об «очевидной предопределенности», осуждающей медноцветных полинезийцев на исчезновение перед белыми европейцами: это они, эти белые, действуя насилием и хитростью, и являются виновниками бедствия, в котором, винят судьбу.

Есть и другие причины смертности, которые также должны быть приписаны присутствию белых. Известно, что такое те европейцы, которые приносят дикарям «благодеяния цивилизации». Ссыльные, бежавшие из тюрем Австралии, матросы, покинувшие свои корабли, продавцы крепких напитков и похитители людей—таковы белые, всего более способствовавшие воспитанию островитян. Главная причина смертности туземцев, в особенности на тех островах, на которых чужестранцы появляются в большом числе, именно на Таити и Гавайи, состоит в заразе, распространяемой европейскими матросами; здоровые организмы, непривыкшие к яду, сопротивляются опасной заразе менее энергично, чем тела, привыкшие, благодаря частым эпидемиям, к борьбе против болезни. С 1778 года, тотчас после прибытия кораблей Кука в Сандвичевый архипелаг, эпидемия опустошила ряды дикарей. «Вот пожирающая бездна, могила Гавайи! вот, что разрушает тело, ослабляет детей, вот, что делает дороги пустынными!» восклицает Давид Мало и его сотрудники в «Истории Гавайи», составленной в 1838 году и переведенной Жюлем Реми. То, что говорят туземцы Гавайи, повторяют и все их полинезийские братья: это европейцев они винят в занесении к ним болезни и смерти.

Даже миссионеры, стремясь выдрессировать примерных прозелитов, способствовали физическому оскудению расы, заставляя своих учеников одеваться по-европейски, чем усиливали чувствительность их органов к переменам температуры: полинезийцы познакомились с простудою, с бронхитами, и в конце концов чахотка стала бичем-истребителем. Более роковым, чем перемена костюма, оказалась перемена жилища и привычек: во многих местопребываниях миссионеров появилось воспрещение шумных удовольствий, празднеств и танцев. Туземцы заскучали; даже более: поставленные между своими национальными преданиями и поучениями чуждых воспитателей, стараясь распознаться между двумя различными нравственностями, между двумя мировоззрениями, полинезийцы, не будучи в состоянии со-

5 „Voyage round the World“.

6 Weissbach, „Korpermessungen Reise der Novara“;—Clavel, „Les Marquisiens“. „Archives de Medecine navale“. 1884 et 1885.

знательно снова дать то или другое направление своей жизни, поплыли по воле ветра и течения. Население островов Океании умирает потому, что не располагает идеями, руководящими его действиями, не имеет общего мерила для суждения о том, что хорошо или худо. В присутствии европейцев-миссионеров, купцов или матросов, столь различающихся характером и нравами, океанийцы теряют всякое равновесие сознания и нравственного суждения, предоставляя свою жизнь игре случая, не намечая цели и не обнаруживая воли для её достижения. Пружина лопнула, и вот причина их упадка и смертной истомы.

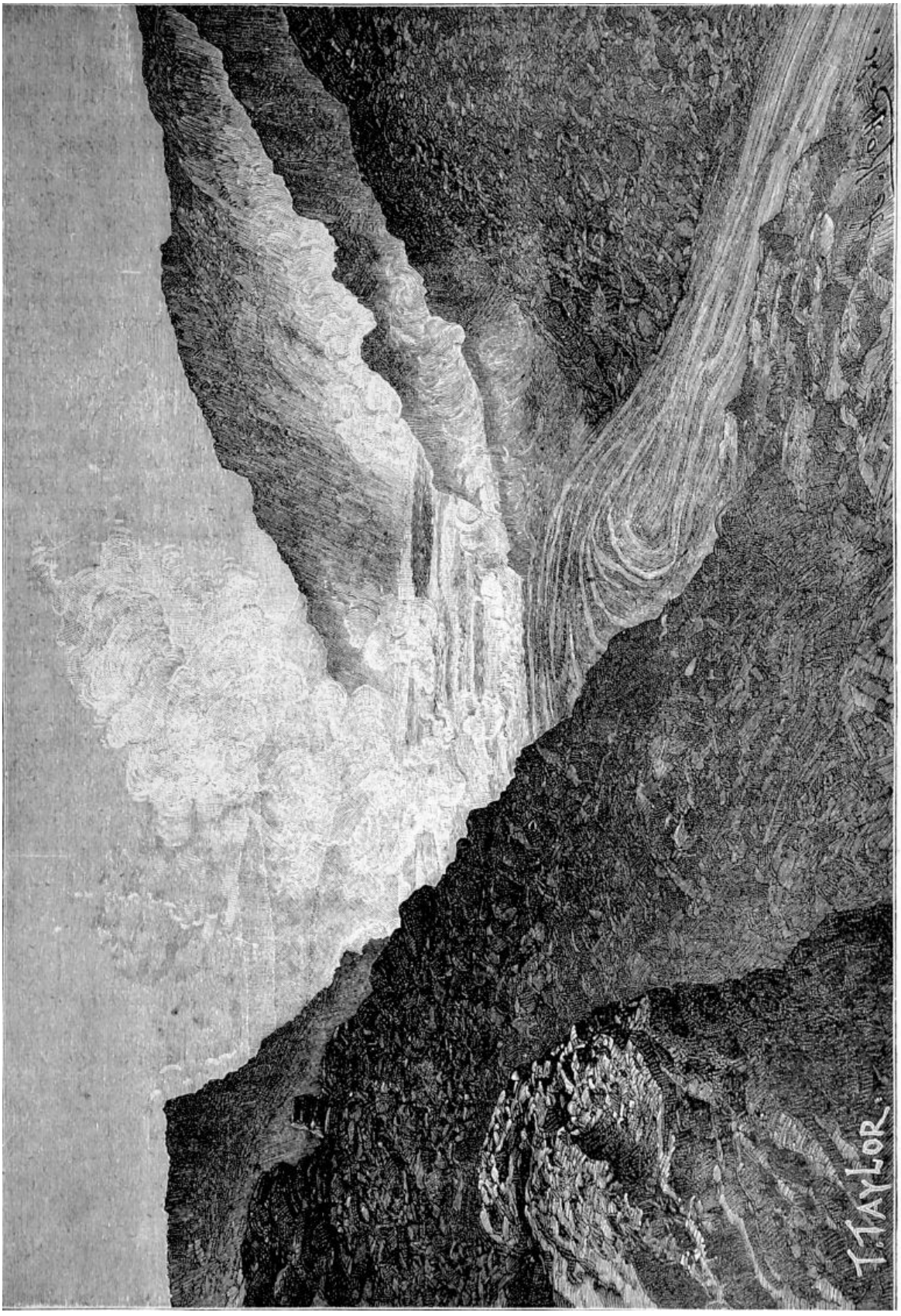
Однако, если вымирание океанийских островитян составляет общее явление, то имеются также и исключения. Между полинезийскими островами есть несколько таких, находящихся в особенно благоприятствующих условиях, жителям которых удалось счастливо пережить переходный период, не уменьшившись в численности. Таковы острова Лукунор в группе Каролинской, Футуна в архипелаге Валлийском, Ниуэ на севере архипелага Тонга; периодические переписи, производимые с половины этого столетия миссионерами, доказали, что народонаселение этих нескольких островов увеличивается правильно, благодаря избытку рождаемости. Это—явление капитальное, позволяющее надеяться на будущее восстановление полинезийцев после того, как они постепенно приспособятся к новому порядку вещей. Со всем тем, нельзя сомневаться, что в качестве отдельного этнического элемента они осуждены на исчезновение: раса всё более и более смешивается: переселенцы из всех наций скрещиваются с первоначальным народонаселением, и почти повсюду, где после долговременного уменьшения число жителей снова увеличивается, например, на Таити, прирост этот обязан иностранцам и метисам. Для Полинезии началась новая эра; эти острова океана в торговом отношении присоединены к Европе, которая уже и выбрала там себе пристани, для мореплавания и торговли.

Архипелаг Тонга находится немного в стороне от главных коммуникационных линий между Новым Светом и Австралией, так как его главный остров, Тонга-табу, лежит более чем на 700 километров к востоку-юго-востоку от земель архипелага Вити, острова которого являются естественными пунктами остановок на пути из С. Франциско и с островов Гавайи в Сидней и Мельбурн. Но хотя и лежащие в стороне от торговой оси Тихого океана, острова Тонга, благодаря своим обширным пальмовым рощам, посещаются большим числом кораблей, по преимуществу германских, приходящих для закупки высушенной копры, перерабатываемой на европейских маслобойнях. Столицею небольшого королевства Тонга, и в тоже время наиболее посещаемым в этих морских пространствах портом, служит город Нукуалофа, выстроенный на северном берегу Тонга-табу, около рейда, хорошо защищенного подводными рифами. Дворец государя и несколько домов негоциантов господствуют над туземными хижинами, рассеянными вдоль прямых и правильных улиц и окруженными отовсюду садиками. Прилегающее к городу поле, в свою очередь, есть тоже сад, с разбросанными по нём кокосовыми пальмами, густолиственными деревьями, цветущими растениями, между которыми проложены проезжия дороги. В восточной части острова, на берегу бухты, почти сплошь загроможденной рифами в уровень с водою, находится главная католическая станция архипелага, Муа, расположенная рядом с бывшей резиденциею государя и около королевского некрополя, представляющего громадные коралловые глыбы, наложенные друг на друга в виде лестницы.

Менее важные, чем Нукуалофа, города Лефука, в группе островов Хаабай, и Ниуа-Фу, на самом большом острове группы Вавао,—также склады копры, часто посещаемые германскими каботажниками. В этих двух городах пребывают королевские наместники. Порт Ниуи—один из лучших в Тихом океане; правда, извилистый вход в него несколько затруднителен, но, миновав лабиринт в узком канале, суда могут бросать якорь на глубине 40 и 50 метров, в бассейне, который, благодаря окрестным амфитеатрам возвышенных земель, отовсюду защищен против ветров.

К востоку от Тонга, почти уединенный остров—которому открывший его Кук дал на-

именование Savage-island («Дикий остров»), по причине дурного приема, который ему сделали жители острова—вновь принял свое первоначальное название: Ниуэ (Инюэ). По конвенции, заключенной в 1886 году между Англией и Германией, остров этот объявлен ней-



Острова Гавайи.—Кратеръ Килауэа.

тральным, но английское влияние всё-таки преобладает на нём. Это один из наиболее плодородных островов Полинезии, хотя дождевая вода почти вся скрывается в трещине коралловой породы, приподнявшейся над уровнем моря, в среднем, на сотню метров. Язык на Ниуэ

—тонгский, и, по преданию, предки туземцев переплыли, будто-бы, тот широкий морской пролив, который отделяет Тонга-табу от их отечества[1].

Малочисленные острова, лежащие в океане к северо-западу от архипелага Тонга и к северо-востоку от архипелага Фиджи, обыкновенно называются архипелагом Валлис, по имени мореплавателя, открывшего их в 1767 году: они расположены на линии, которая, чрез английский остров Ротума, соединяет Самоа с двумя крайними землями, обитаемыми полинезийцами со стороны запада,—с островами Ануда и Тукопиа. Островитяне архипелага Wallis, вероятно, прибыли с Тонга-табу[2], хотя на одну из гор, расположенных внутри Увеа или собственно острова Wallis, туземцы и указывают как на местопроисхождение их расы. Остров Футуна, правильный стол, видимый к западу от гористого острова Увеа, представляет одну из тех полинезийских земель, которых некогда страшились моряки, благодаря нравам их жителей: людоеды Футуны сожрали до последнего человека восемнадцать сотен туземцев, которые проживали на соседнем острове Алофи, т.е. «земли Любви»: рассказывают, будто один из футунских начальников съел даже свою дать. Острова Wallis, где католические миссионеры и имели свою станцию уже с 1843 года, присоединены с 1887 г. к французским владениям в Океании. Известно, что этот небольшой архипелаг принадлежит к одной из тех редких областей Полинезии, в пределах которых народонаселение возрастает.

Острова Самоа заслуживают ещё наименования архипелага «Мореплавателей», данного им Бугенвиллем; но уже не туземцы перевозят с острова на остров местные произведения или по крайней мере их суда уже не выходят за предела окрестных морских пространств: это германские, английские, американские корабли приходят за продуктами плантаций, которые заведены европейцами на островах архипелага, особенно на Уполу, самом населенном, хотя и втором только по пространству. Главный порт архипелага, Апиа, тоже находится на этом острове, на северном берегу, на краю полукруглой бухты, защищенной с запада лесистым и опоясанным рифами полуостровом. Город, некогда бывший местом сбора китоловов, в то время, когда большие китообразные животные были многочисленны в водах Тихого океана, ныне посещается лишь нагрузчиками копры; на острове насадили также хлопчатник, кофейное дерево, табак и большую часть европейских плодовых деревьев; однако, война за престолонаследие, свирепствовавшая несколько лет, повредила или даже разрушила эти земледельческие предприятия; поля и сады были опустошены вплоть до пригородного округа Апии, да и сам этот город сильно пострадал. Успехи в торговле и в населенности, сделавшие из Уполу одну из наиболее замечательных земель Полинезии, прервались. (Годовая ценность товарообмена достигала в Апии до трех миллионов франков). Порт Панго-Панго, врезывающийся, на-подобие фиорда, в южный берег острова Тутуила и, как полагают, представляющий трещину в боках вулканической горы, мог бы заменить Апию в качестве торгового центра, если бы не находился на удаленном острове. Тутуила—самый живописный из островов Самоа, а Панго-Панго одно из таких местоположений, которое путешественники отмечают между всеми другими за красоту и грандиозность его видов. На противоположном берегу острова мореплаватель Лангль и три других спутника Лаперуза были убиты туземцами, в 1767 году, на берегу бухты Фунга-са.

Два небольших острова группы Самоа, расположенные между Уполу и Савайи, относительно гораздо богаче и населеннее, чем другие земли архипелага. Аполима, или «Ладонь»—вулканический конус, с откосами, изъеденными волною и разрезанными на утесы; природа превратила его в крепость, в которую туземцы соседних островов укрываются во время опасности. Остров Маноно, больше предыдущего, но также весьма легко защитимый, представляет обширный сад: более трех тысяч жителей недавно ютились под ветвями его пальмовых деревьев. По словам Черчварда, эти островитяне славятся как лучшие моряки в этих пространствах океана.

За исключением Тау, восточного острова группы, острова Самоа составляют государство,

1 Turner, „Nineteen Years in Polynesia“.

2 Bataillon, „Annales de la propagation de la Foi“, 1884.

называемое конституционным, хартия которого скопировала с английской: есть король, палата господ и палата депутатов. Столицею служит небольшое местечко Мулину, на острове Уполу. Но Апия находится вне этого государства и образует особую муниципию, управляемую триумвиратом консулов: германского, английского и американского. Американцы избрали этот порт в качестве морской станции и склада угля. В королевстве Тау обычаи ещё языческие. За царьком строго присматривают его же подданные, чтобы он не напился воды или не искупался в море—два события, которые навлекли бы большую беду на общину[1].

Архипелаги, продолжающие на юго-восток ряд островов Самоа, весьма слабо населены: но, в качестве места остановок и переселенческих пунктов, они имели большое значение в истории. Остров Раратонга (Роротонга) в архипелаге Гервейском или Куковом указывается островитянами многих архипелагов как земля, из которой вышли их предки. Современные раратонгцы принадлежат к числу тех полинезийцев, которые вполне подчинились суровому режиму, введенному английскими миссионерами: у них есть школы, библиотеки, и издается даже газета на их языке. Англичане, в предведении близкого установлении линии пароходства между Центральною Америкою и Новой Зеландиею, избрали Раратонгу в качестве торговой и продовольственной пристани; однако, рейд Раратонги ненадежен. Восточнее, в группе Тубийай, присоединенной недавно к владениям Франция в качестве дополнения к Таити, самый важный, хотя и не самый населенный, есть остров Рапа, крайняя южная из собственно так называемых полинезийских земель. Надеются, что современем Рапа будет соперником Раратонги, как пристань на судоходных путях чрез Тихий океан; суда здесь находят лучшее прикрытие: морская волна, хотя и вкатывается длинными рядами, но не образует прибоев. На горах Рапа виднеются старинные укрепления.

Острова Общественные или Товарищества гораздо более, чем архипелаги Тонга и Самоа, удалены от большого пути чрез Тихий океан; но когда будет прорыт Панамский канал, они как раз окажутся на половине дороги между американским перешейком и австралийским материком: тогда они приобретут первостепенное значение как торговый этап. Впрочем, они уже имеют некоторую экономическую ценность, благодаря своим продуктам, и как ни мало число их жителей, оно всё же весьма значительно в сравнении с численностью населения других архипелагов Восточной Полинезии. Таити или вернее Тахити—остается естественным главным пунктом всей Восточной Полинезии.

Папеэтэ, резиденция представителя Франций на островах Товарищества, представляет красивый городок, окруженный, как и все океанические города, садами и пальмовыми рощами, в которых часто раздаются *himene*, т.е. мелодии, гармонически распеваемые разделенными на несколько частей хорами молодых мужчин и женщин. Между домиками, под переплетающимися ветвями, извиваются ручейки, откуда и самое наименование: Папеэтэ, т.е. «Малая Вода». Часто главный город Таити прославляется как земной рай; однако, вал из высоких гор задерживает юго-восточный пассат, вследствие чего жители должны выносить удушливую жару всё то время, когда не дует морская бриза, приносящая шум прибоя. Порт Папеэтэ, защищенный линиею рифов, в которой открываются три узких канала, широк и глубок, но он ещё мало посещается; производимая в нём торговля в главной своей части находится в руках иностранных негоциантов, англичан и американцев; язык, лучше всего известный туземцам, после их родного языка,—английский, язык моряков и первых миссионеров. Обороты внешней торговли Таити в 1896 году: привоз—2.813.000, вывоз—3.098.000 франков (по торговле с Францией: привоз—313.000, вывоз 149.000 фр.). Иногда к некоторым небольшим пристаням на побережье приходят американские суда за грузами апельсин для Сан-Франциско. Апельсинное дерево, ввезенное Куком, действительно сделалось главным возделываемым растением на Таити; что же касается гуявы, ввезенной в 1813 году, то она так распространилась, что стала бичем для страны, на склонах гор она образует непроницаемый кустарник; на пляжах острова, именно на северо-западе, в округе Атимаоно,

1 Churchward, „Samoa“.

были основаны плантации для возделывания хлопчатника, кофейного дерева, сахарного тростника и других тропических растений; но 4.500 «нанятых» китайцев, работавших для иностранных капиталистов, почти все разбрелись; осталось из них менее тысячи, превратившихся в мелких купцов или в садовников.

Площадь годных для крупной культуры земель, на окружности Таити, исчисляют слишком в 20.000 гектаров (возделывалось же на Таити и на Моорее в 1884 году всего лишь 3.255 гектаров). Все эти земли, расположенные в виде каймы по побережью и на первых скатах гор, легко доступны, благодаря дороге в 191 километр, которая, развертываясь в виде двойного кольца вокруг двух островов-близнецов, местами проведена по карнизу над волнами; но на юго-восточной оконечности «Малого Таити» её прорывают пропасти, и путешественники должны вверяться барке, плывущей среди волн, гонимых в этом месте поперек широкой бреши в рифах. Железный путь присоединится в будущем к этой дороге в западной части большого острова, между Папеэте и плантациями. Крепостца помещена на перешейке Таравао, в местности, где почти сходятся обе побережные дороги и где следовало бы быть истинному местонахождению столицы Таити: действительно, южная гавань между двумя островами, Порт-Фаэтон, гораздо обширнее и лучше защищена, чем гавань в Папеэте. Кроме того, положение было бы выгоднее и с стратегической точки зрения, благодаря перешейку, который позволяет одновременно командовать обоими берегами. Плодородные земли побережья находятся ближе к Порт-Фаэтону, чем в Папеэте, и температура, умеряемая пассатом, там гораздо менее тягостна[1]; к северо-западу от этого порта находится образовавшаяся вследствие провала долина, в которой шлаковые осыпи задержали воды и создали очаровательное озеро Вахирия. Крепостца Таравао составляет единственное укрепление архипелага, но некоторые публицисты, распоряжаясь наперед миллионами метрополии, настаивают на усилении Папеэтэ укреплениями, заграждении порта торпедами и сосредоточении флота в водах островов Товарищества и соседних архипелагов, для того, чтобы «иметь возможность заградить путь всякой морской европейской армии, направляющейся к Австралии или к Азии»[2].

Моорея, находящаяся к северо-западу от большого острова, представляет лишь его дополнение в земледельческом отношении, и чрез проломы в поясе окружающих его рифов суда беспрерывно снуют между им и Папеэтэ. Но зато другой из западных островов, находящийся «под ветром», представляет соперника Таити, благодаря оживленности товарообмена. Остров Райатеа, заключенный, также как и Тахаа, в овальный пояс рифов, представляют ту выгоду, что обладает одною из лучших гаваней Тихого океана, а торговля, почти целиком находящаяся в руках германских экспортеров, там менее затруднена разными регламентами, чем в Папеэтэ. Город Теаваруа, расположенный на юго-восточном берегу Райатеа, насупротив острова Тахаа, занимает центр этого маленького архипелага; Райатеа был некогда религиозным центром островов Товарищества, местопребыванием франк-масонского общества ариоев.

Приблизительно в 800 километрах к северу от Таити находится небольшой остров Каролины, на котором французские астрономы произвели в 1883 году замечательные исследования над составом солнца.

Восточные острова, Туамоту, Мангарева в Маркизские, названные, в 1791 году, «Островами Революции», также обладают превосходными портами, в которых могли бы укрываться целые флоты; но два главных города этих островных групп, Тайо-хаэ, на южном берегу Нукагивы, и Рикитея, на острове Мангарева,—не более, как скромные деревни. В группе Туамоту, главный город был перенесен с Анаа на более северный атолл Факарава. Малочисленность населения, разбросанность редких жителей на пространстве более миллиона квадратных километров, делает всякую индустрию, всякое торговое развитие почти невозможны-

1 Raoul, рукописные заметки.

2 De Jonessan, „L'Expansion coloniale de la France".

ми. Эти отдаленные архипелаги, отделенные от ближайшего берега Америки пространством в шесть тысяч километров, рано или поздно только и будут иметь, что свои пальмовые рощи, если не позаботятся восстановить там, руководясь научными способами, добывание перламутра и жемчужин,—промысел, совершенно незначительный в настоящее время. В 1875 году, в пальмовых рощах группы Туамоту насчитывалось 40 миллионов кокосовых деревьев, и вывезено 3.000 тонн копры, ценностью в 7.500.000 франков. Морское дно представляет около этих островов весьма благоприятные условия для размножения жемчужных устриц; но отыскиватели их почти повсюду обирали устричные мели без рассчета, что вело к истреблению породы. На тех островах, где администрация вмешалась в видах упорядочения лова, она ограничилась тем, что, подобно жрецам былых времен, наложила на иссякнувшие места ловли на несколько лет «табу»; но там, где устрицы, слишком редкия, не могут сблизиться, устричные мели не восстановляются, и промысел остается в упадке. Для его востановления, необходимо, говорит Бушон-Брандели, обсеменить мели и искусственно расплодить породу, на-подобие того, как это делается на берегах Франции. Туземцы архипелага Туамоту менее красивы и менее приветливы, чем жители островов Товарищества, но зато более трудолюбивы: на коралловых мелях Туамоту переселенцы с Таити вскоре перемерли бы с голоду.

С 1813 года один американец, по имени Портер, завладел Маркизскими островами от имени своего правительства, которое, однако, не утвердило акта о завладении. В 1835 г., один французский искатель приключений, Тьерри, будучи уже «государем Новой Зеландии», придал себе титул «короля Нукагивы»; затем в архипелаге поселились и французские католические миссионеры: это послужило началом присоединения к Франции, которое постепенно и совершилось. В группе Таити, туземцы, в течение периода «протектората», имели непосредственное участие в ведении своих дел: национальное собрание, составленное из депутатов, избранных всеобщим голосованием на три года, заседало в Папеэтэ; впоследствии его заменил главный совет, членов которого избирают лишь граждане, говорящие по-французски. С 1880 года, Таити и соседние острова объявлены французскими владениями. На Маркизских островах, власть находится в руках французского резидента, который велит афишировать свои приказы на деревьях у входа поселков, или же передавать начальникам племен, превратившихся в его агентов. В группе Мангарева, католические священники ещё недавно властвовали от имена Франции на почти обезлюденных островах: женщины там были строго отделены от мужчин[1].

Последним обитаемым островом на юго-восточной оконечности группы Туамоту является Питкэрн, на котором, с таитянскими женщинами, поселились английские матросы, взбунтовавшиеся против жестокого Блейга, которого, с несколькими товарищами, они в открытом море высадили в шлюпку. Бунтари сначала поселялись на острове Тубуай, но после многочисленных приключений, похищений, убийств, войн, оставшиеся в живых избрали необитаемый островок Питкэрн, на котором и основали неведомую миру маленькую республику. Открытие этой наполовину английской, на-половину таитянской общины, где говорили на обоих языках, и в которой отчасти сохранилась европейская культура, возбудило в Англии симпатизирующее любопытство: преступление бунта островитян Питкэрна было забыто; в них видели только соотечественников, и дары потекли к ним в изобилии. Известно, что британское правительство подарило им даже, как поле для переселения, плодородный остров Норфольк; большая часть питкэрнцев окончательно приняла это пожертвование, но несколько семейств, не смогшие привыкнуть к своему новому отечеству, возвратились на Питкэрн.

Вулканический остров Пасхи, или Рапануи, т.е. «Большой Рапа», на котором нашли «говорящие досечки» и идолов, воздвигнутых в *гапо*, т.е. кратерах вулканов, был так назван открывшим его голландцем Роггевеном. Он как-бы затерялся среди моря, в 2.300 километрах к востоку от Питкэрна; оттого хотя он изредка и бывал в сношениях с другими полине-

1 Paul Deschanel, „Les interets francais dans l'ocean Pacifique".

зийскими островами, но долгое время на нём не было европейских властителей. Таитянские переселенцы, привезенные одним французом, несколько лет остававшимся на острове, давали повод Франции в течение долгого времени предъявлять свои права на этот остров, как на принадлежащий якобы к французским владениям в Океании; но отныне он присвоен республике Чили, флот которой командует в этих морских пространствах, уже соседних с Южною Америкою.

Что касается островов, расположенных по соседству с экватором и даже к северу от него, то они считаются английскими землями, хотя единственными эксплоататорами находящихся там островов с гуано были американские промышленники, которые даже дали одной из групп название America-islands: группа эта—ближайшая к Гавайскому архипелагу, и один из её островов, Christmas-island (остров Рождества), принадлежит к числу самых обширных в Полинезии.

Следующая таблица содержит в себе перечень главных островов Экваториальной Полинезии, с указанием их пространства и цифры населения, а также групп, к которым они принадлежат, и их политической юрисдикции.

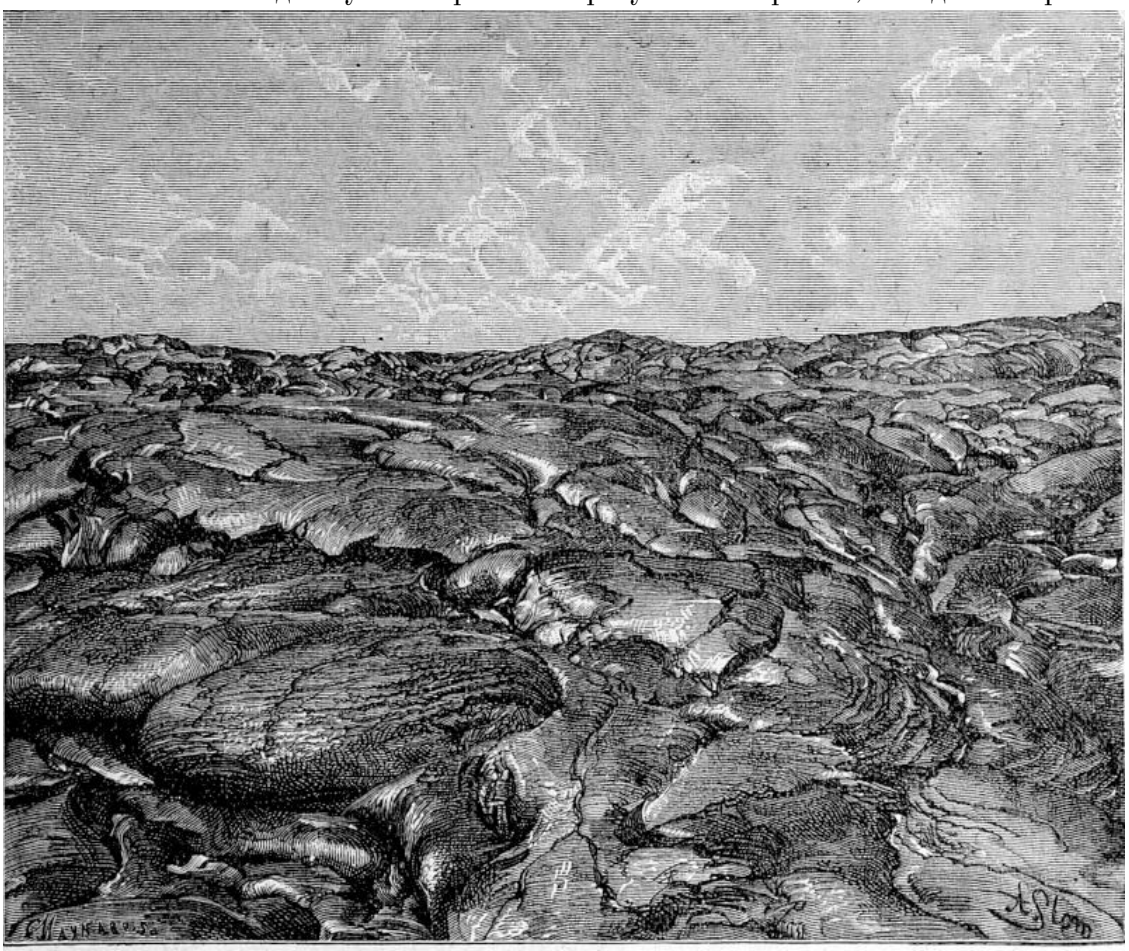
Архипелаги или уединенные земли		Суверенитеты или протектораты	Острова	Поверхность в квадр. килом.	Населенность
Тонга (архипелаг Дружбы)		Германия и Англия	Тонга-Табу	430	20.000 чел.
			Эуа	174	
			Вавао	145	
			Тофоа	55	
			Остальные острова	395	
			Всего	997	20.000 чел.
Архипелаг Валлис		Франция	Футуна (Горн)	115	2.500 „
			Увеа	96	3.500 „
			Остальные острова	90	2.260 „
			Всего	301	8.260 „
Ниуэ, Индуиили		Германия, Англия		94	5.124 „
Самоа (архипелаг Мореплавателей)		Германия	Савайи и островки	1.707	36.000 „
		Англия	Уполу и островки	881	
		Соед. Штаты	Тутуила	139	
			Тау	51	
			Остальные острова	9	
			Вместе	2.787	36.000 чел.
Токолау (Соединения)				14	520 „
Кук (Гервей)		Англия	Раратонга	81	3.500 „
			Манжия	67	5.000 „
			Остальные острова	220	3.000 „
			Вместе	368	11.500 чел.
Тубуай (Австральные острова)		Франция	Тубуай	103	345 „
			Равайва (Вавитайа)	66	350 „
			Рапа (Опаро)	42	130 „
			Остальные острова	75	550 „
			Вместе	286	1.395 чел.
Острова Товарищества	Под ветром	Франция	Райатеа	194	1.400 „
			Тахаа	82	700 „
			Тапаманоа	73	1.655 „
			Гуахин	34	200 „
			Бора-Бора	24	800 „
			Остальные острова	64	400 „
	На ветре	Франция	Моорея (Эймоо)	132	1.427 „
			Таити	1.042	9.745 „
			Остальные острова	5	
			Вместе	1.650	16.370 чел.
Феникс				42	60 „

Архипелаги или уединенные земли	Суверенитеты или протектораты	Острова	Поверхность в квадр. килом.	Населенность
Манахики			137	1.600 „
Туамоту (Помату, Низменные острова)	Франция	Рангирая (Раироя)	60	4.000 „
		Натюп (Клермон-Тоннер)	40	
		Хао	30	
		Анаа	20	
		Остальные острова	799	
		Мангарева (Гамбье)	24	1.500 (1881)
		Питкэрн	5	96 чел.
		Вместе	978	5.596 чел.
Вайху (Рапа-нуи, остров Пасхи)	Чили		118	600 „
Сала и Гомец			4	
Фаннинг (Америка Айлэндс)	Англия	Кристмас	250	200 (1888)
		Фаннинг	40	
		Остальные острова	17	
		Вместе	307	
Маркизские о-ва	Франция	Нукагива	482	5.754 „
		Хива-оа (Доминика)	400	
		Хиау	65	
		Роа (Юапу)	83	
		Юока	65	
		Фатю-хива	77	
		Тау-ата (Куистина)	70	
		Остальные острова	32	
		Вместе	1.274	5.754 „
Всего же в Восточной Полинезии			9.246 кв. к.	111.211 чел.

Глава XII Гавайский архипелаг или Сандвичевы острова

Гавайские острова, более известные под данным им Куком, в 1778 году, именем Сандвичевых островов, образуют, в северо-восточной области Тихого океана, границу океанийских земель. Расположенная по прямой линии, длиною в 3.800 километров, цепь островов, подводных рифов и отмелей тянется с запада-северо-запада на востоко-юго-восток, параллельно южным полинезийским архипелагам; за нею, к северо-востоку, уже не видно ни одной поднимающейся с морского дна и возвышающейся над уровнем вод земли, вплоть до берега Америки; только около западной оконечности Сандвичевой цепи, подводный риф, называемый Мелиш-банк, профилирует в том же самом направлении, как главная выпуклость океанийского дна, о которой здесь идет речь. Но если Гавайские острова резко заканчивают на северо-востоке полинезийский мир, ибо непосредственно на севере от подводных рифов вдоль них находятся пропасти глубиною в две и даже в четыре тысячи метров, то они совершенно отделены от других океанийских земель, так как к югу от Сандвичского архипелага находятся морские пучины, глубиною превосходящие 5.500 метров. Весьма малая часть борозды, возвышающаяся между пучинами севера и юга, составляет собственно так называемый архипелаг, образуемый юго-восточною оконечностью цепи. Географическое значение этой группы весьма важно, так как Сандвичевы острова, со стороны Соединенных Штатов, представляют наиболее выдвинутый вперед пост всего океанийского мира; однако, там не возникло большого центра населения: туземцы, уменьшающиеся в числе, только ещё отчасти были заменены переселенцами. Пространство Сандвичевых островов: 17.710 кв. километров; народонаселение (1897 г.): 116.000 челов., что составит 6,5 жител. на один квадратный километр.

Известно, что Гавайские острова были примечены европейскими мореплавателями по крайней мере за два столетия до экспедиции Кука. При своих ежегодных путешествиях из Мексики к Филиппинским островам и обратно, испанские галлионы следовали двумя различными путями, из которых первый пролегал по экваториальному течению, а второй по холодному противо-течению, и хотя маршрут галлионов обыкновенно был одним из самых правильных, но внезапные перемены ветров в пределах боковых течений, неожиданные бури, а быть-может и географическая любознательность капитана—могли побудить галлионы к уклонению от своего избитого пути, и во время одного из этих морских путешествий путники и усмотрели высокие горы Гавайского архипелага, видимые с моря в ясную погоду километров за триста. Однако, испанское правительство хранило при себе знание этих островов, около которых морские разбойники могли бы подстерегать прохода судов, нагруженных золотом: желая одному себе присвоить результат открытия, оно долгое время лиша-



Потокъ лавы на Килауэа.

ло себя и чести этого открытия. Однако, карты, предшествовавшие экспедиции Кука, уже упоминали о существовании земель в этих морских пространствах; на одной из них, снятой Ансоном на испанском корабле, показана под широтой Сандвичева архипелага, хотя и слишком к востоку, группа островов, названных Mesa, los Majos (Monjes) la Desgraciada[1]. С другой стороны, и у островитян есть многочисленные предания, относящиеся к давним посещениям их архипелага иностранными мореплавателями. Один из чужеземцев, прибывший за «восемнадцать поколений» до Камеамеа, жившего в начале текущего века, привез с собою «небольшого идола», которому было дано место в канакском пантеоне, и для которого был построен особый храм. Другие белые становились начальниками, прославившими свой меч в гавайских войнах; иные, выкинутые на берег при кораблекрушении, являлись в качестве просителей, но и они были хорошо принимаемы и женились на туземных женщинах: неко-

1 Georga Anson, „Relation“;—G, de Laperouse, „Voyage author du Monde“;—Marchand, Voyage du „Solide“ autour du Monde“;—Jules Remy, „Ka Moolelo Hawau“, и т. д.

торые туземцы претендуют на происхождение от этих бледнолицых пришельцев, и, говорят, они действительно отличаются более светлым цветом кожи и менее черными волосами по сравнению с другими туземцами. За тридцать семь лет до прибытия Кука, одно испанское судно, галлион «Nuestra Senora de Covadonga», потерпел крушение у берегов архипелага. Куски железа, впоследствии найденные на Сандвичевых островах Куком, и были доставлены этими чужеземцами. Название, которое канаки дают судам белых, «Мокю», т.е. остров, относится к той отдаленной эпохе, когда туземцы в первый раз увидели эти громады плавающими на горизонте.

Но, не будь экспедиции Кука в 1778 году, ученые не подумали бы розыскивать следы прежних открытий: это Куку, по крайней мере по результатам, принадлежит слава извлечения островов Гавайи из неизвестности и введения их в свет истории. Когда английские корабли появились в бухте Ваймея, одной из выемок в южном берегу острова Кауайи, туземцы, пораженные зрелищем этого «леса, движущагося по морю», не упустили, однако, случая добыть себе железо, путем ли промена, или кражи, и с первого же дня между канаками и чужеземцами произошло столкновение. По счастью, корабли Кука почти тотчас же отплыли к американскому берегу. В это первое путешествие, знаменитый исследователь видел только три западные острова собственно так называемого архипелага: Нихау, Кауай и Оаху; но после его отплытия молва о чудном появлении плавающего леса или «Крылатого кита»[1] распространилась и по большим юго-восточным островам, вплоть до Гавайи, и когда, в конце того же 1778 года, туземцы в одно прекрасное утро увидели два английских корабля, они тотчас же смекнули, что это к ним явился «бог». Они действительно приняли его как «бога», и даже жрецы признали в нём одно из самых грозных божеств своего пантеона, Лоно или Ороно. Как только Кук бросил якорь в бухте Кеалакеакуа, около средины западного берега Гавайи, один из жрецов принес в жертву свинью, при чтении молитв; затем, когда, в предшествии герольдов, английский капитан сошел на берег, пятнадцать тысяч человек, прибывших, по словам Ледиарда, на трех тысячах лодок со всех частей архипелага, пали ниц. Бог Лоно, сопровождаемый толпою, шедшею за ним на четвереньках, медленно поднялся по ступеням в храм и, представившись своим братьям, остальным богам, которых он обнял, позволил жрецам умастить себя благовонными маслами, а затем принял поклонение от своих новых верующих. По рассказам его собственных офицеров, великий мореплаватель, повидимому, будучи упоен чудным успехом своей карьеры, охотно принимал воздаваемые почести и возносимые к нему молитвы. Много раз, в течение месячного пребывания, сцены апофеоза возобновлялись, и никогда Кук не пытался от них уклониться. Он воспользовался ими даже, чтобы снять мешавшие исследованию острова запреты, *табу*, и заставить приносить безвозмездно жизненные припасы и всякого рода дары. Но требования его превзошли меру, и осквернение святилищ возбудило всеобщее негодование: наконец, погребение умершего матроса обнаружило туземцам, что и англичане смертны, и когда в драке, происшедшей по поводу кражи лодки, Кук, ударенный по ошибке, вскрикнул, то поняли, что он не бог, и удар кинжалом распростер его мертвым на пляже. Однако, вера в его божественность оставалась у некоторых, и его кости, сохраняемые в одном из храмов, долгое время были предметом поклонения.

После путешествия Кука, Лаперуз, а затем Ванкувер посещали Гавайский архипелаг, а в 1794 году, Броун нашел и обследовал порт Гонолулу, сделавшийся впоследствии торговым центром островов: подобно Куку, и он также поплатился жизнью за свое открытие. С начала девятнадцатого столетия, берега Сандвичевых островов были уже известны, и китоловы различных наций, преимущественно же американские, сделали из порта Гонолулу свое сборное место в Северном Тихом океане. Купцы, миссионеры, ученые поселялись на островах на жительство, и сами туземцы, принимая участие в розысканиях европейцев, вскоре стали содействовать географическому описанию их страны и опубликованию их истории. Ныне Гавайский архипелаг есть наилучше исследованный из всех Полинезийских земель: библио-

1 Thomson, „New Zealand“;—Bataillon, „Annales de la propagation de la Foi“, 1841.

графия Сандвичевых островов обнимает тысячи книг, брошюр и других научных документов.

Канакская легенда о рождении архипелага из громадного яйца, внезапно лопнувшего посреди моря[1], вероятно, относится к древним извержениям лавы, которые действительно подняли эти острова над уровнем вод. Вулканический ряд Сандвичевых островов воспроизводит, только в обратном направлении и в гораздо больших размерах, острова Самоа. В цепи северных островов, как и в цепи земель экваториальных, самый высокий горный массив расположен на оконечности архипелага, и начиная от этого громадного пограничного столба, острова, в направлении к другой оконечности, постепенно уменьшаются в размерах, переходя, наконец, в простые, едва выдающиеся из воды рифы. В этом же направлении уменьшается и энергия вулканических очагов, ибо самые высокие вулканы и жерла с кипящею лавою находятся на самом большом острове, на Гавайи. Другио острова тоже усажены питонами с кратерами, но явления накаливания в недрах земли там весьма слабы или даже обнаруживаются только в виде горячих ключей; вулканы, под действием воздуха и дождей, утратили свою первоначальную силу: на последних островах, в направлении к северо-западу, кратеры и потоки лав стали совершенно неразличимы, и шлаки, превратившись в растительную землю, покрылись великолепною растительностью. Очевидно, эти западные очаги угасли уже в очень давния времена. По той же причине, коралловые рифы гораздо многочисленнее на окружности северо-западных островов, чем на берегах Гавайи, где ядовитые газы, выделяющиеся из почвы, препятствуют развитию полипняков.

Три фаса большого южного острова отличаются друг от друга по форме и по виду. Западный берег, посещенный судами Кука, поднимается весьма крутым, но довольно правильным скатом, вплоть до цоколя, на котором стоят вулканы острова. Южный берег, с отлогим склоном, позволяет без большого труда достигать до внутренних плоскогорий, между тем как побережье, обращенное на северо-восток, обрывается крутыми утесами, там и сям прерываемыми узкими ущельями, в которых несутся потоки воды. Это единственная часть острова, где образовались текучия воды: в других местах повсюду влага исчезает под скоплениями пепла, извергнутыми кратерами гор.

Южный вулкан, называемый Мауна-Лоа, или Большая «гора», возносит свой правильный купол на высоту 4.145 метров, т.е. метров на тысячу над полосою растительности. Таким образом вулкан Сандвичевых островов на четыреста метров превышает величественный пик Тейде, на Канарских островах, часто величаемый исполином морей. Кратер, или вернее группа кратеров, специально обозначаемая наименованием Мокуавеовео, открывается на самой вершине горы, образуя симметрическое углубление, направляющееся с юга на север. В центре находится большой первоначальный кратер, средний диаметр которого равняется приблизительно двум с половиною километрам, тогда как глубина его превосходит триста метров. Это ещё самый деятельный кратер, и бугры шлаков, одни в раскаленном состоянии, а другие уже угасшие, возвышаются со дна этой пропасти. К северу и к югу от этого жерла, две полукруговые террасы, высотой более 150 метров, изображают две половины кратера, вписанные, так сказать, в окружность центрального отверстия. Наконец, на оконечностях оси извержения, две менее глубокия чаши в куполе из лавы правильно заканчивают ряды кратеров. С самых краев Мауна-Лоаской пропасти изливались потоки лав: так, в 1843 году поток направился на северо-восток, чтобы раздвоиться у подошвы Мауна-Кея на второстепенные течения, которые оба остановились на плоскогориях. В 1880 году, другой поток, вышедший из того же пункта, излил впродолжении шести дней кипящую массу приблизительно в 700 миллионов кубических метров.

В 1852 году, другой шейр покрыл восточный склон вплоть до возделываемых областей берега и уничтожил несколько деревень на высоте 400 метров. Но большею частью истоками подземного очага являются отверстия, открывающиеся под самым высоким куполом вулкана. Так, в 1855 году из северо-восточных склонов выступила река лавы, которая, покрыв

1 Williams, „Narratire of Missionnary Enterprises in the South sea islands“.

своею потрескавшеюся поверхностью территорию в 750 квадр. километров, в конце концов достигла равнины Хило, находящейся в небольшом разстоянии от моря[1]. Три года спустя, другое жерло открылось в 60 километрах к северу от большого кратера, и исшедший из него двойной поток, повернув на запад, заполнил на половину бухту Кихоло.

На восточных откосах Мауна-Лоа открывается громадное чашеобразное углубление, Килауэа, края которого находятся на высоте 1.210 метров. Кратер Килауэа, который туземцы считали жилищем грозной богини Пелэ, представляет почти кругообразную пропасть, с окружностью приблизительно в 15 километров и с различною глубиною, находящеюся в зависимости от тех масс лавы, которые клокочут на дне.

В течение этого столетия, не было примера, чтобы жидкия лавы изливались непосредственно из жерла Килауэа или из других огненных шахт, продолжающихся на восток; постоянно подземный жар расплавлял глубоколежащие пласты, и огненная река пробивалась наружу в большом расстоянии книзу от кратера. Один из таких потоков, относительно которого полагают, что он вышел из Килауэа чрез скрытые галлереи, излился, в 1868 году, приблизительно в ста километрах к юго-западу, затем, достигнув края берегового утеса, огненным каскадом низвергся в море: пирамида из лав, которую новые наносы связали с землей, образовала в открытом море мыс Ка-лаэ.

Дана исчисляет в пять слишком миллионов кубических метров поток лавы, излившийся во время одного из этих извержений. Расплавленные вещества этих вулканов обыкновенно бывают чрезвычайно разжиженными и текут по склонам так тихо, что в городах, лежащих по окружности острова, не слышно ни малейшего шума. По словам Дана, в химических веществах, содержащихся в шейрах, не видно следов действия соленых вод: следовательно, для объяснения истечения лав достаточно просачивания пресной воды.

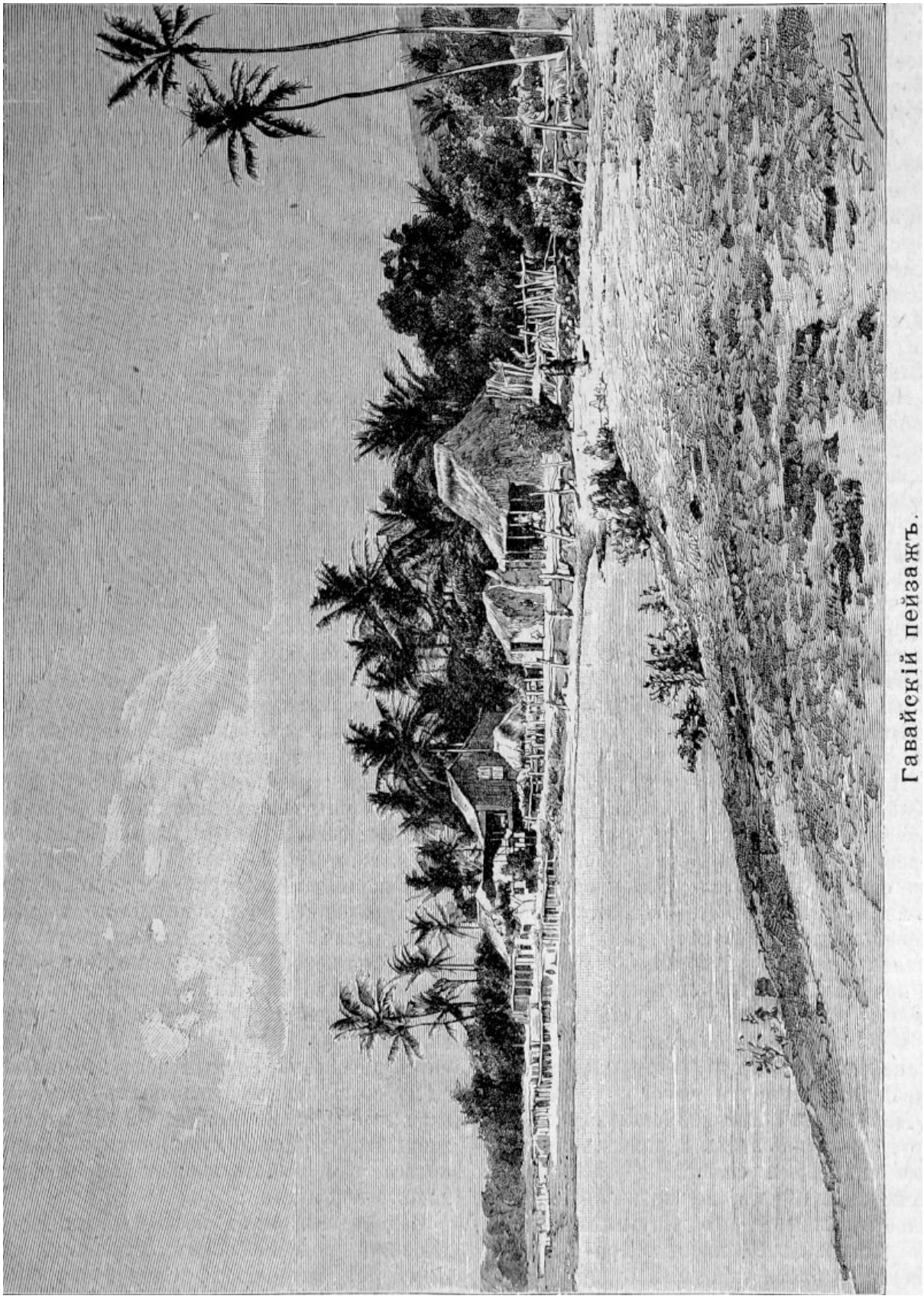
К северо-западу от «Большой Горы», масса которой покрывает пространство приблизительно в пять тысяч квадратных километров, другая, гораздо менее высокая, гора порою изливает свои лавы в западное море: это Мауна-Гуалалай (2.522 метра). Другие горные вершины Гавайи не имеют уже дымящихся жерл. Из них самая главная находится на северовостоке; высотою она превосходит даже Мауна-Лоа; самое её имя, Мауна-Кеа, или «Белая Гора», описывает уже её вид: в течение многих месяцев в году она остается покрытою или испещренною снегом. По оффициальным нивелировкам, высота верхнего пика 4.208 метров: на Земле мало вершин, которые с моря можно было бы видеть возвышающимися к небу более чем на четыре тысячи метров. Из порта Хило, у восточного основания потухшего вулкана, приметны зубчатые края кратера, продолжающиеся с севера на юг на протяжении многих километров; если бы скаты горы продолжались до её вершины непрерывно, то высота Мауна-Кеа превзошла бы 6.000 метров. Кохала, конус в тысячу метров, находится на северной оконечности острова, на непосредственном продолжении горы Мауны-Кеа; кратер его давно уже изгладился.

Остров Гавайи продолжается на северо-запад четырьмя гористыми островами и несколькими островками, образующими в архипелаге второстепенный архипелаг. Каждая из этих земель имеет вулканы, высота которых соответствует величине острова; самая высокая гора, наполняющая своею коническою массою (3.109 метров) южную часть острова Мауи, называется Халехала, или «Дом Солнца»; её огромный кратер—один из самых больших, сохранивших правильный профиль: верхний край имеет не менее 25 километров в окружности, а глубина пропасти превосходит шестьсот метров. Подводные рифы не могли образоваться на окружности этой горы, без сомнения, по причине сернистых вулканических испарений, между тем, как северная часть острова Мауи, представляющая почти отдельный массив, окружена полипниками[2]. Песчаная коса, соединяющая обе половины этого острова, в самом высоком своем месте имеет всего два метра: это простой пляж, беспрерывно разрушаемый и снова созидаемый. Пассат, проходящий над северо-восточным склоном перешейка, уносит с

1 „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux". 1881.

2 Dana, „United States Exploring Expedition".

него белые облака песка, который и ниспадает либо по другую сторону перешейка, на южном склоне, либо даже на поверхность моря; с проходящих вдали судов постоянно видна туча пыли, гонимая ветром. И несмотря на это постоянное действие ветра и непрестанное



Гавайскій пейзажъ.

перемещение песков, перешеек сохраняет свою первоначальную форму: с одной стороны, море приносит достаточно материалов для воссоздания пляжа, а с другой—оно же уносит так много песку, что земля не может делать захватов в водах залива.

Остров Оаху, следующий за группою Мауи, занимает меньшую поверхность, но он усеян вулканическими холмами, конечные части которых ещё легко распознаваемы. Наконец, острова Кауай, Ниигау и Каула, заканчивающие на северо-западе ряд больших островов, тоже имеют свои вулканы, из которых один достигает 1.800 метров в высоту. Далее, островки, продолжающиеся вереницею более чем на протяжении 3.000 километров по направлению к Японии, вероятно, тоже вулканы; но распознать лавы удалось только на небольшом числе этих выдающихся из воды земель. На последнем островном массиве, имеющем большую поверхность, на Кауае, ряд дюн, расположенных вдоль юго-западного берега на пространстве двух с половиною километров, состоит из звонкого песка, подобного тому песку, который как бы поет под ногами восходящих на Синай: когда скатываешься по откосам, эти музыкальные вибрации дюны походят на игру мощного органа. Следы поднятия островов из-под уровня вод многочисленны: там и сям встречаются прежние пляжи, расположенные на различных уровнях на склонах гор. На одном из островов группы Мауи, коралловая банка, повидимому, относительно недавнего продолжения, тянется на довольно большом пространстве на высоте 150 метр. над уровнем моря; на о. Кауай, другой каралловый берег, менее явственный, но всё-таки различимый, окружает главный вулкан на высоте 1.200 метров. С 1794 года констатировано, что надводные камни в порте Гонолулу повысились более чем на один метр, к большой невыгоде мореплавания.

Архипелаг Сандвичевый переходит за северный тропик только своими рифами; все острова, составляющие группу, находятся ещё в жарком поясе, в той части океана, которую зовут «Южным морем» в смысле «жаркого моря». Остров Гавайи пересекается 29° широты. Хотя температура менее высока на берегах Сандвичевых островов, чем на островах Фиджи и Самоа, она, однако, весьма высока в хорошо защищенных частях побережья, где воздух не освежается северо-западным пассатом. Средняя температура в Гонолулу равняется 21° Ц.; в течение двенадцати лет самый большой жар не превышал 32°, тогда как в самые большие холода термометр не опускался ниже 11,5°: таким образом, разница между крайними температурами равняется приблизительно 20°. Конечно, температуры гораздо ниже на внутренних плоскогориях; климат этих высоких областей походит на климат Западной Европы.

Дожди обильны в Гавайском архипелаге, составляя от полутора до двух метров в год, хотя всё-таки менее обильны, чем в Инсулинде. Северо-восточные пассаты, дующие с большою правильностью в течение трех четвертей года, от времени до времени приносят с собою и благодетельные ливни: но зимой, когда вся система ветров движением солнца увлекается на юг, бывает, что противо-пассаты спускаются с высот атмосферы и ударяют в юго-западные склоны островов. Эти ветры, насыщенные парами, почерпнутыми в области тропических штилей, часто сопровождаются грозами: говорят, будто в языке туземцев не существует выражения для обозначения дурной погоды, но словом *кона*, которое значит «нарушение равновесия в пассатных ветрах», тем не менее, обозначаются резкия перемены в атмосфере. В целом, общий климат Сандвичевых островов—один из самых приятных и самых здоровых на Земле, и, несмотря на расстояние, большое число больных из Европы и Соединенных Штатов отправляется туда для поправления своего здоровья. Хотя «кона» внезапно приносят большие количества дождей, однако, самую значительную часть влаги к концу года доставляют правильно дующие ветры, вследствие чего вид противоположных берегов островов представляет значительную разницу, обусловливаемую выпадением дождей; западные берега, особенно на о. Гавайи, сохранили первоначальную шероховатость почвы, тогда как орошенные в изобилии восточные побережья имеют на поверхности своих шлаков толстый слой растительной земли. На острове Оаху, в некоторых местах горы, годовые дожди доставляют слой влаги в семь метров[1].

Океанические течения в гавайских пространствах видоизменяются сообразно с ветрами, которые их обусловливают. Общее движение вод на юге Сандвичевых островов совершается в направлении с востока на запад, вместе с великим экваториальным течением; на севере же

1 B. Guppy, „The Solomon islands“.

островов морская масса увлекается в противоположном направлении. Таким образом, архипелаг находится в срединной полосе между двумя течениями; отсюда достаточно небольшого колебания, в том или другом направлении, для того, чтобы видоизменить движение вод и чтобы острова очутились на том или другом из естественных путей в океане: этим объясняются странствования морских выкидок или потерявших свое оснащение судов, приплывающих то от японских островов, то от берегов Америки, то от архипелагов Полинезии. Что касается приливов и отливов, впрочем довольно незначительных, так как амплитуда их в среднем, не превышает одного метра, то они долгое время ставили в тупик всех наблюдателей. Именно, в течение некоторого времени приливы, повидимому, совершаются правильно, затем изменяют свой ход, то сближая, то отдаляя свои промежутки. Ныне эти кажущиеся аномалии уже объяснены. Когда луна проходит через экватор, два приблизительно равные прилива следуют друг за другом в течение двадцати четырех часов; но по мере того, как луна отдаляется к югу или к северу, один из этих приливов становится всё сильнее и сильнее другого, до тех пор, пока, наконец, не произойдет такое крайнее отклонение, что ощутимым становится только один, именно: при северном склонении—более сильным будет первый, а при южном склонении—второй прилив.

Природная флора Сандвичевых островов не так богата, как можно бы было ожидать, имея в виду высокую среднюю температуру страны и плодородие почвы. До прибытия европейцев, она была весьма бедна в сравнении с флорою материков, пользующихся теми же климатическими условиями, и на большой части окружности островов ещё и до сих пор наблюдается обнаженная, голая почва. На узкой полосе поморья видны лишь группы кокосовых пальм и двух других видов пальмы, хлебные деревья, плоды которых весьма низкого качества в сравнении с такими же плодами на островах Маркизских и Таити, и некоторые другие туземные деревья, между прочим *aleuritis* или *Kukui*, ветви которого, содержащие в изобилии маслянистое вещество, служили прежде, да и теперь ещё служат, как на Сандвичевых, так и на других островах Полинезии, для освещения домов: кроме наименования этого дерева, у туземных жителей нет другого названия для обозначения лампы. Многие экзотические растения, привезенные в край чужеземцами, мало-по-малу завоевывают приморскую полосу и видоизменяют её вид; таковы клещевина, дурман, желтоволосник, индигоноска. В глубоких и хорошо орошенных долинах, открывающихся в некотором расстоянии от поморья, природная растительность гораздо изобильнее и культуры разнообразнее: там именно встречается халапепе (*brenchleya*), гигантский спаржевик, с листьями, похожими на листья пандана; туземцы прежде боготворили это дерево. Вообще можно сказать, что флора островов обладает большим количеством деревянистых видов, чем травянистых; многие роды, которые в умеренных климатах Европы представлены только однолетними формами, на Сандвичевых островах оказываются древесными: так лебеда (chenopopium) становится там настоящим деревом[1]. Лесной пояс, простирающийся на склонах гор до высоты двух тысяч метров, характеризуется, подобно приморской полосе, многочисленными древесными видами, миртовыми и другими; там растет также щавель, стебли которого развиваются в виде лиан на высоте самых больших деревьев. Горный пояс, начинающийся на возвышенных островах Мауи и Гавайи за пределами высоты в две тысячи футов, имеет только кустарники, а альпийская полоса, т.е. область вершин, представляет лишь злаки и мхи.

Самородная фауна весьма бедна млекопитающими: подобно всем островам, удаленным от материков, Сандвичев архипелаг обладает лишь небольшим числом эндемических форм. До прибытия Кука, у жителей только и были из домашних животных: собака, свинья и курица, при чём весьма вероятно, что эти животные были ввезены переселенцами за несколько веков до этого; мышь и один вид летучей мыши—такова была высшая фауна этих островов. Рептилии были представлены там только тремя небольшими видами ящериц. Туземных птиц насчитывают всего только около сорока видов, и в этом числе нет ни одной певчей. Наиболее ценимая из этих птиц—*drepanis pacifica, oo* на языке туземцев, встречающаяся

1 Jules Remy, „Ka Moolelo Hawaii“.

кое-где в лесной области; на плечах у неё, среди красивого черного оперения, есть несколько маленьких желтых перьев, некогда усердно собираемых для наряда главарей: мантия короля Камеамеа I-го, над изготовлением которой трудились в течение девяти последовательных поколений, вся была сделана из этих перьев птицы оо, прикрепленных к сети с частыми клетками[1]. Реми утверждает, что вошь и муха сопровождали канака при его переселении в этот архипелаг, тогда как блоха, москит, скорпион и стоножка ввезены сравнительно недавно. В ручьях островов почти не было рыб; но моллюски жили там во множестве, и род achatinelli, некоторые виды которого, с красивой раковиной, кишмя-кишат на листьях деревьев, тогда как другие зарываются в землю, представлен в архипелаге не менее как тремя стами разновидностей: ни одна местность в мире не богата так моллюсками этого рода. Соседния моря изобилуют китообразными, рыбами и другими организмами.

Гавайцы уже давно утратили свои национальные нравы, походившие на нравы их братьев по расе, маорисов Новой Зеландии и экваториальных полинезийцев. Уже более полустолетия, как религиозные церемонии оставлены: туземцы взирают на развалины своих бывших святилищ с таким же безразличием, как галлы наших дней, прогуливающиеся между камнями Карнака. В 1820 году, когда на Гавайи появились первые протестантские миссионеры, большая часть туземцев, поддаваясь влиянию матросов и других чужеземных посетителей, давно уже перестали веровать в своих национальных богов, и возгорались религиозные войны. Затем, когда миссионерам удалось оффициально обратить в свою веру главарей, все подданные должны были следовать вере своих властелинов, и самые суровые законы, строго основанные на «Десяти Заповедях», были изданы против всех, кто позволял бы себе не сообразоваться с новыми предписаниями, в особенности против «богохульников и нарушителей субботы». Всё гавайское население превратилось бы в большую методистскую общину, если бы англиканские священники и французы-католики не явились оспаривать власть у первых миссионеров. Религиозные соперничества, с следовавшими за ними местными революциями и вмешательством иностранных держав, долгое время поддерживали смуты среди народонаселения архипелага; но ныне между последователями различных культов установился мир, и даже третья религия, буддизм, в свою очередь, проникла на Сандвичевы острова. Мормоны также пытались вербовать прозелитов в архипелаге, но без большого успеха.

Как и на большей части полинезийских островов, туземное население постоянно убывает и на островах Сандвичевых. Правда, исчисления, сделанные Куком тем дикарям, которые толпились около него, были преувеличены: в ту эпоху, в архипелаге не было ни 400.000, ни даже, быть-может, и 300.000 жителей; но в 1790 году, когда обезлюдение совершалось уже весьма быстро, на островах несомненно было ещё свыше 200.000 человек. С тех пор, каждая перепись свидетельствует об уменьшении численности канаков, и то обстоятельство, что преимущественно уменьшается число женщин, доказывает, что поражена самая раса. Тогда как в большей части стран земного шара, мужчин меньше, чем женщин, на Сандвичевых островах численность женщин даже не равняется численности мужчин. Постепенное вымирание канаков видно из следующих данных относительно числа их в разные периоды: в 1778 г. насчитывалось гавайцев—300.000; в 1790 г.—200.000; в 1832 г.—130.313; в 1830 г.—108.759; в 1850 г.—84.165; в 1860 г.—67.084; в 1878 г.—44.098; в 1884 г.—40.014; в 1890 г.—34.436; в 1896 г.—31.019.

До недавнего времени, приток переселенцев не уравновешивал потерь, причиняемых исчезновением туземцев. Ныне же уменьшение начинает восполняться всё большим и большим прибытием чужеземцев, и в крае своих предков канаки оказываются уже в меньшинстве; несомненно, что в близком будущем, то, что останется от первичной расы, исчезнет путем смешения с переселенцами всякой национальности. К разным причинам, которые на большей части островов способствовали уменьшению численности полинезийских туземцев,

1 J. Jackson Jarves, „History of tbe Havaiian or Sandwich-islands“.

присоединилась с 1848 года страшная болезнь, относительно которой говорят, что она была занесена теми из иммигрантов, которые, без сомнения, будут главными заместителями умирающей нации. Бич этот—проказа, известная в стране под именем *mai pake*, т.е. «китайской болезни». Туземцы сотнями оказываются зараженными этою неизлечимою болезнью. И с тех пор, как первые из пораженных были обнаружены, каждый больной перевозился на остров Молокай, для того, чтобы по крайней мере он не мог бежать в Соединенные Штаты. В обширной островной тюрьме проживают восемьсот этих несчастных, находящихся на полной свободе и снабженных удобствами существования, но осужденных никогда не удаляться с острова, на котором, вместе с ними, заточили себя и католические миссионеры; страшный опыт, недавно произведенный над одним из осужденных на смерть, ясно доказал возможность заражения этим недугом. Между здоровыми и чистокровными канаками есть ещё такие, которые дают понятие, каков был этот народ, когда дикари свободно бродили на берегах в своей гордой красе. Все путешественники с удивлением говорят о тех скачках, ныне запрещенных, где приз был оспариваем лихими канакскими наездницами.

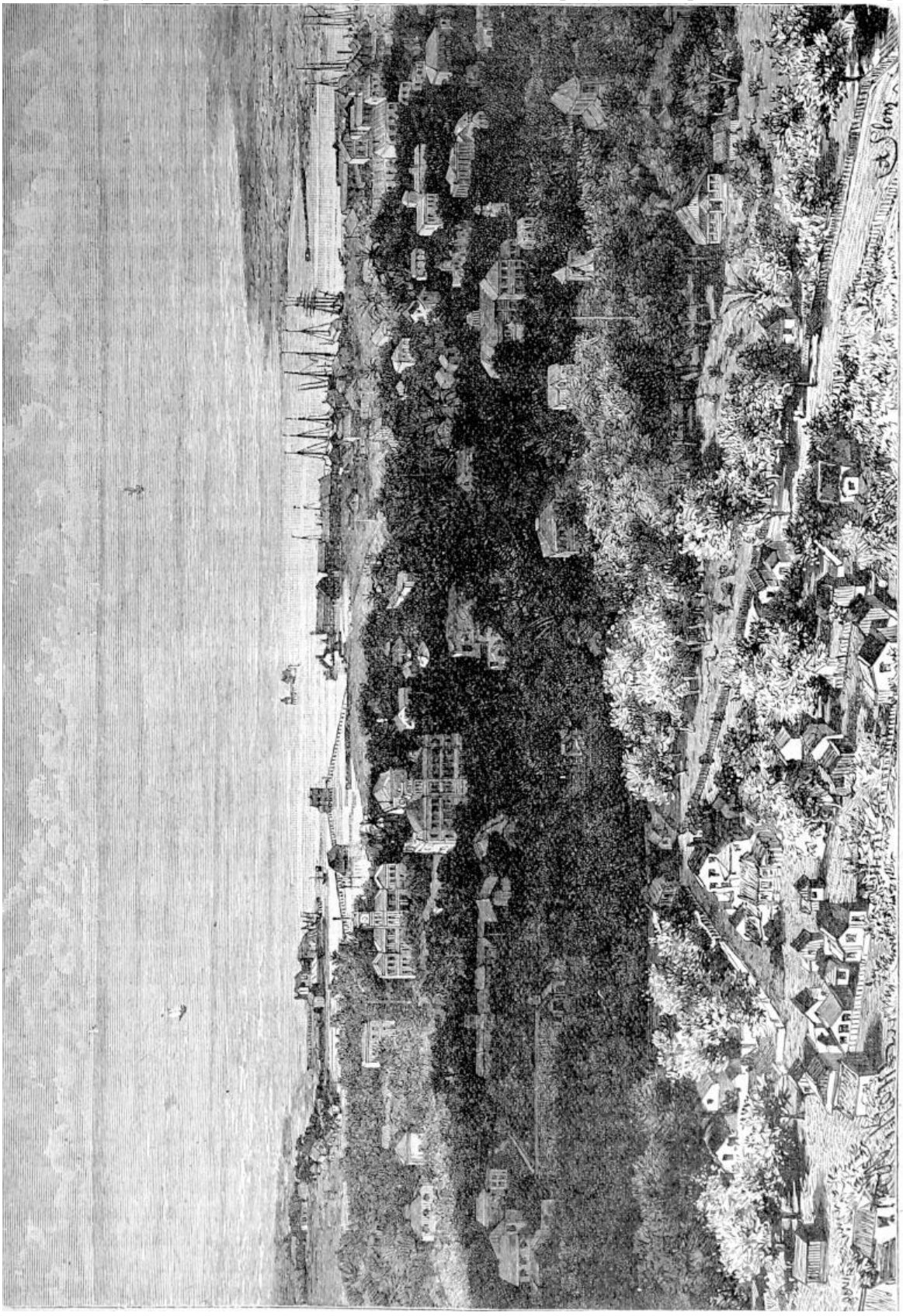
Китайцы, которые ныне относительно столь многочисленны на Сандвичевых островах, прибыли сюда не в качестве свободных колонистов, но в виде «законтрактованных» рабочих. Крупные земельные ленники королевства ввозили их для обработки своих полей сахарного тростника и других плантаций, и, также как в других архипелагах, ввозили их одних, без семьи. По прибытии в гавайские земли, некоторым из них удалось найти себе жён между канакскими женщинами и, таким образом, основать расу метисов, хапанакэ или «полукитайцев», которые во внешности вообще более походят на отца, чем на мать. По обычаю, девочки, родящиеся от этих браков, следуют судьбе матери, тогда как мальчики воспитываются как истые китайцы; когда отец возвращается на родину, он всегда берез с собою сыновей, а женскую часть семейства покидает. Однако, большое число китайских наемников, отбывших свою, условленную договором, пятилетнюю службу, остаются в стране, при чём почти все покидают земледелие и переселяются в города или деревни в качестве мастеровых или лавочников.

Японцев, полинезийцев с различных островов также нанимают на плантации Сандвичевых островов; но между этими переселенцами самыми многочисленными, после китайцев, оказываются такие островитяне, которых, казалось бы, нельзя было ожидать встретить так далеко от их метрополии; это—португальцы с Азорских островов. Лучше, чем кто-либо, эти лузитанские крестьяне могут приспособиться к своей новой среде; живя под широтою, которая только градусов на десять разнится от широты Сандвичевых островов, привыкшие к временам года аналогичного климата, вновь находящие на Гавайи почву и растения своей родины, они едва меняют отечество, покидая Атлантический океан для Тихого. Из года в год число их возрастает, и между островами Азорскими и Сандвичевыми учреждены правильные рейсы для перевозки переселенцев. Подобно китайцам, португальцы содействуют образованию в Гонолулу и в других городах класса мастеровых. *По последней народной переписи, произведенной в 1896 г., на Сандвичевых островах насчитывалось 109.020 жителей (против 89.990 ж. 28 дек. 1890 г.). По национальностям это население распределялось следующим образом: канаков—31.019; метисов—8.485; китайцев—21.616; японцев—24.407; португальцев—15.161; североамериканцев—3.086; англичан—2.250; немцев—1.432; полинезийцев—455; норвежцев—378; французов—101.*

Ежегодно народонаселение увеличивается на несколько тысяч, так как прибывающих чужеземцев больше, чем убывающих (по исчислению в 1897 г., число жителей архипелага достигло 116.000). С 1883 по 1886 год прибыло 27.983, выехало же 12.470, так что получился излишек в 15.513 человек (с 1890 по 1896 г. иммигрировало 13.984, эмигрировало 6.959 чел.). Но, чем более прибывает переселенцев, тем меньше становится относительно число женщин: в общем они обыкновенно не переступают за одну треть населения; так, в 1874 году на Сандвичевых островах на 51.539 мужчин насчитывалось 29.039 женщин (по переписи 1896 г.: 72.517 мужчин, 36.303 женщин). Понятно, как неблагоприятны последствия для

нравственности от этой разницы в численности между полами.

Прилагаются руки иностранных «наемников» главным образом к возделыванию сахара—в качестве продукта для вывоза, и риса—в качестве продукта потребления. Благодаря сво-



Гонолулу.—Общій видъ.

бодному ввозу гавайского сахара в Соединенные Штаты, культура сахарного тростинка, введенная в архипелаге австралийскими ссыльными, возросла удивительно. Так, в 1896 году с Сандвичевых островов было вывезено сахара ценностью на 75.000.000 франков. Общий сбор

с сахарных плантаций в 1896 г. составлял 225.000 тонн; вообще, в этом отношении Сандвичевый архипелаг стоит уже впереди Реюньона, Гваделупы, Мартиники, Наталя, Сан-Доминго и других сахарных колоний, возделывавшихся издавна. Гавайские острова производят также кофе, хлопок, табак, но в небольшом количестве, и таро, некогда составлявшее главную пищу населения, ныне же в большой части замененное пшеницею, которую ввозят из Северной Америки. Ловля китов и кашалотов, столь важная в первую половину текущего века, перестала быть доходной: но скотоводство процветает. Несколько домашних животных, оставленных Ванкувером, заселили острова, и даже часть их потомства одичала. На острове Гавайи охотятся на кабана и диких коз. В других местах разводят стада овец и рогатого скота; повсюду, где почва лишена леса, ею завладевает трава *wenervia* и образует прекрасные пастбища. Остров Кауай слывет «садом» архипелага. Остров Ниихау представляет обширный скотоводческий парк, принадлежащий одной богатой иностранной фамилии.

В силу трактата о торговой взаимности, торговля почти исключительно находится в руках негоциантов Северной Америки; так, в 1896 году вывезено было продуктов архипелага на сумму 15.436.000 доллар., в том числе сахара на 14.932.000 долл.; ввезено иностранных товаров на 7.165.000 долл.; общий оборот внешней торговли составлял, следовательно, 22.601.000 долл., из которых на долю Соединенных Штатов приходилось 20.872.000 долл. Даже с Европою товарообмен совершается при посредстве Соединенных Штатов; благодаря трансконтинентальной железной дороге из Нью-Йорка в Сан-Франциско, путешествие из Парижа в Гонолулу продолжается не более двадцати-пяти дней. Значительное каботажное движение, при посредстве лодок и небольших пароходов, совершается между островами. В 1896 году в Гавайском архипелаге было в приходе 386 судов, с общей вместимостью 447.997 тонн, в отходе 373 судна, в 465.198 тонн. Торговый флот архипелага состоял из 59 судов (из них 26 паровых), с общей вместимостью 29.024 тонн. Кроме того, плантаторы располагают на островах Гавайи и Мауи несколькими железнодорожными линиями для перевозки своих произведений. В 1897 году на Сандвичевых островах было 142 километра жел. дорог. Почтовая служба, телеграфы и телефоны, все эти материальные удобства новейшей цивилизации у островитян Сандвичевых островов находятся в такой мере, которая значительно превышает пользование этими благами у большей части европейских народонаселений. В возрасте более семи лет, нет ни одного туземца—мужчины или женщины,—который бы не умел читать, писать и считать. На Всемирной Парижской Выставке 1878 года Гавайи присуждена была большая премия за распространение первоначального образования. Раса эта—«любознательна», говорит о гавайцах Жюль Реми. Она также горда и свободолюбива. «Воздух нашей страны—свободный», гласит гавайская поговорка.

Самый многолюдный город находится не на Гавайи, самом большом острове архипелага. Хило, главный город этого острова, стоит на северо-восточном берегу, у бухты, широко открытой по направлению к северо-восточному пассату и отчасти заполненной наносами; сахарные плантации в окрестностях уже не раз подвергались опасности быть залитыми лавами, изливающимися со склонов вулкана Мауна-Лоа. Столица острова Мауи, Лахайна, более имеет судоходственных выгод, благодаря её положению на краю пролива, который со стороны открытого моря защищают острова Ланай и Кагулауи: это—порт китоловов, ныне, впрочем, редко посещающих его; кроме того, там же производится значительная торговля земледельческими продуктами, особенно сахаром и отборным виноградом. Часто в этом центральном городе архипелага происходили политические собрания.

Гонолулу, столица острова Оагу и всех Сандвичевых островов, обладает портом, хорошо защищенным от правильных ветров амфитеатром окружающих её гор, а от изменчивых течений из открытого моря—двойною линиею рифов. Открытый в 1791 году одним американским судном, Гонолулу сделался центром архипелага, а прежняя столица, Каилуа, расположенная на западном берегу Гавайи, к северу от той бухты, где был убит Кук, была покинута. Город, разбросанный среди садов на пространстве многих квадратных километров, едва приметен. С моря, виднеются только группы больших деревьев, апельсинные рощи, там

и сям колокольня церквей да фасады дворцов. С востока, прежний вулкан, Diamond-head, гордо доминирует над рейдом; позади города виден другой вулкан, совершенно правильный конус, с полу-шаровидным кратером: это Punch-bowl, «Пуншевая чаша», англичан. Далее виднеется горный проход, чрез который, змеясь, идет дорога с противоположного берега, а на западе пролом в рифе позволяет морским водам высокого прилива проникать на озерную равнину: эти «Жемчужныя» озера суть прежние кратеры и гейзеры, превратившиеся ныне в небольшие бассейны солоноватой воды, загражденные рыбными снастями. Гонолулу—центр главных школ, ученых обществ архипелага, и там издаются почти все английские и канакские газеты Сандвичевых островов. Порт, главная станция американских кораблей в Тихом океане, так глубок, что суда, сидящие в воде менее, чем на 6 метров, причаливают прямо к набережной. Важнейшие города на Сандвичевых островах, с цифрой их населения по переписи 1896 г.; Гонолулу—30.000, Хило—4.000, Лахайна—3.000 жит.

По конституции 1887 года, следовавшей за многими другими, гавайское правительство составляет конституционную монархию. Обе палаты, господ и представителей, избираются одинаково гражданами канакского или иноземного происхождения; но, между тем так избирать в первую могут только собственники, в выборах во вторую участвуют все умеющие читать и писать. Обе палаты, по 24 члена в каждой, заседают вместе, под именем законодательного собрания, и совещаются в присутствии королевского министерства, состоящего из четырех советников, назначаемых королевскою властью. Вооруженные силы состоят из 476 человек, офицеров и солдат. Бюджет Гавайского архипелага в 1897 году: приход—11.537.500; расход—9.725.000 фр.; государственный долг (в конце 1897 г.)—22.250.000 фр.

Оффициальный язык всё ещё канакский, но его заменяет постепенно английский. Школы устроены по образцу соответственных американских; книги, даваемые в руки детей,—американские; меры и монеты—тоже американские. В действительности Сандвичевы острова составляют провинцию соседней республики. Если они уже давно не присоединены к Соединенным Штатам, то это лишь потому, что в прежнее время, когда американская нация не составляла ещё первоклассной державы, какою является ныне, её дипломаты и миссионеры не могли восторжествовать над противодействием Великобритании и Франции. Теперь этого препятствия уже не существует, но американцы, не боящиеся нападения в своей громадной территории, избегают создавать себе уязвимые пункты вне её[1], и учреждение морской станции для больших судоходных линий их пакетботов достаточно для обеспечения тех торговых выгод, которых они домогаются; к тому же именитые люди на Сандвичевых островах, хотя почти все американцы, тем не менее имеют интересы, противоположные интересам своих соотечественников. Между тем, как соперничество белых рабочих привело к изгнанию из Калифорнии китайцев, крупные гавайские собственники желают продолжать беспрепятственно получать нужные «рабочия руки» из Небесной империи. В демократической республике, мастеровые хотят господствовать над рынком заработной платы; на феодальном же архипелаге, правящий класс желает располагать если не рабами, то по крайней мере дисциплинированными рабочими. Такова причина сохранения того, что называют, по легальной фикции, политическою независимостью Гавайского архипелага. *В 1894 г. в этом архипелаге была провозглашена республика и введена конституция, по которой законодательное собрание состоит из сената и палаты депутатов, а президент избирается на 6 лет. В 1897 г. Соединенные Штаты Сев. Америки присоединили Сандвичевы острова к своим владениям.*

В нижеследующей таблице перечислены Гавайские острова с показанием их пространства, по Бэму и Вагнеру, и цифры населения. Архипелаг разделен на четыре провинции:

Провинции	Острова	Пространство	Населенность в 1897 г.	На 1 кв. килом.
Гавайи	Гавайи	16.496 кв. кил.	116.000 жит.	6,5 жит.
Мауи	Мауи	1.268 „		
	Калухани	143 „		
	Ланай	301 „		

1 C. de Varigny, „Revue politique et litteraire“, 30 juillet 1887.

Провинции	Острова	Пространство	Населенность в 1897 г.	На 1 кв. килом.
	Молокай	491 „		
Оагу	Оагу	1.680 „		
Кауай	Кауай	1.418 „		
	Ниихау и Каула	289 „		

Западные островки, в общем имеющие поверхность в 62 квадр. километра, необитаемы.

КОНЕЦ XIV ТОМА

Оглавление четырнадцатого тома

Глава I. Океанское полушарие....3
Глава II Острова Индийского океана....34
I. Сокотра....34
II. Мадагаскар....37
III. Коморские острова....70
IV. Амирантские и Сейшельские острова....77
V. Маскаренские острова....80
I. Общий взгляд....80
II. Остров св. Маврикия....88
III. Остров Реюньон или Соединения....91
IV. Остров Родригес....100
V. Острова Килинг....101
VI. Острова Амстердам и св. Павла....102
VII. Южные острова....104
Глава III Инсулинд....108
I. Общий взгляд....108
II. Суматра и острова западного моря....122
III. Зондские острова и архипелаги между Суматрою и Борнео....150
IV. Борнео....155
Голландский Борнео....170
Султанат Бруней и Английский Борнео....173
V. Ява и Мадура....179
VI. Бали....226
VII. Ломбок....232
VIII. Сумбава....234
IX. Флорес, архипелаги Солор и Аллор....236
X. Сумба....238
XI. Тимор и архипелаг Ротти....240
XII. „Юго-западные“ острова....246
XIII. Острова „Юго-Восточные“, архипелаги Тенимбер и Кей....248
XIV. Целебес и соседние острова....251
XV. Южные Молуккские острова....263
XVI. Северные Молуккские острова....273
Глава IV. Филиппинские острова....280
I. Общий взгляд....280
Глава V. Микронезия....313
I. Марианские острова....313
II. Острова Палаосские....316
III. Каролинские острова....321
Восточная Микронезия....327
Глава VI Папуазия....333
Глава VII Меланезия....349
I. Острова Адмиралтейства, архипелаг Бисмарка, острова Соломоновы....349
II. Архипелаг Санта-Круц и Ново-Гебридские острова....359
III. Французская Меланезия, Новая Каледония и острова Законности....364
Глава VIII. Австралия и Тасмания....376
Общий взгляд....376
II Западная Австралия (West-Australia)....407
III. Южная Австралия (South Australia)....409
IV. Квинсленд (Queensland)....411
V. Новый Южный Валлис или Уэльс (New South Wales)....414
VI. Виктория....418
VII Тасмания....420
Глава IX Новая Зеландия и соседние архипелаги....422
Глава X Острова Фиджи....445
Глава XI Экваториальная Полинезия....455
Глава XII Гавайский архипелаг или Сандвичевы острова....482